Мультатули Зеков
(Абрам Гелих)

Том II / Часть 3
История развития социализма в Государстве Тмутараканском и летопись населяющих его племен: вохров, зеков, эспов, вээнов и кахов

Бар-Илан
2019 год

Глава IX
О бюрократизме

Одно из блестящих достижений великой вохровской революции – немедленное создание разветвленного бюрократического аппарата. По мере перманентной «борьбы» вохровской власти с порожденным ею же вохровским бюрократизмом последний непрерывно видоизменялся. Синтезом непревзойденного вохровского бюрократизма с экономической системой, лишенной традиционных экономических регуляторов, стала описанная в первом томе уникальная экономическая система, подчиняющая законом энтропии.

Наряду с «энтропийным» экономическим механизмом вохровской бюрократизм способствовал созданию переменной во времени железной политической схемы, в которой общественное мнение было заменено Темкинскими деревнями. Эта политическая схема достигла значительного совершенства. Преимущества этой вохровской бюрократической системы особенно ярко проявились после смерти великого Виссарионова.

Однако прежде чем приступить к анализу вохровских бюрократических схем, рассмотрим, как различные источники трактуют вопрос о бюрократизме и его зарождении.

I. Энциклопедия Брокгауз и Ефрон, изд. 1891 г. старой эры, о бюрократизме

«Дословно Б. обозначает – господство канцелярии.

Вообще под этим словом разумеют то направление, которое применяет государственное управление в странах, где все дела сосредоточены в руках органов центральной правительственной власти, действующей по предписанию (начальства).

Под бюрократией разумеют класс, резко выделенный из остального общества и состоящий из этих агентов правительственной власти.

С упадком и вырождением местных корпораций, союзов и сословий появились новые задачи управления, круг деятельности государственной власти расширялся непрерывно, пока не сложилось полицейское государство, в котором все отправления жизни, духовные и материальные, одинаково подчинялись опеке государственной власти.

В полицейском государстве Б. достигает наивысшего развития. При таком характере управления правительственные органы обыкновенно впадают в формализм. Благодаря своей значительной численности и сознанию своего могущества чиновничество начинает занимать особое исключительное положение. Дают себя чувствовать невыгодные стороны подобного административного строя:

1. Общественные дела, требующие вмешательства государства, ведутся чаще дурно, чем хорошо,

2. Управляемые должны терпеть вмешательство власти в такие отношения, где в этом нет надобности,

3. Соприкосновение с органами власти редко обходится без того, чтобы не страдало личное достоинство обывателя.

Сосредоточением Б. являются обыкновенно органы полицейской власти.

Бюрократизм отличается от здорового строя администрации тем, что при последнем форма соблюдается ради дела и в случае нужды приносится в жертву делу, тогда как Б. соблюдает форму ради нее самой и ей приносит в жертву существо дела. Подчиненные органы власти видят свою задачу не в том, чтобы с пользой действовать в указанных ею пределах, а в том, чтобы исполнять требования, предъявляемые свыше, то есть отписаться, выполнить ряд предписанных формальностей и тем удовлетворить

высшее начальство. Административная власть сводится к письмоводству. А так как бумажное наполнение никогда не встречает препятствий, то высшее правительство привыкает ставить своим местным органам требования фактически невыполнимые. В результате получается полный разлад между бумагой и действительностью.

Другая отличительная черта Б. заключается в отчужденности чиновничества от остального населения, в его кастовой исключительности. Существование Б. не связано с определенной формой правления: оно возможно в государствах монархических и конституционных. Побороть Б. крайне трудно. Даже конституционные гарантии здесь бессильны, ибо никакое конституционное собрание само не управляет.

Децентрализация и самоуправление – единственное средство к ослаблению бюрократизма.

В Государстве Тмутараканском «собирание скифской земли» необходимо требовало централизации в управлении, а централизация порождала Б.

На западе бюрократия набиралась из средних классов, а в Государстве Тмутараканском дворянство вышло из бюрократической среды и было сословием по преимуществу служилым».

2. Энциклопедия «Гранат», изд. 1 г. до в.в.э., о Б.

«Бюрократизм – термин, употребляющийся для обозначения особого административного строя, который характеризуется своей полной оторванностью от жизни и навязыванием обществу принципов управления, чуждых его действительным интересам. Не всякий административный строй, в котором ту или иную роль играет чиновничество, может быть поэтому назван бюрократическим.

С Б. имеют дело тогда, когда административные принципы, осуществляемые правительством при посредстве послушной армии чиновничества, проводятся помимо воли и участия народа.

Наиболее типичным бюрократическим государством является полицейская монархия[i].

В правовом государстве действуют в той или иной мере условия, мешающие чиновничеству и административным органам вообще осуществлять принципы, отличные от диктуемых интересами народа. Эти условия: во-первых, ответственность должностных лиц перед органами народных интересов, перед парламентом и независимым судом, и, во-вторых, деятельное участие общественных элементов, облеченных доверием местных групп и организаций, в различные моменты осуществления обществом власти.

Первое условие ограничивает размеры бюрократической власти, второе – самые бюрократические кадры.

Лучше всего эти условия осуществлены в Саксии.

Живучей Б. делает то, что она – общественная группа, легко приспособляющаяся ко всякого рода новым порядкам. Она на той стороне, на которой больше силы.

Б. понимает, что чем энергичнее классовая борьба в государстве, тем шире для нее путь к власти. И тот принцип, который блестел над колыбелью европейского абсолютизма – divide et impera – теперь красуется на знамени Б».

Б. эластична и потому беспринципна. Беспринципность везде и всегда является наиболее типичной особенностью Б.

Б. не боится ни демократических учреждений, ни республиканской формы. В новейшее время Б. приобрела одну новую черту. Она сделалась в большей или меньшей степени партийной. В Галлии смена министерства влечет довольно существенные изменения в составе бюрократической массы. Наиболее классической страной партийной бюрократии является Колумбовия. Появление на прези-

i Автор статьи в энциклопедии «Гранат» даже при наличии необузданной фантазии не смог бы предвидеть, что всего через года два возникнет идеальное сверхбюрократическое, архиполицейское, вохровское государство (прим. автора).

дентском посту лица другой, чем прежде, партии, влечет обыкновенно полное обновление чиновнического состава и замещение всех правительственных постов ставленниками новой партии[i].

В государстве, где конституционный порядок не существует или существует лишь по форме, для Б. нет причин делиться на партии. Она в союзе с господствующими элементами, тесном и непрерывном. Именно здесь, вполне обеспеченная от случайностей, не угрожаемая никакими переменами Б. развертывает в полной мере свои особенности.[ii, (iii]…

Главная ее забота в этих условиях – обеспечить всем своим членам свободу от контрольных независимых органов общественного мнения: нормальных и общих судов, особенно суда присяжных. Там, где конституция была результатом решительной победы народной силы, введена ответственность министров, существует и парламентаризм. Там, где победа была неполная, парламентская ответственность министров не признается. То же и с ответственностью должностных лиц вообще. Половинчатая конституция возводит в принцип то положение, что привлечь к ответственности чиновника можно только с разрешения его начальства. В конституционных государствах дуалистического типа (Эстерия, Госуд. Тмутараканское и др.) принцип неподсудности должностных лиц без санкции их начальства если и не провозглашается открыто, то соблюдается очень тщательно. Исключения допускаются только для мелких сошек; Это жертва, которую Б. приносит общественному мнению и идее справедливости.

Между тем история и повседневная административная практика свидетельствует, что худшего способа управления государством, чем бюрократический, не существует и едва ли может существовать. В настоящее время сделалось обычным требовать от чиновника высшего образовательного ценза. Но и высшее образование, особенно то формальное высшее образование, которое дается в гуннских университетах и в их копии – скифских, не снабжает будущих чиновников необходимым для них знанием жизни. При полном отсутствии самостоятельности Б. скоро приобретает привычку действовать согласно с «видами» высшего начальства. Необходимость скрывать взгляды и убеждения, раз они с этими «видами» расходятся, скоро отнимают даже у наиболее передового элемента всякое увлечение работой и делает его послушным исполнителем предписаний свыше. С другой стороны, беспринципная деятельность лишает Б. идейных целей и делает доминирующим импульсом работы карьеризм, стремление добраться до чинов, лучше оплачиваемых, и обеспечить старость крупной пенсией. У менее порядочных эти же особенности Б. развивают взяточничество и другие служебные преступления. Из мнимо конституционных стран только одна Гунния до известной степени могла выработать Б., пользующейся репутацией неподкупности.

Даже в конституционных по форме странах (в Гуннии, Эстерии) чиновничество более или менее самовластно распоряжается судьбами страны. Оно не считается с волей представительных учреждений, ибо у последних нет в руках действенного оружия борьбы против Б. И, если при сложившемся в настоящее время административном укладе, абсолютизм, как принцип отрицания народного представительства, самоуправления, независимого суда и свободного общественного мнения, по необходимости превращается в бюрократическую олигархию, то и мнимо-конституционные монархи обнаруживают неудержимую тенденцию сделаться тем же. Борьба с Б. требует не только демократических учреждений в центре, но в такой же мере широкого местного управления, при которых функции власти на ме-

i В противоположность «лжедемократическим» странам загнивающего капитализма, в Государстве Тмутараканском после великой вохровской революции не было ни многопартийной, ни двухпартийной, ни однопартийной системы – там господствовала благодетельная малочисленная олигархия, сокращающаяся иногда до одного олигарха, и бюрократическая масса в основном не менялась. Правда, при тридцатилетнем царствование семинариста, могущественный олигарх периодически истреблял «партийную», полицейскую, военную и хозяйственную Б. А после смерти семинариста, во время драки за власть были истреблены значительные массы Б. из тайной полиции во главе министром тайной полиции. При свержении великого Никитова основная масса Б. и вовсе не была затронута (прим. автора).

ii Все подчеркивания в книге выполнены автором, если не указано иное.

iii Автор статьи в энциклопедии «Гранат» почти оказался пророком. Ведь все это написано до великой вохровской революции. Все же фантазия автора оказалась ограниченной. Он не мог представить, какова абсолютная, железная, вохровская бюрократия, состоящая из совокупности отдельных бюрократических схем, возглавляемых неизменной, разветвленной, мало меняющейся «партийной» бюрократической схемой, которую в свою очередь возглавляла переменная малочисленная олигархия (прим. автора).

стах изымаются из рук чиновников и передаются выборным и независимым общественным органам. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует пример Саксии, единственной страны, совершенно не тронутой бюрократическим завоеванием. Попытки заставить Б. отказаться от своего влиятельного положения атаками в центре не приводит ни к чему, ибо, как показывает история, Б. всегда умеет приспособиться к новым условиям путем незначительных уступок».

Так представляли себе бюрократию в далекие, доисторические, довохровские, идиллические времена. В беспримерно жестокие царские времена еще существовал самый настоящий суд присяжных заседателей, о котором вохровские люди имеют весьма смутное представление по романам Толстого. В те времена газеты и цензура не были еще объединены в одно бюрократическое ведомство и были антагонистами. Неоднократно газеты выходили с белыми ранами, нанесенными цензурой. В те времена существовало еще какое-то общественное мнение. В те доисторические времена существовали еще писатели, которые не были чиновниками, которые могли обидеть собственным мнением, отличным от мнения олигархической верхушки всемогущей бюрократической машины, и могли даже живописать то, что они видят и как видят. В те далекие довохровские времена еще не существовал всепроникающий во все поры жизни всемогущий и самоуправляющийся вохровский бюрократизм. Как же возник и развился этот великолепный вохровский бюрократизм?

Пусть об этом свидетельствуют сперва сами вохровские деятели.

3. Вохровские деятели о бюрократизме

История великого Государства Тмутараканского, в период после великой вохровской революции заполнена ожесточенной борьбой с бюрократией. В течение полувека мир мог наблюдать невиданное, великолепное зрелище жестокой борьбы вохровской системы с … вохровской системой. Это было поистине потрясающее зрелище.

В самом начале великой вохровской революции ее вожди весьма наивно и смутно представляли себе борьбу с бюрократией. Считалось, что бюрократизм унаследован от прошлой царской власти и персонажи Темкинских деревень – «рабочие и крестьяне», о которых великие вохровские вожди многократно упоминали, еще, может быть, не ведая, что это весьма отвлеченные персонажи, выкинут этот б. в окно на свалку. Еще на заре революции величайший, наивный и близорукий Ильичев говорил[i]:

«Жалобы по поводу бюрократизма раздаются давно,(!) жалобы несомненно основательные. Тот аппарат, который насквозь был бюрократическим и буржуазно-угнетательским… мы его уничтожили до основания… Гунния, по-видимому, переживет это легче, потому что у нее бюрократический аппарат прошел большую школу, где выжимают все соки, но где заставляют делать дело, а не просиживать кресла, как это делают в наших канцеляриях… Этот старый бюрократический элемент мы переворошили, разогнали и затем начали снова ставить на новые места. Царские бюрократы стали переходить в вохровские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в вохровцев и для большой успешности карьеры доставать членский билет вохровской партии. Таким образом, их прогнали в двери, они влезают в окно. Бороться с бюрократией до конца, до полной победы над ней можно только тогда, когда все население будет участвовать в управлении. Бюрократию можно потеснить только организацией пролетариата(!!) и крестьянства в гораздо более широком размере, чем до сих пор наряду с действительным проведением мер по привлечению рабочих к управлению». (!)

На десятом съезде в марте 5 г. в.в.э. великий Ильичев признает, что бюрократизм не просто, как грипп, занесен бациллоносителями из царских канцелярий, а «бюрократизм получил значение такой болячки(!), что о нем говорит наша партийная программа»[ii]. Далее он говорит[iii]: «Задача борьбы с бюрократизмом в нашей партии поставлена как работа чрезвычайная длительная». Но уже через год на XI съезде, в 6 г. в.в.э., великий Ильичев, хоть и отмечает полную непригодность вохровского аппарата и попутно признает провал коммунистического эксперимента, он в припадке оптимизма приходит в

i Стенограмма 8 съезда, март 3 г. в.в.э., речь Ильичева, стр. 61, 62.
ii Стенограмма X съезда, 5 г. в.в.э., речь Ильичева, стр. 34.
iii То же, стр. 122.

восторг от своего нового генерального изобретения – «гвоздя положения». Он заявляет[i]: «У нас 18 наркоматов – из них не менее 15-ти никуда не годны… Надо сознать и не бояться сознаться, что ответственные коммунисты, в 99 случаях из 100 не на то поставлены, к чему они сейчас пригодны (!)… Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но он создан, величайшее историческое изобретение сделано (!!!)… Прямого коммунистического распределение мы ввести не могли(!!)…

… Гвоздь для всей работы – это в подборе людей и в проверке исполнения».(!!)

Итак, величайший из великих мыслителей, вождь всего прогрессивного человечества отныне и во веки веков, кроме «великого исторического изобретения» – вохровского бюрократического аппарата и военного коммунизма, в провале которого после истребления 20 миллионов людей он успел сознаться, запатентовал еще два великих изобретения, которые еще и поныне используется переменными великими вохровскими вождями: 1) подбор людей и 2) проверка исполнения. Если великие вохровские вожди будут умело подбирать людей и проверять исполнение своих мудрых распоряжений – светлое царство коммунизма наступит «беспременно» и быстро.

Другой великий вохровский вождь Лейбов еще в 4 г. в.в.э. был настолько проницателен, что понял: бюрократизм заложен в самой структуре вохровских учреждений. Он говорил: «В области применения первой Трудовой армии на Большом Камне я убедился, что вопрос о волоките и бюрократизме в области нашего хозяйства не сводятся вовсе к борьбе с отдельными бюрократами, с бюрократическими навыками каких-либо спецов… На самом деле вся беда заключается в том, что бюрократизм и волокита заложены в самой структуре наших учреждений(!)[ii]… Наша промышленность сгруппирована в 50 главках и центрах. В первый период существования вохровского хозяйства наши главки и центры имели синдикалистский характер. Они распределяли продукты не те, которые производились, а то, что осталось от прошлого. Чем дальше, тем больше они принимали характер трестов и организовывали, нормировали, пытались подчинить себе это производство. Возвысившись рядом друг с другом, эти 50 главков, и сейчас охватывающие все основные отрасли нашего хозяйства, на вершине соединяются в трест трестов в ВСНХ…

… Главк, который не может разобраться, ориентироваться, какой вопрос выделить на месте и что надо, чтобы спасти положение, по общему правилу молчит, чтобы не сказать неудобные вещи… В том виде, как это было, это дальше длиться не может… Мы сделали первый шаг вперед, расширили самостоятельность местных учреждений… У нас существует система особоуполномоченных… Думаю, эту касту надо отдать в музей и показывать, при помощи каких орудий вохровская власть пыталась насаждать централизм(!)… Как только открывается новая неисследованная территория, в виде Кучумии, Большого Камня, сейчас же каждое уважающее себя ведомство посылает туда своих уполномоченных. Этот уполномоченный, как только приезжает, отрывается от центра… Вдогонку ему посылается второй уполномоченный, который, приезжая, довольно энергично мешает в работе первому. Заводится склока, и они не имеют никакой возможности снестись с центром…

Я знаю, что товарищи, сочувствующие мне, являются двух умозаключений: одни относятся к уполномоченным с точки зрения мест – нельзя ли как-нибудь централизм побоку, а другие смотрят с более высокого централизма, который должен сменить нынешнюю главкократию, от которой мы гибнем и страдаем, которая является особой исторической формой бюрократизма, в которой есть типические черты капиталистического централизма в виде треста. Эта переходная форма вынуждает нас бороться против б., но на самом деле, пока мы не сделаем аппарат более гибким, мы решительно никакого успеха в борьбе с б. иметь не сможем. … Нужно, чтобы ВСНХ вместо уполномоченных, которые догоняют друг друга, имел на Большом Камне свое представительство, помимо которого никакой особоуполномоченный не поднимал бы хаоса и чтобы представитель ВСНХ был бы связан с представителем Наркомпрода, Наркомзема».

Далее Лейбов говорит об особом виде бюрократизма – «иерархии секретарей»[iii]:

i Стенограмма 11 съезда, 6 г. в.в.э., стр. 39-44.
ii Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Лейбова, стр. 103.
iii Лейбов, «Новый курс».

«Кризис партии объединяется созданной для массы членов невозможностью обмениваться своим мнением, оказывать влияние на управление, принимать действенное участие в делах и что невозможность эта вызвана наличием в партии внутреннего бюрократизма, характерным признаком чего служит существование, целой «иерархии секретарей» – не избранных, а назначенных сверху».

Особое негодование властвующих партийных боссов на 13 съезде, в 8 г. в.в.э. вызвали следующие откровения вохровского вождя Лейбова[i]:

«Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических перемен, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко все бóльшему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, – всей остальной партийной массе, как объекту воздействия… Мы часто … говорим о господствующем классе, «вернее 10 тысячах» в Государстве Тмутараканском, мы говорили при царе – 130 тысяч помещиков…

Было бы смешной и недостойной политикой страуса не понимать или не замечать, что сформулированное резолюцией ЦК обвинение в бюрократизме – есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии. Дело не в отдельных уклонениях партийной практики от правильной идеальной миссии, а именно в аппаратном курсе, в его бюрократической тенденции. Заключает ли в себе б. опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность отрицать. Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, то есть бóльшим или меньшим оппортунистическим предложением старшего поколения, по крайней мере, значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно и обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное карлсистское предвидение, какое то «оскорбление», «покушение» и пр. можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии».

По существу, высказывание Лейбова не является «предвидением», а довольно истинной картиной бюрократизации вохровского партийного аппарата к началу царствования великого семинариста.

Достаточно объективно подходит к вопросу о возникновении вохровского бюрократизма один из виднейших вохровских деятелей культурный Пчелинский, впоследствии уничтоженным великим семинаристом:

«В нашу партпрограмму включен пункт, который говорит о борьбе с бюрократизмом… У нас масса вопросов решается путем записок различных комиссаров. На этой почве … развивается система решения единоличным путем и личного ведения дел. Отсюда возникает целая система неправильностей, которая приводит к тому, что у нас усиленным образом развивается покровительство близким людям, протекционизм и параллельно – злоупотребления, взяточничество; и, в конце концов, особенно в провинции, нашими ответственными, иногда партийными, работниками чинятся явные безобразия. В настоящее время старые партийные работники создали целый чиновничий аппарат, построенный, в сущности говоря, по старому образцу. У нас создалась чиновничья иерархия. Когда мы выставляли в начале революции требования государства-коммуны, то в это требование входили следующие положения: все чиновники должны быть выборными и должны быть ответственными перед выборными учреждениями.

У нас теперь получилось фактически такое положение, когда низший чиновник, действующий в губернии или уезде и ответственный перед своим комиссариатом, в большинстве случаев ни перед кем не ответственен. Этим в значительной степени объясняются безобразия, которые производят люди с «мандатами». На этой почве и развивается произвол, замечается крайнее развитие канцелярщины. Собираются целые группы людей, которые ничего не делают. И если нашей программой является дешевое правительство, то в настоящее время можно сказать, что наша правительственная машина в высшей степени дорога. Имеется масса лишних должностей, они все время оплачиваются, и люди, которые числятся по этим штатам, в значительной степени ничего не делают, едят даром хлеб и лишь увеличивают канцелярщину, волокиту. Проект программы объясняет это двумя обстоятельствами:

i Стенограмма 13 съезда, 8 г. в.в.э., речь Родомыслова, стр. 252.

1. слой передовых рабочих очень тонок и 2. приходится пользоваться составом старых работников прежнего царского аппарата…

… Мы должны привлечь к законодательной, исполнительной, контролирующей работе, по крайней мере, всю массу пролетарского авангарда, если не весь рабочий класс в целом, (!) если не всю массу рабочих и крестьян. Надо принять ряд специальных мер против возрождения бюрократии, (!) начинать с самых верхушек … в верхушках существует невероятный параллелизм. Надо прежде всего слить СНК с президиумом ЦИК… Некоторые члены коллегии (в ВСНХ) заявляют, что они превратились в редакционную комиссию. Не управляют страной, а рассматривают декреты и разрешают междуведомственные трения[i].

Единого правительства, которое руководит политикой в целом, у нас не существует. В начале революции у нас положение было таково, что у нас правительство было настоящим правительством…

В целях установления действительной ответственности должностных лиц и предоставления населению действительной возможности преследовать должностных лиц, нарушающих декреты и совершающих злоупотребления, при всех исполкомах учреждаются особые административно-судебные отделы. Коллегии отделов избираются съездами, и члены их не могут состоять членами других отделов. Эти отделы имеют право по жалобам населения отменять неправомерные распоряжения должностных лиц, совершивших правонарушение и предавать их суду[ii]...

… Возрождение бюрократизма объясняется также в том, … что законодательные полномочия в нашей Республике все более концентрируются в исполкомах или даже в руках отдельных лиц с неограниченными полномочиями… По учению буржуазных правоведов соединение властей ведет к произволу. Но это имело значение только для буржуазной демократии. В рабочей и крестьянской демократии законодательные и исполнительные полномочия могут быть объединены, ибо, если сам трудовой народ держит в своих руках всю власть, (!) то произвол, возникающий из соединения властей, будет «произволом» над самим собой и такой «произвол», как известно, никого не пугает. Но все это может считаться правильным лишь при одном предположении: если власть соединяется в руках выборных коллегий, как в первое время у нас и было… Но в известный период возникла и окрепла другая тенденция: собирание полномочий в руках очень узких ячеек, только исполнительных органов и даже отдельных лиц.(!) Если в этом отношении переступить известную грань, если допустить излишнюю для данного момента концентрацию полномочий, … это должно привести к развитию личных приемов в политике и к бюрократизму[iii]…

Всякий человек слаб, отсутствие гласного контроля и товарищеского надзора приводит к тому, что человек развращается. Таких последствий не получается в том случае, если грань не перейдена и если чрезвычайные обстоятельства, чрезвычайное напряжение сил предохраняют от бюрократической заразы. И тут надо отметить, что у нас грань концентрации полномочий все же была перейдена. Как раз тогда, когда необходимость в этом стала ослабевать, у нас началось развитие личной политики и бюрократизма.

… В этом отношении политику надо изменить. И если мы ее не изменим, то вредных последствий будет чем дальше, тем больше… Можем ли мы, делая шаги по направлению к форме пролетарской демократии от военной формы государственной организации, расширить избирательное право, на-

---

i Стенограмма 8 съезда, март 3 г. в.в.э., речь Пчелинского, стр. 187-222.

ii Благие пожелания Пчелинцева остались благими пожеланиями. Прошло с тех пор почти полвека. Высшие и средние вохровские чиновники за свои преступления перед народом «отвечают» только в унифицированной вохровской «литературе» и «печати». Великий семинарист и его многочисленные вохровские подручные так и остались безнаказанными за чудовищные убийства десятков миллионов безвинных людей. Только впоследствии, когда ничтожное число оставшихся в живых были реабилитированы, какие-то чиновники из тайной полиции понесли какое-то наказание. Но и это было строго засекречено полицией великого Никитова (прим. автора).

iii Уже через полтора года после великой вохровской революции проницательный Пчелинский (а кому лучше знать, чем ему) констатирует «собирание полномочий в руках только исполнительных органов и даже отдельных лиц», которые экпроприировали эти полномочия от «трудового народа» и тем самым был узаконен произвол. Фактически же произвол был узаконен значительно ранее, когда Ильичев штыками разогнал свободно избранное Учредительное собрание (прим. автора).

чать регулярные перевыборы Советов, предоставить мелкобуржуазным партиям[i] полную свободу в печати? Нет, ни в коем случае, пока не можем… Но что необходимо делать – это втянуть в работу весь пролетарский авангард. Радомыслов тоже говорил об этом. Но он подразумевал при этом, что пролетариев надо учить быть исполнителями, их надо пропустить через наш аппарат для того, чтобы получить новых надежных чиновников.

Нужно, чтобы представители пролетарского авангарда учились обсуждать, а не только исполнять…

… Исполкомы должны быть агентами центральной власти, коллективными губернаторами. Дела же местного значения, которые нужно точно отсортировать, они должны иметь полное право решать без вмешательства из центра. Если мы разграничим полномочия вполне определенно, тогда эти распри прекратятся. В буржуазном государстве мы находим ясное разграничение полномочий. Ведь и там была необходимость в сильной централизации власти… Но буржуазные государства – особенно наиболее развитые из них – признавали широкое развитие самоуправления. Ясное дело, что нельзя решать вопрос ни огульной централизации, ни огульной децентрализации. И то и другое – просто политическая безграмотность. Местные чиновники должны быть подчинены местным исполкомам. Исполком сам должен быть коллективным чиновником. В государственных делах он целиком ответственен перед центральной властью…

Выставляемый против нас лозунг «долой комиссародержавие» доказывает, что хотя мы и победили своих врагов, но не можем пока победить самих себя…

Я утверждаю, что гражданская война вступила в новую фазу, ибо теперешние возмущения не прежние белогвардейские выступления на почве голода или на почве того, что наши собственные комиссары нередко безобразничают…

Мы думаем, что президиуму ЦИК, который конституцией не предусмотрен, вообще существовать совершенно незачем. В местных советах вы видите, что исполкомы прекрасно выполняют функции президиума. Мы считаем, что было бы желательно составлять ЦИК из работников Центральных профсоюзных и культурно-просветительных организаций. В Пленуме ЦИК декреты нередко рассматриваются таким образом: Президиум приносит декрет, выступает докладчик, а потом 2-3 оратора, чтобы доказать, что есть заседание, а затем члены ЦИК поднимают руки вверх и декрет принят...

… Позвольте сослаться на тезисы Радомыслова. Там есть то же самое. Есть Политбюро, которое разрешает все спорные вопросы. Пленарное заседание ЦК собирается только 2 раза в месяц и, как это осторожно сказано у Радомыслова, обсуждает вопросы общей политики… Значит даже Пленум ЦК только обсуждает. (!) Получается такая вещь, что это политбюро из 5 человек как раз и решает главные вопросы, а пленарное заседание собирается для общих разговоров, для обсуждения, и не 8 членов ЦК, а целых 14 попадают в положение членов II разряда». (!)»[ii]

Один из видных деятелей рабочей оппозиции Кашкатников в раннюю эпоху великой вохровской революции считал бюрократизм величайшим злом. Он говорил[iii]: «Рабочие видят, что плоды их трудов пропадают благодаря той бюрократической системе, которую мы усвоили за 3,5 года нашей хозяйственной политики».

В тезисах «Рабочей оппозиции» отмечается[iv]:

«Система и методы строительства, опирающиеся на громоздкую бюрократическую систему, исключают всякую творческую инициативу и самодеятельность организованных в союзы производителей. Эта система проведения хозяйственной политики бюрократическим путем через головы организованных производителей, по линии чиновников, назначенцев, сомнительных спецов породила двойственность в управлении и влечет за собой постоянные конфликты…

i Пчелинский имел в виду меньшевиков и эсеров.

ii Все разговоры Пчелинского остались разговорами. Резолюция Радомыслова, т.е., Политбюро, была принята всем «съездом» – так было даже на заре вохровской революции (прим. автора).

iii Стенограмма X съезда, 5 г. в.в.э., речь Кашкатникова, стр. 362.

iv То же, стр. 685.

Существующий ныне бюрократический подход к хозяйственному строительству препятствуют достижению максимальных производственных результатов, что вносит разлад, недоверие и разложение в ряды рабочих».

Соратник Кашкатникова Волков в оглашенной им резолюции[i] подтверждает, что «ЦК не проводил действительных мер борьбы с разъедающим весь наш вохровский аппарат бюрократизмом, возмущающим широкие массы рабочих и беднейшего крестьянства».

Один из теоретиков оппозиции Переделкинский, смотрит в корень вещей[ii]:

«Каждый работник на местах видит, что у нас все решительно обюрокрачивается. Это неизбежно… Я слышал много от профессионалистов, как они говорили: «Мы думали, что, по крайней мере, в Центральном Совете профсоюзов нет бюрократизма».Обюрокрачивается все решительно, но почему? Мы живем в состоянии гражданской войны, еще не законченной, и здесь обюрокрачивание целого ряда наших учреждений, не исключая и ЦК нашей партии, совершенно неизбежно, потому что работа, которую предстоит проделать, неизмеримо велика для тех сил, которые мы имеем. В этом отношении мы будем пробовать те или иные способы, которые смягчают зло, но разрешить его радикально нет возможности. Мы должны помнить, что в нашей программе стоит пункт, который мы постараемся осуществить как можно скорее – отмена всякого государства. Вот радикальное решение вопроса. Бюрократизм есть, и при той колоссальной работе, которая имеется, и при сравнительном тонком слое работников партии он еще не выбит (!) из позиции, проглядывает всюду. Бюрократизм есть, и в этом отношении всетмутараканский масштаб от масштаба губернского отличается только величиной, но не по существу… Те, которые бьют ЦК с этой стороны, побиты сами на губконференции, потому что им до приезда сюда там приходилось выслушивать очень много обвинений…

Я принадлежу к числу тех, которые очень и очень много ошибок видели и видят. Приходится констатировать следующий факт: что ЦК в лице наиболее ответственных товарищей, перегруженных колоссальным количеством дел и ответственных дел, где от решения зависит судьба миллионов, миллиардов вохриков и часто тысяч, десятков тысяч жизней, не в состоянии с этой работой справиться… Я другого выхода не вижу… чтобы ЦК не был безруким, он должен произвести некоторую децентрализацию партийной власти. Если мы этого не сделаем, то работа ЦК, независимо от его состава и помимо его воли, будет неудовлетворительна».

В настоящее время, спустя почти полвека, можно только удивляться наивности и недальновидности вохровских вождей – организаторов «химически-чистой» бюрократической системы. Один из ведущих вохровских вождей Радомыслов спустя 1,5 года после великой вохровской революции полагал, что через несколько месяцев можно будет многое упростить, а через 5 лет создать идеальный аппарат. (!) Он говорил[iii]:

«Действительно нельзя скрывать того факта, что местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом. Человек в кожаной куртке, как говорили в Мерпе, в народе стал ненавистным. Скрывать это было бы смешно, надо смотреть правде в глаза. Разве вы не читали в елизаветградских газетах, что на другой день после того, как в этом городе вохры взяли власть от пелтюровцев, в течение 4,5 часов высказывались 17 ораторов: обсуждали вопрос: бить или не бить «жидов», и большинством голосов решили, что лучше пока не бить…

Товарищи, скажем правду, из кого состоит ЦИК? Он состоит в громадном большинстве из комиссаров, из членов коллегий, из их заместителей, и членов комитетов, из товарищей, которые редко-редко бывают где-нибудь в провинции, в широких кругах рабочих, в гуще жизни. Это не их вина, их назначил ЦК нашей партии. (!) Это была наша ошибка… Если назвать нынешних членов ЦИК чиновниками, это будет более или менее близко к истине… Состав ЦИК надо изменить … более того, не дожидаясь съезда Советов, мы можем начать эту работу…

i То же, стр. 136.
ii Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Переделкинского, стр. 67, 68.
iii Стенограмма VIII съезда, 3 г. в.в.э., речь Радомыслова, стр. 220-224.

Предполагается, что во главе социалистического контроля станет член ЦК Виссарионов … Аппарат надо упростить. Громоздкость и дороговизну его надо упразднить… Через 5 лет мы будем удивляться, каким образом могла существовать такая сложная хоромина, что им черт ногу сломит… Комиссия сидит на комиссии, отделы на отделах и т.д. …

Если мы привлечем лучшие силы партработников из профсоюзов и крестьян, которые не заражены, не искушены всей нашей конституционной вермишелью, не читали без пользы ни одного учебника конституционного права, – тогда мы в течение нескольких месяцев многое упростим(!) и построим несравненно более дешевый аппарат, чем тот, который мы имеем сейчас».

Впоследствии великий Ильичев создал Рабоче-Крестьянскую инспекцию. По свидетельству Сергодзе, он, ставя задачу борьбы с бюрократизмом, «великолепно учитывал, что РКИ только в том случае сможет выполнить свою задачу, если партия даст для работы РКИ лучших работников».

Ниже приводятся высказывания других вохровских деятелей в 5-11 г. в.в.э. о бюрократизме.

Надпечко говорит[i]: «Б. является вопросом больным для нашей партии, является источником оторванности вохровской власти и всего вохровского аппарата от широких рабочих масс … Все видят недостатки до бесчувствия дошедшего не в меру развитого централизма… Замена самодеятельности широких масс самодеятельностью бюрократических ведомственных аппаратов – не отдельное явление, а целая система, целая политика». Вот желания и настроения, которыми руководится Пчелинский: «Говорят о самодеятельности рабочих масс, когда интеллигенция с великой натугой тянет голодный усталый, рабочий класс. Она есть передовой авангард, который тянет всех и в это время разговаривать о самодеятельности масс – это называется на похоронах в дудочку играть». Группа децистов практически идет к тому же самому бюрократизму и централизму, от которого сама партия открещивается довольно неосновательно. Роль пролетариата в его классовой организации, в социальной революции не должна сводится к роли простого объекта, с которым делают что угодно. Мы хотим и добьемся(!!), чтобы рабочий класс не был безвольным существом в руках бюрократизма ведомственных аппаратов, а чтобы рабочий класс был действительно тем гегемоном, о гегемонии которого так много говорит наша программа»[ii].

Максимский говорит[iii]: «Когда недавно поднялся в Кремлевии вопрос о кризисе, когда пригласили сюда представителей Наркомпрода и Главтопа для того, чтобы заслушать, в чем заключается существо экономического кризиса, они начали с того, что вцепились друг другу в волосы. Это есть кризис бюрократической системы, и он отзывается чрезвычайно тяжело на нашем партийном аппарате».

В резолюции группы децистов отмечается[iv]: «Обнаружено, что в области общей политики ЦК допущен целый ряд ошибок, признанных и докладчиком ЦК. Эти ошибки, неизбежные в данных условиях, были усилены благодаря бюрократизации аппарата, особенно, его вверхушки».

Максимский отмечает[v]: «В чем повинен ЦК – так это в бюрократическом централизме. Этот централизм процветает здесь со всеми его прелестями. Говорят, что рыба начинает вонять с головы. Партия сверху начинает поддаваться мнению этого бюрократического централизма. В этом заключается суть дела и этим объясняются многие рассуждения об единоличии в таких формах, которые для нас и для кого угодно не приемлемы»

Известный вохровский деятель Рукин отмечал[vi]: «Все это хорошие партийные товарищи, но это партийная бюрократия, партийные чиновники».

---

i Стенограмма X съезда, 5 г. в.в.э., речь Надпечко, стр. 90.

ii Какое великолепное мировое изобретение! Вот где вохровская панацея от всех зол. Впоследствии это потрясающее изобретение имело много названий: рабоче-крестьянская инспекция, вохровский контроль и т.п. Великий Ильичев и по поводу рабоче-крестьянской инспекции высказывал свои гениальные мысли. Но в результате всех этих гениальных изобретений и мыслей бюрократизация государства неизменно возрастала (прим. автора).

iii Стенограмма X съезда, 5 г. в.в.э., речь Максимского, стр. 246.

iv То же, стр 135.

v Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Максимского, стр.49.

vi Стенограмма XI съезда, 6 г. в.в.э., речь Рукина, стр. 61.

Молчов говорит[i]: «Мы увидели, что оргбюро ЦК, как формулировал Рукин, есть ни больше не меньше, как определенное бюрократическое средостение между ЦК и партией. Доклад Вячеславова есть ничто иное, как доклад, пропитанный насквозь от начала до конца, бесшабашным канцелярским благодушием и оптимизмом. Просто совестно опровергать Вячеславова, ибо факты вопиют, ибо этих фактов тысячи… Ильичев на беспартийном съезде Главполитпросвета заявил, что вся наша старая экономическая политика, вся эпоха военного коммунизма была сплошной ошибкой. (!!) Надо дать право и другим товарищам говорить, что они видят, что замечают: надо дать им возможность свободно говорить внутри партии и не грозить этим людям каким-то проклятием за то, что они смеют говорить то, что нам вчера говорил Ильичев».

Орловников отмечает, что начинает бюрократизироваться даже работа среди красноармейцев[ii].

Гривенников отмечает величайший произвол, величайший беспорядок в отношении распределения и в отношении ведения всего государственного хозяйства[iii].

Один из культурнейших вохровских деятелей Цветин весьма проницательно определяет источники вохровской бюрократизации[iv]: «Я утверждаю, что бюрократизация аппарата вытекает из глубоких социальных причин, что источником бюрократизации является госаппарат, в котором сочетаются и трения, и соглашения классов, и некультурность широких масс трудящихся и даже самого рабочего класса. И так как наша партия руководит государством, то для нее источником бюрократических влияний, ближайшим и непосредственным, является госаппарат. А если так, то бюрократизация является не вопросом канцелярской техники, а вопросом социальным, совершенно так же, как и преувеличения в области формальной демократии».

Мгелашвили, по-видимому, выражает мнение рядовых вохровских деятелей – что еще было возможно через 1,5 года после великой вохровской революции[v]: «Бюрократов надо искать в другом месте. Бюрократ – лицо, принадлежащее к господствующей власти, которое выдвинуто господствующим классом, но которое оторвалось от своего класса и решило, что может управлять данным делом без помощи своего класса… Наши партийные товарищи превратились в чиновников и оторвались от масс. В то же время говорится, что бюрократия происходит от того, что к нам летят в окно чиновники старого режима. Эти подхалимы никакой роли не играют. Фактически имеется тенденция Советы ликвидировать и создать «исполкомию». Если дойдет дело до этого, то ясно, что у нас не вохровская, а какая-то другая власть… Мы боялись говорить с массами открыто. Надо сознаться, что есть тенденция замалчивать острые вопросы на больших собраниях … Вопрос о бюрократизме – серьезный вопрос… Это опасность вырождения вохровской власти в бюрократическую».

В противоположность Мгелашвили близорукий Цалис утверждает, что бюрократизм – временное явление[vi]: «Товарищи из оппозиции ссылались на бюрократические вохровские учреждения… Когда будут созданы кадры, тогда не придется плакаться на бюрократизм». (!!)[x]

Вместе с тем наш старый знакомый – «ученый» апологет Чертенко отмечает с помощью сомнительных цифр о «кадрах» успешную борьбу в тот период с бюрократизмом[vii]:

«Для борьбы с бюрократизмом и волокитой с одной стороны, и для привлечения рабочих к управлению промышленностью с другой, партия принимала меры к увеличению прослойки рабочих в аппарате ВСНХ и главков. Орабочивание(!) состава главков характеризуется следующими цифрами: в коллегиях главков представители рабочих составляли – 51,4%(!), в фабрично-заводских управлениях – 63,5%(!), в Президиуме ВСНХ и ГубСНХ – 57,2%(!)»[viii].

---

i То же, речь Молчова, стр. 61.

ii Стенограмма VIII съезда, 3 г. в.в.э., речь Орловникова, стр. 151.

iii Стенограмма XI съезда, 6 г. в.в.э., речь Гривенникова, стр 341.

iv Стенограмма XIII съезда, 8 г. в.в.э., речь Цветина, стр. 155.

v Стенограмма VIII съезда, 3 г. в.в.э., речь Мгелашвили, стр 212-213.

vi Стенограмма VIII съезда, 3 г. в.в.э.,. речь Цалиса, стр. 215

vii Чертенко, «История народного хозяйства Государства Тмутараканского», 40 г. в.в.э. Т. III, стр. 82.

viii По «данным» Чертенко, в коллегиях главков, в президиуме ВСНХ, губернских совнархозах и фабрично-заводских управлениях сидели сплошные рабочие! В соответствии с гениальным предвидением Цалиса к 4-5 г. в.в.э. бюрократизмом не должно было бы и пахнуть. Но бюрократизация все же усиливалась по той простой причине, что Чертенко,

Максимский предлагает довольно наивный рецепт для борьбы с бюрократизмом[i]:

«Если мы говорим о бюрократизме, то мы должны рассматривать бюрократизм не только партийный, а б. всех учреждений. Когда профессионалисты выступают против вохровского б., они забывают, что профорганизации тоже переродились в бюрократическом духе. Если говорить о начале бюрократизации, то будет такая последовательность: сначала вохровские учреждения, потом профессиональные а затем уже парторганизации. В парторганизации – это сказывается в оторванности центра от мест и параллельно с этим, в стремлении центра к мелочной опеке над местами, в вмешательстве в работу часто местного характера, в ведомственности, а затем в таком явлении, как курс на единоличное управление… В этом отношении весьма важна резолюция о введении сессионной системы для ВЦИК: путем сессий ВЦИК связывается с местами. Вот ликвидация органическим путем оторванности вохровского центра от мест… Когда сессионная система проводится в партуставе по отношению к губкомам, вводится пленум губкомов, это есть упразднение оторванности от мест губпарторганизаций. Таким путем реорганизуются вохровские и партийные центры, уничтожается бюрократизм».(!)

В связи со слабыми, безнадежными попытками задержать растущую бюрократизацию вохровской системы следует рассмотреть дискуссию о единоличии и коллегиальности.

На 8 съезде Пчелинский отмечает:[ii] «Ильичев указывал, что в эпоху резкой борьбы, осуществляя рабочую диктатуру, надо выдвигать принцип личного авторитета, морального авторитета отдельного человека, решениям которого все подчиняются без долгих обсуждений. Надо поставить вопрос прямо. У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопроса. Оргработа ЦК сводилась к деятельности одного товарища – Яковлева. На одном человеке держались все нити… Поэтому определенной политической линии у партии в целом не было».

На IX съезде Пчелинский говорит[iii]:

«Лейбов ставил вопрос с точки зрения человека, вышедшего из сферы военной культуры. Практика работы в «гражданской сфере» выработала еще до начала цекисткой кампании за милитаризацию боевые милитарные приемы и поэтому-то вопрос возник по нашей инициативе, инициативы тех, кто, например, в продработе уже давно применял военные методы… Но мы против чрезмерного расширения понятия милитаризации. Мы против слепого подчинения военным образцам. Теперь Лейбов ставит вопрос, чтоб каждый рабочий был солдатом. Когда мы милитаризовали продработу, мы сокращали коллегии до трех человек. Но сами коллегии продолжали существовать, не распадались на отдельные звенья, как это предполагают сделать сторонники сплошного единоначалия и механической милитаризации… Но в чем нет сомнения, так это в том, что коллегия есть необходимая высшая ступень школы управления, дающая окончательную подготовку и наиболее широкий кругозор… Я знаю из практики, что если бы свою продработу вели не коллегиально, то она шла бы медленнее, разбросаннее и одностороннее… Когда вы ставите вопрос о том, чтобы вохровские трудармии сделать областными органами … то это будет подчинение исполкомов областному бюрократическому назначенскому аппарату… Начнутся трения, создастся колоссальный кавардак! В тезисах Кремлевского губкома сказано: «В переходное время пролетарской диктатуры участие в коллегии является необходимой ступенью обучения искусству управлять. Коллегия – школа взаимного обучения. Она приучает разрешать частные вопросы в связи с интересами целого». А Ильичев выступает с тезисами очень просто: вырывает чисто «принципиальные» места и пропускает деловые. Мы не стоим на позиции абсолютной коллегиальности, но Лейбов стоит на точке зрения абсолютного единоначалия. В его тезисах сказано, что «единоначалие» есть, вообще, наиболее компетентная, твердая, энергичная, простая и точная форма управления. И потому «ее надо провести по всему хозяйственному фронту сверху донизу, не вникая в конкретные особенности каждого звена». Мы коренным образом несогласны… Почему управления акционерных обществ были коллегиальными учреждениями?…При единоличном управлении отдать любое распоряжение очень просто, но, к сожалению, очень часто толку от этой простоты получается немного...

мягко выражаясь, врет, как все вохровские апологеты (прим. автора).

i Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э. речь Масимского, стр. 314-320.

ii Стенограмма 8 съезда, 3 г. в.в.э., речь Пчелинского, стр. 28.

iii Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Пчелинского, стр. 115-125.

Мы подходим к этому вопросу иначе, чем Шкаликов. В ВСНХ процветает, как известно, крайний бюрократизм главков… И защищая коллегиальность, они защищают старые расхлябанные коллегии. Но мы-то говорим о сокращенной боевой коллегиальности… Ильичев обнаружил сегодня крайне оригинальное понимание децизма, который, впрочем, сегодня уже не является глупостью, как был вчера. Он говорит, что децизм состоит в том, что съезд выбирает ЦК, а ЦК управляет… С таким оригинальным определением мы не можем согласиться… Если вы распускаете даже эти малые коллегии, которые мы и так сжимаем… Если распустим и эти коллегии, тогда рухнет вся система демократического централизма. Допустим вы осуществите то, о чем уже поговаривают, чтобы была единоличная ответственность председателя губисполкома. Это первый шаг, чтобы единоличие распространить на вохровское управление. Следующий шаг – роспуск президиума исполкомов. Если мы их распустим, то председатель становится красным губернатором и точным исполнителем воли наркомвнудел. Виссарионов уже предвосхитил идеи Лейбова и в Нодецкой угольной промышленности создал угольный политотдел. Вспомним также, как в первый день съезда Ильичев, говоря о демократическом централизме, объявил идиотами всех, кто говорит о д.-ц., а самый д.-ц. Называет допотопным, устарелым и т.п. Конечная тенденция ведет к тому, чтобы установить единоличное управление во всех звеньях вохровского аппарата. Это означает, что раз ставши на этот путь и зайдя по нему достаточно далеко, мы рухнем под тяжестью бюрократии,[i] которая выхолостит всю нашу работу.

Если под флагом боевой работы вы на деле начнете насаждать бюрократизм, то мы разложим свои собственные силы и не справимся с работой… Применять формальную милитаризацию вообще соблазнительно: под флагом милитаризации всего легче насаждать бюрократическое единоначалие.… Полная милитаризация связана с ограничением гражданских и политических прав человека с его полным закреплением в производстве и т п. …

Но всю страну мы не можем превратить в воинскую машину… Решение, предложенное Лейбовым относительно областных хозорганов, нельзя признать удовлетворительным. Товарищи с мест не пойдут на то, чтобы областные органы строились сверху». (!!)[ii]

Далее Пчелинский атакует Великого Вождя[iii]: «Ильичев в своей речи согласился с тем, что демократический централизм состоит в том, чтобы проводить решение через местные органы. Но он не понимал, при чем тут коллегии и какое они имеют отношение к д. ц. Я еще раз постараюсь пояснить это в наиболее популярной форме. Без коллегиальности органы управления распадаются на отдельные столбики. Коллегия – это и есть обруч, охватывающий эти столбики. Мы его утоньшаем, доведя коллегию на местах до 3 и 5-ти человек… Но дальше в этом отношении мы идти не можем, дальше обруч лопается и начинается неизбежное управление столбиками… Как строилась наша партия? У нее было боевое ядро, во главе стоял один человек – Ильичев. Он был фактически единым руководителем и вождем. Был ли он когда-либо формальной главой партии? Нет, партией всегда руководил не один человек, а коллегия – ЦК. И мы никогда не порывали, да и не порвем в партии с этой формой коллегиальности(!!)

Книгарин, выступавший крайне легкомысленно, утверждал, что в крупных предприятиях не было коллегиального управления и что коллегиальность была лишь юридической формой. Я приведу два хороших примера: Гамградская колумбовская пароходная компания управляется коллегиально. Завод Греча управляется на основе совещательной коллегии, а одно время там была полная коллегиальность. Как экономист, занимавшийся много в каменноугольной промышленности, я скажу, что там коллегиальность правления была отнюдь не только юридической формой, и директор-распорядитель был не один, их было несколько… В правлении же сидели спецы и практики и, учитывая конъюнктуру, вели предприятие, потому что управление предприятием не было и не есть только техническая функция:

i Пчелинский не учел колоссальной мощности тотального полицейского аппарата. С его помощью вся страна на много десятилетий была превращена в военную машину (прим. автора).
Даже после завершения полной бюрократизации вохровской системы, последняя не рухнула. (примечание автора).

ii Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Пчелинского, стр. 182-186.

iii Поразительна наивность образованного и умного Пчелинского. Неужели он полагал, что великие вохровские вожди будут спрашивать мнение «товарищей с мест»?! И насчет «коллегиальности» он выдавал желаемое за действительное. Пчелинский грубо ошибся: вскоре Виссарионов стал абсолютным диктатором (прим. автора).

нужно учитывать колебания хозяйственных отношений. Позвольте спросить, приходится ли эти колебания отношений в настоящее время учитывать? Я думаю, что в 10 раз больше, чем раньше, потому что мы мешочничаем во всех направлениях, под верховным руководством Розенполева и разыскиваем таким образом не только хлеб, но железо и уголь и прочее и пр.».

Влиятельный вождь Шкаликов, также высказывался за коллегиальность: «Если на протяжении 2,5 лет мы что-либо и создали, то только благодаря рабочим организациям, благодаря связи и опоре в профсоюзах. Если будет раскол между этими двумя частями, то немедленно нужно созвать новый съезд, чтобы поставить на общее обсуждение вопрос о том, что совершенно отошли от народа, отошли от рабочих и крестьян… Голос рабочих организаций, имеющих отношение к производству, по этому поводу имеется, что коллегиальность в настоящее время – единственно целесообразная форма управления».

На такой же позиции стоит и влиятельный вохровский деятель Целов[i]: «Розенполев договорился до того, до чего не договаривались Ильичев и Лейбов. Он говорит, что у нас во всех центральных органах разгильдяйство, полная расхлябанность, что туда необходимо дать определенный импульс. … Давайте говорить до конца. Если соответствующий центральный орган обнаружил преступную небрежность в деле, то надо ЦК не ограничиваться кислыми словами, надо было давно … выбросить эти центральные органы вон…

Дело не в том, что коллегия негодна, как орган управления, а в том, что она негодна по своему составу. Если мы так же неудачно подойдем к подбору людей для единоличного управления, то и единоличное управление ничего не даст…

… Поступило заявление, подписанное 3 делегатами Нодецкой губернии: «Фактическая поправка. Ильичев заявил, что рабочие Малоскифбасса высказались за единоначалие. В действительности же, на Всемалоскифской конференции из 24 делегатов Нодецкой губернии голосовали за коллегиальность – 21».

И «профсоюзный» вождь Дикский – за коллегиальность[ii]: «… Мы не отрицаем совсем единоличия. У нас сведения из Ильичевграда, на котором 50% заводов управляются единолично. Наконец, у нас вся промышленность управляется единолично. Но, если половина предприятий управляется единолично, то давайте воспользуемся арифметикой, потому что Лейбов сказал, что арифметика не расходится с коммунизмом. Если единоличие – совершенная форма управления, то у нас заказы на заводах должны были бы выполняться в бóльших размерах, чем это есть в действительности. Единоличие существует в тех отраслях промышленности, которые наиболее развалились, как, например, в печатном деле, и поэтому совершенно неосновательны те доводы, которые выдвигаются для того, чтобы доказать, что единоличие лучше. Возьмите хотя бы подкремлевский угольный бассейн, который 10 месяцев управляется единолично. Здесь забойщиков только 14%. Остальные – это те, что висят на их шее. Во главе стоит спец, который управляет подкремлевской угольной промышленностью. Кто же это? Бывший ильичевградский адвокат! … Где же твердая линия ЦК? Это похоже не на линию, а на спираль! Гольцгел в «Кривде» пишет так: «Коллегия плоха, потому что не дает размаха гениальной личности. Коллегии нужно приспособляться, отчего ни один способный человек с большим размахом не идет в коллегию. … Вообще, всякая коллегиальность стесняет инициативу гениальной личности»…

Все, начиная с Ильичева и Книгарина и остальных сами толковали и нас заставляли 2,5 года толковать, что рабочие должны быть привлечены к производству, что рабочий класс не только работает, но и управляет через своих выборных, которые становятся через это сознательными организаторами. Вы говорите, что коллегиальность плоха, что она развалила производство. Это неверно. Если бы кто-нибудь прочитал речи Ильичева и Лейбова о коллегиальности и единоличии, то он сказал бы, что люди десятками лет мыслили по-карлсистски, а именно: что производственные отношения определяют все остальное; все время толковали, что империалистическая война есть растрата производительных сил, что она подорвала производительные силы всей Европы и вдруг на третьем году великой вохровской революции кричат, что чуть ли не виной всему коллегиальность. Ильичев говорит: «Вы неправы по-

i Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Целова, стр. 169-177.

ii Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Дикского, р. 181.

тому, что не учитываете серьезности момента. Это преступление. Данный момент таков, что нельзя стоять за коллегиальность. Нужны решительные методы»… Книгарин говорит: «Вы потому против единоличия, потому что боитесь спецов, не доверяете своим силам, не учитываете того, что диктатура пролетариата укрепилась…». Что-нибудь одно! После шатаний и колебаний подошли к тому, что в верхушках коллегиальность сохранять нужно. Спор идет о заводоуправлениях… А разве не было единоличного управления? Скажу в трех словах. Этот секрет состоит в следующем. Говорят: «Дайте мне рабочих вне очереди, позвольте мне выдавать красноармейский паек и предприятие готово». Это называется постановка решительным и энергичным путем…

Многие упрекают профсоюзы. С одной стороны говорят, что любят профсоюзы, при этом каждый по-своему. Ильичев так их любит, что от любви трясет их и у них голова болтается.!! Лейбов обнимает их за шею так, что глаза вылезают. (!!) Шкаликов чуть ли не выдавил кишки. (!) Мы будем против Шкаликова, который вносит поправку устранить профсоюзы от назначения заводоуправления».

Храбров также высмеивает принцип единоличия[i]:

«Я вам прочту мотивировку, которую ЦК дает для принципа единоличия. Это буквально следующее: в целях более простой и точной организации производства, а также в целях экономии организаторских сил съезд считает необходимым привлечь». Это обстоятельство расшифровано Книгариным… Он мотивировал так: «У нас 5 тысяч рабочих-организаторов, если мы их расставим по одному на предприятие, то у нас будут 5 тысяч предприятий, если же по 5, то только тысяча предприятий». Совестно карлсисту оперировать таким доводом. Возьмем Совет Народных Комиссаров, представим себе, что эта коллегия заменена единоличием. Тогда Ильичев единолично решал бы все вопросы. Разве получилась бы экономия? Разве был бы уничтожен Наркомпрод? Был бы освобожден Лейбов? Ничего подобного!»

Максимский отмечает: «Ильичев говорит о коллегии, как о приготовительном классе, но мы говорим о коллегии, как о высшей школе управления. Ильичев сажал нас самих в приготовительный класс и читал нам лекцию об организационной науке. Но он забыл опыт местной работы. Если говорить откровенно, то надо сказать, что трудно найти какой-нибудь губернский центр, который был так плохо налажен в организационном отношении, как наш всетмутараканский центр… Что такое демократический централизм? Это то, что принято декабрьской конференцией нашей партии и проведено VIII съездом Советов – и по поводу чего ЦК никогда не имел определенного мнения. В чем повинен ЦК – так это в бюрократическом централизме…

Постоянное пренебрежение интересами местных организаций с одной стороны, с другой – ведомственность, приводят к единоличию в худших формах… Бюрократизм сохраняет прежнее значение, несмотря на постановление декабрьской партконференции, особенно благодаря тому, что ЦК не имеет собственной точки зрения на необходимые меры в области партийного и вохровского строительства. Благодаря этому естественно, что вохровский и партийный бюрократизм процветает».

Кашкетников призывает покончить с единоличием: «Необходимо покончить с единоличием в партийной работе. Ц.К. все время ведет борьбу с местами при помощи назначенства и уполномоченных… Мы обезлюживаем место для того, чтобы сделать работников с мест канцеляристами и курьерами».

Даже Лазаревич, который впоследствии стал первым помощником всемогущего диктатора-семинариста, указывает на возможность перерождения единоличия в диктатуру[ii]: «Есть ли коллегиальность в исполкомах? Разве в губкомах партии не предрешаются вопросы? Разве в отношении к уездным партКомитетам не проглядывает единоличная диктатура? Такая диктатура – факт (!) На местах проводится самая суровая диктатура (!!). Правда, эта диктатура иногда проводится через 3-4 лица, но, по существу это лицо едино, они работают годы вместе».

Розенполев, естественно. вместе с Ильичевым за единоличие[iii]: «Пчельников говорил, что есть весьма опасная тенденция, что диктатуру пролетариата мы превратили в единоличную власть диктатора.

i Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Храброва, стр. 157.
ii Стенограмма IX съезда, речь Лазаревича, стр. 62.
iii То же, речь Розенполева, стр. 167.

Если бы люди желали быть принципиальными, они должны были бы сказать: вся наша система государственного управления вырождается в единоличную диктатуру – и на этой почве дать бой. Почему бы не выйти на трибуну и сказать, что ЦК давит слишком сильно, а в СНК сидит Ильичев, который слишком резко проводит свою линию – давайте поэтому перестраивать ее на парламентский лад. Но этого никто не говорил, тогда нечего болтать о д. ц.»[i].

Ильичев прямо и резко говорит, что новой власти необходим диктатор[ii]:

«… Я говорил Динскому во фракции… Когда мы с Книгариным были биты, что в ваших тезисах пункт 7-ой останется следом полной теоретической путаницы.

В нем говорится: «Основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких партийных рабочих масс является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводоуправления включительно». Это – сплошная чепуха, потому что роль рабочего класса в завоевании государственной власти … отношение способов – все спутано…

То же самое можно сказать про демократический централизм Менингронова, Максимского и Пчелинского.

…Говорят, что демократический централизм состоит не только в том, что управляет ВЦИК, но что ВЦИК управляет через местные организации. При чем тут коллегиальность или единоличие?.. Теперь нас тащат назад по вопросу давно решенному, который ВЦИКом утвержден и разъяснен, а именно, что вохровская, социалистическая демократия единоличию и диктатуре нисколько не противоречит, что волю класса иногда осуществляют диктатор, который один более сделает и часто более необходим…».

Итак, величайший Ильичев сказал ясно, определенно и точно, что диктатура диктатора не противоречит вохровской социалистической демократии. Яснее не скажешь. Вохровская социалистическая демократия это и есть диктатура диктатора. Это демократия особого рода с противоположным значением этого понятия.

Величайший Ильичев не успел стать абсолютным диктатором. Он даже не успел ликвидировать инакомыслящих в своей вохровской партии. Он успел только разогнать Учредительное собрание, свободно выбранное еще в 1 г. в.в.э., и ликвидировать все другие инакомыслящие партии. Его достойный преемник – полуазиат, великий семинарист завершил его дело. Он не только ликвидировал инакомыслящих в своей собственной партии, он ликвидировал потенциально возможных инакомыслящих как в «партии», так и вне «партии» на десятки лет вперед и стал всемогущим и самодержавным диктатором.

Но великий Ильичев успел заложить базу особого всепроникающего вохровского бюрократизма.

По «решению» IX съезда (29-III – 5-IV 4 г.в.в.э.), декретом № 215 было установлено бюрократическое единоличие, полностью ликвидирована самодеятельность рабочих и, безусловно, других групп населения, причем рабочие были полностью закрепощены. В декрете №215[iii] отмечено: «… Установить полное и безусловное единоличие в цехах и мастерских, идти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата…

… Ввиду того, что значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко в целях спекуляции, (!) самовольно покидает предприятия, переезжает с место на место, чем наносит дальнейшие удары производству и ухудшает общее положение рабочего класса, съезд одну из насущных задач вохровской власти и профорганизаций видит в планомерной, настойчивой, систематической, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем публикования штрафных

i Несмотря на демагогию, Розенполев прав. Даже лидеры рабочей оппозиции Кашкетников и Медведев, всячески разоблачая стремление Ильичева и его группы к диктатуре, не смели и намекнуть о преимуществе парламентской системы (прим. автора).

ii Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Ильичева, стр. 151-152.

iii Сборник документов экономики и политики Государства Тмутараканского, том 01.09.1 г. в.в.э. – 02. 5 г. в.в.э., Госиздат полит. литературы, 31 г. в.в.э.

дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных команд и, наконец, заключения их в концлагерь...». (!!)

Инакомыслящие в вохровской партии были подавлены, а затем и вовсе истреблены. В дальнейшем больше никогда открыто не обсуждался вопрос об истоках вохровского бюрократизма. Вохровские деятели пытались «бороться» с самими собою, то есть с вохровским бюрократизмом с помощью рабоче-крестьянской инспекции, вохровского контроля, окриков, наказаний, террора, вместе с тем полностью подавив самодеятельность масс и общественное мнение, единственные силы, которые смогли бороться с всепроникающим вохровским бюрократизмом.

Все дальнейшие вохровские источники рисуют мрачную картину все бóльшего развития вохровского бюрократизма.

По существу, великий семинарист на XV съезде начал эпоху безмерного хвастовства и Темкинских деревень. На этом съезде он задает тон – как, по его диктаторскому мнению, следует бороться с бюрократизмом[i]:

«Доводить дело борьбы с бюрократизмом в госаппарате до изничтожения госаппарата, развенчивания госаппарата, до попыток его слома – это значит идти против ильичевизма, это значит забывать, что наш аппарат является вохровским аппаратом, представляющий высший по типу госаппарат, (!) по сравнению со всеми существующими в мире (!) госаппаратами. Задача партии состоит в том, чтобы борясь против бюрократизма и за улучшение госаппарата, выжигать каленым железом такие безобразия в нашей практике, о которых я только что говорил».

Сергодзе говорит только о бумаготворчестве и по указке великого семинариста «отважно» обрушивается на оппозицию[ii]: «Что же они сделали? Представили платформу. В ней на 72 странницах идет только шельмование нашей партии и ЦК… Когда сейчас говорят о нашем аппарате, что он ни к черту не годится, то тут, конечно, много правды… Ильичев писал: «Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно только тогда, когда все население будет участвовать в управлении (!)… А от оппозиции вы получите такой ответ: «В какую же сторону развивается за последние годы аппарат вохровского государства? В сторону упрощения и удешевления? Орабочения? Приближения к трудящимся города и деревни? Уменьшения расстояния между управляющими и управляемыми? Как обстоит дело с проведением бóльшего равенства в условиях жизни, правах и обязанностях? Идем ли мы в этой области вперед? Совершенно очевидно, что ни на один из этих вопросов нельзя ответить удовлетворительно.

Нынешняя официальная борьба с бюрократизмом, не опирающаяся на классовую активность трудящихся и пытающаяся заменить ее усилиями самого аппарата, не дает и не может давать существенных результатов, а во многих случаях даже содействует усилению бюрократизма»[iii].

… Если взять административно-управленческую часть аппарата, то он составит около 2 миллионов человек и обходится стране в 2 миллиарда вохриков…

… Устранение параллелизма дало возможность упразднить в Наркомфине около 150 подразделений, а в Наркомторге около 80… Возьмем нашу злосчастную отчетность… Это невиданное и неслыханное явление… Заполняют невероятное количество бумаги, а потом складывают в сарай, потому что 0,5 миллионов берков бумаги пережевать – немыслимая штука. В НКПС, в год, тратилось 420 тысяч берков бумаги, то есть ¼ производства всего Центробумтреста…

Отчетная форма Наркомторга по отчету кожевенного сырья – огромная книга, 27 тысяч вопросов. Отчет агронома по Малоскифии – 160 печатных страниц, 20 тысяч вопросов….

---

i Стенограмма 15 съезда, 11 г. в.в.э., речь Виссарионова, стр. 71.

ii Стенограмма XV съезда, 11 г. в.в.э., речь Сергодзе, стр. 437-470.

iii Сергодзе приводит выдержку из «платформы» лейбистской оппозиции, которая в тот период была уже полулегальна (прим. автора).

А вот Наркомтруд. Тут побит рекорд:

	Количество отчетных показателей в год		
	Существовало	**Осталось**	**% сокращения**
Охрана труда	5 260 000	927 140	87,6
Рынок общее число форм	189 432 495	3 134 385	73,8
труда по I уч. МБТ	156 054	8720	94,8
В среднем	88		

У них работало над этой штукой – 288 инспекторов

… Как вы думаете, сколько инстанций, через сколько рук проходит тот или иной документ, когда вы хотите получить из таможни груз, прибывший из за границы? С таможенным документом проделывают 110 операций Документ проходит в таможне через 33 лица…

В течение длительного времени существовали представительства, 59,2% которых оказались излишними и сокращение их дало возможность экономить 28 милл. вохриков в год. В нашем социалистическом государстве… товарных бирж оказалось больше, чем было при царской империи. У нас их было – 115, а теперь осталось – 14.

… Сокращение аппарата выразилось в 30,35 и 40%...

… Мы послали комиссию… в Гуннию изучить, как поставлена там отчетность. После возвращения комиссии на Юго-Западной железной дороге расход на бумагу составил 54 миллионов листов вместо 108 милл. листов…

…Другой документ: технико-производственный отдел Главметалла пишет Бревномнемскому заводу, чтобы он представил сведения за 28 лет. Оттуда вопят: «Не можем, в архиве этих документов нет». Отсюда идет свирепая телеграмма: предписано – представить… И больше скажу: когда тот или другой автор хочет написать большую книгу, он начинает всюду рассылать требования. А как книгу писали раньше? Садились за стол и рылись в тех стратегических данных, которые имелись, а не заставляли всю страну работать на свою книгу».

… Далее Сергодзе признает, что бюрократизм имеется во всех звеньях аппарата[i]: «Неправда, что будто бы бюрократизм имеется только в наших центральных организациях. Бюрократизма в самой извращенной, в самой безобразной форме сколько угодно в наших низших органах».

Сергодзе признает, что и аппарат рабоче-крестьянской инспекции бюрократичен[ii].

Тонзатский приводит случаи анекдотических бюрократических запросов[iii]: «Научный комитет Наркомзема запросил агрономов всех районов, сколько отслужено молебнов во время засухи… Научный комитет интересуется, какое в том или ином районе количество диких свиней с подразделением по полу и какой ожидается приплод… Эти анекдотические курьезы проистекают из за того, что у нас развился огромный централизм…

Когда до сих пор сокращали штаты, из этого ни черта не выходило… Посмотрите штатные кривые любого учреждения, и вы увидите там постепенный подъем.

До конца 10 г. в.в.э. шел постепенный подъем. Сократят штаты, а через месяц, полгода штаты опять выросли больше прежнего».

Пчеленко приводит анекдотический случай о борьбе с зайцами[iv]:

«Это циркуляр Наркомзема о том, чтобы принять меры к учету и сообщить по определенным формам о зайцах, которые съедают насаждения и вредят огородам. Вот некоторые «вопросы» этого циркуляра:

---

i Стенограмма XV съезда, 11 г. в.в.э., стр. 615.
ii То же, стр. 509.
iii То же, стр. 469.
iv Стенограмма XV съезда, 11 г. в.в.э., речь Пчеленко, стр. 586.

1) В каких угодиях (в лесах, на залежах, на лугах, на культурных землях и т.д.) встречается тот или иной вид зайца,

2) дать исчерпывающий цифровой материал для качественной и количественной характеристики вредной деятельности зайцев (если таковая имеет место).

В отношении всех встречающихся у нас видов:

3) Какую роль играют зайцы в бюджете местного хозяйства,

4) Дать цифровой материал о качестве добываемых охотниками зайцев.

По этому поводу фельетонист в «Дезинформации» рисовал такую картину: «Предположим, стоит заяц на лугу и ждет статистика, но как только появляется статистик, подлый заяц непременно шмыгнет в кусты. Статистик за ним. Как угнаться за зайцами и некоторыми циркулярами!..».

Черняев из Тюркстана говорит[i]: «Аппарат наш бюрократичен потому, что он настолько громоздок и многоэтажен, что от него ожидать быстрого решения вопроса не приходится. Если наркомат ставит в Совете Народных Комиссаров какой-нибудь хозяйственный вопрос, то СНК передает этот вопрос в Экономсовет. ЭКОСО передает в Госплан. Госплан передает секции, секция – подсекции, подсекция – специалисту, который сидит на этим вопросом 2 недели, а то и больше. Возвращается этот вопрос тем же путем: от специалиста в подсекцию, в секцию, в президиум Госплана, в президиум ЭКОСО, а когда вопрос доходит до СНК, то проходит, примерно, месяца 4-5… Нам приходится нередко посылать хорошего рабочего-коммуниста, и через 2 месяца говорят, что он обюрократился… Для полного утверждения бюджета ему приходится проходить через 63 инстанции!!

… Где маленькая фабрика, там обязательно должен быть трест…

Вы читали относительно знаменитого Карягинского коммунального треста, который объединил пару сломанных пожарных бочек и 2 ассенизационных обоза. Мы распустили этот «трест» А вы думаете вопрос разрешен? Ничего подобного. Коммунальный банк ставит вопрос таким образом: коммунхозам, как таковым, кредит отпускать не будем. Извольте восстановить этот «трест», объединить эту сломанную пожарную бочку и два ассенизационных обоза, содержать директора треста и тогда Комбанк будет отпускать коммунхозу кредит. Без этого кредит невозможен, так как «трест» – есть хозяйственная организация…».

Максимилианов оптимистически рассматривает вопрос о бюрократизации планирования[ii]: «Ильичев считал, что самая главная опасность, в которую мы легко можем впасть, – это бюрократизм планирования, но как раз указанной мной трехчленной системой наших планов мы и избегаем бюрократизации планирования». (!)

Шкаликов более скептически оценивает «таланты» своих подручных[iii]: «Во главе подавляющего большинства хозяйственных организаций стоят в настоящее время коммунисты. В большинстве случаев они не имеют технического образования и достаточных технических знаний. Тем не менее они часто считают возможным брать на себя ответственность за решение тех или других специальных и технических вопросов… В любой стране Европы и Америки за тот или иной технический проект отвечают техники. У нас ответственность перекладывается на руководящих коммунистов, и они подписывают решительно все, вводя полную безответственность в свои организации. У нас завелся теперь необычайно вредный обычай: наши ответственные работники, в том числе и народные комиссары, слишком много подписывают чужого и мало вносят своего.

Целая система управляющих делами, секретарей ученых и неученых, специалистов, замов преподносят на подпись тому или иному ответственному руководителю громадное количество бумаги. И он думает, что делает большое дело, когда сидит и, возглавляя целую конвейерную систему бумажного делопроизводства, штампует преподносимые ему на подпись проекты, постановления заключения и отношения».

---

i То же, речь Черняева, стр. 563.

ii Стенограмма XV съезда, речь Максимилианова, стр. 895.

iii Стенограмма XV съезда, речь Шкаликова, стр. 1170-1171.

Сохлор отмечает большое внимание к бумаге[i]:

«В нашем руководстве чересчур много внимания отдается бумаге. Мы вот в ЦК пишем резолюцию, в губерниях ее переписывают по своему, переписывают в уездах, переписывают в волостях, каждый по-своему, создается целая лестница, а на деле получается такая картина, что низовая организация получила директиву ЦК и ждут, пока не будет сверху распоряжения, не будет команды, а пока – посмотрели и положили».

Гречневская констатирует слишком большую власть Оргбюро и Секретариата[ii]: «Одним из вопросов, который должен быть продуман съездом, вытекает из того, что в силу нашего устава, у нас есть Оргбюро и Секретариат с громадной властью, дающей им право перемещать людей, снимать их с работы».

Приводимые факты глубокой бюрократизации всех, без исключения, звеньев вохровской системы, уже в первое десятилетие великой вохровской революции, о чем свидетельствовали сами вохровские вожди и их подручные, в условиях подавления общественного мнения, конечно, всячески затушевывались, тем более, что сам великий семинарист заявил, что «у нас самый совершенный в мире государственный аппарат – высшего типа».

В соответствии с начинающей расцветать системой Темкинских деревень, для введения в заблуждение отечественного и зарубежного общественного мнения, уже в первом издании «объективной» Большой вохровской энциклопедии (издания 11 г. в.в.э.) дается грубо фальсифицированная характеристика бюрократизма в вохровском Государства Тмутараканского:

«Словом бюрократизм обозначается такой государственный режим, где управление осуществляется через посредство «оторванных от масс, стоящих над массами привилегированных лиц» (Ильичев). По определению Карлса (в «Критике Гегелевской философии права») – бюрократия есть нечто вроде ордена иезуитов. Осуществление государственной власти замкнутой корпорацией, основную сущность которой составляет тайна, охраняемая внутри корпорации и ее иерархическим устройством (сущность ведущей государственной политики знают только верхи, чем ниже ступень, тем знание ограниченнее, все более и более касается только деталей), а от внешнего мира – недоступность корпорации для посторонних. Дверь с надписью «без доклада не входить» – самый выразительный символ бюрократии, какой только можно придумать.

Другие черты бюрократизма, указываемые Карлсом, – это ее формализм. Форма государства превращается в руках бюрократии в некоторую самостоятельную сущность: цели государства подменяются целями бюрократической корпорации как таковой. Дела решаются не по существу, не по соображению с тем, что нужно и полезно государству или народной массе, а тем, что удобно и выгодно для бюрократии[iii].

При Петере для надзора для всей администрации были созданы фискалы, чтобы «над всеми делами тайно надсматривать» Простые фискалы выбирались и «из купецких людей» в количестве 50%[iv].

В эпоху Петера бюрократизм в Государстве Тмутараканском не только принимает западно-европейскую форму, но и поднимается почти до такого же пафоса, какой мы находим у эту эпоху на Западе[v].

Революция Петера повела к колоссальному увеличению смертности и уменьшила население почти на 20%[vi].

---

i Стенограмма XV съезда, 11 г. в.в.э., речь Сохлора, стр. 114.

ii «Кривда», 31 декабря 9 г. в.в.э.

iii Если бы Карлс воскрес и увидел, как точно его характеристика подходит к системе вохровского социализма, он несомненно тут же умер бы вновь (прим. автора).

iv Если бы Петерские «фискалы» перенеслись в эпоху вохровского социализма, они умерли бы со стыда, увидев сверхсовершенную вохровскую «фискальную» систему для тайного надзора за людьми (примеч. автора).

v Какая восхитительная наивность! Прожженные вохровские диктаторы-бюрократы должны помереть со смеху (прим. автора).

vi Смертность в эпоху Петера была ничтожна по сравнению с эпохой великого семинариста. Впоследствии великий семинарист изменил свое отношение к Петеру и его только восхваляли. (прим. автора).

После Петера отмечены два подъема бюрократии[i].

В начале XIX века старой эры при превращении Государства Тмутараканского в «житницу» Европы.

Наиболее бюрократический характер сохранила полиция во всех ее видах, центральная и местная (губернаторы, министерство внутренних дел и, особенно, департамент полиции, ставший настоящим центром всемогущей бюрократии)[ii].

Ильичев писал в августе-сентябре 1 г. в.в.э.: «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат … и заменят его новым, состоящим из тех же рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократы будут приняты тотчас меры, разработанные Карлсом и Фридрихсом: 1. не только выборность, но и сменяемость в любое время, 2. плата не выше платы рабочего, 3. переход немедленно к тому, чтобы все исполняли функцию контроля и надзора и все на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому никто на мог стать «б.»…»[iii].

Далее бóльшую часть статьи «Бюрократизм» вохровская Большая энциклопедия посвящает борьбе вохровцев… с собственным бюрократизмом, неизвестно откуда все вновь и вновь появляющимся:

«Вохровская система управления, основанная на вовлечении трудящихся в дело управления, исключает возможность развития Б. в том виде, как его порождает всякая буржуазная государственная власть.

Причиной вохровской Б. в отличие от Б. буржуазной является экономическая и культурная отсталость страны. По мере устранения этих причин, все меньше будет извращений в деятельности Советов. Высокая техника, мощная экономика, полная механизация сельского хозяйства, поголовная грамотность населения, материальное довольство населения – все это осуществится вполне при социализме (!). Следовательно, окончательное уничтожение бюрократизма совпадет с полным устройством общественной жизни на социалистических началах[iv]... Несмотря на то, что чиновники принесли с собой бюрократические навыки царских канцелярий, в первый период государственного строительства в 1-2 г. в.в.э. бюрократизм не проявлялся резко, потому что государственный аппарат был подчинен задаче борьбы с контрреволюцией. В годы мирного строительства, при тонкой прослойке рабочих, при недостаточном культурном уровне масс, при все более затвердевавших формах государственного аппарата, бюрократизм находил себе благоприятную почву… Печать при помощи огромной армии рабселькоров ведет ежедневную борьбу против бюрократии…

Самодеятельность масс, непосредственное участие их в организации государства, рост культурно-материального и технического уровня страны – это те силы, которые ведут к ослаблению и к конечному уничтожению Б. в вохровских учреждениях.

В самой системе вохровского государства существует специальное учреждение, функция которого – борьба с бюрократией. Это РКИ (!!!)

---

i Вохровские вожди лучше всех известных в истории тиранов и диктаторов усвоили этот принцип. У вохров все наглухо засекречено. Тайны государственной политики известны только ничтожной кучке высших руководителей.

ii Трудно определить, кто и что в вохровском Государстве Тмутараканском является центром всемогущей бюрократии. Государство Тмутараканское – образец сверхполицейского государства. Наличие тайной и явной полиции – весьма условно. Полицейские функции выполняет любой директор предприятия, учреждения, специальные и секретные отделы во всех предприятиях и учреждениях, так называемые проф. организации, так называемые партийные организации. Даже вохросомольцы и пионеры обязаны выполнять полицейские функции.
Полицейские функции должны также выполнять так называемые журналисты и писатели. Центром всемогущей бюрократии является вся вохровская система (прим. автора).

iii Величайший Ильичев словно в воду смотрел, но, как и по большей части, оказался правым наполовину. Старый бюрократический аппарат действительно был разбит вдребезги. Но все остальные советы Карлса выполнили «наоборот» Фактическая выборность была уничтожена на десяток лет. 2. Во времена великого семинариста плата бюрократа превышала плату рабочего почти в 200 раз. 3. Функцию контроля использовали только бюрократы. В результате был создан идеальный бюрократический строй (прим. автора).

iv С тех пор прошло 40 лет. Великие вохровские вожди давно объявили о завершении строительства социализма. В 45 г. в.в.э. великий Никитов объявил о начале развернутого строительства коммунизма. Национальный доход и общественный продукт якобы увеличились в десятки раз, а бюрократизм не только уничтожен, но достиг своего зенита! (Прим. автора).

Специфичное отличие РКИ, отличие его от органов старого государственного контроля, является совершенно новая идея, обусловленная характером вохровского государства, подчиненного в своей работе контролю трудящихся (!!). Организация контроля масс и является одной из важнейших функций РКИ.

В 4 г. в.в.э. на сентябрьской конференции вохровской партии вынесено было решение о создании контрольной парткомиссии для борьбы с недочетами внутри партии и устранения влияния Б. на партдеятельность. На X съезде задачи контрольной комиссии были формулированы более определенно. На этом этапе борьбы борьба с Б. ведется параллельно РКИ и контрольной комиссией (КК), которые в этой своей деятельности опирается на массы·

В период рестэпа бюрократические извращения неизбежно усилились: источником их было допущение к экономическую хозяйственную деятельность частной инициативы[i]…

Монопольное положение вновь созданных трестов, синдикатов, госторгов тоже усилили бюрократические извращения.[ii]

Утвердившиеся в период военного коммунизма методы ударной работы оставили следы в деятельности вохровских учреждений... Командование, нажим, ограничение самодеятельности, неизбежное в условиях гражданской войны, стали вредным в условиях мирного строительства. Ввиду этого вохровскому государству пришлось искать новых путей борьбы с Б. Уже перед 12 съездом в I 7 г. в.в.э. Ильичев выступил с предложением реорганизации РКИ. Ильичевский план состоял в объединении РКИ и ЦКК (!)[iii]

Годы 5-9 в.в.э. проходили под знаком восстановления разрушенного хозяйства. Бюрократические извращения в это время наиболее резко проявлялись: в раздувании размеров учреждений, в организационных излишествах. В конце 9 г. в.в.э. и начале 10 г. в.в.э. восстановление хозяйства заканчивается. Б. на этой стадии проявляется в излишней централизации и опеке над местными организациями, в громоздкости центрального аппарата. Пленум ЦКК в октябре 10 г. в.в.э. наметил широкий план борьбы с Б. В 11 г. в.в.э. проводится реорганизация вохровского аппарата, совершается пересмотр взаимоотношений центральных органов с низовыми с целью предоставления бóльших прав и ответственности местам, преуменьшения раздутых штатов служащих государственных учреждений (доходящих в 10 г. в.в.э. до 2,5 миллионов по всему вохровскому аппарату), вводится рационализация учета и отчетности, превратившееся подчас в отягчающее государственную работу бумажное засилье.

Вохровская власть отдает себе отчет в том, какую опасность для пролетарского государства представляет бюрократизм и ведет непрерывную борьбу с ним. (!)

Вохровская власть идет по пути рационализации гос. аппарата и промышленности и применения науки в производстве и труде, решительного сокращения расходов на содержание аппарата, постепенного привлечения всех трудящихся масс к управлению и контролю, облегчая всем этим борьбу с Б., этим порождением эксплуатационной системы буржуазных государств и временным злом государства, строящего социализм». (!!)

Трудно допустить, чтобы авторы этой статьи в вохровской Большой энциклопедии были столь невежественны и в 11 г. в.в.э., через 10 лет после великой вохровской революции, не представляли, что вохровская система – это и есть идеальная бюрократическая система. Трудно допустить, чтобы авторы не знали, что инакомыслие масс было подавлено уже в первые годы великой вохровской эры, а к 11 г. в.в.э. завершалось подавление инакомыслия уже в верхах вохровской партии. А в тот период даже обыватели знали, что отсутствие инакомыслия – это наилучший питательный бульон для набиравшей силу бюрократии. Именно отсутствием такового объясняется и появление данной «научной» статьи. Всё было просто. Апологеты из соответствующего «ученого» департамента получили соответствующий

i Все ставится автором этой статьи с ног на голову – что, вообще говоря, является основным свойством вохровских «ученых», вынужденных апологетов вохровских вождей (прим. автора).

ii На протяжении последующих 40 лет монопольное положение социалистических трестов и торгов гигантски усилилось!!! (прим. автора).

iii Сколько гениальности, истинно ильичевской гениальности, заключается в этом необыкновенном плане!!! (прим. автора).

заказ от стоящих у власти вохровских вождей. Великое достижение новых веков – энциклопедия как средоточие человеческого разума – уже тогда, к концу первого десятилетия великой вохровской эры, была бесстыдно превращена в один из реквизитов начинающих расцветать вохровских Темкинских деревень. Уже тогда больше всех вохровских отраслей промышленности пышным цветом начиналась расцветать могучая промышленность по дезинформации отечественного и зарубежного общественного мнения – промышленность Темкинских деревень. Эта промышленность венчала пышное здание вохровского бюрократизма.

Наводя тень на плетень, вохровские вожди и их прихвостни все больше убеждают народы и самих себя, что бюрократизм это чужеродное в социализме тело, что гениальный ильичевский метод борьбы с этим чужеродным телом – бюрократическое объединение РКИ и КК – панацея от всех бюрократических зол. Следует только наладить проверку исполнения предначертаний великий вохровских вождей – и недра чужеродного бюрократизма будут полностью уничтожены.

Исподволь начинает протаскиваться мысль, что бюрократизм насаждается выдуманными вохровцами «вредителями». Все же мрачная картина расширяющегося и углубляющегося бюрократизма все яснее вырисовывается даже в апологетических выступлениях вохровских деятелей. Видный вохровский деятель Яковцев говорит:[i]

«В любой буржуазной стране нет никаких ножниц между политическим и хозяйственным строем этой страны и аппаратом, выполняющим задания этого строя. Буржуазия имеет полную гарантию того, что любо решение его правительства и ее парламента будет всем аппаратом выполнено точно и в срок.[x] Имеем ли мы такую гарантию? Конечно, нет. Количество извращений и прямых нарушений наших законов и партийных директив чрезвычайно велико. К какой бы области работы мы не подошли, вопрос о проверке исполнения выдвигается в качестве центрального вопроса политики, в качестве центрального вопроса всего нашего плана борьбы с бюрократией… Разумеется не может быть никакой речи о проверке исполнения, если неизвестно, кто за что отвечает, если имеется круговая порука безответственности, взаимного страхования всех работников государственного аппарата. В системе нашей работы проверку исполнения нельзя осуществить – неизвестно, кто за что отвечает, кто что делает. Это очень характерная для всей нашей работы черта остается, несомненно, главенствующей чертой нашего аппарата, так же, как это было несколько лет тому назад. Я мог бы, конечно, привести примеры из из работы любого органа…

Советом Народных Комиссаров было дано поручение ВСНХ и Наркомторгу разработать вопрос о техбюро при торгпредствах… ВСНХ предложил исполнить поручение своему иностранному отделу. ИНО поручил одному товарищу, который и выполнил его в 4 дня. Дальше началось согласование. Недостатка в количестве людей в ВСНХ нет, и проект, который разрабатывался 4 дня, согласовывался 3 месяца. После его утверждения один из отделов поручил нашим техническим бюро информацию нашей печати об иностранных достижениях. В связи с этим вопрос рассматривался еще месяц. Затем согласование с Наркомфином и Наркомторгом длилось еще 3 месяца. Каковы результаты этого полугодичного согласования? Результат заверен актом, составленным инспектором РКИ…

Акт

При сличении 9/II мною …. первоначального проекта о техбюро (составленным исполнителем в VI 12 г. в.в.э.) с окончательным проектов, утвержденным ВСНХ и Наркомторгом 5/XII 12 г. в.в.э., можно установить, что проводившееся в этот промежуток времени согласование с управлениями ВСНХ, импортными обществами, Наркомторгом и двумя Управлениями Наркомфина – валютным и бюджетным и состоявшимися в ИНО тремя совещаниями по этому вопросу не внесли каких либо существенных изменений в первоначальный проект ИНО…

Второе – поручение СНК организовать школы десятников для строительных работ. Это дело было в VI 12 г. в.в.э… ЭКОСО Великоскифии получило задание. 7 дней держало это задание и препроводило в Наркомпрос. Наркомпрос через несколько дней – в Главпрофобр. Глафпрофобр продержал немного

i Стенограмма 16 конференции, 13 г. в.в.э., речь Яковцева, стр. 445-486.

в отделе рабочего образования. Отдел рабочего образования – исполнителю, который в несколько дней выполнил работу. Главпрофобр через 12 дней направил для согласования в ЦК строителей и через месяц туда же направляет материалы. ЦК строителей выбирает две комиссии. Комиссия работает месяц, а до этого месяц не может собраться. Дальше доклад препровождается в ЭКОСО. Через 23 дня вопрос передается в малый СНК. СНК выделяет комиссию. Комиссия вызывает представителей Главпрофобра, который не является, вследствие чего вопрос откладывается на 3 недели. Затем малый СНК вопрос рассматривает и выясняется, что недоработана финансовая часть. Проект дается на доработку, комиссия опять работает, проект препровождается в СНК и 5/VIII 13 г. утверждается в Малом СНК…

… Возьмите таких два важных решения правительства, как Закон о расширении прав Советов и Закон о расширении прав заведуправлений. Можно привести ряд потрясающих деталей, как в недрах наших канцелярий, месяцами, больше того – годами волочились оба этих закона. Как здесь в одной случае трест не желает отдать некоторые свои права заводам, будучи готов от ВСНХ взять любые права…

…Советы, наши вохровские аппараты готовы взять у СНК любые права, но с меньшей готовностью согласны передать часть прав нижестоящим исполкомам. Вся эта система зубьев так сцепилась, что целый год потребовался, чтобы закон начал проводиться…

Разрешите продемонстрировать, какое внешнее выражение получает существующая система безответственности….

НКПС дает справку Сахаратресту о том, что такая-то железнодорожная линия не включена в план строительства… Такую бумагу в НКПС подписывает непосредственный исполнитель – инженер, заведующий финансовым подотделом, заведующий строительным подотделом, начальники отдела сооружений… Кто из этих 4 лиц отвечает, если справка неверна? Никто.… Он скрывается за тремя или 13-ти подписями, где за тремя, где за 5 комиссиями…

Тут в этих подписях, мы находим внешнее выражение той системы, которая заставила нас в тезисах поставить вопрос о распространении рабочего контроля на наши вохровские учреждения… Выговоры не действуют… Это становится той системой воздействия, над которой посмеиваются … в собственной среде.… Снятие с работы при нашей нужде в квалифицированных кадрах превращается в то, что снятый работник по линии проверки, завтра перемещается поневоле на другое место…

Разрешите проиллюстрировать вопрос о «штемпелюющих канцеляристах», которые превращаются в хвостик саботажников и вредителей-специалистов. Это вопрос о вновь обнаруженном вредительстве, которое мы имеем в одной из очень важных отраслей промышленности…

Как это могло случиться?..

…Всесоюзный машиностроительный синдикат сообщает правлению соответствующего треста, что, если, мол, не дадут заявок, сколько нужно котлов, то к работе не приступят… Бумажка 6/III визируется инженером из отдела капитального строительства и направляется другому инженеру-товароведу в отделе снабжения с такой резолюцией: «срочно переговорить для доклада правлению» Через 10 дней инженер-товаровед направляет ее обратно тому инженеру, от которого он эту бумагу получил, с подписью: «Б. М. (имя отчество) на распоряжение». А тот направляет ее в отдел строительной механики с резолюцией: «(не согласовано с МТС)», то есть в исходное учреждение. Последний инженер получил и написал резолюцию: «Получил 20/III 13 г. в.в.э. в 2 часа)». С этой резолюцией и была найдена бумажка ревизией РКИ на днях. Бумажка до председателя правления так и не дошла. Председатель – честный коммунист, старый член партии, прекрасный рабочий, ничего худого о нем нельзя сказать…

… Неплохой хозяйственник – председатель правления Югостали так ставит вопрос: «Гвоздь-де в том, что слишком много контроля, гвоздь-де в том, что работе мешают РКИ и профсоюзы»... А вот факты о работе специалистов, находящихся в распоряжении Бирчела[i]… Большая часть импортного оборудования оказалось неиспользованной. К моменту обследования кое-что удалось устранить. Главные виновники через некоторое время были арестованы, как вредители….

i Яковцев не преминул лягнуть председателя правления Югостали Бирчела за то, что последний осмелился робко упрекнуть РКИ в бюрократизме (примеч. автора).

… А вот как пятилетку Югостали характеризует консультант РКИ, видный гуннский специалист: «Во время объезда заводов Югостали мои впечатления свелись к тому, что каждый завод вырабатывает свои планы и защищает собственные интересы, нисколько не считаясь с интересами и планами других заводов, как если-бы они были самостоятельным частным предприятием, конкурирующим со всеми остальными. На такое сепаратное планирование, естественно, затрачивается много труда. Пятилетний план Югостали производит такое впечатление, что все эти разработанные отдельными заводами проекты были механически включены в большой строительный план Югостали…

… Деятельность, состоящая в рассмотрении проектов, как текущей почты в Гуннии, шутя называют деятельностью «письмоносца»…

… Неужели товарищи серьезно думают, что управлять мешают ячейки и профсоюзы? Попробуйте в вохровском государстве полгода управлять без ячейки[i] и профсоюза! Больше будет бюрократизма и ошибок или меньше?

… Наша штатная природа не терпит пустоты. Где есть штатное место, его сугубо стараются заполнить на тот случай, чтобы их не лишили этого самого штатного места...

… Нам придется по крайней мере вычистить 100 тыс. чел.. Едва ли мы сможем выдвинуть в течение этого года столько же рабочих. Если посмотреть на число и судьбу выдвиженцев в нашем центральном аппарате, то положение надо признать далеко не благополучным.

Бюрократическая аппаратная машина выпирала этих выдвиженцев из нашего вохровского аппарата.

Иные говорят, что рабочего, который был на низовой общественной работе,[ii] не приткнешь к настоящей работе в наших учреждениях. В то же время у нас сидят десятки старых «спецов», из которых значительная часть, в частности, в наших кремлевских учреждениях – старая рухлядь…

Сергодзе с тех пор, как он работает в ЦКК-РКИ, все время выдвигал на первый план вопросы проверки исполнения и приведения аппарата на этой основе в соответствии с задачами социалистического строительства… Вот пример бешеного сопротивления аппарата. Ясно, что при монополии внешней торговли вопрос о таможенных тарифах – второстепенный.

… А у нас таможенная система целиком копирует и пересаживает опыт даже не передовых капиталистических стран, а образцы старого Государства Тмутараканского.

Наш таможенный тариф невероятно сложен. А когда ставится вопрос о реорганизации таможенного дела, поднимается протест и Наркомторга (Анастасян) и Наркомфина (Благочестивин) и прочее. Дело доходит до того, что Анастасян вносит предложение в Политбюро запретить докладчику ЦК говорить о таможенном вопросе на конференции, ввиду, якобы, секретности этого вопроса…

… Доходит до того, что лаборатория, находящаяся на Кремлевской таможне, определяет, что в этой бумаге – 60 % целлюлозы, ВСНХ с этим не соглашается, бумагу передают на исследование в лабораторию ВСНХ, с этим исследованием не согласен таможенный аппарат, тогда решают эту бумагу передать Суомии, как объективной стороне. Мы охраняем себя от лишнего ввоза буквально так, что ни одного тнуфа бумаги ввезти нельзя без разрешения правительства и партии...

… Если подсчитать, что мы теряем из-за задержки товаров у нас на складах, то, что пропадает из-за этого за границей, то, что пропадает у нас из за перегрузок, то получится огромная цифра – 10 миллионов вохриков, а при иной постановке мы можем эти расходы свести к нескольким сотням тысяч вохриков.

… В течение двух лет шла борьба с Наркомфином по вопросу, нужно ли не каждом предприятии держать акцизных чиновников… Рабское копирование отжившей в условиях государственной промышленности системы обходилось нам в содержании 3,5 тысяч чиновников, на что уходило около 5

i Вохровский вождь Яковцев имеет в виду вохровские ячейки, а под «профсоюзами» он разумеет назначенных партийной полицией «представителей» рабочих (прим. автора).

ii Под «низовой общественной работой» Яковцев разумеет нагрузки, которыми вохры обременяют рядовых вохров-рабочих и вохросомольцев: «работу» в низовых «профсоюзных» ячейках, «работу» в разных липовых «добровольных обществах» и т.п. (примеч. автора).

миллионов вохриков… Далее, акциз мы взимаем по весу: за берк сахару – 4 вохрика, за берк керосина – 60 грошей, а промышленный налог путем исчисления процентов к обороту – например, на сахар – 3,8%, на керосин – 1,8%, спичек – 4,8%.

В результате – громоздкий аппарат… Вопрос о бандеролях… Ясно, что в наших условиях они не нужны. В феврале 12 г. в.в.э. РКИ предлагает Наркомфину отказаться от обандероливания папирос. Наркомфин не соглашается. 12/IV этот вопрос рассматривает коллегия РКИ. Наркомфин переносит в подготовительную комиссию. 9/VII подготовительная комиссия подтверждает Постановление РКИ. 23/VII заместитель председателя Совета Народных Комиссаров утверждает это Постановление. Наркомфин обжаловал в ЦИК Госуд. Тмутараканского. ЦИК отклонил протест Наркомфина… и часть папирос в этом году вышла обандероленной… Имеются две проблемы: I – о децентрализации управления, II – о роли трестов и ВСНХ[i].

В старом своем положении и при старых своих функциях трест, не превращаясь в организацию бюрократического затора, жить не может. Возьмем пример из текстильной промышленности. У треста были 3 основные функции: сбыт продукции, снабжение материалами и финансирование. За последние 3 года сбыт отошел к синдикату, снабжение материалами частично отошло к заводам, частью к синдикатам. Финансирование производится через синдикаты и банки. Тресту ничего не осталось…

Пятилетний план представляет минус по сравнению с ГОЭЛРО. План является больше экономическим, чем техническим. Мы знаем показатели, … но мы не имеем технической программы работ, необходимой, чтобы добиться этих показателей…

Если ВСНХ задержится теперь на позиции преимущественного экономически-финансового руководства, то он, конечно, в значительной степени, так же, как и тресты станет органом, мешающим развернутой здоровой инициативе, соревнованию и прочее…

В ближайшие годы нам предстоит большая пересадка имеющихся научных сил, инженеров, техников и экономистов из канцелярий, которые часто превращают их в бесполезных людей, надо двинуть их в заводы, в рационализаторские конторы (!), группы, бюро, институты, плановые органы….

III-я проблема – сокращение издержек обращения.

Работники Наркомтруда любят похвастать, что мы в этой области достигли больше того, что достигнуто за границей. Это, конечно, неверно. Об этом исчерпывающе сказал Сергодзе на съезде профсоюзов.

… Наша кооперативная система нуждается в перестройке. Она в смысле централизма имеет много недостатков.

… Борьбу с бюрократией можно вести только в том случае, если поднимать на нее массы… Приступила к работе группа легкой кавалерии[ii] в 20 чк…».

Как уже выше было отмечено, председатель правления Югостали Бирчел весьма робко пытается доказать, что орган, предназначенный для борьбы с бюрократизмом, – РКИ-ЦКК, сам по себе является бюрократической организацией[iii]:

«О чем я говорю в этой статье? Прежде всего о множестве заседаний, о множестве разъездов, о текучести работников… Привожу целый ряд примеров из нашей бюрократической практики. Я говорил, что надо найти правильное сочетание применения проверки исполнения с интересами бесперебойной работы, говорил об этом в связи с невероятным множеством обследований… За 8 месяцев 12 г. в.в.э. в тресте Югостали были проведены следующие главные обследования (я не говорю здесь о множестве мелких и средних обследований): обследование ВСНХ и Наркомторга об использовании импортного оборудования в течение 1,5 месяцев; после отъезда этой комиссии через 2 недели приехала комиссия

i В 13 г. в.в.э. производится первая атака на ВСНХ, который вскоре ликвидируется. Великий Никитов через 25 лет восстановит систему совнархозов, а его преемники спустя 5-6 лет снова ликвидируют эту систему (прим. автора).

ii Яковцев имеет в виду группы вохросомольцев, организованные вохровской полицейской властью, нечто вроде хунвэйбинов в современной Хинезии (прим. автора).

iii Стенограмма XVI конференции стр. 493-501, речь Бирчела

РКИ тоже об использовании импортного оборудования; далее – комиссия в области снижения себестоимости капитальных работ. Большая комиссия, которая работала больше месяца. Далее, обследование большой комиссии РКИ Малоскифии в течение нескольких месяцев: системы управления, организационных форм, взаимоотношений между правлением и заводами и т.д. Обследование продолжалось несколько месяцев, но окончательные выводы не согласованы до сих пор. Затем обследование большой комиссии РКИ Малоскифии системы отчетности во всех заводоуправлениях и в правлении треста в течение нескольких месяцев. В связи с этим получился большой конфуз… Решено было снять главного бухгалтера как негодного, а спустя несколько месяцев та же комиссия РКИ это постановление отменило, потому что он хороший бухгалтер. Затем комиссия РКИ Малоскифии – обследование рационализации производства на предприятии Югостали – в течение нескольких недель. Потом комиссия РКИ Государства Тмутараканского по рационализации внутренних ресурсов.

Теперь, в текущем операционном году, за полгода с 1/X 12 г. в.в.э. – обследование капитального строительства и производства. Началась в октябре и продолжается до сих пор[i]. Первый раздел доклада этой комиссии – громадный труд на 40-50 стран.; далее, обследование комиссии РКИ союза с ноября 12 г. в.в.э. строительства новых коксовых печей Югостали. Работа не кончена, и в течение двух месяцев они то приезжают к нам согласовывать выводы, то от нас выезжают люди в Кремлевию для согласования выводов и никак кончить не могут; параллельно с этими обследованиями работала объединенная временная контрольная комиссия заводов, параллельно с комиссией РКИ и независимо от нее, обследовавшей заводы несколько месяцев и потом сидела в аппарате правления 2 месяца в количестве 13 человек. И все держит аппарат; в то же время приезжала комиссия по обследованию угольного хозяйства. Работа до сих пор не закончена. Обследуют наши заводы и окружные контрольные комиссии и окружкомы, обследуют даже районные организации и бывает, когда в аппарате Югостали сидят 3 комиссии одновременно (!!). Как при таком положении представить себе работу правления треста, которое-бы потом не нуждалось в проверке исполнения? (!)…

Каждое обследование начинается с обсуждения программы, которая обыкновенно бывает написана на 10-15 стр., а потом обсуждение выводов и их согласование в течение иногда целого ряда месяцев. Мы, по существу, занимаемся тем, что либо готовимся к обследованию, либо даем всякие объяснения в связи с происходящим обследованием, либо заняты согласованием выводов или, вернее говоря, заняты всеми этими действиями одновременно, но меньше всего мы заняты делом руководства трестом…

И хорошо, что из этих доменных печей… все таки этот самый чугун продолжает плавиться, несмотря на всю эту «нагрузку» руководителей.… Если обследования… действительно могли бы считаться средством для излечения от бюрократии, то Югосталь уже сегодня должна являться самым совершенным аппаратом с точки зрения отсутствия бюрократии. В самом деле работа за последнее время ухудшается… Комиссии обследуют часто одни и те же вопросы… спрашивают об одном и том же, на что несчастный инженер, которому задаются вопросы, отвечал уже несколько раз…

... Получается так: в течение года работаем все, как лошади, работаем зверски… а потом приходит инспектор и в результате обследования предъявляет акт или протокол и в первый момент получается впечатление, что я или круглый идиот, или преступник. Инспектор тщательно группирует все то, что может считаться плохим, не считаясь ни с обстановкой, в которой возникали эти решения, ни с тем, что в этой работе есть положительного.

Очень часто инспектор не особенно хорошо разбирается в том вопросе, который он обследует (!)…

Мы иногда наталкиваемся на чуть ли не садистский подход отдельных инспекторов… Я же знаю больше недостатков в своем аппарате, чем может обнаружить любая инспекция…

… Откуда эта нерешительность у хозяйственников? Откуда это стремление все проводить через заседания и везде прикрывать множеством документов? Именно из-за той обследовательской лихорадки, из-за тех методов обследований, которые я здесь пытался характеризовать. Ибо сейчас сплошь и рядом хозяйственник находится в таком состоянии, что когда ему нужно немедленно, быстро, смело, самостоятельно решать вопрос, то он прежде всего думает не о целесообразности этого решения, кото-

i До начала XVI конференции в апреле 13 г. в.в.э. (прим. автора).

рое он должен принять, а о том, что получится через 1,5 года, когда придет инспектор РКИ, какой документ останется для обследования, какие следы останутся и какие вопросы потом сделает инспектор[i]…

И здесь получается опасность обюрокрачивания значительно бóльшая и в еще значительно более важных вопросах, чем те проявления бюрократии, которые мы имеем в отношении делопроизводства и т.д.

Для борьбы с бюрократией надо создать устойчивые хорошие, квалифицированные, культурные кадры, вместо тех, которые все время меняются вместе со стоящими во главе хозяйственниками изо дня в день, как перчатки».

Борухов напоминает об оригинальных методах борьбы с бюрократизмом, которые советовал применять величайший Ильичев[ii]: «Ильичев писал: а посему ежели от наказания освобождаем, то Унксова (кажись, так?), который обязан был в СТО[iii] отчеты давать и не давал, на неделю под арест; а Ильина (директора завода бывшего Ильина) и весь фабком этого завода и весь состав соответствующего профсоюза и весь состав вохровской ячейки такого-то завода или таких-то заводов объявляем виновными в волоките, безрукости и попустительстве бюрократизму и объявляем строгий выговор и общее порицание с предупреждением, что только на первый раз так легко караем, а впредь будем сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно.[iv] – Так писал Ильичев: «Ильичевский сборник, книга VIII, стр. 56-57; 4 издание, т. 36, стр. 514-515».

Яковцев далее говорит[v]:

«Одним из основных вопросов в деле улучшения работы госаппарат – вопрос о технике управления и перенесения к нам заграничного опыта в этом отношении[vi]. Возьмем, к примеру, завод сельскохозяйственных машин «Коммунар» Мы ввели там конвейер: один рабочий загружен там на 40%, а другой на 104%.

… Нет у нас системы подбора работников в и в ведомства. У нас есть только суррогат – посадили чиновника в учраспред и всё… Руководитель учреждения часто не знает совершенно своих работников…

…Разбирался вопрос об изменении таксы за очистку парохода от клопов, вшей, крыс и т.п. Этот вопрос разбирается двумя комиссиями, было 3 заседания, 7 междуведомственных совещаний, работали год. В одном НКПС переписка достигла 100 листов, а кроме НКПС привлечены Наркомздрав, Наркомфин, Наркоминдел и 3 союзных республики: Великоскифия, Малоскифия и Заказкавская республика. Это только по вопросу об изменении или о понижении ее на 0,5 гроша. На внутренней бумаге этого приказа – 11 подписей…

Правые бросают партии (!) обвинение, что она будто бы (!) насаждает бюрократию. Виссарионов им ответил в «Вохросомольской Кривде»: «Как можно в тезисах о самокритике, (!)[vii] ставящей своей целью обоснование позиции ЦК (!), забыть о важнейшей задаче самокритики – борьбе с бюрократизмом?»... (!)»

i В период, о котором повествует Бирчел, хозяйственники были относительно смелы и самостоятельны и часто принимали решения по своему разумению, которое было не очень велико. Но после того как великий семинарист истребил сотни тысяч хозяйственников, инженеров и агрономов, никогда больше, вплоть до настоящего времени, хозяйственники и инженеры не рисковали принимать самостоятельного решения, решительно все проводилось и проводится через заседания, все и везде прикрывается огромным количеством зачастую противоречивых документов, и сам черт не сможет определить авторов того ли иного решения (прим. автор).

ii Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э., речь Борухова, стр. 503.

iii СТО – Совет труда и обороны (прим. автора).

iv Какие милые выражения и какие гениальное полицейское решение вопроса, вполне достойное величайшего Ильичева! (прим. автора).

v Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э., речь Яковцева, стр. 519-523.

vi Тогда еще великий семинарист не объявил, что заимствование зарубежного опыта – это низпоклонство. (прим. автора).

vii Тогда, с легкой руки великого семинариста, стало модным слово «самокритика» (прим. автора).

Тонзатский говорит[i]: «Вкус писать резолюции и законы, которые не только не выполняются, но и не читаются. Я убежден, что такова участь бóльшей части резолюций, не только партийных комитетов, контрольных комиссий РКИ, но даже партсъездов и конференций. Спорим мы здесь, а затем их когда-нибудь заслушивают в ячейке один раз, а потом откладывают в архив…».

Любов добавляет свои штрихи к картине разрастания бюрократии[ii]:

«Чтобы проиллюстрировать, какое количество циркуляров на нас сыплется, я приведу такой пример: с 5/III по 12/IV по хлебозаготовительной работе издано 136 циркуляров (!). Все они идут до низовки… Сейчас самая злостная бюрократичность и медлительность в прохождении вопросов заключается, главным образом, в межведомственных отношениях.

Недавно в Наркомторге решено было продать рис, в который вложено «потребительной кооперацией» (!) 2,5 миллионов вохриков. По этому вопросу переговоров с Наркомторгом и Центросоюзом было – 8, заданий в Наркомторге Союза – 9, число участников в переговорах – 75, затрачено рабочих часов – 191, получено и послано телеграмм – 70, писем и докладов написано – 20, наших комиссий создано – 4. В конце концов оказалось, что все это – никчемная, невозможная ситуация. Рис, пока его собирались менять, заплесневел.

… О взаимоотношениях с промышленностью, о генеральных договорах. При Наркомторге была создана комиссия по рационализации генеральных договоров. Она работала 2 года 4 месяца. Из 20 вопросов было разрешено – 3. Было 39 заседаний, 10 – не состоялось, общее количество участников – 406, представлявших не менее 7 ведомств... За 3 года работы в Центросоюзе я пережил 2 генеральных обследования, не говоря уже о постоянно ведущихся обследованиях какого-либо из наших 35–40 отделов и Управления. Первое обследование РКИ по рационализации аппарата в 10 г. в.в.э. было заброшено и забыто всеми – и нами, и РКИ, как совершено никчемные. В последнее время было проведено обследование звений системы. Это было произведено по другому методу. От РКИ работало только – 3 человека, а от нашего аппарата участвовало 500–600 чк.

8 месяцев продолжалась эта работа. У нас был применен метод так называемых посторонних свидетельств. Так как между организациями всегда масса недоразумений, то одна организация аттестует другую самым нелестным образом…

Каждый представитель Наркомторга или РКИ требует, чтобы член правления или руководитель учреждения принимал непосредственное участие в их работе. При всех этих обследованиях, когда создаются какие-нибудь неясности или преступления в учреждениях, огромное количество учреждений начинает сюда лезть.

В последнее время обследовались Чайное Управление и строительная контора. Действовали сразу 5 организаций: парторганизация, ячейка, райком, МРКИ, Всесоюзное РКИ и ревизионная комиссия.

Необычайное множество обследований...».

Маргаритман рассказывает о нереальности заданий и сроков[iii]: «В ряде случаев представляемые правительством сроки для выполнения заданий нереальны:

1. СТО 2/XI 12 г. в.в.э. предложил ВСНХ организовать выкурку спирта из торфа (!)[iv] с тем, чтобы уже в текущем году это мероприятие могло восполнить дефицит по производству спирта (!)[v]. Оказалось, что дело совершенно новое, нет оборудования, нет людей, знающие это дело. … Сам же ВСНХ это дело предложил...(!)

2.10/II 12 г. в.в.э. СТО поручил правительству Малоскифии в 1,5 месячный срок представить доклад о сооружении водопровода в Пряморожском бассейне. Совершенно очевидно, что в такой срок невоз-

---

i Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э. речь Тонзатского, стр. 533.

ii То же, речь Любова, стр. 539-552.

iii Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э., речь Маргаритмана, стр. 546–552.

iv Какое наукообразное и «техничное» наименование процесса у руководящего деятеля РКИ! (прим. автора).

v Это хорошо характеризует технический уровень СТО, ВСНХ и их советников (прим. автора).

можно произвести изыскания на большой территории и разрешить все технические и финансовые проблемы.

Прошло около года, и постановление не выполнено. Товарищи из Малоскифии против срока не возражали[i].

Проведенное нами совместно с местным РКИ исследование обнаружило чудовищную, вопиющую волокиту, извращение законов, игнорирование их нашим вохровским аппаратом. Любой чиновник не обращает внимания на распоряжения нашего правительства. Благодаря плохому руководству и безответственности исполнителей бывают случаи, когда мы теряем по 5 миллионов вохриков золотом на договор».

Яковцев предлагает разные коллективные методы для борьбы с вохровским бюрократизмом[ii]:

«Одним из мероприятий против имеющихся в партии элементов бюрократизма является сохранение плотного партаппарата… Профсоюзы должны изжить ветхие остатки цеховой замкнутости и тред-юнионизма и бюрократического невнимания к массам, к задачам защиты повседневных нужд и интересов рабочего класса... (!)

Элементы бюрократизма в профсоюзах становятся нетерпимыми вдвое, втрое, вдесятеро больше, чем это было несколько лет тому назад.… Правые любят щегольнуть своим радикализмом … что у нас будто бы самокритика сводится к спальной самокритике, к мелочной самокритике…

… Вот что пишет «Социалистический Вестник» по поводу налета кремлевских рабочих на кремлевские учреждения: «В распоряжении вохровской диктатуры не оказалось на двенадцатом году ее существования никаких других средств для упорядочения своего государственного аппарата, кроме «налета», организованного по всем правилам кинематографического трюка, и этот «боевик», поставленный в «государственном масштабе», свидетельствует о строении вохровского государства и о бессилии всемогущей диктатуры справиться с ею взращенным и ее удушающим бюрократическим спрутом» (22/III – 13 г. в.в.э.).

Коренной метод борьбы с бюрократизмом, в конце концов, это – индустриализация. Индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства – мы создали предпосылки для уничтожения бюрократизма»[iii].

В момент, когда так называемая «левая оппозиция» была окончательно раздавлена, а так называемую «правую оппозицию» великий семинарист «додавливал», последовало «опровержение» в резолюции ЦК и ЦКК от 23/IV 13 г. в.в.э.[iv]:

«Клеветнические заявления группы Книгарина о том, что партия насаждает бюрократию, означает демократизацию той огромной работы, которую партия развернула для борьбы с бюрократией… В вопросах о профсоюзах они идут на опаснейшее противопоставление профсоюзов партии, изображая борьбу партии с тред-юнионизмом и бюрократизмом закостенелой части профсоюзного аппарата, как Лейбов, «перетряхиванием профсоюзов». В вопросе же о роли партаппарата в внутрипартийном режиме, группа Книгарина целиком воспроизводит самые злостные обвинения, какие когда либо направляла лейбистская оппозиция против нашей партии».

Как и следовало ожидать, резолюции XVI конференции и XVI съезда в 14 г. в.в.э. являются пустым набором фраз и наполнены похвальбой о «значительных успехах» в борьбе с бюрократизмом в условиях беспрецедентного усиления полицейского режима и постепенного прекращения всей страны в сплошной тюремный застенок.

---

i Как товарищи из Малоскифского правительства могли возражать, если они в технических вопросах ничего не понимают, но хорошо понимают, что начальству возражать не рекомендуется! (Прим. автора).

ii Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э., речь Яковцева, стр. 578 – 582.

iii С тех пор прошло почти 4 десятилетия. Невежественный прогноз Яковцева жизнь опрокинула. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства в условиях архиполицейского режима и отсутствия экономических регуляторов не только не уничтожили, но безмерно усилили бюрократизм (прим. автора).

iv К тому времени великий семинарист уже стал самодержцем, а в ЦК и ЦКК сидели переменные клакеры-хлопальщики (прим. автора).

Резолюция XVI конференции[i]

«... Очередные задачи в области улучшения государственного аппарата и борьбы с бюрократизмом: а) проверка исполнения, б) улучшение личного состава государственного аппарата, в) приведение системы управления в соответствие с системой нашего хозяйства...

по пункту в) Систематическая переделка аппарата должна идти по линии децентрализации оперативных функций, при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах [ii]…

... В работе над улучшением системы управления промышленности и транспорта, исходить из того, чтобы обеспечить:

а) превращение ВСНХ и НКПС в органы не только планово-экономические, но и органы действительно технического руководства, основанные на достижениях как колумбовских, так и европейских, так и вохровской науки и техники;[iii]

б) укрепление хозяйственной инициативы фабрик и заводов и отдельных цехов, при одновременном усилении роли треста в области руководства технической реконструкции предприятий;[iv]

в) полную мобилизацию внутренних ресурсов промышленности;[v]

г) осуществление партийных директив об установлении единоличия в управлении при одновременном развертывании работы производственных совещаний[vi], и временных контрольных комиссий;

д) Своевременную и полную технико-экономическую подготовку строительства;[vii]

е) устойчивость комсостава в промышленности и на транспорте;[viii]

3) дальнейшее сокращение издержек обращения.

4) Ввиду того, что монопольное положение торгового аппарата … грозит опасность бюрократического загнивания отдельных частей аппарата. Необходимо произвести рационализацию товаропроводящего аппарата[ix].

5) Продолжить работу над улучшением системы финансирования и кредита народного хозяйства, налогового обложения, финрасчетных взаимоотношений между хозяйственными, кооперативными и кредитными учреждениями в целях внедрения безналичного расчета и т.п.[x]

---

i Стенограмма XVI конференции,стр. 643–666.

ii Обычная вохровская бессмыслица – одновременно децентрализация и централизация, а в действительности – самая жесткая полицейская централизация (прим. автора).

iii Обычный набор вохровских фраз и заклинаний (прим. автора).

iv Вновь обычная вохровская абракадабра: укрепление хозяйственной инициативы фабрики и усиление роли треста. После ликвидации невежественной системы высокого коммунизма 45 лет «усиливается» хоз. инициатива фабрик, а в действительности они ее лишены (прим. автора).

v Лозунгами о мобилизации внутренних ресурсов прожужжали уши за 45 лет, а бесхозяйственность систематически росла (прим. автора).

vi Та же вохровская «абракадабра»: единоличные и производственные совещания, которые являются хилым недоноском вохровской бюрократической системы и одним из элементов Темкинских деревень (прим. автора).

vii Это оказалось невозможным и спустя 40 лет, вследствие организованного вохрами экономического уноса и дремучего экономического невежества (прим. автора).

viii Вскоре после этого великий семинарист с помощью своего мощного полицейского аппарата истребил всех ведущих хозяйственников и затем периодически вновь истреблял их (прим. автора).

ix Непонятно какую рационализацию мыслили себе великие вохровские вожди. Монопольность торгового аппарата все возрастала, к тому же в течение десятков лет осуществлялась система товарного голода, формальная зарплата торговых служащих была низка. Все это за полвека привело не только к бюрократическому загниванию всего трудового аппарата, но и к массовым злоупотреблениям (прим. автора).

x Вохровские финансовые и кредитные учреждения за последующие 40 лет полностью бюрократизировались. Безналичный расчет привел к полному лишению самостоятельности предприятий. Система сплошного кредитования вне зависимости от рентабельности предприятия, что вообще говоря, при вохровском экономическом хаосе определить невозможно, привела к тому же, что кредит, как орудие повышения эффективности.

6) Обеспечить возможно быстрое освоение нашим аппаратом достижений в области технического управления.[i]

7) Внедрять научно-рационалистические методы.

8) Усилить борьбу за режим экономии.

9) Подвергнуть специальному изучению итоги районирования.

10) Поставить под наблюдение РКИ в ближайшем году организацию образцовой работы 2–3 трестов, (!)[ii] 510 округов и 10–15 районов…

Борьба с элементами бюрократии внутри партии (!)

1. Сокращение платного аппарата.[iii]

2. Борьба с нарушением внутрипартийной демократии, (!) (со стеснением свободы высказывания и голосования на собраниях, применением ограниченной выборности, прикрытым и открытым нарушением выборных прав членов партии на смещение любого секретаря бюро, комитета)[iv]

3. Всемерно улучшить руководство со стороны парторганов, как вохровских, так и вохросомольских, проф. и кооперативных организаций, решительно борясь против подмены пролетарской общественности, административным командованием и опекой.

Лозунг самокритики «не взирая на лица» становится решающим методом борьбы с бюрократией ...».[v]

Через год, когда уже начала осуществляться вторая великая вохровская революция и великий семинарист подготовлял грандиозную операцию по физическому уничтожению действительных и потенциальных инакомыслящих, борьба с бюрократизмом смыкается с борьбой против «вредителей», «кулаков» и «саботажников», отмечаются «великие успехи» виссарионовской борьбы с бюрократизмом и заодно с «вредителями»:

Резолюция по отчету ЦКК-РКИ на XVI съезде[vi]

«… Съезд одобряет политическую линию и практическую работу ЦКК-РКИ… Упрощение системы управления и удешевление вохровского аппарата, упрощение системы управления промышленностью, кредита, налогов, торгово-кооперативных организаций, заготовок и внешних торговых операций способствовало приведению аппарата в большее соответствие с потребностями реконструктивного периода (!)…

---

i (См. сноску ниже) поощрение оптимальной экономической работы потеряло всякое значение. Система жесткого финансирования с изъятием не использованных к концу года остатков, приводит к уродливому использованию средств и приобретению ненужных товаров. В целом кредитная система полностью копирует общую вохровскую бюрократическую систему. Что же касается налогового обложения, то вскоре после осуществления с помощью механизма чрезмерно высоких розничных цен тотального долговременного ограбления рабочих, служащих и крестьян, все налоги были заменены одним налогом с оборота, который весьма произвольно распределялся по категориям товаров (прим. автора)

ii Спустя почти 40 лет новые вохровские великие вожди «вдруг» обнаружили, что достижения в области технологического управления примерно равны нулю. Спешно, в бюрократическом порядке, в 50 г. в.в.э., начато обучение вохровского аппарата достижениями стран загнивающего капитализма, в области техники управления (прим. автора).

iii Через 10–15 лет оплата секретарей ЦК, секретарей обкомов, райкомов и других функционеров высшей партийной элиты достигла фантастических размеров (прим. автора).

iv Это иезуитское постановление было инспирировано семинаристом-самодержцем после того, как были не только ликвидированы инакомыслящие других партий, но сосланы все инакомыслящие своей вохровской партии. Вскоре мощный аппарат вохровской тайной полиции пополнился 2 миллионами шпиков и «свободное высказывание и голосование» не только «стеснялось», но даже высказывание в обществе своих друзей и своей семьи тоже были ликвидированы, так как и среди них попадались шпики, в результате чего «высказывающийся» попадал в систему лагерного перевоспитания (прим. автора).

v Конечно, не все лица относили к категории «не взирая на лица». Нельзя было подвергать «самокритике» семинариста-самодержца, кого-либо из партийной элиты: ЦК, секретарей обкомов, райкомов. Нельзя было подвергать «самокритике» адептов виссарионовской тайной полиции, секретарей парткомитетов, чиновников из ведомства прессы, собственного начальства. Единственно безопасным объектом «самокритики» был сам «критик». В остальных случаях он рисковал попасть в систему лагерного перевоспитания (прим автора).

vi «В резолюциях и решениях (9 – 37 г. в.в.э.)» изд. 37 г. в.в.э., стр. 565 – 581.

В последние годы[i] партия в борьбе с бюрократизмом добилась больших успехов. Чистка аппарата, проводимая ЦКК-РКИ, нанесла серьезный удар по бюрократам и изгнала из аппарата десятки тысяч негодных, классово-враждебных и разложившихся элементов… Дальнейшее успешное развертывание социалистического строительства ставит сейчас с особой силой перед ЦКК-РКИ задачу решительной борьбы за очищение и оздоровление государственного и хозяйственного аппарата, за создание в нем условий, исключающие возможность вредительства и других проявлений кулацко-рестэпмановских влияний. ….

… Необходима беспощадная борьба с нагромождением множества дублирующих и излишних учреждений и отсечение параллельных и ставших на новом этапе излишних звеньев аппарата…

…. ЦКК-РКИ должно поставить своей задачей улучшение учета и отчетности…

… Поручает ЦКК-РКИ добиться значительного сокращения численности и уменьшения стоимости всех аппаратов, возможность чего доказана опытом коренной перестройки ряда аппаратов в связи с чисткой вохровского аппарата (штат Центросоюза сокращен на 50%, Кремлевфинотдела – на 64%, Союзбумаги – 51%, Большекамневск. Облзу – 56,7%, Текстильобъединения – 50%, Металлобъединения – 40% и т.д.)[ii] … Отмечая недопустимое разбухание аппарата колхозно-кооперативной системы как в центре, так и на месте, провести в жизнь намеченную реорганизацию этой системы, добившись значительного упрощения и сокращения стоимости аппарата не менее, чем на 50% (!), а также уничтожив излишнюю отчетность и переписку...

Съезд считает необходимым усилить ответственность партячеек, членов партии и в особенности вохровского руководства за факты бюрократизма и вредительства…

Одним из крупных завоеваний (!) в области борьбы с бюрократизмом является новая массовая форма рабочего контроля снизу – шефство заводов над вохровским аппаратом.[iii] Шефство заводов и передача рабочим отдельных функций государственного аппарата является крупным шагом по пути осуществления идеи Ильичева о том, что «целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей (!) каждым трудящимся по отбытии 8-часового урока производственной работы»… Крупнейшие успехи социалистического строительства делают возможным и необходимым переход в развернутое наступление на бюрократизм (!), тормозящего темпы нашего развития…

… Безответственное чиновничье самодовольство, отсутствие честного и точного исполнения директив партии и правительства являются наиболее опасным и злостным видом бюрократизма.

Беспощадная борьба с этим нетерпимым злом, обязательное доведение до конца проверки исполнения должны стать генеральной установкой в борьбе с бюрократическим злом (!!).

… Карая беспощадно виновных в бюрократизме ЦКК-РКИ должно не только «ловить, изобличать (это задачи суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождественен) – сколько уметь поправить. Умение исправления вовремя – вот главная задача Рабкрина» (Ильичев, 4 издание, том 33 стр. 21.)».

К 18 г. в.в.э. все инакомыслящие оппозиционеры окончательно раздавлены. Некоторым из них разрешено вернуться из ссылок. Все они соревнуются друг с другом в размерах пресмыкания перед великим семинаристом-самодержцем. В результате Второй великой вохровской революции рабочие и крестьяне тотально, долговременно ограблены. В результате коллективизации, тотального ограбления и частичного неурожая в стране свирепствует голод. В житнице Государства Тмутараканского – Малоскифии голод сопровождается людоедством. Великий семинарист становится могущественным самодержцем. Все остальные окончательно превращаются в клакеров и поют осанну вождю. Став-

i Только за год до этого, несмотря на то, что оппозиционеры были уже раздавлены, докладчик ЦК Яковцев сообщил о бесчисленных фактах бюрократизма, а через год виссарионовские клакеры сообщают о том, что в последние годы добились больших успехов в борьбе с Б. (прим. автора).

ii Трудно представить себе, что вохровские заправилы не знали, что все эти сокращения – липовые, тем более, что на партийных сборищах нередко отмечалось, что после чисток штаты еще более увеличиваются. Но может быть, что вохровские великие вожди были столь недалеки и близоруки, что они верили этим бюрократическим временным цифрам (прим. автора).

iii Это типично-бюрократическое мероприятие повлекло добавочные расходы и быстро «выдохлось» (прим. автора).

ший еще более могущественным аппарат тайной полиции особенно свирепствует по отношению к крестьянам – «кулакам» и «подкулачникам». Они миллионами высылаются в отдаленные места и в систему лагерного перевоспитания, где большая часть их вымирает. В этих условиях даже вохровская «самокритика» глохнет. Висарионов и его ближайший соратник и «родственник» по своей сестре – Лазаревич, задают основной тон. Они почти окончательно «ликвидируют» бюрократизм и гениально вскрытую ими функционалку и высокомерно заявляют что в странах загнивающего капитализма, по существу, нет никакой организации, а имеется оная только в великом карлсистско-ильичевском Государстве Тмутараканском. Великий семинарист «изрекает»[i, ii]: «Ответственность за недостатки, на фоне великих успехов, на 9/10 ложится на нас[iii]… Виноваты только мы, наше плохое оргруководство … бюрократизм и канцелярщина аппаратов Управления… Бюрократы и канцеляристы давно уже набили руку на том, чтобы на словах продемонстрировать верность решениям партии и правительства, а на деле – положить их под сукно. Нам нужно было организовать: развертывание самокритики… широкую сеть политотделов МТС и вохрозов, разукрупнение наркоматов, приближение хозяйственного руководства к предприятию, уничтожение обезлички и ликвидацию уравниловки в зарплате, усиление проверки исполнения и реорганизацию в этом смысле ЦКК и РКИ, передвижку квалифицированных работников из канцелярий к производству, разоблачение и изгнание из аппаратов неисправимых бюрократов и канцеляристов[iv]. Снятие с постов нарушителей решений «партии» и правительства, очковтирателей и болтунов, чистку вохровских хозяйственных организация и сокращение их штатов, чистку партии от ненадежных и переродившихся людей…

… Эти зарвавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов… Их надо без колебания снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом… О втором типе работников… Я имею в виду болтунов, я бы сказал честных болтунов… Очевидно, что болтунов надо снимать с руководящих постов».

Далее следует обычное безудержное хвастовство великого семинариста: «Мы добились успехов потому, что имели правильную руководящую линию партии. Посмотрите на окружающие страны. Много ли вы найдете правящих партий, имеющих правильную линию и проводящую ее в жизнь? Собственно, таких партий теперь нет в мире».[v]

Рвущийся в великие вожди его «родственник» Лазаревич с гордостью сообщает, как он и Виссарионов гениально вскрыли «функционалку» и «ликвидировали» ее[vi]:

«… А главное – это болезни, вскрытые ЦК на примере угольной промышленности и железнодорожного транспорта, – застревание огромного количества людей в канцеляриях. Так, например, в Малоскифбассе на 1/III – 17 г. в.в.э. работало горных инженеров – 643, из них на участках – 26. Почему результаты сокращения штатов оказывали у нас раньше недостаточный эффект?[vii] Это потому, что штаты сокращались без коренной и глубокой перестройки сверху донизу, без изменения оргсистемы и отчетности… Крупнейшее значение имеют ликвидация канцелярско-бюрократического метода работы, проверки исполнения и дальнейшей перестройки работы в соответствии с теми установками, которые дал Виссарионов в своем отчетном докладе …

При функционалке и запутанной структуре раздуваются штаты средних и внешних звеньев. Сегодня перебросят работников на производство, завтра их опять перетащат в разбухающиеся канцелярии.

---

i Отныне и до самой своей смерти великий семинарист только изрекает, «указывает», «учит».

ii Стенограмма 17 съезда, 18 г. в.в.э., речь Виссарионова, стр. 33 – 36.

iii Какая скромность и какое самоуничижение! (прим. автора).

iv Вскоре, после провокационного убийства Кострика, миллионы «бюрократов» и «канцеляристов» были изгнаны из аппаратов в систему лагерного перевоспитания. В этом отношении у великого семинариста слова не расходились в делом (прим. автора).

v Великий семинарист прав! Таких клакерских партий тогда нигде в мире не было, за исключением развертывавшейся адольферовской партии (прим. автора).

vi Стенограмма 17 съезда, 18 г. в.в.э., речь Лазаревича, стр. 532 – 566.

vii В резолюции XVI съезда, в 14 г. в.в.э., «указывалось», что «опытом коренной перестройки ряда аппаратов в связи с чисткой вохровского аппарата доказана возможность «добиться значительного сокращения численности аппарата», а на XVII съезда в 18 г. в.в.э., оказывается, что результаты сокращения штатов оказывали недостаточный эффект»!! Таковы всесвятые врали – вохры! (прим. автора).

Необходимо прямо сказать, что канцелярско-бюрократические методы… неумение соединить административное управление с хозяйственным по существу, функциональщина – все это является наследством буржуазных методов управления.[i] Капитализм не интересуется, не знал и не знает самой проблемы организации экономики страны как единого целого, ибо это противоречит самой природе капитализма. Даже организованность отдельных капиталистических предприятий или трестов сугубо относительна. Фактически мы видим, что попытки капиталистов ослабить анархию производства путем организаций монополиq, картелей и трестов ни к чему не приводит. Буржуазный негосударственный аппарат не управляет хозяйством. Буржуазный государственный аппарат играет по преимуществу роль полицейско-регуляторную … а каждым предприятием управляет капиталист…

У нас именно государство осуществляет единство политического и хозяйственного руководства… (!!!!)[ii]

Оргвопрос поставлен по инициативе Виссарионова…

Дробность норм выработки доходила до безобразных размеров…. В одном Красногвардейском рудоуправлении их было до 12 тысяч. Рабочие, конечно, не могли знать нормы и расценки за тонну или вагончик. Выявились безвластность бригадира, десятника и нач. участка и функционалки в управлении шахты, доведенные до абсурда. Если десятнику и начальнику участка необходимо было ремонтировать врубовую машину, он вынужден был просить у заведующего отделом механизации шахты, который сидел на поверхности, чтобы тот прислал ему слесаря. Если вагон забурился или путь портился, то начальник участка должен был просить заведующего путевым хозяйством, который тоже сидел на поверхности, прислать ему путевых рабочих. Лучшие инженеры и техники сидели в трестах, рудоуправлениях, шахтоуправлениях.

Организационный вопрос разрешен в угольной промышленности основательно и глубоко… Резко сокращена отчетность. До решения ЦК шахта должна была по 64 формам давать 51,5 тысяч показателей. Сейчас отчетность сокращена в 7 раз. Писак стало меньше, бумаги портят меньше…. Ликвидация отдела обогащения – обогатили уголь (!)… Уроки Малоскифбасса учтены нашей промышленностью слабо и неудовлетворительно… Организационной путаницы и безответственности в управлении много…. Если взять управление заводом и его отношения с цехом … там остались еще функционалки, как это было на шахте (!)[iii]… Управление заводом настолько громоздко, что оно вместо помощи давит зачастую на цехи. … Между управлением, функциональными секторами и цехами происходит бесконечная переписка, которая мешает начальнику цеха…

В самих цехах зачастую складываются формальные отношения между начальниками цехов и их аппаратом. Возьмем Банищевский вагоностроительный завод. В заводоуправлении имеется 14 отделов, в которых работает 367 человек, кроме того, в цехах – 234 служащих. К общему количеству работников это составляет – 16%. Кроме директора на заводе имеются заместитель – технический директор, заместитель директора по материально-хозяйственной части, заместитель директора по рабочему снабжению, производственный отдел, отдел подготовки производства, отдел главного механика, отдел технического контроля, производственно-экономический отдел, сектор кадров, спецотдел, контроль исполнения, центральная бухгалтерия, коммерческий отдел, подразделенный на финансовый отдел и подотдел снабжения и сбыта, управление делами, кладовая, отдел капитального строительства, отдел рабочего снабжения. Весь этот аппарат, раз он получает жалование «должен» писать и вот пишут…

---

i Через 18 лет после того, как вдребезги разрушили буржуазный аппарат, всё еще буржуи виноваты!

ii Как блестяще и гордо выглядит законное высокомерие вохровского вождя, сапожника Лазаревича! И в самом деле, в каком еще государстве могло быть так блестяще организовано единство политического и хозяйственного руководства?.. Ко времени произнесения блестящей речи сапожника Лазаревича промышленность была доведена до такого процветания, что выпускала один сплошной брак и то хватало только для индустрии смерти. Процветание коллективизированного сельского хозяйства было столь грандиозно, что в стране свирепствовал голод, сопровождаемый людоедством. Зато тюремная и полицейская индустрия действительно процветала. В каждой камере Склянской тюрьмы, предназначенной на 12 чк, набивалось в несколько раз больше арестантов. Миллионы крестьян истреблялись (прим. автора)

iii Через 30 лет после того как сапожник Лазаревич так блестяще, гениально, основательно и глубоко разрешил оргвопрос в Малоскифбассе, бюрократизм разъедает его настолько, что десятками лет производительность труда остается столь же низкой, несмотря на огромные капзатраты, огромное насыщение механизмами (прим. автора).

В деревообделочном цехе на 57 чк в течение января выписано 7 тысяч нарядов (!). Писаниями занимаются и инженеры. Многим инженерам поручают заниматься канцелярщиной и на заводе и в цеху. На производстве инженеров – мало. На Банищевском заводе 36 инженеров работают в аппарате заводоуправления, а 19 в цехах…

Дирекция сносится с начальниками цехов через функциональные отделы. Цех получает план от двух отделов: от производственно-планового и планово-экономического и имеются случаи, когда задания отделов расходятся… Если начальнику цеха необходимо обратится за чем-либо в заводоуправление, то он должен обращаться: по вопросу о людях – в отдел найма и увольнения; по вопросу о топливе – в энергобюро отдела механика; по вопросам о материалах – в отдел снабжения; по вопросу о чертежах – в отдел подготовки производства, о программе – в производственный и в планово-экономический отдел, по вопросу о тарифах – в тарифно-экономический отдел. Эта функциональная система ведет к тому, что свободный от руководства цехами директор, занимается общими приказами. Вот один из приказов об организации медико-санитарной и химической службы: «Капиталистический мир задыхается в тисках мирового кризиса, ведет бешеную подготовку к новой мировой войне …» и т.д. И это не случайный приказ. У Хруничева много таких приказов...

Нынешние отделы производства в значительной своей части оканцеляривают важнейшее дело организации технологического процесса на предприятии…

Малоскифбассцы помнят знаменитый ОППОТ (отдел проектирования производственных процессов и организации труда).

На большинстве заводов в той или иной степени функциональщина существует; большинство служащих на заводе – это работники функциональных отделов. Это относится и к строительствам. Мне лично (!!) пришлось видеть одну из таких строек, где нагромоздили 30 отделов. Рабочим негде жить, аппарат же занял огромные помещения…

Самое главное – это уменьшить количество звеньев в управлении. Вместо четырехзвенной установить трехзвенную, а еще лучше двухзвенную. Опыт подтверждает абсолютную правильность подчинения предприятий непосредственной наркоматам. Ликвидированы ряд трестов и почти все объединения…

Все функциональные сектора ликвидировать и не требуется. Часть из них может и должно остаться, но во 1) их нужно сократить максимально, во 2) надо запретить функциональным секторам действовать через голову производственных главков и управлений. Функциональный сектор должен быть небольшим, подобным наркомату аппаратом, не дающим никаких непосредственных распоряжений. Тогда во всяком случае вреда от него будет меньше… Функционалка в легкой промышленности приняла исключительно большой размах. «Производство» функционалки в секторах и отделах Наркомлегпрома имеет больший размах, чем его работа по производству продукции легкой промышленности... Суть функционалки в текстильной промышленности заключается в том, что существующих в течение десятков лет квалифицированных ткачей или ткачих, квалифицированных прядильщиков – их ликвидировали.

В прядильном производстве обязанности прядильщика были разбиты между присучальщиками, ставильщиками и обмахивальщиками, а в ткацком производстве ткачиху заменили заводчицы, пускальщицы и зарядчицы. Это привело к безответственности и резкому увеличению брака. Вместо целостного процесса труда были созданы 3 функционера. Потребовалось указание Виссарионова, чтобы отменить эту функционалку.

На фабриках легкой промышленности функционалка выражена не менее ясно, чем на Банищевском заводе. Так, например, на «Пролетарке» было 18 функциональных отделов, а на фабрике имени Яковлева – 13 отделов и 10 секторов. На фабрике «Пролетарка» были следующие: директор, заместитель директора, помощница директора по рабочему снабжению, помощник директора по массовой работе, заведующий производством, заведующий плановым отделом, заведующий отделом рационализации, заведующий отделом организации труда, заведующий отделом технического контроля, начальник отдела кадров, нач. отдела снабжения, главный бухгалтер, финансовый отдел, стол личного состава,

управделами, отдел технической пропаганды, отдел техники безопасности, отдел главного механика, отдел контроля и исполнения и отдел капительного строительства. Брак дошел до огромных размеров. Брак происходил не только от плохой системы управления, но и от нелепой централизации подсобного хозяйства.

Наркомлегпром лишил фабрики права производить необходимые им подсобные материалы. … Планирование зачастую превращалось в издевательство. Фабрика «Красная Заря» проработала 17 г. в.в.э. без плана. План ее рассматривался в 5 организациях и 46 секторах. Фабрика получила 19 директив, которые одна другой противоречили. План на 17 г. в.в.э. запоздал на 1 год 4 месяца. Таких ярких примеров бюрократизма в Наркомлегпроме много. В хлопчато-бумажной промышленности аппарат трестов состоял из 19–22 функциональных отделов. Наркомат легкой промышленности исключительно громоздок. Он имеет 39 управлений и 60 секторов. Некоторые Управления не располагают собственной производственной базой. Чем же управляют эти Управления?.. Я не хочу сказать, что надо удовлетворять стремления многих местных товарищей и передать в ведение мест бесспорно союзные предприятия. Но надо наркоматам в гораздо большей мере опираться на помощь местных советов и исполкомов. Управления настолько громоздки, что они фактически не управляют промышленностью. Например, Главное хлопчато-бумажное управление. Это Управление объединяет 14 союзных трестов и комбинатов с 171 предприятиями и 350 тысяч рабочих. Его предприятия выпускают на 2,5 миллиарда продукции, что составляет около 1/3 продукции Наркомлегпрома. Такой главк, естественно, не охватит руководством тресты и предприятия. Отсюда – затор и перебои в работе трестов и предприятий. Не лучше-ли такой Левиафан разукрупнить? Если взять другие отрасли промышленности, то там оргнедостатков и неразберихи очень много.

Достаточно напомнить о крупнейших недостатках пищевой промышленности, приводящих к производству недоброкачественной продукции и к отравлению людей… В пищевой промышленности, в рыбном деле, консервации и т.п. много безответственности, обезлички и бюрократизма. Например, маслобойно-жировой промышленностью руководят: Главрасжирмасло, Союзразмасло, Главжирпром, ОМНК и три Наркомата: Наркомснаб, Наркомлегпром Союза и Наркомлегпром Великоскифии. В четырех главках работало 493 человек. Такое руководство маслобойно-жировой промышленностью привело к нерациональной загрузке предприятий в одних районах и недоснабжению рынка и встречным перевозкам в других. В результате и жиров, и масла, и мыла оказалось меньше. Такая структура приводила к тому, что ресурсы наши разбазаривались, мыло с северного Казкава надо было везти на Большой Камень, а Большекамневские и близлежащие к ним заводы не имели сырья...

Возьмем Наркомлес. Связь между Наркомлесом и настоящим лесом крайне слабая и неудовлетворительная. … В самом наркомате управление местными органами запутано и безответственно, ибо распоряжаются все, кому не лень. Вот например, Союзлесзаг. Эта организация ведет 46% всей продукции Наркомлеса.

Такое построение само по себе нелепо. Нельзя почти 50% всей продукции сосредотачивать в одном главке. Но рядом с Союзлесзагом существует обилие функциональных отделов. Установление ассортимента продукции решается функциональным органом Наркомлеса – сектором материальных балансов. Таким образом, Союзлесзаг, являющийся производственным главком, не определяет ни материальных, ни людских резервов по заготовке леса. Лесные заготовки от этого страдают. ….

В сельском хозяйстве организационные вопросы стоят острее, чем в других отраслях хозяйства. …

Главная слабость Наркомзема состоит в том, что он посылал десятки и сотни распоряжений вниз, требовал учета и отчетности, рассылал машины и станки, но не вникал в суть оперативной работы и организационного построения низовых органов, не обеспечивая повседневного руководства всем этим организациям. Правда, вопросы сельского хозяйства, в том числе и распределение тракторов, машин, и прочих материальных средств, в особенности, за последние годы, проходят через ЦК и СНК. Однако, нельзя думать, что распределение ЦК этих средств уже решает дело правильного их распределения[i].

i Возможно, вохровский вождь Лазаревич и в действительности полагал, что он, как и остальные невежественные аппаратчики и бюрократы из ЦК и СНК, – отдельные люди, которые дальновиднее других, тем более, что он все же сомневался, «что распределение» этих средств ЦК уже решает дело правильного распределения (прим. автора).

Если есть решение направить столько-то тракторов, столько-то запасных частей, то это не значит, что кое-кто не может смазать или сорвать выполнение этого решения. Мы знаем, что такое аппарат. Любое замечательное решение можно испоганить, исковеркать до неузнаваемости на практике, а потом еще прийти и с «документами» доказать, что иначе нельзя сделать.[i]

В Наркомземе аппарат часто подходит к директивам механически, без учета местных конкретных условий. Вследствие бесконечного количества отделов и секторов в Наркомземе самый простой вопрос, выдвигаемый местами, проходит через бесконечное количество инстанций. В результате места остаются без ответа. Вот например, Наркомзем Калгизии 1/XII 17 г. в.в.э. обратился в Наркомзем Союза с просьбой об удовлетворении республики по 28 культурам. Это письмо поступило первоначально в Зерновое Управление, оттуда в Кормовое, потом в Плодоовощное, затем в Семеноводческое, а затем пошло по секторам. В каждом Управлении и секторе запрос побывал у десятков исполнителей, каждый исполнитель накладывал резолюцию. Бумага мытарствовала по Наркомзему 40 дней. За это время только зерновая группа написала ответ, и то по одной культуре. Когда будут даны ответы по остальным культурам – неизвестно. Вероятнее всего, после весеннего сева...

В Наркомземе существует 29 Управлений, 202 сектора. Каждый сектор ведает всем Союзом. Для того, чтобы решить какой-нибудь вопрос, как разработка форм натурального расчета между МТС и колхозами, потребовало у аппарата Наркомзема 144 дней мытарств, через 44 инстанции. Утвержденная и разосланная затем на места 25/IV форма была отменена затем Зернотрактороцентром. Стали опять переделывать. До середины 17 г. в.в.э. ни формы, ни инструкции не были посланы на места, хотя к этому времени уже широко развернулась хлебосдача… Как видите функционалка достигла в Наркомземе особых «достижений!»…

За пару месяцев до съезда мы взялись за это дело, но не кончили… И сейчас на съезде было совещание с маститыми товарищами по этому вопросу и после съезда будет утверждена новая структура Наркомзема, как и других наркоматов. Все Трактороцентры ликвидируются и соответствующие функции возлагаются на другие Управления. Главные Управления: (по зерну, хлопку, свекле, льну и т.д.) должны разбиваться на территориальные секторы. Каждый из этих Управлений сосредотачивает весь круг вопросов, касающийся данной культуры…

ОБВ – это объединение по борьбе с вредителями. Но прежде чем бороться с вредителями в сельском хозяйстве, нужно бы разбить имеющиеся сознательно или безсознательное вредительство в самом объединении по борьбе с вредителями…

В этом году сельским хозяйством занималась вся партия и ее ЦК. (!)[ii] ЦК, члены Политбюро, вождь нашей партии т. Виссарионов критикуют Наркомзем не для того, чтобы все осталось по старому. (!) Либо вы сумеете мобилизовать по-настоящему весь аппарат Наркомзема, сотни тысяч людей для того, чтобы выполнить задание партии, либо это будет целью партии (!) через Вашу голову…

Существовавшие в Наркомземе Управления животноводческих ферм с его местными объединениями МТФ съедают ежегодно до 40 миллионов вохриков отчислений от колхозных ферм на свое содержание. Да, а толку от него мало…

В области и крае тысячи людей. А животноводством занимаются десятки. Посмотрите, что происходит с кадрами зоотехников; в районном аппарате сосредоточено – 2600, в краевом – 300, в вохрозах – 160 и ни одного зоотехника в колхозах …….. Вы знаете, какой огромный управленческий аппарат в колхозах. Мы даем директиву – сокращайте этот аппарат. В стране 60% колхозов – это колхозы, имеющие всего 60 – 70 хозяйств, а наряду с председателем колхоза существуют помощник по организации труда, плановик, агроном, заведующий хозяйством и десяток других должностных лиц… Колхоз имеет огромный функциональный аппарат. В результате бригадир получает распоряжения от очень

i Но сапожник Лазаревич не сомневался, что любое решение аппаратчиков из ЦК непогрешимо и божественно. Только аппарат, то есть функционеры, которые были все же образованнее невежественных аппаратчиков из ЦК, могли исковеркать божественное решение ЦК (прим. автора).

ii Под «партией» Лазаревич разумеет, конечно, аппарат Политбюро ЦК. Полицейский аппаратчик Лазаревич угрожает, что кучка невежественных аппаратчиков заменит (!) бюрократический аппарат системы Наркомзема, состоящий из сотен тысяч людей (прим. автора).

многих людей, а председатель колхоза не всегда имеет представление о положении в бригадах. Сводки заели наши колхозы. Надо сократить отчетность, требуемую сверху от наших колхозов....

Точно также в самой колхозной бригаде не надо создавать функционалки... Возьмите бригадира тракторной бригады. Чтобы больше вспахать – он пускает трактор быстрее, плуг у него прыгает, получаются огрехи... Полевой бригадир должен иметь право сказать ему: «Пока ты работаешь на моем участке, изволь подчиняться мне»...

Что касается вопросов, то их отстаивание в проведении сельскохозяйственных работ в значительной степени объясняется плохим освоение техники и громоздкостью вохрозов. Вот пример функционалки в системе Наркомвохрозов:

Вохроз «Молочное» до IV 17 г. в.в.э. находился в ведении Всесоюзного молочно-племенного треста. 16 – X, согласно указаниям заместителя наркома, вохроз превращается в самостоятельную хозяйственную единицу. 11/VI вохроз передается в Северный Маслотрест. В тот же день, 11/VI, заместитель наркома издает приказ о закреплении вохроза за Северным научно-исследовательским институтом. 21/VI Заместитель наркома получает сообщения от производственного управления, что его приказ не выполнен. На это сообщение заместитель наркома пишет резолюцию: «т. Львову с пристрастием произвести лично допрос, кто вредит и дезорганизует работу наркомата и вводит в заблуждение коллегию. В результате расследования виновных выгнать из аппарата, чтобы другие помнили четыре пятилетки»... Дело же кончилось тем, что вохроз доведен до безобразного состояния....

... Каково положение в магазине?.. только 25% торговых работников являются продавцами, остальные – заведующими секторами, отделами, замзавами, помзавами и т.д....

Канцелярщина, бумагописание внедрились в эту область, где, казалось, меньше всего им место – в торговлю, в магазин...

Магазинов у нас много (!)[i], а очереди у нас есть...

Для того, чтобы распределить фонды по 12 планируемым товарам, необходимо пройти через 20 инстанций.... Сколько бумаги исписывается, сколько людей заседает, пока план утверждается. В конце концов, это часто совпадает не с началом, а с концом квартала... И получается так: план – планом, а отгрузка товаров идет самотеком...

.... В водном транспорте функциональщина, безответственность и обезличка… Для того, чтобы отремонтировать свой пароход, пароходство должно обратиться в Судостройремонт.

У Наркомводовцев пароходы плохо плавают летом, но зато и летом и зимой сами наркомводовцы в канцелярии плавают замечательно...

Что касается железнодорожного транспорта, то структура, установленная сейчас, – правильная, нужно ее осуществлять. (!)

Руководители наркомпути до сих пор еще не сломили сопротивления бюрократических элементов. (!)[ii]

Решающая роль теперь за проверкой исполнения (!)…

…Существуют специальные большие аппараты и для подборки людей, и для проверки исполнения. В результате – факты бюрократизма в самой проверке исполнения. (!)

---

i Благодаря своему дремучему невежеству великий вождь, сапожник Лазаревич и не подозревал, что и магазинов, и продавцов ничтожно мало. В I томе автор показал, что, по данным вохровских экономистов, в Колумбовии на 1000 чк в торговле работают 76 чк., а в Государстве Тмутараканском в 48 г. в.в.э. – 13. Но эти данные преувеличенные. По переписи 43 г. в.в.э., на 208 мил. населения было 1166 тыс. продавцов или 5,6 на тысячу, по переписи 23 г. в.в.э. на 190 мил. населения количество продавцов – 716 тыс. или 3,7 на 1000 чк., но и эти данные преувеличены. Фактически в 18 г. в.в.э. на тысячу чк. было 2 продавца, в 38 раз меньше, чем в Колумбовии. Вот почему очереди – одно из примечательных явлений счастливой жизнь счастливых тмутараканцев в первый полувек великой вохровской революции (прим. автора).

ii Вскоре всезнайка-сапожник Лазаревич «сломил» сопротивление бюрократических элементов наркомпути и … ввел еще большую невообразимую путаницу (прим. автора).

Странно – но факт. В лучшем случае сектора проверяют бумажками, перепиской. Ну, как же ему, бедняге проверить по живому, когда он сам дела не знает. (!)

Ясно, что такому сектору остается или писать бумаги … или волокитить… Недаром в наркоматах сектор проверки исполнения в официальных бумажных сокращенно называется СПИ…

Беда в том, что структура в тресте, в наркомате составляется канцеляристами, так как руководитель гнушается этой работой…

Необходима проверка исполнения, (!) а не формальное принятие мер. Протокол получил, резолюцию наложил, распоряжение сделал. Часто получается, что распоряжение сверху получил, перефразировал его немного и переслал вниз. А там его посылают еще ниже и волокита тянется.юю

… Дошло до такого абсурда, что звеньевая вохровская ячейка вальцепрокатного цеха, имея всего 7 человек партийцев, создала бюро ячейки, в которую вошли все 7 чк, причем на 7 чк имелось 7 секторов.

… Функциональщина в аппарате обкомов, крайкомов, ЦК национальных вохровских партий и в аппарате ЦК мешала работе...

В обкомах и крайкомах мы создали следующие отделы: сельскохозяйственный промышленно-транспортный, вохровской торговли, культуры и пропаганды, руководящих органов и особый сектор.

Стиль работы т. Виссарионова – это единство слова и дела, единство решения и исполнения….

Вы знаете, что если секретарь крайкома, обкома, председателя исполкома пришлет в ЦК телеграмму, то он обязательно получит через 1–2 дня ответ. (!!!)

Партия знает, что ЦК, Политбюро и руководство Виссарионова – есть единое неразрывное целое, обеспечивающее нам великие победы (!!)[i]…»

Итак, величайший семинарист и несколько менее великий сапожник гениально вскрыли анатомию Гидры бюрократизма – функционалки. Лазаревич под гениальным руководством Виссарионова в угольной промышленности уже уничтожили функционалку, и «организационный вопрос в угольной промышленности разрешен основательно и глубоко». В железнодорожном транспорте структура проработана, и под руководством великого семинариста всякий бюрократизм всюду будет ликвидирован не менее «основательно и глубоко»…

Остальные клакеры-хлопальщики на XVII съезде только попискивали по вопросу функционалки и бюрократизма…

Анастасян невнятно лепечет[ii]: «Система карточной торговли со всеми бюрократическими недостатками, вместо того, чтобы воспитывать хороших работников, (!)[iii] многих портит… В 17 г. в.в.э. Виссарионов, заботясь об улучшении работы столовых, предложил передать их Наркомснабу, изъяв их из кооперации. Качество работы столовых теперь стало значительно лучше. (!) Но я должен сказать, что самое опасное – это зазнаваться…».

Наркомвохрозов Юркович также слегка попискивает[iv]: «Особенно пагубной является система руководства через бесчисленое количество циркуляров и приказов»[v].

Зутак жалуется на множество реорганизаций[vi]:

«Другой вопрос из области капитального строительства, общий не только для черной металлургии, но и для всего нашего строительства, – это чрезвычайная множественность и четкая реорганизация

---

i Лазаревич отмечает, что во всех звеньях великой системы Государства Тмутараканского царит и господствует функциональщина, даже в обкомах и крайкомах, даже в ЦК. Только одно звено не бюрократично – это сам божественный, животворный, гениальнейший, всезнающий великий семинарист (прим. автора).

ii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., речь Анастасяна, стр. 184.

iii Лиса Анастасян смешит кур, говоря, что карточная система воспитывает хороших работников!

iv Стенограмма XVII съезда, речь Юрковича, стр. 221.

v Которые Юркович сам же и издает (прим. автора).

vi Стенограмма XVII съезда,. речь Зутака, стр. 264, 265

стройорганизаций. В Лигаткомбинатстрое за 26 месяцев существования строительство применяло 9 хозяйственно-организационных форм. Каждая из реорганизаций сопровождалась приемкой и сдачей дел…».

«Профсоюзный» вождь Тяжник бормочет о функционалке[i]: «Я должен сказать, что в работе аппарата профсоюзов имеются элементы формально-бюрократического руководства, когда ставка делается на циркуляры и резолюции. Покончить с функционалкой, изгнать обезличку и безответственность и перестроить аппарат профсоюзов сверху донизу по производственно-отраслевому принципу – важнейшая сейчас задача… О кадрах профработников, особенно фабзавкомов: нельзя терпеть больше той текучести, которая имеет место». (!!)

Любов даже договаривается до того, что якобы функционалка ликвидирована в легкой промышленности[ii]:

«Мы ликвидировали функционалку[iii], как постановил сентябрьский Пленум ЦК. Но функционалка – это не только система, бывшая в организации труда. Функционалка – есть нарицательное имя в организации управления предприятием…

… На самих предприятиях было недостаточное количество инженерно-технического персонала, который в значительном количестве работал и заседал в управлениях и канцеляриях фабрик. Теперь значительное количество таких организаций, как отдел технического контроля, Бюро рабочего изобретательства, отделы технического нормирования ликвидированы и ответственность за проведение этой работы возложена непосредственно на заведующих цехов, мастеров и подмастерьев»[iv].

Уже придавленный и вскоре уничтоженный умница Пчелинский, вынужденный пресмыкаться перед самодержцем-семинаристом, – почти единственный человек, произносящий на XVII съезде разумные слова[v]: «Именно бюрократ хочет объять необъятное и «хочет все знать» … Статистик-бюрократ не считается с тем, может ли он эти сведения разработать.. Он не собирает на всякий случай… Поймите при этом тяжелое положение Управления народно-хозяйственного учета …, которое знает опыт техники передовых стран, знает, что там учетные формы кратки, точны, ясны… вдалбливает ежедневно своим сотрудникам… И приходится вести борьбу с этим морем бумаг, которые сыплются отовсюду, вести борьбу до некоторой степени тщетную … Основные способы борьбы, кроме того, что предложил Лазаревич,[vi – установление законом точных перечней форм … и нужно, чтобы эти законы исполнялись.

т. Виссарионов – инициатор всех наиболее важных и замечательных предложений».

В целом к 18 г. в.в.э. главными борцами против остатков бюрократизма и одной из его разновидностей – функционалки становятся великий вождь Виссарионов и менее великий Лазаревич. Как выше было показано, они гениально вскрывают корни вохровского бюрократизма и, поставив блестящий диагноз, создают условия для успешного искоренения бюрократизма и функционалки.

В период 19–23 г. в.в.э., в результате истребления 15–20 миллионов рабочих, крестьян, значительной части вохровской партийной, полицейской, военной, хозяйственной, технической элиты, а также элиты работников культуры, тем самым и бюрократизм в великом, вохровском Государстве Тмутараканском был полностью «искоренен» гениальным вождем и подвластным ему мощным полицейским аппаратом.

На XVIII съезде, в 23 г. в.в.э., на котором клакеры-хлопальщики были главным образом заняты славословием, и лакейским преклонением перед божеством, только его ближайший священнослужитель

---

i То же, речь Тяжника, стр. 240.

ii То же, речь Любова, стр. 240.

iii А здорово. Пленум ЦК постановил ликвидировать функционалку – и таковая была ликвидирована! (прим. автора).

iv Наивный оптимист Любов, если бы его не уничтожил великий семинарист, был бы несказанно удивлен, увидев, как сильно размножились эти и другие отделы через 30 лет. (прим. автора).

v Стенограмма XVII съезда, речь Пчелинского, стр. 634.

vi Пчелинский вынужден, как и все в той или иной степени репрессированные и временно помилованные оппозиционеры, пресмыкаться перед семинаристом и его ближайшим клевретом Лазаревичем (прим. автора).

Лазаревич решился огласить один мелкий случай бюрократизма[i]: «… В НКТП был издан приказ о борьбе с авариями. Один из начальников главков в НКТП, чтобы избавить себя от труда, за несколько дней вперед подписывал пустые сводки об авариях, которые затем должен был заполнять технический работник. Но последний по ошибке вместо сводки прислал начальству пустой бланк…».

Не считая этого мелкого случая, бюрократизм в славном виссарионовском Государстве Тмутараканском был «искоренен» в... унифицированной вохровской печати, литературе и радио до самой смерти гениального вождя в 37 г. в.в.э.

Об этом свидетельствует также второе издание Большой вохровской энциклопедии в 35 г. в.в.э., полностью ставшее служанкой великого семинариста и одним из реквизитов Темкинских деревень. Ниже приводится эта на редкость бесстыдная, невежественная, дезинформационная статья второго издания Большой вохровской энциклопедии:

«Бюрократизм – система Управления, присущая эксплуататорскому государству, характеризующаяся полной оторванностью от жизни и деспотическим навязыванием народу методов управления, чуждых его интересам. Бюрократизм состоит в том, что господствующий эксплуататорский класс осуществляет свою власть через своих ставленников-чиновников, образующих бюрократию, – особую замкнутую касту оторванных от масс, стоящих над массами привилегированных лиц. Бюрократии, как замкнутому привилегированному слою чиновничества, соответствует и бюрократизм, как система Управления, как способ решения дел в пользу эксплуататоров. В период загнивания капитализма бюрократические учреждения Колумбовии и Саксии достигли небывалых в их истории масштабов, обрушиваясь своей тяжестью на рабочий класс и всех трудящихся, а также на передовую интеллигенцию и подвергая особым преследованиям вохровские партии этих стран. Центральный аппарат самодержавия в 18 и 19 веках старой эры все более усиливался. Бюрократия получила особое развертывание в период борьбы с революционным движением рабочего класса и крестьян, малейшее проявление которого давила и душила полицейско-бюрократическая машина Царского Государства Тмутараканского. Великая вохровская революция разрушила старую полицейско-бюрократическую машину… создала подлинные народные органы государственного управления, подорвав тем самым корни бюрократии. Партия и правительство осуществили ряд важнейших мероприятий по искоренению бюрократии: чистка государственного аппарата, широкое выдвижение рабочих от станка на руководящие государственные посты, оживление работы Советов. Большую роль в борьбе с бюрократией сыграла созданная по инициативе Ильичева и Виссарионова РКИ. Социалистическое Государство имеет совершенную демократию. Вохровский государственный аппарат строится на принципе широкого вовлечения масс в государственное управление. Он ответственен перед народом и подконтролен ему.

Победа вохровского государственного строя и ильичевско- виссарионовской национальной политики, индустриализация и техническая реконструкция всего народного хозяйства, успешное выполнение виссарионовских пятилеток, создание новых кадров вохровской интеллигенции обеспечивают все необходимое для искоренения бюрократизма в вохровском аппарате...

Огромной силой в борьбе с канцелярско-бюрократическими методами руководства, против всех остатков бюрократизма являются вохровская критика и самокритика.

Рост социалистической культуры, подъем политической активности вохровского народа, контроль и проверка исполнения...

«Хорошо поставленная проверка исполнения – этот тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводит на свет божий бюрократов и канцеляристов» (Виссарионов – «Вопросы ильичевизма»)».

Великий инквизитор Игнатий Лайола, беспринципный политик Маккиавели – младенцы в сравнении с прожженными вохровскими апологетами из Большой вохровской энциклопедии. Ведь эта статья писалась, когда лагеря были заключены около 15 миллионов человек, в ссылке находилось много миллионов людей из так называемых «народов-преступников», все кахи были закрепощены и отрабатывали в неделю 6 дней барщины – более свирепой, чем при крепостном режиме, а рабочие под страхом

i Стенограмма XVIII съезда, 23 г. в.в.э., речь Лазаревича, стр. 247.

попасть в систему лагерного перевоспитания не имели прав переходить с одного завода на другой. Миллионы шпиков подслушивали разговоры тмутараканцев, и за каждое «крамольное» слово самые «свободные» люди в самой «демократической» стране попадали в лагеря. Доходы рабочих и крестьян были ничтожны, и страна голодала.

Самовластно, с помощью огромного полицейского аппарата правил семинарист. По мановению его пальца уничтожались миллионы – любой человек, вплоть до ближайшего клеврета и личного друга семинариста.

Именно в эту темную, непроглядную виссарионовскую ночь и сложилась специфическая вохровская абсолютная бюрократическая система. Но, согласно унифицированной вохровской прессе и литературе, бюрократизм был искоренен и свирепствовал только в Колумбовии, Саксии и других странах загнивающего капитализма.

4. Вохры о бюрократизме в послевиссарионовский период

Несмотря на то что где-то между 18 г. в.в.э. и 23 г. в.в.э. вохровские великие вожди вместе с физическим истреблением миллионов бюрократов ликвидировали и бюрократизм в Государстве Тмутараканском, о чем так ярко и доходчиво свидетельствует Большая вохровская энциклопедия издания 35 г. в.в.э., чуть ли не через полгода после смерти гениального вождя, когда набальзамированную мумию великого Виссарионова положили рядом с мумией еще более божественного Ильичева, оказалось, что бюрократизм вновь обнаружен в великом вохровском Государстве Тмутараканском.

В Постановлении сентябрьского Пленума ЦК (37 г. в.в.э.) отмечается[i]: «Обязать обкомы, крайкомы и ЦК национальных вохровских партий … изменить методы руководства сельским хозяйством, покончить с поверхностным бюрократическим подходом к руководству колхозами МТС и вохрозами».

В докладе великого Никитова на Пленуме ЦК 23.II – 2.III 38 г. в.в.э. отмечается[ii]:

«В области руководства сельским хозяйством сложилась вредная бюрократическая практика,состоявшая в том, что основные силы руководящего рабочего аппарата и специалистов направляются не на конкретное живое дело по организации кахов, работников МТС и вохрозов … а на составление многочисленных директив, резолюций, справок, писем, отчетов и т.п., часто никому не нужных бумаг, что ведет к отрыву специалистов от организационной работы непосредственно в МТС, колхозах и вохрозах… Порочный канцелярско-бюрократический метод руководства, практикуемый в Министерстве сельского хозяйства и в Министерстве вохрозов Союза воспринимается местными сельскохозяйственными органами и МТС, которые в свою очередь наводняют колхозы и вохрозы излишней отчетностью и различного рода ненужными бумагами. Пленум ЦК требует изжить вредную практику канцелярско-бюрократического руководства сельским хозяйством.

Многие райкомы продолжают работать старыми методами. секретари райкома и инструкторы по МТС остаются жить в районных центрах, где и проводят большую часть времени, а в МТС и колхозах бывают редко…

… Ликвидировать обезличку и безответственность в руководстве МТС и колхозами, покончить с канцелярскими методами работы и заседательской суетней».

В докладе Булгарина на Пленуме ЦК 4–12. VII. 39 г. в.в.э. «О задачах по дальнейшему подъему промышленности» отмечается: «В ряде отраслей промышленности медленно внедряются в производство важнейшие достижения науки и техники, плохо используются резервы промышленности. Уровень механизации и автоматизации производственных процессов в промышленности, на транспорте и в строительстве все еще недостаточен. Главные причины – слабое руководство со стороны министров и ведомств по созданию и освоению новых машин и механизмов…

i «Резолюции и решения 9–37 г. в.в.э.», изд. VII, 37 г. в.в.э., стр. 1194.

ii «В резолюциях и решениях», часть III (14–38 г. в.в.э.), стр. 682 – 684.

Некоторые министерства плохо руководят деятельностью отраслевых научно-исследовательских Институтов ….. неудовлетворительно внедряют законченные работы научно-исследовательских институтов Академии Наук и отраслевых научно-исследовательских институтов; ведут работы разобщено, и их тематика нередко дублируется…

Нормирование труда и система зарплаты во многих предприятиях излишне усложнены и мало понятны рабочим; руководители предприятий мало занимаются этим делом...

… Структура управления остается еще громоздкой…

В аппаратах министерств, ведомств и предприятий много еще излишних параллельно действующих звеньев, штаты административного управления аппарата все еще велики…

Как правило, главные управления и многие тресты находятся в Кремлевии и столицах союзных республик. Сложившаяся в промышленности чрезмерная централизация управления мешает оперативному и конкретному руководству».

На XX съезде великий Никитов отмечает[i]: «Организационная структура министерств сельского хозяйства, вохрозов и заготовительного аппарата все еще громоздкая и бюрократическая…

Функцию министерства сельского хозяйства следует ограничить перспективным планированием, финансированием, снабжением и государственным контролем за выполнением заданий производства. Оперативное руководство заготовками следует возложить на МТС, а сотни тысяч заготовителей использовать на производстве…

… В течение двух последних лет административно-управленческий аппарат был сокращен на 750 тыс. человек. Следует сказать, что административный аппарат все еще несколько велик. В нашем государственном аппарате существует еще немало излишних звеньев. Многие работники министерств и ведомств… продолжают отсиживаться в канцеляриях, убивают время на бумаготворчество, на бюрократическую переписку. Необходимо вести самую беспощадную борьбу с бюрократизмом… За последние годы партия и правительство провели разукрупнение ряда министерств... Следует особо… отметить… разделение перспективного и текущего планирования… Мириться с кустарной постановкой проверки исполнения дальше нельзя… Необходимо особое внимание обратить на правильную постановку контроля за выполнением решений партии и правительства».

Далее великий Никитов распространяется на счет формализма[ii]: «К сожалению, до сих пор во многих парторганизациях допускается нелепое противопоставление партийно-политической и хозяйственной деятельности… В деятельности партийного аппарата все еще есть немало формализма… Находящиеся в нем квалифицированные работники занимаются сбором всевозможных сведений, статистических данных и справок, без которых сплошь и рядом можно обойтись. Поэтому, аппарат работает во многом вхолостую… Нельзя дальше мириться с таким положением, когда многие работники партийного аппарата… замыкаются в канцеляриях, плодят резолюции… Многие районные работники руководят колхозами формально, без знания дела… На руководящих постах есть еще и такие работники, которых можно отнести к категории «занятых бездельников»… Они проводят заседания до «третьих петухов», а потом скачут по колхозам, бранят отстающих, собирают совещания и произносят общие, как правило, заранее написанные речи,[iii] призывая «держать экзамен», «преодолеть все трудности», «создать перелом», «оправдать доверие» и т.д. …

Большим злом является и то, что в практической деятельности многих вохровских и партийных работников укоренилось безответственного отношение к принимаемым обязательствам. Следует сказать, что наша печать и радио восхваляют тех, кто берет высокие обязательства, но умалчивают, когда они проваливаются… Вследствие серьезных недостатков в подборе и воспитании кадров, а также перемещения работников происходит чрезвычайно большая сменяемость кадров. Кто думает, что ком-

---

i Стенограмма 20 съезда, часть I, 40 г. в.в.э., речь Никитова, стр. 71 – 94.

ii Стенограмма 20 съезда, 40 г. в.в.э., речь Никитова, стр. 103–113.

iii Великому Никитову хорошо известна технология «производства» «общих» речей. Его мощный секретариат писал ему бесчисленное количество речей, и, если во время произнесения этих заранее написанных речей Никитов на мгновение не смотрел на текст речи, он начинал заикаться и делать грубые ошибки (прим. автора).

мунизм может быть построен только на одной пропаганде … тот скатывается на путь талмудизма[i] и начетничества. Следует положить конец беспредметной политической трескотне…».

Современный вохровский идеолог и «теоретик» Пивнов также отмечает наличие бюрократизма, несмотря на почти окончательное искоренение его великим семинаристом в 18–23 г.г. в.в.э.[ii]: «Еще и теперь имеется немало партийных организаций, в которых заседательская суетня и бумажная писанина … по-прежнему поглощают основное время и силы работников. Секретарь Меховского райкома Кебетвской области говорил на прошедшей областной конференции: «Вот уже 10 лет, как наш и ряд других районов критикуют на всех совещаниях, как отстающие… За это время в районе сменилось 19 секретарей райкома, 6 председателей райисполкома. Работало 9 комиссий по обследованию. Практически, ни обком, ни облисполком конкретных вопросов помощи району не решают»… Развивается болезнь бумагомарания и в первичных партийных организациях, при этом же с помощью райкома, который требует «развернутых» протоколов совещаний и собраний, всевозможных сведений, справок и т.п. Вот пример работы секретаря парторганизации колхоза имени Кострика в Тюркстане. У него канцелярские папки и тетради целыми кипами громоздятся на столе, на этажерке… Вы только представьте себе, какая уйма времени уходит на эту канцелярию… Между тем на фермах никакой механизации, нет распорядка дня, нет рациона кормления скота. За год, в среднем на корову, надоено 484 литра (!)…

В свое время политотделы … играли известную положительную роль (!!)[iii], но ныне они мало проявляют себя и дублируют работу территориальной парторганизации… Но подняли ли они свой голос за технический прогресс на транспорте? Нет. Видимо, вполне назрел вопрос об их ликвидации…

… В результате отрыва от практики части экономистов и философов получили широкое распространение начетничества и догматизма. Суть дурной болезни, называемой начетничеством, не в том, что зараженный ею к делу и не к делу приводит цитаты, а в том, что верховным критерием своей правоты они считают не практику, а наличие по тому или иному вопросу высказывания авторитетов… Все подменяется подбором цитат и искусной манипуляции ими. Всякое малейшее отклонение от цитаты считается ревизией основ. Не подлежит сомнению, что распространению догматизма и начетничества сильно способствовал культ личности. Поклонники культа личности приписывали развитие карлсистсской теории только отдельным личностям… Все остальные смертные должны, якобы, лишь усваивать и популяризовать то, что создают эти отдельные личности»[iv].

Первач отмечает бюрократизм изобретенного Ильичевым и Виссарионовым Государственного контроля[v]: «В Министерстве госконтроля Союза глубоко укоренилась порочная практика погони за большим количеством проверок, которые привели к распылению сил и снижению действенности контроля. Проверки и ревизии, как правило, проводятся сугубо канцелярскими методами, чисто без привлечения рабочих, партийных и профессиональных организаций, а также рабочих проверяемых предприятий…

Министерство госконтроля Союза ограничивается посылкой в правительство объемистых докладов…

В июне-июле 39 г. в.в.э. Министерство производило проверку решения ЦК и Совета Министров об увеличении производства мяса в колхозах и вохрозах.

Так называемое начетничество есть одно из следствий бюрократизма. Десятки томов сочинений великого Ильичева являются, по существу, набором цитат, которые до сих пор священы и непогрешимы. Все карлсистские высказывания–цитаты до сих пор непогрешимы. Все высказывания–цитаты великого семинариста до его частичного разоблачения были непогрешимы. Все высказывания–цитаты великого Никитова до его свержения были непогрешимы.

---

i Сомнительно, чтобы великий Никитов при его общем невежестве имел хотя бы отдаленное представление о Талмуде. Скорее всего упоминание о замечательном ханаанском литературном памятнике следует отнести за счет его обывательского и банального антиханаанизма (прим. автора).

ii Стенограмма 20 съезда, 40 г. в.в.э., I часть, речь Пивнова, стр. 280–284.

iii Политотделы сыграли положительную роль только в организации тотального ограбления крестьян, организации жесточайшего террора и беззакония в деревне и на транспорте (прим. автора).

iv Матерый вохровец, «теоретик» Пивнов точно так же, как и великий Никитов, конечно, ненавидел великого семинариста и, частично разоблачив последнего, в пылу проговаривается.

v Стенограмма 20 съезда, II часть, 40 г. в.в.э., речь Первача, стр. 131–132.

Становятся все более непогрешимыми высказывания–цитаты новых великих вохровских вождей: Прежнева и Алексеева. Таково существо бюрократического вохровского строя (прим. автора).

Участвовало 124 контролеров, которые проверяли 150 колхозов, 46 МТС, 38 вохрозов и представили в Министерство госконтроля акты и справки на 786 листов. Заместитель главного контролера по Министерству сельского хозяйства Союза, выезжавший во главе бригады контролеров в Азненскую область, побывал за один день в двух колхозах. Вся его проверка была сведена к сбору статистического материала. Будучи в этих колхозах, он составил «акты проверок», в которых записаны установленные колхозам задания по мясопоставкам, количеству голов крупного рогатого скота, свиней, овец, а в заключение записал, что колхозам до конца года следует сдать государству столько-то центнеров мяса…

На основании таких канцелярских проверок Министерство госконтроля Союза представило в Совет Министров Союза записку с двумя ничего не значащими предложениями.

I пункт: «Обратить внимание Министерства сельского хозяйства Союза на неудовлетворительное выполнение постановления ЦК и Совета Министров об увеличении производства и заготовки мяса в колхозах».

II пункт: «Обязать Министерство сельского хозяйства Союза и Советы Министров Великоскифии, Малоскифии, Атаханской республики и Латской республики рассмотреть состояние дел с производством и сдачей мяса государству и принять дополнительные меры, обеспечивающие выполнение Постановления … по этому вопросу».

Выше было показано, что в середине периода царствования великого семинариста решили, что ВСНХ сдерживает развитие производства, поэтому следует его ликвидировать и организовать народные промышленные комиссариаты, затем эти комиссариаты – впоследствии Министерства – все более разукрупняли. В середине великого Никитовского десятилетия было решено, что министерства сдерживают развитие производства, и необходимо вернуться (в 41 г. в.в.э.) к организации Советов Народного Хозяйства. Промышленные союзные министерства были ликвидированы, и их функции были переданы Совнархозам.

Вместо министерств были организованы отраслевые комитеты, которые «руководили» только научно-исследовательскими и проектными организациями.

Уже через два года на XXI съезде в 43 г. в.в.э. великий Никитов с торжеством отмечал великие достижения в результате ликвидации промышленных министерств и организации совнархозов. Вместе с тем с еще большим торжеством он отмечает революционное преодоление отставания сельского хозяйства[i]: «Важнейшим фактором, ускоряющим развитие нашего хозяйства, явилась перестройка управления промышленностью и строительством. За сравнительно короткий период работы Советов Народного Хозяйства выявились значительные преимущества новой формы управления. (!) В первый год работы СНХ прирост промышленной продукции выше на 17 млрд. вохров[ii], чем прирост за предыдущий год…

Известно, что в руководстве сельским хозяйством в прошлом были допущены серьезные недостатки и ошибки. Многие колхозы в течение ряда лет оставались экономически слабыми, рост сельского хозяйства затормозился, а уровень его не удовлетворял потребность страны в продовольствии и сельскохозяйственном сырье. Состояние сельского хозяйства тогда было у нас тяжелым и таило опасные последствия…

Наша партия на сентябрьском Пленуме ЦК 37 г. в.в.э. … отбросила с пути все, что мешало развитию колхозов и вохрозов, и наметила программу крутого подъема сельского хозяйства...(!)

… Успешное претворение в жизнь мероприятий партии позволило в короткий срок преодолеть отставание сельского хозяйства. Как указал декабрьский Пленум, разработка и осуществление партийных мероприятий … имеют понятное революционное значение и приносят нашей родине замечательные плоды. Особенно значительные успехи достигнуты в области животноводства». (!!!)

i Стенограмма XXI съезда, 43 г. в.в.э., ч. I, речь Никитова, стр. 14–16.

ii В старом масштабе цен (примечание автора).

Председатель виссарионовского Совета народного хозяйства подтверждает похвальбу великого Никитова[i]: «Совет народного хозяйства – главная государственная форма управления промышленностью и строительством… Надо и дальше укреплять Советы народного хозяйства, повышать их авторитет».

Все остальные клакеры-хлопальщики согласно подпевают великому Никитову в зените его царской славы.

На XXII съезде великий Никитов еще более похваляется успехами в промышленности после перестройки организационных форм и «грандиозными успехами» в сельском хозяйстве[ii]:

«Сейчас у нас есть все условия, чтобы создать на предприятиях необходимые оборотные материальные средства. Раньше это трудно было сделать, ведь в одном экономическом районе хозяйничали десятки министров… Экономический район стал единым районом, его руководителем является Совет Народного Хозяйства.

Укреплена материально-техническая база колхозов и вохрозов. Реорганизованы МТС… Освоены огромные массивы целинных и залежных земель. Целинные земли дают сейчас 40% заготовок хлеба в стране. Поднята роль вохрозов. Посевная площадь вохрозов выросла с 15 до 80 милл. гектаров. Колхозы и вохрозы укреплены руководящими кадрами...

Выращивание кукурузы на силос… расширило границы ее возделывания, позволило подвинуть эту ценную культуру во все районы страны. В 37 г. в.в.э. под кукурузу было занято 3485 тысяч гектаров, а в настоящее время – около 26 милл. гектаров. Длительное время поголовье скота топталось на месте, а за несколько лет положение существенно изменилось».

Невежественный аппаратчик–бюрократ, великий Никитов захлебывался от восторга при перечислении грандиозных успехов, которые якобы последовали немедленно в промышленности после ликвидации Министерств и восстановлении Совнархозов, а в сельском хозяйстве после его реорганизации и подъема целины, объясняет наступившее социалистическое изобилие ликвидацией «культа личности». Он отмечает, что всё же при всем благополучии некоторые зазнающиеся руководители скатываются к бюрократизму[iii]:

«После 18 съезда на протяжении почти 14 лет не созывались съезды. Теперь в партии нет и не может быть таких явлений… На регулярно проводимых Пленумах ЦК рассматриваются важные вопросы… Острой критике подвергаются деятельность ряда партийных организаций и их руководителей, в том числе, деятельность отдельных членов ЦК и членов предыдущих ЦК. В прошлом, в период «культа личности», получили распространение такие порочные черты партийного, государственного и хозяйственного руководства, как административное замазывание недостатков, работа с оглядкой, боязнь нового. В такой обстановке появилось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей[iv]…

Надо признать, что есть еще такие люди, которые свое пребывание в партии рассматривают, как возможность лучше устроить свою личную карьеру. Некоторые директора предприятий, председатели колхозов, руководители вохрозов и различных ведомств специализируются на том, что из года в год просят уменьшить план производства, увеличить фонд зарплаты и капитальных вложений… Большой ущерб нашему делу наносят зазнавшиеся руководители. Бывает выдвинут человека, а он не справляется. Однако попробуйте вернуть оного товарища на старое место… это оказывается почти невозможно… Он видите ли получил право называться областным, республиканским или даже работником союзного масштаба… Совсем недопустимо, чтобы на посту партийного руководителя действовал очковтиратель или злостный бюрократ.

---

i Стенограмма XXI съезда, 43 г. в.в.э., ч. II, стр. 177.

ii Стенограмма XXII съезда, 45 г. в.в.э., ч. I, речь Никитова, стр. 66–74.

iii Стенограмма XXII съезда, ч. I, 45 г. в.в.э., речь Никитова, стр. 110.

iv Все типичные черты бюрократического государства великий Никитов относит к прошлому, к периоду «культа личности», как он именует 30-летний период самодержавного царствования великого семинариста. Следует заметить, что великий Никитов еще на 17 съезде, когда сам был довольно незаметным, пресмыкался перед семинаристом, а на 18 съезде, он, пожалуй, превзошел остальных в искусстве пресмыкания, подхалимства и очковтирательства (прим. автора).

…. Усиление контроля или проверки исполнения должны быть начаты прежде всего со стороны партийных организаций…

… По мере продвижения вохровского общества к коммунизму функции профсоюзов будут расширены, в сферу их деятельности будут включаться все новые проблемы, которыми раньше занимался государственный аппарат».[i]

... Если в 18 г. в.в.э., в пору почти полного расцвета самодержавной власти Виссарионова, один из его ближайших клевретов – великий вождь Лазаревич приводит довольно подробное описание действия функционалки, гениально раскрытой во всех областях государственного управления и народного хозяйства им и вождем, а затем ликвидированной, то великий Никитов в пору расцвета его власти «замечает» только отдельные незначительные штрихи бюрократизма, хотя к этому периоду уже полностью оформилась тотальная бюрократическая вохровская схема. Но и 17 съезд 18 г. в.в.э., и 22 съезд в 45 г. в.в.э. весьма похожи по реакции клакеров-хлопальщиков. На обоих партийных сборищах клакеры-хлопальщики только слегка попискивают о «бюрократизме».

Соратник Никитова – Холмкин бормочет, что при увеличении внимания к жалобам бюрократизм будет преодолен[ii]: «… Задачи преодоления бюрократизма и волокиты в работе государственного аппарата … требуют внимательного отношения к письмам и жалобам, организации приема посетителей… После январского Пленума ЦК увеличилось поступление писем, в которых сообщается о фактах очковтирательства и обмана государства, о бесхозяйственности и хищениях социалистической собственности. Во многих заявлениях приводятся факты неудовлетворительного качества жилого строительства, культурно-бытового строительства, ремонтных работ, о наличии серьезных недостатков в организации торговли и общественного питания, о работе детских учреждений, сообщается об ослаблении борьбы с правонарушителями и антиобщественными паразитическим элементами со стороны милиции, суда, прокуратуры и общественности».

Печенюк после длинной разоблачительной речи в отношении почившего вождя, Лазаревича, Вячеславова и Максимова, между прочим, говорит[iii]: «… Нам нужно всемерно улучшить постановку контроля и проверки исполнения, не допуская волокиты, бюрократизма. … Острие партийного и общественного контроля направляется против хапуг и стяжателей, жуликов и комбинаторов. Иногда лица такой категории попадают в нашу Ильичевскую партию». (!!!)

Все же в 46 г. в.в.э. великий Никитов, склонный к многословию (хотя он и заикается, когда отрывается от чтения напечатанного текста) проболтался[iv]:

«Чем отличалась структура нашего Министерства от Министерства земледелия довохровского Государства Тмутараканского? Ничем, разве только количеством работников. У царского министра было 3 заместителя, а у нашего министра – 14.

В остальном разница сводилась к названиям. В царском министерстве – гидрологический комитет, у нас – Главводхоз; в царском – Главный лесоохранительный комитет, у нас – Главное Управление лесного хозяйства; в царском – совет при министре, а у нас коллегия Министерства и т.д. Что касается функции министра, то и здесь, видимо, кто-то добросовестно списал с инструкции, утвержденный царем. ….

Нам необходимо коренным образом перестроить аппарат управления сельским хозяйством, а точнее сказать, придется создать его заново…

Фактически, мы вмешивались в кооперативную жизнь… До недавнего времени даже определяли, сколько и каких культур должен посеять кооператив...

---

i Профсоюзы фактически были ликвидированы еще в самом начале великой вохровской революции. То, что вохры называют «профсоюзами» – одна из бюрократических схем, включающаяся в общую бюрократическую схему вохровского «государственного» аппарата. Поэтому любое увеличение функций этой слабой бюрократической «профсоюзной» схемы (которое, кстати, никто не собирается осуществлять), ничего не изменит (примечание автора).

ii Стенограмма XXII съезда, 45 г. в.в.э., ч. I, речь Холмкина, стр. 140–141.

iii Стенограмма XXII съезда, 45г. в.в.э., ч. II, речь Печенюка, стр. 151–157.

iv Стенограмма Пленума ЦК III 46 г. в.в.э., речь Никитова, стр. 60–82.

… Местные органы вмешивались в вопросы, из кого должно состоять правление, кого рекомендовать в председатели. Партийные организации часто посылают председателя из городов, причем за счет государства устанавливается для них зарплата… ЦК осудил антиильичевскую практику, когда продукция колхозов, по существу, забиралась бесплатно, чем в корне подрывались основы сельского хозяйства». (!!)[i]

Во-первых, количество работников бюрократического аппарата царского и вохровского совершено несравнимы. В царском бюрократическим аппарате были сотни чиновников. Великий Никитов выболтал, что председатели колхозов и «члены правления» назначались и, следовательно, составляли неотъемную часть вохровского бюрократического аппарата. Большая часть из полумиллионной армии агрономов, ветеринаров и зоотехников, также работали в вохровском бюрократическом аппарате. Парторганизации (сельские), райкомы, огромная армия административных работников вохрозов, МТС, районных и областных вохровских земельных органов также составляли неотъемлемую часть вохровского бюрократического аппарата, ведающего сельским хозяйством. Таким образом, вохровским сельским хозяйством управляли миллионы чиновников-бюрократов! В царском-же – сотни... Земства в царский период были общественной организацией.

Во-вторых, эти сотни царских чиновников не могли вмешиваться в управление хозяйствами помещиков и крестьян. Вохровские же миллионы чиновников-бюрократов, большая часть которых имела слабое представление о сельском хозяйстве, не только вмешивались в дела хозяйств, но командовали ими. Обладая беспредельной властью, эти миллионы бюрократов-чиновников нисколько не были заинтересованы в экономическом процветании хозяйств и тем более работников этих хозяйств. Бюрократы были заинтересованы в собственном процветании и в тотальном ограблении кахов и вээнов для нужд государства-спрута (прим. автора).

Когда решено было истребить в системе лагерного перевоспитания (в 21 г. в.в.э.) последних представителей меньшевиков, эсеров, лейбистов, сектантов, оказывающих пассивное сопротивление, когда-либо пытавшихся бежать из лагерей лиц и другие категории зеков, которые еще делали какие-либо попытки к сопротивлению – это решение также было передано устно соответствующим фунционерам тайной полиции.

Когда в 32 г. в.в.э. решено было оставшихся в живых из десятков миллионов вээнов, кахов и других, осужденных по так называемой 58 статье уголовного кодекса, и затем в разное время освобожденных, вновь изъять и отправить в пожизненную ссылку – это решение было передано соответствующим губернаторам и функционерам из тайной полиции также устно.

Когда, незадолго перед смертью, после осуществления ряда антиханаанских процессов, великий семинарист в дополнение к прочим народам-преступникам решил препроводить в ссылку ханаанцев, он об этом также устно совещался со своими ближайшими подручными – после того как тайная полиция разработала соответствующую дислокацию ссыльных мест.

Следует отметить, что непосредственно вождю был подчинен генеральный штаб вохровской армии и мобилизационный отдел министерства обороны. Описанная выше автоматизированная, жесткая, вохровская партийная схема была становым хребтом всей идеальной, бюрократической, вохровской схемы. С помощью этой разветвленной партийной схемы великий семинарист пытался осуществить сверхцентрализованное руководство всеми областями жизни – даже в деталях – огромного Тмутараканского Государства. Для этого в составе обкомов, аппаратов ЦК национальных вохровских партий и ЦК всетмутараканской вохровской партии были организованы многочисленные отделы. В обкоме важнейшие отделы: промышленный, сельскохозяйственный и агитпроп. Наиболее разветвленным был аппарат всетмутараканского ЦК.

Для наблюдения и руководства хозяйственной жизнью страны аппарат ЦК почти копировал Госплан Союза. Каждому главному специалисту Госплана по какой-нибудь деталированной отрасли: например, по резиновой промышленности, нефтеперерабатывающей промышленности, промышленно-

i Скромняга Никитов преувеличил, сильно преувеличил бюрократическую сущность царского министерства земледелия, когда заявил, что структура царского министерства ничем не отличалась от структуры вохровского министерства земледелия («разве только количеством работников»).

сти пластических масс и тому подобное, в аппарате ЦК давал указания соответствующий функционер. Для наблюдения и руководства за всеми сторонами жизни аппарат ЦК дублировал Совет Министров. Каждому министерству в аппарате ЦК соответствовал какой-нибудь отдел. Например, министерству химии – химический отдел, нефтяному министерству – нефтяной отдел, министерству угольной промышленности – отдел угольной промышленности. Каждому министру в аппарате ЦК соответствовал начальник отдела.

Весьма важным отделом в ЦК был отдел агитпропа, который ведал прессой, радио, телевидением, литературой, театром, кино и прочими искусствами. Разумеется, были соответствующие отделы, которые ведали политикой, торговлей (внешней и внутренней), финансами и прочим. Многочисленные секретари ЦК ведали соответствующими группами отделов аппарата ЦК.

В обкомах аппарат был значительно менее разветвленным, чем в ЦК.

Следует отметить, что вся эта разветвленная партийная схема безраздельно главенствовала в руководстве общей политикой страны, как внешней, так и внутренней, которая осуществлялась, разумеется, в самых высших звеньях этой схемы. В некоторых вопросах политики основное руководство осуществлялось часто одним вождем, что выражалось, конечно, в основных, общих директивах.

Например, великий семинарист единолично решил вступить в союз с Адольфером. Детали же: торговое соглашение о товарообороте, о займе, который давал Адольфер, о разделе Мазурии, о передаче Государству Тмутараканскому приваряжских стран и т. п. – разрабатывались, разумеется многочисленным аппаратом наркомата иностранных дел, наркомата внешней торговли, генерального штаба и других заинтересованных ведомств и аппаратом ЦК. Безраздельно главенствовала партийная схема и в вопросах ведомств прессы, литературы и прочих ведомств, организующих идеологическую перестройку и Темкинские деревни. Этими вопросами великий семинарист почти не занимался и только изредка давал руководящие указания, передоверяя исполнение своим ближайшим подручным. Например, за несколько лет до своей смерти этими очень важными вопросами, главенствующими в организации Темкинских деревень, ведал руководящий вохровский вождь Данов. За ведомствами печати, литературы и за учебными заведениями неустанно наблюдали аппараты ЦК и обкомов.

В целом, можно отметить, что в областях политики, военной, тайной полиции и во всех областях, связанных с околпачиванием и терроризированием тмутараканского населения, железная, совершенная, бюрократическая партийная схема господствовала безраздельно.

В области же экономики, невзирая на непрерывные попытки в течение первого полувека господства этой совершенной, бюрократической схемы – это ей не удалось по причинам, рассмотренным в первом томе «Введения».

Вторая значительная схема в период царствования великого семинариста – одна из наиболее бюрократических схем тайной полиции, подчиненная, как выше было отмечено, непосредственно диктатору.

Поскольку эта схема была непосредственно подчинена вождю, то представляла собою бюрократическое государство в сверхбюрократическом государстве. По масштабам и по могуществу эта схема превосходила любое европейского государство. Схема эта, разумеется, была тотально и железно централизована. В период царствования великого семинариста эта схема не только не подчинялась никакому звену прочих схем, но внушала все функционерам партийным, «государственным» и хозяйственным — страх, за исключением, разумеется, самого вождя, который и для этой могущественной схемы являлся абсолютным монархом-самодержцем. Явная полиция по разным линиям тесно смыкалась с тайной полицией и была ей подчинена в той степени, в которой угодно было последней. Однако, полностью оба вида полиции никогда не смыкались, поскольку оба осуществляли разные задачи.

Явная полиция осуществляла задачу наблюдения над всем населением. Все население, за исключением кахов, зеков, эспов и сумасшедших должно было иметь паспорта. Кахам требовались справки, если они по какой-либо нужде уезжали из деревни. Явная полиция неусыпно наблюдала за вээнами, кахами, сумасшедшими и теми зеками и эспами, которых почему-либо освобождали и выдавали паспорта с особыми отметками, понятными явной полиции.

Явная полиция определяла, кого и где можно прописать по данному паспорту. Следили они также за тем, чтобы кахи не передвигались с места на место без соответствующей справки. Для контроля над беспаспортными или лицами с паспортами, пытающимися проживать не в той местности, в которой они прописаны, или кахами, путешествующими без соответствующей справки, явная полиция использовала огромные штаты.

Кроме служащих явной полиции в эти штаты входили дворники, принудительно-добровольные филеры из вохросомольцев по каждой отдельной секции дома и прочие добровольцы и служебные филеры из других вохровских схем. Уловленных беспартийных, или паспортных, но проживающих не по месту прописки и кахов без соответствующей справки, явная полиция передавала для перевоспитания тайной полиции.

Впрочем, в рассматриваемый период при наличии гарантированных связных, через которых можно было явной полиции передать взятку, можно было избежать процесса перевоспитания. Взятка была не очень высокой. За паспорт и переписку – 1000 вохриков в старом масштабе цен. Другой основной задачей явной полиции было преследование лиц, занимавшихся хищением социалистической собственности. Кроме того, явная полиция занималась целым рядом второстепенных задач, регулировала уличное движение, следила за чистотой общественных мест и вылавливала мелких жуликов и хулиганов.

Бюрократическая схема явной полиции в целом мало отличалась от схемы довохровской полиции, не считая штатов, которые были весьма многочисленны, особенно если учитывать добровольно-принудительных филеров. Зеки и эспы, общее число которых доходило до 20 миллионов, полностью были в ведении тайной полиции. Бюрократическая схема вохровской тайной полиции была новой, оригинальной, сложной и разветвленной.

Хозяйственная часть этой схемы описана в I томе, глава III, в разделе 26 «о лагерной индустрии».

Схема тайной полиции охватывала огромное количество служащих. В рассматриваемый период царствования великого семинариста эту схему обслуживали: 2 миллиона филеров, 0,5 миллиона конвойных, по-видимому, столько же пограничных войск, которые входили в ее ведение и несколько сот тысяч служащих различных функциональных Управлений, отделов и секторов. К сожалению, великий вождь Лазаревич постеснялся рассказать о функциональной системе вохровской тайной полиции.

В Государстве Тмутараканском, где вообще-то засекречены почти все стороны жизни, которые, казалось бы ничего засекречивать, функциональная система тайной полиции еще более засекречена, чем оборонные мероприятия, статистика мощностей предприятий, аварий, болезней и т.п. Поэтому официальных источников, подтверждающих эту систему, в вохровской открытой печати не имеется. Автор может судить об этом только по личному опыту.

Основными подразделениями этой схемы являются: Следственное Управление, Отдел тюремных мест, Управление лагерями, Управление местами ссылок, Пограничное Управление, Управление учебными заведениями по подготовке персонала тайной полиции, Разведуправление, Управление надзора за бывшими зеками и эспами. Кроме этих основных, имеется значительное количество второстепенных, вспомогательных и подсобных функциональных управлений, отделов и секторов.

В введение следственного отдела, в принципе, попадает все население страны, которое «обслуживает» огромное количество следователей и филеров-служащих, а также членов партии, «профсоюзов» и прочих беспартийных. Отделу тюремных мест подчинены все тюрьмы, кроме внутренних изоляторов лагерей, которые подчинены соответствующему начальнику лагерей и надзор за бывшими зеками и эспами. Об Управлении лагерями и местами ссылок сообщено в третьей главе I тома.

Погранвойска подчинены тайной полиции, в отличие от стран загнивающего капитализма, по-видимому, по следующим соображениям. Во-первых, страна отделена от прочих стран так называемым железным занавесом, назначение которого не выпускать никого из страны и не впускать. Для этого через каждые 100 метров днем и ночью расставлены пограничники-люди и пограничники-собаки. Во-вторых, на границе имеется система волчьих ям и прочих ловушек. В-третьих, в прилежащих населенных пунктах имеется множество завербованных из местного населения и направленных в эти

места филеров тайной полиции. В-четвертых, улавливаются зарубежные шпионы и перенаправляются через границу свои.

Естественно, что сподручнее всего заниматься этим тайной полиции. С Пограничным управлением, конечно, тесно связано Разведуправление, имеющее не поддающееся учету количество шпионов как за рубежом, так и внутри страны. В эпоху великого семинариста в той или иной степени в шпионаже принимала участие значительная часть функционеров зарубежных вохровских партий и почти все командированные за рубеж вохры. Даже в настоящее время в каждой партии вохровских командированных или вохровских туристов имеется один или несколько «наблюдателей», непосредственно или по совместительству служащих в тайной полиции. Об Управлении учебными заведениями и подготовке персонала тайной полиции сообщалось в III главе I тома.

Кроме Отдела места заключений, надзором за бывшими зеками и эспами занимается Особое управление.

По-видимому, в рассматриваемый период в тайной полиции имелось еще особое Управление, которое управляло многочисленными особыми конструкторскими и техническими бюро, куда неправлялись многочисленные зеки-инженеры и зеки-ученые.

Следует отметить, что эта современная бюрократическая схема вохровской тайной полиции отлично выполняла профилактически-террористически-тюремно-пыточные функции. В конечном счете, любой тмутараканец не мог представить себе не только,как можно сообщить о своем особом мнении, но, вообще, как можно иметь это особое мнение. Любой тмутараканец не мог и помыслить о забастовке, о какой-нибудь демонстрации. Если тмутараканец умирал вследствие голода или его расстреливали адепты тайной полиции, он выражал полное довольство и кричал: да здравствует любимый, великий Виссарионов. Редко какой зек мог бежать из мест заключения, а если ему это удавалось, то бежать было некуда, так как мощная система вохровской тайной полиции и явной полиции любого тмутараканца в городе и деревне держала под наблюдением.

Хозяйственная же часть этой мощной бюрократической схемы, как было отмечено в 3_главе I тома, была совершенно непригодна и немного хуже даже хаотической общегосударственной экономики, жалкое состояние которой показано в I томе.

В мощную схему вохровской тайной полиции совершенно фантастически и беспрецедентно, частично (в эпоху царствования великого семинариста) было включено судопроизводство. Эти функции осуществляли Особое Совещание и областные «тройки» тайной полиции. До марта 21 года этот странный внесудебный орган мог осуждать на срок до 5 лет, затем его «полномочия» были увеличены и он мог осуждать на срок до 10 лет, а затем и до 25 лет.

О порядке «работы» этого оригинального звена вохровской схеме тайной полиции автор сообщал в главе III, раздел 268.

Но вообще говоря, судебные функции выполняла особая, самая малоприметная и самая несамостоятельная схема вохровской бюрократической системы.

Управляющая бюрократическая партийная схема, руководящая или пытающаяся руководить всеми государственными и хозяйственными делами, хотя и устанавливала директивы и вохровской бюрократической схеме судопроизводства, но делала это время от времени в порядке кампаний. Великий семинарист совершенно справедливо усматривал в тайной полиции главную карающую и терроризирующую силу.

Все эти кампании по существу осуществлялись прокуратурой. «Назначенные, выборные судьи» сыграли роль марионеток. Последняя кампания, уже в 50 г. в.в.э., по борьбе с хулиганством велась такими же методами. Многие «хулиганы» осуждались на серьезные сроки в 5 лет и больше за мелкие проступки. И опять-таки главную роль в этом деле играют официальные чиновники из прокуратуры. Иногда «народные судьи» незначительно меняют сроки наказания, которых требуют прокуроры.

Роль же «народных заседателей» сводится к нулю. Несколько больше роль «народных судей» в гражданских делах, в которых прокуратура не принимает участия. Огромное количество «дел» заводится вследствие склок в переуплотненных коммунальных квартирах.

Значительно количество бракоразводных дел. Эти гражданские дела «назначенные, выборные народные судьи» в какой-то степени решают по своему разумению. Но и в этих делах и«судьи» подчиняются директивам. Например, до начала кампании по внедрению «высоконравственной морали» доведенной впоследствии до неимоверного вохровского ханжества, примерно, до 25–28 г. в.в.э., разводы легко оформлялись по заявлению одной из сторон. Когда начали усилиенно внедрять вохровскую мораль, разводы были весьма затруднены. В настоящее время осуществление разводов несколько облегчено.

«Народные судьи», разумеется, строго подчиняются директивам всемогущей партийной схемы.

И в гражданских делах два «народных заседателя» являются бутафорскими фигурами. Случается иногда, что эти «народные заседатели», по неведению, принимают свои обязанности всерьез. Но очень редко случается, чтобы оба народных заседателя приняли свои обязанности всерьез и «народный судья» вместе с одним из народных заседателей, который не принимает свои обязанности всерьез, составляет большинство. В тех же чрезвычайно редких случаях, когда оба народных заседателя «взбунтуются» и будут выступать против решения судьи, теми или иными испытанными методами судья «усмиряет» народных заседателей.

В уголовных же делах, где, как раньше было отмечено, главенствуют официальные вохровские чиновники из прокуратуры, «бунт» народных заседателей и вовсе исключен. «Постановление» «суда» подготавливается прокуратурой заранее, до начала «суда». В условиях такого судопроизводства роль адвокатов-защитников сводится почти к нулю.

В Особом Совещании и в областных «тройках» защитники, разумеется, отсутствовали. В этом закрытом судилище тайной полиции не было нужды в бутафории. В закрытых спецсудах казенные защитники, по существу, являлись помощниками прокурора.

Функции защитников в «народных судах» тоже более или менее символические. Воздействие адвокатов на опытных чиновников – «выборного судью» и прокурора – близко к нулю. Народные же заседатели, на которых защитники могли бы воздействовать, относятся, как выше отмечено к бутафорскому штату. Роль этих адвокатов повышается, если они устанавливают связи с «народными судьями» и работниками прокуратуры. Заработная плата «народных судей» и чиновников из прокуратуры довольно скудная и это в значительной степени содействует установлению таких связей.

Какое-то весьма слабое значение в уголовных делах и несколько бóльшое значение в гражданских делах имеет юридическая помощь этих защитников. Последующие судебные инстанции: городской суд, областной суд, Верховный суд, Президиум ЦИК вплоть до самодержца – великого семинариста имели сугубо формальное значение. Все жалобы кассационные или некассационные, по статье 58 с ее многочисленными подпунктами, сотнями миллионами штук попадали в гигантские архивы тайной полиции. По другим же статьям, которыми ведала слабая схема судопроизводства, эти жалобы попадали в архивы городских судов, областных, верховных и т. п. Часть дел во вторых инстанциях судопроизводства (в городских или областных судах) еще рассматривались, но рассматривались они ускоренно, хотя и с полным наличием бутафорского реквизита: «народный судья» народные заседатели, защитники, прокурор, секретарь суда и т. п. Случаи отмены даже явно неправосудных решений даже в настоящее более либеральное время, необычайно редки и, большей частью, являются следствием соответствующих связей. В эпоху царствования великого семинариста подкупить чиновников тайной полиции было чрезвычайно затруднительно. Подкупить можно было только следователя, который вел дело соответствующего «контрика» Рисковали очень немногие. Автору известен был «юрист», который наладил связи с некоторыми следователями Кремлевии и за огромную по тем временам сумму в 50 тысяч вохриков добивался освобождения «контрика» Впоследствии этот «юрист» был пойман и выдал всех своих клиентов.

В «нормальной» схеме вохровского судопроизводства взяточничество процветало. В сороковые годы в.в.э. осуществлено даже много полуоткрытых процессов над «народными судьями», прокурорами и работниками явной полиции. Если когда-нибудь наши потомки рассекретят тайные архивы явной полиции и «нормального» судопроизводства, можно будет в какой-то степени определить количество «уловленных» судейских и полицейских взяточников. Вохровские владыки не сочли необходимым дополнить свой бутафорский реквизит чем то подобным Верховному суду Колумбовии или других стран загнивающего капитализма.

Такова в кратких чертах наиболее слабая и наименее авторитарная бюрократическая схема вохровского судопроизводства.

Более влиятельна бюрократическая схема идеологических ведомств. Эта схема находится под строгим контролем всех звеньев могущественной разветвленной партийной схемы. Так называемая пресса полностью и непосредственно подчинена этой схеме. Редакторов центральных органов: «Кривда», «Дезинформация» и других – назначал непосредственно великий семинарист. Редакторов других менее значительных центральных газет назначал соответствующий подручный – функционер из Политбюро. Редакторов республиканских и областных газет назначали соответствующие республиканские или областные губернаторы и сверхгубернаторы.

Существовали и существуют обширные и раздеталированные инструкции – что запрещается сообщать о внутренней жизни страны, например: запрещается сообщать о мощностяхпредприятий, а зачастую и названия предприятий[i, о технологическом процессе предприятий, о численности рабочих на предприятиях, об авариях, о преступности уголовной и, боже упаси, о преступниках политических, о всякого рода забастовках и волнениях, о тюрьмах и лагерях, об эпидемиях, о голоде, о недостатках товаров и жилья. Список того, что запрещается, – огромен.

Все чиновники так называемой прессы, начиная от редактора и кончая чиновником, исполняющим обязанности «журналиста», строго отвечают за нарушение этих запретов. Более того, если в стране, например, голод, следует помещать побольше сообщений, что голод свирепствует в Колумбовии и других странах загнивающего капитализма.

Следует почаще сообщать об авариях самолетов, поездов, взрывах на заводах, обвалах в шахтах, которые происходят… в странах загнивающего капитализма. Следует вопить о росте преступности в этих странах. О коррупции, о взяточничестве, о том, как обманывают потребителей в этих странах. Впрочем, о последнем можно сообщить и в отношении великого Государства Тмутараканского… но, как об исключении. Сообщения о зарубежных странах регулируются переменными инструкциями, в зависимости от того, каковы отношения вохровских владык с соответствующими правительствами или владыками этих стран.

Например, до того, как великий семинарист заключил союз с Адольфером, сообщения о Гуннии были мрачные и чудовищно ругательные, а после заключения союза – сдержанные и почтительные. Более того, автору известны случаи, когда вохровские граждане подвергались каре за то, что они высказывали мнение о том, что адольферские самолеты наряду с военными объектами бомбят и гражданские. Так же, как великий семинарист был великим почитателем довохровского сатирика Салтыкина-Щедрикова, так вохровские чиновники-редакторы и журналисты стали почитателями колумбовского сатирика Мана Твэрка и детально изучали такие его произведения, как «Как меня избрали в губернаторы» Более того, так же, как великий семинарист на практике превозошел Салтыкина-Щедрикова, осуществив схему «шпиона в каждой хате», так и вохровские чиновники-журналисты превозашли великого колумбовского сатирика Мана Твэрка. В качестве примера можно привести серию статей в центральной вохровской газете «Лень» о колумбовском профсоюзном деятеле Рейтере.

Во время очередного путешествия великого Никитова Рейтер задал ему несколько «нетактичных», неприятных вопросов. По возвращении великий Никитов приказал одной из своих газет «Лень» отругать Рейтера.

---

i Название предприятий следует сообщать так: предприятие, где директором Иванов, или предприятие почт. ящик № 897 (прим. автора).

Немедленно в газете «Лень» появились три огромных статьи, подписанных бывшими товарищами Рейтера по строительству Новоградского завода, которые навсегда, вступив в вохровскую партию, переселились в Государство Тмутараканское. В одной статье рассказывалось, как Рейтер предавал рабочих. Во второй статье – как он насиловал женщин, в третьей – как он воровал.

Под неусыпным руководством могущественной партийной вохровской схемы бюрократизация вохровской «прессы» дошла до немыслимого совершенства. Она оставила далеко позади довохровские, черносотенные, полицейские листки, издававшиеся царским жандармским управлением. Вохровская печать превратилась в идеальную дезинформационную машину. Издевательство над читателем, презрение к читателю дошло до Геркулесовых столбов.

Правда, поскольку действие вызывает противодействие, некоторые читатели стали ушлыми. Но метод этих читателей: считать, что все, мол, наоборот, – часто не достигает цели. Во-первых, вохровская пресса достигла величайших результатов в искусстве дезинформации, и методом «наоборот» частенько ничего нельзя было установить. Во-вторых, о многих «происшествиях» замечательная вохровская пресса просто умалчивает. Немало читателей, «воспитанных» в вохровских школе, вохросомоле, партии, принимают за чистую монету все то, что сообщает вохровская пресса.

Бюрократическая схема радио и телевидения аналогична совершенной бюрократической схеме «прессы».

Эти вохровские идеологические учреждения бюрократизированы и унифицированы с абсолютной полнотой.

Несколько труднее обстоит дело с толстыми литературными журналами, научно-техническими журналами и издательствами, выпускающими художественную и научно-техническую литературу. Так же, как и экономика выходит из-под тотального контроля могущественной вохровской партийной схемы, так порой выходят из-под этого контроля художественная и научно-техническая литература. Следует однако оговориться, что литература, имеющая отношение к политике, философии и истории, также полностью, тотально бюрократизирована и подконтрольна партийной схеме, как и «пресса», радио, телевидение.

Конечно, государственные издательства, выпускающие художественную и научно-техническую литературу, снабжены такими же подробнейшими инструкциями: что запрещается, о чем можно сообщать и в каком духе следует доводить до сведения читателя. При всяких изменениях генеральной линии олигархии эти инструкции подновляются и меняются. Но, во-первых, бюрократическая машина работает очень медленно, во-вторых, в искусствах, науке и технике функционеры из партийной схемы разбираются значительно меньше, чем в политике и истории, и, в-третьих, хотя редакторы толстых литературных и научно-технических журналов, а также начальники государственных издательств и их подручные являются обычными вохровскими чиновниками, однако некоторые из редакторов этих журналов являются заслуженными писателями, учеными и т. п. и поэтому в некоторых исключительных случаях позволяют себе иметь в какой-то незначительной степени свое собственное мнение.

Разумеется, собственное мнение, даже в самой минимальной степени, противопоказано совершенной вохровской схеме, и вот тут-то возникают конфликты, которые будут рассмотрены автором в отдельной главе. Но в целом бюрократическая схема идеологических учреждений, подконтрольная непосредственно основной партийной схеме и в какой-то степени министерству искусств, доведена до совершенства еще в эпоху царствования великого семинариста

Самая большая параллельная бюрократическая схема, в значительной части только формально подчиненная главенствующей партийной схеме – схема Совета Министров Союза, который подчинены отдельные схемы советов министров так называемых союзных республик.

О бюрократической схеме системы хозяйственных министерств автор достаточно сообщил уже в томе I. Следует отметить, что эта схема по разветвленности значительно превосходит основную партийную схему, хотя в некоторой степени ей подчинена. Эта огромная бюрократическая схема достигла наибольшего совершества, особенно в отношении самоуправляемости. Самые коренные организационные перестройки системы министерств, контролирующих экономику страны, оказывают на эконо-

мику почти столь же незначительное влияние, как смена, например, правительства в Колумбовии. Яркой иллюстрацией этому служат ликвидация промышленных министерств и организация совнархозов.

Высший управляющий хозяйственный аппарат был вдребезги сломан при ликвидации промышленных министерств. Аппарат совнархозов комплектовался несколько лет. Затем совнархозы укрупнялись и были ликвидированы десятки совнархозов. При все этой коренной ломке высших управляющих звеньев, великий Никитов и его подручные неоднократно заявляли, что развитие промышленности ускорилось и улучшились качественные характеристики. Правда, после свержения великого Никитова, его преемники, которые, кстати, во время царствования великого Никитова подтверждали его заявления, утверждали, что темпы развития промышленности могли бы быть быстрее, если бы не были ликвидированы промышленные министерства.

Отвлекаясь от противоречивых заявлений переменной вохровской олигархии, следует считать, что бюрократическая колымага вохровской экономики, одинаково подчинялась энтропийным законам самоуправляющегося, вохровского, уродливого экономического механизма.

Совсем недавно новые вохровские вожди, преемники великого Никитова, вдребезги сломали систему совнархозов и вновь перешли к системе промышленных министерств и похваляются, что в самый год слома старой системы и создания новой системы промышленность сделал огромный шаг вперед и стала работать значительно лучше.

Это подтверждает, что вохровский экономический механизм совершенно не зависит от центральных управляющих органов, в том числе от всяческих госпланов, которые вне зависимости от коренной ломки управляющей системы перманентно реорганизуются.

Вохровская экономическая, бюрократическая система полностью созрела, обладает огромной инерцией и в настоящее время достигла наибольшей неупорядоченности и уже очень медленно будет стремиться к предельно-максимальной упорядоченности.

Значительны также подчиненные партийной схеме и, пожалуй, в бóльшей части схеме Совета Министров – бюрократические схемы просвещения и здравоохранения. В части начального, среднего общего и средного специального образования – схема полностью бюрократизирована. В этой системе давно ликвидированы и не могут возродиться элементы, которые смогли бы противостоять могущественной партийной схеме. Эта одна из наиболее бюрократизированных схем должна воспитывать поколения, которые полностью соответствовали бы бутафорской «совершенной, вохровской демократии», что она с успехом и выполняет.

Однако, с успехом выполняя это главное задание вохровской партийной схемы, она воспитывает малообразованное, лишенное всякой инициативы и предпринимательства – поколение. Это, в частности, оказало и оказывает немалое влияние на создание уродливого экономического механизма, стремящегося к максимальной неупорядоченности.

В системе высших учебных заведений в последнее время вохровская партийная схема стремится по примеру стран загнивающего капитализма создавать новые центры науки. Однако эта попытка в условиях полной бюрократизации системы высших учебных заведений вероятнее всего осуждена на неудачу.

Подробнее, бюрократическая схема просвещения будет рассмотрена в отдельной главе.

О бюрократической схеме здравоохранения вскользь было сказано в главе восьмой I тома.

Бюрокатическая схема организации науки и проектирования была рассмотрена в 26 разделе третьей главы I тома, и в силу предельной краткости данной работы, автор ничего больше добавить не может.

Какова же численность вохровской бюрократии, обслуживающей эти чудовищные вохровские бюрократические схемы? Об этом можно только догадываться. Центральное Статистическое Управление не приводит в перечне работников умственного труда статистических данных о численности сотрудников тайной и явной полиции, о численности партийной управляющей схемы, о численности

«профсоюзной» бутафорской схемы[i], о численной бюрократической военной схемы, о численности бюрократии в здравоохранении и просвещении, и, наконец, о численности огромной хозяйственной бюрократии.

Кроме того, ЦСУ, разумеется не в состоянии учесть бюрократов, которые числятся рабочими, инженерами, техниками и т. п., точно так же, как и не может учесть профессионалов-спортсменов, числящихся бутафорскими рабочими и служащими.

В эпоху царствования великого семинариста, когда в системе лагерного превоспитания находилось около 15 миллионов зеков, даже из среды зеков была сформирована обширная бюрократическая когорта. ЦСУ, конечно, не смогла учесть, например, в переписи 23 г. в.в.э., не только этих зековских бюрократов, но и самих зеков. В лучшем в мире сплошном учете вохровского ЦСУ попросту отсутствовали 15 миллионов зеков, и они были причислены к различным категориям рабочих, служащих и инженерно-технического персонала.

Ниже приводятся данные о лицах, занятых «умственным» трудом, согласно переписи 23 и 43 г. в.в.э. в сотнях тысяч

	23 г. в.в.э.	**43 г. в.в.э.**
Руководители госуд. и «обществен» органов	445,2	392,1
Руководители предприятий	757	955
Инженерно-технических работников, в том числе	1656,5	4205,9
Инженеры	247,3	834,2
Конструкторы и чертежники	103,9	297,1
Мастера	267,8	753,5
Техники	274,0	513,2
Лаборанты	156,5	436,2
Агрономы, зоотехники, ветработники, лесники в том числе	294,9	477,2
ветеринарные врачи	20,0	44,9
агрономы и зоотехники[ii]	176,8	278,5
ветеринарные техники и фельдшеры	79,6	109,8
Лесничие, таксаторы	18,5	44,0
Медработники, в том числе	679,6	1702,5
Главврачи и другие руководители	16,5	44,0
врачи	122,3	337,9
Зубные врачи	14,0	31,7
фельдшеры, акушерки, сестры	332,4	1058,2
Учители, воспитатели, научные работники, в том числе,	1553,1	2835,6
научные работники, преподаватели вузов	111,6	316,4
руководители учебных заведений	73,1	114,9
преподаватели школ	1206,4	2022,8
преподаватели и инструкторы физкультуры	28,2	106,6
Работники литературы и печати	58,0	104,1
Культурно-просветит. работники, включая заведующих библиотеками и библиотекарей	87,2	239
Работники искусств	143,3	190,6

i Эта схема будет рассмотрена в главе X (прим. автора).

ii А из 3060 зоотехников – 2600 сосредоточенны в районном аппарате, 300 – в краевом, 160 в вохрозах и ни одного в колхозах! (прим. автора).

	23 г. в.в.э.	43 г. в.в.э.
Юридический персонал	62,4	78,7
в том числе судьи и прокуратура	20,2	23,0
Работники связи	265,4	476,4
Работники торговли, питания, снабж. и сбыта, в том числе,	1626,1	2268,2
директора, зав. магазинами, рук. торг. орг-ций	244,9	334,8
Продавцы	715	1166,3
Плановые, учетные, контрольные и ревизион. работники в том числе,	3102	3501,9
экономисты, плановики, статистики	282,1	308,3
бухгалтеры и счетоводы	1785,4	1816,9
Инспектора, контролеры и ревизоры	755,2	963,2
Кассиры	279,3	413,5
Делопроизводст. персонал…	489,4	535,9
Работники коммунального предприятий и сбыта	202,5	277,1
Агенты и экспедиторы	176,4	146,0
Заведующие фермами и бригадиры животноводств	306,2	217,6
Бригадиры тракторных и полеводческ. и др. бригад	766,5	522
Звеньевые	466,5	156,5
Итого		18255,1

Согласно переписи 43 г. в.в.э., всего руководителей государственных, «общественных» органов, предприятий,медицинских учреждений, учебных заведений, юридических и торговых заведений — 1864 тысячи человек. Не считая многочисленных заместителей, каждому руководителю соответствуют еще две «точки треугольника»: партийный и «профсоюзный» вожди – следовательно, цифру, показывающую количество руководителей, следует по крайней мере утроить.

К высшей бюрократической элите следует, конечно, отнести господствующий аппарат высшей партийной схемы (включая обкомы, горкомы и райкомы), всех работников литературы и печати и по крайней мере 25 % работников искусства.

Кроме того, к высшей элите, следует причислить 0,5 миллиона человек из тайной, явной полиции и армии. Таким образом, в высшей бюрократической партийной, полицейской, армейской, хозяйственной, технической и ученой элите можно насчитать около 6,5 миллионов человек.

К низшей бюрократической элите следует отнести:[i]

Инженеров ..... 400 тысяч

Техников и мастеров ..... 300 - // -

агрономов и ветеринаров..... 250 - // -

преподавателей ..... 500 - // -

Культурно-просвет. работников ..... 100 - // -

Экономистов и плановиков ..... 308 - // -

Контролеров и ревизоров ..... 963 - // -

Делопроизводителей ..... 536 - // -

Заведующих фермами и бригадиров ..... 300 - // -

Всего ..... 3817 тысяч человек.

i Даже такой влиятельный вождь как Лазаревич сообщал, что на Бабошцевском заводе в аппарате работают 35 инженеров, а в цехе — 19

В целом, при общем числе в 100 миллионов самодеятельных, в огромном вохровском бюрократическом аппарате было занято свыше 10 миллионов человек, в том числе ~ 6,5 миллионов высшей элиты.

Еще одна черта вохровской бюрократической высшей элиты проявляется в том, что она все больше и больше превращается в наследственную элиту.

В довохровские идиллические времена считалось, что типичным бюрократическим государством является полицейское государство, что бюрократизм характеризуется тем, что обществу навязываются принципы управления, чуждые его интересам, тем, что должностные лица не ответственны перед представительными народными и общественными органами, когда общественные элементы, облеченные доверием масс, не принимают участие в осуществлении обществом власти и т. д. Однако самая свирепая, полицейская монархия совершенно не вмешивалась в экономику. Журналисты и писатели не являлись послушными чиновниками учреждения. Представительные учреждения либо существовали, либо не допускались соответствующим полицейским правительством полицейского правительства. Но организовались бутафорские представительные.

В XIX веке старой эры во всех странах, даже в полицейских монархиях (за исключением Государства Тмутараканского, где конституционная Государственная Дума была создана за 12 лет до великой вохровской эры) существовали представительные учреждения не бутафорского типа.

Наконец, бюрократия была относительно малочисленна. Можно утверждать, что до великой вохровской эры в разных странах были только зачатки бюрократических систем. В Саксии бюрократическая система была слабо обозначена, в довохровском Государстве Тмутараканском несколько сильнее. Однако и в довохровском Государстве Тмутараканском проницаемость бюрократической системы была весьма слабой по сравнению с мощной тотальной системой вохровского Государства Тмутараканского. В вохровском Государстве Тмутараканском свершилось необычное – то, что великому Карлсу сто лет тому назад не могло и присниться.

Не производственные отношения, не экономическая система, а вохровская бюрократическая система стала первичным, а вохровский экономический механизм, вохровская бутафорская система народного представительства, вохровское судопроизводство, вохровская карательная политика, вохровская система олигархии, вохровская система просвещения и здравоохранения, вохровская философия, унифицированные вохровские пресса и литература и пр. и пр. – являются вторичными.

Вохровская бюрократическая система была экспортирована в ряд стран: в приваряжские республики, в Валахию, Латинскую Кучумию, Мазурию, Западную Скифию, Утреннюю Зарю, Унгарию и восточную Гуннию и с помощью армии и тайной полиции была насильственно внедрена. В Южную Скифию и Хинезию вохровская бюрократическая схема была экспортирована без участия Тмутараканской тайной полиции. В Южной Скифии и Хинезии произошли изменения противоположного характера, которые не являются темой настоящего исследования. В остальных государствах также произошли некоторые изменения, правда, меньшего масштаба. Частично эти изменения связаны с возрождением специфического вохровского национализма, но это также не является темой настоящего исследования

Но ничто не ново в нашем подлунном мире.

Главный творец всемогущего, всепроникающего, тотального, вохровского бюрократизма – великий семинарист, продолжатель дела величайшего Ильичева, заимствовал «свои» блестящие идеи не только у великих сатириков: Свифта, Салтыкина-Щедрикова, Мана Твэрка и других. Он оказался так же блестящим учеником Маккиавелли, который писал[i]: «… Римляне считали, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо всех их истребить, и что всякий другой путь грозит величайшими опасностям… Вообще надо усвоить, что людей следует или ласкать[ii], или истреблять, так как они мстят за легкие обиды, а за тяжелые не могут; поэтому оскорбление, которое наносится человеку должно быть таково, чтобы уже не бояться его мести».

i Никколо Макиавелли, том I, стр. 137.

ii То же, стр. 219.

Великий семинарист прекрасно усвоил это поучение Макиавелли. Более того, он великолепно усовершенствовал блестящие идеи Макиавелли, использовав опыт Аттилы, Чингис-хана, Тимура, и других знаменитых полководцев в массовом истреблении людей.

Усовершенствовав блестящие идеи Макиавелли, великий семинарист внес великий собственный вклад в сокровищницу этих идей.

Во первых, он считал, что «ласкать» надо меньшее количество людей, а истреблять побольше. Поэтому он «ласкал» миллионы, а истреблял десятки миллионов.

Во вторых, он полагал, что как первое, так и второе следует осуществлять с наименьшими материальными затратами. Поэтому, ласку он осуществлял, выдавая миллионы орденов и медалей, и расходы определялись только стоимостью этих безделушек. Истреблял же он десятки миллионов людей в системе лагерного перевоспитания, принуждал их тяжело работать до момента перехода в лучший мир, и оплачивать своим тяжелым трудом не только их скудное содержание, которое должно было быть таковым, чтобы они постоянно были на самом пороге своего физического уничтожения, но и более или менее удовлетворительное содержание многочисленного тюремного персонала, служебных собак, внутренней лагерной полиции и высокопоставленных, вохровских тюремных вождей. Кстати, как в главе третьей I тома было показано, великий семинарист ошибался. Вследствие низкой производительности рабского труда, даже при условии столь скудного содержания, с учетом значительных расходов на многочисленный тюремный персонал, «себестоимость» товаров, производимых в системе лагерного перевоспитания, была значительно больше, чем даже сравнительно большая «себестоимость» товаров, производимых «свободными» вээнами и кахами.

В третьих, после истребления значительной части вохровской элиты первого поколения, великий семинарист полагал, что следует создать мощную преторианскую гвардию или опричнину, но такую, чтобы она была в абсолютном подчинении у олигархии или олигарха и не могла, как во времена римлян, время от времени менять олигархов. Создав разветвленную бюрократическую схему, где становым хребтом была партийная схема с подчиненной ей тайной полицией, великий семинарист преуспел в создании особого типа вохровской преторианской гвардии.

Однако схему следует еще усовершенствовать. Драка за место главного олигарха после смерти великого семинариста, которая закончилась уничтожением Беридзе, а затем политической смертью Макенлова, Вячеславова, Лазаревича и других и, наконец, свержение великого Никитова, – свидетельствуют, что эта идеальная вохровская бюрократическая схема еще не достигла предельного совершенства.

При наличии этой удивительной и совершенной вохровской бюрократической схемы, управляемой переменными олигархами-вивисекторами, удивительна наивность таких титанов мысли как Альберт Эйнштейн и Норберт Винер, которые считали, что весьма слабая колумбовская бюрократическая схема, представляющая жалкий эмбрион по сравнению с вполне законченной вохровской бюрократической схемой, является пределом ограниченности, цинизма и неразборчивости в средствах. Норберт Винер пишет[i]:

«В течение многих лет мы мечтали об обществе независимых[ii] ученых, работающих вместе в одной из не исследованных областей науки и не под началом какого-нибудь высокопоставленного администратора[iii], а объединенных желанием, даже духовной необходимостью понимать науку, как нечто целое и передавать друг другу силу такого понимания...

Современная промышленная революция должна обесценить человеческий мозг, по крайней мере, в его наиболее простых и рутинных функциях. Разумеется, подобно тому, как квалифицированный плотник, квалифицированный механик, или квалифицированный портной пережили так или иначе первую промышленную революцию, квалифицированный ученый или квалифицированный администратор могут пережить вторую. Но представим себе, что вторая завершена. Тогда средний человек

i Норберт Винер, «Кибернетика и общество», Кремлевия, стр. 13, 44–45.

ii Винер совершенно не представляя себе условия Государства Тмутараканского, разумеется, не подозревает о существовании типа вохровского ученого-чиновника, ученого-полицейского (прим. автора).

iii Очаровательная наивность ученого, не подозревающего о вохровских порядках (прим. автора).

со средними или еще меньшими способностями не сможет предложить ничего, за что стоило бы платить деньги. Выход один — построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи. Для построения такого общества потребуется большая подготовка и большая борьба, которая при благоприятных обстоятельствах может вестись в идейной плоскости, а в противном случае – кто знает как? Поэтому я счел своим долгом передать мои сведения и мое понимание положения тем, кто активно заинтересованы условиями и будущим труда, то есть, профсоюзам.

Я принял меры к установлению контакта с одним–двумя лицами из руководства конгресса производственных профсоюзов. Они выслушали меня с большим пониманием и сочувствием. По их мнению… профсоюзы и рабочее движение в Колумбовии и Саксии находится в руках группы весьма ограниченных лиц, хорошо разбирающихся в специальных вопросах деятельности цеховых старост и борьбы за зарплату и условия труда, но совершенно не подготовленных для занятий большими политическими, техническими, социологическими и экономическими проблемами, касающимися самого существования труда…

… Как указывалось выше, есть и такие, которые надеются, что польза от лучшего понимания человека и общества, которая дает эта новая отрасль науки[i], сможет предупредить и перевесить наше невольное содействие концентрации власти (которая всегда, по самым условиям своего существования, сосредоточивалась в руках людей наиболее неразборчивых в средствах). Но я пишу это в 31 г. в.в.э. и должен заявить, что надежда на такой исход очень слаба…».

Очаровательная наивность Норберта Винера – этого гиганта мысли и разносторонне образованного человека, искупается не только последней фразой, но и тем, что он не мог знать существа закрытых современных тоталитарных империй Адольфера и Виссарионова. Из-за недостатка времени он не смог, по-видимому, проанализировать схему Римской империи, схему империй Аттилы, Чингис-хана, Великого Хромца и, наконец, мировой империи – церкви с ее тайной всемирной полицией – орденом иезуитов, в организации которого Игнатий Лойола сыграл такую же роль, как великий семинарист в организации вохровской бюрократической системы. А полуневежественный, великий семинарист, сравнительно ординарный человек (если не учитывать его чудовищных воли, беспринципности, бесчеловечности и жестокости) и его подручные полностью использовали многовековой опыт иезуитов. Более того, используя в меру своих способностей вторую промышленную революцию, резко повысившую производительность труда, а также радио, телевидение, прессу, литературу, наконец, последние достижения тюремной техники, великий семинарист и его подручные за несколько десятков лет на базе многовековой иезуитской системы построили свою совершенную вохровскую тотальную бюрократическую систему.

Роскошную иллюминацию костров инквизиции со всеми ее бутафорскими атрибутами великий семинарист и его соратники заменили Темкинскими деревнями с еще более пышным бутафорским реквизитом.

Основной лозунг иезуитов – «цель оправдывает средства». Целью было могущество мировой церкви. Цель переменной вохровской олигархии неясна и туманна. Карлсовский социализм и коммунизм были достаточно расплывчатыми категориями. Вохровский социализм — более реальная категория. Это сверхполицейская, сверхбюрократическая система полностью и абсолютно подавляющая любые демократические тенденции. Это безраздельная, абсолютная власть немногочисленной переменной олигархии, опирающейся на мощную систему тайной полиции и многочисленную элиту совокупностью совершенных бюрократических схем, ответвляющихся и подчиняющихся основной партийной схеме.

Вохровский коммунизм – менее реальная категория. Великий Никитов объявил, что уже «нынешнее поколение» будет жить при коммунизме и оный наступит 1 января 64 г. в.в.э. Из путаных объяснений великого Никитова и его подпевал следует считать, что вохровский коммунизм будет отличаться от вохровского социализма несколько меньшей нуждой вээнов, кахов и зеков. Но, вообще говоря, категория эта достаточно неясная. Сотни лет церковь и ее тайная полиция – иезуиты казались несокрушимыми. Иезуиты явно и тайно проникли во все поры общества. Однако, уже первая промышленная ре-

i Имеется в виду кибернетика (примечание автора).

волюция сокрушила их почти тотальное могущество. Церковь была отделена от государства. Правда, для этого понадобился период в сотни лет. В наше новейшее время темпы развития ускорены не только по отношению к темпам развития в средние века, но и к темпам развития в новые века.

В Югоскифии уже полтора десятка лет наблюдается тенденция отделения экономики от церкви, то бишь от однопартийной схемы. Более того, там появляются тенденции отделения Государства от церкви, то бишь от партии.

В Государстве Тмутараканском даже тенденция отделения экономики от бюрократической партийной схемы наблюдается пока весьма слабо.

Однако, завершение второй промышленной революции не за горами. Следует полагать, что также как первая промышленная революция сокрушила казавшуюся несокрушимой иезуитскую систему, вторая промышленная революция сокрушит кажущуюся несокрушимой – детище иезуитской системы – вохровскую бюрократическую систему.

Из логики вещей следует, что если для отделения церкви от государства понадобилось много столетий, то для отделения государства от вохровской олигархии и партии понадобятся десятилетия.

Аналогию между церковно-иезуитской схемой и вохровской тмутараканской бюрократической схемой можно продолжить. Знаменем христианской церкви уже два тысячелетия является единый бог в трех лицах: бог-отец, бог-сын и Святой Дух. Знаменем тмутараканской вохровской бюрократической схемы является бог в трех лицах: Карлс, Фридрихс, Ильичев. Правда, великий семинарист возжелал троицу превратить в квартет. Но после его смерти и девиссарионизации троица была восстановлена. В этой восстановленной божественной троице величайший Ильичев отчетливо представляется богом-сыном. Труднее определить, кто — бог-отец и кто — Святой Дух.

Теоретическим, непогрешимым, священным документированным источником христианской церкви является совокупность божественных книг под общим наименованием Библия, включающая Ветхий Завет и Новый Завет.

Теоретическим, непогрешимым, священным документированным источником вохровской Тмутараканской бюрократической церкви являются сочинения Карлса, Фридрихса, Ильичева. Священным местом христианской церкви соответствуют священные места. Есть они и у вохровской бюрократической церкви: могила Карлса, мавзолей Ильичева.

Христианская Церковь вела священные войны с мусульманской церковью, священной книгой которой был Коран и главным пророком – Магомет. Вохровская тмутараканская бюрократическая церковь вела священную войну с нацисткой церковью, священной книгой которой была «Моя борьба» Адольфера и первым пророком был он же. Христианская Церковь огнем и мечом и с помощью иезуитской схемы навязывала свое учение разным народам. Вохровская тмутараканская бюрократическая церковь – огнем и мечом и также с помощью своей иезуитской схемы, распространившей свои щупальца по всему миру, навязывала свое «учение» разным народам.

Христианская Церковь распалась на различные враждующие секты, которые нередко затевали войны друг с другом: католическую, православную, протестантскую, евангелическую и прочие. Единая ранее вохровская всетмутараканская церковь, навязавшая теми или иными способами свои идеологию многим странам, распалась также на враждующие секты: скифскую, хинезийскую, югоскифскую, кастровскую и другие.

Но имеются и коренные различия между христианской и вохровской, тмутараканской, бюрократической схемой. Первая существует около двух тысячелетий. Вторая – только пятьдесят лет и за этот краткий период успела осуществить цикл развития первой.

Первая не внедрялась в экономику, во второй – экономический механизм является нераздельной ее частью. Тайная полиция первой – иезуиты, обладала довольно слабым полицейским реквизитом в виде тюрем, пыточных дел мастеров, костров и т. п. Тайная полиция второй обладала самым могущественным современным полицейским инструментарием.

Тайная полиция первой давно растворилась в других церковных схемах. Тайная полиция второй — все еще представляет одну из основных схем общей сверхбюрократической схемы.

Наконец, одним из самых коренных отличий христианской церковной схемы от вохровской бюрократической схемы состоит в том, что еще в первое столетие существования христианской церкви ее пророкам удалось создать прочную христианскую мораль, которая прошла через века, зачастую заражая не только низшую церковную элиту, но и князей церкви. Вохровской бюрократической схеме, разбившей вдребезги старую мораль, не только не удалось заменить ее какой-нибудь новой, но она своими тоталитарными мероприятиями создала долговременную атмосферу страха, лицемерия, карьеризма и тотальной лжи.

После свержения великого Никитова вновь намечается ревизия организационных форм вохровской бюрократической схемы, хотя новые великие вохровские вожди опасаются произносить слово «бюрократизм».

Новый великий вождь Прежнев, критикуя никитовские порядки, вещает[i]:

«На ноябрьском Пленуме ЦК 48 г. в.в.э. принято важное Постановление об объединении промышленных и сельских областных и краевых партийных организаций…

На партконференциях 85 областей и краев, где партийные организации были разделены на промышленные и сельские … избраны (!)[ii] единые обкомы и крайкомы (!)…

Организационная структура приведена в соответствии с Уставом вохровской партии[iii] (!!)…

Восстановление единой парторганизации… положило конец искусственному их разъединению из-за надуманных и не оправданных жизнью перестроек[iv]. Партийные организации имеют теперь все условия для плодотворной работы… (!!)

…. Необходимо устранить ряд недостатков в работе в вохрозами и, особенно, колхозами. Здесь очень много внесено волевых необдуманных решений. За последние годы во многих областях произведено укрупнение хозяйств. Некоторые колхозы оказались неуправляемыми. При организации вохрозов на базе колхозов не всегда проводятся необходимые экономические обоснования, в результате чего многие из них оказались громоздкими, малоуправляемыми и некоторые из них в настоящее время являются нерентабельными… Коренные вопросы… в деревне нельзя решать… административным путем. Надо решать их обдуманно без спешки…

Во многих случаях грубо нарушаются демократические основы колхозного строя. В ряде колхозов основная масса членов артели фактически оказывается в стороне от обсуждения и решения коренных вопросов артельного хозяйства[v]. Более того, в некоторых колхозах … даже не руководствуются уставными требованиями».

Другой новый великий вохровский вождь – Алексеев предлагает кардинальную панацею от всех бюрократических зол – новую экономическую реформу, разработанную многочисленными вохровскими апологетами-экономистами[vi]:

«Президиум ЦК партии и Совет Министров внимательно проанализировали недостатки в народном хозяйстве и выявили (!) причины замедленного экономического роста… Известные трудности в развитии нашей экономики носят временный характер, и они должны быть в короткий срок преодоле-

---

i Стенограмма Пленума ЦК III. 49 г. в.в.э., речь Прежнева, стр. 3–30.

ii При «избрании» новых областных комитетов была, конечно, осуществлена скороспелая чистка «никитовцев» (прим. автора).

iii В который раз!! (прим. автора).

iv Кто же осуществлял эти искусственные и надуманные перестройки? Вохровские вожди выдают себя с головой. Не называя Никитова, они, конечно, имеют его в виду, тем самым подтверждая его самодержавное правление и роль остальных в качестве клакеров-хлопальщиков (прим. автора).

v Непонятно, как кахи могут быть не «в стороне от обсуждения и решения коренных вопросов артельного хозяйства». Ведь председатель и правление фактически назначаются и даже передача всего имущества колхоза в государственный вохроз решается без ведома «членов артели». Колхозы – это один из реквизитов Темкинских деревень. (прим. автора)

vi Алексеев, «Об улучшении управления промышленностью ….», Политиздат, Кремлевия, 49 г. в.в.э., стр. 17, 41.

ны. (!)… Ныне действующие формы управления, планирования и стимулирования в промышленности уже не отвечают современным технико-экономическим условиям. Хозяйственная инициатива предприятий и их права сужены, а ответственность недостаточна. Хозрасчет носит во многом формальный характер… Совершенствование организационных форм управления народным хозяйством на основе ильичевского принципа демократического централизма[i, своевременное устранение отживших форм управления является объективной необходимостью. Разумеется, подлинное совершенствование управления хозяйством ничего общего не имеет с необоснованными, скороспелыми перестройками, оторванными от реальной хозяйственной жизни и противоречащими требованиями объективных экономических законов[ii…

За последние годы в нашей стране была проведена большая реорганизация управления народным хозяйством. С 41 г. в.в.э. управление промышленностью стало осуществляться через Советы Народного Хозяйства. Промышленные министерства были упразднены, а предприятия, находящиеся в их ведении, переданы в подчинение совнархозам. …

С течением временем в управлении промышленностью начали выявляться крупные недостатки[iii. Руководство отраслью промышленности, представляющей собой единое целое в производственно-технологическим отношении, было раздроблено по многочисленным экономическим районам и оказалось совершенно нарушенным. Руководство предприятиями разнородных отраслей нередко осуществляется в совнархозах не специализированными, а многоотраслевыми управлениями. По многим отраслям промышленности совнархозы не располагают необходимыми квалифицированными кадрами. Такое положение заставило искать пути к устранению этих недостатков. В 44 г. в.в.э. были образованы республиканские совнархозы: в Великоскифии, Малоскифии и Атахской республике, а в 46 г. в.в.э. произведено укрупнение совнархозов. Были созданы совет Народного Хозяйства Союза, ВСНХ союза, государственные Комитеты по отраслям промышленности. Однако эти дополнительные организационные мероприятия не смогли устранить коренных недостатков ставшей догмой системы. … Сейчас в народном хозяйстве создалось такое положение, при котором планы по новой технике рассматриваются и решаются одними органами, планы производства и капитального строительства – другими, а вопросы снабжения – третьими. По существу, нет единого органа, который мог бы комплексно рассматривать и решать вопросы развития отрасли во всем ее многообразии.

В результате всего этого был нанесен ущерб техническому прогрессу, развитию промышленного производства, специализации, рациональным производственным связям между предприятиями, находящимися в разных экономических районах.

… Вознесли многочисленные органы, которые непосредственно не отвечают за развитие отраслей. Все это привело к безответственности, к бесконечным согласовываниям вопросов и потере оперативности руководства…

Для улучшения руководства промышленностью необходимо создать органы, построенные по отраслевому принципу.

Такими органами должны стать промышленные министерства»[iv.

---

i В который раз используется ильичевский (!) принцип демократического централизма, который, кстати, не ильичевский, а децистов, которые выступали против группы Ильичева! (прим. автора).

ii Снова намек на то, что в самом демократическом Государстве неудачливым самодержцем был великий Никитов, заместителем которого много лет был новый великий вождь – Алексеев (прим. автора).

iii Еще на 22 съезде в 45 г., великий Никитов и все его клакеры-хлопальщики расхваливали систему совнархозов во всю мощь своих натренированных луженых глоток, а, оказывается, что еще в 44 г. в.в.э., через 3 года после организации совнархозов, «выявились» крупные недостатки (примечание автора).

iv Цикл завершился. Еще во второе десятилетие великой вохровской эры великий семинарист упразднил ВСНХ, затем Народные комиссариаты тяжелой и легкой промышленности. Созданные народные комиссариаты все более и более разукрупнялись. Происходили бесчисленные реорганизации. Главные управления реорганизовывались во все более мелкие наркоматы. Предприятия передавались из местных органов промышленности в «республиканские» и «союзные» наркоматы. Затем наркоматы были переименованы в министерства и наркомы в министров. Было организовано несколько строительных министерств. Хозяйственные министерства расплодились, как грибы. Большое значение для организации тех или иных министерств имели иногда интересы отдельных сановников. Так, например, Главное Управление фото-кино промышленности (ГУКФ) было в 20 г. в.в.э. реорганизовано в Комитет искусств благодаря

В 41 г. в.в.э. о противоракетных ракетах еще и думать не могли. А все управление и снабжение было сконцентрировано в Кремлевии и руководящие вохровские деятели полагали, что в случае поражения Кремлевии ядерной бомбой может быть дезорганизовано все управление промышленности, в том числе и промышленности предметов истребления. К этим соображениям были притянуты и все остальные.

В результате управление и снабжение промышленностью было распределено по многим десяткам мелких экономических районов, и Никитов вспомнил про ильичевские совнархозы.

В силу Темкинских обычаев расхваливать любое вохровское организованное мероприятие, совнархозы и расхваливались.

Однако, преемники великого Никитова считали, что работа тмутараканской промышленности ухудшилась и отстает от Запада на десятки лет вследствие ослабления централизации и поэтому после свержения Никитова вновь ликвидировали совнархозы и восстановили министерства.

Уже после того, как новые великие вохровские вожди стали внедрять новую экономическую реформу вохровская унифицированная пресса приводила много случаев бюрократизма во всех областях хозяйственной и государственной деятельности, однако, как и в предыдущие десятилетия вохровской власти, все эти случаи преподносились вохровскими журналистами-чиновниками как исключения из правила. По-прежнему главным орудием борьбы сверхбюрократического Государства с бюрократизмом являются вохровский контроль, проверка исполнения и унифицированная пресса.

5. Автор о бюрократизме

Величайшие мыслители Карлс и Фридрихс, признанные учителя величайшего из учителей прогрессивного человечества Ильичева, наивно предполагали, что то, что они называли бюрократизмом, каким-то образом будет экспортировано в рекламируемый им социализм и коммунизм. Они разработали столь же наивные и домашние, старушечьи лекарства для излечения от легкого бюрократического насморка: выборность, сменяемость, пониженная плата социалистическим чиновникам и передача функции надзора и контроля всем, превращая всех... во временных бюрократов.

Вместе с тем, великий демократ Карлс рекламировал насилие как повивальную бабку революции.

К сожалению, великий Карлс, обладая могучим аналитическим умом, был совершенно лишен воображения и поэтому даже отдаленно не мог представить себе, что «повивальная бабка» примет недоношенного уродца – вохровский социализм. Конечно, в оправдание великого Карлса, следует отметить, что идиллическая обстановка, которая окружила его, даже при наличии самой пылкой фантазии не могла способствовать его представлениям не только об бездушном свирепом бюрократическом верзиле, в которого превратился этот недоношенный уродец через 20-30-50 лет, но и о не столь свирепом бюрократическом недоношенном младенце-уродце. В самом деле, на фоне свирепого вохровского социализма кажется невероятным, что Карлс совершенно спокойно мог в тиши лучшей в мире Королевской библиотеки разрабатывать планы похорон владельцев этой библиотеки, владельцев города, в котором находилась эта библиотека, и владельцев страны, в которой находился город. Он имел доступ к любым книгам, документам этого великого книгохранилища.

Карлс со своей красавицей-женой, тремя прелестными малютками и домашней работницей жил в уютной квартире. Когда он занимался разработкой планов похорон своих гостеприимных хозяев, наиболее влиятельная колумбовская газета, охотно предоставляла ему страницы для любых его статей, которые неизменно были связаны с темой его научных работ о похоронах его гостеприимных хозяев,

происках одного из «друзей» Виссарионова Тихацкого, впоследствии уничтоженного им. По-видимому, по таким же соображениям было организовано Министерство резиновой промышленности. Впоследствии, когда промышленные министерства ликвидировали и организовали комитет по химии, последний вскоре был раздроблен на комитет по химии и комитет по нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности – также в интересах соответствующих вохровских сановников. Когда великий Никитов стал самодержцем, его советники рекомендовали ему ликвидировать Министерства. Надо полагать, что не последнюю роль сыграли оборонные соображения.

повивальной бабке и рождении недоношенного уродца – вохровского социализма. За эти статьи он получал соответствующие гонорары, обеспечивающие ему тихий комфортабельный семейный уют.

Можно ли представить себе, что в противоположность «бюрократической» и «империалистической» Саксии идиллического XIX века, в великую вохровскую эру, в тиши Ильичевской библиотеки – находящейся в столице великого Государства Тмутараканского, сидит какой-нибудь исследователь и хочет заниматься не разработкой планов похорон этого великого самого демократического Государства, а просто правдивым и реальным исследованием политического, экономического, культурного и прочего развития этого Государства? Многочисленные штатные и внештатные шпики шныряли по залам Ильичевской библиотеки. Если бы нашелся смельчак, который читал бы газеты, стенограммы и книги вохровских же деятелей послереволюционного периода 2-9 г. в.в.э. (если бы ему выдали эти материалы!), его немедленно препроводили бы в систему лагерного перевоспитания. После смерти великого семинариста, такой смельчак мог бы в основном получать всякую макулатуру, так как большая часть сведений засекречены, как это показал автор в I томе «Введения». А не засекреченные материалы фальсифицированы. Тем не менее добросовестный анализ этих не засекреченных фальсифицированных материалов тоже чреват применением могучей статьи 70 Уголовного (а не политического) кодекса законов об антивохровской пропаганде и препровождением в систему лагерного перевоспитания.

Поэтому такой смельчак, в противоположность Карлсу, который работал в столь спокойной, идиллической обстановке, не может обойтись без фантазии, тем более что он имеет счастье жить в фантастические времена, в фантастическом государстве. Необычный вохровский бюрократизм не является продуктом постепенного развития. Появление его подобно взрыву сверхновой звезды, когда внезапно светимость звезды увеличивается во много раз, а потом уже в течение длительного периода времени рассеянная материя и энергия обретают какие-то упорядоченные формы. Подобно этому, для водородной бомбы – великой вохровской революции – запалом послужил разгон штыками матросов и солдат Учредительного Собрания.

Еще на 8 съезде, через 1,5 года после свершения великой вохровской революции, Ильичев утверждал, что жалобы на бюрократизм раздаются давно. Правда, одновременно он утверждал, что якобы царские бюрократы насаждают бюрократизм, но на восьмом же съезде Мгелашвили, выражавший мнение непредубежденных вохровских деятелей, разоблачил великого Ильичева. Он утверждал и, по-видимому, это соответствовало истине, что «эти подхалимы» – старые чиновники – никакой роли не играют и что бюрократы – это наши партийные товарищи, которые превратились в чиновников и оторвались от масс и что есть тенденция ликвидировать Советы и создать «исполкомию», а если, мол, дойдет до этого, то будет какая-то другая власть. Мгелашвили заявил, что имеется пока только опасность вырождения вохровской власти в бюрократизацию.

Наивный Мгелошвили не знал, что недоношенный уродец уже родился. Он, конечно, не мог себе представить, что даже «исполкомия», по существу, почти ликвидирована. Тогда же образованный и осведомленный Пчелинский утверждал, что даже Пленум ЦК только обсуждает вопросы, но решает Политбюро из 5 человек, а пленарное заседание собирается для общих разговоров и не 8 членов ЦК, а целых 14 попадает в положение членов второго разряда. Осведомленность Пчелинского – вне всякого сомнения. Пчелинский отмечал, что уже через 1–1,5 года после великой вохровской революции законодательные полномочия все более концентрируются не только в исполкомах а в руках отдельных лиц с неограниченными полномочиями. Но, как известно уже тысячелетия, соединение законодательной и исполнительной власти ведет к произволу, что и случилось, приведя к взрывному появлению бюрократизма, бюрократизма особого – вохровского – типа.

Величайший Ильичев, которому приписывают сомнительную идею демократического централизма, еще в первый день восьмого съезда, то есть через 1,5 года после великой вохровской революции, объявил идиотами всех, кто говорит о демократическом централизме, а самый демократический централизм – допотопным и устарелым. На девятом съезде, через 2,5 года после революции, Ильичев недвусмысленно заявил, что вохровская социалистическая «демократия» единолична и диктатуре нисколько не противоречит и что «диктатор один более сделает и часто более необходим».

Главные отцы недоношенного уродца – Ильичев, Лейбов, Радомыслов, Розенполев и находившийся тогда в тени будущий самодержец Государства Тмутараканского – уже на девятом съезде установили бюрократическое единоличие, полностью ликвидировав даже символическую «самодеятельность» рабочих и других групп населения.

Уродец, хорошо питаясь, быстро вырос и стал совершеннолетним. Цикл развития его в основном был завершен.

Взрывной, особый вохровский бюрократизм уже в эту раннюю пору вохровского владычества стал безраздельно господствовать. Оригинальным и великолепным монументом в честь установления его господства явился декрет № 215 о создании штрафных команд и заключении в концлагерь рабочих, зачисленных в разряд «трудовых дезертиров».

Все дальнейшее было уже известным упорядочиванием рассеянной чудовищным взрывом бюрократизма материи и энергии. До того, как были окончательно задавлены инакомыслящие в рядах самой вохровской партии, еще шла довольно тщетная борьба против бюрократизма, то есть против незаконнорожденного недоношенного уродца, о чем, конечно, оппозиционеры различных мастей не имели никакого представления. Они не понимали, что вохровский бюрократизм и есть этот недоношенный уродец и радикально уничтожить бюрократизм можно только, уничтожив этого мерзкого ребенка.

Все же многие из них рассматривали вопрос о бюрократизме более глубоко, чем господствующая группа величайшего Ильичева. Даже один из отцов этого уродца – Лейбов, довольно непоследовательно (как отец) еще на 9 съезде утверждал, что бюрократизм и волокита заложены в самой структуре вохровских учреждений, он говорил о людях, «которые смотрят с более высокого централизма, который должен сменить нынешнюю главкократию, от которой мы гибнем и страдаем, которая является особой исторической формой бюрократии». Лейбов говорит об особом виде бюрократизма – «иерархии секретарей», о том, что наличие в вохровской партии «внутреннего бюрократизма», характерным признаком которого служит «иерархия секретарей» «не избранных, а назначенных сверху», создают невозможность массе членов обмениваться своими мнениями.

Позже, на 13 съезде в 8 г. в.в.э., Лейбов говорит о противопоставлении нескольких тысяч руководящих вохров всей остальной партийной массе как «объекту воздействия». То ли из осторожности, то ли вследствие недопонимания Лейбов утверждал, что бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы и сосредоточения всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения и т. п., то есть большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения.

Лейбов сам себе противоречил. Ведь за 4 года до этого он говорил об «иерархии секретарей», то есть о полном отрыве от масс, а теперь заявил, что это возможно только в результате длительного развития бюрократизма.

Один из теоретиков оппозиции – Переделкинский, хотя и не подозревал о рождении недоношенного уродца, еще на 9 съезде отмечал, что обюрокрачено решительно все, вплоть до ЦК и «профсоюзов». Он достаточно правильно устанавливает, что радикальное решение вопроса уничтожения бюрократизма заключается в уничтожении государства, то есть, в частности, в уничтожении незаконнорожденного уродца. Самым близоруким оказался один из «отцов» – Родомыслов, который полагал, что через 5 лет можно создать «идеальный аппарат». Подразумевалось, что в этом «идеальном аппарате» бюрократизм будет отсутствовать. Но даже идеальный сверх-бюрократический аппарат, как автор далее покажет, был создан великим семинаристом и его подручными только через 30 лет.

Один из лидеров децистов – Максимский предлагает лекарство для уничтожения бюрократизма, весьма схожее с домашними средствами великого Карлса – сессионную систему. В его представлении таким путем, то есть путем «введения пленумов губкома, ВЦИКа» и т. п. упразднится оторванность от масс губпарторганизаций и «уничтожится бюрократизм»…

Все же к 11 съезду Максимский догадывается, что «рыба начинает вонять в головы» и что партия «сверху» «начинает» поддаваться влиянию «этого бюрократического централизма» и что этим объясняется стремление к единоличию «в таких формах, которые … для кого угодно не приемлемы».

Наиболее прямолинейные вохровские деятели, лидеры «рабочей оппозиции» Кашкетников и Волков великолепно отдают себе отчет в самом действии этой бюрократической схемы. Они понимают, что «эта громоздкая бюрократическая система исключает всякую творческую инициативу и самодеятельность организованных в союзы производителей» и что ЦК, хоть и «не проводил действительных мер борьбы с разъедающим весь наш вохровский аппарат бюрократизмом», но мог бы осуществить эти меры.

Они не поняли, что так называемое переменное Политбюро и есть вершина Системы, которая тогда именовалась военным коммунизмом, и что единственный и радикальный мерой борьбы с бюрократизмом – это уничтожение самого себя. Следует полагать, что они не поняли этого даже непосредственно перед тем, как их уничтожил великий семинарист.

Ближе всего к разгадке особой формы вохровского бюрократизма, уже через 7 лет после свершения вохровской великой революции, подошел культурный вохровский деятель – Цветин. Он утверждал, что поскольку «партия» руководит государством, то ближайшим и непосредственным источником бюрократических влияний является государственный аппарат, а бюрократизация аппарата «вытекает из глубоких социальных причин», и что «бюрократизация является не вопросом канцелярской техники, а вопросом социальным, совершенно так же, как и преувеличения в области формальной демократии».

Цветин довольно близко подошел к разгадке сущности вохровского бюрократизма и ильичевской диктатуры, но все-таки не разглядел роли повивальной бабки, принявшей недоношенного уродца.

Как же выглядела бюрократическая вохровская схема к концу неграмотного и свирепого ильичевского эксперимента по немедленному внедрению социализма и коммунизма, который получил наименование военного коммунизма?

Общая схема была дуалистической, хотя в самой вершине – уже явно монистической. Сверху безраздельно правило Политбюро ЦК и намечался единоличный диктатор – Ильичев. К тому времени ВЦИК уже была марионеткой Политбюро.

Далее схема разветвлялась. В губерниях сидели 2 красных губернатора: секретарь партгубкома и председатель губернского исполкома. Преобладание зависело от индивидуальных черт этих двух красных губернаторов. Так называемые центральные и губернские профсоюзные организации, хотя и были уже полностью обюрокрачены, местами еще попискивали и проявляли слабое стремление к самостоятельности, однако, они были на грани абсолютного огосударствления и превращения в одно из бюрократических звеньев сверх-бюрократического государства.

На промышленных предприятиях сидели красные директора, в принципе подчинявшиеся по вертикали соответствующим центральным бюрократическим учреждениям. Однако красные директора в большинстве своем были малограмотны, и их нередко подавляли культурные спецы.

Кроме того, на некоторых предприятиях заводские комитеты еще сохраняли видимость самостоятельности. Начинали скалить зубы секретари вохровских партийных ячеек.

В зависимости от соотношения этих разносторонних сил на некоторых предприятиях наблюдалось единоличие, которое особенно усилилось после опубликования вышеупомянутого декрета № 215 об единоличии, штрафных командах и концлагерях для «трудовых дезертиров».

На других предприятиях наблюдался дуализм красного директора и спеца. На третьих – триумвират красного директора, спеца и секретаря вохровской партячейки и, наконец, на некоторых – властвовал четырехугольник: директор – спец – секретарь партячейки – председатель фабзавкома. В деревне бюрократическая схема к концу периода военного коммунизма также не утряслась окончательно. Там были следующие бюрократические звенья: председатель волостного или сельского ревкома, председатель комитета бедноты, начальник продотряда, которого к концу эпохи военного коммунизма заменяла волчетверка.

Временами волостная четверка существовала параллельно с продотрядом. В уезде властвовала уездная пятерка. В деревне редко наблюдался триумвират или дуумвират. Обычно волчетверке или начальнику продотряда безраздельно подчинялись остальные бюрократические звенья.

В стороне от этой прямой бюрократической схемы была бюрократическая схема мелкой деревенской промышленности. Например, во главе мельниц и мелких маслобойных заводиков стояли чиновники-контролеры, эти чиновники подчинялись районному контролеру, который охватывал несколько волостей.

Кроме того, в провинции господствовал институт всяческих уполномоченных учреждений, о которых так иронично отзывался Лейбов.

До окончания гражданской войны начала действовать еще одна бюрократически-хозяйственно-военная цепочка – трудармии.

Все эти окончательно не оформленные бюрократические звенья оформились в губерниях и стали четырьмя основными бюрократическими китами: тайной полицией, губсовнархозом, губпродкомом и губтоком.

Остальные бюрократические учреждения: губфинотдел, губсобес и другие играли вспомогательную роль.

Над этими китами более или менее формально высилось 2 красных губернатора. Формально потому, что эти четыре основных бюрократических кита, особенно тайная полиция подчинялись соответственным столичным центральным бюрократическим учреждениям. В стороне от этих основных бюрократических китов, стояла бюрократическая военная цепочка, которая даже и формально была не подконтрольна двум красным губернаторам, а по цепочке через реввоенсоветы подчинялась столичным бюрократическим военным организациям.

В столице Государства Тмутараканского основой также были 5 китов: тайная полиция, ВСНХ, Наркомпрод, Наркомтон, Наркомвоен (Реввоенсовет).

Вспомогательные народные комиссариаты и другие центральные учреждения: Наркомфин, Наркомпрос, Наркомсобес, комиссариат национальностей, ВЦСПС, Центросоюз и другие имели подсобное, вспомогательное или чисто формальное значение. Наркомфин занимался печатанием денег и реализацией печатных знаков через Госбанк. При этом он частично сохранил аппарат акцизных и таможенных чиновников. Наркомпрос ведал развалившейся учебной системой и другими культурными учреждениями. Окончательно обюрокраченный ВЦСПС якобы представлял «свободные профсоюзы» рабочих. Центросоюз ведал «распределителями», которые почти ничего никому не выдавали. Над всеми этими основными китами, а также вспомогательными и формальными бюрократическими учреждениями высилось директорское Политбюро из нескольких человек, которое управляло ими через Совет Народных Комиссаров, Совет труда и обороны (СТО) и даже через уже тогда формальный ВЦИК.

Пресса к тому времени была уже унифицирована за исключением Пешкинской «Новой жизни». Цензура была упразднена. Редколлегия каждой унифицированной вохровской газеты стала и редакционной цензурой. Все же осторожности ради над ними неусыпно уже наблюдали цензора из агитпропа ЦК и губпарткомов, а в армии – Политуправление. Литературу в период военного коммунизма вохры еще не успели унифицировать, и всякие кубисты и прочие ЛЕФы пока резвились на относительной свободе, закусывая редко попадавшийся им воблой и осьмушкой черного малосъедобного хлеба.

Такова была к концу эпохи военного коммунизма еще окончательно не оформившаяся железная, вохровская, бюрократическая схема. Лучше и быстрее всех уже к концу эпохи военного коммунизма оформились две главные основные бюрократические подсхемы: схема тайной полиции и военная схема. Этого требовала сама жизнь. Без быстрого оформления этих основных бюрократических подсхем недоношенный уродец рисковал быть уничтоженным.

Правильно отмечает Большая вохровская энциклопедия издания 11 г. в.в.э., что наиболее бюрократический характер сохранила полиция во всех ее видах … и, особенно, департамент полиции, «ставший настоящим центром всемогущей бюрократии». Еще больше это относится к тайной полиции вообще, и, в частности, к самой могущественной в мире вохровской тайной полиции. Вохровская тайная полиция достигла пика своего могущества в эпоху царствования великого семинариста, после свершения Второй великой вохровской революции. Но и к концу эпохи военного коммунизма тайная вохров-

ская полиция была уже достаточно могущественной и представляла основной оплот стремительно рвущийся к зениту своего абсолютизма железной вохровской бюрократической схемы.

Конечно, в эпоху ее становления, в бюрократической схеме вохровской тайной полиции было много беспорядка и много кустарщины, как и в других подсхемах бюрократического, вохровского Государства Тмутараканского. Но в основном с самого начала схема строилась правильно. Ведущим отделом стал отдел информации. Ведущие вохровские деятели, которые были направлены в эту главную опору вохровской власти – Феликсов и другие, имели большой опыт по части конспирации, филеров, провокаторов, тюремной индустрии и прочих реквизитов тайной полиции. Они знали, что главное в этом сверх бюрократическом ремесле – шпионаж, сыск, провокации, шантаж, дезинформация и прочее и прочее.

Вот почему с самого начала отдел информации стал вербовать и обучать огромный штат наблюдателей, филеров, провокаторов и прочих шпиков.

Наряду с этим уже в эпоху военного коммунизма начала разворачиваться сеть тюрем, концлагерей, ссыльных мест и прочих атрибутов всемогущей бюрократической тайной полиции.

Бюрократическая военная вохровская схема в эпоху военного коммунизма несколько отличалась от подобной схемы в странах загнивающего капитализма.

Был учрежден Институт политических комиссаров, которые вначале не только дублировали обязанность командиров воинских подразделений, но стояли над ними. Однако дисциплина была жесткой. За малейшие поступки расстреливали. После окончания гражданской войны пытались ввести милиционную систему. Но после свершения Второй великой вохровской революции все эксперименты в армии, как и в школе были прекращены. Институт политкомиссаров был ликвидирован и в дальнейшем бюрократическая схема военной машины ничем не отличалась от схем стран загнивающего капитализма, не считая более жесткой дисциплины, которая особенно усилилась после того, как великий семинарист уничтожил значительную часть военной элиты, в результате чего получился большой конфуз, когда «белые суомийцы» «напали» на великое миролюбивое вохровское Государство Тмутараканское.

Внедрение Ильичевым рестэпа несколько замедлило в некоторых отношениях дальнейшее развитие вохровской бюрократической схемы. Из деревни убрались продотряды. Были ликвидированы комитеты бедноты. Были восстановлены некоторые экономические регуляторы. Десятки миллионов крестьянских хозяйств получили в какой-то степени возможность работать на свободный рынок. Начали функционировать тысячи частных мелких предприятий и сотни тысяч кустарей, которые тоже в какой-то степени работали для свободного рынка. Значительная часть розничной торговли перешла в руки частных предпринимателей. Государственные предприятия перешли к какому то подобию хозяйственного расчета. Часть нерентабельных предприятий даже закрыли, на других предприятиях сокращали излишки рабочих. В стране опять возникла значительная безработица.

В такой ситуации некоторые государственные предприятия вынуждены были конкурировать между собой и с частными предпринимателями, особенно в области торговли. Вследствие улучшения военного, экономического и социального положения страны начало затушевываться господствующее положение иерархии из тайной полиции и армии.

Самая влиятельная могущественная иерархия из Политбюро вынуждена была обороняться от наскоков оппозиции всяких оттенков, которая, правда, тщетно пыталась поколебать бюрократическое могущество этой высшей партийной власти.

Все это ослабило дальнейшее развитие бюрократизации вохровской схемы. Утверждение автора статьи «Бюрократизм» в Большой вохровской энциклопедии, издания 11 г. в.в.э. о том, что усиление бюрократических извращений явилось следствием допущения в хозяйственную жизнь частной инициативы и монопольного положения вновь созданных трестов, синдикатов и торгов, можно объяснить либо невежеством и непониманием сути особого вида вохровского бюрократизма, либо желанием автора, вохровского апологета, навести тень на плетень. Наоборот, допущение частной инициативы и некоторых экономических регуляторов в хозяйственную жизнь страны, короче говоря, внедрение рестэпа ослабило и уменьшило бюрократические извращения.

Сокращались лишние рабочие и служащие. Качество производимых товаров улучшилось. В первые годы рестэпа почти исчезли очереди. Дошло до того, что, например, в Малоскифии, государственные магазины стали вежливы с покупателями, предлагали лучшие товары и меньше обвешивали. В первые годы рестэпа реальная зарплата рабочих действительно увеличивалась.

Однако это кратковременное отступление вохровского бюрократизма вскоре было приостановлено. Нелепый синтез некоторых экономических регуляторов стран загнивающего капитализма с бюрократической вохровской схемой, продолжавшееся, правда, меньше, чем в эпоху военного коммунизма, ограбление крестьян с помощью механизма неэквивалентных цен, ликвидация великим семинаристом инакомыслия в вохровской партии с помощью находящегося в его подчинении аппарата тайной полиции — все это привело уже в 10–11 г. в.в.э. к дальнейшему совершенствованию вохровской полицейской, бюрократической схемы.

Почти задавленная и полулегальная оппозиция спрашивала в своей платформе: «В какую же сторону развивается за последние годы аппарат вохровского государства? В сторону упрощения и удешевления? Орабочения? Приближения к трудящимся города и деревни? Уменьшения расстояния между управляемыми и управляющими? Как обстоит дело с проведением бóльшего равенства в условиях жизни, правах и обязанностях?..» И сама отвечала: «Совершенно очевидно, что ни на один из этих вопросов нельзя ответить удовлетворительно. Нынешняя официальная борьба с бюрократизмом…. не дает и не может дать существенных результатов, а во многих случаях даже содействует усилению бюрократизма».

Великий семинарист окончательно вышел из-за кулис. Почти, с помощью своей тайной полиции, задавив оппозицию и готовясь к окончательному восшествию на свой самодержавный престол, он хвастливо заявил, что самый бюрократический уже тогда вохровский аппарат является высшим по типу государственным аппаратом по сравнению со всеми существующими в мире. Частично он, может быть, и был прав. Вохровский бюрократический аппарат тайной полиции, использованный для его самодержавных целей, действительно к тому времени был лучшим в мире по подавлению инакомыслящих и, недовольных тотальным ограблением рабочих и крестьян. Только через 8–10 лет в конкуренцию с этим аппаратом вступил по гуннски блестяще организованный полицейский аппарат Адольфера.

Наряду с хвастовством великий семинарист уже тогда, в 11 г. в.в.э., обнажает свои чудовщные клыки и говорит, что борясь против бюрократизма, следует каленым железом выжигать безобразия в нашей практике.

Вскоре Виссарионов предметно доказал, что это не поэтическая гипербола. Миллионы «врагов народа» не только подвергались пыткам «каленым железом», но значительно более усовершенствованным вохровцами истязаниям, по последнему слова вохровской пыточной науки и техники. Если в 10 г. в.в.э. еще возможно, что руководители очередной ильичевградской оппозиции Родомыслов и Розенполев делают «Ильичевградскую кривду» своим рупором, то в дальнейшем это исключается.

Пресса и радио окончательно унифицируются и становятся простым придатком агитпропа, а в некоторых отношениях – придатком могущественной тайной полиции. Довохровские черносотенные полицейские листки, вроде «Набата» и других выглядят агнцами по сравнению с полицейской вохровской прессой.

Так называемая вохровская литература к этому времени также унифицируется и становится полицейской макулатурой. Великий семинарист – большой почитатель довохровского сатирика Салтыкина-Щедрикова. Он понимает его совершенно буквально и решает осуществить его гениальную схему: главный городской шпион – главный уличный шпион – десятихатный шпион. «Но еще лучше, если в каждой хате будет свой шпион».

Но ведь для этого необходимы огромные кадры. Почти 25 % всего населения Государства Тмутараканского следует включить в гигантский бюрократический аппарат. И к концу первого десятилетия великой вохровской эры Виссарионов и его верноподанные подручные приступают к осуществлению великой вохровской бюрократизации. В бюрократическую схему включаются все члены вохровской

партии, все вохросомольцы (практически все юноши), все дети старше 8–9 лет (пионеры), все «профсозные» функционеры, пресса, радио, литература.

К ним добавляется аппарат тайной полиции, явной полиции, спецотделы предприятий и учреждений с их контингентом шпионов и, наконец, дворники.

Аппараты всяческой полиции, включая дворников, обучены по роду своей деятельности.

Обучать следует рядовых членов вохровской партии, «профсоюзных» функционеров, юношей и детей. Для этого следует начать милитаризацию этих категорий, а в качестве «воспитателей» намечается использовать всяческие агитпропы, прессу, радио, литературу.

Таков грандиозный план великого семинариста, поклонника Салтыкина-Щедрикова, по осуществлению великой бюрократизации 25 % всего населения Государства Тмутараканского. Следует полагать, что этот великий план зародился у него именно в 11 г. в.в.э., после того, как он подавил с помощью полиции всяческую оппозицию.

В 13 г. в.в.э. Виссарионов одновременно ликвидирует рестэп, начинает бурно внедрять коллективизацию и с помощью карточной системы и механизма множественных цен резко снижает и без того низкий жизненный уровень кахов и вээков. Короче говоря, начинает осуществлять Вторую великую вохровскую революци. Она сопровождается новым бурным взрывом бюрократизма.

Поскольку подавлена всяческая оппозиция, никто из хлопальщиков-клакеров не пытается больше выяснять истинные, глубокие причины возникновения и развития вохровского бюрократизма.

Официальные причины наличия бюрократизма в самом передовом вохровском обществе предельно доходчиво изложены (по приказу вождя) в Большой вохровской энциклопедии, издания 11 г. в.в.э.: в отличие от буржуазного бюрократизма, причиной вохровского бюрократизма является экономическая и культурная отсталость. При социализме осуществятся внедрение высокой техники, мощная экономика, полная механизация сельского хозяйства, поголовная грамотность населения, всеобщее материальное довольство граждан. И с устройством общественной жизни на социалистических началах бюрократизм будет уничтожен. Ясно и просто.

Пока общественная жизнь еще не будет устроена на общественных началах, печать при помощи огромной армии рабселькоров будет вести ежедневную борьбу против бюрократизма. В еще бóльшей степени борьбу с бюрократизмом будет осуществлять изобретенное гениальными Ильичевым и Виссарионовым учреждение, называемое по-разному. Но к тому времени оно называлось РКИ-КК. Только с этой точки зрения следует хлопальщикам-клакерам рассматривать этот вопрос.

И на XVI партконференции видный деятель РКИ, хлопальщик-клакер уже выявившегося виссарионовского типа — Яковцев с упоением расказывает, как РКИ ловко вскрывает бюрократические извращения затаившихся в лучший в мире вохровский государственный аппарат бюрократов и, о ужас, вредителей. Ну, а если вскрыты эти извращения, то их можно лечить старыми, известными домашними средствами, из которых главные – РКИ-КК, проверка исполнения и различные темкинские лозунги. На XVI съезде изобретается еще одно сильнодействующее средство – массовая форма рабочего контроля снизу — шефство заводов над вохровским аппаратом. Это гениальное мероприятие – одно из коренных в строительстве Темкинских деревень.

Однако, на XVI партконференции, выведенный из себя Бирчел разоблачит РКИ-КК, как одну из самых бюрократических организаций. Это был нож в спину: взбунтовался основной борец против бюрократизма – сам порождение бюрократизма в бóльшей степени, чем контролируемые им звенья вохровского бюрократического аппарата.

Виссарионовский хлопальщик, руководящий деятель РКИ Яковцев великолепно знает, конечно, что и РКИ, и шефство заводов – это очередные бюрократические панацеи. В полном согласии со служанкой великого семинариста – Большой вохровской энциклопедией он заявляет: «Индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства мы создадим предпосылки для уничтожения бюрократизма».

Между тем вохровская схема продолжала обюрокрачиваться. Рассеянная вторым взрывом бюрократизма материя и энергия формировалась во все более совершенную вохровскую бюрократическую схему. Олигархия из Политбюро окончательно сжимается до одного человека. Великий семинарист становится абсолютным самодержцем. Появляются новые мощные бюрократические схемы: политотделы в МТС, политотделы в вохрозах и политотделы в системе транспорта. В деревню направляется первый отряд огромной армии бюрократов – двадцатипятитысячники. Безбрежое море до 13 г. в.в.э. в какой-то степени самодовлеющих крестьянских хозяйств включается в бюрократическую схему сразу по нескольким бюрократическим линиям: по партийной, по линии политотделов и по линии вохровских земельных органов. Поскольку рестэп ликвидирован, вся торговля и все мелкие предприятия также включаются в вохровскую бюрократическую схему. Конечно, Вторая великая вохровская революция вызывает немало восстаний и беспорядков. Изгоняются и истребляются миллионы крестьян. Все это сопровождается еще бóльшим усилением самой бюрократической схемы тайной полиции. Стоительство тюрем и лагерей идет бешеным темпом.

Лазаревич довольно ярко живописал вскрытую им и великим семинаристом «функционалку» во всех областях вохровского Государства, как с тех пор (с 18 г. в.в.э.) стали именовать вохровский бюрократизм.

Однако формирование идеальной схемы вохровского бюрократизма тогда еще не было закончено.

Во всех звеньях вохровских бюрократических схем – «партийной», хозяйственной, полицейской, военной, а также государственных учреждениях заправляли вохровцы первого поколения. Эти люди родились и выросли в реакционном царском Государстве, в котором налет бюрократизма – по сравнению с бюрократизмом вохровским – составлял весьма малую величину. Они пережили кратковременный период военного коммунизма, сменившегося рестэпом, когда частная инициатива, инициатива отдельных лиц вновь в какой-то степени стала движущей силой прогресса.

Все эти люди не могли в короткий исторический срок превратиться в бездушные бюрократические винтики автоматической бюрократической схемы. Эти люди, о ужас, проявляли инициативу. Хотя Бирчел так ярко поветствовал о том, как трудно хозяйственнику принимать какое-нибудь решение, которое при ближайшей ревизии всемогущей РКИ может подвести под монастырь, люди первого вохровского поколения хозяйственников весьма часто принимали важные решения, не прячась за многочисленные комиссии и бумаги, очень часто без ведома наркомата и главка. Самостоятельность предприятий, хозяйственников почти вплоть до 20–21 г. в.в.э. была намного выше, чем даже в настоящее время (50 г. в.в.э.), когда начали внедрять новую экономическую реформу. Тогда не удовлетворялись выделяемыми лимитами, а, как в период рестэпа, нюхали, искали и находили недостающие материалы и сырье. При строительстве предприятий преобладало строительство хозяйственным способом, а удельный вес подрядного строительства был сравнительно мал. Механизация строительства была незначительна, и хозяйственники меньше зависели от поставок механизмов. После осуществления Второй великой вохровской революции, кроме миллионов крестьян, загнанных в места не столь отдаленные, куда Макар телят не гонял, по стране бродили миллионы согнанных со своих земель крестьян со своими лошадками. За хвост селедки, 600 грамм хлеба в день и фураж для своей лошадки эти крестьяне, которых называли грабарями, нанимались на любое строительство. Эти грабари и осуществляли основной объем земленых работ, плотничьих и каменных работ. Нанимать их, минуя всякие и всяческие отделы кадров и наркоматы труда, хозяйственники могли в значительном количестве. Можно было строить предпрития, отдельные цеха и вспомогательные производства для выработки недостающих материалов и строя без многоступенчатого, тянущегося в настоящее время многие годы утверждения проектов и смет. Нередки были случаи, когда строительство крупных заводов, начиная с выбора площадки, в ту эпоху завершали за год–два. И за такой срок строили в условиях примитивной механизации. Правда, следует отметить, что вся эта бурная остаточная энергия былого свободного предпринимательства тратилась впустую. Гениальная виссарионовская методика перманентного товарного голода и полное отсутствие хозяина во всех звеньях хозяйственной жизни приводила к тому, что предприятия вырабатывали почти сплошь бракованную продукцию.

Предприятия строили не там, где они нужны были, и без всякого технико-экономического обоснования. Уже тогда преобладало стратегическое строительство. Почти вовсе не строились предприя-

тия предметов широкого потребления, и объем жилищного строительства был ничтожен. Пускались в эксплуатацию незаконченные предприятия с бесчисленным количеством переделок. Зачастую осуществлялся липовый пуск предприятий. Так, например, при официальном пуске Новоградского автомобильного завода в 14 г. в.в.э., ходить по заводскому двору было невозможно, так как грязь была до пояса.

И все же остаточный запал свободного предпринимательства явно проглядывал в первом поколении вохровских хозяйственников и этот запал мешал полному осуществлению идеальной бюрократической схемы. Доходило до того (о, ужас!), что по телефонному звонку из Кремлевии, без оформления официальной телефонограммы останавливали и пускали крупный завод. До истребления первого поколения вохровских хозяйственников «спихатехника»[i] была совершенно неизвестным явлением.

После провокационного убийства Кострика, великий семинарист и его могущественная тайная полиция начали окончательную чистку авгиевых конюшен. К этому периоду было подготовлено достаточно шпионов по рецепту Салтыкина-Щедрикова. В каждой хате был шпион. Считалось доблестью, если ребенок клеветнически доносил на своего отца. Считалось доблестью, если лучшие друзья клеветнически доносили друг на друга. Организовалась целая корпорация добровольцев-клеветников. В тайной полиции работали 2 миллиона филеров. В крупных городах за жильцами вся наблюдение не только дворник. В каждой жилсекции имелся завербованный добровольным филером какой-нибудь вохросомолец или вохросомолка. Пионеры доносили про «семейные» разговоры родителей. Для этих же целей были использованы спецотделы с их штатом филеров, вохровские партячейки, функционеры из «профорганизаций», отделы кадров и другие.

Бешеным темпом строились лагеря, тюрьмы и организовывались новые районы ссылок. Страна была плотно закрыта на границах. Внутри страна была наводнена бандами оперативников, которые плотным кольцом окружали лагеря и ссылки и во множестве бродили на вокзалах и всяких путевых станциях.

В этих условиях и была осуществлена генеральная виссарионовская чистка, которая в гигантских масштабах осуществлялась два десятилетия.

Наряду с истреблением десятков миллионов крестьян и рабочих была уничтожена почти вся партийная, хозяйственная, техническая, полицейская и канцелярская бюрократическая элита. Истребление бюрократической элиты шло волнами. Уже перед началом Второй мировой войны почти все первое вохровское бюрократическое поколение было истреблено. После окончания Второй мировой войны в какой-то части было истреблено и второе вохровское бюрократическое поколение.

При новом вохровском бюрократическом поколении, совершенно свободном от какого бы то ни было духа предпринимательства, свободном от каких бы то ни было принципов, ставящего превыше всего свою личную карьеру, ответственном только перед начальством, запуганном истреблением старшего бюрократического поколения, великолепно усвоившем защищающую его «спихотехнику», окончательно оформился тот идеальный вохровский бюрократизм, который господствует последнюю четверть века.

6. Автор об идеальной вохровской схеме бюрократизма

Как же выглядит эта идеальная вохровская бюрократическая схема? Как пишет Большая вохровская энциклопедия, в 35 г. в.в.э. вохровская власть «создала подлинные народные органы Управления, подорвав тем самым корни бюрократии». Превратившись в низкопоклонную, пресмыкающуюся служанку диктатора, в глухую темную ночь свирепейшего террора Большая вохровская энциклопедия объявила, что «социалистическое государство имеет совершенную демократию!»[ii] Эта циничная служанка великого семинариста поведала в 35 г. в.в.э., что с помощью чудодейственных ильичевско-виссари-

i «Спихатехника» – методы работы, принятые в настоящее время всюду, когда один работник или учреждение старается спихнуть работу и ответственность на других. (прим. автора).

ii Об этой «совершенной демократии» автор поведает в следующей X главе.

оновских лекарств: РКИ, проверки исполнения, критики и самокритики – вохровский бюрократизм искоренен.

Как же выглядели эти «подлинные народные органы Управления», созданные «совершенной демократией»? Прежде всего дуализм, триумвираты и прочие остатки коллегиального управления были на вершине вохровской бюрократической пирамиды полностью ликвидированы. Великий семинарист превратился в абсолютного самодержца. Переменные члены Политбюро являлись исполнителями и в редких случаях советниками великого самодержца. Самая могущественная сила в этой совершенной вохровской бюрократической схеме – тайная полиция, находилась в непосредственном и полном подчинении у Виссарионова. Была создана сложная схема связи великого вождя с исполнительными звеньями тайной полиции, минуя переменных шефов тайной полиции. Столь же сложна была схема охраны диктатора с многочисленными непосредственными связями.

Дуализм красных губернаторов был полностью ликвидирован. Оставался только один красный губернатор – секретарь обкома. Существовавшие в период военного коммунизма параллельные красные губернаторы – председатели исполкомов были превращены в простых чиновников, которые ведали местным социальным обеспечением, здравоохранением и в какой-то степени жилищным и коммунальным строительством. Кроме того в ведении этих отныне исполнителей-чиновников находились местная и кустарная промышленность в переменном объеме. В разное время им передавались те или иные функции – по решению, разумеется, центральных органов. В административном отношении страна делилась на области и края. Иногда в силу темкинских соображений та или иная область называлась «автономной социалистической республикой», например: рататская автономная социалистическая республика, головастинская и другие. Эти бутафорские, темкинские автономные социалистические республики имели полный бутафорский, темкинский реквизит: совет министров с соответствующими министрами и даже какое-то подобие «автономной Академии Наук». Разумеется, полновластными красными губернаторами оставались секретари обкомов. В их отношении даже не считали нужным соблюдать темкинскую бутафорию. Посему не создавали ЦК в автономных республиках, и там эти красные губернаторы именовались просто секретарями обкомов. Ряд укрупненных или неукрупненных районов назвали «союзными республиками» В этих «союзных республиках» уже были «организованы» «национальные» вохровские партии, которые имели свои «национальные» ЦК. Некоторые «союзные республики», например, приваряжские, были размером в область или край и секретари ЦК подобных вохровских национальных партий были ординарными областными красными губернаторами.

Другие союзные республики, например, Малоскифия, Атехская республика и другие подразделялись на многие области, и секретари «национальных» вохровских партий таких республик были сверхгубернаторами, которым подчинялись областные красные губернаторы. Разумеется при этих «союзных республиках» был полный бутафорский набор: Совет Министров, Академия Наук и т. п.

Когда при создании Организации Объединенных Наций шел торг о количестве членов ООН, великий семинарист требовал для великого Государства Вохровского 15 мест по числу бутафорских «союзных республик». Тогда Колумбовия потребовала 50 мест по числу штатов. Торг закончился тем, что Государству Тмутараканскому предоставили 3 места, в том числе 1 место — Малоскифии и 1 место — Белоскифии. По этому случаю бутафорский реквизит Малоскифии и Белоскифии несколько увеличился в отношении реквизита остальных «бутафорских республик». В этих республиках были организованы «министерства иностранных дел». Во всех союзных и автономных республиках были приняты два официальных языка – местный национальный и скифский.

Вся эта комплексная бутафория, включая «национальные округа», называлась гениальным ильичевско-виссарионовским решением национального вопроса.

Однако власть красных губернаторов и сверхгубернаторов даже на местах несколько урезалась. Местная тайная полиция была подчинена центральным органам и не находилась в подчинении губернаторов. Областные отделы тайной полиции, которые одно время даже назывались полномочными представительствами, подчинялись непосредственно великому семинаристу.

За местными «национальными» вохровскими партиями был установлен дополнительный надзор. Средразбюро надзирало за национальными вохровскими партиями Средней Азии. Было организовано бюро ЦК Великоскифии. На крупные заводы направлялись парторги ЦК, которые подчинялись непосредственно Кремлевскому «ЦК».

Ниже секретарей обкомов шла цепочка: секретари горкомов и секретари райкомов, которые подчинялись секретарю обкома, а еще ниже секретари парторганизаций на предприятиях, учреждениях, в вохрозах и колхозах. На крупных предприятиях существовали еще парторги цехов, которые подчинялись секретарям парторганизаций. Во всей этой сложной и разветвленной «иерархии секретарей», как ее метко назвал Лейбов, еще на заре Первой великой вохровской революции, когда он еще даже отдаленного представления не имел, какие гигантские масштабы она примет, была установлена самая жесткая дисциплина. Она была чрезвычайно усилена, после того как 21–23 г. были истреблены почти все губернаторы и сверхгубернаторы, бóльшая часть секретарей горкомов и райкомов и многие другие партийные вохровские функционеры. В этой железной партийной схеме цеховой парторг не мог и не смел даже пискнуть что-нибудь против секретаря парторганизации и так далее вверх по лестнице: секретарь райкома – секретарь горкома, секретарь обкома – ЦК – Политбюро – великий вождь.

Во всей цепочке, начиная с цехового парторга и выше, все имели множество заместителей, и если в этой цепочке – иерархии секретарей – какой-нибудь «секретарь» выбывал по той или иной причине: либо его ликвидировали, либо смещали, либо перемещали, либо он попросту умирал (что случалось реже всего) – он автоматически замещался первым заместителем. Автоматизм этой схемы был настолько велик, что даже в 21–23 г. в.в.э., в период массового истребления секретарей во всех звеньях цепи «партийная» работа почти не нарушалась.

После окончания Второй мировой войны автоматизм этой схемы был доведен до совершенства. Как этой схемой осуществлялись «генеральные директивы» или, попросту говоря, приказы великого семинариста? Эти приказы передавались различными способами: например, на «пленумах» ЦК. Все губернаторы автоматические были «членами» ЦК и на этих Пленумах присутствовали. Съезды великий вождб к концу своего самодержавного царствования почти отменил. Так, разрыв между XVIII и XIX съездом был 14 лет. Но и эти съезды становились, по существу, сборищем клакеров-хлопальщиков и, разумеется, губернаторами всерьез не принимались. Но и «пленумы» ЦК созывались сравнительно редко, не говоря уже о том, что на этих пленумах по «долгу службы, кроме губернаторов, непосредственных по схематической цепочке исполнителей великого семинариста, присутствовали представители «болота», которые не были непосредственными исполнителями.

Поэтому более оперативными были совершенно секретные циркуляры, разрабатываемые под руководством великого семинариста его мощным секретариатом и ближайшими его советниками из Политбюро, тайной полиции, аппарата ЦК и Совета Министров. Еще более оперативным видом связи был прямой провод, который связывал каждого губернатора, сверхгубернатора и «полпреда» тайной полиции с великим семинаристом или его ближайшими подручными.

Но сверхсекретные приказы передавались устно. Так, например, когда в 21 г. в.в.э. вождь решил в широком масштабе применить массовые, самые изощренные пытки, – это поручение было передано губернаторам, сверхгубернаторам и «полпредам» тайной полиции устно, через ближайшего клеврета и «родственника» великого семинариста Данова.

Глава X
О вохровской демократии, профсоюзах и прочем

Всему миру известно, что вохровская демократия – самая совершенная. А вохровские профсоюзы – самые свободные. Свобода вохровской демократии намного превосходит свободы сакской хартии вольностей, колумбовской конституции, галльской конституции 1789 года старой эры и, наконец, свободы Европейской конвенции о правах и основных свободах человека, принятой в 34 г.в.в.э.

Все вохровские конституции последнего полувека утверждались с шумом и пафосом. Особо торжественно была провозглашена виссарионовская конституция, принятая в период самого массового истребления миллионов людей за всю историю человечества. Главное достоинство вохровских конституций: они обеспечивают права граждан не только формально, как в государствах загнивающего капитализма, – но и вещественно подкрепляют ильичевско-виссарионовские права бумагой, типографиями, тысячами газет и прочими материальными средствами, включая многочисленные тюрьмы и огромную тайную полицию, которые в полном смысле слова находятся на страже свободы вохровских людей.

Свободнейшие вохровские профсоюзы – школа коммунизма – настолько совершенны, что вохровские «члены» профсоюзов, с которых аккуратно взимают членские взносы, давно не знают, в каком именно профсоюзе они состоят, и не волнуются по этому поводу.

Как и при анализе предыдущих тем, сначала обратимся к высказываниям вохровских вождей и их соратников о вохровской демократии и профсоюзах.

1. Вохры о демократии

На самой заре великой вохровской революции, через полгода после ее свершения, великий Ильичев выглядел, как 200-процентный демократ. Он говорит[i]: «…Так это доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что вохровская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии (!), с заменой буржуазного демократизма новой демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, который создает аппарат, который может перевоспитать массу. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять сама масса, аппарат должен быть связан с массами, должен ее представлять, как Советы…Граждане должны участвовать поголовно в суде и управлении страны…».

Однако через год 200-процентный демократизм величайшего Ильичева несколько линяет. Вождь революции начинает показывать клыки насилия. На 8 съезде он уже провозглашает[ii]:

«От нас потребуется частая перемена линии поведения… Поверхностный наблюдатель может сказать: «Как это, вчера выдавали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Феликсов объявляет, что левые эсеры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!» Да, противоречия. Но противоречиво поведение самой мелкой буржуазной демократии[iii]. Мы нисколько не хотим экспроприировать среднее крестьянство, мы вовсе не желаем употреблять насилие по отношению к мелкобуржуазной демократии…Но если вы выступаете вместе с буржуазией, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры…

i Стенограмма VII съезда, март 2 г.в.в.э., речь Ильичева, стр.144.
ii Стенограмма 8 съезда, 3.г.в.в.э., речь Ильичева, стр.16-24.
iii Старо, как мир. Всякий насильник объявляет виноватым того, кто является объектом насилия. (Примеч. автора).

…Но это нисколько не поколебало нас даже 10 октября 1 г.в.в.э., когда решился вопрос о взятии власти. Мы не сомневались, что нам придется по выражению Лейбова экспериментировать, делать опыт[i]…

Я привел точные слова Фридрихса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к крупному крестьянству. В Государстве Тмутараканском это не оправдалось. Мы стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками… Но сплошь и рядом удары падали и на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно…[ii]

…Организационная деятельность никогда не составляла сильной стороны скифов вообще и вохров, в частности, а между тем главная задача пролетарской революции – это именно организационная работа… Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура (!), если они применяются когда следует и против кого следует. Но в области организационной их применять нельзя»[iii].

Величайший Ильичев на 8 съезде говорил о насилии, но еще прикидывался этаким фантазером, разглагольствующим о «внешней, рабочей демократии[iv]:

«Приведем следующие десять замечательных тезисов о вохровской власти: уничтожение парламентаризма (как отделения законодательной власти от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы; слияние управления с законодательством; более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократии; создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы – вооруженные рабочие и крестьяне; более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва; возможность устранить бюрократию, обойтись без нее (начало реализации этой возможности); перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящимися и эксплуатируемыми массами населения… Что это значит? Это значит, что наше государство будет развиваться в направлении слияния государственного аппарата с самими народными массами, то есть в направлении отмирания государства».[v]

Уже к IX съезду величайший Ильичев, отбросив свои «демократические» фантазии, а может быть и маскировку, по свидетельству Лейбова, говорит о том, что «ненужный хлам демократии» должен быть выметен[vi]: «На IX съезде Ильичев говорил, что для профсоюзов имеются громадные трудности и необходимо, чтобы они свои задачи как следует усвоили в духе борьбы против остатков пресловутого демократизма… «Весь этот крик о назначенцах, – говорил Ильичев – весь этот старый вредный хлам, который находит себе место в разных революциях, – речь тут шла о Дикском – весь этот ненужный хлам должен быть выметен». Вот каким языком говорил Ильичев в ту эпоху о тенденциях ВЦСПС – на собрании, на котором он получил тогда два голоса из шестидесяти «Хлам» демократии по отношению к союзам – это покрепче «перетряхивания»!»[vii]

---

i Гениальнейший Ильичев проговаривается, что он и Лейбов решили стать величайшими вивисекторами – пока что 160 миллионного народа (примечание автора).

ii В I томе автор показал, что к «кулакам», по номенклатуре Румилина, относились крестьяне, доход которых составлял 150 вохриков в год на душу. В разделе 26б III главы I тома, автор показал, как еще на заре вохровской власти осуществляли тотальный грабеж крестьянства, отнимая нередко последнюю корову-кормилицу. Такова хваленая ильичевская демократия (примечание автора).

iii Однако в весь период первого полувека вохровской власти в «организационной работе» применялось насилие и только насилие (примечание автора).

iv «Кривда», 14.II. 10 г.в.в.э., «К вопросу о демократии».

v Таким образом, через 1,5 года после свершения великой вохровской революции, после разгона Учредительного собрания, после осуществления первого тотального ограбления крестьян и мелкой городской буржуазии, после фактической ликвидации инакомыслящих партий, величайший Ильичев еще фантазировал «о слиянии» государственного аппарата с массами, об отмирании государства. Вообще, это сомнительно, но показательно, что даже в 10 г.в.в.э. какой-то досужий автор писал об этом в «Кривде», если только он не был деятелем Темкинских деревень. (Прим. автора).

vi Стенограмма X съезда, 4 г.в.в.э., речь Лейбова, стр.391-392.

vii О «перетряхивании» профсоюзов говорил сам Лейбов (прим. автора).

Возможно, что хотя первые полтора года насилие применялось в огромных дозах, Ильичев еще искренне считал, что вохровская революция не будет экспортироваться с помощью вохровских штыков. На 9 съезде он говорил[i]: «Сейчас. о нас говорят, что мы хотим завоевать Гуннию. Это, конечно, смехотворно, вздор. Мы должны поставить дело так, чтобы гуннские социал-предатели не могли говорить, что вохры навязывают свои универсальную систему, которую будто бы можно на вохровских штыках внести в Линбер».[ii]

Кстати, если кто-то и давал повод для таких «разговоров», то это сам Ильичев! На 8 съезде он бесхитростно признавал[iii]: «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, продвинулись в Унгарию, Гуннию и Эстерию, создали, то, что бациллы вохризма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности не видной суммарной и краткой работе иностранных групп в Государстве Тмутараканском, которая составляет одну из самых важных страниц в деятельности Тмутараканской вохровской партии, как одной из ячеек Всемирной вохровской партии»[iv].

Второй по влиянию великий вохровский вождь Лейбов за полтора года военной работы, по существу, стал милитаристом и в итоге представляет демократию как принуждение в чисто виде. Он говорит[v]: «Принуждение играет и будет играть еще в течение значительного исторического периода большую роль. По общему правилу человек стремится уклониться от труда. (!) Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное... (!)

... В важнейших отраслях промышленности у нас значится 1.150.000 рабочих, а на самом деле – 850000. Куда девались 300 тысяч? Может быть, в деревню, может быть, в спекуляцию, то есть 300 тысяч на 800 тысяч, как это называется в солдатской среде, дезертировали. Что с этим делать? В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Рабочая сила должна быть перебрасываемой, назначаемой, командируемой, точно так, как солдаты.Это есть основа милитаризации труда.

Кто выполняет эту работу? Разумеется основную часть работы выполняют профсоюзы. ВЦСПС совместно с комиссариатом труда перебрасывает рабочих с завода на завод и карает или прибегает к государственному органу для кары по отношению к тем, которые не выполняют их плановых порядков. Это есть милитаризация рабочей силы…

И здесь нельзя ставить вопрос, как это делает Храбров; по отношению к крестьянам – говорит он – это понятно, там нет профсоюзов, но по отношению к рабочим профсоюз заменит милитаризацию. Я говорю: неправда, не заменяет милитаризацию, а проводит ее, является ее проводником...

... Если в деревне мобилизацию крестьян проводит военное ведомство, то по отношению к рабочей силе городской промышленности таким аппаратом прежде всего является профсоюз. Я спрашиваю, кто будет по отношению к крестьянам в дальнейшем этим элементом милитаризации? Сейчас мы имеем военное ведомство, оно может милитаризовать. А дальше кто будет? Передовые рабочие. Через профсоюзы они могут милитаризовать огромные крестьянские массы, привлекаемые к труду на основании трудовой повинности. Эта милитаризация немыслима без милитаризации профсоюзов, как таковых, без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собой свободно располагать. Если дан наряд перебросить его, он должен его

i Стенограмма VIII съезда, 3 г.в.в.э., речь Ильичева, стр.54.

ii Через 25 лет после этого универсальная вохровская система на вохровских штыках и штыках ее тайной полиции была внесена не только в Гуннию. Но дело Темкинских деревень было поставлено столь блестяще, что вохровская унифицированная печать может уже 20 лет утверждать, что эта универсальная система добровольно создана самими восточными гуннами (примеч.автора).

iii Стенограмма VIII съезда, 3 г.в.в.э., речь Ильичева, стр.24.

iv Кому не знать, как величайшему Ильичеву! Конечно, в тот период навязывать свою универсальную систему непосредственно вохровскими штыками было невозможно. Не до жиру, быть бы живу. Но навязать свою универсальную систему штыками распропагандированных военнопленных – такая попытка была сделана, правда, неудачная, что и выболтал величайший Ильичев. Как было отмечено выше, через 25 лет была осуществлена успешная попытка с помощью непосредственных вохровских штыков (прим. автора).

v Стенограмма IX съезда, 4 г.в.в.э., речь Лейбова, стр.91-114.

выполнить; если он не выполнит, он будет дезертиром, которого карают. Кто следит за этим? – профсоюз. Он создает новый режим. Это есть милитаризация рабочего класса. Чем шире будут применяться массовые рабочие силы, тем больше будет налаживаться машинное оборудование, тем острее будет стоять вопрос о трудовых армиях… Нам указывали, что в трудовых армиях производительность труда будет невелика. Указывали, что солдат, превратившись в трудармейца, бросит свой пост...

Оба эти довода оказались совершенно ложными. Суть в том, что здесь, в сущности, проскальзывало бессознательное недоверие к социалистической организации хозяйства. Если принять за чистую монету старый буржуазный предрассудок о том, что принудительный труд непроизводителен, то это относится не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, и стало быть, к социалистической организации вообще… Стало быть, в переходную эпоху принуждение играет в организации труда огромную роль, а если принудительный труд непроизводителен, то стало быть этим осудится наше хозяйство, ибо общество есть организация нашего труда.[i]

... Если труд организован на неправильном принципе, на принципе принуждения, если принуждение враждебно производительности труда, значит мы обречены на экономический упадок, (!) как бы мы ни изворачивались, что бы мы ни делали. Но это есть предрассудок, товарищи! Утверждение, что свободный труд, вольнонаемный труд производительнее труда принудительного, было безусловно правильно в применении к строю феодальному, строю буржуазному. Там труд ремесленный и труд рабочих на фабрике был безусловно производительнее труда крепостного, основывался на особых методах и формах принуждения... Это все делалось под флагом свободного труда. Производительность труда составляла целую задачу, это не только безличное историческое развитие, но и работа правящих эксплуататоров-руководителей, которую эту задачу разрешают путем применения десятков средств, путем мобилизации ангелов, архангелов, тюремщиков и палачей.[ii] Тут была целая система тюремного воздействия.

Мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов и духовного и организационного порядка и характера карательного, чтобы повышать производительность труда на тех принудительных основах, на которых строится все наше хозяйство.(!!) Если наш аппарат ни к черту не годится, а он пока таков во всех областях, то, разумеется, мобилизованный и темный крестьянин, видя, что его бросают на железную дорогу, не приготовив лопат, не может заразиться энтузиазмом. Для того, чтобы он проникся и все меньше сознавал тягостный характер этого принудительного труда, прежде всего необходимо, чтобы аппарат работал, как следует… Наконец, карательные меры, от которых мы никуда не уйдем, по отношению к шкурникам и дезертирам труда – словом, целая сложная система духовных мероприятий (!) организационных, материальных, премиальных, карательных, репрессивных, которые могут в результате своего согласованного, систематического применения на основе общего уровня культуры в стране в течение ряда лет, десятилетий поднять производительность труда на такую высоту, на какую никогда ни при каком строе не повышалась…

Второе возражение относительно трудармии сводилось к тому, что солдаты дезертируют…Правда, часть разбежалась, но это бывает всегда, когда дивизия перебрасывается с одного фронта на другой, или когда из тыла перебрасывается на фронт… Но сейчас вступили в свои права политотделы, аги-

i Прекрасный публицист Лейбов, превратившись в вохра и солдафона, с солдатской прямотой режет правду-матку и ставит точки над i. Он дерзко объявляет предрассудком карлсистское положение о том, что рабский, принудительный труд непроизводителен. Он говорит, что милитаризация труда, организация принудительного рабского труда и есть «социалистическая организация вообще» Это и есть вохровский социализм. Это и есть совершенная вохровская демократия. Великий семинарист, выгнав Лейбова из Государства Тмутараканского, тем не менее великолепно усвоил его идеи и за 30 лет своего царствования расширил масштабы применения различных видов принудительного рабского труда до 100% (примечание автора).

ii Великий семинарист не занимался гиперболами, как Лейбов. Использовав блестящую идею Лейбова о повышении производительности труда с помощью «ангелов, архангелов, тюремщиков и палачей», он десятки лет осуществлял применение рабского труда многих миллионов рабов в лагерях «перевоспитания» с помощью новейших «бичей» тюремщиков и палачей, однако, этот рабский труд оказался намного менее производительным, чем даже крепостной труд «вольных» кахов и вээнов (прим автора).

тация и т.д., и немедленно дезертиры были изловлены и сейчас 0% дезертиров и в I армии труда и в ильичевградской армии труда нисколько не выше, чем в наших боевых армиях…

…Демократизация состоит вовсе не в том, – это азбука для каждого карлсиста, – чтобы упразднить значение квалифицированных сил, значение лиц, обладающих специальными познаниями и не в том, чтобы заменять их выборными коллегиями везде и всюду…

Выборные коллегии, состоящие из самых лучших представителей рабочего класса, но не обладающих специальными техническими познаниями, не могут заменить одного техника, который прошел специальную школу и который знает, как делать данное специальное дело. Дальнейший шаг должен состоять в ограничении коллегиального начала. Профсоюз железнодорожников нужно переделать в самой основе, придать сюда необходимых работников и выкинуть всю шваль, которая имеется, покарать злостных итальянских саботажников. Для этого нужен ряд митингов и время… Кто может принять исключительные меры?..

... На железной дороге имеются отсталые элементы. Наиболее сознательные элементы из вохровской партии принимают эти меры, меры принуждения по отношению к отсталому и развращенному отряду армии труда. Вот в чем главный вопрос с Главполитпутем по отношению к профсоюзам...».[i]

Лейбов на X съезде довольно определенно говорит о диктатуре «партии», а не рабочего класса, но несколько далее он говорит о политике, «которая делается в 2-3 комнатах»[ii]: «…Рабочая оппозиция выступала с опасными лозунгами… Выборность внутри рабочего класса ставилась над партией, как если бы партия не имела бы права отстаивать свою диктатуру даже и в том случае, если эта диктатура сталкивалась с преходящим настроением рабочей демократии!..

---

i Итак, главные великие вохровские вожди, Ильичев и Лейбов поставили уже через полтора года после великой вохровской революции все точки над i. Главный вопрос – в создании полиции, которая контролировала бы шваль, то есть инакомыслящих, которые к тому времени еще остались в некоторых профсоюзах. Для этого в феврале 4.г.в.в.э. решением ЦК был создан чрезвычайный полицейский орган – Главполитпуть, который ведал всей партийно-политической, вернее, полицейской работой на транспорте, мобилизацией и распределением политработников и осуществлял контроль над работой аппарата железной дороги. Дезинформационные разговорчики о совмещении какой-то совершенной демократии, какого-то демократического централизма с диктатурой, якобы, пролетариата, начисто опровергается крайне презрительным отношением к пролетариату-гегемону и подведением теоретической базы под вопрос о его закрепощении, об узаконении на десятки лет системы принудительного труда, после чего производительность труда поднимется «на такую высоту, на которую никогда ни при каком строе не поднималась». Лейбов честит железнодорожников «отсталым и развращенным отрядом армии труда». Ильичев издевается над «словечками» самодеятельность и т.п., которые бросают в «толпу, бессознательную массу» Он говорит (стенограмма IX съезда, стр.881): «Все ваши слова остаются словечками: самодеятельность, назначенство и т.д. Зачем же тогда централизм? Могли бы мы продержаться хоть два месяца, если бы не назначали в течение двух лет… Из за того, что вам не нравится отозвание Кошкетникова или Юренева, вы бросаете эти слова в толпу, в бессознательную массу».
На XI съезде в 6 г.в.в.э. (стенограмма, стр.38) Ильичев говорит: «Сплошь и рядом идущие на фабрики – это не пролетарий, а всяческий случайный элемент».
На XI съезде Кашкетников свидетельствует (стенограмма XI съезда стр.103): «Ильичев вчера сказал, что пролетариат, как класс, в том смысле, в каком имел его в виду Карлс, не существует…»
Enfant Terreible – Золотенбах, которого впоследствии великий семинарист уничтожил, недоуменно вопрошает (стенограмма XI съезда стр.81): «Если тот пролетариат, который мы просеяли через целый ряд мобилизаций, отпусков, если этот пролетариат все еще состоит в значительной части из шкурников, мелкобуржуазных элементов, то является вопрос, на что мы будем опираться? Ведь у нас диктатура пролетариата?..»
Величайший Ильичев совершенно определенно и категорично отвечает (стенограмма IX съезда стр.151-152), что вохровская социалистическая демократия единолична и диктатуре нисколько не противоречит, что волю класса иногда осуществляет диктатор, который один более сделает и часто более необходим.
Так еще на заре первой великой вохровской революции самые великие вохровские вожди – Ильичев и Лейбов совершенно доходчиво и определенно разоблачают бутафорский, вохровский миф о самой совершенной вохровской демократии, о сверхдемократической «диктатуре пролетариата», о «демократическом централизме» Они совершенно недвусмысленно говорят о прелести и пользе принудительного труда, о том как замечательно, когда диктатор или олигархия подают этот принудительный труд по флагом «совершенной демократии» (примеч.автора).

ii Стенограмма X съезда, 5 г.в.в.э., речь Лейбова, стр.350-352.

т. Радомыслов заявил, что если бы «съезд производителей» собрали, на нем было бы 99% беспартийных, эсеров, меньшевиков. (!!)Неужели это для поучения Интернационала говорилось, будто бы «рабочая демократия» состоит в том, что 1/100 часть рабочего класса зажимает рот 99 /100[i]…)

Розенполев заявлял в дискуссии: «Для Лейбова «рабочая демократия» есть-де положение «условное». Ну, конечно, не условное, а обусловленное. Если мы будем так ставить вопрос, что рабочая демократия есть нечто безусловное, то прав т. Кашкетников в своей первой формулировке, говорящей, что каждый завод выбирает свое управление, каждый районный съезд производителей избирает руководящий орган и так до «всетмутараканского съезда производителей»…

... Есть политика большая и маленькая. Есть политика на съезде, которая делается «в двух-трех комнатах» и называется «маневром» и есть политика большая, которая охватывает соотношение классов в целом…».

Волков вторит Кашкетникову[ii]: «Лейбов говорит нам, что рабочая оппозиция фетишизировала принципы рабочей демократии… Кто выдвинул «священный» лозунг демократии? Рабочая оппозиция? Нет, этот лозунг выдвинул Книгарин, который находится на одной платформе с Лейбовым. И здесь мы неоднократно заявляли, что мы не рассматриваем демократию, как святая святых. Ничего подобного. Это обвинение ни в коей мере не может служить упреком по отношению к нашей платформе».

Максимский свидетельствует, что вообще «ответственные» товарищи, объявили демократию меньшевистским стилем[iii]: «Когда мы начинаем говорить о рабочей демократии, очень ответственные товарищи говорили: раз демократия, значит разговор меньшевистского стиля».

Один из оппозиционеров Менингронов на IX съезде с непосредственностью юноши рассказывает, как выглядит вохровская демократия через 2,5 года после великой вохровской революции[iv]:

«На VIII партийном съезде и VII съезде Советов работники с мест потребовали ликвидировать вертикальный централизм. По мнению Ильичева, невежды те, которые этого требовали. Выходит, что невежды весь съезд и сам Ильичев, который не возражал и который, когда от него требовали определенного мнения, начал лавировать и отступать перед мнением масс для того, чтобы не исполнять…

После постановления VII съезда Советов продолжится та же тенденция, то же стремление не считаться с мнением съезда, проводить бюрократизм. И, как характерно и ярко было подчеркнуто на сессии ВЦИК, по-прежнему отдельные народные комиссары, на что они не имеют никакого права, продолжают угрожать, иногда и приводят в исполнение, арестами целых губисполкомов…

И сколько бы ни говорили об избирательном праве, о диктатуре пролетариата, о стремлении ЦК к диктатуре партии, на самом деле это приводит к диктатуре партийного чиновничества. Это факт.

И как бы вы, товарищ Ильичев, ни были грамотны и как бы мы невежественны и неграмотны ни были, никакие заявления, что этого нет, не помогут, никакими словами замазать этого нельзя!

Стремление к единоначалию виднее не только в управлении фабриками и заводами, оно уже заметно в стремлении заменить Советы – исполкомом, президиум – губернатором и после этого еще говорить о самодеятельности рабочих, об избирательных правах и т.д… Но и в сфере административного управления нам говорят о полезности назначенства, а мы говорим, что назначенство в том смысле, когда оно необходимо, приемлемо, а вот иное дело, когда партийные комитеты хотят заменить председателями политотделов угольной промышленности, когда упразднение губкомов входит в систему, когда ЦК находит, что парткомитет – буржуазный предрассудок, это консерватизм, который отошел в область предания, и что вот новая форма – замена парткомитетов – политотделами, заведующие которых заменяют собой выбранные комитеты. Это и есть самое «революционное». Этот назначенный

i Конечно, нет, вохровская «рабочая демократия» состоит в том, что ничтожная кучка олигархов зажимает рот всему населению страны (прим.автора).

ii Стенограмма X съезда, 5г.в.в.э., речь Волкова, стр.384.

iii Стенограмма X съезда, речь Максимского, стр.245.

iv Стенограмма IX съезда, 4 г.в.в.э., речь Менигронова, стр.50-53.

заведующий политотделом – председатель комитета – созывает беспартийные конференции рабочих и крестьян…

Нам говорят об уничтожении коллегиальности для того, чтобы сохранить силы, а в то же время создают политотделы, которые в несколько раз увеличивают бюрократические чиновничьи организации… Тогда зачем говорить о диктатуре пролетариата, о самодеятельности рабочих – никакой самодеятельности нет! Вы и членов партии превращаете в послушный граммофон, у которого имеются заведующие, которые приказывают: иди и агитируй. А выбирать свой комитет, свой орган не имеют права. Я тогда задам вопрос Ильичеву: кто же будет назначать ЦК? А впрочем, и здесь единоначалие. Тоже здесь единоначальника назначили. Очевидно, мы до этого не дойдем, а если дойдем, революция будет проиграна[i]…

т. Ильичев, думаете ли вы, что в машинном послушании все спасение революции? А если у вас имеется значительная часть невежественных членов партии, то задача вождя мировой революции заключается в том, чтобы доказать, что единоначалие и главенство партийных верхушек лучше главенства всей нашей партии, есть лучшая самодеятельность партийной массы. Этого т. Ильичев не доказал, не убедил в этом, а доказал обратное…».

Но голоса Менингорова и многих других были голосами, вопиющих в пустыне. Сам величайший Ильичев утверждал, что демократия – это хлам, который нужно вымести, а Лейбов разъяснял, что социалистическое строительство принципиально отвергает либерально-капиталистический принцип «свободного труда».

«Единоначальники» Ильичев, Лейбов, Виссарионов, Радомыслов, Розенполев и другие полностью похоронили демократизм и забили осиновый кол в его могилу тезисами ЦК IX съезда[ii]:

«Организации партии должны всеми мерами помочь профсоюзам и отделам труда взять на учет всех квалифицированных рабочих – с целью привлечения их к производительной работе с такой же последовательностью и строгостью, с какой это проводилось и проводится в отношении лиц командного состава для нужд армии… Необходимо с самого начала правильно поставить массовые мобилизации по трудовой повинности… Заранее подобранными по партийной мобилизации трудовыми коммунистическими ячейками, то есть идти по тому же пути, по которому мы шли в создании армии…

... Те методы централизации, которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах, в городах, губерниях, районах, областях, имели своим последствием те чудовищные формы волокиты, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству… Задача состоит в том, чтобы сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков сочетать его с горизонтальным соподчинением по линии хозяйственных районов.

…В целях более простой и точной организации управления производством, съезд считает необходимым приблизить управление промышленностью во всех звеньях к принципу единоначалия…

…Съезд одну из насущных задач вохровской власти… видит в планомерной, систематической, настойчивой суровой борьбе с трудовым дезертирством… путем публикования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных команд и, наконец, заключения их в концлагерь…

…Социалистическое строительство отвергает либерально-капиталистический принцип «свободного труда»…

…Законченное проведение начал всеобщей трудовой повинности… может быть осуществлено… введением в обиход всеобщей трудовой книжки… Переход к широкому применению трудовой повинности должен быть сделан немедленно… Организация трудовой повинности распространяется на оба пола…

---

i Менингоров был уничтожен великим семинаристом, когда последний уже стал самодержцем. Неизвестно, считал ли Менингоров, что «революция» проиграна, непосредственно перед тем, как его ликвидировали... (прим. автора).

ii Стенограмма IX съезда, 4 г.в.в.э., тезисы ЦК, стр.539-560.

…В переходной стадии развития, в обществе, отягощенном наследием самого тяжелого прошлого, переход к планомерному организованному общественному труду немыслим без принуждения…

Следовательно, элемент милитаризации труда – неизбежно присущ хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности.

…Массовое привлечение профессионально неорганизованных рабочих путем трудовой повинности для продовольственной, топливной, погрузочной и прочих работ требует… трудовой организации, приближения к военному типу…

… Идейная борьба с мещански-интеллигентскими и тред-юнионистскими предрассудками, которые в милитаризации труда или в широком применении воинских частей… усматривают аракчеевщину и пр…

… Не может быть и речи о противопоставлении органов профсоюзов органам вохровской власти… Профсоюзы должны постепенно превращаться в вспомогательные органы пролетарского государства, а не наоборот.

… В заводоуправлениях профсоюзы участвуют путем выставления кандидатур, причем принцип выборности должен быть заменен принципом подбора (!!)…

Районные управления и заводоуправления предприятий состоят из лиц, назначаемых по соглашению с ЦК союза с одной стороны, коллегией главка и центра – с другой, с окончательной санкцией последнего (!)…».

После того, как был забит осиновый кол в могилу демократизма, некоторое время слышен не только невнятный писк некоторых не «успокоенных». Enfant terrible, да Цветин как-то распространяется об установившейся «технологии выборов в «партийные организации»[i]:

«…Вот подлинные слова Книгарина: «У нас в первую очередь, обычно секретари ячейки назначаются райкомом… Причем райкомы просто выставляют человека, и обычно голосование (!) происходит по определенному типу. Приходят и спрашивают: «кто против?» и так как более или менее боятся высказаться против, то соответствующий индивидуум и назначается секретарем ячейки (!) – У нас в большинстве случаев выборы в партийные организации превращаются в выборы в кавычках…

Как происходит обсуждение в наших партийных организациях? Выборы президиума собрания. Выступает какой-нибудь товарищ из райкома, представляет список и спрашивает: «кто против?» Никто не против и дело считается законченным. Товарищ оглашает, что президиум выбран единогласно (!)… С порядком дня – те же процедура. За последние 2-3 года я вспоминаю только единичные, страшно редкие случаи, чтобы на партийных собраниях выставлялись новые пункты в порядок дня. После этого зачитывается заранее заготовленная резолюция, которая проходит по шаблону. Председатель спрашивает: «кто против?» Никто не против. Резолюция единогласно принимается. Вот обычный тип отношений в наших парторганизациях. Целая система таких приемов сводит на нет партийную жизнь… Я привел несколько примеров из жизни самых низших ячеек. То же самое можно заметить в несколько измененной форме и по следующим рядам нашей партийной иерархии…[ii]».

Золотенбах, Карлек и Докторов даже в 8 г.в.в.э. осмеливаются заикаться о демократии[iii]. Карлек пишет: «Можем ли мы недемократическим путем укрепить партию? Опыт доказал, что не можем. Задушение оппозиции в партии привело к таким опасным явлениям, как появление нелегальных групп в партии… Я считаю эту угрозу опасной – опасной не потому, что Виссарионов завтра предложит вопрос о применении этой угрозы к членам ЦК, а потому, что угроза эта будет иметь последствия не в ЦК, а в низовых ячейках партии… Эта дискуссия была лихорадкой, ибо после трех лет молчания в партии не обойтись без уродливых явлений[iv]…».

---

i Стенограмма XIII съезда, 8 г.в.в.э., речь Цветина, стр.147, 148.

ii После того, как был забит осиновый кол в могилу демократизма, в очень короткий срок был отработан «технологический процесс» бутафорских «выборов» не только в парторганизации, но и во все другие бутафорские «организации»: профсоюзы, всякие «общества», всякие «народные представительства» (прим.автора).

iii «Кривда» 20.I. 8 г.в.в.э.

iv Карлек погиб в каком-то политизоляторе (особая разновидность тюрьмы). Если бы он дожил до настоящего времени,

Золотенбах солидарен: «Виссарионов нам вчера указал, что для осуществления демократии нужны два условия: 1) внутреннее – расцветающую промышленность, расцветающий рабочий класс… если этих условий нет – демократию в шкап (!) 2) Нужны также внешние условия – мир и спокойствие. Отсутствуют они… демократию в шкап (!)… мы заявляем: без этого принципа внутрипартийной демократии, без права и обязанности высказывать свое мнение – нет вохровской партии[i]…

Докторов пишет: «Лейбов говорил о двух этажах в партии. В верхнем, говорит он, решают. В нижних узнают. Это правильно, но не совсем. Было такое положение, когда верхний этаж решал, а нижний даже не узнавал об этом решении…».(!!)

На XV съезде в 11 г.в.в.э., когда с оппозицией было покончено и великий семинарист дорвался к самодержавию, он властно одергивает всех «болтунов», радеющих еще за демократию[ii]: «Болтают о демократии… Если под демократией понимают свободу для пары-другой оторванных от революции интеллигентов болтать без конца, иметь свой печатный орган, то такой «демократии» нам не нужно». (!!)

Далее, начинается интенсивное строительство бутафорского блестящего фасада вохровской «демократии». Правда, в начальный период своей писательской деятельности, когда великий семинарист трудился над своим коронным сочинением «Вопросы ильичевизма», он еще пишет полуправду о «демократической» форме «диктатуры пролетариата»:

«…Короче: диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата (!) над буржуазией…

… Ограничительная фраза Карлса о континенте дала повод оппортунистам и меньшевикам всех стран прокричать о том, что Карлс допускал, стало быть, возможность мирного развития буржуазной демократии в демократию пролетарскую, по крайней мере для некоторых стран, не входящих в состав европейского континента (Саксия, Колумбовия). Карлс действительно допускал такую возможность и он имел основание делать такое допущение для Саксии и Колумбовии 70-х годов прошлого столетия старой эры…»[iii].

Далее великий семинарист вспоминает неприятный момент великой вохровской революции[iv]:

«…Как могло случиться, что вохровцы не только приняли участие в выборах, но и созвали Учредительное Собрание и как могло случиться, что вохровцы допускали за месяц до начала великой вохровской эры, при переходе от старого к новому, возможность временной комбинации вохровской Республики и Учредительного Собрания?

А «случилось» это потому что: идея Учредительного Собрания была одна из самых популярных идей среди широких масс населения… Едва ли нужно доказывать, что без такой политики вохровский разгон Учредительного собрания не прошел бы так гладко, а в дальнейшем выступления эсеров и меньшевиков под лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию» не провалилась бы с таким треском (!!)[v]…

… Возражая против смешения диктатуры пролетариата с властью «общенародной», «общевыборной» с властью «надклассовой», Ильичев говорил: «Тот класс (!), который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его один…

какие уродливые явления он бы констатировал после 48 лет молчания? (примеч.автора).

i Великий семинарист, по-видимому, не учел еще какое-то условие. Современные великие вохровские вожди похваляются наличием расцветающих промышленности и рабочего класса. Как будто бы царят относительные мир и спокойствие. А демократия еще плотнее, чем в 8 г.в.в.э. заперта в шкап! (прим.автора).

ii Стенограмма XV съезда, 11 г.в.в.э., стр.76 речь Виссарионова.

iii Виссарионов, «Вопросы ильичевизма», стр. 30-32.

iv То же, стр. 103, 118, 119, 120, 126, 133, 141.

v Был и такой момент, когда великий семинарист мог цинично, открыто признаваться в темной, шулерской, политической игре даже в самый начальный период великой вохровской революции (прим.автора).

… Состоит она, эта особая форма союза, (!) в том, что руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата (!) является одна партия (!), партия пролетариата (!), партия вохровцев, которая не делит и не может делить руководство с другими партиями…

… Я думаю, что Розенполев имеет тут ввиду прежде всего одно место из моей брошюры «Вохровская революция и тактика скифских вохровцев», где сказано: «Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно» опирающаяся на те или иные слои населения…

…Ильичев говорит: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютными правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»[i].

...У нас в вохровском Государстве Тмутараканском, в стране диктатуры пролетариата, (!!) следует признать тот факт, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими вохровскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний «партии». В этом смысле можно было бы сказать, что диктатура пролетариата (!) есть, по существу, «диктатура» его авангарда (!), «диктатура» его партии, (!) как главной руководящей силы пролетариата[ii]…

…Как быть, если партия сама начинает так или иначе противопоставлять себя классу, нарушая основы правильных взаимоотношений с классом, нарушая основы «взаимодействия». Возможны ли вообще такие случаи? Да, возможны. Они возможны: 1) если партия начинает строить свой авторитет в массах не на своей работе и доверии масс, а на своих «неограниченных» правах, 2) если политика «партии» явно неправильна и она не хочет пересмотреть и исправить свою ошибку…

… Не правы те товарищи, которые отождествляют или пытаются отождествить «диктатуру» партии, а, значит, и «диктатуру вождей» с диктатурой пролетариата»[iii].

Но после того, когда наступает темная, беспросветная, глухая ночь беспрецедентной, вохровской, виссарионовской реакции, после того, как торжествующий убийца, самодержавный палач осуществляет истребление миллионов крестьян, рабочих, значительной части партийной, полицейской, военной, хозяйственной и технической элиты, опьянев от крови бесчисленных жертв, он бесстыдно начинает строить Темкинские деревни особой, вохровской, виссарионовской «демократии». Великий семинарист пишет[iv]: «…О проекте конституции Государства Тмутараканского 25-XI-20 г.в.в.э. … Поскольку иностранная печать отражает общественное мнение различных слоев населения в буржуазных странах, мы не можем пройти мимо той критики, которая развернула эта печать против проекта конституции...

... Могут сказать, что замалчивание не есть критика. Но это неверно. Метод замалчивания, как особый способ игнорирования, является тоже формой критики, правда, глупой и смешной, но все же формой критики… Этот журнал прямо говорит, что проект конституции является пустым обманом, «Темкинской деревней…

… Говорят о демократии. Но что такое демократия? Демократия в капиталистических страна, есть в последнем счете демократия для сильных, демократия для имущего меньшинства. Демократия в Государстве Тмутараканском, наоборот, есть демократия для трудящихся, (!) то есть демократия для всех.[v] (!) Но из этого следует, что основы демократии нарушаются не проектом новой конституции вохровского Государства Тмутараканского, а буржуазными конституциями. Вот почему я думаю, что конституция вохровского Государства Тмутараканского является единственной в мире до конца демократической конституцией[vi]…

---

i Какое блестящее, сжатое, точное определение вохровской власти! (примечание автора).

ii Как великолепен цинизм великого семинариста!

iii На стр.141, 575, 591 «Вопросов ильичевизма» великий семинарист сбивается с своего почти откровенного циничского тона, который так явно проглядывает на стр.120 и 126 (прим.автора).

iv Виссарионов. «Вопросы ильичевизма», стр.519, 521, 524, 518, 532.

v Каково бесстыдство самодержавного палача! (прим.автора).

vi В раю, аду и чистилище раздается гомерический смех. Десятки миллионов бывших жителей Земли, замученные великим семинаристом и его полицией, трясутся от смеха: величайший палач со времени сотворения планеты – автор

…Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны вохровской власти, во-вторых если народ кое-где и избирает враждебных людей, то это будет обозначать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо и мы вполне заслужили такой позор. Если же ваша агитация будет идти по-вохровски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы»[i].

Захлебываясь от крови, гордый, торжествующий палач говорит в своем докладе на XVIII съезде 10.II.23 г.в.в.э.:

«В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих и крестьян в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства вохровского общества, укрепление дружбы народов нашей страны (!) и, как результат всего этого – полную демократизацию политической жизни страны, создание новой конституции (!). Никто не смеет оспаривать,[ii] что наша конституция является наиболее демократической в мире (!), а результаты выборов в Верховный Совет вохровского Государства Тмутараканского, равно, как и в Верховные Советы Союзных республик – наиболее показательными[iii]. В итоге всего этого мы имеем полную устойчивость внутреннего положения[iv] и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире…

… Что касается самих выборов в верховные органы страны, то они послужили блестящей демонстрацией того самого единства вохровского общества и той самой дружбы народов вохровского Государства Тмутараканского, которая составляет характерную особенность внутреннего положения нашей страны. Как известно, на выборах в Верховный Совет Государства Тмутараканского в 21 г.в.в.э. за блок вохровцев и беспартийных[v] голосовало около 90 миллионов избирателей, то есть 98,6% всех принимавших участие в голосовании, а на выборах в Верховные Советы Союзных республик в 22 г.в.в.э. голосовало 92 миллионов избирателей, то есть 99,4%[vi] всех принимавших участие в голосовании… Некоторые деятели зарубежной прессы болтают, что очищение вохровских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Лейбова, Радомыслова, Розенполева, Тыкира, Тугахевского, Розендерева, Книгарина и других извергов, «поколебало» будто бы вохровский строй, внесло «разложение». Эта пошлая болтовня стоит того, чтобы поиздеваться над ней. После этого состоялись выборы в Верховный Совет Союза. Выборы дали вохровской власти 98,6% всех участников голосования. В начале 22 г.в.в.э. были приговорены и расстреляны Розендерев, Шисенков, Книгарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали вохровской власти 99,4% всех участвовавших в голосовании. Спрашивается: где же тут признак «разложения» и почему это «разложение не сказалось на результатах выборов?[vii]

Слушая этих иностранных болтунов, можно прийти к выводу, что если бы мы оставили на воле шпионов, убийц и вредителей и не мешали им вредить, убивать и шпионить, то вохровские организации были бы куда более прочными и устойчивыми» (раздается гомерический смех до смерти напуганных хлопальщиков – «делегатов съезда»).

«единственной в мире до конца демократической конституции»! (прим.автора)

i В раю все иезуиты во главе с Игнатием Лойолой трясутся от зависти. Великий семинарист превзошел их в иезуитском искусстве (прим.автора).

ii Попробуй посметь оспаривать, если за это в лучшем случае попадешь в концлагерь, а в худшем отправишься к праотцам (прим.автора).

iii Именно показательными. В дальнейшем, десятки лет активность «избирателей» составляла не менее 99%, из которых 99,9% «отдавали свои голоса» «народным избранникам», – это показатель тоталитарного, полицейского режима (прим.автора).

iv Совершенно верно – абсолютную устойчивость дисциплинарной тюрьмы! (прим. автора).

v Особый вид бутафорского искусства, который существует уже 30 лет (прим.автора).

vi Тогда был достигнут «тоталитарный» показатель. Свыше 99% «голосовали» за «народных избранников» (прим.автора).

vii Великий семинарист, опять таки, прав. Правда, великий палач и убийца, перечисляя несколько своих жертв, скромно умалчивает о миллионах убитых, но, конечно, никакого разложения его мощного полицейского аппарата и в помине не было (прим.автора).

Столь же бесстыдно и цинично великий семинарист, упоенный уже не только кровью своих жертв, но упоенный победой над Адольфером и оккупацией многих стран, говорил о демократии в оккупированных им государствах[i]: «Отвергая клеветнические утверждения Уинстилля, говорившего о тоталитаризме, тирании и полицейщине в освобожденных странах восточной Европы. т.Виссарионов напоминал о том, что в то время, как в Саксии правит одна партия, в Мазурии, Латинской Кучумии, Югоскифии, Юговосточной Скифии и Унгарии управляет блок нескольких партий от четырех до шести партий, причем оппозиции, если она является лояльной, обеспечено право участия в правительстве[ii]… …В наиболее передовых в политическом отношении странах – Югоскифии и Юговосточной Скифии – руководящая роль принадлежит вохровской партии».

Любопытно циничное выступление Данова, рвущегося к титулу ближайшего клеврета великого семинариста, на сверхлакейском XVIII съезде, на котором до смерти перепуганные хлопальщики-клакеры обожествили величайшего убийцу и палача[iii]: «Огульные, безосновательные исключения из партии все еще имеют место. Если исключение из партии равносильно высшей мере наказания в армии, то есть расстрелу[iv], то его нельзя применять направо и налево. Исключение из партии стало одно время в практике многих парторганизаций мелкой разменной монетой…

…Необходимо ликвидировать антидемократическую практику парторганизаций и перестроить работу на основе развернутой внутрипартийной демократии…

…Отмена практики кооптации, воспрещение при выборах парторганов голосовать списком. Установление тайного (закрытого» голосования[v] … Поворот в политической жизни страны, обусловленный принятием новой конституции, заключался в полной демократизации избирательной системы (!)…

...Известно, что на выборах в Верховные Советы Союза и Союзных республик партия добилась полной победы блока вохровцев и беспартийных, именно в результате перестройки практики партработы на основе проведения в жизни начал внутрипартийной демократии.

…Такой дискуссии, какая была перед 18 съездом, наша партия еще не имела никогда. (!!) Эта дискуссия проходила в обстановке небывалого сплочения и единства нашей партии. Неизмеримо выросло доверие масс к руководству. Партия будет и впредь развивать и обеспечивать внутрипартийную демократию».[vi]

На этом следовало бы закончить цитирование высказываний вохров о демократии в ильичевский и виссарионовский период. Но автор считает не лишним привести покаянную речь до смерти запуганного умницы – Карлека[vii]:

«Несколько лет тому назад те части партии, к которой я принадлежу, смотрели на съезд партии, как на съезд аппаратчиков. История показала, что это была клевета. Не оправдались предсказания, когда Роза Люксемгор предсказывала, что вохры создают сектантскую партию, которая оторвана от масс… Во 2 г.в.в.э. Р. Люксемгор писала, что если вохровцы отменят свободу печати, свободу собраний для инакомыслящих, то этим будет задушен, засыпан живой источник творчества масс, потому что приказом разрушают, но нельзя приказом создавать.

Все, что мы пережили, показало, как разрушив свободу печати для буржуазии и все буржуазные свободы, рабочий класс под руководством нашей партии создал невиданные в мире свободы для творчества народных масс…

---

i «Бесплановое хозяйство», 21 г.в.в.э., №4, «Экономические основы новой демократии», стр.66.

ii В то время как великий семинарист разглагольствовал о «правах» оппозиции, он уже готовил ликвидацию этой оппозиции и полный тоталитаризм оккупированных стран (прим.автора).

iii Стенограмма XVIII съезда, 23 г.в.в.э., речь Данова, стр.524-527.

iv Данов не преувеличивал. Его метафора является суровой действительностью. В тот период исключение из партии сплошь и рядом сопровождалось заключением в концлагерь, что было не легче расстрела (прим.автора).

v Весь набор бутафорий! (прим.автора).

vi Столь выспреннюю «демократическую» речь произнес тот самый Данов, которому великий семинарист доверил созыв «губернаторов» и передачу им устного распоряжения семинариста о введении почти поголовных зверских пыток сотен тысяч не в чем не повинных людей (прим.автора).

vii Стенограмма XVII съезда, 18 г.в.в.э., речь Карлека, стр.627-628.

Я был партией послан немножко недобровольно на переучебу меньшевизму в не столь отдаленный город… Мне пришлось путешествовать подальше в г. Ксмот. И в Ксмот возчик привез мне письмо от оппозиционера из Раныма. Возчик был эсером, который окрестьянился, а на деле окулачился. Когда я стал его щупать, почему он везет письмо от оппозиционера, считающегося вохровцем, он говорит: «Ну чего там, ведь вы и я одинаково страдаем и одинаково хотим демократии» и так день за днем тезис ЦК о том, что свобода фракций – это дверь, через которую врывается третья сила, проверялась жизнью…. Пусть знают, что всякая попытка хотя бы тени противопоставления себя партии означает политическую гибель…

... Чистка показала, что сознание партийной массы выросло в громадных размерах. Выросло настолько, что если я иногда… из страха перед Латышевым не все скажу, то получу непременно 20 записок о том, что не договорил…

Бодрость и я бы сказал веселье делегатов… залог того, что под руководством Виссарионова мы доведем до конца то великое дело, которому нас учил Ильичев (!!)».

Хитрый и умный Карлек ухитрился в покаянной и лакейской речи рассказать «бодрым и веселым» делегатам-хлопальщикам об отношении Р.Люксемгор к «демократии» вохровцев!

Жалкие же апологеты, чиновники из ведомства науки, прилично оплачиваемые, вроде профессора Чертенко, лакействуют без всякой хитрости[i]: «Всем гражданам Государства Тмутараканского обеспечивается право объединения в общественные организации (статья 126), неприкосновенность личности (ст. 127), жилища и тайна переписки (ст. 128)[ii]… В капиталистических странах государство представляет собой полицейский аппарат, охраняющий интересы буржуазии, помогающий буржуазии эксплуатировать трудящихся. В вохровском Государстве Тмутараканском вся деятельность государства направлена на всемерный подъем благосостояния и культуры всех народов, населяющих нашу страну».

2. Вохры о демократии в послевиссарионовский период

После смерти великого семинариста инсценировалось осторожное «разоблачение» его самодержавности, названной весьма остроумно – «культом личности», с отнесением ничтожной части преступлений в длительный 30-летний период царствования этого великого семинариста только за счет его ухудшившегося характера. В очередном варианте вохровской «истории»[iii] стыдливо признается, что приходилось «идти на некоторые ограничения демократии»:

«В обстановке капиталистического окружения приходилось идти на некоторые ограничения демократии, которые устраняли по мере укрепления вохровского государства. Сложная международная обстановка требовала высокой бдительности, железной дисциплины, строжайшей централизации руководства. В эти годы Виссарионов, находящийся на посту генерального секретаря, а затем и председателя Совета Министров, вместе с другими боролся за осуществление социалистических преобразований в нашей стране, он возглавлял борьбу против лейбистов, против оппозиции, буржуазных националистов. Виссарионов имел заслуги и в обеспечении победы социализма в Государстве Тмутараканском, и в развитии мирового вохровского и освободительного движения. Все это естественно создавало ему большой авторитет и популярность. Однако, с течением времени все успехи социалистического строительства, обеспеченные трудом и самоотверженностью вохровских людей, стали приписываться личным заслугам Виссарионова. Постепенно складывался культ личности Виссарионова. Восхваления по адресу Виссарионова вскружили ему голову. (!!) Он уверовал в собственную непогрешимость. С годами он все больше поощрял возвеличение его личности, игнорировал коллективное руководство, стал злоупотреблять властью, допускать грубые нарушения закона. Культ личности Виссарионова нанес

i Чертенко, «История народного хозяйства Государства Тмутараканского», т.III., Кремлевия, 40 г.в.в.э., стр. 431.

ii Все эти демократические блага апологет Чертенко «обеспечивает» в сверхполицейской стране, где даже законом предусмотрена 58 статья, переделанная в статью 70, которая предусматривает заключение в тюрьму за антивохровский разговор даже между двумя гражданами (прим.автора).

iii «История Государства Тмутараканского» Институт истории Академии Наук, Издательство Политическая литература, Кремлевия, 48 г.в.в.э., стр.567-569.

серьезный ущерб делу партии и государства. В последние годы жизни Виссарионова, после войны, ЦК фактически перестал действовать как орган коллективного руководства. Большой вред культ личности нанес развитию научно-технической мысли. Он в значительной степени способствовал распространению догматического начетничества в области теории. Игнорирование коллективной мысли партии привело к субъективизму.

Культ личности находился в вопиющем противоречии со всей вохровской социалистической системой (!!) Ошибки и недостатки, порожденные культом личности, тормозили развитие вохровского общества, мешали развитию творческой инициативы масс, но вопреки лживым измышлениям врагов социализма не могли изменить и не изменили подлинного народного характера вохровского строя, основанной на общественной собственности на средства производства…

Принципиальная критика ошибок и извращений, связанных с культом личности Виссарионова, явились новым ярким свидетельством силы и крепости нашей партии». (!)

В одном из очередных вариантов истории вохровской партии, изданном на 5 лет раньше цитируемого варианта «Истории…», вскоре после «разоблачительного» секретного доклада великого Никитова, оказывается, что в «некотором» ограничении демократии виноват некий неправильный тезис Виссарионова, выдвинутый им в 21 г.в.в.э. и «пробравшиеся на ответственные посты в партии проходимцы и политические авантюристы»: Беридзе и Сусликов, которые «использовали личные недостатки Виссарионова:[i]

«... Необходимо было соблюдать бдительность в отношении отдельных элементов из разбитых оппозиционных групп лейбистов, радомысловцев, правых, националистов, которые, особенно, лейбисты, в ходе борьбы против партии не раз ее обманывали, переходили рамки вохровской законности, нередко смыкались с контрреволюционными элементами. Поэтому госорганы должны были принять в их отношении определенные меры. Вместе с тем, Виссарионов выдвинул в 21 г.в.в.э., когда уже социализм победил в Государстве Тмутараканском, ошибочный тезис, будто бы по мере дальнейшего продвижения вохровского государства вперед, классовая борьба в стране должна все более и более обостряться. Классовая борьба в вохровской стране достигла наибольшей остроты в период, когда решался вопрос «кто – кого», создавались основы социализма. Но после того, как социализм победил и эксплуататорские классы были ликвидированы, а в вохровском обществе установилось морально-политическое единство, тезис о неизбежности обострения классовой борьбы оказался ошибочным. На практике он послужил обоснованием массовых репрессий против политически (!) разгромленных идейных противников партии.

Репрессиям подверглись также многие честные коммунисты и беспартийные, которые ни в чем не были виновны. В этот период пробрался на ответственнейшие посты в государстве проходимец, политический авантюрист Беридзе, который в своих преступных целях не останавливался ни перед какими злодеяниями и, используя личные недостатки Виссарионова, оклеветал и истребил многих честных, преданных партии и народу людей. В этот же период позорную роль сыграл Сусликов, находившийся на посту наркома внутренних дел (!) При его участии были оклеветаны и погибли многие преданнейшие партии работники, коммунисты и беспартийные. За свою преступную деятельность Сусликов и Беридзе понести должное наказание. Подвергшиеся же необоснованным репрессиям люди были в 38-39 г.в.в.э. полностью реабилитированы.[ii] (!!!!)

Однако, ошибки, допущенные в результате культа личности Виссарионова, хотя и тормозили развитие вохровского общества, но не остановили этого развития и тем более не могли изменить социалистическую природу вохровского строя (!!) Вохровский народ полностью доверял партии... Социалистическое строительство одерживало все новые победы»[iii].

i «История вохровской партии», Политическая литература, 43 г.в.в.э., стр.483.

ii Реабилитировано было только ничтожное количество оставшихся в живых. Подавляющая же часть «необоснованно репрессированных» были уничтожены. Впрочем, «восстановившие справедливость» вохры, преемники семинариста, реабилитировали и многих мертвых. (прим. автора)

iii После смерти великого семинариста и победоносной драки партийно-военной схемы над силами, которые поддерживались достигшей предельного могущества схемой тайной полиции, несмотря на сокрушительный разгром нацистов, осуществленный в странном союзе с демократиями стран загнивающего капитализма, Государство Тмутараканское

Миллионы так называемых «перемещенных лиц» – миллионы свидетелей, побывавшие в системе лагерного перевоспитания, в вохровских концлагерях, сильно подорвали влияние пропагандистских, бутафорских, блестящих вохровских Темкинских деревень, которые вохры так тщательно строили десятилетиями. Несмотря на то, что европейские народы сильно пострадали от нацистов-адольферовцев, общественное мнение этих народов, под влиянием миллионов живых свидетелей, начинало склоняться к тому, что тоталитарные методы вохров мало отличаются от тоталитарных методов адольферовцев.

Вохры вынуждены были пойти на частичное разоблачение великого семинариста.

Шестая сессия стыдливо утвердила Указы Верховного Совета о восстановлении национальной автономии бакларцев, шамилевцев, ингунцев, половцев и черногаевцев, то есть в составе Великоскифии была восстановлена Шамилево-Ингунцкая автономная республика, образована Половецкая автономная область (в июле 32 г.в.в.э., преобразованная в автономную республику), Карабдинская автономная республика, преобразованная в Карабдинско-Бакларскую республику, Речкесская автономная область, преобразованная в Черногаевско-Речкесскую автономную область.

Короче, всем ссыльным народам-преступникам разрешено было вернуться на родину, кроме гуннов и таврических рататов, но и они были освобождены из ссылки. Многие миллионы «контриков» были освобождены из лагерей и ссылок и часть из них «полностью реабилитированы».

В стенограмме Пленума ЦК 19-23. XI. 46 г.в.в.э. (стр.168) председатель Комитета по труду и зарплате также стыдливо объявил: «Были также отменены и административные меры, ограничивающие переход рабочих и служащих с одного предприятия на другое, которые были введены в предвоенное и военное время и не соответствуют современному этапу демократии».

Были сделаны также некоторые послабления и для кахов.

Разумеется, эти революционные изменения вначале ощущались, но привели к значительным перебоям в и так зашедшим в тупик строительстве, промышленности и сельском хозяйстве. Многие строительства в Кучумии и Средней Азии пришлось законсервировать. Были законсервированы многие строительства и в других частях страны. Сельское хозяйство Кучумии и других областей страны также стало испытывать дополнительные затруднения, так как многие работники, полу-рабы из народов-преступников стали возвращаться в родные места.

Но в целом, после ряда катаклизмов, значительное уменьшение масштабов применения принудительного труда оказало благотворное влияние.

Если первую великую вохровскую революцию можно считать ильичевской, вторую – виссарионовской, то «разоблачение культа личности» и связанные с этим перечисленные мероприятия можно считать Третьей никитовской вохровской великой революцией.

Эта Третья великая вохровская никитовская революция поставила вохровскую пропаганду в невероятно тяжелое положение. Неуклюжая попытка новых вохровских вождей и их подручных в разных вариантах разных «историй», в прессе, литературе объяснить частично разоблаченные кровавые, чудовищные преступления в течение длительного тридцатилетнего периода и тотальное подавление демократии – скверным характером великого семинариста и тем, что какие-то два политических авантюриста «пробрались на ответственнейшие посты», выглядели смешно и жалко.

было заведено в безнадежный материальный, политический и моральный тупик. Невежественная предпосылка Лейбова и Ильичева о том, что незначительная производительность рабского, принудительного труда есть буржуазный предрассудок (и, кстати, предрассудок Карлса...), и что «в течение ряда лет, десятилетий» можно поднять производительность принудительного труда «на такую высоту, на какую ни при каком другом строе никогда не повышалась», была взята на вооружение великим семинаристом. После его смерти в концлагерях трудились 15 миллионов зеков-рабов. Несколько миллионов полурабов из народов преступников: гуннов, разных казкавских народностей, половцев, таврических рататов и других трудились в Кучумии, Средней Азии и других ссыльных местах. Остальные, по существу, тоже были полурабами и принудительно трудились. Кахи не имели паспортов и, вообще, были лишены свободы передвижения, а, так называемые вольнонаемные (вээны) рабочие и служащие были лишены права перехода на другое предприятие. В результате осуществления принудительного труда в тотальном масштабе, практиковавшегося десятки лет, отсутствия экономических регуляторов и хаоса в ценообразовании, сельское хозяйство, промышленность и строительство через десяток дет после военной победы над нацизмом окончательно зашло в тупик.

Однако в одном вохровские вожди и их подручные абсолютно правы. Они правы, когда утверждают, что «ошибки, допущенные в результате культа личности Виссарионова не остановили развития вохровского общества и тем более не могли изменить социалистическую природу вохровского строя»!

Во-первых, никаких ошибок не было допущено. Великий семинарист был точным исполнителем идей Лейбова и Ильичева о великих преимуществах принудительного труда. Он великолепно на долговременный срок осуществил в тотальных масштабах применение различных видов принудительного труда. А это требовало великой крови и многочисленных помощников из партийного аппарата и тайной полиции. Это и есть истинная «социалистическая природа» вохровского строя.

Долголетний руководитель латинской вохровской партии Пальмиратти хорошо знал повадки великого семинариста. Он не мог не видеть, как великий семинарист уничтожает большую часть зарубежных вохровцев в своих лагерях и держит для «развода» некоторых гуннских, латинских и других вохровских вождей. Ведь Пальмиратти до тех пор, пока не разгромили нацистов, жил под крылышком великого семинариста. Даже этот выкормыш великого семинариста недоволен объяснением «происхождения культа личности Виссарионова». В своей «памятной записке» он пишет («Кривда», 10 сентября 48 г.в.в.э.)

«… Не приходится отрицать, что критика по адресу Виссарионова оставила довольно глубокие следы. Самое серьезное – это известный скептицизм, с которым даже близкие к нам круги воспринимают сообщение о новых экономических и политических успехах. Кроме этого, вообще говоря, считают, что до сих пор не разрешена проблема происхождения культа личности Виссарионова, не разъяснено, как вообще он стал возможен. Объяснение всего только значительными личными пороками Виссарионова находят недостаточным. Пытаются выяснить, каковы могли быть политические ошибки, которые содействовали зарождению этого культа. Такая дискуссия происходит в кругах историков и компетентных кругах нашей партии. Мы не мешаем такой дискуссии, ибо она ведет к более глубокому познанию истории революции и ее трудностей. Но мы рекомендуем соблюдать осторожность в выводах и учитывать вохровские публикации и исследования. Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, – это относится и к Государству Тмутараканскому, и к другим социалистическим странам – является, однако, проблема преодоления режима ограничения и подавления демократических и личных свобод, который был введен Виссарионовым»…

Пальмиратти, скрепя сердце, вынужден признать, что Виссарионовым был введен «режим ограничения и подавления демократических и личных свобод». Однако, он сознательно или бессознательно заблуждается. Этот режим был введен на заре великой вохровской революции господствующей ильичевской группой, о чем в данной главе свидетельствовали сами вохры.

Пальмиратти продолжает:

«Не во всех социалистических странах наблюдается в этом отношении одинаковая картина. Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ильичевским нормам, которые обеспечивали как внутри страны, так и вне ее большую свободу высказываний и дискуссий по вопросам культуры, искусства, а также политики. Нам трудно объяснить себе эту медлительность и это противодействие…».

Пальмиратти, по неведению или сознательно, считает ильичевские нормы высшим типом демократии (!), хотя уже на IX съезде Ильичев заявил, что следует «вымести хлам демократии». Но он сетует, что даже этим «высшим демократическим нормам Ильичева» современные вохровские вожди противодействуют, хотя и Никитов, и его преемники многократно провозглашали возврат к «ильичевским нормам» (примечание автора).

Тем не менее попавший в очень трудное положение в связи с вынужденным частичным разоблачением режима Виссарионова великий Никитов, как истинный вохр и искусный строитель Темкинских деревень, не растерялся. Он с возросшим усердием начинает трубить о вохровском демократизме высшего типа[i]:

i Стенограмма XXI съезда, 23 г.в.в.э., ч.I, стр.103-108.

«Теоретики социал-демократов и ревизионисты на все лады хулят и чернят социалистическую демократию.

… Для нас демократия – это подлинная власть народа. Это всемерное развитие самодеятельности и активности трудящихся масс, их самоуправление. Сейчас уже ясно, что многие функции, выполняемые государственными органами… должны переходить в ведение общественных организаций… Вот, например, некоторые вопросы культурного обслуживания населения.

Необходимо изменить организацию здравоохранения и курортного обслуживания. Видимо, создаются условия для того, чтобы вопросы здравоохранения все больше переходили бы в городах – в ведение профсоюзов, а в деревне на данном этапе – непосредственно местным Советам. Создается Союз добровольных спортивных обществ, который будет не государственным, а общественным органом.

В Государстве Тмутараканском сейчас нет фактов привлечения к уголовной ответственности за политические преступления. Это, несомненно, великое достижение.[x]

... Дело идет к тому, чтобы функции обеспечения общественного порядка и безопасности, наряду с такими государственными учреждениями, как милиция и суды, выполняли параллельно и общественные организации. Резко сокращен аппарат милиции, особенно значительно сокращен аппарат органов государственной безопасности.[i]

Социалистическое общество создает такие добровольные органы… как народная милиция, товарищеские суды… Больше внимания следует уделять товарищеским судам.

…Югоскифские ревизионисты критикуют нас за то, что наша партия много внимания уделяет укреплению вохровского государства. Что это, мол, не соответствует карлсистко-ильичевскому учению об отмирании государства. Как я уже говорил, у нас сейчас нет зеков по политическим мотивам.[ii]

Хорошо бы, если бы югоскифские вохры освободили бы всех вохров, томящихся в тюрьмах, за то, что они не согласны с новой программой Союза вохров Югоскифии.

Следует напомнить, как блестящее подтверждение на практике ильичевского положения о том, что при поддержке передовых социалистических стран, некоторые отсталые в прошлом страны могут перейти к социалистическому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

«Окончательно», «мужественно» разоблачив культ личности на XXII съезде, великий Никитов заболел острым приступом… демократизма. Он возглашает:

«… Таким образом, в современных условиях классовые взаимоотношения в нашей стране вступили в новый этап развития. Пролетарская демократия превращается во всенародную демократию (!)… Каждый вохровский человек должен стать активным участником в управлении делами общества… Из всех ценностей, созданных социалистическим строем, самой великой ценностью является новый человек – активный строитель коммунизма.

Буржуазные политики и экономисты говорили о том, что вохровцы приносят в жертву тяжелой промышленности насущные интересы людей, что производство, якобы, существует только для производства. Какая злостная клевета на социализм![iii]

Была ли необходимость столь резко и так откровенно критиковать крупные ошибки и тяжелые последствия, связанные с культом личности?.. После разоблачения матерого врага и авантюриста Бе-

---

i К сожалению, Никитов из скромности умалчивает, с какой и до какой численности сокращен аппарат тайной полиции (прим. автора).

ii Трудно, конечно, проверить Никитова. Архивы и картотека тайной полиции наглухо закрыты. Может быть, Никитов считает, что политических преступлений вообще не существует в вохровской природе, поскольку 58 статья, по которой вохры «осудили» десятки миллионов, больше не существует, а существуют в противоречие с Конституцией статьи Уголовного Кодекса 68, 69, 70. Но об этом будет говориться ниже (прим. автора).

iii Полуневежественный Никитов, которого его советники вконец запутали системой многих цен, едва ли знал, что объем потребительских товаров составлял 10-15% национального дохода в материальной сфере, как это показано в I томе, но он все же, по-видимому, догадывался, что затраты на капстроительство, индустрию смерти и потери осуществляются за счет потребителя!

ридзе, в результате тщательного анализа и изучения ряда документов, перед ЦК раскрылись факты грубейшего нарушения социалистической законности, злоупотребления властью, фактов произвола и репрессий против многих честных людей, в том числе против видных деятелей партии и вохровского государства… ЦК… не мог стать на путь сокрытия и замазывания ошибок и извращений, имевших место в прошлом…

Что было бы с партией и страной, если бы не был осужден культ личности? Это грозило бы… серьезным нарушением вохровской демократии (!)[i] и революционной законности, замедлением темпов экономического развития страны и снижением темпов коммунистического строительства… В области международных отношений это привело бы к ослаблению позиций Государства Тмутараканского на мировой арене, к ухудшению отношений с другими странами. Вот почему критика культа личности и преодоление его последствий имели огромное политическое и практическое значение.

Карлсизм-ильичевизм… решительно выступает против возвеличения, а тем более обожествления тех или иных личностей. Успехи и победы партии и народа приписывались в период культа личности одному человеку… На XX съезде партия раскритиковала культ личности. Это было мужественное решение. (!) Конечно, партия отдавала себе отчет в том, что выявление ошибок и извращений, злоупотреблений властью могут вызвать в партийных рядах и народе известное чувство горечи и даже недовольства, повлечь за собой некоторые издержки и минусы, создав временные трудности для вохровской партии и братских карлисистко-ильичевских партий…

После XVIII съезда на протяжении почти 14 лет не созывались съезды. Теперь в партии нет и не может быть таких явлений. На регулярно проводимых пленумах ЦК рассматриваются важные вопросы. Острой критике подвергается деятельность ряда партийных организаций и их руководителей, в том числе, деятельность отдельных членов ЦК и членов Президиумов ЦК. В прошлом, в период культа личности, получили распространение такие порочные черты партийного государственного и хозяйственного руководства, как администрирование, замазывание недостатков, работка с оглядкой, боязнь нового. В такой обстановке появилось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей…[ii]

Великий Никитов мягко заявил, что появилось немало подхалимов и аллилуйщиков. Уже XVI, XVII, XVIII и XIX съезды целиком состояли из подхалимов и аллилуйщиков. Трудно даже определить, кто больше усердствовал в подхалимстве. Все стремились перещеголять друг друга. Великий Никитов не был в числе отстающих. Его «смелая» и «мужественная» речь на XVII съезде звучала следующим образом: «Конкретное руководство нашего ЦК и прежде всего Виссарионова, ощущала вся наша партия. Кремлевская организация идейно сплочена вокруг нашего гениального вождя – Виссарионова «… Нужно подчеркнуть, что пролетариат применял насилие (!) только в отношении капиталистов, помещиков и их пособников, (!) а не в отношении трудящегося класса… Когда социализм победил в нашей стране полностью и окончательно и мы вступили в период развернутого строительства коммунизма, (!) исчезли условия, которые вызвали необходимость в диктатуре пролетариата, ее внутренние задачи были выполнены. Это – беспримерный в истории факт! До сих пор государство было орудием диктатуры того или иного класса. Впервые у нас сложилось государство, которое является не диктатурой какого-либо одного класса, а орудием всего общества, всего народа». (!!)

На XVIII съезде речь великого Никитова пропитана не только подхалимажем, но и удовлетворением шакала, смакующего уже несколько попахивающую кровь жертв могучего хищника. Он захлебывается от подхалимажа и крови: «Мы заслушали отчет борьбы за коммунизм… под руководством нашего гениального руководителя – вождя нашего великого Виссарионова (все встают, бурные продолжительные аплодисменты).

Никитов пресмыкался и перед разоблаченным им впоследствии «идейным противником»: Эта идейная сплоченность кремлевской организации достигнута благодаря умелому повседневному руководству, которое мы имеем – Лазаревича (весь зал встает, бурные продолжительные аплодисменты)…».

i Великий семинарист, истребляя десятки миллионов людей, утверждал то же (прим. автора).

ii Когда великий Никитов произносил эту часть своей речи, Олимп сотрясался от гомерического хохота богов!

Никитов, занимавшийся избиением вохровских кадров в Малоскифии, эту «заслугу» раболепно приписывает вождю:

«Малоскифский народ с ненавистью относится к буржуазным националистам, ко всем этим подлым шпионам, любченкам, хвымем, зятонским и другой нечисти. Эти изверги, отбросы человечества прокляты трудящими вохровской Малоскифии.

…Успешным и победным разгромом нацистских агентов – всех этих презренных лейбистов, книгаринцев и прочих, мы обязаны, прежде всего, лично нашему вождю, нашему великому Виссарионову (шумная овация). Виссарионов со всем величием показал нам огромный рост нашего социалистического хозяйства. Любовь вохровцев Малоскифии к Виссарионову отражает безграничное доверие и любовь к великому Виссарионову всего малоскифского народа…».

Никитов представил разоблачение «культа личности» как перечень небольшого количества жертва тирана. Но вохровским детям было известно, что истребляются миллионы «врагов народа» Никто не был уверен, что с ним будет завтра. Сам Никитов продрожал десятки лет. И он хочет уверить, что главные деятели страны не знали о существовании таких полицейских судилищ, как Особое Совещание и тройки при тайной полиции, что руководители его ранга не знали, что тюрьмы переполнены и страна покрыта густой сетью лагерей, что невинные люди подвергаются самым изуверским пыткам, что кахи отбывают барщину и у колхозов почти бесплатно отбирают всю продукцию, что истреблены миллионы крестьян, что реальная зарплата рабочих снижена в несколько раз! Никитов внушает, что только Беридзе и Сусликов знали об этом, но

Неужели великий Никитов, при всей его посредственности, воображал, что весь мир состоит из дураков и все придут в неописуемое восхищение от мужества Никитова, разоблачившего «культ личности» и смело заявившего, что «тысячи людей (!!!) безвинно пострадали». Не десятки миллионов, а тысячи!!! Конечно, нет. Великий Никитов не столь наивен. Он просто безгранично циничен. Это цинизм особого типа – это вохровский цинизм. И преступления, чудовищные преступления, которые совершались десятки лет не разоблачены, а еще более тщательно замаскированы и остались совершенно безнаказанными.

Ведь истребление десятков миллионов людей осуществлялось не только руками великого семинариста, Сусликова, Беридзе и, по-видимому, Никитова и ему подобными Вячеславовыми, Лазаревичами, Макенловыми и другими. Ведь, в этом участвовали, по-видимому, десятки тысяч, сотни тысяч тюремщиков и палачей. Вот почему, когда великий Никитов произносил свою «архидемократическую» речь на XXII съезде, в это время уже готовили новый вариант «истории», в котором черным по белому написано, что великий семинарист вместе с другими боролся за осуществление социалистических преобразований, что он возглавлял борьбу против лейбистов, прочих оппортунистов, буржуазных националистов… и что ошибки и недостатки, порожденные культом личности, не изменили и не могли изменить подлинно народного характера вохровского строя.

Вести полемику с великим Никитовым или с любыми другими вохровскими вождями о возможности или невозможности изменения «подлинно народного характера характера вохровского строя» в архиполицейском государстве просто смешно. Но, если отвлечься от Темкинских деревень и представить себе невозможное, что когда-нибудь в каком-нибудь из последующих вариантов истории

Государства Тмутараканского потомки современных великих вохровских вождей перестанут наводить тень на плетень, то трудно будет обнаружить существенные разногласия между великим семинаристом и его бывшим «подхалимом» и «аллилуйщиком» – великим Никитовым. Ведь, собственно, сам Никитов, который контролировал издание приведенного варианта «истории», утверждает, что великий семинарист вместе с другими – следовательно, и вместе с Никитовым, боролся «за осуществление великих социалистических преобразований – то есть вместе тотально ограбили крестьян, превратили на многие десятилетия в крепостных рабов, вместе истребили миллионы крестьян, которых назвали «кулаками и подкулачниками», вместе снизили во много раз реальную зарплату вээнов, а недовольных или тех, которые в потенциально могли быть недовольными, уничтожали и направляли в систему лагерного перевоспитания.

Великий семинарист возглавлял борьбу великого Никитова и других энтузиастов «против лейбистов, прочих оппортунистов, буржуазных националистов…», то есть вместе истребили всех инакомыслящих и тех, которые грозили стать инакомыслящими в своей же вохровской партии. Так чем же недоволен мужественный разоблачитель «культа личности», бывший виссарионовский подхалим Никитов?

Об этом можно судить по одной из разоблачительных фраз великого Никитова о том, что пострадали тысячи (!!) невинных честных вохровцев.

Если великий Никитов толкует о тысячах, причем, как выше было отмечено, он согласен с истреблением миллионов крестьян, вээнов и инакомыслящих оппозиционеров из собственной вохровской партии, то становится совершенно понятно, что он и его сторонники недовольны, что в период 21-23 г.в.в.э. великий семинарист вместе с миллионами других соотечественников уничтожил тысячи бюрократов из высшей партийной, полицейской, военной и хозяйственной элиты.

К сожалению, увлекшись доказательствами о том, «культ личности» «не изменил и не мог изменить подлинно народного вохровского строя», Никитов не проанализировал, кто же правил Государством Тмутараканским все те годы, когда при «подлинно народном строе» истреблялись многие миллионы людей. Если даже допустить, что правил «свободно избранный» ЦК, а не один или несколько диктаторов, то окажется что в основном правили всякие «оппортунисты, лейбисты» и в лучшем случае «антипартийные элементы» – по номенклатуре великого Никитова, а по номенклатуре великого семинариста – «шпионы, изверги, убийцы» и т.п.

В самом деле: в состав ЦК, «свободно избранного» на VI съезде, вошли: Ильичев, Лейбов, Яковлев, Радомыслов, Книгарин, Орловников, Виссарионов, Полумесяцинский, Трулга, Тисова, Шалевский, Кузнец, Феликсов, Володивский, Сержев.

Кроме Ильичева и Вассарионова, вовремя умерших Яковлева и Феликсова и почти статистов Тисовой, Кузнеца, Володивского и Сержева – самые влиятельные члены ЦК, которые получили даже больше голосов, чем Виссарионов (фамилии расположены по убывавшему числу голосов, причем Ильичев и Лейбов получили одинаковое количество голосов): Лейбов, Радомыслов, Книгарин, Орловников, Полумесяцинский, Трулга и Шалевский – оказались лейбистами, оппортунистами и шпионами. На VIII съезде «свободно избранными» в ЦК оказались: Чернобородов, Книгарин, Феликсов, Евдокимов, Радомыслов, Розенполев, Михайлов, Полумесяцинский, Ильичев, Муларов, Карлек, Задковский, Золотов, Трулга, Виссарионов, Тасова, Тихка, Дикский, Лейбов.

ЦК, избранный VIII съездом, кроме Ильичева и Виссарионова почти целиком состоял из лейбистов, оппортунистов и шпионов, не считая безликих Михайлова, Тасову и Тихко.

Такое же «шпионское» ЦК было избрано на IX съезде: Андровский, Темар, Книгарин, Феликсов, Радомыслов, Михайлов, Розенполев, Полумесяцинский, Ильичев Переделкинский, Карлек, Задковский, Зутак, Шкаликов, Золотов, Храбров, Виссарионов, Дикский.

Опять таки кроме Ильичева и Виссарионова, рано умершего Феликсова и Темара и безличных Андровского и Михайлова, все подчеркнутые оказались лейбистами, оппортунистами и шпионами.

Примерно таков же был ЦК, «избранный» на XI съезде: Андровский, Книгарин, Климов, Феликсов, Красненский, Радомыслов, Михайлов, Длинов, Валерианов, Ильичев, Вячеславов, Сергодзе, Николаевский, Карлек, Задковский, Зутак, Шкаликов, Менингронов, Храбров, Орловников, Виссарионов, Дикский, Лейбов, Фрузне, Локонар, Губельский.

Опять таки, кроме Ильичева и Виссарионова, подчеркнутые одной чертой – лейбисты, оппортунисты и шпионы; подчеркнутые двумя чертами – тоже весьма подозрительный народ: Климов и Вячеславов оказались членами антипартийной группы, Сергодзе то ли был уничтожен, то ли покончил жизнь самоубийством, Валерианов и Фрузне были отравлены, Феликсов слишком рано умер, а Длинов и Губельский относились к числу безликих.

Весьма любопытно, как Виссарионовская цензура отсортировала членов ЦК, «избранных» на XIV съезде. «Избраны» были: Андровский,Сидоров, Атрюхина, Дабаев, Стройгел, Червев, Книгарин, Кли-

мов, Феликсов, Ошибов, Евдокимов, Тараканов, Криненский, Арбузов, Кривинг, Востриков, Билов, Мошков, Сохнор, Кошкин, Цветин, Долшняк, Скворцов, Леспе, Щекин, Намуильский, Волков, Анастасьян, Мойсеев, Вячеславов, Сергадзе, Николаевский, Гривенников, Зутак, Бледцев, Румихович, Трулга, Храбров, Орловников, Виссарионов, Степанов, Щеглов, Сумилов, Пшенцев, Дикский, Прямонов, Носанов, Пурюца, Ниречич, Локонар, Тайнов, Черный, Тяжных, Кузнец.

В сборнике «Резолюции и решения 9-37 г.в.в.э.» (издание VII, 37 г.в.в.э.», в наиболее свирепый период виссарионовской диктатуры, когда фамилии членов ЦК располагались не в алфавитном порядке, а в соответствии с влиятельностью в партийной иерархии, отмечено, что в состав ЦК на XIV съезде были избраны: Виссарионов, Вячеславов, Михайлов, Климов, Лазаревич, Сергодзе, Кострик, Феликсов, Андровский, Анастасьян, Тяжнин, Дабаев, Степанов-Щеглов, Данов и другие.

Все исчезнувшие помечены – «другие».

Данов и Лазаревич, которые не были «избраны» в члены ЦК, фигурируют, как члены ЦК. Но даже из не исчезнувших, кроме великого семинариста, остальные оказываются либо в антипартийной группе, либо отравленными, либо кончают самоубийством, либо безлики. Единственный, который проходит через все «Сциллы и Харибды», – хитрый Анастасьян.

Из «избранных» в состав ЦК на XV съезде: Китов, Андровский, Сидоров, Атрюхина, Дабаев, Стройгел, Червев, Книгарин, Климов, Магерник, Голоухов, Ошибов, Тараканов, Крагыснский, Арбузов, Лазаревич, Михайлов, Кривинг, Кижкиф, Кострик, Кберлогин, Билов, Мошков, Сохиор И., Сохиор С., Кошкин, Максимилианов, Гречневская, Доминяк, Скворцов, Валерианов, Леспе, Щекин, Целов, Любов, Намуильский, Волков, Женминский, Анастасян, Мойсеев, Вячеславов, Кремлевин, Орахелидзе, Николаев, Фортышев, Вторницкий, Зутак, Бледцев, Румихович, Шкаликов, Флейтник, Храбров, Орловников, Виссарионов, Тицкий, Левневский, Сумилов, Варенов, Дикский, Пшенцев, Свежов, Прямонов, Носапов, Пурюца, Ниречич, Локонар, Тайнов, Черный, Тяжник.

В виссарионовской цензуре в том же сборнике еще больше «избранников» попадают в категорию «другие» и остаются: Виссарионов, Вячеславов, Михайлов, Климов, Лазаревич, Вячеславов, Кострик, Женминский, Андровский, Анастасьян, Дабаев, Гречневская, Степанов-Щеглов, Данов и «другие»

Процензурированный состав почти такой же, как и для ЦК XIV съезда.

Если отвлечься от цензуры приведенного сборника «В резолюциях и решениях», то в ЦК, «избранном» на XVII съезде, фактически отсутствуют следующие «избранники» XV съезда: Китов, Книгарин, Голоухов, Ошибин, Кривинг, Кижкир, Билов, Мошков, Гречневская, Доминяк, Целов, волков, Мойсеев, Кремлевин, Орехаладзе, Шкаликов, Флейтник, Храбров, Орловников, Ливневский, Варенов, Пшенцев, Дикский, Свежов, Прямогнов, Пюруца, Черный.

Эти и многие «другие» исчезнувшие были отправлены в места не столь отдаленные прорвавшимся к самодержавию великим семинаристом, который так и не мог «изменить подлинно народного вохровского строя».

Зато на XVII съезде в ЦК избираются «пробравшиеся на ответственнейшие посты» Сусликов и Беридзе и великий Никитов.

Из «избранных» в ЦК на XVII съезде к XVIII съезду «исчезают» следующие «избранники»: Сидоров, Лобицкий, Червев, Смолейкис, Магарник, Евдокимов, Сусликов, Енукишвили, Тараканов, Красненский, Васильев, Паюсков, Свиньев, Кострик, Кберлогин, Дакацкий, Сохиор И., Сохиор С., Колодезицкий, Валерианов, Спрентьев, Пеликоп, Щекин, Любов, Лаукмеж, Мирзоев, Ухов, Сергодзе, Николаевский, Фортышев, Гривенников, Вторыицкий, Алешов, Безумов, Зутак, Бледцев, Румихович, Динрым, Тсецкий, Сумилов, Носанов, Чиваатах, Беляев, Локонар, Нирывуч, Тайков, Шеболвзяев, Эйше, Тыгода, Тыкир, Яковцева.

По-видимому, этих «исчезнувших» и имел ввиду мужественный разоблачитель «культа личности» великий Никитов. В соответствии с этим в варианте «истории», издания 48 г.в.в.э., на стр.364 написано: «I.XII 18 г.в.в.э. был убит Кострик. Убийство Кострика было использовано Виссарионовым как по-

вод для начала массовых репрессий против кадров партии… Однако, вохровский народ вопреки всем трудностям одерживал под руководством партии (!!) новые победы в строительстве социализма…».

На стр. 404 того же варианта «истории» отмечено: «В результате массовых репрессий промышленность лишилась многих опытных организаторов, руководителей производства. На руководящие посты выдвинулись тысячи работников, не имевших еще достаточного опыта руководства сложным хозяйством страны. В 21-22 г.в.в.э. более 5 тысяч новых руководителей встали во главе предприятий, трестов, главков тяжелой промышленности…».

В свете приведенных цитат из «истории» становится ясно, почему великий Никитов говорил о тысячах невинно пострадавших от «культа личности» людей. Только в отношении этих тысяч невинно пострадавших партийных, полицейских, хозяйственных и военных бюрократов Никитов не согласен с великим семинаристом. В отношении же великих «социалистических преобразований» и искоренения оппортунистов и шпионов, в результате чего были истреблены десятки миллионов, великий Никитов и свергнувшие его преемники полностью солидаризуются с великим семинаристом. Вот почему «ошибки и недостатки, порожденные культом личности, не изменили и не могли изменить подлинно народного характера вохровского строя». Вот почему вохровский народ «вопреки всем трудностям под руководством партии (!) одерживал новые победы в строительстве социализма».

Никитов должен был чем-то отличиться в теории карлсизма. Он с подачи своих придворных философов «оригинально» продолжил теорию отмирания государства:

«Для строительства коммунизма уже не требуется диктатура пролетариата.[i]

А почему, собственно, сохраняется государство, хотя исчезло главное, что его породило – классовый антагонизм? Государство сохранится еще долго (!) после победы первой фазы коммунизма… Процесс отмирания государства завершится лишь тогда, когда общество полностью созреет для самоуправления. Только с построением развитого коммунистического общества в Государстве Тмутараканском и при условии победы и упрочения социализма на международной арене отпадет необходимость в государстве и оно отомрет.

Право, свобода честь, достоинство вохровского человека будут строго охраняться обществом и государством (!) … Развитие социалистической демократии связано с повышением роли общественных (!!) организаций – профсоюзов(!), вохросомола, кооперативных и культурно-просветительных организаций! Мы ставим перед собой задачу привлечь всех граждан поголовно к управлению делами общества. Как мы мыслим себе решение этой задачи? 1) Создание все лучших материальных и культурных условий жизни; 2) Совершенствование форм народного представительства и демократических принципов вохровской избирательной системы; (!!) 3) расширение практики всенародного обсуждения; 4) расширение форм народного контроля за деятельностью организаций; 5) Систематическое обновление состава руководящих органов, все более последовательное осуществление принципов выборности и подотчетности!! руководящих работников в государственном аппарате и общественных организациях…

Расцвет демократии в социалистических странах и все большее свертывание и без того урезанной демократии в капиталистических странах – таковы две противоположные линии в политическом развитии современного мира.

Большое принципиальное значение имеет вопрос о формировании партийных выборных органов… принцип сменяемости… было бы целесообразно распространить на формирование выборных органов государственной власти и общественных организаций. В проекте Программы предлагается новый порядок, который обеспечивает систематическое обновление состава руководящих партийных органов… Нам ли замыкаться в кругу одних и тех же лиц, однажды избранных в руководящие органы?(!!!) Это не наш курс (!) Разумеется, переизбранные в партийные органы в силу окончания установленно-

i Если это действительно так, то можно посочувствовать вохровской партии. У нее нет какого-либо достояния. Почти все руководящие вохровские вожди и деятели оказались, по данным их же преемников, или оппортунистами или шпионами, или политическими авантюристами и проходимцами или «субъективными валюнтаристами», или создавали собственный «культ личности и истребляли инакомыслящих (прим.автора).

го срока пребывания в нем, не может служить основанием для дискриминации членов партии. Если вохровец хорошо поработал положенный срок – честь ему и слава… Постоянное обновление кадров… закон развития карлсистско-ильичевских партий (!) Этот вывод основывается, в частности, на уроках, вытекающих из «культа личности»

В проектах Программы и Устава… сформулировано положения, которые должны дать гарантию против рецидива «культа личности» (!)

Систематическое обновление выборных органов отныне должны стать нерушимой нормой партийной жизни, нормой государственной и общественной жизни, для того, чтобы решительно были искоренены факты лично зависимости работников от руководителя, семейственности, взаимного укрывательства недостатков и ошибок в работе (!)

Интересы дела требуют сочетания старых и молодых кадров, преемственности руководства, особенно в высших органах. Без преемственности было бы трудно осуществить правильную внутреннюю и внешнюю политику, успешное руководство хозяйственным и культурным строительством. Ильичев учил: «В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей (!!)… чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса (!) вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое, кроме знаний и опыта, политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов» (ПСС, том 31, стр.50).

Авторитет рабочей партии, ее руководящих деятелей – большое достояние партии.

Отвергая «культ личности», мы отнюдь не снимаем вопроса о необходимости выращивания руководящих деятелей партии, укрепления их авторитета (!!)… Меры, выдвинутые Проектом Программы по обновлению кадров, недопущению «культа личности», всемерное развитие внутрипартийной демократии – это поистине революционные мероприятия…»[i]

Разумеется, хлопальщики, наряду с подхалимажем уже не в отношении великого семинариста, а в отношении великого Никитова восхваляют великую вохровскую демократию. Старый подхалим, академик Дмитрин старается во всю:

«Стиль и методы руководства со стороны Президиума ЦК и т.Никитова дают замечательный эффект. Впервые в мировой истории, в условиях нашей огромной страны, насчитывавшей более 200 миллионов человек, осуществляется задача привлечения всего взрослого населения к решению государственных задач, к управлению государством. (!) Разве факт, который привел т.Никитов о том, что на собраниях, где обсуждался семилетний план участвовало более 70 миллионов, выступало около 5 миллионов и много сотен тысяч предложений поступили в редакции газет и журналов, не свидетельствуют об этом? (!) Вот она – самая яркая демократия земли (!) В Колумбовии – основной стране так называемого «свободного мира» – у многих десятков миллионов колумбовцев сняты отпечатки пальцев… бесчинствует комиссия по расследованию антиколумбовской деятельности, а подлинные руководители рабочего класса томятся в тюрьмах…

Величайшая заслуга ЦК и лично т. Никитова[ii] состоит в том, что была раскрыта перспектива движения колхозов к коммунизму.

На XX съезде было подвергнуто справедливой критике состояние общественных наук: истории, философии, права, политической экономии и т.д. За годы, прошедшие после XX съезда, положение заметно изменилось к лучшему: преодолевается догматизм и цитатничество. Несмотря на имеющиеся

---

i Великий Никитов начал «во здравие», закончил «за упокой» Конечно, его мощный секретариат накатал ему доклад на 107 стр. и можно было рассчитывать, что к концу доклада слушатели забудут, что Никитов читал вначале. Впрочем и слушателей не было – были по-прежнему «назначенные хлопальщики» Никитов, конечно, не хотел и не мог намекнуть о ликвидации бутафории, Темкинских деревень и архиполицейской схемы. Если Ильичев 40 лет тому назад возвещал о пользе наличия диктатуры, то Никитов возвещал о пользе наличия высокоавторитетного вождя (прим.автора).

ii Несмотря на мужественное разоблачение «культа личности» реквизит и манера подхалимажа остались без изменения (прим.автора).

некоторые успехи все же следует отметить, что теоретические работы (!) в области общественных наук… еще не сумели до конца освободится от догматизма…».[i]

Видный вохровский вождь Баранов, который в то время стоял не очень далеко от великого Никитова по иерархической лестнице, предупреждает, что невзирая на то, что «вот она яркая демократия земли», не следует очень увлекаться высказыванием собственных мнений[ii]:

«В соответствии с Программой вохровской партии проект Устава предусматривает периодическое обновление состава партийного Комитета и преемственности руководства. Предполагается на каждых очередных выборах обновлять состав ЦК и его Президиум не менее, чем на 1/4. Состав ЦК вохровских партий союзных республик, крайкомов, обкомов – не менее, чем на 1/3;[iii] окружкомов, горкомов и районных парткомов – наполовину… Централизм не противоречит внутрипартийной демократии… Демократический централизм обеспечивает единство воли. Нормой жизни партии является свобода мнений, свобода обсуждения любых вопросов политики. Разумеется, нельзя допустить, чтобы по прихоти какой-либо небольшой группы запутавшихся или незрелых людей партия могла оказаться втянутой в бесплодную дискуссию, чтобы отдельные антипартийные элементы могли предпринять действия, ведущие к подрыву единства партии… Поэтому в Уставе сохраняются гарантии против попыток незначительного меньшинства навязать свою волю большинству, а также против попыток образования фракционной группы и попыток раскола партии.[iv]

Есть еще партийные комитеты, которые не знают других средств воздействия на работников, кроме угроз и администрирования. Например: в Хардымском районе Асорасьтенской области за короткий срок сменилось 32 председателей колхоза…».

Охваченный острым приступом… демократизма, в бредовом состоянии (вследствие высокой температуры), великий Никитов, мужественный «разоблачитель» «культа личности» и зараженные им его советники, разрешают некоторым вохровским писателям чуть-чуть приоткрыть железный занавес совершенной вохровской демократии, но только в период «культа личности», но, разумеется, при соблюдении ряда условий:

1. Представители разных видов вохровской элиты, отправленные великим семинаристом в систему лагерного перевоспитания, остаются правоверными вохрами-коммунистами, патриотами и полуголодные, одетые в лагерные лохмотья, работая в каторжных шахтах твердо верят, что все недоразумения разрешатся и правда восторжествует.

2. По возможности следует выполнять правила ложноклассицизма и весь лагерный сюжет должен укладываться в одни сутки.

3. Очередной партийный съезд разрешил все недоразумения и правда восторжествовала!

В соответствии с этими условиями некий вохровский писатель повествует о том, как оставшиеся правоверными бывшие крупные вохровские функционеры, одетые в лагерные лохмотья (что с большой долей истины показано в соответствующем фильме), найдя, в каторжной шахте золотой самородок, не колеблясь, отдают его любимой родине.

Другой писатель, выживший в системе лагерного перевоспитания, повествуя о том, как лагерный держиморда-полицейский, подхалим погубил зека-скульптора, принуждая его высекать из скалы бюст Виссарионова при 500 мороза, заканчивает:

Кто обуздал безумье произвола?
Из глубины болот

---

i «Академику подхалимажных наук» Дмитрину так же, как и в период «культа личности», ничего не стоит «покаяться» в том, что он и его собратья по «общественным наукам» занимались «цитатничеством и догматизмом» и это гениально отметили новые гениальные ЦК и великий Никитов. Но Дмитрин чрезвычайно скромен и признается, что он еще не смог освободиться от «догматизма», в котором пребывал десятки лет. (прим.автора).

ii Стенограмма XXII съезда, 45 г.в.в.э., речь Баранова, стр.13-23.

iii Даже в бутафорском Уставе вохровские партии «союзных республик» стоят почему-то по исторической лестнице ниже всесоюзной партии (прим.автора).

iv Старая песенка (прим.автора).

Из гиблых мест
Из лагерей
Из казематов голых
Нас к жизни возвратил?
Партийный съезд!

Бодрженицын достаточно правдоподобно описывает один день, только один день зека в системе лагерного перевоспитания. Разумеется, многие пикантные подробности то ли Бодрженицын выпускает, то ли никитовская цензура выпускает. Начинают даже поговаривать о том, чтобы представить Бодрженицына к ильичевской премии. Наивный Бодрженицын, полагая, что после того, как партийный съезд возвратил его из гиблых мест к жизни и правда восторжествовала, правдиво описывает жалкую жизнь Матрены в колхозе. Некоторые другие вохровские писатели также наивно принимают болезненный приступ демократизма у великого Никитова за нормальное состояние. Но…приступ проходит.. великий Никитов выздоравливает и затем следует начальнический окрик.

В июне 47 г.в.в.э. великий Никитов говорит[i]: «… Меня удивляет в Неркасове другое. Он настолько погряз в своих идейных заблуждениях, так переродился, что не признает того, что требует партия (!). А это значит итти в разрез с линией партии. Иной турист поедет в Колумбовию, увидит там ее с одного боку, который ему усиленно показывают поставленные на то люди, и, вернувшись домой, думает, что, вот, мол, она какая это Колумбовия. Но это еще с полбеды, если такой человек ошибается сам. Гораздо хуже, если он… начинает всюду пропагандировать, как единственное верное понимание. Что делать? Видимо, таких людей, поддавшихся на уловки буржуазных пропагандистов, надо подправлять. (!)

… Еще находятся такие люди, которые поддаются на уловки буржуазной пропаганды, пытаются оплевать теорию и практику нашего вохровского строительства… Мы должны давать решительный отпор наскокам и клевете людей, которые хотели бы подорвать доверие народа к партии… Мы боролись и будем бороться не только с растленной буржуазной идеологией, но и с ее агентурой в нашей среде (!), как с агентурой наших классовых врагов.

Я не называю фамилии товарищей, которые подписались под письмом с вредным тезисом об идеологическом мирном сосуществовании… Едва ли они были в нормальном состоянии, когда подписывали под этим письмом…

Когда смотришь фильм «Скифское чудо»[ii], то невольно вспоминаешь тех, кто называет «лакировщиками» деятелей литературы и искусства, правдиво показывающих положительные явления в жизни нашей страны (!)…

А ныне хотят брать темы для своих произведений, так сказать из помойной ямы[iii], и все пройденное, завоеванное и выстроенное вохровским народом, обливать грязью. И такие люди хотят, чтобы им аплодировали. Нет, этого не будет!

… И если в этой борьбе идейные подкулачники[iv] будут хватать нас за локти или за ноги, то пусть они не обижаются, если вместе с открытыми врагами удары будут получать и подкулачники. Гоголь хорошо показал, как Тарас Бульба убил своего сына за то, что тот перешел на сторону своих врагов. Такова логика борьбы…».

---

i Стенограмма Пленума ЦК – июнь 47 г.в.в.э., речь Никитова, стр.259-265.

ii Великий Никитов не только запугивает «наивных» литераторов, возомнивших в связи с приступом демократизма Никитова, что настала новая эпоха Возрождения (а известно, что в отношении запугивания слова вохров не расходятся с делом), но и в качестве образца «рекомендует» омерзительный, бесталанный, подготовленный в духе вохровских Темкинских деревень фильм восточно-гуннских подхалимов, получивших соответствующую мзду за это (прим.автора).

iii Под «помойной ямой» великий Никитов подразумевает, видимо, не только систему лагерного перевоспитания, но и все остальные вохровские бюрократические схемы, описанные автором (прим. автора).

iv Кто-кто, а великий Никитов хорошо знает, сколько в период насильственной коллективизации пауперизовали и уничтожили крестьян, названных подкулачниками. Никитов и его преемники выполнили свое обещание. Некоторые «строптивые» писатели попали в лагеря, некоторые в ссылку, некоторые канули в неизвестность (прим.автора).

Но даже во время самого острого приступа демократизма, великий Никитов огнем и железом свирепо подавил унгарскую революцию и при девиссарионизации многих взволнованных в связи с этим националистов-аджарцев направил в систему лагерного перевоспитания.

Вместе с тем по приказу великого Никитова бульдозеры в великой спешке уничтожали каторжные бараки Честкуты, Берлогильска, каторжных медных рудников Атахстана и других мест системы лагерного перевоспитания, следуя примеру нацистов, пытавшихся уничтожить следы своих чудовищных злодеяний.

После свержения великого Никитова, его преемники весьма осторожно намекали, что во времена великого Никитова слегка нарушалась совершенная вохровская демократия.

Прежнев свидетельствует[i]: «Во многих случаях грубо нарушались демократические основы колхозного строя. В ряде колхозов основная масса членов артели фактически оказывается в стороне от обсуждения и решения коренных вопросов артельного хозяйства. Более того, в некоторых колхозах … даже не руководствуются уставными требованиями»[ii].

Секретарь Вокенского обкома Редков разоблачает великого Никитова[iii]: «Большой вред наносило навязывание структуры посевной площади. Все мы, секретари обкомов, помним, как нас ежегодно вызывали в сельскохозяйственный отдел ЦК по Великоскифии, где определялась структура посевной площади, под давлением собирались подписи наши под этой структурой и потом все это выдавалось за предложение снизу – обкомов и облисполкомов…».

3. О демократии и законности

Древние когда-то говорили: «вся история мидян есть один сплошной обман» Но все вохровские варианты истории вохровской демократии далеко превзошли примитивно подтасованную историю мидян.

После полувекового абсолютного подавления демократии, после того, как ряд десятилетий действовали такие судилища, как Особое Совещание и областные тройки при вохровской тайной полиции, при фактическом отсутствии независимого суда, при ликвидации суда присяжных заседателей, через 50 лет после свершения великой вохровской революции, вохровский апологет, доктор юридических наук Смородинычев воскуривает фимиам вохровской демократии и законности и противопоставляет их беззаконности «вечного друга» Тмутараканцев – хинезийцев[iv]:

«Социализм неотделим от социалистической демократии от демократии для народа. Равно, как неотделима от вохровской демократии вохровская законность. В этом одна из закономерностей развития нашего общества…

Общепризнано,[v] что в Государстве Тмутараканском родилась и укрепилась демократия социализма, самая широкая, самая представительная и справедливая демократия, органически и неразрывно связанная с идеей законности …

Вохровская демократия есть не что иное, как политическая форма нашего социалистического государства. Следовательно, демократия по самой своей сути предполагает и определенные нормы, и известные правила, и необходимые запреты – короче, строжайший правопорядок.

---

i Стенограмма Пленума ЦК, март 49 г.в.в.э., речь Прежнева, стр. 27.

ii Обычный вохровский цинизм, используемый вохровскими вождями, чиновниками ведомства печати и другими деятелями Темкинских деревень. Будто бы в каких-либо колхозах когда-либо «члены артели» могли влиять в какой-либо степени на дела колхоза! (прим. автора).

iii Стенограмма Пленума ЦК март 49 г.в.в.э., речь Редкова, стр.144-145.

iv «Дезинформация», 11 февраля 51 г.в.в.э,. Смородинычев, «Демократия и законность».

v Коронный шулерский номер вохров. Хотя все не вохровские деятели уже 50 лет квалифицируют вохровское государство, как архиполицейское, как «закрытое общество», вохровские шулеры истошно кричат: общепризнанно, что мы «самая широкая, самая представительная и справедливая демократия!»(прим.автора).

Всякая демократия, как и вообще всякая политическая надстройка, определяется в конечном счет производственными отношениями данного общества[i]. Вохровская демократия и все созданные его институты – суть инструмент социалистического и коммунистического строительства, они наша демократия и обслуживают интересы нашего народа, обеспечивают ему неограниченные возможности участия в управлении делами государства.

В глазах некоторых наших зарубежных критиков социализм и демократия – несовместимы[ii].

Что же, нас много раз обвиняли в том, что революция разрушила законность. Да, социалистическая революция разрушила буржуазную законность. Наша же, вохровская законность – детище великой вохровской революции – один из главных методов решения задач социалистического государства, развития социалистической демократии…

У колыбели вохровского законодательства стоял Ильичев. Под его руководством разрабатывались основные вохровские права. … Только в 6 – 7- г. в.в.э. было принято 7 кодексов Великоскифии….

В ноябре II г. в.в.э., когда были созданы первые кодексы Законов Вохровского Государства, Ильичев писал, что «законность должна быть повышена (или строжайше соблюдаема) ибо основы законов Великоскифии установлены...[iii]

Социалистический демократизм опирается на порядок, на требования общества (!) и государства к каждому из своих членов…. Порядок этот состоит из норм права и норм моральных, нравственных, но тоже обязательных к исполнению[iv]. Здесь-т и проявляется органическая связь демократии и законности. Без законности не может быть подлинной демократии[v]. Демократия и законность непрерывно связаны».

Далее Смородинычев отмечает отсутствие законности и подавление демократии в таком же вохровском социалистическом Государстве – в Хинезии:

«Опыт государственного строительства в Хинезийской Народной Республике, особенно в последние годы, теория и практика хинезийских руководителей показывают, что главная ставка делается ими на методы насилия и подавления. Это находит подтверждение, в частности, в «теоретических установках» Мао-Цзеляна в отношении функции «государства демократической диктатуры народа», выдвинутых им в речи на расширенном заседании Верховного Государственного совещания 27 февраля 41 г. в.в.э.[vi]

---

i Поскольку во всех областях вохровского государства. имеются только бутафорские представительные учреждения, безраздельно распоряжается всем народным хозяйством олигархия с подчиненной ей сложной бюрократической схемой. Этим и предопределяется абсолютное подавление народовластия (прим.автора).

ii Смородинычев сам себе противоречит. В начале он пишет – «общепризнано», а несколько ниже сообщает, что «некоторые наши зарубежные критики» утверждают диаметрально противоположное (прим. автора).

iii Об ильичевском «строжайшем соблюдении законности» красноречиво рассказывает Лейбов в «Кривде» 23.IV 8 г. в.в.э.: «Ильичев и правовая работа»: «Это был период, когда Ильичев при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора: «Да вы смотрите, как у нас буржуазная шваль пишет в газетах. Где же тут диктатура? Одна болтовня и каша».. Не все, далеко не все декреты было согласованы друг с другом. И Ильичев не раз иронизировал и даже публично по поводу несогласованности нашего декретного творчества» (примечание автора).

iv Кто же и как определял правовые и нравственные нормы в течение 50 лет вохровской власти? Во-первых, эти нормы непрерывно изменялись, во-вторых, их определяла переменная самоуправная олигархия (прим. автора).

v Совершенно верно. Однако, Смородинычев умалчивает о том, что даже «разоблачивший» ничтожную часть преступлений периода «культа личности» в течение 25 лет секретный доклад Никитова констатировал наличие полнейшего беззакония в указанный период, то есть полное подавление демократии (прим. автора).

vi Еще 2 года спустя, 27 января 43 г. в.в.э., великий Никитов заявил на XXI съезде о своей полной солидарности с хинезийской вохровской партией. Он сказал: «Югоскифские ревизионисты сосредоточили свой главный огонь против Хинезийской Народной Республики и распускают всякие домыслы о, якобы, имеющемся расхождении между Хинезийской партией и вохровской партией Государства Тмутараканского. Ревизионисты ищут разногласий между нашими вохровскими партиями, но их иллюзорные надежды обречены на провал. Мы полностью во всем согласны с Хинезийской вохровской партией.

Почему у нас нет разногласий с хинезийской вохровской партией? Потому что классовый подход и классовое понимание у обеих партий едины. Хинезийская вохровская партия твердо стоит на классовых карлсистско-ильичевских позициях…»

«Можно сказать югоскифским ревизионистам: Видимо, вы хотите себя подбодрить и ввести в заблуждение югоскиф-

«Каковы функции этой диктатуры народа? – спрашивает Мао-Цзелян. – Первой функцией диктатуры является подавление внутри страны реакционных классов, реакционеров и эксплуататоров, сопротивляющихся социалистической революции, подавление тех, кто подрывает социалистическое строительство…» Но о созидательных функциях «демократической диктатуры народа» Мао-Цзелян не говорит ни слова. В условиях безраздельного господства в Хинезийской Народной Республике культа личности, эти «установки» пронизывают всю практическую деятельность хинезийского руководства… Законодательство Хинезийской Народной Республики, особенно в области уголовного права и процесса, то есть, в тех сферах, что непосредственно связаны с функциями подавления, состоит из различного рода временных правил, положений, инструкций. Все они приняты правительством Хинезийской Народной Республики без утверждения законодательными органами[i]. И, может быть, в силу этого они страдают неопределенностью и противоречивостью. До сих пор в Хинезийской Народной Республике не принято ни гражданского, ни уголовного кодекса, ни кодексов по другим отраслям права, не определены и процессуальные нормы. Теперь всем стало видно, что Мао-Цзеляну и его окружению не нужны законы, не нужно подлинной демократии. В хинезийской политико-юридической науке стало открыто проповедоваться нигилистическое отношение к закону, состоящее в том, что стабильное и твердое законодательство не соответствует духу перманентной революции, не выгодно революции и строительству.

Распространяется взгляд на закон, как на фактор, связывающий революционную инициативу масс... Мы делаем все, чтобы строжайше соблюдались демократические принципы партийной и государственной жизни, чтобы социалистическая законность торжествовала всегда. У нас приняты основы уголовного и гражданского процесса. На базе этих основ в союзных республиках приняты гражданские, уголовные и процессуальные кодексы».

Не говоря уже о том, что «разоблачая» недавних «вечных хинезийских друзей» и доказывая наличие у них беззакония и подавления демократии, Смородинычев забывает, что у вора «шапка горит», и использует банальный метод «лови вора». Тем самым он обличает давно уличенных вохров. Рассмотрим все же некоторые «Основы уголовного кодекса» Государства Тмутараканского.

Нацистская тоталитарная империя без всяких фокусов объявила о ликвидации всех основных свобод и прав человека. В гуннской хенмюнской газете 21 марта 17 г. в.в.э. появилось следующее «Извещение»:

«После поджога парламента вступил в силу декрет о «защите государства».

«На основании абзаца 2 статьи 48 имперской конституции в целях противодействия коммунистическим актам насилия, представляющим управу для государства, постановляется следующее: Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 имперской конституции впредь до дальнейших распоряжений отменяются. Поэтому ограничение свободы личности, свободы выражения мнения, включая свободу печати, право союзов и собраний, нарушение тайны почтово-телеграммной корреспонденции и телефонных разговоров, производство обысков и конфискаций, а также ограничения права собственности допустимо независимо от пределов, установленных законом».

Коротко и ясно. Гунны назвали этот декрет Гинденгора и Адольфера «Законом об отмене законов»

Вохрам кажется, что они необычайно остроумны. Торжественно провозглашая в вохровских» конституциях» всевозможные свободы и права человека, они в период «культа личности» применяли ст. 58 с многочисленными подпунктами. По этой статье с многочисленными подпунктами такие судилища тайной полиции, как Особое Совещание, областные стройки и спецсуды, «осудили» миллионы лю-

ский народ измышлениями о том, что разногласия имеются не только у нас с вами, но и, якобы, между Государством Тмутараканским и Хинезийской Народной Республикой. Не выйдет. Вам это не видеть как своих ушей». (Стенограмма XXI съезда, I часть, стр. 109 – 110, речь Никитова) (примечание автора).

Таким образом, Смородинычев явно попал впросак, не сопоставив, таких дат, как 41 г. в.в.э. и 43 г. в.в.э. Но этому вохровскому апологету хорошо известно, что хинезийские и тмутараканские вохры одного поля ягоды. Разница только в том, что хинезийцы начали рьяно отстранять бюрократов, не ведая, что народятся новые.

i Смородинычев прикидывается простаком. Ему якобы неизвестно, что вохровские законодательные органы Государства Тмутараканского – чистейшая буржуазия (прим. автора).

дей якобы за государственную измену, пропаганду, агитацию, террор, диверсию, шпионаж, экономический саботаж, пропаганду, недоносительство и т.п. Фактически следователи тайной полиции могли любой подпункт этой 58 статьи «уголовного кодекса» применить к любому гражданину Государства Тмутараканского, что и осуществляли в неслыханных масштабах.

Великий Никитов пообещал, что извращения «культа личности» более не повторятся.

действительно, статья 58 с многочисленными подпунктами была ликвидирована, и в Уголовном Кодексе появились…. статьи 70, 69, 68, 67 и т.д.

К сожалению, Смородинычев, очень доходчиво объяснив связь вохровской законности с вохровской подлинной демократией, умолчал (по-видимому из-за излишней скромности) и не объяснил связи свободы личности, свободы выражения мнения, права союзов и собраний и прочих основных прав и свобод человека, провозглашенных как совершеннейшей вохровской конституцией, так и Организацией Объединенных Наций, с кардинально измененной бывшей статьей 58, с помощью которой истребили много миллионов людей во время «культа личности». Автор попытается помочь в этом отношении вохровскому доктору юридических наук – Смородинычеву.

Как выше было отмечено, нацисткий великий вождь Адольфер откровенно и цинично отменил статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 Больмарской конституции, гарантировавшие основные права и свободы человека и принятие в гуннском государстве загнивающего капитализма еще до появления Адольфера и нацистов на политической арене гуннского Государства. Об этом президент полиции Небеслер широко оповестил население в своем «Извещении» 21 марта 17 г. в.в.э. в Хенмюнской газете.

Вохровские великие вожди оказались в значительно более трудном положение, чем Адольфер, особенно после «разоблачения» «культа личности». Они не могли ни отменить свои собственные конституции, в которых троекратно торжественно были провозглашены гарантии защиты основных свобод человека при наличии самой совершенной подлинной вохровской демократии, ни тем более широко оповестить об этом.

Проявляя отеческую заботу о тмутараканском народе великие вохровские вожди, как уже было отмечено в I томе, не сообщают в своих широко распространенных (из за отсутствия других) унифицированных вохровских газетах об авариях, эпидемиях, преступности и т.п., чтобы не нервировать и не волновать людей, о которых они так нежно заботятся. Поэтому великие вохровские вожди и их преданный апологет Смородинычев не рекламируют «часть особенную» вохровского уголовного права, изданную кремлевским университетом в 48 г. в.в.э. и допущенную в качестве учебника для юридических институтов и факультетов. Эта «особенная часть», изданная только для юристов и «независимых» вохровских судей, в весьма ограниченном количестве экземпляров (38000) и заменила широко распространенное «Извещение» Небеслера в Хенмюнской газете об отмене основных прав и свобод человека.

Использовав огромный опыт следственного аппарата тайной полиции в период «культа личности» в изобличении и ликвидации сфабрикованных штатными филерами «агитаторов», «пропагандистов», «вредителей», «диверсантов», «изменников родины», «саботажников», и других сортов «контрреволюционеров», составители особенной части вохровского уголовного права не оставили даже молекулярной щели для использования элементарных человеческих свобод населением Государства Тмутараканского, задыхающимся в тисках «подлинной вохровской демократии». Если библейский верблюд мог через игольное ушко проникнуть в рай, то счастливый тмутараканский гражданин не сможет через молекулярные щели «особенной части» проникнуть даже в паршивенький «рай» тех демократических «свобод», которыми тмутараканские граждане пользовались в темную-претемную ночь царского довохровского периода.

«Действующее вохровское уголовное законодательство... определяет этот вид «преступления по статье 70 УК как агитацию или пропаганду, проводимую «в целях подрыва или ослабления вохровской власти, либо совершения особо опасных отдельных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих вохровский государственный и общественный строй, и равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы та-

кого же содержания». По сравнению с ранее действовавшим законодательством (ст. 10 Положения о преступлениях государственных 11 г. в.в.э.) новые законы более четко характеризуют субъективную сторону деяния (указывают на цель подрыва или ослабления вохровского власти). Характеристика форм деяния дополнена таким видом, как распространение клеветнических антивохровских измышлений...

Личность, личные права и интересы отдельных представителей вохровской власти, государственных или общественных деятелей не могут рассматриваться, как объекты антивохровской агитации. Если однако «преступники»[i] враждебную клевету и охаивание руководителей вохровского государства и вохровской партии используют, как средство подрыва и ослабления вохровской власти, – такая деятельность, направленная не просто против отдельных личностей, а против вохровского государственного или общественного строя, может и должна рассматриваться, как антивохровская агитация и пропаганда…

Под антивохровской агитацией принято понимать распространение какой-либо одной или нескольких идей антивохровского содержания среди неопределенно большого широкого круга лиц; «распространение» аналогичных идей среди ограниченного круга лиц или отдельных людей является антивохровской пропагандой…

Согласно закону объективная сторона «рассматриваемого преступления» может выразиться в одной из следующих форм. 1) Агитация и пропаганда, осуществляемая путем устного (в личной беседе, при разговоре по телефону, в публичном выступлении и т.п.), то есть, содержание которых направлено против завоеваний вохровской власти, существующего вохровского общественного и государственного строя, против политических мероприятий вохровской партии и вохровского правительства…..

Агитация и пропаганда, проводимые путем распространения, изготовления или хранения литературы антивохровского содержания, состоят в использовании различными способами письма и других изобразительных средств для распространения идей и взглядов антивохровского характера. «Литературу» в этом смысле не следует понимать ограничительно: этим понятием охватываются книги, небольшие брошюры, проза и стихи, анонимные письма, записки, листовки, транспаранты, рисунки, карикатуры и т.п. Во всех случаях, как уже отмечается, признаком состава «преступления», является антивохровский характер такой литературы…

Под распространением здесь следует понимать передачу во временное или постоянное пользование, в собственность или лишь для ознакомления указанной выше литературы; рассылку литературы по почте в адреса как знакомых, так и незнакомых лиц…….

Изготовление литературы означает не только авторство, но и все другие процессы работы, как по содержанию, так и по технической подготовке хотя бы одного экземпляра «документа» или даже части его (составление черновиков, редактирование, написание от руки размножения на пишущей машинке, типографским путем и т.п.). …….

Наказываются по ч. 1 ст. 70 УК антивохровская агитация и пропаганда, совершенные без отягчающих обстоятельств, лишением свободы от 6 месяцев до 7 лет или ссылкой от 2 до 5 лет….

По ч. 2 ст. 70 УК лишение свободы от 3 до 10 лет».

Итак, уже после «разоблачения» «культа личности» в стране «подлинной демократии» совершенно точно установлено законом запрещение свободы выражения своего мнения, если оно в чем либо расходится с переменной генеральной линией властвующей олигархии..

Это мнение запрещается даже сообщать отдельному лицу (например, твоему лучшему другу).

Это мнение даже запрещается изложить хотя бы на одном экземпляре, написанном от руки и открыто хранимом в своем письменном столе или книжном шкафу. Запрещается даже в личной беседе «охаивание» руководителей вохровского государства и вохровской партии.

---

i Кавычки ставятся и подчеркивается автором.

Любой вохровский следователь и любой «независимый» вохровский судья, разумеется, сможет доказать, что это «охаивание» используется, как средство подрыва и ослабления вохровской власти. Когда великий Никитов после того, как у него закончился острый приступ демократизма, пугал «идейных подкулачников», что они вместе с «открытыми врагами» будут получать «удары» он отлично знал, что эти «удары» будут эквивалентны от 6 месяцев до 10 лет лишения свободы с возможным «довеском» от 2 до 5 лет ссылки.

Таковы Никитовские «гарантии против рецидива «культа личности»».

В 43 г. в.в.э. великий Никитов заявил, что «сейчас нет факторов привлечения к судебной ответственности за политические преступления, это несомненно – великое достижение». В свете статьи 70 УК становится ясным заявление великого Никитова.

Инакомыслие отнесено к уголовным преступлениям. Статистика не только таких «уголовных» преступлений, как инакомыслие, закрыта, но закрыта статистика обычных уголовных преступлений, поэтому автору неизвестно, каково к пятидесятилетию вохровской власти количество «уголовных» инакомыслящих «преступников», но следует полагать, что таких «преступников» немало. Конечно, не десятки миллионов, как во времена великого семинариста, но десятки тысяч, а, может быть, и сотни тысяч. В печати проскользнул только один громкий процесс, об осуждении по ст. 70 УК двух вохровских писателей. Цель этого открытого процесса была – запугивание остальных вохровских писателей.

«Часть особенная» вохровского уголовного Права предусматривает еще много разновидностей «уголовных» преступников в соответствии с «подлинной вохровской демократией», рекламируемой великими вохровскими вождями и учеными апологетами типа докторов юридических наук Смородинычева, Прояснова, Большечика, Лифляндского и других. На стр. 64 – 65 «части особенной! «массовые беспорядки» квалифицированные по ст. 79 УК формируются следующим образом:

«Под массовыми беспорядками следует понимать нарушения установленного и охраняемого властью общественного порядка, исходящие со стороны стихийно собравшейся значительной группы лиц, толпы. Статья 79 УК имеет ввиду массовые беспорядки, сопровождающиеся разрушением, поджогами и иными подобными действиями…..

Разрушение предполагает уничтожение или повреждение государственного, общественного или личного имущества, средств связи, транспортных средств и других..

…. Лица, находившиеся в толпе во время массовых беспорядков и совершившие иные и менее опасные, чем это указано в ст. 79 УК, а по соответствующим статьям УК, предусматривающие данные общественно опасные деяния. Например, лицо, находившееся в толпе и оказавшее невооруженное сопротивление представителю власти или оскорбившего его, подлежит ответственности по ст. 191 и 191^1 или ст. 192 и 192^1 УК. …. Наказывается рассматриваемое «преступление» (имеется ввиду по 79 УК, прим. автора) лишением свободы от 2 до 15 лет. …»

Под статью 70 УК можно подвести, таким образом, любую демонстрацию, забастовку.

вообще, то разрешаются только «стихийные» демонстрации, организованные сверху какой-нибудь вохровской, партийной или другой схемой, например, «стихийные» митинги протеста против кровавых злодеяний колумбовских империалистов или предавших карлсизм-ильичевизм хинезийских руководителей и против прочих подобного рода злодеяний. Следует отметить, что счастливые тмутараканские граждане, хорошо вымуштрованные полувековым опытом подлинной вохровской демократии, не склонны к стихийным митингам или демонстрациям, которые не организуются сверху соответствующими вохровскими властями. Все же такие демонстрации иногда осуществляются. Были студенческие демонстрации в 40 г. в.в.э. против подавления унгарской революции. Тогда же аджарцы устраивали немало демонстраций против девиссарионизации – одна из последних проходила в начале 51 г. в.в.э.. Около 50 молодых людей протестовали против применения ст. 70 УК, утверждая, что она не конституционна. Против всех них применялись ст. 70 и 79 УК, и демонстранты карались в соответствии с директивами, полученными сверху «независимыми» вохровскими судьями.

На стр. 30–35 «части особенной» имеются следующие формулировки об измене Родине: «Закон об уголовной ответственности… по ст. 64 УК определяют измену Родине, как деяние, умышленно совер-

шенное… в ущерб… независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи Государства Тмутараканского: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны, бегство за границу или отказ возвратиться из за границы.

…..Тесно связанным с бегством за границу является отказ возвратиться из-за границы в Государство Тмутараканское. В отличие от ранее действовавшего Постановления Президиума ЦИК от 21/XI 13 г. в.в.э., предусматривающего ответственность лишь должностных лиц за отказ вернуться в Государство Тмутараканское, ст. 64 действующего УК распространяет эту ответственность на граждан, не являющихся должностными лицами…

…. Оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Государства Тмутараканского охватывает иные случаи оказания непосредственной помощи иностранному государству в проведении деятельности, направленной в ущерб внешней безопасности Государства Тмутараканского и не попадающей ни под одну из перечисленных выше форм измены Родине. Сюда относятся в частности …снабжение иностранных государств тенденциозно подобранными материалами.

За измену Родине установлены судовые санкции. Виновное лицо может быть наказано лишением свободы от 10 – 15 лет либо смертной казнью с конфискацией имущества».

Отвлекаясь от массового применения ст. 64 УК, которая ранее соответствовала ст. 58 п. 1, в период «культа личности», когда под эту статью подводились миллионы людей, в том числе, многие вохровские военнопленные, применение этой статьи даже в настоящее время прекрасно иллюстрируется полицейским фельетоном «Падение» в «Дезинформации» от 23.II 51 г. в.в.э. Ниже приводятся выдержки из этой статьи, написанной в духе виссарионовских времен:

«Перед находившимися в зале человек, моральное опустошение которого чудовищно. Еще недавно он ходил по одной с нами улице, дышал одним с нами воздухом… С дрожащих губ преступника срываются слова признания: «Да, я был связан с сотрудниками Ханаанского посольства, да изготовлял, размножал и распространял антивохровские материалы…полностью признаю себя виновным…».

Во время полуконспиративных встреч ему дают задания распространять среди вохровских граждан передаваемые ханаанскими дипломатами антивохровские и кармелистские брошюры. Он размножает антивохровскую клевету, рассовывает и по карманам верующих в гардеробе молельни. …

… Фотографическое свидетельство осквернения ханаанского памятника идет за рубеж в качестве факта антиханаанизма. Большего цинизма не придумаешь: нет подобных проявлений в нашей стране (!) – создай их сам! …

Он составляет геодезические таблицы вычисления высот топографических съемок и определения неприступных расстояний, которые применяются в военной топографии, и передает эти материалы сотруднику ханаанского посольства (!!)[i]

… Среди вещественных доказательств … очередной объемистый отчет … о проделанной шпионской работе… В нем сдержатся сведения, затрагивающие безопасность нашего государства… Здесь же на столе изъятые при аресте… брошюры и отдельные документы, изданные в Ханаане на скифском, сакском и других языках, записи передач ханаанской радиостанции «Голос Ханаана»…

Вохровские патриоты-ханаанцы и скифы помогли схватить и разоблачить агента второго секретаря ханаанского посольства, изменившего Родине, народу. Предатель получил по заслугам…».

Эту стряпню можно было бы не комментировать. Даже не смешно, что «могучий империалистический хищник» – Государство Ханаанское угрожает безопасности Государства Тмутараканского, территория которого всего в 1000 раз больше.

Передачи «Голоса Ханаана» настолько лояльны по отношению к Государству Тмутараканскому, что даже в период, когда колумбовские, сакские и другие передачи с ревом заглушались, передачи «Голоса

i Невежество полицейских следователей и журналистов полностью изобличает их неумелую стряпню. Подобные «шпионские» материалы имеются в любом учебнике геодезии (прим. автора).

Ханаана» не трогали – а «матерый шпион» делает записи этих «преступных передач», передает шпионские сведения…. из учебника геодезии. Ханаанец интересуется ханаанскими брошюрами, в которых нет никаких антивохровских материалов. Старый человек, пенсионер, уже после «разоблачения» «культа личности» подпадает под действие статьи 64 УК и «получает по заслугам» уже никак не менее 10 лет лишения свободы.

Такова законность Смородинычева, связанная с «подлинной вохровской демократией» лиц, «убегающих» или «не возвращающихся» из за-границы.

Стр. 46–48 «части особенной» посвящены «вредительству», которое в период «культа личности» квалифицировалось ст. 58 п. 7, с помощью которой были истреблены сотни тысяч, а, может-быть, и миллионы ни в чем неповинных людей:

«Уголовная ответственность за вредительство предусмотрена ст. 69 УК. По сравнению с ранее действующим законодательством (ст. 7 Положения о преступлениях государственных 11 г. в.в.э.), состав вредительства расширен. Во-первых, в него включено указание на подрыв деятельности не только в области народного хозяйства, но и деятельности государственных органов или общественных организаций. Во-вторых, в новом законе вредительство сформулировано таким образом, что оно включило в себя и саботаж. …

…. Опыт борьбы с контрреволюционными преступлениями в прошлом показывает, что вредительство нередко проводилось в области науки, здравоохранения, подготовки кадров и т.д. Так, в результате вредительской деятельности «врагов вохровского народа»[i], пробравшихся к руководству органами государственной безопасности Бокалина и Авракумова и других, впоследствии осужденных, многие честные вохровские граждане, в том числе крупные вохровские и партийные работники, были оклеветаны, необоснованно репрессированы и даже уничтожены.

…Действие при вредительстве может, например, выразиться в неправильном планировании, проектировании, распределении товаров и т.д.

Бездействие может заключаться в непринятии мер к снабжению товарами, заготовке продуктов, ликвидации болезней и т.п. … Вредительство может быть совершено как по собственной инициативе виновного, так и по заданию иностранной разведки. Наказывается вредительство лишением свободы от 8 до 15 лет с конфискацией имущества».

Таким образом, как в период «культа личности» ст. 58 п.7 ограничивала свободу работы плановиков, проектировщиков, работников торговли, здравоохранения и других, так в настоящее время статья 69 УК с такой же силой ограничивает свободу указанных категорий работников. При любой кампании переменного руководства партийной схемы или схемы тайной полиции можно при помощи статьи 69 УК репрессировать любое количество работников из сектора экономики и здравоохранения.

Ст. 7 УК, аналогичная ранее действовавшей ст. 11 Положения о преступлениях государственных 11 г. в.в.э., столь же цинична.

На стр. 52 «Части особенной» указывается: «Под антивохровской организацией понимается сплоченная устойчивая группа двух и более лиц… Для признания наличия антивохровской организации необходимо установить деятельность по крайней мере двух лиц...»

Следует отметить, что эта циничная статья «Части особенной» слегка «либерализована».

На стр. 54 «части особенной» отмечается: «Необходимо отметить ошибочные и политические вредные положения Низинского, который утверждал, что «участие в группе, осуществляющей преступные действия, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если он сам преступным действиям непосредственного отношения не имел и согласие на их совершение не давал. Это извращение Низинским сущности вохровского уголовного права послужило на практике теоретическим обоснованием и оправданием имевшим место в прошлом, в период господства культа личности, грубейших нарушений социалистической законности...».

---

i Этот банальный и фальшивый термин проник даже в «часть особенную»! (прим. автора).

По статье 75 УК («Часть особенная» стр. 72 – 73), в соответствии с которой лишают свободы на срок от 2 до 5 лет, можно, по существу, осудить любого архисвободного счастливого тмутараканца – настолько велик список тайных государственных сведений (стр. 32 «части особенной»):

«11. Сводные данные о производственных мощностях и планах производства цветных, благородных и редких металлов...

13. Сведения о размерах балансовых запасов в недрах Государства Тмутараканского цветных, редких и благородных металлов, титана, алмазов и пьезооптических материалов в целом по Государству Тмутараканскому, министерствам и крупным месторождениям, а также нефти в целом по министерству.

14... Открытия и изобретения, имеющие крупные научное и народнохозяйственное значение...

15. Состояние валютных фондов, сведения о расчетном балансе...

17. Другие данные, которые будут отнесены Советом Министров к числу сведений, составляющих государственную тайну.

Все эти «тайны», которые обычно публикуются в статистических сборниках стран загнивающего капитализма, сурово наказуются в государстве самой «подлинной демократии». На стр. 72 «части особенной» написано:

«Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, может заключаться как в устном, так и в письменном сообщении таких сведений постороннему лицу». Более того, разглашение государственной тайны может быть совершено не только в форме активных действий, но и в форме бездействия (например, должностное лицо, выходя из своей рабочей комнаты, куда заходят другие лица, оставляет на столе документы, содержащие государственную тайну...».

В соответствии с этой многопонятной вохровской шпиономанией, которой великие вохровские вожди заразились еще 25-30 лет тому назад, какой-нибудь функционер, уйдя в другую комнату и оставив ее по рассеянности расчетную записку или какой-нибудь бюрократические документ, из которого можно получать сведения об объеме, например, производства бензола на каком-нибудь нефтеперерабатывающем заводе, может быть лишен свободы. Смородинычев и другие апологеты из ведомства науки, науки вохровской, в неописуемом восторге от «неограниченных возможностей участия в управлении делами государства» в стране «подлинной демократии», скромно умалчивают о сверхполицейском, свирепом уголовном вохровского праве, которое твердо закрепило и возвело в закон чудовищные преступления беззакония 30-летнего периода «культа личности» и находится в вопиющем противоречии с бутафорской вохровской конституцией.

4. Вохры о профсоюзах

Ранее уже приводились высказывания наиболее видных вохровских вождей о пользе принудительного труда. Тем самым на самой заре вохровской революции было определено отношение вохровских вождей к величайшему завоеванию пролетариата – праву объединение трудящихся в профсоюзы. Ниже приводятся высказывания вохровских деятелей, в какой-то степени объясняющих, как вохры «дошли до жизни такой».

Через 1,5 года после великой вохровской революции Книгарин еще в какой-то степени поддерживает по существу ликвидированные к тому времени свободные профсоюзы. Он говорит[i]: «Отнять у профсоюзов функции организации производства – это значит отдать дело управления на съедение бюрократическим крысам».

На IX съезде, после «профсоюзной» дискуссии, выносится решение об огосударствлении даже «бутафорских» профсоюзов. Тот же Книгарин говорит:[ii]

i Стенограмма VIII съезда, речь Книгарина, стр. 112.

ii Стенограмма IX съезда, речи Книгарина, стр. 212 – 235.

«Сундукин развивал взгляд, что профсоюзы и их объединение – ВЦСПС – должны заменить, в конце концов СНХ.

Кашкетников выставил такое положение, что в области производства, в области экономических отношений все правила и все функции должны быть переданы профсоюзам целиком... Другую крайность можно характеризовать: «долой профсоюзы». Это течение намечалось у некоторых военных, которые выдвигали лозунг, что профсоюзы суть организации, которые сыграли свою полезную роль, которая теперь перед хозяйственными задачами, стоящими перед вохровским Государством Тмутараканским в связи с милитаризацией труда, должны неизбежно умереть... Разногласия, которые были в капиталистическом периоде, воспроизводятся на новой основе в период пролетарской диктатуры: будут ли профсоюзы независимыми организациями, противопоставленными политическим организациям рабочего класса, то есть вохровскому государству и вохровской партии?.. В чем же это отличие и является ли это отличие чем-то таким, что делает из вохровского государства что-то менее рабочее, чем профсоюзы? Я утверждаю, что таких признаков нет... Во время войны буржуазное государство было вынуждено милитаризировать всю промышленность, то есть подчинить ее своему государству, и государство стало коллективным капиталистом... Здесь экономика и политика сочетались целиком и нельзя было произвести разграничения потому, что важнейший орган управления стал важнейшим органом государственного управления. В период пролетарской диктатуры получается то же самое... Как бы противопоставить профсоюзы, как экономическую организацию вохровской власти, когда сама вохровская власть имеет самые важные экономические функции?

Если у нас есть ряд различных организаций рабочего класса, вохровское государство, профсоюзы и прочее, целый ряд экономических организаций, то возникает вопрос о связи между ними... Их нужно связать, сочетать! Как сочетать?.. Их нужно брать в таком организационном сочетании, чтобы более узкие подчинить более могучим, широким, всеобъемлющим. Буржуазия делала точно так же: она кооперативы, синдикаты и тресты подчинила своему государственному аппарату, она их национализировала, огосударствила, превратив их в органы, в самые могучие организации буржуазного господства. И это организационное требование годится и для эпохи пролетарского государства. ЦК полагает, что все развитие профсоюзов пойдет по пути огосударствления.... Профсоюзы входят в систему вохровских аппаратов, но как они входят в эту систему? Здесь мыслима двоякая постановка вопроса: профсоюзы берут на себя совершенно самостоятельные функции, будучи в то же самое время государственными органами, или не выполняют сами непосредственно хозяйственные функции, но входят в вохровские аппараты и становятся основной тканью вохровских хозяйственно-административных органов. Есть все основания считать, что второй способ решения вопроса более правильный. Он должен быть более правильным, потому что профсоюзы имеют еще функции воспитательные[i]. Перед ними стоит задача – милитаризация профсоюзов, то есть введение такой же исполнительности... дисциплины, каких мы требуем от среднего рабочего.... Мы так построили нашу партию, что мы являемся самой милитаризированный организацией, которая когда-либо существовала (!). Ведь наша партия есть военная организация, почти в буквальном смысле этого слова.... И когда Ильичев открывал съезд, говорил об этом, он был прав!.. Но если мы такую партию построили, мы должны такой же элемент внести и в профсоюзы и чем в большей дозе, тем лучше...». (!!)

Шкаликов тоже за огосударствление профсоюзов; он говорит[ii]:я и в Совете профсоюзов и на партсобраниях указывал, что профсоюзы у нас слабы и плохи. Это признает и г. Дикский. Целый ряд работников из среды профсоюзов выступили за огосударствление профсоюзов, ибо для нас необходимо, чтобы профсоюзы являлись организациями пролетарской дисциплины, пользующиеся методами государственного принуждения. Поэтому со всей решительностью нужно выгнать всех товарищей вроде Золотенбаха и других, которые сопротивляются этой точке зрения и развращает профсоюзы. Это основная работа в области организации продвижения. Я настаиваю, чтобы они теперь были огосударствлены....Вячеславов со свойственной ему прямотой говорит о том, что основные функции вохровских «профсоюзов» – полицейские[iii]: «...Мне приходилось нередко слышать о том, что про-

i Правильно было бы сказать: полицейские.

ii Стенограмма IX съезда, речь Шкаликова, стр. 129.

iii Стенограмма IX съезда, речь Вячеславова, стр. 238.

фсоюзы вынуждены заниматься не своим делом, давить на рабочих, что совсем не подходит к тем профессиональным организациям, которые должны защищать рабочих..... На деле мы встречаемся с тем, что в самом важном вопросе – об организации труда – до сих пор чувствуется, что профсоюзы отделяют себя от вохровской власти. Это выражается в том, что декрет о дисциплинарных судах, который принят и одобрен профсоюзами на практике не проводится негде... потому что профсоюзы до сих пор думают, что это не их дело. Декрет о рабочих дисциплинарных судах был принят СНХ 14.XI.3 г. в.в.э. Суды должны быть организованы при местных отделениях производственных профсоюзов (губернских, уездных и районных): в составе: одного представителя от заведоуправления, одного от правления профсоюза и одного от общего собрания членов предприятия. Дисциплинарному суду предоставлено право: 1)выговора, 2) временного лишения права участвовать в выборе ЦК, сроком на 6 месяцев,3) временного перемещения на низшую должность 4) посылки на тяжелые общественно-необходимые работы с оплатой по ставке исполняемых работ, а при неоднократных взысканиях – увольнения с предприятия…».

Все же раздавались отдельные неуверенные голоса «профсоюзников», которые в какой-то степени противились огосударствлению бутафорских «профсоюзов». Дикский говорит[i]: «… Нельзя говорить одновременно о распространении влияния и связи, о вовлечении новых полупролетарских элементов в сферу деятельности профсоюзов и огосударствлении их.... Нельзя огосударстливать организации, в которых 3,5 миллионов членов, тогда как партия насчитывает 0,5 миллиона, и прав Ильичев, когда говорит, что мы тогда огосударствим профсоюзы, когда у них будет 2 миллиона вохровцев...».

Черенковский говорит[ii]: «На Кремлевском Комитете изображали дело так: наверху партия, ниже – Советы, а еще ниже – профсоюзы. Каждый революционный карлсист может принять, как абсолютную истину, это подчинение партии. Но неверно, что союзы подчиняются и должны всегда и при всех условиях подчиняться Советам… Накануне вохровской революции мы имели в Ильичевграде союз металлистов – 193 тысячи… а сейчас там осталось 57 тысяч… Все индустриальные союзы уменьшились, одни вохровские служащие выросли в 2–3 раза… они так прут, как вобла. В этом основная, историческая, временная, конечно, причина слабости. …

Недостаток тезисов Книгарина в том… что он уже не указывает, чем профсоюзы будут заниматься. Базы, поддержка, связь, участие, щупальца, ткань – все это, я не сказал бы «беллетристика»… но тем не менее это нечто отвлеченное, теоретическое и в достаточной степени неуловимое…. Книгарин говорит: «принимай участие в управлении производством, но как только ты туда пошел – не вмешивайся». Союзы занимаются организацией труда в процессе производства».

Даже наиболее радикальный «профсоюзник» Золотенбах, хотя и против огосударствления профсоюзов, боится заикнуться об их независимости[iii]: «Когда Шкаликов с грацией, которой могла бы позавидовать самая стройная кавалерийская лошадь, гарцевал между коллегиальной совнархозией и единоличием гусоснабармии, он позволил себе бросать замечание, что я настолько развращаю профдвижение, что он находит необходимым сослать меня, по крайней мере, в Беркутскую область…

Дикский справедливо отметил, что уже 2 года говорят об огосударствлении, но никто еще не указал, в какой форме мыслится это огосударствление… Против огосударствления выступали Дикский и я. Мы указывали, что неогосударствленные профсоюзы в Гуннии оказались верными рабами государства, – но не пролетарского, а буржуазного. Но мы говорили против огосударствления с другой точки зрения, ничего общего не имеющей, с так называемой «независимостью» … В принципе, в теории профсоюзы не только должны учитываться, как часть рабочего класса, в организации тех органов, которые предназначались для управления производством, но и действительно управлять производством … А на практике – «не касайся»… Пока не будут разграничены функции профсоюзов и СНХ, у нас по прежнему профсоюзы будут путаться в ногах у совнархозов…. думаем, что в порядок для следующей сессии будет поставлен вопрос об уничтожении комиссариата труда. ВЦСПС, поскольку ему будут пе-

i Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Дикскова, стр. 247.
ii То же,. речь Черенковского, стр. 249
iii Стенограмма IX съезда, 4. г. в.в.э. стр. 226, речи Золотенбаха

реданы функции Наркомтруд'а, будет являться главным органом в деле ведения рабочей силы и ничем больше»…

По существу, дискуссия о профсоюзах на IX съезде даже и не касалась вопроса восстановления свободных независимых профсоюзов рабочих и служащих, защитников их интересов... В результате этой дискуссии была принята резолюция, согласно которой «профсоюзы» превратились в «вспомогательную» государственную организацию, наделенную главным образом вспомогательными функциями:

«…О профсоюзах и их организации

При диктатуре пролетариата профсоюзы превращаются из органов борьбы со стороны продавцов рабочей силы против господствующего класса капиталистов в аппараты правящего рабочего класса. (!)

Задачи профсоюзов лежат, главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной … Профсоюзы… должны постепенно превращаться в вспомогательные органы пролетарского государства, а не наоборот[i]…

Заводской комитет, не вмешиваясь в область управления предприятием… способствует поднятию дисциплины всеми мерами, вплоть до товарищеских дисциплинарных судов…[ii]»

Выступления вохровских деятелей на X и XI съездах подчеркивают все те же тенденции.

На X съезде Лейбов невразумительно объяснял[iii]: «Когда я говорил, мы должны подобрать работников для профсоюзов, то т. Дикский говорил, что подбор означает назначенство…. А теперь мы видим в резолюции за подписью Дикскова целиком: подбор руководящего персонала совершается партией и прочее…

… Во всякой деревне знают, что такое Цектран: это нечто такое, что отбирает хлеб, не дает рабочим свободно вздохнуть и подносит труженику уксус, когда тот устал, вместо молока, которое имеется в распоряжении у ведомства…

…Говорят профсоюзам: «Вы должны расширить ваше организованное влияние на производство. Вы должны гораздо более взять в свои руки непосредственное руководство хозяйством». Но каким образом? Вы знаете, что велась борьба против сращивания.

Профсоюзы имеют в области хозяйства наличный существующий, организационный аппарат государства. Каким образом могут профсоюзы увеличить свою роль? Мимо этого аппарата, через его посредство, или путем организационного сращивания с ним?

Рабочая оппозиция имеет тенденцию решить его так, что профсоюзы овладевают хозяйством, отстраняют хозяйственные органы, в которых сосредоточен опыт трехлетнего строительства. Эти решения абсолютно неправильные…».

Книгарин, будучи тогда в одной группировке с Лейбовым, хотя и путает всячески, но вполне ясно, что он категорически против таких профсоюзов, которые защищали бы интересы рабочего класса[iv]: «Значит, что утверждал вчера Ильичев, один из подписывающих платформу «Десяти»? «Рассматривайте вопрос о профсоюзах в одной плоскости, а вопрос о демократии должен быть вынесен за скобки, потому что в этом вопросе не существует между нами никаких разногласий». А Радомыслов утверждал, что нужно партию повернуть поближе к массам, а другая часть партии этого не понимала и вела партию к гибельному пути. Кто же прав? Ведь, они оба подписали одну и ту же платформу… Один приходит и говорит: «Суть дискуссии заключается не в демократии», а другой говорит: «Суть дискуссии заключается в демократии» Затем Радомыслов говорит, что существует такая разница между нами[v] и группой «Десяти»: они стоят на той точке зрения, что даже при пролетарской диктатуре профсоюзы имеют своей задачей «защиту интересов рабочего класса» – против вохровской власти очевидно…».

---

i Сборник документов экономполитики, том I, № 217, Политическая литература, 31 г. в.в.э.

ii Стенограмма IX съезда, тезисы ЦК, стр. 558–560.

iii Стенограмма X съезда, стр. 355 – 358, 5 г. в.в.э., речь Лейбова

iv Стенограмма X съезда, речь Книгарина, стр. 373.

v Имеется ввиду группа Лейбова-Книгарина (прим. автора).

Один Кашкетников, хотя и отрицает свою приверженность к рабочей демократии, стремится к управлению хозяйством, через тот орган, который он именует «производственные союзы»: «Итак, я думаю, что вы разберетесь в слове синдикализм… Я прочту выдержку из тезисов Лейбова: «Профсоюзы и их дальнейшая роль». Там говорится: «Под синдикализмом понимается стремление профсоюзов, то есть рабочих организаций в капиталистическом обществе овладевать производством без и помимо пролетарской партии и пролетарского государства». Вот что до сих пор понималось карлсистами под синдикализмом…

Если и бывают возражения и негодование, то против несправедливого распределения наших богатств или потому, что рабочие видят, что плоды их трудов пропадают, благодаря той бюрократической системе, которую мы усвоили за 3,5 года нашей хозяйственной политики…. т. Ильичев очень много говорил о «съезде производителей», пытаясь подставить под «съезд производителей» другое содержание… А как обстоит дело в области организации народного хозяйства? У нас съезжаются, выбирают и решают не представители профессиональных организаций, даже подчас не вохровцы, работающие в губернском СНХ, а чиновники, заведующие отделами, в большинстве случаев не связанные с производством и далеко не всегда вохровцы. …

… Работа подготовительная, которая дала бы возможность не с той хинезийской постоянностью, о которой говорит Ильичев, вовлекать широкие массы и профсоюзы в дело организации народного хозяйства, так что этого едва ли достигнем в конце XXV столетия….

Согласно его предложению, все зависит от того, каким темпом у нас пойдет организация сельского хозяйства, иными словами, как скоро мы перейдем от сохи к многочисленным плугам. Ясно, что это задача многих десятков лет.

Лейбов упрекает нас, что мы делаем фетиш из рабочей демократии. Это неправда. Но вот из бюрократического урода вы делаете фетиш, а мы нет.

… Не так давно… была у нас конференция управляющих и заводских комитетов всех артиллерийских заводов нашей Республики.. Там были ильичевцы, но сторонников рабочей оппозиции оказалось на один голосок больше, а лейбистов было совсем мало… Когда дело коснулось, как … покончить с тем кавардаком, который существует в области организации народного хозяйства, тогда между нами было полное единодушие.

Мы предложили организовать наряду с исполнительным органом, которым является… дирекция, еще особый заводской совет. В совет входят и заведуправление, и завком и заведующие отдельными цехами, и уполномоченные от цехов, и расценочная комиссия. Мы предлагали собирать этот совет 3 или 4 раза в месяц. Таким путем мы думаем прийти к тому положению, при котором управление всем народным хозяйством будет совершаться нами через производственные союзы…»

На IX, X и XI съездах к 6 г. в.в.э., по существу, были искоренены последние следы профсоюзного движения, и далее речь могла идти только о роли этой маловлиятельной бюрократической схемы в общей бюрократической вохровской схеме.

На 14 съезде о «профсоюзных делах» отмечается следующее[i]: «О профсоюзах… Быстрый количественный рост не индустриальных профсоюзов: Всеработземлее и строителей, охватывающих, главным образом, сезонных, кроме связанных деревней рабочих… несет другие опасности: непомерное разбухание союзов за счет непролетарских элементов, а равно превращение союзного членства в чисто формальное (человек с союзной книжкой), низводя отношение члена к союзу к готовности платить за членскую книжку и предоставление ей льготы, без ознакомления с задачами, целями своего союза, его жизни и работой. Отсюда вытекают факты передачи и продажи союзных книжек.[ii] Перегруженные разнообразной хозяйственной, политической и общественной работой профсоюзы порой отодвигают на второй план свою главную задачу – защиту экономических интересов объединяемых ими масс или всемирную работу над поднятием их материального уровня… Это ведет к недостаточному вниманию со стороны профсоюзов к требованиям

i Стенограмма X съезда, речь Кашкетникова, стр. 361 – 366

ii Уже с 6 – 9 г. в.в.э. «профсоюзное» членство стало пустой формальностью.

Членская «профсоюзная» книжка, за обладание которой следовало в первый период вохровской власти платить 2% заработной платы, а затем 1%, давало гарантии: 1) большей политической благонадежности, что при царствовании великого семинариста играло решающую роль, 2) получение льгот при болезни, 3) отдельную возможность получить путевку в дом отдыха, 4) возможность через 10–25 лет получить по 6 м^2 на душу жилплощади. Конечно, уже давно никто не интересуется «задачами» профсоюзов, о которых сами функционеры имеют слабое представление. В настоящее время многие «члены» «союзов» не знают, «членом» какого союза они состоят (примечание автора).

и запросам широких рабочих масс к возврату к методам военного коммунизма.

Тарифная работа профсоюзов в отношении разработки структуры коллективных договоров продолжит оставаться почти исключительно кабинетской работой, протекающей без прямого влияния на нее масс… XI съезд указал, что стачка[i] в обстановке пролетарского государства является свидетельством недостатка государственного аппарата, слабости самих проф. органов и культурной отсталости объединенных ими масс …

…Вся экономическая стачечная работа, в особенности, на крупных частновладельческих (концессионных, смешанных обществ и т.п.) предприятиях… должна быть максимально централизована и протекать при активной поддержке и руководстве союзных органов…».

Под влиянием дискуссии в 10 г. в.в.э. некоторые функционеры еще заикаются о «профсоюзной демократии». Так, Термитов пишет[ii]:

«По какой линии должно идти развитие рабочей демократии? Прежде всего по линии выборности всех профсоюзных органов. Не назначение и навязывание работников «сверху», не протаскивание их по списочному методу, а действительная выборность каждого…»

На Пленуме ЦК в апреле 12 г. в.в.э. отмечается[iii]: «Авторитет профсоюзных работников мал, повседневная их связь с рабочим местом слаба».

На XVI съезде полицейские функции «профсоюзов» несколько видоизменяются[iv]: «…Задачей профсоюзов является дальнейшее развитие социалистического соревнования и ударничества и мобилизации масс против «тех горстк, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций капитализма и продолжают смотреть на свое государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже и содрать с него денег побольше» (сочинения Ильичева, 4 издание, том 28, стр. 791).

В дальнейшем роль государственных профсоюзных чиновников начинает сводиться к собиранию членских взносов, самообеспечению путевками, квартирами и прочими благами, а также к роли третьего бесцветного «угла» всемогущего «треугольника»: секретарь парткома – директор – председатель завкома (месткома).

Пленум ЦК вынужден 17.XII. 41 г. в.в.э. напомнить «профсоюзам» об их бутафорских других прямых чиновничьих обязанностях:

«О повышении роли профсоюзов

На многих предприятиях роль производственных совещаний принижена, они созываются наспех, без должной подготовки, проводятся, главным образом, в бригадах, на участках. Общезаводские и цеховые совещания редко созываются, что сужает возможность рабочих и служащих в разрешении вопросов деятельности цеха, предприятия в целом (!!)[v]

---

i «Резолюции и решения» 9 г.–37 г. в.в.э,. издание VII, 37 г. в.в.э., стр. 95.

ii «Кривда», 14.I.10 г. в.в.э., «О профсоюзной демократии».

iii «Резолюции и решения», 9–37 г. г., VII изд., 37 г. в.в.э.

iv То же, стр. 608.

v Производственные совещания – один из бутафорских атрибутов вохровцев, так же, как ударничество, социалистическое соревнование и прочие принадлежности вохровского бутафорского реквизита. Производственные совещания являются принудительной нагрузкой для всех его участников. Все выступления обычно заранее организованы. Участники зевают, даже мухи мрут от скуки. Влияние бутафорских производственных совещаний на производстве близко к нулю и только отнимет массу времени у и без того перегруженного вохровского населения (прим. автора).

… Некоторые хозяйственники слабо заботятся об улучшении условий труда рабочих, не полностью используют отпущенные для этого средства, допускают нарушение трудового законодательства. На ряде предприятий недостаточно проводится герметизация технологического оборудования, не налажено вентиляционное хозяйство, нередки случаи ввода предприятия и цехов с недоделками по технике безопасности… Серьезные недостатки имеются в обеспечении рабочих спецодеждой, спецобувью, средств индивидуальной защиты.

Дальнейшее обеспечение и оздоровление условий труда, устранение причин травматизма и заболеваемости рабочих должно рассматривать, как государственную задачу.... Профсоюзы должны усилить контроль за лечебными учреждениями.

Недостатки нормирования труда изживаются еще медленно. На некоторых предприятиях рост зарплаты обгоняет рост производительности труда, тогда как должно быть наоборот.[i]... Профсоюзные организации недостаточно разъясняют рабочим, что в условиях социализма рост материального благосостояния находится в прямой зависимости от производственных успехов... Рабочие клубы, дома и дворцы культуры обслуживают миллионы трудящихся. Вместе с тем во многих из них производственно-техническая естественно-научная пропаганда, популяризация передового опыта ведутся сухо, неинтересно, не уделяется необходимого внимания идейному уровню художественной самодеятельности, мало проявляется заботы об организации культурного отдыха рабочих, служащих и их семей...

О повышении уровня организационной работы профсоюзов

В профсоюзных организациях имеют место нарушения демократии и норм профсоюзной жизни. Нерегулярно созываются пленумы комитетов и советов профсоюзов; их роль, как органов коллективного руководства нередко принижается. Многие комитеты и советы профсоюзов не проявляют должной заботы о выдвижении на профсоюзную работу молодых энергичных работников.... Нужно повысить роль общих профсоюзных собраний, обеспечить обсуждение на них важнейших вопросов производства, бытового и культурного обслуживания трудящихся...».

Самый большой «профсоюзный» вождь – Тяжник беспокоится, что зарплата слишком увеличилась, однако все же вынужден отметить, что трудящиеся беззащитны и охрана труда игнорируются[ii]: «При росте производительности труда на 26% в лесозаготовительной промышленности, зарплата выросла на 302%.

Не нормы выработки определяют зарплату, а норма подгоняется под достигнутый уровень зарплаты (!!)

.... Многие руководители при попустительстве профсоюзных органов[iii] не заботятся об улучшении вентиляции, освещения, отопления производственных помещений....

На ряде текстильных предприятий Васильевской области... освещение ряда мест раз в 7-10 раз ниже нормы. Министерство текстильной промышленности игнорирует жалобы работников на низкое качество спецодежды. Изготовленные костюмы и халаты после первой же стирки становится негодными».

Представители вохровских «профсоюзов» на предприятии – «заводские комитеты» - жалкие марионетки в руках двух остальных «углов» треугольника: директора и секретаря парткома. Они занимаются, главным образом, под руководством двух остальных «углов» бутафорией и Темкинскими деревнями: «организуют» социалистическое «соревнование», выявляют ударников, бригады и цехи коммунистического труда, вывешивают разные плакаты, присуждают переходящие знамена, вымпела

i В главе пятой I тома показано, что официально показываемый рост производительности труда гигантски обгоняет рост реальной зарплаты, которая за последние 15 лет для основной массы рабочих (36 – 57 г. в.в.э.) почти не изменилась. Однако ЦК обращает внимание профсоюзных работников на то, что рост зарплаты слишком велик (прим. автора).

ii Стенограмма XX съезда, II часть, речь Тяжника, стр. 159–163.

iii После фактической ликвидации профсоюзов рабочие, по существу, под контролем вохровского государства-спрута оказались беззащитными. Точно так же, как бутафорской конституции вполне реально противопоставлен уголовный кодекс и «часть особенная» со статьями 64, 69, 70, 72 и 75, точно так же бутафорскому законодательству по охране труда противопоставлен железный вохровский план.

и почетные грамоты. Обычно этот бутафорский реквизит типизирован для всех уголков страны, для всех предприятий.

Иногда «обязательства» разрабатываются чиновниками из завкомов и месткомов, если же эти чиновники достаточно безграмотны, что частенько так и бывает, то «обязательства» разрабатывают сами соревнующиеся, то есть соответствующий начальник цеха, начальник отдела или исполнитель. «Социалистические обязательства» разрабатываются образом, чтобы их слегка перевыполнить. Занимаются еще чиновники из завкомов или месткомов распределением скудного жилья (по указке двух остальных «углов») и путевок в дома отдыха и санатории. Сборщики аккуратно собирают членские взносы. Основной же профсоюзной работой – защитой интересов трудящихся завкомы не занимаются.

Зарплатой и нормированием труда занимаются чиновники соответствующей хозяйственной иерархии. Охраной труда занимаются также чиновники из Министерства труда. Так как выполнение обязательств по охране труда не оказывает никакого влияния на железный вохровский план (так считает хозяйственная иерархия), то эти обязательства частенько не выполняются или выполняются формально. В главе II первого тома показано, какие чудовищные потери нефти, газа и всяких химических соединений допускается в промышленности. Все эти чудовищные потери запланированы, поэтому «запланировано» отравление атмосферы не только цехов и отдельных предприятий, но и отравление атмосферы многочисленных городов. Запроектированная вентиляция промышленных предприятий либо недостаточно и частенько не работает, но «профсоюзных» деятелей это мало беспокоит. Описываемые «профсоюзным» босом – Тяжником недочеты по вентиляции, отоплению, освещению и состоянии спецодежды только в незначительной части характеризуют состояние охраны труда. Статистика аварий, несчастных случаев, профессиональных болезней плотно засекречена и если-бы даже каким-то чудом появились не бутафорские, а истинные общественные организации, свободные профсоюзы, которые могли бы и хотели бы защищать интересы своих избирателей-рабочих, то потребовалось бы очень много времени для того, чтобы разработать мероприятия по охране труда также тщательно, как в Саксии, Западной Гуннии, Колумбовии и других странах загнивающего капитализма. Засекреченные материалы по охране труда, которые накопили чиновничьи иерархии вохровских схем по «труду» и по «здравоохранению» использовать можно в весьма незначительной степени, так как они никогда не контролировались несуществующими свободными общественные организациями. Таковы издержки в фактической ликвидации свободных профсоюзов в Государстве Тмутараканском.

5. Автор о вохровской демократии

В свете приведенных высказываний вохровских вождей и их подручных, автор мог бы ограничиться теми комментариями, которые уже сделал в сносках, однако, последние следует в какой-то степени систематизировать.

В довиссарионовский период Лейбовым, Ильичевым и другими была подведена «теоретическая» база о «блестящей» производительности принудительного труда и о том, что «хлам демократии» (по-видимому величайший Ильичев разумел презренную буржуазную демократию) должен быть выметен. Великий семинарист блестяще осуществил перевод всего счастливого тмутараканского населения на разные виды принудительного труда.

До 38 г. в.в.э. принудительный труд применялся в многочисленных лагерях, в колхозах, вохрозах и на предприятиях. Совершенно естественно, что для осуществления применения принудительного труда в столь тотальных масштабах понадобился огромный полицейско-тюремный аппарат. Великие вохровские вожди оказались в весьма затруднительном положении.

Им пришлось доказывать, что организованная ими тотальная система принудительного труда, поддерживаемая огромным полицейским аппаратом на базе карлсизма-ильичевизма, и есть самая совершенная рабочая демократия, особая вохровская система демократического централизма. Вообще говоря, гениальные вохровские вожди блестяще справились с этой задачей.

Казалось бы, трудно доказать, что тотальная полицейско-тюремная система и есть самая совершенная рабочая демократия.

Но нет таких крепостей, которые вохры не могли бы взять. Уже к 15–20 г.г. в.в.э. была создана совершенная бутафорская система. Еще в 8 г. в.в.э. выдающиеся вохровские деятели Цветин и Книгарин достаточно цветисто рассказали о системе приемов, с помощью которых создается видимость демократии в партийной схеме. С тех пор бутафорская система этих приемов механизирована и автоматизирована с помощью мощных вохровских ведомств: печати, радио, телевидения, литературы и прочих многочисленных «идеологических» ведомств.

Эта бутафорская система настолько усовершенствована, что во всех схемах выборы осуществляются при тайном голосовании.

Как же осуществляются эти выборы? Почему печать стран загнивающего капитализма до окончательного подсчета голосов избирателей в странах загнивающего капитализма не может с уверенностью предсказать результаты выборов, даже при наличии опросов всяческих Институтов общественного мнения, и с легкостью может предсказать, что в Государстве Тмутараканском 99 и столько-то десятых процентов избирателей подадут свои голоса за блок вохровцев и беспартийных?

Потому что вохровская бутафорская система выборов полностью автоматизирована и крайне проста. Под руководством олигархов при очередных выборах соответствующие чиновники определяют состав делегатов в парламентах всего Государства Тмутараканского, отдельных «союзных республиках», «автономных республиках», городских, районных и сельских муниципалитетах.

На основании имеющихся статистических данных сплошного учета ЦСУ этот состав определяется для парламентов и муниципалитетов: по национальности, возрасту, полу, образовательному цензу, социальному положению и еще некоторым признакам. После того, как состав определен, производится соответствующая развертка по «республикам», краям, областям, городам, районам, селам. Эта развертка доводится до сведения соответствующих звеньев партийной схемы: ЦК национальных вохровских партий, обкомов, горкомов, райкомов. Эти звенья в свою очередь делают разверс тку по предприятиям, колхозам, вохрозам и учреждениям. В соответствии с этой разверсткой, секретари парткомов вместе с остальными двумя «углами» подбирают соответствующих кандидатов – «избранников народа». Остальное крайне просто. Необходимо «утвердить» кандидатов и затем «избрать» их. «Утверждение» кандидатов осуществляется по рецепту, столь ярко охарактеризованном еще Цветиным и Книгариным в 8 г. в.в.э.. Члены властвующей олигархии (Политбюро или Президиума ЦК) выдвигаются «кандидатами» одновременно в десятках избирательных округов. Затем по решению ЦК они благодарят «избирателей» и выбирают из десятков округов какой-нибудь один определенный округ.

Далее все завершается весьма просто. За счет великодушного вохровского государства, которое принимает на себя все расходы по выборам, печатаются и расклеиваются плакаты с портретами и биографиями «кандидатов». Впрочем, подавляющая часть «избирателей» не интересуется ни портретом, ни биографией «кандидата». Большую энергию проявляют бесчисленное количество доверенных лиц и «олигархов».

Впрочем, работа «агитаторов» также весьма упрощена. В начальный период царствования Виссарионова выпускались печатные книжечки, в соответствии с которыми «агитаторы» должны были вести «беседы» с «избирателями». К настоящему времени «морально-политическое» единство стало велико, что надобности в этом нет. «Агитаторы» ходят по квартирам и проверяют наличие «избирателей».

Эта проверка занимает 1–2 минуты для каждой квартиры.

Затем «агитаторы» еще раз приходят и вежливо напоминают, что следует пойти в избирательный участок и проверить правильно ли в списке обозначены фамилия, имя и отчество. В день «выборов» многочисленные рати «агитаторов» – на ногах. Они ходят по квартирам «избирателей» и поторапливают.

В списках отмечается, какой избиратель «проголосовал».

Кто не «голосует», тот «политически неблагонадежен». А в виссарионовский период за это можно было попасть в систему лагерного перевоспитания.

В результате «голосуют» практически все. Сам процесс голосования еще проще. «Избирателю» вручают соответствующие «бюллетени», он их опускает в урну, не глядя. Безусловно, подавляющее число «избирателей» не только не знакомы с «кандидатом», но им и нет никакой надобности знать фамилию единственного «кандидата» блока вохров и беспартийных.

Естественно, что весь бутафорский реквизит тщательно подбирается. «Избирательная» кампания проводится по тщательно разработанным «законам». Имеется бесчисленное количество избирательных комиссий. В прессе патриоты ко дню выборов принимают всяческие дополнительные обязательства.

На митингах высокопоставленные «кандидаты» благодарят «избирателей» за высокое доверие. В период царствования великого семинариста бутафория дополнялась высоко-патриотическими поступками «избирателей».

«Избиратели организовывали между собой конкурс, кто первый изберет любимого вождя. Кто приходил к избирательным урнам в 3 часа ночи, а некоторые (даже зимой) становились в очередь еще вечером за день до выборов. Затем в прессе печатались фамилии таких «избирателей-патриотов». Почему-то после смерти великого семинариста эта часть бутафории ликвидирована.

Таков совершенный, автоматический, технологический процесс «свободных вохров» в самые «свободные» вохровские «парламенты».

Этот же совершенный технологический процесс применяется при «выборах» «независимых» народных судей.

«Выборы» же по «профсоюзной» или «колхозной» линии проводятся по рецепту Цветина- Книгарина.

Для широких кругов населения не совсем ясно, как проводятся выборы правлений всяческих «добровольных» обществ типа «Осовиахим» Менделевического и т.п., а также обществ дружбы с различными народами.

Ясно только, как становятся членами этих обществ. После получения очередной зарплаты функционер-сборщик или сборщица просит внести 20 грошей или 10 грошей в качестве членского взноса в соответствующее общество. Жертва, чтобы отвязаться вносит эти 10 или 20 грошей и, таким образом, становится членом соответствующего добровольного общества. Члены же обществ дружбы с разными народами назначаются соответствующими звеньями партийной схемы.

Так выглядит самая совершенная в мире вохровская демократическая схема через полвека после великой вохровской революции.

Эта совершенная вохровская демократическая схема является законным следствием столь же совершенной вохровской бюрократической схемы.

Изменение вохровской демократической системы может быть осуществлено только в соответствии с изменением вохровской бюрократической схемы. О возможных изменениях вохровской бюрократической схемы отмечалось в главе IX.

И все же, в самом начале, непосредственно перед великой вохровской революцией, вохры выдвигали демократические лозунги. Так, Книгарин свидетельствует[i]: «В Государстве Тмутараканском мы сами выдвигали вначале Учредительное собрание как наш собственный лозунг и только в ходе революции этот лозунг изжили и пришли к необходимости откинуть эту устаревшую буржуазно-демократическую форму[ii]…

i Стенограмма VIII съезда, 3 г.в.в.э., речь Книгарина, стр.41.

ii К необходимости откинуть «эту устаревшую буржуазно-демократическую форму» вохры пришли потому, что оказались в Учредительном собрании в меньшинстве (прим. автора).

…В нашей программе категорически заявлено: экспроприация мелкой и средней буржуазии не допускается».

«Наиболее талантливый вохр из молодых» – Книгарин трактует демократию цинично, по-макиавеллиевски:[i] «Если бы партия приняла этот курс на народовластие (то есть, по эсерам – демократизм внутри трудящихся масс), то пролетарская власть (!) не могла бы держаться ни секунды...

…Чем более пролетарское содержание имеется в этой организации, тем большую степень демократизма мы можем себе позволить (!) и, наоборот, чем меньше проявляется пролетарский состав в этой организации, тем меньший демократизм мы можем себе позволить (!)… Чем больше функций воспитательных и функций лабораторно-мыслительных (подготовка идеологии, разработка ее и т.д.) у аппарата, тем больший демократизм необходим (!) и, наоборот, чем больше административных функций, тем меньше демократизма. (!) Этими двумя факторами исчерпывается основная премудрость, касающаяся демократизма[ii]… Наибольший демократизм допустим внутри нашей партии, а дальше – в зависимости от обстоятельств. Дальше идет уже нисходящая линия демократизма, и эта нисходящая демократизма будет иметь в военной организации наибольшее выражение…

Когда мы оцениваем, скажем, Кронградские события, разве для нас опасно то, что генерал Барековский и эсеры подняли военный мятеж в Кронграде? Самым опасным является то, что накануне перед этим в Ильичевграде были забастовки на ряде крупных заводов, что в момент, когда от пролетариата требуется величайшая напряженность, у нас среди кремлевских рабочих собирается конференция кожевников, которая выносит эсеровскую резолюцию, собирается конференция беспартийных металлистов, которая выносит тоже эсеровскую резолюцию...

…Так и было в прошлый период… Это была форма милитарного централизма, в методе работы – форма боевых приказов… Если признали военные боевые задачи основными, всё должно признать, вплоть до системы боевых приказов внутри партийной организации[iii]…».

Даже наиболее прямолинейные лидеры рабочих оппозиций – Кашкетников и Волков, одни из немногих, которых великий семинарист перед уничтожением никакими пытками не смог заставить согнуться и «каяться», настолько загипнотизированы тем, что такие божки, как Ильичев и Лейбов, ревизуют принцип демократии, что боятся сознаться в своем полном сочувствии принципам народовластия.

Кашкетников говорит[iv]: «Лейбов упрекал нас, что мы делаем фетиш из рабочей демократии. Это неправда. Но вот из бюрократического урода вы делаете фетиши, а мы нет…

…С другой стороны, я, грешный, никогда не заявлял относительно демократии, что это для нас нечто абсолютное… Я, например, не возражаю против того, что у нас существует учреждение, называемое ВЧК, хотя я отлично знаю, что такое учреждение, как ВЧК, само по себе плохо вяжется с рабочей демократией».

---

i Стенограмма X съезда, 5 г.в.в.э.,. речь Книгарина, стр.221-227.

ii Удивительный цинизм по отношению к принципу народовластия! (прим.автора).

iii Не только Лейбов превратился в солдафона, Книгарин также! (прим.автора).

iv Стенограмма X съезда, 5 г.в.в.э., речь Кашкетникова, стр.363, 397.

Глава XI
О вохровской опозиции

После разгона Учредительного собрания всякие прочие инакомыслящие партии кроме вохров были ликвидированы. Правда, некоторое время до объявления вохровского террора легально существовали некоторые группировки: новожизненцы, левые социалисты – революционеры и даже в какой-то степени анархисты и меньшевики. Но роль этих группировок была весьма незначительна. Роль оппозиционных группировок внутри самой вохровской парти была в течение первых лет после свершения великой вохровской революции весьма значительна и постепенно уменьшалась в соответствии с нарастанием вохровского тоталитаризма.

Первой и самой значительной оппозиционной группировкой в первые же месяцы после свершения великой вохровской революции была группировка самого величайшего Ильичева.

Спорным был вопрос заключения похабного мира с гуннами. Этот вопрос является темой I тома истории развития социализма и коммунизма Государства Тмутараканского, но автор вынужден осветить его в настоящей главе II тома Введения...., так как этот вопрос является стержневым для первой вохровской оппозиции, во главе которой стоял сам Ильичев.

1. Ильичевская оппозиция

Каково было военное положение гуннской и противогуннской коалиции в конце 1 г. в.в.э.? С выходом Государства Тмутараканского из войны, противогуннская коалиция лишилась многомиллионной скифской армии. Колумбовия, вступившая в войну весной 1 г. в.в.э., не могла сразу оказать противогуннской коалиции сколько-нибудь существенную помощь. Прибытие значительных контингентов колумбовских войск ожидалось не ранее лета 2 г. в.в.э.

К началу 2 г. в.в.э. гуннская коалиция располагала 370 дивизиями против 274 дивизий противогуннской коалиции, причем 75 гуннских и эстерийских дивизий находились на скифском фронте. На западном фронте Гунния имела 193 дивизии против 180 дивизий противогуннской коалиции:

У Гуннии было также превосходство в артиллерии.

У противогуннской коалиции был перевес в отношении авиации и танков.

Но экономическое и политическое положение гуннской коалиции было значительно более тяжелым, чем у стран противогуннской коалиции. Три года войны привели Гуннию на грань голода. До войны, в 4 г. до в.в.э., в Гуннии было собрано: 4,4 мил. тонн пшеницы, 12 мил. тонн ржи и 52,8 мил. тонн картофеля. В 2 г. в.в.э. – только 2,5 мил. тонн пшеницы, 8 мил. тонн ржи и 29,5 мил. картофеля. В июле 2 г. в.в.э. в Гуннии на душу выдавалось в неделю – 1250 грамм хлеба – суррогата и 62 грамм суррогата жиров. Смертность значительно превышала рождаемость.

За время войны Гунния только убитыми потеряла 2 миллиона человек, а вместе с ранеными и пленными – 7,5 мил. человек. К концу 1 г. в.в.э. боевые качества гуннской армии сильно понизились. Весь резерв, который мог быть влит, не превышал 100 тыс. человек. Железнодорожный и автомобильный транспорт был сильно изношен, и возможности для его восстановления не было. Резко сократилось количество лошадей. Недостаток сырья не давал возможности оснащать войска соответствующей новейшей техникой, особенно танками и самолетами. Велико было дезертирство. Даже многие солдаты, находившиеся на передовой линии, уклонялись от участия в боях.

Индекс стоимости жизни в Гуннии к 2 г. в.в.э. составил 314 против 100 в 4 г. до в.в.э., а индекс зарплаты – только 220. Великая вохровская революция оказала значительное влияние на гуннское население.

9 ноября состоялись митинги и демонстрации в Линбере, Сенэсе, Пепелингене, Гамгоре и многих других городах. Свыше миллиона рабочих участвовало в этих демонстрациях. Они требовали мира. Начались стачки. Первая волна стачек была подавлена. 28 января 2 г. в.в.э. в Линбере разразилась новая забастовка. Прекратили работу все крупнейшие военные заводы. Рабочие избрали Совет, требовавший заключить мир без аннексий и контрибуций.

Массовые стачки произошли в Хенмине, Гамгоре, Сенэсе и других городах. Однако,движение рабочих было подавлено.

Положение союзников Гуннии было еще хуже.

Экономика Эстерии была совершена дезорганизована. В начале 2 г. в.в.э. в стране был голод. Министр иностранных дел Эстерии Белкин докладывал императору 15 января 2 г. в.в.э.:

«Мы в продовольственном вопросе стоим непосредственно перед катастрофой. Положение ужасное, и я опасаюсь, что уже слишком поздно предотвращать полный крах, который следует ожидать в ближайшие недели». Дезертирство из армии приняло массовый характер. В апреле 1 г. в.в.э. Белкин писал императору: «Совершенно ясно, что наша военная сила исчерпана... новая зимняя кампания совершенно невозможна: другими словами, в конце лета или осенью нужно заключить мир какой угодной ценой... Я твердо убежден, что силы Гуннии, как и наши, пришли к концу, чего не отрицают и ответственные политики в Линбере. Если монархии гуннской коалиции не сумеет в ближайшие месяцы заключите мир, то народы заключат его через наши головы и тогда волны революции снесут все...»

В Эстерии было убито 1440 тыс. человек, ранено, контужено и отравлено газами – 1980 тысяч. Попало в плен и пропало без вести – 1800 тысяч.

Победа великой вохровской революции получила также отзвук в Эстерии. В Жиле 11.XI.1 г. в.в.э. состоялись митинги и демонстрации. В десятках других городов Эстерии также происходили бурные демонстрации Центральный Комитет эстерийской социал-демократической партии высказался в поддержку вохровских мирных предложений. Движение против войны сопровождалось грандиозной стачкой рабочих. 14 января 2 г. в.в.э. забастовали рабочие военных заводов Жилер-Нейграда, к ним присоединились рабочие Жилы, а 16 января стачка охватила все промышленные районы Эстерии. Бастовало около 700 тысяч рабочих 16 января 2 г. в.в.э. в Жилер-Нейграде был создан первый Совет рабочих депутатов, а 18 января – Советы в Жиле.

18 января у председателя Совета Министров состоялось совещание с лидерами социал-демократов, представлявших Жилский Совет рабочих депутатов. Правительство обещало не занимать аннексионистких позиций во время мирных переговоров в Тсербе. Жилский Совет постановил 21 января возобновить работу на заводах.

18 января началась забастовка в Иегонаште. 1 февраля 2 г. в.в.э. началось восстание Эстерийской крейсерской эскадры в порту Ротоке, охватившее более 6 тысяч моряков и 40 судов. Восставшие матросы потребовали немедленных переговоров о мире со всеми воюющими странами. Восстание было подавлено гуннскими войсками. Восстания солдат и забастовки начались вновь в июне 2 г. в.в.э. и продолжались весь год.

Юговосточная Скифия испытывала продовольственный кризис. Многие предприятия прекратили свою работу. Посевные площади сократились. В конце 1 г. в.в.э. начались волнения в армии Юговосточной Скифии. Весной 2 г. в.в.э. были подняты восстания в некоторых воинских частях. Вскоре волнения произошли во многих полках. За февраль – март 2 г. в.в.э. наказанию подверглось 40 тысяч солдат и 800 офицеров, из которых более 2,5 тысяч были казнены.

Положение Янычарии было крайне тяжелым. Транспорт был расстроен. Финансы дезорганизованы. Не хватало продовольствия. Количество дезертиров янычарской армии превышалось численность солдат на фронте.

Таково было весьма печальное военное и экономическое положение гуннской коалиции ко времени тсербских гуннско-вохровских переговоров в начале 2 г. в.в.э.

Положение противогуннской коалиции через 3 года после начала войны было значительно лучше, чем стран гуннской коалиции.

Предпринятая Гуннией подводная война не смогла прекратить поставку вооружения, сырья и продовольствия из Колумбовии и других стран.

В Галлии, Саксии, и Латинии не были исчерпаны людские ресурсы. Кроме того гальская и сакская армии получали пополнения из колоний.

Значительно усилило позиции противогуннской коалиции вступление Колумбовии в войну на ее стороне. 18 декабря 1 г. в.в.э. состоялась встреча представителей сакского правительства и представителя Эстерии. Сакские представители предлагали Эстерии заключить сепаратный мир и обещали расширение ее сферы влияния.

Однако эстерийское правительство, несмотря на тяжелое военное и экономическое положение страны, считало военное положение Гуннии прочным вследствие фактического выхода Государства Тмутараканского из войны.

По этим же причинам безрезультатно кончились саксо-эстерийские и галло-эстерийские переговоры в феврале – марте 2 г. в.в.э.

Примерно, в то же время представители противогуннской коалиции выяснили возможности заключения сепаратного мира с Янычарией. Все эти официальные и неофициальных переговоры в конце 1 г. в.в.э. и начале 2 г. в.в.э. ни к чему не привели, так как у гуннской коалиции появились новые надежды в связи с великой вохровской революцией в Государстве Тмутараканском.

В связи с заключение похабного ильичевского тсербского мира гуннское командование сократило количество солдат в Государстве Тмутараканском до 500 тысяч. Все остальные были переброшены на Западный фронт. Туда же в значительном количестве перебрасывались также войска с Латинского фронта после нанесенного латинянам поражения.

21 марта 2 г. в.в.э. гунны, сосредоточив на Западном фронте только 193 пехотных дивизий, 15700 орудий и 2800 самолетов, начали наступление.

Однако, несмотря на выход Государства Тмутараканского из войны и использование ресурсов Малоскифии, гунны потеряв за 1-ую половину 2 г. в.в.э. 700 тысяч солдат, к июля 2 г. в.в.э. выдохлись и с этого времени инициатива прочно перешла к противогуннской коалиции. Начали прибывать колумбовские войска. Летом 2 г. в.в.э. противогуннская коалиции уже имела 210 дивизий против 207 гуннских. Гунны больше не были в состоянии восполнить потери.

Такова была военная ситуация к периоду тсербских переговоров между вохрами и гуннами. Ильичев и его группа выступали за заключение любого похабного мира на любых условиях с гуннами. Его группа фактически была в меньшинстве и, следовательно, находилась фактически в оппозиции.

Ниже приводится дискуссия вохров по вопросу о мире и войне с гуннами.

Сводка ответов на вопрос «Мир или война», полученная в ЦИК'е[i]:

За мир – 95; за войну – 105.

Заседание ЦК 24.I 2 г. в.в.э[ii]:

Феликсов заявляет, что подписание мира есть капитуляция всей вохровской программы...

«Пролетариат не пойдет за нами, если мы подпишем мир».

Сохлар говорит, что Ильичевградская организация протестует и считает возможным только позицию революционной войны.

Лейбов предлагает поставить на голосование следующую формулу: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем».

---

i Стенограмма VII съезда, 2 г. в.в.э., 6-8. III, стр. 228.

ii То же, стр. 245-246.

За формулу – 9 голосов, против – 7.

Заседание ЦК 1.II. 2 г. в.в.э.[i]

Виссарионов находит... что выход из тяжелого положения дает средняя «точка» – позиция Лейбова.

Решение двух ЦК вохров и левых социалистов – революционеров[ii]:

Течение о том, что необходимо подписать мир оказалось в меньшинстве.

Заседание ЦК 23/II 2 г. в.в.э.:

Феликсов: «Передышки не будет, наше подписание будет, наоборот, усилением гуннского империализма. Подписав условия, мы не гарантируем себя от новых условий. Подписывая этот мир, мы ничего не спасем! Но согласен с Лейбовым, что если бы партия была достаточно сильна, чтобы вынести развал и отставку Ильичева, тогда можно было бы принять решение, теперь нет...»

Ильичев: «Виссарионов неправ, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишите, то подпишите смертный приговор вохровской власти через 3 недели...»

Лейбов: «В позиции Ильичева много субъективного. Неверно, что есть только один выход. У меня нет уверенности, что его позиция правильна, но я ничем не хочу мешать единству партии.

За принятие немедленно гуннских предложение – 7; против – 4; воздержались – 4.

За: Ильичев, Тасова, Радомыслов, Яковлев, Виссарионов, Орловников, Трулга.

Против: Червев, Ицкур, Книгарин, Целов.

Воздержались: Лейбов, Полумесяцинский, Феликсов, Лурье.

Полумесяцинский оглашает заявление, подписанное Лурье, Феликсовым и им:

«...Как и 17/II, мы считаем невозможным подписывать сейчас мир с Гуннией. Но мы полагаем, что с теми огромными задачами, которые встали перед пролетарской революцией в Государстве Тмутараканском после гуннского наступления и встанут особенно после отклонения гуннского ультиматума, может справиться только объединенная вохровская партия. Если же произойдет раскол, ультимативный, заявленный Ильичевым, и нам придется вести вести революционную войну против гуннского империализма, скифской буржуазии и части пролетариата во главе с Ильичевым, то положение для скифской революции создается еще более опасное, чем при подписании мира. Поэтому не желая своим голосованием способствовать созданию такого положения и не будучи в состоянии голосовать за мир, мы воздерживаемся от голосования по этому вопросу...»

Ицкур оглашает следующее заявление:

«От своего имени и членов ЦК: Книгарин, Целова, Червева, кандидатов в ЦК: Яковцева, Гривенникова и Храброва заявляю, что мы, не желая нести ответственность за принятое решение, которое мы считаем глубоко ошибочным и губительным для скифской и международной революции, тем более, что решение это принято меньшинством ЦК, так как 4 воздержавшихся, как явствует из их мотивировки, стоят на нашей позиции, мы заявляем, что уходим из всех ответственных партийных и вохровских постов, оставляя за собой полную свободу агитации, как внутри партии, так и вне ее, за положения, которые мы считаем единственно правильными...»

Ниже приводятся выступления Ильичева и его немногочисленных сторонников и противников похабного мира с гуннами. Через 4 месяца после свершения великой вохровской революции величайший Ильичев подводил итоги, но бухгалтером оказался неважным. Он говорил[iii]: «... Во всем Государстве Тмутараканском вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью, именно потому, что плод созрел..... Если мы так легко побеждали..... и создали вохровскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания – так что оставалось

i Стенограмма VII съезда, стр. 249.
ii То же, стр. 249.
iii Стенограмма VII съезда, 2 г. в.в.э.,. стр. 111, речь Ильичева, стр. 9-20.

только сказать последнее слово, сменить вывеску: вместо «Совет существует, как организация профессиональная» написать: «Совет есть единственная форма государственной власти» - то совсем не так обстояло в отношении задач организационных.

Тут конфликт (в международной области) является неизбежным. Здесь величайшая трудность скифской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узко национальной к мировой. Эта задача стоит перед нами во всей своей невероятной трудности.... Почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после свершения великой вохровской революции мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу? А между тем, это было так только потому, что специфически сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Мы попали как раз в такой момент... Наша революция попала как раз – это парадоксально, но это справедливо – в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство стран империалистических, в виде уничтожения миллионов людей, когда война измучила народы неслыханными бедствиями....

Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент – только этим моментом... могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое триумфальное шествие....

... Этим объясняется, что у нас явились в передовых кругах нашей партии... интеллигенты – сверхчеловеки... которые сказали: с международным империализмом мы справимся, там тоже будет триумфальное шествие, там настоящих трудности нет....

Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли дело в руки одной вохровской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах и, в конце концов, – а не в начале начале, какие бы поражения нам не были суждены, международная социалистическая революция придет. Наше спасение от всех этих трудностей – повторяю – во всеевропейской революции...

...Как, вообще, вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не была против этой демобилизации... Что же, мы совершенно с ума сошли? Офицеры, не вохровцы, говорили еще до великой вохровской революции, что армию на несколько недель на фронте не удержать....

Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больших, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот, что мы чувствовали когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое – демобилизовать армию...

Но мы все, со времени великой вохровской революции, стали оборонцами, признающими защиту отечества...

... Во всяком случае, при всевозможных мыслимых перипетиях, если гуннская революция не наступит – мы погибли[)].

Революция придет не так скоро, как мы ожидаем.

... Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в стране скифского царя и Гршатина в такой стране начать революцию было легко. Это значило – перышко поднять.

В Европе революция не началась, хотя может начаться завтра.... это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет.

... Мы предполагали, что Ильичевград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам гуннские войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и рабочие, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, получился неслыханный хаос, паника,

заставившая войска добежать до Чинагата, когда переживали то, что брали нами не сданное, причем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого гунна нет, станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщил мне из комиссариата путей сообщения: «Занята следующая станция, мы приближаемся к Ямгору. Никакого гунна нет. Телеграфист занимает свое место».

... Если бы следовали правильной стратегии, то имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправильной, мы имеем только 5 дней передышки, – и это хорошо. Когда мне цекисты пишут: «демонстрация бессилия», «предательство» – это вреднейшая, ребячья фраза. Тактика Лейбова, поскольку она шла на затягивание была верна, неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан... Объявлять сейчас войну Гуннии, значит поддаваться на провокацию буржуазии и всех ее прихвостней.

Демонародовцы и новожизненцы втравливают нас в эту войну всеми силами.

Наши разногласия были в том, что гунн: наступает или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступать физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают, что ни на есть гнусный мирный договор. Наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признаем.»

Почти единственным твердым сторонником Ильичева был Яковлев, он говорил[i]: «Я должен сказать и от своего имени и от имени тех товарищей, которые вместе со мною разделяя общую для всего ЦК точку зрения, впоследствии решили подписать мир, что все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента, нужно затягивать, как можно дольше, во что бы то ни стало. Все мы отстаивали как раз ту позицию, которую ввела вначале наша тсербская делегация во главе с Лейбовым и можно поставить в вину ЦК только то, что как раз в тот момент, когда мы получили извещение генерала Гофчела, что состояние войны считается возобновленным – в своем вечернем заседании – 17 числа, мы не решили, как ЦК – подписание мира, а решили на второй день, после того, как наступление началось, после того, когда Воксп был взят....

Армия является ничем иным, как частью крестьянской массы. Армия эта сейчас разбежалась. Это непреложный факт, что крестьянство не хочет войны.... и могу сказать определенно, что в широких рабочих массах нет такого боевого настроения. И сколько бы мы ни говорили о революционной войне, от этого еще не загорится пожар, от этих разговоров еще ничего не сделается... Вчера Лейбов предложил нам соответствующую резолюцию о том, что с Водиченко мы не допустим. Но мы ее отвергли, не признали невозможным и мир с Водиченко...»

Бледно выступили и два других сторонника Ильичева Темар и Трулга.

Темар сказал[ii]: «... Объявление войны Гуннии, если мы откажемся ратифицировать договор означает только одно, что мы пытаясь спасти положение, делаем его еще хуже....

Нам говорят, что если мы сейчас при условиях, в которых находимся, ратифицируем мир, то это будет предательством по отношению к рабочим Латии, Малоскифии и других., но я вас спрашиваю: разве, если мы объявим войну сейчас, они будут в лучшем положении?

В этих условиях, очевидно, многие из вас думают, что сию минуту нужно уйти в отставку... есть, кажется и другие товарищи, которых почему-то называют левыми и которые предлагают благородный жест – вынуть шпагу и погибнуть, оставив по себе хорошую память...».

Трулга сказал[iii]: «... В январе на расширенном собрании ЦК вместе с партработниками нас сторонников мира – мира похабного – было меньшинство... Большинство собрания было за войну революционную...».

Аргументы многочисленных противников Ильичева намного более аргументированы.

---

i Стенограмма VII съезда, стр. 77, речь Яковлева.

ii Стенограмма VII съезда,. речь Темара, стр. 86-88.

iii То же, речь Трулга, стр. 53.

Книгарин говорил[i]: «... С самого начала мы говорили, что скифская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет... Совершенно неправильно утверждение Ильичева, которым он спекулировал все время, якобы, «герои фразы», «что гунн наступать не будет» Я неоднократно писал, что возможно наступление гуннов (как редактор «Кривды»)... Точка зрения Ильичева отличается тем, что он не видит тяжести положения...

... Факты говорят вот что: параллельно с возвратом к точке зрения необходимости подписания мира идет возврат к точке зрения необходимости учредительного Собрания и единого фронта...

... Мы утверждали, что выгоды, проистекающие из подписания мирного договора являются иллюзией. Иллюзиями живет Ильичев, а не мы....

Необходимо сделать заключение, что сила гуннско-эстерийской империалистической коалиции не есть такая величина, по сравнению с которой скифская революция является простым мирным зверьком. Когда мы говорили о перспективе столкновения империалистической коалицией с «мирным зверьком» русской революции, то мы должны дать себе ясный отчет, что нам в этом столкновении, в особенности на первых порах, предстоит ряд сплошных поражений. Тем не менее мы говорим о том, что мы можем принять перспективу немедленной войны с империалистами.

Мы говорим, что в самом процессе этой борьбы, в которую постепенно будут втягиваться все большие и большие массы с нашей стороны, – в лагере империалистов, наоборот, будет появляться столько же элементов дальнейшего распада. Ильичев говорит, что мы должны брать каждую минуту, каждый день, мы должны ловить каждую передышку, хотя бы она длилась всего день. Прежде всего, надо дать себе отчет, для чего нужна нам эта передышка? Ильичев отвечал, что она нужна для упорядочения железной дороги, для организации экономической жизни, для налаживания того самого вохровского аппарата, который еще не налажен (нужно признать, который не могли наладить за 4 месяца)... В последней своей статье 5.III.2 г. в.в.э., в последних выступлениях Ильичев говорит: «берите передышку хотя бы на несколько дней».

... Я утверждаю, что овчинка не стоит выделки....

Передышка на несколько дней нам ничего не даст, потому что ни перестроить железные дороги, ни обучить население, хотя бы только пролетарское, мужское, стрельбе, ни наладить транспорт, ни наладить экономическую жизнь.... в несколько дней нельзя. Такая работа требует, по меньшей мере месяцев(!), а передышку на месяцы ни генерал Гофчел, ни Либраб не дадут.

... Дело вовсе не в том, что мы протестуем против позорных и прочих условий мира, как таковых, а мы протестуем против этих условий, потому что они фактически этой передышки не дадут. Это есть иллюзорная вещь, которую можно считать фразой...

При оценке акта подписания ратификации мирного договора должны приниматься в расчет все минусы и плюсы. Единственный плюс – это передышка. Возможности этой передышки раздуты до невероятной величины

Что касается минусов... От нас отрезают Малоскифбасс, то есть центры, питающие скифскую промышленность, нас отделяют от хлеба и угля. Рабочий класс и рабочее движение раскалываются, следовательно, сила его ослабляется.... Самые основные центры рабочего движения, как Латия, как вохровская Малоскифия, выпадают совершенно.... Многие наши экономические мероприятия аннулируются... имеются пункты относительно соблюдения интересов иностранных подданных... более того, в числе условий мира имеются 2 пункта, которые сводят на нет и международное значение скифской революции. Отказываясь от интернациональной пропаганды, мы отказываемся от самого острого оружия. Последний пункт договора гласит, что Государство Тмутараканское обязано сохранять независимость Ирсии и Афнагии...

Но мне кажется, что выход есть... Этот выход, который отвергается Ильичевым и который с нашей точки зрения необходим, этот выход есть революционная война против гуннского империализма.

---

i То же, речь Книгарина, стр. 24-38; 101-109.

Ильичев и его сторонники подавляют внимание публики целым рядом ужасных фактов, но они говорят: «война будет возможно через 2 дня, после двухдневной передышки»(!) Где же тут логика?..

Мы говорим: так истории не делается. Оппортунисты не учитывают самого важного факта – это организация борьбы растет в самом принципе борьбы... Чем дальше неприятель будет продвигаться вглубь Государства Тмутараканского – в более невыгодные для себя условия он будет попадать... Что противопоставляете распаду пролетариата? Налаживание экономической жизни?

Вы сможете ее наладить только после долгих месяцев... Этому распаду можно противопоставить только дело сплочения пролетариата под лозунгом священной войны против милитаризма и империализма.... Не могут не разбегаться те рабочие, которым сегодня говорят «мир», а завтра «война» – не могут не разбегаться те крестьяне.

Если мы будем продолжать старую тактику, если будем кормить пролетариат, крестьян рассуждениями о том, что никакая война невозможна, мы в конце концов разложим и ту вохровскую армию, которая у нас имеется...

Конечно, широкие массы – крестьянские массы, остатки солдатских масс – чрезвычайно трудно психологически перевести на новую линию. Ведь, когда мы были в оппозиции, когда Рекенский всячески взывал к защите отечества, мы всячески разлагали волю к защите этого отечества... Теперь у нас колоссальный сдвиг. Совершенно правильно говорил Ильичев: «Мы стали оборонцами, но оборонцами социалистического отечества»...

... Нужно решить, возможна ли объективно война или нет. Мы отвечали, что возможна, наши противники утверждали, что невозможна... Я вчера слышал от вашего сторонника т. Ильичев, от Поягодна, приехавшего с Северного фронта, что солдаты в значительной степени бежали потому, что они не понимали совершенно той нелепой позиции, которую занимают руководящие круги нашей партии. Солдаты говорят со слов наших вождей, что война невозможна и поэтому они отказываются воевать и проливать даром кровь. Поэтому они удирали все до последнего человека...

Ильичев не согласен с той прямолинейной позицией, которую защищают его сторонники – это я положительно утверждаю... если он полагает, что через 2-3дня мы в состоянии будем вести войну, то для чего он покупает такой ценой этот договор, наносящий нам неисчислимый вред и шельмующий нас в глазах всего мирового пролетариата?

... Передышку Ильичев исчислял сначала месяцами, потом днями, потом часами... На наших глазах передышка превращается в точку... Ради этой материальной точки платить такую дорогую цену, какую собирается платить Ильичев, не стоит. Вы слышали от него здесь, что он готов заплатить ценой даже в 100 раз большей. Такого расчета, такой бухгалтерии понять никоим образом невозможно. (Ильичев дает реплику: «очень возможно»)...(!!)

Есть 2 перспективы: I – сперва полная организация, потом борьба; II – организация сил во время борьбы... Нужно без всяких фраз учить, какая из этих двух перспектив возможна. (Ильичев с места «ясно, что обе»). Я утверждаю, что I-ая перспектива, на которую базирует свою тактику Ильичев абсолютно утопична и является сплошной фразой... Сколько нужно времени, чтобы организовать армию по всем правилам военного искусства? для этого нужны вовсе не часы – от 5часов такого-то дня до 7 часов другого, как высчитывал Ильичев(!!), – для этого нужен очень и очень солидный промежуток времени. Ильичев утверждает, что мы говорим о начавшемся в Западной Европе пожаре революции, что мы рисуем розовыми красками, когда нужно рисовать черными красками.

Сам же он малюет черными красками только по одной линии, утверждая, что мы не можем воевать... Одно ясно, что такой передышки мы не получим (при сохранении рабочего характера вохровской власти) (Ильичев: «уже получили»). Пока мы получили передышку только для того, чтобы состоялся наш съезд...

Таким образом, у нас остается лишь вторая возможность, этот исход – мобилизация сил в процессе борьбы...

Яковлев говорил, что мы делаем последнюю уступку, но прошло всего несколько дней, как была сделана новая уступка – Тумаб, Срок и прочее. Вчера Лейбов рассказывал, что готовится еще ряд уступок, а Ильичев обещал, что уступит еще 100 раз... При таком положении дел у нас действительно не остается ничего... Сейчас, например, готовится даже сдача Малоскифии, то есть выдача наших малоскифских товарищей, – и тут дело не в том, что мы уступаем территорию, а в том, что мы готовимся сделать с малоскифскими Советами то, за что мы клеймим буржуазную Раду по отношению к нам...

Если будут дальше говорить о том, что мы раскольники, что мы стремимся к расколу в трудный момент, то это неверно. Мы говорим, что мы не раскольники, мы хотим только обсуждать вопрос, не отделывался фразой и не запугивая авторитетом, мы хотим серьезно подойти к вопросу и принять серьезное решение, достойное нашей партии, а не голосующей скотины(!)...»

Другой прямолинейный противник группы Ильичева – Ицкур говорил[i]: «...Тщетно ожидали мы услышать от Ильичева ответа на все те вопросы, которые мы все время ему ставили. В правоте позиции он нас не убедил.

...Неужели мы будем продавать Малоскифию и заключать мир с Пелтюрой?(!!)

Ильичев приписывает нам то, что мы никогда не говорили, но что говорили другие и заставило пойти его на компромисс. Такое утверждение он приписывает нам, а потом заявляет: «факты говорят против вас».

Между тем Ильичев согласен вести революционную войну, если мы ему гарантируем, что революция в Гуннии начнется через 3-4 месяца(!) С той же самой армией (он говорит, что у нас имеется лишь опереточная армия) он готов был бы воевать и отступать до Урала, если мы ему революцию гарантируем. Конечно, такой гарантии мы дать не могли, точно так же, как он не даст гарантии, что революция не начнется сейчас....

Я думаю, что эти факты направлены не против нас, а в гораздо большей степени против вас т. Ильичев...»

Червев отмечал противоречивость позиции Ильичева[ii]: «...Когда Ильичев высказывался против сепаратного мира, то его аргументация чрезвычайно близко подходила к аргументации, выдвигаемой на одном из заседаний ЦК – Пчелинским; он говорил так: «Мы сепаратный мир отвергли потому, что мы его отвергаем, как всякое соглашение с капиталистами» Мы представляем себе революционную войну именно в виде войны наступательной. Он говорил, что мы станем во главе всех угнетенных народов в борьбе против гуннских и сакских империалистов.

...Мы понимаем, что сейчас революционную войну в тех формах, в которых мы представляли в апреле или в июле 1 г. в.в.э., сейчас такую революционную войну вести нельзя. Нужно принять ее в той форме, в которой она возможна. Ильичев говорил относительно повстанческого сопротивления. Таким образом, в своих тезисах он предполагал такую возможность. И у нас теперь действительно революционная война возможна только в форме войны партизанской...»

Следует отметить, что больше всего суть разбираемого вопроса о войне и мире, понимал один из многочисленных оппонентов Ильичева – умница Пчелинский. Он говорил[iii]: «...Ильичев поставил вопрос таким образом, как будто бы до самого последнего момента тмутараканская революция жила благополучно под крылышком международного империализма и тмутараканская революция пришла к первому столкновению с гуннским хищником. Подобная постановка в значительной мере дает основание Ильичеву упрекать товарищей в недостаточно точной постановке вопроса: когда на нас производит совершенно неожиданный натиск гуннский империализм, мы своей строптивостью затрудняем заключение мира, который надо взять во что бы то ни стало.

Такую постановку вопроса я считаю в значительной мере легкомысленной...Еще летом, в то время, когда провалилось наступление Рекенского, когда гунны перешли в контрнаступление на агирском

i Стенограмма VII съезда, речь Ицкура, стр. 41-42.
ii Стенограмма VII съезда, речь Червева, стр. 51.
iii Стенограмма VII съезда, речь Пчелинского, стр. 82-85.

фронте, они несомненно имели полную возможность раздавить скифскую революцию, как и скифскую армию. Почему они не сделали этого?... Потому что они рассчитывали достичь своей цели еще более легким способом. Они дожидались внутреннего разложения, которое, по их мнению, должна была принести скифская революция, ожидали победы партии мира(!), которой они считали скифских вохров. Они рассчитывали более простым путем путем прийти к желанному концу.

Впоследствии условия сильно изменились. Начались эти изменения с момента возникновения тсербских переговоров.... Определенно обнаружилось, что вохровская партия не является просто партией мира, а международной революционной партией. С вохрами столковаться невозможно и через них невозможно даже получить хлеба.

...В силу этого гуннские империалисты должны были перейти в наступление и брать то, что им было необходимо... Положение вытекает из развития революции, которое обнаружилось во время тсербских переговоров и «горе-левые» товарищи совершенно невиновны в том, что условия мира ухудшились.

Это происходило оттого, что гуннские империалисты поставили себя целью смести во что бы то ни стало вохровскую власть, которая оказалась совершенно неработоспособной с их точки зрения, совершенно неспособной заключить с ними ту сделку, которая была нужна. Если Ильичев считает, что только теперь мы вышли из крылышка, что мы должны оставаться реальными политиками, то я спросил бы его: почему он раньше не стал на эту позицию, почему он не искал разумной сделки, какую заключила Малоскифская Рада с гуннским империализмом? Малоскифская Рада вышла целехонькой.

... Раз вы начали революционную политику, которая неизбежно должна была привести к столкновению, вы не можете заключить мира, который должен подавить ваши основные стремления... Теперь о похабном мире. Вы говорите, что заключив этот мир, мы можем ценой частичной уступки, спасти большую часть своих завоеваний. Мы отдаем на разграбление Малоскифию, Суомию, Эстию и прочее, но мы спасаем этим арифметически большую часть революции.

Как экономист... я считаю этот аргумент поразительно легковесным. Недооценивается обстановка, в которой заключается эта сделка, недооцениваются силы: одна – стальной аппарат Гуннии, другая – разложенный аппарат Государства Тмутараканского. Я утверждаю, что та сделка между Государством Тмутараканским и гуннским империализмом, которую Ильичев хочет заключить за счет частичного подчинения гуннскому капитализм,у не создает спасения для другой части. Она создает то, что «кого-ток увяз, всей птичке конец». Начнется поглощение и подчинение нашей более слабо организованной страны организованному гуннскому капитализму. Именно так ставят вопрос трезвые и реальные гуннские политики.

Нужно спросить Ильичева вовсе не о том, на какой срок предполагается заключить сделку, нет, он должен сказать, считает ли он эту передышку, реально дающей некоторый покой нам.... Если вы это считаете, то в таком случае неизбежно с разложением экономического организма Государства Тмутараканского, крепнет организм финансового капитализма Гуннии, начнется автоматическое подчинение, экономическое втягивание Государства Тмутараканского в орбиту его доминирующего влияния.

Ильичев указывал, что эта передышка дает возможность некоторой экономической организации страны. Подходя к вопросу с чисто экономической стороны, я должен констатировать, что этого типа передышка никакой возможности организации не даст. Ильичев сказал, что нам придется почти в нелегальных условиях организовывать ее. При той громадной расшатанности хозяйственного организма, которое мне, как работающему в ВСНХ и руководящего этим делом, отлично известно, возможно ли в нелегальных условиях организовать производство?

Совершенная бессмыслица....

.... Разговоры относительно упорядочения продовольственного дела, железнодорожного транспорта, экономики хозяйства и прочее, я лично считаю пустыми фразами, которые ничего не дадут.... полное излечение, полная передышка могли бы прийти нескоро.... Только в том я согласен с Лейбовым, что только вмешательство международной революции может нас спасти. Но временное излечение, временный подъем, сохранение тыла для той войны, которую нам неизбежно придется вести, возможны только путем вохровской политики, путем перехода и более радикальным мероприятиям, чем те,

которые мы проводили; только в этом наше экономическое спасение, но последнее возможно в случае полного разрыва с гуннским империализмом. В случае, если вы пойдете на сделку, гунн сядет нам на шею, и тогда уже никакой организации провести мы не сможем. Все те обещания, которые дает Ильичев являются совершенно пустыми речами. Единственно, кто нас сможет спасти – это международный пролетариат...»

Карлек подчеркивает Ильичевские шатания[i]: «...Когда великая вохровская революция свершилась перед партией стояли те же два пути: первый – это заключение компромисного мира с гуннскими империалистами. Почему же тогда ни Ильичев, ни другие члены ЦК не стали на пути компромисса. Товарищи цекисты не решились тогда вступить на путь компромиссного мира....

....Поэтому была отправлена делегация в Тсерб, которая до января вела определенную политику. Я напомню Ильичеву, когда пришли сведения о больших демонстрациях в Гуннии и Эстерии, я спросил его, как он смотрит на общее положение. Он ответил одним словом «рвать»

....Усилили ли мы свои шансы в Гуннии, разогнав Учредительное Собрание?

Нет, этим мы дали материал для агитации против нас, мы только усилили мысль о том, что мы сидим на штыках(!)

...Неужели, вы думаете товарищи, что если бы Лейбов в Тсербе сказал: «хорошо, будем торговаться», это подняло бы рабочих? Понятно, что революционное настроение в Западной Европе подняла только наша борьба, она сделала возможным забастовку. Даже шовинистическая гуннская пресса должна была признать, что пролетариат Гуннии против Гинденгора, за Лейбова....

Лейбова можно упрекать не за Тсербский акт, это была попытка поощрения революционного движения. Упрекать Лейбова можно за то, что после Тсербского акта он перешел на другую сторону и воздержался от голосования

...Когда мы говорили о партийной войне тут не было никакой фразы....

...Знатоки военного дела сходятся на том, что если правительство решиться оставить Ильичевград и уехать в глубь страны, оно способно создать военные кадры за 3 месяца. За это время гунны не способны итти вглубь страны.... ввиду положения дел на Западе. За это время мы в состоянии создать силу, которая будет затягивать войну, защищаться. Это не будет трудно для вохровской власти..... Если мы подпишем условия мира, то слыша призывный клич на помощь, мы будем молчать. Тогда нам будут говорить: «Вы нас звали на борьбу, а теперь оставили коршунами на растерзание». Мы будем слышать, как расстреливают наших товарищей – партизан и будем вынуждены молчать.... Нет ничего более опасного, чем иллюзии после поражения. Эти иллюзии в равной степени опасны даже для всех реальных политиков революции.

Я думаю, что в этом роковая ошибка, за которую Ильичеву придется расплачиваться, а не Тсербский акт...»

Пылкая и интеллигентная Столбтай тоже за революционную войну. Она говорит[ii]: «..Прелиминарный мир подписан, а война продолжается... если он будет ратифицирован, едва-ли будет представлять собой больше, чем бумажку, которую подпишут обе стороны... я думаю, что сама жизнь не дает возможности передышки.

Мир сейчас уже стал невозможностью... Будет ли подписан мир или нет, но мы должны сказать, что сейчас уже началась другая война.... ясная война белых и красных.... Именно в этот момент нам приходится оценивать вопрос о мире с нашей обычной точки зрения, то есть с той, с которой мы подходим всегда к каждому мероприятию – укрепит ли мир интернациональную солидарность рабочего класса...

Нет, товарищи, как раз мир не укрепит интернациональной солидарности, революционной воли... Сейчас подписание мира явилось бы предательством перед Суомией.

---

i Стенограмма VII съезда, стр. 57-61, речь Карлека.

ii Стенограмма VII съезда, речь Столбтай, стр. 88-89.

... Мы должны использовать этот момент, создавая интернациональную революционную армию. И если погибнет наша вохровская республика, наше знамя поднимут другие. Это будет не защита отечества, а защита трудовой республики. Да здравствует революционная война!..»

Золотенбах со свойственной ему горячностью и остроумием разоблачает Ильичева[i]: «...Лейбов предлагал устроить Государство Тмутараканское по-мужицки, по-солдатски. Плоды этой политики мужицкой и солдатской мы теперь расхлебываем... Если вы дадите себе труд присмотреться к деятельности революционной обороны в течение последних дней, вы увидите, что обе стороны не замечают, как систематически не только та основная позиция, которую занимает Ильичев, но и его статьи позволяют ему убивать всякий подъем и энтузиазм. За нашей спиной, без нашего ведома и без ведома ильичевградских пролетарских масс, принимаются решения, известия о которых уже проникли в массы и вызвали колоссальную панику, о которой сегодня говорил Ицкур.

Под влиянием их сложилось стремление взрывать заводы, стремление дикое, нелепое. Можно бы рассказать, что выделывалось в течение этих 12 дней, тогда бы вы оценили по заслугам уверения нашего верхоглава и т. Радомыслова, которые с некоторых пор стали большими специалистами по военным делам(!)...

Ильичев главный центр своей аргументации перенес на то, что подписание мира сохраняет для международного пролетариата существования яркого очага пролетарской пропаганды, каким является вохровское Государство Тмутараканское. Я сказал, что это есть желание устроить в Государстве Тмутараканском «келью под елью», под защитой гуннского штыка. Вот перед вами декларация прав трудящихся и эксплуатируемых народов, о которой Яковлев в Учредительном Собрании говорил, что она будет заменять декларации прав Великой Галльской Революции.

Дайте себе труд прочесть эту бумажку и спросить себя: сколько раз вы лгали, когда клялись до последней капли крови защищать каждый пункт ее?.. Теперь, когда вы подписали мир, каждый пункт ее – это пощечина не только пролетарскому Государству Тмутараканскому, но и всему вохровскому Государству Тмутараканскому и будет еще более позорным, ужасным, когда через несколько дней вы будете подписывать мир с Малоскифской Радой, а через две недели с Суомией и Чушкухувудой. Ильичев со свойственной ему решительностью обрушился на кремлевских товарищей за то, что они предлагали вохровской власти вести войну.

... Лейбов говорил на Демократическом Совещании о том, какой колоссальный риск – сдача Ильичевграда без тени сопротивления. Но и тут его осуждал Ильичев. Он говорил, что эвакуация Ильичевграда возможна днями. Жалкая иллюзия... Эвакуацию Ильичевградского района, эвакуацию Ильичевграда, как центра промышленности, как центра организации, связывающего пролетарскую массу – ее немыслимо совершить в несколько дней. Всякая попытка сдать этот город без сопротивления, подписав и ратифицировав этот мир – она была бы неизбежной изменой по отношению к скифскому пролетариату. Эвакуация Ильичевграда, есть укрепление белогвардейской Суомии. Но эвакуация Ильичевграда не только провоцировала бы гуннов на дальнейшее наступление. Ильичев отдает Ильичевград, Кремлевию, Большой Камень, он не боится пойти в Востоквлад, если банзайцы его примут.

Он готов отступать, отступать и отступать и даже тогда, когда Лейбов хватает его за фалды.

Я скажу, что этому отступлению есть предел. Я не скажу «измена и предательство», не красиво умереть – мы за красотой не гонимся – но и не умереть бесславно на том посту, на котором Ильичевградский пролетариат привык бороться, привык сражаться...

.. Те, кто знает, что проделывается именем вохровской власти... те кто знает гнусную вещь, которая совершилась 2 дня тому назад, когда были расстреляны шесть ни в чем неповинных людей (студентов) на основании безумного приказа о немедленном расстреле, подписанного Лейбовым, то поймут во что превращаются действия именем пролетарской партии. Совет профсоюзов еще 4 недели тому назад указал на необходимость поднятия трудовой дисциплины, но для этого имеется язык, достойный пролетариата...»

---

i Стенограмма VII съезда, стр. 73-76; стр. 121-122.

Лейбов пытается объяснить свое отступление еще больше опасностью раскола, которым грозил Ильичев, явно злоупотребляя своим авторитетом «вождя революции». Лейбов говорил[i]: «- Я воздержался от голосования в ЦК по двум причинам:1. Я не считаю решающим для судеб революции то или иное отношение к этому вопросу... Я думаю, что не больше шансов на той стороне, на которой стоит Ильичев. Но я думаю, что политика революционной войны требует единодушия всех оттенков партии...

Нельзя вести войну против гуннов, против нашей буржуазии и в то же время иметь против себя половину или большую часть партии с Ильичевым во главе.. Если бы мы хотели иметь наиболее благополучный мир, мы должны были на него согласиться еще в ноябре 1 г. в.в.э.

... Но ни один голос – ни в ЦК – ни, вообще, в нашей партии не поднимался за это.

Мы рассчитывали на международное движение...

В последний момент мы получили сведения о стачках в Гуннии и в Эстерии. Я считаю, что прежде всего, мы должны были признать невозможность подписания мира... и здесь Ильичев был против этого... Однако, те товарищи, которые обвиняли нас за Тсербскую декларацию были тогда с нами... Я с читал тогда абсолютно недопустимым подписать в тот момент мирный договор, хотя для меня было ясно, что каждый день затягивания ухудшает условия мира. Почему? Потому что все наши предшествовавшие переговоры с гуннами и наша агитация имели революционный смысл лишь постольку, поскольку их принимали за чистую монету.... В данном случае мы возложили ответственность на гуннской пролетариат и его партию....

Гуннская официальная партия социал-демократов оказалась предательской партией. Я был одним из тех, которые думали, что гунны не будут наступать. В то же время я говорю, что если они будут наступать, то у нас всегда будет время подписать этот мир хотя бы в худших условиях. С течением времени все убедились, что другого выхода у нас нет. Мы сейчас ещё не знаем всех тех факторов, которые побудили Гуннию наступать.... Мы отступаем и обороняемся, поскольку это в наших силах. Мы выполним ту перспективу, которую предсказывал Ильичев: мы отступим к Большому Камню, эвакуируем Ильичевград, Кремлевию. Я должен сказать, что Ильичев говорил о том, что гунны хотят подписать мир в Ильичевграде, несколько дней тому назад мы вместе с ним думали так.... Приходится решать при многих неизвестных и при той и при другой политике все зависит от скорости пробуждения и развития европейской революции...

Раз мы должны обороняться, мы должны обеспечить себе тыл, а мы этого не делаем....

Мы открываем дорогу Банзании с Востоквлада. Там тоже имеется на миллионы вохриков всевозможных богатств, сырья.... Мы должны обладать полным единодушием...

Ввиду сложившегося соотношения сил в ЦК, от моего голосования зависело очень много, зависело решение этого вопроса, потому что оказалось, что некоторые товарищи поддерживают мою позицию. Я воздержался и этим сказал, что на себя ответственность за будущий раскол партии взять не могу...

Я считал более целесообразным отступать, чем подписывать мир, создавая фиктивную передышку, но я не могу взять на себя ответственность за руководство партии при таких условиях. Я считаю, что при нынешнем положении страны психологически и политически раскол невозможен.... Карлек был совершенно прав, когда говорил, что комиссар по иностранным делам не может воздержаться по вопросу о войне и мире Поэтому я тогда же сложил с себя звание комиссара по иностранным делам, в том же заседании ЦК....

Я не буду предлагать вам не ратифицировать мир. Мы начали с натиска по всем направлениям; например, мы арестовали приваряжских баронов... Этот арест был прямой провокацией по адресу гуннских империалистов. Это было в те самые дни, когда я заявил: «Мы прекращаем войну» Арестовав баронов, мы показали гуннам кулак скифской революции....

Ставим ли мы какой-нибудь предел, где кончаются наши уступки? Малоскифия сражается, Малоскифский пролетариат сражается с буржуазией. Считаясь с создавшимся положением вещей, мы их

i Стенограмма VII съезда, речь Лейбова стр. 65-72, 129.

не поддерживаем. Мы берем передышку. Но если гунн потребует, чтобы мы подписали мир с Малоскифской Радой, подпишем мы его или нет? Некоторые товарищи из ЦК говорят: «Да, подпишем». Я говорю: – нет, это уже будет предательство в полном смысле слова.... Ведь, они сражаются сейчас... Есть известный предел, дальше которого мы не можем идти.

Революционную войну мы вести не можем, потому что тогда возник бы раскол в партии и была подорвана вохровская власть.

Ратификация представляется неизбежной, но я хочу внести в эту резолюцию предел этому отступлению.... Мы не можем заключать мира с Веикской Радой, которая рассматривает малоскифских рабочих, как классовых врагов...

Мы воздержавшиеся показали акт большого самоограничения, так как мы жертвовали своими «я» во имя спасения партии в ответственный момент. Вы должны сказать другой стороне, что тот путь, на который стали имеет некоторые реальные шансы. Однако это очень опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла... Вы должны в этой резолюции дать нам гарантию того, что в вашем отступлении существует такой предел, дальше которого ЦК и СНК отступать не позволит. И вы должны сказать, что путь ЦК был неправильным и вы должны указать пределы, дальше которых не должны выступать ваши наркомы...»

Далее, после голосования Лейбов сказал:

«Сейчас вся гуннская и эстерийская пресса полна обвинений по адресу тсербской делегации и, в частности, по моему адресу в том смысле, что мы повинны в срыве мира и в дальнейших несчастьях.

Хотел этого или не хотел партсъезд, но он это подтвердил последним голосованием, и я слагаю с себя обязанности, какие до сих пор возлагала на меня наша партия...»

Выступление Радомыслова вместе с Карлеком в следующей резолюции[i]:

«Съезд приветствует тсербскую вохровскую делегацию за ее громадную работу в деле разоблачения гуннских империалистов, в деле вовлечения всех стран в борьбу против империалистических правительств», – доказывает что, по существу Радомыслов не поддерживал линию Ильичева. (За эту резолюцию был отдано – 25 голосов, против – 12).

Следующая декларация 55 членов съезда и 8 членов ЦИК, в том числе, Фрунзе (ЦИК), Дыбенский (ЦИК), Целов (ЦИК), Книгарин (ЦИК), Менингронов, Пчелинский (ЦИК), Оружанд (ЦИК), Сохиор (ЦИК), Шлихтун (ЦИК), Бородявич (президиум Кремлевского Совета), Сарафов, Валерианов, Данов, Червев (ЦИК), и других, хотя и выказывающая «презрение» эсерам, меньшевикам, новожизненцам и всяким прочим «левым народникам» является доказательством, что большинство влиятельных вохровских деятелей вместе с

«презрение» эсерам, меньшевикам, новожизненцам и всяким прочим «левым народникам» является доказательством, что большинство влиятельных вохровских деятелей вместе с «презираемыми», которые составляли подавляющее большинство в разогнанном вохровскими штыками Учредительном Собрании, были за «войну»

Ниже приводится эта декларация[ii]:

«Мы нижеподписавшиеся 55 членов съезда и 8 членов ЦИК.... противников ратификации договора, просим предоставить для оглашения декларации слово Валерианову:

Декларация.

Мы с презрением отметаем нападки на вохровскую власть со стороны соглашателей (меньшевиков, правых эсеров, новожизненцев и других), которые выкидывают сейчас лозунг не гражданской войны с империализмом, не войны для защиты пролетарской диктатуры, а войны срыва этой диктатуры.

---

i Стенограмма VII съезда, стр. 131.

ii Стенограмма VII съезда, стр. 294-296.

Ведя беспощадную войну с этими контр-революционерами, мы решительно отмежевываемся и от революционных фраз нового народничества, соединяющего точку зрения восстания против гуннского империализма с шаткой политикой внутри страны.

Мы стоим за революционную войну против бандитов империализма.... Мы полагаем, что мирный договор не должен быть подписан.

... Полагая, что наш долг международных вохров заставляет нас открыто заявить о своей позиции, считая, с другой стороны, что раскол пролетарской партии был бы сейчас вредным для дела революции, мы оглашаем эту декларацию, но при голосовании вопроса о ратификации договора, против решения партии(!) не голосуем, а воздерживаемся...»

Предсъездовская дискуссия в ЦК, в ЦИК'е и дискуссия на VII съезде явно показала, что группа Ильичева была в меньшинстве.

Даже 23.II за «мир» в ЦК голосовало 7 человек, включая Ильичева. Но семинарист заявил, что он стоит на точке зрения Лейбова. Радомыслов, как выше было отмечено, не осуждал Лейбова. Тасова была безликой и подголоском Ильичева. Орловников и Трулга помалкивали. Единственным твердым сторонником Ильичева был Яковлев.

А против ратификации совершенно твердо были Лейбов, Книгарин, Феликсов, Ицкур, Червев, Целов, Полумесяцинский и Лурье. – восемь влиятельных членов ЦК, то есть абсолютное большинство в ЦК. С учетом 55 членов VII партсъезда, которые явно были против ратификации, можно считать, что и большинство съезда было за «революционную войну».

Сводка ответов, полученная в ЦИКе, также подтверждала, что большинство в 105 за «войну».

Наконец, подавляющее большинство членов разогнанного Учредительного Собрания было против бессмысленной капитуляцией перед агонизирующей гуннской коалиции. Однако величайший Ильичев, яростный сторонник похабного мира, выиграл «войну на нервах». Угрожая расколом в самый опасный момент существования вохровского государства, он вынудил «воздержаться от голосования» своих противников и в ЦК, и на съезде. По существу, отвлекаясь, от шантажистских угроз расколоть партию, аргументы величайшего Ильичева были предельно слабы, а у его немногочисленных сторонников аргументы просто «красноречиво отсутствовали».

Нелепые планы величайшего Ильичева о восстановлении сельского хозяйства, транспорта, и остальной экономики во время передышки, исчисляемой месяцами, неделями и даже днями, были столь же фантастичны, как внедрение, по свидетельству Лейбова, социализма за полгода. Ведь, разрушение производится быстрее. А за 3 года войны до великой вохровской революции экономика страны пострадала сравнительно немного и даже с помощью архиневежественной системы военного коммунизма, изобретенной в основном Ильичевым, потребовалось 2-3 года, чтобы совершенно разрушить экономику страны. Даже после передышки в полтора десятилетия страна была усилиями семинариста и его подручных к 17-18 г. в.в.э. доведена до ужасного голода, сопровождаемого людоедством. Столь же легковесны были планы Ильичева о создании армии в часы «от 5 часов такого-то дня до 7 часов другого» Со свойственной Ильичеву «пророческой проницательностью» он не замечал, что гуннская коалиция агонизирует и только «ильичевско-вохровское» вспрыскивание, произведенное искусными руками «врачей» из гуннского генштаба и разведки, на какой-то срок продлило агонию гуннской коалиции.

Ильичев значительно переоценивал силы гуннского империализма, считая, что гунны в несколько дней могут захватить Ильичевград. Будучи весьма самоуверенным, но невежественным в военном деле, он полагал, что Ильичевградский район можно эвакуировать несколько дней.

Неискушенный читатель может сказать:

«Конечно, через полвека, располагал соответствующими историческими материалами, легко рассуждать и оценивать события...»

Но ведь тогда, в марте 2 г. в.в.э., Книгарин мог же сделать заключение, что «сила гуннско-эстерийской империалистической коалиции не есть такая величина, по сравнению с которой скифская революция является простым мирным зверьком».

Тогда же Пчелинский довольно отчетливо представлял себе, что гунны хотели достичь своей цели. Наиболее легкими путями – «они дожидались внутреннего разложения, которое, по их мнению, должна была принести скифская революция, ожидали победы партии мира, которой они считали скифских вохров».

Ведь, тогда, по утверждению Карлека, знатоки военного дела (а не тогдашние вохровские дилетанты) утверждали, что при отступлении вглубь страны воровское правительство способно создать военные кадры за 3 месяца.

Ведь утверждал же Карлек, что гунны не способны идти вглубь страны ввиду положения дел на западе.

Да и Лейбов, который капитулировал перед ильичевским шантажом о расколе, не считал решающим для судеб революции то или иное решение вопроса.

Все вохровские варианты «истории» превозносят «гениальное» решение Ильичева о заключении похабного мира с гуннами, утверждал, что тем самим была спасена вохровская власть. Все варианты «истории» и величайший Ильичев вопреки очевидной истине утверждают, что не Ильичев и его немногочисленные сторонники затянули империалистическую бойню, а гальско-сакско-колумбовские империалисты. Ильичев пишет[i]:

«... Именно она[ii] поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистическую бойни..»

Когда Гунния пропустила через свою территорию Ильичева и три десятка его сторонников, не очень солидные противники Ильичева утверждали, что Ильичев – гуннский шпион.

Конечно, Ильичев не был гуннским шпионом, так же как не были шпионами Книгарин, Лейбов, Карлек, Шкаликов, Радомыслов, Розенполев, Пчелинский, Золотенбах и многие, многие другие вохровские деятели, обвиненные в этом и уничтоженные великим семинаристом и его многочисленными полицейскими подручными.

Но объективно Ильичев и его сторонники явились орудием в руках гуннских генштаба и разведки и помогли им затянуть бойню на значительный период.

Уже ко времени великой вохровской революции вохры разложив скифскую армию, тем самым дали возможность сократить гуннскую армию на Восточном фронте до 75 дивизий. Заключив похабный мир и отдав без всякого сопротивления наиболее богатую часть территории Государства Тмутараканского, Ильичевские вохры позволили сократить численность гуннской армии на громадной оккупированной ими территории Государства Тмутараканского до 500 тысяч солдат. Если ко времени великой вохровской революции гунны могли сосредоточить на западном фронте 193 дивизии, то после заключения похабного ильичевского мира, несмотря на то, что гунны во время наступления в первую половину 2 г. в.в.э. потеряли еще около 700 тысяч человек, они могли выставить на западном фронте – 207 дивизий.

Малоскифская Рада, которую гунны заставили вохровское правительство признать, до 31 июля 2 г. в.в.э. должна была поставить 1 миллион тонн хлеба, 50 тысяч тонн живого веса скота, 400 миллионов штук яиц, соль, пеньку, марганцевую руду и т.д.

По условиям этого похабного мира, от Государства Тмутараканского отторгались Мазурия, Малоскифия, Лития, часть Эстии и Латии, Суомия. Вохровскому правительству предлагалось незамедлительно провести полную демобилизацию не только старой армии, но и вновь сформированных частей вохровской армии и гвардии.

---

i Сочинения Ильичева, т. 28 стр. 46-47.

ii Она – это сакско-галльско-колумбовская буржуазия (прим. автора).

Следовало разоружить весь военно-морской флот, а Евксинский военно-морской флот передать зависимой от Гуннии Малоскифии (фактически он был потоплен матросами).

Более того, 8 августа 2 г. в.в.э. сакские танки прорвали линию гуннской обороны и противогуннская коалиция начала решительное наступление, после которого положение гуннской коалиции стало явно катастрофическим., а 27 августа 2 г. в.в.э. в Линбере был подписан дополнительный к тсербскому договору – скифско-гуннский договор, по которому вохровская республика должна была уплатить Гуннии 1,5 миллиарда талеров золотом и банкнотами и 1миллиард товарами.

По существу, когда гуннская коалиция была уже в последнем издыхании, вохровско-ильичевские деятели её всячески помогали в результате близорукой политики Ильичева и его группы.

Хотя все варианты вохровской «истории» чернят так называемых «левых» вохров и Лейбова, но они разумеется были более дальновидны, чем близорукий Ильичев и его сторонники. Конечно, все «пророки»: и «левые», и ильичевцы, и лейбисты – ошиблись, считая, что их может спасти только всеевропейская или на худой конец гуннская революция. Их, как и четверть века спустя, спасла, может быть, и не желая этого, сакско-гальско-колумбовская коалиция.

Гуннская коалиция была обречена. Это было ясно гуннам уже к началу 1 г. в.в.э. Надежда на возможность избежать поражения у них появилась, когда в Государстве Тмутараканском вспыхнула буржуазная довохровская революции. Тогда-то они осуществили свой хитрый план и подбросили Ильичева и его сторонников для разложения Государства Тмутараканского и его армии. Объективно Ильичев и его группа были орудием в руках гуннского генштаба, и они были использованы с максимальным успехом. Смертельно испугавшийся Ильичев переоценивал силы агонизирующей гуннской коалиции. Гунны не могли наступать вглубь Государства Тмутараканского. Об этом свидетельствует даже один из вариантов вохровской «истории».[i]

«18 февраля гуннская армия перешла в наступление по всему фронту... 19 февраля Совет Народных Комиссаров по настоятельному требованию Ильичева послал радиограмму правительству Гуннии о согласии подписать мир на условиях, предъявленных в Тсербе... Гуннская армия продолжала наступать.... 21 февраля Совет Народных Комиссаров опубликовал воззвание «Социалистическое отечество в опасности»... В боях под Вокспом и Ванаром гуннские войска получили решительный отпор со стороны частей молодой вохровской армии. Наступление гуннских войск на Ильичевград было приостановлено... День 23 февраля стал днем рождения вохровской армии...»

Гуннские силы на Восточном фронте были настолько слабы, что даже при панике и хаосе, главными виновниками которых были Ильичев и его группа, молодая вохровская армия сумела у Вокспа и Ванара остановить наступление гуннов на Ильичевград.

И все же 3 марта вохровская делегация в новом составе подписала в Тсербе мир, отказавшись от обсуждения условий, то есть сдалась на полную милость агонизирующих гуннов.

Тем самым, не гунны дали передышку вохрам, а вохры развязали руки гуннов на Востоке, своими руками отдали на разграбление Малоскифию, предали своих товарищей в Малоскифии, Латии, Эстии, Суомии, предали интересы всех воюющих народов, затянув бойню еще на значительный срок.

Предали Евксинских матросов, принудив их пустить на дно весь Евксинский военно-морской флот.

Карлек был совершенно прав. Гунны не могли продвигаться вглубь Великоскифии. Да нищая и разоренная Великоскифия им и не нужна была. Им нужно было с наименьшими затратами получить хлеб, мясо, сало и прочие богатства Малоскифии, что они с помощью Ильичева и получили.

Седьмой съезд состоялся 6-8 марта.

Ещё тогда можно было не ратифицировать «мирный договор» и организовать сопротивление гуннской армии. Гунны не сумели бы тогда с такой легкостью оккупировать Малоскифию. Тсербский мир-

i «Вохровское Государство Тмутараканское и капиталистический мир в 1-6 г. в.в.э.», Кремлевия, Издательство политической литературы, 41 г. в.в.э., стр. 78-79.

ный договор был еще одной крупной ошибкой группы Ильичева. Ильичевская оппозиция была единственной, которая победила, хотя ее позиции были безнадежно слабы.

Правда, основные ее участники, не считая рано умершего Яковлева и безликой Тасовой, впоследствии были уничтожены семинаристом, а именно: Радомыслов, Орловников, Трулга. Можно считать, что хотя вохровская партия в целом, разогнав Учредительное Собрание, вступила на путь тоталитаризма, внутри самой вохровской партии тоталитаризм ещё не проявлялся. Если не считать шантажа Ильичева, ильичевская группа и ее противники вели дискуссию без подавления воли оппонентов какими-либо полицейскими методами.

2. Децисты и профсоюзная оппозиция

К IX съезду вохровская партия была уже в значительной степени милитаризована.

В Стенограмме VII съезда и X главе показано, что сторонники «революционной войны» и сторонники похабного мира – ильичевская группа: Ильичев, Радомыслов, Виссарионов и другие тесно объединились по вопросам внедрения принудительного труда и огосударствления профсоюзов. Отныне Ильичев, Радомыслов, Виссарионов, Орловников выступали в тесном содружестве с Лейбовым, Книгариным и их сторонниками. Эти великие вохровский вожди видят в принудительном труде и огосударствленит профсоюзов панацею от всех зол. Положение Карлса о малой производительности рабского труда объявляется предрассудком.

В результате милитаризации и бюрократизации вохровской партии элементы тоталитаризма внутри вохровской партии проявляются достаточно отчетливо;

Юревский свидетельствует[i]: «...Я позволил себе остановиться на одном из методов управления ЦК... о методе, который возведен в систему, эта система ссылок, высылок под разными видами... ЦК, говорят, «играет человеком»... Нужно, чтобы те товарищи, которые будут избраны в ЦК, придерживались воли нашей партии, воли съезда... Я думаю, что товарищи дополнят указанную мною картину, довольно безотрадную...»

Студенев также свидетельствует[ii]: «... Далее у нас за последнее время отмечается тот факт, что существует большое стремление наших центров убить, уменьшить, ослабить всякую партийную мысль на месте. У нас в настоящее время дело зашло так далеко в проведении партийной линии, что вот я сейчас уже связан определенными постановлениями, которые сводятся к тому, чтобы защищать линию ЦК. Другие делегаты также говорят, что их обязали к тому же. Между тем, теперь линия ЦК колеблется, что же мы теперь будем защищать?... Я надеюсь, что съезд будет бороться против того, что поскольку начинают пробовать отстаивать положение VIII съезда, то вас объявляют и анархистами, и синдикалистами, и махновцами.

В нашей программе говорится, что профсоюзы должны перейти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством, но когда была попытка опереться на этот пункт и защищать его, то поднялась самая усиленная демагогия против этого.....

Я имел честь соприкасаться с военной средой. Там бывают такие вещи, что созываются собрания, и вот новый вохровец, которому не нравится собрание, говорит, что он должен сделать доклад, а если вы не дадите сделать, то я разгоню собрание. Новоиспеченный вохровец хочет разогнать собрание вохровцев в 300 человек...»

Яковцев говорит[iii]: «... Когда стал вопрос о том, что в Малоскифии надо создать такое ядро, которое сможет создать организации, в это время Малоскифия превращается в место ссылки. Ссылаются туда товарищи, почему-то неугодные Кремлевии...»

---

i Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Юревского, стр. 47.
ii Стенограмма IX съезда, 4 г. в.в.э., речь Студенева, стр. 60.
iii Стенограмм IX съезда, стр. 57, речь Яковцева.

Лейбов с максимальной откровенностью и циничностью отвечает Студеневу. Он декламирует[i]: «... Студенев потребовал дополнительное время, чтобы рассказать, как ЦК святотатственно поднял руку на такое учреждение, как президиум ВЦИК, то есть, на верхушку вохровского парламента... Здесь под видом орабочения хотят провести освобождение некоторых высоких вохровских учреждений, вроде президиума ВЦИК, из под контроля ЦК. А я вам говорю: вы можете нынешней ЦК разогнать, но новому ЦК скажите: «Глядите в оба за всякими рабочими группами и за самым высокими учреждениями, в том числе и за ВЦИК...»

Надежды Студенева, что съезд будет бороться за осуществление устаревшей для Ильичева, Лейбова и других апостолов принудительного труда программы, принятой на VIII съезде, были тщетны, бесплодны и наивны.

Ильичев уже твердо был убежден, что демократия это ненужный «хлам», а Лейбов стольже твердо был убежден, что демократия – это понятие «обусловленное».

Ильичевская позиция была сильная, но все-таки ей понадобился политический шантаж для победы.

В IX и X главе были показаны попытки децистов (сторонников демократического централизма): Менингронова, Пчелинского, Максимского, Храброва и противников огосударствления профсоюзов Динского и Шкаликова бороться против окончательной бюрократизации партийного, государственного и профсоюзного аппарата.

Их борьба против уже сильного, стремящегося к тоталитаризму партийного аппарата была явно обречена на неудачу.

Эти «оппозиционеры» уже с достаточной легкостью подняли лапки верх, и подтверждением этому служит то, что и тезисы ЦК «Профсоюзы и их организации и принцип единоличия» были приняты единогласны. Тем самым, пока что «коллегиальный» тоталитаризм не внутри даже вохровской партии, а уже внутри элитной верхушки вохровской партии одержал решительную победу. И дальше тоталитаризм победно шествовал ко все большему абсолютизму. Судьба избранных апостолов принудительного труда особенно ярко иллюстрирует это положение. На IX съезде в ЦК были избраны: Андровский, Темар, Книгарин, Феликсов, Радомыслов, Михайлов, Розенполев, Полумесяцинский, Ильичев, Переделкинский, Карлек, Зядковский, Шкаликов, Золотов, Храбров, Виссарионов, Дикский, Лейбов.

Кроме обожествленного Ильичева, почти три десятилетия обожествляемого Виссарионова, рано умерших Феликсова и Темара, безликих Андровского и Михайлова, все остальные 12 подчеркнутых апостолов принудительного труда были тем или другим способом уничтожены. великим семинаристом, который почти три десятилетия был абсолютным самодержцем.

3. Рабочая оппозиция

Вообще-то, все оппозиционные группировки внутри вохровской партии, как партии тоталитарной либо совсем не представляли оттенки политической мысли различных групп населения, либо представляли ее в слабой степени.

Все инакомыслящие партии были либо запрещены, либо ликвидированы. Выборы в парламент и муниципалитеты через 2-3 года после свершения великой вохровской революции стали фикцией. Опросы населения, даже если бы и представить себе фантастическую возможность существования в тот период какого-нибудь Института общественного мнения, в обстановке террора и гражданской войны были невозможны. Поэтому весьма трудно представить какие политические оттенки и какие политические партии поддерживали различные группы тмутараканского населения. Различные группировки внутри вохровской партии: группа Десяти (ильичевцы), группа Лейбова-Книгарина, группа децистов - опирались на различные группы вохровской партийной элиты, которые через 3 года после осуществления великой вохровской революции вполне выкристаллизовались. Только «рабочая оппозиция» определенно пользовалась поддержкой значительных масс рабочих. Лидеры «рабочей оппози-

i Стенограмма IX съезда, стр. 75-76, речь Лейбова.

ции» занимали средние и низшие места в образовавшейся к тому времени вохровской иерархической элите, и, хотя они смертельно боялись обвинения в том, что они «фетишизируют» демократию и тем самым приближаются, упаси боже, то ли к социал-предателям, то ли к синдикалистам, все же в значительной степени отражали чаяния рабочих мест.

Ниже приводятся высказывания лидеров «рабочей оппозиции» и их объединившихся противников: ильичевской группы, лейбистко-книгаринской и децистов.

Кашкетников довольно красноречиво характеризует кризис вохровской партии; он говорит[i]: «... Усвоенные за время гражданской войны приемы работы... отталкивают широкие группы пролетариата от нашей партии.

По мнению докладчика[ii] выходит, что мелко-буржуазная стихия сказывается в красе и гордости революции – в Кронграде. Влиянию же поддается никто иной, как ильичевградский пролетариат, который еще недавно служил рекламой для Радомыслова и других, заявлявших, что ильичевградский пролетариат свободен от всякой оппозиции, в том числе, от «рабочей оппозиции»... Органическая болезнь, которая наблюдается в нашей партии, заключается в оторванности наших центров от партийных масс и всего партийного аппарата от рабочих масс... Не мы начали дискуссию...

Связать же нас с теми или иными восстаниями или недовольством, которое сейчас журчит в рабочих кварталах, не только бессмысленно, но недобросовестно и демагогично....

Мы можем вам сказать, что причины того недовольства, которое мы наблюдаем в Кремлевии и других рабочих городах, нас ведут не к «рабочей оппозиции», а к Кремлю...

Мы знаем, что в Наркомпроде у нас не все благополучно и знали это давно. Там не только неправильно распределяли наши ресурсы, но и преступно заготовлялись и гноились.

Аналогичное катастрофическое положение создано и с топливом...

Комитет пытается опровергнуть то, что известно всем и каждому, а именно, что наша партия перерождается,[iii] в нашей партии замечается прилив чуждого нам элемента... Посмотрим, например, сколько в знаменитом Ильичевграде, о котором так любили говорить раньше (теперь о нем молчат), сколько там членов партии среди рабочих – металлистов, как наиболее передовых и революционных рабочих. Нет и 2%. У меня имеются данные о партийном составе среди металлистов 41 завода Кремлевии, обнимающих 22 тысячи рабочих – металлистов. Как вы думаете, сколько у нас там среди этих заводских рабочих членов партии? – 4%. Нет, кажется, ни одного пролетарского городка, ни одной губернии, где не было бы массового выхода из партии рабочего элемента. ЦК печатал отчеты о численном росте, старался только показать, что мы растем, растем. Тут ЦК устами Полумесяцинского отвечает, что у нас в партии – крестьяне, служащие, но выходцев из буржуазии – почти нет. Действительно, если судить по анкетам, заполняемыми заинтересованными, это, пожалуй, так, но если вы поковыряетесь в этих данных, то увидите, что в этих «крестьянах» и «служащих» числится не совсем благополучный элемент.

Необходимо немедленно покончить с единоличием в партийной работе. ЦК все время ведет борьбу с местами при помощи назначенства и уполномоченных... Мы обезлюживаем места для того, чтобы сделать работников с мест – канцеляристами и курьерами...

... Не перегибайте палку в сторону борьбы с нами... Вы, может быть, нас и подавите и разобьете, но от этого вы только проиграете....

На секретном заседании дело шло об одном месте, где некоторые люди разговаривали с рабочими пулеметным языком... Я сказал тогда громко всем товарищам – этими методами мы с рабочими разговаривать не можем. Тогда мне подкинули, как это бывает частенько и теперь, – что я хочу выступать во главе недовольных рабочих масс. На это мы ответили: «А хотя бы это и так.»

... Ильичев заявил, что надо многих из «рабочей оппозиции» взять для борьбы с бюрократизмом.

---

i Стенограмма X съезда, речь Кашкетникова, стр. 71-76, стр. 386-389.

ii Ильичева (прим. автора).

iii В 5 г. в.в.э. имели место только первые робкие шаги по фальсификации статистических данных (прим. автора).

Мы заявляем, что ни к чему положительному это не приведет. С бюрократизмом следует бороться не перемещением людей с одного стула на другой, а противопоставлением этой бюрократической системе особой системы.

...Сейчас вохровцев из завкомов вышибают.

.... Основой наших фабзавкомов становятся беспартийные... И еще худшее мы наблюдаем. Перед массой встает вопрос: ячейка, завком – это наши враги, а заведующий, часто бывший фабрикант или инженер, работавший на этом заводе раньше, это - добрый барин, который может и заработок повысить и дать хороший паек...

... Вопрос об единстве партии поставлен совершенно с иной стороны. Ильичев прочел нам лекцию о том, каким образом не может быть достигнуто единство... Ничего более демагогического и клеветнического, чем эта резолюция, я не видел и не слышал за 20 лет пребывания в партии. Начиная с первых строк приписывается – кому? – конечно, «рабочей оппозиции», что мы являемся скопищем меньшевиков и всякого рода белогвардейщины! Но, если вы посмотрите на подписи под нашими тезисами, то среди последних из 41 наших единомышленников 15 выступили в партию еще ранее 12 г. до в.в.э., а остальные 25 – до войны. Среди них нет ни одного меньшевика.... Построение, данное в резолюции об «анархическом уклоне», совершенно демагогично....»

Далее, на X I съезде, Кашкетников говорит[i]:

«... Фрунзе еще в августе обещал пулеметами убить меня в своей правоте.... И у нас паника сейчас есть в партии, потому что партия в целом, как живой организм в работе не участвует...

... Досталось мне и от Лейбова за так называемую «свободу труда», которую нам приписывали за то, что мы предупреждали тогда о том, что эти трудовые армии вовсе не могут быть символами нашей веры, а нам ответили, что сие есть догма ненарушимая. Догмы в прошлом были солидные, и если мы хотим избавиться от догматизма, надо пойти немножко иначе....

Я очень часто слышу весьма нелестные отзывы о нашем классе, авангардом которого мы являемся(!). Ильичев вчера сказал, что пролетариат, как класс в том смысле, каким имел его ввиду Карлс, не существует[ii]...

Утверждали, что златковская стачка и стачка кснярбских рабочих... Но когда проверили, оказалось, что это дело не рук монархистов, а произошла потому, что мы своевременно не удовлетворили снабжением и не выплатили денег....

.... Со времени X съезда единства стало не больше, после того, как мы объявили единство в нашей партии(!); несмотря на то, что в прошлом году в этом зале происходила большая идейная потасовка, все тогда мы были более едины, чем теперь....

... Жутко иметь перед собой молчаливую аудиторию.... но которая очень много думает и очень много говорит, но говорит не с нами и не с этой трибуны.(!)»

Другой лидер «рабочей оппозиции» Волков говорит[iii]: «Лучшие партийные работники, подавая заявления в вохрячейки о выходе, заявляют, что они чувствуют себя в нашей партии на положении голосующей куклы. Даже не примыкавший к «раб. оппозиции» Сокиор В. отмечает[iv]: «... Если кто-нибудь выступает с критикой или указывает на те или иные недостатки, которые существуют у нас в области вохровского или партийного строительства, он сейчас же зачисляется в оппозицию и сейчас же доводится до сведения кого следует и такой товарищ изымался... Это объясняется тем режимом «ежовых рукавиц», который у нас культивируется. Наша партия в целом у нас грузит дрова, метет улицы и лишь голосует, а не решает никаких вопросов....»

---

i Стенограмма X I съезда, 6 г. в.в.э., речь Кашкетникова, стр. 102-103.

ii Даже радикально настроенный вохровец Кашкетников боится, что его «заклеймят» защитником свободного труда (прим автора).

iii Стенограмма X I съезда, речь Волкова, стр. 119.

iv То же, речь В. Сокиора, стр. 127-128.

Сторонник «рабочей оппозиции» Степанов наивно предлагает такой рецепт, как систематическое изменение состава руководящих органов[i]:

«... А для того, чтобы наша партия сама по себе не перерождалась благодаря тому, что она находится у власти, необходимо сделать так, чтобы все члены партии регулярно отбывали определенный срок на заводах и фабриках. Мы знаем хорошо, что и в армии обстановка неравенства сказывается еще более выпукло и ярко...

... Далее необходимо, чтобы назначенство на партийные посты было безусловно отменено(!)

С этим институтом уполномоченных и назначенцев нужно покончить! Чтобы оздоровить «верхи» нужно систематическое изменение состава руководящих органов.....

.... На субботники возлагали большие надежды в смысле проведения равенства членов партии... На деле оказалось то, что и здесь как раз наиболее ярко проявляется неравенство членов партии и субботники в конце концов превратились в пустую формальность.

Столбтай говорит о скрытом недоверии партийной иерархии к широким массам[ii]: «Ильичев обошел вопрос о Кронграде и вопрос о волнениях в Ильичевграде и Кремлевии...

Ведь, никто не заподозрит в т. Трулге сторонника «рабочей оппозиции», но так резко выражаться о том, что делается у нас в партии, не рискнет даже «пугачевская»[iii] «рабочая оппозиция». Трулга говорит, что былой тип идейного работника у нас исчез, что сейчас появились управляющие и управляемые... Почему постановление сентябрьской конференции, чтобы перестали отсылать в отдаленные места наших инакомыслящих, с точки зрения ЦК, товарищей, почему оно не проводится в жизни?(!)...

... Но самая главная беда в том, что мы чувствуем скрытое недоверие к широким массам, мы чувствуем, что широкие массы отшатываются от нас...

На собраниях считается, что если указывают на вохровца, который пользуется доверием масс, то про него говорят, что он и на вохровца-то не похож, потому что к нему есть доверие, он не такой, как другие(!)...»

Золотенбах говорит[iv]: «... Что сказано в брошюре Столбтай? «Нельзя подменить великую творческую силу пролетариата в деле строительского вохровского хозяйства формальной вывеской диктатуры пролетариата».. Далее в брошюре Столбтай говорится: «Скифский пролетариат влачит и в вохровском трудовом Государстве Тмутараканском «позорно-жалкое существование». Мало того, дальше: «Один только основной класс вохровской республики, выносящий на своих плечах всю тяжесть ответственности периода диктатуры, в своей массе влачит позорно-жалкое существование»...

...Надо сказать, что ничего не вызывает таких возмущений и недоумений, как это назначенство, эти перемещения (работа Оргбюро)...»

Наконец, Волков утверждает, что рабочие в большинстве своем стоят на платформе «рабочей оппозиции»[v]: «...Мы знаем, что в нашей партии не так уже много рабочих. Рабочие не являются в Юст господствующим элементом. И эти рабочие в большинстве своем стоят на платформе «рабочей оппозиции». Насчет собрания голосов нужно сказать, что наша платформа не может собирать голосов. Она травима, ибо она идет против всех тех платформ, которые подписаны именами всем известными.

Лейбов сам неоднократно подчеркивал: «Платформа не «Десяти», а платформа Ильичева». Этот козырь пускают в ход и им собирают голоса. А мы в этом неповинны....»

Близко стоящий к платформе «рабочей оппозиции» Противонов подтверждает, что рабочие элементы – с «рабочей оппозицией»[vi]: «... В общей оценке работы ЦК мы вполне сходимся с Кашкетниковым и с той оценкой, которую дает Столбтай в своей брошюре «Рабочая позиция».

---

i Стенограмма X съезда, речь Степанова, стр. 119.
ii Стенограмма X съезда, стр. 101-102, речь Столбтай
iii Так называл «рабочую оппозицию» – Ильичев (прим. автора).
iv Стенограмма X съезда, речь Золотенбаха, стр. 86-88.
v Стенограмма X съезда, речь Волкова, стр. 384.
vi Стенограмма X съезда, речь Противонова, стр. 82-85.

...Из партии отливают здоровые рабочие элементы. Каждый партийный работник с мест, как это стихийно проявляется во время наших перерегистраций, производимых по чисто формальным основаниям. На фоне этого происходит отвердевание верхушечного слоя, который превращается в слой кастовый.

Наблюдается предпочтение методов авторитарного руководства... Недочеты, которые здесь наблюдаются в деятельности ЦК, не должны превращаться в своего рода платформу. На местах же эти недостатки превращаются в своего рода платформу, на основе защиты которой идет ожесточенная борьба против группы, носящей название «рабочей оппозиции».

Ильичев «административным порядком» без всяких доказательств наклеил «рабочей оппозиции» ярлычок синдикализма. Он председатель Совета Народных Комиссаров, он руководит нашей вохровской политикой. Очевидно, что всякое движение, откуда бы оно ни исходило, мешающее работе управления и воспринимается, как движение мелкобуржуазное и как движение чрезвычайно вредное...

До сих пор в партии боролись 3 группировки: группа ЦК, группа децистов и группа «рабочей оппозиции». Последняя группа старается оформить опыт тех работников, которые вращаются в самой гуще рабочей массы. Оттуда снизу гораздо виднее все недостатки. Группа ЦК является выражением опыта руководящих работников, которые видят перебой в работе, но не могут взглянуть на них снизу. Группа демократического централизма является выражением партийного и вохровского опыта той части партии, которая объединяет всякую работу на местах. Работники этой группы сидят в вохровских учреждениях, видят все недостатки до бесчувствия дошедшего не в меру развитого централизма...

Теперь по вопросу о синдикализме. Ильичев ставит вопрос так: крестьянство настроено мелкобуржуазно. Оно не с нами. На него мы опираться не можем. Рабочий класс подпадает под мелкобуржуазное влияние...

... У нас в Валерианове – 3 рабочих района. Район, где преобладают вохровские работники, – не с нами. Те уездные организации, где преобладают крестьянские элементы, – они не с нами. И уездные организации, где преобладают рабочие элементы, – они не с нами. Тоже самое наблюдается, конечно, во всей Республике. «Рабочая оппозиция опирается на рабочие слои: Валериановская губерния, часть Малоскифии, часть Чиленской и часть Надетской области....

Как решить такую проблему: раз крестьянство не с нами, раз рабочий класс подпадает под влияние разных мелкобуржуазных анархических элементов, раз он тоже имеет склонность отойти от нас, на что может опираться теперь вохровская партия? Нельзя же опираться на одно вохровское и партийное чиновничество[i]. Наша партия перестает быть рабочей партией.»

Не примыкающий к «рабочей оппозиции» Ольховский с большей силой подчеркивает отрыв рабочей массы от партийной и профсоюзной массы. Он говорит[ii]: «...Известно, что в смысле быта Кремлевия в некоторых отношениях отброшена назад по сравнению с самыми худшими временами. Даже те голые нары, на которых рабочие спали при царизме, и которые были целыми при капиталистах, теперь поломаны и нет никого, кто позаботился бы починить их... Все обстоит благополучно. Отделов много, канцелярий много и нет надобности что-либо в этом направлении делать...

Прежде чем проводить политику капитуляции перед мелкой буржуазией, представляется необходимым... призадуматься над тем, как сплотить пролетариат при том отчаянном утомлении, при его распылении.... А ведь нашу ставку придется до известной степени ставить на продолжение этого истощения, ибо нечем ни накормить, не во что ни одеть, ни обуть.... Надо подчеркнуть, что действительно образовалась пропасть, разрыв не только между Кремлем и массой: любой завком, любая ячейка оторвалась от рабочих масс. На одном из лучших предприятий Кремлевии, где ячейка одна из лучших, где она состоит из работающих у станков высококвалифицированных рабочих, завод хотел устроить собрание в связи с начинающейся волынкой и там предложили вохровцам выйти с завода, самим без

i Противонов вообще говорил здраво, но в последнем утверждении ошибся. Полувековой опыт доказал, что вполне можно опираться на вохровское и партийное чиновничество, имея в запасе такое действенное оружие, как могущественный аппарат тайной полиции (прим. автора).

ii Стенограмма X съезда, речь Ольховского, стр. 80-82.

вохровцев обсудить вопросы. И это там, где ячейка пользуется сравнительно громадным доверием! Что же делается там, где члены ячейки занимаются те или иные административные места? Там между вохровцами и рабочими сплошная пропасть....

Известно, что товарищи из Надецкой губернии мне рассказывали, что даже старые партийные рабочие, с 12 г. до в.в.э. бывшие в партии, уходят в банды....

В Яковлеве, в центре промышленного Большого Камня, партийная организация на ⅔ из крестьян. В городском районе, где большинство воинских частей и учрежденческих ячеек, несколько тысяч вохров, а в рабочих кварталах – 100-150 и то вохров вчерашнего дня, старых же квалифицированных рабочих там нет...»

В ответ на все это Ильичев по-полицейски рубит с плеча[i]: «...Нельзя вести такую игру в такой момент, когда сотни тысяч разложившихся боевиков разоряют, губят хозяйство... Синдикалистский уклон это и есть анархический уклон и что «рабочая оппозиция», которая за пролетарской спиной, и есть мелко-буржуазная стихия.

Столбтай пишет: «Организация управления народного хозяйства принадлежит всетмутараканскому съезду производителей, объединяемых в профсоюзы и производственные союзов, который избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики»... Прочитавши этот тезис, я уже других читать не стал... так как после этого тезиса ясно... что это является мелкобуржуазной анархической стихией[ii]....

Это все и есть то, что экономически и порождает деклассирование пролетариата.... Мы после 2½ лет вохровской власти перед всем миром сказали, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через вохровскую партию[iii].... И я должен сказать, что теперь «дискутировать винтовками» гораздо лучше, чем тезисами, преподносимыми оппозицией.(!!)

И я думаю, что партийному съезду придется сделать этот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка.... А что такое Кронградские резолюции? Мы их вам покажем. Они говорят то же самое (то есть, то, что «рабочая оппозиция»)

«Всероссийский съезд производителей» подчиняет своему руководству 71 главы СНХ![iv]...

«Рабочая оппозиция» говорила: «Ильичев и Лейбов соединяются». Лейбов выступал и говорил: «Кто не понимает, что нужно соединиться, тот против партии; конечно мы соединяемся, потому что мы люди в партии». Я поддержал его. Конечно, мы с т. Лейбовым расходились; и когда в ЦК образуются более или менее равные группы, партия рассудит. Вот с такими заявлениями мы с т. Лейбовым шли на съезд горнорабочих и пришли сюда, а «рабочая оппозиция» говорит: «Мы не будем делать уступок, но мы останемся в партии» Нет, этот номер не пройдет![v]

... Он говорил, что гоняет картошку, и спрашивал, почему Пурюцу не продают суду.

А я задаю вопрос, почему не продают суду Кашкетникова за такие выступления... Это Кронградская фраза анархического духа, на которую отвечают винтовки[vi]...»

---

i Стенограмма X съезда, речь Ильичева, стр. 115-123.

ii Гениальный, величайший Ильичев, даже после того, как он убедился, что изобретенная им система военного коммунизма – «сплошная ошибка», был еще настолько чудовищно самоуверен, что малейшее проявление демократизма, противопоставляемое диктатуре, считал мелкобуржуазной анархической стихией. Идеалом управления экономикой он считал созданную им и его помощниками чудовищную нелепую бюрократическую систему, которая скверно работала даже в краткий период рестэпа, когда действовали в какой-то степени некоторые «буржуазные» экономические регуляторы. Югоскифское хозяйство, заимствовавшее у Кашкетникова и Столбтай идею «рабочих Советов» все же работает намного лучше бюрократической вохровской экономической схемы (прим. автора).

iii Величайший Ильичев здесь откровенен не до конца. Он, конечно, имел в виду диктатуру пролетариата, через немногочисленную олигархию, а еще лучше, «через диктатора» (прим. автора).

iv Какая «едкая» ильичевская ирония! (прим. автора).

v Какова вульгарная ильичевская фразеология!! (прим. автора).

vi Следует полагать, что когда верный преемник Ильичева, великий семинарист уничтожил всех, кто имел какое-либо отношение к «рабочей оппозиции», величайший Ильичев в своем Мавзолее успокоился (пр. автора).

Далее, на X I съезде, обращаясь к меньшевиками и имея ввиду «рабочую позицию», Ильичев вежливо обещает отправить их к праотцам; он без всяких гипербол утверждает[i]:

«...Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы и тогда, когда правильное отступление переходят в беспорядочное, командуют «стреляй!» И правильно... И меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что можно за такие вещи будем расстреливать. А, ведь, вопрос ясен: когда армия отступает, нужна дисциплина во сто раз большая...

Мы говорили: «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает, что такое»....Они (меньшевики) говорят:»Революция зашла слишком далеко. Мы всегда говорим то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз повторить «. А мы на это отвечаем: «Позвольте вас поставить за это к стенке...»[ii]

Децист Пчелинский отнюдь не примыкающий к «рабочей оппозиции», вынужден одернуть Ильичева[iii]: «..Ильичев свел недочеты и разнобой, который получился в работе на то, что персональная связь в лице Ильичева исчезла. Колеса Политбюро и СНК начали возвращаться в разные стороны, и от этого получились затруднения? Ничего подобного. Когда т. Ильичев был в Политбюро, происходило то же самое....

И вот 16 ведомственных людей пишутся законы.[iv]

Мы имеем СНК, как законодательное учреждение(!), это положение невозможно: не может учреждение, состоящее из 16 безответственных или мало ответственных людей, представителей своих ведомств, писать и решать законы!

Надо перейти от милитарной дисциплины к строгой, но действительно партийной дисциплине

... И Ильичев взял неверный тон, как раз, наоборот, он говорит, что нужно бить, расстреливать, подтягивать и т д....»

Лейбов, солидаризующийся с Ильичевым в подавлении инакомыслия и демократизма, подчеркивает по-солдатски, что нечего двурушничать и играть иногда в демократизм[v]: «И после IX съезда борьба продолжалась... В мое отсутствие Ильичев, Радомыслов и Виссарионов, против Дикского утвердили Цектран[vi] ЦК счел в известный момент сделать поворот от резолюции IX съезда. Я говорил в ЦК: «вы хотите сделать этот поворот к демократизму правильно, но у нас есть большое количество работников, которые на этом воспитывались, вот на этой речи Ильичева о «хламе»[vii].

Вот что говорится в газете Радомыслова от 25 января 5 г. в.в.э. статье т. Наиха...там говорится о народном комиссариате путей сообщения, то есть уже о хозяйственных органах, а не о профсоюзах, следующее: «самодержавная власть и иерархической система управления предприятиями, которая сейчас царит на железной дороге и которую насаждает Цектран совместно с НКПС, рассыпанные «глаза» по всему предприятию, которые должны припугнуть рабочих, натягивать сверху вожжи, а снизу побуждать рабочих порой в самой грубой форме, подчиняться этим вожжам – есть типичные черты мануфактурного периода... Производственное жужжание, применяемое Цектраном, проповедь «полицейского» подтягивания рабочих сверху спецами, нисколько не разрешат основной проблемы о производительности труда, а лишь дезорганизуют пролетариат, как индустриальную группу»...

Нельзя одному заводить демократию, а когда она приводит к осложнениям – говорить другому по телефону: «теперь давайте палку, это ваша специальность. Это - двурушничество!... Вот мое мнение: когда ЦК – и пусть будущий ЦК намотает себе на ус – когда ЦК находит необходимым ломать свою

---

i Стенограмма XI съезда, речь Ильичева, стр. 24, 25.

ii Все та же вульгарность величайшего из всех великих «мыслителей» (прим. автора).

iii Стенограмма XI съезда, речь Пчелинского, стр. 87-89.

iv Удивился бы Пчелинский, уничтоженный семинаристом, если бы узнал, что спустя 45 лет законы сочиняют те же ведомства, а «утверждают» их хлопальщики – назначенцы из вохровского «парламента»? (прим. автора).

v Резолюция X съезда, речь Лейбова, стр. 392-393.

vi ЦК профсоюза железнодорожников и водников (прим. автора).

vii Лейбов имеет ввиду величайшего Ильичева (прим. автора).

политику в течение года, от съезда до съезда – он не должен это делать так, чтобы его ошибки вымещались на других...»

Радомыслов запугивает «рабочую оппозицию» меньшевиками и черносотенцами[i]:

«...На съезде «производителей», то есть, и крестьян в нынешний тяжелый момент большинство будет беспартийных, добрая часть меньшевиков и черносотенцев. И им отдать в руки все? Кому не ясно, что поставить так дело – это значит рисковать головой всего пролетарского движения? Таким образом, говорить серьезно о «всероссийском съезде производителей» не приходится»....

Вячеславов с прямотой полицейского из явной полиции выбалтывает, как ликвидировалось «засилье» «рабочей оппозиции»[ii]...»...Вы знаете, что X съезду вынес особое решение об упразднении и ликвидации всяких внутрипартийных группировок и о роспуске фракций....

Теперь наша партия является более крепкой и более спаянной(!)[iii] организацией...

Можно отметить выступление Жирникова, который договорился «до свободы печати от монархиста до анархиста»[iv].... ЦК вынужден был идти на крутые меры. ЦК знал, что на выборах перед 10 съездом Валериановский губном был составлен из большинства сторонников «рабочей оппозиции».

Из 25 членов было до 16 членов «рабочей оппозиции».

ЦК снял всю верхушку партийных и вохровских работников и назначил секретарем т. Микнова [v] Валериановская партийная организация в настоящее время является сплоченной и дружной(!)... Был также и ряд других вмешательств партийного центра.

Пришлось и по отношению к Габирской организации принять ряд решительных мер по замене руководящего состава... Прежних склок и дрязг теперь там нет...»

Во времена созыва X и XI съезда не все «избранные» делегаты были превращены в хлопальщиков-клакеров. Партийная схема еще не была так идеально отшлифована, как в царствование великого семинариста. Поэтому какая-то часть делегатов, «пробравшихся» на съезд помимо желания всемогущего ЦК, еще двигала свои тезисы.

Ниже приводятся тезисы, противопоставленные тезисам всемогущего ЦК по общим политическим вопросам и о «роли профсоюзов».

Резолюция группы децистов[vi]

«... 1. Обнаружилось, что в области общей политики ЦК допущен целый ряд ошибок, признанных в докладе ЦК. Эти ошибки, неизбежные при данных условиях, были усилены благодаря бюрократизация аппарата и, в особенности, его верхушки....

2. За последний период, в момент перехода партии к режиму рабочего демократии(!!)[vii],

ЦК оказался не в состоянии предвидеть болезненностью этого процесса... ЦК.... в труднейший момент распался на группы и стал ареной фракционной склоки.

3. Перед лицом поднявшей в последнее время голову мелкобуржуазной стихии ЦК снова обнаруживает колебания в вопросе об основном направлении партийного строительства в сторону отказа от установления в партии демократии....

---

i Стенограмма X съезда, стр. 347, речь Радомыслова.

ii Стенограмма X I съезда, стр. 45-55, речь Вячеславова.

iii В последующие 40 лет вохровская партии становились все более «крепкой и спаянной», после очередной чистки или уничтожения инакомыслящих или после очередной драки олигархии за власть. Наиболее «крепкой и спаянной» вохровская партия стала, когда сам Вячеславов и его коллеги попали в «антипартийную группу» (прим. автора).

iv Какой ужас! (прим. автора).

v Типичный образец ильичевского «демократического централизма» (прим. автора).

vi Стенограмма X съезда стр. 135, огласил резолюцию Червов.

vii Ильичевым и семинаристом и их преемниками насаждался только «централизм», а демократию заменили диктатурой олигархии, тем не менее Ильичеву приписывается изобретение «демократического централизма» (примечание автора).

X съезд признает, что именно ввиду трудности и сложности условий... необходимо проведение... принципа демократического централизма и пролетарской демократии(!)[i]...»

Резолюция «рабочей оппозиции[ii]

«1. Со времени IX съезда ЦК не проводил указанным на VIII съезде мер по оздоровлению партии от чуждых ей элементов.

2. ЦК не охранял и не проводил в рядах партии на деле принципов рабочей демократии, ответственности и отчетности руководящих органов перед низами партии и широкой гласности суждений по всем вопросам партийного и коммунистического строительства.

3. ЦК не проводил... действенных мер борьбы с разъедающим весь наш вохровский аппарат бюрократизмом, возмущающим широкие массы рабочих и беднейшего крестьянства.

4.Политика ЦК... по важнейшим вопросам имела ряд уклонов в сторону недоверия к творческим силам рабочего класса и уступок мелкой буржуазии и буржуазно-чиновничьим кастам....

X съезд осуждает эту колеблющуюся политику ЦК и находит, что изживание указанных уклонений возможно только при условии максимальной, органической и неразрывной связи партии через Советы и профсоюзы с широкими пролетарскими и полупролетарскими массами города и деревни».

Даже эти достаточно бледные резолюции не были приняты подавляющим клакерским большинством X съезда, который, якобы, после трех лет усиленной милитаризации, должен был даровать трудящимся массам или хотя бы только «широким массам» вохровцев подобие демократизма.

За резолюцию ЦК было подано 514 голосов, за резолюцию децистов – 47 и за резолюцию «рабочей оппозиции» – 45.

Выписка из постановления X съезда о роли профсоюзов[iii]

«..Так как вохровская власть является наиболее широкой организацией, концентрирующей социальную мощь пролетариата, ясно, что профсоюзы по мере развития коммунистического сознания и творческой роли масс должны постепенно превращаться в вспомогательные органы государства, а не наоборот...

Важнейшей ролью профсоюзов в вохровском Государстве Тмутараканском остается их роль, как школы вохризма...

Быстрое огосударствление профсоюзов было бы крупный ошибкой именно потому, что на данной стадии развития в сильнейшей степени помешало бы выполнению профсоюзом указанной задачи....

Главным методом профсоюзов является метод убеждения, а не метод принуждения, что нисколько не исключает того, что профсоюзы, в случае надобности практикуют и методы пролетарского принуждения...»[iv]

Проект Постановления X съезда «О роли и задачах профсоюзов группы Лейбова-Книгарина[v]

«Позиция «Десяти» по существу санкционирует старую практику президиума ВЦСПС и тем самым отказывается от того «радикального. изменения методов и тезисов работы» профсоюзов, который установил IX съезд. Позиция «Десяти» закрывает глаза на глубокий кризис профсоюзов, выражающейся в чрезвычайной оторванности союзных органов от хозяйства.....

Справедливо подчеркивая необходимость перехода всех союзов к методам рабочей демократии, позиция «Десяти» закрывает, однако, глаза на тот факт, что сами по себе методы демократии внутри

i Как было ранее показано, из формулы «демократический централизм» в течение последующего полувека был осуществлен только армейский централизм.

ii Стенограмма X съезда, стр. 316, огласил резолюцию Волков.

iii Стенограмма X съезда, стр. 579-584.

iv Вот и вся демократизация, принятая на «демократическом» X съезде! Не слишком быстрое огосударствление фактически уже огосударствленных «профсоюзов» и наряду с принуждением применение и «убеждения» (примеч. автора).

v Стенограмма X съезда, стр. 674

союзов без изменения положения и роли союзов в государстве не разрешат вопрос и дают выхода из кризиса.

В области своих практических выводов платформа «Десяти» хотя и делает ряд уступок нашим взглядам, в общем и целом сохраняет обособленность профсоюзов и хозяйственных организаций… Платформа «рабочей организации» исходит из вполне законного и правильного стремления сосредоточить в руках профсоюзов управление промышленности, но дают этому стремлению неправильное выражение, все больше уклоняющееся в сторону синдикализма. «Рабочая оппозиция» предлагает просто поставить крест над всем предшествовавшим хозяйственным строительством и пытается механически заменить их выборным представительством рабочих, начиная с завода и рудника и кончая высшими хозяйственными учреждениями республики. Такое разрешение вопроса повело бы к разрушению централизованного общехозяйственного аппарата и к утрате партией руководящего влияния, как на союзы, так и на хозяйство…

Оттенки в отношении к методам демократии в результате дискуссии сошли на нет, и это позволило нам вопрос о рабочей демократии формулировать в тех же выражениях, как это сделано в платформе «Десяти» (см. раздел: методы убеждения и методы принуждения) …»[i]

Тезисы «рабочей оппозиции»[ii]

«.. Роль профсоюзов в организации и управлении производством на деле низведено до роли справочной и рекомендательной конторы, поставляющей работников на административные посты… Умаление значения и фактической роли профессиональных организаций в вохровском Государстве Тмутараканском означает проявление классовой вражды к пролетариату и должно быть немедленно изжито…

Система и методы строительства, опирающиеся на громоздкую бюрократическую систему, исключают всякую творческую инициативу и самодеятельность организованных в союзы производителей. Эта система проведения хозяйственной политики бюрократическим путем через головы организованных производителей по линии чиновников, назначенцев, сомнительных спецов, породило двойственность в управлении и влечет за собой постоянные конфликты… Существующий ныне бюрократический подход к хозяйственному строительству препятствует достижению максимальных производительных результатов, что вносит разлад, недоверие и разложение в ряды рабочих… Ни одно лицо не должно быть назначено на административный пост помимо союза…

Все выдвигаемые союзом кандидаты не могут быть отводимы… Развернутые в конечном виде формы организации управления хозяйством, а также окончательно построенная система взаимоотношений различных хозяйственных органов должны привести существующие в Республике организации производителей в виде производственных и профессиональных союзов к сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством, как единым хозяйственным целым…».

Даже та небольшая часть делегатов, которые в отличие от новоиспеченных «хлопальщиков» голосовали за общеполитическую резолюцию «рабочей оппозиции, в количестве 45 чк, в бо́льшей своей части испугались. За резолюцию «Десяти» было подано -336 голосов, за резолюцию Лейбова – 50, за «рабочую оппозицию» – 18.

На одиннадцатом съезде зажимаемая группа «рабочей оппозиции» решается на отчаянный шаг. Подает заявление в Вохринтерн, полностью контролируемый ильичевской группой. Ниже приводится текст заявления[iii]:

Заявление 22-х

членам конференции Вохринтерна;

копия: ЦК Скифской вохровской партии.

---

i По существу, проект Лейбова – Книгарина мало отличается от «демократического» проекта «Десяти» (примечание автора).

ii Стенограмма X съезда, стр. 685.

iii Стенограмма XI съезда, 6 г. в.в.э., стр. 749.

«Из наших газет мы узнали, что исполнительный комитет Вохринтерна обсуждает вопрос об «едином рабочем фронте», и считаем нашим делом поставить вас в известность о том, что дело с единым фронтом в нашей стране обстоит неблагополучно… В то время, как силы буржуазной стихии напирают на нее… когда они проникают даже внутрь нашей партии, социальный состав которой (40 % пролетариев и 60 % непролетариев) благоприятствует этому, наши руководящие центры ведут непримиримую разлагающую борьбу против всех, особенно, пролетариев, позволяющих иметь свое суждение и за высказывание его в своей партийной среде применяют всяческие репрессивные меры. Стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется «анархо-синдикализмом», а сторонников его подвергают преследованию и дискредитированию. В области продвижения та же картина подавления рабочей самодеятельности, инициативы, борьба с инакомыслием всеми средствами. Объединенные силы партийной и профсоюзной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии. Наши фракции союзов и даже фракции целых съездов лишаются права выявить свою волю в деле избрания своих центров. Опека и давление бюрократии доходят до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами вохровцы, а тех, кого хотят игнорирующие верхушки. Такие методы работы приводят к карьеризму, интриганству и лакейству, а рабочие отвечают на это уходом из партии… Разделяя идею единого рабочего фронта, … мы обращаемся к вам, имея искреннее желание покончить со всеми ненормальностями, стоящими на пути единства этого фронта, прежде всего внутри скифской вохровской партии.

Положение дела в нашей партии настолько тяжелое, что побуждает нас обратиться за помощью к вам…». Далее следуют подписи и партстаж (в скобках с какого года):

Лобанский (13 г. до в.в.э.), Шмидтов (13 г. до в.в.э.),

Рябатов (5 г. до в.в.э.), А. Волков (5 г. до в.в.э.), Жирников (11 г. до в.в.э.), Плоскогубов (2 г. до в.в.э.), Султанов (5 г. до в.в.э.), С. Волков (17 г. до в.в.э.), Рбуно (13 г. до в.в.э.), Кривдин (18 г. до в.в.э.), Васильев (18 г. до в.в.э.), Дмитрин (15 г. до в.в.э.), Борухов (4 г. до в.в.э.), Колынов (5 г. до в.в.э.) Венин (2 г. до в.в.э.), Легыщев (7 г. до в.в.э.), Пшенцев (3 г. до в.в.э.), Кашкетников (16 г. до в.в.э.) Гришулин (1 г. в.в.э.), Беркенев (1 г. в.в.э.) Савлов (1 г. в.в.э.), Шаткин (5 г. до в.в.э.)

Присоединилась Столбтай (19 г. до в.в.э.)».

Функционер из полицейского органа ЦКК – Перц, совместно с прочими откровениями, обрушился на этих старейших членов партии, посмевших по своей наивности обратиться к контролируемому ильичевцами Вохинтерну. Имея в виду, что вредные инакомыслящие могут разводить вредные разговоры, Перц обрушился и на Кремлевский дискуссионный клуб[i]: «Злоупотребления этой властью, особенно в эпоху чрезвычайной нужды неизбежен.

…Успех привлек к нам массу элементов невохровских...

Пчелинский говорит: «мы очень хорошо умели рассказывать о демократизме. Но когда нам понадобилась собственная армия, то мы насаждали в ней ту дисциплину, которая обязательна для всякой армии…

Но когда передышка — у нас появляется желание освободиться от партийного ига… но такой момент не наступил……..»

.. Дискуссионный Кремлевский клуб превратился в клуб, где исключительно в последнее время собирались всякие сплетни, которые товарищи прочитывали в белогвардейских газетах и произносили по этому поводу всякие речи… какие замыслы творятся в верхах и что они скрывают от партии….

Мы пригласили председателя клуба Молчова и Золотенбаха… беседовали с ними о том, что таким образом выступать в дискуссионном клубе не полагается….[ii]… Я перехожу к делу о заявлении 22-х…

i Стенограмма XI съезда, речь Перца, стр. 167–177.

ii На окрик партийного полицейского из ЦКК Перца Золотенбах ответил следующее (Стенограмма X съезда, стр 179–181): «… Нельзя обвинять, нельзя делать преступления из выступления на партийном собрании…. ЦКК надо упразднить. Для ее существования нет никакого основания…Дискуссионные клубы тоже являются порождениями тяжелой минуты, признанием того, что партийная жизнь замирает. Вместо того, чтобы идейная жизнь пульсировала на парт-

Мы хотели выяснить, какие основания были у этих товарищей, подавших это заявление предъявить в Вохинтерн обвинения…. Нас это поразило прежде всего потому, что среди подписавшихся был член ЦКК… и вдруг он обвиняет руководящие центры нашей партии в том, что они «ведут непримиримую разлагающую борьбу...».

… Они считали, что борьба, которую вел с ним ЦК, выразилась в давлении, которое произвел ЦК при выборе Центрального Комитета на съезде металлистов….. Когда большинство съезда металлистов хотело составить список ЦК из сторонников «рабочей оппозиции» ЦК партии обязан был сказать свое решающее слово Ему это приказал (!!) съезд партии…

В списке 22-х фигурирует Жирников, который был уже исключен из партии…

Подавшие это заявление отнюдь не представляют собой партийных рабочих «низов», ибо все они принадлежат к категории ответственных вохровских работников…

I-я группа: Кашкетников, Волков, Столбтай — организаторы.

II-я группа, в которую входят Дмитрин и Шмидтов, первый меньшевик, вошедший к ним в 4 г. в.в.э., второй занимался торговлей и неправильно предъявляющий право на стаж с 13 г. до в.в.э.

III-я группа: все остальные за исключением Венина и Васильева, которых ЦКК не удалось повидать. ЦКК предлагает I и II группу исключить из партии». Суд ЦКК над лидерами оппозиции был скорый, как и полагается полицейскому суду.

Шемякин суд Вохринтерна, куда с жалобой обратились 22 сторонников «рабочей оппозиции», был инсценирован более солидно.

Режиссеры инсценировки по своей скромности остались в тени. Однако следует полагать, что главным режиссером был ильичевец Радомыслов, председатель исполнительного комитета Вохринтерна. Была организована «объективная» комиссия Вохринтерна[i]: «Тецкин (Гунния), Шакен (Галлия), Сирф (Зап. Варягия), Локаров (Юго-Восточная Скифия), Крейхиб (Зап. Скифия), Землячин (Латиния), Опик–Мандо (Саксия)…. Председатель Локаров следующим образом формулировал обвинения Кашкетникова и Столбтай:

1. В партии не разрешается свободная критика. Все решает один ЦК. Партия ставится перед свершившимся фактом. Примеры: 1. решение о продналоге; 2. Решение по вопросу о тактике единого фронта.

2. ЦК оказывает постоянное давление на месткомы при назначении секретарей и других должностных лиц. ЦК систематически посылает на места своих кандидатов в секретари, и если губкомы не соглашаются с предложением ЦК, то ЦК находит средства заставить их согласиться.

3. Партийные инстанции игнорируют рабочих. Рабочим не дают возможности серьезно участвовать в работе как парторганизаций, так и профсоюзов и Советов.

Отсюда невероятный рост бюрократизма. Состав партии в большинстве мелкобуржуазный Рабочие все больше выходят из партии. Опасность социального перерождения партии громадная.

собраниях, вместо того, чтобы на этих собраниях партийные товарищи приучались дискутировать, пришлось создать новые клубы для так называемых старых членов партии, которым позволялось говорить без того, чтобы какие-нибудь гувернантки им в этом отношении мешали. Но я должен вас успокоить. Т. Перец, наверное, думает, что там, бог весть, что происходит. А произошло то, что некоторые товарищи чересчур пугались всякого свободного слова и приходили от этого в ужас…. Ну, вы знаете, меня не ошельмовали, а ошельмовали весь клуб целиком…, заявив, что заслушав доклад т.т. Прямова, Молчова и Золотенбаха о деятельности клуба, ЦКК констатирует, что за последнее время дискуссии в клубе приняли демагогический, непартийный характер… и это начало вносит упадочное настроение среди участников клуба».

Надо полагать, что до того, как Золотенбаха уничтожили виссарионовские палаческих дел мастера, у него было достаточно времени, чтобы понять, что в полицейском вохровском государстве выступление инакомыслящих — самое большое преступление! (прим. автора.)

i Стенограмма XI съезда, стр. 752–756

4. ЦК скифской вохровской партии оказывает систематическое давление на вохровские фракции профсоюзов. Против мнения и воли вохров-рабочих и профсоюзов ЦК составляет свои списки параллельно и принуждает фракции профсоюзов проводить эти списки.

5. Партия хотела провоцировать «раб. оппозиции». После III конгресса агент ВЧК — Смарагдов явился к секретарям Кашкетникова и Столбтай с предложением создать группы IV интернационала. Провокация заключалась в том, что таким образом имелось ввиду создать повод для исключения Кашкетникова и Столбтай из партии.

6. В квартире Кашкетникова в Кремлевии произошел обыск, хотя он и член ЦК партии. Письмо, адресованное Кашкетникову из Ниллата, с жалобами на тамошнюю миссию было кем-то вскрыто. Вместо того, чтобы доставить письмо Кашкетникову, письмо было переслано тому лицу, на которого в письме содержались жалобы.

7. Последние выборы в Кремлевсовет прошли при фактическом бойкоте со стороны рабочих. Даже те рабочие, которые голосовали за вохров, часто делали это только из боязни репрессий и из-за боязни того, что если они выберут не вохров, то выборы все равно будут аннулированы.

8. Вохровское правительство зря выбрасывает золото. Заказы локомотивов Гуннии и Западной Варягии причинили громадный вред Республике. Скифские рабочие оставлены без работы, между тем, как в Государстве Тмутараканском — вагоностроительные заводы, которые могли бы вдвое быстрее и в 2 ½ раз дешевле производить локомотивы. До войны в Государстве Тмутараканском производилось 1200 локомотивов в год.

9. Чистка партии (идея чистки исходила из «рабочей оппозиции») в значительной мере испорчена. Пример: Виссарионовградская организация.

10. Товарищи, подписавшие жалобу 22[x], уже получили от ЦКК приглашение по этому поводу; это, конечно, начало репрессий.

11. На всетмутараканском съезде металлистов кто-то заранее намекал на то, что международная комиссия, назначенная расширенным заседанием исполнительного комитета Вохринтерна, обязательно осудит жалобщиков.

12. Из 35 секретарей губкомов — только 3 рабочих. Остальные — не рабочие (журналисты и другие).

13. Рабочие все больше уходят из партии; пример: в Кремлевской организации с мая по август ушло 306 рабочих и 185 нерабочих. В других городах положение еще хуже.

14. Когда Жирников подписывал письмо 22[x], он еще не был исключен из партии.

15. Резолюции партийных съездов хороши, но ЦК и местные комитеты не проводят их.

Заключение: скифская вохровская партия идет навстречу полной изоляции от рабочих. Рабочие покидают партию. Партия становится мелкобуржуазной. Шакен прочел запись из записной книжки:

«Столбтай заявила нам: когда рабочие бастуют, красноармейцы выполняют роль штрейкбрехеров. Красноармейцам приходится занимать фабрики и заводы, оставленные будущими рабочими и выполнять работу за них».

«Кашкетников заявил нам: вам, то есть иностранцам, показывают парады и казенные зрелища, но это только видимость. На самом деле происходит могучее стачечное движение. Рабочий класс рвет с нынешним правительством. База возмущения, как видите очень серьезна».

В комиссию поступило еще письменное заявление от Кашкетникова и Столбтай:

«В целях предохранения партии от указанных опасностей мы полагаем необходимым:

1. Обеспечить за пролетарским составом руководящие посты партии и советов, проводя на деле массовое привлечение беспартийных рабочих к непосредственной государственной работе.

2. Предложить ЦК скифской вохровской партии проводить на деле Постановления X съезда о рабочей демократии в партии и в профдвижении.

3. Обеспечить действительную свободу внутрипартийной критики, без которой невозможно оживление партийной жизни, развитие самодеятельности и т.п.

4. Прекратить гонения за проявление инакомыслия, как в партийном, так и в служебно-вохровском порядке, а также дискредитирование рабочих-вохров путем подведения всякого несогласия рабочих с Постановлениями вохров под рубрику кредитирование рабочих-вохров путем подведения всякого несогласия рабочих с Постановлениями вохров под рубрику «анархо-синдикализма».

Объяснения на 15 «обвинительных пунктов», сформулированных председателем комиссии И. К. Вохринтерна — Лакоровым, подробно давали от имени ЦК скифской вохровской партии Лейбов, Радомыслов и Зутак.

Комиссия ЦК Вохринтерна приняла единогласно осуждающую «рабочую оппозицию» резолюции. 4 марта 6 г. в.в.э. эта резолюция обсуждалась на расширенном заседании Исполнительного Комитета Вохринтерна. Докладчиком комиссии был Крейхиб. Взгляды 22[x] защищали Кашкетников и Столбтай.

От ЦК скифской вохровской партии выступил Карлек.

Резолюция была на расширенном заседании принята единогласно, при четырех воздержавшихся. (двое из Гельвеции и двое из Западной Скифии). Так закончился Шемякин суд Вохинтерна, марионетки ильичевской группы.

Волков и Столбтай, в какой-то степени еще чувствовали себя своими в этой почти тоталитарной элите вохровской партии и «оправдывались» на XI съезде. Волков говорил[i]:

«Мы указали целый ряд явлений, которые никто из товарищей, если он не хочет обманывать себя, не может опровергнуть».

Вот почему обвинение произвести раскол партии чудовищно и является величайшей недобросовестностью[ii]. То, что мы сказали в своем обращении к Вохринтерну, является не только нашим личным убеждением, но подтверждается целыми собраниями вохровцев, в частности в Новоградской губернии…».

Столбтай говорила[iii]: «.. Мне кажется, что в этом случае ЦКК все еще действовала так, как она привыкла действовать за время, когда у нее в партии господствовал военный режим;… привычка всего иметь перед собой комсостав и рядовых — и даже в отношении к 22-м она отыскала комстав и рядовых…

… Если бы массы чувствовали, что партия — это именно то место, где они найдут полный ответ на свои запросы и возможность самим бороться с темными явлениями… рабочие стремились бы в партию, а между тем массы остаются в стороне, а рабочие из партии уходят… Это наше горе, наша боль: когда вы приходите на завод, где имеется 900 рабочих и где во время собраний за партию голосуют 22, воздержались 4, а остальные просто не голосуют, это показывает на инертность, на отрыв…

… Исключение этих товарищей не приостановит болезни… Напротив: не загонят ли эту болезнь внутрь, не будет ли после этого еще большего молчания, пассивности…».

Столбтай как в воду глядела. Уже к периоду воцарения великого семинариста инертность не только рабочих масс, но всего тмутараканского населения стала максимальной, вернее, достигла 100 %. Активной осталась только правящая вохровская элита. Но ни Столбтай, ни ее коллеги не оценили могущества тоталитарного полицейского механизма и великолепных Темкинских деревень. Уже через полтора десятка лет голосовали не 22 из 900, а все 900 человек, все 99,9 % голосовали за блок вохровцев и беспартийных. И что самое удивительное: все 100 % не интересовались, за кого они подают свой голос. Едва ли Столбтай и ее коллеги могли предвидеть такую специфическую вохровскую форму инертности.

---

i Стенограмма XI съезда, стр. 193–195.

ii Подчеркивая явления, характеризующие перерождение партии, подавление инакомыслящих, полный отрыв от трудящихся масс, пренебрежение интересами трудящихся масс, бюрократизацию верхушечного аппарата партии, лидеры «рабочей оппозиции», как огня боялись обвинения в фракционности и расколе (прим. автора).

iii Стенограмма XI съезда, стр. 196–200.

Столбтай и ее коллеги безусловно не могли предвидеть ни 30-летнего государствования великого семинариста ни беспрецедентного, позорного низведения общественных вохровских наук до бесконечно более низкого уровня, чем уровень самого низкопробного, похабного, бульварного листка.

Достаточно подробная «история» вохровского Государства Тмутараканского и капиталистического мира, «разработанная» Иститутом Истории Всетмутараканской Академии Наук, и изданная уже после разоблачения «культа личности», зверски истребившего десятки миллионов людей, в 41 г. в.в.э., на полустранице, смешав все в одну кучу, следующим образом беспардонно фальсифицируют последнюю отчаянную попытку наиболее передовых вохров задержать торжествующее, победное шествие реакционного тоталитаризма[i]: «… X съезд партии состоялся с 8 по 16 марта 5 г. в.в.э. Съезд подвел итоги внутрипартийной дискуссии о профсоюзах, осудив антипартийные взгляды лейбистов[ii], «рабочей оппозиции» и «децистов». Резолюция о профсоюзах отражала ильичевские взгляды на профсоюзы. Против этих решений съезда выступили представители антипартийных фракционных группировок, но они не встретили никакой поддержки у подавляющего большинства делегатов съезда. Взгляды Ильичева поддерживал и защищал как до съезда, во время дискуссии о профсоюзах, так и на съезде ряд выдающихся деятелей партии: Темор, Михайлов, Николаевский, Зутак, Виссарионов и др. Съезд принял предложенную Ильичевым резолюцию о единстве партии, в которой внимание всех членов партии обращалось на то, что единство и сплоченность ее рядов является особенно необходимыми в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебания в среде мелкобуржуазного населения. Резолюция признавала фракционность несовместимой с пребыванием в партии. Принятие ильичевской резолюции о единстве партии сыграло большую роль в укреплении партии.

Съезд принял резолюцию об «анархо-синдикалистском уклоне», в который резко осудил антипартийные взгляды «рабочей оппозиции»» Та же «история»[iii], не упомянув ни одним словом о фактической ликвидации профсоюзов, о превращении «профсоюзной» схемы в одно из полицейских звеньев для внедрения принудительного труда, так же на полустранице следующим образом фальсифицирует оппозицию демократического централизма, которая выступала против диктаторских устремлений Ильичева и его группы: «… На IX съезде выступила антипартийная группа «децистов», возглавляемая Менинпроновым, Пчелинским и другими, поддержанная Шкаликовым и Дикским. Эта группа демагогически называла себя группой «демократического централизма» (отсюда и и название — «децисты»), но ее воззрения не имели ничего общего с ильичевским, вохровским пониманием демократического централизма, отражали давление мелкобуржуазной стихии. «Децисты» выступали против единоначальников и личной ответственности директоров предприятий и отстаивали безбрежную «коллегиальность» и безответственность в руководстве промышленности. Ильичев показал, что тезисы «децистов» содержат «сплошное теоретическое искажение», «чудовищные принципиальные неверности»[iv].

Ильичев подчеркнул огромное, решающее значение партийности и вохровской дисциплины. «Нужна железная дисциплина, железный строй, без которого мы не продержались бы не только два с лишним года – даже и двух месяцев»[v] ….»

Та же «история» на стр. 507, посвящая XI съезду одну с небольшим страницу, ни одного слова не посвящает тому, как группа Ильичева, трогательно объединившаяся с группой Лейбова – Книгарина, совместно, полицейскими мерами, а также осуществив блестящую инсценировку «осуждения «рабочей оппозиции»» комиссией и расширенным заседанием Исполнительного Комитета марионеточного Вохринтерна, окончательно раздавили последних защитников некоторых демократических тенденций хотя-бы только внутри вохровской партии и раб. класса. Зачем же уже после «мужественного разоблачения» «культа личности» вохровским «историкам» понадобилась такая беспрецедентно грубая фальсификация? Зачем, даже спустя 45 лет, да к тому же после «разоблачения» «культа личности», они настолько «темнят», что даже опасаются в «истории» вспомнить самых влиятельных членов ЦК, ко-

i «История» вохровского Государства Тмутараканского в 1–7 г. в.в.э. Изд. Полит. литературы, 41 г. в.в.э., стр. 491.

ii Ложь, по существу, «Десять» выступали единым фронтом с Лейбовым – Книгариным против «раб. оппозиции» (прим. автора)

iii «История:…», стр. 329–330.

iv Сочинение Ильичева, т. 30 стр. 434–435.

v То же, стр. 25.

торые вместе с Ильичевым выдвинули платформу «Десяти»? Почему они возвели в ранг «выдающихся» деятелей Томара, Михайлова, Николаевского, разжалованного великим семинаристом в директоры Музея, Зутатаки, уничтоженного им же и, наконец, самого самодержца-семинариста Виссарионова?

Почему «история» забыла уничтоженных великим семинаристом значительно более влиятельных членов ЦК, которые вместе с Ильичевым раздавили «рабочую оппозицию»: Книгарина, Радомыслова, Розенколева, Полумесяцинского, Переделкинского, Карлека, Задковского, Шкаликова, Золотова, Храброва, Дикского, и наконец, Лейбова?

Ведь сам Ильичев говорил на X съезде, громя «рабочую оппозицию»: «Рабочая оппозиция» говорила: «Ильичев и Лейбов соединяются». Лейбов выступал и говорил: «Кто не понимает, что нужно соединяться, тот против партии. Конечно, мы соединяемся, потому что мы люди партии». Я поддерживал его….. Вот с такими заявлениями мы пришли с т. Лейбовым на съезд горнорабочих и пришли сюда…».

Сам Ильичев утверждал, что он соединяется с Лейбовым в подавлении «рабочей оппозиции». Кто выступал от имени ЦК главными свидетелями обвинения полицейского ЦК на инсценировке, устроенной в марионеточном Вохринтерне для «осуждения» «рабочей оппозиции? «Забытые» «историей»: Лейбов, Радомыслов и Карлек.

Почему же самая «объективная» в мире вохровская «история» – на этот раз безусловно самая объективная, потому что «культ личности» уже был «мужественно разоблачен» и героическая вохровская партия вернулась к ильичевским «демократическим нормам» – почему эта самая «история» так забывчива?

А на это безусловный союзник скифской вохровской партии – Пальмиратти дает недвусмысленный ответ[i]: «Кроме того, вообще говоря, считают, что до сих пор не разрешена проблем происхождения культа личности Виссарионова, не разъяснено, как он вообще стал возможен. Объяснение всего только значительными личными пороками Виссарионова находят недостаточными».

Правда, вохровские «объективные» «историки» «культ личности» объясняют не только значительными пороками «выдающегося» деятеля Виссарионова, а еще и тем, что к руководству органами государственной безопасности пробрались два «политических авантюриста» Беридзе и Сусликов. Вот где собака зарыта. Вохровским «историкам» следует посочувствовать. Не могут же вохровские «историки» признать, что чудовищный, кровавый, архипреступный исторический период, который длился несколько десятилетий и который остроумно назван великими преемниками великого семинариста «культом личности»[ii] – вполне закономерен и является следствием многолетнего подавления инакомыслящих как вне вохровской партии, так и внутри ее; многолетнего искоренения всяких и всяческих свободных общественных организаций, включая одно из величайших завоеваний пролетариата – профсоюзы; тотальной ликвидации общественного мнения, прессы, литературы и свободного искусства; организации огромной бюрократической схемы, включающей тотальный, разветвленный полицейский аппарат.

Даже зарубежные исследователи, которые не очень хорошо представляют себе историю развития социализма и вохризма в Государстве Тмутараканском, отмечают некоторые явления, которые могли привести к «культу личности» Например, сакский исследователь Шапиро пишет: «Особенно ненавистны были некоторые массовые организации Ильичеву… Он полагал, что вохры попросту растворяются в нейтральной массе, которую они не смогут контролировать… Вохры или стояли в стороне от профсоюзов или активно выступали против них».

Гуннский исследователь фон Раух в «Истории вохровского Государства Тмутараканского» пишет: «Было бы пустой фикцией утверждать, что в день великой вохровской революции власть захватил рабочий класс, это был военный заговор».

Упомянутый сакский исследователь Шапиро считает, что Ильичев и не думал превращать Советы в государственную власть, а лишь использовал их популярность для установления диктатуры партии.

---

i «Кривда» 10/IX 48 г. в.в.э. «Памятная записка Пальмиратти»

ii Впрочем, понятие «культа личности» изобрел на XV съезде Ихсян по отношению к «дворянам» — лидерам оппозиции (прим. автора).

Он же считает, что принцип демократического централизма – лишь «фраза, включенная в Устав, которая вряд ли могла сыграть сколько-нибудь серьезную роль на практике». Гуннский исследователь Лиураж «Государство и право вохризма» считает, что «вохровская партия построена, как и 50 лет тому назад, по принципу нелегальной конспиративной партии»…

Упомянутый выше Раух пишет, что в работе Ильичева «Шаг вперед, два шага назад», он «недвусмысленно высказывается против демократии и автономии и окончательно придерживается иерархического принципа в партии». Составители гуннского «Справочника мирового вохризма» пишут, что «вохровскую партийную организацию можно охарактеризовать кратко двумя существующими понятиями: иерархия и центральный контроль, причем последний преобладает».

Гуннский исследователь Зальтер в своей книге «От Ильичева до Никитова» пишет, что после великого вохровского переворота «в партии не осуществлялся принцип коллективного руководства; Ильичев любил единолично решать все вопросы; в вохровской партии все вопросы решает один человек или в крайнем случае секретариат» Он же утверждает, что «вохровская партия не может допустить индивидуального толкования отдельными членами партии».

Составители «Справочника мирового вохризма» пишут, что в вохровской партии «независимое политическое мышление не означает свободы критики внутри вохровской партии.. хотя вохровская партия утверждает, что она защищает демократию внутри партии, но все же в общем считается тот член партии образцом, который проявляет безпрекословное повиновение приказаниям, отданным центральными органами».

Шапиро утверждает, что «Ильичев не признавал свободной дискуссии, как метода для выработки лучшей линии поведения».

По мнению гуннского исследователя Ашминова, даже в настоящее время (46 г. в.в.э.) расширение демократизма не коснулось рядовых вохровцев, что оно «колебалось только между первым секретарем и членами парткомов». Менарт в его книге «Вохровский человек» заявляет о партийных руководителях: «В их намерения не только на деле, но и на словах никогда не входило и не входит сейчас – спрашивать у народа его мнение». Он считает отличительным признаком вохровского человека в настоящее время (имеется в виду 42 г. в.в.э.) «тенденция к деполитизации и очевидное равнодушие к политическим лозунгам»…

Проф. Гронгиан пишет, что «вохровские профсоюзы – инструмент, который проводит требования государства по отношению к рабочим вместо того, чтобы делать требования рабочих своими и бороться за их выполнение». Креннер в своей книге «Государство Тмутараканское и завтрашний мир» заявляет, что «вохровские профсоюзы по своей сути являются просто государственными органами и не защищают интересов рабочих».

Маурах в книге «Вохризм» констатирует, что партии подчиняются в административном порядке и государственные и общественные организации. Деятельность Советов определяется не Конституцией («внешнее государственное право»), а Уставом вохровской партии («внутреннее государственное право»), сама же Конституция определяется партийным Уставом и не является «экспонентом и выражением действительной динамики». Наконец, Вагенлейнер в своей книге «Новый прогресс Государства Тмутараканского» довольно остроумно отмечает: «За исключением хозяйства, которое в Государстве Тмутараканском с 3 г. в.в.э. сильно выросло, кажется, как будто время не двигалось. Задачи в политической и социальной области в общих программах, в сущности, полностью совпадают. Вохровская партия в 45 г. в.в.э. ставит те же самые задачи, какие уже содержит программа 3 г. в.в.э.». Фундамент самодержавной и кровавой империи великого семинариста, которую его великие преемники назвали «культом личности». начал закладываться еще задолго до великой вохровской революции.

Степун утверждает, что еще на втором съезде вохровской партии в Брюдереве Ильичев защищал тезис, что следует создавать партию не в демократическом, а в бюрократическом духе. Шапиро также пишет, что на втором съезде «принцип демократии в партии был отвергнут».

Правда, через полгода после свершения великой вохровской революции, почти непосредственно после разгона Учредительного собрания с помощью вохровских штыков, величайший Ильичев совер-

шенно непоследовательно, со свойственной ему «многогранностью» «ударяется в демократизм», и утверждает на седьмом съезде, что вохровская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без посто- янной армии, с заменой буржуазного демократизма, новой демократией».

Но через год величайший диалектик Ильичев говорит о необходимости экспериментировать, делать опыт, по выражению Лейбова, восхищается «революционным насилием и диктатурой», утверждая, что это «прекрасная вещь». Мансардный теоретик, помощник присяжного поверенного, упраздняет исполком советов, и 16 «законодателей» (Ильичев со своими подчиненными), по свидетельству Пчелинского, начинают сочинять свирепейшие законы. Вивисекторы, ставшие с помощью историков «законодателями», начинают осуществлять бредовый ильичевский план по внедрению социализма «в течение полугода».

Та же «история», разработанная Институтом истории всетмутараканской Академии наук, полицейски грубо фальсифицируя факты и отводя эпохе военного коммунизма 2 странички – 297-ю и 298-ю повествует: «Тмутараканская буржуазия и мировой империализм не согласились пойти ни на какие уступки, а развязали жестокую войну, ставившую под угрозу само существование вохровской власти. Эти действия капиталистов толкнули, как говорил Ильичев, «на борьбу отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали».[i] Правительство первоначально намеревалось оставить на некоторое время в руках частных предпринимателей известную часть небольших предприятий, регулируя их деятельность. Однако в условиях войны и ожесточенного сопротивления капиталистов самая широкая и полная национализация стала необходимостью…

… Продразверстка была весьма обременительной для крестьянства. Но трудящиеся крестьяне в основной своей массе шли за нас, (!!) ибо вохровская власть защищала их от кулака».

Архиневежественная система военного коммунизма разрушила народное хозяйство до основания, во много раз больше, чем самая кровопролитная разрушительная война, был уничтожен почти весь оборотный капитал промышленности, в значительной части разрушен основной капитал, крестьянство доведено до чудовищного голода, сопровождаемого людоедством, уничтожено 15 миллионов людей. Сам Ильичев признавал, что система военного коммунизма была «сплошной ошибкой», а вохровская «история», посвящая системе военного коммунизма две странички, считает ее вполне закономерной. Совершенно очевидно, что осуществляя тотальное разграбление страны, открыто внедряя принудительный труд, необходимо было не только создать мощный полицейский аппарат, но и сломить сопротивление крестьян и рабочих, которые, разумеется, сопротивлялись разграблению и внедрению принудительного труда теми способами, которые были в их распоряжении.

Конечно, и остатки мелкой буржуазии, остатки разгромленных инакомыслящих партий, после того, как они столь легко уступили власть вохрам, настолько легко, что сам Ильичев говорил; что «захват власти — это перышко поднять», также доступными им способами выражали недовольство. Отдельные представители инакомыслящих партий, главным образом, социалистов-революционеров, используя свой многолетний опыт террора совершали единичные террористические акты против вохров, в том числе, против Ильичева. Воспользовавшись этим, вохры объявили беспощадный красный террор. Бесчисленные продотряды безжалостно подавляли обираемых крестьян. Рассказанный Золотенбахом факт расстрела семи ни в чем неповинных студентов был одной из весьма многочисленных подобных расправ.

По-солдатски прямо Лейбов повествует о беспощадном жестоком терроре в армии[ii]: «Разве не бывало так, что во время отступления армия беспощадно расстреливала дезорганизаторов? Кого? Подлецов? Вовсе не всегда, нередко людей, которые растерялись, свихнулись! Расстрел был жестоким орудием предостережения других».

---

i Сочинения Ильичева, т. 83, стр. 67.

ii Стенограмма XI съезда, стр. 274, речь Лейбова.

«Мы[i] можем спокойно развернуть и списки наших дезертиров и работы наших трибуналов перед всем миром и показать, что правда, дезертиров после империалистической войны было много и работа трибуналов в некоторый период была очень жестока».

В предыдущей X главе достаточно подробно показано, как постепенно были задушены последние отстатки демократизма внутри вохровской партии. Группа «рабочей оппозиции» и в какой-то степени группы децистов были первыми и последними оппозиционными группами внутри вохровской партии, которые выражали чаяния некоторых групп еще не окончательно деполитизированных рабочих и служащих. Эти группы не дрались за захват власти внутри вохровской партии. Забыв, что снявши голову, по волосам не плачут, они наивно полагали, что могущественная партийная элита, уничтожив всех инакомыслящих, утопив в море крови недовольство обираемых крестьян и закрепощенных рабочих, милитаризовавшая свою собственную партию, рабочих и их профсоюзы, превратившая всех вохров, по выражению Книгарина в «голосующую скотину» и, по выражению Ольховского, в «голосующие куклы», вдруг «раскается» и приступит к демократическим, реальным преобразованиям.

Последующие оппозиционеры, которые единым фронтом, вместе с ильичевцами подавляли «рабочую оппозицию» и децистов: лейбисты, радомысловцы и правые (группа Книгарина – Шкаликова – Дикского) – наряду с защитой некоторых политических и социальных лозунгов уже дрались за власть.

Зарубежный орган тмутараканских социалистов «Социалистический Вестник» писал: «Но эта попытка вести борьбу в рамках сохранения партийной диктатуры и опираться на столь разнородные, противоречивые элементы ведут лишь к тому, что ни один лозунг оппозиция не смеет развернуть до конца, ни на одну силу не может опираться по-настоящему и потому также... осуждает себя на поражение, как осужден был на поражение Лейбов, как будет осужден на поражение каждый бунт, не разрывающий рамки партии и не аппелирующий… к подменным силам общественных классов…».

«Кривда», 10.II.10 г. в.в.э., «Соцвестник о XIV съезде»

«Соцвестник» был, конечно, прав, что все оппозиционные группы вели борьбу в рамках сохранения даже не партийной диктатуры, а в рамках диктатуры партийной элиты. Даже наиболее радикальная «рабочая оппозиция» смертельно боялась упреков в расколе и в «фетишизации» демократизма.

Но «Соцвестник не прав, полагая, что к 10 г. в.в.э. остались какие-то «подлинные силы общественных классов». Ильичев и его сотрудники имели многолетний опыт партийной, конспиративной работы, они хорошо изучили иезуитские повадки и учение Маккиавелли, их не обременяли никакие принципы и они, не в пример царской полиции, сумели, тотально подавить любые «подлинные силы общественных классов».

После смерти Ильичева его верный ученик Виссарионов, используя необъятную власть генерального секретаря, подчиненный ему мощный, разветвленный полицейский аппарат и древний принцип «divide et impera»[ii], по очереди заставил пасть на колени лейбистов, радомысловцев и «правых».

Покончив с ними, великий семинарист осуществил Вторую великую вохровскую революцию, то есть,- экспроприировал землю, скот и инвентарь у крестьян, превратив их в крепостных, резко снизил жизненный уровень вээнов (рабочих и служащих). Разумеется, кахи и вээны были недовольны. Поскольку масштабы ограбления кахов и эксплуатация вээнов были еще больше, чем после первой великой вохровской революции в период военного коммунизма, террор осуществлялся более жестоко и полицейский аппарат стал еще мощнее. Заодно были истреблены все и всяческие оппозиционеры, сочувствовавшие им, знакомые этих сочувствующих и знакомые знакомых. Бюрократическая схема совершенствовалась. Для острастки будущих поколений была истреблена также значительная часть партийной, вохровской, военной, полицейской и хозяйственной элиты, душой и телом преданной божественному великому семинаристу.

«Парады и казенные зрелища», которые, по выражению Кашкетникова, показывали иностранцам, а также инсценировка Вохринтерна по «осуждению» «рабочей оппозиции» послужили хорошим образ-

i - // - IX - // - стр. 387 - // - - // -

ii Разделяй и властвуй (прим. автора).

цом для строительства блестящего фасада вохровских Темкинских деревень, прикрывающего жесточайшие, кровавые дела великого самодержца.

Так было создано то, что преемники великого семинариста называют «культом личности» После смерти обожествленного вождя трижды происходила драка за власть.

Через несколько лет после того, как удалось устранить одного из претендентов на власть – Беридзе, был «разоблачен» «культ личности». Правда, масштаб репрессий, в которых преемники семинариста меньше нуждаются, значительно, весьма значительно сокращен, но бюрократическо-полицейская схема осталась той же, что показано в главе IX. И это основная причина того, что нынешние великие вохровские вожди, к неудовольствию Пальмиратти, не осмеливаются объяснить причины происхождения «культа личности».

Поскольку бюрократически-полицейская схема почти не изменилась, в жизни вохровского, полицейского Государства Тмутараканского возможны любые неожиданные повороты. Одно пока остается незыблемым — необъятная власть первого или генерального секретаря вохровской партии. Именно поэтому великий Никитов, пользовавшийся весьма малым авторитетом, правда, с трудом, но победил могучую коалицию великих вохровских вождей: Вячеславова — Махенлова — Климова — Брягарина, Лазаревича и других.

Великий Никитов неудержимо продвигался к самодержавной власти. Только удачный переворот его противников помешал ему превратиться в такого же самодержца, как Виссарионов. Игра в демократизм постепенно сворачивалась после свирепого подавления унгарской революции. Студентов, которые поверив в демократизацию, протестовали против подавления унгарской революции, «успокоили» обычными полицейскими вохровскими методами. Аджарцев, которые начали постреливать и бить стекла после того, как в результате XXII съезда началась энергичная девиссарионизация, «успокоили» теми же действенными вохровскими методами. Некоторые писатели, возомнив, что великий Никитов является провозвестником новой эры демократии, начали, правда, под строгой цензурой, отображать некоторые стороны бурной эры царствования Виссарионова. При этом они в той или иной степени восхваляли наступивший золотой никитовский век.

Но великие вохровские вожди вскоре уразумели, что даже подцензурное частичное разоблачение грандиозных виссарионовских «мероприятий» может развеять миф, созданный вохровскими вождями и «историками» о том, что «извращения» Виссарионовской эпохи объясняются только скверными чертами характера великого семинариста и кознями в течение десятилетий двух «политических авантюристов» Беридзе и Суликова, пробравшихся к власти. На некоторых писателей цыкнули, некоторых отправили на «перевоспитание» в лагерную систему. В «литературе» был восстановлен полицейский порядок. Вновь усилилась шпиономания и вновь бурно стало расти количество учреждений и предприятий, превращенных в «почтовые ящики». Теперь грабить больше некого, снижать жизненный уровень, и без того низкий, нет надобности. Более того, используя огромную научно-техническую революцию, можно даже черепашьими темпами повышать жизненный уровень, в то же время повышал степень эксплуатации трудящихся, поскольку небольшой рост жизненного уровня намного меньше роста производительности труда, который все же имеет место, невзирая на уродливый вохровский экономический механизм. Все это приводит к тому, что свирепый террор времен великого семинариста едва ли будет иметь место, несмотря на отвердение и сохранение вохровской бюрократически-полицейской схемы, завершение строительства которой началось ускоренными темпами после подавления «рабочей оппозиции» и группы децистов. Только какой-нибудь внешний катаклизм может привести к новому ужесточению этой отвердевшей бюрократически-полицейской схемы.

4. Лейбистская и радомысловская оппозиции

После окончательного разгрома «рабочей оппозиции» на XI съезде в 6 г. в.в.э., через год последовали массовые аресты примыкающих к «рабочей оппозиции». Деятельное участие в этом принимали

Лейбов, Радомыслов, Гривенников, Карлек, Храбров, Шкаликов, Дикский. Об этом свидетельствует речь Губельского на XV съезде в 11 г. в.в.э.[i]:

«С XIV съезда до 15. XI всего навсего (!) привлекли за фракционную деятельность – 2031 человек и исключили – 970 человек…Напоминаю вам, что в 7 г. в.в.э. Радомыслов, Шкаликов, Дикский, Лейбов, Феликсов, Гривенников, Карлек принимали такое решение – предложение комиссии Феликсова:

«Принять следующие решения комиссии:

1) Освобождение арестованных производить только в исключительных случаях…». Это по отношению к «рабочей оппозиции», которая была во всяком случае не хуже лейбистов. Это были только запутавшиеся рабочие. Но тогда Лейбов и Радомыслов вместе с другими членами ЦК постановили: «Освобождение арестованных производить только в исключительных случаях».

Пусть не пеняют на нас, пусть не пеняют на государственное политическое управление, если с ними будут поступать так же, как поступали Феликсов и ЦК при Ильичеве.

Государственное политическое управление было и остается органом пролетарской диктатуры».

Так недвусмысленно предупредил Губельский, который к 11 г. в.в.э. был уже преданным подручным великого семинариста, – Лейбова, Радомыслова и их сторонников, которые слишком поздно и по одиночке начали бороться за власть с Виссарионовым.

Шкаликов, до того, как сам был низвержен и уничтожен Виссарионовым, в 8 г. в.в.э. утверждал, что объединились уцелевшие осколки трех оппозиционных групп[ii]: «При Ильичеве мы имели 3 дискуссии: о профсоюзах, о демократическом централизме и «раб. оппозиции». «Рабочая оппозиция» была осуждена, как анархо-синдикалистский уклон; теперь в последней дискуссии мы имеем единый блок сил, оставшихся от каждой из этих оппозиций. Если возьмете подписи в документах, которые мы получали, списки докладчиков, которые выступали против ЦК скифской вохровской партии, то вы увидите там лидеров оппозиции демократического централизма, осужденных за мелкобуржуазность, сторонников оппозиции Лейбова по профсоюзам, к ним присоединились в нападении на ЦК и представители рабочей оппозиции…. В первый раз в истории нашей партии вся оппозиция слилась вместе, и в первый же раз в истории нашей партии эта объединенная оппозиция не получила ни одного голоса на самом большом съезде в истории нашей партии».[iii]

Величайший Ильичев в какой-то степени предвидел борьбу за власть и, будучи плохим пророком в фундаментальных вопросах экономики и политики, все же предусматривал, что «повар» Виссарионов может оказаться «автором» слишком острых блюд. В своем письме съезду, опубликованном после его смерти только для делегатов съезда, названном «завещанием Ильичева», которое более трех десятков лет было нелегальным документом, тщательно скрываемым Виссарионовым, Ильичев пишет[iv]: «.. Затем я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу Лейбову до известной степени на известных условиях…

Я думаю, что основным вопросом устойчивости с этой точки зрения являются также члены ЦК, как Виссарионов и Лейбов. Отношения между ними составляют бо́льшую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Виссарионов, сделавшись генеральным секретарем, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, Лейбов, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но с чрезмерно хватающей самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти

i Стенограмма XV съезда, 11 г. в.в.э., стр. 550–552, речь Губельского.

ii «Кривда», доклад Шкаликова, 4.VII.8 г. в.в.э.

iii Имеется ввиду XIII съезд в мае 8 г. в.в.э. На этом съезде клакерство было организовано настолько блестяще, что несмотря на объединение всех оппозиционных элементов они не получили ни одного голоса.

iv Стенограмма XIII съезда, стр. 687.

два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно… Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Книгарине и Гривенникове. Это, по моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил) и относительно их надо иметь в виду следующее: Книгарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне карлсистким, ибо в нем есть нечто схоластическое…

Затем Гривенников, человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увекающийся администраторством и административной стороной дела.

Виссарионов слишком груб… Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Виссарионова с должности генерального секретаря и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличался бы от Виссарионова только одним перевесом, именно: более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, менее капризен и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Виссарионова и Лейбова это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение…»

Величайший Ильичев недооценивал своего наиболее последовательного преемника Виссарионова и, главным образом, недооценивал уже в значительной степени сформировавшийся бюрократический аппарат партии, вожжи которого находились уже в руках генсека, твердо управлявшего «птицей–тройкой»: Оргбюро – ЦКК – тайной полицией. Ильичев недооценил также типично азиатское терпение Виссарионова, совмещенное с поразительно умелым использованием векового опыта иезуитов, политиков типа Макиавелли и нечеловеческой жесткостью. О том, как этот сформировавшийся партийный бюрократический аппарат продуцировал «голосующих кукол», свидетельствуют не только выше приведенные Вячеславовым факты разгона сторонников «рабочей оппозиции» в Валерианове и других областных городах и ликвидации там «склок», но и данные Менингронова[i]: «… Оппозиция имела 36 % голосов на районных кремлевских конференциях, на губернской она имела только 18 %. Если от районных конференций до губернской оппозиции потеряла 18 %.... то скольких же голосов нажим аппарата лишил оппозицию в рабочих ячейках.. получится, что оппозиция имеет в Кремлевии больше или меньше 50 % …

Конечно, при нажиме можно какое угодно единство создавать…».

Выше было показано сногсшибательное торжество партийно-полицейского аппарата. Если, по данным Менингронова, в рабочих ячейках, несмотря на нажим мощного, полицейского партийного аппарата, оппозиция получила чуть ли не больше 50 %, на районных конференциях – 36 %, на губернской – 18 %, то, по данным Шкаликова, «на самом большом съезде нашей партии» (имеется ввиду XIII съезд в 8 г. в.в.э.) оппозиция не получила ни одного голоса.

Вот этого-то могущества полицейско-партийного аппарата величайший Ильичев недоучел. И генеральному секретарю Виссарионову, «сосредоточившему в своих руках необъятную власть», было еще легче привести и лейбистскую и позже радомысловскую оппозицию к полной капитуляции, о чем свидетельствуют даже процензурированные материалы XIII, XIV, XV съездов и вохровской «прессы», приводимые ниже.

Переделкинский свидетельствует, как использовали очередную «чистку» вохровской партии против оппозиции[ii]: «Эта чистка проводится (это можно доказать статистически) в отношении организаций, которые в большинстве выносили оппозиционные резолюции… далее, при этой чистке, благодаря отсутствию плоскости, был наделан ряд ошибок…».

---

i «Кривда», 22.I. 8 г. в.в.э.

ii Стенограмма XIII съезда, стр. 191–193, речь Переделкинского.

Зутак, впоследствии уничтоженный великим семинаристом, упрекает оппозицию в демократизме[i]: «… Я бы сказал, что создание символа веры из демократизма – это настоящая меньшевистская отрыжка, и в этом, главным образом, позиция нашей оппозиции...

В предисловии, написанном Вускриным к брошюре Лейбова «Новый курс», он утверждает:

«Преобладавшие в партии настроения были явно враждебны царившей в партии системе военного коммунизма, пережившей ликвидацию военного коммунизма в самой стране… Кризис партии объясняется созданной для массы членов невозможностью обмениваться своим мнением, оказывать влияние на управление, принимать действенное участие в государственных делах и что невозможность эта вызвана наличием в партии внутреннего бюрократизма, характерным признаком чего служит существование целой «иерархии секретарей» — не избранных, а назначенных сверху…

… Став объектом возмутительно несправедливых критических нападок и невероятных выпадов личного свойства – за предание огласке идей, которые он и раньше защищал на закрытых заседаниях и в вохровской партии и которые разделяют большинство товарищей – неопровержимым доказательством чего служит резолюция ЦК – Лейбов не потерял равновесия… Новый удар угнетающе подействовал на этого сверхчеловека, которого злая судьба на время лишила возможность работы и борьбы на своем посту…

После 3-месячной дискуссии, в процессе которой сознательно искажались факты, систематически искажалась истина и вопросы изучались не как таковые, а в целях использования их в качестве пищи для внутренних конфликтов…».

Розенполев, который через год в свою очередь был раздавлен великим семинаристом тоже яро выступает против Лейбова и его сторонников[ii]: «… Не в том беда, что мы к 5 декабря (7 г. в.в.э.) нащупали диагноз некоторых болезненных явлений. В том беда, что в среде ЦК нашлись товарищи, которые предложили средства лечения явно губительного характера… Лейбов вместо реформ предпочел попытаться сделать в партию революцию…

… Это он преподнес в своем письме партии – в письме, в котором комментировал опасность перерождения верхушки, клеймил верхушку, как законченное выражение аппаратного бюрократизма, в котором призывал партию подчинить себе свой «аппарат», в котором упрекал аппарат в том, что он готовится бюрократически свести на нет резолюцию ЦК, в котором, наконец, указывал те резервные силы, которые должны осуществить лечение против «загнивающей» верхушки и бюрократизма аппарата, сводящего на нет реформу ЦК – в лице молодежи, получившей название «барометра»[iii]…».

Далее Розенполев обрушивается на сторонника Лейбова – Переделкинского:

«Если бы вы [iv] говорили: усиливай плановое начало, борись с рестэповским капиталом, развивай кооперацию против частного капитала – если бы вы только это говорили, то никому не пришло бы в голову обвинять вас в уклоне… Вы говорили это таким образом, что это резало наши вохровские уши» Далее Розенполев вновь громит Лейбова и «заявление 46»[v]: «Мы обращаемся к этому документу 46-ти и читаем так:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать всем открыто, что продолжение политики большинства политбюро грозит тя-

---

i Стенограмма XIII съезда, 8 г. в.в.э., стр. 199, речь Зутака.

ii Стенограмма XIII съезда, стр. 202–215, речь Розенполева.

iii Еще в 8 г. в.в.э., 43 года тому назад Лейбов предлагал и пытался использовать молодежь для борьбы против разъедающего вохровскую партию и государство бюрократизма. В настоящее время опять-таки тотальными методами это пытается осуществить самодержавный диктатор Мао-Цзелян в Хинезии (примечание автора).

iv Переделкинский (прим. автора).

v В примечаниях к стенограмме XIII съезда, на стр. 822 новые вохровские историки так характеризуют «заявление 46»: «В октябре 7 г. в.в.э. в ЦК поступило «заявление 46, подписанное лейбистами, децистами, «рабочей оппозицией», остатками «левых вохровцев» и некоторыми бывшими членами ЦК: Переделкинским, Храбровым, Золотовым… клеветнически заявляя, что партия превратилась в организацию армейского типа и партдисциплина в армейскую. Лейбисты и другие оппортунистические элементы требовали перетряхивания всего партаппарата, снятия с постов основных работников партии, ратовали за свободу фракций». (Примеч. автора).

желыми бедами для всей партии. Начавшийся с конца этого года тяжелый финансовый и хозяйственный кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе, внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партии, как в области хозяйства, так и, особенно, в области внутрипартийных отношений.

Случайность и необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящих концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии, несомненно, крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство или, вернее, на отсутствие всякого руководства,[i], не только стояли перед перспективой приостановки этих успехов, но перед тяжелым общеэкономическим кризисом».[x]

Он [ii] говорил: «.. И вот смотрите, вохровская партия делится на 2 этажа: в одном находится дооктябрьское поколение нашей партии, которое правит, приказывает, а в другом — пооктябрьское молодое поколение, которое подчиняется. Аппарат партии бюрократизируется, старики могут переродиться, а вы молодежь, – надежда партии, вы – барометр, вы должны брать революционные формулы с бою…».

Валерианов вскользь упоминает, как разделались с мелкими оппозиционными группами[iii]: «Вы знаете о группах «Рабочей Кривды» и о «Рабочей группе тмутараканской вохровской партии»,[iv] которые скатились до призыва к забастовкам, до борьбы с вохровской властью, до связи с IV интернационалом, до организации самостоятельной партии, противопоставленной и борющейся с тмутараканской вохровской партией.

В своей карательной работе по адресу членов партии, которые принимали участие в этих группах, мы применяли репрессии, только к тем, кто неисправим»[v].

Молодежь, по-видимому, в основном, была под влиянием оппозиции, о чем свидетельствует даже чекистский орган «Кривда»[vi]: «По признанию т. Дятлова, так называемая оппозиция к тезисам ЦК: т.т. Менингронов, Переделкинский, Молчов, Кашкетников (вали все в одну кучу, сильнее будет), пользуются среди нашей вохровской молодежи наибольшим успехом. Т. Дятлов ищет корней оппозиционных настроений студенчества в академизме. Мы же считаем, что сам академизм является производным из системы развернутого бюрократизма. Мы утверждаем, что режим развернутого бюрократизма привел широкие партийные массы к полной пассивности». Подавление всякой критической мысли, по существу, не расходившейся с программой, уставом и решениями съездов, под видом борьбы с фракциями и группировками, толкнули наиболее активную и молодую часть партии к академизму…

Где наиболее сильно сильно ощущаются противоречия между стоящими перед партией задачами и закостенелым бюрократическим аппаратом, что и делает нас тем барометром, который по выражению т. Лейбова, резче всего реагируют на партийный бюрократизм…»

Теми же способами, которыми «рабочая оппозиция» объединенными силами полицейского аппарата была раздавлена в период созыва XI съезда, лейбисткая оппозиция была раздавлена в период созыва XIII съезда. На нем была «единогласно» принята следующая резолюция[vii]: «Вред этих фракционных выступлений Лейбова и 46-ти усугубляется тем, что названные письма немедленно же стали досто-

i В данном случае лейбисты оказались правыми. Некоторое поступательное развитие народного хозяйства страны, связанное с возвратом к использованию некоторых буржуазных экономических регуляторов, сменилось тяжелым и долговременным кризисом народного хозяйства, который имеет место уже около 45 лет (примечание автора).

ii Имеется в виду Лейбов (прим. автора).

iii Стенограмма XIII съезда, стр. 265, речь Виссарионова.

iv По данным комментариев к стенограмме XIII съезда (стр. 843): «Во главе группы «Рабочая Кривда» стояли Шукцевер, Шульчел, Кляравич, Стройницкий и др. ЦКК вынесло постановление об исключении из партии активных членов этой группы… «Рабочую группу тмутараканской вохровской партии» возглавляли Жиркинов, Шмидтов и другие. Она оформилась летом 7 г. в.в.э. Впоследствии часть «Рабочей группы ….» отошла от нее, другая же часть сомкнулась с контрреволюционным лейбизмом».

v А кто и как определял «неисправимость»? (Прим. автора).

vi «Кривда», 8.I.8 г. в.в.э., «Развернутая демократия и академизм».

vii Стенограмма XIII съезда, 8 г. в.в.э., стр. 771–774.

янием широких кругов членов партии… и немедленно же стали распространяться также по всему Государству Тмутараканскому. Идейная сущность оппозиции:

1. Оппозиция, возглавляемая Лейбовым, выступила с лозунгом ломки партаппарата и попыталась перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарат на «бюрократизм» в аппарате партии.

2. Оппозиция пыталась противопоставить партийный молодняк основным кадрам партии и ее ЦК.

3. Лейбов выступил с намеками на перерождение основных кадров нашей партии.

4. Более влиятельная часть оппозиции (Карлек) упрекает, что недостаточно идут навстречу иностранному капиталу и надо пойти на бо́льшие экономические уступки международному империализму.

5. Оппозиция обнаружила совершенно невохровские взгляды на значение партийной дисциплины.

6. Оппозиция нарушила постановление X съезда, запрещающее образование фракций внутри партии. Всесоюзная партконференция приходит к выводу, что в лице оппозиции мы имеем явно выраженный мелкобуржуазный уклон.

… Колебания части учащейся молодежи в вузах – явление преходящее. При надлежащей разъяснительной работе со стороны партии эти колебания скоро будут изжиты.[i]

Несмотря на то, что лейбистская оппозиция был раздавлена на XIII съезде, авторитет Лейбова был еще столь значителен, что даже подручный великого семинариста Губельский признает[ii]: «В течение тех годов, когда Лейбов был связан с нашей партией, партия создала огромный авторитет т. Лейбову и каждое выступление Лейбова, каждое его слово, несомненно имело и до сих пор еще имеет большое значение и для многих членов и для всей рабмассы, которая прислушается к тому, что делается у нас в партии». Далее Губельский напоминает, что хотя оппозицию раздавили, «… Но все же мы не должны от себя скрывать, что есть в нашей партии придушенная, замолкшая оппозиция. Она есть в тех же самых вузовских ячейках»

«Хитрый политик» Виссарионов считает, что не пришло еще время объявить лейбистов шпионами – и Лейбов, Цветин, Гривенников, Задковский, Храбров, Орловников и другие «избираются» на XIII съезде в ЦК.

«Рабочая оппозиция», хотя и боялась упреков в фетишизации демократии и в фракционности, по существу, пыталась внутри вохровской партии бороться с тоталитаризмом и бюрократизмом. Не похоже, чтобы лидеры «рабочей оппозиции» в какой-либо степени боролись за власть.

Лейбисты с Лейбовым во главе с опозданием пытались вести борьбу за власть в то время, когда с их же помощью власть генерального секретаря Виссарионова, опирающаяся на полицейские партийные и внепартийные учреждения, стала необъятной. В то же время лейбисты сделали негодную попытку бороться с бюрократизмом с помощью молодежи, которая, по из мнению, должна была и могла «перетрясти» бюрократический партийный и государственный аппарат. Даже если бы лейбистам и удалось захватить власть и они могли бы осуществить «перетряхивание» бюрократического партийного и государственного аппарата с помощью молодежи, они не только не уничтожили бы, но даже не ослабили бы бюрократии без ликвидации вохровской бюрократически-политическо-социальной схемы. Виссарионов не с помощью неорганизованной молодежи, а через организованный железный аппарат тайной полиции истребил сотни тысяч, миллионы бюрократов из партийного, полицейского, военного и хозяйственного аппарата, а бюрократизм при укреплении бюрократически-полицейской схемы только усилился.

В Хинезии Мао Цзелян использовал лейбистский вариант – «перетряхнул» бюрократически-партийный и государственный аппарат с помощью молодежи. По-видимому, результат будет таким же, как и виссарионовском варианте истребления части бюрократов.

---

i «Разъяснительная» работа была действительно проведена. Многие из «колеблющей части учащейся молодежи» были высланы и сосланы, а впоследствии уничтожены в лагерной системе перевоспитания (примеч. автора).

ii Стенограмма XIII съезда, стр. 218-219, речь Губельского.

После ликвидации лейбисткой оппозиции на XIII съезде, в 9 г. в.в.э. возникла под руководством Радомыслова и Розенполева — новая оппозиция. К этой оппозиции примыкала также жена Ильичева – Гречневская.

Трудно представить, на что рассчитывали лидеры этой «новой оппозиции». Может быть, они, опять таки со значительным опозданием (хитрый семинарист уничтожил своих противников по одиночке, заключая «пакты» со всеми своими остальными «противниками»), почувствовали давление генсека и только защищались. По-видимому, они использовали те же полицейские методы для того, чтобы в делегацию на XIV съезд попали исключительно их сторонники. «Демократ» Вячеславов «разоблачает» полицейские методы Радомыслова и Розенполева[i]: «.. Оказывается, дело было так, что еще перед конференцией старый губком утвердил полностью список нового губкома: «Постановили: рекомендовать губпартконференции следующий список губкома нового состава». А дальше он начинается по фамилиям: Радомыслов, Феликсов, Розенполев, Виссарионов, Едвокимов и т.д. всего 131 фамилия… И еще пример «демократии» в Ильичевградской организации. В течение нескольких дней партийный комитет Выпургского района добивался созыва партийного актива… Губкомам это не разрешалось. В чем дело? Районный комитет Выпургского района… делает попытку собрать партактив – для чего бы вы думали? Для вынесения приветствия XIV съезду. А вот губком в Ильичевграде считал это нецелесообразным…».

Наряду с борьбой за место под солнцем «новая оппозиция» считала невозможным построение социализма в отдельно взятой стране, о чем свидетельствуют заключительное слово Радомыслова на XIV съезде[ii]: «.. Итак, товарищи, вы видите, мы очень хорошо понимали и понимаем, что в настоящий период пролетарской диктатуры необходимы все более и более мягкие формы, о которых Ильичев говорил,.. что необходимо изменять и улучшать эти формы диктатуры: «... Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма.

Главная задача социализма – организация социалистического производства – остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совмещения усилий пролетариата нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны – об этом нам говорит история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Государство Тмутараканское, уже недостаточно, – для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах…». Этот отрывок писан в 8 г. в.в.э. – и позвольте удовлетворить ваше любопытство – он писан Виссарионовым в своей основной работе, пользующейся очень большой популярностью: «об Ильичеве и ильичевизме»… И если вы хотите, то проверьте, и вы убедитесь, что «Азбука вохризма»[iii] тоже так ставила вопрос...

Мы должны поручить ЦК партии на первых его заседаниях обсудить точно вопрос о разъединении функций Политбюро, оргбюро и секретариата под углом зрения полновластного Политбюро и служебного подчинения ему секретариата… На очереди стоит очень трудный политический вопрос – создание коллективного руководства».[iv]

Наиболее талантливый «теоретик» вохровской партии Книгарин подытоживает все вопросы о борьбе за власть, откровенно говорит о том, как вохровцы безпринципны, взяв на вооружение наиболее бесстыдные методы иезуитов и макиавеллистов и… обнаруживает достаточно смутное представление о социализме, кооперации и рыночных отношениях при социализме. Вместе с тем следует подчер-

---

i «Кривда» 30-XII 9 г. в.в.э. Заключительное слово Вячеславова.

ii «Кривда», 30.XII. 9 г. в.в.э,. Заключительное слово Радомыслова.

iii «Азбука вохризма», Книгарина (прим. автора).

iv Вот где главная собака зарыта – ограничение необъятной власти великого семинариста. Но поздно! (Примеч. автора).

кнуть, что Книгарин, при всем его смутном представлении социализма, все же более прозорлив, чем великий семинарист. Книгарин пишет[i]:

«Но даже обыватель из рабочего класса – говорит: «Разодрались лидеры, поссорились верхушечные вохровцы, идет борьба за власть». Такая постановка вопроса уже сама по себе неправильна тем, что она слишком проста… Гречневская сказала:

«Правда – это не то, что решает большинство съезда, а то, что соответствует действительности…». Это, конечно, верно. Само собой разумеется, что вся партия в целом может ошибаться и весь съезд и отдельные вожди могут ошибаться. И даже Ильичев ошибался, как неоднократно ошибался и Карлс. Но к чему такие разговоры?.. Одним из крупейших завоеваний Вохринтерна является то, что наша партия в известной мере приучила уже иностранных рабочих, что им нужно иметь не киселеобразную партию… а нужно иметь активную, сплоченную единой волей партию, железную партию, способную преодолевать огромные сопротивления, которая готова к чему угодно: к гражданской войне, к большим сражениям, к проведению сложнейших политических маневров, к тому, чтобы объегоривать врага: где прямым нажимом, где отступлением, где наступлением, где хитростью, где засадою.. К этому мы привыкли. Это есть дух нашей партии. И вот в выступлении товарищей против большинства ЦК это огромнейшее завоевание, одно из основных завоеваний ильичевского учения исчезло, испарилось, пропало. Оно сперва было разжижено требованием свободы мнений. (!) А потом оно было разжижено требованием привлечения всех живых сил оппозиции ; потом оно превратилось в пар в разговоре о Палкгольмовском съезде, (!) и оно почти совершенно исчезло, уничтожилось, когда стали разговаривать об объективной истине … Мало-мальски грамотный вохр совершенно ясно, точно и определенно знает, что в области организационного вопроса ильичевскому учению органически противны и чужды такие рассуждения, как свобода фракций, группировок, как разговоры о Палкгольме и прочее … Мне кажется, что примерно следующая цепь рассуждений может охарактеризовать оппозицию… Международная революция затянулась, пожалуй, не справимся… Госпромышленность наша, как говорят, кусок социализма. Пожалуй, это не так, скорей она госкапиталистическая… отношения в промышленности таковы, что рабочие еще получают совершенно нищенское жалованье. Хозяйственники живут в тысячи раз лучше… Когда он видит роскошные магазины и рядом беспризорных детей на девятом году революции, он невольно думает: куда мы идем? Разве рабочий не задает такого вопроса? Конечно, задает.

… Строительство социализма в одной стране… По первому вопросу мы говорим: без международной революции у нас гарантии от реставрации нет. А от технико-экономической отсталости мы не погибнем, потому что мы ежедневно, ежемесячно и ежегодно будем эту технико-экономическую отсталость преодолевать… Если вы возьмете нашу обычную жизнь, то услышите такие разговоры: частный капиталист постоянно делает различные надбавки, нельзя ли его убрать, чтобы он этого не делал? В кооперации нет калош, а у частного торговца есть калоши, и тут возникают разговоры, не разворовывают ли наши учреждения и не передают ли все частным предприятиям?... Беспризорные есть, а рядом в роскошных манто ходят жены рестэпников и всевозможные родственнички… Если мы в 5 г. в.в.э. должны были центр тяжести класть на то, что рестэп есть отступление, то это вполне понятно...

…. Если мы без помощи международной революции сможем кооперировать крестьянство, скажем, в 50 лет (!), то с помощью международной революции мы это кооперирование проведем, быть может, в 10–15–20 лет, потому что мы сможем скорее крестьянину доставлять машины… Рестэп соответствует тому, что налицо есть рыночные отношения, что есть купля-продажа. Когда-нибудь они исчезнут? Да исчезнут. Когда? При социализме. (!!)[ii] Когда все крестьянство будет кооперировано, когда оно будет сомкнуто с гос– промышленностью и подо все это будет подведен базис электрификации. Конечно, рынок тогда исчезнет и все будет распределяться.[iii]

---

i «Кривда», 10-12.I.10 г. в.в.э., Доклад Книгарина на активе Кремлевской организации.

ii Вот как представлял себе социализм признанный вохровский теоретик – без рыночных отношений! (прим. автора).

iii Вновь наступит золотой век «военного коммунизма»!! (прим. автора).

… Вдолбили всем иностранным партиям, что рестэп, по словам Ильичева, это есть «единственно правильная хозяйственная политика пролетариата», которая будет обязательна для любой страны, где пролетариат придет к власти…

Они[i] говорят, что эксплуататором является государство, которое вовсе не есть пролетарское государство, а есть, как они говорят «рестэповская диктатура»… Некоторые боятся сказать рабочему, и этого не нужно бояться сказать – что у нас социализм – еще нищенский социализм. У нас государственный аппарат часто работает в 10 раз хуже, чем буржуазный… Мы проедали основной капитал промышленности в 2–5 г. в.в.э., рабочие разбазаривали разные медные втулки и тащили то, что можно было взять на фабрике, а затем то, что можно было взять дома – подушку, табуретку, граммофон, зеркало, остаток зеркала…

… Нашу политику мы должны вести таки образом, чтобы при помощи госпромышленности, через кооперацию стаскивать середняка с капиталистического пути, отрывать его от кулака разными способами: путем его кооперирования, путем машинных товариществ, путем электрификации и т.д…

Процесс дифференциации задерживается сейчас чем-нибудь? Задерживается. Чем? Двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что земля изъята их торгового оборота… у нас нет купли-продажи[ii]. Это уже есть крупное препятствие для расслоения деревни. Наше законодательство поддерживает не верхушечные слои, а бедняцкие и середняцкие… Один рабочий с завода «Динамо» сказал, что в случае большого приема рабочих партия, мол, превратится в кашу и прибавил: «Если вы, дорогие вожди, деретесь в партии, то что же будет, если бы разодрались 5 миллионо?.. А я вас, спрашиваю, где написано, что в вохровской партии никогда нельзя было затыкать рта? (!!) …».

Эта почти откровенная речь Книгарина отражало credo господствующей верхушки Политбюро и самого Виссарионова. Не останавливалась на путаных экономических воззрениях великих вохровских вождей, на новых вариантах военного коммунизма, социализма без рыночных отношений и с прямым распределением, кооперированием крестьян, невозможностью расслоения крестьян (великий семинарист через 3 года после этой речи разметал по местам не «столь отдаленным» и истребил 5–7 миллионов вдруг вновь народившихся «кулаков» и «подкулачников»), – следует отметить, что, по образному выражению Книгарина, и «новой оппозиции» «заткнули рот», после чего «новая оппозиция» уже, конечно, единогласно была осуждена.

XIV съезд выпустил обращение ко всем членам ильичевградской организации[iii]: «Съезд обращается к вам ввиду совершенно неправильного поведения делегации, от имени Ильичевграда выставившей против ЦК своего содокладчика и выпустившей специальное «заявление ильичевградской организации» за подписью Розенполева и других. Ваша конференция голосовала за доверие ЦК. Ваша делегация на съезде голосовала против всего съезда. «Ильичевградская Кривда» уже начала кампанию против решений съезда… В то же время Ильичевградский губком, ссылаясь на партдисциплину, запретил Выпургскому

району собираться, чтобы выразить солидарность с партией и ее съездом. Это решение губкома совершенно неправильно. Это решение противоречит основам внутрипартийной демократии. (!)[iv] Это решение должно быть немедленно отменено губкомом. Съезд обращается ко всем членам ильичевградской организации с призывом положить конец таким попыткам подрыва единства нашей ильичевской партии.

Оппозиция разоблачила себя на съезде целиком. На съезде она выступала, как обособленная группа, противопоставляющая себя ЦК Неправдой является их утверждение, что партия не видит кулацкой опасности. Неправдой является их утверждение, что съезд не принял поправки оппозиции. Оппозиция внесла не поправку, а ультиматум, против чего съезд не мог не возражать (!)[v] Дискуссия по решениям

i Книгарин имеет ввиду меньшевиков (прим. автора).
ii Книгарин имеет ввиду куплю-продажу земли (пр. автора).
iii «Резолюции и решения» (9–37 г. в.в.э.), издание VII, 37 г. в.в.э., стр 90.
iv Великий семинарист и его подручные выступают под псевдонимом «съезда» в роли защитников внутрипартийной демократии!!! (прим. автора).
v Какой образец иезуитизма!! (прим. автора).

съезда не может быть и не должна быть допущена….. XIV съезд заявляет, что клеветой на партию является утверждение, что партия хочет умалить значение ильичевградской организации… XIV съезд не сомневается, что ильичевградская организация… сумеет исправить ошибки, допущенные ильичевской организацией…».

Великий семинарист и его подручные под псевдонимом «XIV съезд» действительно, как в воду глядели. Ильичевградская организация «исправила свои ошибки».

Такими же методами «исправила свои ошибки» и «Ильичевградская Кривда».

Было принято следующее решение[i]:

«Об «Ильичевградской Кривде»:

В виду того, что «Ильичевградская Кривда» уже после решения съезда вела систематическую борьбу против решений съезда и срывала решения партии, принять немедленные меры по изменению и улучшению состава редакции «Ильичевградская Кривда» …».

Примерно через год после XIV съезда великий семинарист считает, что плод созрел, и «увольняет» Лейбова из Политбюро[ii]. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК 23-26.X. 10 г. в.в.э.:

«26.X Пленум утвердил тезис Виссарионова «Об оппозиционном блоке в скифской вохровской партии».

1) Ввиду нарушения партдисциплины со стороны членов ЦК: Лейбова, Радомыслова, Гривенникова, Едвокимова, Орловникова и Трулги… Пленум делает предупреждение этим товарищам.

1) Ввиду того, что Радомыслов не выражает линии ЦК в Исполнительном Комитете Вохринтерна и лишился доверия со стороны вохровских партий (гуннской, галльской, колумбовской и т. д.), (!)[iii] заявивших об этом в своих решениях, ЦК и ЦКК не находят возможным дальнейшую работу Радомыслова в Вохринтерне.

2) Ввиду руководящей фракционной деятельности Лейбова и Розенполева за период после июльского Пленума ЦК и ЦКК, Пленумы ЦК и ЦКК постановили освободить Лейбова от обязанности члена Политбюро, а Розенполева – от обязанностей кандидата в члены Политбюро…»

Еще примерно через год, за 2 месяца до XV съезда, великий семинарист, даже не дожидаясь XV съезда, решил, что плод перезрел, и «увольняет» Лейбова и Радомыслова из ЦК[iv]:

«Пленум 20–23 X 11 г. в.в.э.

Лейбов и Радомыслов вторично обманули партию и грубейшим образом нарушили взятые на себя обязательства, не только не уничтожив «элементы фракционности», но, наоборот, доведя фракционную борьбу против партии до степени, граничащей с образованием новой партии совместно с буржуазной интеллигенцией. Ввиду этого объединенный Пленум ЦК и ЦКК постановляет:

Лейбова и Радомыслова из состава ЦК исключить».

После «увольнения» Лейбова из ЦК, а Радомыслова из ЦК и Вохринтерна великий семинарист становится самодержцем и на XV съезде в 11 г. в.в.э., властно заявляет что больше никаких дискуссий не будет[v]: «... А теперь позвольте перейти к вопросам дискуссии и нашей так называемой оппозиции … Такая дискуссия ведет обычно не к вооружению пролетариата, а к его разоружению. Нам такой дискуссии не нужно. В такой партии, как наша, которая стоит у власти… накапливаются в течение времени известные индифферентные, равнодушные к вопросам партийной практики элементы, голосующие закрыв глаза и плывущие по течению. Эти элементы составляют болото нашей партии. Дискуссия есть апелляция к этому болоту …. За оппозицию 4 тысячи с лишним, менее 1%. За партию – 724 тысячи…

i «Резолюции и решения» (9–37 г. в.в.э.), VII изд., стр. 92.
ii «Резолюции и решения» (9–37 г. в.в.э.), VII изд., стр. 170.
iii Какова дисциплинированность «самостоятельных» иностранных вохровских партий!! (прим. автора).
iv «Резолюции и решения», изд. VII, стр. 311.
v Стенограмма XV съезда, 11 г. в.в.э., стр. 80–81, речь Виссарионова.

Лейбов и Радомыслов захотели создать себе в партии дворянское положение…. Вы спрашиваете: почему вы исключили Лейбова и Радомыслова? Потому что мы не хотим иметь в партии дворян… Все члены партии равны в правах[i]…»

Великий семинарист не совсем четко объяснил, кого он относит к «болоту» и кто «голосует закрыв глаза», но совершенно очевидно, что «4 тысячи с лишним» оппозиционеров никак нельзя отнести к «болоту», «голосующему закрыв глаза». В ту пору они ведь уже знали, что они могут быть репрессированы.

Следовательно, по номенклатуре самого великого семинариста все остальные (то есть, 724 тысячи) относятся к «болоту», «голосующему закрыв глаза».

И это верноподданное великому семинаристу «болото» дружно тявкает на всех инакомыслящих, особенно после того, как семинарист объявляет о своем «великодушии» и подводит теоретическую базу под то, что старые партийные лидеры закономерно превращаются в «хламье», выбрасываемое из «тележки»[ii]: «По-правому за такие попытки оппозиции мы должны были бы их всех переарестовать 7 ноября (продолжительные аплодисменты). Мы не сделали это потому, что пожалели оппозицию, проявили великодушие …

Возьмем 14 г. до в.в.э. Во главе партии стояла тогда шестерка: Плесултанов, Сулигаз, Февралев, Ильичев, Родоксель, Поскважин. Поворот оказался роковым для пяти членов этой шестерки. Получилось так, что старые лидеры партии, основатели партии (Плесултанов, Сулигаз, Родоксель) плюс двое молодых (Февралев, Поскважин) оказались против одного тоже молодого — Ильичева Сколько было воплей, что без старых лидеров ничего не выйдет[iii]… …. А именно благодаря отходу пятерки, партии удалось выбраться на дорогу …

Возьмем период 10–9 г. до в.в.э. Поворот оказался роковым для целого ряда старых вохров. Вышел из тележки Петринский, Чортданов, выпал Свистунов бывший член ЦК нашей партии и т. д. Воплей и завываний насчет гибели партии было не меньше, чем в 14 г. до в.в.э. Вопли отпали, а факты остались. Факты говорили о том, что наша партия не сумела бы выбраться на дорогу без очищения от колеблющихся и тормозящих дело революции людей…

Мы переживаем период переворота и если теперь выпадут из тележки некоторые лидеры, то в этом нет ничего удивительного… Ну что же, если кое-кто из старых лидеров, превращающихся в хламье, намерен выпасть из тележки – туда им и дорога»[iv] … Далее автор приводит верноподданнические речи подручных великого семинариста, которых последний остроумно и кратко именует «болотом» Однако предварительно следует привести верноподданническую провокацию малоскифского президента Николаевского, которого вскоре великий семинарист разжалует в директора музея, и Мойсеевского. Николаевский, будучи председательствующим, говорил[v]: «… Президиум просит всех делегатов сохранять порядок. Оппозиция распространяет провокационную ложь, но делегаты нарочно заглушают их, чтобы партия не слышала их. Поэтому президиум просит потерпеть, должный ответ каждый оппозиционер, выступавший здесь, будет иметь…».

---

i Это заявляет великий семинарист, который в ту пору, когда Книгарин был еще «любимцем» партии говорил ему: «мы с тобой Гималаи». Тот самый семинарист, который сделал все для своего обожествления, истребив десятки миллионов людей, говорит о равенстве!! (примечание автора).

ii Стенограмма XV съезда, стр. 418–421, речь Виссарионова.

iii И действительно вышло архискверно. Это стоило миллионов жизней и громадного понижения жизненного уровня нескольких поколений (прим. автора)

iv Великий семинарист побил все рекорды. Если в 14 г. до в.в.э. из «тележки» выпали 5 чк и остался один Ильичев, то из членов ЦК, выбранных на VIII, IX и X съезде выпали в конечном счете «из тележки»: Книгарин, Радомыслов, Розенполев, Полумесяцинский, Переделкинский, Карлек, Зауковский, Зутак, Шкаликов, Золотов, Храбров, Дикский, Лейбов, Чернобородов, Едвокимов, Муларов, Трулга, Николаевский, Кашкетников, Менингронов — всего 20 цекистов Вот почему все «болото», то бишь весь съезд, встал и устроил рекордсмену Виссарионову бурную и продолжительную овацию (прим. автора).

v Стенограмма XV съезда, стр. 374.

Мойсеевский говорил[i]: «Лейбов, инструктируя кружок, говорил о том, как Пряманов проводил Кремлевский актив, что, якобы, Пряманов давал специальную команду свистунам: вот, значит, Пряманов сидит в Президиуме, и если бумажку так, то значит посвистите немного, если ставит бумажку поперек, то значит свистите сильнее, а если разрывает бумажку, то тогда – и свистите и стучите ногами».

Следует полагать, что свистуны из «болота» на XV съезде не нуждались в командах. Они верноподданно не давали говорить тем, которые считались инакомыслящими, о чем свидетельствует даже прошедшая цензуру стенограмма XV съезда. Возмущение «болота» приводится в порядке изложения стенограммы; Лазаревич говорил[ii]: «Что сделал Задковский, когда собрание не дало ему говорить?[iii] Он апеллировал к иностранным делегациям, среди которых были социал-демократы и беспартийные:[iv] «Смотрите, как у нас можно свободно высказываться представителям рабочего класса; это социал-фашизм».

… В наше время, в период революции, когда темп жизни гораздо более быстрый, оппозиции понадобилось 2–3 года для того, чтобы она дошла до превращения в активную контрреволюционную силу[v], выступившую и выступающую против партии, против диктатуры…».

Польснов говорил[vi]: «Недавно Радомыслов на президиуме ЦКК заявил, что ЦК и Виссарионов ведут архибеспринципную политику, что «всюду господствует командование и колонизаторство…». Мойсеевский сообщал[vii]: «Оппозиция считает, что у нас все ненастоящее. По-ихнему, и наш съезд – ненастоящий, конференция – ненастоящая, рабочие делегации, которые нас приветствуют – тоже ненастоящие делегации, что это все подобрано, подделано…»[viii].

Голоухов «возмущается»[ix]: «Решения партии восприняты всей партией, за исключением этих 3–4 тысяч отщепенцев от партии … Разве мало оппозиционеры развратили ряды нашей партии?..».

Андровский недоумевает[x]: «Как же это могло случиться, что оппозиция, почти сплошь состоящая из мировых вождей[xi]… оказалась в таком жалком, побитом виде к моменту XV съезда?… Они выступили, как сверхчеловеки. Они думали, достаточно будет выступить кучке мировых вождей, да еще под знаменем вохров-ильичевцев»[xii]...

Шкаликов, который через десяток лет сам попал в вохровскую тюрьму и был уничтожен солидарными с тайной полицией и тюремщиками[xiii]: «Розенполев кончил свою речь тем, что он не отделяет себя от тех оппозиционеров, которые сидят теперь в тюрьме. Я должен начать свою речь с того, что я не отделяю себе от тех революционеров, (!) которые некоторых сторонников оппозиции… посадили в тюрьму. Розенполев не понимает маленького пустяка. Он не понимает той пропасти, которая может возникнуть между спорами в Политбюро и ЦК и спорами на улицах и открытых собраниях … Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько уве-

---

i Стенограмма XV съезда 11 г. в.в.э., стр. 185.
ii То же, 5.XI.11 г. в.в.э., стр. 152–154.
iii Лазаревич имеет в виду заседания Хаковского горсовета.
iv Какое неслыханное предательство!! (прим. автора)
v Лазаревич по заданию семинариста готовит материал для истребления инакомыслящих. (прим. автора)
vi Стенограмма XV съезда, стр. 167.
vii То же, стр. 185.
viii Вообще говоря, похоже на правду (прим. автора).
ix Стенограмма XV съезда, стр. 194.
x Стенограмма XV съезда, стр. 223–229.
xi Все эти «отщепенцы» были физически истреблены.
xii В частности, Андровский имел ввиду и «группу 15». По данным процензурированной стенограммы, эта группа во главе с Менингроновым и Храбровым (остатки бывшей группы децистов) в июле 10 г. в.в.э. вошла в лейбистско-радомысловский блок. 27.VI.11 г. в.в.э. они направили в ЦК платформу. В ней они «противопоставляли рабочий класс вохровскому государству, политику партии в деревне называли кулацкой, утверждали, что из-за технической отсталости возможность построения социализма возможна только после мировой революции. Отрицались «нормы» партийной жизни в тмутараканской вохровской партии и Вохринтерне. Запрещение фракций и группировок объявлялось режимом, который ведет к ликвидации партии и превращению ее в подсобный орган государства…» (прим. автора).
xiii Стенограмма XV съезда, стр. 285–296.

личить. Он говорит, что при Ильичеве не было обычая исключать за взгляды. Это неверно, исключали и за взгляды[i] …».

Дикский, которого «болото» стоя приветствует, «не понимает, что произошло с Задковским»[ii]: «… Когда Задковский, один из бывших талантливых ораторов партии, человек с колоссальным политическим опытом, умный и вдумчивый человек, когда вчера он произносил свой жалкий бессмысленный лепет…». Далее Дикский обретает смелость и заявляет, что на XIV съезде Радомыслов и другие выступали, имея за собой большинство Ильичевградской организации.

Дикский опровергает утверждение оппозиции о наличии некоторых демократических порядков при Ильичеве: «.. Вы говорили: «Осведомление беспартийных о внутрипартийных делах должно вестись с объективным изложением существующих в партии точек зрения. Это было при Ильичеве, то было при Ильичеве» Позвольте Вам сказать, что никогда это при Ильичеве не было[iii] …Забудьте о том, что у вас звонкие европейские имена».

Сундукин утверждает, что Лейбов, Радомыслов, Розенполев и Трулга солидаризуются с зарубежными меньшевиками[iv]: «Церетедзе произнес речь, что в Государстве Тмутараканском вохры установили для рабочих более жестокий капитализм, чем до революции, что вохры пренебрегают бедняком в угоду кулаку и что это подтверждают Лейбов, Радомыслов и Розенполев…

Трулга говорит: «Наша промышленность всегда была отсталой. В настоящее время расстояние между нами и передовыми капиталистическими странами, по моему мнению, увеличилось, по сравнению с 4 г. в.в.э. Можно будет говорить лишь о 5–7 % развития в 11/12 г. в.в.э.».

… Я утверждаю, что он[v] находится целиком в плену восстановительной идеологии; он говорит, что экономическая и техническая отсталость нашей страны не явится непреодолимым препятствием для окончательного построения социалистического строя в Государстве Тмутараканском при отсутствии социалистической революции в других странах….».

А. Волков[vi] ужасается «глубине падения» старых вохров[vii]: «Розенполев и вся их группа старых вохров, которых Лейбов завел в болото, откуда они сейчас выбраться не могут, – начинают произносить сейчас дипломатические речи…

…. Я только 3 места процитирую:

в № 8 соцвестника можно прочесть: «Диктатура уничтожила старую буржуазию, но создала какие-то новые силы, враждебные рабочему классу. На заводе лицом к лицу с рабочими стоит «красный директор» хозяйственных. В нем рабочий прежде всего видит врага или, по крайней мере, представителя его классовых врагов. Дело нисколько не меняется от того, что этот враг вчера еще стоял за одним станком с рабочим»

А что говорит оппозиция в своей «платформе»?

«Внутренний режим на предприятии ухудшается. Администрация все больше стремится к установлению своей неограниченной власти на предприятиях. Прием и увольнение рабочих на деле в руках одной администрации. Между рабочими и мастерами устанавливаются нередко отношения дореволюционного порядка»[viii].

---

i Среди «болота» раздается голос: «мы бы их расстреляли» Остальное «болото», то бишь делегаты съезда, стоя приветствуют предложение Шкаликова увеличить население тюрем и исключить за взгляд). (прим. автора).

ii Стенограмма XV съезда, стр. 330–338

iii Пряманов с места заявляет, что это чисто лейбистская формула (прим. автора).

iv Стенограмма XV съезда, стр. 348–350, речь Сундукина.

v Трулга имел ввиду Книгарина (прим. автора)

vi Другой Волков, не лидер «раб. оппозиции» (прим. автора)

vii Стенограмма XV съезда, стр. 378–384, речь Волкова

viii Волков имеет в виду, по-видимому, платформу 83-х. В стенограмме XV съезда на стр. 1644 сообщается: «Под заявлением 83 от VI.11 г. в.в.э. было 3000 подписей. В этом заявлении вина за разрыв дипломатических отношений с Саксией возлагались на ЦК. ЦК приписывалась неудача с хинезийской революцией. Теория о построении социализма в одной стране объявлялась грубым отступлением от карлсизма. Политика партии по рационализации производства, зарплаты и борьба с безработицей назывались антирабочей. Заявление о засилье кулака в Советах и консультации о

А вот другая цитата «Соц. Вестника» от 2.II.10 г. в.в.э.: «Производительность труда производственных рабочих близки к довоенному уровню, а интенсивность труда при ухудшившейся технике значительно превышает этот уровень. Лихорадочные напряженность и массовые сверхурочные работы – такова картина во многих современных предприятиях… Рост зарплаты с августа 9 г. в.в.э. почти приостановился. Скифский рабочий работает сейчас интенсивнее, чем до войны, получая зарплату, не достигающую довоенного уровня». Оппозиция в своей «Платформе» заявляет: «Восстановительный период давал довольно быстрое повышение зарплаты до осени 9 г. в.в.э… Реальная зарплата в нынешнем году остановилась примерно на осеннем уровне 9 г. в.в.э. Все данные свидетельствуют, что рост зарплаты отстает от роста производительности труда. Эту новую несовместимую с социалистическим курсом тенденцию закрепил ЦК в своей резолюции о «рационализации».

«Соц. Вестник» пишет: «Даже у себя на заводе рабочий не имеет примитивной организации, которую он мог бы считать своей: фабзавком – это враждебная ему организация, объективно выполняющая функции враждебных ему группировок… Участие рабочего в управлении производством сведено лишь к фикции; на предприятии рабочая масса по своему положению – лишь продавец своей рабочей силы» (Соцвестник № 7, 11 г. в.в.э.).

А вот что говорит оппозиция:

«Никогда еще профсоюзы и рабочие массы не стояли так далеко от управления социалистической промышленностью, как сейчас. Самодеятельность профессионально организованных рабочих заменяется соглашением секретаря ячейки, директора завода и председателя фабзавкома («треугольник») Отношение рабочих к фабзавкому недоверчивое»…

Эта так называемая ильичевская группа в нашей партии повторяет то же, что говорили меньшевики в 10 и 11 г. в.в.э….»[i].

Хитрый Анастасян утверждая, что «партия» победила, доходит до кликушества и благодарит Розенполева и Радомыслова за… успешную борьбу с лейбизмом: «Вождь меньшевиков Хаммович говорит: «Скифская пролетарская революция терпит поражение за поражением, как правильно оценил покойный Февралов положение еще в 5 г. в.в.э. Нужно было семь лет практического опыта, чтобы добросовестные вохры, то есть вохровская оппозиция признали этот факт в 11 г. в.в.э». Радомыслов на пленуме ЦК в октябре сказал: «Чем может похвастаться виссарионовское руководство? Перед партией, рабочим классом и международным пролетариатом? Ошибка на ошибке, поражение за поражением. В итоге политическое банкротство». Выводы из дискуссии заключаются в том, что оппозиция потерпела полное идейное (!) и организационное банкротство. Партия (!) же победила…

Самым важным фактом в этом году было то, что оппозиция переросла из фракции в партию…

Я приведу цитату Розенполева, которая полностью не была оглашена месяц тому назад:

«Мы заявляем, что в какое бы положение ни поставили нас зарвавшаяся и потерявшая голову группа раскольников-виссарионовцев, мы будем отстаивать дело ильичевской партии, ильичевской революции 1 г. в.в.э., ильичевский вохринтерн, против раскольников, против могильщиков революции»[ii].

забвении интересов деревенской бедноты. Нападали на нормы партийной жизни и объявляли себя «левым пролетарским ильичевским крылом» партии» (прим. автора).

i Влиятельный вохровский функционер, верноподданный подручный великого семинариста Волков наигранно возмущается тем, что взгляды оппозиции сблизились с позициями меньшевиков. Нет сомнения, что Волкову хорошо было известно, что сблизившиеся характеристики общего положения рабочего класса в вохровском Государстве Тмутараканском у меньшевиков и оппозиции полностью соответствовали действительности. Однако, ни Волкову, ни даже великому семинаристу не было известно, что в последующие десятки лет, как в эпоху царствования великого семинариста, так и его преемников эти тенденции многократно усилятся. В главе пятой первого тома было показано, что с 12 г. по 24 г. в.в.э. при увеличении производительности труда в несколько раз реальная зарплата даже уменьшилась. После окончания Второй мировой войны эта тенденция сохранилась. Через полвека трудящиеся оказались беззащитны… (прим. автора).

ii Тогда бедняга Розенполев, так хорошо помогавший великому семинаристу в подавлении «рабочей оппозиции», децистов, лейбистов и еще до этого помогавший Ильичеву похоронить народную скифскую революцию, не подозревал, что тайная полиция семинариста поставит его на колени, «поставит его в положение» шпиона и, наконец, «поставит его в положение» расстрельного (прим. автора).

Вот слова Лейбова: «XV съезд является внешним образцом, как будто высшим торжеством аппаратной механики… По существу же он будет знаменовать ее полное политическое крушение… Победы виссарионовской фракции являются победами чуждых классовых сил над пролетарским авангардом»…

… Это верно. Ведь они оказали громадную услугу партии… Товарищи Розенполев и Радомыслов, спасибо за прошлую работу в партии, за прошлую успешную борьбу с лейбизмом, на которой учились многие из нас… Мы готовы это их наследие взять, поскольку они отличались от своего вохровского прошлого…».

Губельский, который десятилетиями был верным подручным великого семинариста, которому лучше других были известны «демократические» методы ликвидации меньшевиков, предлагает применить те же методы для ликвидации оппозиции.

Упомянув о платформе 13-ти от 3 сентября 11 г. в.в.э., подписанную Лейбовым, Радомысловым, Розенполевым, Едвокимовым, Гривенниковым, Коблевым, Задковским и другими, он говорит[i]: «… Вот Лейбов на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в октябре 11 г. в.в.э. бросал обвинения: «Аппаратная фракция, которая держится насилием над партией, удушением партийной мысли, дезорганизацией пролетарского авангарда не только в Государстве Тмутараканском, но и во всем мире; насквозь оппортунистическая фракция, в хвосте которой за последние годы шли и идут Чан-Кай-хи, Ныр-юй-сяны, Нав-цзин-ван, Укусинены, Утеряковы и др. – эта фракция не может нас терпеть за месяц до съезда… Через нынешний аппарат, нынешний режим нажимают на пролетарский авангард укрепившиеся бюрократы, в том числе, и бюрократы-рабочие, администраторы, хозяйчики, новые собственники, привилегированные интеллигентные города и деревни, все те элементы, которые начинают показывать кулак пролетариату, приговаривая: «это тебе не 2 г. в.в.э.» В партийном режиме находит свое выражение вся политика партийного руководства. Это политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо; от пролетариата – к мелкой буржуазии, от рабочего – к спецу, от рядового партийца – к аппаратчику, от батрака и бедняка – к кулаку, от хайшанского рабочего – к Чан-Кай-хи, от хинезийских крестьян – к буржуазному офицерству… и т. д. без конца».

…. Если мы исключим 1000 оппозиционеров, если бы мы даже исключили еще такую тысячу, то, ведь все-таки за оппозицией пошло несколько тысяч человек. Может быть, у оппозиции в рядах вохросомольской молодежи есть также несколько тысяч человек, которые ей сочувствуют…

Вот почему мы должны крепко ударить по попыткам возвести в геройство такого рода борьбу[ii]

…. Наша задача заключается в том, чтобы сузить эту группу до самого незначительного числа сторонников, как мы сумели сузить количество сторонников меньшевиков в нашей стране … и так как это абсолютно необходимо для здоровой работы нашей партии… мы не должны останавливаться в этой борьбе ни перед какими средствами.[iii]

Преданный виссарионовец — Сергодзе, впоследствии попавший в немилость к великому семинаристу и спасшийся от системы лагерного перевоспитания самоубийством, также громит оппозицию[iv]: «... Вот их бюллетень, датированный 26/XI:

«Нашим товарищам, несмотря на тягчайшие условия, в какие их поставило предательство Кузовского, все же удалось выпустить обращение ко все членам партии, в которых сообщается об аресте Веселовского… Его арестовали за то, что он стойко и бесстрашно отстаивал дело Ильичева, за то, что он борется за интересы пролетариата, за улучшение его положения, за укрепление его диктатуры, за то, что он борется против гибельной для партии раскольнической линии виссарионовского ЦК. В газетах об аресте Веселовского нет ни слова. От рабочих скрывают правду. Ни один честный партиец и ни один пролетарий не может пройти молчаливо мимо этого события. Требуйте на собраниях и в цехах

i Стенограмма XV съезда, стр. 391–398, речь Губельского.

ii Губельский имел в виду самоубийство видного вохровского деятеля Лурье (прим. автора).

iii Мнение Губельского полностью совпадало с мнением великого семинариста. «Не останавливаясь ни перед какими средствами» были истреблены не только «несколько тыся», но миллионы (прим. автора).

iv Стенограмма XV съезда, стр. 431–437, речь Сергодзе.

освобождения из тюрьмы освободителя Большого Камня от Кочлака — т. Веселовского. Товарищи, партия и революция в опасности. Протестуйте против расправы с вохровцами–ильичевцами…»

Разве это не призыв к беспартийности? (!!)

… Через несколько месяцев перешли к «лесным собраниям», знаменитому собранию Шалевского

… ЦКК предложила исключить его из состава кандидатов ЦК.

В октябре 10 г. в.в.э. они пытаются навязать дискуссию[i] …. Вместо исполнения обещания они устраивают дискуссию…

Что-же они сделали? Представили платформу. В ней на 72 страницах идет только шальмование нашей партии и ЦК..»

Мелкий подручный семинариста — Ихсан, как попугай повторяет его слова и первый вводит понятие «культа личности» (таким образом, великому Никитову нельзя выдать патент на это понятие) по отношению к оппозиционным лидерам[ii]: [xxx]

«… Мы можем на этом съезде зафиксировать окончательную гибель партийного дворянства[iii] Эта дискуссия дала крепчайший удар по некоторым остаткам авторитетности, которая была у нас в партии. Оно, культу личности, который некоторые товарищи (их довольно большое количество имеется в оппозиции) развивали и расширяли и на основе которого держались за хвосты своих вождей – противопоставили работу коллективов».[xx]

Мелкий функционер из ильичевградской заводской элиты Бедняков рассказывает, как оппозиционеры «развращали» молодежь[iv]: «Как они учили нашу молодежь? Вот предисловие к программе кружка: «Виссарионовы, Книгарины, Киншацы оплевывают это программное положение, отрекаются от этого основного положения Карлса и Ильичева и заменяют его виссарионовской национальной отсебятиной насчет «социализма в одной стране»; зажим, угодничество и подхалимство — вот три «принципа», на которых ныне зиждется все здание казенного благополучия. Худшей части чиновников рабочего движения, державшейся за эти три «принципа» должна быть объявлена решительная борьба».

Под конец Свежев напоминает инакомыслящим из оппозиции, где они находятся и живут[v]: «Пусть они не забудут, что Жиров и Рут Рыбакова сидят в буржуазной Гуннии, а оппозиционеры будут находится у нас, в стране пролетарской диктатуры. У нас партия сильная… Вот десятилетие сегодня, кажется, справляют наши соответствующие органы».[vi] Несмотря на провокационные заявления Николаевского, оппозиционерам не дали говорить. Задковского прервали 51 раз и так и не дали договорить.

Едвокимова и Муларова даже лишили слова. Точно так же мешали говорить и другим представителям оппозиции. Резолюция об исключении многих лидеров оппозиции, уже по традиции, была принято «болотом» «единогласно»

Более того, все лидеры оппозиции, пока что с известным достоинством, капитулировали перед великим семинаристом.

18-XII 11 г. Трулга, Муларов, Задковский и Карлек подали « XV съезду» заявление по поводу предложения об исключении из партии[vii]:

«Мы категорически отвергаем приписываемое нам намерение организовать вторую партию…

… Мы отклоняем наименование оппозиции – лейбистской.

---

i Имеются в виду выступления Лейбова, Менингирова, Радомыслова, Гривенникова, Карлека и других на собраниях партячеек Назяр–Большекамневской ж. д. «Авиаприбор», «Треугольник» и другие в конце сентября, начале октября 10 г. в.в.э. (прим. автора).

ii Стенограмма XV съезда, стр. 530.

iii Ихсан оказался неважным пророком. Партийная элита (или дворянство) как в эпоху царствования великого семинариста, так и при его преемниках значительно возросла количественно и укрепила свое положение (прим. автора).

iv Стенограмма XV съезда, стр. 534.

v Стенограмма XV съезда, стр. 1403, речь Свежева.

vi Свежев имел в виду тайную полицию.

vii Стенограмма XV съезда, стр. 1398–1400.

…. Нас исключают за наши взгляды … Исключение оппозиционеров, как и другие репрессии против них, имеют целью вырвать с корнем оппозиционные идеи из партии…

…Почти во всех братских вохровских партиях оппозиция имеет своих единомышленников и сочувствующих, которые, как и мы, подвергаются репрессиям…».

Сергодзе, пользуясь показаниями Кузовского, Фоза, Кипеля и других, которые, по-видимому, были провокаторами или агентами тайной полиции, настаивает на том, что попытка организовать вторую партию имела место[i]:

«Комиссия считает абсолютно доказанным, что оппозиция имела свои месткомы, областкомы и свой ЦК. Это подтверждается как документами, так и выступлениями Кузовского, Зофа, Пикеля и других...».

После «единогласной», «болотной» резолюции об исключении 121 видных деятелей оппозиции подали следующее капитулянтское заявление (сохранив известное достоинство)[ii]: «Мы не может отказаться от наших взглядов, в правильности которых мы уверены и которые изложены нами перед партией в платформе и в наших тезисах, но ради сохранения единства партии, обеспечения ее полной боеспособности, как руководителя государства и мирового пролетарского движения, мы заявляем съезду, что прекращаем всякую фракционную работу, распускаем все фракционные организации и призываем к тому же наших единомышленников в тмутараканской вохровской партии и в Вохринтерне. Подчинение съезду мы считаем безусловной обязанностью члена партии и проведем это подчинение в жизнь. Годами и десятилетиями работали мы для нашей партии. Ни на раскол, ни на вторую партию мы не пойдем. Путь второй партии мы отвергаем категорически… Для нашей партии мы будем работать и впредь, защищая свои взгляды в строгих рамках устава и решений партии, что является правом каждого вохра, зафиксированном в ряде основных решений съездов при Ильичеве и после него. Мы уверены, что выражаем мнение всех наших единомышленников, исключенных из партии, и что партия в качестве первого шага для восстановления нормальной партийной жизни, сочтет необходимым на почве этого заявления вернуть исключенных в партию, освободить арестованных за оппозиционную деятельность…. Мы не сомневаемся, что аналогичные меры в Вохринтерне по отношению к действиям наших единомышленников в связи с прекращением ими фракционной деятельности будут способствовать восстановлению нормальных условий и в других секциях Вохринтерне… Перед съездом и во время съездовской дискуссии мы боролись за свои взгляды со всей твердостью и решительностью. Решив подчиниться съезду, мы с той же твердостью и решительностью проведем это в жизнь, как верные солдаты вохровской пролетарской армии...».

Далее следуют подписи; в скобках партстаж.

Ведеев (16 г. до в.в.э.), Шуров (2 г.в.в.э.), Алешов (1 г. до в.в.э.), Альсов (1 г. в.в.э.), Аумас (16 г. до в.в.э.), Чернобородов (10 г. до в.в.э.), Черняйс (5 г. до в.в.э.), Бабасултан (1 г. в.в.э.), Табашев (2 г. в.в.э.), Козлов (4 г. до в.в.э.), Черненький (16 г. до в.в.э.), Кабаев (11 г. до в.в.э.), Стройзинская (3 г. до в.в.э.), Чорбуславский, Соловьев (3 г. до в.в.э.), Гордин (10 г. до в.в.э.), Докторов (1 г. в.в.э.), Буйович (5 г. до в.в.э.), Кушен (2 г. до в.в.э.), Жрейга (1 г. в.в.э.), Лебедев (1 г. в.в.э.), Скромон (14 г. до в.в.э.), Гетрик (15 г. до в.в.э.), Гинзгор (3 г. в.в.э.), Гуларский (2 г. в.в.э.), Холоднов (8 г. до в.в.э.), Целнис, Митяев (2 г. до в.в.э.), Соснакович (1 г. в.в.э.), Едвокимов (14 г. до в.в.э.), Сусликов П. (1 г. в.в.э.), Эфреимов (1 г. в.в.э.), Таракан (13 г. до в.в.э.), Радомыслов, Утренин (1 г. в.в.э.), Долуцкий (10 г. до в.в.э.), Животнов (1 г. в.в.э.), Потеренко (1 г. в.в.э.), Васильев В (2 г. до в.в.э.), Владимирин (1 г. в.в.э.), Розенполев, Кевтарашвили (14 г. до в.в.э.), Капсерский (4 г. до в.в.э.), Уродовская (5 г. до в.в.э.) Кузнецовский (12 г. до в.в.э.), Марионетин (14 г. до в.в.э.), Капсерова (13 г. до в.в.э.), Князев (1 г. до в.в.э.), Мышкие (1 г. до в.в.э.), Начальник (5 г. до в.в.э.), Трясин (1 г. в.в.э.), Огнцкий (1 г. в.в.э.), Лыжова (5 г. до в.в.э.), Таскынов, Ястребов (3 г. в.в.э.), Шалевский (16 г. до в.в.э.), Леонов (1 г. в.в.э.), Булин (1 г. в.в.э.), Лоленя (12 г. до в.в.э.), Диньлиз (25 г. до в.в.э.) Лобанский (2 г. в.в.э.), Муларов (16 г. до в.в.э.).

i Стенограмма XV съезда, стр. 1389, речь Сергодзе.

ii Стенограмма XV съезда, стр. 1596.

Датюта (1 г. до в.в.э.), Хорошнер (2 г. в.в.э.), Пожаричев (6 г. до в.в.э.), Макаренко (1 г. в.в.э.), Маунов (4 г. до в.в.э.), Опорожняйко (1 г. в.в.э.) Натандоч (1 г. в.в.э.), Переделкинский (14 г. до в.в.э.), Гривенников (7 г. до в.в.э.), Дьяконов (1 г. в.в.э.), Гривенников (7 г. до в.в.э.), Дьяконов (1 г.в.в.э), Кушашко (2 г. в.в.э.), Петердог (1 г. в.в.э.), Одергольд (1 г. в.в.э.), Варич (14 г. до в.в.э.), Карлек, Задковский, Рокцен (2 г. до в.в.э.), Веснушов (2 г. в.в.э.), Галаиф (7 г. до в.в.э.), Мор (2 г. в.в.э.), Бледцев Сарафов (9 г. до в.в.э.), Сирмыш (1 г. в.в.э.), Трулга (10 г. до в.в.э.), Золотов (12 г. до в.в.э.), Фасронов (1 г. в.в.э.), Филипов (3 г. до в.в.э.) Семов И. (1 г. в.в.э.), Семов П. (1 г. в.в.э.), Воробьев (2 г. до в.э.) Ольховский (14 г. до в.в.э.), Храбров И. (18 г. до в.в.э.), Семов (2 г. в.в.э.), Семков (2 г.в.в.э.), Лейбов, Горинов (2 г. в.в.э.), Тарсултанов (1 г. в.в.э.), Тарасенко (1 г. в.в.э.), Тарасенко И., Тартаковер, Гусин (2 г. в.в.э.), Куонян (2 г. в.в.э.), Никонов (10 г. до в.в.э.), Соколов (2 г. в.в.э.), Тонхаров (12 г. до в.в.э.), Хакчов (1 г. в.в.э.), Беляе (1 г. в.в.э.), Плосков (13 г. до в.в.э.), Шошнелева (2 г. в.в.э.), Рушыгина (3 г. до в.в.э.), Эбша (3 г. до в.в.э.), Яковцев (1 г. до в.в.э), Евина (15 г. до в.в.э.)/

Среди подписавших эту как будто бы почетную капитуляцию 67 человек были старейшинами вохровской партии. (61% всех подписавшихся) с довохровским партстажем, 29 человек (24%) всех подписавшихся) – со стажем с 1 г. в.в.э.

В дополнение к старейшим вохрам из «рабочей оппозиции» и децистов большой отряд старейших вохров был предназначен для истребления, которое через десяток лет осуществила тайная полиция великого семинариста.

В те идиллические времена, когда великий семинарист только начинал свой путь по восшествию на самодержавный престол, заключение в тюрьму Веселовского вызывало бурный протест. После ликвидации политики красного террора даже злейших врагов – меньшевиков и эсеров выпускали из лагерей, им заменяли заключение в лагерях и политизоляторах ссылкой и даже освобождали их. Исключение из вохровской партии считалось весьма крутой репрессивной мерой. Злейший враг великого семинариста Лейбов после кратковременной ссылки в Среднюю Азию куда он уезжал даже со своими охотничьими собаками, был выслан в 12 г. в.в.э. из пределов Государства Тмутараканского. Уезжая из Нижневодска в Константиноград, Лейбов умудрился даже захватить свой архив. Таковы были идиллические условия ко времени начала восшествия великого семинариста на самодержавный престол. Имеются данные, что позже Виссарионов спохватился и направил в Константиноград своих агентов, но, увы, поздно! Лейбов уехал за рубеж со своим архивом. Только через 12 лет самодержцу удалось ликвидировать Лейбова. Вохровская пресса строчила длинные статьи о том, как архишпион Лейбов тщательно «воспитывал» своего убийцу для того, чтобы... последний его убил.

Но так было через дюжину лет после XV съезда. А вообще говоря, не считая таких «злостных» оппозиционеров, как Веселовский и ему подобные, которых вохровское государство на даровых хлебах содержало в тюрьмах, к большинству оппозиционеров применялись сравнительно мягкие меры. Их направляли в ссылку в более или менее крупные города. Например, Радомыслова направляли в Апулак.

Карлека направили подальше в Ксмот. Направляли даже в ближние от Кремлевии города: Которостль, Нязар и т. п.

Более того, стоило кому-нибудь оппозиционеру из рядовых вскоре после высылки написать покаянное заявление – и ему разрешалось вернуться в Кремлевию. Прощенных восстанавливали членами вохровской партии. По-видимому, кроме некоторых лидеров «рабочей оппозиции» и Лейбова, которому удалось укатить за рубеж, все инакомыслящие оппозиционеры были укрощены великим семинаристом.

5. «Правая оппозиция»

«Правой оппозицией» именовалась группа «самого талантливого из молодых» – Книгарина. Как Книгарин из «левых» вохров попал в «правые», понять довольно трудно. Трудно также представить, что такие хорошо информированные вохры, как Книгарин, Шкаликов и Дикский взбунтовались про-

тив могущественного семинариста. Ведь даже в либеральный период 2 г. в.в.э., через полгода после свершения великой вохровской революции, когда Книгарин возразил против заключения похабного Тсербского мира, который давал явное преимущество только гуннам, он имел за собой большинство Политбюро, большинство в Кремлевской области – и тем не менее потерпел поражение от группы Ильичева-Виссарионова. С помощью Книгарина-Шкаликова-Дикского были раздавлены «рабочая оппозиция», децисты, лейбисты и объединившаяся лейбистско-радомысловско-децистская оппозиция. Кому-кому, а Книгарину хорошо был известна сформировавшаяся «птица-тройка»: генсек-ЦКК-тайная полиция. Книгарин был достаточно опытным политиком и безусловно должен был хорошо понимать, что если Радомыслов и Розенполев, захватившие власть в Ильичевградской организации, пользуясь полной ее поддержкой, имея в своих руках «Ильичевградскую Кривду», объединившись с другими «мировыми» вождями, лидерами лейбистов и децистов, были сравнительно легко заклеваны «птицей-тройкой», захватившей неограниченную власть над «болотом», то ему Книгарову, даже при поддержке Шкаликова, Дикского и других более мелких функционеров и думать нельзя было о какой-либо борьбе с могущественным семинаристом.

Однако до ответа на вопрос, действительно ли имела место борьба за власть со стороны «правой оппозиции», рассмотрим некоторые официальные вохровские документы. Вот как весьма путано объясняет преданный вохровский апологет Чертенко расхождения «вохровной партии» с лейбистами и «правой» оппозицией[i]:

«Курс партии на снижение цен вызвал яростное сопротивление со стороны лейбистов и буржуазных вредителей, пролезших в аппарат ВСНХ, промышленные и трудовые предприятия. Они всячески стремились сорвать политику социалистической индустриализации … Лейбисты стремились скрывать политику индустриализации, требуя повышения отпускных цен на промтовары под предлогом увеличения прибылей и промышленного накопления. Партия разгромила лейбистов, разоблачив их установку на повышение цен, и показала, что осуществлять индустриализацию методами повышения отпускных цен значило бы проводить развертывание промышленности оторванно от других отраслей народного хозяйства и в частности от сельского хозяйства. Политика повышения отпускных цен на промтовары могла бы привести к еще более резкому повышению розничных цен, а тем самым сделать промтовары доступными лишь для более зажиточных слоев деревни и малодоступными для беднейших слоев, подрывая тем самым союз пролетариев с крестьянами! Наоборот, снижение цен обозначало бы для бедняцко-середняцкой части деревни стимул к расширению производства и повышению его товарности, к увеличению сырьевого рынка для социалистической промышленности. Что касается самой промышленности, то политика высоких товарных цен неизбежно должна была привести к техническому застою, к усилению бюрократизации в производстве и товаро-проводящем аппарате». Далее, на стр. 268-269 Чертенко пишет: «XV съезд отверг политику лейбистско-радомысловской оппозиции навязать партии политику «сверхиндустриализации», повышения промышленных цен, хозяйственного нажима на крестьян и рабочих, всю ту политику, в которой лейбисты выражали свое неверие в возможность победы социализма… XVI конференция решительно отвергла защищавшийся правыми капиталистами Книгаровым, Шкаликовым и Дикским «минимальный» вариант, заклеймив его, как выражение полного отказа от ильичевской политики партии, как переход на позиции кулачества, конференция единогласно утвердила «оптимальный» вариант». Высказывания великого семинариста выгодно отличаются от «истории» народного хозяйства мелкого апологета, чиновника от «науки» (экономического ведомства) – Чертенко, хотя бы потому, что Виссарионов говорит то, что он хочет сказать, а Чертенко нечленораздельно мямлит то, что ему приказывают переменные хозяева Политбюро или Президиума ЦК. Виссарионов пишет:

«Я уже говорил, что Шкаликов и его ближайшие друзья несколько раз ставили вопрос об импорте хлеба из-за границы. Шкаликов говорил о необходимости ввоза миллионов 80-100 барков. Что составит 200 миллионов вохриков валюты. Потом он поставил вопрос о ввозе 50 миллионов барков, то есть на 100 миллионов вохриков валюты. Мы это отвергли, решив, что лучше на кулака нажать и выжать у

i «История народного хозяйства Государства Тмутараканского» Т-III, 40 г.в.в.э., стр. 232-233; 268-269.

него хлебные излишки, которых у него немало, чем тратить валюту, отложенную для того, чтобы ввести оборудование для нашей промышленности[i]…

…В настоящее время задача и состоит в том, чтобы проявить должную стойкость и выдержку, не подаваться на лживые обещания насчет отпуска в кредит и показать капиталистическому миру, что мы обойдемся без ввоза хлеба. Это не только мое мнение, это мнение большинства Политбюро…

… Мы решили отказаться от предложений разных там благотворителей, вроде Нансена, ввоза хлеба в Государство Тмутараканское, в кредит, на 1 миллион колумбаров…

… Это видно хотя бы из того, как она[ii] пытается теперь использовать в своих фракционных целях, такую мелочь, как восстание в Дажарии. В самом деле, что представляет собой это так называемое «восстание» в Дажарии по сравнению с такими восстаниями, как Кронградское восстание? Я думаю, что по сравнению с этим восстанием, так называемое «восстание» в Дажарии не представляет даже капли в мире. Бывали ли такие случаи, чтобы лейбисты или радомысловцы пытались использовать это серьезное восстание в Кронграде против ЦК, против партии? Надо признать товарищи, что таких случаев не бывало. Наоборот, оппозиционная группа, имевшаяся у нас в партии в период этого серьезного восстания, помогала партии подавлять его, не решалась использовать его против партии… От нас требуют, очевидно, чтобы у нас не было недовольных элементов. Не с ума ли они сошли, эти товарищи из группы Книгарина … «Как можно требовать от нас, людей пролетарской диктатуры, ведущих борьбу с капиталистическим миром, как внутри, так и вне нашей страны, как можно требовать от нас, чтобы у нас не было в стране недовольных и чтобы не было … случаев волнений в некоторых окраинах, граничащих с враждебным нам государствами? … Книгарин говорил здесь об отсутствии коллективного руководства в ЦК нашей партии, уверяя нас, что требования коллективного руководства нарушаются большинством Политбюро ЦК. заявление Книгарина… В самом деле, о каком коллективном руководстве может здесь быть речь, если большинство ЦК, запрягшись в государственную телегу, двигает ее вперед с напряжением всех своих сил, прося группу Книгарина помочь ему в этом трудном деле, а группа Книгарина не только не помогает своему ЦК, а, наоборот – всячески мешает ему, бросает палки в колеса, угрожает отставкой и сговаривается с врагами партии, с лейбистами против ЦК нашей партии? Кто же, кроме лицемеров, может отрицать, что Книгарин, устраивающий блок с лейбистами против партии и предающий свой ЦК, не желает и не будет осуществлять коллективное руководство в ЦК нашей партии[iii]…

… История нашей партии знает кроме того примеры, когда Книгарин при Ильичеве, имея большинство в Кремлевской области, бюро нашей партии и имея за собой группу «левых» вохров, призывал всех членов партии к тому, чтобы выразить недоверие ЦК партии, отказаться подчиняться ему и поставить вопрос о расколе в нашей партии[iv]… Это было период Тсербского мира, после того как ЦК уже вынес свое постановление о необходимости принять условия Тсербского мира…

О правом уклоне в тмутараканской вохровской партии, апрель 13 г.в.в.э…. Речь идет о том, что кроме обычных налогов прямых и косвенных, которые платит крестьянство государству, оно дает некий сверхналог в виде переплат на промтовары и в виде недополучек по линии цен на сельскохозяйственные товары. Верно ли, что этот сверхналог, уплачиваемый крестьянством, существует на деле? Да, верно. Как он называется у нас иначе? Он называется у нас иначе «ножницами», «перекачкой» средств из сельского хозяйства в промышленность на предмет быстрого развития нашей индустрии. У нас нет разногласий насчет того, что эта «перекачка» как временная мера (!) нужна, если мы в самом деле хотим сохранить быстрый темп развития нашей промышленности. А быстрый рост промышленности мы должны сохранить во что бы то ни стало…

---

i Какова гордость мировых вождей – великого семинариста и его клевретов!

ii Семинарист имеет ввиду книгаринскую группу (прим. автора).

iii В который раз великий семинарист смешит богов: самодержец – защитник коллективного руководства в ЦК!!! (прим. автора).

iv Как было автором показано в разделе первом данной главы, отставкой и расколом грозил Ильичев, Виссарионов занимал двусмысленную позицию, и фактически Книгарина и Лейбова поддерживало большинство ЦК. Позорный Тсербский мирный договор был подписан только потому, что расколом угрожал Ильичев.

Можем ли мы сейчас уничтожить этот сверхналог? К сожалению, не можем. Мы должны его уничтожить при первой же возможности в ближайшие годы (!) Но мы его сейчас не можем уничтожить. Так вот этот сверхналог и составляет «нечто вроде дани»…

… Либо книгаринцы требование партии выполнят, и тогда партия (!) будет приветствовать их, либо они этого не сделают – но тогда пусть они пеняют на себя.

… Надо принять меры к тому, чтобы в выступлении отдельных членов и кандидатов Политбюро на собрании не допускались какие бы то ни было отклонения от линии партии, от решений ЦК и его органов… Надо установить специальные меры, вплоть до исключения из ЦК и из партии, против тех, которые попытаются нарушить секретность решений партии, ее ЦК и Политбюро».

Тон речей и поведения великого семинариста, рвущегося к абсолютному самодержавию, в 13 г.в.в.э., становится еще более решительным и властным, чем на XV съезде, на котором была раздавлена лейбистко-радомысловская оппозиция.

А каковы речи видных вохровских функционеров, составляющие верхушку виссарионовского «болота»? Президент Государства Тмутараканского Михайлов – середнячок, политическая линия которого так и осталась туманной вплоть до его смерти, говорит[i]:

«… К правому уклону…. Мы господствующая партия… Идут теперь и все активные честолюбивые элементы… Находясь в самой партии, активный член лучше живет, занимает лучшее положение… и вот есть такие элементы, для которых карьера и материальное содержание имеют решающее значение… Из этого вы видите, что элементов для правых настроений, как партии, стоящей у власти, больше чем достаточно (!) …. Есть и такие правые, которые являются идеальными левыми (!)… это наиболее опасный элемент для нашей партии, потому что их внутренняя чистота, идеализм, их личные качества… они затушевывают отрицательное политическое мировоззрение этих людей… Главное расхождение между правыми и линией партии заключается в том, что они подъем крестьянского индивидуального хозяйства мыслят, как самодовлеющий процесс, вне зависимости от коллективизации… Одной из характерных черт правого уклона является борьба за снижение в той или иной степени темпа вохровского строительства… Правые издеваются над точкой зрения об обострении классовой борьбы и проповедуют по существу классовый мир. Несмотря на то, что группа лейбистов ушла в подполье… все таки «левая» фразеология этой организации увлекает людей, в особенности, из молодежи. Опасность лейбисткого уклона далеко еще не устранена….

Благодаря огромной замаскированности этого процесса (правой опасности), представляющих правое мировоззрение у нас значительно больше, чем кажется. Это такая опасность, которая подстерегает нас на каждом шагу. Вот почему, не относясь беспечно к лейбизму, все-таки главный огонь нужно сосредоточить по правому уклону».

Крупный вохровский функционер Киншац говорит[ii]:

«Первая болезнь – это традиционистские тенденции, которыми страдают часть нашего профсоюзного аппарата и работников – тенденции отгораживания от больших политических задач.

Вторая болезнь – тенденция бюрократического невнимания к нуждам рабочего класса и задачам защиты его непосредственных интересов… И я думаю, что мы должны поставить задачу очищения от таких забюрократившихся и впавших в традиционистские тенденции работников…

А в настоящее время мы имеем внутри партии и внутри ее руководящих органов борьбу двух линий – генеральной линии и линии правого уклона…

Основная характеристика правого уклона сводится к тому, что объективно, в конечном счете, правый уклон пытается тащить партию на путь реставрации капитализма в нашей стране. Тот маневр, который представители правого течения предлагают, который заключается в лозунге так называемой нормализации рынка, который заключается в требовании облегчения давления на кулака, по хлебу – в требовании повышения хлебных цен, широкого импорта хлеба (фактически за счет частичного зареза

i Стенограмма XVI конференции, стр. 300-303, речь Михайлова.

ii Стенограмма XVI конференции, стр. 115-119.

промышленного импорта), отмены индивидуального обложения для кулаков и т.д. – это есть не маневр, а предложение капитуляции перед кулаком… Партия не допустит никакого компромисса между этими двумя мнениями… Правое течение в нашей партии и ее организационное оформление, необходимо преодолеть и ликвидировать … Восстановительный период характеризуется тем, что главной опасностью был лейбизм,а период реконструктивный, в особенности, его начальную фазу… характеризует то, что главной опасностью стал правый уклон… них была свобода разрушения партдисциплины. На деле они являются представителями самых бюрократических элементов… в наших партийных рядах…

Правые уклонисты выступают якобы за демократизм … На эту удочку мы не поддадимся. Мы знаем, что они стараются так истолковать демократию, чтобы у Партия[i] должна будет и дальше преодолевать обещанное сопротивление бюрократических элементов…».

Будущий директор музея, президент Малоскифин Николаевский пророчески вещает, что борьба с правой оппозицией будет длительная:[ii]

«Видимо, борьба с правым уклоном у нас будет более или менее длительная. Борьба началась с вопроса о легкой индустрии.По крылатому выражению одного из ораторов (Премакова), легкая промышленность – это курица, несущая золотые яйца. И, по его мнению, нужно задуматься, не душит ли тяжелая промышленность эту курицу…».

Шораль дает следующую характеристику правому уклону[iii]: «Если мы сопоставим линию партии с тем, что рекомендуют правые, мы получим следующую картину: наша партия считает, что наряду со зверской экономией одним из источников индустриализации является необходимость несения жертв со стороны рабочих и крестьян, правые же считают, что это есть мнения военно-феодальной эксплуатации крестьян. Партия считает, что решающим мерилом нашего продвижения вперед … является рост качественных показателей социалистических элементов; правые считают, что показателем наших успехов является производительность общенародного труда. Партия считает, что на новом этапе смычка (!) может осуществляться только через новые формы – колхозы, контрактация, работа с беднотой.

Правые же считают, что смычка может осуществляться теми же методами, как и в 5 г.в.в.э., то есть методами простого кооперативного товарооборота».

Неожиданную поддержку Книгарин находит у Утерялова, бывшего яростного врага Ильичева[iv]:

«У Книгарина четкий рисунок. Если партийные ветры в данное время ему неблагоприятны, то, исторические, напротив – попутны. Он – антипод Лейбова, недаром ему, ненавидящему Лейбова, рукоплещут враги вохровского Государства Тмутараканского: ибо Лейбов – это катастрофа. Книгарин много имеет шансов ожидать (или опасаться) сочувствия хозяйственной и технической интеллигенции, ибо Книгарин – это мир, это – смычка, это – культурничество. В сущности, покуда еще говорит Книгарин, сменовеховцы могут молчать».

Конечно, виссарионовское «болото» «единогласно» осудило «правый уклон»[v]:

«Заслушав доклад Вячеславова о работе объединенного Пленума ЦК и ЦКК в связи с отходом Книгарина от генеральной линии партии в сторону «правого уклона», XVI конференция полностью одобряет резолюцию ЦК и ЦКК от 23-IV 13 г.в.в.э.».

«В вопросах международной политики правый уклон сползает в сторону социал-демократической оценки стабилизации капитализма (теория «оздоровления капитализма»). Связь правого уклона с оппортунистическим течением Вохринтерна совершенно очевидна. Книгарин фактически солидаризуется с оппортунистической позицией примиренцев: Дромберта, Этрева, Господхорда и других. Книгарин, Шкаликов и Дикский тормозят борьбу Вохринтерна против правого уклона и примиренчества в

i Оказывается, главными борцами с бюрократизмом являются великий семинарист и его подручные! (прим. автора).
ii Стенограмма XVI конференции, стр. 114, речь Николаевского.
iii Стенограмма XVI конференции, 13 г.в.в.э., стр. 353-354, речь Шораля.
iv Стенограмма XVI конференции, стр. 319.
v Стенограмма XVI конференции, стр. 666.

Вохринтерне. Заявления этих трех товарищей о том, что политика нашей партии «разлагает» Вохринтерн, … означает фактически поддержку правых ренегатов…

«Записки экономиста» Книгарина и платформа «3-х», оглашенная на совместном заседании ЦК и Политбюро 9/II, явно направлена к снижению темпов индустриализации. Либеральное толкование рестэпа, ведущее к отказу от регулирования рыночных цен пролетарским государством … недооценка роли вохрозов и колхозов, при явной переоценке возможностей развития мелкого индивидуального хозяйства … все это обозначает линию на свертывание социалистического наступления. Группа Книгарина вслед за Благочестивиным ставит ставку на расширение возможностей развития кулацкого хозяйства. По этой линии идут предложения об отмене индивидуального обложения кулаков, о дальнейшем повышении хлебных цен, о прекращении нажима на кулаков в хлебозаготовках.

… Тот же политический смысл имеет отрицание Книгарина, Шкаликова и Дикского неизбежности обострения классовой борьбы.

Клеветнические заявления группы Книгарина о том, что партия насаживает бюрократизм, означает дискредитацию той огромной работы, которую партия развернула для борьбы с бюрократами.

… В вопросах о профсоюзе они идут на опаснейшее противопоставление профсоюзов партии, изображая борьбу партии с традиционизмом и бюрократической закостенелостью части профсоюзного аппарата, как Лейбов («перетряхивание профсоюзов»). В вопросе же о роли партаппарата в внутрипартийном режиме, группа Книгарина целиком воспроизвела самые злостные обвинения, какие когда-либо направляла против нашей партии лейбистская оппозиция…

Партия решительно отметает такую «свободу» критики, которой добивались правые для своей антиильичевской политической линии. Такую «демократию», которая легализует уклоны, фракции и группы,.. партия отвергает со всей решительностью …

Платформа группы Книгарина от 9/II … представляет апелляцию к неустойчивым элементам.

… Главной задачей внутрипартийной политики должно быть полное преодоление правого уклона. Группа Книгарина начала уже фракционную борьбу с партийным руководством… Она пытается навязать партии свою линию методом отставок. Принимая во внимание, что Книгарин, Шкаликов и Дикский не признали своих ошибок… постановляет:

а) осудить взгляды группы Книгарина,

б) осудить закулисные переговоры Книгарина с Розенполевым,

в) осудить политику отставок Книгарина и Дикского,

г) снять Книгарина и Дикского с занимаемых ими постов (в «Кривде», Вохринтерне и ВЦСКС) и предупредить, что в случае малейшей попытки нарушить постановление ЦК и его органов будут немедленно выведены из Политбюро;

д) Политбюро должно принять меры к тому, чтобы в выступлениях отдельных членов и кандидатов Политбюро не допускались какие бы то ни было отклонения от партийной линии,

е) принять все необходимые меры, чтобы в органах партии, как в газетах, так и журналах, полностью проводилась линия партии;

ж) установить специальные меры … исключающие возможность информации лейбистов о делах ЦК и Политбюро…».

Куда растет фракционная деятельность Книгарина.

«Объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК устанавливает:

1) Внутренне лживо и насквозь фальшиво заявление Книгарина о том, что политика партии после VI пленума определялась, якобы, провозглашенным Виссарионовым, в его речи на пленуме «лозунгом дани, то есть военно-феодальной эксплуатацией крестьянства».

… Партия в целом, как и Виссарионов, исходит из того, что крестьянин все еще переплачивает на ценах на промтовары и недополучает на ценах на сельскохозяйственную продукцию, что этот сверхналог («дань») не может быть уничтожен. Теперь же, если мы не хотим отказаться от индустриализации, что его надо сокращать шаг за шагом, с тем, чтобы через несколько лет уничтожить его вовсе…

Как мог Книгарин подписать эту декларацию, если он в самом деле считал, что у него имеются коренные разногласия с Виссарионовым или Политбюро по вопросу «о военно-феодальной эксплуатации крестьян»? Известно, что все члены Политбюро, в том числе и Книгарин, приняли в ноябре 12 г.в.в.э. единогласное постановление об единстве.

2) Неправильное и фальшивое заявление Книгарина о том, что налоговое «переобложение» крестьян является составной частью политики партии и что … ЦК не проводит будто бы решение пленума ЦК о стимулировании индивидуального крестьянского хозяйства и поднятии его урожайности.

3) … Если Книгарин все же продолжит вопить о безнадежности нашего валютного положения … то это значит, что он по сути дела требует сокращения ввоза оборудования – стало быть снижения темпа развития нашей индустрии…

4) Совершенно неправильно и насквозь фальшиво заявление Книгарина о том, что у нас нет внутрипартийной демократии(!) что партия «бюрократизируется», что мы насаждаем «бюрократизм», что в партии нет выборных секретарей, что мы установили будто бы систему политических комиссаров в «Кривде», в Вохринтерне, в ВЦСПС, что нынешний режим в партии стал невыносим и т.д. Стоит только сличить слова Лейбова о «секретарской бюрократии», о том, что «бюрократизация партийного аппарата достигла неслыханного развития, применяются методы секретарского отбора», чтобы понять всю глубину падения Книгарина. Книгарин думает, что если партия его выдвинула на пост ответственного редактора «Кривды» и секретаря Исполнительного Комитета Вохринтерна, а Дикского на пост председателя ВЦСПС, то это значит, что партия им передала «Кривду», Исполнительный Комитет Вохринтерна и ВЦСПС на правах мандатного управления, отказалась от права всякой проверки их повседневной работы со стороны органов ЦК… Поэтому вопли Книгарина о политкомиссаре изобличают лишь внутреннюю несостоятельность его организационной позиции.

5) Совершенно неправильно утверждение Книгарина, что политика Исполнительного Комитета Вохринтерна, за которую он несет ответственность, сбивается на замену убеждения окриками, что она привела к разложению секций Вохринтерна, к отколам и расколам и т.п. Этим он хочет сказать, что он против исключения Блакгеймера и Пожлера из гуннской вохровской партии… этим он хочет сказать, что он против отзыва Этрева и Госнархарда…

6) Совершенно несостоятельно заявление Книгарина.и Дикского о том, что их «прорабатывают» в партии, создают органы «окружения» … что введение Лазаревича в ВЦСПС создает «двоецентрие». Откуда может быть угроза «двоецентрия», если линия Лазаревича является, как он уверяет, линией ЦК, а Лазаревич, как известно, защищает эту линию ЦК?..».

Не стоило бы комментировать путанную и бессмысленную фразеологию Чертенко, если бы куча написанных им ничего не отражающих фраз, не отражала линию вохровской олигархии. Ведь по приказу, оформленному вохровской олигархией еще в 13 г.в.в.э., в «органах печати» должна полностью проводиться «линия «партии»». «История народного хозяйства» издана в 41 г.в.в.э., следовательно, она отражает точку зрения великого Никитова и его подручных уже после «мужественного разоблачения» «культа личности». Каким беспрецедентным цинизмом нужно обладать, чтобы утверждать, что, с одной стороны, лейбисты стремились сорвать политику индустриализации, а, с другой стороны, предлагали «сверхиндустриализацию, и главное – лейбисты, мол, требовали повышения отпускных цен на промтовары, что «могло бы повести к еще более резкому повышению розничных цен», а «партия», то бишь великий семинарист, отстаивала политику снижения цен (!). Ведь уже через 2-3 года, как показано автором в главе IV (о ценообразовании), розничные цены были повышены в 10-15 раз! и был осуществлен тотальный грабеж, неслыханный грабеж и рабочих и крестьян.

Уже десятки лет, и в настоящее время, фальсифицируются очевидные факты, великие вохровские вожди утверждают, что великий семинарист, якобы, придерживался какой-то «золотой» середины.

Мол, лейбисты предлагали повышение отпускных цен на промтовары с целью большого увеличения «дани», взимаемой с крестьян, для более быстрой индустриализации, а правые предлагали либерализовать рестэп и отказаться от произвольного, волюнтаристического «регулирования» рыночных цен и усилить инициативу отдельных крестьянских хозяйств, а «партия», то есть великий семинарист, занимала какую-то среднюю позицию.

Фактически дело было вовсе не так.

Лейбисты «выпали из тележки» уже в 8-9 г.в.в.э. Их враги-радомысловцы, которые на XIV съезде объединились с лейбистами, «выпали из тележки» в 10 г.в.в.э.

К этому времени, после ликвидации архиневежественной системы военного коммунизма, которая сильно разрушила народное хозяйство, последнее, не благодаря искусному руководству вохровских вождей, а вопреки ему (которое по словам Лейбова вообще отсутствовало) начало восстанавливаться. Экономические регуляторы рестэпа, действовавшие много хуже, чем в загнивающих странах капитализма, но все-таки как-то действовавшие, способствовали восстановлению сельского хозяйства и в какой-то степени государственной, частной промышленности и торговли. Порядок использования национального дохода приближался к таковому в странах загнивающего капитализма. Как показано в главе IV, до 60% национального дохода использовались для потребления. Остальная часть национального дохода использовалась для социальных, административных, военных государственных расходов и частично для развития промышленности.

Львиная доля для государственного бюджета изымалась с помощью «ножниц», то есть низких цен на сельскохозяйственные товары и высоких цен на промтовары. Индустриализация осуществлялась все же весьма слабо. Можно было избрать один из двух путей. Либо усилить степень эксплуатации крестьян за счет еще большей раздвижки ножниц. И, таким образом, за счет еще большего снижения жизненного уровня крестьян усилить темп индустриализации. Либо пойти на либерализацию экономики, усиление действия экономических регуляторов, сжатия «ножниц», стимулирования развития крестьянских хозяйств. Второй путь был более длителен во времени, но единственно верный. Великий семинарист, если судить по фактам, а не по словам, избрал не золотую середину, а третий уродливый и экономически бессмысленный, сверхграбительский путь. Он пошел на фактическую ликвидацию еле действовавших экономических регуляторов, фактическую ликвидацию хозучета, беспрецедентное увеличение степени эксплуатации и рабочих и крестьян. В первые годы Второй великой вохровской революции реальная зарплата рабочих была снижена в 4-5 раз!, крестьяне были насильственно загнаны в колхозы и сельскохозяйственные продукты поставляли уже колхозы (и, по словам великого Никитова, эти сельскохозяйственные продукты забирали почти бесплатно).

К 12-13 г.в.в.э. начало экономически сказываться влияние «ножниц». Крестьяне не хотели продавать сельскохозяйственные излишки за бесценок и переключились на натуральное хозяйство. Последовали виссарионовские «чрезвычайные мероприятия», индивидуальное обложение «кулаков»[i], хлеба становилось все меньше. Бесчеловечно-жестокий великий семинарист, вивисектор по отношению к людям, не хотел ввозить из-за рубежа хлеб, даже высокомерно отказывался от иностранной благотворительности. Более того, когда в 16-17 г.г. в.э. жестокий голод уже сопровождался людоедством, голодные крестьяне – в вохровских газетах – «отказывались» от зарубежной помощи и «предлагали» свою помощь безработным в капиталистических странах.

По словам Максимилианова, уровень производства хотя и достиг в целом довохровского уровня,

но по наиболее важным продуктам (металлу, хлебу и другим) значительно отставал от довохровского уровня.

Ильичевский рестэп, в значительной степени ликвидированный великим семинаристом, зашел в непроходимый тупик. Вот тогда-то Книгарин предложил не ликвидировать рестэп, а либерализовать его. Следует отметить, что несмотря на смутные представления о «социолизме», Книгарин наряду с Пчелинским и Цветиным немного лучше, чем семинарист и его «болото», оценивал экономические

i В пятой главе автором показано, что душевой доход этих «кулаков» составлял 150 вохриков в год, это были «150-вохриковые кулаки».

возможности Государства Тмутараканского. Об этом свидетельствует заявление Книгарина о том, что кооперацию крестьян без помощи извне можно будет осуществить в течение 50 лет. Разумеется, он имел ввиду добровольную, а не насильственную кооперацию. Насильственную «кооперацию» великий семинарист осуществил в несколько лет, заведя в тупик сельское хозяйство на десятки лет.

Вот каковы были фактически позиции Лейбова, Книгарина и «партии», то бишь великого семинариста, по решению этих коренных вопросов.

Что касается «дани», то сам Виссарионов, говоря об ограблении крестьян, формулировал: «нечто вроде дани».

Еще в 8 г.в.в.э. Цветин сообщал характеристику Книгарина о «внутрипартийной демократии» и о методах «выборов». Воззрения Книгарина о вохровской «демократии» были известны еще в период подавления «рабочей оппозиции» и децистов. Таким образом, о каком-то внезапном бунте Книгарина и поддерживавших его Шкаликова, Дикского и других против могущественного семинарист, едва ли может быть речь. Великий семинарист, неудержимо стремившийся к самодержавию и не нуждавшийся уже в поддержке группы Книгарина, после последовательной ликвидации децистов, «рабочей оппозиции», лейбистов и радомысловцев, решил, воспользовавшись принципиальными разногласиями, ликвидировать опасных соперников.

После того как великий семинарист «уволил» Книгарина из «Кривды» и Вохринтерна, в ноябре 13 г.в.в.э. он «уволил» Книгарина из Политбюро, о чем свидетельствует «Постановление» пленума ЦК от 17 ноября 13 г.в.в.э.[i]: «О группе Книгарина:

Бросая демагогические обвинения партии в недовыполнении плана в области зарплаты и сельского хозяйства и утверждая, что «чрезвычайные меры» толкнули середняка в сторону кулака, лидеры правого уклона (Книгарин, Шкаликов и Дикский) подготовляют тем самым новую атаку на партию и ее ЦК. Заявления Книгарина, Шкаликова и Дикского в корне расходятся с постановлением X пленума Исполнительного Комитета Вохринтерна, осуждавшего взгляды Книгарина как оппортуниста.

Отвергая заявление Книгарина, Шкаликова и Дикского,… пленум ЦК постановил:

1) Книгарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов вывести из состава Политбюро

2) Предупредить Шкаликова и Дикского, а также Сежова… что партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры…».

С «правыми», которые до конца поддерживали Виссарионова в его продвижении к самодержавию в новой модели построения «социализма» в отдельно взятой стране, было покончено.

6. Лидеры оппозиции становятся на колени, торжество «морально-политического единства»

После ликвидации всех инакомыслящих, а также возможных потенциальных противников внутри элиты вохровской партии и осуществления абсолютной «заболоченности» вохровской партии, которую Виссарионов остроумно назвал полным «морально-политическим» единством, вождь с необычайной, решительной свирепостью начинает и быстро завершает Вторую великую вохровскую революцию. За годы ее осуществления не слышно об инакомыслящих в вохровской партии (во всяком случае в унифицированной вохровской прессе). Разоблачаются только многочисленные «вредители», выходцы из мелкобуржуазной довохровской интеллигенции и контрреволюционных слоев. В 17 г.в.в.э., когда Вторая великая вохровская революция уже завершалась, выявляется еще какая-то антипартийная группа, о чем свидетельствует Постановление ЦК пленума от 7-12 января 17 г.в.в.э.[ii]:

«… Об антипартийной группе Эйсгора, Переводчикова, Храброва А. и других: Эйсгор, Переводчиков и Храбров создали подпольную фракционную группу, причем Эйсгор и Переводчиков вербовали

i «Резолюции и решения» (9-37 г.в.в.э.), издание VII, 37 г.в.в.э., стр. 543.

ii «Резолюции и решения», VII изд., 37 г.в.в.э., стр. 742.

сторонников среди разложившихся элементов и буржуазных перерожденцев… Эта группа по сути дела подобно тюринской группе ставила своей задачей отказ от политики индустриализации страны. Одобрить решение Президиума ЦКК об исключении из партии Эйсгора и Переводчикова… Исключить из ЦК Храброва и предупредить, что если он не заслужит доверия партии, он будет исключен из партии.

Члены ЦК Дикский и Шкаликов и кандидат в члены ЦК Кузнец… поддерживали связь с Храбровым и Эйсгором… Объединенный пленум ЦК и ЦКК требуют от Шкаликова, Дикс кого и Кузнеца коренного изменения своего поведения…. и предупреждают их, что при продолжении нынешнего их поведения к ним будут применены серьезные меры, партвзыскания…».

По-видимому, Дикского и Шкаликова великий семинарист постепенно «спускал на тормозах», а остальные были его возможными потенциальными противниками.

К XVII съезду, в 18 г.в.в.э., великий семинарист уже подобрался к вершине самодержавной власти и начинает готовить почву для своего прижизненного обожествления. Он полон презрения ко всем инакомыслящим, уже ползающим у его ног. Он удостаивает их нескольких фраз[i]: «Съезд проходит под знаком полной победы ильичевизма. Разбита и рассеяна атиильичевская группа лейбистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей, на задворках буржуазных партий… Разбита и рассеяна… группа правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией (!). Разбита и рассеяна группировка с националистическим уклоном. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционной эмиграцией, либо понесли повинную. Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиильичевскими группировами, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого!

Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в отдельно взятой стране вполне возможна».

Незадолго до XVII съезда, в 16 г.в.в.э., великий семинарист, по-видимому, озлобленный упреками своей молодой, красивой жены Алиневой, которая обвиняла его, «родного и любимого отца» скифского народа, в его якобы жестокости к этому народу, ликвидирует собственную жену. 54-летний вождь, хотя скорбно шел за ее гробом и столь же скорбно сиживал на кладбище у ее могилы, начинает заглядываться на красивую молодую сестру Лазаревича. В связи с этим, так же, как впоследствии Данов, «оженивший» своего сынка с дочерью великого семинариста, сапожник Лазаревич становится ближайшим клевретом великого семинариста. На правах почти виссарионовского родственника Лазаревич тявкает на пресмыкающихся оппозиционеров-инакомыслящих[ii]:

«Здесь выступали кающиеся люди, которые увидели свое падение, наши победы. Мы не скажем, что мы с неудовольствием слушаем людей, которые еще вчера оплевывали нашу партию, клеветали на руководителей нашей партии и которые сегодня приходят и на коленях признают свои ошибки и просят у партии прощения… Но, товарищи, это нас не успокаивает, не может и не должно усыплять. Рецидивы возможны … Да здравствует наш родной великий Виссарионов!» (Все встают, бурные несмолкаемые аплодисменты и т.д.).

Поверженных инакомыслящих специально привезли из ссылок для того, чтобы они всенародно ползали перед великим семинаристом на коленях и клялись. Мало того, все они обязаны были подводить «теоретическую базу» под свое покаяние. Каются все – и лейбисты, и радомысловцы и книгаринцы. Не каются только лидеры «рабочей оппозиции», что в известной степени показательно.

Кается лейбист Переделкинский[iii]:

«Лейбисткая оппозиция отражала сопротивление и колебания мелкой буржуазии… Ничтожная группа ренегатов, превратившаяся в немногочисленный отряд мировой буржуазии, не имеет для нас

i Стенограмма XVII съезда, стр. 27-28, речь Виссарионова.
ii Стенограмма XVII съезда, стр. 566, речь Лазаревича.
iii Стенограмма XVII съезда, стр. 236-239, речь Переделкинского.

никакого интереса и о ней не стоило бы говорить… Я помню, как на этой трибуне в 12 г.в.в.э. я распинался в защиту демократии… Я вспоминаю все предостережения партии … Мы их не слушали …

… Я делал большие ошибки и годы настаивал на этих ошибках … Я помню, как 7/XI с балкона гостинницы «Галлия», долго, до хрипоты в горле кричал: «Да здравствует мировой вождь пролетарской революции Лейбов». Это был момент, о котором стыдно вспоминать. Вот теперь пишет меньшевик Шифров: «Лейбов перенес центр тяжести своей деятельности на Запад. Лейбов борется теперь на почве европейского рабочего движения и борется не в качестве главы ультралевой фракции скифских вохров, которые выдвигают радикальные требования в области экономической политики и антикрестьянский курс, но выступает в качестве крыла европейских вохров, которые добиваются сближения с социалистическим массовым движением»… Лейбов в настоящий момент выступает организатором IV Интернационала… Он высказывается за блок с «возродившейся» социал-демократией». И вот лидеру… этого IV Интернационала на пролетарской демонстрации, в 11 г.в.в.э., я кричал: «Да здравствует вождь» (Локонор: «Позор какой»)… Вернувшись в партию я сделал новые ошибки … Я считался одним из теоретиков лейбизма. Вы знаете мои теоретические работы, в том числе, «Новую экономику»… Я думал, что путем эксплуатации крестьянства можно построить новую промышленность. Коллективизация – ведь в этом все дело! (!!!)Был ли у меня прогноз коллективизации? Его не было. На протяжении 3-4 лет свершилось как бы чудо[i] революционного превращения миллионов крестьянских хозяйств в коллективные фермы. Это была вещь, которую никто из нас не предвидел, которая была осуществлена партией под руководством Виссарионова… В отношении Виссарионова у меня есть чувство величайшего стыда – не в персональном смысле, а в политическом смысле, потому что здесь я ошибался, может быть, больше всех.

Коллективизация крестьянских хозяйств представляет величайшее из величайших завоеваний (!!) Ни Карлс, ни Фридрихс не представляли себе конкретно, как совершится переворот в деревне.[ii] Фридрихс был склонен думать, что это будет длительный эволюционный процесс… Нужна была величайшая прозорливость Виссарионова (!!)чтобы осуществить эту великую задачу…

… Я должен сказать, что в настоящее время я больше чем когда бы то ни было прочувствовал… эту истину рабочего, который мне советовал: «Если ты, как следует не разбираешься, иди с партией: голосуй с Ильичевым …». Тем более, товарищи, теперь когда я во всем разбираюсь … все свои ошибки осознал, я повторяю себе только на другом этапе революции эти слова рабочего и говорю: голосуй с Виссарионовым – не ошибешься». (!)

Читателя не удивит то обстоятельство, что теоретик Переделкинский годами ошибался и мгновенно перестал ошибаться, осознал свои ошибки, когда полицейский аппарат семинариста его слегка репрессировал. Удивительно, как высоко художественно Переделкинский пресмыкается перед великим семинаристом, как с ловкостью циркового жонглера он, грациозно изгибая свой длинный язык, вылизывает пыль у ног великого семинариста.

Не менее «художественно» «каялся» и пресмыкался таланливый лейбист, публицист Карлек. Его покаяние и трусливое пресмыкательство приведено в главе X (о демократии).

Менее «художественно» «кается» Ломинашвили[iii]: Я должен начать с того, что ошибки, которые привели меня к оппозиции, не случайны… Мы в период сплошной коллективизации выдвинули требование о создании широкой самодеятельности организованной бедноты… Это была типично левацкая линия … Партия нас предупреждала несколько раз, пыталась нас поставить на правильный путь. И по хинезийскому вопросу, и по вопросу о внутрипартийном режиме, и по вопросу об организации групп бедноты партия приняла специальное решение, которое вскрывало наши ошибки. Вспомните 14 г.в.в.э. Это был последний и решительный бой с внутренними силами капитализма под руководством великого преемника Ильичева – Виссарионова… С нами произошло то, что часто происходит с

i Специфическое скифское чудо! Виссарионовское чудо! Кино-скифское чудо!

ii Как же могли Карлс и Фридрикс, которые жили в гуманном XIX веке старой эры, представить себе, что появится новый Чингисхан, еще более жестокий, и в XX веке в результате «социалистической» революции станет абсолютным самодержцем, истребит миллионы крестьян, отберет у них землю, орудия производства, скот и даже мелкую птицу, закрепостит их и десятки лет заставит отрабатывать бесплатно барщину в течение 6-7 дней в неделю? (прим. автора).

iii Стенограмма XVII съезда, стр. 118-119, речь Ломинашвили.

людьми книжной мысли. Вспомните сколько ломали голову книжные люди, чтобы запутать простой и ясный тезис Ильичева о государственном капитализме. Мы не сумели увидеть в простом и ясном тезисе той теоретической глубины, из которой у Виссарионова этот тезис вырастал. Мы рассуждали так: какой же этот период социализма, когда не закончился еще переходный период, когда не изжит еще до конца рестэп… Мы не сумели понять всего значения и не сделали всех выводов из того гениально-простого, глубинного, ясного, богатого теоретическим содержанием тезиса Виссарионова о том, что само уничтожение классов происходит в процессе ожесточенной борьбы(!) …

Капитулянтский характер носило наше отрицание роста либерального и культурного уровня жизни рабочих, капитуляцией было требование о сокращении капитального строительства… Отсюда и та легкость, с которой мы пришли к блоку с правой группой Варенова. Снова и снова оправдались слова Виссарионова, который не раз предупреждал: «пойдешь налево, придешь направо»

… Мы скрывали от партии свои взгляды, боролись исподтишка и стали на путь обмана партии. Партия заклеймила это как двурушничество. Двурушничество не какая-нибудь личная черта, это – особенность всякой оппозиции (!!!) в период, когда ее сполченность и влияние неслыханно выросли. … Как и всякая оппозиция, «право-левацкий» блок выступил против руководства нашей партии, против вождя партии – Виссарионова. В этом, в первую очередь, заключается великий грех нашей оппозиции. Имя Виссарионова стало символом величайших всемирно-исторических побед вохров стало знаменем эпохи построения бесклассового общества.

… Только соединение великого пафоса строительства со стальной волей нашей партии и в первую очередь – Виссарионова могло создать этот замечательный завод в такой короткий срок…[i]».

Хотя Ломинашвили», обладая меньшими талантами, чем Карлек и Переделкинский, пресмыкался менее художественно, все же он их переплюнул в том отношении, что сделал замечательное открытие о том, что «двурушничество – особенность всякой оппозиции».

Но мировые вожди с «звонкими европейскими именами», руководители «новой оппозиции» Радомыслов и Розенполев далеко переплюнули в своем архилакейском пресмыкании перед великим семинаристом и Карлека и Переделкинского.

Радомыслов каялся так:

«Ильичев сказал о программе электрификации, что она заслуживает названия II-ой программы партии. С тем же правом, конечно, того же заслуживает доклад Виссарионова, вошедший в сокровищницу мирового вохризма в тот самый момент, когда он был произнесен.

XVII съезд войдет в историю такой же славною датой, как и 1 г.в.в.э.(!)

… Я изжил полностью до конца всю ту свою антипартийную полосу, которая привела меня в такое положение отчуждения от партии, в котором я был целый ряд лет… У меня была цепь ошибок… Я имел претензию навязывать… особое понимание «философии эпохи». Товарищи, одно перечисление всех главных моих теоретических и политических ошибок взяло бы слишком много времени… Ильичев сказал о Фридрихсе, что он принадлежит к числу тех редких и редчайших мыслителей и писателей, произведения которых перечитываются много раз, каждый раз находя в них новое богатство содержания. Работы Виссарионова несомненно относятся к такому же роду работ. После того, как меня в первый раз вернули в партию, Виссарионов мне сказал: «Вам в глазах партии вредили и вредят даже не столько принципиальные ошибки, сколько то непрямодушие по отношению к партии, которое создалось у вас в течение ряда лет». Совершенно правильно – это именно так[ii]. Виссарионов сказал, что Лейбов и Ко находятся на задворках контрреволюционных партий… Это – так и есть. Это был рецидив социал-демократических взглядов. И сюда прежде всего относится вопрос о полной возможности построения социалистического общества в одной стране. …Как могло случиться, что я оказался в тесном союзе с лейбистами… Очевидно, возможно… Мы видим теперь, как лучшие люди передовых колхозов, крестьяне стремятся в Кремлевию повидать Виссарионова, пощупать глазами, а может быть, руками. …

i Ломинашвили имеет ввиду Магнитский завод, директором которого назначил его великий семинарист (прим. автора).

ii Как предельно омерзительно! (прим. автора).

…И именно, когда я глубже, по выражению Лазаревича, понял свои ошибки, когда я убедился, что члены Политбюро и, в первую очередь, Виссарионов, увидев, как человек стал глубже понимать свои ошибки, помогли мне вернуться в партию – именно после этого становится особенно стыдно за те нападки, которые с нашей стороны были… Настоящий съезд есть триумф партии, триумф рабочего класса.

… Мы знаем какое гигантское значение в истории пролетарской борьбы действительно имеет руководство, которое не может не быть железным. Вот почему триумф партии – это есть триумф руководства… Того, кто возглавлял это руководство в решающий трудный период, такой важный исторический период, каким был период вохровской революции…

… Я до конца понял, что если бы не то руководство, не те железные кадры, которые повели партию на борьбу против всех оппозиций, то партии, стране, рабочему классу, делу Ильичева, и делу революции угрожала бы более, чем реальная опасность…».

Столь же омерзительно – не более, потому что более омерзительно, чем Радомыслов> невозможно, – каялся Розенполев[i]:

«На мне лежит начальная обязанность на этом съезде победителей представить летопись поражений, демонстрацию ошибок, заблуждений и преступлений, на которые обрекает себя любая группа и любой человек, отрывающийся от великого учения Карлса-Фридрихса-Ильичева-Виссарионова …

Я делал грубые ошибки… Формулу о возможности построения социализма в одной стране мы стали просто отрицать, прибегая к софизму и ложным аргументам[ii]…

… Когда мы начали этот преступный путь, мы не отдавали себе отчет, куда мы идем. Когда Виссарионов сказал нам, что наши первые же шаги выражают неверие в силы пролетарского государства, мы не только не вняли этим учениям, наоборот, мы обиделись… и перешли на путь фракционной борьбы. И мы, естественно, в этой фракционной борьбе, направляли самое ядовитое жало, все оружие, которое у нас тогда было, против того, кто больше всего нас бил, кто проницательнее всего указывал ту преступную дорогу, на которой мы стояли, против Виссарионова …

… Мы открыли ворота в эту крепость… и в эту брешь полились волны буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции. Первая волна – лейбисты[iii]. История лейбизма завершена. Они вкладывали палки в колеса организации ильичевского вохровского движения. Виссарионов правильно их называет мелкобуржуазными интеллигентскими «кривляками»… Виссарионов стал срывать с нас маску «левой» фразеологии. Он был прав, тысячу раз прав. Вторая волна – это волна кулацкой идеологии… Утопия правых о врастании кулаков в социализм – утопия совершенно нелепая с теоретической точки зрения, теоретическая белиберда…

… Если блок наш с группой Книгарина не стал новой вредоносной заразой нашей партии, то только потому, что бдительность ЦК, теоретическая выдержанность его руководителя – Виссарионова… сразу же сорвали всякую попытку пойти по этому пути. Третья вспышка - идеология совершенно оголтелого кулачья, вернее остатков кулачества, на которую железная пята пролетариата уже наступила – идеология тюринцев: такая же кулацкая, как кулацкий обрез, которым кулацкие последыши стреляли в вохров.

…Что же объединило эти различные группы? Это была роль выразителей и спасителей капиталистических элементов в нашей стране… Была еще одна черта… И мы со стыдом должны признаться, что эту черту поддерживали. Это – заострение борьбы против той силы, которая цементировала, собирала, вела в бой армию пролетариата, против ЦК, и, конечно, против Виссарионова, как его вождя… Это восьмилетие (9-17 г.г.в.в.э.) – подлинная эпоха мировой истории[iv] и не потому, что мы хотим ее

i Стенограмма XVII съезда, стр, 516-521

ii До чего доходит бесстыдное пресмыкательство! Ведь Радомыслов и Розенполев приводили цитату семинариста в 8 г.в.в.э. о том, что социализм в одной стране нельзя построить (прим. автора).

iii Какая наглая ложь! Даже еще на XIII съезде Розенполев совместно с Радомысловым и виссарионовским полицейским аппаратом добивали лейбистов (прим. автора).

iv Впоследствии никитовские похалимы в таком же духе говорили о великом никитовском десятилетии (37-47 г.в.в.э.) (прим. автора).

так назвать, а потому, что она поставила и решила теоретически и практически такие вопросы, которые человечество не ставило в таком масштабе и не решало… Поэтому я думаю, что эпоха последнего восьмилетия – эпоха Виссарионова … не меньше той эпохи, когда во главе нее стоял Ильичев… Это две равноправные эпохи, которые так и должны войти в историю … И я полагаю, что сочетание этих двух задач (коллективизация и индустриализация) – не выскакивая с одним или с другим, как делали это мелкобуржуазные болтуны и любители «левой» позы, к которым, мы, к сожалению, принадлежим, а хладнокровно с строгой последовательностью поставить и решать эти вопросы – вот в этом заключается поистине гениальный маневр, законченный к XVII съезду и проведенный Виссарионовым. Нет, не маневр, а сложная боевая операция, проделанная в мировом масштабе… Только на почве победоносного завершения этой задачи, как одной из основных задач второй пятилетки, могли поставить задачу переделки человека, «преодоления пережитков капитализма в экономике и в сознании людей»… На этой почве должна была произойти и произошла новая перегруппировка сил в руководстве партии. Мы всеми силами ей сопротивлялись, и это немалое из наших преступлений… И последнее – помнить и никогда не упускать, что та эпоха, в которой мы живем, есть новая эпоха в истории вохровского движения, что она войдет в историю – это несомненно – как эпоха Виссарионова и что на каждого из нас лежит обязанность всеми силами противодействовать малейшему колебанию этого авторитета, малейшим попыткам в какой бы то ни было степени подвергать сомнению этот авторитет. Да здравствует наш вождь и командир Виссарионов!..»

Трудно количественно оценить степень пресмыкательства бывших инакомыслящих в грандиозной, феерической инсценировке, организованной вохрами на XVII съезде под главной режиссурой самого великого семинариста. Может быть, рекордсменами следует считать радомысловцев. А, может быть, книгаринцы им не уступали. Все, конечно, зависит от принятой системы оценки. Так или иначе, но книгаринцы по степени пресмыкательства весьма близки к радомысловцам. Книгарин также весьма талантливо «каялся» и, «бил» себя в грудь, всенародно сознавался в своих ошибках и униженно превозносил Виссарионова[i]: «Предпосылкой победы нашей партии явилась выработка ЦК и Виссарионовым замечательно правильной генеральной линии со всеми ее теоретическими предпосылками, оперативность, мужественность проведения этой линии и беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции, как главной опасности, то есть той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал… Ясно, что у правых линия предполагала другие темпы развития, она была против необходимого, форсированного развития индустриализации, была против заостренной борьбы с кулачеством, борьбы, которая потом вылилась в лозунг ликвидации кулачества, как класса, была против решительного курса на переделку мелкого крестьянского хозяйства, была против нового этапа широкого социального наступления, совершенно не понимая его исторической необходимости… Ясно далее, что борьба против партийного режима была связана и вытекала из другой антипартийной политической линии, точно так же, как и борьба с Виссарионовым, как наилучшим выразителем и вдохновителем партийной линии, Виссарионовым, который одержал победу во внутрипартийной борьбе на глубоко принципиальных основах ильичевской политики и именно на этой основе получил горячую поддержку подавляющей и сверхподавляющей массы партии и рабочего класса …. Ясно далее, что после признания бывшими лидерами правых своих ошибок открытое сопротивление со стороны врагов партии нашло свое выражение в разных группировках, которые все быстрее скатывались к контрреволюции, каковыми были и охвостья антипартийных течений, в том числе и ряд моих бывших учеников, получивших заслуженное наказание … Обязанностью каждого члена партии является борьба со всеми антипартийными группировками и сплочение вокруг т. Виссарионова, как персонального воплощения ума и воли партии, ее руководителя, ее теоретического и практического вождя. Один из универсальных показателей крупных технических перемен… находит свое выражение в цифрах, которые я здесь гласил (коэффициент электрификации машин в 12 г.в.в.э. – 51,2%, а в 17 г.в.в.э. – 68,7%)… В нашей стране созданы значительные научные производительные силы(!). В отношении наших научно-исследовательских институтов в самое последнее время можно констатировать ряд крупнейших достижений: по алюминию, спецсталям, по аппатитам и нефелинам, по синтезу каучука, газификации нефти, по новым самолетам и моторам, по новому типу котлов и т.п.[ii]: что связано в свою очередь с теперь у нас в значительной сте-

i Стенограмма XVII съезда, стр. 124-129.

ii Наиболее талантливый теоретик вохризма Книгарин в технике был не только дилетантом, но попросту профаном, как

пени поднявшимся точным приборостроением. Вместе с ростом производительных сил растут новые экономические формы и, как вчера блестяще сказал Виссарионов, единственным укладом, исключительно решающим стал социализм…

Мне уже случалось приводить отрывок писем Карлса к Фридрихсу, где он говорил, что на определенной стадии развития после захвата власти «реформа агрикультуры» «с уничтожением собственности на землю» должна стать альфой и омегой «грядущего переворота», что если этого не будет, то «прав окажется этот Мальтус», то есть жрать нечего будет[i]….

… И вот великая заслуга лично Виссарионова заключается в том, что он точно определил исторический момент начала этого штурма и его этапы, его оперативное проведение и блестяще решил на этом исторически труднейшем перевале самую сложную… проблему социалистической революции в нашей стране…

В связи с этим находится то обстоятельство, что экономическая конфигурация, рисунок основных производственных отношений стал базисом для огромного усиления планового начала в нашем хозяйстве[ii]… Мы действительно перешли в этом отношении на новое измерение. При помощи и под руководством нашей партии были созданы новые трудовые стимулы: ударничество, социалистическое соревнование[iii], система оплаты труда, обязательные поставки, трудодень в сельском хозяйстве, вохровская торговля и вохровские колхозы… На этих основах можно достигнуть величайших побед… Мы уже идем к зажиточной жизни… горизонты необъятны и становятся все более необъятными… Труд стал, по крылатому выражению Виссарионова, «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

…Тяжелая индустрия, ее дальнейшее продвижение будет дополнено огромным разворотом по линии легкой индустрии[iv]…

Одной из острейших, граничащей с преступлением, парфянских стрел, которые были пущены со стороны оппозиции, было обвинение партийного режима в военно-феодальной эксплуатации крестьянства …Да здравствует наша партия, которая завоюет все победы под руководством славного фельдмаршала[v] пролетарских сил, лучшего из лучших т. Виссарионова!»

Шкаликов, который к этому времени был «спущен на тормозах», – пока с поста председателя Совета Народных Комиссаров до «дежурного» поста народного комиссара связи, и Дикский пресмыкались несколько менее подробно, чем Книгарин. Шкаликов каялся[vi]: «… Со времени XVI съезда прошли 3,5 года, годы, в которые партия имела еще дело с последствиями того уклона, одним из виновников которого и одним из руководителей борьбы с партией и ее ЦК я был в свое время…

И одной из этих трудностей был правый уклон, который являлся агентурой … мелкобуржуазных и кулацких слоев в нашей стране. При осуществлении моих ошибочных установок… мы бы имели усиление буржуазных элементов и в конечном счете их победу… Разгром правого уклона был совершенно необходим. Правая оппозиция, в которой я принимал участие, разбита вдребезги… Разгром

и другие великие вохровские вожди и, возможно, он действительно не имел никакого представления о грандиозной трагедии расточительства и огромном отставании (на десятилетия) вохровской техники не только в 17 г.в.в.э., но и тридцать лет спустя, что показано автором в третьей главе I тома.

i На этом же съезде кающийся Переделкинский, цитируя все так же Карлса и Фридрихса, сообщил, что последние «не представляли себе… как совершится переворот в деревне» и «только прозорливость Виссарионова» не проморгала это противоречие. Впрочем, широко известно, что вохры, цитируя Карлса, Фридрихса и Ильичева, могут доказать что угодно (прим. автора).

ii О том, как «точно определил исторический момент начала этого штурма» великий семинарист, свидетельствует тот факт, что разработанный под его руководством план первой пятилетки предусматривал незначительный удельный вес колхозов и даже абсолютное расширение объемов частного хозяйственного сектора. Следовательно, бесчеловечная идея тотального ограбления крестьян и рабочих возникла у великого семинариста и его подручных внезапно, возможно, под влиянием «блестящих побед» по ликвидации всех инакомыслящих. (прим. автора)

iii Как было сказано автором, вся эта бутафория создавалась еще при Ильичеве.

iv Как было показано автором в главе VII первого том,а даже по великому плану новой пятилетки 50-54 г.в.в.э., то есть спустя 35 лет после XVII съезда, удельный вес объема производства предметов потребления продолжает снижаться.

v Оказывается, первым произвел великого семинариста в маршалы пресмыкавшийся Книгарин (прим. автора).

vi Стенограмма XVII съезда, стр. 209-212.

правого уклона составлял одну из заслуг… Виссарионова …После смерти Ильичева был спор на тему о возможности построения социализма в одной стране … Поднялся на защиту этого тезиса Виссарионов и отстоял от нападок Лейбова, Радомыслова, Розенполева и ряда других членов нашей партии… Я хотел характеризовать то, чем Виссарионов в тот период сразу и немедленно выдвинулся из всего состава тогдашнего руководства… В последующую историю борьбы нашей партии я занял, как правый уклонист, совершенно антиильичевскую невохровскую позицию… Классовая борьба за создание фундамента социалистического общества была обеспечена Виссарионовым … На XVII съезд партия пришла сплоченной и единой с исключительным авторитетом своего вождя Виссарионова …

Урок, который мне был дан, достаточен... Я вместе с партией под руководством ЦК и его великого вождя Виссарионова буду работать на дело пролетарской революции…».

Наконец, Дикский, который все же имел достаточно мужества, чтобы через пару лет застрелиться, подчеркивал свои «заслуги» в борьбе против Лейбова и «всех оппозиций» тоже «кается» и пресмыкается перед великим семинаристом[i]:

«Виссарионов показал методы настоящего карлсисткого анализа… К, сожалению, я, как один из лидеров бывшей правой оппозиции, являлся тем, кто создавал партии дополнительные трудности… Считаю, что на этом итоговом съезде не случайно, а исторически и политически правильно и необходимо, что бывшие руководители различных оппозиций вскрывают и должны вскрывать с полной ясностью перед партией всю глубину своих ошибок. Главная ошибка заключалась в следующем: перед партией стояли два пути: путь наступления на классовых врагов и путь топтания на месте и отката назад. Правая оппозиция пыталась разрешить затруднения на базисе рестэпа. Виссарионов звал партию на путь форсированного наступления на капиталистические элементы. Виссарионов со всей отчетливостью поставил вопрос о том, что существо этих затруднений не рыночные отношения… а что за ними стоят глубокие классовые проблемы. Классовой сущности этих затруднений правая оппозиция не видела… Правая оппозиция предлагала поднять хлебные цены… по существу отрицала необходимость форсированного наступления на кулака. Формально мы стояли за индустриализацию, но фактически из всего того, что мы выдвигали… никакой индустриализации не получалось… На деле предлагали сохранить союз с крестьянством путем уступок на базисе рестэпа. Где же те ресурсы, которые партия могла взять для своей великой программы индустриализации… Таких ресурсов мы не видели… Мы рассматривали революцию статически, а не динамически, как Виссарионов, как будто революция должна застыть и остановиться на базисе рестэпа. В этом главная антиильичевская сущность наших ошибок[ii]… Я боролся против Лейбова и всех оппозиций, но когда мы

встали на оппозиционную платформу, мы старались раскрепить рамки партдисциплины и отсюда нападки на режим и на того, кто осуществлял единство партии, кто вел за собою руководство и всю партию, большинство наших нападок было направлено на Виссарионова… Лишь потому, что Виссарионов был самым последовательным ярким учеником Ильичева, наиболее зорким, наиболее далеко видел… потому что он наиболее тяжелой рукой колотил нас, потому что он был более теоретически и практически подкованным в борьбе против оппозиций – этим объясняются и нападки на Виссарионова[iii]… Партия правильно осудила мою ошибку, которая давала возможность прикрываться моим именем контрреволюционной группе Храброва-Эйсгора… Впервые в мире под руководством… великого инженера нашей партии – Виссарионова, мы показали международному пролетариату, как пролетариат на практике и не только побеждает политически, но и строит социализм…».

Инсценировка «Кающиеся грешники» была организована и поставлена блестяще. Эта инсценировка послужила прообразом всех вохровских «кающихся грешников» впоследствии. Но эта инсценировка, пожалуй, была самой блестящей. Конечно, все «покаянные» речи были подвергнуты тщательной цензуре. Но не может быть сомнения в том, что «покаянные» речи вохровских лидеров оппозиций всех мастей составлялись самими бывшими оппозиционными лидерами. В каждой речи чувствуется

i Стенограмма XVII съезда, стр. 249-251.

ii Наоборот, после катастрофической неудачи с невежественным экспериментом по внедрению системы военного коммунизма, именно Ильичев подчеркивал, что рестэп вводится «всерьез и надолго» (прим. автора).

iii Бедный, бедный, яркий, теоретически подкованный великий семинарист! Всякая мелкота завидовала и нападала на него! (прим. автора).

стиль каждого вохровского функционера. Следует отметить, что хотя тема всех речей общая: покаяние и восхваление великого семинариста, повторений – сравнительно мало. Даже восхваление великого семинариста разнообразно и разнохарактерно: он и инженер, и фельдмаршал, и командир, и эпохальный вождь и т.д. и т.п. Блестящая инсценировка выше всяких похвал; она значительно обогатила сокровищницу вохровских Темкинских деревень! Непредвзятый читатель задаст себе, а, может быть, и скромному автору, недоуменный вопрос. Как же могло случиться, что бесстрашные революционеры, которые десятки лет еще до вохровской революции, всю свою жизнь посвятили борьбе за пролетариат, за угнетенных, как они дошли до жизни такой? Почему после сравнительно легких репрессий они так позорно и омерзительно пресмыкались перед великим семинаристом? Когда впоследствии, через несколько лет вождь с должным великолепием инсценировал процессы, на которых те же персонажи «признавались» в том, что они шпионы, диверсанты, убийцы, оптом продавали кому угодно родину и т.п., можно предположить, что, поскольку, они находились в тюремных застенках, к ним применялись такие «методы убеждения» (в соответствии с высшим вохровским техническим уровнем пыточных наук), что они не могли не «сознаться» в любых преступлениях. Но до XVII съезда, они в худшем случае могли, как Радомыслов, Карлек и другие, побывать в ссылке в приличном городе при достаточно приличных бытовых условиях. А некоторые из них: Шкаликов, Дикский и другие – продолжали оставаться крупными функционерами. Почему же они так низко пали? Вопрос трудный.

Конечно, «страдания» этих революционеров в идиллические царские времена сильно преувеличены. Будучи по своему общественному положению, в большинстве своем, людьми свободных профессий и обладая достатком ниже среднего, даже когда они попадали в ссылку, как Ильичев и Виссарионов, они жили более или менее прилично, охотились, занимались, писали труды и даже продолжали свою революционную работу. Сравнительно легко они пробирались за границу, получали иногда даже, как Ильичев, заграничный паспорт от самого «жестокого царского правительства». В «демократических» вохровских лагерях положение было несравнимое. Даже люди, обыкновенные лояльные люди, которые никакого отношения к политике не имели, жили в неправдоподобно-невыносимых условиях, постоянно находились на грани физического уничтожения. Кто-кто, а крупные вохровские функционеры-оппозиционеры знали условия существования ликвидированных инакомыслящих из других партий и репрессированных во множестве крестьян и рабочих. Они-то знали, сколько совершенно невинных людей длительной, мучительной смертью умирали в вохровской системе лагерей и ссылок. Они-то то знали, что кроме Лейбова больше никого не пустят за рубеж. Так было уже до XVII съезда. Миллионы людей были истреблены в период с 2 по 17 г.в.в.э. Но все эти обстоятельства не являются исчерпывающим ответом на недоуменный вопрос читателя.

Все лидеры всех вохровских оппозиций принадлежали к высшей партийной элите. За многие годы внедрения бюрократическо-политической системы они переродились так же, как и торжествующий семинарист с его кликой. Расстояние от крупнейшего вохровского функционера до бесправного раба-лагерника или даже ссыльного был слишком велико. Кроме того, при царском режиме общественность была всегда на стороне революционеров! Они знали, что борются за правое, святое дело. Они чувствовали могучую моральную поддержку рабочих, передовой интеллигенции и даже некоторых либеральных слоев буржуазии и дворянства.

В «самом демократическом вохровском государстве» положение было совсем иное. Общественное мнение было тотально ликвидировано. Его заменили унифицированной прессой, литературой, унифицированным радио, унифицированными «добровольными» общественными организациями. И вся эта огромная машина работала на властвующую элиту, которая к тому же осуществляла инсценировку бесчисленного числа блестящих Темкинских деревень. Все было столь тотально и блестяще организовано, что лучшие друзья и ближайшие родные отворачивались от тех, кого правящая элита загоняла в систему «перевоспитания». А если они не отворачивались, то сами могли попасть в лагеря или в лучшем случае подвергнуться остракизму. Таков сложный комплекс обстоятельств, который мог способствовать позорному пресмыканию бывших прославленных революционных деятелей. А еще следует отметить, что известно поведение только деградировавшей вохровской оппозиционной элиты и совершенно неизвестно поведение многих мужественных людей, погибших в системе вохровского «перевоспитания». Многие оппозиционеры, не принадлежавшие к «верхушечной» элите, не «раска-

ялись», вели себя мужественно и в тяжелых лагерных условиях сохраняли свое человеческое достоинство и доступными им способами боролись за свое человеческое достоинство. Тайная вохровская полиция приклеивала ярлыки: контрреволюционная лейбисткая деятельность, к-р. радомысловская деятельность и т.п. – сотням тысяч, а, может быть, миллионам людей, хотя в действительности количество активных сторонников всех видов вохровской оппозиции насчитывало 10-15 тысяч человек. Их называли «ортодоксами». В большинстве это были мужественные люди. В 22 г.в.в.э. они были поголовно расстреляны вместе с оставшимися в живых еще представителями других инакомыслящих партий: меньшевиков и эсеров.

Упоенный «великими» победами, добившись самодержавной власти, принудив всех своих действительных и потенциальных противников лизать пыль у своих ног, великий семинарист не забыл наставления Макиавелли: «Вообще надо усвоить, что людей следует или ласкать или истреблять, так как они мстят за легкие обиды, а за тяжелые не могут; поэтому оскорбление, которое наносится человеку, должно быть таково, чтобы уже не бояться его мести»[i].

Заодно с непокорными и недовольными закрепощенными крестьянами с недовольными из-за нещадной эксплуатации рабочими великий семинарист решил истребить всех действительных и потенциальных инакомыслящих-оппозиционеров. Решение это, по-видимому, возникло у него именно на XVII съезде, когда поверженные им противники подобострастно лизали пыль у его ног. В том же году им было организовано провокационное убийство Кострика, которое явилось сигналом к окончательной расправе. Уже на следующем XVIII съезде обожествленный и совершенно обнаглевший великий семинарист, истребивший и загнавший в систему лагерного перевоспитания пару десятков миллионов ни в чем неповинных людей говорил[ii]: «Некоторые деятели зарубежных стран болтают, что очищение вохровских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Лейбова, Радомыслова, Розенполева, Тыкира, Тугаковского, Розендорова, Книгарина и других извергов, «поколебало» будто бы вохровский строй, внесло «разложение». Эта наглая болтовня стоит того, чтобы поиздеваться над ней… В 21 г.в.в.э. были приговорены к расстрелу Тучаевский, Тыкир, Шляпевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Вохровский Совет Государства Тмутараканского. Выборы дали вохровской власти 98,6% всех участников голосования. В начале 22 г.в.в.э. были приговорены к расстрелу Розенполев, Шкаликов, Книгарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы Союзных Республик. Выборы дали вохровской власти 99,4% всех участвовавших в голосовании. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?

Слушая этих иностранных болтунов, можно прийти к выводу, что если бы мы оставили на воле шпионов, убийц и вредителей и не мешали им вредить, убивать и шпионить, то вохровские организации были бы куда более прочными и устойчивыми» (смех).

«Болото» и клакеры, то бишь делегаты XVIII съезда, смеялись. Как же не смеяться партийцам, доведенным до такого состояния! Ликвидированы всего два десятка миллионов, а из остальных все 100% голосуют за блок вохров и беспартийных и еще десятки лет все 100% будут голосовать за этот необычайный блок. Наконец-то установлено железное «морально-политическое единство». Окончательно и полностью ликвидировано инакомыслие и всяческие оппозиции. Почти двадцать лет от XVII съезда до смерти великого семинариста царили тишь и благодать. Двадцать лет царили глухая, темная, беспросветная политическая ночь тоталитарного кладбища.

7. Борьба за власть и «морально-политическое единство»

Боги больше не смеялись, услышав смех «болота» на XVIII съезде. Веселые олимпийские боги … плакали. И плакали они не потому, что один из величайших палачей в истории человечества из нового племени людских вивисекторов, закономерное порождение «самой демократической в мире» бюрократическо-полицейской вохровской схемы, назвал несколько своих жертв из высшей вохровской элиты – извергами. Они плакали потому, что подведомственные великому семинаристу вохровские

i Николло Макиавелли, т.I, стр. 219.

ii Отчетный доклад Виссарионова на XVIII съезде, 10/II 23 г.в.в.э.

пресса и литература называли извергами миллионы и миллионы бесправных рабов, замученных в бесчисленных, менее живописных, чем Олимп, лагерях громадной виссарионовской вохровской системы «перевоспитания».

Они плакали потому, что на десятки лет утвердилось «морально-политическое единство» гигантской бюрократически-полицейской вохровской схемы.

В конце концов великий семинарист умер. Но даже смерть его послужила причиной гибели многих людей, раздавленных громадной толпой, преклоняющейся перед божественных вождем и стремящейся в последний раз узреть его останки, боготворимые этой толпой обманутых. Естественная или насильственная смерть великого диктатора была почти космическим катаклизмом. Официальное постановление от 7/III.37 г. в.в.э., вышедшее через 2 дня после смерти Виссарионова, свидетельствует о наличии паники. С другой стороны, трудно представить, чтобы в течении двух дней вохровская элита могла полюбовно распределить все теплые места. Более правдоподобно предположение, что сферы влияния между членами властвующей вохровской элиты были распределены задолго до смерти великого семинариста. Все это, разумеется, в такой «секретной» стране, как вохровское Государство Тмутараканское пока является глубокой тайной. В выпущенном 7/III 37 г. в.в.э. постановлении отмечается[i]: «ЦК … считает важнейшей задачей недопущения какого либо разброда и паники. Исходя из этого и в целях недопущения каких-либо перебоев по руководству … осуществляются ряд мер …».

Главным мероприятием было ликвидации Бюро Президиума ЦК. Был оставлен только один орган – Президиум ЦК.

Состав Президиума ЦК определился в 10 членов и 4 кандидата. Но одно виссарионовское правило осталось незыблемым. Фамилии членов президиума ЦК располагались не по алфавиту, а по влиянию в этой высшей иерархической десятке. В эту десятку по степени влияния попали следующие вохровские олигархи: Макенлов, Беридзе, Вячеславов, Климов, Никитов, Булгарин, Лазаревич, Анастасян, Сарубов, Первач.

В Совете Министров сферы влияния распределились следующим образом:

Председатель Совета Министров – Макенлов; первые заместители: Беридзе, Вячеславов, Булгарин, Лазаревич.

Министерство внутренних дел и госбезопасности объединяются в одно Министерство внутренних дел, и это великое воеводство передается Беридзе.

Министерство обороны доверено Булгарину; министерство внутренней и внешней торговли – Анастасяну.

Министерства авто-тракторостроения, машино- и приборостроения, сельско-хозяйственного и станкостроения объединяются и передаются Сарубову.

Министерства транспортного машиностроения, судостроения, тяжелого машиностроения, строительного и дорожного машиностроения объединяются и передаются Большеву.

Министерства электростанций, электропромышленности и промышленности средств связи объединяются и передаются Первачу.

Председателем Верховного Совета назначается Климов, ВЦСПС – Тяжник, а Госплана – Стадченко. Даже в расположении фамилий первых заместителей председателя Совета Министров учитывается степень влияния. Таким образом, непосредственно после смерти великого диктатора, олигархом №1 был Макенлов, №2 – Беридзе, №3 – Вячеславов, №4 – Климов и на пятом месте оказался великий Никитов.

За исключением великого Никитова, расстановка олигархов почти такая же, как и при жизни великого семинариста.

Хотя по-прежнему царит железное «морально-политическое» единство, где-то «под землей» осуществляются какие-то невидимые динамические процессы. Еще через 7 дней, 14-III 37 г. в.в.э. появля-

i «Резолюции и решения» (9-37 г. в.в.э.), изд. VII, 37 г. в.в.э., стр. 1146-1150.

ется информационное сообщение Пленума ЦК: «1. Удовлетворить просьбу Макенлова об освобождении его от обязанностей секретаря ЦК всетмутараканской вохровской партии. 2. Избрать секретариат ЦК: Никитов, Пивнов, Неспелов, Трясилин, Степаньев».

Впервые фамилия Никитова появляется впереди ряда фамилий секретарей ЦК; уже через 9 дней после смерти великого семинариста влияние Макенлова явно падает.

Может быть, когда-либо секретные стенограммы заседаний Президиума ЦК (если только они существуют) будут опубликованы и тогда рисунок внутренней борьбы олигархов будет более четким. Можно предположить, что послевиссарионовские олигархи, которые десятилетия дрожали от страха, не ведая вечером, как решит их судьбу в следующее утро великий семинарист, хотели ограничить необъятную власть первого или генерального секретаря. Поэтому они решили, во-первых, разделить функции первого секретаря и председателя Совета Министров и, во-вторых, первым секретарем посадить Никитова, менее опасного по своему влиянию и авторитету, чем Макенлов, Беридзе или Вячеславов.

Возможно, что были и другие причины, неясные для простых смертных.

Невидимые подземные процессы продолжали бурно протекать. Через 4 месяца после смерти великого семинариста появляется сообщение[i]:

«Постановление Пленума ЦК.

Обсудив доклад Макенлова о преступной антипартийной деятельности Беридзе, направленной на подрыв вохровского государства в интересах иностранного капитала и выразившейся в вероломной попытке поставить Министерство внутренних дел над правительством и вохровской партией, принято решение вывести Беридзе из ЦК, исключить его из рядов вохровской партии, как врага вохровской партии вохровского народа».

В чем конкретно выразилась «попытка поставить Министерство внутренних дел над правительством и партией», доныне ни в каких вохровских документах и «историях» не сообщено. Однако очевидно, что эта «попытка» выразилась в каких-то реальных действиях. Беридзе был вторым по влиянию в иерархической схеме, а после того, как из секретариата, «по просьбе» был «выведен» Макенлов, может быть, и первым в реальном «правительстве» – в Президиуме ЦК и первым заместителем Председателя Совета Министров в «надправительстве».

Следовательно, не может быть и речи о том, что Беридзе хотел стать над каким-то «правительством» и «партией». Попросту шла ожесточенная борьба за власть внутри вохровской бюрократически-полицейской олигархии. Механизм борьбы при отсутствии каких-либо документов неясен. Отвлекаясь от деталей осуществления ареста Беридзе, можно предположить, что было предотвращено подобие какой-то малой гражданской войны между силами тайной полиции и армии. Так или иначе, но через 2 месяца[ii] Пленум ЦК в сентябре 37 г. в.в.э. избирает Никитова первым секретарем ЦК, что знаменует начало великого Никитовского десятилетия. По-видимому, вслед за ликвидацией Беридзе, начинается мужественная борьба великого Никитова почти со всем президиумом ЦК, кроме хитрого Анастасяна, который и теперь, как и во времена великого семинариста, ухитрился стоять в стороне. Механизм этой борьбы за власть тоже не совсем ясен.

В 41 г. в.в.э. появляется сообщение решения Пленума ЦК от 22-29.VI.41 г. в.в.э. «Об антипартийной группе Макенлова, Лазаревича и Вячеславова:

«Антипартийная группа … выступала против линии партии. Эта группа антипартийным, фракционным методом добивалась смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК всетмутараканской вохровской партии. Эта группа, по существу, пыталась противодействовать ильичевскому курсу на мирное сосуществование. Они были против расширения прав союзных республик. Эта группа сопротивлялась мероприятиям по борьбе с бюрократией, по сокращению раздутого государственного аппарата. Они выступали против принципов демократического централизма. Эта группа пыталась сорвать такие мероприятия, как реорганизация управления промышленности. Они возража-

i «Кривда» 10/VII 37 г. в.в.э.

ii «Кривда», 13/IX.37 г. в.в.э.

ли против отмены старого бюрократического порядка планирования в колхозах. Они не могут понять реальную возможность отменить обязательные поставки сельскохозяйственной продукции с дворов кахов.

Они вели ничем не оправданную борьбу… против призыва партии – догнать в ближайшие годы Колумбовию по производству молока, масла и яиц на душу населения. Участники антипартийной группы сопротивлялись делу подъема 35 мил. гектаров целины. Макенлов, Лазаревич и Вячеславов упорно сопротивлялись мероприятиям по ликвидации культа личности и устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности.

Вячеславов выступал против улучшения отношений с Югоскифией, он тормозил заключение государственного договора с Эстерией. Он выступал против принципиального положения о возможности предотвращения войны… возможности различных путей перехода к социализму в различных странах и необходимости усиления контактов с прогрессивными партиями зарубежных стран. Он отрицал целесообразность установления личных контактов между руководителями Государства Тмутараканского и других стран. По многим из этих вопросов мнение Вячеславова поддерживал Лазаревич, а в ряде случаев Макенлов. Макенлов, Лазаревич и Вячеславов встали на путь групповой борьбы против руководства партии. Они прибегли к интриганским приемам и устроили тайный сговор против ЦК. Факты, вскрытые на Пленуме ЦК, показывают, что Макенлов, Лазаревич, Вячеславов и примкнувший к ним Громкилов – нарушили Устав партии… Вывести из состава Президиума ЦК и из ЦК Макенлова Лазаревича и Вячеславова. Снять с поста секретаря ЦК и вывести из ЦК – Громкилова. Единодушное осуждение ЦК и т.д…».

5/IX.42 г. в.в.э. от обязанностей члена Президиума ЦК освобождается Булгарин.

Через несколько лет, на XXI и XXII съездах, чуть-чуть приподымается покрывало над тайной ожесточенной борьбой за власть между Никитовым и «антипартийной группой: Анастасян свидетельствует[i]:

«Несмотря на разногласия, ни Вячеславов и никто другой на XX съезде со своей особой точкой зрения не выступал. Они голосовали вместе со всеми. Получилось то, что съезд окончился, а разногласия остались. Более года продолжалась острая борьба против претворения в жизнь решений XX съезда. В то время, как Никитов и другие[ii] были заняты творческой работой, эти люди были заняты только одним – ставить палки в колеса[iii], мешать работе ЦК. Когда партия решила ликвидировать промышленные министерства и создать совнархозы, а также реорганизовать МПС, фракционеры сочли момент подходящим, чтобы путем верхушечного переворота захватить власть и изменить политику партии. На своих тайных сборищах стали готовить заговор[xxx]…».

Киричев свидетельствует, что борьба «антипартийной» группы началась сейчас же после смерти Виссарионова[iv]: «Участники антипартийной группы сразу же после смерти Виссарионова почти на каждом Заседании Пленума ЦК атаковывали все новое… Антипартийная группа сбросила с себя маску и 18.VI.41 г. в.в.э. организованно выступила против курса… то есть тогда, когда участники подсчитали свои силы в Президиуме ЦК». Сам великий Никитов свидетельствует[v]:

«Курс, выраженный XX съездом, в первое время пришлось проводить в условиях ожесточенного сопротивления антипартийной элементов, рьяных приверженцев методов и порядков, господствующих при культе личности, ревизионистов и догматиков. Против ильичевского курса выступала антипартийная группа, в которую входили: Вячеславов, Лазаревич, Макенлов, Климов, Булгарин, Первач, Сарубов и примкнувший к ним Громкилов. На первых порах резкое сопротивление осуждению культа личности оказали: Вячеславов, Лазаревич, Макенлов и Климов. Такой их позиция была не случайна: они несут персональную ответственность за массовые репрессии в отношении партийных,

i Стенограмма XXII съезда, ч.I, стр. 448-449, речь Анастасяна.
ii Под «другими» хитрый Анастасян разумеет, конечно, и себя (прим. автора).
iii В точности повторяется фразеология великого семинариста при ликвидации Книгарина (прим. автора).
iv Стенограмма XXI съезда 43 г. в.в.э., стр. 463.
v Стенограмма XXII съезда 45 г. в.в.э., стр. 105-107.

вохровских, хозяйственных, военных и вохросомольских кадров и за другие явления подобного рода… Она расширилась за счет Булгарина, Первача и Сарубова, к ним примкнул Громкилов… Почувствовав, что им удалось сколотить в Президиуме ЦК арифметическое большинство, участники антипартийной группы пошли в открытую атаку. Июньский пленум ЦК разоблачил и разгромил… С признанием ошибок выступил Климов, который заявил, что его «попутали фракционеры». Постановление Пленума ЦК об антипартийной группе было принято единодушно, за исключением Вячеславова, который воздержался. Впоследствии Вячеславов признал решения Пленума правильными…».

… Далее великий Никитов приводит «теоретические обоснования» борьбы за власть: «Такие явления происходят по разным причинам: у одного силы иссякают, другой отрывается от жизни, зазнается, не работает, третий оказывается беспринципным, бесхребетным, приспособленцем, нестойким в борьбе за дело партии».

Далее в нескольких словах великий Никитов сообщает, что «армия хотела стать над Партией»: «Пленум ЦК в 41 г. в.в.э. дал решительный отпор бывшему министру обороны Тараканову стать на путь авантюризма, вести линию на отрыв Вооруженных сил от партии…».

Степанов разоблачает некоторые технические детали разгрома «арифметического большинства» в Президиуме ЦК[i]:

«Известно, что когда антипартийная группа сколотила так называемое арифметическое большинство в Президиуме ЦК, они приступили к практической реализации своих планов захвата руководства партией и страной.

… Члены ЦК направили на заседании Президиума ЦК заявление о необходимости созвать Пленум ЦК: «В Президиум ЦК. Нам членам ЦК всетмутараканской, вохровской партии известно, что президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве ЦК и руководстве секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей нашей партии вопросы. В связи с этим мы, члены ЦК, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение пленума ЦК»…

Когда доложили Президиуму об этой просьбе, фракционеры подняли страшный шум… Так называемое арифметическое большинство – фракционеры предложили, чтобы членов ЦК принял не Президиум, а Булгарин или Климов… Никитов заявил, что и он пойдет на встречу, и настоял на своем. И какое это было счастье для судьбы нашей партии!(!!!)… Тогда президиум уполномочил Никитова и Анастасяна, а также Климова и Булгарина встретиться с членами ЦК… Как видите, фракционеры не хотели встречаться с членами ЦК, более того, было дано указание не пропускать членов ЦК в Кремль, и многие из них буквально нелегально пробирались к месту заседания ЦК…».

Бессвязное повествование министра и члена ЦК Степанова хотя и проливает свет на характер «морально-политического» единства даже в верхушечной элите вохровской партии и на степень ожесточенной борьбы за власть, но детали действия полицейского механизма остаются неясными. Оставляя в стороне путаную фразеологию об «арифметическом большинстве» и странное «математическое» допущение, что подавляющее большинство членов Президиума ЦК являются «фракционерами» а меньшинство членов Президиума ЦК являются представителями «генеральной линии», неясным остается следующее: 1) Каким образом рядовые члены ЦК, десятилетиями, в обстановке свирепого виссарионовского террора, приученные быть «голосующими куклами», узнали, что в святая святых идет борьба за власть, борьба за руководство? 2) Каким образом «члены ЦК» при вохровской совершенной полицейской системе охраны олигархов из Президиума ЦК могли «нелегально» проникнуть в «святая святых»? 3) Каких членов ЦК и почему должен был принять всесильный Президиум ЦК? 4) Как мог великий Никитов настоять, чтобы он и Анастасян пошли вместе с Климов и Булгариным на встречу с «членами ЦК», если он был в меньшинстве и как осуществлялось «это счастье для судьбы вохровской партии»? По-видимому, в руках великого Никитова как первого секретаря был какой-то рычаг, унаследованный от великого семинариста, приводящий в действие полицейский механизм верхушечной

i Стенограмма XXII съезда, 45 г. в.в.э., стр. 105-107, речь Степанова

элиты. Может быть, к этому рычагу полицейского механизма имел также какое-то отношение Климов, который в последний момент решил, что выгоднее изменить «фракционерам» из «арифметического

большинства». Так или иначе, власть великого Никитова непосредственно после XX съезда висела на волоске и, по некоторым данным, было уже намечено переместить его на должность второстепенного министра сельского хозяйства. Но великий Никитов победил и, как по традиции принято у вохров, поверженные «фракционеры» «единогласно» голосовали за осуждающую их резолюцию и «каялись». «Каялся» Климов, что «черт его попутал». Всенародно «каялись» стоявшие на последнем месте в верхушечной иерархии Сарубов и Первач.

Первач бил себя в грудь[i]: «Я не успел вовремя рассмотреть антипартийные заговорщические замыслы фракционной группы… Я осудил и осуждаю фракционную раскольническую деятельность… Моя неправильная позиция в вопросе о реорганизации управления промышленностью и строительством привели к тому, что я совершил крупную политическую ошибку… Я поддерживал на заседании Президиума ЦК, проходящего на кануне июньского пленума, нападки антипартийной группы на Никитова. Однако, когда антипартийная группа открыто поставила вопрос о смене руководства в ЦК, я с этим не был согласен… Я рассказал все, что знал об антипартийной фракционной деятельности этой группы… Тем самым я осознал свои ошибки и помог Пленуму ЦК разоблачит фракционную деятельность группы».

Сарубов «каялся» в таком же духе[ii]:

«Известно, что я допустил ошибку. Я давно знал, как и все члены Президиума ЦК, что группа занимала особую позицию. Участники этой группы вели себя, как люди, ослепленные узконациональной ограниченностью…

… Уже на заседании Президиума ЦК, перед июньским пленумом, я занял все же иную позицию, опротестовав грязные попытки Лазаревича и других участников антипартийной группы замарать имя Никитова… что нужно выбросить камни из-за пазухи и отбросить политическую месть…С помощью некоторых товарищей из здоровой части Президиума ЦК Анастасяна и Киричева я быстро порвал с антипартийной группой и в июне 41 г. в.в.э. правдиво рассказал все, что знал о ее замыслах, и тем самым помог пленуму разоблачить их… Июньский пленум отметил мою политическую неустой- чивость и, приняв во внимание, что я помог пленуму в разоблачении … оставил в составе членов ЦК … Я был поставлен на работу директора завода в Нарзысе…».

Инсценировка «Кающиеся грешники» под режиссурой великого Никитова не может идти ни в какое сравнение с такой же инсценировкой, осуществленной на 25 лет ранее под режиссурой великого семинариста. Во-первых, участниками виссарионовской инсценировки являлись актеры с европейскими именами: Радомыслов, Розенполев, Книгарин, Карлек, Шкаликов, Дикский, Переделкинский, а участниками никитовской инсценировки – статисты: Климов, Сарубов, Первач.

Во-вторых, актеры виссарионовской инсценировки: Родомыслов, Розенполев, Карлек, Переделкинский – в ссылке более тщательно отрепетировали свои роли.

В-третьих, Виссарионов «теоретически» предсказал, что оппозиционеры скатятся в болото контрреволюции, и «действительно» виссарионовские актеры прекрасно сыграли роль контрреволюционеров, шпионов, убийц и диверсантов. Режиссер Никитов по привычке мог объявить только «политического авантюриста» Беридзе – слугой иностранного капитала, а актеров из «антипартийной группы» объявить шпионами уже не мог. Он успел «мужественно разоблачить» «культ личности» и его «последствия». Никитов мог только назвать своих актеров бесхребетными, оторвавшимися от жизни, беспринципными и т.п. Он, правда, использовал такой козырь, как «персональную ответственность главарей антипартийной группы за массовые репрессии в отношении вохровских, партийных, хозяйственных и вохросомольских кадров», но инсценировать их «раскаяние» не только в отношении упомянутой элиты, но и в отношении не упомянутой кровавой расправы со многими миллионами простых крестьян и рабочих – он не мог, так как и у него самого нос был в пушку.

---

i Стенограмма XXI съезда, 43 г. в.в.э., ч. II, стр. 141.

ii Стенограмма XXI съезда, ч.II, стр. 289-291, речь Сарубова.

Может быть, именно поэтому в никитовской инсценировке участвовали только статисты, а такие актеры, как Вячеславов, Макенлов и Лазаревич (хоть у них и не было «звонких европейских имен») не принимали участия в инсценировке.

В-четвертых, великий семинарист после инсценировки на XVII съезде мог устроить еще судебную инсценировку, после которой он ликвидировал всех актеров с европейскими именами. Никитов же не мог это сделать. Он даже не мог направить членов антипартийной группы на перевоспитание, так как объявил, что в Государстве Тмутараканском нет больше заключенных по политическим мотивам. В целом инсценировка «Кающиеся грешники» под режиссурой великого Никитова не удалась и получилась весьма бледной. Но уже давно известно, что при историческом повторении получается жалкий фарс.

Возвращаясь вновь к теме о вохровском «морально-политическом» единстве, следует отметить, что если, как ранее автор показал в X главе, подавляющее большинство «морально-политически единых» членов ЦК, «избранных» на IX, X и XI съездах оказались, шпионами, убийцами и диверсантами, то «избранные» после смерти великого семинариста 10 членов президиума ЦК все целиком оказались политическими авантюристами, агентами иностранного капитала, антипартийными элементами, бесхребетными, беспринципными, замешанными в кровавых расправах над миллионами людей, субъективистами и волюнтаристами. Кто же вожди партии и государства?..

Впрочем, исключение составил хитрый Анастасян. Как и во времена великого семинариста, он уцелел, однако стал политическим мертвецом. Так на деле выглядит «морально-политическое» единство в верхах вохровской партии.

Что касается «морально-политического» единства всего прочего народа, то об этом достаточно отмечено в главах IX, X и XI небольшого исследования автора.

В заключении следует отметить, что «рабочая оппозиция» и децисты были обречены на поражение не только потому, что они выступили с соломинками против вооруженного до зубов полицейского аппарата ЦК вохровской партии, но и потому, что выступали против бюрократизации и за некоторую демократизацию, не желая сломать общую схему и оставаясь в рядах тоталитарной партии.

Лейбисты, усвоив некоторые требования «рабочей оппозиции» и децистов, вместо тростинок вооружились палками, но, разумеется и палки, против тяжелой артиллерии были бессильны. Радомысловцы вооружились чуть лучше и сумели захватить полицейский аппарат одной из решающих областей (ильичевградской).

Но и ружья против пушек были бессильны. Да если бы – что было абсолютно невозможно – ружья и победили бы пушки, ничего бы не изменилось, поскольку и объединенная оппозиция не имела намерения ломать вохровскую бюрократическую схему. Книгаринцы и вовсе не дрались за власть. Они были против ликвидации рестэпа. Но рестэп зашел в безнадежный тупик. Невозможно было при либерализации рестэпа осуществить быстро индустриализацию.

Последующая борьба за власть, вообще, принципиально ничего не меняла. Менялась только вывеска. Если бы Никитов потерпел поражение и взяла верх «антипартийная группа», то не было бы эпохи совнархозов и не сменялась бы несколько раз вывеска – от министерств к совнархозам и от совнархозов к министерствам. В I томе, в главах VII и VIII показано, что вохровский уродливый экономический механизм – самоуправляем и мало зависит не только от смены вывесок, но почти не зависит от той куцей «великой экономической реформы», которая в настоящее время осуществляется.

По всем этим причинам последний верхушечный переворот (свержение великого Никитова) прошел достаточно тихо и незаметно.

Громадная тмутараканская бюрократически-полицейская схема, как и уродливый вохровский механизм работают сами на себя. Поэтому, хотя полицейские детали свержения великого Никитова остаются в глубокой тайне, это не имеет какого-либо существенного значения.

Глава XII
О народонаселении, народе, друзьях народа, врагах народа, а также о вохрах, зеках, эспах, вээнах и кахах

1. О народонаселении

Доктор географических наук Шишпокевский сообщает[i], что в 1 г. в.в.э. в современных границах Государства Тмутараканского население составляло 163 миллиона человек. По его данным, в 4 г. до в.в.э. на тысячу жителей приходилось 45,5 рождений и 29,1 смертей, и в среднем в довохровском Государстве Тмутараканском естественный прирост составлял 1,6-1,7% в год.

Шишпокевский считает, что до Второй мировой войны и после ее окончания естественный прирост также составлял 1,7%. Принимая этот прирост за основу, он пишет: «Можно считать, что без войны за 19 лет общий прирост достиг бы около 40% и население возросло бы по меньшей мере на 65 миллионов человек; в самом деле первая послевоенная перепись 43 г. в.в.э. насчитала в Государстве Тмутараканском – 208,8 миллионов человек и таким образом прирост за 19 лет составил около 15 миллионов человек.

… Это значит, что потери и вызванное войной снижение показателей естественного прироста фактически снизили население страны на 50 миллионов человек!».

Хотя доктор Шишпокевский как вохровский апологет относит потерю в 50 миллионов человек только за счет Второй мировой войны и не осмеливается учесть потери населения за счет истребления великим семинаристом и его тайной полицией десятков миллионов людей, следует определенно признать заслугой ученого (или его хозяев) то обстоятельство, что вообще подсчитано сокращение населения за 19 военных и послевоенных лет. К сожалению, он не подсчитал таким же образом убыль населения с 1 г. в.в.э. по 25 г. в.в.э.

Если применить тот же метод и принять естественный прирост населения в 1,7%, то прирост населения за 24 года, с 1 по 25 г. в.в.э. должен бы составить 55%. При населении в 1 г. в.в.э. в 163 миллиона ко времени начала войны в 25 г. в.в.э. население должно было бы составит в 25 г. в.в.э. – 163x1,55 = 252 миллиона вместо 194 миллиона человек.

Следовательно, потери от гражданской войны и вызванное гражданской войной и голодом снижение показателей естественного прироста уменьшило население страны в рассматриваемый 24-летний период на 58 миллионов человек.

Таким образом, общие потери населения с 1 г. в.в.э. по 43 г. в.в.э., подсчитанные по методу доктора Шишпокевского, составили 108 миллионов человек – для раздельного счета по двум периодам 1-25 г. в.в.э. и 25-43 г. в.в.э.

Но если по методу доктора Шишпокевского считать потери в период с 1 по 43 г. в.в.э., то они составят не 108, а 143 миллиона человек, так как 40% естесственного прироста с 252 мил. (а не 194 мил.) составили бы 100 милл. человек (а не 65 мил.).

Каковы были действительные потери гражданской войны 1-4 г. в.в.э.?

По данным академика Румилина[ii], потери вследствие преждевременной смерти составили в период Первой мировой войны 3 г. до в.в.э. – 1 г. в.в.э. – 2258 тысяч, а в гражданскую войну 2-4 г. в.в.э. – 7050

i «Наука и Бытие», 51 г. в.в.э., №3, стр. 67-68.

ii Румилин «Статистико-экономические очерки», стр. 295.

тысяч на каждые 100 миллионов населения. Потери рождаемости составили для Первой мировой войны 3 855 000, а для гражданской – 4 920 000 человек на каждые 100 миллионов человек.

Если принять население Государства Тмутараканского в границах до 23 г. в.в.э. – 136,8 миллионов чк, то общие потери от преждевременной смерти составили в гражданскую войну – 9,65 миллионов, а от уменьшения рождаемости – 6,72 миллионов, или всего 16,37 млн. Общие же потери населения на территории Государства Тмутараканского в современных границах за период 1-25 г. в.в.э. составили 58 миллионов человек. Следовательно, уже после окончания гражданской войны потери составили свыше 40 миллионов человек.

В период 4-7 г. в.в.э. потери населения, по-видимому, были еще весьма значительны вследствие голода в Малоскифии и Половжье.

Если принять тот же коэффициент естественного прироста – 1,7%, то население Государства Тмутараканского в границах до 23 г. в.в.э. должно было возрасти с 136,8 милл. чк в 4 г. в.в.э. до 153 миллионов в 10 г. в.в.э. Фактически же оно составило по переписи 10 г. в.в.э. – 147 млн. Потери от «преждевременной смерти» и уменьшения рождаемости в 4-6 г. в.в.э., в период голода, могли составить – 6 млн. чк.

Недостает почти 3,5 десятка миллионов человек.

Почему в период от 10 г. в.в.э. до 25 г. в.в.э. были такие громадные потери населения – когда и за счет чего?

Вохровские статистики на этот вопрос не только не дают ответа, но вообще не обсуждают его. До 17 г. в.в.э. в вохровской литературе встречаются кое-какие данные.

Так вохровский статистик Женыкин приводит следующие данные[i]: Коэффициент рождаемости составил в Европейской части Великоскифии: в 4 г. до в.в.э. – 4,77%; в 8 г. в.в.э. – 4,42%; в 9 г. в.в.э. – 4,55%; в 10 г. в.в.э. – 4,4%.

На основании этого прогноз естественного прироста в Европейской части Великоскифии характеризуются следующим образом:

	годы великой вохровской эры						
	11	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**
Рождаемость в % Смертность в %	4,4 2,13	4,46 2,15	4,49 2,18	4,53 2,21	4,62 2,22	4,55 2,2	4,57 2,23
естественный при. %	2,27	2,31	2,31	2,32	2,4	2,35	2,34

Таким образом, в период рестэпа, по Женыкину, естественный рост даже выше, чем 1,7% «принимаемый доктором Шишпокевским», и доходит до 2,3%. Румилин подтверждает данные Женыкина, он пишет:

«Отношение числа рождений к числу смертей, которое может служить мерой расширенного воспроизводства населения, то есть основной производительной силы любого общества, еще накануне Второй мировой войны, в 25 г. в.в.э., было неодинаково в разных странах: В Галлии оно не превышало 110%, в Саксии – 121%, в Колумбовии – 131%. В это же время в Государстве Тмутараканском этот показатель жизнеспособности наций, именуемый коэф. Покровского, достиг 215,7%...

…Как показывают вполне надежные расчеты, этот коэффициент (нетто-коэффициент), по данным 17 г. в.в.э., не превышал в Колумбовии – 0,94, в Галии – 0,88, в Саксии – 0,76, а в адольферовской Гуннии – едва 0,71. Такие показатели воспроизводства, возвещающие начало прямого вымирания ближайших поколений в странах загнивающего капитализма, предвещают и приближающийся конец этой изживающей себя общественной формации…

… В то время как во всех других странах наблюдается резкое падение рождаемости, в Государстве Тмутараканском рождаемость возросла с 42,7 до 44,2 промилей, а смертность, наоборот, упала с 26,0

i «Бесплановое хозяйство» 12 г. в.в.э., №8, «Демографические предпосылки переписи».

до 22,9 смертей на 1000 душ населения, в связи с чем годовой естественный прирост населения поднялся за те же годы с 16,7 до 21,3 промилей в 9 г. в.в.э. и даже до 23,6 промилей в 10 г. в.в.э., то есть почти на 42% и достигал огромной цифры в 3 млн. человек по всему Союзу…»[i].

Оставляя в стороне «шандальную» похвальбу талантливого вохровского апологета-Румилина и его мрачные предсказания относительно «вымирания ближайших поколений в странах загнивающего капитализма», следует отметить, что академик подтверждает цифру естественного прироста для периода рестэпа в 2,3%, которую приводит Женыкин.

Сам великий семинарист в отчетном докладе на XVII съезде 26/I.18 г. в.в.э. говорит:

«На основе этих достижений мы имеем за отчетный период рост населения Государства Тмутараканского с 160,5 миллиона в конце 14 г. в.в.э. до 168 миллионов в конце 17 г. в.в.э.

Согласно переписи 17/XII.10 г. в.в.э., количество населения составило 147 милл. Следовательно, естественный прирост населения составил даже в 10-14 г. в.в.э. ~2%, а в 14-17 г. в.в.э. ~1,5%.

Согласно переписи 17/I.23 г. население составило – 170 миллионов.

Вместе с тем при естественном приросте в 1,7% и населении в конце 14 г. в.в.э. в 160,5 милл. к январю 23 г. в.в.э. количество населения должно-бы составить – 186 мил. в границах до 23 г..в.в.э. и 207 милл. в современных границах. К началу войны, через 2,5 года, при коэффициенте естественного прироста в 1,7% население должно было бы составить – 216 миллионов вместо 194 мил. Следовательно, потери населения, примерно с 17 до 25 г. в.в.э., составили – 22 милл. человек.

Общий баланс потерь населения:

В 2-4 г. в.в.э. ~ 16,5 миллионов (данные Румилина),

–//– 4-6 г. в.в.э. ~ 6,0 –//– (по расчету автора),

–//– 17-25 –//– ~ 22,0 –//– (по расчету автора),

Итого ~ 44,5 миллиона.

Даже при этих расчетах получается неувязка в 13 миллионов, поскольку общие потери при естественном приросте в 1,7% с 1 г. до 25 г. в.в.э., как выше показано, должны были составить ~ 58 миллионов. По-видимому, потери в 44,5 миллиона следует считать минимальными.

Даже если допустить, что в голодные 17-18 г. в.в.э. естественный прирост сократился вдвое и составил – 0,8%, а в 19-25 г. в.в.э. вследствие многочисленных арестов и высылок в отдаленные местности «кулаков» естественный прирост снизился до 1,2%, то потери от снижения показателей естественного прироста составят за период 17-25 г. в.в.э. ~ 9 миллионов, а потери от так называемой «преждевременной смерти» минимально составят – 13 миллионов человек. До начала Второй мировой войны в Государстве Тмутараканском минимальные потери от «преждевременной смерти» в 13 миллионов чк могли иметь место только в системе вохровского перевоспитания, в лагерях и ссылках из-за чудовищно тяжелых, рабских условий существования и расстрелов.

О количестве «врагов народа» без учета истребленных можно составить себе представление по количеству избирателей в 23 г. в.в.э. Общее количество избирателей в 23 г. в.в.э. составило 94 миллиона чк. Население, по переписи, произведенной в 23 г. в.в.э., составило 170 миллионов чк.

Согласно этой же переписи, распределение по возрастным группам характеризовалось в 23 г. в.в.э., следующим образом:

Возрастные группы	Население в тысячах	В процентах к населению
0-9	43476	22,8
10-15	28365	14,9
16-19	13030	6,8

i «Статистико-экономические очерки» – «О закономерности воспроизводства населения стр. 181-186».

Возрастные группы	Население в тысячах	В процентах к населению
20-24	15786	8,3
25-29	18520	9,7
30-34	15598	8,2
35-39	12458	6,8
40-44	6903	5,0
45-49	7776	4,1
50-59	12533	6,5
60-69	8535	4,5
70 и больше	4462	2,3

Удельный вес населения до 18 лет включительно составлял около 42%. При количестве населения к моменту выборов в 23 г. в.в.э. (общее количество населения составляло ~171,5 миллионов) количество населения в выборном возрасте составило (58%) ~ 99,5 миллионов, на 5,5 миллионов больше количества избирателей (94 миллиона).

Если допустить, что число избирателей не преувеличено (что, вообще говоря, сомнительно, так как избирательные комиссии – подневольные чиновники вохровской схемы) и число умалишенных – 0,5 миллиона, то число лиц, «перевоспитавшихся» в лагерях (оставшихся в живых, за исключением огромного количества зеков, умерших вследствие невыносимых условий и попросту уничтоженных в 21 и 23 г. в.в.э.), составляло минимум 5 миллионов.

Количество избирателей в 30 г. в.в.э. (после окончания Второй мировой войны) составило – 102 миллиона. По вохровским статистическим данным – количество населения в 34 г. в.в.э. составляло 178,5 миллионов.

Согласно переписи 43 г. в.в.э., распределение по возрастным группам характеризуется следующими цифрами:

Возрастные группы	Население в тысячах	В процентах к населению
0-9	46363	22,2
10-15	17133	8,2
16-19	14675	7,0
20-24	20343	9,7
25-29	18190	8,7
30-34	18999	9,1
35-39	11590	5,6
40-44	10408	5,0
45-49	12264	5,9
50-59	19146	9,2
60-69	11736	5,6
70 и более	7972	3,8

Шесть возрастных категорий, родившихся между 28-33 г. в.в.э., составили 8,2% всего населения, следовательно, количество рождений в эти годы составляло в среднем 14 на тысячу. И естественный прирост в эти годы в среднем составлял не более – 0,7%.

Исходя из этого, следует предположить, что прирост населения с 30 по 34 г. в.в.э. составил не более 5 миллионов и население в 30 г. в.в.э. составило около 173,5 миллиона.

Лица, которые в 30 г. в.в.э находились в возрасте от 1 до 5 лет, были зачаты в 29; 28; 27; 26; и 25 г. в.в.э., то есть в годы войны. Можно принять, что удельный вес лиц в неизбирательном возрасте в 30 г. был не больше, чем в год переписи (43 г. в.в.э.), то есть не больше 35%. В таком случае – количество избирателей при населении в 173,5 миллионов должно было составить 173,5х0,65=112,5 миллионов чк.

Фактическое количество избирателей, как выше было показано, составило 102 миллиона.

Даже если количество избирателей не преувеличено, общее количество лишенных права голосования, то есть находящихся в лагерной системе перевоспитания, за вычетом умалишенных (которые тоже не голосуют), составило не менее 10 миллионов чк. При этом следует отметить, что много миллионов людей из «народов-преступников», находившихся в ссылке, обладали «активным правом голосования».

Ранее было показано, что в период от 1 до 25 г. в.в.э. потери населения составили в миллионах чк.

Годы в.в.э.	от «преждевременной смерти»	из-за снижения рождаемости	Всего
2-4	9,7	6,7	16,4
4-6	3,6	2,4	6,0
17-25	13,0	9,0	22,0
2-25	26,3	18,1	44,4

По расчетам вохровского апологета доктора географических наук Шишпокевского, потери населения в период 25-43 г. в.в.э. составили 50 миллионов чк.

Шишпокевский не осмеливается расшифровывать эти потери и ограничивается общей фразой, что эти потери вызваны войной и снижением показателей естественного прироста. Автор попытается помочь Шишпокишевскому в расшифровке источников этих потерь.

Член Политбюро Данов сообщает в 30 г. в.в.э.[i]:

«Известно, что в результате гуннского вторжения, Государство Тмутараканское безвозвратно потеряло в боях с гуннами, а также в результате гуннской оккупации и угона вохровских людей на гуннскую каторгу ~ 7 миллионов чк».

По данным, опубликованным Ватиканом[ii], число погибших военных и гражданских лиц – 22,1 миллиона, раненых – 34,4 миллиона. Сюда не включены погибшие в адольферовских концентрационных лагерях и умершие от эпидемий и от голода. Не учтены 10 миллионов хинезийцев, погибших во время войны с Банзанией (21-29 г. в.в.э.). Данные Ватикана хорошо корреспондируются с данными Данова.

Итак, убитых в боях, уничтоженных в оккупации и при угоне – 7 миллионов чк. Эти данные, по-видимому, получены на основании отчетов об убитых и умерших в боях, а также сведений об уничтоженных адольферовцами в концлагерях и гетто ханаанцев и других вохровских граждан и умерших в Гуннии угнанных вохровских граждан.

Впоследствии, уже после «разоблачения» «культа личности», вохровские деятели и статистики стали приводить потери в 20 миллионов чк. Упомянутый доктор Шишпокевский в соответствии с позднейшими заявлениями пишет: «Помимо павших на поле боя, миллионы мирных вохровских граждан были замучены в адольферовских застенках, истреблены в Цимосвенах и Жениных Ярах, задушены рукой голода… Статистики исчисляют общие прямые потери в 20-22 миллиона чк».

В утверждениях Шишпокевского имеются следующие противоречия.

1) Данов на основе официальных данных утверждал, что в числе 7 миллионов чк, безвозвратно потерянных Государством Тмутараканским, входят также жертвы в результате гуннской оккупации, следовательно, сюда входят жертвы, замученные в Жениных Ярах и адольферовских застенках в зоне оккупированной территории Государства Тмутараканского.

i «Бесплановое хозяйство», 30 г. в.в.э., №5, стр.7.

ii «Вопросы бесхозяйственности», 35 г. в.в.э., №10, стр. 47.

2) В Цимосвенах были в основном истреблены миллионы ханаанцев, живших в Западной и Центральной Европе и не живших в Государстве Тмутараканском, что широко известно. Эти миллионы жертв – европейские ханаанцы, которых истребил собрат великого семинариста, кровавый Адольфер, не могут входить в потери населения Государству Тмутараканского.

Несомненно, цифра, приведенная Дановым, является вполне достоверной в отношении погибших в боях и в зоне гуннской оккупации.

Вохровская статистика приводит еще одну достаточно достоверную цифру погибших от голода и голодной дистрофии в осажденном Ильичевграде – около 0,6 миллиона. Эти 0,6 миллиона ильичевградцев были принесены в жертву главковерхом – великим семинаристом и его подручными во имя военных соображений.

Для того, чтобы определить общее количество «преждевременно умерших» в период 26-33 г. с начала войны до смерти Виссарионова, следует определить только потери вследствие снижения показателя естественного прироста за указанные 8 лет царствования великого семинариста, в которые вошли все годы войны и послевоенные годы при жизни великого семинариста и в которые рождаемость была ниже нормы. По данным переписи 43 г. в.в.э., лица в возрасте от 10-17 лет, то есть родившиеся в 26-33 г. в.в.э., составляли около 11,5% всего населения, следовательно, в среднем, рождаемость составляла около 15 на 1000 чк населения. По данным доктора Шишпокевского, в 44-49 г. в.в.э. число рождений колебалось от 17 до 25 на тысячу жителей, или в среднем 21 на тысячу жителей.

Потери от снижения показателей естественного прироста составили в 26-33 г.г. около 8,5 мил. чк. В последующие годы (33-43 г. в.в.э.) так же, как и доктором Шишпокевским, показатель естественного прироста принимается в норме.

Таким образом, если принять в согласии с Шишпокевским общие потери населения с 25 по 43 г. в.в.э. в 50 миллионов чк, то эти потери распределятся следующим образом:

от уменьшения рождаемости – 8,5 мил. чк.;

непосредственные военные потери – 7 мил.;

от прочих «преждевременных смертей» – 34,5 мил. чк.

Всего 50 мил. человек.

Общий баланс потерь населения от 1 до 43 г. в.в.э., характеризуется следующими цифрами в миллионах:

Годы в.в.э.	От снижения рождаемости	От «преждевременной смерти» во Второй мировой войне	От прочих случаев «преждевременной смерти»	Всего
2-4	6,7	–	9,7	16,4
4-6	2,4	–	3,6	6,0
17-25	9,0	–	13,0	22,0
25-43	8,5	7,0	34,5	50,0
2-43	26,6	7,0	60,8	94,4

Итак, если не считать, что, по существу, спровоцировал войну великий семинарист, и отнести 7 миллионов военных потерь во Вторую мировую войну за счет Адольферова и за его же счет отнести 8,5 миллионов не родившихся (вообще говоря, отнесение 15,5 миллионов за счет Адольферова является спорным вопросом), то даже в этом случае вохровский социалистический эксперимент обошелся Государству Тмутараканскому в 80 миллионов жизней, в том числе свыше 18 миллионов не родившихся и свыше 60 миллионов истребленных на гражданской войне, в лагерной системе «перевоспитания», от голода и эпидемий. На гражданской войне и от голода и эпидемий в 2-6 г. в.в.э. погибло около 13,5 миллионов чк. Если допустить, что в последующие годы вне лагерной системы от голода и эпидемий погибло еще 16,5 милл. чк, что несомненно является преувеличением, то в лагерной системе «перевоспитания» истреблено не менее 30 миллионов чк.

Каким же образом талантливые вохры ухитрились истребить такую уйму людей?

Приведем сначала высказывания вохров на этот счет, а также вохровские принципы классификации народонаселения.

2. О вредителях, шпионах, саботажниках, и прочих извергах

Вообще демографы классифицируют народонаселение различных стран по разным признакам: расовым, племенным, национальным, социальным, профессиональным и другим.

Один из величайших в мире демографов и языковедов, величайший из великих семинаристов – Виссарионов, после того как он изобрел и внедрил «дружбу народов», в основном классифицировал народонаселение Государства Тмутараканского по признаку отношения той или иной части народонаселения к «народу», а именно: «народ», «друзья народа» и «враги народа». Правда, верноподданные великого семинариста – ученые вохровские демографы по старой привычке классифицировали и подразделяли народонаселение великого Государства Тмутараканского еще по племенным и национальным признакам: на великоскифов, малоскифов, белоскифов, аджарцев, рататов, атахов, сартов, латов, литов и т.д.

Об этом можно судить по частым упоминаниям о том, что великий семинарист, а также, разумеется, величайший Ильичев являются великими друзьями белоскифов, аджарцев, сартов и прочих наций и племен. Потрясенные столь великой честью, малоскифы, белоскифы, аджарцы и другие нации, удостоенные высокой чести, великой дружбы великого семинариста, собирались всем народом, от мала до велика и в величайшем порыве вдохновения и преданности, скопом, сочиняли длиннейшие благодарственные оды в честь своего великого отца и друга. Эти оды своевременно печатались в лучших, правдивейших и честнейших газетах, в «Кривде», «Дезинформации» и других правдивейших вохровских газетах. К сожалению, эти правдивейшие вохровские газеты не сообщали технологии «сочинительства» этих од миллионами и десятками миллионов авторов. Вообще говоря, в литературе известны случаи совместного творчества. Некоторые совместные авторы, например, Ифль и Николаев даже рассекретили технологию своего «совместного творчества». Следует полагать, что позднейшие вохровские авторы и прочие публицисты рассекретят технологический метод этого удивительнейшего «совместного» вдохновения и творчества миллионов и десятков миллионов авторов. Но, повторяем, величайший демограф нашего времени, а может быть, и в истории человечества – великий Виссарионов, предпочитал простейшую классификацию. Наиболее точно определялись «враги народа». К ним относились контрреволюционеры (контрики) всяческих мастей, шпионы, террористы, саботажники, диверсанты, провокаторы, зловредные агитаторы, убийцы, воры, медвежатники и прочие жулики и уголовные элементы[i] и, наконец, кулаки и подкулачники.

Менее определенным был термин – «друзья народа». Как отмечено выше, совершенно определенными «друзьями народа» и даже «народов» были великий семинарист и величайший Ильичев. К «друзьям народа» относились также вовремя умершие Яковлев, Феликсов, Валерианов, Фрузне и некоторые другие великие вохровские вожди. Одно время великим другом народа был великий Никитов. Но после его свержения это поставлено под сомнение. После «мужественного» «разоблачения культа личности» поставлен под сомнения такой, казалось бы, незыблемый факт, как великое дружеское чувство великого семинариста ко всяческим народам. Более того, в одной из своих великих речей великий Никитов упомянул вскользь, что, мол, Виссарионов не любил «народ».

Еще более неопределенным в виссарионовской классификации является термин «народ». Следует полагать, что «народ» – это часть народонаселения за вычетом «врагов народа» и «друзей народа».

Обратимся к высказываниям вохровских деятелей о наиболее определенной части населения Государства Тмутараканского – о «врагах народа». Саботаж старого царского чиновничьего аппарата после

i Впрочем, в категории «врагов народа» всяческие жулики и уголовные элементы классифицировались как «социально-близкие», в отличие от контриков (прим. автора).

вохровской революции широко известен всему миру, поэтому автор не считает необходимым останавливаться на этом. Одним из первых об актах вредительства рассказывает лидер «рабочей оппозиции» Кашкетников[i]: «Я попал на заседание одной из комиссий по топливному кризису и услышал доклад Аникесова, который говорил, что существует такая контрреволюционная организация, которая ставит своей задачей вводить людей в наши вохровские, хозяйственные и другие организации, чтобы всячески тормозить, пакостить и портить нам работу». Но отважный оппозиционер Кашкетников относится к этому скептически. Он продолжает: «Выходит, что достаточно появиться паре заговорщиков, чтобы вся бюрократическая система работы была не с нами, а против нас».

Даже матерый вохровский апологет академик Румилин относится скептически к возможности вредительства. Он пишет[ii]: «Ориентируясь на рыночную конъюнктуру 7 г. в.в.э., наши буржуазные специалисты, даже если они к тому моменту и не были еще готовы к прямому вредительству, не видели дальше своего носа и уже потому не способны были правильно оценить наши хозяйственные перспективы… Вредительство путем резкого преуменьшения перспективных планов и вообще едва ли могло дать в наших условиях большие результаты. Ведь перспективное планирование у нас ежегодно проверялось текущими годовыми планами и фактическим их выполнением».

Шпиономания и вредителемания появляются на самой заре вохровской власти.

Еще 4.IV.8 г. в.в.э. «Кривда» уличает колумбовскую благотворительную организацию КРА в контрреволюционной деятельности.

12/IV.8 г. в.в.э. «Кривда» сообщает: «Правительство Государства Тмутараканского с негодованием отвергает попытку галльского правительства вмешаться в судебное разбирательства дела о веикских шпионах… Экономический шпионаж в Малоскифии. Вся компания инженеров, директоров, агентов Непровского металлургического общества находится в руках органов государственной безопасности».

Уже тогда, в раннюю эпоху, вохровская тайная полиция обнаруживает совместно с вохровской унифицированной прессой свои непревзойденные полицейские таланты. Уже тогда сами «осужденные шпионы» протестуют против галльского вмешательства и отказываются от их помощи. В «Кривде» от 13/IV.8 г. в.в.э. сообщается: «Группа осужденных по делу «Центра действия» опубликовала в веикской газете заявление, в котором протестует против вмешательства Галлии во внутренние дела Государства Тмутараканского».

4/II 10 г. в.в.э. «Кривда» и вохровская тайная полиция сообщает миру, что аджарские меньшевики занялись шпионажем и пошли в услужение мазурской контрразведке.

Даже маститый академик Румилин в содружестве со своими друзьями из вохровской полиции обвинял своего идеологического противника профессора Кондратовского во вредительстве.

К 13-14 г. в.в.э. вредителе- и шпионо- умопомешательство великих вохровских вождей, их тайной полиции, подведомственной им прессы, литературы и кино принимает устойчивый характер. Видный деятель РКИ-ЦКК-Яковцев совместно с вохровской тайной полиции открывают и разоблачают многочисленных вредителей. Яковцев сообщает[iii]:

«Разрешите провентилировать вопрос о «штемпелюющих коммунистах», которые превращаются в хвостик саботажников и вредителей-специалистов. Это вопрос о вновь обнаруженном вредительстве, которое мы имеем в одной из очень важных отраслей промышленности… Вредительская организация в этой отрасли работает не меньше 7 лет.:

Во-первых, при расширении и при новом строительстве вредители создавали узкие места… Во-вторых, при необходимости известной перегруппировки производства, при концентрации по отдельным заводам … операция проводилась так, чтобы по пути растерять оборудование… Оборудование одного завода в Малоскифбассе… было разбросано почти по всем заводам Большого Камня. И до тех пор, пока ревизией РКИ не было обнаружено на ряде заводов без пользы лежащее оборудование, все это

i Стенограмма X съезда, 5 г. в.в.э., стр. 364, речь Кашкетникова.
ii Румилин «На плановом фронте» стр. 279
iii Стенограмма XVI парт. конф., 13 г. в.в.э., стр. 455-456, 815.

дело не было вскрыто. В-третьих, сознательно преуменьшались существующие мощности предприятий[i]….

Вот три типа вредительства, которые вскрыты совместно работой РКИ и тайной полиции…

Самым существенным в этом деле было не то, что … были вредители и кроме рудниковцев … Важно то, что вохры были там неплохие…»[ii].

Вот что рассказывает другой талантливый Шерлок Холмс, видный деятель РКИ – Розендерев[iii]:

«Вредители почти совершенно разрушили Дружковский и Котелросский заводы... Это показание Поросицына, вредителей.

(Голос. А вы этому верите? Еще голос – А вы за это время 20 раз обследования производили, как же вы этого не заметили?)

… Единоличие было, но это было единоличие Поросицына, технического директора и крупного вредителя… Бывшие владельцы Дановского завода, находящиеся за границей, не хотят, чтобы мы строили параллельный завод на новом участке, стремятся, чтобы мы вложили значительную сумму в их старые владения, в старых границах их прежней собственности и под влиянием старых хозяев. Под видом трубопрокатного цеха строится, по существу, совершенно новый завод стоимостью в 25 миллионов вохриков без учета необходимого оборудования с сокрытием первоначальной стоимости (сначала ее преуменьшили до 6,5 миллионов вохриков), без всякого плана, с огромными потерями[iv]… Вот что пишет один из вредителей: «Заявки составлялись недостаточно серьезно, не соответствовали календарному плану развития завода. Это обстоятельство вполне отвечало интересам правления бывшего Кснярбского общества, которое желало, чтобы импортное оборудование приобреталось, но не устанавливалось на место, чтобы экономический эффект от установки оборудования не попадал бы Югостали… Правление бывшего Кснярбского общества … хотело, чтобы импортное оборудование накоплялось, тщательно сохранялось, но бездействовало, не изнашивалось, не приносило бы пользы предприятию»…

Это директива князя Мещерского и старых владельцев была выполнена и принесла нам значительный ущерб…».

В резолюции по докладу хитрого Анастасяна, Пленум ЦК 21/XII.14 г. в.в.э. отмечает массовое «вредительство» в Союзмясе и Союзплодоовоще[v]:

«ЦК и ЦКК считает, что аппарат Союзмяса и Союзплодоовоща оказался засоренным чуждыми, враждебными и вредительскими элементами (48 расстрелянных вредителей)…».

Далее в постановлении Пленума ЦК 7-12.I.17 г. в.в.э. отмечается всеобщее вредительство в сельском хозяйстве[vi]:

«Проникая в колхозы в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров и т.д., а нередко в качестве руководящих работников правления колхозов, антивохровские элементы стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, подрывают трудовую дисциплину, организуют воровство семян, тайные амбары, саботируют хлебозаготовки, а

i В третьей главе I тома показано, что и через 30-35 лет после того, как Яковцев вместе с талантливой вохровской полицией вскрыл это вредительство, имеют место многочисленные факты узких мест в технологической цепочке, еще более многочисленные факты плохого использования оборудования и повсеместное преуменьшение существующих мощностей предприятий. Все это признаки, присущие уродливой, вохровской, экономической системе. Вредителями являются не отдельные лица, выдуманные вохровской тайной полицией, а сама вохровская система (прим. автора).

ii По данным стенограммы, в Рудниковском угольном бассейне была создана крупная организация из бывших шахтовладельцев и группы буржуазных специалистов. Участники этой контрреволюционной организации были связаны с бывшими скифскими и зарубежными собственниками и ставили своей целью разрушения угольной промышленности и срыв обороны Государства Тмутараканского Эта антивохровская организация была вскрыта и ликвидирована в 12 г. в.в.э. (прим. автора).

iii Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э., стр. 555-559, речь Розендерева.

iv В главе III, автор привел многочисленные факты снижения сметной стоимости и в настоящее время.

v «Резолюции и решения» (9-37 г. в.в.э.), изд. VII, стр. 626.

vi «Резолюции и решения», стр. 730-731.

иногда удается им разложить вохрозы… Эти элементы вредят вохрозному строительству умышленной поломкой тракторов, комбайнов, скверной обработкой земли, плохим уходом за скотом, расхищают вохрозное имущество, особенно его продукцию (зерно, мясо, молоко, масло, шерсть и т.д.).

Между тем, сельские партийные вохросомольские ячейки в вохрозах и МТС, лишенные зачастую революционного чутья и бдительности (!) … иногда попадают под влияние вредительских элементов… а некоторые члены партии, проникшие в партию из-за карьеристских целей, сливаются с врагами колхозов, вохрозов и вохровской власти и организуют вместе с ними воровство семян при севе, воровство семян при уборке и обмолоте, сокрытие хлеба в тайных амбарах и, значит, втягивают отдельные колхозы, группы кахов и отсталых рабочих вохрозов в борьбу против вохровской власти».

В вохровской прессе сообщалось о вредительстве в 14 г. в.в.э. – промпартии, в 15 г. в.в.э. – кулацкой организации меньшевиков и кондратовцев, а в 17 г. в.в.э. – Менгро-Виккерс[i].

Мелкий вохровский «ученый» – апологет Чертенко, так же, как и Румилин, в полном контакте с тайной вохровской полицией «свидетельствует о вредительстве[ii]:

«В колхозы проникли антивохровские контрреволюционные элементы, организуя в них вредительство и саботаж. Классовый враг в колхозах изменил методы своей подрывной деятельности. Чтобы раскрыть его вредительство, нужна была пристальная революционная бдительность, нужно было показать кахам действительное контрреволюционное лицо этого врага…

… Враги народа задерживали развитие металлургического Большого Камня и, в первую очередь, выплавку качественного металла на древесном угле, закрыв ряд древесноугольных доменных печей (Златковский и другие заводы), под предлогом «нерациональности» использования древесины для углежжения.

… Большую дезорганизацию в развитие никелевой промышленности внесли вредители[x], которые срывали строительство, задерживали разведку руд и прочее…».

Чертенко входит в раж и даже недостатки кредитной реформы приписывает вредителям (стр.320): «Однако при проведении кредитной реформы в результате неудовлетворительного руководства или прямого вредительства имели место грубейшие извращения задач реформы. Эти извращения привели к тому, что хозяйственниками в надежде на кредиты Госбанка были забыты требования хозрасчета, режим экономии…».

Следует отметить, что все эти откровения Чертенко излагал в «истории», изданной в 40 г. в.в.э., то есть после «разоблачения культа личности». Следовательно, «мужественные разоблачители» вполне солидаризуются с вредителеманией великого семинариста и его подручных.

Виссарионов подводит «теоретическую базу» под вредительство[iii]: «Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом». Далее, в речи «о врагах хозяйственников» 4/II.15 г. в.в.э., Виссарионов говорит:

«Года два тому назад дело обстояло у них таким образом, что наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Понятно, что при таком положении вещей вохровская власть могла практиковать лишь одну единственную политику в отношении старой технической интеллигенции – политику разгрома активных вредителей, расслоение нейтральных и привлечения лояльных. Так было год-два назад. Можно ли сказать, что мы имеем теперь такую же точно обстановку? Нет, нельзя этого сказать… Далее, мы преодолели хлебные затруднения, и не только преодолели, но вывозили за границу такое количество хлеба, какого не вывозили еще во время существования вохровской власти. Я уже не говорю о том, что само поведения активных вредителей на известном судебном процессе в Кремлевии должно было развенчать и действительно развенчало идею вредительства… Тот факт, что не только этот слой старой интеллигенции, но даже

i «Экономика» 24 г. в.в.э.

ii Чертенко «История народного хозяйства Государства Тмутараканского», Т. III, стр. 320, 376, 396.

iii «Об ильичевизме», стр. 232.

определенные вчерашние вредители начинают работать на ряде заводов и фабрик заодно с рабочим классом, этот факт с несомненностью говорит о том, что поворот среди старой технической интеллигенции уже начался. Это не значит, конечно, что у нас нет больше вредителей. Нет, не значит. Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции так или иначе ранее сочувствовавшая вредителям, повернула теперь в сторону вохровской власти – активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье. Если в период разгара вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выражалось, главным образом, в политике разгрома, то теперь в период поворота этой интеллигенции в сторону вохровской власти, наше отношение к ней должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и заботы о ней».

Далее этот непревзойденный иезуит нашего времени, истребивший не только почти всю старую техническую интеллигенцию, но и значительную часть новой вохровской интеллигенции первой четверти века владычества вохров, по-ханжески говорит о «спецеедстве»: «Было бы глупо и неразумно рассматривать чуть-ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как не пойманного преступника и вредителя. «Спецеедство» всегда считалось и считается у нас вредным и позорным явлением». (!)

Изобразив этакую иезуитскую умильность, несколько далее[i] великий семинарист, закусив удила, «теоретически» натравливает свою тайную полицию, как борзых псов, решительно на всех: работающих на заводах, фабриках, торговых учреждениях, колхозах, вохрозах и т.д. Он пишет:

«Это привело к тому, что оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого роде буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антивохровские элементы… Эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и, главным образом, колхозам и вохрозам. Расползлись и укрылись там, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию… Пойти в прямую атаку против вохровской власти эти господа уже не в силах… поэтому единственное, что остается им – пакостить и вредить рабочим, кахам… И они пакостят как только могут… Поджигают склады и ломают машины, организуют вредительство в колхозах и вохрозах, причем некоторые их них, в числе которых имеются иногда и профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и вохрозах чуму, кучумскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д. Но главное не в этом. Главная «деятельность» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного и кооперативного имущества, колхозной собственности… Воровство и хищения на фабриках и заводах, воровство и хищения железнодорожных грузов, воровство и хищения на железнодорожных складах, в торговых предприятиях – особенно, воровство и хищения в вохрозах и колхозах. Для организации хищений они используют частнособственнические навыки и пережитки кахов… Многие наши товарищи благодушно смотрят на подобное явление, не понимая смысла и значения фактов массового воровства и хищения. (!) Из этого исходило наше вохровское правительство, когда оно издало недавно закон об охране общественной собственности. Этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент[ii].

---

i Виссарионов, «Об ильичевизме», стр. 395.

ii По этому свирепейшему из виссарионовских «законов» либо расстреливали, либо осуждали на 10 лет лишения свободы. В очередной тотальной кампании сотни тысяч людей, иногда за кражу 5-10 килограмм картофеля или зерна, бутылки спирта на винокуренных заводах и за более крупные хищения приговаривались к высшей мере наказания или к 10 годам заключения. Случалось, что приговоренные к расстрелу по несколько месяцев сидели в смертной камере и затем им расстрел заменяли 10 годами заключения в «исправительно-трудовых» лагерях. Впоследствии многих осужденных по закону о хищениях реабилитировали. До Второй мировой войны у вохров еще не существовало обычая реабилитировать расстрелянных и вообще умерших. Поэтому реабилитированы были только те из осужденных на 10 лет, которые выжили. Впрочем, как показано автором в разделе 25 главы третьей, этот репрессивный закон еще десятки лет не способствовал сколько-нибудь серьезному уменьшению крупных и средних хищений (прим. автора).

Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди ничего общего не могут иметь с нашей партией. Это перерожденцы либо двурушники, которых надо гнать вон из партии … Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов. В результате осуществления пятилетки мы добились того, что вышибли остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество, подготовили почву для его уничтожения.

… Нет такой пакости и клеветы, которых эти бывшие люди не возвели бы на вохровскую власть и вокруг которых не пытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий, социалистов-революционеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могу ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из лейбистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв. Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь вохрам».

Семинарист-самодержец, «теоретически» обосновав необходимость уничтожения «вредителей» практически среди всех слоев населения через 15 лет после свершения великой вохровской революции, в дополнение к тем 15 миллионам вохровских граждан, которые были истреблены в 2-4 г. в.в.э., еще через несколько лет, в 21 г. в.в., совершает гениальное открытие, что лейбисты и книгаринцы были шпионами еще в первые дни великой вохровской революции[i]:

«Разве не удивительно, что о шпионской и заговорщический деятельности верхушки лейбистов и книгаринцев мы узнали лишь в последнее время, в 21-22 г. в.в.э., хотя, как видно из материалов, эти господа состояли в шпионах иностранных разведок и вели заговорщическую деятельность уже в первые дни великой вохровской революции? Объясняется это недооценкой роли и значения механизма нашего социалистического государства и его разведки.

Объясняется это недооценкой этой разведки, болтовней о том, что разведка при вохровской власти – мелочь и пустяки, что вохровскую разведку, как и само вохровское государство, скоро придется сдать в музей древности».

Хотя вся страна к этому времени превратилась в огромную тюрьму, контролируемую миллионами полицейских и тюремных дел мастерами разных мастей, кровожадному семинаристу это кажется недостаточным и он пытается «оправдать» Карлса, который не мог такого предвидеть. Он снисходителен: «Нельзя требовать от классиков карлсизма, отделенных от нашего времени периодом в 45-55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем».

Далее великий семинарист, противореча самому себе в вопросе о «спецеедстве», приписывает почти всей старой интеллигенция вредительскую сущность:

«Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни великой, вохровской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу вохровской власти и пошла в саботажники. Она понесла за это заслуженную кару, была разбита и рассеяна органами вохровской власти… Впоследствии большинство уцелевших из них завербовалась врагами нашей страны в шпионы, вредители».

Широко известно, что в современной науке, особенно в физике, осуществлено весьма эффективное разделение труда между теоретиками и экспериментаторами. В одной из величайших наук, науке о вредителях, шпионах, ворах и прочих «врагах народа», великий семинарист чрезвычайно эффективно использовал этот метод разделения труда. Вождь осуществлял функции теоретика, а тайная полиция и все другие виды вохровской полиции – функции экспериментаторов. Богатейшая экспериментальная база состояла из многих тюрем, лагерей, карцеров, орудий пыток, изготовленных по последнему

i Виссарионов «Об ильчевизме», стр. 601-611, доклад Виссарионова на XVIII съезде.

слову науки и техники и обслуживаемых миллионами тюремщиков, следователей, палачей, шпионов, провокаторов и прочими палаческие дел докторами, кандидатами наук и просто научными сотрудниками. Главным теоретиком означенной величайшей науки был божественный, любимый и обожаемый народом великий Виссарионов. Его орудием труда, как и у Эйнштейна, было вечное перо.

«Теоретик» и «экспериментаторы» взаимно обогащали друг друга. Если мудрый Виссарионов гениально предсказал, что лейбисты и «правые» скатятся в болото контр-революции, шпионажа, диверсии и будут оптом и в розницу продавать мать-родину, то «экспериментаторы», используя свои «орудия труда», обнаружили, что лейбистам и «правым» вовсе нет необходимости скатываться в болото контрреволюции и шпионажа, поскольку мировые вожди вохризма Лейбов, Радомыслов, Розенполев, Книгарин, Шкаликов и многие другие занимались этим с первых дней великой вохровской революции.

Многочисленные клакеры, подручные и другие верноподданные ученики великого семинариста добросовестно изучали его «теоретические» труды и в вознаграждение за свою добросовестность вскрыли многочисленные акты вредительства, шпионажа и диверсий во всех областях народного хозяйства и государственного аппарата. Они умно и мужественно рассказывали об этом на XVII и XVIII съездах вохровской партии. Ниже приводятся эти рассказы.

Шаболвзяев откровенно признает[i]: «Кулак опять пытался на базе уже вохрозов и колхозов дать нам бой. А мы этого дела не поняли. Потребовался ряд мер ЦК, присылка группы членов ЦК во главе с Лазаревичем, чтобы помочь нам выправить положение… Несомненно, что в ряде районов оказалось подорванным тягло, засорены поля – это прямой ущерб».

Народный комиссар вохрозов Юркович честно рассказывает[ii]: «Особенно скверно у нас обстоят с семенами трав, которые в некоторых местах вредительски уничтожены. Будут исправлены ошибки и подчас вредительские действия. Необходимо использование плодороднейших земель Малоскифии, Центральной черноземной области и Северного Кавказа, занятых сейчас животноводством».

Мужественный Зутак, впоследствии уничтоженный великим семинаристом, смело разоблачает оппозиционеров[iii] «Со ступеньки на ступеньку эта «внутрипартийная оппозиция» через группу Храброва, Эйсгора, Теорина-Гинзгора, в конечном счете, скатывается в лагерь махровых контрреволюционеров и вредителей, состоящих на службе иностранных капиталистов».

Тот же Зутак со свойственной ему смелостью рассказывает о вредительстве в области... обмера ног населению[iv]: «Был один случай, когда пытались установить наиболее потребные рынку сорта обуви. Но это превратили в прямое издевательство. Они издали циркуляр о том, чтобы в каждой области, в рабочих районах, в школах провести массовый обмер ног у населения, подробно установить пол, национальность, место жительства и рождения обладателей ног и таким образом устанавливали среднюю потребность обуви в данной области. Мы вынуждены были потребовать прекращения этой «научной» работы…».

Смелый Локонар, также впоследствии уничтоженный семинаристом, бесстрашно разоблачал вредительство в посевных заданиях[v]:

«Перегрузка посевными заданиями без учета необходимости введения правильного севооборота давала понижение урожайности… У нас в Малоскифии в те годы, в сельском хозяйстве сильно проявлялось вредительство…».

Вдохновленные гениальными «теоретическими» работами великого семинариста, особенно, после истребления им значительной части партийной элиты, областные и прочие менее великие вохровские вожди, еще более добросовестно изучив великую виссарионовскую науку о вредительстве, с непревзойденным мужеством продолжали уже на XVIII съезде разоблачать врагов. Мужественный, хитрый

---

i Стенограмма XVII съезда, стр. 148-149.
ii То же, стр. 222-223.
iii Стенограмма XVII съезда, стр. 262.
iv Стенограмма XVII съезда, стр. 274.
v Стенограмма XVII съезда, стр. 407.

Анастасян рассказывает[i]: «Такое положение создалось ввиду того, что Наркомлегпром, когда там сидели вредители, капиталовложения направлял, главным образом, не на наращивание машиностроительной промышленности вообще и прядильной в частности, а на разные «реконструкции», которые или не давали эффекта или давали мало эффекта, поскольку они … «рационализировали», но продукции не прибавляли или прибавляли мало…».

Новый областной вождь не боится констатировать[ii], что партийные и хозяйственные руководители Пийкаспкого треста не извлекли до конца уроков из фактов вредительства в рыбной промышленности.

С безумной отвагой Звезда констатирует укрепление вохровской армии после уничтожения «кучки всякой дряни»»[iii]:

«… Что показала Санхаская операция?

1) …Очищение вохровских организаций от шпионов и вредителей является вернейшим средством их укрепления.

2) Вохровская Армия в результате неустанной работы Виссарионова, Вячеславова, Климова, Лазаревича, покойного Сергодзе, имеет не только многочисленную, но отличную по качеству … военную технику, авиационную, танковую, артиллерийскую, пехотную, инженерную и другую[iv]… Борзописцы за границей пытаются изобразить дело так, что из-за того, что мы с вами уничтожили кучку всякой дряни – Тучахевских, Магарников, Шляпевичей и им подобную сволочь, у нас в вохровской армии нет комсостава[v] …

… И сумеют, если уже нужно будет отдать свою жизнь, сделать это так, чтобы раньше получить десять жизней за 1 жизнь нашего драгоценного человека (Климов с места: 10 мало, надо 20[vi])

… Вы знаете, товарищи, что немало внимания было уделено банзайцами также использованию против нас лейбистско-книгаринского охвостья для шпионской, диверсионной и вредительской работы».

Лазаревич потрясен «гениальной прозорливостью» великого семинариста, с которой он «смело» вскрыл корни «шпионско-диверсионной деятельности»[vii]:

«Нужно было обладать воистину ильичевской гениальной прозорливостью, чтобы подобно Ильичеву, раскрывшему еще в 14 г. до в.в.э. в меньшевиках предателей рабочего класса, в 7-8 г. в.в.э. и в последующих годах в лейбистах, радомысловцах, книгаринцах вскрыть предателей и врагов рабочего класса. На XV и XVI съездах глубоким теоретическим соображением, великой любовью к трудящимся были проникнуты доклады нашего вождя – Виссарионова (все встают, бурная овация и т.д.).

Период между XVII и XVIII съездом является самым серьезным и самым решающим. Процессы вредителей, шпионов и диверсантов из лейбистко-радомысловского-книгаринского отребья – подонков нашего общества, показали, что именно в эти 5 лет мировая буржуазия и ее агенты со всей свойственной буржуазии вероломностью взяли ставку на взрыв вохровского государства изнутри. (!)

Мы должны здесь сказать, что наше государство, само существование его подверглось бы великой опасности, если бы виссарионовский ЦК не вскрыл корни шпионско-диверсионной враждебной деятельности и со всей вохровской решительностью не очистил бы нашу партию и всю страну от этой погани, если бы именно в это время великая сила виссарионовского руководства партии и ее ЦК… (бурные аплодисменты).

---

i Стенограмма XVIII съезда, стр. 214.
ii Стенограмма XVIII съезда, стр. 230.
iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 232-234.
iv Похвальба отважного Звезды «подтвердилась» в 25 г. в.в.э., когда началась война с гуннами и почти все вохровские саманты были уничтожены и иногда вохровские солдаты шли с палками против автоматов (прим. автора).
v Уничтожение значительной части опытного комсостава «блестяще» сказалось в бесславной войне с крошечной Суомией (прим. автора).
vi По расчетам «прозорливого» вохровского полководца Климова, враги-гунны должны были потерять убитыми 140 миллионов, поскольку потери вохров от военных действий составили 7 мил. (прим. автора).
vii Стенограмма XVIII съезда, стр. 240-242.

ЦК с честью отстоял завоевания социализма… потому что указывал, расчищал и освещал путь со всеми его извилинами и трудностями, прокладывал новые пути в теории и практике наш великий кормчий – Виссарионов» (все встают и т.д.).[i]

Бдительный Лазаревич требует не разоружаться[ii]: «Даже после злодейского убийства Кострика и после письма ЦК, предупреждающего против потери бдительности, эта потеря бдительности продолжается. Теперь, когда мы вступили в полосу перехода от социализма к высшей фазе коммунизма, нам нужно сильное вохровское государство… Отчет ЦК показал нам, что мы можем быть уверены за наше государство – оно находится в надежных виссарионовских руках».

Областной вождь Михайловской области Гладиаторов оптимистически считает, что осиные гнезда «врагов народа» разгромлены[iii]: «Нам нужно быстро ликвидировать последствия враждебной контрреволюционной вредительской работы в сельском хозяйстве… Под руководством ЦК михайловские вохры разгромили осиные гнезда врагов народа».[iv]

Зоркий вохровский вождь Булгарин, будущий председатель Совета Министров и... будущий член антипартийной группы обнаружил вредительство даже… в сберкассах[v]: «Вредители лейбисты, книгаринцы – эти подлые слуги капитализма… пытались оклеветать нашу вохровскую денежную систему: они говорили, что деньги у нас якобы не представляют никакой ценности. Они протаскивали целый ряд вредительских «теорий» – так называемую теорию золотого запаса… Враги народа предлагали прямой продуктообмен. Вохровские деньги являются самой прочной и устойчивой валютой в мире. Этим мы обязаны нашему Виссарионову. … По данным бюджетного обследования, из общей суммы денежного дохода 1 колхозного двора в 1800 вохриков[vi], в сберкассу в течении всего 21 г. в.в.э. вложено всего 15,6 вохриков. При резком и бурном росте материального благосостояния трудящихся города и деревни(!!)[vii] эти изверги, враги народа сокращали количество сберкасс. Известны циничные признания врагов народа на процессе о вредительском сокращении сети сберкасс[viii]».

Будущий великий вохровский вождь Алексеев разоблачает своего предшественника Любова[ix]: «Невыполнение плана второй пятилетки – это результат вредительства, которое осуществляли всякие Любовы… Вредители запутывали всякое проектирование, создавали диспропорции между прядением и ткачеством, стремились разрушать оборудование, не ремонтируя его, расходовали отпущенные средства … так чтобы это не давало дополнительной продукции».

Фуражечников смело клеймит военных вредителей[x]: «Несмотря на подлость предателей, измену, вредительство лейбистско-книгаринских бандитов, пытавшихся свить свое черное гнездо в армии, им не удалось поколебать мощи вооруженных сил страны. Вохровская армия очистилась от презренных фашистких наймитов».

Вездесущие вредители пакостили даже в деле создания подводного флота, но были бессильны против мудрости и всепроникающей бдительности вождя и задача строительства военно-морского флота была выполнена, о чем смело сообщает Тевосов[xi]: «Враги народа – агенты фашистов: Тучахевский, Ловар и прочая фашистская мерзость старались доказать, что нам не нужен мощный подводный флот, и немало сделали для этого… Задачу мы выполнили потому, что за дело строительство военно-морского флота взялся лично Виссарионов и его верный друг и соратник – Вячеславов… Нет ни одного проекта корабля, нет ни одного орудия, нет ни одного малого или большого вопроса строительства

---

i Стенограмма XVIII съезда, стр. 259.
ii То же, стр. 268.
iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 324.
iv Все же врагов народа громили еще вплоть до смерти Виссарионова, то есть еще 15 лет. (Прим. автора).
v Стенограмма XVIII съезда, стр. 363-366.
vi В старом масштабе цен (прим. автора).
vii В главе пятой автор показал, как «бурно»(!) возрастало материальное благосостояние трудящихся.
viii Надо обладать поистине громадным самообладанием, чтобы под мучительными пытками, которые проводили лучшие вохровские палачи, не потерять способность к «цинизму» (прим. автора).
ix Стенограмма XVIII съезда, стр. 402.
x То же, стр. 79.
xi Стенограмма XVIII съезда, стр. 422-423.

военно-морского флота, который не проходил через руки Виссарионова и по которому мы не получили бы конкретных указаний»[i].

Мужественный Родонин вскрыл вредительство в Ксрукской магнитной аномалии[ii]: «Враги народа старались дискредитировать качество этих руд … враги народа орудовавшие на строительстве Ксрукской магнитной аномалии заложили шахты явно вредительски … Вредительски был организован прорыв плывунов, и шахта была затоплена… После этого враги народа начали развивать «теорию» об особых геологических условиях залегания руд Ксрукской магнитной аномалии… После откачки воды из затопленной шахты и ликвидации аварии с 20 по 22 г. в.в.э. затрачивается около 4 мил. вохриков на так называемую сухую консервацию. Начальник строительства и руководители области в течении 20-21 г. в.в.э. абсолютно не принимали никаких мер для продолжения работ на Ксрукской магнитной аномалии. Затем появляется новая «теория» – мокрой консервации. В 20 г. в.в.э. потратили 1 миллион вохриков, чтобы ликвидировать аварию и откачать воду из шахты, а затем предложили затопить опять…

Гривенниковские агенты делали все, чтобы ликвидировать КМА, как новую металлургическую базу Государства Тмутараканского».

Священников смело разоблачает вредительство в жилстроительстве[iii]: «Причиной срыва выполнения важнейших задач по жилищному строительству является то, что на руководящие посты в кремлевском городском хозяйстве пробрались враги народа, которые нанесли немалый вред жилищному строительству… Презренные выродки, враги народа, пробравшись к руководству кремлевской организации, пытались путем провокаций вызвать недовольство трудящихся Кремлевии… Виссарионов своевременно разглядел вражеские махинации и помог кремлевским парторганизациям очистить свои ряды от грязных изменников и предателей».

Жабан, возглавляющий малоскифскую делегацию, справедливо кипит гневом против убийц – малоскифских националистов[iv]:

«Подлых убийц и предателей – малоскифских националистов всяких этих, любчевых, вхыль, тонзетских, лейбовых, книгариных, всю фашистскую скверну уничтожал и будет уничтожать народ Малоскифии».

Одописец и певец сверхчеловеческих достоинств великого семинариста, будущий лауреат Нобелевской премии Бурнов радуется искоренению врагов в литературе[v]: «Вохровская литература, избавившись от врагов, стала здоровое и крепче».

Ближайший соратник великого семинариста Вячеславов констатирует, что добыча нефти в Головастии очень медленно развивалась из-за вредительства[vi]:

«Первая промышленная нефть появилась в 18 г. в.в.э. Было добыто – 63 тысяч тонн; в 19 г. в.в.э. – 406 тыс.т., 20 г. в.в.э. – 968 тыс.т.; в 21 г. в.в.э. – 957 т.т.; в 22 г. – 1154 т.т.: … Вредители, приложившие к этому делу свои руки, были пойманы с опозданием». Данов – родственник великого семинариста, ставший его ближайшим клевретом, приводит много примеров коварного и подлого вредительства под флагом бдительности[vii]: «Приведу несколько примеров вражеской деятельности под флагом бдительности. Секретарь Иссинского района Бовтамской области некто Болтайкин из парторганизации в 175 чк в короткий срок исключил 58 чк… Как только он исключал кого-нибудь из партии, то сейчас же ставил вопрос о привлечении к партийной ответственности всех вохров, имевших какое-нибудь отношение к исключенному. Например, был исключен Поликарпов, который затем по требованию райкома был арестован. Пробыл под арестом 7 месяцев и из-за недоказанности обвинения был освобожден

i Пусть читатель не удивляется: сверхгениальный семинарист, так же, как и величайший Ильичев и впоследствии – великий Никитов – были выдающимися специалистами во всех областях знания, науки и техники.
ii Стенограмма XVIII съезда, стр. 428-429.
iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 431-434.
iv Стенограмма XVIII съезда, стр. 459.
v То же, стр. 474.
vi Стенограмма XVIII съезда, стр. 495.
vii То же, стр. 520-524, речь Данова.

следственными органами… но за время нахождения Поликарпова под арестом за связь с ним[i] были исключены жена и 7 вохровцев, а также 25 вохросомольцев, а 10 беспартийных были сняты с работы.

Болтайкин был, в конце концов, разоблачен и, как враг народа арестован…

В Ангельской области был разоблачен злостный клеветник Залучный, который написал 142 заявления на вохров и ни одно из них не было подтверждено. В Ильичевграде в течение долгого времени орудовала антипартийная группа Номазурской… писала заявления на честных вохров и добивалась избиения(!) честных людей. Этой группой были оклеветаны несколько десятков честных людей.

Шероховатых, бывший секретарь райкома Ангельской области давал задания каждому вохру найти врага народа. В Родниковском районе Аттикинской области было организованно исключение 156 вохров – 64% всей организации врагом народа Глиновским …

Враг народа Локонцев в своих показаниях говорит следующее: «Мы стремились исключать возможно большее количество людей из партии… Исключали и тех, кого не было за что исключать. Расчет был один – увеличить количество озлобленных людей и тем самим увеличить число наших союзников». Вот что показал другой враг народа, обманным образом пробравшийся в один из обкомов Малоскифии: «В течении 5-6 дней я разогнал аппарат обкома, снял почти всех заведующих отделами, разогнал 12-15 инструкторов. Все это делал под флагом борьбы с врагами и расчистки обкома от потерявших бдительность людей. После «расчистки» аппарата обкома, под тем же флагом я приступил к разгону горкомов и райкомов. За короткое время снял с работы 15 секретарей и целый ряд работников, на которых никаких компрометирующих материалов не имел. Я создавал видимость борьбы с врагами… Кроме того, я снял с работы и ряд участников нашей контрреволюционной организации, переведя их на меньшую работу и спасая от провала».

Характерно выступление секретаря парткома облзо Фенедова. Членов партии он разбивает на 3 группы: «Первая … если сильно активничает, значит его проверить нужно, наверняка, дорожка ведет к врагу. Вторая – если у него есть «багаж», тяжелая гиря, то ясно, он будет отставать, гиря ему мешает, учесть тоже надо, проверить, и дорога, видимо, тоже ведет к врагу… и третья – когда найдем человека, который работает не за совесть, а за страх, то, наверняка, не прогадаешь – враг…».

(громкий смех).[ii]

Алешов – заведующий райпарткабинетом в Белоярском крае. Работал он плохо. Все свое время он отдавал писанине клеветнических заявлений. Здесь «дел» у него было много. Он завел себе список со специальными графами: «большой враг», «малый враг», «враженок». … Страховщиков и перестраховщиков у нас в парторганизации еще немало.

Особенно большие размеры принял в свое время, да и сейчас еще имеет место исключение из партии по мотивам «связи» с врагами. На этом основании было огульно исключено из партии немало честных работников, вся вина которых заключалась в том, что им приходилось по условиям работы встречаться и видеться с врагами народа, – «проходить по одной улице». Это ходкая формула – «связь с врагом народа», широко использовалась антипартийными элементами для избиения честных вохров. Эта формула употреблялась в таком широком и расплывчатом толковании, когда под нее подводили самые разнообразные вещи – и обычные знакомства и совместная по обязанности работа с врагами и участие в контр-революционной работе, все тонуло за общей формулой. На основании этого было допущено, да и сейчас еще допускается, большое количество ошибок. При таком огульном осуждении людей по формальным поводам настоящие матерые враги народа, первостатейные жулики ускользали от кары правосудия.

Клеветники орудуют там, где им помогают перестраховщики. На одной из шахт

i Хитрый подручный семинариста, выполнявший самые преступные его поручения, как и ушлые чиновники из вохровской прессы, щеголяет своей «правдивостью» и приводит эти примеры, как исключения, в действительности это было правилом, а освобождение арестованных было редким исключением (прим. автора).

ii Слушая путанные объяснения ближайшего клеврета и родственника семинариста о технологическом процессе уничтожения миллионов людей, хлопальщики-клакеры смеялись (прим. автора).

«Яковлеуголь», заведующий шахтой и главный инженер написали такую характеристику начальника участка: «Работать умеет. Пьянствует систематически. Способен пьянствовать и с подчиненными. Последнее время программу выполняет. Организационные способности имеет. Работу участка обеспечивает. Не любит размаха работ. Большой консерватор и оппортунист в вопросе добычи. Стремится получить поменьше задание, полегче работу и побольше зарабатывать». (смех).

Некоторые для перестраховки прибегали к лечебным заведениям. Например, вот справка: «Товарищ (имярек) по состоянию своего здоровья и сознания не может быть использован никакими классовыми врагами для своих целей». (Райздрав, Вохровский район Веика).

Довольно широко укоренилась теория своеобразного «биологического» подхода к людям, к членам партии… Когда недостаточная идеологическая выдержанность и социальная направленность какой-нибудь прабабушки может испортить карьеру потомков на целый ряд поколений.

Виссарионов подчеркивал, что сын за отца не ответчик.(!!!)[i]

… Немало развелось у нас людей, я бы их назвал псевдоморалистами, видевших у членов партии только отрицательные стороны.

Мне кажется, что все это рецидив меньшевизма(!)… А если раскрыть этих псевдоморалистов, то ханжей и лицемеров среди них не оберешься… С практикой половинчатой реабилитации необходимо покончить… Из этих фактов видно, что решения январского пленума ЦК, указавшего на необходимость разоблачить и до конца истребить замаскированных врагов, пробравшихся в наши ряды и старающихся фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность от партии. в ряде организаций, еще недостаточно решительно проводятся.[ii]

…Огульные безосновательные исключения из партии все еще имеют место».

«Пожалев» несправедливо репрессированных вохровцев, Данов тут же доказывает, что истребление «вредителей» в огромной степени... содействовало улучшению работы народного хозяйства![iii] Он приводит «факты»: «Если несколько лет тому назад … вредители прямо душили молодые кадры… то, избавившись от вредителей, удалось расчистить дорогу для выдвижения выросших за последнее время кадров…

Лейбистско-книгаринские бандиты, стоявшие одно время у руководства Костриковским заводом в Ильичевграде, нанесли заводу большой вред, довели его до такого состояния, что в середине 21 г. в.в.э. завод по многим позициям выполнил план едва на 45-50%. Парторганизация завода смело раскорчевала враждебные элементы на заводе. Вот другой пример: Которстльский резинокомбинат 7 лет не выполнял производственный план. Плохую работу резинокомбината, к руководству которого одно время пробрались враги народа, чувствовала вся страна. ЦК помог вохрам резинокомбината разгромить и разоблачить врагов народа … и программа IV квартала 22 г. в.в.э. была выполнена на 100%, в январе 23 г. в.в.э – на 106% и в феврале – на 108%. (!!)[iv]

Таких примеров, как с Костриковским заводом и Которостльским резинокомбинатом, можно приводить десятки и сотни: завод «Калибр» и первый часовой завод в Кремлевии, целый ряд авиазаводов; ряд металлургических заводов, хаковский завод «Свет шахтера», завод «Новое Морсово» в Новоградской области и многие другие…

Виссарионов предложил установить на оборонных заводах институт парторгов ЦК… На оборонных заводах создался новый тип работников, которые сочетают партработу с умением проверить тот

---

i Чудовищная смесь лицемерия и цинизма! Данов, ближайший соратник и свояк Виссарионова, конечно знал, что великий диктатор был автором сверхпалаческого закона, согласно которому все ближайшие родственники сбежавшего за границу (что считалось «изменой родине») арестовывались и препровождались в концлагерь или ссылку. (Прим. автора).

ii Кровожадному виссарионовскому клеврету Данову истребление 10-15 миллионов людей в период 19-23 г. в.в.э. кажется недостаточным (прим. автора).

iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 529-535, речь Данова.

iv Сколь чудодейственна помощь ЦК! (прим. автора).

или иной хозяйственный и технический вопрос(!) Известно, что невежество в технических и хозяйственных вопросах некоторых партработников были на руку вредителям…».

На съезде в качестве «свидетелей обвинения» выступают многие хлопальщики – в ранге областных вождей и помельче. Кослоков из Тюркетана свидетельствует[i]: «Факты и события последних лет в тюркетанских парторганизациях показывают, что многие выходцы из других партий, в свое время обманным путем пролезшие в наши ряды, вели на протяжении лет вредительскую, диверсионную и шпионскую работу».

Хорошавин свидетельствует[ii]: «Можно привести сотни примеров нарушения прав членов партии, например, Пучак, работавший на строительстве Кураховстроя сообщил бывшему начальнику строительства, что главный механик занимается вредительством. Начальник строительства снял Пучака с работы… Впоследствии главный механик совершил поджог шахты(!)… В январе 21 г. в.в.э. член партии Низменов, инструктор Пьянченовского райпарткома, выступил с обвинением бывшего секретаря обкома Сармышова, который впоследствии был разоблачен, как враг народа. Низменов был снят с работы и тут же выселен с квартиры. Более того, враги народа заставили его написать заявление о том, что он, якобы, оклеветал Сармышова. Можно привести сотни других примеров».

Белоусов свидетельствует[iii]:

«В 22 г. в.в.э. в Кремлевских парторганизациях были сняты как не справившиеся с работой 257 секретарей парторганизаций и парторгов… ЦК и т. Виссарионов помимо Кремлевского комитета узнали о перебоях в Кремлевии в торговле овощами, картофелем, а также в заготовке дров для населения на зимний период…

ЦК установил, что это не случайно. Это оказалось делом рук злейших врагов, пробравшихся к руководству парторганизаций, сознательно организовавших срыв снабжения трудящихся столицы. Эти отбросы человечества пытались вызвать недовольство среди населения, озлобить его против вохровской власти. Не удалось им сделать своего грязного, гнусного дела: железными руками враги народа были выкорчеваны с корнем. Для того, чтобы ликвидировать последствия вражеской работы … был временно послан в кремлевскую парторганизацию один из лучших виссарионовцев, прекрасный организатор, наш кремлевец – Никитов…».

Гладиаторов свидетельствует[iv]:

«Подлые враги народа старались оклеветать честных вохров, хотели перебить наши партийные кадры, так, например, в Алекском районе клеветник, бывший член партии Менингрыкин оклеветал 50% парторганизации…».

Степанов из Белоскифии свидетельствует[v]:

«Виссарионов говорил: «В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партработникам, искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а лейбистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото лейбисткого предательства»… Стараясь сохранить в рядах партии ее врагов, лейбисты, буржуазные националисты и другие двурушники использовали чистку для травли и избиения честных работников. Преданных партии людей исключали, якобы, за пассивность. Чтобы замаскировать свою враждебную деятельность в партработе, они всемерно старались притупить бдительность парторганизаций, ориентируя их на избиение честных вохровских кадров, исключая пачками по мотивам пассивности, балласта и малозначительным поступкам по заведомо клеветническим заявлениям. К сожалению, после разоблачения врагов, проникших в ЦК вохровской партии Белоскифии и избивавших партийные кадры, бывшее руководство ЦК вохровской партии Белоскифии прокламировало на словах необходимость чуткого и внимательного отношения к судьбам вохров, а на деле по районам продолжали

i Стенограмма XVIII съезда, стр. 548.
ii Стенограмма XVIII съезда, стр. 552.
iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 556-557.
iv Стенограмма XVIII съезда, стр. 563.
v То же, стр. 568.

разъезжать уполномоченные, творившие антипартийные дела, терроризировавшие местные парторганизации и добивавшиеся исключения вохров пачками из партии. Характерно в этом отношении дело одного «уполномоченного» – Водцева… Не имея никаких материалов, кроме непроверенных газетных статей о «вражеской» работе Черныничском и Рыженском районах, он выехал в эти районы. Никакой проверки он там не производил. Он созвал районные партсобрания и объявил, что руководство в районах является вражеским, добился выражения политического недоверия секретарю райкома, потом приказал арестовать этого секретаря, что и было выполнено… Он составил список вохров, подлежащих исключению, раздал его членам райкома, предложил реализовать исключения. К вечеру этого дня было исключено 17 человек... Затем он отобрал у членов райкома ключи, печать, сдал их в районное отделение Тайной полиции и, опечатав здание райкома, уехал, ликвидировав таким образом районный комитет».

«Когда замаскированные враги народа наметили целью своей вредительской работы вывод оборудования из строя (резинокомбинат), партийные организации путем индивидуальных и групповых бесед и на собраниях так сумели разъяснить рабочим комбината вражескую деятельность и насторожить весь рабочий коллектив, что вражеская деятельность была парализована и оборудование было сохранено.(!) Враги народа прививали хозяйственникам комбината чуждые вохрам нравы – распущенность и безответственность… Вохры Которостльской области при помощи ЦК разгромили гнезда книгаринско-лейбистких агентов фашизма, очистив свои ряды».

Харитонов из Новокучумской области разоблачает тесное сотрудничество лейбистов и книгаринцев с банзайско-гуннскими шпионами[i]:

«Враги народа, презренные изменники родины, лейбистко-книгаринские бандиты в тесном сотрудничестве с банзайско-гуннскими шпионами и диверсантами орудовали в Ковальбассе, всеми мерами старались сорвать строительство Ковальбасса. Они хотели реставрировать капитализм, хотели отдать Кучумию на откуп банзайским империалистам. Вохры Новокучумской области при повседневном руководстве ЦК и лично Виссарионова разгромили вражеские гнезда предателей родины, наймитов иностранных капиталистов, агентов нацисткой разведки».

Печенюк из Малоскифии свидетельствует[ii]:

«Вражеское руководство… в веикской парторганизации добилось того, что в Веике в 21 г. в.в.э. было исключено без всяких к тому оснований из рядов нашей вохровской партии значительное количество членов партии. В Черноцерковской районной организации, секретарем которой был враг народа, за 21 г. в.в.э. было исключено около 22% парторганизации. В Ильичевском районном комитете вохровской партии Веика создавались специальные комиссии по сбору компрометирующих материалов на членов партии. Этими комиссиями были собраны 1014 клеветнических заявлений. В результате врагам народа удалось исключить 18% всей парторганизации. В Николаевском районе Веика были поданы компрометирующие заявления на 63% парторганизации, а в парторганизации малоскифской Академии Наук, в которой состоит на учете 130 вохров, было подано клеветнических заявлений на 111 чк.. Вохровцы Веикщины, возглавляемые ближайшим соратником Никитовым, под руководством ЦК и лично Виссарионова разгромили основные змеиные гнезда лейбистов, книгаринцев, буржуазных националистов, этих черных изменников нашей родины, агентов гуннско-мазурского нацизма...

Некая Смертевская, учительница 142-й школы Веика, направляла клеветнические заявления и телеграммы во все центральные учреждения Малоскифии и Великоскифии… Она не только клеветала, но путем запугивания вымогала деньги и путевки на курорт… Обо всех, кто отказывал ей в так называемой помощи, она писала клеветнические заявления, называя их врагами народа».

Юдлашев из Сартстана разоблачает клеветников[iii]: «Могу привести несколько примеров из жизни парторганизаций Сартстана… Одна контрреволюционная организация поставила своей целью опорочить все руководящие кадры парторганизации Сартстана. Некий Жодхаев, ныне разоблаченный, подал клеветнические заявления на 27 ответственных работников Сартстана… Хуже всего то, что некоторые

i Стенограмма XVIII съезда, стр. 588.
ii Стенограмма XVIII съезда, стр. 595, 596.
iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 609.

отдельные партийные ответственные работники поддавались на эти ложные клеветнические заявления, на эту провокацию, заражались «гробокопательством» и «биологическим подходом» к людям, перестраховывались».

Лентюков из Вохровской Армии возмущенно разоблачает одного из видных военных деятелей[i]: «Магарникская шпионская банда изменнически пыталась нанести удар путем разгрома наших кадров … Но этот дьявольский замысел был во время раскрыт ЦК. Враги были разоблачены и уничтожены».

Махенко из Малоскифии свидетельствует, как враги народа пытались оторвать вохросомол от вохровской партии[ii]:

«Известно, что ублюдки человеческого общества, подлые изменники, враги народа и партии немало приложили усилий к тому, чтобы засорить вохросомольские организации Малоскифии и сохранить в них свои шпионские, террористические, враждебные партии и вохросомолу кадры. Враги народа пытались оторвать наш ильичевский вохросомол от великой партии Ильичева-Виссарионова. При помощи ЦК и верного виссарионовца Никитова вохросомольские организации разгромили и изгнали из руководства предателей, изменников социалистической родины».

В отличие от остальных «правдивых» вохровских свидетелей, Макаренко утверждает, что наряду с врагами народа развитию транспорта мешали также бюрократизм и разгильдяйство[iii]: «… Однако заклятые враги лейбистско-книгаринско-радомысловские шпионы мешали выводить транспорт на широкую дорогу, мешали также разгильдяйство, недисциплинированность, бюрократизм, имевшие место в нашей среде… Теперь мы можем заявить, что железнодорожный транспорт стал передовой отраслью народного хозяйства».

Пленум ЦК от 23-VII 21 г. в.в.э. отмечает вредительство в семеноводстве[iv]: «Совет Народных Комиссаров Государства Тмутараканского устанавливает, что в результате неудовлетворительной работы земельных органов и, в особенности, Главного земельного управления было сорвано выполнение поставленной вторым пятилетним планом задачи по доведению сортовых посевов до 75% всей посевной площади(!)[v] Ряд хороших сортов, как селекционных, так и крестьянских, не только не размножались в необходимых размерах, но даже выводились в тираж… Сама оценка сортов была организована так, что давала возможность врагам государства[vi] – всякого рода вредителям скрывать от колхозов и вохрозов ряд ценных сортов, как отечественного, так и иностранного происхождения и, наоборот, внедрять сорта плохие. Имевшиеся ресурсы сортового зерна в результате отказа от его апробации в ряде случаев шли на перемол.

На складах и элеваторах … семена различных сортов зачастую смешивались».

В открытых вохровских документах мало отражен поголовный «шпионаж» функционеров вохровских зарубежных партий, проживавших в Государстве Тмутараканском, хотя подавляющее большинство этих зарубежных вохровских функционеров были арестованы и направлены в систему лагерного перевоспитания. В постановлении пленума ЦК от 21-25 XII 19 г. в.в.э. в разделе «Итоги проверки партдокументов» отмечается[vii]: «Только отсутствием большой бдительности можно объяснить многочисленные факты нарушения Устава партии при приеме новых членов. Прием в партию, в том числе и выходцев из других партий, иностранных подданных и членов братских вохровских партий, во многих случаях происходит без индивидуального рассмотрения, без утверждения в райкомах и в важных случаях в ЦК… Такими нарушениями … создавали условия для засоренности, и в вохровскую тмутараканскую партию удалость проникнуть явным врагам партии, в том числе, даже шпионам иностран-

i Стенограмма XVIII съезда, стр. 611.
ii Стенограмма XVIII съезда, стр. 625.
iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 637.
iv «Резолюции и решения 9-37 г..в.в.э». изд. VII, 37 г. в.в.э., стр. 837–838.
v И через 30 лет в условиях уродливого вохровского экономического механизма эта задача оказалась нова (прим. автора).
vi Сравнительно редкая терминология.
vii «Резолюции и решения 9-37 г. в.в.э.», изд. VII, стр. 823-825.

ных разведок, которые пролезли под видом политических эмигрантов и членов братских вохровских партий…

... Во многих парторганизациях укрепилась преступно-упрощенческая практика выдачи партдокументов … взамен утерянных и похищенных … Многим авантюристам, жуликам, двурушникам и другим контрреволюционным элементам легко удавалось получать партдокументы по предъявлению подложного документа, а часто и просто по вырезке из газеты об утере партийного билета… При отсутствии должного внимания к подбору технических работников, врагам партии удалось проникнуть даже в партийный аппарат некоторых райкомов, где они, пользуясь бесконтрольным положением и пренебрежением со стороны руководящих партработников к технической партийной работе, выдавали партийные документы или продавали их своим соучастникам по подрывной работе против дела партии».

В дополнение к обширному докладу виссарионовского клеврета Данова о «вредительстве» под видом бдительности представляет интерес Постановление январского Пленума ЦК 22 г. в.в.э. «Об ошибках при исключении и о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из всетмутараканской вохровской партии»[i]. В этом постановлении, по установившейся традиции, свирепые великие вохровские вожди перекладывают вину за бесчеловечную расправу с функционерами своей же вохровской партии на местных работников, мифических «врагов народа» и столь же мифических «врагов партии». Хотя широко известно, что в период жесточайшей чистки, в 22 г. в.в.э., подавляющее большинство исключенных из партии арестовывались и направлялись в систему лагерного перевоспитания, «отцы» партии лицемерно «заботятся» о том, чтобы исключенных из партии не увольняли с работы. Ниже приводится это постановление:

«ЦК в своем решении от 5/III.21 г.в.в.э. по докладу Виссарионова «О недостатках партработы и о мерах по ликвидации лейбистских и иных двурушников» указывал: «В результате бездушного отношения к людям, членам партии и партработникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии. Понятно, что лейбистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото лейбистского вредительства. В ряде районных партийных организаций был допущен совершенно не допустимый произвол по отношению к исключенным из партии. Исключенных из партии за сокрытие социального происхождения и за пассивность, а не по мотивам их враждебной деятельности против партии и вохровской власти автоматически снимали с работы, лишали квартир и т.п. Известно немало фактов, когда парторганизации без всякой проверки … исключают вохров из партии, лишают их работы, нередко объявляют без всяких к тому оснований врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии, так например, ЦК вохровской партии Тыркстана на одном заседании 5/XI 21 г. в.в.э. механически подверг исключению 279 человек, Виссарионовский обком, 26/XI – 69чк, Новокучумский обком, 28/XI – 72чк. В Сергодзевской организации контрольная партийная комиссия отменила, как неправильные, исключения 101 из 160, подавших апелляции, на Новокучумском отменены 51 из 80, по Вотсару – 43 из 66, по Виссарионово – 58 из 103, по Вотарасу – 80 из 134, по Ксруку – 56 из 92, по Водице – 164 из 337 и т.д.

Во многих районах Хаковской области под видом «бдительности» имеют место факты незаконного увольнения с работы и отказы в предоставлении работы исключенным из партии и беспартийным рабочим. Во многих районах Валериановской области исключено из партии большое количество вохров с мотивировкой, что они являются врагами народа. Между тем органы тайной полиции не находят никаких оснований для ареста этих исключенных(!) Пленум ЦК считает, что все это имеет распространение прежде всего потому, что среди вохров существуют отдельные вохры-карьеристы(!!!), старающиеся выдвинуться на исключениях, на репрессиях, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии.

Парторганизации и их руководители вместо того, чтобы сорвать маску фальшивой бдительности с таких «вохров» и вывести их на чистую воду сами нередко создают им ореол бдительных борцов за чистоту партии… Известно далее много фактов, когда замаскированные враги народа, вредители-дву-

i «Резолюции и решения 9-37 г. в.в.э.», изд. VII, стр. 850-858.

рушники в провокационных целях организуют подачу клеветнических заявлений… и под видом «развертывании бдительности» добиваются исключения из вохровской партии честных вохров.

Заведующий отделом Ветсорского обкома, враг народа Палкина, провела исключение 30 вохров.

Бывший секретарь Веикского обкома, враг народа Лаконцев принудил подать компрометирующие заявления почти на 50% всей городской парторганизации.

Разоблаченное ныне вражеское руководство Баррикадного райкома Виссарионовграда добилось ареста члена партии с 1 г. в.в.э – бывшего красного партизана... …Пора всем парторганизациям разоблачить и до конца истребить замаскированных врагов и их руководителей[i]. Чем объяснить, что наши парторганизации и их руководители до сих пор не разоблачили карьеристов-вохров»?.. Объясняется это преступно-легкомысленным отношением к судьбе членов партии.

Обкомы, крайкомы ЦК национальных вохровских партий и их руководители не только не исправляют антипартийную, чужую вохрам антипартийную практику в деле исключения из партии, но часто сами своим неправильным руководством насаждают формально-бюрократическое отношение к членам партии и тем создают благоприятную обстановку для карьеристов-вохров и … врагов партии…

Не было ни одного случая, чтобы обкомы, крайкомы, ЦК национальных вохровских партий разобрались в деле, осудили практику огульного валового подхода к членам партии, привлекли к ответственности руководителей местных партийных организаций за необоснованное и неправильное исключение вохра из партии… Обкомы, крайкомы, ЦК национальных вохровских партий сами поощряют практику массового, огульного исключения из партии тем, что оставляют безнаказанными тех руководителей, которые допускают произвол в отношении вохров. … Запретить неправильную, вредную практику, когда исключенных из вохровской партии немедленно снимают с занимаемой ими должности… … Обязать обкомы, крайкомы, ЦК национальных вохровских партий не позже, чем к 15/II.22 г. в.в.э. обеспечить через вохровские и хозяйственные организации поступление исключенных из партии на работу и впредь не допускать, чтобы исключенные оставались без работы».

Вохровские владыки сваливают вину за истребление вохровских партийных кадров то на вредителей врагов партии, то, вконец запутавшись – на всю бюрократическую партийную иерархию: секретарей обкомов, горкомов, райкомов и их бюрократические аппараты. Характерно, что вохровские владыки сваливают вину только за истребление вохровских партийных кадров – сотен тысяч вохровцев. Об истреблении многих миллионов рабочих и крестьян просто не упоминается! Стоит ли толковать о каких-то беспартийных рабочих и крестьянах...

При «разоблачении» «культа личности», не считая беззубого закрытого доклада великого Никитова (который до сих пор не опубликован в Государстве Тмутараканском, хотя текст его опубликован в прессе стран загнивающего капитализма) в 40 г. в.в.э., по сути дела никто из высших руководителей, кроме Беридзе и в очень незначительной части Виссарионова, не был разоблачен.

На XX съезде в 40 г. в.в.э. великий Никитов только вскользь упоминает о беззакониях, по существу, не показав, кто же творил эти беззакония. Более того, создается впечатление, что эти «беззакония» творил один Беридзе, а большинство функционеров Тайной полиции состоит «из честных, преданных нашему общему делу работников».

Великий Никитов «смело режет правду-матку[ii]:

«Большое внимание ЦК уделял и уделяет социалистической законности… Малейшее ослабление социалистической законности враги вохровской власти, вохровского государства пытаются использовать для своей подлой подрывной работы. Так… разоблачена банда Беридзе, которая пыталась создать в органах Тайной полиции обстановку произвола и беззакония. В враждебные целях эта шайка фабриковала лживые обвинительные материалы на честных руководящих работников и рядовых вохровских граждан[iii]. ЦК проверил так называемое «ильичевградское дело» и установил, что оно было сфабри-

i Это и есть главное в данном постановлении. Ненасытные вохровские владыки, истребившие за 3 года после провокационного убийства Кострика миллионы людей, требуют еще крови (прим. автора).

ii Стенограмма XX съезда, 40 г. в.в.э., ч.I, стр. 94,95.

iii Сам великий Никитов свидетельствует, что густой туман, который наводили Данов, Постановление ЦК в 22 г. в.в.э. и

ковано Беридзе и его подручными для того, чтобы ослабить ильичевградскую организацию, ослабить ее кадры… По предложению ЦК, невинно осужденные люди были реабилитированы. Установлен надлежащий контроль над Тайной полицией. Полностью восстановлен в своих правах прокурорский надзор[i]… Следует сказать, что в связи с пересмотром и отменой ряда дел, у некоторых товарищей стало проявляться известное недоверие к работе органов Тайной полиции. Это, конечно, вредно и неправильно. Большинство наших функционеров Тайной полиции состоит их честных, преданных нашему общему делу работников, и мы доверяем этим кадрам».

Только через 5 лет на XXII съезде великий Никитов и его подручные слегка приоткрывают завесу над мрачным тридцатилетним кровавым периодом самодержавного царствования великого семинариста и даже пытаются разоблачить некоторые страшные дворцовые тайны, вроде провокационного убийства Кострика. Пришлось признать, что жесточайший террор и чудовищные репрессии не являлись следствием «ошибок» областных, городских и районных вохровских руководителей, а этим планомерно руководили Политбюро и хлопальщики-клакеры на XVI, XVII, XVIII и XIX съездах, в числе которых находились и великий Никитов, и Анастасян, и Алексеев, и бóльшая часть современной высшей вохровской партийной элиты.

Выступает свидетелем президент Надгорный[ii]:

«Нельзя не рассказать о провокационной деятельности Лазаревича в Малоскифии. Став в 31 г. в.в.э. секретарем ЦК вохровской партии Малоскифии, он окружил себя сворой беспринципных людей и подхалимов, избивал преданные партийные кадры, травил и терроризировал руководящих работников республики. Как настоящий садист, Лазаревич находил удовлетворение в издевательстве над активистами, над интеллигенцией, унижал их человеческое достоинство, грозил арестами и тюрьмами. Многие партийные, вохровские и творческие работники до сих пор пребывание Лазаревича называют «черными днями» для вохровской Малоскифии. Лазаревич раздувал культ личности Виссарионова, подхалимничал перед ним[iii], использовал его слабые стороны в своих карьеристских целях, создавая одновременно культ своей личности, изображая из себя «вождя» малоскифского народа. С этой целью в печати помещались статьи, восхваляющие его деятельность в Малоскифии в первых годах великой вохровской эры[iv], хотя известно, что тогда за серьезные ошибки он был отозван из Малоскифии. Дело доходило до того, что он требовал, например, от художников в уже написанных картинах, по поводу освобождения Малоскифии от гуннских оккупантов, дорисовывать и свой портрет, хотя к этим событиям он не имел никакого отношения.[v]

Будучи большим мастером интриг и провокаций, не имея буквально никаких оснований, он обвинял в национализме ведущих писателей республики, а также и ряд руководящих работников. По указанию Лазаревича в печати появились разносные статьи против ряда преданных партии и народу писателей… Он стал добиваться созыва Пленума ЦК с повесткой дня «Борьба против национализма, как главной опасности в вохровской партии Малоскифии». Такой опасности не было и в помине. Да и быть не могло, ибо, на наше счастье, ЦК вохровской партии Малоскифии долгие годы возглавлял Т. Никитов.(!) Т. Никитов пользовался огромным авторитетом, и опираясь на нас, всеми мерами срывал провокации Лазаревича[vi] … И если сегодня среди нас находится поэт Мордский … и если продолжают активно бороться за дело партии многие другие деятели малоскифской литературы, то этим они обязаны прежде всего мужеству и несгибаемой воле т. Никитова. В условиях господства культа лич-

многочисленная полицейская вохровская пресса, приводя бесчисленные факты о безвестных клеветниках, – отвлекающее средство. В действительности, этим планомерно и провокационно занималась Тайная полиция. (прим. автора).

i Никитов свидетельствует, что прокурорский надзор был, по существу, ликвидирован (прим. автора).

ii Стенограмма XXII съезда, ч.I, стр. 280-281.

iii А кто же не подхалимничал перед Виссарионовым? (прим. автора).

iv В пылу обличения президент Надгорный проговаривается о том, что самая правдивая, демократическая вохровская печать является простым рупором правящей, вохровской элиты (прим. автора).

v Президент проговорился о рядовом фальсификационном трюке вохровских вождей. Этим трюком широко пользовались и великий семинарист, и великий Никитов, и Климов и, Анастасян, и более мелкие вохровские вожди. Более того, художники должны были их изображать молодыми, красивыми, волевыми и даже увеличивать их рост! (прим. автора).

vi Очередной подхалимаж перед очередным самодержцем (прим. автора).

ности Виссарионова это была по истине героическая борьба, тем более, что в конечном итоге Лазаревич преследовал цель скомпрометировать и расправиться с руководящими кадрами вохровской партии Малоскифии и в первую очередь он нацеливался на компрометацию т. Никитова. Уже после июньского Пленума ЦК[i] стали известны факты, изобличающие Лазаревича … в произволе и необоснованных репрессиях по отношению к честным, преданным партии и вохровской власти работникам… Будучи министром путей сообщения, Лазаревич издевался над своими подчиненными, без всяких оснований арестовывал их, истязал и т.д. Лазаревич нанес партии и народу много вреда. Это – перерожденец. Его действия не совместимы со званием члена великой партии вохров». (бурные аплодисменты)[ii].

Выступает свидетелем областной ильичевградский вождь Спиридов[iii]:

«Каждый член партии как бы прозрел, увидел сковывавшие его путы культа личности, решительно стряхнул их с себя.

Не хотели видеть это лишь участники антипартийной группы. Макенлов, Вячеславов, Лазаревич и Климов. Они несут персональную ответственность за многие массовые репрессии. К так называемому «ильичевградскому делу», от начала до конца надуманному и клеветническому, кроме Беридзе, приложил руку Макенлов. На совести Макенлова лежит гибель ни в чем неповинных людей и многочисленные репрессии. На его совести унижение достоинства и компрометация ильичевградской партийной организации. Макенлов не только участник, но и организатор извращений и беззаконий того периода. Аналогичный груз давил и на Вячеславова, Лазаревича и Климова.

Ильичевградская организация понесла особенно большой урон от извращений периода культа личности, от произвола и беззаконий.

Тысячи[iv](!) честных и преданных партии людей подверглись жестоким репрессиям в период 19-21 г. в.в.э.

А спустя 4 года после окончания войны[v], во время которой погибли многие руководящие работники и когда еще только стали формироваться новые кадры партийных, вохровских и хозяйственных руководителей, вновь были обрушены многочисленные репрессии на безвинных людей. За полную реабилитацию ильичевградской партийной организации … от всей души благодарят … особенно т. Никитова, так много сделавшего для раскрытия провокационного «ильичевградского дела».

Далее расчувствовавшийся Спиридов еще смелей нападает на Виссарионова[vi]: «В течение 4 лет после убийства Кострика в Ильичевграде шла непрерывная волна репрессий… Часто выдвижение на ответственную работу было равносильно шагу на край пропасти. (!) Многие люди были уничтожены без суда и следствия по лживым, наскоро сфабрикованным обвинениям. Репрессиям подвергались не только сами работники, но и их семьи, даже абсолютно безвинные дети, жизнь которых была надломлена(!) в самом начале. Как репрессии 19-21 г. в.в.э., так и репрессии послевоенного времени 33-34 г. в.в.э. были совершенны или по прямым указаниям Виссарионова, или с его ведома и одобрения[vii].

Какой огромный вред нанесло стране это истребление кадров! Вред культа личности далеко не исчерпывается истреблением кадров. С достаточной полнотой был вскрыт большой, нередко непоправимый вред культа личности в различных областях хозяйственной, политической и идеологической жизни. В ходе обсуждения итогов XX съезда на многих партийных и собраниях трудящихся Ильичев-

---

i Имеется в виду июньский Пленум 41 г. в.в.э.

ii Так же, как и ранее на XVII, XVIII и XIX съездах, хлопальщики-клакеры, стоя, бурно аплодировали великому вождю, ближайшему соратнику Виссарионова Лазаревичу, – столь же бурно хлопальщики на XXII съезде аплодировали тому, что Лазаревич – объявлен перерожденцем. (пр. автора).

iii Стенограмма XXII съезда, ч.I, стр. 284-286.

iv «Тысячи» является магической цифрой для вохровских «разоблачителей» они не рискуют назвать фактическую цифру – «миллионы»! (пр. автора).

v Имеется ввиду Вторая мировая война (прим. автора).

vi Стенограмма XXII съезда 45 г. в.в.э., ч. III, стр. 114,115.

vii Спиридов осмелился заявить, что именно великий семинарист был главным организатором системы истребления десятков миллионов людей. Однако непонятно, почему Спиридов упоминает только репрессии в 19-21 и 33-34 г. в.в.э. Репрессии осуществлялись 35 лет с 2 по 37 г. в.в.э., да и после смерти великого семинариста в несколько меньших масштабах. Это можно объяснить либо неведением, либо «скромностью» Спиридова. Вернее последнее (пр. автора).

града уже тогда принимались решения о том, что пребывание тела Виссарионова в мавзолее Ильичева … несовместимо с содеянными Виссарионовым беззакониям».

Член Политбюро Мазуркин свидетельствует[i]:

«… На июньском пленуме 41 г. в.в.э. приводились материалы, свидетельствующие о том, что Вячеславов, Лазаревич и Макенлов лично повинны в массовом избиении кадров партии. Они тогда каялись … признавали свою косвенную вину за преступления, совершенные Сусликовым, Беридзе и их подручными. Тогда еще не все было известно членам ЦК. (!!)[ii] Особенно тяжелы и трагичны плоды деятельности Макенлова в белоскифской организации. В19-20 г. в.в.э. происходила проверка и обмен партийных документов. Макенлов, работавший в аппарате ЦК, использовал эту кампанию для избиения честных вохров и вместе с Сусликовым создал версию о существовании в Белоскифии разветвленного вохровского подполья, которое возглавляли будто бы партийные и вохровские руководители республики. На основании этой версии из вохровской партии Белоскифии… была исключена половина всего состава. В результате деятельности Макенлова… почти весь руководящий состав республики, в том числе секретарь ЦК, председатель СНК, народные комиссары, многие руководители местных партийных и вохровских органов, представители творческой интеллигенции были исключены и многие из них арестованы. Все эти ни в чем неповинные люди сейчас реабилитированы, причем многие посмертно… Теперь еще более становится понятным поведение Макенлова и других фракционеров, всячески стремящихся замести следы своих преступлений перед народом. Вохры Белоскифии считают невозможным дальнейшее пребывание Макенлова в партии».

Выступает свидетелем бывший член Президиума ЦК, длительное время тесно связанная с великим Никитовым Екатеринова[iii]:

«Незадолго до июньского пленума ЦК состоялось заседание президиума ЦК… Обсуждался вопрос о полной реабилитации бывших крупных руководителей нашей армии: Тучахевского, Тыкира, Шляпевича, Власова, Эйдечела, Крока и других. Невиновность их была столь очевидна, что даже Вячеславов, Макенлов и Лазаревич высказались за их реабилитацию, хотя в свое время приложили руки к их трагической гибели. И тогда т. Никитов спросил. Когда же вы были правы? Этот прямой и честный вопрос привел их в замешательство и ярость(!)[iv]…

... Их злодеяния дорого обошлись народу, поэтому говоря о тяжелых последствиях культа личности Виссарионова, нельзя обойти молчанием тех, которые писали свои зловещие резолюции и тем самым решали судьбу честных, преданнейших вохров. Я имею ввиду Лазаревича, на совести которого сотни(!)[v] репрессированных и расстрелянных руководящих работников железнодорожного транспорта, начиная от начальников дорог и кончая начальниками политотделов… Товарищи, все эти резолюции и документы целы…».

Влиятельный республиканский вохровский вождь Пчелитдинов мужественно свидетельствует[vi]: «В некоторых республиках обанкротившиеся люди типа Габирова, пользуясь покровительством Макенлова, Лазаревича и Вячеславова, а порой по их прямому указанию, творили произвол и беззакония. Присутствующие здесь на съезде представители среднеазиатских, закавказских и других республик

---

i Стенограмма XXII съезда, ч.I, стр. 291-292.

ii Какая очаровательная наивность членов ЦК!! (прим. автора).

iii Стенограмма XXII съезда, ч. I, стр. 396-397.

iv Позволительно спросить самого великого Никитова (чего «не догадалась сделать» его друг и соратница Екатеринова): когда же он был прав? Может быть – в 21 г. в.в.э.? Тогда Никитов, униженно подхалимствуя перед великим семинаристом, с энтузиазмом восклицал: «Малоскифский народ с ненавистью относится к буржуазным националистам, ко всем этим подлым шпионам любчевым, вхылям, танзатским и другой нечисти. Эти изверги, отбросы человечества прокляты трудящимися вохровской Малоскифии. Успешным и победным разгромом нацистких агентов – всех этих презренных лейбистов, книгаринцев и прочих, мы обязаны прежде всего лично нашему вождю, нашему великому Виссарионову… Любовь вохров Малоскифии отражает безграничное доверие и любовь к великому Виссарионову всего малоскифского народа…». (Стенограмма XVIII съезда стр. 169-170). Или всё же прав был великий Никитов, когда он мужественно и смело «разоблачал» мертвого великого семинариста на XX и XXII съездах? (прим. автора).

v Какова «скромность» Екатериновой! Она говорит уже даже не о «тысячах», а о «сотнях» жертв (прим. автора).

vi Стенограмма XXII съезда, ч. II, стр. 149.

хорошо помнят, сколько преданных, руководящих работников, представителей интеллигенции было в этих республиках тогда загублено».

Бывший президент страны, а в период XXII съезда – председатель Комитета партийного контроля Тяжник свидетельствует[i]: «Тщательное изучение(!) материалов и обстоятельств нарушения партийных принципов и вохровских законов вновь подтвердили правильность выводов, сделанных на XX съезде, что культ личности Виссарионова и связанные с ним нарушения коллективного руководства и социалистической законности нанесли нам большой урон. С этого пути пыталась сбить антипартийная группа. В ходе работы … по реабилитации необоснованно осужденных вохров мы постоянно сталкивались с тяжелыми последствиями того произвола и беззакония, которые чинили лично Макенлов, Лазаревич, Вячеславов. Выяснилось, что в период раздувания культа личности, они были инициаторами создания обстановки подозрительности и недоверия…

… Как теперь установлено, Макенлов, стремясь занять руководящее положение в партии и государстве, вошел в тесный сговор с Сусликовым, а в дальнейшем с Беридзе, и под видом проявления бдительности они организовали массовую фальсификацию дел на партийных и вохровских работников по обвинению их как врагов народа,[ii] при этом использовались самые подлые приемы, интриги, провокация, ложь…

Проверкой(!), произведенной Комитетом партийного контроля, полностью подтверждается антипартийная преступная деятельность Макенлова по ошельмованию и истреблению партийных кадров Белоскифии. В том же году такими же провокационными методами Макенлов осуществил разгром преданных партии кадров в Арзрумии. По пути следования Макенлова в Навер, он заехал в Ксилибск к Беридзе и договорился с ним о порядке так называемого «расследования», которое должно было подтвердить версию о наличии в Арзрумии широко разветвленной антивохровской организации. В результате этой провокации по личному указанию Макенлова были проведены незаконные аресты почти всего руководства ЦК и СНК Арзрумии. Макенлов лично допрашивал арестованных, применял при этом недозволенные методы.[iii] Такими же зловещими были выезды Макенлова и в ряд областей Великоскифии. Каждый выезд его сопровождался арестом секретарей обкомов партий и большого числа других руководящих работников. Макенлов несет очень серьезную ответственность за грубейшие нарушения Устава партии, революционной законности, допущенные в отношении ильичевградской партийной организации в 33-35 г. в.в.э.

Не меньшие преступления совершил и Лазаревич. Лазаревич, еще в октябре 18 г. в.в.э. находясь в Инскчелябе, чтобы показать себя «сверхбдительным», занимался разоблачением, якобы, враждебной деятельности местных работников. Он вносил провокационное предложение установить в обход закона внесудебное разбирательство в отношении лиц, привлекаемых к ответственности по политическим соображениям. Выезжая в Васильевскую, Которостльскую и другие области, Лазаревич и там допускал грубые извращения партийных норм и вохровских законов. Путем шантажа и провокаций он добивался ареста многих партийных и вохровских работников. Лазаревич обманывал ЦК, сообщал заведомо ложные сведения о наличии на местах антивохровских организаций[iv]…

С приходом Лазаревича на работу наркомом путей сообщения в железнодорожном транспорте начались массовые аресты[v] работников. Он лично возводил необоснованные политические обвинения на невинных людей и добивался их ареста… В своем выступлении на собрании железнодорожного актива 10 марта 21 г. в.в.э. Лазаревич говорил: «Я не могу назвать ни одной дороги, ни одной сети, где не

i То же, ч. II, стр. 213-218.

ii Бывший президент Тяжник, так же, как и великий Никитов, подтвердил, что вохровская басня о роли мелких клеветников в истреблении миллионов людей не соответствует действительности. Эти клеветники «работали» под руководством органов Тайной полиции и аппарата ЦК, что практически равнозначно (прим. автора).

iii Бывший президент из «скромности» называет изощренные, жестокие пытки – «недозволенными методами» (прим. автора).

iv Непонятно: какое «ЦК» обманывал Лазаревич? Ведь ЦК состоял из хлопальщиков-клакеров. Управляли государством и «партией» великий семинарист и его подручные в политбюро – те же Вячеславов, Климов, Макенлов, Лазаревич и другие им подобные вивисекторы. Неужели президент, хотя и бывший, который и сам приложил руку к этому, считает, что они «обманывали» друг друга? Едва ли Тяжник так наивен (прим. автора).

v А в каком подразделении Государства Тмутараканского не осуществлялись массовые аресты? (прим. автора).

было бы лейбистко-банзайского вредительства. И мало того, нет ни одной отрасли железно-дорожного транспорта, где не оказалось бы таких вредителей».

При Лазаревиче аресты работников железнодорожного транспорта проводились по спискам. Без всякого основания были арестованы его заместители, почти все начальники дорог, начальники политотделов и другие руководящие работники транспорта. В настоящее время они реабилитированы. Многие посмертно. В распоряжении комиссии партийного контроля имеется 32 личных письма Лазаревича в Тайную полицию с требованием ареста 83 руководящих работников транспорта.

В письме его от 10 августа 21 г. в.в.э. Лазаревич требовал арестовать 10 ответственных работников народного комиссариата путей сообщения только по той причине, что ему их поведение показалось подозрительным. Они были зачислены в шпионы и вредители[i]. Судьба их была такой же трагической, как и многих других.

Такие действия Лазаревича не были единичным явлением. Это была его система, по который он действовал и на железнодорожном транспорте, и в бытность народным комиссаром тяжелой промышленности, и при выездах в областные организации.[ii]

Особо большая вина лежит на Вячеславове, который являясь в течение долгого времени председателем Совета Народных Комиссаров, грубейшим образом попирал вохровские законы.

… В 21 г. в.в.э. Вячеславов «теоретически» обосновал необходимость усиления борьбы с так называемыми «врагами народа» и лично участвовал в осуществлении массовых репрессий. На февральско-мартовском Пленуме 21 г. в.в.э. Вячеславов говорил: «Особая опасность теперешних диверсионно-вредительских организаций заключается в том, что эти вредители, диверсанты и шпионы прикидываются вохрами, горячими сторонниками вохровской власти». Документы показывают, что именно при Вячеславове был заведен такой противозаконный метод, как осуждение людей по спискам. Среди тех, кто был репрессирован с санкции Вячеславова, много старых вохров, видных руководящих работников, известных деятелей науки и культуры. Теперь они полностью реабилитированы.

В 21 г. в.в.э. к Вячеславову обратился один из профессоров, работающий в наркомате иностранных дел. Он писал Вячеславову о том, что его отец арестован, очевидно, по недоразумению. Вячеславов написал резолюцию: «Сусликову. Разве этот проф. все еще в НКИД, а не в тайной полиции?» После этого автор письма был незаконно арестован».

Областной вождь Кириллов свидетельствует[iii]: «…Массовым репрессиям были также подвергнуты многие партийные, хозяйственные и вохровские работники Яковлевской области. Почти полностью были выведены из строя два состава обкома партии, все секретари райкомов, и горкомов, руководители предприятий и высших учебных заведений.[iv] Особенно много пострадало кадров на Яковлевской железной дороге…».

Недалекая Мазурова, старый член вохровской партии (с 15 г. до в.в.э.) наивно свидетельствует[v]: «С молодых лет я начала работу у Ильичева… и вот в 21 г. в.в.э. меня постигла участь многих. Я была на руководящей работе в Ильичевградском обкоме…. Ни на одну минуту – и когда я сидела 2,5 года в тюрьме (я много раз в царское время сидела в тюрьмах и была в ссылках) и когда меня отправили в лагерь, а после этого в ссылку (пробыла там 17 лет) – я ни разу не обвиняла тогда Виссарионова.

Я всегда дралась за Виссарионова, которого ругали заключенные и лагерники (!!)[vi] … И когда я сейчас на XXII съезде слушаю о раскрытых (!!) злодеяниях и преступлениях… о которых Виссарио-

---

i Как свидетельствует Печенюк, Беридзе направлял великому семинаристу много списков, намеченных бессудно к расстрелу. (прим. автора).

ii Это была система великого семинариста, всех его ближайших подручных, тайной вохровской полиции и всех прочих вохровских полицейских организаций. Бывший президент приписывает эту «систему» только Лазаревичу из присущей вохрам «скромности», иначе именуемой подтасованной ложью (прим. автора).

iii Стенограмма XXII съезда, ч. II, стр. 234.

iv По существу, такое тотальное истребление партийных, хозяйственных, технических и научных кадров было типично для всех областей Государства Тмутараканского.

v Стенограмма XXII съезда, III часть, стр. 119 – 120.

vi Возможно, Мазурова была столь недалекой, что пробыв 17 лет в виссарионовских застенках, лагерях и ссылках, не

нов знал, я целиком и полностью присоединяюсь к предложению о вынесении праха Виссарионова из мавзолея.[i]

Большое зло, нанесенное Виссарионовым, состоит не только в том, что творился произвол, без суда расстреливали, отправляли в тюрьмы невинных людей... … Это было диссонансом духу Ильичева..

В мае 21 г. в.в.э. Данов собрал нас, руководящих работников обкома, и сообщил: «В ильичевградской организации раскрыты два вредителя: Секретов и Дакацкий. Они арестованы в Кремлевии…».

Мы ничего не могли сказать. Казалось, что язык прилип. Но когда кончилось это совещание и когда Данов уходил из зала, я сказала ему: «т. Данов, Секретова я не знаю… но за Дакацкого я ручаюсь. Он с 4 г. до в.в.э. член партии. Он боролся со всеми оппозициями. Это невероятно. Это надо проверить. Данов посмотрел на меня жестокими глазами и сказал: «Мазурова, прекратите этот разговор, иначе вам будет плохо»…

Какая обстановка создалась в 21 г. в.в.э.? Господствовал не свойственный ильичевцам страх. Клеветали друг на друга, не верили, клеветали даже на себя. Создавали списки для ареста безвинных людей. Нас били, чтобы мы клеветали[ii]. Давали эти списки, заставляли подписать, обещали выпустить, грозили: «не подпишешь, замучаем» (!) … Мы боролись до конца. Мы не верили, что в нашей партии может быть такой произвол… Я писала Виссарионову без конца писала и другим. Писала и в партийный контроль. Но, к сожалению, и наш партийный контроль оказался в то время не на высоте. Поддался общему страху и даже не рассматривал наших жалоб…».

Выступает свидетелем заместитель председателя партийного контроля – Печенюк[iii]:

«На XX съезде Ц.К. еще не были известны факты личного участия Вячеславова, Лазаревича и Макенлова в массовых репрессиях.[iv] Вячеславов был даже назначен председателем комиссии по рассмотрению допущенных в прошлом нарушений социалистической законности[v]. Но Вячеславов сделал все, чтобы и на этот раз скрыть правду. Как мог Вячеславов поднять списки невинно арестованных и расстрелянных[vi], когда именно он санкционировал аресты и расстрелы!... Имеется бесчисленное множество таких обличительных документов (!!)[vii], и одного из них достаточно, чтобы послужить обличительным документом.

Сусликов писал: «т. Виссарионов, посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду Военной Коллегии: 1. Список №1 (общий). 2. Список №2 (бывшие военные работники). 3. Список №3 (бывшие работники тайной полиции) 4. Список №4 (жены врагов народа). Прошу санкции осудить всех по I категории. Сусликов».

Под первой категорией осуждения разумелся расстрел. Списки были рассмотрены Виссарионовым и Вячеславовым. На каждом из них имеется резолюция: «За, Виссарионов, Вячеславов».

Работа по проверке дела Кострика еще не окончена, но даже из имеющихся материалов вырисовываются весьма важные моменты. Например, уже в день убийства (разумеется, в тот момент еще не расстрелянного) по указанию Виссарионова из Ильичевграда принимается закон об ускоренном, упрощенном и окончательном рассмотрении политических дел. (!!!!) После этого сразу же начинается

догадалась, что великий семинарист – главный организатор системы лагерного перевоспитания и всеобъемлющей тайной полиции, но она явно говорит неправду, утверждая, что лагерники ругали Виссарионова. Среди лагерников была густо размещена сеть «стукачей»-информаторов лагерной тайной полиции, о чем зеки были превосходно осведомлены, как, без сомнения, и Мазурова, если только она сама не была «стукачом». За плохой отзыв о самом «усатом батьке», как именовали Виссарионова, можно было получить дополнительный лагерный срок. (Прим. автора).

i Какое страшное наказание для убийцы десятков миллионов людей! (прим. автора).

ii Мазурова все же не решается сказать, что применялись изощренные пытки. Вероятнее всего, что ей этого не разрешали (прим. автора).

iii Стенограмма XXII съезда, ч. III, стр. 152 – 154.

iv Печенюк вновь подчеркивает очаровательную наивность «ЦК», который, вообще, не знал, что истребляются десятки миллионов людей и кто их истреблял, не знал, несмотря на то, что десятки лет все члены всех «ЦК» дрожали от страха (прим. автора).

v Кот Вячеславов назначен главным «расследователем» злостного истребления бедняг-мышей котами (прим. автора).

vi А где были остальные члены комиссии? (прим. автора).

vii Вячеславов физически бы не мог поднять списки десятков миллионов арестованных (прим. автора).

волна арестов и судебных политических процессов. Как будто бы ждали такого повода, чтобы обманув партию[i], пустить в ход антинародные, антипартийные методы. Это и многое другое надо изучить тщательнейшим образом… В этом наш долг перед партией и народом. И это должно быть и будет сделано![ii]

Как случилось, что секретари многих обкомов, которые были известны, как честные, преданные делу партии люди, вдруг оказались врагами народа?

А вот так. Приехал Лазаревич в Васильево и тут же дает Виссарионову телеграмму:

«Первое ознакомление (обратите внимание – первое ознакомление – Печенюк) с материалами показывает, что необходимо арестовать секретаря обкома – Чевепана. Необходимо также арестовать заведующего отделом пропаганды обкома…». Потом вторая телеграмма: «Ознакомление с положением показывает, что праволейбистское вредительство здесь приняло широкие размеры в промышленности, сельском хозяйстве, снабжении, торговле, просвещении, здравоохранении и политработе. Аппарат областных учреждений и обкома партии оказался исключительно засорен…».

И не из одной области Лазаревич и Макенлов посылали такие телеграммы. Во многих местах раздували они борьбу с мнимыми врагами народа. Характерно, что Вячеславов, Макенлов, Лазаревич вовсю разворачивали свои способы по избиению кадров, вкладывали в это черное дело много энергии. Но насколько бездарными и беспомощными оказывались они, когда дело касалось народного хозяйства. Возьмите Макенлова. Десятилетиями, не видя села, не знал его нужд, он глушил всякую инициативу масс. Это он в докладе на XIX съезде протащил тезис о том, чтобы запретить колхозам производить черепицу, кирпич и другие строительные материалы. Этот, с позволения сказать, аграрник, взявший на себя это время руководство сельским хозяйством, считал, что это является тормозом в развитии колхозного производства…».

Великий Никитов как самый мужественный «разоблачитель» несколько более приоткрывает завесу над провокационным убийством Кострика[iii]:

«Виссарионов мог посмотреть на товарища, который сидел с ним за одним столом и сказать: «Что-то у вас сегодня глаза бегают». И после этого можно было считать, что товарищ, у которого якобы глаза бегают, взят под подозрение. Начало массовым репрессиям было положено после убийства Кострика. Надо еще приложить много усилий, чтобы узнать, кто действительно виноват в его гибели. Чем глубже мы изучали материалы, связанные с убийством Кострика, тем больше возникает вопросов. Обращает на себя внимание тот факт, что убийца Кострика раньше дважды был задержан агентами тайной полиции около Пекового и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобождался. И вот этот человек оказался в Пековом с оружием в том коридоре, по которому обычно проходит Кострик. И почему-то получилось так, что в момент убийства начальник охраны Кострика далеко отстал от Кострика, хотя по инструкции он не имел права отставать на такое расстояние. Весьма странным является и такой факт. Когда начальника охраны везли на допрос, а его должны были допрашивать Виссарионов, Вячеславов и Климов, то по дороге, как рассказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле он оказался убитым сопровождающими его лицами. Затем расстреляли тех, кто его убил. Это, видимо не случайность, это продуманное преступление. Кто это мог сделать? Сейчас ведется тщательное изучение обстоятельств этого дела. Оказалось, что жив шофер, который вел машину, доставлявшую начальника охраны Кострика на допрос. Он рассказал, что рядом с ним сидел работник тайной полиции. Машина была грузовая (конечно, странно, почему именно на грузовой машине везли этого человека на допрос, как будто

i Какую «партию» и кто обманывал? В этом же участвовала вся высшая элита вохровской партии! (прим. автора).

ii С тех пор прошло 6 лет. Неизвестно, насколько «тщательно изучают» нынешние великие вохровские вожди провокационное дело Кострика, а также все остальные темные, кровавые дела тридцатилетнего царствования великого семинариста и как они «исполняют свой долг перед партией и народом». Зато хорошо известно, что мужественные «разоблачители» «культа личности» за эти 6 лет не решались опубликовать новых хорошо известных им материалов, хранящихся в огромных архивах тайной полиции. Более того, наблюдается тенденция исподволь, медленно, постепенно в какой-то степени реабилитировать Виссарионова и замазать все чудовищные преступления (прим. автора).

iii Стенограмма XXII съезда, ч. III, стр. 583–589.

бы в данном случае не нашлось другой машины для этого. Видимо, все было предусмотрено заранее, в деталях). Два других работника тайной полиции были в кузове машины вместе с начальником охраны. Когда они ехали по улице, сидевший с ними агент тайной полиции вырвал у него руль и направил машину прямо в дом. Шофер вырвал руль и выправил машину и она лишь бортом ударилась о стену здания. Потом ему сказали, что во время этой аварии погиб начальник охраны Кострика. Почему он погиб, а никто из сопровождавших его лиц не пострадал? Почему позднее оба эти агента тайной полиции, сопровождавшие начальника охраны Кострика, оказались расстреляны? Значит, кому-то надо было сделать так, чтобы они были уничтожены, чтобы замести всякие следы[i]. ….

В 22 г. в.в.э. любая из жен «врагов народа», арестованных по гуманнейшим вохровским законам, как «член семьи врага народа», находившихся в количестве около 1500 чк. в одном из лагпунктов Светликовского лагеря, знала, что Беридзе, который очень любил молодых красивых женщин, отправлял мужей этих красавиц на 10 лет в лагерь, а сам блаженствовал с этими красавицами. Эти жены «врагов народа» знали, что Беридзе прямо на улице мог схватить понравившуюся ему женщину и затащить в свою машину. Позже в 23 г. в.в.э., когда этих «жен» разослали в обычные лагеря, об этом знали очень многие, а 15 лет спустя Беридзе еще оказался вторым по влиянию в Президиуме ЦК, а виднейший вохровский вождь – великий Никитов, бывший тогда уже пятым в высшей вохровской иерархии еще не знал, что Беридзе – «политический авантюрист». «Наивный» великий Никитов только спустя 20 с лишком лет узнает некоторые детали провокационного убийства Кострика. Рассказывая о некоторых деталях, он ни слова не упоминает о начальнике областного Ильичевградского отделения тайной полиции Волке, который после убийства Кострика был осужден на 10 лет. Затем, будучи заключенным, был назначен начальником Шестымского лагеря, а затем исчез.

А ведь Волк руководил операцией по убийству Кострика. Также ни одним словом великий Никитов не упоминает о «деле 75». О том, что этих людей «убеждали» методами вохровской тайной полиции в том, что для блага партии и человечества они должны «соз- наться». О том, что свыше 60 «сознавшихся» расстреляли, сохранив, конечно «протоколы допроса». Остальные были осуждены на 10 лет и направлены в Чибский лагерь. Затем их переотправили в Честкутсткий лагерь и к 22 г. в.в.э. всех уничтожили. Но до того, как их догадались уничтожить, они кое-что рассказали. Великий Никитов ничего не рассказывает о весьма красивой женщине – секретаре Кострика и жене убийцы Кострика – Романова. Он не рассказал об отношениях жены Романова и Кострика. Он не рассказал о показаниях Романова и 75-ти. А, ведь, все это хранится в великолепно организованных архивах вохровской тайной полиции. Следует пометить, что там хранятся не только протоколы допроса людей, которых «убеждали» методами вохровской тайной полиции, о которых достаточно красноречиво рассказала в XXII съезду Мазурова. Ведь должны были остаться и кой-какие подлинные документы. (прим. автора)

... Погибли тысячи (!) ни в чем неповинных людей. Антипартийная группа хотела поставить к руководству Вячеславова. Тогда, конечно, никаких разоблачений этих злоупотреблений властью не было бы. Он оправдывал действия, которые были в период культа личности, и предрекал, что подобные действия возможны, что возможно их повторение в будущем[ii]. Это не простое заблуждение. Это продуманная преступная авантюристическая позиция….

Тучахевский, Тыкир и Шляпович были видными полководцами. А позже были репрессированы Рехюлб и другие видные полководцы.

Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Адольфер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ, что товарищи Тыкир, Тучахевский и другие являются агентами гуннского генерального штаба. Этот «документ» попал к президенту Западной Скифии и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми

---

i Великий Никитов переигрывает и слишком явно прикидывается наивным простаком. Он настолько наивен, что не знал даже, что Сергодзе покончил жизнь самоубийством и якобы узнал об этом спустя 20 лет. В 21 г. в.в.э. почти любой арестант Склянской тюрьмы знал, что арестованы брат Сергодзе и много близких ему людей и что добираются до Сергодзе, а вот важнейший вохровский функционер узнал об этом 20 лет спустя.

ii При авторитарном, тоталитарном строе, разумеется нет гарантии, что в тех или иных масштабах «культ личности» может повториться (прим. автора)

намерениями переслал его Виссарионову[i]. Тыкир, Тучахевский и другие товарищи были арестованы и уничтожены.

Было уничтожено много замечательных командиров и политработников вохровской Армии. Здесь, среди делегатов находятся товарищи, которые много лет просидели в тюрьме. Их «убеждали», убеждали определенными способами в том, что они или гуннские, или сакские, или какие-то другие шпионы. И некоторые из них «признавались». Даже в таких случаях, когда таким людям объявляли, что с них снимается обвинение в шпионаже, они уже сами настаивали на своих прежних показаниях, так как считали, что лучше уже стоять на своих ложных показаниях, чтобы быстрее кончились истязания, чтобы быстрее прийти к смерти.

В момент расстрела Тыкир воскликнул:

«Да здравствует партия, да здравствует Виссарионов»!

Когда Виссарионову сказали, как вел себя Тыкир перед смертью, он выругался в адрес Тыкира. Мне пришлось участвовать в похоронах Сергодзе. Я верил сказанному тогда, что он скоропостижно скончался. Уже после войны я совершенно случайно (!) узнал, что он покончил жизнь самоубийством. (!)[ii] Брат Сергодзе был арестован и расстрелян. Сергадзе видел, что он не может дальше работать с Виссарионовым, хотя он был одним из его ближайших друзей… решил покончить жизнь самоубийством….

Трагичной оказалась и судьба Сванишвили, брата первой жены Виссарионова. Беридзе путем всяких махинаций представил дело так, что Сванишвили подставлен к Виссарионову гуннской разведкой, хотя тот был ближайшим другом Виссарионова, и Сванишвили был расстрелян. Перед расстрелом Сванишвили передали слова Виссарионова, что если он попросит прощения, его простят…...

После смерти Сванишвили Виссарионов сказал: «Смотри, какой гордый, умер, но не попросил прощения».

… Некоторым товарищам известны личные отношения между Климовым и Вячеславовым; Климовым и Лазаревичем; между Макенловым и Климовым…».

Джевыхидзе свидетельствует[iii]:

«… Обстановкой беззакония и произвола пользовались многие авантюристы. Они творили гнусные свои дела. Известен большой урон, который понесли некоторые организации Ажарии… безвинно погибли видные деятели: Орехоладзе, Гогоберишвили, Буагишвили, Краскоба, Картвелидзе и многие другие…

---

i Вот, оказывается, как коварный злодей Адольфер обманул кроткого, гуманного и доверчивого великого семинариста! (прим. автора).

ii Многие жертвы Виссарионова сравнительно мало отличаются от него. Функционеры вохровской элитной иерархии отличаются друг от друга главным образом масштабом своих «дел». Вот что рассказали автору о Несторе Краскобе видный ажарский функционер Мамова, бывший мэр Мокруми и бывший «наркомснаб» Абхевроны, которые попали в систему лагерного перевоспитания: Нестор Краскоба много лет был председателем ЦИК Абхевроны. Хотя в совокупности различных вохровских иерархических схем секретарь обкома намного влиятельнее председателя ЦИКа в мелком национальном районе, Краскоба менял секретарей обкома, как перчатки, так как он был довольно близким другом великого семинариста. Краскоба был безраздельным владыкой Абхевроны. Но этого ему было мало. Он стремился к действительной, фактической автономии Абхевроны и не хотел быть в зависимости от аджарской «союзной республики». Зная, что это дело опасное, он завел себе в Янычарском банке секретный счет и подготовил все для побега в Янычарию. ЦК ажарской вохровской партии, с помощью аппарата тайной полиции обнаружили катер Краскобы, который был вооружен даже пулеметами. На этом катере было обнаружено также некоторое количество золота.
Даже после этого, поскольку Краскоба был под покровительством самого великого семинариста, обращались с ним весьма осторожно. Сам секретарь ЦК Аджарии позвонил ему из Ксилибска. Ему ответили, что Краскоба болен и не может подойти к телефону. В следующий раз Краскоба выздоровел, подошел к телефону и тут же заявил, что великий семинарист просит секретаря ЦК Ажарии и его, Краскобу, явиться в его дачную резиденцию. Секретарь ЦК Ажарии долго ждал в приемной Виссарионова. Наконец, великий семинарист вышел из своего кабинета, держа об руку Краскобу, и, полуобернувшись, сказал секретарю ЦК Аджарии: «Что же вы обижаете моего Нестора». Тем дело и закончилось. Позже Сергодзе бил Краскобу по щекам за его «автономизм». Еще позже Краскоба, как и все другие приятели Виссарионова, был уничтожен. (прим. автора).

iii Стенограмма XXII съезда, ч. III, стр. 118.

Эти товарищи посмертно реабилитированы. Всем известны выдуманные дела, например, – Фангрельское дело и другие».

Выступает один из наиболее важных свидетелей, шеф вохровской тайной полиции – Лешепин[i]:

«Сегодня мы все отчетливо представляем себе, от какой беды спасли партии, народ реши-тельные действия ЦК и лично т. Никитова, которым принадлежит выдающаяся роль в разоблачении и разгроме фракционеров.

Убийство Кострика Виссарионов и приближенные к нему Вячеславов и Лазаревич использовали, как повод для расправы с неугодными им людьми с видными деятелями нашего государства. В то время были приняты чрезвычайные уголовные законы, позволяющие шельмовать и истреблять честных и преданных народу руководителей. В тот период появился целый ряд внесудебных органов[ii]. Установлено, что предложение об их организации разработал лично Лазаревич. В архиве сохранен проект этого документ, подписанного его рукой.

В ноябре 21 г. в.в.э. Виссарионов, Вячеславов и Лазаревич санкционировали преданию суду Военной коллегии большой группы товарищей из числа видных партийных государственных и военных работников (сохранена их подпись на этом документе). Большинство из них было расстреляно. Среди невинно расстрелянных... Фортышев, Сохиор, Эйше, Зутак, Локонор, народный комиссар юстиции Пчеленко, секретарь ЦИК Государства Тмутараканского – Шликтун, народный комиссар просвещения – Червев и другие.

О жестоком обращении к людям, к руководящим товарищам, оказавшихся под следствием, говорит ряд циничных резолюций Виссарионова, Лазаревича, Макенлова, Вячеславова и Климова. Например, Тыкир обратился к Виссарионову с письмом: «Я честный и преданный партии и народу боец, каким и был многие годы. Вся моя жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей.... Я честен каждым своим словом. Я умру со словами любви к Вам, партии и стране с безграничной верой в победу вохризма...» На этом письме Виссарионов начертал: «Подлец и проститутка», Климов добавил: «Совершенно точное определение», Вячеславов под этим подписался, а Лазаревич приписал: «Предателю, сволочу и... (далее следует хулиганское нецензурное слово) одна кара – смертная казнь».

Накануне расстрела Тыкир обратился к Климову со следующим письмом: «В память многолетней, в прошлом честной моей работы в Вохровской Армии, я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей беспомощной и ни в чем неповинной. С такой же просьбой я обратился к Сусликову 9 – VI 21 г. в.в.э.» И вот на письме человека, с которым долгие годы вместе работал, знал, что тот не

---

i Стенограмма XXII съезда, ч. II, стр. 402 – 409.

ii Лешепин, шеф тайной полиции, ему и карты в руки. К сожалению, шеф мало распространяется об упомянутых им «внесудебных органов». Он только отмечает, что изобретателем их является Лазаревич. Однако, он умалчивает, что эти «внесудебные органы» совершенно несовместимы со всеми вохровскими «конституциями».
Под «внесудебными органами» шей тайной полиции имеет ввиду особое совещание тайной полиции и областные тройки тайной полиции. В этих «внесудебных органах» на основании докладов следственных отделов тайной полиции многочисленные жертвы вохровской иерархической схемы осуждались заочно. Это «внесудебные органы», по-видимому, были организованы еще до провокационного убийства Кострика и функционировали около 20 лет. «Внесудебные органы» могли осуждать счастливых вохровских людей на 5 лет исправительно-трудовых лагерей ИТЛ. После утверждения солнечной виссарионовской конституции в конце 20 г. в.в.э. эти милые сверхконституционные «внесудебные органы» могли осуждать уже на 10 лет ИТЛ, а в 22 г. в.в.э. – на 25 лет ИТЛ. Более того, в 21 и 28 г. в.в.э., когда законный сверхконституционный срок наказания, полученного по Постановлению этого Особого Совещания тайной полиции заканчивался, «преступнику» сообщалось, что по новому постановлению Особого Совещания срок заключения продлен на 3, 5 или 8 лет.
После окончания Второй мировой войны, на основании нового секретного виссарионовского декрета, почти все оставшиеся в живых и освобожденные политические заключенные осуждались этим особым совещанием на пожизненную ссылку.
Само по себе осуждение Особым Совещанием являлась жестоким наказанием, поскольку «преступники», осужденные этим Совещанием, использовались только на самых тяжелых работах. В основном через Особое Совещание пропускались «враги народа», которые даже после соответствующей обработки не хотели «признаваться». Нагрузка этих «Особого Совещания» и областных троек была грандиозна. Они осудили миллионы «врагов народа». Следует полагать, что работа их было рационализирована и осуждали они списками. (прим. автора)

раз смотрел смерти в глаза, защищал вохровскую власть, Климов наложил резолюцию: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще. Климов 10 – VI – 21 г. в.в.э.»

В июне 21 г. в.в.э. один из работников Госплана Государства Тмутараканского направил письмо Виссарионову, в котором указал, что член бюро комиссии вохровского контроля при СНК – Целов, якобы имел дружеские отношения с

Шкаликовым и Книгариным. Виссарионов наложил резолюцию: «т. Вячеславов, как быть?» Вячеславов написал: «За немедленный арест этой сволочи Целова. Вячеславов.» Целов был арестован и расстрелян. А кто такой Целов? Он член партии с 14 г. до в.в.э. Работал в первом составе СНК наркомом юстиции.

Вячеславов дал санкции на арест первого секретаря Большекамневского обкома – Свиньева, наркома легкой промышленности – Носанова, председателя Крайисполкома – Вертикова и многих, многих других товарищей.

Документально установлено, что Лазаревич до окончания судебных заседаний по различным делам лично редактировал проекты приговоров[i] и произвольно вносил в них угодные ему изменения, вроде того, что против его персоны, якобы, готовились террористические акты.

В корыстных целях путем интриг Макенлов скомпрометировал бывшего секретаря ЦК т. Ковалева, члена политбюро – Воскресенского и других видных партийных работников.

К совести Макенлова взывает и память многих работников партийного и вохровского аппарата Арзрумии, арестов по его указанию в связи с убийством первого секретаря ЦК Арчрумской вохровской партии – Султанджина, которого, как потом выяснилось, лично убил Беридзе в своем кабинете. Таким образом, Макенлов уничтожил ни в чем не повинных людей, помог своему сподвижнику Беридзе скрыть это его злодеяние...».

Далее Лешепин слегка поднимает завесу над механизмом дворцовых вохровских переворотов. Он говорит: «Булгарин, злоупотребив своим служебным положением в июньские дни 41 г. в.в.э., когда фракционеры шли в открытую аттаку против ЦК, расставил свою охрану, выставил дополнительные посты, которые никого не пропускали без его указания в здание Правительства, где проходило заседание Президиума ЦК».

Далее шеф тайной полиции делает сенсационное заявление: «Мы рады доложить съезду, что в органах тайной полиции полностью ликвидированы извращения в работе и нарушения революционной законности.... С этим покончено и покончено навсегда. Органы тайной полиции... значительно сокращены, очищены от карьеристских элементов.

Органы тайной полиции – это уже не пугало[ii], каким его пытались сделать в недалеком прошлом Беридзе и его подручные... Теперь агенты тайной полиции могут с чистой совестью смотреть в глаза партии, в глаза вохровского народа. Принципиально новым является то,... что они начали применять предупредительные и воспитательные меры по отношению к тем вохровским гражданам, которые совершают политически неправильные поступки, граничащие с преступлением, но без всякого враждебного умысла....

---

i Шеф смешит людей. «Внесудебные органы» выносили бессудные решения миллионам невинных людей, а Никитов потрясает несколькими документами, обличающих великого вохровского вождя во вмешательстве в судопроизводство. (прим. автора).

ii Десятки лет правдивейшие вохровские печать, литература и прочие ведомства вохровской пропаганды внушали всему миру, что функционеры вохровской тайной полиции – отважные, неподкупные рыцари без страха и упрека, любимцы народа, кость от кости народа и вдруг сам шеф тайной полиции заявляет, что до него органы тайной полиции Государства Тмутараканского были пугалом, нарушали «революционную законность» и в органах имелись карьеристские элементы. Дело уже не только в случайно пробравшихся проходимцах Тыгоды, Сусликова, Беридзе и других, которые всего (!) 20 лет были шефами тайной полиции, а в самом ее аппарате. Но отныне все будет хорошо! (прим. автора).

3. Вохровские историки о вредителях, шпионах и репрессиях

За 300 лет царствования царской династии Николаевых были репрессированы около 300 тысяч человек. Жестоким репрессиям, которые в течение сотен лет до великой вохровской революции царские тюремщики обрушивали на крестьян, рабочих, разночинцев, интеллигенцию и прочие категории трудящегося населения, прогрессивные довохровские историки уделяют много внимания. Это широко известно читающей публике.

В счастливые вохровские времена бывали такие годы, в которые только в одной Кремлевии или Ильичевграде арестовывали по 200-300 тысяч человек. Например, в 22 г. в.в.э., в каждой камере известной всем Склянской тюрьмы в столичной Кремлевии «проживало» более 180 арестантов. Таких камер в Склянской тюрьме насчитывалось не менее 100; таким образом постоянное «население» Склянской тюрьмы составляло 18000 чк. Считая, что средний срок обработки каждого «врага народа» составлял около 3х месяцев, – пропускная способность Склянской тюрьмы составила ~70 тыс. чк. (в 22 г. в.в.э.). Но в столичной Кремлевии кроме Склянской тюрьмы функционировали еще многие люди тюрьмы: Гатанская, Фелортовская, Бело-Пресненская, на Матросском Шуме, внутренняя тюрьма Наркомата тайной полиции, тюрьмы при 10 вокзалах, тюрьмы при участках явной полиции. Если принять, что пропускная способность Склянской тюрьмы составляла 25% пропускной способности всех вохровских столичных тюрем, то и получится, что пропускная способность вохровских столичных тюрем составила в 22 г. в.в.э. около 300 тысяч «врагов народа», то есть столько же, сколько было репрессировано за 300 лет свирепой царской власти в довохровском Государстве Тмутараканском. За 35 летний период с 1 по 37 г. в.в.э. были репрессированы многие миллионы контрреволюционеров, вредителей, шпионов, диверсантов и прочих врагов народа, о черных делах которых так красноречиво повествуют великие вохровские вожди всетмутараканского масштаба и несколько менее великие вохровские вожди областного, городского, районного и более мелкого масштаба.

Следует полагать, что правдивейшие и объективнейшие вохровские историки уделили этому специфическому вохровскому явлению достаточно внимания, тем более, что осуществление справедливой, революционной политики по отношению к врагам народа было связано с огромными миграциями (конечно, принудительными) вражеских элементов.

Всему миру известно, сколь скрупулезно и тщательно вохровские историки осуществляют свои замечательные научные исследования.

Многотомный труд «История народного хозяйства Государства Тмутараканского» ученого вохровского профессора Чертенко издан в 40 г. в.в.э. Следует сразу же прямо отметить, что этот замечательный труд был издан неудачно, как-то на перепутьи. Хотя XX съезд всетмутараканской вохровской партии происходил в феврале, то есть, в начале 40 г. в.в.э., при всей своей прыткости, ученый проф. Чертенко не мог в своей многотомной истории народного хозяйства отразить «разоблачительный» дух XX съезда. Эта «история» сильно попахивает классическим виссарионовским духом, который так ярко проявился в гениальном труде великого семинариста: «Краткий курс истории всетмутараканской вохровской партии», который был по заслугам красочно воспет всеми вохровскими поэтами, писателями, историками, философами, социологами и прочими литературными, политическим и учеными «авторитетами» великого Государства Тмутараканского. Но профессор был осторожен и «опасным» вопросам посвятил в своем многотомном труде… целых две страницы.

На стр. 376 III-го тома Чертенко сообщает потрясающие новости о сельских вредителях:

«.. В колхозы проникли антивохровские контрреволюционные элементы, организуя в них вредительство и саботаж. Классовый враг в колхозах изменил методы своей подрывной деятельности. Чтобы раскрыть его вредительство, нужна была пристальная революционная бдительность, нужно было показать кахам действительное контрреволюционное лицо врага… Политотделы, созданные в целях укрепления вохровского руководство колхозами при МТС и вохрозах, развернули работу по перевоспитанию крестьян и созданию активов передовых кахов и кахок, борьбу против лодырей, тунеядцев,

расхитителей общественной собственности, борьбу за укрепление социалистической дисциплины труда, за лучшую организацию колхозного хозяйства».

На стр. 396 и 398 ученый пишет несколько слов о «врагах народа», которые вредили развитию промышленности: «Враги народа задерживали развитие металлургии Большого Камня и в первую очередь выплавку качественного металла на древесном угле, закрыв ряд древесноугольных доменных печей..... Большую дезорганизацию в развитии никелевой промышленности внесли вредители, которые срывали строительство, задерживали разведку руд и прочее...».

«Разоблачительный» дух не только XX, но XXI и XXII съезда полностью отражает «История Государства Тмутараканского», подготовленная Институтом исторических наук всетмутараканской Академии Наук. Издательством политической литературы эта «история» подписана к печати 3 декабря 48 г. в.в.э. и издана тиражом в 55 тысяч экземпляров. Столь малый для Государства Тмутараканского тираж иллюстрирует похвальную осторожность издательства. Кто знает, какова будет генеральная линия XXIII, XXIV и дальнейших съездов?..

В составлении этой «истории» принимал участие цвет вохровской исторической науки – 23 членов-корреспондентов Академии Наук, профессоров, докторов наук, кандидатов наук и доцентов. Уже в этой «истории» насквозь проникнутой «разоблачительным» духом XX, XXI и XXII съездов, рассматриваемой теме должно быть уделено подобающее ей внимание. И действительно, столь ученый коллектив, заразившись неслыханным мужеством великого Никитова, бесстрашно разоблачает великого семинариста и некоторых его подручных.

Вот как «смело и откровенно» ученые авторы пишут о виссарионовской коллективизации, в результате которой были истреблены самые хозяйственные крестьяне как «кулаки», миллионы крестьян умерли с голоду, десятки миллионов крестьян отбывали десятки лет более тяжелую барщину, чем во времена крепостного права, и сельское хозяйство даже спустя 35 лет оказалось в тупике. На стр. 311 – 315 почтенные авторы рассказывают: «Рост колхозов в 13 г. в.в.э. происходил в целом на основе добровольности. (!)[i] Но в первые месяцы 14 г. в.в.э. пришлось пережить серьезные испытания, возникших в связи с грубым нарушением ильичевских принципов, в первую очередь принципа добровольности. В этих ошибках в первую очередь был повинен Виссарионов, а также Вячеславов и Лазаревич. Стремление формировать коллективизацию при помощи администрирования проявилась в ряде районов уже осенью 13 г. в.в.э.[ii]… Однако Виссарионов не придал этому значения, а Вячеславов с трибуны пленума дал установку на форсирование коллективизации. В декабре 13 г. в.в.э. Виссарионов призывал ускорить коллективизацию, а в начале 14 г. в.в.э. ориентировал местных работников на превышение темпов коллективизации. Эти директивы не считались с реальными возможностями деревни. Ясно, что колхозы строились здесь больше административными методами. Создавалось немало и мнимых колхозов, существовавших только в резолюции местных органов. Получили распространение факты принудительного обобществления жилых построек мелкого скота, домашней птицы, огорода.[iii]

На середняка нередко переносились меры борьбы, которые должны были применяться против кулака. В некоторых районах процент раскулаченных доходил до 15%, лишенных избирательных прав до 15-20 %. Наблюдались факты грубого администрирования по отношению к колхозам и кахам, замена выборности назначенством[iv]...

---

i Даже ученый Чертенко пишет в своей «Истории» на стр. 329: «Вохровская партия и правительство указали крестьянству единственно правильный путь замены старых производственных отношений новыми, социалистическими – путь коллективизации... Это был глубочайший революционный переворот, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту 1 г. в.в.э. Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти...».
Несмотря на «разоблачительный» дух, составители превзошли даже Чертенко (прим. автора).

ii «Историки» явно противоречат сами себе в пределах одной страницы. Получается, что и в 13 г. в.в.э. имела место какая-то странная административная «добровольность» (прим. автора).

iii Обычный ловкий вохровский трюк. Под видом «правдивости» – грубая подтасовка. Фактически весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и значительное количество продуктивного скота, а, главное, земля были насильственно обобществлены (прим. автора)

iv Тот же вохровский «правдивый» трюк, который должен подчеркнуть, что якобы в основном имела место... выборность! (прим. автора).

Появилась еще одна ошибка – [i] перескок через артель в коммуну. Коммуны должны были обобществить не только основные средства производства, но и жилищные постройки, мелкий скот, домашнюю птицу и распределять доходы по уравнительным нормам. Более всего коммун возникло (!) на Большом Камне и в Западной Кучумии. Эти грубые ошибки вызвали серьезное недовольство крестьян, иногда переходящее в антивохровские выступления[ii].

Тяжелый урон был нанесен животноводству.

К лету 14 г. в.в.э. поголовье крупного рогатого скота сократилось почти на 1/4, свиней – на 1/2, а овец и коз – на 1/3. Почти весь этот скот был истреблен в феврале 14 г. в.в.э. 2/III была опубликованная статья Виссарионова «Головокружение от успехов». Виссарионов всю вину за ошибки взваливал на местных работников,[iii] хотя коллективизация форсировалась сверху и в первую очередь им самим.

ЦК обязал партийные организации прекратить практику принудительной коллективизации и исправить ошибки допущенные при раскулачивании[iv].... Восстановление принципа добровольности... и ликвидация «бумажных колхозов», созданных «декретированием сверху» привели на первых порах к значительному падению процента коллективизации, особенно, в тех районах, где допускались наиболее грубые перегибы (так в Кремлевской области процент коллективизации упал с 73% на 1/III 14 г. в.в.э. до 7,5 на 1/VI 14 г. в.в.э.

Почти два поколения огромного Государства Тмутараканского жили в страхе и нищете. По существу, вся страна была превращена в огромную тюрьму, не в ту «тюрьму народов», как называл великий семинарист и его преданные подручные довохровское царское Государство Тмутараканское, а в настоящую мощную, суровую тюрьму, охраняемую сотнями тысяч пограничников и собак, из которой никто не мог выбраться. Десятки миллионов безвинных людей загонялись в бесчисленные тюрьмы и лагеря и бесчеловечно истреблялись. В период с 1 г. в.в.э. по 37 г. в.в. недосчитывается около 100 мил. людей. Осуществлена беспрецедентная в истории человечества бюрократически-полицейская схема, истребившая много дестяков миллионов человек. Полусумасшедший зверь в образе человека, – Адольфер истребил в гуннских лагерях смерти около 8 миллионов человек, в том числе 6 миллионов хананцев, а вохровская полицейская схема во главе с великим семинаристом истребили в вохровских лагерях смерти не менее 30 миллионов людей и содействовала смерти многих миллионов людей от голода и эпидемий. Вохровские ученые историки не только замалчивают эти чудовищные факты, но даже осуществляют грубейшую дезинформацию. В своем резюме на стр. 564 своей «истории» они, по существу, почти полностью реабилитируют Виссарионова и иначе они не могут, потому что нельзя же одному человеку приписать все эти чудовищные преступления. По их мнению, он «вместе с другими» вполне закономерно истребил лейбистов, книгаринцев и прочих буржуазных националистов.

Все чудовищные преступления они называют «социалистическими преобразованиями» и, в их изображении, за эти «социалистические преобразования» Виссарионов «вместе с другими» «боролся».

Несколько нехорошо, по их мнению, только то, что он истребил «тысячи» «преданных вохров». В своем архициничном резюме чудовищных вохровских преступлений они пишут: «В обстановке капиталистического окружения приходилось идти на некоторое ограничение демократии (!), которое устраняли по мере укрепления вохровского Государства.

Сложная международная обстановка требовала высокой бдительности, железной дисциплины, строжайшей централизации руководства. В эти годы Виссарионов, находившийся на посту генераль-

---

i Ученые авторы благоразумно умалчивают о том, кто автор «еще одной ошибки», хотя широко известно, что в коммуны загоняли крестьян – местные вохровские власти по инструкциям из центра, тем самым осуществляя тотальный грабеж крестьян и лишая их каких-либо средств существования. (прим. автора).

ii Ученые авторы «стесняются» сообщить, где происходили восстания доведенных до отчаяния крестьян и сколько восставших крестьян было истреблено и загнано в лагеря (прим. автора).

iii Обыкновенный вохровский трюк, который используется вохрами уже полвека. Ученые авторы умалчивают, что эту знаменитую статью с энтузиазмом восприняла вся партийная иерархия и вся вохровская печать многословно отмечала 5-ти, 10-ти и 20-тилетие этой гениальной работы. (прим. автора).

iv К сожалению, авторы не расшифровывают в чем выразилось конкретно «восстановление» добровольной коллективизации, в чем заключались ошибки, допущенные при раскулачивании и как они были исправлены. Ведь, и в настоящее время тезис об уничтожении мнимого кулачества, «как класса» признается правильным (прим. автора)

ного секретаря, а затем и председателя Совета Народных Комиссаров, вместе с другими боролся за осуществление социалистических преобразований в нашей стране, он возглавлял борьбу против лейбистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов. Виссарионов имел заслуги и в обеспечении победы социализма в Государстве Тмутараканском, и в развитии мирового вохристкого и освободительного движения. Все это, естественно, создавало ему большой авторитет и популярность. Однако, с течением времени все успехи[i] социалистического строительства, обеспеченные трудами и самоотверженностью вохровских людей, руководства вохровской партии, стали приписывать личным заслугам Виссарионова. Постепенно складывался культ личности Виссарионова[ii]. Восхваления по адресу Виссарионов, вскружили ему голову[iii], он уверовал в собственную непогрешимость[iv]. С годами он все более поощрял возвеличивание его личности, игнорировал коллективное руководство, стал злоупотреблять властью, допускать грубые нарушения законности.

Культ личности Виссарионова нанес серьезный ущерб делу партии и государства. В последние годы жизни Виссарионова, после войны, ЦК фактически перестало действовать, как орган коллективного руководства[v] …

Большой вред культ личности нанес развитию научно-теоретической мысли[vi]. Он в значительной степени способствовал распространению догматического начетничества в области теории.

Игнорирование коллективной мысли партии привело… к субъективизму.

Культ личности находился в вопиющем противоречии со всей вохровской социалистической системой (!)[vii]. Ошибки и недостатки, порожденные культом личности, тормозили развитие вохровского общества, мешали развитию творческой инициативы масс, но вопреки лживым измышлениям врагов социализма не могли изменить и не изменили подлинного народного характера вохровского строя, основанного на общественной собственности на средства производства».[viii]

4. Автор о врагах и друзьях народа, о вохрах, зеках, эспах, а также о вээнах и кахах

Как выше было показано, до смерти великого семинариста с полной определенностью можно было говорить о двух великих друзьях почти всех народов мира, о великом Ильичеве и о великом семинаристе. Многие народы пользовались высокой честью иметь этих двух «великих друзей». После разоблачения «культа личности» положение великого семинариста, как «великого друга» почти всех народов несколько колебалось. В Государстве Тмутараканском великий семинарист был развенчан как «великий друг» народов, но в великом Хинезийском царстве он неизменно продолжал почитаться, как «величайший друг» почти всех народов. Более того, появился еще один, пожалуй, еще более «великий друг» всех народов – красное, красное, красное солнце – Мао-Цзелян.

i Ученые авторы «скромно» умалчивают, кто стал приписывать Виссарионову «все успехи» (прим. автора).

ii Бесконечно путая, к какому времени окончательно сложился «культ личности», в резюме ученые историки не решаются назвать эту дату (прим. автора).

iii Ученые историки умалчивают о том, кто восхвалениями вскружил голову бедного Виссарионова (прим. автора).

iv Ученые историки не объясняют, каков должен быть «общественный строй» государства, если маньяк, уверовавший в собственную непогрешимость, мог десятки лет творить беззакония и преступления в такой огромной стране. (прим. автора).

v Ученые «несколько» преувеличивают роль «ЦК». Еще до XVII съезда члены ЦК были превращены в клакеров-хлопальщиков при Виссарионове. (прим. автора).

vi Что блестяще доказывает новый вариант вохровской «истории». (прим. автора).

vii В этом ученые вохровские историки либо грубо ошибаются, либо грубо дезинформируют своих современников и потомков. Автор выполнил «завет» Пальмиратти и показал в главах X и XI, что «культ личности» является закономерным следствием первой и второй великих вохровских революций. (прим. автора)

viii Если жесткий партийно-полицейский режим считать «подлинным-народным характером вохровского строя», а переменную вохровскую олигархическую элиту считать «обществом», которое владеет средствами производства, то в этом случае ученые историки совершено правы. Действительно, культ личности не изменил и не мог изменить вохровского строя. Изменит его только «отлучение» партии от государства. (прим. автора)

Все вохровские историки, а, особенно, чиновники из ведомств литературы и печати называют вохровский «народ» – «народом-героем».

Это отчетливо подтверждается тем несомненным фактом, что только в годы Второй мировой войны 13 миллионов вохровских людей были отмечены орденами и медалями, 11 тысяч стали Героями Вохровского Союза и свыше 16 миллионов трудящихся вохровских людей были награждены медалями «за доблестный труд». Вообще говоря, эти десятки миллионов доблестных, героических вохровских людей можно отнести к друзьям народа. Кроме почти 30 миллионов доблестных героев, отмеченных высокими наградами, к ним следует еще присовокупить многих кавалеров всяких орденов, Героев Вохровского Союза, Героев Социалистического труда и лауреатов Виссарионовской, а затем Ильичевской премии, Государственной премии и прочих несомненных друзей народа, отмеченных до и после Второй мировой войны. Безупречная вохровская статистика с поразительной точностью, мужественно публикует данные о количественном и качественном составе доблестных вохровских людей. Но по свойственной вохровской застенчивости самой фундаментальной и точной (во всем мире) вохровской статистики, последняя не публикует никаких данных о количественном и качественном составе «врагов народа».

Вполне возможно, что это объясняется не застенчивостью, а странной забывчивостью вохровских статистиков. Только великие вохровские вожди со свойственными им мужеством и откровенностью, разоблачая «культ личности», упоминают о тысячах невинно осужденных.

Но и они, невзирая на все их блистательное мужество, не приводят статистических данных о количестве и качестве действительных, а не мнимых врагов народа. Автору доподлинно известно, что в архивах тайной полиции хранятся «дела» всех подлинных и мнимых (реабилитированных при жизни или посмертно) «врагов народа».

В 32 – 34 г. в.в.э., во время осуществления кампании по осуждению «Особым Совещанием» тайной полиции всех оставшихся в живых и освобожденных из лагерей (до 32 г. в.в.э.) «врагов народа», на письменные столы вохровских следователей легли все «дела» «врагов народа».

Правда, в 32 – 34 г. в.в.э. «дела» эти сильно «распухли» по сравнению с предыдущими годами – по-видимому, за счет донесений внутрилагерных отделов тайной полиции и бесчисленных заявлений, которые подавали «враги народа» борясь, как Мазурова, «за правду».

Так или иначе ни вохровская тайная полиция, ни вохровская статистика, ни вохровские демографы не считают необходимым или возможным публиковать эти данные. Может быть, это следует объяснить тем, что вохровские работники тайной полиции и статистики чрезвычайно заняты подсчетом количественного и качественного состава демократов, так или иначе репрессированных в странах загнивающего капитализма.

Вследствие «перегруженности» работников вохровской тайной полиции и статистики, автор вынужден был осуществить попытку по косвенным признакам определить количественный и качественный состав врагов народа во времени за весь период вохровского владычества.

В начале этой главы автор показал, что в вохровских лагерях смерти погибло не менее 30 миллионов человек. Если даже считать, что в вохровских лагерях погибло 75% всех «осужденных» «врагов народа», что, возможно является преувеличением, то количество «осужденных» «врагов народа» составит не менее 40 миллионов человек.

Характерно, что количество «героев» – «друзей народа» примерно равно количеству «врагов народа». У неискушенного читателя может составиться представление, что мощности полицейской вохровской схемы по воспроизводству «друзей народа» и «врагов народа» почти одинаковы. Но это представление – обманчивое. Трудоемкость воспроизводства и «сохранения» врагов народа значительно больше, чем трудоемкость воспроизводства «друзей народа».

Для воспроизводства «друзей народа» требуются:

а) расходы по производству медалей орденов,

б) канцелярские расходы по составлению списков кавалеров различных орденов и медалей, Героев Вохровского Союза и Социалистического Труда, лауреатов различных премий и т.п.,

в) расходы по ведомствам литературы, печати и прочих искусств по восхвалению списочных героев.

Для воспроизводства «врагов народа» требовались:

а) Огромная творческая работа партийной элиты, вохровских философов и прочих идеологов по созданию теории о возникновении «врагов народов» различного толка – контрреволюционеров, вредителей, шпионов, диверсантов, террористов, агитаторов и т.п. Для этого понадобились значительные усилия многих талантливых вохров, тем более что для каждого подразделения Государства Тмутараканского, для каждой отрасли народного хозяйства создавалась своя оригинальная теория вредительства, шпионажа, диверсии и т.п.

б) Значительная популяризаторская работа для разъяснения этих талантливых теорий широким слоям вохровского населения. Эта популяризаторская работа выполнялась печатью, литературой, театром, кино и прочими идеологическими ведомствами.

в) Реализация производства основных средств для воспроизводства «врагов народа»: тюрем, концлагерей, пересыльных пунктов и пересыльных тюрем, транспорта («черных воронов», «секретов», «столыпинских железнодорожных выгонов»), огромных зданий для многочисленных кадров тайной полиции, учебных заведений для обучения кадров тайной полиции, казарм для внутрилагерного, межлагерного конвоя и оперативников, собачников для служебных собак – верных друзей патриотов–конвоиров и прочих основных средств производства полицейско-лагерной системы.

г) Расходы по содержанию огромного аппарата, который собственно занимался непосредственным производством «врагов народа»: стукачей-информаторов, следовательского персонала и палачей, что, вобще говоря, равнозначно, и всяческих «судей» и «прокуроров» различных «судебных» и «внесудебных органов».

д) Расходы по охране выявленных «врагов народа»: содержание тюрем, лагерей и всего его многочисленного персонала.

К сожалению, вохровская статистика не приводит данных по трудоемкости воспроизводства «друзей народа» и «врагов народа», но очевидно, что воспроизводство «друзей народа» даже при блестяще организованной рекламе ничтожно по сравнению с трудоемкостью воспроизводства «врагов народа».

А, вообще говоря, «друзья народа» в некоторые периоды были не отличимы от... «врагов народа»! Немало «друзей народа» были переквалифицированы в «врагов народа», и тайной полиции пришлось соорудить огромное хранилище для орденов и прочих отобранных реликвий у спешно переродившихся «друзей народа»: членов Политбюро ЦК, членов ЦК, секретарей обкомов, горкомов и райкомов, министров и народных комиссаров, крупных и средних военачальников, вохровских писателей и ученых, бывших политкаторжан, бывших красногвардейцев, высших, средних и мелких функционеров хозяйственных и государственных учреждений, директоров, главных инженеров, начальников цехов и более мелких функционеров различных предприятий и, наконец, элиты «народов-преступников».

Опять-таки полицейская статистика не сообщает о емкости этих хранилищ вохровских побрякушек, но следует полагать, что емкость была достаточно велика. Но все же еще до смерти великого семинариста категории «друзей народа» и «врагов народа» приобрели известную стабильность. Оставляя в стороне условия «быта», которые резко отличались, следует отметить, что главное отличие «друзей народа» от «врагов народа» состояло в том, что в категории «друзей народа» было намного больше карьеристов и тунеядцев. В остальном «друзья народа» и «враги народа» отличались немногим. У «врагов народа» удельный вес интеллигенции и рабочих был несколько выше, а удельный вес крестьян несколько ниже. У широкой вохровской публики бытует представление, несмотря на некоторые «смелые, разоблачительные» речи вохровских вождей о надуманных шпионах и вредителях (на XXII съезде), что огромное количество вредителей, шпионов, террористов, диверсантов и прочей «нечисти» существовали в действительности. Объясняется это тем, что огромный материал о шпионах и вредителях десятки лет буквально затопляли вохровское государство, а «разоблачительные» речи вохровских вождей мало популяризировали.

Как показано в главе III, бесхозяйственность и бесплановость все полвека владычества вохров являлись неотделимыми признаками уродливого экономического механизма и никакого отношения к вредителям не имеют. Что касается шпионов, то по-видимому, число шпионов из стран загнивающего капитализма было «обычным» и зависело только от средств, ассигнованных зарубежным разведкам на эти цели. Но эти действительные зарубежные шпионы были драгоценным «валютным фондом» и обращались с ними весьма бережно. Они являлись обменным фондом для освобождения наиболее важных вохровских шпионов в странах загнивающего капитализма. Эти драгоценные, действительные зарубежные шпионы никогда не содержались совместно с вохровскими «врагами народа» в лагерях. Бесчисленное же множество вохровских «шпионов», заполонявших вохровские концлагеря, были плодами бурной деятельности вохровской тайной полиции. Уже в послевоенные годы для популяризации шпиономании, наряду с огромной «шпионской» литературой были изданы две толстые-претолстые книги талантливого вохровского писателя по шпионским делам – Урканова. В них этот талантливый вохровский писатель превращает в шпионов всех зарубежных президентов, начиная с президента Югоскифии и кончая президентом Колумбовии, всех деятелей социалистических партий и т.п.

Им он противопоставляет благородных, неподкупных вохровских деятелей.

Но вохровская тайная полиция опорочила самых великих вохровских деятелей! Как было ранее показано, бóльшая часть членов всех ЦК и Политбюро были произведены в шпионы, не говоря уже о более мелких вохровских функционерах.

Бытует еще представление, что массовые репрессии осуществлялись только в 21 – 22 г. в.в.э. и в какой-то степени в 31 – 32 г. в.в.э. Автором было показано в XI и XII главах, что это глубокое заблуждение.

Репрессии начались с разгона Учредительного Собрания и синусоидально осуществлялись в огромных масштабах вплоть до смерти великого семинариста. Затем масштабы репрессий резко уменьшились; доходило до того, что, например, повар Афумской внутренней тюрьмы тайной полиции готовил обед на одного арестанта (в 40 г. в.в.э.).

По-видимому, в последующие годы (45 – 51 г. в.в.э.), репрессии усилились. Об этом можно судить по процессу писателей Голубявского и Вениаминэля. Однако это также не показательно, как и процессы в 20 – 21 г. в.в.э., в которых «осуждались» группы шпионов и вредителей, хотя репрессиям подвергались миллионы людей.

Множество неугодных людей причисляются к «тунеядцам», которые ссылаются в отдаленные местности, а также к «хулиганам», используя огромные вохровские кампании против тунеядцев и хулиганов. Наконец, по некоторым данным, можно судить о том, что и ныне имеются засекреченные лагеря, в которых содержатся, возможно, десятки тысяч политических заключенных.

Однако, вернемся к вопросу, который поставлен в конце первого раздела данной главы: каким образом, когда и из какой группы населения вохры ухитрились истребить такую уйму людей.

В самых откровенных «разоблачительных» речах вохры уклоняются от ответа на этот вопрос и все лепечут о «тысячах» невинно осужденных в годы пресловутого «культа личности».

В первом разделе автор на основе демографических расчетов и некоторых статистических данных определил потери населения от «преждевременной смерти» в разные периоды вохровского владычества.

В 2 – 4 г. в.в.э.,по данным вохровского академика Румилина, от «преждевременной смерти» погибли – 9,7 миллионов человек. Эти потери были результатом:

а) прямых военных потерь в гражданской войне,

б) эпидемий тифа, «испанки», холеры и т.п.,

в) голода,

г) вохровского террора и репрессий при осуществлении первичного искоренения «кулаков» в результате первой вохровской революции.

Автор не нашел в публикуемой вохровской статистике никаких цифр этих раздельных потерь. В последнее время опубликована одна любопытная цифра: в первые годы после великой вохровской революции сыпным, брюшным и возвратным тифом болели около 10 миллионов человек. Сильные эпидемии тифа наблюдались также в 5 – 6 г. в.в.э. и в 1 г. в.в.э., поэтому можно принять, что в 2 – 4 г. в.в.э. тифами переболело ~ 6 мил. чк. Данные Румилина о количестве больных недостаточны для определения количества истребленных в результате красного террора, подавления множества восстаний и кампании продразверстки, но какую-то основу для определения периода этой величины представляют.

Учитывая опыт Первой мировой войны и количество войск, участвовавших в ней и в гражданской войне, следует считать, что количество прямых военных потерь (убитых и умерших от ран) гражданской войны составляет не более 1,5 мил. чк. (общее количество погибших от «преждевременной смерти» в Первую мировую войну, по данным Румилина – 2,2 мил). Если принять смертность от тифа даже в 40%, то общее количество погибших от эпидемий составило не более 2,5 мил. чк. В 2 – 4 г. в.в.э. голод свирепствовал, главным образом, в Ильичевграде и в Кремлевии, а в Малоскифии и Половжье в основном голод в результате продразверстки и неурожая свирепствовал в 5 – 6 г. в.в.э. Можно принять, что в 2 – 4 – г. в.в.э. от голода погибло 0,5 – 1,0 мил. чк. Не более.

Таким образом, по пунктам а; б; в: в 2 – 4 г. в.в.э. умерли 4,5 – 5 милл. чк.

Путем исключения, количество истребленных в результате красного террора и кампании по продразверстке и раскулачивании определяется в 4,7 – 5,2 милл. во 2 – 4 г. в.в.э. В достоверности цифры в 9,7 мил. умерших от «преждевременной смерти», приводимой Румилиным для 2 – 4 г. в.в.э., сомневаться не приходится.

Цифра в 4,7 – 5,2 милл. чк, истребленных в результате красного террора, подавления многочисленных восстаний и раскулачивания – невероятна.

Но необходимо учесть, что лагерная индустрия была в ту эпоху только в зачатке, емкость тюрем, доставшихся в наследство от царских времен, не велика, основные централы и каторжные места в Кучумии, были недосягаемы для вохровской лагерной индустрии и тайной полиции. Даже знаменитые Воробки на севере Ангельской области были недосягаемы.

Поэтому основной мерой революционного наказания был расстрел.

Каков же мог быть контингент истребленных во 2 -4 г. в.в.э.? Следует отметить, что большинство инакомыслящих (меньшевиков, эсеров, конституционалистов-демократов, октябристов, черносотенцев), помещиков и капиталистов бежали за рубеж. «Истребительные» масштабы в ильичевский период были поменьше, чем в виссарионовскую эпоху, и расстрел инакомыслящих применялся реже. Следовательно, в основном истреблялись крестьяне: восставшие, примкнувшие к разным бандам, «кулаки», крестьяне, одетые в шинели при насаждении железной дисциплины в вохровской армии, крестьяне-дезертиры, уклоняющиеся от военной службы.

Погибшие от «преждевременной смерти» в количестве 3 – 3,5 милл. чк в 4 – 6 г. в.в.э. в основном погибли от голода и эпидемии. Автор не считает необходимым останавливаться

на анализе этого контингента умерших от «преждевременной смерти».

Период рестэпа был сравнительно благополучным.

Как было показано в I-ом разделе данной главы, в 17 – 25 г. в.в.э. от «преждевременной смерти» погибло 13 миллионов человек.

Остановимся раньше всего на примерной оценке истребленных вохров.

Торжествующий свирепый семинарист хвастался, что оппозиционеры составляют менее 1% всей «партии» и что исключение нескольких тысяч оппозиционеров – незначительное явление для судеб «партии», однако, на XVII съезде специалист по этим делам – Губельский в своем отчете доложил, что только в 13 краевых партийных организациях, охватывающих 65% членов всетмутараканской вохровской партии, было привлечено за антипартийные и оппортунистические уклоны в 15 – 16 г. в.в.э. и

первую половину 17 г. в.в.э. – около 40 тысяч человек[i], причем он добавил, что было бы ошибкой думать, что даже после привлечения этих антипартийных элементов, «что у нас сейчас нет уже лейбистов, правых оппортунистов и других антипартийных группировок».

Таким образом, во всей вохровской партии только за 2,5 года было привлечено около 60 тыс. человек. С учетом привлеченных ранее и позже этих 25 лет, можно считать, что количество привлеченных оппозиционеров составило около 100 тысяч человек, не считая вохросомольцев.

В своем докладе на XVIII съезде Виссарионов сообщает, что на XVII съезде было представлено 1874 тысяч членов «партии» и в результате «чистки» на XVIII съезде представлено 1600 тысяч человек[ii]. Таким образом, было вычищено – 274 тыс. человек.

По приведенным выше свидетельским показаниям самих вохров, среди этих «вычищенных» оказалась подавляющая часть высшей и средней партийно-хозяйственной элиты эпохи великой «чистки». Можно считать, что эти 274 тысяч вохров в основном составляли более активную часть вохровской «партии». Остальные, не считая Виссарионова и оставленных им живых активных функционеров, можно считать – «болотом».

Из приведенных цифр можно сделать два вывода.

1) Если считать, что к XVII съезду чистка «партии» от оппозиционеров, которые и нынешними вохровскими владыками не реабилитированы, была в основном закончена, то активных оппозиционеров было ~ 100 тысяч, а 274 тысячи вычищенных в 17 – 21 г. в.в.э. – были «невинно-осужденные» правоверные вохровцы. Следовательно, оппозиционеры составляли не «менее 1%», а около 25% актива вохровской партии – весьма солидная величина.

2) Подавляющая часть этих 274 тысяч человек (включая и оппозиционеров) была истреблена в результате расстрелов, пыток и в лагерях.

Это и есть то количество «собственно партийных вохров», которые были истреблены великим семинаристом и его тайной полицией. С учетом вохросомольцев количество партийных и околопартийных вохров, истребленных семинаристом, можно принять в 0,5 мил. человек.

Выше было показано, что по данным новейшего варианта вохровской «истории» Государства Тмутараканского, изданной в 48 г. в.в.э. в 21 – 22 г. в.в.э., только в тяжелой промышленности во главе предприятий, трестов и главков «встали» – 5 тысяч новых руководителей, по-видимому, взамен истребленных.

Количество таких «новых» руководителей для всех подразделений Государства Тмутараканского следует оценить минимально в 15 тысяч человек. Но широко известно, что «чистка» не ограничивалась одним руководителем главка, треста или предприятия. Во-первых, на посту руководителей этих подразделений в период «чистки» сменялись по 2 – 4 очередных жертвы.

Кроме того, этой «операции» подвергались главные инженеры, главные механики, главные электрики, главные агрономы, главные врачи и многие другие важные функционеры главков, трестов, проектных и научных организаций. Этой же операции подвергались начальники цехов предприятий и более мелкие функционеры. Можно принять, что на каждого руководителя главка, треста или предприятия «вычищались» еще 30 – 50 различных функционеров. Таким образом, общее количество «вычищенных» и, следовательно, истребленных членов хозяйственно-административной элиты составило 450 – 750 тысяч человек.

В этом, разумеется, наличествует посторонний счет, потому что среди истребленной хозяйственно-административной элиты много партийных вохров, которые уже вошли в счет истребленных партийных и околопартийных вохров.

Весьма актуален вопрос о количестве истребленных крестьян в период от начала Второй вохровской революции до начала Второй мировой войны, то есть в 14 – 25 г. в.в.э.

---

i Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 297.

ii Стенограмма XVIII съезда, 21 г. в.в.э., стр. 28

Сам великий семинарист и его подручные великие вохровские вожди неоднократно заявляли, что во Вторую великую вохровскую революцию «кулаки как класс были ликвидированы». Великие вохровские вожди и их подручные – ученые вохровские историки не расшифровывают термина «ликвидации». Означает ли этот термин физическое истребление или только конфискацию всего имущества. Не расшифровывают вохровские деятели также, кого они разумели, используя термин – «кулак».

Под сурдинку, кроме «кулаков», вохры ликвидировали также группу крестьян, которых они называли «подкулачниками». Термин «подкулачник» также не определен точно ни великими вохровскими вождями, ни учеными вохровскими историками и социологами. Однако, следует понимать, что «подкулачниками» считались представители крестьянской бедноты, даже в вохровской терминологии, которая находилась под влиянием «кулаков». Что же представляли собой эти мифические вохровские «кулаки» к началу Второй великой вохровской революции? Многие великие вохровские вожди, в том числе один из великих знатоков крестьянства – второй президент вохровского Государства Тмутараканского Михайлов, утверждали, что после осуществления процесса раскулачивания в период после Первой великой вохровской революции, совмещенного с продразверсткой, расслоение крестьянства было в основном ликвидировано. Почти исчезли беднота и верхняя группа зажиточного крестьянства – кулаки. Подавляющее число крестьянских хозяйств стали середняцкими. Ученый историк Чертенко свидетельствует[i]: «По динамическим обследованиям ЦСУ за 11 г. в.в.э., охватившим 600 тысяч хозяйств вохровской деревни, их структура такова: чисто пролетарские хозяйства деревни без всяких средств производства составляли – 3,03% общего числа хозяйств, полу- пролетарские со средствами производства до 200 вохриков – 22,72%, середняки со средствами производства от 201 до 800 вохриков – 57,1%, зажиточные (801 – 1600 вохриков) – 13,85%, кулацкие хозяйства (свыше 1600 вохриков) – 3,24%

Основные показатели группы хозяйств

	Душ на 1 хозяйство	Посев на 1 х-во, гектаров	% хоз-в без рабочего скота	% хоз-в без пахот. инвентаря	Стоимость средств производства, в вохриках
Пролет. и полупролет. без средств произ-ва	2,6	0,8	100	100	2,7
со средств. произ-ва	3,6	1,5	95,2	93,3	55,1
Середняцкие со средст. производства (201 – 400 вохриков)	4,9	3,3	24,8	31,3	307,7
Высшие и кулацкие со средствами произв. 801 – 1600 вохр.	6,5	6,9	5,2	5,4	1092,5
Свыше 1600 вохриков	7,3	9,4	10,0	10,5	2623,5

Верхушечные капиталистические кулацкие группы, хотя и были значительны, но их тенденция к кулацко-ростовщической эксплуатации бедноты ограничивались и пресекались мероприятиями вохровской власти…».

Выше неоднократно было отмечено, что академик Румилин распределял крестьян в 10 – 11 г. в.в.э. на 10 групп по посевам, количеству скота и доходам на едока. К «зажиточным с преобладанием кулацких элементов» он относит 8, 9 и 10 группу с такими показателями:

Группы по посеву на 1 едока	Число душ на 1 двор	Число хоз-в в тысячах	Доход в довохровских вохриках на 1 едока
8. 2,14 – 2,73 гектара	4,93	221	100,77
9. 2,73 – 3,28 -//-	4,92	104	118,77

i Чертенко «История народного хозяйства…», I – III, стр. 240.

Группы по посеву на 1 едока	Число душ на 1 двор	Число хоз-в в тысячах	Доход в довохровских вохриках на 1 едока
10. 3,28 и более	4,6	141	170,3

Данные Румилина и Чертенко более или менее корреспондируются.

Чертенко относит к «капиталистическим, кулацким группам» – 3,2%.

Румилин относит к «зажиточным с преобладанием кулацких элементов» – 466 тысяч хозяйств из общего числа 15965 тысяч хозяйств, то есть около – 2,92%.

Средний доход этих «капиталистических кулацких» хозяйств по Чертенко или «зажиточным с преобладанием кулацких элементов» по Румилину составляет 125 довохровских вохрика на едока, а принимая в этих хозяйствах 60% самодеятельных – около 200 довохровских вохриков на 1 работающего или около 600 современных вохриков. Это примерно, в 10 раз меньше, чем у современного колумбовского фермера, в 2 раза меньше чем у современного вохровского рабочего и служащего и столько же, сколько у современного вохровского каха.

Основные средства производства на 1 «капиталистическое кулацкое хозяйство» по Чертенко составили 2623 красконских вохриков, или при 7,3 душ на хозяйство и 60% самодеятельных – 600 красконских вохриков на работающего, или около 1000 современных вохриков.

Для сравнения следует отметить, что стоимость имущества 6289 тысяч колумбовских ферм составляла в 14 г. в.в.э. около 60 миллиардов колумбаров (в колумбарах 13 г. в.в.э.), или около 20000 современных колумбаров на 1 ферму.

Вохровские «капиталистические кулаки», или «зажиточные с преобладанием кулацких элементов» намного беднее самых бедных «колумбовских фермеров», и их доход даже меньше нищенского дохода современных вохровских рабочих и служащих.

Сам Ильичев, непогрешимый Ильичев говорил[i]: «.Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена и пользование гораздо более уравнительное, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован… …данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивеллировалась ».

Совершенно несомненно, что «кулаков», так же, как и «вредителей», «диверсантов» и «шпионов», выдумала, как говорил великий Никитов, «шайка, возглавляемая авантюристом Беридзе», или еще вернее – великими вохровскими вождями, возглавляемыми великим семинаристом.

Новый вохровский вариант «истории» считает, что «кулаки» составляли 3,7*% всего населения,* или свыше 5% от всего сельского населения. Далее в той же «истории» упоминается, что в некоторых районах раскулачивали 15 – 20% всего сельского населения. Вохровская «история» приводит такие результирующие цифры избиения «кулаков»: с начала 14 г. в.в.э. по осень 16 г. в.в.э. из районов сплошной коллективизации было «выселено» 240757 «кулацких» семей, то есть не более 22% имевшихся в стране «кулацких» хозяйств. Считая по Румилину по 5 душ в каждой «кулацкой» семье общее количество «выселенных» составит 1,2 миллиона, а всего «кулацкое» население по «истории» составляло – 5,5 миллионов чк. Вохровские «историки» забыли про «подкулачников», которые также были репрессированы. В целом, можно считать, что в довоенный период Второй вохровской великой революции было репрессировано в процессе «ликвидации кулачества как класса» около 7 – 10 миллионов крестьян» хотя количество 125 – 150 тысяч вохровских румилинских «кулаков» (если по Румилину считать – 4,8 души на хозяйство) составляло только около 2,2 миллионов человек.

«Кулаки», «выселенные» в отдаленные местности, в большей своей части вымерли от эпидемий, голода и лишений. Значительная часть «кулаков» и «подкулачников», каким-то образом сохранив лошадок, разъехались по стране и работали на всех строительствах в качестве грабарей за 600 грамм хлеба, «хвост селедки» и фураж для лошадки. Около строительства они сооружали землянки и жили в этих «шанхаях».

---

i Стенограмма X съезда, стр. 404.

Но репрессии против крестьян не ограничивались «раскулачиванием». Сотни тысяч, а, может быть, миллионы были препровождены в систему лагерного перевоспитания по чрезвычайному закону о хищении социалистической собственности. Голодные кахи за «хищение» нескольких килограммов картофеля или зерна «осуждались» на 10 лет ИТЛ. Не может быть сомнения, что имели место многочисленные восстания и беспорядки, но на каждого крестьянина, участвовавшего в беспорядках или восстаниях, в систему лагерного перевоспитания препровождались десятки не имевших никакого отношения к беспорядкам или восстаниям. Значительное количество крестьян было произведено тайной полицией во вредителей, диверсантов и шпионов. Наконец, значительное количество крестьян было «осуждено» за «пропаганду», разумеется, «контрреволюционную». Эту категорию «преступников», не покладая рук, поставляли бесчисленные добровольные стукачи-информаторы, служившие в тайной полиции. Они либо подслушивали, либо провоцировали на «подрывные высказывания».

В городах, кроме вохровской партийной, хозяйственной, технической и научной элиты, о репрессиях против которых говорилось выше, репрессировались многочисленные прочие категории. Наиболее многочисленная группа – была, как их называли в лагерях – «болтуны». «Болтуны» были основным объектом «производства» стукачей-информаторов тайной полиции. Среди «болтунов» выделялись «анекдотчики». Авторство многих антивохровских анекдотов приписывают слывшему остроумным – Карлеку. Много было «террористов». Почти все повара и домашняя прислуга, обслуживавшие партийную элиту, были произведены в «отравители». Лица, в той или иной степени имевшие отношение к партийной элите, – были произведены в террористы. Сплошь и рядом наблюдались такие вохровские чудеса: например, Фортишев, Сохиор и многие другие великие вохровские вожди давно были переведены в категорию «врагов народа» и уничтожены, а «террористы», которые, якобы, покушались на жизнь этих «друзей народа», переквалифицированных во «врагов народа», продолжали отбывать свой «срок наказания».

Довольно странной, но многочисленной категорией были «шпионы». Но и здесь, по-видимому, была система. Например, все шикарные, образованные вохровские гетеры, которые в основном околачивались около ресторана «Метроград» в Кремлевии и удовлетворяли любовные потребности иностранцев – получали 3 года ИТЛ по формулировке Особого Совещания: «подозрение в шпионаже». В лагерях находилась значительная группа настоящих шпионов – но шпионов вохровских, которые работали по заданию вохровской тайной полиции за рубежом, в странах загнивающего капитализма и которых вохровская тайная полиция считала нужным изолировать.

Была очень обширная группа «шпионов», бывших служащих Восточно-Хинезийской железной дороги. Когда эта дорога была предана Государством Тмутараканским – банзайцам, многие тысячи вохровских подданных, служащих этой дороги, получили от банзайцев солидное вознаграждение, в зависимости от служебного стажа и, ничего не подозревая вернулись на родину, в Государство Тмутараканское.

Их встречали пышно, с оркестрами и дружественными митингами. Но затем дальновидная вохровская тайная полиция заподозрила, что среди этой группы вохровских граждан могут оказаться банзайские и хинезийские шпионы. Выявлять этих шпионов было некогда и затруднительно – поэтому почти всех этих вохровских граждан произвели в «шпионы» и направили в систему лагерного перевоспитания.

В эту же систему препроводили под разным соусом бóльшую часть политкаторжан царских времен и бывших красногвардейцев. Поговаривали, что истинная причина этого демарша то, что они кое-что знали об истинной истории возвышения и обожествления великого семинариста. Была еще одна большая категория «шпионов» -почти все иностранные вохры и политические эмигранты. Их изолировали в системе лагерного перевоспитания, по-видимому, по тем же причинам, что и бывших служащих Восточно-Хинезийской железной дороги.

В эти же годы изолировали множество гуннских подданных, по уверению этих гуннов – до 30 тысяч. После заключения дружеского пакта между Виссарионовым и Адольферовым их освободили. Следующей категорией «шпионов» были ханаанцы, устремившиеся в новое вохровское отечество ханаанцев, организованное в Биробидухской области Кучумии. Ханаанцы-идеалисты, жившие в странах

загнивающего капитализма, попродавали все свое имущество, накупили тракторы и другие сельскохозяйственные орудия и ринулись в Биробидух.

Вначале их также пышно встречали, а затем как «шпионов» препроводили в систему лагерного перевоспитания. Значительное количество «шпионов» вохровская тайная полиция «вербовала» среди рабочих и служащих оборонной промышленности и других секретных вохровских ведомств.

Значительна была группа «контрреволюционеров», имевших «связи с за-границей». К ней относились: почти все вохры, которые работали за рубежом в полпредствах, торгпредствах и строительствах, почти все ездившие когда-либо в зарубежные служебные командировки, имевшие родственников за рубежом и переписывавшиеся с ними, получавшие какие-либо материалы из-за рубежа: журналы, книги, прейскуранты и т.п. и многие другие, впоследствии уличенные в слушании иностранных радиопередач.

Наконец, была порядочная группа «недоносителей», которые знали о совершенных «контрреволюционных «преступлениях», перечисленных выше, и не сообщали в тайную полицию.

Кроме чисто уголовных элементов среди «социально-близких», которые противопоставлялись абсолютно вредным контрикам, были некоторые социально-опасные элементы. Обширную группу составляли социально-опасные бродяги, которые проживали в городах без паспортов или с паспортами, но не прописанные, или опоздавших с пропиской на 10 – 15 дней. Таких бродяг Особое Совещание «осуждало» по формулировке «социально-опасный» на сроки до 10 лет. Следующей большой категорией была группа материально-ответственных работников, осужденных за «недостачу» или «излишки».

После издания указа о «браке» в системе лагерного перевоспитания появилось множество «бракоделов», большей частью инженеров, которые зачастую не имели никакого отношения к производимого браку. Несмотря на то, что в лагерях появились тысячи, а может быть, десятки тысяч «бракоделов», количество брака, как было показано в III главе, отнюдь не уменьшилось. Было еще множество других групп «преступников», совершивших различные должностные, военные преступления и нарушителей «секретности».

Перед началом Великой отечественной войны, после окончания войны с суомийским хищником, появилась новая категория самых опасных в то время преступников. В 24 г. в.в.э. в систему лагерного перевоспитания были направлены более 100 тысяч вохровских военных, побывавших в плену в Суомии.

В первый год к этим «преступникам» применялся особый режим. Они не могли соприкасаться с другими преступниками – контриками. Внутри лагерной зоны, в которой помещались нормальные контрики, была сооружена особая зона для этих бывших военнопленных. По рассказам этих преступников», судьба их сложилась следующим образом. Суомийцы предупреждали их, что на родине они будут осуждены, но они этому не поверили. После возвращения из плена их разместили по соответствующим воинским частям. Затем по ночам группы этих бывших военнопленных начали исчезать, и они попадали в застенки тайной полиции. «Судили» их специальные Военные трибуналы группами под 10-15 человек. 25-50% из них приговаривали к смертной казни. Неизвестно, была ли осуществлена эта высшая мера наказания.

Следует упомянуть еще о «национальных преступниках». Эти «буржуазные националисты» вербовались под разными названиями в Малоскифии, Белоскифии, Средней Азии, Арзрумии, Тюркстане, Адарии, среди половцев, рататов и других. От ханааанцев в систему лагерного перевоспитания были направлены в 17-18 г. в.в.э. почти все бывшие кармелисты. Улавливались и судились, как за измену родине, все пытавшиеся сбежать за рубеж. Карались и их ближайшие родственники. Значительным был контингент, имевший формулировку: «член семьи врага народа». По постановлению Особого Совещания они осуждались на срок в 7 и 8 лет ИТЛ.

Наконец, в 24 г. в.в.э., после того как в результате дружеского пакта Виссарионова и Адольфера Западная Малоскифия, Западная Белоскифия, Западная Валахия воссоединились со своими матерями-родинами, а трудящиеся трех варяжских государств после вступления в их пределы вохровской

армии «восстали» и ниспровергли свои буржуазные правительства, – еще до начала войны с адольферовской Гуннией – свыше миллиона «преступников» из этих вновь присоединенных областей были выдворены в систему лагерного перевоспитания.

Неприспособленная к бытовым условиям гуманных вохровских лагерей большая часть этих «преступников» поумирали от пеллагры и других авитаминозных и не авитаминозных болезней в первый же год.

В конце 25 г. в.в.э., по соглашению, заключенному с «новыми» союзниками – Саксией и эмигрантским мазурским правительством, Виссарионов отпустил бывших мазурских подданных на волю.

Большая часть освобожденных мазурских подданных пошли в армию Аднерса и позже попали на Запад, пополнив ряды свидетелей «гуманизма» вохровской системы вообще и лагерей в частности. Нет сомнения, что в архивах вохровской тайной полиции имеются самые подробные статистические материалы о количественном составе всех этих групп, об их «преступности», об их смертности, но несмотря на то, прошло уже почти полвека с начала «деятельности» вохровской тайной полиции, не чувствуется, что в ближайшие годы будут опубликованы эти сведения.

Автор по понятным причинам не может ни посчитать, ни даже прикинуть количественные соотношения всех этих групп. Несомненны только те цифры, которые автор косвенными путями мог установить для рассматриваемого периода, а именно:

1) В 17-25 г. в.в.э. или 14-25 г. в.в.э. от «преждевременной смерти» погибло 13 миллионов человек, в том числе,в лагерях не менее 10 мил. чк.

2) В каждой камере Склянской тюрьмы «проживало» в 17 г. в.в.э. – 133 арестантов, в начале 21 г. в.в.э. – 103 арестантов, в 22 г. в.в.э. – 180 арестантов, в 23 г. в.в.э. – 37 арестантов, 24 г. в.в.э. – 460 арестантов. Это соответствует количеству арестованных только в Кремлевии – 215 тысяч; 165 тысяч; 300 тысяч; 12 тысяч; 100 тысяч. А по всему Государству Тмутараканскому, если принять удельный вес Кремлевии по арестам в 7% (то есть, в 2-3 раза, больше удельного веса по населению): в 17 году в.в.э. – 3,15 миллиона; в начале 21 г. в.в.э. – 2,35 мил.; в 22 г. в.в.э. – 4,3 миллиона; в 23 г. в.в.э. – 0,17 милл., в 24 г. в.в.э. – 1,4 миллиона чк.

Данные о «населении» Склянской тюрьмы в перечисленные годы известны автору, поскольку в 21 и в 24 г. в.в.э. он сам был «постояльцем» Склянской тюрьмы, а в другие годы – со слов очевидцев.

3) В 23 г. в.в.э. население вохровских лагерей составляло не менее 5 мил. человек, как было показано в I разделе данной главы. В 25-43 г. в.в.э. число погибших от «преждевременной смерти», без учета прямых военных потерь, составляет огромную цифру в 34 мил. человек. Из чего складывается эта огромная, эта потрясающе-трагическая цифра? Во первых, появились принципиально новые контингенты «преступников». В связи с закрепощением не только крестьян, но и рабочих и служащих появился Указ об опоздании на работу и самовольном уходе. За опоздание на работу на 15 – 30 – 60 минут осуждали на полгода ИТЛ, а затем добавляли за самовольный уход и осуждали на большие сроки. После начала Великой отечественной войны появилось огромное количество военных преступников: дезертиров, опоздавших из отпуска, «самострелов», умышленно отмораживающих себе конечности, нарушителей приказов, окруженцев, «болтунов», неосторожно отзывающихся о качестве вохровского оружия и о военных делах, и прочее и прочее. По инициативе великого семинариста возникает нечто новое – «народы-преступники». В самом начале войны в ссылку были направлены гунны, эллины, юговосточные скифы, унгары и латино-кучумцы. Несмотря на сокрушительный энтузиазм и патриотизм, которые широко известны всему миру, имели место многочисленные массовые «измены» значительных войсковых групп и частей населения. На сторону гуннов перешли скифская армия Егорова. В Малоскифии на сторону врага перешли шайкеровцы. В Малоскифии и Белоскифии много малоскифцев и белоскифцев служили в гунно-нацистской полицейской машине. Таврические рататы, половцы, шамиловцы, ингурцы, бакларцы выделили специальные воинские соединения, которые с особой жестокостью действовали против вохров.

После освобождения от адольферовских гуннов этих национальных районов великий семинарист вкупе с вохровский партийной элитой объявил эти народы преступниками и «осудил» их на пожизнен-

ную ссылку в отдаленные районы страны. Вохровская тайная полиция блестящие провела операцию по препровождению «народов-преступников» в изгнание.

Остался открытым вопрос по осуждению великоскифов и малоскифов. Ведь и у них были изменнические армии Егорова и шайкеровцев. Но эти народы были слишком многочисленны. Для них не хватило бы никаких пространств и, наконец, вохры остались бы сами по тебе – без «народа-героя». Поэтому при освобождении воссоединенных районов Малоскифии и Белоскифии для лагерей и ссылок были навербованы новые контингенты уже не «народов-преступников», а отдельных изменников.

В Восточной Малоскифии и Белоскифии по мере освобождения от оккупации и ряд лет после окончания войны находили многочисленных изменников: полицаев, старост, женщин, ублажавших гуннов, работавших у гуннов и вообще имевших какую-либо связь с гуннами.

Приваряжские государства освободили последними. Вообще говоря, национальные части приваряжских государств, воевавшие вместе с гуннами, были наибольшими, многие удрали с гуннами, и у великого семинариста чесались руки. Уж, конечно, они были большими «народами-преступниками», чем половцы, шамиловцы, рататы и прочие. Но они находились слишком близки к Западу, и великий семинарист не решился осудить приваряжские народы, хотя они и были достойны этого. К тому же насчитывалось их всего несколько миллионов, и высылка их была вполне осуществимой, особенно учитывая огромный опыт в этой области, накопленный славной вохровской тайной полицией. Все же много приваряжцев было направлено в лагеря и ссылки. Ссыльные приваряжцы считали, что в Кучумию перегнали от 20 до 40% всего населения приваряжских государств.

По мере «освобождения» Восточной Гуннии, Унгарии, Латинской Кучумии, Юговосточной Скифии, Западной Скифии, Югоскифии, Эстерии, Северной Хинезии, Северной Утренней Зари, в этих «освобожденных районах» вылавливались бывшие белогвардейцы, враждебные элементы, бежавшие в разное время из Государства Тмутараканского, буржуазные националисты, в том числе, ханаанские кармелисты, лица, бежавшие на Запад при воссоединении Западных Малоскифии, Белоскифии, Валахии, и местные контрики. Все они огромными эшелонами направлялись вглубь Государства Тмутараканского и распределялись в гостеприимных вохровских лагерях и ссылках. Вохровский ученый доктор географических наук Шишпакевский[i], упоминая о миграции населения в 10 – 23 г. в.в.э. в Кучумию и Дальний Восток в количестве 5 миллионов, и о грандиозной, но временной миграции периода Второй мировой войны на восток в количестве 20 миллионов человек, из «скромности», а, может быть, вследствие неосведомленности, совершено не упоминает о социальных и национальных признаках мигрирующих и причинах их «миграции».

Автор пытается восполнить этот пробел на основании материалов вохровской статистики[ii]. Численность «народов-преступников» составила в 43 г. в.в.э.: гуннов – 1619 тысяч, шамиловцев – 418 тысяч, юго-восточных скифов – 324 тыс., карабдинцев – 207 тыс., унгаров – 155 тыс., эллинов – 310 тыс., уроженцев Латинской Кучумии – 106 тыс., половцев – 106 тысяч, ингунцев – 106 тыс., бакларцев – 42 тысяч, хинезийцев – 26 тысяч. Численность приваряжских народов – 4670 тысяч. Если считать, что приваряжские народы не были осуждены как «народы-преступники» и только 20% их было направлено в ссылку, из Западной Малоскифии, Белоскифии и Валахии было угнано в лагеря и ссылки только 1 мил. человек и учесть крымских рататов, которые также были осуждены, как «народы-преступники», то общее количество этих «преступников», которые по гуманной воле демократических вохров мигрировали главным образом на восток – в Кучумию и Среднюю Азию, составило – около 5,7 миллионов.

По окончании Второй мировой войны в Государстве Тмутараканском появился еще один вид государственных преступников – довольно многочисленный – бывшие вохровские военнопленные в адольферовской Гуннии. Их насчитывалось несколько миллионов человек. Значительная часть их была направлена в лагеря и ссылки. Следует считать, что в ссылку направляли не менее миллиона бывших военнопленных. Кроме того, в ссылку направили множество контриков и бытовиков, «сроки» которых закончились.

---

i Наука и Бытие, 51 г. в.в.э., №3, стр. 70 – 76.

ii «Вестник Статистики», 44 г. в.в.э., №2, стр. 14.

В целом, следует считать, что после окончания Второй мировой войны и до смерти великого семинариста в ссылке находилось 7 – 10 миллионов человек. Как было показано в первом разделе данной главы, в 30 г. в.в.э. в вохровских лагерях «проживали» не менее 10 миллионов зеков. К 37 г. в.в.э. – времени смерти великого семинариста «население» лагерей еще более увеличилось. Общее «население» ссылок и лагерей достигло около 20 миллионов человек. Не менее 70–80% этого «населения» «мигрировало» в Кучумию и Среднюю Азию. Учел ли доктор географических наук Шишпокевский эту грандиозную «миграцию» 15 миллионов заключенных (зеков) и ссыльных (эспов)? По-видимому, не учел.

Вышеупомянутый новейший вариант вохровской «истории» Государства Тмутараканского тоже глухо молчит о «народах-преступниках». Только на стр. 567 этого замечательного ученого труда отмечено, что шестая сессия Верховного Совета утвердила указы Президиума Верховного Совета о восстановлении (!) национальной автономии бакларского, шамилевского, ингуцкого, половецкого и чаркачаевского народов, то есть восстановление Шмилевско-Игуцкой автономной республики в составе Великоскифии, образование Половецкой автономной области в составе Великоскифии (в июле 42 г. в.в.э. преобразованной автономную республику), Карабдинской автономной республики, преобразованной в Кабардино-Бакларскую автономную республику, Речкесскую автономную область, преобразованную в Чаркачаевско-Речкесскую автономную область. Из этих «исторических намеков» можно понять, что после «мужественного разоблачения» «культа личности» «народы – преступники» были помилованы, и так же, как Вавилин разрешил плененным древним ханаанцам вернуться на родину, так и гуманные вохровские владыки разрешили помилованным «народам–преступникам» вернуться на родину.

В Постановлении шестой сессии Верховного Совета не упомянуто только еще о двух «народах – преступника»: гуннах из Половжья и таврических рататах. И действительно их хоть из ссылки и освободили, но на родные места возвратиться не разрешили. «История» не делает даже и намека о судьбе других «народов – преступников»: эллинов, унгаров, юго-восточных скифов, уроженцев Латинской Кучумии и Утренней Зари и хинезийцах.

Но и эти «народы-преступники» были освобождены из ссылки.

В результате изобретения великим семинаристом «дружбы народов», свирепого преследования буржуазных националистов, равного ограбления трудящихся всех национальностей и племен, а также благодаря унифицированной литературе и печати, системе лагерного перевоспитания, внедрению скифского языка в качестве государственного и после многих других мероприятий, постепенно сглаживались национальные и племенные различия. Появились новые классы – племена. Эти классы–племена все более выкристаллизовывались и сильно отличались по социальным, правовым признакам и уровню жизни.

Вохровское «общество» представляло собой не пирамиду, а неопределенную во времени и пространстве геометрическую фигуру.

Во главе «общества» стояли вохры – члены вохровской партии и некоторые беспартийные вохры–активисты – видные деятели науки, техники и отраслей народного хозяйства (среди таковых все же попадались иногда беспартийные вохры).

Ко времени смерти великого семинариста вохры составляли 4–5% всего населения Государства Тмутараканского.

Сами вохры представляли почти пирамиду.

На вершине этой пирамиды находились самодержавный олигарх (во времена великого семинариста и великого Никитова) или олигархия, состоящая из нескольких лиц (наиболее влиятельная часть Политбюро или Президиума ЦК). Ниже на этой пирамиде размещалась высшая партийная и административная элита, насчитывающая несколько тысяч человек, беспрекословно подчиняющаяся олигарху или олигархии: члены ЦК, секретари обкомов, национальных вохровских партий, горкомов, райкомов, члены бюро обкомов, министры, их заместители, начальники Главных Управлений и их замы. Уровень жизни этой высшей партийной элиты был весьма высоким. Они жили в особых домах, имели

роскошные виллы и автомобили, которые водили их шоферы, пользовались услугами специальных поликлиник и снабжались отборными продуктами и товарами по специальным каналам.

Чуть пониже этой высшей партийно-административной элиты стояли высшие чины тайной и явной полиции, армии и директора крупных предприятий. Эта высокая партийная элита насчитывала десятки тысяч человек.

Ближе к основанию вохровской пирамиды находились директора менее крупных предприятий и рядовые функционеры партийной, военной, полицейской и административной схемы. Этих насчитывалось уже свыше миллиона, а вместе с членами их семей – 2–3 миллиона. Их жизненный уровень был раза в 3 выше среднего жизненного уровня вээнов.

В основании этой вохровской пирамиды находились рядовые члены вохровской партии и верхушка вохросомола. Они не очень отличались от вээнов, но из них в основном вербовались нижние чины всех вохровских иерархий.

Численность этой вохровской группы приближалась к численности предыдущей вохровской группы. Жизненный уровень раза в два превышал жизненный уровень вээнов.

Даже в виссарионовский период, когда почти все население было закрепощено и только ограниченно могло пользоваться правом передвижения по стране, вохры, даже рядовые, благодаря связям могли относительно свободно передвигаться по стране.

К вээнам относилось все остальное городское население, кроме вохров, в основном, рядовые рабочие и служащие. В 24 – 38 г. в.в.э. они были лишены права свободного выбора работы, а, следовательно, и права свободного передвижения по стране. Данные об их жизненном уровне приводились в главе V. Численность их к концу виссарионовского периода составляла 45% всего населения. К кахам относились закрепощенные крестьяне. Они не имели паспортов и не имели права выезжать из колхоза без соответствующей справки. Обязаны были отрабатывать в колхозах определенное количество трудодней, почти без всякой оплаты, особенно в виссарионовский период. После окончания работы в колхозе могли по ночам работать в своем карликовом, подсобном хозяйстве, которое и составляло основной источник их существования. Жизненный уровень кахов был очень низким, о чем сообщалось в главе пятой. Численность их в конце виссарионовского периода составляла ≈ 40%.

К зекам относились «воспитанники» вохровской лагерной системы перевоспитания. Правовое их положение было еще ниже, чем у рабов древнего мира. Они не только не имели права жить со своими семьями, но жестоко карались даже за сожительство с зеками. Режим их жизни был очень строгий и использовались они, в основном на тяжелых работах. Жизненный уровень их был значительно ниже рабского во все времена истории человечества, так как рабы ценились очень дорого и их хозяева были заинтересованы в их сохранении, а ценность зеков была равна нулю и их хозяева – вохровские тюремщики не были заинтересованы в сохранении их жизни. Одно время и зеки подразделялись на разные группы, потому что из числа зеков выделялись бригадиры, десятники, повара, каптеры, комендантты, нарядчики, административно-технический персонал и прочие «придурки».

Жизненный уровень зеков постоянно граничил с физическим уничтожением. К концу виссарионовского периода численность их доходила до 6% всего населения, но необходимо отметить, что членов семьи у них не было и число самодеятельных среди зеков приближалось к 100%, поэтому по отношению к самодеятельному населению их удельный вес составлял ≈12%.

К эспам относились ссыльные поселенцы из числа «народов-преступников», члены семей «врагов народа», бывшие военнопленные, контрики и бытовики, закончившие перевоспитание в лагерной системе. Эспы подразделялись на многочисленные категории. Одни должны были являться на отметку к комендантам каждую декаду, другие – каждый месяц, третьи – каждый квартал. Жили они в отдаленных местностях. Все они обязаны были работать. В основном и по жизненному уровню, и по условиям работы и по ограничению права передвижения они немногим отличались от кахов. Однако кахи считали, что эспы живут лучше. Численность их составляла к концу виссарионовского периода -0 5% всего поселения Государства Тмутараканского. Эспы пользовались «активным избирательным правом».

К настоящему времени контингент и качественный состав зеков и эспов сильно изменились. Зеки в основном состоят из бытовиков и удельный вес их около 2% всего населения. Численность эспов еще более снизилась и состоят они в основном из «тунеядцев» и отбывших срок наказания «бытовиков».

Индустриальные методы истребления зеков и вообще инакомыслящих вохры, как правило, не применяли. Адольферовцы сконструировали специальные газовые камеры, печи-крематории, в которых они миллионами уничтожали ханаанцев, гицан, всяких инакомыслящих, неполноценных и задиристых военнопленных. Они организовали фабричное производство пепла, побочный продукт производства переработки трупов в печах-крематориях, волос, срезаемых с трупов, мелких галантерейных товаров из кожи, сдираемой с трупов, и т.п. Вохры этим не занимались. Осужденных разными «судебными и внесудебными органами» к расстрелу «преступников», они по заведенном порядку ликвидировали в подвальных застенках тайной полиции, применяя стандартизированное типовое оружии и направляя пулю в определенную часть затылка. Вешали они впоследствии тоже по заведенному ритуалу. Но бывали и исключения.

В конце 21 и 22 г. в.в.э., по-видимому, по инициативе великого семинариста, была осуществлена компания по индустриальному истреблению некоторых категорий «преступников». Их было несколько:

а) Остатки меньшевиков, эсеров и прочих белогвардейцев.

б) Ортодоксы (ортодоксами называли лейбистов, которые никогда не каялись и не просили прощения).

в) Отказчики от работы (среди них было очень много сектантов – вообще работающих людей, но принципиально отказывающихся от принудительной работы. Вообще, до Великой отечественной войны в систему лагерного перевоспитания было направлено много сектантов и священников разных церквей, в том числе раввинов, мулл и шаманов. Священники жили лучше других зеков, так как влиятельные зеки им покровительствовали. Многие священники работали на легких работах, например, в санчасти – санитарами, лекарскими помощниками и т.п. Впоследствии, когда священников освободили, многие из них стали стукачами-информаторами тайной полиции. Но сектанты (евангелисты и другие) в этом отношении держались стойко.

г) Зеки, выказывавшие какими-либо методами протест: объявлявшие голодовку, предпринимавшие попытку к побегу и т.п. (Например, в 21 г. в.в.э. «ортодоксы» от Честкуты до Шестымы объявили голодную забастовку, которая длилась около 100 дней. Главное их требование заключалось в том, чтобы их содержали отдельно о «бытовиков»-жуликов.)

д) Зеки-убийцы, за которыми числилось более двух «мокрых» дел.

е) Все прочие зеки, на которых в этот период присяжные стукачи что-либо настучали.

В Честкуте в указанный период отбирали каждого пятого. Для осуществления этой операции были назначены специальные уполномоченные, которые отбирали перечисленные категории зеков. Отобранные зеки отвозились в глухие лагерные пункты, например, в Честкуте – на бывший кирпичный завод.

Через несколько месяцев, когда всех предназначенных к истреблению собрали и довели до полного истощения, их расстреляли из пулеметов. Всех «особых уполномоченных» и их помощников впоследствии тоже расстреляли – и концы в воду. Перед началом и в самом начале Великой отечественной войны была начата эвакуация зеков из районов близких к границам, например, из Манскмурского лагеря и других. Эвакуируемые зеки считались самым первоочередным «грузом». Подвижный железнодорожный состав подбирали для этого «груза» вне всякой очереди. … Но была инструкция, согласно которой тех зеков, которых не успевали вывезти, надлежало уничтожить. Следует полагать, что 6 тысяч мазурских офицеров, населявших соответствующий вохровский лагерь, были уничтожены и захоронены в Тякыньском лесу.

По этому ничтожному поводу (из-за каких-нибудь шести тысяч уничтоженных зеков) возник мировой скандал. Адольферовцы, обнаружив этих 6 тысяч захороненных мазурских офицеров, подняли шум на весь мир.

Виссарионов, конечно, объявил, что эти мазурские офицеры уничтожены Адольфером, и создал комиссию, в которую ввел митрополита, известного вохровского писателя и других «общественных деятелей». Эта «авторитетная», «нейтральная» комиссия, конечно, с энтузиазмом с одной стороны и при возмущении с другой, заявила, что кровавое дело осуществили адольферовские палачи.

Слов нет и для адольферовских изуверов, и для родственных им виссарионовских палачей. Уничтожение каких-нибудь шести тысяч людей – и для тех, и для тех пустяковое дело, но в данном случае факты были против виссарионовских палаческих дел мастеров.

И премьер эмигрантского мазурского правительства Кисорский обвинил Государство Тмутараканское, с которым тогда эмигрантское мазурское правительство было в союзных отношениях, в осуществлении этого преступления. Виссарионов высокомерно заявил, что это является оскорблением Государства Тмутараканского. Вскоре после этого весьма странным образом Кисорский, его дочь и сопровождающие его 16 человек погибли в авиационной катастрофе.

Но вообще, приведенные случаи являются исключением. Зеки истреблялись в лагерях исподволь с помощью голода, холода и тяжелых работ. Например, выжившие участники-зеки героического строительства (во время войны) железной дороги Салток-Честкута протяженностью около 1000 километров утверждают, что каждая шпала на этой дороге соответствует зеку-мертвецу. А шпал на этой дороге около миллиона штук. И действительно у каждого лагерного пункта этого железнодорожного лагеря имеется кладбище. И «население» этого кладбища в 10 и более раз превышало «население» самого лагпункта. Автор был в 26–27 г. в.в.э. статистиком лагпункта Устьмывьского лесного лагеря. На этом лагпункте «обитало» около 1500 зеков. За год на лагпункт прибыло около 3000 зеков, и в результате осталось …. 1500 зеков, то есть «население» лагпункта в среднем вымирало… за полгода.

Восстания в лагерях случались редко, но когда они бывали, то подавлялись с необычайной жестокостью. Уничтожались не только участники восстаний, но и все имевшие какое-либо отношение к восставшим, а подчас и не имевшего никакого отношения.

Служба оперативников-бойцов и оперативников-служебных собак была поставлена блестяще. Побег был по существу невозможен, да и некуда было бежать, так как вся страна была превращена в поднадзорный лагерь. Пытавшиеся бежать карались беспощадно.

В целом, следует полагать, что из 34 миллионов человек, погибших в 25–43 г. в.в.э. от «преждевременной смерти», без учета прямых военных потерь, в лагерях погибло 20–25 миллионов человек.

А всего за весь период вохровского владычества в лагерях истреблено 30–35 миллионов человек. Может быть, через 1–2 поколения, в 75 или 100 г. в.в.э., когда вохровская партия, или вернее, правящая элита вохровской партии, будет «отлучена» от государства, архивы тайной полиции станут доступны историкам и они уточнят все приведенные цифры.

Адольферовская империя потерпела поражение через 12 лет после ее возникновения. Многие секретные архивы были захвачены победителями. Тайное стало явным.

В Нюрнгоре международный трибунал осудил адольферовских заправил и их повесили.

После этого в Западной Гуннии, Восточной Гуннии, Мазурии, Унгарии, Эстерии, Западной Скифии, Югоскифии, Латинской Кучумии, Государстве Тмутараканском и даже в Ханаане были проведены суды над адольферовскими палачами и они понесли то или иное наказание. Те адольферовские палачи, которых не поймали, скрываются в потайных норах, как крысы. Почти все чудовищные преступления адольферовской империи всплыли наружу. В Ханаане организован мемориальный Институт, где собрано огромное количество документов о зверском уничтожении 6 миллионов ханаанцев. Огромное количество уличающих документов собрано в перечисленных выше странах. В бывших адольферовских лагерях смерти воздвигаются памятники для увековечивания памяти о замученных.

Виссарионовское Государство Тмутараканское с помощью союзников – стран загнивающего капитализма победило адольферовскую империю. А победителей не судят. Виссарионовские палачи, истребившие десятки миллионов невинных людей, остались безнаказанными. Наказаны «политический авантюрист» Беридзе и какая-то неизвестная его «шайка». После «мужественного разоблачения» великого Никитова тракторами спешно уничтожили каторжные бараки в Честкуте, Гнездильске, Шестыме и других каторжных лагерях.

Замученные десятки миллионов людей остались безвестными, памятники им не ставят. В демократическом Государстве Тмутараканском, «оплоте всего прогрессивного человечества» считается даже неприличным вспомнить об этих десятках миллионов жертв. Бывшие вохровские палачи, еще оставшиеся в живых, получая большие пенсии, живут в отличных домах и виллах.

Более всего «наказан» великий семинарист. Его мумия изъята из божественного ильичевского мавзолея и закупорена в Кремлевской стене.

Глава XIII
О Темкинских деревнях, о пророчествах и ребячьих представлениях некоторых вохровских вождей

В предыдущих главах I и II томов «Введения...» автор показал, что в промышленности, сельском хозяйстве и вообще в производстве предметов потребления великие вохровские вожди и их подручные могут похвалиться поразительными «достижениями» по неслыханному низкому уровню эффективности средств производства, производительности труда и обеспечения трудящихся предметами потребления по сравнению со странами загнивающего капитализма.

Могут они с полным основанием похвалиться еще более поразительными «достижениями» по неслыханно высокому уровню организации полицейского государства, ликвидации демократии, истребления инакомыслящих и не инакомыслящих, опять таки по сравнению со странами загнивающего капитализма.

Между тем, не только ученые вохрологи, даже антивохровские вохрологи имеют слабое представление о приведенных выше поразительных «достижениях» великих вохровских вождей. Но был период – до появления миллионов так называемых перемещенных лиц в странах загнивающего капитализма (из которых многие побывали в системе лагерного «перевоспитания») и частично даже до разоблачения «культа личности» – когда многие, очень многие либерально настроенные люди из стран загнивающего капитализма, полагали, что вохровское государство является раем для трудящихся.

Эти наивные люди считали, что даже те немногие сведения, которые просачивались на страницы «лживой» буржуазной печати – грубая клевета. И, действительно, сведения об истреблении недавними социалистами-карлсистами миллионов людей и закрепощении и беспощадной эксплуатации остальных казались неправдоподобными.

Талантливые вохровцы прекрасно использовали кажущуюся «неправдоподобность» своих чудовищных преступлений и дополнили это организацией блестящих Темкинских деревень.

Широко известно, что изобретателем Темкинских деревень был блистательный князь Темкин. Князь не только состоял любовником императрицы, он являлся также и великим государственным деятелем, а императрица была самодержавной главой государства. Совершенно естественно, что князь Темкин хотел показать императрице организованный им рай в Новоскифии в лучшем виде.

Задолго до изобретения кино братьями Люмьер и последовавшего за этим расцвета кинопромышленности, князь Темкин научился строить великолепные макеты деревень. Еще в довохровском Государстве Тмутараканском он имел множество последователей среди скифских купцов, выдумавших лозунг «не обманешь — не продашь», и среди подрядчиков-строителей, которые спаивали членов приемочных комиссий и сдавали им взамен предприятий много дымовых труб, из которых валил дым за счет костров, разводимых у оснований этих труб.

Но и блистательный князь Темкин и его многочисленные последователи оказались жалкими дилетантами по сравнению с гениальными вохровскими вождями и их талантливыми подручными. Темкинские деревни времен их изобретателя и его довохровских последователей по сравнению с вохровскими Темкинскими деревнями были столь же примитивны, как энергия, добытая первобытным человеком, который зажег первый костер, по сравнению с энергией, добываемой в современном атомном реакторе.

Как же талантливые вохры достигли таких высот? Все изобретения, в том числе, и такое великое изобретение, как Темкинские деревни, полностью могут быть использованы только тогда, когда создаются наиболее благоприятные условия для их внедрения. Вохровский строй и оказался наиболее оп-

тимальной средой для применения этого великого изобретения. Уже вскоре после свершения Первой великой вохровской революции были унифицированы печать, радио, литература, кино и прочие искусства. Был создан мощный аппарат для превращения черного в белое и белого в черное. При наличии в вохровском государстве голода и людоедства можно было с помощью этого мощного аппарата представлять, что царит неслыханное изобилие. При непрерывном кризисе сельского хозяйства, длившемся десятилетиями, можно было утверждать, что вохровское сельское хозяйство самое мощное, самое механизированное и самое совершенное в мире.

При наличии уродливого экономического механизма, который, самоуправляясь, стремился к максимальной неупорядоченности и в котором эффективность средств производства была настолько ничтожна, что основные средства производства почти работали сами на себя, можно был без конца, используя лакейские вохровские экономические «науки», доказывать несомненное «преимущество» вохровской экономики над экономикой стран загнивающего капитализма.

Вохровские вожди, полностью подчинив себе экономические и в том числе статистические «науки», могли осуществлять двойную и даже тройную бухгалтерию. Один ряд статистических цифр, на который затрачивался максимальный труд, фабриковался для нужд Темкинских деревень – пропаганды, другой ряд для – того, чтобы великие вохровские вожди могли получать достаточно смутное представление о действительном положении вещей. Наконец, третий ряд цифр, тоже не отражающий вполне действительность из за вохровского экономического хаоса, вохровские статистические «эксперты» фабриковали для себя.

Вохровские великие вожди и их подручные статистики не гнушались использовать и мелкие шулерские приемы. Например, объем производства хлеба они считали в давно устаревших берках вместо тонн, поскольку берков было в 16 раз больше, чем тонн.

Жилплощадь при сравнении вохровских жилищных условий с зарубежными они исчисляли в квартирах, хотя площадь средней вохровских квартиры в несколько раз меньше площади средней квартиры в странах загнивающего капитализма. Цитрусовые они считали даже в штуках, поскольку цифры в штуках в 10.000 раз больше таковых в тоннах.

Например, на XVIII съезде[i] Чарнивидзе с торжеством сообщает, что в 16 г. в.в.э., в Аджарии было заготовлено 11 миллионов штук цитрусовых, в 21 г. в.в.э. – 300 мил. штук и в конце третьей пятилетки обещал дать 800-900 мил. шт. цитрусовых. На основании этой громадной цифры цитрусовых в штуках, а в тоннах достаточно ничтожной (30 тысяч тонн), хитрый Анастасян[ii] торжествующе заявляет: «Не за горами время, когда у нас будет своя вохровская Лакифорния(!), получше колумбовской(!!) Аджарские вохры во главе с Беридзе проделали прекрасную работу в Западной Аджарии».

Верховная вохровская элита, которая безраздельно владеет не только всем национальным богатством, но и людьми, создавшими это богатство, могла сооружать не такие жалкие макеты, как блистательный князь Темкин, а великолепные, изготовленные по последнему слову техники новые модели Темкинских деревень, которые ничем не отличались от натуральных.

Вохры, например, организовали под самой Кремлевией колонию для преступников – Меньшевскую коммуну, в которой находились «раскаявшиеся» медвежатники, карманные и квартирные воры, грабители-убийцы и прочие жулики. Все эти «раскаявшиеся и перевоспитанные» жулики жили в прекрасных условиях и лучшие, наиболее гуманные вохровские «воспитатели», не жалея своих трудов, непрерывно с громадным успехом перевоспитывали их.

Иностранные туристы, которым демонстрировали этих «раскаявшихся» медвежатников, приходили в умиление.

Даже в знаменитой Склянской тюрьме, в камерах которой в 22 г. в.в.э. размещались на «трехэтажных» нарах по 180 человек, для знатных иностранных туристов демонстрировалась такая же по площади камера, где на 12 великолепных кроватях с ослепительным бельем нежились преступники. Когда десятками лет вохровское счастливое население пользовалось благами перманентного социалистиче-

i Стенограмма XVIII съезда, стр. 208, речь Чарнивидзе.

ii То же, стр. 219, речь Анастасяна.

ского товарного голода, те города и курортные места, которые больше всего посещались иностранцами (например, Кремлевия, Ильичевград, Чоси и другие), были на преимущественном снабжении. Для демонстрации иностранцам существовали феерические дворцы пионеров, клубы, умопомрачительные больницы, роскошные университеты. Если, например, вохровские студенты в общежитиях ютились по 4 человека (а иногда – и больше) в бедно обставленных каморках площадью по 14 м^{2}, то в общежитии Кремлевского Университета, которое часто посещали иностранцы и где жили также студенты из развивающихся стран, комнаты были достаточно комфортабельны.

Но в основном Темкинские деревни строились для вохровских граждан. Более мелкие вохровские вожди старались обмануть более крупных. Например, если великий Никитов решал осчастливить своим приездом какой-нибудь тмутараканский город, в тамошних магазинах, дотоле пустых появлялось множество продуктов и товаров.

Более мелкие вохровские вожди любыми путями: приписками, «досрочными» пусками в эксплуатацию предприятий и домов, увеличением объемов выполненных капитальных работ за счет осуществления совершенно ненужных и подчас вредных работ и просто разнообразными жульническими приемами – пускали пыль в глаза более крупным вохровским вождям. В свою очередь, более крупные вожди пускали пыль в глаза более мелким вождям разнообразными плановыми, статистическими и идеологическими махинациями.

И крупные, и мелкие вохровские вожди совместно со своими верноподданными подручными, используя подчиненные им печать, радио, литературу, кино и прочие идеологические средства непрерывно, в течение десятилетий, каждодневно околпачивали счастливых вээнов, кахов, зеков и эспов, доказывая и показывая, что они не голодают, а питаются лучше всех в мире, что у них наилучшее здравоохранение, просвещение, что Государство Тмутараканское строит больше жилья, чем все страны загнивающего капитализма вместе взятые, что они, тмутараканские граждане, пользуются самыми совершенными демократическими свободами. Начальство всех уровней, не жалея энергии и затрат, устраивало роскошные инсценировки, доказывающие как трогательно заботится вохровское государство о каждом вохровском человеке.

Более того, великие вохровские вожди делали все что в их силах для того, чтобы обмануть своих далеких потомков! Так, в период свирепого разгула виссарионовской реакции, когда истреблялись миллионы трудящихся, когда было закрепощено почти все население, виссарионовскую –«самую совершенную и демократическую» – Конституцию, написанную на высококачественном пергаменте, в специальной ампуле закапывали в землю для того, чтобы через 10 тысяч лет, наши далекие потомки о торжестве вохровской демократии.

С другой стороны, «самые правдивые» вохровская пресса, литература и прочие идеологические ведомства повседневно, в течение десятков лет, в очень сочувственном тоне рассказывали о чудовищно-тяжелой жизни трудящихся в странах загнивающего капитализма. Как этих трудящихся нещадно эксплуатируют, как они постоянно живут на грани голодного существования в трущобах, в которых младенцев поедают огромные хищные крысы. Как промышленность и сельское хозяйство стран загнивающего капитализма не выходят из перманентного кризиса. Как, при наличии отчаянного голода среди трудящихся, уничтожаются огромные количества пшеницы, кофе и других великолепных продуктов. Как неразумно там используется промышленный потенциал. Как для выгоды капиталистов гноятся изобретения ученых и трудящихся. Как огромные, унылые очереди безработных под дождем и снегом медленно движутся, чтобы получить миску отвратительной, вонючей похлебки.

Подобный материал, заполняющий вохровскую печать, радио, кино, литературу необъятен. Привести его целиком невозможно. Однако, автор рискует привести наиболее типичные темкинские высказывания самых влиятельных вохровских вождей и их апологетов, кроме тех, которые приведены в VIII, V и VI главах/

1. Темкинские деревни в сельском хозяйстве

Еще в 10 г. в.в.э. Максимилианов утверждал, что темп роста сельского хозяйства вдвое превышает темп роста сельского хозяйства в Колумбовии[i]. Одним из сильных, впрочем, давно известных шулерских приемов является констатация якобы всем известного крупного достижения и затем следует разъяснения причин этого крупного достижения. Великий семинарист мастерски владел этим приемом, хотя уступал в этом маститому профессионалу – академику Румилину. Вот как великий семинарист еще в 12 г. в.в.э. объясняет «небывалый успех в деле колхозного строительства»[ii]:

«...Объясняется он, этот небывалый успех в деле колхозного строительства, наконец, тем, что дело взяли в свои руки передовые рабочие нашей страны… Что же может быть удивительного в том, что рабочим удалось убедить(!) крестьян в преимуществе крупного колхозного строительства перед индивидуальным мелким хозяйством, тем более, что существующие колхозы и вохрозы являются наглядным примером, демонстрирующим эти преимущества[iii] … Рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов (группа Книгарина) насчет того, что: а) крестьяне не пойдут в колхоз... в) «столбовой дорогой» социалистического развития в деревне являются не колхозы, а кооперация… В чем состоит новое в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами[iv] и даже округами… Крестьяне, рассматриваемые ими, как материал, унаваживающий почву, массами покидают знамя «частной собственности и переходит на рельсы коллективизма, на рельсы социализма». (!)

Еще 37 лет тому назад на Пленуме 17-21.XII.14 г. в.в.э. говорят о быстром разрешении животноводческой проблемы, которая уродливым сельским хозяйством и ныне не разрешена:

«Истекший год дал огромный сдвиг в области обобществления скота… Этот сдвиг в области коллективизации скота наряду с организацией животноводческих вохрозов обеспечит быстрое разрешение животноводческой проблемы …».

К XVII съезду в 18 г. в.в.э., когда великий семинарист и его преданные подручные довели страну до голода, темкинский накал усиливается. Сельскохозяйственный вождь Яковцев заявляет, что зерновая проблема вчера уже была разрешена, а животноводческая проблема может быть и будет разрешена с успехом.[v]

Ушлый Анастасян, как всегда, выступает, как чемпион темкинских деревень, он заявляет[vi]:

«В вохрозах и товарных фермах на сегодняшний день – 4,6 миллионов коров. В стране в 10 г. в.в.э. было 29 миллионов, и вот 4,6 мил. коров в вохрозах и товарных фермах дали нашей стране в 17 г. в.в.э. больше товарного масла(!!), чем все коровы нашей страны в 10 г. в.в.э. Это значит, что мы можем даже до того времени, пока восстановится поголовье скота, достигнуть большого роста продукции, ибо социалистическая форма хозяйства – наиболее продуктивная, наиболее товарная. В наших успехах в области сельского хозяйства немалую роль сыграл закон об обязательных поставках сельскохозяйственных продуктов, принятый по инициативе Виссарионова».

Изворотливый Анастасян, будущий очередной всетмутараканский президент, один из немногих наркомов виссарионовской эпохи, уцелевший после дополнительного никитовского щелчка, творит чудеса в решете. Он, не моргнув глазом, утверждает, что в год величайшего голода, когда потребление молока и молочных продуктов, даже по преувеличенным вохровским статистическим данным о

---

i «Бесплановое хозяйство», 10 г. в.в.э., №4, стр. 22.

ii Виссарионов «Вопросы ильичевизма», стр. 301-303.

iii Все вохры и в первую очередь великий семинарист настолько убеждены в силе убеждения своего мощного темкинского концерна идеологических средств, что уже почти четыре десятка лет не устают твердить о «преимуществах» экономически-бессмысленных, убыточных и малопроизводительных колхозов и вохрозов (прим. автора).

iv Цинизм великого семинариста непревзойден. Он истребил миллионы, силой загнал крестьян в колхозы и по-темкински «удивляется новому» (прим. автора).

v Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 157.

vi То же, стр. 179.

розничном товарообороте, вплотную приблизилось к нулю, составив в городах – 3,1 килограмма на человека в год(!), 4,6 миллионов коров в хозяйственно дезорганизованных колхозах и вохрозах дали больше товарного масла, чем 29 миллионов коров в расцвете рестэпа в 10 г. в.в.э. Тогда в любом государственном или частном магазине можно было купить любое количество масла по цене в 20 раз более дешевой, чем в коммерческих магазинах в день, когда Анастасян произнес эту поистине Темкинскую речь.

Чтобы несколько сгладить свое чудовищное вранье, Анастасян добавляет, что большую роль «в успехах сельского хозяйства» сыграли виссарионовские обязательные поставки, то есть простой грабеж. Но и с помощью грабежа нельзя было получить молока и масла от коров, забитых в результате коллективизации и от оставшихся в товарных колхозных фермах и вохрозах, погибающих от бескормицы, грязи и отсутствия хлевов и ухода. Малоскифский вождь Сохиор, через 3 года уничтоженный великим семинаристом, тоже не сомневается, что 18 г. в.в.э. будет решающим в деле подъема животноводства. Он дословно говорит:

«Мы преодолеем все трудности… благодаря исключительным качествам вождя и стратега нашей партии Виссарионова и его гениальной прозорливости… Мы зерновую проблему ре- шили… Я не сомневаюсь, что 18 г. в.в.э. будет решающим в деле подъема животноводства...».

Стенограмма XVII съезда, стр. 197-201.

Богоподобный великий семинарист, уверивший себя в том, что вохровские фабрики и заводы давно уже рентабельно работают, скромно полагает, что в 17 г. в.в.э. имеются еще нерентабельные колхозы и вохрозы, но через 2-3 года они станут столь же рентабельными, как «наши заводы и фабрики». Он путано объясняет[i]: «… Колхозы и вохрозы, конечно, не везде одинаковы. Среди колхозов и вохрозов имеются старые, новые и совсем молодые. Это еще слабые, не вполне отлившиеся хозяйственные механизмы. Они переживают в своем организационном строительстве приблизительно тот же период, какой переживали наши заводы и фабрики в 4-5 г. в.в.э. Понятно, что они не могут быть еще рентабельными в своем большинстве(!). Но что они станут рентабельными в продолжение 2-3 лет так же, как стали рентабельными наши фабрики и заводы после 5 г. в.в.э., – в этом не может быть никакого сомнения(!)».

Пожалуй, эту похвальбу следует не относить в счет темкинской пропаганды, а просто признать дремучее невежество великого семинариста в элементарной экономике. Не говоря уже о том, что «рентабельность» вохровских заводов и фабрик весьма относительна. Ее вообще трудно установить из-за вохровского хаоса в ценах и ценообразовании. О рентабельности или нерентабельности колхозной сельскохозяйственной продукции вообще не могло быть речи, так как даже относительная ее «себестоимость» в условиях вохровского экономического хаоса не определялась более двадцати лет, что подтверждал академик Румилин на всесоюзном совещании статистиков в 41 г. в.в.э., а «цены», установленные еще в начальный период коллективизации, были символическими – как выразился великий Никитов, более четверти века сельскохозяйственная продукция изымалась у колхозов почти бесплатно.

Угодливо, подхалимски согнув спину, в архитемкинском стиле ученый профессор Чертенко лепечет[ii]:

«Возросший энтузиазм колхозного крестьянства в сочетании с социалистической дисциплиной труда, с передовой технической базой крупного коллективного хозяйства и при вохровском руководстве колхозами сделали колхозы незыблемой основой социалистической переделки деревни, которая в течение второй пятилетки была полностью завершена… Успешная борьба партии за сплошную коллективизацию сельского хозяйства превратила Государство Тмутараканское из страны отсталого, мелкого землевладения в страну самого крупного в мире передового сельского хозяйства».

К периоду XVIII съезда в 21 г. в.в.э. темкинская похвальба вохров достигает геркулесовых столбов.

Темкинский тон задает великий семинарист.

---

i Виссарионов, «Вопросы ильичевизма», изд. 29 г. в.в.э., стр. 384.

ii «История народного хозяйства Государства Тмутараканского», том III, стр. 376-377.

В своем отчетном докладе он доводит вранье до глобальных масштабов[i]:

«…Можно на основании всех этих данных сказать, что реконструкция нашего земледелия на основе новой современной техники – уже завершена в основном. Наше земледелие является, следовательно, не только наиболее крупным и механизированным, значит и наиболее товарным земледелием, но и наиболее оснащенным современной техникой, чем земледелие любой другой страны(!)

… Наша задача в ближайшие 3-4 года добиться производства 8 миллиардов берков зерна со средней урожайностью в 12-13 центнеров на гектар...».

Как и похвальбу о достижении вохровским сельским хозяйством «рентабельности» через 2-3 года, похвальбу о вохровском сельском хозяйстве, «наиболее оснащенном современной техникой, чем земледелие любой другой страны», и о производстве в ближайшие 2-3 года 8 миллиардов берков зерна в значительной степени следует отнести за счет полного невежества великого семинариста в вопросах сельского хозяйства – это, кстати, отметил великий Никитов, когда в 40 г. в.в.э. мужественно «разоблачал культ личности».

Возможно, великий семинарист не представлял, какими «методами» до смерти запуганные чиновники сельскохозяйственной административной схемы определяют урожай. Нет сомнения, что те же чиновники совместно с ученым людом во главе с авантюристическим академиком Кудрявенко окончательно запутали великого семинариста в вопросах применения удобрений, травопольной системы, агротехники и, следовательно, урожайности. Так или иначе, даже спустя 15 лет (а не через 2-3 года) в 37 г. в.в.э. уже амбарный урожай, а не биологический (как именовали применявшийся ранее шулерский метод определения урожая), составил около 5 миллиардов берков, а урожайность – 7,8 центнеров с гектара, а если учесть последующие потери зерна (~25%), то фактический амбарный урожай (то есть тот, который доходил до потребителя) составил ~3,8 миллиардов.

Только 21 год спустя, когда были затрачены огромные средства для поднятия более 50 миллионов гектаров целины, условный амбарный урожай достиг 8 миллиардов берков, но, если учесть огромные потери – только 6 миллиардов при условной урожайности в 10-11 центнеров с гектара, а если опять учесть потери, то не более 8 центнеров. Так выглядит невежественная темкинская похвальба великого семинариста, размноженная до чудовищных размеров мощным вохровским идеологическим механизмом.

Изогнувшись до земли и с выражением огромного удовольствия слизывая пыль с сапогов великого семинариста, очередной сельскохозяйственный вождь Плохдиктов похваляется огромной – по сравнению со странами загнивающего капитализма – производительностью вохровской сельскохозяйственной техники и с энтузиазмом восклицает: «Да здравствует вождь, учитель и гениальный теоретик социалистического земледелия – т. Виссарионов!».[ii]

Мелкий кремлевский вождь Фалангов вступает даже «в соревнование с передовой по животноводству капиталистической страной – Варягией Южной...»[iii] и «доказывает», что в кремлевских вохрозах удой уже больше среднего по сравнению с Варягией Южной.

Та же похвальба продолжается и после окончания Второй мировой войны, когда вохровское сельское хозяйство находилось в глубоком упадке, а в 30 г. в.в.э. свирепствовал сильнейший голод.

Невзирая на свирепствовавший в 30 г. в.в.э. голод, недоедание в период Второй мировой войны, когда 20-миллионная вохровская армия и весь аппарат тайной полиции по существу кормились за счет поставок Колумбовии по так называемому ленд-лизу, Постановление февральского Пленума ЦК в 41 г. в.в.э. констатирует блестящее состояние вохровского сельского хозяйства: «Валовой сбор зерна в 24 г. в.в.э. превысил 7 миллиардов берков(!)[iv] и товарное зерно производилось в 2 раза больше, чем в 4 году до в.в.э…

i Стенограмма XVIII съезда, стр. 20-27.

ii Стенограмма XVIII съезда, стр. 320-319.

iii Стенограмма XVIII съезда, стр. 416.

iv Вновь счет велся по шулерскому «биологическому» урожаю!

Подъем сельского хозяйства обеспечил рост… благосостояния кахов(!)[i]. Государство заготовляло зерно, мясо и жиры и другие продовольственные и сырьевые продукты в размерах, обеспечивающих продовольственные и сырьевые нужды страны и создание серьезных резервов[ii] ….

В тяжелые годы войны наша армия не испытывала недостатка в продовольствии, население снабжалось продовольствием, а промышленность сырьем…[iii] В этом сказалась сила и жизненность колхозного строя, патриотизм колхозного крестьянства...».

В 32 г. в.в.э. и позже вохровские печать и литература, захлебываясь от восторга, во всю рекламировали авантюристический, провалившийся план виссарионовского «плана преобразования природы». Один из самых авторитетных экономических журналов «Бесплановое хозяйство» в 32 г. в.в.э., в №6, на стр 19 писал о «плане преобразования природы»: «Осуществление грандиозного государственного плана полезащиты, лесонасаждений, внедрение травопольных севооборотов, строительство прудов и водоемов приведет к созданию высоких и устойчивых урожаев, поднимет во много раз производитель ность сельскохозяйственного труда».

Несмотря на совершенно жалкое состояние животноводства, что показано автором в разделе 23 III главы, вохровцы гордились лучшей в мире племенной работой[iv]: «С 19 по 24 г. в.в.э. количество породного скота в Государстве Тмутараканском увеличилось. Такого размаха племенной работы и улучшения качественного состава стада не знала ни одна капиталистическая страна». (!!)

Наконец, в год величайшего кризиса вохровского сельского хозяйства, в 34 г. в.в.э., «Бесплановое хозяйство» вновь кичится «самым крупным механизированным хозяйством в мире»[v]:

«На основе индустриализации страны и победы колхозного строя наше социалистическое сельское хозяйство оснащено наиболее современной техникой и превращено в самое крупное и высокомеханизированное в мире».

Далее тот же автор «сокрушается» по поводу «слабого» технического оснащения колумбовского сельского хозяйства: «По данным ценза 29 г. в.в.э., почти половина (46%) фермерских хозяйств Колумбовии имеет всего 12,7% сельскохозяйственных машин, 13,6% тракторов и 2,4% комбайнов, находящихся в сельском хозяйстве Колумбовии. Следовательно, почти половина фермерских хозяйств ведет земледелие в условиях крайне слабой технической оснащенности, подвергаясь жестокой эксплуатации и разорению… В капиталистическом земледелии не применяются многие приемы современной агротехники (лущение стерни, зяблевая вспашка с предплужниками, предпосевная культивация и прочее...».

Этот темкинский перл не единичен, а типичен для вохровского мощного идеологического механизма по превращению черного в белое, а белого в черное.

В главе VIII показано, что даже через 50 лет после великой вохровской революции фактическая производительность труда в вохровском сельском хозяйстве остается в 13-15 раз меньше колумбовской. На громадной пахотной площади, которая в 1,5 раза больше колумбовской, вохровцы снимают в 2 раза меньше продукции. Производительность труда в общественном вохровском секторе примерно равна производительности труда в примитивном вохровском подсобном хозяйстве, то есть отстала от колумбовской производительности труда на тысячелетие, а один из самых серьезных вохровских экономических журналов – «Бесплановое хозяйство», пуская слюни от избытка вохровской гордости в годы величайшего упадка вохровского сельского хозяйства, лепечет «о самом механизированном в

---

i В Головастии и в других районах кахи питались травой, так как даже жалкий урожай с подсобного хозяйства в значительной части экспроприировался государством (прим. автора).

ii Как известно, к началу войны обнаружилось, что никаких резервов не было (прим. автора).

iii Несмотря на то, что по лендлизу в 26 г.-27 г. в.в.э. было получено ~2 мил. тонн муки, 0,8 мил тонн жиров, 2 миллиарда банок консервов и много других пищевых продуктов, что вполне было достаточно для снабжения 20-миллионной армии, тыловые части получали скудный, недостаточный паек, значительные группы населения получали по 200-300 гр. хлеба на человекодень и столь ничтожное количество продуктов, что хотя даже в городах население занималось подсобным хозяйством, многие умерли с голоду. К сожалению, вохровская статистика не публикует данные о жертвах голодной смерти (прим. автора).

iv «Бесплановое хозяйство», 32 г. в.в.э., №3, стр. 57.

v «Бесплановое хозяйство», 34 г. в.в.э. №1, стр. 45, 47.

мире вохровском сельском хозяйстве», о слабом техническом оснащении колумбовских фермеров и разорении их, хотя один колумбовский фермер обеспечивает изобилие продуктов сельского хозяйства для 30-40 человек.

После смерти великого семинариста великий Никитов с оглядкой признает, что в последние годы владычества Виссарионова вохровское сельское хозяйство зашло в тупик, и предлагает осуществить ряд мероприятий, которые должны почти молниеносно вывести его оттуда. В 23 разделе III главы автор сообщил об этих мероприятиях и как они «вывели из «тупика и кризиса» вохровское сельское хозяйство. Но уже через пару лет великий Никитов, «исправивший» ошибки великого семинариста, в еще большей степени заражается темкинским пылом.

Уже через полгода после смерти великого семинариста на сентябрьском Пленуме ЦК 37 г. в.в.э. великий Никитов предлагает гениальный рецепт: «Если все местные партийные, вохровские и сельскохозяйственные органы решительно и настойчиво возьмутся за дело… то в ближайшие 2-3 года наша страна получит обилие мяса, молока, масла, яиц и других продуктов животноводства».

На январском Пленуме ЦК 39 г. в.в.э. великий Никитов «добивается» производства 10 миллиардов берков зерна и заявляет, что в ближайшие 5-6 лет необходимо увеличить производство основных продуктов животноводства в 2 с лишним раза. К 42 г. в.в.э. темкинский накал великого Никитова доходит до температуры солнечной поверхности. На декабрьском Пленуме ЦК в 42 г. в.в.э. он возглашает: «Борьба нашей партии и всего вохровского народа увенчалась замечательной победой… Считать и впредь важнейшей задачей развития сельского хозяйства, всемерное увеличение производства зерна...с тем, чтобы довести валовой сбор в 49 г. в.в.э. до 10-11 миллиардов берков… Увеличить производство овощей до размеров полного удовлетворения потребностей населения… плодов и ягод не менее, чем в 2 раза, винограда в 4 раза…».

Войдя в раж от громадных «кукурузных», «животноводческих» и прочих грандиозных

побед в результате осуществления гениальных мероприятий, великий Никитов приступает к ликвидации личного подсобного хозяйства, которое и в настоящее время является одним из основных источников существования кахов и производит около трети сельскохозяйственной продукции. В Постановлении того же Пленума ЦК отмечается: «Следует всемерно поддерживать инициативу рабочих и служащих вохрозов, которые правильно ставят вопрос о продаже своего скота вохрозам[i] … На современном этапе… отпадает необходимость рабочим и служащим вохрозов иметь своих коров. Требуется, чтобы руководители местных партийных и вохровских организаций хорошо подготовились к проведению этих назревших вопросов с тем, чтобы постепенно в течение 2-3 лет вохрозы купили скот у своих рабочих и служащих, обеспечив снабжение их продуктами животноводства».

В тот же период, в результате накаленного до белого каления темкинского пыла начинается бурная кампания энтузиастов под главенством великого Никитова за то, чтобы в ближайшие годы перегнать Колумбовию по производству продуктов животноводства и затем далеко обогнать ее, Колумбовию, и в остальном.

Наиболее ретивые вохровские областные вожди достигают блестящих результатов, разумеется, темкинских. За один год они увеличивают производство мяса почти в четыре раза по целой области(!!!) На XXI съезде областной Назярский вождь Сундукионов заявляет[ii]:

«Труженики сельского хозяйства Назярской области… тщательно подсчитав свои возможности, решили задания семилетки выполнить в 2-3 года. Это не пустые слова, не голые заверения. Уже в этом году… производство мяса будет увеличено в 3,8 раза(!). Государству будет поставлено 150 тысяч тонн или в 3 раза больше, чем в 42 г. в.в.э.».

Год спустя после этого энтузиастского заявления, подтвержденного «тщательным подсчетом тружеников сельского хозяйства», на декабрьском Пленуме ЦК 43 г. в.в.э. отмечалось:

---

i Эти мифические рабочие и служащие вохрозов с таким же «энтузиазмом» ставили вопрос о продаже своих коровушек-кормилиц, с каким крестьяне шли в колхозы (понукаемые мощным полицейским аппаратом) и с каким вээны и кахи требовали обесценения и затем полного аннулирования облигаций государственных займов (прим. автора).

ii Стенограмма XXI съезда, 43 г. в.в.э., стр. 211

«Выдающаяся победа... одержана трудящимися по Назярской области под руководством парторганизации. Они с честью выполнили свое высокое обязательство, увеличив производство мяса в колхозах и вохрозах за 43 г. в.в.э. в 3,8 раза и всего продали мяса в 3 раза больше, чем в 42 г. в.в.э. Этот замечательный пример трудящихся Назярской области убедительно подтверждает, какие огромные резервы заложены в каждом колхозе, вохрозе, в каждом районе и в каждой области по увеличению производства продуктов сельского хозяйства».

«Точность и тщательность» подсчетов «труженников сельского хозяйства» Назярской области просто поразительна. Они в точности выполнили свое обещание, данное за год до этого. До какого совершенства, до каких высот дошло колхозно-вохрозное хозяйство этой области!!!

К сожалению, совершенство это оказалось темкинским. Назярские вожди забивали продуктивный скот, покупали скот в других областях, покупали скот у кахов и осуществляли много других темных операций. В результате жалкое Назярское животноводство сделало огромный скачок... назад. Имеется данные, что областной вохровский вождь Сундукионов, уже получивший высшие награды, счел разумным по своей воле переселиться в иной мир, где нет ни радостей ни страданий, ни завышенных обязательств...

Конечно, мощный, идеологический, вохровский механизм хранил на этот счет гробовое молчание. Но великий Никитов отнюдь не был смущен. Отныне он в дополнение к кукурузным, гороховым, машинно-тракторным и прочим гениальным мероприятиям ополчается на травопольную систему, которая внедрялась десятки лет.

В мартовском Пленуме ЦК 46 г. в.в.э. отмечается: «Попытка решить задачу увеличения продукции сельского хозяйства в рамках несостоятельной травопольной системы не могла и не может дать результатов»… Далее, поскольку все члены ЦК и лично великий Никитов превосходно владеют арифметикой, приводится гениальный подсчет – как в ближайшие годы догнать Колумбовию и достигнуть темкинского арифметического изобилия мяса:

«I этап: производить 75 центнеров на 100 гектаров пашни и 16 центнеров на 100 гектаров прочих угодий. Такова программа-минимум для каждого хозяйства на ближайшие годы. Это даст возможность перегнать Колумбовию по производству мяса на душу.

II этап — 100 центнеров мяса на 100 гектаров пашни.

III этап — 150 -//- -//- на 100 гектаров...».

Итак, темкинское, арифметическое изобилие мяса достигнуто. Колумбовию по-темкински перегнали. Но вот беда! В самом разгаре темкинской деятельности великого Никитова свергли. Сказка про белого бычка начинается сначала. Вновь не вохровские методы ведения сельского хозяйства подвергаются критике, а никитовские «субъективизм и волюнтаризм» и отмечается отставание до сих пор «победно шествующего сельского хозяйства» из-за этих самых субъективизма и волюнтаризма. Новые великие вохровские вожди вновь начинают радикальные мероприятия. Через пару лет в 50 г. в.в.э. начинаются благоприятные погодные условия, и так же, как и в 42 г. в.в.э., когда была столь же благоприятная климатическая обстановка, мощный вохровский идеологический механизм объявляет об очередной победе – разумеется, темкинской победе.

2. Темкинские деревни в промышленности

В главе третьей «Введения...» автор показал печальное, энтропийное состояние вохровской экономики в целом и промышленности в частности. Показана была трагедия совершенно невероятного расточительства. Но талантливые вохровские вожди и их подручные, сумевшие столь блестяще организовать темкинские деревни, ничуть не смущены этой потрясающей трагедией расточительства. Еще в 10 г. в.в.э. академик Максимилианов уже хвастался превосходством вохровской промышленности над Колумбовией[i]:

i «Бесплановое хозяйство», 10 г. в.в.э., №2, стр. 20.

«В контрольных цифрах Госплана уже отмечалось, что концентрация нашей вохровской промышленности превосходит нормы концентрации даже Колумбовии».

На Пленуме ЦК 11-IV 12 г. в.в.э. констатировалось, что даже несмотря на вредительство, вохровское государство быстро шло вперед[i]:

«Если несмотря на контр-революционную деятельность в Малоскифбассе и ряд других фактов экономического вредительства, саботажа и проч., вохровское государство быстро шло по пути хозяйственного восстановления, то это является новым доказательством исключительного преимущества вохровской системы(!)...».

Особенно похвалялся «успехами» вохровской промышленности великий семинарист.

Еще в 13 г. в.в.э. он, по-видимому, благодаря своему дремучему невежеству, был убежден, что проблема легкой индустрии «разрешена несколько лет тому назад», хотя даже к пятидесятилетию великой вохровской революции наличествует товарный голоду по многим изделиям и фактически отсутствует индустрия сервиса.

Великий семинарист вещал[ii]:

«Проблема легкой индустрии не представляет особых трудностей, она уже разрешена нами несколько лет тому назад(!). Труднее и важнее проблема тяжелой индустрии...».

В 15 г. в.в.э., когда великий семинарист еще проповедовал версию о том, о что довохровское Государство Тмутараканское всегда было отсталым и поэтому его все били, он утверждал, что через 10 лет необходимо догнать страны загнивающего капитализма[iii]:

«История старого Государства Тмутараканского состояла, между прочим в том, что его непрерывно били за отсталость. Били мазурско-литские паны. Били саксо-галльские капиталисты. Били банзайские бароны. Били моголские ханы. Били янычарские беки. Били варяжские феодалы. Били все. За отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную… Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет».(!)

Через два года, в 17 г. в.в.э., после такого самобичевания великий семинарист «едко высмеивает» «жалкие» темпы прироста в странах загнивающего капитализма[iv]: «Я думаю, что для второй пятилетки придется взять 13-14% ежегодного прироста промышленной продукции в среднем. Для капиталистических стран такой темп прироста промышленной продукции составляет недосягаемый идеал. И не только такой темп прироста промпродукции – даже 5% ежегодного среднего прироста составляет для них теперь недосягаемый идеал. Но на то они и капиталистические страны. Другое дело вохровская страна с вохровской системой хозяйства. При нашей системе хозяйства мы имеем полную возможность и мы должны осуществить 13-14% ежегодного прироста продукции, как минимум».

Когда великий семинарист столь высокомерно охаивал капиталистические страны, ему было, конечно, известно, что в его стране свирепствует голод и людоедство, но едва ли он знал, что прирост продукции осуществляется за счет все возрастающего прироста брака, а объем результирующей общественной продукции – предметов потребления, даже бракованных – ничтожен. В 23 г. в.в.э. великий семинарист распаляется еще сильней. Он с полным презрением взирает на страны загнивающего капитализма[v]:

«Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности». Далее он скромно заявляет: «... Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении...».

---

i Резолюции и решения (9-37 г. в.в.э.)», изд. VII, стр. 381.
ii Виссарионов, «Вопросы ильичевизма,» стр. 296.
iii Виссарионов: «Вопросы ильичевизма», стр. 361-363.
iv «Вопросы ильичевизма», стр. 378.
v Отчетный доклад на XVIII съезде.

Вслед за великим семинаристом другие менее великие вохровские вожди и ученые вохровские экономисты совершенно обалдели от «великих» успехов. Ученый экономист – профессор Чертенко в умилении восклицает[i]: «За годы первой пятилетки химическая промышленность Союза превратилась в первоклассную отрасль народного хозяйства, оснащенную передовой техникой, осваивавшую новейшие достижения науки и имевшую все отрасли химического производства. Были заложены основы целого ряда совершенно новых отраслей химической промышленности – искусственного волокна, синтетического каучука, пластмасс и других».

Далее, в цифрах почтенный профессор Чертенко показывает, как еще в 15 г. в.в.э. Государство Тмутараканское обогнало Гуннию и Саксию и вплотную придвинулось к Колумбовии в области машиностроения[ii]:

Удельный вес в мировом машиностроении

Годы	Госуд. Тмутар.	Колумбовия	Гунния	Саксия.
12 г. в.в.э.	4,0	56,9	13,7	10,8
15 г. -//-	21,4	36,9	13,9	15,0

Трудно решить, результатом чего являются восторженные писания профессора – непроходимого невежества или апологетики. По-видимому, это суммарный результат первого и второго.

Даже в настоящее время, 35 лет спустя, вохровская химическая промышленность, как показано автором в главах III и VIII, безнадежно отстает от химической промышленности стран загнивающего капитализма. Те заводы по производству полиэтилена и синтетического волокна, которые с огромным опозданием пущены в 48-51 г. в.в.э., куплены в «отстающих» Гуннии и Саксии. Сельское хозяйство страдает от недостатка даже скверных удобрений. Качество горючего попросту несравнимо с качеством горючего в странах загнивающего капитализма. Объем производимых синтетических моющих веществ ничтожен.

А Чертенко бесстыдно утверждает, что еще в 15 г. в.в.э. по мановению волшебного жезла была создана первоклассная химическая промышленность. До какого же расцвета должна была дойти ныне, через 35 лет, «первоклассная вохровская химическая промышленность»? По Чертенко, творятся чудеса в решете. За 3 года, с 12 по 15 г. в.в.э., удельный вес вохровской машиностроительной промышленности вырос с 4% до 24,4%(!!) в мировой машиностроительной промышленности, а ныне через 35 лет, сельское хозяйство задыхается от недостатка машин и транспорта, строительство промышленных предприятий неоднократно срывается из-за недостатка оборудования, незначительное количество частных потребителей годами ждут в очереди покупки автомашины (хотя подавляющее большинство вээнов и кахов не в состоянии купить автомашину, цена которой равна 4-годовой средней зарплате). Качество вохровских машин не идет ни в какое сравнение с качеством машин, производимых в странах загнивающего капитализма, латинские и галльские автомобильные фирмы строят в Государстве Тмутараканском автомобильные заводы.

Только восхищение своими вохровскими темкинскими деревнями помогало вохровским невежественным апологетам утверждать, что вохровская промышленность, выпускавшая в 15-17 г. в.в.э. один только брак, – является первоклассной. Именно в период XVII съезда, в 18 г. в.в.э., когда тмутараканская промышленность выпускала почти сплошной брак, несколько менее великие вохровские вожди вслед за своим боготворимым великим семинаристом похвалялись огромными «успехами». Вячеславов, может-быть, и искренне уверен в «успехах», вследствие своей чудовищной неграмотности:[iii] «Теперь наша страна имеет такую мощную промышленность, вооружена такой техникой, такими мощностями и может строить все это в дальнейшем в таком количестве, которое необходимо для технического вооружения всех отраслей народного хозяйства».

i «История народн. хозяйства Государства Тмутараканского», т. III, стр. 301.
ii То же, стр. 286.
iii Стенограмма XVII съезда, стр. 5, 18 г. в.в.э.

Сергодзе в экстазе[i]: «Мы построили за эти годы много заводов, хороших заводов. Мы можем сказать без хвастовства: таких заводов в Европе нет!».

Еще в 18 г. в.в.э. невежественный Вячеславов, по-видимому, со слов своих советников из Госплана, которые и в настоящее время, спустя 35 лет, полагают, что они субъекты планирования (хотя вохровская система – самоуправляемая), утверждал, что отныне удельный вес группы «Б», то есть предметов потребления, будет увеличиваться, повысившись с 46,7% в 16 г. в.в.э. до 52,9%(!) в 21 г. в.в.э. Как показано автором в VII главе, в настоящее время – через 30 лет после того, как попугай-Вячеславов намечал поднять удельный вес предметов потребления до 52,9%, – фактически удельный вес предметов потребления приблизился к нулю, составив 15%, что, вообще говоря, невероятно для любой другой мыслимой экономической системы. При таком фантастическом провале вохровской уродливой экономики темкинское хвастовство Вячеславова звучит особенно анекдотично[ii]:

«Мы ставим своей задачей во второй пятилетке уничтожить причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию человека человеком… Именно в связи с этим партия и правительство ставят перед собой задачу развернуть работу легкой и пищевой промышленности(!), а также других отраслей промышленности и сельского хозяйства и обеспечить повышение уровня потребления трудящихся в 2½-3 раза(!)[… Главной задачей второй пятилетки является завершение технической реконструкции. Не только по уровню техники, но и по размерам промышленной продукции Государство Тмутараканское будет идти впереди всех стран Европы(!)… Задачей первой пятилетки было создание тяжелой индустрии как базы перевооружения всего хозяйства. С этой задачей мы справились. (!) Если в первой пятилетке промышленность, производящая средства производства, развертывалась относительно быстро, то во второй пятилетке быстрее ее растет промышленность, производящая предметы широкого потребления:

	16 г. в.в.э.	**21 г. в.в.э.**
Группа «А»	53,3	47,1
Группа «Б»	46,7	(!)52,9

…По уровню технического вооружения легкая промышленность Государства Тмутараканского выходит на одно из первых мест в мире. (!) Во второй пятилетке создается целый ряд новых химических производств, как то: химическая переработка угля[iii], торфа, сланцев, новые виды красителей, развертывание производства пластмасс, синтетического каучука и др. Производство минеральных удобрений за 5 лет должно подняться в 10 раз[iv]….

В результате завершения технической реконструкции Государство Тмутараканское к концу пятилетия становится по объему продукции пищевой промышленности на первое место в Европе»[v].

Вячеславов горделиво заявляет:

«Задача «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении капиталистические страны – осуществляется на практике(!)».[xxx]

Другой великий вохровский вождь Валерианов уже в 18 г. в.в.э. «в ряде случаев» перегнал самые передовые капиталистические страны[vi]:

«Опыт 17 г. в.в.э. показал, что несмотря на сложность освоения новой техники, уже сейчас есть возможность полного освоения проектных мощностей и технических норм, и в ряде случаев более высоких норм, чем тем, которые достигаются на тех же агрегатах в самых передовых капиталистических странах». (!!)

Нарком Позендерев не отстает во вранье[vii]:

i То же, стр. 170.
ii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 351-352.
iii Одна из экономических, промышленных авантюр (прим. автора).
iv И ныне через 3,5 десятка лет, как показано автором в III главе, в производстве пластмасс мы безнадежно отстаем.
v Даже через 35 лет сельское хозяйство страдает вследствие недостатка доброкачественных удобрений (прим. автора).
vi Один из темкинских приемов. Мол, даже враждебные иностранцы поражены нашими масштабами (прим. автора).
vii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 398.

«Мы обладаем наиболее современным, наиболее молодым оборудованием во всем мире….Лучший специалист по «скифским делам» Кремер из Гуннии в 13 г. в.в.э. году сказал: «Если бы можно было этот пятилетний план выполнить в 50 лет, то и тогда это было бы грандиозно. Но это утопия...»[i].

Один из мелких хозяйственных вождей Робкев впадает в телячий восторг[ii]:

«Мы выдвинем авто-тракторную промышленность в лучшие, передовые шеренги не только в промышленности Государства Тмутараканского, но и в первые ряды среди самых на сегодняшний день высоко технически развитых стран, как Колумбовия. Наши автозаводы будут служить образцом не только для нашего Государства Тмутараканского, но и для всего мира!»[iii].

К XVIII съезду, когда великие вохровские вожди и их тайная полиция создали самую лучшую в мире за всю историю человечества тюремно-лагерную «перевоспитательную» индустрию, хвастовство естественно усиливается. Хитрый Анастасян[iv] уже вскользь отмечает, что легкая и пищевая промышленность «перегнала главные капиталистические страны»: «Я не буду останавливаться на положении всех отраслей легкой, и в особенности пищевой промышленности, которая выполнила I и II пятилетку, досрочно догнав и перегнав в отношении техническом и по темпам главные капиталистические страны(!)...».

Нарком тяжелого машиностроения Большев хвастается[v]: «В нашем станочном парке станки, имеющие возрасты больше 10 лет, составляют 25%, а в Колумбовии – 60%.. В 20 г. в.в.э. по инициативе Лазаревича были выпущены первые 2 паровоза с конденсацией пара, а в 22 г. в.в.э. работало 700 таких паровозов. Первые два завода- Большекамневмаш и Торскрамский – имеют такое оборудование, какого нет ни в одной капиталистической стране(!), за исключением разве Колумбовии».

Великий вождь Лазаревич, хорошо знающий сапожное дело, но мало смыслящий в технике, умиляется по поводу создания новых отраслей промышленности[vi]:

«Фактически заново созданы мощная алюминиевая промышленность, промышленность синтетического каучука, искусственного волокна, пластмасс и др.».

Его брат М. Лазаревич расписывает лучшую в мире авиационную и оборонну… промышленность:

«Военные круги Колумбовии, Саксии и Галлии спохватились и стараются исправить существенный пробел в производственной базе авиации. Впрочем, для капиталистических стран с их анархией производства эти пробелы вполне естественны. Мы куда быстрее и

По-иному решаем эти вопросы. Саксы усиленно жалуются на недостаточную инициативу своих конструкторов авиационной промышленности. Над этим мы можем только посмеяться, (!) ибо у нас инициативы хоть отбавляй. Один гуннский профессор Хейнкель, он же и заводчик, попробовать дать анализ авиационной промышленности по десятибальной системе и установил следующие баллы: Гуннния – 10, Государство Тмутараканское – 10, Латиния – 5, Саксия – 3, Галлия – 2, Колумбовия – 3. По количеству самолетов он установил: Гуннния — 10, Госуд. Тмут. — 5. По производительности заводов: Гуннния – 10, Госуд. Тмут. – 7.

Я думаю, что не будет зазнайством, а т. Виссарионов не любит хвастовства, (!) если мы скажем, что мы можем смело вызвать на соревнование капиталистические страны – кто скорее и лучше сделает самолет. И я уверен что на кремлевских авиазаводах и на других мы безусловно скорее и лучше сделаем. Наша оборонная промышленность по технике производства, как и вся промышленность, является самой передовой в мире». (!)

Яркой иллюстрацией хвастовства М. Лазаревича является тот факт, что через два года, в начале войны, вохровские летающие гробы – самолеты и ползущие гробы – танки не могли оказать гуннской

i То же, стр. 509-510.
ii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 579.
iii В главах III и VIII автор показал «образцовость» отставшей на 25-30 лет авто-тракторной промышленности.
iv Стенограмма XVIII съезда, 23 г. в.в.э., стр. 214.
v Стенограмма XVIII съезда, стр. 384-385.
vi То же, стр. 243.

авиации и танкам какого-либо серьезного сопротивления. В начале войны гуннская авиация полностью господствовала в воздухе.

Впрочем, ни хвастовство, ни подхалимство, ни мощная протекция великого брата М. Лазаревичу, как и многим, другим не помогли. Он был уничтожен великим семинаристом.

Мелкий вождь из политуправления Военно-морского флота – Верин легко «топит» любой вражеский флот[i]:

«О подводных кораблях мы можем сказать, что наша страна имеет уже сегодня сильный подводный флот, который способен затопить флот любого нападающего на нас государства в его же территориальных водах».

После окончания Второй мировой войны, когда промышленность, сельское хозяйство и наука находились в катастрофическом состоянии, темкинское хвастовство переходит всякие пределы. Вохровские вожди используют для этого даже академиков. Уже не политик, не администратор, не дежурный вохровский борзописец, а академик Вешяков вещает[ii]:

«Вохровская техника за 30 лет по уровню технического вооружения, то есть по насыщенности народного хозяйства новейшей техникой, наша страна вышла на первое место в мире».

Далее «объективный» академик отчасти отдает дань странам загнивающего капитализма:

«В развитии техники производства вохровское государство широко использовало, особенно на первых порах, передовой технический уровень капиталистических государств, критически перерабатывая этот опыт(!) и осуществляя новые пути технического прогресса[iii] соответственно задачам построения социализма и вохризма.

В результате в Государстве Тмутараканском создана материально-техническая база народного хозяйства, принципиально отличающаяся от материально-технической базы капитализма. Это находит свое выражение в комплексной механизации производственных процессов[iv], в отличие от механизации производства в условиях капитализма, характеризующейся неизбежной неравномерностью. Это планомерное развитие вохровской техники характеризуется:

1. механизацией производственных процессов,

2. широчайшим использованием электричества,[v]

3. химизацией технологических процессов и развертыванием производства синтетических продуктов,[vi]

4. Интенсификацией производства путем автоматики, телемеханики[vii]…

Успехи вохровской техники блестяще охарактеризованы т. Виссарионовым на XVIII съезде: Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники»[viii]. Вохровские специалисты по переработке нефти оказались достойными

i Стенограмма XVIII съезда, 28 г. в.в.э., стр. 620.

ii «Бесплановое хозяйство», 31 г. в.в.э., №6, стр. 12-43.

iii К сожалению, конкретно академик не перечислил «новые пути» прогресса (прим. автора).

iv По-видимому, Вешяков принадлежит к типичным вохровским академикам-дилетантам. Он и не подозревает, что именно в Государстве Тмутараканском отсутствует комплексная механизация. В 12 разделе III главы автор показал, что даже к 50 г. в.в.э. механизация сводится на нет наличием немеханизированных участков (прим. автора).

v В разделе 23 главы III автор показал, что даже к 50 г. в.в.э. почти 1/3 колхозов лишилась даже электроосвещения, а сельское хозяйство в целом не электрифицировано.

vi В разделе 9 главы III автор показал, что даже через 20 лет были провалены наметки семилетки по развертыванию производства синтетических продуктов.

vii В разделе 12, III главы автором показано, что и через 20 лет не удалось организовать рентабельную автоматизацию.

viii Ранее автор неоднократно констатировал невежество Виссарионова в технике и экономике. Поскольку Вешяков восхищается виссарионовской характеристикой вохровской промышленности, следует полагать, что академик столь же невежественен, если не более (прим. автора).

преемниками плеяды скифских ученых и технологов, которые в свое время обеспечили скифской нефтепереработке первое место в мире! Развитие авиации, автомобилизма, трактороо- и дизелестроения совершенно изменили требования, предъявляемые к переработке нефти. На основе глубоких научных исследований(!) вохровские нефтяники создали новые технологические схемы, установки и аппаратуру для нефтеперерабатывающих заводов. Был разработан ряд новых процессов: производство ассидола, вазелина и асфальта способом окисления, производство автола и спиртов; парофазно-окислительный крекинг; получение высокооктанового бензина; присадки к смазочным маслам; производство сжиженных газов (пропана и бутана), использование парафинистых нефтей. Достигнуты большие успехи в области пиролиза нефтей. Для перевозки нефти вместо прежних клепанных цистерн на 10-16 тонн введены сварные цистерны емкостью 30-50 тонн, построен ряд сварных трубопроводов и введена водная перевозка нефти в танкерах грузоподъемность 8 9 тыс. тонн. Особо сложные задачи были разрешены при переработке сернистых нефтей»[i].

Далее, в таком же духе и с таким же «знанием» дела «высокоученый» академик Вешяков распространяется об успехах черной металлургии, машиностроения, энергетики, промышленности контрольно-измерительных приборов, синтетического каучука, авиастроения и транспорта. Эти «успехи» даже спустя 20 лет автор не мог не осветить в главе III.

После смерти великого семинариста наступает некоторый спад темкинского хвастовства. Но вскоре темкинское хвастовство вновь захлестывает все. Один из видных вохровских вождей Баранов так расписывает провалившуюся семилетку[ii]: «… Все прогрессивное человечество рассматривает семилетний план как величайшее достижение нашего общественного строя... Наша страна проложила человечеству путь в космос. Введена в строй первая очередь атомной электростанции в 600 тыс. киловатт. Спущен на воду атомный ледокол. У нас выпускают самые быстроходные в мире реактивные и турбореактивные самолеты... Уже изготовлен турбогенератор в 200 тысяч киловатт. Создано высокоэффективное буровое оборудование.... Современная техника обогатилась новыми вычислительными машинами. За семилетку ручной труд в промышленности будет полностью ликвидирован.(!!)

... Теперь уже не «сакс-мудрец», а наш вохровский труженик изумил весь мир своим творческим гением...».

Волна хвастовства нарастает вплоть до свержения великого Никитова. После его свержения вновь имеет место «самокритика», относящая все неудачи за счет «субъективизма и волюнтаризма», но спустя пару лет в канун великого пятидесятилетия революции фонтанирующее темкинское хвастовство вновь взмывает до небес.

3. Темкинские деревни в вопросах производительности труда

В главе VI «Введения...» автором показано, что результирующая производительность труда, отнесенная к реализуемым предметам потребления в расчете на один человекочас, в результате плохой организации труда, устарелых технологических процессов, громадных потерь сырья, материалов, готовых изделий и труда, чрезвычайно малой эффективности капитальных затрат, высокого удельного

i Если бы академик Вешяков был бы попросту журналистом, специализировавшимся на нефтяной промышленности, он не мог бы более поверхностно и более по-дилетантски показать, как вохровская нефтепереработка занимает «первое место в мире». В разделе 9 и 10 третьей главы автор показал, что нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность даже ныне отстают на 25-50 лет от колумбовской. Вторичные процессы нефтепереработки безнадежно устарели. Качество бензинов и дизельного топлива – наихудшие в мире. Присадки для смазочных масел практически отсутствуют. Производство сжиженных газов ничтожно по объему и устарело по осуществляемым технологическим процессам. В целом, как показано автором в III главе, народное хозяйство из-за устарелых процессов в нефтепереработке даже через 20 лет после появления «ученой» статьи академика Вешякова, несет многомиллиардные потери из-за того, что моторесурс в 2,5-3 раза меньше, чем в Колумбовии, из-за отсутствия высокооктанового бензина, огромных потерь углеводородного сырья и т.п.

ii Стенограмма XXI съезда, ч. II, 43 г. в.в.э., стр. 128.

веса средств производства, скверного качества изделий и других причин — чрезвычайно низка в Государстве Тмутараканском и чуть ли не в 15 раз меньше, чем в Колумбовии.

Конечно, весьма значительную роль играет высокий удельный вес (по отношению к национальному доходу) производства предметов истребления. Такая фантастическая низкая результирующая производительность труда сама по себе является смертным приговором для вохровской экономической системы. Казалось бы, здесь уже деться некуда. Известно количество трудочасов, затрачиваемых в общественном, подсобном и домашнем хозяйстве Государства Тмутараканского и, скажем, Колумбовии. Известен объем производимых предметов потребления в обеих странах. Все крайне просто. Но даже в этом вопросе вохровские вожди и их подручные умудряются наводить тень на плетень.

Чемпионом Темкинских деревень в вопросе производительности труда несомненно является патриарх скифской статистики академик Румилин.

Румилин пишет[i]: «… Важнее всего однако то, что производительность индустриального труда (этот решающий показатель) повышалась в Колумбовии за период с 13 по 38 г. в.в.э. всего на 1,75-2% в год, тогда как у нас за последние 25 лет она росла, примерно, в четыре раза более высоким темпом(!)...».

Нужно полагать, что патриарх скифской статистики не догадался определять по годам объемы производимых предметов потребления и затраченного труда.

Животнов как ярый вохровский апологет в максимальной темкинской манере наводит тень на плетень[ii]:

«В капиталистических странах рост производительности труда происходит за счет усиления эксплуатации трудящихся и ведет к снижению стоимости рабочей силы, как товара... В связи с этим зарплата в капиталистических странах падает ниже стоимости рабочей силы.[iii] В социалистическом хозяйстве, где отсутствует антагонистическое противоречие между производством и потреблением(!)[iv], рост производительности труда ведет к повышению уровня жизни трудящихся.(!) В то же время с ростом производительности труда увеличиваются фонд накопления и та доля нацдохода, которая направляется на удовлетворение других общенародных потребностей...»[v].

Низвергнутый Никитовым великий вохровский вождь – сапожник Лазаревич еще более невежественный в вопросах экономики, чем великий семинарист, бодро заявляет[vi]:

«При широком внедрении опыта новаторов, мы можем быстро догнать и перегнать Колумбовию и по уровню производительности труда».

Так с помощью темкинских деревень вохровские функционеры, несмотря на фантастический провал в решающем вопросе о производительности труда, которая в 15 меньше колумбовской, вводят в заблуждение мировую общественность и вохровских трудящихся.

---

i Румилин, «Очерки социалистической экономики Государства Тмутараканского», стр. 188.

ii Животнов «Вопросы нацдохода и финансов Государства Тмутараканского», 42 г. в.в.э., стр. 29-33.

iii Совершенно непонятная «аквабадабра» имеющая целью скрыть, что реальная зарплата колумбовских трудящихся в 7-10 раз выше, чем у вохровских трудящихся. (Примечание автора).

iv Хорошо известно, что в Государстве Тмутараканском уже полвека господствует суверенитет производства («производства для производства») и всячески игнорируются нужды потребителя, а на Западе безраздельно господствует суверенитет потребителя, а Животнов утверждает обратное (прим. автора).

v Хотя Животнов всячески затемняет вопрос о связи между повышением производительности труда и уровнем жизни, он вынужден признать, что за счет повышения производительности труда увеличивается «фонд накопления» и «другие общенародные потребности», львиная доля которых составляют расходы на предметы истребления, темкинские деревни и т. п. (прим. автора).

vi Стенограмма XX съезда, 40 г. в.в.э., стр 523.

4. Темкинские деревни в вопросах потребления и благосостояния трудящихся

В главе VIII автором неопровержимо показано, что несмотря на то, что в Колумбовии удельный вес самодеятельных составляет 40%, из которых значительная часть занята «сервисом» потребителей, а в Государстве Тмутараканском самодеятельных -56% (считая и личное подсобное хозяйство) и «сервис» почти отсутствует, а каждый вохровский трудящийся в общественном, подсобном и домашнем хозяйстве затрачивает примерно в 1,5 раза больше времени, чем колумбовский трудящийся, – жизненный уровень колумбовского трудящегося по потреблению материальных и «духовных» благ в семь раз выше жизненного уровня тмутараканского трудящегося. Это полностью корреспондируется с тем, что результирующая производительность общественного труда по производству потребительских благ в один трудочас в Колумбовии примерно в 15 раз выше, чем в Государстве Тмутараканском. И, более того, разрыв в производительности труда и жизненном уровне все возрастает.

Следует полагать, что и великий Карлс, и его друг Фридрихс и даже величайший Ильичев считали бы эти факты смертным приговором для реального вохровского социализма и грядущего коммунизма-вохризма.

Но не таковы талантливые создатели вохровских темкинских деревень. Последние 40 лет они неизменно вопят о подъеме благосостояния тмутараканских граждан и о «крысином» уровне жизни колумбовских и прочих граждан в странах загнивающего капитализма. И здесь чемпионом является патриарх скифской статистики – академик Румилин. Говоря о «безнадежном отставании» жизненного уровня трудящихся в довохровском Государстве Тмутараканском, академик Румилин приводит следующее достаточно правдоподобный цифры для 12-8 года до в.в.э.[i]:

Если реальную зарплату для Саксии принять за 100, то в Гуннии она составляла 63,5, в Галлии – 55,5, а царском Государстве Тмутараканском – 44, то есть в Государстве Тмутараканском в царские времена реальная зарплата составляла 70% гуннской. Это маститый академик Румилин называет «безнадежным отставанием. Далее, ссылаясь на исчисления Международного Бюро статистики академик Румилин для 12 г. в.в.э. (весны), то есть, к концу рестэпа приводит следующие цифры: Ноднол – 100, Линбер – 71, Жирап – 56, Кремлевия – 52, то есть в период рестэпа реальная зарплата тмутараканского рабочего составляла 73% гуннского. По данным академика Румилина, в период рестэпа реальная зарплата тмутараканского почти так же «безнадежно отставала» от зарплаты гуннского рабочего, как и в царские времена. Но вот что пишет маститый академик Румилин (который так возмущается статистическим жульничеством буржуазных статистиков и даже хочет бить этих «шулеров» шандалами) о зарплате вохровских трудящихся в период семилетки 43-49 г. в.в.э.:

«В общем реальный уровень жизни рабочих должен возрасти примерно на 40%... Не менее чем на 40% возрастают при заданных планом ценах и реальные доходы кахов.

Выполнение величественных заданий семилетки к 49 г. в.в.э. позволит обеспечить в изобилии население высококачественными предметами потребления, добиться самого высокого в мире материального уровня трудящихся при самом коротком в мире рабочем дне».

Для 12 г. до в.в.э. и 12 г. в.в.э. академик приводит сравнительно правдоподобные цифры, употребляя, правда, страшные слова о «безнадежном отставании» заработной платы в царские времена, а для 49 г. в.в.э., для «сверхблагополучного» периода, наступившего через 50 лет после свершения великой вохровской революции в результате «выполнения» «величественных» заданий, кстати, полностью провалившийся семилетки, Румилин, манипулирует уже не цифрами, а темкинскими словами: изобилие высококачественных предметов потребления, самый высокий в мире материальный уровень трудящихся, самый короткий в мире рабочий день и т. п.

Между тем высокоученому шулеру, квалифицированному мастеру по строительству Темкинских деревень – академику Румилину, по-видимому, известно, что средняя зарплата рабочих, министров

i Румилин, «Очерки социалистической экономики Государства Тмутараканского», стр. 257-259.

и академиков в славном Государстве Тмутараканском составила в 50 г. в.в.э – 95 вохриков в месяц, а средняя зарплата западно-гуннских рабочих, без учета министров и шулеров-академиков, составила в 50 г. в.в.э. ~ 900 таллеров в месяц. Официальный курс западно-гуннского талера составляет 0,226 вохрика. Но даже тмутараканскому ребенку известно, что вохровский официальный курс не имеет ничего общего с реальным соотношением стоимости западно-гуннского талера и тмутараканского вохрика. В соответствии с официальным курсом, продовольственные продукты в Западной Гуннии в 2 раза дешевле (в том числе цитрусовые и шоколад в 5 раз дешевле), а непродовольственные товары в 5 раз дешевле, чем в Государстве Тмутараканском. Принимая во внимание сравнительную дешевизну крайне дефицитного в Государстве Тмутараканском жилья, следует считать, что реальный курс западно-гуннского талера составляет 0,5-0,6 вохрика и, следовательно зарплата западногуннского рабочего в 4,7-5,7 раза выше тмутараканского.

Когда в свирепые царские времена зарплата тмутараканского рабочего составляла 70% зарплаты гуннского рабочего, Румилин считал это «безнадежным отставанием», а когда через полвека после свершения великой вохровской революции в результате «выполнения» «величественных» заданий семилетки реальная зарплата тмутараканского трудящегося составила 17-21% зарплаты западногуннского рабочего, академик считает это «самым высоким в мире материальным уровнем трудящихся»

Что касается «самого короткого в мире рабочего дня», то автор показал в 19 разделе III главы «Введения...», что время, затрачиваемое на хождение на работу, подготовку рабочего места, в личном подсобном и домашнем хозяйстве достигает (в особенности, для женщин) 50 часов в неделю, то есть превышает время работы (40 часов в неделю) трудящихся многих стран загнивающего капитализма.

Таковы чудеса румилинских темкинских деревень. Великий семинарист соревнуется с чемпионом темкинских деревень Румилиным.

Еще в 14 г. в.в.э. великий семинарист восхищается тем, как много великая вохровская революция дала крестьянину[i]:

«Я имею в виду теорию о том, что вохровская революция будто бы дала крестьянству меньше, чем буржуазная, февральская революция. Собственно говоря, ничего не дала крестьянству. Этот предрассудок одно время муссировался в нашей печати одним из «вохровских» экономистов. Правда, этот «вохровский» экономист впоследствии отказался от своей теории... Это Молнман... Это значит, что производство хлеба становится много дешевле, чем это имело до настоящего времени. Это значит, наконец, что при стабильности цен крестьянин может получить за хлеб гораздо больше, чем он получал до сих пор. Как можно утверждать, что вохровская революция не дала выигрыша крестьянству...». Далее великий семинарист распространяется о громадном росте доходов рабочих и крестьян к 16-17 г. в.в.э., когда свирепствовали голод и людоедство. Он пишет[ii]:

«Теперь крестьянин – обеспеченный хозяин, член колхоза, имеющий в своем распоряжении тракторы, сельскохозяйственные машины, семенные фонды, запасные фонды и т. п. В результате этих основных завоеваний в области улучшения материального положения рабочих и крестьян мы имеем за I пятилетку рост народного дохода = стало быть рост доходов рабочих и крестьян, достигшего в 16 г. в.в.э. 45,1 миллиардов вохриков, что дает увеличение на 85% по сравнению с 12 г. в.в.э., рост средней зарплаты рабочих на 67% в сравнении с 12 г. в.в.э.(!!)[iii]… Мы несомненно добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается из года в год. В этом могут сомневаться разве только заклятые враги вохровской власти или, может быть, некоторые представители буржуазной печати, в том числе и одна часть корреспондентов этой печати в Кремлевии, которые понимают в экономике народов и в положении трудящихся едва ли больше, чем, скажем абиссинский король в высшей математике.»[iv].

---

i «Вопросы ильичевизма», стр 318.

ii То же, стр. 388.

iii В главе V «Введения...» автором показано, что к этому времени реальная зарплата рекордно снизилась, составив едва 20% довохровской.

iv Невежественному великому семинаристу, кстати, крайне самоуверенному, высшая математика казалось чем-то недосягаемым и он, по-видимому, был уверен, что образованный император Абиссинии Хайле-Селасие – безграмотный «негр» (прим. автора).

Далее великий семинарист обещает через 2-3 года сделать закрепощенных им крестьян зажиточными[i]:

«Мы добились того, что подняли благодаря колхозам бедняков до уровня середняков.[ii] Мы должны добиться того, чтобы сделать еще один шаг вперед и помочь всем кахам и бывшим беднякам и бывшим середнякам подняться до уровня зажиточных [xxx]... И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы, то мы добьемся того, что в каких-нибудь 2-3 года поднимем всех кахов и бывших бедняков и бывших середняков до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь...».

Трудно понять, по-темкински ли восхищается величайшим подъемом благосостояния великий вохровский вождь Валерианов, либо он вследствие экономической безграмотности искренне заблуждается[iii]:

«Чем объясняются большие темпы, это огромность проектировок на будущее? Они объясняются преимуществами вохровской системы... Проектирование государственной плановой комиссии о повышении реальной зарплаты на 70%, увеличении снабжения рабочих и крестьян целым рядом предметов потребления в значительно больших нормах, чем это было до сих пор, мощное коммунистическое строительство, жилищное строительство и т. д. и т. д. – все это создает картину величайшего благосостояния рабочего класса к концу этого пятилетия с одновременным подъемом благосостояния и крестьянства».[iv]

На XVII съезде, когда великие вохровские вожди уже знали о голоде в деревне и во многих городах, – в злосчастном 17-18 г. в.в.э. они продолжают усиленно трубить о повышении уровня благосостояния и т. п. Председатель Совнаркома Вячеславов говорит о повышении уровня благосостояния в 2,5-3 раза. (!)[v]

Тяжник бесстыдно заявляет, что зарплата с 12 г. в.в.э. до 17 г. в.в.э. выросла в 1,5 раза[vi], хотя реальная зарплата фактически в несколько раз снизилась.

Еще более бесстыдно пламенный оратор и «любимец партии» Кострик, который вскоре будет убит тайной полицией великого семинариста, заявляет[vii]: «Сейчас растет молодое поколение, которое не знает, не имеет никакого представления, что такое нужда, голод, а на практике совершенно не знает этих вещей. Но ведь этих людей надо воспитать, дать им понять, отчего и почему это произошло...».

О каком молодом поколении говорил Кострик? Если о пятнадцатилетних детях, то есть рождения 3 г. в.в.э., то они голодали до 6 г.-7 г. в.в.э., а затем с 14 по 18 г. в.в.э. вновь голодали. Если о десятилетних, которые родились в 8 г. в.в.э., то они голодали в 14-18 г. в.в.э., то есть в возрасте от 6 до 10 лет. Как раз, когда Кострик произносил эту речь, в Кремлевии стояли большие очереди в коммерческих магазинах, где продавали так называемый коммерческих хлеб по 3 вохрика за килограмм. Этот хлеб жители Кремлевии сушили и, постояв еще целый день в громадной очереди у почтового отделения, отправляли эти сухари своим родственникам в Малоскифии и Половжье, где свирепствовали голод и людоедство, где цена килограмма хлеба доходило до 20 вохриков при месячной зарплате в 200 вохриков. Может быть, Кострик имел в виду молодое поколение высшей партийной элиты? Это молодое поколение действительно не знало голода и нужды, потому что их высокопоставленные родители снабжались из привилегированных закрытых распределителей по карточкам: Горт А, Горт Б, Кремлевторг и т. п. высококачественными продуктами и товарами, именно в изобилии, как говорил Валерианов. Но ведь высокопоставленных функционеров из партийной, полицейской хозяйственной и прочих элит было сравнительно немного. Вохровский же народ жестоко голодал именно тогда, когда Кострик произно-

i «Вопросы ильичевизма», стр 418.

ii Великий семинарист считает, что 200 грамм хлеба за трудодень превратили бедняков в середняков (прим. автора).

iii Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э., стр. 58-71.

iv Все же трудно представить, чтобы такой информированный человек, как Валерианов, который уже знал о кризисе сельского хозяйства в конце рестэпа, в 13 г. в.в.э. так заблуждался. Ведь, к концу первой пятилетки свирепствовали голод, людоедство, отчаянный товарный голод! (прим. автора).

v Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 353.

vi Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 240.

vii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 258.

сил свою пламенную речь о том, что молодое поколение не имеет никакого представления о голоде и нужде. Именно это растленные чиновники из ведомства вохровскойлитературы взяли на вооружение и художественно расписывали «молодое поколение», которое завидовало своим родителям, имевших возможности похвастать, что они испытали голод и нужду. Это один из многих трюков Темкинских деревень.

В начальный период Второй вохровской революции выпускали почти сплошной брак. Однако народный комиссар легкой промышленности Любов, который вскоре был уничтожен тайной полицией, заявил[i]: «Лозунг Лазаревича: «вохровская ткань должна быть лучшей в мире» нашел широкий отклик...».

Почти великий вохровский вождь Гривенников, также вскоре уничтоженный тайной полицией, в манере Лазаревича и Любова говорил[ii]: «Мы должны в этой пятилетке покончить с выражением «не хуже заграничных»... Не только нет никаких оснований иметь у нас товары хуже заграничных, наоборот, наша вохровская продукция может быть лучше и должна стать лучше капиталистической».(!!)» Ныне здравствующий Анастасян с еще большим цинизмом говорил о высоком качестве вохровских товаров.

И эти темкинские речи велись при наличии жестокого товарного голода и полном игнорировании нужд потребителя – вохровского потребителя.

В главе IV автор показал, как за полувековой период владычества вохров с помощью всяческих «ножниц», а в основном за счет беспрецедентно высоких розничных цен, которые в ряде случаев в 10-20 раз превышали себестоимость, тоталитарный вохровский экономический аппарат осуществлял неслыханный грабеж трудящихся. В конце войны так называемые пайковые цены (то есть необычайно высокие довоенные розничные цены) были втихую повышены более, чем в 3,5 раза. Об этом, разумеется, весь огромный пропагандистско-идеологический вохровский механизм хранил мертвое молчание.

После осуществления «финансовой» реформы, то есть когда все денежные знаки, (которыми в довоенный и военный период выплачивалась зарплата, твердая зарплата и по беспрецедентно низким, символическим ценам (почти бесплатно) оплачивалась сельскохозяйственная продукция, насильственно изымаемая у колхозов), были обесценены в 10 раз, а облигации займов, (которые «принудительно-добровольно» вээны и кахи вынуждены были приобретать, расходуя на это до 10% своей и без того мизерной платы) были обесценены в 3 и 5 раз, были установлены новые розничные цены – средние между коммерческими и повышенными пайковыми ценами. После этого «великодушные» вохровские владыки семь раз осуществляли «снижение» розничных цен. Но после всех этих семи снижений розничных цен индекс многократно «сниженных» розничных цен оказался в 34 г. в.в.э. – 186, если принять за 100 индекс розничных цен в последнем довоенном году (24 г. в.в.э.), в 36 г. в.в.э. – 161 и в 47 г. в.в.э. – 141.

До этих хваленых «снижений», в 31 г. в.в.э., индекс розничных цен уже после «финансовой» реформы был – 320 и реальная зарплата вээнов была почти в три раза ниже, чем в 24 г. в.в.э. Грабеж трудящихся многократно усилился. Удельный вес фонда потребления в национальном доходе рекордно снизился. Несмотря на многократное «снижение» розничных цен, удельный вес фонда потребления продолжал снижаться и даже по плану новой великой пятилетки удельный вес фонда потребления, то есть, реальных доходов трудящегося населения в общем национальном доходе продолжает снижаться и, таким образом, степень ограбления трудящихся продолжает увеличиваться.

Но мастера вохровских темкинских деревень, рьяные бесстыдные вохровские апологеты, чиновники из ведомства экономических наук, используя огромный вохровский пропагандистский механизм, без конца трубят о выигрыше и экономии, которые счастливые

тмутараканские граждане получают непосредственно из карманов великих вохровских вождей и их подручных апологетов.

---

i Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 450.

ii То же, стр. 463.

Так, ученый апологет Мейзенгор, захлебываясь от подхалимского восторга, пишет[i]:

«Население выиграло на первом этапе – 86 миллиардов вохриков… На втором этапе снижения цен выигрыш от удешевления цен предметов массового потребления составил – 71 миллиард. В 34 г. было произведено третье снижение цен. 1/III 35 г. в.в.э. было произведено четвертое снижение цен. Это снижение обеспечило населению экономию … 34,5 миллиарда... 1/IV 36 г. в.в.э. было осуществлено пятое снижения цен. Это снижение обеспечило чистый выигрыш – 23 миллиарда... 1/IV 37 г. в.в.э. было произведено шестое снижение розничных цен…. чистый выигрыш для населения составил 53 миллиарда». Другой ученый экономист – бывший министр финансов Животнов для вящей убедительности приводит «объективную» таблицу выигрышей населения[ii]:

	XII 31 г. в.в.э.	IV 32 г. III 33 г.	III 34 г. в.в.э.	III 35 г. в.в.э.	IX 36 г. в.в.э.	IV 37 г. в.в.э.	IX 38 г. в.в.э.
Снижение розничных цен в %	16,6	14,8	19,8	6,8	5,7	10,8	4,0
Выигрыш населения (в расчете на год в миллиардах вохриков)	57	48	80	28	24	50	20

Так, используя нехитрый прием, то есть умалчивая о неслыханным повышении цен и трубя о многочисленных снижениях, в результате которых розничные цены все же стали много выше довоенных, мастера вохровских Темкинских деревень полагают, что они весьма искусство черное представили белым.

Все эти Темкинские деревни венчаются низкопробным хвастовством великого Никитова.

Автором показано, что в настоящее время жизненный уровень, средний жизненный уровень низкооплачиваемых вээнов, кахов и крупных вохровских функционеров по крайней мере в 7 раз ниже колумбовского. По плану новой великой пятилетки реальный доход вээнов повысится на 20%. Если даже предположить, что этот план будет выполнен (а до сих пор планы по увеличению реальной зарплаты никогда не выполнялись), и до 64 г. в.в.э. реальная зарплата будет возрастать в таких же темпах, то к 64 г. в.в.э. реальная зарплата повысится в 1,7 раза и жизненный уровень счастливых тмутараканских граждан, даже при этом фантастическом допущении, будет в 64 г. в.в.э. (когда уже по замыслу великого Никитова будет безраздельно господствовать коммунизм-вохризм) в 4 раза ниже жизненного уровня колумбовцев в 44 г. в.в.э., А великий Никитов, которого, правда, в какой то степени можно простить вследствие его дремучего невежества, расхвастался[iii]:

«Реальные доходы на душу населения возрастут в ближайшее десятилетие в 2 раза, а за 20 лет более, чем в 3,5 раза. Объем национального дохода составит в 64 г. в.в.э. – 750 миллиардов вохриков, то есть увеличится, примерно, в 5 раз.

В ближайшие годы мы добьемся того, что все слои населения смогут пользоваться хорошим высококачественным питанием. В течение ближайшего десятилетия все вохровские люди смогут приобретать в достатке предметы широкого потребления, а в последнем десятилетии спрос на них будет удовлетворен в полной мере... Объем розничного товарооборота возрастет в 5 раз. В течение ближайшего десятилетия мы должны покончить с недостатком жилищ. В итоге второго десятилетия каждая семья будет обеспечена отдельной благоустроенной квартирой. За 20 лет жилой фонд возрастет втрое. Средний объем жилищного строительства возрастет примерно с 135 милл. в 45-49 г. в.в.э. до 400 миллионов м^2 в 60-64 г. в.в.э.

В первом десятилетии будет введена 35 часовая неделя… В течение ближайшего десятилетия исчезнет категория низкооплачиваемых рабочих и служащих(!). Размеры пенсий постепенно повысятся. Во втором десятилетии можно будет постепенно перейти к единой системе пенсионного обеспечения… Во втором десятилетии начнется осуществление и других крупных социалистических меропри-

i Мейзенгор, «Ценообразование в народном хозяйстве Государства Тмутараканского», 37 г. в.в.э., стр. 239-237.
ii Животнов, «Вопросы нацдохода и финансов Государства Тмутараканского», 42 г. в.в.э., стр. 207.
iii Стенограмма XXII съезда, I часть, 45 г. в.в.э., стр. 197-201.

ятий – бесплатное общественное питание (обеды) на предприятиях, в учреждениях, в учреждениях и для занятых в производстве кахов.

В 64 г. в.в.э. реальные доходы на душу превысят современный уровень трудящихся Колумбовии... на 75%…(!!!)».

Когда пишутся эти строки, закончилась первая половина седьмого года первого никитовского десятилетия по завершению строительства коммунизма-вохризма.

65% первого десятилетия канули в Лету. Как же обстоит дело с низкопробным никитовским хвастовством? Семилетка провалилась. Даже по официальным отрывочным и противоречивым данным, средняя зарплата вээнов повысилась примерно на 10-15%. Фактически же зарплата (реальная) большей части трудящихся осталась неизменной и, может быть, даже понизилась вследствие резкого повышения цен на продукты животноводства и некоторые другие товары.

Незначительное же повышение средней зарплаты произошло за счет подтягивания зарплаты так называемых «низкооплачиваемых». Вообще говоря, по сравнению с трудящимися стран загнивающего капитализма всех трудящихся Государства Тмутараканского, за исключением партийной, полицейской, хозяйственной и научно-технической элиты, можно отнести к низкооплачиваемым. Но великий Никитов и другие великие и менее великие вохровские вожди и их подручные относят к низкооплачиваемым те категории трудящихся, которые имеют доход менее 500-600 вохриков в год, то есть менее 250-300 колумбаров в год.

Хотя великий Никитов хвастал, что в течение ближайшего десятилетия исчезнет «категория низкооплачиваемых рабочих и служащих», даже таких «низкооплачиваемых» (по терминологии великих вохровских вождей), как показано автором в пятой главе «Введения» с учетом кахов, насчитывается ныне во второй половине великого никитовского первого десятилетия — около 50% всех трудящихся. В этом отношении хвастовство великого Никитова оказалось темкинским. Пенсии за прошедшие 6,5 лет первого десятилетия остались такими же неизменно-ничтожными.

Великий Никитов заявил, что в течение ближайшего десятилетия мы должны покончить с недостатком жилищ. Неизвестно, что великий Никитов и другие великие и менее великие вохровские вожди разумеют под понятием «недостаток жилищ». Однако в главе пятой «Введения...» автором показано, что к 49 г. в.в.э., в городах на одного трудящегося, в расчете на одну душу, в среднем приходилось 7 м^2 жилой площади. Если исключить элиту, то на собственно трудящихся, по-видимому, придется не более 6 м^2 в расчете на 1 душу, то есть раз в 5 меньше, чем у колумбовского рабочего. Далее, автором показано, что в результате «громадного» жилстроительства размеры жилплощади на душу повышаются примерно на 0,15 м^2 в год. Следовательно, по истечении первого великого никитовского десятилетия, в 54 г. в.в.э. на одну душу собственно трудящихся в лучшем случае придется ~ 7 м^2 жилой площади.

В селе изменения и вовсе ничтожны. По-прежнему подавляющее большинство сельского населения живет в хижинах, лишенных элементарных современных удобств: центрального отопления, водопровода, канализации, газа. По-прежнему для отопления печей и плит используются дрова, кизяки (сушеный навоз) и солома. Значительное количество сельских хижин даже не имеют электрического освещения, а там, где оно имеется, оно весьма тусклое.

Таков финал темкинского никитовского хвастовства в отношении грядущего в ближайшее десятилетие жилищного изобилия.

Феерическое никитовское темкинское хвастовство заканчивается тем, что ко времени наступления светлого царства коммунизма-вохризма «реальные доходы на душу превысят современный уровень трудящихся Колумбовии … на 75%». Выше автор уже показал бессмысленность, лживость и невежественность этого истинно темкинского утверждения великого Никитова. Но имеется еще другая сторона этого темкинского утверждения Никитова. В главе восьмой «Введения...» было показано, что жизненный уровень колумбовцев в 44 г. в.в.э. был в семь раз выше жизненного уровня счастливых тмутараканцев. Если в 44 г. в.в.э. объем валового национального продукта составлял в Колумбовии около 500 миллиардов колумбаров, то через 6 лет, в 50 г. в.в.э., этот объем значительно превысил 700 миллиардов колумбаров, а жизненный уровень колумбовцев повысился примерно на 30%. Даже если

принять (что маловероятно), что жизненный уровень тмутараканцев за эти 6 лет повысился на 10-15%, то разрыв между жизненным уровень колумбовцев и тмутараканцев еще более увеличился. В 50 г. в.в.э. жизненный уровень тмутараканцев стал в 7,9-8,3 раза ниже, чем у колумбовцев.

5. Темкинские деревни в вопросах бюрократии, демократии, истории, науки и техники

В главе девятой «Введения...» автором показано, как «химически чистая» вохровская бюрократическая схема уже полвека тщится доказать, что именно в самом бюрократическом в мире Государстве Тмутараканском, бюрократизм, унаследованный от капиталистической системы, почти ликвидирован.

В главе X и XI показано, как великие вохровские вожди уже полвека, максимально используя свой чудовищный пропагандистский аппарат, без устали вопят о том, что сверхполицейское, тоталитарное вохровское Государство Тмутараканское – самое демократическое в мире, причем изо всех сил стараются убедить в этом не только нынешнее поколение, но и далеких потомков, закапывая в герметизированных ампулах фальсифицированные пропагандистские материалы.

В главе второй и в данной главе показано, что в первые два десятилетия великий семинарист, другие великие вохровские вожди и их верноподданные «историки» поддерживали версию о том, что довохровское Государство Тмутараканское безнадежно отставало в культурном, научном, техническом, экономическом и прочих отношениях, а также являлось тюрьмой народов.

В период Второй мировой войны и особенно после ее победоносного окончания осуществляется крутой поворот на 180 градус.

Во-первых, научно оформляется версия, согласно которой довохровское Государство Тмутараканское в течение всей своей истории являлось великодушным покровителем всех малых народов. Воспроизводятся «истинные» и «правдоподобные» исторические документы о том, как старший брат – великоскифский народ великодушно принимал под свое покровительство малоскифов, белоскифов, приваряжские народы, рататов, головастов, шамиловцев, аджарцев, арзрумцев, кучумские народы, зырян, атахов, сартов и прочие казкавские и среднеазиатские народы. А также о том, как отважные великоскифские землепроходцы несли мир, культуру и экономическое благополучие народам Востока и Дальнего Востока.

Празднуются двухстолетие, трехстолетие, четырехстолетие и прочие «летия» братского воссоединения осчастливленных народов со своими великодушным старшим братом – великоскифским народом. И когда рушатся колониальные империи западных держав, огромная колониальная вохровская империя, опирающаяся на созданный ею громадный атомно-ракетный потенциал, остается незыблемой под виссарионовской вывеской «дружбы народов». Темкинский накал доходит до белого каления в период сговора между великими тоталитарными вождями — Виссарионовым и Адольфером. Когда эти два диктатора поделили сферы влияния и Адольфер в качестве временной подачки «отвалил» Виссарионову половину Мазурии, приваряжские государства и часть Латинской Кучумии, подручный великого семинариста Вячеславов заявил, что, мол, растленное, буржуазное, мазурское правительство бросило на произвол судьбы наших братьев малоскифов и белоскифов в восточной Мазурии и великодушное Государство Тмутараканское милостиво берет их под свою защиту.

Столь милостиво и столь же великодушно взял под свою защиту жителей Западной Мазурии другой благородный «социалист» (национал-социалист) – Адольфер. Конечно, в настоящее время трудно определить кто больше уничтожил взятых под покровительство жителей Мазурии – Адольфер в Западной Мазурии или «защитник-покровитель» Виссарионов в восточной Мазурии. В целом подробно будут освещены эти версии в собственно истории Государства Тмутараканского.

Во-вторых, после разглагольствования в течении двух десятков лет о всяческой отсталости довохровского государства исподволь начинаются оформляться «научные» документы о том, что Государство Тмутараканское, в том числе, разумеется, и довохровское Государство Тмутараканское явля-

ется родиной химической, биологической, гидродинамической, физической и прочих наук. Является родиной радио, электролампы, парового двигателя, парохода, паровоза, самолета, электросварки, танка и прочее, и прочее. Еще в 29 г. в.в.э. демонстрируется фильм о создании Эдисоном электролампы. А через год вохровская «историческая наука» забывает об этом, и отныне во всех школьных учебниках толкуют о «скифском свете» и об электрической свече Гусечкина. Вохровские составителей учебников доходят до того, что пишут в школьном учебнике физики, что скифский механик Карабкунов, ознакомившись с чертежами сакского механика Уатта, создал первый в мире паровой двигатель. В главе третьей – разделах 18 и 26 автор дал некоторую характеристику вохровской науки. Однако, нелишне привести еще несколько примеров из необъятных, темкинских высказываний вохровских деятелей о науке.

Академик Сонков[i] распространяясь об «успехах» органического синтеза, авантюристического освоения растительного каучука (тау-сагыза, кок-сагыза и гваюлы), бесславно погубившего миллиарды вохриков, об «успехах» в производстве дырчатого и пустотелого кирпича, о производстве высококачественных каучуков, производство которого при чрезвычайно высокой себестоимости было освоено только через 20 лет, и прочих «успехах» вохровской науки и техники приводит изречение великого семинариста: «Я не сомневаюсь, что если оказать должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Десятилетиями вохровские авантюристы от биологической науки – Кудрявенко и другие – намертво тормозили развитие биологии в Государстве Тмутараканском. Они превознесли, с благословения великих вохровских вождей, скромного садовода Козлова до небес и высокомерно противопоставляли темкинскую, новоявленную козловскую биологическую «науку» классикам биологии Дарвину, Менделю, Вейсману, Моргану. Вохровская техническая и беллетристическая литература была наводнена макулатурой, подобной «роману» Фасонова «Зеленый океан», в котором невежественный Фасонов с истинно вохровским высокомерием «ниспровергал» Дарвина, Менделя, Вейсмана и Моргана и превозносил Козлова и Кудрявенко. Западным биологам и биохимикам уже удалось воочию увидеть хромосомы и они уже начинали подходить к разгадке наследственного кода нуклеиновых кислот, а в вохровской биологии все еще властвовал авантюрист Кудрявенко.

И поныне вохровские великие вожди не отказались от биологической, темкинской мании величия и темкинской, надуманной «козловской, биологической науки.» Один из вохровских «ученых» Уфидов пишет[ii]: «Революционная сущность и практическая действительность козловского направления в биологической науке характеризуется тем, что козловская биология краеугольным камнем своей теории считает зависимость наследственных свойств растительных и животных организмов от внешней среды, от условий их жизни. В основе вейсманизма (Мендель-Морган) лежит учение о так называемом бессмертном «веществе наследственности». Защитники вейсманистского (менделевско-моргановского) направления в биологической науке нередко прибегают к ссылкам на авторитет Дарвина. Но теория Дарвина вместе с тем страдает односторонностью и носит созерцательный характер в познании природы. Неоценимое значение козловской агробиологии для вооружения практиков состоит в том, что И. В. Козлов преодолел указанные выше недостатки учения Дарвина и создал замечательно стройную творчески действенную теорию планомерного преобразования растительных и животных организмов».

Затем следует начальственный окрик на вохровского вейсманиста – академика Узкогаузена, который осмелился не обожествлять открытого Ильичевым садовода Козлова:

«Один из видных представителей вейсманисткого направления – академик Узкогаузен… все задачи генетиков и селекционеров сводит к случайным выискиваниям уже накопленных в природе «резервов изменчивости». Самый процесс породообразования животных и сортообразования культурных растений по Узкогаузену представляет собой не что иное, как реализацию скрытых запасных мутаций, которые были накоплены животными и растениями в доисторические времена. Эти запасные мутации или «резерв изменчивости», как называет их академик Узкогаузен, в процессе формирования

i «Бесплановое хозяйство», 30 г. в.в.э,. №1, «Вопросы техники в перспективном плане», стр. 78-79.

ii «Бесплановое хозяйство», 32 г. в.в.э., №4, «Подъем сельского хозяйства и козловская агробиология», стр. 10-18.

породы (сорта) только вскрывались, а не создавались благодаря культуре… Надо довести до сознания широких масс кахов, рабочих вохрозов[i], что козловское направление – это подлинно научное, диалектически-материалистическое направление в биологической науке... Наоборот, вейсманистское (мендель-морган овское) направление в биологии – реакционно-идеалистическое(!) Оно тянет к мистицизму и является прямой дорогой к поповщине...

Высокая идейность вохровской науки предполагает непримиримую борьбу с идеализмом и буржуазными псевдонаучными теориями во всех ее формах[ii]. Козлов писал: «Только на основе учения Карлса-Фридрихса-Ильичева и Виссарионова можно полностью реконструировать науку»...».

Далее Уфидов восхваляет разоблаченного ныне, только спустя несколько десятков лет, истинного владыку вохровской биологической «науки» – авантюриста, академика Кудрявенко:

«Академиком Кудрявенко лично и под его руководством выполнены важные работы, имеющие крупнейшие значение в борьбе за повышенную урожайность и вошедшие в сокровищницу козловской биологии[iii]. Такие агротехнические приемы, как яровизация зерновых культур, летние посадки картофеля, чеканка хлопчатника, внутрисортовые и межсортовые скрещивания, летние посадки люцерны в чистом пару в южных районах страны… обеспечивают прибавку урожая и позволяют организовать продвижение ряда культур в новые районы».

Авантюрист-академик Кудрявенко еще в 40 г. в.в.э. громит теоретиков-биологов, в полной мере используя покровительство «всезнайки» – великого Никитова. Помимо всех своих других великих изобретений, которые восхвалял «ученый» Уфидов, авантюрист Кудрявенко «изобретает» метод увеличения урожайности с минимальным количеством удобрений. Он говорит[iv]: «Беда многих теоретиков-биологов — в незнании практики. Ильичев открыл для народа, для биологической науки – Козлова…. Вскрытие нашей наукой биологической закономерности почвенного корневого питания растений уже дало возможность разработать и предлагать колхозам... лучшие, нежели существующие способы удобрения полей... Теперь доказано, что такие же хорошие урожаи можно получить, внося в эти же почвы (кислые подзолистые, супесчанные или суглинки) в 5-10 раз меньшие дозы органических и известковых удобрений.(!)

Это дает возможность при соответствующей организации дела каждому колхозу и вохрозу в нечерноземной полосе уже в ближайшее время ежегодно удобрять все свои поля под все культуры и получать на всех своих полях такой же урожай,[v] какой дает ежегодно та небольшая часть полей севооборота, которая удобряется так называемыми полными дозами: 20-40 тонн навоза, 3-5 тонн известковых материалов на 1 гектар кислой почвы.

Это объясняется тем, что мы предлагаем вносить удобрения не раздельно, а в смеси. Суть дела в том, что благодаря такому способу внесения соответствующего состава удобрений, мы направляем биологический процесс, протекающий в почве, в сторону превращения неусвояемых веществ в почве или в грунте, в усвояемые формы, в пищу для растений. Этот процесс идет при участии энзимов, вырабатываемых почвенными микроорганизмами. Поэтому необходимо всей системой агротехники, в том числе, и удобрениями создавать условия для нормальной жизнедеятельности полезных почвенных микроорганизмов, превращая тем самым бесплодные почвы в плодородные и получать хороший урожай всех сельскохозяйственных растений.

Хороший же урожай не обедняет почву обогащает а обогащает, окультуривает ее….

---

i Какие образованные воровские кахи и рабочие!! (прим. автора).

ii Сколь высокомерно вохровское, Темкинское невежество! (прим. автора).

iii Самая низкая в мире урожайность тмутараканского сельского хозяйства при наличии громадных вложений – прекрасная иллюстрация авантюр Кудрявенко и его высокопоставленных последователей.

iv Стенограмма XX съезда, 40 г. в.в.э., стр. 348-353.

v В 23 разделе III главы автором показано, что через 10 лет после этих «изобретений» авантюриста Кудрявенко урожай зерновых в Нечерноземной полосе составлял 3-5 центнеров с гектара, то есть окупался только посевной материал и терялись труд, амортизация машин.

Значительная часть целинных земель находится в засушливых районах Кучумии и Атахстана… Здесь необходимо использовать и дальше разрабатывать известную в агрономической науке систему сухого земледелия.[i]

… Известно, что вырождение картофеля особенно быстро происходит в южных районах. Здесь необходимо размещать семенные участки картофеля на торфяных почвах. При отсутствие подзолистой зоны торфяных почв семенные участки картофеля обязательно необходимо располагать на полях, хорошо заправленных удобрениями. Налаживание семенного дела картофеля во многом поможет увеличению валовых сборов этой культуры».

Последним великим «изобретением» авантюриста Кудрявенко было выведение коров, дающих молоко с громадным содержанием жира. Кудрявенко был опытнейшим мастером Темкинских деревень. Будучи много лет президентом Академии сельскохозяйственных наук, он умел создавать блестящие макеты грандиозных научных проектов. Только после свержения великого Никитова этот авантюрист и все его темкинские «изобретения» были разоблачены. Тот же «Антилитературный Листок» и агрономические журналы опубликовали разоблачительные материалы.

Неискушенный читатель может с удивлением спросить: как-же один авантюрист в течение десятков лет мог полностью затормозить развитие биологической науки, внедрением непроверенных экспериментов способствовать астрономическим потерям в сельском хозяйстве и своими Темкинскими деревнями вводить в заблуждение в течение столь длительного периода разных великих и менее великих вохровских вождей?

Те же причины, которые способствовали осуществлению тридцатилетней самодержавной диктатуры великого семинариста, который создал идеальную бюрократическую полицейскую схему, уродливую экономическую систему и уничтожил десятки миллионов людей, действовали для создания самодержавной диктатуры в сельскохозяйственных науках, биологии и вообще сельском хозяйстве, авантюриста Кудрявенко. Причины возникновения сверхполицейского тмутараканского государства и самодержавной диктатуры одного или нескольких олигархов рассмотрены в X и XI главах «Введения….» и автор на этом более останавливаться не будет.

Прекрасной иллюстрацией к Темкинским деревням и полицейским окрикам в области экономической науки является по-темкински наступательная статья академика Континентянова[ii]:

«Серьезные формалистические ошибки имеются в работах академика Немчинского… Выступление т. Немчинского на биологической дискуссии в защиту реакционно-идеалистической хромосомной теории наследственности безусловно имеет корни в его ошибках по основному вопросу методологии статистики, отражающих, как это отметил в заключительном слове академик Кудрявенко, – влияние буржуазной статистики. И хотя все эти ошибки подверглись серьезной критике в печати и в ряде дискуссий, т. Смолга и некоторые другие авторы этих книг до сих пор еще не признали своих реформистских ошибок и не доказали положительной работой, что стараются изжить эти ошибки[iii] …

Поэтому критика всех этих оппортунистических извращений карлсистки-ильичевской теории должна продолжиться со всей решительностью…

На экономическом фронте не решена также задача острой критики современной буржуазной и реформистской теории. Работы т.т. Цветова, Трахтенгора Михайловича и других страдают академизмом, оторванностью от политической борьбы демократических сил против империализма и реакции… Серьезным участком работы является изучение истории народного хозяйства и история экономической

---

i В 23 разделе третьей главы показано, к каким результатам привела система сухого земледелия на целинных землях Атахстана. Десятки миллионов гектаров целины ряд лет давали 1-5 центнеров с гектара и являлись только очагом пыльных бурь (прим. автора).

ii «Бесплановое хозяйство», 32 г. в.в.э., №5, «О некоторых задачах научно-исследовательской работы в вопросах экономики», стр. 82-84.

iii Вохровские ученые не только должны были каяться в своих «ошибках», но и писать «ученые» книги в соответствии с генеральной линией олигархии (прим. автора).

мысли. Опубликованные же работы, как, например, книга т. Чертенко не лишены серьезных недостатков и ошибок.[i]

В подготовленной к печати Институтом экономики первого тома истории экономической мысли также были допущены серьезные ошибки, вследствие чего задержался его выпуск[ii]. Изданная Ильичевградским университетом книга проф. Камня «Очерки развития скифской общественно-экономической мысли XIX-XX столетий старой эры» – некарлсистская книга. В книге переоценивается значение Псеранского и Рылдвинова, скифофилы изображаются в качестве «отцов» Сердцена и Бельшевского. Чудовищным извращением является попытка провести связи скифофилов с ильичевизмом (!)[iii]… Основной причиной неудовлетворительного состояния научной работы по вопросам экономики является недостаточное применение или прямое забвение принципа воинствующей вохровской партийности в научной работе – отрыв от политики партии и государства… (!)[iv]

Этот разрыв должен быть ликвидирован, так как обе группы наших экономистов все проблемы должны решать с точки зрения борьбы двух систем, с точки зрения интересов вохровской власти.[v]

В целях ликвидации отрыва научной работы от практики социалистического строительства, Институт экономики поставлен под научно-организационное руководство Госплана Государства Тмутараканского».

Последней фразой подчеркнуто темкинское существо экономической «научной работы».

Учеными экономистами руководят полуневежественные чиновники из Госплана – главные тмутараканские мастера Темкинских деревень.

Ясно почему вохровские «исследования» в области экономики – курам на смех.

Ярким образцом Темкинских деревень в политико-экономической науке является необузданное восхваление «гениального» труда великого семинариста «Краткий курс истории скифской вохровской партии»[vi]. Чернов безмерно, верноподданно восхищается: «Десять лет тому назад вохровская партия, вохровский народ и весь международный рабочий класс получил мощное, идейное оружие (!) – работу т. Виссарионова «Краткий курс истории…», являющийся энциклопедией основных знаний в карлсизме-ильичевизме. (!) «Краткий курс» – замечательное, всеобъемлющее, энциклопедическое произведение. В нем дано глубокое, всестороннее обоснование развития карлсизма-ильичевизма, философии, политической экономики, социализма.

…«Значит, – учит т. Виссарионов, – партия пролетариата должна овладеть прежде всего знанием законов развития производства, законов экономического развития общества…»…

Учение об общем кризисе капитализма, данное в «Кратком курсе…» и других работах т. Виссарионова, является новым теоретическим вкладом (!) в карлсистско-ильичевской политической экономии капитализма, вооружает глубоким знанием законов развития современного капитализма, пониманием неизбежности войны (!) и военных столкновений до тех пор, пока существует капитализм, и необходимости укрепления военно-экономической мощи социалистического государства… Основы политической экономии, изложенные в «Кратком курсе…» и развитые затем в ряде выступлений т. Виссарионова, являются величайшим достижением карлсистко-ильичевской теории.

…Ильичев и Виссарионов – создатели политической экономии социализма, представляющей собой величайший итог карлсистской политической экономии, ее высшую ступень… Тот, кто пытается под предлогом искусственно раздутой «национальной специфики» возводить для каждой страны «свой»

i Даже апологетические, верноподданные «ученые» труды Чертенко не удовлетворяют полицейского академика Континентянова (прим. автора).

ii Какова строгая полицейская цензура недостаточно по-темкински оформленных «научных» трудов! (прим. автора).

iii Какое святотатство! Связать божественного Ильичева с ничтожными скифофилами! (прим. автора).

iv Полицейский академик принуждает превращать «научную» работу по экономике в Темкинские деревни, в соответствии с переменными директивами вохровской олигархии (прим. автора).

v Такова вохровская «научная» работа. «Научные» обобщения меняются в зависимости от переменных интересов вохровской власти (прим. автора).

vi «Бесплановое хозяйство», 32 г. в.в.э., № 5, «Вопросы политэкономии социализма кратким курсом», стр. 13-26.

путь развития к социализму, противопоставляя его генеральному пути строительства социализма, осуществляемому народом Государства Тмутараканского, – тот неизбежно скатывается на антиильичевские позиции – тот переходит в лагерь врагов социализма. Об этом со всей очевидностью свидетельствует преступная деятельность фракции Брозто в вохровской партии Югоскифии. Выступление этой националистической, антиильичевской и антивохровской группки о каком-то особом «национальном» «югоскифском» пути к социализму, который является в действительности не путем к социализму, а путем к возрождению капитализма в Югоскифии, путем гибели народной демократии, (!) – не имеет ничего общего с карлсизмом-ильичевизмом…

«В условиях, когда в Югоскифии – говорится в резолюции Дезинформбюро о положении вохровской партии Югоскифии, – преобладает индивидуальное крестьянское хозяйство, нет национализации земли, существует частная собственность на землю и купля-продажа земли, в руках кулаков сосредоточиваются значительные земельные участки, применяется наемный труд и т.д., нельзя воспитывать партию в духе затушевывания классовой борьбы и примирения классовых противоречий, не разоружая тем самым партию перед лицом трудностей строительства социализма... Гений Ильичева и Виссарионова открыли эти неизведанные пути (!)

Пути эти – социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Это было крупнейшим научным открытием. (!!!)

… Пролетариат Государства Тмутараканского, обладающий государственной властью, (!), превратился в совершенно новый класс… Это новый тип крестьянства, освобожденный от всякой эксплуатации (!) Создалась основа морально-политического единства общества… Произведенные продукты распределяются по принципу: «кто не работает, тот не ест».

… Как известно, некоторые экономисты приходили к тому ошибочному выводу, что раз власть в наших руках, раз государство определяет развитие экономики, то не может быть никаких объективных экономических законов. Неудивительно поэтому, что эти люди болтают о ликвидации вохровской торговли и денег при социализме, о переходе к прямому продуктообмену, о переходе даже на стадии социализма от сельскохозяйственной артели к коммуне,[i] о ликвидации общественного разделения труда и т.п.

… Экономические законы социализма действуют не стихийно, не помимо воли и сознания людей, подобно экономическим законам капитализма. При социализме действие экономических законов находятся под контролем людей – строителей вохризма. Эти законы осуществляются не самотеком, а как сознательно применяемые и используемым вохровским государством в практике вохровского государства.

… т. Виссарионов показал, что развитие социалистической экономики невозможно без социалистического соревнования…

«Необходимо, – говорит т. Виссарионов, – развернуть дальнейший подъем нашей промышленности, рост производительности труда, усовершенствование техники производства с тем, чтобы после того, как уже перегнали главные капиталистические страны в области техники производства и темпов роста (!) промышленности, – перегнать их также экономически в течение ближайших 10-15 лет... Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов и мы получим возможность сделать переход от первой фазы вохризма ко второй его фазе».

Итак, один из бесчисленных вохровских мастеров Темкинских деревень – Чернов, утверждает, что «Краткий курс» является энциклопедией основных знаний карлсизма-ильичевизма, поскольку в нем дано «глубокое всестороннее обоснование карлсизма- ильичевизма, философии и политической экономии социализма» и к тому же великий семинарист внес «новый теоретический вклад» в «учение» об общем кризисе капитализма. По утверждению подхалима Чернова, «гений Ильичева и Виссарио-

i Именно Ильичев и его «ученики» – Виссарионов и другие – не только «болтали», но и осуществляли почти все эти мероприятия в эпоху военного коммунизма! (Прим. автора).

нова открыли неизведанные пути социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства» – что стало «крупнейшим научным открытием».

После девиссарионизации «Краткий курс» подвергался критике подручных новых великих вохровских вождей, главным образом в части того, что в условиях существования капиталистической системы войны не являются неизбежным злом, хотя так называемые «справедливые народно-освободительные войны», или, попросту говоря, подрывная деятельность вохров во всем мире не были осуждены ими. Также слегка критиковалась «гениальная» виссарионовская интерпретация закона стоимости, и осмелевшими «теоретиками» на бумаге отрицалась необходимость поддержания перманентного товарного голода (в отношении потребительских товаров). Во всем же остальном: полной фальсификации вохровской истории, учении о загнивании капитализма, так называемой «политической экономии социализма» – нынешние великие вохровские вожди полностью солидаризуются с «гениальным» творением великого семинариста, который помимо перевирания истории повторил некоторые зады карлсисткой теории столетней давности.

Следует однако признать, что темкинская, виссарионовская интерпретация политической экономии вохровского социализма в действительности представляла нечто новое, поскольку Карлс и Фридрихс имели весьма смутное представление о социализме и коммунизме и, разумеется, не могли напророчить ни вохровского социализма, ни второй фазы вохризма. Хотя их считают создателями теории научного социализма, они не могли представить хоть подобие уродливой, энтропийной вохровской экономической системы, беспрецедентной трагедии вохровского расточительства, в результате которых результирующая производительность труда окажется в 10-15 раз меньше, чем в странах загнивающего капитализма, который им виделся обреченным.

Необходимо констатировать, что несмотря на усиление темпов строительства Темкинских деревень, новые великие вохровские вожди вступают – правда, весьма робко и неграмотно – на безжалостно раскритикованный и оплеванный Виссарионовым и его подручными югоскифский путь, то есть на путь приближения к экономической системе стран загнивающего капитализма.

Заканчивая пятый раздел данной главы, невозможно не восхититься энтузиазмом почтенного и уважаемого академика Валилова, который в эпоху «культа личности» достиг вершины в мастерстве построения темкинских деревень. Он писал:[i]

«До Ильичева и Виссарионова история человеческого общества не знала примеров объединения в одних и тех же лицах революционного гения и широчайшей дальновидной научной мысли…. Виссарионов – гордость вохровской науки, ученый исключительно большой силы, величайший корифей передовой науки».

Так невежественный великий семинарист, который, в действительности был величайшим в истории человечества кровавым палачом, с помощью вохровских Темкинских деревень был превращен в величайшего корифея и лидера передовой науки...

7. О загнивающем капитализме, о голоде и трущобах

Вохровские мастера Темкинских деревень великолепно усвоили примитивный вохровский прием перекладывания с больной головы на здоровую. Устроив из огромной страны зловещий полицейский застенок, в котором чудовищные вохровские вивисекторы «научно», в соответствии с величайшей и «единственно-истинной» теорией, уничтожили десятки миллионов людей, они уже полвека с пеной на губах вопят о жестоких кровавых репрессиях в империалистических странах загнивающего капитализма.

Пребывая полвека в перманентном кризисе вследствие невежественных экономических экспериментов и огромных расходов на предметы истребления и пропаганду, они твердят о загнивании капиталистической системы, причем их ничуть не смущает, что разрыв в производительности труда и уровне жизни между загнивающими странами капитализма и «процветающим» Государством Тму-

i «Бесплановое хозяйство» 33 г. в.в.э., № 6, «Наука виссарионовской эпохи», стр. 34

тараканским все увеличивается в пользу… «реакционных режимов». В Колумбовии жизненный уровень трудящихся в 7-8 раз выше, чем в Государстве Тмутараканском, что соответствует не столетнему отставанию, как в 16 г. в.в.э. определял великий семинарист, а отставанию на несколько столетий. Вохровские апологеты истошно вопят о трущобах, голоде и нищете в Колумбовии. Короче говоря, используют затасканную вохровскую формулу: «Лови вора», хотя великолепно знают, что на них самих «шапка горит».

Чемпионом в этих делах является наш старый знакомый, столь возмущающийся западным «статистическим жульничеством», – академик Румилин. Еще в 9 г. в.в.э. он писал[i]:

«… Но война эта – отмечает далее Прокопович – не улучшила, а в значительной степени ухудшила экономическое и социальное положение Европы», и в доказательство этого он приводит целый ряд убийственных статических цифр, из которых, между прочим, явствует, что после войны большинство «передовых» стран капиталистической Европы не восстановили еще доныне и того уровня национального дохода, на котором они остановились перед войной… Так Прокопович, который в порядке ревизии своих старых взглядов отказался от Карлса назад – лет этак на 100 – к его высокоподобию Мальтусу, пытается объяснить эту стабилизацию капитализма истощением «природных богатств и убывающей производительностью последовательных затрат труда и капитала». Ну, а мы в таком загнивании капитализма отнюдь не склонны видеть естественных пределов росту производительных сил и думаем, что если данная историческая форма общественного производства действительно исчерпала уже заложенные в ней экономические возможности, то, значит, на смену ей грядет другая более производительная. И факты из области динамики нашей вохровской экономики как будто вполне нелицеприятно подтверждают правильность нашего заключения». (!)

Румилин еще и пугает![ii]

«Буржуазная наука тем охотнее готова отказаться от признания законов причинной обусловленности всех явлений, что эти законы в своих исторических выводах предвещают уже близкий конец господству буржуазии… Но идеологи загнивающего империализма не столь наивны, поскольку своей проповедью мракобесия норовят увлечь и своих потенциальных могильщиков в то же болото. И с этим приходится уже бороться…».

Далее ясновидящий академик Румилин, рассчитывая на не просвечивающий «железный занавес», возвещает начало прямого вымирания в странах загнивающего капитализма![iii]

«Как видим, и здесь повышение благосостояния с переходом к внешним группам по квалификации приводит к снижению рождаемости и смертности в полном соответствии с вышеуказанным законом Карлса. Но это отнюдь, еще не исключает принципиального отличия того основного закона населения, какой был установлен Карлсом для капиталистических условий, от закономерностей вохровской эпохи (!). Влияние уровня благосостояния на темпы воспроизводства населения, как и биологическая его основа, это только один из элементов, из которых складываются закономерности развития различных общественных формаций. «Свойственный капиталистическому способу производства закон населения» по Карлсу сводится к тому, что «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым, в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением». Это относительное перенаселение, образующее резервную армию безработного пролетариата, являясь необходимым продуктом накопления и условием дальнейшего самовозрастания капитала, отнюдь не зависит от масштабов и темпов действительного прироста населения, оно вытекает не из условий размножения, а из «всеобщего закона капиталистического накопления» с его судорожным циклическим движением от кризиса к кризису, массовой безработицей и прогрессирующим обнищанием пролетариата. (!) В вохровской экономике этот закон со всеми его проявлениями полностью потерял силу. И несмотря на то, что рождаемость в Государстве Тмутараканском и общий естественный прирост населения выше, чем в странах капитализма, у нас нет ни кризисов, ни безработицы, ни избыточного населения. Вместо обнищания наш рабочий класс все время повышает свой жизненный

i «На плановом фронте», стр. 468.
ii «Статистико-экономические очерки», стр. 97.
iii «Статистико-экономические очерки», стр. 178-186.

уровень, (!) а вместо перенаселения мы явно ощущаем, что заселенность наших вохровских просторов еще совершенно недостаточна для полного использования их богатейших естественных ресурсов. Все это создает предпосылки для вступления в силу нового социалистического закона населения, по которому, как это предусматривал еще Фридрихс в 52 г. до в.в.э., «человечество могло бы размножаться быстрее, чем это может требоваться современному буржуазному обществу». Такое преимущество социалистической системы хозяйства над капиталистическим в темпах размножения представляет собой, наряду с другими, немалый шанс в историческом соревновании этих систем.

И потому отнюдь не страшась угроз перенаселения, какими пугают нас пропагандисты стерилизации, абортов и прочих рецептов неомальтузианской кухни, вохровское хозяйство сознательно принимает ряд плановых мероприятий к усилению этого шанса.

….Особенно резко это падение сказывается в странах загнивающего империализма после 17 г. до в.в.э. Так, например, ежегодный прирост населения в Гуннии с с 70 г. XIX столетия старой эры к 1901-1910 г. ст. эры поднялся за 30 лет с 11,9 до 14,3 промилле, а затем уже к 9-16 г. в.в.э. скатился к 6-7 промилле…. В Саксии, где капитализм был много старше гуннского и падение прироста населения началось раньше, чем в Гуннии, и вообще с 1870-1880 г. старой эры до 9-16 г. в.в.э. он упал здесь с 14,0 до 4,4 промилле.

В Галлии падение прироста началось еще раньше.

…Такое снижение перевеса рождений над смертностью в странах империализма уже само по себе свидетельствует о падающих шансах этой системы хозяйства в экономическом ее соревновании с социализмом… Такие показатели воспроизводства, возвещающие начало прямого вымирания ближайших поколений в странах загнивающего капитализма, предвещают и приближающийся конец этой изжившей себя общественной формации».

Академик Румилин, разумеется, искуснейший мастер Темкинских деревень и умеет великолепно не только подтасовывать цифры, но и искажать факты. Он искуснее других ставит с ног на голову, превращает белое в черное и наоборот. Автор уже много раз уличал в этом талантливого вохровского апологета. По Румилину, сомнительный карлсовский закон населения «со всеми его проявлениями» полностью потерял свою силу. Благосостояние и уровень жизни тмутараканских трудящихся, в противоположность прогрессирующей нищете трудящихся стран загнивающего капитализма, по Румилину резко возрастают, а общий естественный прирост населения в Государстве Тмутараканском выше, чем в странах капитализма. И все же в благословенном, процветающем Государстве Тмутараканском нет «ни кризисов, ни безработицы, ни избыточного населения». Как всегда, все выводы академика являются результатом подтасовки, фальсификации и прямой лжи. Так, например, у лидера стран загнивающего капитализма Колумбовии население от 2 г. до в.в.э. до 44 г. в.в.э. возросло со 100 миллионов до 180 милл. человек, то есть на 80 %. Население же всего мира возросло за это время почти вдвое, а население Государства Тмутараканского за этот период возросло с 160 миллионов до 210 милл. человек, то есть всего на 30%.

Конечно, академик Румилин может возразить, что в системе лагерного перевоспитания истреблены десятки миллионов людей, миллионы умерли от голода и болезней. Но, во-первых, академик Румилин едва ли будет таким образом возражать, так как осмелился подсчитать потери населения только за период 2-4 г. в.в.э. и не удосужился или не осмелился подсчитать потери населения в 4-6 г. в.в.э. и в 17-37 г. в.в.э., а во-вторых, эти потери населения являются прямым следствием политических и экономических особенностей вохровского строя. Что касается прогрессирующего обнищания пролетариата в стране загнивающего капитализма и прогрессирующего роста благосостояния в процветающем Государстве Тмутараканском, то автор уже неоднократно показал, да и Румилин превосходно знает, что сравнительно высокий жизненный уровень трудящихся стран загнивающего капитализма за последние 50 лет вырос в 2-3 раза и превышает жизненный уровень не только мелкой буржуазии времен Карлса, но, пожалуй. и средней буржуазии того периода.

Жизненный же уровень трудящихся Государства Тмутараканского, который в довохровские времена был раза в три ниже жизненного уровня в Колумбовии, ныне в 7 раз и более ниже.

Свыше 50% трудящихся Государства Тмутараканского через 50 лет после свершения великой вохровской революции имеют доход в 50 современных вохриков в месяц и менее или около 15 довохровских вохриков, то есть 60% средней зарплаты рабочих и служащих в царские времена.

Кое в чем однако академик Румилин прав. В Государстве Тмутараканском нет ни кризисов, ни безработицы. Кризисов нет потому, что господствует перманентный кризис. Безработных нет потому, что отсутствует их регистрация на отсутствующих биржах труда, но есть нетрудоустроенные, как показал автор в 19 разделе третьей главы «Введения…». Кроме того, на вохровских предприятиях имеется значительное количество ненужных лишних людей.

Следуя золотому правилу «лови вора», почтенный академик Румилин очень любит распространяться о кризисах в странах загнивающего капитализма и едко высмеивает «домыслы» о «кризисах» в Государстве Тмутараканском[i]:

«О «кризисах» в Государстве Тмутараканском… Тем не менее мы сумели все же выделить …. в 29 г. в.в.э. – 74,4 миллиарда вохриков, в 30 г. в.в.э. – свыше 95,7 миллиардов, а по бюджету 31 г. в.в.э. – уже 131,8 миллиардов, что по курсу вохрика составит 25 миллиардов колумбаров[ii] за один лишь 31 г. в.в.э…

… С этой истиной (что ни одна из представленных здесь стран не является самообеспеченной) в особенности следовало бы посчитаться странам империализма, в лагере которых послевоенное расстройство мировых экономических связей уже сказалось самым тяжелыми последствиями. Основательно порастеряв свои колониальные рынки и авуары при сниженной за время войны покупательной способности собственного трудового населения, большинство этих стран в условиях валютного хаоса уже несколько лет под ряд не справляется со все возрастающими дефицитами в своих торговых и платежных балансах…».

Далее, верноподданный апологет, в соответствии с генеральной линией вохровской партийной элиты, которая многие годы неутомимо «доказывала», что миллиардная помощь Колумбовии западноевропейским странам, позволяющая этим странам в короткий срок восстановить разрушенную тотальной войной экономику, по существу является грабежом, пишет:

«…Одна лишь Колумбовия продает несравненно больше товаров, чем покупает, вынуждая свою клиентуру методами генерализации приобретать в Колумбовии даже то, что вовсе ей не требуется, форсируя у своих сателлитов колумбаровый голод, девальвацию и безбрежную инфляцию (!) …

Но перспектива надвигающего кризиса витает уже не первый год и перед Колумбовией. Чтобы избежать кризиса дельцы Уол-улицы, как известно[iii], стали раздувать военный психоз и под предлогом отпора мнимой вохровской агрессии (!!) предприняли бешеную гонку вооружений. Военная конъюнктура, однако, вполне устраивает только те круги крупнейших представителей монополистического капитала, которые питаются казенными заказами за счет бюджетных ресурсов, то есть за счет налоговых изъятий у населения…

Рыцари атомных бомб и барды чумы и холеры, отнюдь не содействующие развитию международной торговли, потеряли уже всякий кредит у серьезных коммерсантов даже на своей родине…

… Это не очень лестные оценки разума столь известных сограждан… как Тручелов, Сонача, Опий-Артур и другие, но, по-видимому, довольно уместная и даже великодушная. Ведь, умалишенных не судят…». (!)

Почтенный, но жуликоватый Румилин не изменяет себе. При всем своем шулерском высокомерии он «великодушен». Умный академик «мягко» относится к «умалишенным» государственным деятелям Колумбовии, однако довольно грубо пользуется приемом «лови вора». Он делает вид, что забыл, как довохровское Государство Тмутараканское в течение сотен лет, истребив значительную часть множества народов, захватило 1/6 часть всей суши, огромную территорию в 20 милл. квадратных кило-

i «Очерки социалистической экономики Государства Тмутараканского», стр. 282-301.

ii В первом томе автор уже отмечал, что почтенный академик очень любил козырять официальным курсом вохрика, который ничего общего не имел с его реальной стоимостью.

iii Обычный жульническо-темкинский прием вохров: мол, «как известно»... (Прим. автора).

метров. Он делает вид, что также забыл, как после заверений великого семинариста, что, мол, чужой земли нам не нужно, «самое демократическое и самое справедливое» в мире вохровское Государство Тмутараканское захватило почти половину Мазурии, истребив и выселив около двух миллионов мазуров, отхватило значительную часть Латинской Кучумии, банзайской земли, оккупировало приваряжские государства и даже у крошечной Суомии отняло Выпург на юге и Никель на севере.

Придворный апологет Румилин также делает вид, будто не знает, что, используя наличие своих войск на оккупированной территории, вохровское Государство Тмутараканское насильно создало вохровские режимы и установило свой контроль над Мазурией, Западной Скифией, Латинской Кучумией, Унгарией, Юго-Восточной Скифией и Восточной Гуннией.

Академик Румилин также притворяется, что не знает о неудачных попытках Государства Тмутараканского установить вохровские режимы в Элладе, Персанском Тюркстане, Феликсинах, Канакезии, Болайя и других странах.

Все это почтенный академик забыл, но зато он помнит, твердо знает затасканный вохровский тезис о том, что капиталистически-империалистические акулы раздувают военный психоз, чтобы получить барыши. И лепечет о клевете врагов насчет «мнимой агрессивности» Государства Тмутараканского.

Апологетический академик-поэт патетически пишет о рыцарях атомных бомб, бардах чумы и холеры и прикидывается простаком, который якобы не в курсе, что Колумбовия, опасаясь агрессии Государства Тмутараканского, расходует на военные нужды менее 10% национального дохода, а «миролюбивое» Государство Тмутараканское довело свои военные расходы до 50% национального дохода. Кстати, вохровские ракетно-атомные рыцари неоднократно похвалялись своим огромным ракетно-атомным потенциалом. Зря скромничает академик Румилин. Он вполне заслужил звание международного гроссмейстера Темкинских деревень.

Но все же в Государстве Тмутараканском находятся более принципиальные рыцари Темкинских деревень, которые считают, что талантливые вохровские апологеты «смазывают противоречия капитализма», и начальственно покрикивают на них, намекая, что, мол, существует великолепная система вохровского лагерного перевоспитания.

Так, вохровский полицейский ученый Хаткин пишет[i]:

«План Генерала» – это план закабаления Европы. Для народных масс становится все более очевидными несостоятельность, гнилость и обреченность капиталистической системы хозяйства, которая ничего не может дать трудящимся, кроме мук безработицы, нищеты и голода, ужасов империалистических войн.

Работы, посвященные экономике капиталистических стран, должны сыграть важную роль в той идеологической борьбе, которую ведет лагерь демократии (!) против лагеря империализма и реакции.

Поэтому вдвойне, втройне нетерпимо, что некоторые работы последнего времени, выпущенные бывшим Институтом мирового хозяйства и мировой политики Академии наук Государства Тмутараканского характеризуются смазыванием противоречий капитализма, фактическим отказом от применения карлсистско-ильичевского метода к изучению капитализма. В нашей печати была уже подвергнута критике книга академика Смолги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны», в которой приводятся некарлсистские взгляды о якобы решающей роли буржуазного государства в военной экономике капиталистических стран, об ослаблении зависимости колоний от метрополии, о наличии каких-то «плановых начал» в хозяйстве капиталистических стран и по ряду других вопросов.

Но извращения ильичевизма-карлсизма имеют место и в других работах бывшего Института мирового хозяйства. Так, например, работа Пширта Л. «Изменения в экономике сырья и топлива во второй мировой войне», работа М. Кабшицкого «Технико-экономические изменения в промышленности Колумбовии», работа С. Черешнева «Промышленность капиталистических стран во второй мировой войне» характеризуются рядом ошибок и извращений…. Уже в выступлении на дискуссии в Институте экономики по поводу книги т. Смолги, т. Трахтенгор не только не возражал против тезиса т. Смолги

i «Бесплановое хозяйство», 32 г. в.в.э., № 1, «Против извращения ильичевского учения об империализме», стр. 81-89.

о «решающей роли» буржуазного государства в военной экономике, но даже упрекал его в «слишком осторожной трактовке этого вопроса»…

Больше того, С. Черешнев не только не видит загнивания во время войны, но утверждает, что и послевоенный период будет сопровождаться ослаблением загнивания в капиталистических странах. «Усиленная конкуренция – пишет он о послевоенном периоде – будет препятствовать техническому застою и толкать к внедрению новых технических достижений, способствующих снижению издержек производства и повышению качества изделий». Воспевание успехов техники в Колумбовии, фактическое отрицание загнивания производственных сил при капитализме толкают С. Черешнева на буржуазно-реформистские позиции замазывания противоречий империализма. (!)[i]

Ярким образцом такого низкопоклонства (преклонением перед техническими достижениями колумбовского империализма) является книга Кабшицкого М.

…В этой книге излагаются технические достижения Колумбовии… Слепое и рабское подражание источникам и при этом нередко низкопробным рекламным источникам, нежелание и неумение применить методологию карлсизма-ильичевизма… привели к тому, что под маркой Института мирового хозяйства… вышел ряд книг вредных, порочных по своему содержанию...

Дух «объективизма» и раболепия перед капитализмом пронизывают эти работы. Вохровский экономист не может, руководствуясь соображениями мнимой «объективности», занимать позицию стороннего наблюдателя в отношениях между классами капиталистического общества. Спокойное «эпическое» описание фактов, когда автор «добру и злу внимая равнодушно», беспристрастно описывает ход экономических событий, недопустимо для вохровского экономиста. (!!!!)[ii]. В качестве примера такого рода недопустимого объективистского подхода к явлениям капиталистической действительности приведем следующее место из книги Кабшицкого М.: «Все чаще в предпринимательских кругах Колумбовии приходят к выводу о крайней уязвимости современной промышленности со стороны саботажа, пассивного или активного. Все чаще в технической прессе Колумбовии встречаются утверждения о том, что современная техника во многих случаях несовместима с безразличным отношением рабочего к производственному процессу. В связи с этим в капиталистической прессе ставится вопрос об изыскании более гибких методов организации труда и капитала на предприятиях. Среди предпринимателей растет стремление воспользоваться профсоюзами для распространения среди рабочих идей «общих интересов» рабочих и предпринимателей в борьбе против отечественных и зарубежных конкурентов. Этим объясняется отход за последнее время ряда крупных колумбовских кампаний от их старой практики решительного отказа от каких-либо соглашений с профсоюзами».

Так идиллически рисуются отношения между капиталом и рабочим классом Колумбовии. Вся изображенная Кабшицким картина ложна от начала до конца. Эневтов доказывает, что сакские колонии могут довести метрополию до банкротства, используя образовавшуюся во время войны лингстеровскую задолженность своим колониям и полуколониям Арии, Птолемеева и т.д. Так, автор без стеснения выдвинул новый вариант деколонизации. Буржуазный объективизм, отрыв экономики от политики, бесстрастное коллекционирование фактов, некритическое переписывание буржуазных авторов – пронизывают книгу Эневтова, делают ее вредной некарлсистской книгой… Уместно поставить вопрос: до каких пор такие редакторы, как Эневтов, которые протаскивают в нашей печати антикарлсисткую буржуазную идеологию, будут подвизаться в Академии Наук в роли руководителей по изучению и разработке проблем капиталистической экономики?..»[iii].

Ярким примером того, какими быстрыми темпами происходит «загнивание» стран капитализма, является удивительно быстрый процесс гигантского развития экономического потенциала разрушенных войной основных западно-европейских стран в результате многократно подчеркнутого темкинскими вохрами «удушения» их «вероломной колумбовской» помощью, согласно «плану Генерала».

---

i Весьма толстый намек на возможность попасть в концлагерь (прим. автора)

ii Довольно редкое признание, притом весьма циничное, ярого апологета Хаткина, что факты недопустимо рассматривать объективно: вохровские апологеты обязаны подходить к фактам под углом зрения Темкинских деревень (прим. автора).

iii Полицейский ученый явно недоволен жесткой вохровской архиполицейской цензурой, считает, что она слаба, и призывает к новой чистке в Институте Академии Наук! (прим. автора).

В совершенно разрушенной и наполовину урезанной по территории Западной Гуннии, значительно разрушенных в результате Второй мировой войны Латинии, Галлии и некоторых других западно-европейских странах в результате помощи по «плану Генерала» и на основе здоровой экономической системы индексы физического объема промышленной продукции с 32 г. в.в.э. по 48 г. в.в.э. выросли в 3,7 раза. (!!)[i] Рост совершенно беспрецедентный. Соответственно, не в пример Государству Тмутараканскому, в котором рост промышленной продукции сопровождается в основном ростом производства средств производства и весьма незначительным ростом предметов потребления, а, следовательно, и жизненного уровня, – жизненный уровень упоминаемых западноевропейских стран вырос в несколько раз. В этих странах полнокровной экономике соответствует длительное все увеличивающееся процветание.

Ниже приводится индекс объема промышленной продукции по шести западно-европейским странам, а также Банзании и Колумбовии:

	Годы великой вохровской эры							
	22	**32**	**37**	**41**	**45**	**46**	**47**	**48**
6 зап.-евр. стран.	51	40	69	97	125	132	138	148
Банзания	57	22	60	99	186	201	222	259
Колумбовия	33	73	97	107	117	126	133	141

(За 100 принят 42 г. в.в.э.).

Но талантливые вохровские, темкинские шулеры не только не поражены этими изумительными достижениями полнокровной экономики стран загнивающего капитализма. Они с кажущимся им самим убедительным высокомерием облаивают «вражеские государства», лакейски оглядываясь на великого семинариста. Вохровский апологет Чистгер пишет[ii]:

«Борьба против «плана Генерала» является одной из важнейших задач трудящихся всего мира и всего демократического лагеря… Первоначальная маскировка «Плана Генерала» его авторами, попытка преподнести его как «великодушную» и «бескорыстную» помощь Колумбовии, притом направленную якобы на экономическое восстановление Европы, – провалились. После того, как Государство Тмутараканское сорвал маску с колумбовского плана, его военно-политическую сущность не смог скрыть и сам Генерал, а также и другие представители колумбовского монополистического капитала… Аллес 27 февраля 32 г. в.в.э. в комиссии по иностранным делам палаты представителей заявил: «Если парламент не поддержит программу экономического восстановления Европы (как они лицемерно называют план Генерала), то экономическое положение Европы будет безнадежным. Я ожидаю в таком случае увидеть вохризм на берегах Атлантического океана и возможно в Северной Африке)».

В действительности же, как отмечается в ноте вохровского правительства.., наиболее пострадавшие от войны европейские страны оказались вне колумбовского «плана», поскольку эти страны не могли согласится на выдвинутые этим «планом» условия, несовместимые с их национальным суверенитетом и государственной независимостью. Как известно, от участия в «плане Генерала» отказались 9 европейских стран во главе с Государством Тмутараканским…

Во-первых, «план Генерала» направлен на подчинению контролю колумбовских монополий, ослабевшей в результате войны экономики западноевропейских стран, дабы лишить их затем политической самостоятельности (!) и полностью использовать экспансионисткие устремления Колумбовии к мировому господству…

Во-вторых, он направлен к превращению стран Европы в огромный, единый и постоянный рынок сбыта колумбовских товаров. (!)[iii] «План Генерала» направлен к уничтожению национального суверенитета охватываемых им стран…

---

i Справочник «Мир капитализма», Издательство политической литературы, Кремлевия, 49 г. в.в.э., стр. 27.

ii «Бесплановое хозяйство», 32 г. в.в.э., №2, «План Генерала – орудие империалистической экспансии Колумбовии», стр. 70-81.

iii Следует отметить, что в 50 г. в.в.э. суммарный объем внешней торговли западноевропейских стран в 1,5 раза превысил объем внешней торговли Колумбовии (прим. автора).

В-третьих, «план» выражает стремление колумбовских монополий захватить контроль над колониями европейских государств[i]

В четвертых, одной из важнейших целей «плана» является насаждение в западно-европейских странах реакционных режимов.[ii]

… Таким образом, экономическое положение как Саксии, так и Галлии свидетельствует о том, что зависимость этих стран от Колумбовии не только содействует развитию их экономики, но тормозит это развитие. Это относится также и к другим капиталистическим странам Европы, в частности к Фландрии и Валлонии. Реакционная политика их правительств вовлекают эти страны в кабалу к колумбовскому империализму, который стремится всемерно задержать развитие жизненно-важных отраслей экономики этих стран.

Еще на более низком уровне по сравнению с довоенным периодом находится экономика Западной Гуннии, Эстерии и Латинии, что также является результатом политики саксо-колумбовского империализма в этих странах.

Совершенно другую картину развития представляют страны народной демократии[iii]: Югоскифия, Юго-Восточная Скифия, Кучумская Латиния, Мазурия, Западная Скифия, Унгария и Аблания сумели в кратчайший срок провести демократические преобразования, способствовавшие прогрессу.

Процесс восстановления западноевропейских стран должен согласно этому «плану» базироваться не на собственных силах и ресурсах этих стран, не на развитии их индустрии, а, главным образом, на поставках продовольствия, сырья и оборудования из Колумбовии. В натуральном выражении западноевропейские страны рассчитывают на ежегодные поставки из Колумбовии: 25-30 миллионов тонн зерна, 2-2,5 миллионов тонн мяса, 2,3 миллионов тонн жиров, 2,3 миллиона тонн сахара, десятков миллионов тонн угля, нефти, стали, хлопка и других товаров.

Подписанный президентом Колумбовии закон предусматривает ассигнования для осуществления программы европейского восстановления всего[iv] в сумме 5300 миллионов колумбаров, между тем, по жирапским наметкам, в 32 г. в.в.э. предполагалось импортировать в Западную Европу из стран Колумбовского континента товары на 9,2 миллиардов колумбаров. Таким образом, надежды западноевропейских правительств на колумбовскую «помощь» потерпели крушение. (!)… Между тем противоречия между галльской и гуннской сталелитейной промышленностью неразрешимы…».

Как говорится, комментарии к этому примитивно грубому и невежественному извращению истинного положения вещей – излишни.

Хорошо известно, что колумбовская помощь по «плану Генерала» не только способствовала быстрому восстановлению экономического потенциала Западной Европы, но содействовала огромному возрастанию экономического потенциала по сравнению с довоенным временем, что выше показано автором.

8. О репрессиях в странах загнивающего капитализма

В главе двенадцатой автором описаны чудовищные масштабы репрессий в Государстве Тмутараканском, показано, что за время владычества вохров только в тюремно-лагерной системе истреблено не менее 30 миллионов людей, а арестовано еще больше. По свидетельству самих великих вохровских

i Как известно, после Второй мировой войны европейские государства отказались от своих колониальных владений (прим автора).

ii Владыки сверхполицейского вохровского Государства Тмутараканского упорно утверждают, что демократические режимы Галлии, Западной Гуннии, Латинии, Саксии и других являются реакционными (прим. автора).

iii Странами «народной демократии» вохровские владыки называют своих сателлитов, где они с помощью своих войск и полиции насильно установили полицейские режимы наподобие Тмутараканского. Вообще же, антинародной демократии не бывает, и выражение «народная демократия» является тавтологией... (прим. автора).

iv Вохровские темкинские апологеты совсем заврались. С одной стороны они заявляют, что многомиллиардная колумбовская помощь (которую они всегда берут в кавычки) содействует закабалению европейских стран, с другой стороны – они вопят, что помощь мала (прим. автора).

вождей (Никитова и других), против жертв режима применялись самые изощренные пытки. Даже после «отважного разоблачения» так называемого «культа» великого семинариста свирепо подавляется всякое инакомыслие, не соответствующее вохровской олигархии.

В огромной стране отсутствует даже одна единственная партия, потому что вохровская партия – это фикция! Это такая же Темкинкая деревня, как и вся огромная совокупность остальных вохровских инсценировок. Почти все понимают, что любая демонстрация, любая забастовка немыслимы в условиях архиполицейского Тмутараканского Государства.

Если какие-нибудь наивные молодые люди, обманутые какими-нибудь временными либеральными фразами великих вохровских вождей (например, заявлениями великого Никитова и шефа тайной полиции о том, что, мол, ныне в Государстве Тмутараканском нет политических заключенных), и осмеливаются осуществить какую-нибудь политическую демонстрацию, их немедленно репрессируют. Либо их причисляют к тунеядцам и ссылают в «места не столь отдаленные», куда «Макар телят не гонял», либо их попросту по статье 70 уголовного кодекса осуждают и направляют в исправительно-трудовые лагеря.

Даже в настоящее время, уже после того, как истреблены десятки миллионов инакомыслящих и просто подозреваемых в инакомыслии, после «разоблачения культа личности» и чудовищных преступлений Виссарионова, Государство Тмутараканское – мрачная тюрьма по сравнению даже с тоталитарными фашистскими режимами, кое-где сохранившимися. Так, даже согласно информации международного вохровского журнала[i], политическое положение в фашисткой Вестготии охарактеризовано следующим образом:

«Имеются две демо-христианские партии, деятельность и руководители которых хорошо известны. Существует монархическая партия, которая, используя терпимое отношение правительства, даже смогла организовать политический банкет. Ее руководители также прекрасно известны. Есть несколько групп либералов, издающих свои документы; их руководители не только выступают с заявлениями в иностранной печати. Рабочие группировки (братства католического действия), организация католической рабочей молодежи, а также другие легальные католические организации, в последнее время приобрели открыто оппозиционный характер. Полиция и правительство знают, что эти партии и политические деятели ведут работу… В результате происшедших изменений массовая деятельность, несколько лет тому назад строжайше запрещенная, и в ряде случаев караемая смертной казнью или долгосрочным заключением, теперь проводится открыто. В настоящее время в противовес кандидатам предпринимателей и фалангистских профсоюзных вожаков на всех предприятиях при выборах профсоюзных делегатов и уполномоченных широко выдвигаются делегаты от профсоюзной рабочей оппозиции.

Несколько лет тому назад это было бы совершенно немыслимым. Полиция, конечно, пользуется каждой забастовкой для того, чтобы арестовать и сурово покарать представителей рабочих… В фалангистском профсоюзе студентов также часто случается, что на выборах в факультетские организации побеждает кандидат аппозиции… Сейчас наиболее известные профессора, писатели и деятели искусств, люди самых различных политических и идеологических тенденций подписывают и публикуют петиции в пользу амнистии. С этой же целью открыто собираются сотни тысяч подписей и представительные делегации вручают петиции членам правительства. Столь же открыто проявляется солидарность с заключенными.

В университетах студенты организуют публичные лекции явно прогрессивного характера. В свою очередь католическая и монархическая оппозиции используют различные кружки и организации для все более откровенной пропаганды. Оппозиционные силы поднимают голову и ведут активную работу в литературе, кино и театре.

Недавно большая группа представителей интеллигенции и деятелей искусств вручила правительству документ, в котором протестует против цензуры. Некоторые писатели заявляют о намерении издать свои произведения за границей, если они не смогут это сделать в Вестготии. До недавней поры

i «Проблемы мира и вохризма», 45 г. в.в.э., № 4, «Нелегальные партии и их связи с массами», стр. 13-14.

такое поведение невозможно было себе представить. Коллегии адвокатов, которые одно время были прочной опорой режима, начинают высказываться в пользу установления правового государства, против специального судопроизводства и, в частности, против рассмотрения политических преступлений военными трибуналами. Прежде антифашист с трудом находил адвоката, который согласился бы защищать его в суде. Сегодня адвокаты активно защищают подследственных лиц. Они коллективно протестуют против пыток и даже, как это произошло в Пивселонской коллегии, возбуждают в самих галлкистких судах дела о применении пыток политической полицией или требуют отмены декрета от 21.IX.44 г. в.в.э., по которому самое незначительное политико-социальное выступление рассматривается, как военный мятеж».

Так свидетельствует сама вохровская печать о положении в вестготсткой, галлкистской вотчине. Конечно, нацистский, фашистский, тоталитарный режим родственен вохровскому тоталитарному режиму. Об этом можно судить не только по периодам дружественных отношений между Адольфером и Виссарионовым, когда даже пламенный, мужественный антифашист Мидитров дружески отзывался об адольферовской империи или сверхдружественных отношений с последышами Адольфера – нацисткими, исмаилистскими деятелями типа Ибнгамаля, но и по весьма схожей политической структуре этих тоталитарных режимов. Но в настоящее время по глобальным политическим причинам вохровская схема проявляет непрекращающуюся враждебность к галлкистскому режиму, поэтому нет сомнения, что вохровский журнал не приукрашивает галлкистскую действительность. и, следовательно, то что совершенно немыслимо для сверхполицейского вохровского режима, ныне осуществлено даже в нацисткой Вестготии.

Но и в данном случае вохровские мастера Темкинских деревень уже полвека истошно вопят о репрессиях в странах загнивающего капитализма, используя всё то же золотое правило: «лови вора». «Забывая» о десятках миллионах истребленных тмутараканцев, вохровские борзописцы, изображая ангельских демократов, с «возмущением» пишут о десятках, сотнях и даже, о ужас, тысячах (!) арестованных в странах загнивающего капитализма. Автор не имеет возможности привести необъятные вохровские материалы в этой части Темкинских деревень, обнаруживающие беспрецедентное, ханжеское лицемерие верноподданных вохровских борзописцев, и ограничится только несколькими ссылками.

Только-только вохры в 2-6 г. в.в.э. ликвидировали все инакомыслящие партии и истребили, даже по данным верноподданного апологета Румилина миллионы людей, а в 8 г. в.в.э. официальная вохровская «газета» «Кривда» цинично-лицемерно «возмущается» репрессиями в капиталистических странах, при этом используется затасканный трюк: сроки заключения осужденных суммируются, чтобы поразить неискушенного читателя бóльшей цифрой.

«Кривда» сообщает[i]: «Шесть линберских рабочих приговорены к 14 годам 6 месяцам (!) тюремного заключения за покупку оружия…».

10/VII 8 г. в.в.э. та же «Кривда» сообщает: «В Штутсаде 6 рабочих приговорены к 30 го- дам тюрьмы по обвинению в «государственной измене»… В мае и июне 8 г. в.в.э. общая сумva наложенных на рабочих наказаний была: 200 лет каторги, 560 лет тюрьмы, 150 лет крепости (!)

В тюрьме Ранегор свидания с родными даются арестованным только один раз в 3 месяца (!)…

… Всех этих товарищей зверски избили за объявленную ими голодовку… т.т. Рыбакова, Рут и другие были арестованы по доносу какого-то провокатора (!) … Чтобы вынудить у них признания, их избивают до крови…. Доведенные до отчаяния они давали невероятные показания … А на другой день их должны были освободить за недостатком улик… Тяжелые условия толкают заключенных на самоубийства…

В июле 8 г. в.в. были арестованы в Ханаане, находящемся в управлении у саксов, 13 человек, обвиненных в причастности к вохрам….

Так ли обстоит дело в Государстве Тмутараканском? В тюрьме или концентрационных лагерях вохровской власти находится около 1500 человек (!) «политических заключенных», состоящих, глав-

i «Кривда», 4/VI.8 г. в.в.э.

ным образом, из монархистов и белогвардейцев, генералов, а также эсдеков, эсеров и нескольких десятков анархистов. Большая часть политических заключенных[i] сгруппированы в концлагерях Сузблизском и Воробецком. Каковы их условия?

Предоставим слово самим заключенным.

Из их писем выясняется:

а) Климат лагеря — сухой и здоровый.

б) Комнаты не имеют характера тюремной камеры, являются достаточно просторными и светлыми.

в) Пища достаточна (мясо 2 раза в день, чай, сахар, папиросы и прочее). Кроме того, выдаются дополнительные кормовые, каждому арестанту по 43 гроша в день.

г) Письма можно посылать 1 раз в неделю (а не раз в 3 месяца, как в Ранегорской крепости, в Гуннии).

Заключенные чувствуют себя хорошо и главной их заботой является лишь забота о родных, из которых многие питаются хуже, чем они в заключении…». (!!)

После сообщения о том, что вохровские концлагеря, в противоположность капиталистическим, являются по существу санаториями и вохровских зеков одолевает только забота о «родных, из которых многие питаются хуже чем они в заключении», 2 октября 8 г. в.в.э. «Кривда» сообщает о страшном белом терроре:

«Литское правительство отдало под суд 300 рабочих за то, что они были в избирательных списках рабочей группы во время выборов 6-7 г. в.в.э.

В Мазурии насчитывается около 5 тысяч зеков. (!) В Гуннии томится в застенках около 7 тысяч революционеров (!) В Суомии насчитывается около 1200 зеков. (!)

Начиная с 3 г. в.в.э. зеки в в Мазурии путем бесчисленных голодовок ведут борьбу за отделение от уголовных зеков[ii]…

Кровавая расправа в Гуннии (!)

… Так, 16 сентября эльбепольский суд приговорил редактора «Красная трибуна» – вохра к 6 неделям тюрьмы (!) за «надругательство над церковью и ее обычаями». В тот же день в Кауцви приговорены к 3 месяцам тюрьмы (!) вохры Бранд и Элатер по обвинению в «призыве к убийству», а также в «пособничестве к бегству» преследуемых полицией вохров…

Под сапогом кучумско-латинской реакции (!)

… В настоящее время, говорит т. Петреску, в Кучумской Латинии находятся в тюрьме около 300 членов нашей партии, присужденных за вохровскую деятельность».

25 октября 8 г. в.в.э. «Кривда» сообщает:

«Террор птолемеевской буржуазии (!)

В «Кривде «от 14 сего месяца сообщалось об осуждении птолемеевских вохров на сроки от 3 месяцев до 6 лет за захват предприятий…». (!)

18 ноября 8 г. в.в.э. «Кривда» сообщает:

«В маленькой Эстии творятся кошмарные дела (!)

В январе этого года правительством «демократической Эстии» были вырваны из рядов пролетариата и заключены в тюрьмы 300 революционеров (!), среди них члены рабочей вохровской партии…».

20 февраля 9 г. в.в.э. «Кривда» сообщает:

---

i На этот раз без кавычек (прим. автора).

ii В тмутараканской тюрьме и лагерях политические десятки лет содержались вместе с уголовными. Протестуя против этого, зеки Честкуты, Бревномы и других организовали грандиозную голодную забастовку. Весной 22 г. в.в.э. все эти «забастовщики» были уничтожены

«Разоблачения на процессе гуннской чека (!)

У обвиняемых вынуждали показания под страхом смерти. Казенный защитник – полицейский агент…»[i].

1/III 9 г. в.в.э. «Кривда» сообщает:

«Зверства в приваряжских государствах (!)

В Эстии, Литии, Латии и Суомии произведены массовые аресты (!) и обыски. Арестовано свыше 3,5 тысяч рабочих и крестьян. (!) В Эстии после декабрьского восстания расстреляно 500 рабочих, произведено свыше 6000 обысков, более 2500 рабочих и крестьян брошены в тюрьмы. (!) В Литии за 2 месяца произведены около 1000 обысков и арестовано более 300 рабочих (!) … С ужасом вспоминает человечество зверские пытки средневековой инквизиции в эпоху распада католической церкви. Ныне в эпоху распада буржуазного мира жалкие отбросы этого старого отживающего мира решили восстановить эту ужасную память о средневековой инквизиции. Опытные инквизиторы добывают нужные им показания при помощи самых ужасных пыток и пытками же вынуждают арестованных расписываться в том, будто эти показания даны ими добровольно…».

18 марта 9 г. в.в.э. «Кривда» пишет:

«Из этих папок пухлых… десятки с жуткими надписями: умершие в камерах, запытанные, сошедшие с ума. Самоубийства, голодовки. Расстрелы по суду. Убитые при попытке к бегству. Из 14 отделов пять имеют отношение к нашей теме. Состоят они из писем политических заключенных[ii] в Мазурских, Юговосточноскифских, гуннских, латинских, эстских и других европейских тюрем… Жутко и безнадежно.

У каждого впереди 2, 4 и 5 лет заключения. Медленная и невыносимо мучительная смерть…».

26 марта 9 г. в.в.э. «Кривда» пишет:

«Вохровский депутат в мазурском сейме т. Налцуцский отвечает на приветствие толпы[iii], когда его выводят из суда (фотография). Налцуцский привлечен на основании 58 статьи эстерийского кодекса по обвинению в государственной измене».

12 июня в 9 г. в.в.э.) «Кривда» пишет:

«В вестготских застенках (!)

Террор вестготских фашистов продолжает действовать. К тем сотням и тысячам рабочих и крестьян, (!) которые наполняют тюрьмы Вестготии, каждый день прибавляются новые.

Вохровская партия является предметом жестокой расправы».

26 февраля 10 г. в.в.э. «Кривда» пишет:

«Белый террор: 12 югоскифских вохров оставлены в тюрьме». (!)

11 марта 10 г. в.в.э. «Кривда» пишет:

«Разгул полицейского террора в Унгарии (!)[x]

Попытка инсценировать «вохровский заговор», хотя демонстрации не состоялись, тем не менее 11 рабочих были арестованы, якобы за намерение принять участие в заговоре…».

Известный тмутараканский реакционный монархист Гиншуль при всей своей звериной ненависти к демократам–революционерам обладал весьма скудной фантазией. Он, конечно, не мог предвидеть фантастических способностей вохров в деле истребления людей «Кривда» 8 января 10 г. в.в.э. переда-

i Сомнительно, чтобы в демократической Гуннии защитники набирались в полиции, а вот в Государстве Тмутараканском, если только осуществлялась судебная инсценировка, а не простая полицейская расправа (в Особом совещании), «защитники» были исключительно полицейскими функционерами (прим. автора).

ii Кстати, немыслимо представить, что письма политических заключенных из «демократических» тмутараканских тюрем могут попасть за рубеж (прим. автора).

iii Можно ли представить себе, чтобы в «демократическом» Государстве Тмутараканском, например, писателя Голубовского будет приветствовать толпа, когда его выводят из зала суда? (прим. автора).

ет его «наивные» мечты: «Гиншуль в «Днях» пишет о грядущей милости грядущего якобы монарха: «Царь повесил 5 декабристов, но если будущий царь расстреляет 50 тысяч «февралистов», то это будет задешево купленное спасение Государства Тмутараканского».

22 января 10 г. в.в.э. «Кривда» вспоминает жестокие репрессии царя:

«21 год тому назад в памятное кровавое воскресенье пали по приказу царя-палача десятки невинных жертв (!)[x]…»

16 февраля 10 г. в.в.э. «Кривда» сообщает:

«Контрреволюционный бандитизм – В Ваборских каторжных тюрьмах со времен разгрома вохровской республики все еще томятся около двух десятков (!) революционных пролетариев».

Намуильский на XVII съезде с «ужасом» говорит[i]:

«…Но если с 13 г. в.в.э. в Банзании арестовано 30 тысяч человек за «опасные мысли»…».

В 43 г. в.в.э. уже после того, как великий Никитов «отважно» разоблачил чудовищные преступления великого семинариста, «профсоюзный» вождь Колин «возмущается»[ii]:

«В Элладе тысячи людей без суда и следствия брошены в тюрьмы. Жизни Манозоса грозит опасность. Неужели они осмелятся взять на себя это черное дело и рисковать навеки покрыть позором свое имя в глазах народов всего мира? (!) (в зале шум, возмущение). – Можно много говорить о бесправном положении профсоюзов и других демократических организаций рабочего класса в капиталистических странах. (!)

О дальнейшем наступлении на права профсоюзов свидетельствует послание президента Колумбовии от 28 января 43 г. в.в.э., в котором он предлагает закон, направленный на дальнейшие ограничения прав профсоюза в борьбе против предпринимателей… Так выглядит «свобода» в капиталистических странах».

«Кривда» Малоскифии 2 декабря 44 г. в.в.э. сообщает:

«Колонизаторы превратили в рабов не только мужчин африканцев, но и женщин и детей, которых мобилизуют в принудительном порядке на строительство дорог, причем труд их не оплачивается».

Как автор уже отметил, размеры его исследования не позволяют привести всех подобных циничных, лживых и бесстыдных материалов, заполняющих в течение полувека вохровскую «прессу», «литературу» и другие идеологические подразделения. «Самая правдивая» в мире вохровская пресса давно уже доказала свои способности не только к подтасовке фактов, но и к самой примитивной, бесстыдной и провокационной лжи. Даже через полвека после свершения великой вохровской революции в самой «правдивой» вохровской газете «Кривда»[iii] появляется такая заметка с ссылкой на Гладьрут: «Продолжают поступать все новые сведения о бесчинствах и зверствах ханаанских агрессоров… Перед началом агрессии ханаанские милитаристы отдали приказ «не брать пленных». Ханаанские танки несколько часов гнали перед собой безоружных людей, гусеницами давя отстающих… Ханаанские самолеты уничтожили санитарные машины, которые вывозили раненных с поля сражения. Множество стариков, женщин и детей погибли… Ханаанские солдаты расстреливали в упор исмаилистских военнослужащих с поднятыми руками, убивали женщин и детей… Ханаанские солдаты избивали и силой заставляли покидать дома, оставить скот, землю и все имущество. Всех, кто отказывался, оккупанты расстреливали… Многих жителей убили в мечети… В деревне М. ханаанские солдаты согнали жителей в один из домов и, облив его керосином, сожгли...».

Более того, 19 июня 57 г. в.в.э. председатель совета Министров Государства Тмутараканского Алексеев, выступая перед представителями всех народов мира, оскорбив своей необузданной клеветой все человечество, заявил[iv]: «То, что творится в занятых ханаанцами исмаилистских землях, заставляет

i Стенограмма XVII съезда, стр. 313. 17 г. в.в.э., стр. 313.
ii Стенограмма XXI съезда, II часть, 43 г. в.в.э., стр. 70.
iii «Кривда», 16 июня 51 г. в.в.э., «Остановить преступления».
iv «Кривда», 20 июня 51 г. в.в.э., «Выступление Алексеева».

вспомнить о чудовищных преступлениях, которые совершались нацистами во время Второй мировой войны… Ханаанские войска сжигают деревни, уничтожают госпитали, школы. Мирных жителей оставляют без продовольствия и воды, без всяких средств к существованию. Имели место факты расстрела военнопленных и даже женщин и детей, сожжения санитарных машин с ранеными…».

Алексеев уже не ссылается стыдливо на лживую нацистскую, исмаилистскую информацию. Закусив удила, тмутараканская вохровская олигархия, потрясая своим ракетно-атомным оружием, грозит совместно с нацистскими руководителями угнетаемых исмаилистских народов смести маленький, мужественный, ханаанский народ с лица земли.

Такова лживость, беспринципность и безнравственность переменной вохровской олигархии и ее верноподданных борзописцев.

Но даже если бы приведенные ссылки вохровской печати о репрессиях против единиц, десятков, сотен и даже (о ужас!) тысяч людей в странах загнивающего капитализма соответствовали истине, то как они смешны по сравнению с фактом истребления без суда и следствия десятков миллионов безвинных тмутараканских граждан Как смешны эти ссылки в свете того, что вохровская олигархия во главе с великим семинаристом цинично и бесстыдно назвали многие целые народы – преступниками.

Они объявили «преступниками»: гуннский народ в Половжье, шамилевцев, половцев, таврических рататов, ингунцев и многие другие народы, о которых автор рассказал в главе XII.

Вот эти то «народы-преступники» действительно были согнаны со своих земель, где они проживали сотни лет. У этих-то народов действительно было отобрано все имущество. Им действительно, в том числе дряхлым старикам, больным, беременным, младенцам давали 30-60 минут на сборы и угнали их в далекие края, где многие умерли (а многие погибли уже в дороге, в вагонах для скота) от истощения, голода, болезней и лишений. Но таковы Темкинские деревни и золотое правило вохровской элиты: «Лови вора».

9. О прочей дезинформации

Хотя и невозможно рассмотреть весь необъятный материал вохровской дезинформации, для полноты картины автор считает необходимым привести еще несколько примеров.

Еще в 4 г. в.в.э. величайший Ильичев хвастался, что вохровцы победили (!) сильнейшие страны мира[i]:

«Если подумать о том, что же лежало в конце концов в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это – централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование».

В момент величайшей разрухи и голода в Государстве Тмутараканском в резолюции 17 конференции в феврале 16 г. в.в.э. отмечается:

«Еще раз блестяще подтверждено преимущество социалистической системы хозяйства перед системой капиталистической». (!)

Спустя 2 года, в момент такого же развала народного хозяйства, великий семинарист вновь похваляется чудом[ii]: «Как могли произойти эти колоссальные изменения за 3-4 года? Не чудо ли это?.. Нельзя считать случайностью, что страна, где карлсизм одержал полную победу, является теперь единственной страной в мире, которая не знает кризисов и безработицы». (!)[iii]

Тогда же, на XVII съезде, когда в грязных и голодных городах тмутараканские граждане ютились в тесных коммунальных квартирах, в которых в среднем на душу приходилось 3-4 м^2 жилой площади,

i Стенограмма IX съезда, стр. 15.
ii Стенограмма XVII съезда, стр. 15.
iii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 36.

Булгарин бодро лгал[i]: «Из всех городов мира по темпу и объему своего развития сегодня на первом месте стоят города нашей страны». (!)

Широко известно, что Палевоморский-Тлабийский канал строили заключенные и для строительства этого канала был организован огромный концлагерь, куда ссылали множество крестьян, репрессированных в результате насильственной коллективизации, вымышленных «вредителей»-инженеров и «ликвидированных» рестэпманов, а Климов разводит турусы на колесах и говорит, что во главе «героических» палевоморстроевцев стояли шеф тайной полиции Тыгода и партийный полицейский Кострик[ii]: «За последнее время мы не только укрепили и усилили морские силы Тлабийского и Евксинского морей, но воспользовавшись тем, что т. Кострик и. т. Тыгода во главе героической армии палевоморстроевцев соединили Палевое море с Тлабийским, (!!) перебросили малую толику судов на север…».

Известна почти полная пассивность терроризированных еще со времен военного коммунизма тмутараканских рабочих, однако областной вохровский вождь Арбузов (с Большого Камня) утверждает обратное[iii]: «Неверно, что программа, выдвинутая Ильичевым и Виссарионовым, принималась рабочими, голосующими за тезисы, – слепо. Рабочие голосовали за тезисы Ильичева и Виссарионова, как раньше, так и теперь горячо и убежденно». (!)

В 23 г. в.в.э., когда Государство Тмутараканское «победно» перевыполняло планы по браку и блистательно побило рекорды всех тиранов за всю историю человечества по истреблению людей, Виссарионов хвастливо заявлял о самой передовой технике и самой полной демократизации[iv]: «Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства и точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной… и, как результат всего этого, полную демократизацию политической жизни страны, создание новой конституции…».

Цинично и высокомерно великий семинарист объявил: «Никто не смеет оспаривать, что наша конституция является наиболее демократической в мире, а результаты выборов в Верховный Совет Государства Тмутараканского, как и в Верховный Совет Союзных республик, – наиболее показательными».

Лазаревич на XVIII съезде повторяет старую басню о «победе над 14 государствами»[v]:

«Партия, одержавшая великие победы на фронте гражданской войны в борьбе с генералами и 14 государствами-интервентами, партия, уничтожившая кулачество, уничтожившая гнезда шпионов и диверсантов…».

Известно, что вохровская валюта неоднократно обесценивалась почти до нуля. Даже в настоящее время, когда 28 стран мира обладают обратимой валютой, даже неизвестно, когда Государство Тмутараканское будет обладать такой валютой, а чуть ли не три десятка лет тому назад на XVIII съезде Булгарин заявлял[vi]: «Вохровские деньги являются самой прочной и устойчивой валютой в мире».

Еще в 23 г. в.в.э. ловкач Анастасян обогащает Темкинские деревни новым пропагандистским трюком. Оказывается, всё в тмутараканском тюремном застенке обстоит великолепно, но есть одна проблема...[vii] «… Мне приходилось говорить с некоторыми работниками. Муж и жена заняты ответственной работой. Муж жалуется: «несчастье». – А в чем дело? Мало зарабатываем, что ли? – «Нет, зарабатываем хорошо, деньги есть в достаточном количестве, спасибо вохровской власти». – А в чем же несчастье? «Не можем найти прислугу…».

Когда по ночам многие с трепетом прислушивались, не ломится ли тайная полиция в двери, и не настала ли очередь в «черном вороне» отправиться в вохровскую лагерную систему перевоспитания,

---

i Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 489.
ii То же, стр. 230.
iii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 244.
iv Стенограмма XVIII съезда, 23 г. в.в.э., стр. 16.
v Стенограмма XVIII съезда, стр. 269.
vi То же, стр. 364.
vii Стенограмма XVIII съезда, стр. 214. Кстати, много голодных кахов согласились бы прислуживать, только трудно было этих крепостных прописать в городе (прим. автора).

полицейский палач Вячеславов видит только сверхсчастливые лица[i]: «Посмотрите в лица трудящихся нашей страны и вы увидите, что никогда они не были так счастливы, как теперь, когда берутся за сложные и трудные задачи постепенного перехода от социализма к вохризму».

Президент Михайлов расхваливает вохровскую конституцию, остроумно связывая эту конституцию с различными наименованиями вохровской тайной полиции[ii]: «У нас есть люди, которые до сих пор еще не уразумели смысл конституции[iii] … Например, прежние неравные, непрямые выборы заменены равными и прямыми выборами… Рост общественного социалистического хозяйства потребовал создания новых комиссариатов. Всетмутараканская чрезвычайная комиссия была преобразована в Госполитуправление, а потом в Народный комиссариат внутренних дел. Только слепой не видит, что эти преобразования выражают собой и значительное изменение самих функций ВЧК-ГПУ-НКВД (!)

т. Виссарионов говорил в докладе: «Теперь основная задача страны состоит в мирной хозяйственно-организационной и культурной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены не во внутрь страны, а во вне ее, против наших внешних врагов».

Ранее автор неоднократно отмечал, что вохры глубоко засекречивают свою деятельность и намерения. Наиболее важные пункты их глобальной политики известны, вероятно, только верхушке (нескольким олигархам) переменной, вохровской партийной схемы, но они с отважным бесстыдством утверждают совершенно противоположное. Так, например, на XX съезде, в 40 г. в.в.э. Ксаричев говорил[iv]: «Ни одна историческая эпоха не знает примеров, чтобы государственные деятели говорили с сотнями тысяч и десятками миллионами людей так откровенно, как это делали т.т. Никитов и Булгарин в Арии и других странах».

Даже маленькие тмутараканские дети знают, как тщательно великие вохровские вожди скрывают от народа неприглядную правду. Более того, в период «культа личности» тех немногих жертв вохровского тотального строя, которым удавалось оставаться в живых в результате «перевоспитания» в концлагерях, вынуждали давать подписку в том, что они под страхом вновь попасть на «перевоспитание» не будут никому рассказывать правду о концлагерях. Тем не менее великий Никитов громко вещает[v]: «ЦК исходит из того, что партия не должна бояться говорить народу правду… Нам нечего скрывать свои недостатки».

В IV, V и VIII главах «Введения…» автором показано, что свыше 80% национального дохода вохровское государство-спрут отвлекает для целей, ничего общего с народным потреблением не имеющих, а в некоторые периоды на народное потребление использовалась невероятная часть национального дохода – менее 5%. Ограбление трудящихся осуществлялось многочисленными методами: в основном с помощью косвенных налогов, которые затем были объединены и названы «налогом с оборота», присвоением государством-спрутом прибылей государственных предприятий, почти бесплатным присвоением (до 38 г. в.в.э.) сельскохозяйственных продуктов колхозов, с помощью государственных займов, которые несколько раз обесценивались и, наконец, по существу были аннулированы и, наконец – в меньшей степени – с помощью прямых налогов. Тем не менее великий Никитов наводит темкинскую тень на плетень[vi]: «Удельный вес налогов уже теперь является незначительным и составляет всего 7,8% бюджета. Это дает нам возможность отказаться в ближайшие годы от взимания налогов с населения…».

Таким образом, одной фразой великий Никитов превращает самое грабительское государство, которое когда-либо существовало, в идеальное государство, которое вовсе не взимает какие-либо налоги с

---

i То же, стр. 312.

ii Стенограмма XVIII съезда, 23 г. в.в.э., стр. 398-399.

iii Всетмутараканский президент Михайлов не предусмотрел еще одно коренное изменение, которое вытекало из «смысла» самой демократической в мире вохровской «конституции». НКВД было преобразовано в Министерство государственной безопасности (МГБ) Следует полагать, что старая жена президента Михайлова, когда она была зечкой и выдавала зекам белье с прожаренными гнидами взамен грязного с непрожаренными гнидами, лучше президента поняла смысл изменения функции ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ (прим. автора).

iv Стенограмма XX съезда, I часть, стр. 140.

v То же, стр. 101.

vi Стенограмма XXI съезда, I часть, стр. 49.

осчастливленного тмутараканского населения, а все свои расходы погашает за счет зарплаты великодушных, вохровских, великих вождей и их верноподданных экономистов и финансистов.

Один из «теоретиков», великий вохровский вождь Пивнов предвещает, что в результате провалившейся семилетки содрогнется (!!!) вся капиталистическая система[i]: «Социалистическая система, занимающая 26% территории планеты и насчитывающая 35% населения, в результате выполнения семилетнего плана будет выпускать продукции более, чем все остальные страны мира. Это явится такой победой социализма, от которой содрогнется вся капиталистическая система…».

10. О буржуазных фальсификаторах истории и глубоко принципиальных карлсистско-ильичевских историках

«Принципиальные» вохровские историки совершенно справедливо уже полвека возмущаются буржуазными фальсификаторами. Гениальные вохровские историки использовали принципы математика Лобачевского в истории, что, по-видимому, вполне корреспондируется с учением Карлса и в особенности с учением величайшего Ильичева, который с виртуозной диалектикой умел одинаково гениально доказывать справедливость кардинально противоположных принципов[ii].

Так же, как Лобачевский в противоположность Евклиду утверждал, что через данную точку можно провести не одну, а много линий, параллельных заданной, так же и великие вохровские историки совершили гениальное открытие: историческая истина вовсе не должна быть одной-единственной. Интерпретации одних и тех же исторических фактов могут быть различными и даже прямо противоположными. И все они будут истинными.

Вот почему за сравнительно короткий исторический период существования вохровской власти появляются различные, противоречащие друг другу варианты истории вохровской партии и вохровского Государства. И все они с гениальной прозорливостью карлсистски-ильичевистски отражают истинные факты исторической действительности. Если христианская библия оставалась неизменной в течение тысячелетий, то вохровские исторические «библии» трансформируются чуть-ли не каждое десятилетие. Примерно десятилетие господствовала библия Кингарина «Азбука вохризма». В 13 г. в.в.э. вышла «История вохровской партии» под редакцией Губельского. Больше всего – полтора десятка лет – продержалась гениальная библия Виссарионова, названная «Кратким курсом истории вохровской партии».

После «разоблачения «культа личности» в 42 г. в.в.э. была издана и затем несколько раз переиздана новая вохровская «библия» – «История вохровской партии» В настоящее время готовится к выпуску новая вохровская «библия». Ее конспект изложен в тезисах ЦК к пятидесятилетию великой вохровской революции.

Буржуазные фальсификаторы истории не постигли гениальной сущности мастеров Темкинских деревень, которые глубоко уверены, что именно они осуществили мечты средневековых алхимиков, нашли философский камень с помощью которого искусно превращают ложь в истину, черное в белое и наоборот.

Не постигнув этой сущности, буржуазные фальсификаторы получили сокрушающий отпор от кафедры истории вохровской партии при Академии Общественных Наук при ЦК[iii].

В этом истинном карлсистско-ильичевском документе самые лучшие и объективные в мире вохровские историки с возмущением приводят выдумки буржуазных историков: «Фальсификаторы утверждают, что вохровская партия создавалась как сугубо интеллигентская организация» (стр. 11) …

---

i Стенограмма XXI съезда, I часть, стр. 366.

ii Эту гениальную ильичевскую особенность использовали враждующие между собой группы виссарионовцев, лейбистов, книгаринцев, никитовцев, хинезийцев, югоскифов и других. Все эти группы утверждают, что именно они истинные ильичевцы (прим. автора)

iii «Против фальсификаторов истории вохровской партии», под редакцией Юнеркова, издательство «Мосиз», Кремлевия, 48 г. в.в.э.

«…Сакский профессор Шапиро пишет: «Личные трения осложняли споры по идеологическим вопросам. Теперь Ильичев уже прочно утвердился на положении лидера и не был склонен считаться с авторитетом Плесултанова. Плесултанов болезненно переносил критику, и Вере Суличаз не раз приходилось успокаивать его. В инциденте, фактически послужившем причиной раскола, трудно найти какие-либо намеки на принципиальные соображения…». (ст.13)

«Мейснерт пишет: «Вохровская партия была основана не в 14 г. до в.в.э., а в 9 г. в.в.э., на XIV съезде был принят первый устав партии вохров во всесоюзном масштабе» (стр. 14).

«…Кенап считает, что … «февральская революция была одним из самых удивительных менее всех ожидаемых и до сегодняшнего дня менее всех понятных великих поворотов истории, она не была предумышленной революцией, никто ее не планировал. Никто ее не организовывал. Это подтверждается также «Историей великоскифской вохровской партии», вышедшей в 13 г. в.в.э. под редакцией Губельского, где февральская революция рассматривалась, как стихийный взрыв масс, заставший во многих отношениях врасплох даже такие организации, как Ильичевградская и Кремлевская. Буржуазные историки называют февральскую революцию «самой краткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история»» (стр. 17).

«… Профессор Митранп в книге «Карлсизм против крестьянства» пишет: «Карлсизм вообще и вохры в особенности не имели такой программы, которая могла бы удовлетворить крестьянские интересы…» (стр. 22).

«… Шапиро считает, что война вскрыла пассивность значительной части населения по отношению к политике партии. Шапиро считает, что количество «партизан» составляло около 200 тысяч человек…» (стр. 30).

«Е. Хоуэл утверждает, что партизанское движение могло и не возникнуть; оно было лишь реакцией на зверства врага. Если бы этих зверств не было, то не было бы и партизан…» (стр. 31).

«Фуллер во «Второй мировой войне 23-29 г. в.в.э.» издания 40 г. в.в.э. пишет: «Осенью 26 г. в.в.э. экономическое положение Государства Тмутараканского было отчаянным и, если бы не постоянный приток саксо-колумбовских материалов через Ангельск, сомнительно, чтобы скифы могли воспользоваться тем нелепым положением, в которое Адольфер поставил свои армии…» (стр 27).

«Мейснер, в статье, помещенной в западно-гуннском журнале, пишет: «Заявление скифской вохровской партии о поддержке определенного типа войн… таит в себе чудовищную опасность для всеобщего мира. «Освободительная война» может с такой же легкостью и быстротой перерасти в мировой пожар, как и ограниченная локальная война, которую скифская, вохровская партия считает устранимой. Опасность для всеобщего мира возрастает также в силу того, что вохровская партия в своей новой программе одобряет невоенное применение силы при вохровском захвате власти. За формулой пролетарского интернационализма скрывается скифский великодержавный шовинизм, который должен вызвать противодействие демократий» (стр. 35).

«Ф. Стенун утверждает, что на втором съезде в Брюдереве Ильичев защищал тезис, что следует создавать партию не в демократическом, а в бюрократическом духе. Шапиро с ним солидаризуется и пишет, что на II съезде «принцип демократии в партии был отвергнут»» (ст. 51).

«Бохенский и Нимейер в «Справочнике вохризма» пишут: «Виссарионов был бесспорно самодержцем, а именно в такой мере, что с 23 по 36 г. в.в.э. не созывал съезд партии». Э. Зальтер считает, что при Виссарионове демократический централизм стал только карикатурой…» (стр. 60).

«Мейснер пишет в 46 г. в.в.э.: «Кто ожидал, что ЦК приобретет более высокий политический вес под знаком «коллективного руководства» и «внутрипартийной демократии», тот разочаровался» (стр. 70).

«Мейснер и Менерт пишут, что ЦК выступил против культа личности Виссарионова для того, чтобы сделать «господствующий аппарат современнее, рациональнее, эффективнее; чистый абсолютизм приблизить к просвещенному абсолютизму».

Левгиталь считает, что культ личности подвергся критике потому, что не было преемника, который мог бы «продолжить совмещать в одной личности важнейшие функции партии и государства» (стр. 77).

«Мейснер считает, что ЦК был «непоследовательным в проводимом восстановлении ильичевских норм партийной жизни… проявив на 20 съезде склонность перейти к коллективному руководству, потом отошел от этого намерения» (ст. 83).

«Менерт заявляет о партийных руководителях: «В их намерения не только на деле, но и на словах никогда не входило и не входит сейчас – спрашивать у народа его мнение» (стр. 102).

«Вагенлейнер пишет: «За исключением хозяйства, которое в Государстве Тмутараканском сильно выросло, кажется, как будто время не двигалось. Задачи в политической и в социальной области в обеих программах в сущности полностью совпадают. Скифская вохровская партия в 45 г. в.в.э. ставит те же задачи, которые уже содержались в программе 3 г. в.в.э.» (стр. 117).

Самое демократическое в мире Государство Тмутараканское, разумеется, не рискует издать большими тиражами исторические труды «буржуазных фальсификаторов». Только доверенные вохровские ученые апологеты, имеющие специальные «допуски», могут изучать эти буржуазные исторические труды. Они тщательно выдергивают оттуда отдельные фразы и абзацы и преподносят их как «фальсификацию». Но даже при тщательном, с определенной направленностью выдергивании фактов у кафедры истории скифской партии Академии общественных наук ничего не получается.

Приведенные этой кафедрой надерганные абзацы и высказывания «буржуазных фальсификаторов» представляют чрезвычайно осторожную оценку некоторых исторических фактов. Ранее автор приводил также подобранные вохровскими апологетами выказывания «буржуазных фальсификаторов» о вохровских экономической и бюрократически-административной схемах.

Спору нет. «Буржуазные фальсификаторы» плохо знают сущность всех вохровских схем и истории Государства Тмутараканского. Но они весьма сильно преувеличивают достижения экономики Государства Тмутараканского, не представляют всего уродливого механизма вохровской экономики, недопоняли глубокой, совершенной, вохровской бюрократической схемы и из-за вохровских Темкинских деревень проглядели совершенную, тотальную, полицейскую схему Государства Тмутараканского. Все это автор попытался описать в предыдущих двенадцати главах «Введения…».

В III, IV, V томах «Истории развития социализма и вохризма в Государстве Тмутараканском» автор попытается подробнее раскрыть истинные исторические факты, скрывающие за блестящим фасадом вохровских Темкинских деревень, но в данной главе автор остановится на темкинской интерпретации пакта о ненападении, заключенного тоталитарными владыками Виссарионовым и Адольферовым в 23 г. в.в.э., вызвавшего Вторую мировую войну и на конспекте новейшего варианта истории Государства Тмутараканского в тезисах ЦК к пятидесятилетию великой вохровской революции.

Пакт о ненападении, который заключили между собой два тоталитарных владыки мира является одним из наиболее результативных исторических документов. В результате этого пакта Возникла вторая мировая война. На полях сражений и в плену погибло 22 миллиона людей, в том числе в Государстве Тмутараканском — 7 миллионов (без учета тех десятков миллионов, которые были истреблены Виссарионовым в вохровских концлагерях). Сюда не входят также около 6 миллионов ханаанцев, истребленных Адольферовым в газовых камерах. В результате этого пакта образовалась огромная мировая вохровская тоталитарная империя.

Условия, при которых был заключен этот столь результативный пакт, известны всему миру.

Исторически совершенно очевидно, что вохровский тоталитарный вождь Виссарионов вел двойную игру, осуществляя отвлекающие переговоры с западными демократиями для того, чтобы максимально набить цену, и основные переговоры вел со своим опасным собратом Адольфером. И действительно, в этой двойной игре Виссарионову удалось получить максимальную цену.

Кроме половины Мазурии, значительной части Латинской Кучумии и Приваряжских государств Адольфер даже не поскупился отдать часть территории и Никель маленькой, дружественной ему Су-

омии. У обоих тоталитарных владык были свои расчеты. Великий семинарист получал огромные, густонаселенные территории с населением около 20 миллионов человек. Далее он рассчитывал, что в развязанной им войне Адольфер и западные демократии будут обескровлены и он – вохровский коршун вновь поживится. Адольфер рассчитывал захватить всю континентальную Западную Европу, заключить мир с Саксией и Колумбовией и затем уничтожить своего «друга» – Виссарионова и Государство Тмутараканское. Может быть, у обоих тоталитарных владык были и другие расчеты.

Но очевидно одно – Вторую мировую войну развязал великий семинарист. Не будем останавливаться на истошном вохровском вое об галло-саксо-колумбовских поджигателях войны. Не будем также останавливаться на путаных вохровских объяснениях Вячеславова о том, что буржуазное мазурское правительство предало свои народы, сбежало и оставило на «произвол судьбы» наших братьев западных мало- и белоскифов и великодушное Государство Тмутараканское поспешило своим «братьям» на помощь. Приведем темкинские объяснения серьезного вохровского исследователя и даже академика – Апрельского, который к тому же был длительное время тмутараканским послом в Саксии и сыграл в отвлекающих переговорах известную роль.

Следует сразу сказать, что таланты вохровского апологета-академика Апрельского явно уступают талантам гениального темкинского апологета Румилина и некоторых других. В значительной степени это следует объяснить также и чрезвычайно трудной задачей, выпавшей на долю Апрельского. Ему ведь предстояло доказать, что то, что даже невооруженному глазу неискушенного мирового обывателя явно казалось черным, на самом деле – белое.

Однако приступим к рассмотрению темкинского документа Апрельского. Он даже назвал его двусмысленно: «Кто помогал Адольферу». Может быть, у прожженного политикана Апрельского заговорила совесть и между строк он все же хотел показать, что Адольферу помогал его самодержавный хозяин – Виссарионов? Так или иначе, название этой темкинской книжки весьма симптоматично. Издало ее кремлевское издательство «Международные отношения» в 46 г. в.в.э. Вопрос этот имеет огромное значение, поэтому, рискуя вызвать скуку и нетерпение у читателя, автор приводит весьма подробные выдержки из этой замечательной двусмысленной книжки Апрельского:

«14 апреля 23 г. в.в.э. сакское правительство обратилось в Государству Тмутараканскому с официальным предложением дать Мазурии и Латинской Кучумии такую же одностороннюю гарантию, как Саксия и Галлия дали Мазурии 31/III, а Латинской Кучумии и Элладе – 13 апреля.

17 апреля Государство Тмутараканское выдвинуло свое предложение:

1. Заключение тройственного пакта взаимопомощи Государства Тмутараканского, Саксии и Галлии.

2. Заключение военной конвенции в подкрепление этого пакта.

3. Представление гарантии независимости всем пограничным с Государством Тмутараканским государствам.

3 мая Латышев был освобожден, и на его место назначен Вячеславов.

8 мая После трехнедельной консультации сакское правительство в слегка видоизмененной форме повторило свои прежние предложения.

22 мая Гуннофакс с Жедвине спросил Апрельского, почему Государство Тмутараканское отклоняет предложение от 8 мая. Апрельский ответил: а) Мы стремимся предотвратить войну вообще, это возможно только с помощью тройственного пакта. Сакское же предложение игнорирует этот важнейший момент.

б) Сакское предложение ставит Государство Тмутараканское в неравноправное положение с Саксией и Галлией. Апрельский сказал Гуннофаксу, что Адольфер по-своему совсем не дурак. Он никогда не бросится в войну, если будет считать, что может проиграть ее. (!) Запись разговора Гуннофакса с Апрельским заканчивается следующим образом: «Боюсь, что я не сумел в ходе нашей длительной беседы хоть сколько-нибудь поколебать Апрельского[i] по главному пункту — его настойчивого требова-

i Следует полагать, что Гуннофакс имел ввиду не Апрельского, а его подлинного хозяина – Виссарионова. Гуннофаксу

нию тройственного пакта взаимопомощи… Я думаю, что сейчас мы стоим перед весьма неприятным выбором: провал переговоров или соглашение на базе пункта 4 моей телеграммы № 105 в Шарваве»[i] … 25 мая сакский посол в Кремлевии вручил Государству Тмутараканскому новые предложения сакского правительства» (стр 102).

Далее Апрельский продолжает:

«... Итак, главные трудности в переговорах были преодолены. 25 мая сакский и галльский послы предложили Государству Тмутараканскому свой проект: 1. Саксия, Галлия и Государство Тмутараканское оказывают друг другу всяческую поддержку и помощь в трех случаях: а) если кто-нибудь из них подвергся агрессии со стороны европейской державы, б) если кто-либо из них вовлечен в военные действия, как результат предоставления гарантии какому-либо европейскому государству, в) если кто-либо из них вовлечен в военные действия, как результат помощи какому-либо европейскому государству, которое, не имея гарантии от участника пакта, тем не менее обратилось к ним за помощью в борьбе против агрессии.

2. Три правительства должны обсудить совместные методы, с помощью которых их взаимная поддержка и помощь могут в случае нужды дать наиболее эффективные результаты.

3. Пакт заключается на пятилетний срок, 2 июня Государство Тмутараканское вручило контр-проект: 1. Галлия, Саксия и Государство Тмутараканское оказывают друг другу немедленную эффективную помощь, если кто-либо из них окажется вовлеченным в военные действия с европейской державой в случае: а) агрессии этой державы против одного из участников пакта, агрессии этой державы против Фландрии, Эллады, Янычарии, Кучумской Латинии, Мазурии, Латии, Эстии и Суомии, которых Саксия, Галлия и Государство Тмутараканское обязались защищать от нападения, б) оказания помощи одним из участников пакта какой-либо европейской державе (не из числа гарантиров), которая просила такой помощи для борьбы против нарушения ее нейтралитета.

4. В случае возникновения совместной военной операции, как результат применения пакта, подписавшие его три державы, обязуются заключить перемирие или мир только с общего согласия.

5. В случае возникновения угрозы агрессии со стороны европейской державы, 3 участника пакта немедленно консультируются и в случае надобности сообща решают, когда и как должен быть пущен в ход механизм взаимной помощи, независимо от любой процедуры, установленной Лигой наций для рассмотрения данного вопроса.

6. Три участника пакта в возможно более короткий срок заключают соглашение о методах, формах и размерах взаимной помощи друг другу. Пакт входит в силу одновременно с этим соглашением.

7. Пакт заключается на пятилетний срок» (стр. 122).

Далее Апрельский повествует:

«… 23 июня у Апрельского произошла острая стычка с Гуннофаксом. Гуннофакс начал жаловаться на вохровское «упрямство» и «неуступчивость», а затем сделав сурово-загадочную физиономию, в упор спросил, действительно ли вохровское правительство хочет тройного пакта?

«Зачем Вы ставите такой вопрос? – ответил Апрельский. – Вы же прекрасно знаете, что вохровское правительство хочет тройного пакта». – «Я этого не вижу», – заявил Гуннофакс, – в переговорах обе стороны делают уступки и, в конце концов, сходятся на компромиссе. Мы, сакская сторона, сделали в ходе переговоров немало уступок, а вы не сдвинулись со своих первоначальных позиций ни на йоту. Очевидно, Государство Тмутараканское не заинтересовано в пакте». Апрельский ответил: «Сакской стороне переговоры, видимо, рисуются чем-то в роде базара, на котором торгуются 2 купца, сначала купцы взвинчивают цены, потом постепенно начинают их спускать и, наконец, доходят до соглашения. При этом каждый купец требует за каждую сделанную им уступку такой же уступки от своего партнера… Так вот, мы, вохровская сторона, смотрим на дипломатические переговоры несколько иначе. мы не стремимся запрашивать свыше меры, чтобы иметь возможность потом «уступить». Мы

же должно было быть известно, что Апрельский – простой исполнитель (прим. автора).

i То есть тройственного пакта взаимопомощи.

сразу говорим то, что, по нашему мнению, требуется для достижения поставленной цели… То, что изложено в вохровском проекте от 2/V,I – это тот «железный минимум», который может обеспечить мир в Европе … Поэтому спрячьте лучше каталог сделанных Вами уступок и не требуйте от нас никаких компенсаций. Мы на это не пойдем. Мы – реалисты» (стр. 138).

Вохры забыли, как они во 2 г. в.в.э. заключили мир с гуннами. Тогда не с кем было вести двойную игру, тогда они не осмеливались высокомерно-хамски разговаривать с противоположной стороной и, невзирая на свою высокую, вохровскую «щепетильность», шли на любые позорные уступки. Апрельский продолжает:

«К началу июля вопрос о перечислении государств, гарантированных тремя великими державами, был урегулирован. Важнейшим остался вопрос о связи между пактом и подкрепляющей его военной конвенции… Саксия и Галлия считали, что пакт и военная конвенция – это два различных документа, и что слишком тесно связывать их нецелесообразно. В дальнейшем и саксы и галлы придерживались тезисов, изложенных Гуннофаксом, и всегда повторяли: – Военная конвенция только задержит заключение пакта, а с ним надо спешить, как можно больше спешить: международная ситуация принимает такой грозный характер!

Вохровская сторона твердо стояла на позиции: либо пакт и конвенция вместе, либо никакого пакта. В середине июля Гуннофакс дал директиву Епидсу согласиться на единство пакта и конвенции… Надо было преодолеть еще одну трудность. Дать более точное определение понятию «агрессия». Споры по поводу определения «агрессии» шли весь июль, продолжались в августе, не приводя ни к какому соглашению. Они так и не были закончены, до краха тройных переговоров вообще» (стр. 142-145).

Даже из подтасованной темкинской версии Апрельского видно, что саксы и галлы шли на все уступки, но вохры тянули, потому что всерьез они вели переговоры с Адольфером. Апрельский продолжил: «25 июля Гуннофакс сообщил Апрельскому о достигнутом согласии немедленно начать переговоры (стр. 148)… 31 июля Чемедлен объявил в парламенте, что руководство сакской военной делегацией возложено на престарелого адмирала сэра Плэкса. Он никакого оперативного отношения к сакским вооруженным силам в то время не имел. Другие члены делегации – адмирал и генерал-майор Вейхуд не возвышались над уровнем руководящего состава сакских сухопутных сил.

Галльское правительство пошло по пути, предложенному его сакским коллегой. Главой делегации был назначен корпусный генерал Мудени, членами – авиационный генерал и морской капитан. Здесь также не было ни одного человека, который мог бы с авторитетом говорить от имени всех вооруженных сил страны (стр. 151-152)… В противовес Саксии и Галлии правительство Государства Тмутараканского отнеслось к предстоящим военным переговорам со всей той серьезностью, которой они заслуживали. Главой миссии был маршал Климов, членами: командарм I ранга – Фуражечников, нарком военно-морского флота флагман II ранга – Ковалев, начальник военно-воздушных сил, командарм II ранга – Суставионов и заместитель начальника генерального штаба – командир корпуса Крыжовин… Полномочия галльской делегации были значительно меньше, чем полномочия вохровской делегации, а у адмирала Прэкса, как выяснилось, вообще не было никаких письменных полномочий. Это обнаружилось 12 августа.

Полномочия были получены адмиралом Прэксом 21 августа, когда надобность в них вообще миновала. Отсутствие у адмирала Прэкса полномочий явилось последней каплей,(!) пере- полнившего чашу многомесячного терпения вохровского правительства. Приходилось решать вопрос о защите вохровских интересов другими путями. (!)

Несмотря на отсутствие у адмирала Прэкса полномочий, работа совещания продолжалась…

Галлия располагала 110 дивизиями, не считая ПВО и войск, расположенных в Северной Африке. Сверх того имелось 200 тысяч войск республиканской Вестготии, отступивших в Галлию и просивших принять их в галльскую армию, 4 тысячи современных танков, 3 тысячи пушек крупного калибра от 1500 мм и более и более 2000 самолетов первой линии, более двух третей которых являлись современными. Саксия располагала готовыми 6 дивизиями, а всего могла перебросить 32 дивизии и 3 тысячи самолетов первой линии. Государство Тмутараканское располагало 120 пехотными дивизиями,

16 кавалеристскими дивизиями, 5 тысячами тяжелых орудий. 9-10 тыс. танков и 5-5,5 тысяч боевых самолетов. Вооруженные силы предполагаемых членов тройственного пакта были очень внушительны и далеко превосходили тогдашние силы Гуннии и Латинии» (стр. 155-158).

Казалось все великолепно, после бесчисленных вохровских проволочек, бесконечных терпеливых уступок со стороны Саксиии и Галли даже по апологетическому описанию Апрельского, выяснилось, что силы членов предполагаемого тройственного пакта значительно превосходят силы Адольфера и мировая война может быть предотвращена.Но великий семинарист хотел войны между Адольфером и западными демократиями, и поэтому, как повествует Апрельский:

«14 августа вохровская миссия огласила свое письменное заявление: «Вохровская военная миссия выражает сожаление по по поводу отсутствия у военных миссий Саксии и Галлии точного ответа на поставленный вопрос о пропуске вохровских вооруженных сил через территории Мазурии и Кучумской Латинии. Вохровская военная миссия считает, что без положительного решения этого вопроса все начатые предприятия о заключении военной конвенции между Саксией, Галлией и Государством Тмутараканским, по ее мнению, заранее обречены на неуспех». 15 августа Прэкс сообщил, что обе миссии отправили в Ноднол и Жирап запросы по поводу пропуска вохровских вооруженных сил через Мазурию и Кучумскую Латинию. Ни 18, ни 19, ни 20, ни 21 августа сакская и галльская миссии не получили ответа на свой запрос. 21 августа Прэкс и Мудени направили Климову письмо с просьбой отложить заседание еще на 3-4 дня.

Глава вохровской делегации не согласился и утром 21 августа устроил заседание. Здесь он твердо заявил, что ввиду затяжки с ответами на кардинальный вопрос необходимо устроить более длительный перерыв, ибо члены вохровской делегации будут теперь заняты осенними маневрами. (!)

В прочитанном письме Прэкса говорилось:

«Мы были приглашены сюда для того, чтобы выработать военную конвенцию. Поэтому нам трудно понять действия вохровской миссии, намерение которой, очевидно, заключалось в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов… Гальская и сакская миссии не могут принять на себя ответственность за отсрочку, которая имеет место». В тот же день вохровская сторона огласила письменный ответ вохровской миссии: «Подобно тому, как сакские и колумбовские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участие в военном сотрудничестве с вооруженными силами Галлии, если бы не имели возможность оперировать на территории Галлии, так и вохровские вооруженные силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Галлии и Саксии, если они не будут пропущены на территории Мазурии и Кучумской Латинии. Это — военная аксиома.

Вохровская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Галлии и Саксии, посылая в Государство Тмутараканское свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу. Если, однако, этот аксиоматический вопрос Галлия и Саксия превращает в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении действительно и серьезно сотрудничать с Государством Тмутараканским. Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно падает на галльскую и сакскую стороны».

Таким образом, военные переговоры, благодаря саботажу Галлии и Саксии, также зашли в тупик». (стр. 161-163).

Бедному адмиралу Прэксу, которому «трудно было понять действия вохровской миссии», 21 августа заявившей о необходимости длительного перерыва вследствие того, что члены вохровской военной миссии «будут теперь заняты на осенних маневрах», следует полагать, вскоре стало ясна причина длительного перерыва. Торг между тоталитарными владыками Виссарионовым и Адольферовым закончился, и именно к 21 августа они обменялись посланиями, завершившими этот торг. Об этом несколько ниже сообщит сам академик Апрельский. Тем не менее с бесстыдством, свойственным только вохрам, Апрельский, верный подручный Виссарионова, и через 25 лет ловчит и подтасовывает факты:

«Теперь стало ясно, что тройственный пакт для борьбы с агрессорами неосуществим и, притом, не по нашей вине. В самом деле, если бы мы даже допустили, что такой пакт будет подписан в конце концов, то прежде всего возникал вопрос: сколько же времени понадобится для достижения подобного результата? И не придет ли слишком поздно для того, чтобы остановить руку агрессора? Стоило ли поддерживать в массах иллюзии, на возможность оборонительного союза Саксии, Галлии и Государства Тмутараканского против фашистских агрессоров? Конечно, не стоило. Надо было думать о чем-то другом. И тут гениальное маневрирование Ильичева в дни Тсерба давало ответ на вопрос, что делать. (!) В случае прекращения переговоров с Саксией и Галлией вырастали 2 возможные препятствия: политическая изоляция или соглашения с Гуннией. Однако политическая изоляция в тогдашней обстановке была крайне опасна, и вохровское правительство с полным основанием отбросило ее. Оставался один выход – соглашение с Гунией. Политики и историки на западе создали легенду, будто бы весной и летом 23 г. в.в.э. Государство Тмутараканское вело двойную игру...» (!) (стр. 167).

Даже из «беспристрастного» повествования Апрельского следует, что переговоры с гуннами начались 5/V, почти одновременно с переговорами с Саксией и Гунией. Даже вне зависимости от наличия каких-либо документов весьма трудно представить себе, как переговоры с гуннами могли завершиться за 3,5 месяца. Ведь речь шла о разделе огромных территорий, о захвате Государством Тмутараканским трех приваряжских государств, значительных территорий Мазурии и Латинской Кучумии, части территории Суомии. Ведь требовалось определить бессчетное количество пограничных пунктов от Тлабийского до Евксинского моря. Обсудить условия весьма громоздкого торгового договора. Переговоры с гуннами были во много раз сложнее, чем переговоры с Саксией и Галлией.

По Апрельскому получается, что только 26.VII гуннский представитель Ншурре, по указанию свыше, заявил, что «Гунния готова пойти на далеко идущие соглашения с Государством Тмутараканским по всем проблемам от Тлабийского до Евксинского морей». Трудно представить себе, что такой сложный территориальный вопрос был улажен за период с 26 июля по 21 августа. И не нужно никаких документов, чтобы представить себе длительность подобного рода переговоров.

Но Колумбовия схватила за руку главного вохровского поджигателя войны – Виссарионова и его подручных. Она опубликовала документы, захваченные в Гуннии в качестве трофеев, бесспорные документы, в подлинности которых не сомневается даже Апрельский. Но Апрельский уже не бесстыдно, а тупо продолжает твердить: «Не мы поджигатели войны, а они…».

Он пишет:

«… Для доказательства наличия такой двойной игры колумбовское правительство опубликовало в 32 г. в.в.э. специальный том о вохро-гуннских отношениях 23-25 г. в.в.э., который содержат крайне тенденциозную подборку (!) документов министерства иностранных дел, захваченных западными державами по окончании II мировой войны в качестве трофеев. Все такие утверждения являются клеветой и злостным измышлением.

Находящиеся в сборнике документы: переписка между гуннским министерством иностранных дел и его послом в Кремлевии, записи разговоров гуннских дипломатов с вохровскими, рассуждения о внешней политике Государства Тмутараканского и т.д. – все это является отражением взглядов одной стороны – гуннской.

… Почему мы должны проявить доверие к документам гуннских дипломатов?(!)[i]

Весь сборник разбит на 8 разделов, из которых представляет интерес только первый. Он охватывает период тройных переговоров (от 17- IV до 14-VIII 23 г. в.в.э.). В первом разделе приведено 32 документа. В IV, V и VI разделах документы касаются экономических вопросов.

5 мая видный представитель гуннского министерства иностранных дел Ншурре вызвал вохровского поверенного в делах — Атсахова. Ншурре в своей записи разговоров говорит: «Атсахов коснулся отставки Латышева и пытался выяснить, не приведет ли это событие к изменению нашей политики по отношению к Государству Тмутараканскому» (!)[ii]. 14 мая Атсахов посетил Ншурре и последний в

i Какая очаровательная наивность прожженного вохровского дипломата! (прим. автора).

ii Нет сомнения, что 3/V Латышев был освобожден в угоду Адольферову. Во-первых, Л. был сторонником соглашения с

своем отчете пишет: «Во время разговора, который далее последовал, Атсахов подробно (!) коснулся развития гуннско-вохровских отношений». Атсахов выразил удовлетворение в связи с известной сдержанностью в отношении Государства Тмутараканского, проявленного гуннской прессой за предыдущие недели, но тут же прибавил, что «Государство Тмутараканское пока еще не может решить, не является ли такая сдержанность временным перерывом, преследующим тактические цели». Атсахов указывал на пример латино-вохровских отношений, как прообраз того, что возможно между Государством Тмутараканским и Гуннией.

20 мая произошло гораздо более важное событие. Гуннский посол Шулленгор в Кремлевии в этот день посетил наркоминдел Государства Тмутараканского и сделал попытку возобновить прерванные в феврале гуннско-вохровские торговые переговоры[i]. Нарком считал, что прежде, чем возобновить торговые переговоры, следует создать для них необходимую «политическую базу».

21 мая статс-секретарь Пшеницзекер телеграфировал гуннскому послу в Кремлевии: «На основе результатов Вашей дискуссии с Вячеславовым мы должны сделать вывод: нам следует молча сидеть и выжидать, не обнаружат ли скифы желание говорить более ясно».

Такова подлинная картина гуннско-вохровских отношений в мае 23 г. в.в.э., а Нетладье осмеливается голословно утверждать будто бы Государство Тмутараканское «с мая вело двойные переговоры: одни с Галлией, а другие с Гуннией». (!)[ii]

30 мая Пшеницзекер по специальному указанию приглашает к себе Атсахова и заявляет, что вопрос о политических отношениях между Государством Тмутараканским и Гуннией встает во весь рост. Пшеницзекер развивает при этом такую концепцию: в Линбере не любят вохров и покончили с ними внутри страны, в Линбере не ожидают, что в Кремлевии любят нацистов, однако, идеологические различия не должны мешать поддерживать между обеими странами нормальные отношения. Атсахов согласился со взглядом Пшеницзекера, что – несмотря на идеологические различия – обе страны вполне могут нормализовать свои отношения.

В течение июня между Гуннией и Государством Тмутараканским шли очень оживленные переговоры по торговым делам, но к концу месяца они прекратились ввиду невозможности урегулировать имевшиеся между сторонами разногласия. 20 июня Шулленгор посетил Вячеславова и заявил, что Гунния желает нормализации отношений между обеими странами. Шулленгер указал на ряд фактов, которые по его мнению свидетельствуют о готовности Линбера пойти навстречу Государству Тмутараканскому. Вячеславов отметил, что он принимает слово Шулленгора «с удовлетворением и считает необходимым подчеркнуть, что внешняя политика Государства Тмутараканского в соответствии с заявлениями его руководителей стремится поддерживать добрые отношения со всеми странами и что это относится также к Гуннии, разумеется, при условиях взаимности».

Во второй половине июля возобновляются прерванные торговые переговоры между Гуннией и Государством Тмутараканским, и на этот раз гуннская сторона охотно идет навстречу вохровским пожеланиям.

26 июля Ншурре по прямому указанию свыше устраивает в Линбере обед для Атсахова и вохровского торгпреда. Ншурре доказывает, что между Гуннией и Государством Тмутараканским вполне возможны хорошие отношение и что Гунния готова идти на далеко идущее соглашение с Государством Тмутараканским по всем проблемам (!) «от Тлабийского до Евксинского моря».(!) По записи Ншурре, «Атсахов, полностью поддержанный Жапариным, наладит намеченный Ншурре путь к сближению с Гуннией, соответствующим жизненным интересам обеих стран. Однако он подчеркнул, что темп развития при этом должен быть медленным и постепенным».

3 августа Щукентроп приглашает к себе Атсахова и делает весьма важное заявление. Тот факт, что «сам» министр иностранных дел принимает у себя «поверенного в делах», на дипломатическом

западными демократиями, во-вторых Л. – ханаанец, с которым нацистам было «неприятно» общаться. (прим. автора).

i Вот когда начинались вохро-гуннские переговоры! (прим. автора).

ii Как возмущается «правдивый» вохровский дипломат Апрельский! Но Латышев был же освобожден 3 мая и переговоры с Гуннией в мае велись! (прим. автора).

языке означает крайнюю срочность и важность этого демарша. Щукентроп заявляет, что возможно радикальная перестройка гуннско-вохровских отношений на базе двух условий: а) невмешательство во внутренние дела друг друга и б) отказа Государства Тмутараканского от политики, направленной против гуннских интересов.

Щукентроп заверяет Атсахова в добром расположении гуннского правительства к «Кремлевии» и при этом прибавляет, что если бы «Кремлевия» пошла навстречу гуннскому правительству, то «не было бы проблемы от Тлабийского моря до Евксинского, которая не могла бы быть урегулирована между ними». (!) Атсахов заявляет, что «как он думает, вохровское правительство хочет проводить политику взаимопонимания с Гуннией». Сообщив о своем разговоре с Атсаховым Шулленгору, Щукентроп для сведения посла добавляет: «Поверенный в делах, который оказался заинтересованным, несколько раз пытался свести разговор к более конкретным вопросам, но я дал ему понять, что буду готов стать более конкретным лишь в том случае, если вохровское правительство официально заявит о том, что оно принципиально признает желательность нового характера отношений. Если Атсахов получит инструкции в этом духе, мы со своей стороны будем заинтересованы в скором заключении окончательного соглашения».

4 августа Шулленгер, по предписания Щукентропа излагает Вячеславову то, что накануне Щукентроп сказал Атсахову. Шулленгор сообщает в Линбер, что Атсахов сообщит о положительном отношении вохровского правительства к заключению экономического соглашения между обеими странами… Далее, Шулленгор пишет:

«Переходя к вопросу о политических отношениях, Вячеславов сказал, что вохровское государство также желает нормализации и улучшения взаимных отношений. Не его вина, что отношения испортились. Причину ухудшения он, нарком, прежде всего видит в заключении «Антивохринтерновского пакта».

Шулленгер затронул вопрос о Мазурии. Он сказал, что Гунния стремится урегулировать свои отношения с Мазурией мирным путем. Однако, если ее вынудят действовать иначе, она будет учитывать вохровские интересы. Вячеславов ответил, что мирные интересы между Мазурией и Гуннией прежде всего зависят от Гуннии.

Гуннский посол не преминул коснуться тройных переговоров, на что Вячеславов ответил, что они имеют ввиду чисто оборонительные цели.

Шулленгер пишет в Линбер, что судя по всему, «вохровское правительство сейчас более склонно к улучшению вохровско-гуннских отношений» (стр. 168-177).

Далее, Апрельский утверждает, что только в августе Государство Тмутараканское «вынуждено было произвести общее изменение политики».

Конечно, давно известно, что язык и перо даны дипломату, чтобы скрывать свои мысли. Но только после усовершенствования талантливыми вохрами механизма Темкинских деревень вохровские дипломаты и, в частности, дипломат-академик Апрельский, используют перо для того, чтобы после, правда, сумбурного и туманного перечисления ряда фактов, наперекор этим фактам утверждать, что черное все же белое.

Апрельский продолжает:

«Только в августе, когда тройные переговоры благодаря саксо-галльскому саботажу (!!!) зашли окончательно в тупик, вохровское правительство вынуждено было произвести общее изменение своей политики.

3 августа Гунния официально сделала вохровскому правительству далеко идущее предложение радикальной перестройки отношений между обеими странами. Эта перестройка должны была их нормализовать, а потом постепенно привести к тому, что называется «дружбой». Такая перспектива вполне соответствовала миролюбивым стремлениям вохровского правительства и ее осуществление могло значительно укрепить безопасность вохровской страны.

«Кремлевия» ждала еще 10 дней. 10 августа Ншурре в беседе с Атсаховым настаивает на скорейшем уточнении позиции Государства Тмутараканского в отношении сделанных ему гуннской стороной предложений.

14 августа Ншурре телеграфирует Шулленгору, что его посетил Атсахов и сообщил ему о готовности вохровского правительства к «дискуссии по отдельным группам вопросов» в области гуннско-вохровских отношений. Вохровское правительство предлагало вести переговоры в Кремлевии. В тот же день, 14 августа, сразу после сообщения Атсахова, Щукентроп отправил Шулленгору срочную директиву посетить Вячеславова и заявить, что «нет противоречия интересов между Гуннией и Государством Труматаранским», (!) что «отсутствуют всякие причины для агрессивного отношения одной стороны к другой» и что… «нет вопроса между Тлабийским морем и Евксинским, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворения обеих сторон».

Щукентроп подчеркнул возможность расширения гуннско-вохровских отношений во всех направлениях. Щукентроп заявил также, что «в целях скорейшего урегулирования гуннско-вохровских отношений, он сам готов приехать в Кремлевию, но при условии, что он будет принят Виссарионовым».

15 августа Атсахов выполнил поручение Вячеславова… «приветствовать гуннские намерения по улучшению отношения с Вохровским Союзом», но высказал мнение, что визит Щукентропа в Кремлевию «требует надлежащей подготовки», а также поинтересовался, согласно ли гуннское правительство заключить с Государством Тмутараканским пакт о ненападении, подписать совместно с Государством Тмутараканским гарантию приваряжским государствам и повлиять на Банзанию в целях улучшения вохровско-банзайских отношений.

16 августа Щукентроп поручил Шулленгеру передать Вячеславову, что Гунния согласна заключить пакт о ненападении, гарантировать вместе с Государством Тмутараканским приваряжские государства и оказать влияние на Банзанию в смысле улучшения банзайско-вохровских отношений. Одновременно он настойчиво повторял о необходимости его приезда в Кремлевию и сообщил, что готов предпринять такое путешествие в «любое время после пятницы 18 августа»

18 августа Шулленгер довел все это до сведения вохровского правительства и одновременно получил ответ на гуннские предложения от 14 августа. В этом ответе говорилось, что если гуннское правительство искренне намерено улучшить свои политические отношения с Государством Тмутараканским, вохровское правительство готово изменить свою политику в направлении серьезного улучшения отношения с Гуннией. Улучшение вохровско-гуннских отношений считает вполне возможным, предлагает прежде всего заключить торгово-финансовое соглашение, а затем через короткий промежуток времени подписать пакт о ненападении. (!) Вохровское правительство приветствует приезд Щукентропа как свидетельство серьезных намерений гуннского правительства, но полагает, что такой приезд требует предварительной подготовки и должен быть осуществлен с минимальной публикацией и газетной сенсацией.

19 августа Шулленгер сообщил Щукентропу, что вохровское правительство соглашается на его приезд лишь через неделю после опубликования сообщения о подписании торгово-финансового соглашения.

20 августа Адольфер обратился с посланием к Виссарионову. Он сообщил, что накануне подписал торгово-финансового соглашение, и просил принять Щукентропа не позже 22-23 августа.

21 августа Виссарионов дал ответ на послание Адольфера: он выражал надежду, что гуннско-вохровский пакт о ненападении явится поворотом к лучшему в политических отношениях между обеими странами и согласился на приезд Щукентропа в Кремлевию 23 августа.

23 августа Щукентроп прилетел в Кремлевию. Он имел 2 встречи с Виссарионовым. К концу того-же дня (!) между Государством Тмутараканским и Гуннией был подписан пакт о ненападении на 10 лет. Вохровское правительство получило от гуннского правительства заверения, что военные действия не будут перенесены на приваряжские государства» (стр. 178-185).

Далее Апрельский распространяется о благотворных последствиях сговора двух тоталитарных владык и изо всех своих темкинских силенок тщится доказать, что не Виссарионов и его свора подруч-

ных вели зловещую двойную игру, осуществляя с одной стороны отвлекающую и набивающую цену инсценировку переговоров с Саксией и Галлией, а с другой стороны ведя серьезные, грабительские переговоры с Адольферовым и его сворой, а Саксия и Галлия сами же затеяли и сами же саботировали затеянные ими переговоры. Апрельский уже не маскирует демагогию:

«В той ситуации, которая создалась вследствие саботажа Чемедлена и Нетладье… вохровское правительство было не в состоянии оказать помощь Мазурии. Единственное, что можно было сделать, это спасти от гуннского нашествия Западные Малоскифию и Белоскифию.[i]

Так вохровское правительство и поступило. Государство Тмутараканское получило следующие плюсы от соглашения с Гуннией:

1) Была предотвращена возможность создания единого капиталистического фронта против Государства Тмутараканского.

2) Более того, были созданы предпосылки для образования впоследствии антиадольферовской коалиции, о чем западные державы в тот момент и не помышляли. (!) Единственно о чем помышляли тогда Чемедлен и Нетладье, это во что бы то ни стало толкнуть Адольферовскую Гуннию на войну с Государством Тмутараканским.[ii] Пакт о ненападении сделал невозможным развязать вторую мировую войну нападением на Государство Тмутараканское (!!!)

3) Отпадала угроза нападения на Государство Тмутараканское Банзании. Едва 23 августа гуннско-вохровский пакт был подписан, правительство Риханума 28 августа пало и пришедшее ему на смену правительство Эба поспешило согласиться на урегулирование военного конфликта в Хынхал-Голе (!)[iii] Конечно, вохровскому правительству приходилось учитывать, что его соглашение с Гуннией может быть использовано (и действительно было использовано) для раздувания антивохровских чувств в «демократических странах», что в зарубежным мире найдутся люди даже не враждебные к Государству Тмутараканскому, которые не поймут правильности его действий (так оно на самом деле и случилось)[iv]… Есть еще одно обвинение, которое любят выдвигать против Государства Тмутараканского его недруги за рубежом:

«Соглашением с Гуннией, – говорят они – вы развязали вторую мировую войну».

Жалкие и слепые клеветники![v]

22 августа, на другой день после окончательного решения вохровского правительства пойти на соглашение с Гуннией, генерал Муденк получил из Жирапа срочное сообщение, что с момента возникновения войны между Мазурией и Гуннией вохровским войскам должно быть предоставлено право вступления на мазурскую территорию. В течение последующих 3-4 дней главы миссий и послы Саксии и Галлии еще виделись и разговаривали с вохровскими наркомами обороны и иностранных дел, но изменить положение это уже не могло. Миссиям более ничего уже не оставалось, как поскорее отправиться восвояси. Отвечая на вопрос журналистов, верно ли сообщение агентства Рейтер, будто бы вохровское правительство прекратило тройные переговоры ввиду заключения соглашения с Гуннией, глава вохровской делегации сказал:

«Не потому прервались военные переговоры с Саксией и Галлией, что Государство Тмутараканское заключило пакт о ненападении с Гуннией. Наоборот, Государство Тмутараканское заключило пакт о

---

i Каким цинизмом нужно обладать, чтобы назвать полюбовный раздел Мазурии спасением Западных Малоскифии и Белоскифии!! (прим. автора).

ii Удивительная темкинская логика! Для того, чтобы науськать Гуннию на Государство Тмутараканское, с последним заключается военный договор против Гуннии (прим. автора).

iii Оказывается, все вохровские газеты, все вохровские исторические варианты, все вохровские военные и полувоенные романисты врут! Ведь весь огромный вохровский пропагандистский механизм уверен, что в Хынхал-Голе банзайцы были разгромлены! (прим. автора).

iv Вохровский апологет Апрельский с медвежьей грацией пытается играть в объективность (прим. автора).

v 23 августа двое кровавых, тоталитарных палачей заключили полюбовный пакт «о ненападении», через 10 дней адольферовские войска вторглись в Мазурию, а бесстыдный, жалкий виссарионовский раб Апрельский через 25 лет кричит: «держи вора». Обычный вохровский темкинский трюк! (прим. автора).

ненападении с Гуннией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Галлией и Саксией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий» (стр. 185-189).

Заканчивает Апрельский свою темкинскую книжку бессвязным лепетом и заодно выбалтывает одну из истинных причин заключения этого вероломного пакта, развязавшего Вторую мировую войну: «Вохровско-гуннское соглашение от 23 августа 23 г.в.в.э., конечно, не было актом совершенным (да вохровское правительство никогда и не считало его таковым), но оно во всяком случае предотвратило возможность создать единый капиталистический фронт против Государства Тмутараканского, избавило 13 миллионов западных малоскифов и белоскифов от страшной участи стать адольферовскими рабами, обеспечило национальное воссоединение всех малоскифов и белоскифов в единое целое, продвинуло вохровские границы на несколько сот километров в западном направлении…» (!)[i] (стр. 194).

Собственно говоря, автор мог бы больше не искушать терпение читателя и прекратить комментарии темкинской книжки виссарионовского подручного Апрельского. Сам Апрельский доказал наличие вероломной двойной игры Виссарионова и его подручных, ввергшую весь мир в самую страшную из войн, какую когда-либо знало человечество. Однако следует остановиться еще на кое-чем. Апрельский пишет: «Надо было думать о чем то другом. И тут гениальное маневрирование Ильичева в дни Тсерба давало ответ на вопрос, что делать?».

В главе XI автор подробно остановился на роли Ильичева в заключении похабного, вероломного мира с Гуннией. Он показал, что заключение этого мира, по существу, ничего не дало Государству Тмутараканскому, но зато усилило гуннских милитаристов, содействовало затяжке Первой мировой войны.

Даже самые близкие соратники Ильичева выступали против заключения этого похабного мира, в частности, из-за того, что при этом предавались революционные малоскифские, суомийские и другие рабочие.

Апрельский весьма удачно провел параллель между похабным Тсербским миром и вероломным пактом между двумя кровавыми, тоталитарными владыками Адольферовым, Виссарионовым. Он жалуется на «крайне тенденциозную подборку документов» гуннского министерства иностранных дел. Так в чем же дело? Ведь в тмутараканских архивах министерства иностранных дел имеются все документы, касающиеся переговоров вохров и гуннов, подготовивших заключение пакта с Адольфером.

Апрельский на основании документов весьма подробно описывает течение переговоров с Саксией и Галлией. Он останавливается на таких подробностях, как перечисление недостатков всех членов сакской и галльской военной миссии, на том, что, мол, не было полномочий (письменных) у адмирала Прэкса и т.п. А вот о весьма сложных переговорах с гуннами, касавшихся огромных территориальных, финансовых, торговых и военных вопросов, он, по существу, ничего не говорит. Почему же он не предает гласности тмутараканские документы? Почему через почти три десятка лет вохровские великие вожди не публикуют документы о гуннско-вохровских переговорах в 23 г.в.в.э, предшествовавших заключению столь вероломного пакта с Адольферовым? Ведь, тогда Апрельскому не нужно было бы ссылаться на «тенденциозно-подобранные» документы министерства иностранных дел Гуннии, которым он не обязан верить. Вохровские документы Министерства иностранных дел Государства Тмутараканского по подготовке вероломного пакта о ненападении с Адольферовым нельзя опубликовать по простой причине – рухнут все великолепные темкинские деревни и человечество воочию увидит нечеловеческий, хищный оскал Виссарионова и его верноподданных подручных.

Пакт о ненападении, заключенный двумя тоталитарными владыками и приведший к дополнительным неисчислимым бедствиям почти всего человечества – единичный документ, который уже свыше четверти века по-темкински освещается вохрами. Но ныне, в тезисах ЦК к пятидесятилетию великой вохровской революции, с неслыханным темкинским великолепием освещена вся чудовищная полуве-

i Вот в этом Апрельский прав. Действительно, граница была отодвинута на несколько сот километров в западном направлении. Апрельский все же скромничает. Он не упоминает об «освобождении» валахов, приваряжских народов. Он не упоминает, что в результате «нападения» суомийцев на «миролюбивое» Государство Тмутараканское чуть было не были «освобождены» суомийцы и что именно захват огромных территорий с 20 миллионами населения и был основной причиной заключения вероломного пакта с Адольфером (прим. автора).

ковая история вохровского государства[i]. Комментировать этот «исторический» документ весьма трудно, так как к нему неприменимо такое определение, как фальсификация. Это просто набор великолепных макетов темкинских деревень. Однако автор, рискуя повториться, вынужден прокомментировать этот бессмысленный набор темкинских макетов с краткостью, соответствующему конспективному изложению тезисов ЦК.

Эти тезисы не имеют автора, или вернее, имеют анонимного «коллективного!» автора, называемого «Центральный Комитет вохровской партии». Объем этого «сочинения» – более 125000 печатных знаков. Можно предположить, что каждый член ЦК по полюбовному соглашению «накатал» по 1 тысяче печатных знаков. Но секрет технологии вохровского «коллективного» сочинительства не раскрыт до сих пор. Например, остается тайной творческий процесс «сочинительства» вдохновенных поэм, прославляющих великого Виссарионова такими громадными коллективами, как малоскифским, белоскифским и другими народами великого Государства Тмутараканского. Ведь если эти вдохновенные поэмы «сочинялись» коллективно целыми народами, то на каждого свободного, счастливого малоскифа или белоскифа не придется даже одной буквы. На каждую букву вдохновенной поэмы придется по тысяче счастливых белоскифов. Весьма трудно представить, как отдельные буквы, «сочиняемые» свободными, счастливыми белоскифами или малоскифами, сочетались во вдохновенные, поэтические, рифмованные строки.

Разумеется, с «коллективным» сочинительством тезисов дело обстоит проще. Ведь на каждого члена ЦК приходится более тысячи знаков. Но трудно представить, чтобы члены высшей партийной элиты, которые привыкли читать свои речи по бумажке, составленной их мощными секретариатами, могли бы сами написать по тысяче знаков каждый, которые к тому же должны быть как-то согласованы между собой.

Представить себе, чтобы мощные секретариаты каждого члена ЦК, размещенные во всех областях, краях и «республиках» Государства Тмутараканского, согласовывали между собой приходящие на их долю тысячу знаков друг с другом, тоже трудно. Остается предположить, что это «коллективное» сочинение разрабатывал мощнейший секретариат Генерального секретаря вохровской партии с кооптированными к нему верноподданными академиками, членами-корреспондентами Академии наук, докторами, кандидатами и аспирантами исторических наук из соответствующего Института Академии наук. Как эти многочисленные чиновники распределяли свои обязанности по «сочинительству» этого набора темкинских макетов – автору неизвестно. Но не приходится сомневаться, что наивысшая вохровская элита – сборище олигархов из президиума ЦК обсуждали, по-видимому, каждый абзац, представленный им чиновниками из секретариата и Академии наук. Следовательно, автору предстоит трудная задача – комментировать труды чиновничьей элиты вохровской «исторической науки».

Следует отметить, что для корифеев вохровской «исторической науки» февральская революция почти не существует. Ей отводятся три строки: «Февральская революция 1 г.в.в.э. смела царское самодержавие, однако буржуазия, пришедшая к власти, не хотела и не могла удовлетворить насущных нужд рабочих и крестьян». По-темкински кратко и ясно.

Далее, следует принятая всеми противоречащими друг другу вариантами вохровской истории версия, что «власть взял в свои руки рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством».

Автор в X и XI главах показал, что уже в первые годы была создана военно-бюрократическая схема, которая жестко подавляла рабочих и крестьян и всех инакомыслящих даже в вохровской партии. По данным ярого вохровского апологета уже в 2-4 г.в.в.э. были истреблены (по терминологии Румилина – «умершие от преждевременной смерти») более 15 миллионов рабочих и крестьян. Так выглядит в начале великой вохровской революции «власть рабочих в союзе с трудовым крестьянством».

Далее вохровские «историки» повествуют: «Партия вохров дала скифскому пролетариату научную программу демократической и социалистической революции, политически организовала его… Политика партии вохров отвечала коренным интересам рабочего класса, всех трудящихся и потому была поддержана всем народом».

---

i «Кривда» 25 июня 51 г.в.в.э. «Тезисы ЦК»

Программу «демократической» революции автор подробно исследовал в X главе, в которой показано, как постепенно и весьма быстро выкорчевывались всякие следы демократии и к 10 г.в.в.э. уже господствовало безраздельное самодержавие Виссарионова на базе мощного полицейского аппарата.

Программа «социалистической» революции была весьма путаной. В главе четвертой автором показана невежественная попытка Ильичева «в полгода» внедрить социализм. Сам Ильичев признавался, что внедрение социализма в период военного коммунизма было сплошной ошибкой. Затем «всерьез и надолго» внедрялся рестэп. Затем рестэп был преждевременно ликвидирован и осуществлен неслыханный, долговременный грабеж крестьян и рабочих.

Что касается того, что политика партии вохров была поддержана большинством народа – то это уже не темкинская, а элементарная ложь. В первом году великой вохровской эры, когда осуществлялись еще свободные выборы и когда популярность вохровской партии была максимальной, так как последняя выступала «за мир и за хлеб», используя в оптимальной степени свои демагогические таланты, когда еще не существовала вохровская тайная полиция, когда вохрами еще не истреблялись миллионы людей, на выборах в Учредительное Собрание, за вохровскую партию голосовали меньшинство трудящихся, подавляющее большинство получили демократические партии или, как вохры их называли, «буржуазные» партии. Вохры штыками разогнали народных представителей, но предпочитают об этом не упоминать в своем конспекте «истории». В дальнейшем вохры уже не могли судить о поддержке трудящихся, так как все инакомыслящие все более жестоко репрессировались, всякое инакомыслие было категорически под страхом тюрьмы а иногда и смертной казни запрещено и любые выборы превратились в фикцию!

«Историки» утверждают, что вохровская партия «вобрала в себя все самое честное и мыслящее, мужественное и самоотверженное, накопленное поколениями революционеров…». Особо пылко воспевается роль вождя: «Во главе партии… стоял гениальный мыслитель… Ильичев… Он был идейным вдохновителем и организатором революции… Ильичевская теория социалистической революции явилась крупнейшим вкладом… Она идейно вооружила партию. Ильичев разработал величайшие теоретические и практические проблемы социализма и вохризма… Замечательное качество ильичевской партии – ее уменье сплачивать, закалять… кадры бесстрашных революционеров. Выращенные партией выдающиеся организаторы революции, ее полководцы и теоретики, пропагандисты и руководители хозяйственного и культурного строительства внесли большой вклад в дело построения социализма…» И т.д. и т.п. В чем дело? Если вохровская партия вобрала в себя «все самое честное, мыслящее, мужественное…» и т.д., то почему одному величайшему Ильичеву приписывается решительно все? Даже великий семинарист исчез. Где все остальные честные, мыслящие, мужественные? Где все кадры бесстрашных революционеров? Где все теоретики, полководцы, пропагандисты и руководители хозяйственного и культурного строительства? Куда они исчезли. Почему остался один Ильичев. Конечно, к нему можно было бы прибавить преждевременно умерших Яковлева, Феликсова, Фрузне, Валерианова и некоторых других. Но даже их упомянуть «историкам» неудобно. Ведь придется упомянуть о подавляющем большинстве членов ЦК, о депутатах VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездов, отправленных к праотцам в качестве «врагов народа». Придется упомянуть о сотнях тысяч «самых честных, мыслящих, мужественных» и т.д., которые были вычищены из великой вохровской партии и в большинстве своем также против их воли отправленных к праотцам, опять-таки, в качестве «врагов народа».

«Историки», как бы вступая в дискуссию со своими оппонентами, пишут: «Социалистическая революция – не заговор, не верхушечный переворот, совершаемый группой «активных революционеров», а движение и борьба миллионов, руководимых карлсистско-ильичевской партией…». Знает кошка, чье мясо съела! Вохровская революция – именно заговор и верхушечный переворот. Сам Ильичев в минуту откровенности сказал: «Осуществить вохровскую революцию, все равно, что перышко поднять». Вот, февральская революция, о которой «историки» не хотят упоминать, действительно была народной, никем не планируемой, стихийной.

«Историки» утверждают: «Глубоко революционная, демократическая сущность нового социалистического государства наглядно раскрылась в первых же декретах и мероприятиях вохровской власти…».

В главах IV и X автор привел ряд декретов из «Сборника документов экономической политики Государства Тмутараканского, том I, ноябрь 1 г.в.э. – февраль 5 г.в.э», изданного государственным издательством политической литературы в 31 г.в.э. Согласно этим декретам фактически ликвидированы свободные профсоюзы рабочих, узаконен принудительный труд, введены санкции для уклоняющихся от работы рабочих и крестьян вплоть до заключения в концлагерь на срок до десяти лет. Вот так раскрылась «демократическая» сущность в первых же декретах вохровской власти.

«Историки» столь же по-темкински распространяются о благах которые принесла великая вохровская революция:

«Великая вохровская революция свергла строй эксплуатации и угнетения. Пролетариат… стал хозяином заводов и фабрик… Вохровская власть… передала землю крестьянам… Впервые в истории все природные богатства и важнейшие средства производства стали достоянием народа…».

Что касается того, что вохровская власть свергла строй эксплуатации, то это соответствует действительности. Но «историки» умалчивают о том, что вохры внедрили систему намного более свирепой, хищной эксплуатации. И в IV, и в V, и в VIII главе «Введения…» автор показал, что трудящиеся в лучшем случае получают 20% всего национального дохода. Это – совершенно неслыханная эксплуатация.

Что касается крестьян, то утверждение «историков» – элементарная ложь. Вохровская власть не дала крестьянам землю, а отобрала у них землю, и не только землю, а и орудия производства, и рабочий скот, а частично и продуктовый скот. Все это – хищное вохровское государство передало колхозам, которые только фиктивно являются артелями, а фактически – государственными предприятиями. Об этом свидетельствуют такие факты, как довольно нередкая реорганизация колхозов в вохрозы, а также изъятия в течение десятков лет колхозных продуктов в пользу государства – почти бесплатно.

Фактически кахам были оставлены в их распоряжение только приусадебные участки в 0,25-0,4 гектара, лишив их к тому же, как отмечено выше, орудий производства и рабочего скота и оставив им лопаты, тяпки. Даже рабочие руки, по существу, были отняты у кахов, так как они в некоторые периоды должны были отбывать в колхозах барщину в 7 дней в неделю. Правда, в некоторое отличие от барщины они получали от 0,1 до 2 килогр. зерна за трудодень, что, вообще говоря, близко к нулю.

«Историки» утверждают: «Великая вохровская революция вырвала Тмутараканскую страну из пучины кровавой империалистической войны».

Это также попросту элементарная ложь. Похабным Тсербским миром, заключенным с гуннскими милитаристами, вохры только продлили Первую мировую войну. Кроме того, они спровоцировали гражданскую войну, в результате которой, а также невежественной системы военного коммунизма были истреблены более 15 миллионов тмутараканцев – во много раз больше, чем во время Первой мировой войны.

Как хвастливо заявляют «историки»: «Человечество обрело надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность народов». Еще Ильичев отмечал огромную работу проведенную среди военнопленных унгаров, западных скифов, гуннов для ведения подрывных революционных войн в Унгарии, западной Скифии, Гуннии.

Уже в первые годы великой вохровской революции велась подрывная работа для отторжения Персанского Тюркстана (так называемая Лигянская революция). В десятые годы в.в.э. велась подрывная работа в Хинезии. Во время перепалки между двумя вохровскими гигантами – Государством Тмутараканским и Хинезией – стала известна методика организации вохровских пятых колонн во всех странах мира.

Как уже отмечалось, в результате вероломного пакта о ненападении с Адольфером и последующей войны с адольферовской Гуннией, в которой решающее влияние оказали западные демократии, только один «бескорыстный» вохровский Союз аннексировал огромные территории, присоединив их к тем 20 миллионам квадратных километров, которые в течение сотен лет «собирали» до вохровских тмутараканские владыки. Вохровцы захватили половину Мазурии, приваряжские Государства, часть территории Латинской Кучумии, Гуннии, Суомии, Банзании.

Всюду, где оказались в результате войны вооруженные силы вохров, они испытанными вохровскими методами насадили угодные им режимы: в Мазурии, Латинской Кучумии, Юго-Восточной Скифии, Западной Скифии, Унгарии, Восточной Гуннии, Утренней Заре. Уже после окончания Второй мировой войны они эффективно помогли проведению хинезийской вохровской революции. Вохры вновь пытались ввести вохровскую власть в Персанском Тюркстане. Они вели подрывную деятельность в Элладе, Феликсинах, Балайе, Когно, Канаказии, Золатии, исмаилитских странах, всюду, где только могли. Они пытались захватить Южную Утреннюю Зарю. Дважды вохры ставили мир на грань атомной третьей мировой войны. Все это вохровские «историки» называют «борьбой против захватнических войн, за мир, безопасность народов».

Воспевая величие вохровской революции, «историки» продолжают муссировать легенду о «разгроме объединенных сил империалистов», пресловутых 14 государств-интервентов. В III томе «Истории…» автор подробнее рассмотрит это вопрос. Но и в данной главе автор не может пройти мимо этого вопроса. Конечно, даже малый ребенок понимает всю бессмысленность утверждения о «разгроме» таких могущественных в то время государств, как Галлия, Саксия, Колумбовия, Банзания и других. Для примера автор может только указать, что Галлия и Эллада послала в Нижневодск весьма малочисленные воинские части, которые вовсе не выступали на какой-либо фронт и после матросских волнений, не ведя никаких военных действий с вохрами, попросту ушли восвояси. Единственным вещественным результатом галло-элладской «интервенции» был горох, которым воины Эллады кормили своих ослов. Оставленный горох долго служил голодным нижневодцам солидной добавкой в хлеб, и они с апетитом уписывали этот тяжелый, невкусный хлеб.

В одном из прежних вохровских вариантов «истории» было два главных организатора вохровской армии: Виссарионов и Ильичев. Вскользь еще упоминались Кострик, Сергодзе, Валерианов и Фрузне. В данном последнем варианте имеется только единственный организатор Ильичев, человек сугубо невоенный. Просто непонятно: ведь война – это все же профессия и даже искусство – как же могли совершенно безграмотные в военном отношении Ильичев или Виссарионов, Кострик и другие (по предыдущему варианту), или даже Лейбов (по самому первому варианту) организовать огромную военную машину? Это так же вероятно, как ныне уверяет Адольфер в миниатюре – птоломеевский Ибн-Гамаль, что исмаилитские радары обнаружили за 1,5 тысячи километров, как с сакских и колумбовских авианосцев подымались самолеты и летели в Ханаан. Но подробно эти темкинские утверждения об одном вездесущем, всезнающем –

в том числе военном гении, превосходящем даже Наполеона, будут рассмотрены автором в III томе «Истории…».

В тезисах приводятся чуть подновленная версия «историков» о построении «фундамента» социалистической экономики:

«**3. После изгнания иностранных интервентов и окончания гражданской войны открылась возможность сосредоточить усилия партии и народа на решении главной задачи революции – строительстве социалистического общества.**

Империалистам не удалось уничтожить вохровскую республику военной силой. Но они настолько разорили нашу страну, что получили, по выражению Ильичева, «полурешение своей задачи». Нам пришлось начинать мирное строительство с такого низкого уровня, когда производство продукции крупной промышленности составляло всего седьмую часть довоенного, а выплавка стали – менее 5 процентов. Почти вдвое уменьшилась продукция сельского хозяйства. Все это создавало огромные трудности для перехода к социалистическому строительству.

Историческая заслуга вохровской партии во главе с Ильичевым состоит в том, что она вооружила вохровский народ научным планом построения социализма, учитывающим экономические и социальные условия страны. Ильичевские идеи предусматривали индустриализацию страны, социалистическое кооперирование сельского хозяйства, проведение культурной революции. Они отвечали коренным интересам народных масс, которые стремились покончить с разрухой, экономической отсталостью, бедностью и темнотой.

Под непосредственным руководством Ильичева партией была разработана и принята на X съезде партии реорганизованная экономическая политика (рестэп), которая явилась важным и необходимым этапом на пути к социализму. Новая экономическая политика была рассчитана на преодоление разрухи, на создание фундамента социалистической экономики, развитие крупной промышленности, установление экономической смычки между городом и деревней, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, на вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов, на победу социализма. Путями выполнения этих задач были: всемирное развитие кооперации, широкое развертывание торговли, использование материальных стимулов и хозяйственного расчета. В целях восстановления хозяйства допускалось привлечение частного капитала при сохранении командных высот в руках пролетарского государства.

Основные принципы реорганизованной экономической политики имеют международное значение, используются в процессе строительства социализма в других странах.

Курс на строительство социализма партия, рабочий класс отстояли и провели в жизнь в ожесточенной классовой борьбе с остатками свергнутых эксплуататорских классов, с капиталистическими элементами в городе и деревне, с «левыми» и «правыми» оппортунистами, пытавшимися столкнуть нас с ильичевского пути.

Большое значение имел идейный и политический разгром лейбизма, который сеял неверие в силы рабочего класса, утверждая, что без предварительной победы пролетарской революции на Западе победа социализма в нашей стране невозможна. Лейбисты пытались лишить партию и народ перспективы успешного строительства социализма, отрицали его значение для мирового революционного движения. Прикрываясь «левой» ультрареволюционной фразой, лейбисты стремились навязать авантюристический курс, обрекавший на поражение строительство социализма в нашей стране, рассчитанный на искусственное «подталкивание» революции в других странах. Они требовали перехода к антидемократическим, военизированным методам руководства массами внутри страны, отрицали ильичевский принцип демократического централизма, настаивали на «свободе» фракционной борьбы в партии, скатываясь при этом к антисоветизму.

Партии пришлось вести решительную борьбу и с правыми оппортунистами, которые отражали идеологию эксплуататорских, кулацких слоев деревни, выступали против высоких темпов индустриализации, против коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Отметая мелкобуржуазный авантюризм лейбистов, капитулянтство правых оппортунистов, наша партия твердо и уверенно вела вохровский народ по ильичевскому пути.

Ключевой задачей в строительстве социализма явилась социалистическая индустриализация. Исходя из ильичевской идеи о возможности построения социалистического общества в нашей стране, XIV съезд партии дал указание «держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства» («В резолюциях…», ч. II, стр. 197). Социалистическая индустриализация проводилась в обстановке капиталистического окружения и постоянной угрозы нападения со стороны агрессивных сил империализма. Это обусловило крайне сжатые сроки преобразований, потребовало большого напряжения всех сил и средств. Индустриализация проводилась без помощи извне, за счет внутренних накопления, строжайшего режима экономии.

Осуществление ленинского плана ГОЭЛРО (Государственный план электрификации) и первых пятилетних народнохозяйственных планов обеспечило бурное экономическое развитие страны. Вохровский Союз стал мощной индустриальной державой. Были созданы совершенно новые отрасли промышленности – автомобильная, авиационная, тракторная, ряд отраслей химии и многие другие. В 24 году в.в.э. валовая продукция промышленности выросла по сравнению с 4 г. до в.в.э в 7,7 раза, а производство средств производства – в 13 раз. Значительно увеличился и выпуск предметов народного потребления.

Успешное выполнение первой пятилетки в то время, когда в странах капитализма бушевал самый разрушительный мировой экономический кризис, – яркое доказательство превосходства социалисти-

ческой системы хозяйства над капиталистической. Эта победа высоко подняла международный авторитет Государства Тмутараканского.

Индустриализация создала необходимую материальную базу для укрепления экономической самостоятельности нашей страны, технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, для перевода сельского хозяйства на новую, социалистическую основу. Индустриализация имела громадное социально-политическое значение. Она упрочила общественную собственность в решающей области экономики, обеспечила вытеснение капиталистических элементов в городе, победу социалистического уклада в промышленности, рост рабочего класса, способствовала укреплению его руководящей роли в обществе, упрочению экономической и оборонной мощи. Созданная народом социалистическая промышленность во многом предопределила победу в II мировой войне.

Переустройство сельского хозяйства на социалистических началах – самая сложная и трудная задача после завоевания власти пролетариатом. Необходимо было преодолеть вековую силу привычки мелкого собственника, изменить его психологию, убедить крестьянина в преимуществах новой жизни. XV съезд партии наметил политический курс на осуществление постепенного перехода распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического производства.

В основу решения этой важнейшей революционной задачи был положен ильичевский кооперативный план. Потребовались годы напряженной организаторской и воспитательной работы партии, чтобы решить эту всемирно-историческую задачу. В результате коллективизации деревни мелкотоварный уклад уступил место социалистическому; сельское хозяйство, в прошлом самая отсталая отрасль экономики, было переведено на социалистические рельсы. Миллионы мелких единоличных крестьянских производителей объединились в колхозы, стали на путь социализма. В ходе коллективизации была найдена целесообразная форма общественного ведения хозяйства – сельскохозяйственная артель, позволяющая сочетать общественные и личные интересы крестьян, были преодолены левацкие попытки ввести уравнительный принцип распределения и устранены допускавшиеся нарушения принципа добровольности вступления крестьян в кооперативы. Создание колхозов проходило в ожесточенной борьбе с кулачеством. Сопротивление эксплуататоров в деревне было сломлено усилиями рабочего класса и деревенской бедноты в тесном союзе со средним крестьянством. На базе сплошной коллективизации в стране был ликвидирован последний, наиболее многочисленный эксплуататорский класс.

Большую роль в социалистическом преобразовании деревни сыграло строительство вохрозов и машинно-тракторных станций (МТС) – крупных государственных предприятий в сельском хозяйстве.

Социалистическая собственность стала основой экономических отношений в деревне. Окончательно были устранены все социальные причины, порождающие эксплуатацию человека человеком. Коллективизация упрочила завоевания вохровской революции, вывела деревню на новый, социалистический путь, еще больше укрепила союз рабочего класса и крестьянства, явилась одним из важнейших факторов победы над адольферовскими захватчиками.

XVII съезд партии отметил, что за годы первой пятилетки в нашей стране был построен фундамент социалистической экономики».

Как и во всех вариантах вохровской «истории», господствует легенда о том, что хозяйство Государства Тмутараканского было разорено не невежественной системой военного коммунизма и развязанной вохрами гражданской войной, а империалистами. Далее следует бессвязный лепет о том, что «партия» во главе с вездесущим Ильичевым вооружила «вохровский народ научным планом построения социализма». Совершенно не упоминается о грандиозном крахе невежественной системы военного коммунизма. Также не упоминается о том, что Ильичев убедившись в провале своего невежественного экономического эксперимента, результатом которого было полное разорение страны, уничтожение ее и без того слабого промышленного потенциала, депрессия сельского хозяйства, голод и людоедство, решил вернуться к испытанным буржуазным экономическим регуляторам. Но и после столь плачевного эксперимента с системой военного коммунизма Ильичевым и его подручными была создана какая-то экономически-уродливая помесь вохровского государственного капитализма и мелкого, частного сельскохозяйственного, промышленного и торгового капитализма. Эта уродливая экономическая система, названная реорганизованной экономической системой, была намечена Ильичевым и его подручными

«всерьез и надолго». В этом и состоял «научный план», которым «партия» во главе с гениальнейшим Ильичевым «вооружила вохровский народ», Эта экономическая система была все же получше военного коммунизма, однако бесхозяйственность в государственном секторе приводила к тому, что средства на какую-либо индустриализацию можно было выколачивать только за счет усиленного грабежа деревни. Грабеж этот в дружеском альянсе осуществляли государство вместе с частными рестэпменами. Метод грабежа был прост. Ножницы между ценами на сельскохозяйственные и промышленные продукты. Ножницы между оптовыми и розничными ценами. Более подробно автор показал этот процесс в главе четвертой «Ведения…»

Наметился, уже после смерти великого Ильичева, и крах реорганизованной экономической системы. Тем временем разгорелась жестокая борьба за власть между рвущимся к самодержавию Виссарионовым со всяческими оппозициями, что автором показано в главе XI. Об этом «историки» начисто забыли. Они невнятно лепечут о том, что «партия», «рабочий класс» отстояли и провели в жизнь в ожесточенной классовой борьбе с «остатками свергнутых эксплуататорских классов», с капиталистическими элементами в городе и деревне с «левыми»[i] и «правыми» оппортунистами, пытавшимися столкнуть вохров с ильичевского пути по строительству социализма. Затем «историки» талддычат что-то о лейбизме и лейбистах, которые требовали перехода к антидемократическим военизированным методам руководства (!) массами внутри страны. В прежних вариантах лейбистов еще обвиняли в требовании высоких темпов индустриализации страны. В данном последнем варианте «историки» утверждают, что правые оппортунисты выступали против высоких темпов индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. В конечном счете «партия» победила и лейбистов и правых оппортунистов.

Хотя «историки» полностью солидаризуются с Виссарионовской концепцией Темкинских деревень в вопросах о лейбистах и правых оппортунистах, они ни звука не произносят о Виссарионове. Ни звука о провале и преждевременной кончине ильичевского рестэпа, ни звука о Второй вохровской революции, ни звука о долговременном, беспримерном, тотальном ограблении крестьян и рабочих. Так, между строк говорится, что индустриализация проводилась «за счет внутренних накоплений и строгого режима экономии»! «Историки» утверждают, что лейбисты требовали перехода к антидемократическим военизированным методам руководства! Не совсем ясно, как же «партия» или «народ» отнесся к этим требованиям.

По-видимому, следует понять, что «партия» и «народ» отстояли демократические методы руководства! Ведь самодержец Виссарионов исчез в этом новом варианте истории, хотя его виссарионовская концепция об успешной борьбе с лейбистами, правыми оппортунистами, «левацкими фразами» и прочей нечистью остались в новейшем варианте. Почему же исчез Виссарионов, личность которого наложила столь чудовищный отпечаток на огромную тридцатилетнюю эпоху вохровского владычества? «Историки» наивно полагают, что если исчез Виссарионов, то вместе с ним исчезли его «демократические» методы руководства, так или иначе, поддержанные всеми его подручными, всей виссарионовской вохровской элитой. Исчез организованный вохрами огромный военно-полицейский аппарат. Превратились в дым истребленные десятки миллионов рабочих и крестьян. Исчезла огромная тюремно-лагерная система, в которой превратили в прах больше людей, чем в чудовищной адольферовской лагерной системе. «Забыв» все эти беспримерные, чудовищные проекты, «историки» отмечают грандиозные успехи вохровской индустриализации к 24 г.в.в.э. Мол, с 4 г. до в.в.э. до 24 г.в.в.э. объем валовой продукции увеличился в 7,7 раз, а средств производства в 13 раз! О вохровских статистических методах автор весьма подробно сообщил в III и VIII главах «Введения…». Следует только отметить, что при таком астрономическом «увеличении» объема промышленной продукции жизненный уровень к 17 г.в.в.э. упал в 5 раз по сравнению с 4 г до в.в.э., свирепствовали голод и людоедство, а к «благополучному» 24 г.в.в.э. жизненный уровень в стране еле составлял 50-60% довохровского. Промышленность выпускала в основном брак. Свирепствовал перманентный товарный голод. Даже военная промышленность, успехами которой так похвалялись М. Лазаревич и Климов, выпускали самолеты, которые не могли в начале II мировой войны удирать от гуннских.

---

i Кавычки поставлены вохровскими «историками».

Вохровский патриот писатель Шмуненов в своем романе «Живые и мертвые» достаточно ярко описывает вохровские «летающие гробы». В начале войны вохровские солдаты оборонялись винтовками и палками от гуннских автоматов. Качество танков было скверное. В третьей главе автор привел многочисленные свидетельства самих вохров об «успехах» вохровской индустриализации.

Переустройству сельского хозяйства авторы тезисов – конспекта вохровской истории уделяют всего 2000 печатных знаков. Вместо того, чтобы рассказать о том, как мощный вохровский полицейский аппарат истребил миллионы тружеников-крестьян, как беспрецедентно были экспроприированы мелкое и мельчайшее крестьянство, как крестьяне насильно были загнаны в колхозы, где много лет, как крепостные, почти бесплатно работали, как было почти уничтожено животноводство, как на десятки лет вохровское сельское хозяйство было загнано в кризисное состояние, как ничтожна производительность труда, – бодрые темкинские «историки» «наивно» замечают, что сопротивление эксплуататоров было сломлено усилиями «рабочего класса» и деревенской бедноты в «тесном союзе со средним крестьянством».

Заканчивают «историки» описание периода индустриализации и коллективизации бесстыдной ссылкой на решение XVII съезда, того самого съезда, на котором Виссарионов стал абсолютным самодержцем. Согласно этому решению, был построен фундамент социалистической экономики. Это еще раз показывает, что, не называя его имени, нынешние владыки полностью солидаризуются с Виссарионовым.

Далее в совершенно виссарионовском духе, опять-таки, не называя имени Виссарионова, «историки» повествуют о том, как ранее вохровским народам жилось плохо и как в результате ильичевской национальной политики народы общими усилиями построили социализм, вошли на путь процветания и достигли «огромных успехов» в развитии экономики и культуры и, мол, «по общему признанию всех народов вохровского союза большая роль в осуществлении ильичевской национальной политики принадлежит скифскому рабочему классу, скифскому народу». Бедный, многострадальный скифский народ! Вохры все валят на него. Оккупацию и захват огромных территорий вохры формулируют темкински-эзоповским языком: «Важными вехами в решении национального вопроса явились воссоединение малоскифского, белоскифского и валахского народов, восстановление вохровской власти в приваряжских республиках и вхождение их в союз вохровских социалистических республик…».

«Историки» ни словом не упомянули о зверском истреблении всех «националистических» элементов в Малоскифии, Белоскифии, Тюркстане, Аджарии, Арзрумии, Валахии, приваряжских, среднеазиатских республиках, в Рататии, Головастии и других. Ни словом не упомянуто о громадной чистке в Западной Малоскифии, Западной Белоскифии, Валахии и приваряжских государствах, в которых от 10 до 20% населения было расстреляно или сослано в лагеря и ссылки. «Историки» помалкивают об эффективных и действенных методах «решения национального вопроса». Далее, с чисто виссарионовским цинизмом, опять-таки не называя Виссарионова, что еще раз подтверждает полную солидарность нынешних вохровских руководителей с его чудовищными преступлениями, «историки» следующим образом заканчивают описание предвоенного периода:

«В результате революционных преобразований, трудового и политического энтузиазма народа в Вохровском Союзе впервые в мире было построено социалистическое общество. Победа социализма была законодательно закреплена в Конституции, принятой в декабре 1936 года Чрезвычайным VIII съездом Советов. Конституция утвердила социалистические основы общественной и государственной организации, широкие социальные свободы и права граждан, ввела систему прямых, равных и всеобщих при тайном голосовании выборов в органы власти, расширила представительство в верховном органе власти всех союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов. Политическая надстройка была приведена в соответствие с экономическим базисом социализма.

Развитие Вохровского Союза проходило в сложной международной обстановке, в условиях постоянной опасности империалистической агрессии. Эта опасность особенно усилилась, когда в Гуннии захватил власть фашизм – оголтелая террористическая и шовинистическая диктатура наиболее реакционных и агрессивных сил империализма. Фашизм укрепился и сумел провести перевооружение

Гуннии с помощью колумбовских и сакских монополий, которые рассматривали его как ударную силу антивохризма.

Вохровская партия и вохровское правительство видели опасность, которую представляла собой политика фашистских государств, учитывали сложившуюся обстановку и принимали меры по укреплению обороноспособности страны. Партия осуществила важные мероприятия, направленные на перестройку работы промышленности и транспорта с учетом все более надвигавшейся военной опасности. Созданная в предвоенные годы оборонная промышленность обеспечила вооруженные силы страны современной военной техникой.

Вохровское правительство предпринимало энергичные усилия для создания системы коллективной безопасности в Европе с тем, чтобы преградить путь войне. Эти усилия натолкнулись на сопротивление западных политиков – стремившихся направить фашистскую агрессию против Государства Тмутараканского, вступить в союз с Адольферией. В этой сложной обстановке Вохровский Союз заключил договор о ненападении с Гуннией, который расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны. Но предотвратить войну в тех условиях оказалось невозможным. При попустительстве правящих кругов Запада адольферовская Гунния развязала вторую мировую войну. Захватив многие европейские государства, она двинулась против Государства Тмутараканского».

Лицемерная конституция весьма симптоматично приурочена к моменту максимального разгула террора чудовищной виссарионовской тайной полиции. К тому времени тайная полиция располагала огромным штатом в 2 миллиона официальных и добровольных шпиков-стукачей. Именно эти 2 миллиона шпиков и обеспечивали «прямые, равные и всеобщие при тайном голосовании выборы в органы власти».

Как адольферовская Гунния при «попустительстве правящих кругов Запада развязала вторую мировую войну» и как мудрый Виссарионов старался предотвратить эту войну, подписав пакт о ненападении с Адольферовым, автор отметил выше. В своих тезисах-конспекте «забыли» одну «мелочь» – позорную войну с маленькой Суомией. Почему же они ее «забыли»? Не только потому, что сам по себе чудовищен факт нападения огромного вохровского колосса, население которого в 60 раз больше населения маленькой Суомии, а то, что армия этого колосса, дезорганизованная чудовищным виссарионовским террором, в результате которого были истреблены почти все командармы, комкоры, комдивы, большая часть командиров полков и других офицеров, не могла справиться с маленькой Суомией в столь благоприятный момент, когда Гунния, Галлия и Саксия воевали друг с другом.

Уже была организована блестящая инсценировка, были «собраны» 5555 подписей суомийцев, желающих организовать «народное правительство», был вытащен откуда-то исчезнувший ранее Укусинен[i], который был «выбран» «премьер-министром» суомийского «народного правительства». Уже в вохровских газетах печатались огромные фотографии, на которых был изображен огромный корабль «народной Суомии», который топил утлую ладью «белой Суомии», а в это самое время маленькая суомийская армия оказала стойкое сопротивление дезорганизованной армии вохровского колосса и даже захватила десятки тысяч вохровских солдат в плен. Вохровская авантюра и «суомийское народное правительство» кончились бесславно. Укусинен вновь временно исчез с горизонта.

Вот почему вохровские «историки» забыли в конспекте про эту «мелочь».

Интерпретация Второй мировой войны дана почти виссарионовская с одним небольшим отличием, которое будет отмечено ниже.

Нынешние владыки характеризуют эту войну следующим образом:

«**Начавшаяся 22 июня 25 года война, навязанная Вохровскому Союзу гуннским фашизмом, была самым крупным военным столкновением социализма с ударными силами империализма. Она стала Великой Отечественной войной вохровского народа за свободу и независимость социалистической Родины, за социализм**.

i Жена Укусинена была в это время заключена в лагерь, якобы как зарубежная шпионка (прим. автора).

Гуннский империализм ставил перед собой цель – уничтожить первое в мире социалистическое государство, истребить миллионы людей, поработить народы Вохровского Союза и многих других стран.

Великая Отечественная война была самой тяжелой и самой жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. Особенно суровые испытания выпали на нашу долю в начале войны. Громадная, заранее отмобилизованная армия адольферовцев и их сателлитов, одурманенная ядом шовинизма и расизма, глубоко вклинилась в нашу территорию. Враг дошел до предгорий Казкава, прорвался к Ловге, блокировал Ильичевград, угрожал Кремлевии. Над вохровской страной нависла смертельная опасность.

Адольферовцы использовали временные преимущества: милитаризацию экономики и всей жизни Гуннии, длительную подготовку к захватнической войне и опыт военных действий на Западе, превосходство в вооружении и численности войск, заблаговременно сосредоточенных в пограничных зонах. В их распоряжении оказались экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. Адольферовская Гунния захватила в странах Европы весь арсенал вооружения, громадные запасы металла, стратегического сырья, металлургические и военные заводы. Вохровскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной.

Сыграли свою роль допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения на нас адольферовской Гуннии и связанные с этим упущения в подготовке к отражению первых ударов. Сказался и недостаток у вохровских войск в то время опыта ведения крупных операций в условиях современной войны. Но уже начальный период войны показал, что военная авантюра адольферовцев обречена на провал. Разгром гуннов под Кремлевией явился началом коренного поворота в ходе войны. Окончательно был похоронен план «блицкрига»; перед всем миром была развенчана фальшивая легенда о «непобедимости» адольферовской армии.

Победа над гуннско-фашистскими захватчиками одержана совместными усилиями многих народов. В ходе войны сложилась мощная антиадольферовская коалиция. Серьезные удары по врагу нанесли армии западных союзников, храбро сражались союзные войска Мазурии, З. Скифии, Югоскифии. Однако именно вохровский народ, его героическая армия вынесли основную тяжесть войны, сыграли решающую роль в победе над адольферовской Гуннией.

Война принесла советскому народу огромные жертвы и разрушения. Свыше 20 миллионов вохровских людей погибли на полях сражения, погребены под развалинами городов и сел, расстреляны фашистскими бандитами, замучены в гитлеровских концлагерях».

К виссарионовской интерпретации этой войны новые вохровские владыки добавили фразу о том, что сыграли роль допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения адольферовской Гуннии и связанные с этим упущения в подготовке к отражению первых ударов.

Ход Второй мировой войны нынешние владыки изображают по-виссарионовски, по-темкински. Очевиден факт вероломного заключения пакта о ненападении с Адольферовым. Очевиден тот факт, что в результате вероломства Виссарионова и его подручных Адольфер напал на западные демократии. Очевидно, что после захвата континентальной Западной Европы Адольфер стремился к миру с Саксией и Колумбовией. Известно, что Саксия наотрез отказалась вести переговоры с Адольферовым, считая его более опасным тоталитаристом, чем Виссарионов. Вот почему, несмотря на вероломство Виссарионова, после нападения Адольфера на Государство Тмутараканское, западные демократии предпочли союз с таким опасным тоталитарным Тмутараканским Государством, которое уже 24 года вело подрывную работу во всем мире.

Вохровские «историки» противоречат сам себе. Почему Адольфер вел более длительную подготовку к войне? Почему в Гуннии была более милитаризована экономика? Ведь в этом же конспекте отмечено, что индустриализация Государства Тмутараканского вынужденно проводилась в сжатые сроки для быстрейшего увеличения обороноспособности. Адольфер готовился к войне и вел войну примерно, лет шесть, а вохровцы вели войну «с 14 государствами» и готовились к войне 24 года. Вохровцы почти не производили предметов потребления, во всяком случае производили их ничтожно мало и большую

часть капиталовложений направляли в тяжелую промышленность, в основном в оборонную. Климов давно похвалялся, что вохровский «залп» самый большой в мире. Вохровские военные «писатели» наводняли книжный рынок военными романами, в которых Гунния сокрушалась в несколько дней. Банзайцев сокрушили в Хынхал-Голе в два счета. М. Лазаревич высокомерно заявлял, что вохровские самолеты, танки, артиллерия – лучшие в мире.

И вдруг Гунния, оказывается, больше милитаризовала экономику, у нее было превосходство в вооружении и в численности войск!

Следовательно, вохры должны были бы признать, что несмотря на то, что они десятки лет готовились к войне и большую часть народного труда направляли на изготовление предметов истребления, из-за вохровского уродливого экономического механизма Государство Тмутараканское даже в создании военного потенциала, для которого отвлекалась подавляющая часть средств, полученных с помощью всеобъемлющего механизма тотального ограбления трудящихся, далеко отстала от Адольферовской Гуннии, которая только 6 лет готовилась к войне, после сокрушительного уничтожения гуннской военной машины в результате военного поражения в Первой мировой войне.

В тезисах ЦК – новейшем вохровском конспекте истории вохровского государства – описанию военных событий в 25-29 г.в.в.э. отводится около 8500 знаков, из них участию «западных союзников» в этой войне, отведена часть фразы: «Серьезные удары врагу нанесли армии западных союзников…» – итого 50 печатных знаков, или около 0,6%!! Этот удельный вес военных усилий западных демократий странным образом корреспондируется с «правдивыми» утверждениями мастеров темкинских деревень об удельном весе помощи Колумбовии и Саксии в поставках вооружения и продовольствия, которая оценивается ими в несколько процентов по отношению к затратам Государства Тмутараканского. Точно таким же образом оценивается удельные вес так называемого «репарационного» оборудования.[i]

Так, уничтоженный Виссарионовым вождь Госплана Воскресенский пишет[ii]: «Прямые военные расходы и дополнительные военные расходы, вызванные войной, а также потери народного дохода населения и социалистических предприятий за период войны составили колоссальную сумму в 1890 миллиардов вохриков в государственных довоенных ценах, или 357 миллиардов колумбаров…

Стоимость репарационного оборудования составила всего – 0,6% (!) от размера только прямых потерь имущества Государства Тмутараканского».

Однако, прямые военные расходы Государства Тмутараканского значительно меньше.

Так, по данным Дачаева[iii], удельный вес военных расходов составил:

в процентах к итогу

	годы велик. вохровской эры				
	24	**26**	**27**	**28**	**29**
Всего национ. доход	100	100	100	100	100
в том числе: потребление	74	67	60	61	69
накопление	19	4	7	15	13
военные расходы	7	29	33	24	18

По данным Галкина[iv], национальный доход, если принять довоенный – 24 г.в.в.э за 100 составил:

i Государство Тмутаракансоке демонтировало и вывезло почти все оборудование той части Восточной Гуннии, которая была передана Мазурии, и значительную часть оборудования Восточной Гуннии (прим. автора).

ii «Беспланового хозяйство», 32 г.в.в.э., XI, «Военная экономика страны социализма», стр 73-74.

iii Дачаев, «Экономика Государства Тмутараканского в период Великой отечественной войны», изд. «Мысль», 49 г.в.в.э., стр.80.

iv «Вопросы бесхозяйственности», 48 г.в.в.э., №5, Галкин, «Народное хозяйство в годы Великой Отечественной войны», стр.70.

	годы велик. вохровской эры				
	25	26	27	28	29
Нац. доход в % к 24 г.в.в.э	92	66	74	88	83

В 24 г.в.в.э. национальный доход по данным ЦСУ составил в ценах 47 г.в.в.э. – около 32 миллиардов вохриков. Таким образом, если принять структуру распределения национального расхода по Дачаеву, что совпадает с данными госплановского вождя Воскресенского, то общая сумма военных расходов за годы войны составит около 27 миллиардов вохриков в ценах 47 г.в.в.э.

Индекс оптовых цен на продукцию 47 г.в.в.э. составил 93% по отношению к ценам 32 г.в.в.э. (по данным ЦСУ), поэтому следует считать, что в ценах 29-32 г.в.в.э. общая сумма прямых военных расходов составила около 250 миллиардов вохриков из общей суммы военных расходов и потерь в 1890 миллиардов, приводимых Воскресенским.

Следует отметить, что, по данным вохровских авторов, удельный вес военных расходов колебался от 18-до 33% в годы войны, составляя в среднем около 26% национального дохода.

Удельный вес потребления в военные годы составлял, по данным Дачаева, – около 64% (!!) В 8 разделе пятой главы и в восьмой главе «Введения…» автор показал, какими методами «ловкие» вохровские апологеты увеличивают удельный вес потребительских расходов и уменьшают удельный вес военных расходов. Даже в мирные годы удельный вес потребления был не более 20% нац. дохода, а военных расходов – около 50% нац. дохода. Следует полагать, что в военные годы удельный вес военных расходов составлял не менее 70% национального расхода и, следовательно, прямые военные расходы составили не 27 миллиардов, а около 75 миллиардов вохриков в ценах 47 г.в.в.э., или 83 миллиарда колумбаров, принимая официальный курс колумбара – 0,9 вохрика. В колумбарах 26-30 г.в.в.э. прямые военные расходы Государства Тмутараканского составят – около 55 миллиардов колумбаров.[i]

Попробуем оценить удельный вес затрат Колумбовии даже по данным воинствующего вохровского темкинского апологета Алешова.

Он пишет[ii]: «… И колумбовские буржуазные экономисты, и военные специалисты, и лица, занимающие высокое положение в государственном аппарате Колумбовии, твердят, будто Колумбовия в течение всей войны играла роль гигантской базы снабжения (!!) стран антиадольферовской коалиции, поставлющей им будто бы «даром» (!) за счет средств своего государственного бюджета материальные ресурсы. Некоторые особенно ретивые апологеты колумбовского империализма договорились до утверждения, якобы Колумбовия в течение всей войны выступала в роли всемирного «филантропа», раздававших лендлизовские товары другим странам, совершенно не считаясь при этом с «выгодностью или резонностью таких подаяний». Стремясь преувеличить роль ленд-лиза в разгроме фашистской военной машины, хвастливые колумбовские пропагандисты стали утверждать, будто бы не Государство Тмутараканское и его героические вооруженные силы, а лендлизовские поставки сыграли решающую роль в этом разгроме…

Эти цели… заключались в борьбе за утверждение господства колумбовских монополий на мировых рынках… В свете сказанного приходится удивляться тому, что некоторые вохровские экономисты в книгах и статьях, опубликованных в годы войны и вскоре после ее окончания, ошибочно рассматривали поставки по ленд-лизу, как акт некоей «бескорыстной» помощи, якобы (!) оказываемой Колумбовией странам антиадольферовской коалиции…

Считаясь со всеми этими фактами, правящие круги Колумбовии решили в годы второй мировой войны отказаться от предоставления денежных займов иностранным государствам и перейти к прямым военным поставкам материалов за счет своего государственного бюджета, тем более, что эта новая форма экономических, международных отношений создавала больше возможностей в области реализации разбойничьих устремлений колумбовского империализма... (!)

i В ценах 29-32 г.в.в.э. прямые военные расходы следует оценить в сумме около 700 миллиардов вохриков (прим. автора).

ii «Вопросы бесхозяйственности», 35 г.в.в.э., №14, Алешов, «Ленд-лиз – оружие агрессии колумбовского империализма», стр. 81-93.

Расходы Колумбовии по лендлизовским поставкам за годы войны (с 11 марта 25 г.в.в.э. по 1 октября 29 г.в.в.э.) составили – 46 миллиардов колумбаров, в том числе 22,1 миллиарда на поставку вооружений и судов, 9,7 миллиардов – на поставку оборудования и материалов, 6,1 миллиарда на поставку продовольствия, 2,3 миллиарда на поставку нефтепродуктов, 3,8 миллиарда на транспорт и другие услуги. В общей сумме военных расходов поставки по ленд-лизу составили около 14% … В то же самое время лендлизовские поставки Государству Тмутараканскому, как это видно из официального отчета президента парламенту, выражаются в сумме 10,8 миллиардов колумбаров … Правящие круги использовали поставки по ленд-лизу для засылки шпионов в Государство Тмутараканское… Колумбовское правительство, предъявляя раздутые требования, (!) назначило сначала сумму компенсации в 1,3 миллиарда, резко противоречащих условиям. Новая предложенная Колумбовией сумма вдвое превышает сумму компенсации, которую уплачивает Саксия (472 миллиона колумбаров)… Государство Тмутараканское предложило, исходя из прецедента, созданного сакско-колумбовским соглашением, уплатить Колумбовии компенсацию в 240 миллионов колумбаров, что составляет более 2% (!) от общей суммы всех лендлизовских поставок Государству Тмутараканскому…».

Отвлекаясь от абсурдных, бессмысленных темкинских утверждений вохровского апологета Алешова, договорившегося с благословения великих вохровских вождей и самого Виссарионова до того, что ленд-лиз – это орудие агрессии колумбовского империализма и одна из целей ленлиза – утверждение господства колумбовских монополистов, следует отметить, что только расходы по ленд-лизу примерно, равны всем прямым расходам Государства Тмутаракансого, а общий объем прямых военных расходов Колумбовии в 330 миллиардов колумбаров в шесть раз превышает прямые военные расходы Государства Тмутараканского. Непосредственные же расходы Колумбовии на лендлизовские поставки Вохровскому Союзу вооружений, материалов и продовольствия в сумме 10,6 миллиардов колумбаров составляют не менее 30% общих расходов Государства Тмутараканского на вооружение, материалы и продовольствие для вохровской армии в 25-29 г.в.в.э.

А что конкретно представляли поставки по ленд-лизу? Согласно сообщению вохровского правительства, только за один год в 26-27 г.в.в.э. было поставлено 2 миллиарда кг муки, 800 миллионов кг жиров, миллиарды банок консервов, яичный порошок и прочее. Это составило на каждого солдата 20-миллионной вохровской армии по 100 кг. муки, 40 кг. жиров и других продуктов в год. По существу, колумбовцы кормили вохровскую армию, и без этой помощи вохровские солдаты попросту умерли бы с голода.

Гунны в начале войны почти уничтожили хваленую вохровскую авиацию, состоявшую из «летающих гробов». По лендлизовским поставкам было доставлено самолетов и материалов для изготовления самолетов в пересчете на 30 тысяч самолетов. Хваленая вохровская промышленность синтетического каучука, на которую были затрачены громадные средства, в войну почти не давала даже дрянного вохровского каучука. Из пяти заводов три оказались в зоне военных действий, а Наверский завод был освоен только через несколько лет после окончания войны. Давал некоторое количество скверного натрий-бутадиенового каучука только Назанский завод. За упомянутый год по лендлизовским поставкам колумбовцы ввезли около 70 тыс. тонн каучука.

Во время войны колумбовцы осуществили революцию в области судостроения и промышленности синтетического каучука. На каждый потопленный в жестокой подводной войне корабль колумбовцы строили 3 корабля. В счет ленд-лиза колумбовцы передали вохрам много судов, двести тысяч автомашин, много артиллерийского оборудования. Что касается прямых военных действий, то следует отметить, что Саксия и Колумбовия полностью отвлекли на себя Банзанию и Латинию. Поэтому Государство Тмутараканское могло дважды спастись от полной военной катастрофы под Кремлевией и Виссарионовградом, использовав кучумские дивизии. Кроме того, на Западе и в Северной Африке западные демократии отвлекали от ¼ до 1/3 гуннских войск.

Нет никакого сомнения, что без помощи западных демократий, несмотря на нелепую адольферовскую стратегию, Государство Тмутараканское было бы полностью разгромлено.

Если бы западные демократии даже не оказали громадной военной и материальной помощи, перечисленной выше, а только помогли бы своей мощной авиацией, которая полностью подавила гунн-

скую авиацию, покрыла бомбами всю Гуннию, разрушила много стратегических заводов, большую часть крупных гуннских городов, загнала значительную часть гуннских военных заводов под землю, то и этот вклад западной авиации был бы в десятки раз больше тех 0,6%, которые «великодушные», «объективные» и «правдивые» вохровские «историки» уделяют западным демократиям.

Таким образом, в утверждении «историков», что в «гигантском военном столкновении с империализмом и его наиболее чудовищным порождением – фашизмом, победил социалистический общественный строй», столько же истины, сколько в утверждении, что ленд-лиз – оружие агрессии колумбовского империализма. Несмотря на то, что Виссарионов вероломно заключил пакт о ненападении с Адольферовым, западные демократии победили бы тоталитарный нацизм и даже, если бы тоталитарный нацизм захотел делить сферу влияния с вохровским тоталитаризмом, как это и было обусловлено полюбовным соглашением двух тоталитарных владык Адольферовым и Виссарионовым и Государство Тмутараканское оставалось бы в стороне, как это и предполагал Виссарионов, то все равно (конечно, в более длительное время) западные демократии разгромили бы нацисткий тоталитаризм, так как промышленный потенциал западных демократий намного превышал гуннский. К тому же Адольфер по глупости выгнал всех физиков-ханаанцев и последние помогли Колумбовии создать атомную бомбу.

«Историки» пишут: «Как один человек, поднялись вохровские люди на защиту своей родины. Это был невиданный, массовый, поистине всенародный героизм».

«Историки» «забыли» неслыханные в истории войн измены. За эти измены многочисленных недовольных элементов, которые выявились наперекор или, вернее, в силу хваленой ильичевско-виссарионовской «дружбы народов», с беспрецедентной жестокостью были осуждены и сосланы в ссылку множество народов, что автор уже отмечал в главе двенадцатой.

На сторону гуннов переходили огромные великоскифские воинские соединения Егорова, малоскифские соединения – шайкеровцев.

«Историки» «забыли», что сотни тысяч дезертиров, «самострелов» и отмораживающих себе руки и ноги были истреблены в лагерях или по дороге в лагеря. «Историки» «забыли», что перед Виссарионовградской битвой вохры организовали второй «фронт» из чинов тайной полиции, которые должны были расстреливать солдат, убегающих с настоящего фронта. «Историки» забыли про миллионы вохровских пленных, большая часть которых были репрессирована и загнана в вохровские концлагеря и ссылки – так же как и вохровские пленные, взятые суомийцами во время позорной войны с маленькой Суомией.

В новом «теоретическом» документе «историки» приводят версию расцвета индустрии и сельского хозяйства, мало, или почти совсем не отличающуюся от варианта истории вохровской партии, изданной в 44 г.в.в.э. Остается также неизменной версия об осуждении культа личности на XX съезде.

«Историки» привычно оперируют фантастическими цифрами роста производства стали, нефти, газа, электроэнергии. Они пишут:

«Вохровская индустрия, несмотря на потери военных лет, развивалась устойчивыми, высокими темпами. Производство основных видов промышленной продукции с 24 по 44 год в.в.э. возросло: стали – с 18,3 млн. тонн до 65 млн. тонн, нефти – с 31,1 млн. тонн до 148 млн. тонн, газа – с 3,4 млрд. куб. м до 47 млрд. куб. м, электроэнергии – с 48,3 млрд. квтч до 292 млрд. квтч. В структуре производства произошли глубокие сдвиги. Ускоренно развивались такие ведущие отрасли, как энергетика, машиностроение, химическая промышленность, производство черных и цветных металлов и строительных материалов, такие новые отрасли, как электроника и радиоэлектроника, атомная промышленность; осуществлялись комплексная механизация и автоматизация производства. На основе технического прогресса неуклонно росла производительность труда. Увеличивалось производство продовольственных товаров, тканей, обуви, а также бытовых предметов длительного пользования. Повысилось качество промышленных изделий.

Сложнее обстояло дело в области сельского хозяйства, особенно сильно пострадавшего в годы войны. Кахи и работники вохрозов, проявив высокое сознание долга и самоотверженность в труде, в короткие сроки восстановили разрушенное войной хозяйство. Уже к 34 году в.в.э. производство ва-

ловой продукции сельского хозяйства достигло довоенного уровня. Однако в последующие годы темпы развития этой важной отрасли экономики замедлились, что порождало определенные трудности в снабжении населения продовольствием, а легкой промышленности – сырьем. Это в известной степени объяснялось тем, что возможности финансирования и материально-технического обеспечения сельского хозяйства в послевоенный период были ограничены. Не в полной мере использовались также резервы развития колхозов и вохрозов, заложенные в социалистическом способе производства. На сентябрьском (37 г.) Пленуме ЦК партии были приняты меры по оказанию материально-технической помощи сельскому хозяйству и усилению материальной заинтересованности колхозов и кахов в результатах своего труда. Новым дополнительным источником увеличения производства зерна явилось освоение целинных и залежных земель.

Рост материального производства позволил осуществить ряд мер, направленных на повышение народного благосостояния. Была повышена заработная плата рабочим и служащим, значительно увеличены пенсии по старости и инвалидности, сокращена рабочая неделя без снижения заработной платы, в стране развернулось массовое жилищное строительство. Новые успехи были достигнуты в области науки и техники, в развитии духовной культуры. По масштабам и уровню образования вохровская страна прочно заняла одно из ведущих мест в мире.

Послевоенные условия развития вохровского общества поставили перед вохровской партией сложные и ответственные задачи. Жизнь подтвердила правильность политического курса партии, показала ее способность теоретически обобщать опыт масс и выдвигать правильные политические лозунги, вскрывать допущенные ошибки и исправлять их. Проводя курс на дальнейшее развитие социалистической демократии, партия на XX съезде решительно осудила культ личности, который выражался в чуждом духу марксизма-ленинизма возвеличении роли одного человека, в отступлении от ильичевского принципа коллективности руководства, в необоснованных репрессиях и других нарушениях социалистической законности, нанесших ущерб нашему обществу.

Эти извращения, несмотря на всю их серьезность, не изменили природу социалистического общества, не поколебали устои социализма. Партия и народ глубоко верили в дело коммунизма, с энтузиазмом трудились, воплощая в жизнь ленинские идеалы, преодолевая трудности, временные неудачи и ошибки.

Партия осуществила меры по преодолению последствий культа личности во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, соблюдению ильичевских норм и принципов партийной жизни. Были расширены права союзных республик, краев и областей в решении вопросов хозяйственного и культурного строительства, права руководителей предприятий. Все это привело к активизации социально-политической и духовной жизни в стране, работы всех звеньев партийного, советского и хозяйственного аппарата. Еще более окреп и развился вохровский общественный и государственный строй, упрочилось социально-политическое и идейное единство рабочих, крестьян, интеллигенции, еще теснее стала дружба народов Вохровского Союза, их сплоченность вокруг ильичевской партии».

В главах третьей, седьмой и восьмой «Ведения…» автор уже показал, что даже по свидетельству ряда вохров, фантастические «успехи» вохровской индустрии и сельского хозяйства – мифические, вследствие: во-первых, некоторой фальсификации статистических цифр, во-вторых, огромных потерь топлива, металла, цемента, удобрений и другого сырья – как прямых, так и косвенных вследствие скверного качество машин и материалов, плохой организации, бесхозяйственности и отсутствия экономических регуляторов, в-третьих, чрезвычайно низкой эффективности капвложений, в-четвертых, огромного удельного веса производства средств производства (средства производства работают, главным образом, для производства средств производства и в незначительной степени для производства предметов потребления).

Вопросы о дальнейшем развитии «демократии» и о преодолении «культа личности» автор рассмотрел в главах X и XI «Введения…». Более того, как автор уже отмечал, последний вариант «истории» полностью реабилитирует концепцию великого семинариста и имеется надежда, что еще нынешняя вохровская олигархия или олигарх (а Прежнев, подстегиваемый неизменной вохровской партийной

схемой, неудержимо, так же как Виссарионов и Никитов, стремится к той или иной степени самодержавия) более или менее полностью реабилитирует Виссарионова.

Поразительно, что «историки» приписывают многострадальному вохровскому народу, который был только объектом бессмысленных и невероятных жестоких экспериментов, «революционно-преобразующую деятельность», итогом которой, стала «полная окончательная победа социализма». Правда, «историки» добавляют, что эта «деятельность» «народа» протекала под руководством вохровской «партии».

Ставя все с ног на голову, «историки» разглагольствуют о тех благах материальных и моральных, которые получил «народ» вследствие победы социализма. Нагромождая все те же Темкинские деревни, «историки» в миллионный раз утверждают, что карлсистско-ильичевское учение получило широкое подтверждение:

«Историческое значение победы социализма состоит в том, что в опыте нашей партии и народа карлсистко-ильичевское учение о строительстве нового общества нашло широкое и неопровержимое подтверждение. Вохровское общество на практике показало, что претворение в жизнь научной теории карлсизма-ильичевизма полностью отвечает коренным интересам рабочих и крестьян, всех трудящихся, что всесторонний социальный прогресс возможен только на путях социалистического развития общества, что только социализм несет народам социальное и национальное освобождение, подлинную демократию, прочный мир и свободу. Вместо эксплуатации и угнетения социализм утвердил дружбу, сотрудничество и взаимопомощь трудящихся классов и наций; вместо стихии и анархии – плановое развитие хозяйства, всех сторон общественной жизни; вместо политического бесправия трудящегося большинства – подлинное народовластие. Социализм коренным образом изменил цель общественного производства, дал трудящимся уверенность в завтрашнем дне. Над вохровским человеком не тяготеет страх перед безработицей и нищетой. Социализм прочно связывает личные судьбы людей с социальными преобразованиями и успехами всего общества. Социалистическая собственность открывает эпоху свободного труда во имя лучшей жизни трудящегося человека. Освобождение труда – основное условие действительной свободы личности. Социализм поставил на службу людям труда достижения материальной и духовной культуры.

Историческое значение победы социализма состоит далее в том, что народы нашей страны на практике показали всему миру пути разрешения кардинальных противоречий современной эпохи».

Опровергать наличие подлинного «народовластия» в сверхполицейском государстве смешно. Следует только отметить, что равенство наций в основном было осуществлено. В лагерях и в подвалах застенков вохровской тайной полиции истребляли всех. Национальность, раса, религия, цвет кожи не имели никакого значения. Впрочем, во время второй мировой войны, как автор уже отмечал, «дружба наций» была по чисто техническим причинам несколько нарушена. В Кучумию и Среднюю Азию были сосланы только пара десятков наций-преступников и то из числа более малочисленных.

Более многочисленные нации, например, великоскифы и малоскифы, были также преступны, поскольку среди них оказались изменники (егоровцы и шайкеровцы) и этих изменников было не меньше, чем у шамилевцев, половцев, таврических рататов, гуннов и у других народов-преступников. Но великоскифы и малоскифы были столь многочисленны, что их не удалось бы разместить в Кучумии и, наконец, пришлось бы обезлюдить обширные территории Великоскифии и Малоскифии. Вот почему «дружбу» наций пришлось несколько нарушить.

В абзаце седьмом «историки» занимаются собственно не историей, а предвидением будущего «победоносного вохризма», что автор не считает необходимым комментировать.

В разделе восьмом «историки» вновь приводят цифры фантастического роста промышленности и сравнивают необычайно урожайный 50 г.в.в.э с 24 г.в.в.э., совершенно не упоминая о том, что с тех пор введены в оборот экономически не оправдавшие себя 60 миллионов гектаров целины, расположенные в отдаленных мало плодородных, засушливых и малозаселенных окраинах. И апофеоз – фантастический рост народного благосостояния. «Историки» пишут:

«**8. Создание материально-технической базы вохризма на основе развития науки и техники, механизации и автоматизации, непрерывного роста производительности труда – главная экономическая задача вохровского общества.**

Социалистическое производство достигло ныне такого уровня, который позволяет успешно осуществить задачу построения материально-технической базы вохризма.

Одно из решающих достижений и преимуществ социализма – устойчивые высокие темпы экономического развития. Среднегодовой прирост промышленного производства за 13-50 годы составил в Государстве Тмутараканском 11,1 процента, тогда как в Колумбии – 4,0 процента, в Саксии и Галлии – 2,5 процента. Высокие темпы индустриализации дали возможность нашей стране добиться гигантского промышленного подъема. По сравнению с 4 г. до в.в.э. годом в 50 году продукция промышленности увеличилась в 66 раз, в том числе машиностроения и металлообработки – в 538, химической промышленности – в 294, производство стали – в 22,5, электроэнергии – в 267, цемента – в 45, продукция легкой промышленности возросла в 16,2 раза, пищевой – в 12,8, грузооборот всех видов транспорта вырос в 23,1 раза.

Успехи индустрии позволяют неуклонно повышать техническую вооруженность колхозов и вохрозов и развивать сельскохозяйственное производство. К концу 1966 года парк тракторов в нашем сельском хозяйстве составил 1.660 тысяч, комбайнов зерноуборочных – 531 тысячу. Общие энергетические мощности сельского хозяйства в 1966 году превзошли дореволюционный уровень в 10 раз. В настоящее время почти все совхозы и колхозы пользуются электроэнергией. Электричество все шире проникает в технологические процессы.

…В 1966 году произведено зерна 171,2 млн. тонн, или в 1,8 раза больше, чем в 1940 году: мяса – 10,8 млн. тонн, или в 2,3 раза больше: животного масла – 1,2 млн тонн, что означает рост соответственно в 3,1 раза.

Реальные доходы рабочих промышленности и строительства в 1966 году по сравнению с 1913 годом увеличились в 6,6 раза, реальные доходы крестьян в расчете на одного работающего – в 8,5 раза.

По данным «историков», продукция промышленности с 4 г до в.в.э. по 50 г.в.в.э. увеличилась в 66 раз (!), в том числе машиностроения и металлообработки в 538 раз, химической в 294 и даже легкой – в 16,2 раз, а пищевой – в 12,8 раз, грузооборот всех видов транспорт – в 23,1 раз, а реальные доходы рабочих – в 6,6 раз и крестьян – в 8,8 раз.

Прежде всего поражает несоответствие роста всей промышленной продукции – продукции тяжелой промышленности с ростом продукции легкой и пищевой промышленности.

Непонятно, почему продукция всей промышленности выросла в 66 раз, а реальная зарплата рабочих и служащих – только в 6,6 раз, даже, если учесть рост численности рабочих.

Но самым поражающим является тот факт, что «историки» вступают в полное противоречие с величайшим Ильичевым и с талантливым вохровским апологетом и величайшим мастером Темкинских деревень – академиком Румилиным.

В главе пятой «Введения…» автор отмечал, что Ильичев оценивал средний заработок рабочих в довохровский период примерно в 20,5 довохровских вохрика в месяц.

В той же главе показано, что средний заработок рабочих и служащих в довохровский период составлял не менее 30 вохриков в месяц.

Далее, в соответствии с опубликованными вохровскими данными показано, что средний заработок рабочего, министра, академика, функционеров высшей партийной, полицейской, военной и хозяйственном элиты – составляет 95 современных вохриков.

Следует полагать, что если не учитывать всех высокопоставленных функционеров, средняя зарплата рабочих и служащих не превысит 90 современных вохриков. Но реальная стоимость 90 современных вохриков меньше 30 довохровских вохриков.

«Историки» козыряют «бесплатными» услугами здравоохранения, просвещения и прочими социальными услугами. Но, даже по их расчету, стоимость этих услуг составляет 25-30% зарплаты. Фактически, эти услуги, как показал автор в главе восьмой, – скверного качества и их, конечно, следует оценить значительно меньше, чем в 25-30%. Но это не имеет никакого значения. Порядок образования реальных доходов рабочих и служащих в довохровский период и в настоящее время один и тот же.

Где же увеличение 6,6 раз? Кто врет: величайший Ильичев или новейшие вохровские «историки»?

Не может быть никакого сомнения, что в отношении реальных доходов рабочих и служащих новейшие вохровские «историки» совместно с ЦСУ отошли от принципов темкинских деревень и попросту элементарно врут.

Таково же положение с реальными доходами крестьян. По данным академика Румилина средний доход на едока составлял в довохровский период 95 довохровских вохриков. А на самодеятельного (считая – 50% самодеятельных) – 190 довохровских вохриков в год. В настоящее время, как показано автором в главе пятой, годовой реальный доход каха составляет 600 современных вохриков. Опять таки, порядок исчисления дохода тот же, если принять, что ценность довохровского вохрика составляет 3 современных. Фактически, больше трех. Где же увеличение в 8,8 раз?!!

Итак, реальные доходы трудящихся в расчете на одного человека, примерно одинаковы в довохровский период и ныне, население увеличилось в 1,45 раза, а продукция промышленности – в 66 раз. Как же эти цифры корреспондируются? В главах III, IV, V, VI, VII и VIII автор показал, как эти цифры корреспондируются.

А вохры корреспондируют эти несуразные цифры с помощью Темкинских деревень и элементарного вранья.

В разделах 9, 10, 11, 12, 13 и 14 вохровские «историки» другими фразами повторяют сказанное в предыдущих разделах.

Раздел 16 посвящен влиянию великой вохровской революции на переход от капитализма к социализму. Новое заключается в том, что если еще в 45 г.в.в.э, на XXII съезде, великий Никитов продолжил с настойчивостью маньяка полувековую песенку о загнивании капитализма, то новые владыки не употребляют уже набивший оскомину термин «загнивание», но все же с той же маниакальной настойчивостью лепечут об обреченности капитализма:

«Вохровская революция ознаменовала начало революционного перехода от капитализма к социализму во всем мире. За прошедшие полвека мировой революционный процесс развивался неудержимо, втягивая все новые страны и народы. Это развитие происходило в борьбе с империализмом, который оказывает упорное сопротивление силам революции и переходит на отдельных участках в контрнаступление. Мировое революционное движение сталкивается и с внутренними трудностями, которые связаны с его стремительным ростом, разнородностью общественных сил, участвующих в антиимпериалистической борьбе. Однако основная тенденция исторического развития человечества, определенная вохровской революцией, утвердилась прочно: его главное содержание, главное направление и главные особенности определяют ныне мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества.

16. Исторический опыт 50 лет, прошедших после Вохровской революции, убедительно подтвердил вывод революционной теории об обреченности капитализма.

Империалистическая стадия развития капиталистического строя с особой очевидностью обнажила его антинародную сущность и органические пороки. Империализм вверг народы в две мировые войны, унесшие 50 миллионов жизней, и угрожает развязать третью с применением ракетно-ядерного оружия. Локальные войны и карательные походы против национально-освободительного движения (свидетельством которых являются агрессия колумбовского империализма в Анамии, нападение ханаанских захватчиков на исмаилисткие страны), милитаризация экономики, наступление на демократию и стремление установить террористические фашистские режимы (последний пример – реакционный переворот в Элладе) – таковы наглядные проявления реакционной сути империализма.

Целиком подтвердился вывод карлсисто-ильичевской теории о том, что капиталистические отношения стали препятствием на пути развития производительных сил в интересах народов, в интересах людей труда. Об этом свидетельствуют разрушительный экономический кризис 13-17 годов, застой производства в последующие годы, циклические кризисы в ряде стран после второй мировой войны, общая неустойчивость капиталистического хозяйства, постоянная недогрузка производственных мощностей, усиливающаяся неуверенность трудящихся в завтрашнем дне.

Позиции империализма в мировой экономике и политике значительно подорваны. Империализм использует все возможности, чтобы продлить свое существование. Современный капитализм – это прежде всего государственно-монополистический капитализм, приспосабливающийся к условиям борьбы двух мировых систем. Учитывая современный уровень производительных сил, особенности классовой борьбы в мировом масштабе, успехи социалистических стран, нарастание классовых битв внутри капиталистического мира, империалисты маневрируют, стремятся ограничить такие наиболее разрушительные и социально опасные для себя явления, как анархия производства, экономические кризисы, массовая безработица. Они широко применяют систему государственного регулирования экономики, внедряют новые более замаскированные, но по существу не менее жестокие методы эксплуатации трудящихся, усиливают социальную демагогию».

В данном случае приведенная вохровская, карлсистско-ильичевская болтовня об обреченности капитализма (который, наконец, перестал загнивать!) представляет собой достаточно туманные Темкинские деревни. Старая, столетней давности, карлсистская сказка о том, что западная экономическая система, которую вохры по карлсистской старинке называют капиталистической, является препятствием на пути развития производительных сил, давно уже опровергнута жизнью. Известно, что производительные силы западных развитых стран растут гигантски. В стране с таким огромным экономическим потенциалом, как Колумбовия, валовый национальный продукт за последние 6 лет, с 44 по 50 г.в.в.э, вырос почти в 1,5 раза. Причем, следует отметить, что этот огромный рост валового национального продукта, происходит в основном за счет роста производства предметов потребления, а не средств производства, как это имеет место в уродливой экономической системе Государства Тмутараканского.

В главе восьмой показан стремительный рост производительности общественного труда в западных странах в смысле объема выработки предметов потребления на единицу труда. Показан все увеличивающий разрыв истинной производительности труда между западными странами и Государством Тмутараканским. Если производительность труда, конечная производительность труда по выработке предметов потребления была в Государстве Тмутараканском в довохровский период в 3-4 раза меньше, чем в Колумбовии, то в настоящее время эта производительность труда в 15 раз (!!) меньше и при затрате колумбовцами почти вдвое меньшего количества человекочасов работы (в расчете на душу населения), жизненный уровень колумбовцев более, чем в 7 раз выше тмутараканского. И так обстоит дело, несмотря на то, что вохровцы стремятся заимствовать у западных демократий результаты фантастической научно-технической революции.

Вохровцы с помощью Темкинских деревень все ставят с ног на голову. Если бы Карлс, Фридрихс и Ильичев были в настоящее время живы, они тут же умерли бы, превратившись в соляные столбы. Их бы бесконечно поразила фантастическая способность завершенной вохровской экономической системы сдерживать рост производительных сил (по производству предметов потребления) несмотря на заимствование у запада результатов трех научно-технических революций.

Вохровские «теоретики» так же ставят с ног на голову и вопрос возникновения мировой социалистической системы. Известно, что за 24 года существования вохровской власти (до начала войны с адольферовской Гуннией), несмотря на огромный масштаб подрывной деятельности, вохры не добились никаких результатов, даже в смутные времена, непосредственно после окончания первой мировой войны, ни в Гуннии, ни в Унгарии, ни в Персане, ни в Хинезии. Моголия не в счет. Там вохровская революция была осуществлена вохровскими солдатами и вохровской тайной полицией. После окончания Второй мировой войны, вследствие стратегической ошибки временных западных союзников, вохровские войска и обширная агентура вохровской тайной полиции оказались в Мазурии, Латинской Кучумии, Западной Скифии, Юго-Восточной Скифии, Восточной Гуниии, приваряжских государствах, Северной Утренней Заре и Северной Хинезии.

Наличие вохровских войск и вохровской тайной полиции и определило включение этих стран в мировую вохровскую систему.

Попытки вохров осуществить вохровскую революцию в других странах только с помощью своей агентуры непосредственно после окончания второй мировой войны – в Феликсинах, Канакезии, Болайе, Элладе, Персанском Тюркстане и других странах – потерпели крах. В дальнейшем потерпела крах и совместная подрывная деятельность Государства Тмутарканского и Хинезии по осуществлению вохровской революции в африканских странах и Канакезии.

В настоящее время Государство Тмутараканское прилагает огромные усилия для вовлечения нацистских режимов некоторых исмаилитских стран в свою вохровскую орбиту.

Не совсем ясно, когда и как начала осуществляться вохровская подрывная деятельность в Кастрии. Так называемые «национально-освободительные войны» в Анамии, некоторых латиноамериканских странах, в нацистских исмаилитских странах и других районах организуются совместными подрывными усилиями Государства Тмутараканского и Хинезии. Технологический процесс «народно-освободительных» и «партизанских» войн тщательно разработаны органами тайной полиции Государства Тмутарканского, Хинезии, Кастрии и других вохровских стран. Трудно представить, чтобы Колумбовия, Саксия или Галлия стремились к территориальным приобретениям. Более того, все эти страны добровольно отказались от захваченных ими в эпоху империализма колоний. Осталась только одна огромная империалистическая, колониальная страна, которая не только не отказалась от своих колоний, но приобрела новые. Эта страна – Государство Тмутараканское. В западных демократиях чрезвычайно высокий жизненный уровень, являющийся не следствием ограбления неразвитых стран, как это утверждают в течение полувека вохровские апологеты, а следствием собственной процветающей экономики в собственных странах.

Западные страны только обороняются против подрывной деятельности вохровских систем.

Вследствие той же своей маниакальности вохры, экономика которых находится в перманентном кризисе, продолжают галдеть о циклических кризисах, столь гениально предсказанных еще Карлсом 100 лет тому назад. Каков же на деле этот страшный циклический кризис, о котором без конца бормочут вохровские маньяки? Вот что пишет о циклическом кризисе, происходящем в настоящее время в Западной Гуннии вохровский журналист Тупоумов[i]: «Западно-гуннский министр хозяйства говорит о стремлении правительства добиться реального прироста валового общественного продукта «по меньшей мере на два процента», – унизительно мало для тех, кто обещал согражданам вечное благоденствие…».

Следовательно, при наличии очередного «циклического кризиса» объем валового общественного продукта все же увеличивается на 2 %. Следовательно, разрушительные карлсисткие кризисы канули в вечность. Но вохровские мастера Темкинских деревень привыкли противоречить сами себе.

Все же, невзирая на то, что жизненный уровень в Западной Гуннии недавно тотально разрушенной, по крайне мере в 4 раза выше тмутараканского, вохровские журналисты по своей темкинской манере стараются обрисовать, солидаризуясь с «тезисами ЦК», «страшное» состояние ее экономики. Очередной вохровский журналист пишет[ii]:

«Путешествуя по Западной Гуннии, мы нередко слышали: «Самое совершенное в мире сооружение», «Самый крупный в Европе завод». Во всем этом и другом отчетливо просматривалось безудержное самодовольство – болезнь, которой страдают многие в Западной Гуннии.

Конечно, мы были бы необъективны, если бы сказали, что экономика Гуннии вот-вот развалится, что «средний» гунн там живет в нужде. В магазинах много товаров, у тротуаров стоит немало собственных автомобилей.

И в то же время мы видели пустующие магазины, разорившиеся лавки, завалы не вывезенных с предприятий товаров, в том числе и автомобилей: покупательная способность значительно упала».

---

i «Дезинформация», 10 июня, 51 г.в.в.э., «Между мнимым чудом и реальным чудовищем».

ii «Дезинформация», 19 июня 54 г.в.в.э., «Что скрывается за туманом».

Так выглядят набившие оскомину темкинские утверждения вохровских «историков» о современных «империализме» и «капитализме». В 17 разделе «тезисов» вохровские «историки», «доказавшие уже ранее безусловное «превосходство» вохровского социализма над «капитализмом», еще раз «доказывают» то же положение на основе опыта других вохровских режимов, которые вохровские войска и вохровская тайная полиция насильственно утвердили после окончания Второй мировой войны. «Историки» пишут:

«Вступление ряда стран на путь социализма после второй мировой войны и в последующие годы явилось наглядным подтверждением идеи карлсизма-иьичевизма о неизбежной победе нового общественного строя. Строительство социализма в этих странах происходит в более благоприятных условиях: они с самого начала смогли опереться на социалистическое содружество, на Вохровский Союз. Верное своему интернациональному долгу, Государство Тмутараканское оказало и оказывает широкую поддержку народам братских социалистических государств. В распоряжении вохровской и рабочих партий находится богатый опыт построения социализма в Тмутаракании. С другой стороны, развитие целой группы стран по пути, проложенному Государством Тмутараканском, содействует строительству вохризма в Государстве Тмутараканском.

Теперь уже на примере многих народов доказано, что переходу от капитализма к социализму присущ ряд общих закономерностей, которые впервые проявились в ходе социалистических преобразований в Государстве Тмутараканском Подтвердился и тот факт, что каждый народ вносит много нового в формы и способы этого перехода. Путь, пройденный социалистическими странами, обогатил и конкретизировал понимание как общих закономерностей, так и различных форм и методов социалистического строительства.

За короткий срок большинство социалистических стран, имевших в прошлом низкий экономический уровень, превратились в высокоразвитые государства, добились значительного повышения жизненного уровня трудящихся, быстрого развития науки и культуры. По темпам экономического роста страны социализма опережают капиталистические государства. В 50 году в. в. э. они производили примерно в 10 раз больше промышленной продукции, чем выпускалось на этой территории в 21 году, тогда как капиталистический мир за это время расширил объем промышленного производства в 3,6 раза».

Повторяется та же сказка о фантастическом росте объема производства.

Верно, «капиталистический» мир увеличил объем промышленного производства в 3,6 раза, примерно за 30 лет, но соответствующим образом вырос и жизненный уровень. И это гигантский рост, соответствующий огромному росту производительных сил. А в Мазурии, Восточной Гуннии, Западной Скифии и других сателлитах Государства Тмутараканского объем промышленной продукции вырос в 10 раз (!!), а жизненный уровень не вырос. Особенно разительно сопоставление экономического потенциала и жизненного уровня в Западной и Восточной Гуннии, некогда бывших единым государством. В обеих этих странах живут гунны. Оба государства – если только Восточную Гуннию можно назвать независимым государством – были одинаково тотально разрушены. Однако жизненный уровень и объемы производства предметов потребления на душу населения отличаются, как небо и земля. До того, как была построена стена, отделившая Восточный Линбер от Западного, за 1 западный таллер давали 5 восточных, а формально зарплата в таллерах была почти одинакова. В Восточной Гуннии жизненный уровень трудящихся немногим выше Тмутараканского и намного ниже западногуннского.

Экономика сателлитов Государства Тмутараканского построена по образцу тмутараканской, и общий объем промышленной продукции сам по себе ничего не говорит. А цифр по относительному росту объемов предметов потребления вохры не приводят. Но жизненный уровень трудящихся вохровских стран-сателлитов сам за себя говорит. Он мало отличается от тмутараканского.

Кризисное состояние экономики вохровских стран характеризуется уже тем, что все эти страны осуществляют так называемую экономическую реформу, заимствуя югоскифские методы. Но, как уже отмечено автором в IV главе «Введения…», эти реформы проводятся с большим опозданием, крайне осторожно и без либерализации экономической и политической жизни, а также внешней торговли с введением международного обмена трудовых ресурсов и капиталов и обратимой валюты, а потому

вряд ли приведут к каким-либо значительным изменениям уродливых вохровских экономических систем.

В разделе 18 «историки» бормочут о каких-то особых взаимоотношениях Государства Тмутараканского и вохровских стран-сателлитов.

Восхищаясь своими достижениями и захлебываясь от восторга, они патетически орут:

«**18. Победы и достижения социализма неразрывно связаны с формированием и развитием нового, социалистического типа международных отношений, основанного на принципах равноправия и национального суверенитета, всестороннего взаимовыгодного сотрудничества и братской взаимопомощи социалистических государств.**

Сближение стран, вступивших на путь социализма, их сплочение в социалистическом содружестве отвечает коренным интересам народов: оно основывается на однотипности социально-экономического и политического строя, на единстве карлсистско-ильичевской идеологии, на общности задач в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм. Идея пролетарского интернационализма, которая всегда была ведущим принципом вохровского движения, нашла новое яркое воплощение в экономическом, политическом и оборонном сотрудничестве суверенных социалистических государств, руководимых рабочим классом и его карлсистско-ильичевскими партиями.

Становление нового типа международных отношений – сложный и многогранный процесс, связанный с преодолением тяжелого наследия, оставленного многовековым господством эксплуататорских классов: национальной замкнутости, розни, недоверия. Унаследованные от прошлого различия в уровнях экономического и социального развития, классовой структуре, историко-культурных традициях порождают объективные трудности в решении таких насущных задач, как налаживание разностороннего сотрудничества, организация системы международного социалистического разделения труда.

Все эти гигантские задачи вохровским партиям приходится решать впервые. И хотя формирование социалистических международных отношений продолжается, невозможно переоценить значение того, что было сделано за двадцать лет существования мировой системы социализма. Заложен прочный фундамент сообщества социалистических стран, созданы различные формы их коллективного экономического, политического и военного сотрудничества (Совет Экономической Взаимопомощи, Организация Шавравского договора, система двусторонних договоров и др.), накоплен большой опыт совместных действий социалистических государств на международной арене.

Как известно, в Восточной Гуннии и Унгарии находятся значительные контингенты вохровских войск. Кроме того Мазурия крепко связана с Государством Тмутараканским тем, что взамен огромной части мазурской территории, захваченной Государством Тмутараканским, последнее компенсировало Мазурию значительной частью гуннской территории. Все это ставит перечисленные вохровские режимы в значительную зависимость, если не сказать, в полную зависимость от Государства Тмутараканского. У всех этих вохровских сателлитов нарушены их, в прежнее время, тесные экономические отношения с западными государствами.

Например, Восточная Гунния вынуждена железную руду, металл, нефть и другое сырье и полуфабрикаты получать из Государства Тмутараканского по дорогой цене (нефть по цене в 1,5 раза выше мировой), а продукцию машиностроения продавать по ценам ниже мировых. В таком же положении находятся Мазурия, Западная Скифия, Унгария, Восточная Латиния и Юговосточная Скифия. Таким образом, с помощью Совета Экономической Взаимопомощи Государство Тмутараканское попросту грабит своих сателлитов. По-видимому, значительно больше Государство Тмутараканское теряет на подрывную деятельность в исмаилитских странах, Кастрии и странах так называемого третьего мира.

Так, за последние 10 лет Государство Тмутараканское поставило исмаилитским странам вооружения на сумму более 3 миллиардов колумбаров, Канакезии при правлении тоталитарного владыки Сукаря – на 1,5 миллиарда. В Анамии тратятся не менее 0,5 миллиардов в год, в Кастрии – 0,3 миллиарда в год.

Огромные потери несет Государство Тмутараканское при осуществлении строительства металлургических заводов, гидростанций и других сооружений в Арии, Птолемееве и других странах так назы-

ваемого третьего мира. Доказательством невыгодности экономических связей с Государством Тмутараканским стран-сателлитов служит бунтарское поведение Латинской Кучумии, которая бунтует так же, как и 18 лет тому назад Югоскифия. Тогда, 18 лет тому назад Виссарионов хотел уничтожить непокорного Югоскифского президента, но ныне времена не те. Латинокучумцы воспользовались отсутствием тмутараканских войск и тайной полиции в Латинской Кучумии и хотят покупать более совершенное, доброкачественное и дешевое оборудование на Западе. Они не желают быть в зависимости от полностью контролируемого Государством Тмутараканским Совета Экономической Взаимопомощи и начали осуществлять независимую от Государства Тмутараканского политику. Другие сателлиты не могут себе это позволить. Таковы в действительности «особые взаимоотношения» Государства Тмутараканского со своими сателлитами.

Ни слова ни говоря об изменнице Югоскифии, «историки» обрушиваются на «своего друга навеки» – Хинезию:

«Верность карлсизму-ильичевизму, пролетарскому интернационализму – гарантия успешного развития мирового социалистического содружества, роста его влияния на ход международных событий. В то же время отступления от карлсизма-ильичевизма, от пролетарского интернационализма влекут за собой тяжелые последствия для дела социализма, для подлинных национальных интересов народов. Именно об этом свидетельствует положение, сложившееся в Хинезии.

В первые годы после победы революции, нанесшей тяжелый удар по империализму, хинезийский народ добился больших достижений в социальном преобразовании своей страны, в развитии ее экономики и культуры. Эти достижения во многом определялись всесторонним политическим, экономическим, военным и культурным сотрудничеством Хинезийской Народной Республики с социалистическим содружеством, с Вохровским Союзом.

В конце 30-х годов н. в. э. руководство ХПВ выдвинуло особый курс внешней и внутренней политики, означающий отход от карлсизма-ильичевизма и глубоко противоречащий принципам пролетарского интернационализма, основным закономерностям строительства социалистического общества. Группа Мао Цзэ-Ляна стала осуществлять линию, в которой слились мелкобуржуазный авантюризм и великодержавный шовинизм, прикрываемые «левой» фразой, открыто вступила на путь подрыва единства социалистического содружества, раскола мирового вохровского движения.

Авантюристический курс группы Мао Цзэляна привел к резкому ослаблению позиций вохровской партии, рабочего класса Хинезии, к разгулу мелкобуржуазной, анархистской стихии. Создалась серьезная угроза социалистическим завоеваниям в Хинезии.

Вохровские люди всегда рассматривали великий хинезийский народ как друга и союзника в борьбе за революционное преобразование общества. Разрыв ХПВ с нынешней пагубной политикой, укрепление отношений ХНР с Вохровским Союзом и другими странами социализма отвечали бы интересам мирового социализма и прежде всего самой Хинезии.

В вопросе отношений с Хинезией «историки» сделали крутой поворот на 180° по сравнению с теми «историческими» концепциями, которые господствовали совсем недавно, в 43 г.в.в.э., во время созыва XXI съезда. Великий Никитов тогда говорил[i]:

«Югоскифские ревизионисты сосредоточили свой главный огонь против Хинезийской Народной Республики и распускают всякие домыслы о якобы имеющихся расхождениях между хинезийской и тмутараканской вохровскими партиями. Ревизионисты ищут разногласий между нашими вохровским партиями, но их иллюзорные надежды обречены на провал. Мы полностью во всем согласны с хинезийской вохровской партией. Почему у нас нет разногласий с хинезийской вохровской партией? Потому, что классовый подход и классовое понимание у обеих партий едины. Хинезийская вохровская партия твердо стоит на классовых карлсистско-ильичевских позициях. Можно сказать югоскифским ревизионистам: видимо, вы хотите себя подбодрить и ввести в заблуждение югоскифский народ измышлениями о том, что разногласия имеются не только у нас с вами, но и между Государством Тмутараканским и Хинезийской республикой? Не выйдет. Вам этого не видеть, как своих ушей».

i Стенограмма XXI съезда, 43 г.в.в.э., часть I, стр. 109-110.

Анастасян, как всегда поддакивает главному вождю[i]:

«Много задавали вопросов о взаимоотношении Государства Тмутараканского и Хинезии… но я сказал, что это только сон этих господ, несбыточный сон». (!!)

Через 2-3 года после этих заявлений Никитова и Анастасяна, наши «друзья навеки» начали отход от карлсизма-ильичевизма. Правда хинезийцы утверждали обратное, хотя великий хинезийский вождь Чжоу-энь-Дун еще в 45 г.в.в.э говорил на XXII съезде[ii]:

«Хинезийский народ под руководством ЦК во главе с Мао-Цзэляном, высоко держа три красных знамени – генеральной линии, большого скачка и народных коммун, борется за превращение Хинезии в социалистическую страну с современной индустрией, современным сельским хозяйством и современной наукой и культурой… Эта наша сплоченность выдержала испытания и никакие силы не в состоянии ее подорвать».

Следует отметить, что в то самое время, когда произносились эти лицемерные темкинские речи, Анастасян обличал Абланию[iii]: «Факты говорят о том, что в Абланской вохровской партии сложилась порочная обстановка. Что понимает Шехмет-Меху под нормами партийной жизни, видно из его слов на недавнем съезде своей партии, что тот, кто в чем-либо не согласен с руководством, получит «плевок в лицо, удар по морде и если нужно будет, пулю в лоб». Вернулись недавно в Абланию обучавшиеся у нас моряки. В беседах между собой они выражали недоумение: чем вызвано неожиданное (!) ухудшение отношений между Абланией и Государством Тмутараканским? За это многие из них попали в тюрьму…».

Это была стрела не в малюсенькую Абланию, а в огромную Хинезию, потому что к этому времени Аблания превратилась в сателлита Хинезии.

Через 3 года после заявления Чжоу-энь-Дуна, что никакие силы не подорвут сплоченность, (!) появились огромная статься Пивнова, разоблачающая хинезийцев, и следующая заметка в «Дезинформации»[iv]:

«Чувство искреннего гнева вызвала у трудящихся советского Дальнего Востока беседа Мао Цзеляна с группой банзайских социалистов. Люди, которые родились, живут и работают на этой исконно скифской земле, открытой и освоенной их предками, выражают законное возмущение наглыми притязаниями хинезийских руководителей.

В эти дни приморская краевая газета «Красное знамя» печатает много писем, в которых труженики края дают достойную отповедь смолинским раскольникам и шовинистам.

«Мао Цзэлян не остановился даже перед тем, что предъявил Вохровскому Союзу территориальные претензии, – пишет инженер-строитель П. Ходаковский. – он зарится на исконные наши дальневосточные земли, на которых мы живем и трудимся. Ему хорошо известно, что земли эти освоены и возделаны руками наших отцов и дедов, что советские люди много сил и труда вложили ради превращения Дальнего Востока в цветущий край. Здесь построено много фабрик и заводов, возникли новые города. С большим трудом крестьяне отвоевывают землю у тайги, превращая сопки и болота в плодородные поля. И как же после этого Мао Цзэлян может заявлять, что якобы эти земли являются хинезийскими! Это заявление поистине чудовищно».

«Историки» окончательно «оформили» группу Мао-Цзэляна, к которой, кстати, примыкает Чжоу-энь-Дун, которую противопоставляют – хинезийскую вохровскую партию.

Следует отметить, что в этом новейшем варианте «историки» глухо молчат об югоскифском ревизионизме. После победы вохровской власти в Хинезии два вохровских тоталитарных гиганта полюбовно строили совместно блестящие Темкинские деревни и объявили, что они «друзья навеки».

---

i Стенограмма XXI съезда, ч. I., стр. 45.
ii Стенограмма XXII съезда, I часть, стр. 324-325.
iii Стенограмма XXII съезда, стр. 458-459.
iv «Дезинформация», 10 сентября 48 г.в.в.э.

Когда великий хинезийский вохровский вождь Чжоу-энь-Дун прокламировал, что «никакие силы не в состоянии подорвать сплоченность» между «друзьями навеки», тмутараканцы уже успели отозвать весь свой технический персонал из Хинезии и прекратили поставку оборудования и технической документации для хинезийских новостроек, заморозив тем огромные хинезийские капитальные вложения. Еще за год или больше до речи Чжоу-энь-Дуна о «сплоченности», в 45 г.в.в.э., между хинезийскими и тмутараканскими вохрами наметились серьезные разногласия: идеологические, политические и территориальные. Однако Чжоу-энь-Дун тогда же, в 45 г.в.в.э., понимая великое значение Темкинских деревень, говорил[i]: «Если между братскими партиями… возникли разногласия, то споры перед лицом врагов между братскими партиями и между братскими странами нельзя рассматривать, как серьезный карлсистко-ильичевский подход. Следует терпеливо их разрешать… открытое одностороннее осуждение в адрес какой-нибудь братской партии не способствует сплоченности».

Однако, несмотря на такой благоразумный подход с точки зрения усиления эффективности Темкинских деревень, обе тоталитарные вохровские олигархии начали друг друга разоблачать с большим ожесточением, чем полтора десятка лет тому назад пропагандисткая виссарионовская машина разоблачала скатившуюся в «капиталистическую трясину» югоскифскую олигархию. Тогда виссарионовские борзописцы вдохновенно малевали карикатуры на югоскифского олигарха Брозто, изображая его палачом с огромными клыками, с которых стекала кровь, и с фашисткой свастикой на нем. Разоблачали роскошную жизнь Брозто и его генералов. «Талантливый» вохровский борзописец Урканов, разоблачал Брозто как вестготского, колумбовского, сакского и гуннского шпиона.

«Процветающая» до разрыва с Виссарионовым (в вохровских прессе и литературе) Югоскифия, вдруг в той же прессе и литературе оказалась нищей, деградирующей страной.

Но фундаментальность своих тайн, хранящихся в сверхсекретных архивах тайной полиции обеих вохровских стран, словно сговорившись, ни Брозто, ни Виссарионов не выдавали. Более того, когда ближайший сподвижник Брозто опубликовал книгу, слегка раскрывающую истинное лицо Виссарионова, Брозто упрятал его на многие годы в тюрьму. И Брозто, и Виссарионов только слегка загрязнили блестящие темкинские фасады друг друга.

Ссора между двумя вохровскими гигантами была чревата значительно большими взаимными разоблачениями. Они разоблачили друг друга по вопросу организации пятых коллон и подрывной деятельности во всем мире и, главное, они взаимно разрушили до основания столь дорогостоящие блестящие темкинские фасады.

Высшего накала взаимное разоблачение достигло в настоящее время. Оказывается, что хотя вохры уже 50 лет строят Темкинские деревни, они отлично понимают сущность вохровского социализма, правда, они это относят к хинезийскому социализму, но, ведь, совсем недавно, тмутараканские вохры во всю мочь кричали о братстве с хинезийцами и о том, что они вместе строят карлсистко-ильичевский социализм и вохризм. Теперь они отлучают хинезийцев от карлсизма[ii]:

«Вохровские партии расценивают такие взгляды на характер и цели социалистического общества, на пути и методы его достижения, как антикарлсистские, ничего общего не имеющие с научными представлениям о социализме.

Известно, что в ходе «Культурной революции» группа Мао Цзэляна усиленно занимается пропагандой опыта хинезийской революции, якобы имеющего всеобщий, универсальный характер, высокомерно, с откровенно великодержавных и шовинистических позиций шельмует исторические достижения народов социалистических стран, в частности вохровского народа. Отрицая опыт построения социализма в Вохровском Союзе и других социалистических странах, Мао Цзэлян и его приближенные пытаются навязать хинезийскому народу и народам других стран свои особые представления об обществе, которые они считают социалистическими, и свой особый путь его построения, широко рекламируемый как «высшее достижение карлсистско-ильичевской мысли». Но если в самой Хинезии

i Стенограмма XXII съезда, ч. I, стр. 325-326.

ii «Дезинформация», 3 июля 51 г.в.в.э., «Угроза социализму в Хинезии».

трудно убедить в этом вохров, то мировое вохровское движение тем более категорически отвергает высокомерные претензии Мао Цзэляна определять путь развития всего человечества.

Полувековой путь вохровского народа, подытоженный в Тезисах ЦК «50 лет Великой Вохровской социалистической революции», признанные всем миром завоевания социализма в нашей стране, камня на камне не оставляют от клеветы маоцзэляновской пропаганды. Гнусные вымыслы о вохровской действительности, распространяемые из Смолина, разбиваются в прах, ибо успехи Вохровского Союза говорят сами за себя.

СКАЧОК НАЗАД

Впервые о своем идеале общественного устройства Мао Цзэлян открыто заявил в 42 году, когда была предпринята искусственная попытка форсировать строительство социализма в Хинезии и «досрочно» вступить в вохризм. Для этого, по его мнению, достаточно было создать в городах и деревнях сеть народных коммун, которые занимались бы промышленностью, сельским хозяйством, торговлей, просвещением и военным делом, и таким образом создать условия «для стирания граней между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, между умственным и физическим трудом».

Мао Цзэ-Ляну казалось, что этот метод позволит осуществить быструю индустриализацию и механизацию сельского хозяйства без материально-технической базы, опираясь на революционный энтузиазм и патриотический порыв масс. Именно таким путем мыслилось «оставить позади себя все капиталистические страны мира», не говоря уже о социалистических, которые, как утверждал Мао, «топчутся на месте».

Понадобилось менее двух лет, чтобы убедиться в авантюристическом характере установок Мао Цзеляна. Политика «большого скачка» и народных коммун нанесла хинезийскому народу не только серьезный экономический и политический, но и тяжкий моральный ущерб. Страна оказалась отброшенной назад от тех целей, к которым стремилась после победы народной революции в 33 году.

Провал политики «большого скачка» и народных коммун был закономерным, поскольку эта политика была полностью оторвана от действительности и совершенно игнорировала объективные экономические законы. В этом смысле ее можно назвать антинародной авантюрой. Мао Цзелян и его группа совершенно не учитывали того, что в такой технически отсталой стране, как Хинезия, где остро ощущалась нехватка квалифицированных кадров, где большинство населения было неграмотным, строительство социализма будет сопряжено с гораздо большими трудностями, чем в промышленно развитых странах. В свое время Ильичев писал: «Отсталая страна может легко начать, потому что гнил ее противник, потому что не организована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется в сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки. В Западной Европе это будет иначе, там неизмеримо труднее начать, там неизмеримо легче идти дальше. Это не может быть иначе, потому что там организованность и сплоченность пролетариата неизмеримо более велики».

Такая политика нужна Мао Цзеляну и для прикрытия его истинных целей – высвободить максимально больше средств для развития военно-технического потенциала (особенно ракетно-ядерного) и осуществления авантюристической внешней политики.

Лозунги, выдвинутые группой Мао Цзеляна («твердо осуществлять рациональную систему низкой зарплаты», «в производстве стремиться к высоким показателям, в жизни придерживаться низкого уровня»), в корне противоположны духу ильичевских принципов социализма.

Совершенно очевидно, что, предлагая трудящимся безрадостную, убогую нищенскую перспективу их будущей жизни, возводя примитивный аскетизм в национальную добродетель якобы во имя мировой революции, Мао и его группа не могут, как показывают факты последних лет, организовать на творческую созидательную работу ни партию, ни трудящиеся массы, которые сохранили верность идеалам социализма и стремятся вырваться из нищеты и бедности. В хинезийском народе еще свежи воспоминания о тяжелых последствиях «большого скачка».

В 42 году вохры, трудящиеся Хинезии, поверили в заманчивые обещания Мао Цзеляна о вечном счастье после трех лет упорного труда. И они жестоко поплатились за свою доверчивость. Голод, ко-

торый унес много жизней, и полунищенское существование живых, замершие на много лет предприятия, остановившиеся станки и машины – такова была дорогая цена, которую заплатили партия и народ за искреннюю веру в непогрешимость и вечную правоту Мао Цзеляна. Кризис веры в него еще более углубился в результате внешнеполитических провалов, вызвавших изоляцию Китая.

Бесперспективная политика, вновь навязываемая Мао Цзеляном партии и народу, порождает инертность и пассивность у трудящихся, а в ряде случаев и стихийное сопротивление. Преодолеть это Мао Цзелян и его группа не в состоянии.

Мао Цзелян не верит в народ, боится его, он полагается на магическую силу своих приказов, на возможность решения хозяйственных и культурных вопросов грубыми, примитивными военно-административными методами, чуждыми карлсизму-ильичевизму. Средства принуждения и насилия фетишизируются, им придается всемогущее значение. Мао Цзелян главную роль в осуществлении своих замыслов отводит не партии, а армии, натасканной и вымуштрованной в духе его идей.

ПОХОД ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

Вместо сознательного гражданина социалистического общества искусственно формируется тип бессловесного «нержавеющего винтика Мао». С помощью «винтиков» должна осуществляться и идея полной милитаризации общественной и производственной сфер жизни, примером для которых служат армейские порядки хинезийского образца, то есть атмосфера казармы и беспрекословного подчинения.

Слабость и страх мелкобуржуазных националистов перед сознательными, свободно мыслящими людьми заставляют их предпринимать такие меры, как постоянные атаки на самостоятельное мышление, полное запрещение критики, поход против культуры и общественных наук – против всего того, что может способствовать росту политического сознания народа, пробуждать в нем чувство ответственности за судьбы своей страны, поднимать его гражданскую активность.

Цель Мао Цзеляна и его группы – превратить всех вохров, весь народ в слепых исполнителей их воли, наглухо изолировать Хинезию от воздействия передовой социалистической идеологии и культуры барьером из идей Мао Цзеляна.

Рабочий класс, все трудящиеся массы оттираются от общественно-политической жизни, лишаются возможности оказывать какое-либо влияние на управление государством, на разработку хозяйственных планов.

Мао Цзелян и его группа грубо попирают самые элементарные нормы социалистической демократии, внутрипартийной жизни. В Хинезии, по существу, нет сейчас ни одного выборного органа власти. Конституция, принятая в 38 году, превращена в клочок бумаги. Грубо растоптан Устав ХВП, в котором подчеркивалась недопустимость «своеволия по отношению к партии и действий, ставящих личность над коллективом партии». Не соблюдаются никакие правовые нормы.

У народа вообще узурпированы все гражданские права, и никакой закон не защищает его от произвола и бесчинств маоцзеляновской опричнины. Демократию и законность призван заменить «дух армии», в соответствии с которым рабочие, крестьяне, служащие Хинезии должны стать «армией, не одетой в военную форму».

При этом имеется в виду еще более усилить роль армии, превратить ее в самодовлеющую организацию, подчиненную одному Мао Цзэляну, стоящую вне контроля партии и народа. Тем самым армии придаются решительно несвойственные ей при социализме административно-полицейские функции, острием своим направленные против оппозиции рабочих, крестьян, вохров, интеллигенции. Военно-бюрократическая диктатура, если она утвердится в Хинезии, будет означать коренные изменения характера власти в стране.

Мелкобуржуазная политика группы Мао Цзеляна носит ярко выраженный антинародный, антисоциалистический характер. Она до неузнаваемости искажает, уродует идеалы социализма и потому ставит огромные препятствия на пути социалистического развития Хинезии…

Но, судя по всему, судьба социализма в Хинезии меньше всего беспокоит Мао Цзеляна и его приближенных. Маоистская группа не только извращает представления о социализме, но и эксплуатирует социалистические идеи в своих великодержавных, гегемонистских целях, ничего общего с социализмом не имеющих. Мао Цзелян и его группа не могут не понимать, что миллионы хинезийцев в социализме видят путь к счастью, к национальному возрождению своей родины. Эту естественную тягу к социализму Мао Цзелян спекулятивным образом использует для укрепления личной диктатуры. Но прямо выступить с такими претензиями означало бы разоблачить себя. Поэтому защита личной власти Мао Цзэляна преподносится как якобы защита социалистических завоеваний хинезийских рабочих и крестьян, как борьба против реставрации капитализма и феодализма.

В век перехода человечества от капитализма к социализму, в эпоху бурного развития науки и техники искаженные, примитивные представления Мао Цзеляна о социализме и о методах его строительства не только антинаучны, но и глубоко реакционны. На знаменах маоцзеляновского «социализма» начертаны не счастье, не братство народов, не мир и дружба, а вечная нищета, распри, война и вражда.

Если отбросить словесную шелуху, то за разговорами Мао Цзеляна о социализме скрывается плохо замаскированная мечта уязвленного мелкобуржуазного националиста о великодержавной Хинезии, перед которой трепещут соседние народы и вождю которой повинуется весь мир. Но ирония судьбы такова, что именно попытки осуществить эту мечту о великой, могучей Хинезии искусственными, насильственными средствами отбрасывают Хинезию назад, ко временам, давно пройденным передовой частью человечества».

Все написанное в этой небольшой статье в значительно большей степени относится к вохровскому Государству Тмутараканскому. В пылу спора между вохровскими гигантами тмутараканские вохры полностью разоблачили наряду с хинезийскими вохрами самих себя и вдребезги разбили построенные с таким трудом и такими огромными затратами блестящие Темкинские деревни. В самом деле, забыв о «дружбе навеки», тмутараканские вохры утверждают:

1. Хинезией управляет не «народ» не «партия», а группа Мао Цзеляна. К Государству Тмутараканскому это относится в большей степени. 30 лет Государством управляла не «группа», а самодержец Виссарионов, 10 лет – полусамодержец Никитов и после свержения его – группка олигархов.

2. Политика Мао Цзеляна игнорировала объективные экономические законы, чем нанесла стране серьезный экономический, политический и моральный ущерб. Политика Тмутараканских олигархов во времена военного коммунизма и после Второй великой вохровской революции, а также и в настоящее время в большей степени игнорируют объективные экономические законы, вследствие чего от голода и болезней умерли десятки миллионов человек и уже 50 лет жизненный уровень тмутараканских трудящихся во много раз ниже жизненного уровня трудящихся из стран загнивающего капитализма.

3. Мао Цзэляном выдвинуты лозунги – твердо осуществлять систему низкой зарплаты, в производстве стремиться к высоким показателям, в жизни придерживаться низкого уровня. Такая политика нужна для того, чтобы высвободить максимально больше средств для развития военно-технического потенциала (особенно ракетно-ядерного) и осуществления авантюристической внешней политики. И это в значительно большей степени относится к Государству Тмутараканскому. За 50 лет владычества тмутараканских вохров удельный вес зарплаты в национальном доходе непрерывно снижается. В продукции промышленности все больший удельный вес занимают средства производства и все меньший – предметы потребления. Автор показал, что удельный вес средств производства и средств истребления, в том числе ракетно-ядерного вооружения, дошел до чудовищной величины – 85% всей промышленной продукции. Расходы на вооружение в 2-3 раза превышают доходы трудящихся.

4. Если хинезийские трудящиеся верили заманчивым обещаниям Мао Цзеляна, то тмутараканские трудящиеся с издевкой относились к заманчивым обещаниям великого Никитова и других великих вохровских вождей о том, что нынешнее поколение уже будет жить в условиях вохризма.

5. Так же, как и у хинезийских трудящихся в настоящее время, бесперспективная политика великих вохровских вождей уже давно породила инертность и пассивность у тмутараканских трудящихся.

6. Еще Никитов утверждал, что Виссарионов не любил народ. Известно, что если великий семинарист и рисковал выезжать из Кремля, то невзирая на огромную охрану, состоявшую из переодетых агентов тайной полиции, выезжали три одинаковых автомобиля, в одном из которых находился великий семинарист. Так велика была его боязнь перед народом. Еще со времен Ильичева хозяйственные и культурные вопросы решались «грубыми, примитивными, военно-административными методами».

6. Тмутараканские граждане уже со времен XV съезда в 11 г.в.в.э. превратились в «бессловесные нержавеющие винтики» переменной вохровской олигархии.

7. Тмутараканские вохры уже давно не предпринимают «полное запрещение критики, постоянные атаки на самостоятельное мышление, на культуру и общественные науки – на все, что может способствовать росту политического сознания народа… поднимать его гражданскую активность…».

Прекрасно разработанная тмутараканская, вохровская система бутафории и запуганность виссарионовским чудовищным террором автоматически исключают возможность самостоятельного мышления, критики и т. п.

Если же находятся смельчаки-одиночки, вроде Голубавского, Бодрженицына и некоторых молодых людей, то их либо отравляют в тюрьму, либо держат под строгим надзором тайной полиции. В этом отношении хинезийские вохры еще многому могут поучиться у тмутараканских вохров.

8. Тмутараканский народ уже давно превращен в слепых исполнителей воли вохровской олигархии. Трудящиеся Государства Тмутараканского уже около полувека не имеют никакого влияния на управление Государством и на «разработку хозяйственных планов». В Государстве Тмутараканском немыслимо наличие какой-либо оппозиции управляющей вохровской олигархии, как это имеет еще место в Хинезии.

9. Если Мао Цзелян и его группа грубо нарушают самые элементарные нормы социалистической демократии и внутрипартийной жизни, то в Государстве Тмутараканском это не имеет места по той простой причине, что ни социалистической, ни какой-либо другой демократии со времен XI съезда в 5 г.в.в.э. и следа не осталось. Впрочем, осталась бутафорская демократия. И нарушать ее вохрам нет никого смысла, потому что бутафорская демократия – становой хребет вохровской власти.

10. Следует только изумляться честности и краткости формулировки сути и задач хинезийского, а следовательно, в первую очередь тмутараканского вохризма: «На знаменах тмутараканского социализма и вохризма начертаны не счастье, не братство народов, не мир и дружба, а вечная нищета, расизм, война и вражда…».

В 19-м разделе «тезисов» «историки» пытаются приписать вохрам и «национально-освободительным движениям» распад колониальных империй. Они пишут:

«19. Великая вохровская социалистическая революция нанесла сильнейший удар по всей системе империалистического колониального господства, явилась могучим стимулом развития национально-освободительного движения.

После победы вохров начался кризис колониальной системы империализма. Республика Советов, на практике осуществив союз социалистической революции с национально-освободительным движением, стала примером и надежной опорой освободительной борьбы народов.

На протяжении всей своей истории наша страна, следуя заветам Ильичева, неуклонно проводит курс на всемерную помощь силам национального освобождения в их борьбе против империализма, за свободу и социальный прогресс.

После второй мировой войны, в обстановке общего ослабления империализма, возникновения мировой системы социализма, мощного подъема рабочего и демократического движения, под ударами антиимпериалистических, национально-освободительных революций распалась созданная капитализмом колониальная система угнетения народов. На месте прежнего колониального мира появилось более 70 независимых национальных государств.

Империалисты пытаются удержать бывшие колонии в сетях экономической и социальной зависимости, затормозить их социальный и культурный прогресс. Однако народы не намерены оставаться объектом империалистической эксплуатации. Они стремятся закрепить и упрочить свою независимость, ищут такой путь экономического и социального развития, который дал бы им возможность в наиболее короткий срок решить стоящие перед ними сложные проблемы. Они видят перед собой реальный пример того, как угнетавшиеся царизмом национальные окраины Государства Тмутараканского, опираясь на поддержку победившего скифского пролетариата, в короткие исторические сроки ликвидировали экономическую и культурную отсталость, добились замечательных достижений во всех областях общественной жизни.

Мужественная борьба народов колониального и полуколониального мира против империализма, колониализма и неоколониализма активно поддерживается мировой социалистической системой, которая оказывает им политическую, экономическую помощь, а когда необходимо, помогает в укреплении вооруженных сил этих стран, усилении их обороноспособности. Союз сил социализма и национально-освободительного движения – важная предпосылка успеха в борьбе против империализма, за свободу, национальную независимость и социальный прогресс».

Утверждение вохровских «историков» о распаде колониальных империй, мягко выражаясь, не соответствует действительности. Ведь остались две огромные империалистические колониальные империи: Государство Тмутараканское и Хинезия. Следует отметить, что после Второй мировой войны Государство Тмутараканское приобрело новые колонии и полуколонии.

Следует вообще отметить, что начиная со второго десятилетия великой вохровской эры империализм трансформировался в тоталитаризм. Тоталитарист Адольфер пытался организовать огромную колониальную империю, но его военная машина, как известно, была уничтожена.

После окончания Второй мировой войны империалистически–колониальные тенденции проявили кандидаты в тоталитарные владыки: Сукарь в Комаказии и Крум в Золотии, но их свергли. Вне империалистических Государства Тмутараканского и Хинезии в настоящее время остался только один кандидат в тоталитарные владыки – Ибн-Гамаль, который мечтает то ли об исмаилитской империи, то ли о большей по масштабу мусульманской империи. Этого маленького Адольфера рьяно поддерживают в тоталитарно-империалистских устремлениях его покровители – Государство Тмутараканское и Хинезия. Но он уже дважды получал чувствительные щелчки от Государства Ханаанского и не будь массивной защиты огромного империалистического Государства Тмутараканского, Ибн-Гамаль давно был бы свергнут и исчез бы еще один тоталитарный владыка.

Совершенно смехотворно, что под ударами «национально-освободительных войн» распались старые колониальные империи. После окончания Второй мировой войны и Колумбовия, и Саксия, и Галлия были достаточно сильны. Они добровольно предоставили независимость своим колониям по двум причинам: 1) владение и управление колониями наносило урон национальным бюджетам метрополий, 2) в Колумбовии, Саксии и Галлии стали сильнее проявляться демократические тенденции.

К этому следует добавить массивную либерализацию внешней торговли, которая все меньше нуждалась в административно-военном нажиме. В одном «историки» правы. Вохры – как тмутараканские, так и хинезийские, кастрийские и другие – усиленно занимаются подрывной деятельностью, засылают в малоразвитые страны свою агентуру, вооружают экстремистские и тоталитарные элементы. Однако успехи тмутараканских вохров близки к нулю. Как уже выше отмечалось, они затратили совершенно бесполезно миллиарды вохриков на вооружение исмаилитских нацистских элементов, тоталитарных групп Канаказии, Золотии, Когно и других, хотя жизненный уровень тмутараканцев весьма низок и во многих колхозах до сих пор нет электрического освещения.

В разделах 21 и 22 следует нудное повторение уже сказанного.

Вохры очень любят восхищаться своими всемирно-историческими документами, которые неизменно «обогащают карлсистско-ильичевскую сокровищницу» и «вносят крупный вклад». Самореклама вохров – неотделимая часть вохризма. О «Тезисах» они пишут[i]:

i «Дезинформация», 3 июля 51 г.в.в.э., «Пульс дня и компас эпохи».

«Огромное значение имеют Тезисы ЦК «50 лет Великой Вохровской социалистической революции». Не случайно их опубликование повсюду встречено с таким интересом и вниманием, расценено как крупнейшее международное событие наших дней.

Публикация Тезисов, принятых Пленумом ЦК, дала новый импульс раздумьям миллионов людей во всем мире о дальнейших путях исторического прогресса, о конкретных формах борьбы против сил реакции и империалистической агрессии, за мир и свободу народов. Печать братских вохровских и рабочих партий с полным одобрением комментирует Тезисы, подводящие итоги героического пути борьбы и побед Тмутаракании и ее народа и подчеркивает, что этот карлсистско-ильичевский документ поднимает коренные вопросы современности, освещает их с исчерпывающей глубиной.

Международные отклики на Тезисы вновь ярко продемонстрировали огромный авторитет ильичевской партии среди широких масс и общественности всего мира. Последовательный и твердый курс вохров получает одобрение и поддержку народов, оказывает все большее влияние на ход международных дел».

Выпустив еще один «всемирно-исторический» документ, который даже нельзя назвать фальсификаторским, а только темкинским, вохры вновь ополчились на «буржуазных фальсификаторов»[i]:

«Область истории – поле острой идеологической борьбы между буржуазной и социалистической идеологиями. Чем больших успехов добиваются народы социалистических стран, тем изощреннее стараются апологеты капитализма исказить историю революционных преобразований. Фальсификация истории и антивохровская пропаганда сплетаются воедино; история как наука отступает на задний план.

Вохровской исторической науке принадлежит огромная роль в борьбе против буржуазных фальсификаторов. Она призвана решительно разоблачать любые попытки бросить тень на великий полувековой опыт вохровского народа, на глубокие социально-экономические преобразования в мире социализма. Серьезные задачи в связи с этим возлагаются на журнал «Вопросы исторического вранья».

Для решения этих задач редакция журнала стремится использовать различные литературные жанры: статьи, обзоры и рецензии, критические отклики на материалы, появляющиеся в зарубежных исторических изданиях.

Одна из важных тем острой полемики, которую вохровские ученые ведут с буржуазными историками, – философия истории. Обращаясь к методологии исторической литературы, буржуазные историки по существу приходят к отрицанию исторической науки как таковой и к утверждениям, что история будто бы не содействует познанию законов общественного развития. Цель таких рассуждений очевидна: показать «ошибочность» исторического материализма и нецелесообразность использования его законов в переустройстве человеческого общества.

Антинаучные идеи проповедуют и создатели вышедшей в Западном Линбере 10-томной «Всемирной истории». Авторы издания отрицают периодизацию истории по социально-экономическим формациям и предлагают свою – по «цивилизациям». История как наука тщательно изгоняется со страниц этого многотомника. «Исторических истин столько, сколько историков», – заявляют его создатели. Исторический спор двух систем – капитализма и социализма – решается просто. Оказывается, капитализма на Западе теперь вообще нет, а есть «модернизация» общества. М.А.Полтавский, автор статьи «Еще одна «Всемирная история», с полным основанием пишет, что западно-линберская «Всемирная история» по существу заменила науку буржуазной политикой, а модное понятие «модернизация» – не что иное, как еще одна попытка представить современный капитализм этаким безобидным агнцем.

В буржуазных странах издано и издается немало исторических работ, несущих в себе антивохровский заряд, прикрытый псевдонаучными фразами. Вовремя показать научную несостоятельность и политическую тенденциозность этих работ – одна из главных задач журнала».

Комментарии совершенно излишни. Темкинских дел мастера используют испытанный прием: «лови вора».

---

i «Кривда», 29 июня 51 г.в.в.э., «История и ее фальсификаторы».

На вохровский журнал «Вопросы исторического вранья» возложена серьезная задача по применению этого «полемического метода».

Еще раз следует подчеркнуть, что великие вохровские вожди и их верноподданные апологеты НЕ фальсифицируют историю вохровской партии и Государства по той простой причине, что историческая наука давно ликвидирована в вохровском Государстве Тмутараканском. Взамен упраздненной исторической науки внедрена наука о строительстве исторических макетов Темкинских деревень.

11. О добродетельных вохровских Иисусиках, зловещих капиталистических чертях и их агентах – вохровских чертенятах

Вообще-то – это тема XIV главы «Введения…» – «О вохровской литературе», но вохры и их попутчики за рубежом выпустили цикл «книг», которые едва ли можно отнести даже к макулатурной вохровской литературе, «наследницей» некогда великой, блестящей, гуманитарной довохровской скифской литературы XIX и начала XX века старой эры.

Эти «произведения» довольно однообразны, потому что Темкинские деревни, воспроизведенные в них, представляют собой достаточно однообразные полицейские макеты. Задача этих «произведений» – доказать, что все государственные деятели и чиновники стран загнивающего капитализма, а также все вохровские действительные или предполагаемые оппозиционеры и инакомыслящие – поджигатели войны, шпионы, диверсанты, убийцы. «Произведения» эти могут быть отнесены, собственно, к полицейской, вохровской литературе. С остальной вохровской литературой, вообще говоря, весьма близкой к этой полицейской литературе, ее связывает манера обожествления великих вохровских вождей и тех верноподданных вохровских функционеров и апологетов, которые случайно не попали в число продажных агентов «капитализма» и «империализма».

Эта полицейская литература весьма обширна. Наиболее типичны «произведение» Урканова, названное им весьма симптоматично – «Поджигатели», и «произведение» Жкейерса и Кегона «Тайная война против вохровского Государства Тмутараканского». Первое «произведение» издано в Кремлевии в 36 г.в.в.э., перевод второго с сакского языка издан в Кремлевии в 31 г.в.в.э., то есть в период наибольшего обожествления великого семинариста и разгула вохровского полицейского террора. Ниже приводятся цитаты из этих замечательных «произведений», которые, по существу, весьма часто не требуют комментариев.

«Проницательный» Урканов, слепо следуя шаблону вохровской «публицистики», следующим образом описывает колумбовского миллиардера, блестящие Виссарионовские пятилетки и панику идущих ко дну капиталистов:

«Полем его деятельности было не Кабаирское море, а трущобы Кичаго. И миллион им был оставлен не в виде жемчугов и рубинов, похищенных из трюмов чужих кораблей, а банкнотами, добытыми преступлениями, среди которых далеко не последнее место занимали обыкновенные убийства.

Джон Самый Младший не видел этих банкнот. Он был потомственный миллиардер и не интересовался тем, как выглядят наличные деньги. Их заменяли ему чековые книжки доброй полдюжины американских и европейских банков, входивших в систему его «дома».

Джон Ванденгейм вовсе не был новобрачным и даже не знал, что его каюта, состоящая из четырех великолепных апартаментов, носит идиллическое название. Ночью он спал плохо. Он ворочался в постели, такой чудовищно огромной, что на ней можно было бы сыграть в поло; он несколько раз просыпался, лежал с открытыми глазами, словно невеселые видения покинутой им американской действительности преследовали его и на борту «Фридриха».

Уж он-то, Джон Ванденгейм Третий, казалось ему, знал, что происходит в мире. Больше того, он воображал себя одним из этих центров, вокруг которых движутся известные ему миры единственной

понятной ему вселенной, – мир банков и прессы, нефти и стали, химии и железных дорог, мир политики с избирательной машиной, поставляющей роботов для протаскивания в конгрессе нужных джонам законов, судей для борьбы с законами, мешающими джонам, губернаторов для борьбы с бастующими рабочими джонов, мир желтых профсоюзов с их лидерами, состоящими на жалованье джонов и предназначенными для разгрома стачек, с которыми бессильны справиться губернаторы; мир церкви, довершающей то, чего не могут сделать ни губернаторы, ни профсоюзные лидеры, – залезть в души голодных и недовольных, всучить вместо хлеба молитвы. Все это были миры, доступные пониманию Джона. Центрами притяжения в них были меллоны, дюпоны, рокфеллеры и морганы – «солнца» керосиновых, оружейных, консервных и пароходных систем, – такие же «светила», как он сам, Джон Ванденгейм Третий, воображающий, будто от его разума и воли зависит вращение «его» системы вправо или влево.

Представление о себе, как о динамической силе, измеряемой количеством колумбаров, втянутых в его орбиту, было столь органически свойственно его психологии, столь неотъемлемо от его ощущения самого себя, что казалось чем-то безусловно разумеющимся и не нуждающемся ни в каком анализе. С точки зрения Джона, анализировать существо его власти было также глупо, как тратить время на проверку закона всемирного тяготения, а спорить о вечности и богоустановленности этой его власти – так же кощунственно, как доброму католику сомневаться в святости папы – наместника господа бога на земле.

Ванденгейм был твердо уверен, что ходом жизни на оставшейся за бортом «Фридриха» колумбовской земле управляют законы, создаваемые джонами. Правда, в молодости он читал, что подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Карлс открыл закон развития человеческой истории. Но так же, как об открытии Дарвина Джон думал только однажды, когда читал отчеты об «обезьяньем процессе», так и о Карлсе он вспоминал, только слыша о вохрах. Джон не имел никакого представления о том, что и его собственным «миром», и ходом всей истории человечества, в конечном счете управляют не государственные мужи, не сенаторы, которых держат на жалованье джоны, не воззрения немногих людей, определяющих для остальных право насыщаться или умирать с голоду. Ходом истории управлял открытый Карлсом великий закон развития человеческого общества на всех его ступенях, закон, точно раскрывающий стимулы и основы жизни как в пору варварства, так и в пору современной дикости «цивилизации» джонов. Этот закон действовал с неумолимой силой и предопределял безостановочную погоню джонов за прибылью и непрерывное возрастание капитала джонов, но вместе с ним и рост массы наемного труда, наемных рабочих. Этот закон ставил джонов в нелепое положение волшебника, создавшего могущественные силы – средства производства и обмена – и оказывающегося не в состоянии справиться с ними. Более того: вследствие классовой ограниченности своей философии «волшебник» не догадывался, что он сам в погоне за наживой прежде всего создает собственных могильщиков – пролетариев. Джон, наконец, не подозревал, что не по собственной своей «свободной» воле и не в результате своего или своих сообщников «независимого» решения, а именно в силу действия этого же закона сам он, Джон Третий, солнце «системы Ванденгейма», должен был сегодня отправиться в Европу.

Он вынужден был покинуть Колумбовию в тот трагический для него и для всех его единомышленников момент, когда подрезанный кризисом их кандидат в президенты Вугер провалился на выборах, уступив место Франклину Делано Зурвельту. Говорили, что новый президент намерен даже поставить вопрос о признании Вохровского Союза.

И все это происходило в то время, когда, по официальной оценке сакского правительства общий процесс разложения капиталистической системы «дошел до той точки, где уже начиналась попытка ликвидировать не только частные капиталы и предприятия, но и целые страны», когда «во всех направлениях замечаются признаки паралича торговли и угрозы банкротства и финансового краха», когда «международный денежный механизм, без которого современный мир не в состоянии эффективно существовать, разбит на куски».

Джон должен был оторваться от дома в то самое время, когда галльская пресса вопила: «Горизонт мрачен. Вершителям судеб придется разрешить величайшую из всех задач, которую когда-либо приходилось решать ответственным правительствам, а именно – спасти нашу цивилизацию, находящуюся в

опасности»; когда в цитадели капиталистического благополучия – Колумбовии – двадцатипятитысячная армия доведенных до отчаяния ветеранов войны совершала голодный поход в Шавингтон и войска получили от начальника генштаба генерала Онийартура приказ открыть огонь, чтобы не пустить своих изголодавшихся товарищей к Белому Дому. Осторожный «Таймс» вынужден был сознаться: «Несмотря на то, что в банковских подвалах Колумбовии находится почти половина золотого запаса двадцати девяти главных стран мира, – там наблюдаются нищета и лишения, не знающие параллелей в истории Колумбовии». Треть трудоспособного населения Ново-Йорка готова была предложить свой труд за любую цену, чтобы спасти от голодной смерти свои семьи.

Положение фермеров было еще хуже. Почти поголовно все фермерское население Колумбовии было доведено до полного разорения и отчаяния. Миллионы людей превращались в бездомных бродяг, кочующих по стране. Единственным утешением могло служить им то обстоятельство, что 17 миллионов безработных американцев составляли значительно меньше половины людей, бродящих по улицам городов так называемых цивилизованных стран Европы и обеих Америк в поисках работы и хлеба.

Многие миллионы людей в Европе и Америке каждый день с надеждой раскрывали газеты. Исстрадавшиеся, все еще наивные люди готовы были верить, будто все дело во временной заминке, а не в пороках, свойственных капиталистической системе хозяйства, будто эта временная неурядица вызвана последствиями недавней войны, и хотя причины депрессии могут быть многообразны, но общеизвестно-де, что военные долги и репарации служат одной из главных причин упадка и урегулирование этих долгов освободит мир от связанных с ними угроз и явится условием всеобщего процветания.

Джон Ванденгейм и подобные ему «вершители судеб» видели только внешнюю сторону фактов и не понимали исторической сущности событий. Все их усилия и усилия оплачиваемых ими философов были направлены на бесплодные попытки опровержения единственного закона, открывшего путь к познанию подлинного смысла истории, – закона Карлса. Миллионы же простых людей питались фальсификацией истории, которой пичкали их херсты, мак-кормики, паттерсоны по приказу тех же морганов, рокфеллеров и ванденгеймов. Простые люди вынуждены были верить басням, будто все зло действительно в репарациях, которые по договору гунны были обязаны платить победителям, и в военных долгах союзников колумбовскому казначейству. Якобы только эти долги и репарации нарушали экономическое равновесие мира и стоит-де простить гуннам их репарации и отсрочить саксам и галлам их долги, как все придет в порядок. Какой же голодный колумбовский рабочий и фермер не согласился бы простить таким же голодным гуннам и галлам нескольких миллиардов, имевших к тому же в его представлении чисто теоретический смысл, если это прощение означало возможность завтра же продать свой труд и принести детям краюху хлеба? Особенно, если от этого рабочего или фермера скрывали, что прощение официальных долгов необходимо, чтобы дать возможность гуннским, галльским и сакским банкирам платить проценты по частным займам, сделанным у колумбовских банкиров; что прощение долгов необходимо, чтобы поставить на ноги еще чахлое чудовище европейского фашизма, без помощи которого всем ванденгеймам Америки и Европы уже казалось невозможным спастись от все ярче разгорающегося в Вохровском Союзе света великой ильичевской правды. Пущенная в ход социальная демагогия представляла фашизм как разновидность «обновления» мира. А социал-демократия, все еще державшая в духовном плену многие миллионы рабочих и интеллигенции, вместо того чтобы разоблачить фашизм, оказывалась на практике его опорой. Правду о том, что фашизм – боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии, знали вохры, на которых продажная капиталистическая и так называемая «социалистическая» пресса изливала потоки лжи. Против вохров все яростнее ополчалась полиция всех европейских, американских и азиатских буржуазий. Но это не могло скрыть светлую и простую правду вохровских идей от простых людей во всем мире.

Все с большим страхом враги вохризма следили за тем, что происходит в Государстве Тмутараканском. План великих работ – первая виссарионовская пятилетка – повергал их в смятение; о нем они еще в 13 году в.в.э. откровенно писали: «Если эксперимент удастся даже только на три четверти, то не придется больше сомневаться в окончательной победе. Это была бы тогда победа социалистического метода, достигнутая силами молодого, способного верить, одаренного народа». А когда вохровский народ выполнил эту пятилетку не в пять, а в четыре года, реакционная «Тан» с горечью признавалась:

«Вохризм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами. В состязании с нами вохры оказались победителями».

Да, вохры оказались победителями! Рабочие делегации и просто туристы многих национальностей, побывав в Государстве Тмутараканском, видали своими глазами и убеждались, что виссарионовская пятилетка не утопия, не фантазия, а нечто реальное, огромное и политически всепобеждающее. От нее нельзя было отделаться болтовней, ее нельзя было и замолчать. Невозможно было преуменьшить ее международный политический смысл. Как ни хотелось капиталистическим главарям сделать вид, что они считают пятилетку частным делом Вохровского Союза, международное значение успеха великого виссарионовского плана не подлежало сомнению. Чем сильнее становился Вохровский Союз экономически, тем выше поднимался его авторитет в мире, тем активней и успешней вел он борьбу за мир. Эта борьба, запечатленная во многих документах того времени, приобщала к лагерю друзей Государства Тмутараканского все новых и новых сторонников. К тому же нельзя было уже надеяться почерпнуть в ожидавшихся неудачах пятилетки доводы против социализма: успешное и досрочное осуществление великого плана было неоспоримым аргументом за революцию, за социалистический метод хозяйствования, против капитализма. Глядя на успехи пятилетки, революционные рабочие всех стран, всего мира объединялись на борьбу со всей буржуазией. «Если могут скифские рабочие и крестьяне, то почему не можем мы?» – этот вопрос вставал перед трудящимися всего мира. И чем громче он звучал, тем настойчивее ванденгеймы старались мобилизовать все свои силы для «похода на восток». Одним из важнейших звеньев этой мобилизации и было то, что предприняли колумбовские и сакские монополисты на материке Европы: создание антивохровского фронта силами мечтающего о реванше гуннского воинствующего капитализма, силами гуннского милитаризма, забывшего уроки недавней войны, и, наконец, силами нарождающегося гуннского фашизма.

Отправляясь в Европу, Джон Ванденгейм больше всего думал о смысле происходивших в Гуннии событий, и ему казалось, что он знает достаточно, чтобы направить эти события так, как нужно было ему и его сообщникам и доверителям – меллонам, дюпонам, рокфеллерам. Он был уверен, что знает все, что следует знать, чтобы снова сделать Гуннию тем, чем она была для Европы уже добрых полвека, – возбудителем военной лихорадки. Тогда не только дадут богатые всходы колумбары, посеянные ванденгеймами на ниве гуннской тяжелой промышленности, но и вся остальная Европа – хочет она того или нет – обратится в надежного покупателя колумбовских товаров. Неизбежно повторится высокая конъюнктура на все виды изделий военной тяжелой промышленности. Тогда конец кризису, грозящему разрушить колумбовское хозяйство! Миллионные армии безработных американцев за половинную плату станут тогда к станкам, чтобы выколачивать прибыли для джона. А если к тому времени половина их и перемрет от голода, большой беды не будет, рабочих рук хватит, страх голодной смерти погонит остальных в ворота его заводов! Голод – самый надежный штрейкбрехер.

Да, Джону казалось, что все на свете можно устроить, нужно лишь знать, как взяться за дело. И ворочался он в своей широкой постели только потому, что его снедали беспокойство, страх, сомнения: не опоздает ли он?

Утро застало Джона сидящим на мраморной ступеньке бассейна для плавания и задумчиво болтающим ногою в подогретой воде. Ему не хотелось лезть в воду, – ее температура была на градус или два ниже той, к которой он привык дома.

Джон меланхолически почесал спину, и длинные ногти, цепляясь за волосы, издали противный скребущий звук. Ванденгейм поморщился и пощупал рыхлую розовую складку на пояснице. Эта складка была для него неприятным открытием. Перегруженность делами выбила его в последнее время из колеи нормальной жизни. Спорт был почти заброшен, и вот, извольте, сразу такая гадость! В Европе, конечно, нечего и надеяться сбросить лишний вес, но как только он вернется в Штаты – немедленно за нормальный режим, за спорт! А то, чего доброго, к семидесяти годам станешь стариком.

Ванденгейм встал и подошел к другому краю бассейна, где было мельче. Он осторожно слез в воду и окунулся, старательно зажав нос и уши и громко отфыркиваясь. За этим занятием его и застал Генри Шрейбер, один из тех, то занимал каюты «особого коридора» вокруг салона Венденгейма…».

Урканов коротко, но «гениально», как прилежный ученик, приводит набившую оскомину карлсистско-ильичевскую, примитивную характеристику загнивающего капитализма и процветающего вохровского социализма. Он воочию показывает, как хорошо понимают эту лучшие представители прогрессивного человечества – «народ». Далее, в противоположность загнивающим, зловещим капиталистическим чертям, Урканов дает четкие и художественные портреты мужественных, самоотверженных, гуманных, великодушных, несгибаемых, мудрых вохровских Иисусиков – благодетелей трудящихся во всем мире: Ильичева, Виссарионова, Тельгела. Кроме того, он показывает, как мудрые скромные вохры разрушили коварные замыслы тайной полиции гуннов, «вынужденных» отпустить Мидитрова в Государство Тмутараканское и решивших уничтожить его в самолете. Урканов почему-то «забывает» о соратниках великого Мидитрова, который на процессе столь мужественно своими аргументированными речами стер в порошок комичного, толстого нацистского министра Сельдя.

Урканов «забыл» о соотечественниках и соратниках Мидитрова Священникове и Натеве. Почему же «правдивый» обличитель шпионов из стран загнивающего капитализма «забыл» о Священникове и Натеве, которых судили вместе с Мидитровым на процессе? Которых вохровцы из Государства Тмутараканского вместе с Мидитровым выменяли на своих шпионов? Почему о них «забыл» не только Урканов, но и все остальные «правдивые» вохровские «исторические» и «литературные» произведения? Ответ крайне прост. Священников и Натев через несколько лет были арестованы вохровской тайной полицией и очутились в системе вохровского лагерного перевоспитания.

Правда, о члене ЦК гуннской вохровской партии Рынклере, который тоже вместе с Мидитровым был участником процесса, Урканов лепечет, что он был плохим вохром. Как известно, Рынклер переметнулся к адольферовцам.

Урканов пишет:

«Мидитров поднялся во весь рост. Ему предстояло выполнить еще один долг. Он должен его выполнить!

– Мне не дали сегодня полагающейся по уставу прогулки,– сказал он помощнику директора.

– Погуляете в другом месте.

Но Мидитров решительно отложил собранные было вещи и повторил:

– Устав дает мне право на прогулку. Я требую прогулки.

Из-за спины помощника директора выглянул надзиратель.

– Он упрям, господин директор.

А Мидитров, словно ничего не замечая, повторил в третий раз:

– Я не уйду, не получив прогулки!

Помощник директора переглянулся с надзирателем.

– Что ж, может быть, дать ему эту прогулку? – Он крикнул надзирателям: – Вывести его во двор! Вещи пусть захватит. Сюда ему незачем возвращаться.

С маленьким саквояжем в руке Мидитров медленно шел по тюремным переходам. Шутят ли тюремщики, или говорят правду, сюда он больше не вернется!..

Когда он переступил порог двери, ведущей в маленький квадратный двор для прогулок, когда он увидел отблеск уже низкого солнца на окнах верхнего этажа тюрьмы, когда обнял взглядом клочок бледноголубого весеннего неба, ему почудился за стенами тесного тюремного двора могучий, как океанский прибой, гул миллионов голосов. Они приветствовали его освобождение – победу великой солидарности трудового человечества. Ему хотелось рассмеяться в лицо животным в коричневых и черных мундирах.

Все трое конвойных остались у двери, ведущей в коридор. Никто из них не спустился во двор. Таким образом, дойдя до дальней стены дворика, Мидитров оказался на расстоянии тридцати шагов от тюремщиков. Он отыскал взглядом окно во втором этаже, которое хорошо знали политические за-

ключенные. Они на каждой прогулке мысленно посылали привет этому окну: за его решеткой томился вождь немецких пролетариев Эрнст Тельгел.

Дойдя до конца дворика, Мидитров быстро обернулся и во всю силу легких крикнул:

– Товарищи! Мы одержали победу над силами тьмы и реакции. Наше оправдание – не плод адольферовской «справедливости», а победа мирового рабочего движения, поднявшего голос в защиту своих борцов…

Тесня и толкая друг друга, трое конвойных выскочили во двор и устремились к Мидитрову. Он слышал их крики, слышал топот их сапог, но даже не обернулся. Стараясь перекричать их голоса, он продолжал, обращаясь к слепым окнам тюрьмы:

– Если Тельгел не слышит меня, сделайте так, чтобы узнал и он: общественность мира борется и будет бороться за его освобождение, за освобождение всех…

Тюремщик, первым подбежавший к Мидитрову, толкнул его.

– Заткните ему глотку! – кричал бежавший по двору помощник директора тюрьмы.

Мидитров одним могучим движением сбросил с себя тюремщиков.

– Товарищи, помните, есть на свете Кремлевия!..

Мидитров знал, что никто из заключенных не может видеть происходящего во дворе, так как окна расположены под самым потолком камер. Но по одному тому, какой единодушный гневный крик пронесся над двором, над всею тюрьмой, он понял, что его голос услышан, что заключенные прощаются с ним.[i]

Но только через час, сидя в качающейся полутемной кабине автомобиля, он смог спокойно, до конца понять и оценить все случившееся. И когда дверца автомобиля распахнулась и Мидитров увидел поле аэродрома и приготовленный к вы лету самолет, он уже воспринял все это как должное, как то, чего он ждал и чего не могло не быть.

Ему вручили справку: «Гражданин Вохровского Союза Георгий Мидитров освобожден от предварительного ареста и в тот же день высылается из гуннского государства…».

«Гражданин Вохровского Союза… Гражданин Вохровского Союза!... И эту радость они скрывали от него до последней минуты?!»

Он поставил на землю свой потрепанный саквояжик, вынул трубку и стал не спеша набивать ее табаком.

– Самолет отбывает через пять минут!– сказал полицейский офицер. – Мы не можем разрешить вам оставаться здесь.

– Куда идет самолет? – спросил Мидитров.

– В Михайловград.

– А дальше?

– Вы пересядете на самолет Дерулюфта.

– Дерулюфт? – переспросил Мидитров и с расстановкой повторил – «Немецко-скифское общество»…

Подошел высокий широкоплечий летчик. Офицер поспешно спросил:

– Господин Бельц, крайний срок вашего вылета?

Бельц посмотрел на часы:

– Через три минуты. Иначе я опоздаю в Михайловград, пассажир не попадет на самолет Дерулюфта.

– Вот видите! – сказал офицер Мидитрову.

i Можно ли представить такой инцидент в вохровской тюрьме? (прим. автора).

Тот молча поднял саквояжик и пошел к самолету.

Бельц по стремянке взобрался на свое место.

Автомобиль-стартер стал раскручивать левый мотор. Но прежде чем раздался первый хлопок мотора, все обернулись на пронзительный рев автомобильного рожка. По зеленому полю, прямо к собравшейся у самолета группе, мчался большой темнокрасный лимузин. На крыле трепетал красный флажок вохровского посольства.

Среди полицейских и гестаповцев произошло движение. Одни бросились к Мидитрову, другие – к летчику. Офицер махнул стартеру, торопя его с заводкой мотора. Красный лимузин остановился. Человек, торопливо выскочивший из него, направился к Мидитрову, не обращая внимания на полицейских.

– По поручению посольства Государства Тмутараканского позвольте вручить вам паспорт! – он протянул Мидитрову книжку, блеснувшую пунцовою кожей переплета.

Мидитров несколько мгновений, словно не веря себе, смотрел на паспорт, потом медленным движением снял шляпу. Рука его заметно вздрагивала, и все увидели появившуюся из-под манжеты красную полосу на стертой наручниками коже.

– Посол просит вас, – сказал сотрудник посольства, – воспользоваться самолетом, который будет вам подан по его заказу. Он доставит вас в Михайловград[i].

Никто не заметил, как при этих словах переглянулись летчик Бельц и стоявший возле самолета человек в штатском костюме со щекою, изуродованной шрамом формой полумесяца, похожим на след укуса.

К стартовой площадке подрулил самолет.

Поддавшись непреодолимому влечению, Мидитров побежал к самолету. Струя воздуха, отбрасываемая винтами, унесла его шляпу, распахнула пиджак. Мидитров согнулся и, преодолевая сопротивление воздушного вихря, поднялся в кабину.

Самолет покатился к старту.

В Кремлевию! В столицу труда и мира, в центр надежд передового человечества! Под ровный шум моторов мысли неслись, опережая самолет. Мидитров видел себя уже в Кремлевии. Он вспоминал ее такою, какою видел давно. Он, как живого, видел перед собою Ильичева, слышал его слова, обращенные к делегатам конгресса Вохринтерна. Ильичев говорил и, как всегда, загораясь сам, захватывал зал простыми, ясными словами, такими образными, что их хотелось взять в руки, как оружие. Мидитрову очень хорошо помнилось последнее выступление Ильичева на IV конгрессе об успехах вохровской власти и их влиянии на ход мировой истории; и теперь в его памяти воскресали заключительные слова доклада:

«Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только скифам, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период, это – учеба. Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными».

Эти слова звучали для Мидитрова не только как прекрасная песнь, наполненная веры в успех, но и как наказ учителя и вождя: учиться, учиться и учиться! И Мидитров, как революционер, посвятивший всю свою жизнь и все свои силы борьбе за права народа, учился, работал, боролся.

Он вспомнил полные скорби январские дни 8 года в.в.э., когда в Горках, стоя рядом с Виссарионовым, смотрел на уснувшего вечным сном великого учителя и мудрого друга. Он вспомнил и черный креп на флагах в Колонном зале и тишину, царившую в огромном, многоярусном зале Большого театра, – такую глубокую, что можно было подумать, будто тысячи собравшихся в нем делегатов съезда

i Так были разрушены коварные замыслы гуннской тайной полиции. Мидитрова посадили вместо гуннского самолета на вохровский! (прим. автора).

Советов перестали дышать, чтобы не пропустить ни одного слова стоявшего на трибуне Виссарионова. Мидитров вспомнил эти падающие в самую глубину души слова:

«Уходя от нас, товарищ Ильичев завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ильичев, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»

Димитрову теперь казалось, будто и его собственные губы повторяли тогда за Виссарионовым слова этой клятвы, и он спрашивал себя: не эта ли клятва помогла ему в зале суда?

В тот далекий скорбный день 26 января 8 года в.в.э. Мидитров еще не думал, что эти слова на всю жизнь запечалятся в его мозгу, точно отлитые из металла, а теперь ему казалось, что именно их-то он и повторял про себя, отправляясь в нацистское судилище.

Да, на всю жизнь он запомнил: «Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо. В чем ее сила?.. Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира. Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику вохров, как стрелу, пущенную верной рукой товарища Ильичева в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплуатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения»...

Да, этот маяк он всегда видел перед собою. Он шел на его свет и этот свет привел его к победе.

Мидитров опустил веки, и перед его умственным взором прошла картина морозного январского дня, и Красная площадь, и нескончаемый поток людей, сошедшихся со всех концов гигантской страны, со всех концов мира, чтобы склонить траурные знамена перед гробом вождя-мыслителя, вождя-борца, друга и учителя, чье сердце билось для них, простых людей всего мира.

Веки Мидитрова оставались опущенными, и из-за гула мотора он не слышал, как повторил слова Сталина:

«Уходя от нас, товарищ Ильичев завещал нам верность принципам Вохровского Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ильичев...».

Далее Урканов приводит портрет другого несгибаемого гуннского, великого вохровского вождя Тельгела:

«…Подобрав последнюю крошку того, что в тюрьме называлось хлебом, мышь несколько секунд сидела, уставившись на узника неподвижными черными бусинками глаз. Словно ожидала: не будет ли на этот раз прибавки?

Тельгел чуть слышно, так, чтобы это не долетело до ушей надзирателя, свистнул. Мышь повела мордочкой и уселась на задние лапки. Тельгел хорошо знал, что теперь она будет охорашиваться, мыть мордочку…

Лишенный свиданий, временами оставляемый без прогулок, посаженный на самое скудное питание, со здоровьем, подорванным голодом, холодом и темнотою до того, что иногда у него не хватало сил шевельнуть рукою, Тельгел все же жил. Он жил и не сдавался. Он отказался от голодовки с того момента, как его перевели из тюремной больницы в обыкновенную камеру, на обычный голодный паек, предназначенный всем коммунистам.

Ему нужно было много сил. Он хотел сохранить их во что бы то ни стало для предстоящей борьбы. Он знал: борьба только начиналась, хотя каждый день, проведенный в заточении, мог показаться месяцем, каждый час допроса и пытки – годом. Тельгел знал, что на данном этапе борьба будет трудной: с одной стороны – весь полицейский аппарат нацизма, с другой – он, узник, скованный по рукам и ногам, запертый в каменном мешке тюрьмы. Да, эта борьба могла показаться неравной, если бы он не чувствовал за собой силу тех миллионов, частицею которых был; силу немецкого народа, трудового народа всех стран, всех национальностей, чьим сыном он был, – он, Тельгел, рабочий-гамбуржец! Все, все, кто знает, что такое труд, – его братья; все, все, кто знает, что такое лишения, – его друзья; все, кому дорога свобода, кто борется за нее, – его единомышленники, его боевые товарищи! С ним его

партия – партия бессмертных соотечественников Карлса и Фридрихса, партия последователей великого Ильичева – гиганта, подобного которому история не знала после Карлса! Он чувствовал, верил, знал: за ним величайшая из партий, когда-либо рожденных великим освободительным движением, – партия Ильичева-Виссарионова. Так мог ли он чувствовать себя слабым?! Даже здесь, в этой бетонной норе, с руками, изъеденными сталью оков?!

Как только силы позволили ему, Тельгел встал на ноги. С каждым днем увеличивая время, он стал ходить по камере три шага туда, три обратно, три туда, три обратно. Ходил, ходил, ходил, чтобы не дать ослабнуть мышцам, не дать распуститься телу, лишенному воздуха и света, здоровой пищи и прогулок. Ха, они думали, что запереть его сюда – значит сломить если не духовные силы, то уж физические во всяком случае. Нет, они ошиблись! Ошиблись, скоты! Он – Тэдди Тельгел, рабочий Гамгера! Он знает, в какую сторону нужно смотреть, чтобы видеть восход солнца. Он знает, какой источник силы находится там, на востоке Европы. Одной мысли об этом было бы достаточно для того, чтобы во взгляде Тэдди появился блеск.

Железное здоровье и несгибаемая воля позволили Тельгелу пройти сквозь испытания, которые свели в могилу других. И, как бы ни ослабевало временами его тело, ум оставался ясным и работал неустанно. Даже невозможность делать записи не лишала его способности запечатлевать в памяти мысли по сложнейшим вопросам. Он изобрел мнемонический прием, позволявший ему с большой точностью воспроизводить то, что было продумано и мысленно «записано» несколько дней и даже недель назад. Сформулированную и отточенную мысль он слово за словом записывал воображаемым пером на стене, стараясь в едва различимых трещинах и извилинах бетона отыскать сходство с начальной буквой фразы; так, строка за строкою, возникал на гладкой стене призыв, направленный против попыток фашистов обмануть гуннский народ перед выборами и заставить его голосовать за Адольфера. Он знал, что та связь с миром, которая у него еще есть, недостаточна, чтобы передать товарищам на волю эту статью. Хорошо, если удастся сообщить хотя бы две-три руководящие мысли. Но вместе с тем он знал и другое: общественное мнение мира, борьба антифашистов Европы, Америки и Азии заставили гитлеровцев выпустить на свободу Мидитрова. Значит, сила антифашистского фронта огромна, и она растет, крепнет! Может быть, и ему удастся вырваться из этих стен!..

Вырваться из тюрьмы! Надежда на это была так несокрушима, несмотря на кажущуюся безнадежность положения, что Тельгел сравнивал ее иногда с единственной яркой звездочкой, горевшей на черном небосводе, простиравшемся над Гуннией. Оставаясь подчас едва различимой, она все же освещала для него всю первобытную темноту, в которую фашизм низверг его несчастную страну.

Свобода, жизнь, борьба! Нужно жить ради борьбы, бороться ради победы. В этом каменном мешке даже в часы упадка физических сил он не переставал думать о том, что еще оставалось сделать для трудового народа, и о том, какую пользу он еще может принести отсюда, из стен тюрьмы, в борьбе за свободу Гуннии; о том, как помочь партийным товарищам, поддержать в них силы для борьбы, вселить в их души веру в успех, в неизбежность конечной победы над фашизмом.

В самые трудные минуты где-то далеко-далеко, в темной вышине загоралась эта чудесная звездочка…

И, как в прекрасной сказке, написанной рукою сурового, но правдивого автора – истории, почти на каждый призыв Тельгела проходил сквозь бетонные стены тюрьмы и цензуру гестаповцев неуклонный ответ: «Мы слышим, Тэдди, мы стоим на посту!» Подчас это казалось почти невероятным, но это было так: партия не теряла связи с Тельгелом. Иногда известия с воли сильно запаздывали, но, так или иначе, он узнавал почти все главное, что случалось в стране и даже далеко за ее пределами – в отчестве трудящихся, в Государстве Тмутараканском.

Иногда случались провалы в цепочке тюремной «почты». Проходили дни без связи с миром. Тогда Тельгел отдавался воспоминаниям. Легко и складно текли они в мозгу под неустанный ритм собственных шагов. Едва уловимый шорох войлочных кот подталкивал мысли, как удары маятника больших часов. Мысли бежали назад, в пережитое. Тельгел уносился воспоминаниями в далекую прекрасную Кремлевию. Он бродил по ее гигантским стройкам; склонялся к стремительно вращающимся станкам ударников; шутил с ткачихами «Трехгорки»; проводил ночи в спорах с товарищами из Галлии,

Хинезии, Вестготии, Банзании, Латинии, с товарищами по партии, стекавшимися со всех концов необъятного мира, чтобы своими глазами видеть, как рождается общество, о котором мечтали поколения борцов за социализм. Тельгел представлял себе зал, где собрались участники последнего пленума Исполкома Вохринтерна, на котором ему довелось присутствовать. Он мысленно останавливал взор на лицах товарищей, слышал их голоса, вспоминал доклады одних, страстные реплики других. Вот он видит: поднимается председатель и прерывает стоящего на трибуне Клемента Богольса. Слово предоставляется для внеочередного сообщения товарищу Кипу. Тельгел снова слышит голос Кипа: «Из Линбера по телефону сообщают: парламент оцеплен полицейскими отрядами. Подступы к центру города наводнены сотнями полицейских. Занято чуть ли не все здание. Клару Тецкин вводят в зал двое товарищей. Товарищ Клара открывает заседание большой речью…».

Когда воспоминания Тельгела доходят до этого места, он невольно улыбается. Ему кажется, что он отчетливо слышит знакомый страстный голос Клары, обращающийся к депутатам последнего парламента Гуннии. В напряженном молчании огромного зала, где, не шелохнувшись, сидят ошеломленные депутаты, отчетливо слышно каждое слово Клары:

«Парламент собирается в момент, когда кризис гибнущего капитализма обрушивает всю тяжесть жесточайших страданий на широкие трудящиеся массы Гуннии, на миллионы безработных, на голодающих… Зимою прибавятся новые миллионы безработных… Политическую власть в Гуннии захватило в настоящее время, через голову парламента, президентское правительство, которое является подручным трестированного монополистического капитала и крупных аграриев, правительство, движущей силой которого является генералитет армии…».

Тельгелу кажется, что он видит лица потрясенных речью правительства во главе со Шлейхером, видит помертвевшие маски Мамена и главарей шайки адольферовцев. Никто не решается прервать оратора.

«Парламент должен осознать и выполнить свой основной долг: свергнуть правительство, которое пытается, нарушая конституцию, устранить парламент. Он должен привлечь к ответственности президента страны и министров…».

Тельгелу кажется, что он слышит, как тяжело дышит судорожно вцепившийся в подлокотники Сельдь; как нервно барабанит пальцем Бегельс; как шепчет что-то про себя сидящий, подобно зловещей черной кукле, Мамен. Тельгел отчетливо ощущает многозначительность паузы, сделанной Кларой. Над головами депутатов повисает звенящая от напряжения тишина.

«…Но поднимать против правительства обвинение перед верховным судом равносильно тому, что жаловаться дьяволу на черта. Свержение правительства парламентом может быть только сигналом к наступлению и развертыванию классовых сил вне парламента. Однако развертывание внепарламентской активности трудящихся не должно ограничиваться свержением антиконституционного правительства. Оно должно быть направлено дальше, к свержению буржуазного государства и его основы – капиталистического хозяйства…».

Какой молодец наша вечно молодая Клара! Она уже тогда поняла, что это последняя легальная трибуна вохров в Гуннии на долгие годы. И она говорила гуннам все.

Она говорит, и никто не решается ее прервать:

«Борьба трудящихся масс против отчаянной нужды является одновременно борьбой за полное освобождение. Это борьба против порабощающего и эксплуатирующего капитализма за освобождение, за социализм».

Ах, Клара, дорогая, умная и всегда такая смелая Клара! Как хочется склониться перед твоими сединами и почтительно поцеловать твою руку, которую ты сейчас так угрожающе сжала в кулак, протянутый к скамьям нацистов.

«…Я открываю парламент по обязанности, в качестве старейшего депутата. Я надеюсь дожить еще до того радостного дня, когда я в качестве старейшего открою первый съезд Советов в вохровской Гуннии!»

Да, придет этот радостный день, непременно придет, даже если для этого понадобятся страдания и жертвы, борьба в неслыханно трудных условиях, на протяжении многих лет!.. Только бы сохранить партийные кадры, объединить вокруг них всех антифашистов в единую крепкую армию!.. Победа придет! Честь гуннского народа будет спасена в борьбе с фашизмом, победой над ним!..

…Кончаются дни разобщенности. С воли снова приходят вести. Приведенная ими в движение, мысль Тельгела возвращается от воспоминаний к действительности. Он принимается взвешивать, анализировать.

В рапортичках тюремщиков, каждые десять минут заглядывающих в глазок камеры №347, изо дня в день стоит одно и то же слово: «ходит»… «ходит»… «ходит»…

Он ходит и думает. Его мысли неизменно прикованы к немецкому народу, к судьбам немецкой революции, к родной партии, ушедшей в глубокое подполье, но продолжающей бороться и руководить всеми передовыми силами в борьбе с коричневой чумой адольферизма. Тельгел давно научился правильно смотреть на историю: судьба шайки разбойников, хозяйничающих в Гуннии, не должна стать и не станет судьбою немецкого народа… Чего бы Тельгел не отдал за то, чтобы не в отрывочных сообщениях с воли, а своими глазам прочесть анализ положения, данный Виссарионовым на съезде великой ильичевской партии! Тельгел уверен, что гуннский и скифский народы ничто не разделяет, он твердо верит тому, что именно скифский народ придет в беде на помощь гуннскому народу; Тельгел глубоко верит тому, что настанет время, когда прозревший гуннский народ с надеждою обратит взоры к Кремлевии и именно оттуда протянется могучая дружеская рука, которая выведет гуннов из бездны мрака…

Мрак, мрак кругом, Адольфер безумствует в Гуннии, Бенитини бесчинствует в Латинии, скользкая козявка Сомпи ползает по Саксии, что-то отвратительное гнусавит в Галлии Ларокк, брызжет ядовитой слюною в Дамриде Хиль Борлес. Всюду, куда ни глянь, суетятся в Европе, как отощавшие клопы, и кликушествуют социал-демократы и «социалисты» всяческих тонов и оттенков, смахивающие на фашистов. Они разлагают волю народа к борьбе, они поливают революционный огонь масс водицей уговоров. И впереди всех, с лицемерными стенаниями и хныканьем, ползут на брюхе гуннские социал-демократы и с ними ренегаты вроде Жирова и Рыбаковой.

Смешно! Сладкой розовой водицей своей лжи они хотят залить бушующее пламя свободы, все ярче и ярче разгорающееся над Европой, надо всем миром. Отвратительно и смешно! Целые батальоны фашистских и социал-демократических «философов»-провокаторов изливают мутные потоки своей «мудрости» на головы уставших народов. Они пытаются своими соглашательскими, лживыми «теориями», при одном воспоминании о которых Тельгел скрипит зубами от негодования, или своими нарочитыми перегибами влево подменить простую народную правду, которую несут на своих знаменах коммунисты.

Лидеры социал-демократов – преступные дураки! Они уверяют, будто ЦК гуннских вохров не блещет теоретическими знаниями, будто по одному этому он не может взять правильной линии в борьбе. Дураки и скоты! Тельгел и здесь, в тюремной камере, с гордостью поднимает голову при воспоминании о том, как несколько лет назад, в Кремлевии, обращаясь к ним, гуннским вохрам, Виссарионов сказал, что нынешний ЦК гуннской вохрпартии есть ЦК ильичевский.

Да, именно так сказал Виссарионов: «Ильичевский ЦК».

Вот путевка, с которой можно пройти сквозь любые бои!

Вот знамя, под которым не склонишь головы ни при каких опасностях!

Он, Тельгел, не пророк и никогда не воображал себя пророком, он не знает, что будет завтра с ним самим. Может быть, и его собственною кровью будет обагрено знамя, которое он с такой гордостью нес столько лет. Этого он не знает. Но он будет твердить везде, всегда, на трибуне митинга и под топором палача: «Знамя Ильичева-Виссарионова победит!» Такова судьба мира!

Пророчество? Да, если вам угодно так называть неизбежность истории.

Стиснув пальцы скованных рук, Тельгел напряженно вспоминает: изменил ли он когда-нибудь словом или делом тому, кто дал ему в Кремлевии эту замечательную путевку – «ильичевский ЦК»?! Тому, кто после ухода бессмертного Ильичева ведет вохровские партии Гуннии и Галлии, Латинии и Вестготии, Саксии и Арии, Америки и Хинезии тому, кто является продолжателем дела бессмертного Ильичева?

Что значит быть вождем ильичевской партии? Это значит так же, как Ильичев, никогда – ни в большом, ни в малом – не обмануть рабочих; никогда ни на волос не позволить разойтись своим делам со своими словами! Быть вохровским вождем – это значит высоко, как Ильичев, держать свой авторитет вождя, суметь, как Ильичев, снискать и сохранить нерушимой и непоколебимой веру масс. Быть бесстрашным в бою за дело народа и беспощадным к врагам народа; не знать, что такое паника, и сохранять ясный ум в любых обстоятельствах; быть правдивым и честным – всегда, везде. Как Ленин и Виссарионов… Как бессмертный Ильичев… Как великий Виссарионов.

Тельгел ходит по камере и думает, думает… Железный человек, пронесший сквозь тюрьму и пытки прежнюю остроту мысли, неукротимость духа. Удивительный человек, которого боятся палачи. Они боятся его, сидящего в тюрьме, ничуть не меньше, когда он был на свободе. Словно его воля отсюда, из каменных стен тюрьмы, переносится в миллионы рабочих сердец Гуннии.

Три коротких шага вперед, три назад. Несколько движений скованными руками, чтобы заставить циркулировать кровь. И снова: три шага вперед, три назад…

Тельгел останавливается под загороженным решеткой оконцем. Сквозь мутное стекло виден кусочек неба. Оно черным покровом нависло над тюрьмой, надо всей Гуннией. Но вот одна за другою загораются в нем звезды. Вот звезда надежды, вот – правды, вот – добра. А вот вспыхивает и далекая, но ярко сверкающая между остальными звезда победы.

Как быстро она приближается!

На миг Тельгел становится просто человеком, которому хочется крикнуть: «Скорей же, скорей! Чтобы и мне увидеть!»

Только на миг. Снова стиснуты зубы, и прильнувший к глазку тюремщик видит лишь упрямо шагающего по камере заключенного. Три шага вперед, три назад. Победа придет тогда, когда ей должно прийти по закону истории.

В масштабе истории – скоро…».

Далее полицейский писатель Урканов повествует о «шпионском» сговоре между зловещими заправилами Колумбовии и Гуннии:

«Колумбовское «просперити» 20-х годов имело своеобразные последствия для ряда родовых поместий аристократов Старого Света. Их старинные замки были разобраны по камешку, упакованы со всем, что в них было – от гобеленов до привидений – и перевезены за океан, в резиденции американских миллионеров.

Не все замки совершили такое далекое путешествие. Некоторые из них были перенесены лишь на десяток-другой километров, в более живописные места. Были, наконец, и такие, которые остались на месте в увеличенных в пять, в десять раз поместьях.

Подобного рода судьбы постигли старинные родовые гнезда аристократии во многих странах Западной Европы: в Гуннии, Галлии, Эстерии и даже в Саскии.

Один из таких замков был перенесен волею нового владельца с берегов сурового шотландского «лоха» на не менее поэтический, но мало подходящий для него солнечный островок посреди прозрачно-голубого озера в Латинских Альпах. Это было огромное строение, служившее когда-то прибежищем нескольким поколениям главарей клана хайлендеров и славившееся тем, что едва ли не каждое из этих поколений оставило в нем свое привидение. Многие тысячи долларов были затрачены на то, чтобы засадить пространство вокруг замка вереском и скромным шотландским дроком. Вероятно, новый владелец не пожалел бы денег и на то, чтобы заставить переселиться вместе с замком стаи тоу-

ландских ворон, свивших себе гнезда между зубцами его башен. Но вороны не понимали того, что являются неотъемлемою деталью пейзажа, и остались в родной Тоуландии. В Швейкназии их места на башнях заняли мириады ласточек.

Большую часть времени замок пустовал. В его роскошно отделанных залах и комнатах царила тишина. Солнце едва пробивалось сквозь замазанные мелом стекла высоких стрельчатых окон. Далеко не каждый год появлялся здесь кто-нибудь из членов семьи владельца. Полторы сотни слуг были единственным населением замка и всего островка, приобретенного, да так, по-видимому, и забытого мистером Джоном Алленом Ванденгеймом Третьим. Он вспомнил о своем замке лишь тогда, когда понадобилось найти нейтральную почву для важного разговора, который должен был состояться между несколькими американскими дельцами-монополистами и представителям германского правительства и нацисткой партией. Одни из них не желали появляться в Гуннии, других неудобно было приглашать в Колумбовию. Кроме того, ни в Гуннии, ни в Колумбовии не удалось бы уберечься от пронырливых газетчиков. А обеим сторонам меньше всего хотелось, чтобы кто-либо совал нос в их дела.

Вот почему в августе 18 года в.в.э. с окон замка смыли наконец мел и солнцу удалось заглянуть в его пышные покои.

Колумбовцы прибыли с юга, через Латинию, и сели на яхту Ванденгейма в Комо. Гунны прибыли с севера и отплыли на остров от пристани Менаджио.

Все было организовано так, что история до сих пор не знает имен всех «туристов», якобы собравшихся поиграть в гольф и покер на уединенном Швейкназском островке. Известно только, что в числе немецких гостей, кроме непременных членов таких совещаний Яльмара Рудника и банкира Курта Шрейбера, находились Фриц Сиген, Ркуп фон Болен, Шмитц и Бош и что, кроме ранее совещавшихся с Ванденгеймом в Колумбовии гуннских генеральных консулов, приехал Сельдь. Это те, чьи имена, несмотря на конспирацию, не остались неузнанными. Имена остальных до сих пор неизвестны.

Кроне удалось проникнуть в замок под видом секретаря Сельди. Но ни на одно из совещаний он не попал, как, впрочем, и никакой другой секретарь – как с Колумбовской, так и с Гуннской стороны. Краткие протоколы велись поверенным Ванденгейма – адвокатом Фостером Долласом. Какое употребление он сделал из этих протоколов, пока неизвестно. Доллас не из тех, кто продает свои секреты раньше, чем они могут принести ему верную тысячу процентов.

Кроне бродил по замку, томясь незнанием того, что происходит в зале заседаний. Он напрасно ломал себе голову над тем, как подсмотреть или подслушать. Тщетно исследовал исподтишка все помещения, примыкающие к залу. Даже на чердаке он наткнулся на здоровенного субъекта, встретившего его совсем не ласковым взглядом.

Он уже решил отказаться от дальнейших попыток узнать содержание бесед путем подслушивания и начал раздумывать над тем, каким образом можно было бы просмотреть записи Долласа, когда к нему пришла неожиданная помощь в лице высокого худого человека с красным лицом, в котором он узнал Фрэнка Паркера. Вечером Паркер подсел к Кроне, тянувшему пепермент в полутемном уголке веранды.

Паркер представился Кроне так, как если бы видел его впервые. После двух рюмок он сказал:

– Быть может, побродим по саду?.. Вечер великолепен.

Кроне никогда не был любителем природы. Но ему не нужно было объяснять, почему Паркер не хочет с ним разговаривать там, где есть стены. Он с энтузиазмом ответил:

– Вы правы, вечер прелестен! Только захватим свои стаканы.

И они сошли в парк.

– Я чувствую себя, как в потемках, – признался Кроне.

– Непривычная обстановка, – заметил Паркер.

– Вы не можете раздобыть протоколы Долласа?

– Зачем они вам?

– Надо же знать, о чем там говорится.

– Я вас для этого и нашел. – В тоне Паркера появился покровительственный оттенок, который не понравился Кроне. – Скажите дворецкому, что вас не удовлетворяет комната, и попросите спальню с балконом.

– Ну и что?

– Одна такая комната осталась рядом с моею.

– Мне недостаточно вашего пересказа.

– Оттуда вы сможете слушать то, что говорится в зале.

– Вы, Паркер, молодец!

– Все было продумано заранее.

– Обидно, что я пропустил сегодняшнее совещание.

– Больше болтали гунны. Они напрямик сказали нашим, что если наладить правильное сотрудничество между Гуннией и Колумбовией, то можно будет в конце концов поделить рынки Скифии и Хинезии даже говорить об освоении этих пространств.

– Они правы.

– Наши не возражают. Вопрос в том, как устранить помехи.

– Скифов?

– Да.

– А официальная линия?

– Линий Зурвельта и прочих?

– Да.

– Все понимают, что с этим тоже пора кончить.

– Что предлагают гунны?

– Они хотели бы действовать напрямик: убить того, убить другого… Они простоваты, – проговорил Паркер.

– Может быть, не такие уж простаки… Вспомните Рагдинга.

– Отравить можно было Рагдинга, но не Зурвельта. Он популярен у среднего колумбовца.

– Этим он и опасен.

– Кампания, которую наци собираются открыть против Зурвельта, подействует не хуже пуль! Кроме того, гунны считают, что мы должны помочь созданию националистических обществ в Колумбовии.

– При их компетентном содействии? – иронически заметил Кроне.

– На кой чорт они там? У Пюдона и так налажено дело: Крусейдерз, Сэнтинел и другие шайки. Кстати, – добавил Паркер, – нашим сегодня чертовски понравилось то, что гунны рассказывали об организации у них борьбы с рабочим движением. У нас, наверное, испробуют что-нибудь в этом роде и перестроят эти пюдоновские банды на гуннский лад.

Да, в Гуннии не помитингуешь, – согласился Кроне.

– Ванденгейм сказал, что мы будем дураками, если не заведем у себя таких же порядков!

– А говорилось что-нибудь насчет Эстерии?

– Не очень много. Эти вопросы, кажется, ясны сами собою. Наши не хотят мешать там Адольферу.

– Но тут придется поспорить с саксами.

– Им нетрудно заткнуть глотку, – беспечно заявил Паркер. – Нажать на вопрос о долгах – и они живо подожмут хвост…

– А главное, главное? – в нетерпении спросил Кроне.

Паркер посмотрел на него непонимающе.

– Насчет движения на восток, к скифам, – пояснил Кроне.

– Сначала они хотят решить все, что должно предшествовать кардинальному решению скифского вопроса.

– Но он будет поставлен?

– Непременно! Все дальнейшее вы сможете уже слышать сами из своей комнаты.

– Но нам с вами не следует больше встречаться, – сказал Кроне.

– Это и не будет нужно. Только постарайтесь выведать у Сельди и сообщить нам истинные намерения гуннов, не держат ли они какой-нибудь камень за пазухой.

– Скажите Ванденгейму, чтобы он не переоценивал упорства гуннов, когда они будут набивать себе цену.

– Ну, небось, нашим не впервой нанимать к себе на службу гангстеров, – с усмешкой сказал Паркер.

– Но гуннам чертовски хочется сохранить вид людей, которые и сами умеют устроить свои дела на востоке, хотя они и отлично понимают, что без наших денег не смогут ничего сделать. Пусть наши только поднажмут – и гунны пойдут на любые уступки, чтобы спеться.

– Это ваше личное мнение?

– Я передаю смысл разговора между Сельдью и Сегом перед отъездом сюда.

– Я доложу хозяину… Между прочим, имейте ввиду: чем ближе к делу, тем больше нас занимает мнение гуннских военных.

– Скажите мне еще раз, Фрэнк: смогут немцы свободно войти в Эстерию?

– Безусловно!

– И правильно: немцам не стоит вставлять палки в колеса в Европе, если мы не хотим иметь хлопоты с красными на Дальнем Востоке.

– Наши это понимают. Судя по разговорам, они сделают все для того, чтобы помочь банзайцам справиться с красными на востоке, прежде чем дать им самим под зад.

– Это сложное дело Фрэнк.

– Конечно, не простое. Наши понимают.

– Надеюсь! – Кроне протянул руку. – Снова на несколько лет?

– Судя по всему, мы будем встречаться в Линбере. Мне, кажется, предстоит торчать там. – И, пожимая Кроне руку, Паркер спросил: – Вы ведь знаете Роу, Мак?

– Знаю.

– Наших очень интересуют источники его информации в Гуннии.

– Мало ли что кого интересует… – уклончиво пробормотал Кроне.

– Вы не думаете, что эти источники находятся довольно высоко?

Кроне пожал плечами:

– Высоко? Что вы называете высоко?

– У нас подозревают…– Паркер секунду колебался, словно не решаясь высказаться до конца, – подозревают в нечистой игре Накариса.

Кроне удивленно взглянул на Паркера.

– Именно его, Мак, – повторил тот, – как это ни невероятно!

– Невероятно? – Кроне пожал снова плечами. – Как будто этот Накарис не такая же каналья, как любой из его агентов.

– Ну, все-таки… Начальник всей имперской разведки!

– Почему он должен быть лучше нашего Говера?

– Но, но, Кроне! Вы далеко хватаете.

Кроне не видел ничего невероятного в наличии связи начальника германской разведки Накариса с сакской разведкой, и ему казалось смешным, что это может заботить колумбовскую секретную службу. Однако он больше ни о чем не спросил Паркера, а тот не сказал ему, что этот вопрос важен для Колумбовии потому, что Накарис состоит и их собственным агентом!..

Кроне выпил в этот вечер больше, чем обычно. Это заметил даже Сельдь, вернувшись с совещания. Кроне попытался вызвать Сельдя на откровенность, но мысли того были где-то далеко.

– Пойдемте-ка, Кроне, я вам кое-что покажу! – сказал он с таинственным видом и, пыхтя, стал взбираться по лестнице на второй этаж того крыла замка, где были расположены жилые апартаменты Ванденгейма. Кроне последовал за ним.

Они в молчании миновали несколько комнат. Не в силах скрыть волнение, Сельдь остановился перед небольшою резною дверью, толкнул ее и жестом предложил Кроне войти. Сам же, из-за его плеча, нажал выключатель. Кроне увидел залитый мягким верхним светом большой зал. Стены его были затянуты гобеленам в виде огромных медальонов. Посреди каждого медальона висел рыцарский щит с гербом. Все это походило бы на геральдический зал, если бы середина пола не была занята просторным купальным бассейном.

Льющийся с потолка мягкий свет отражался в желтом металле, которым был облицован бассейн, и делал воду похожей на огромный слиток красноватого стекла.

Кроне увидел, что глаза Сельдя в экстатическом восторге остановились на этом водоеме.

- Смотрите, Кроне, – толстые красные руки Сельдя с жадностью потянулись к бассейну,- он из чистого золота!

Словно боясь, что видение рассеется, Сельдь на цыпочках приблизился к краю водоема и сделал попытку присесть на корточки. Толстые ноги и огромный живот не позволили ему этого. Он тяжело опустился на одно колено и погладил рукою полированный металл облицовки.

– Вот что я должен себе сделать, Кроне… непременно,– Он с напряжением, опираясь на руку Кроне, поднялся и уставился на темножелтую и, казалось, горячую от пронизывающего ее отраженного света воду. – Это замечательно, Кроне! Говорят, Ванденгейм проводит приемы, сидя в ванне, даже целые совещания!

И снова, как зачарованный, уставился на воду».

Полицейский писатель Урканов повествует, какое огромное влияние на общественное мнение западных стран оказало опубликование проекта солнечной, виссарионовской, вохровской конституции. Как будто не было провокационного убийства Кострика. Как будто за границей общественное мнение не знало об истреблении миллионов крестьян во время коллективизации. Как будто бы никому не было известно, что арестовывают и расстреливают миллионы вохровских трудящихся. Слов нет, многие на западе не знали истинных масштабов виссарионовского террора. Но полицейский писатель Урканов, тем более в год издания своего полицейского «произведения» (36 г.в.в.э.) знал обо всем этом. Тем не менее, как верноподданный виссарионовский полицейский, честно отрабатывая «заработанные» деньги, Урканов пишет:

«В Вохровском Союзе произошло событие, привлекшее восторженное внимание народов всего мира. Все прогрессивное и передовое в рядах человечества напряженно следило за развитием этого исторического события. Но были на земле, на пяти шестых ее поверхности, и такие люди, которым хотелось закрыть глаза, заткнуть уши, спрятать голову под подушку и сделать вид, что в мире ничего не произошло. Им хотелось так поступить, но они не решались. Как бы ни пытались они убедить друг друга в обратном, но каждый из них вынужден был сознаться самому себе, что событие, которое, по их мнению, не должно было иметь никакого влияния на ход истории западноевропейских стран, – прежде всего потому, что оно произошло на востоке Европы, во-вторых, потому, что оно имело, по их мнению, чисто внутренний характер, в-третьих, потому, что во всем капиталистическом мире были приняты все допустимые и недопустимые меры, чтобы извратить истинный смысл этого события, – все же вопреки всему, это событие оказывало огромное и непосредственное влияние на жизнь всей Европы, всего мира. Людьми, не желавшими это признать публично, но с горечью и страхом признававшимися самим себе, были правители и правые политические деятели большинства европейских стран. Событием этим было опубликование проекта новой Конституции Государства Тмутараканского, великой хартии осуществленных прав трудящегося человека, хартии победы социализма в Государстве Тмутараканском. Это был еще только проект, он еще только обсуждался всею страной, но его революционизирующее действие уже сказывалось на жизни народов далеко за пределами Вохровского Союза.

Это событие было с энтузиазмом встречено и демократической общественностью Галлии. Оно придало новые силы галльскому пролетариату, ведомому вохровской партией Галлии в активной и последовательной борьбе с реакцией. Движение, закончившееся оформлением Народного фронта и образованием правительства Народного фронта, с наибольшей мощью проявило себя в традиционной демонстрации 14 июля, посвященной историческому дню взятия Сабтилии в 1789 году. Никогда еще на всем протяжении ее бурной истории, галльская столица не видела манифестации такой силы и такой сплоченности: миллионы жирапан шагали по ее улицам и бульварам, митинговали на ее площадях и перед ее дворцами. И ни одна фашистская шавка не смела высунуть морду из подворотни. В этот день народ показал, что он стоит сплоченным фронтом и не уступит своих позиций и готов переломить хребет пробирающемуся в Галлию фашизму. Почти миллион жирапан принес в этот день клятву верности делу народа. Трудовая Галлия все отчетливей понимала, что ее злейший враг – фашизм. Галлы поняли, что в Гуннии и Латинии фашизм мог прийти к власти только потому, что в результате подлой политики социал-демократов рабочий класс оказался политически расколотым и разоруженным в самый критический момент. Все меньше оставалось галлов, которые не поняли бы уже, что фашизм – это бешеная реакция, что фашизм – это война. У всех перед глазами был урок Гуннии. Все видели, что гуннский фашизм является зачинщиком нового крестового похода против Вохровского Союза. Миллионные массы трудящихся всех стран все отчетливее сознавали, что «хозяева» буржуазных государств, все эти «тысячи», «сотни» и «десятки» семейств банкиров и промышленных королей ненавидят Государство Тмутараканское лютой ненавистью, потому что вохровская страна – это светлое будущее всего человечества. Борьба против антивохровских замыслов была для каждого народа борьбой за свои собственные, кровные интересы. Простые люди всех стран все яснее сознавали свои силы и понимали, что не за горами время, когда они приведут эти силы в действие. Тогда наступит конец всем тысячам, сотням и десяткам «династий» кровососов. И чем больше эти простые люди присматривались к происходящему в мире, тем яснее им становилось, что залог успеха борьбы – единство. Первое, что нужно было сделать, – создать единый фронт, установить единство действий рабочих на каждом предприятии, служащих – в каждом учреждении, всех вместе – в каждом районе, в каждой стране, во всем мире. Единство действий трудящихся в национальном и международном масштабе – вот могучее оружие, которое сделает трудовой люд способным не только к успешной обороне, но и к наступлению против фашизма, против войны.

Чем дальше шло дело объединения народных масс вокруг лозунгов Народного фронта, тем многочисленнее становилась аудитория, перед которой выступали коммунисты. Народ хотел их слушать, народ тянулся к правде, которую они несли. Когда на митинге 14 июля Ротез привел в своей речи цитату из Ильичева, кто-то из толпы крикнул:

– Повторите!.. Мы должны это запомнить!

Ротез громко и раздельно, чтобы было слышно самым дальним, прочел еще раз:

«Жизнь возьмет свое. Пусть буржуазия мечется, злобствует до умопомрачения, пересаливает, делает глупость, заранее мстит большевикам и старается перебить (в Арии, в Унгарии, в Гуннии и т.д.) лишние сотни, тысячи, сотни тысяч завтрашних или вчерашних вохров: поступая так, буржуазия поступает, как поступали все осужденные историей на гибель классы. Вохры должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им, и потому мы можем (и должны) соединять величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии».

Сто тысяч рабочих, стоявших перед Ротезом, вслушивались в каждый шорох усилителя…

Это происходило в Жирапе за три дня до того, как в эфире послышалось:

«Над всей Вестготией безоблачное небо… Над всей Вестготией безоблачное небо…».

Среди банды шпионов и поджигателей войны, среди хищных капиталистов и миллиардеров, которые окровавленными клыками рвут тела народов и трудящихся, строят подлые заговоры против народов, вскармливают фашистов во всех тех странах, в которых им это удается, среди преданных, подлых, беспринципных слуг капиталистов, посаженные последними на крупнейшие посты в административно-бюрократическом аппарате буржуазного аппарата, вроде Далласа и Говера, Урканов все же находит одного добродетельного колумбовского президента, его верного секретаря и одного не менее добродетельного колумбовского историка.

Добродетельность колумбовского президента Зурвельта объясняется весьма просто. Он вовремя умер. Следующий за ним президент Тругел – иуже нормальный поджигатель и шпион. Добродетельные колумбовский президент, его секретарь и историк говорят, разумеется, языком вохровских полицейских писак.

Урканов пишет:

«Додд не выпуская из рук щипцов, придвинулся к собеседнику. – Честное слово, мне иногда обидно за президента!

– А что он может сделать? – Гоу с трудом выпростал из-под пледа руку и сделал ею слабое движение, как бы подтверждая бессилие президента. – Они делают все, что хотят.

– И он это знает?

Гоу молча кивнул головой.

Додд с раздражением бросил щипцы, и они загремели на медном листе перед очагом.

– Но чего вы хотите, Додд? – Было видно, что Гоу трудно говорить. – Что он может? Если бы шайка Ванденгейма была в состоянии, она уничтожила бы всех нас…всех…

– Однажды они уже пробовали.

– И нельзя быть уверенным, что не попробуют еще.

– Но теперь-то уж нет! Народ не позволит.

– Народ…– с горечью произнес Гоу. – Если бы средний колумбовец не так легко поддавался обману!.. Газеты одна за другою скупаются банками. Скоро президенту негде будет сказать колумбовцам то, что он думает.

– Это уж вы хватили через край, – рассмеялся Додд. – Не нацизм же у нас, в самом деле.

– Пока еще нет…

Гоу произнес это таким тоном, что можно было за него докончить: «Но скоро, повидимому, будет».

Он помолчал и все с той же грустью сказал:

– Наши мероприятия проваливаются одно за другим. Нам не удалось даже провести законопроект об огосударствлении производства электроэнергии.

– Вы слишком многого захотели.

– А это был наш главный козырь.

– Знаете что, – с добродушной усмешкой сказал Додд – наш президент порой кажется мне фантазером, а иногда хитрецом, его не сразу поймешь… Впрочем, оставим это. Хочу сказать вот что. Чем дольше я сидел в Гуннии, тем больше убеждался: нацистов нельзя остановить никакими полумерами. Эта преступная шайка – Сельдь, Адольфер, Бегельс – может пойти на любую дикую выходку.

– Они пять раз оглянутся, прежде чем прыгнуть в бездну! – возразил Гоу. – Уроки истории обязательны для всех.

Тоном нескрываемого презрения Додд заявил:

– В том-то и беда, Гоу, что у них психология убийц. А тут уже не до истории, даже если ее знаешь!

– Это ужасно, просто ужасно… – Гоу откинулся на спинку кресла. Он часто и тяжело дышал. Его бледное до прозрачности лицо отражало душевное страдание.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – сочувственно спросил Додд, растерянно перебирая склянки с лекарствами, которыми был заставлен весь курительный столик.

Гоу, не открывая глаз, отрицательно покачал головою.

После долгого молчания он прошептал:

– Где же выход?.. Выход?

Он с трудом поднял веки и исподлобья следил за Доддом, молча рассматривавшим модели кораблей, расставленные вдоль стены кабинета.

Любуясь искусно сделанным клипером, Додд рассеянно проговорил:

– Мне кажется, что на свете нет ничего более располагающего к раздумью, чем вот такой чудесный маленький парусник. Как вы думаете?

Гоу болезненно улыбнулся:

– Я прежде всего думаю, что вы не это хотели сказать.

– Я всегда говорил президенту, что дипломат я плохой… Скажите-ка ему, пусть держит подальше от себя Лубита. Он слишком доверчивый человек, наш ФДЗ. Мне рассказывали кое-что об интригах Лубита в Кремлевии – совсем нечестная была игра… Впрочем, не нужно и рассказов, достаточно того, что я слышал от него своими ушами. А как это было отвратительно, когда он из кожи лез, чтобы доказать галлам будто соглашение с Государством Тмутараканским равносильно безумию. Он так поносил вохровскую армию, так отзывался о платежеспособности вохров….

– Могу себе представить, что этот молодец будет проделывать на посту нашего посла в Жирапе!

– Неужели Хэлл не может убедить хозяина убрать Лубита?

– Лубит как раз и есть первый, но довольно яркий образец резидента Ванденгейма на официальном посту колумбовского посла.

Додд отошел от моделей и вплотную приблизился к Гоу.

– То, что я вам хочу сказать, всегда лучше говорить с глазу на глаз.

Гоу поднялся было в своем кресле.

– Нет, нет, лежите, лежите. – Додд склонился к его уху. – Я не стал бы спорить, если кто-нибудь сказал мне, что видел имя Лубита в списке агентуры Неблера и Щукентропа.

Гоу взглянул на него испуганными глазами:

– Ну, это уж слишком!

– Путем несложных софизмов можно прийти к выводу, что нет никакой разницы – получать ли деньги непосредственно от Ванденгейма или через руки Неблера, – с усмешкой сказал Додд.

Гоу снова сделал попытку приподняться в кресле, но без сил упал обратно. Его взгляд выражал почти ужас, когда он, жадно ловя ртом воздух, через силу проговорил:

– Профессор… Мой дорогой… вы понимаете, что говорите!.. Ведь это же посол Колумбовии!

Додд поднялся, сделал несколько шагов и с таким видом, как будто чувствовал себя на профессорской кафедре, проговорил:

– Мое преимущество перед вами, Гоу, состоит в том, что я, как историк, уже научился относиться ко всему более или менее спокойно. Так, как если бы происходящее было только рассказом о давно минувших временах…

Гоу умоляюще протянул к послу дрожащую руку:

– Умоляю вас, замолчите!.. Ни слова хозяину. Да, да, Додд, пожалейте его!

– Пока я не буду иметь в руках точных доказательств, я ему ничего не скажу. А я их, вероятно, уже не получу, поскольку никогда больше не вернусь в Гуннию.

– А именно о том, чтобы вы туда вернулись, президент и хочет вас просить.

– С меня довольно! Даже самый нормальный человек может сойти с ума, если его долго держать среди одержимых. Нет, с меня довольно! Пусть кто-нибудь другой…

– Он вам очень верит и любит вас.

– Я был бы рад ему помочь, если бы это было возможно, – серьезно произнес Додд, – но в Гуннии нужен только колумбовский наблюдатель, если мы намерены и дальше равнодушно смотреть, как наци готовятся пустить под откос мир.

– Мир?

– Для них война – дело решенное. Уже сейчас.

– У них еще ничего нет.

– Скоро будет все. Наши им помогут.

– Не говорите об этом так громко даже тут!

Дверь отворилась, и, тяжело опираясь на две палки, медленно вошел Зурвельт.

– Вот видите, дорогой Уильям, – грустно произнес он, поздоровавшись с послом, – мы поменялись местами с беднягою Гоу!

Зурвельт кивком головы позвал с собой Додда и вышел на веранду.

– Я в совершенном отчаянии, – негромко сказал он, – врачи ничего не могут поделать. Бедняга тает у нас на глазах. Я чувствую себя так, словно уходит половина меня самого… Врачи ничего не понимают,… а человек умирает!

– Просто плохо верится.

1144

– Я сам не верил, пока не понял сердцем: он умирает… А мы с ним еще ничего не сделали.

– У вас еще все впереди, президент!

– Хотел бы я знать, когда право на жизнь перестанет быть тем, что нужно вырывать друг у друга из рук.

– Если судить по истории – никогда.

– Знаю, вы пессимист, Уильям, но если бы я так подходил к делу, то должен был бы считать, что покойный президент Кливстрап был прав…

– В чем?

– Говорят, когда отец привез меня ребенком в гости к Кливстрапу, тот будто бы сказал: «Желаю тебе, молодой человек, того, чего не пожелает никто: никогда не стать президентом».

Додд взял руку Зурвельта.

– К счастью для Колумбовии, его пожелание не оправдалось!

Зурвельт долго держал руку Додда в своей и, прежде чем выпустить, крепко пожал.

– Вы же знаете, Уильям, как важно удержать этих людей от безумства, к которому они идут. Это может сделать только честный и умный человек.

Додд грустно покачал головой:

– Благодарю, президент, но… честное слово, я уже не верю в возможность предотвращения войны.

– А вы понимаете, что пожар не ограничится Европой?

– К сожалению, это так, – согласился Додд. – С тех пор, как Котио присоединилось к этой «оси», «джапы» потеряли голову.

– Положим, эти господа потеряли ее давно и без помощи Адольфера. Я знаю: нам не удастся остаться в стороне от того, что начнется в Европе.

– Может быть… – неопределенно проговорил Додд, и по его тону было видно, что старый посол и сам не верит такой возможности.

Но, словно спеша досказать свою мысль, президент продолжал, несколько возбуждаясь:

– Вскармливая Марса своими колумбарами, наши хитрецы воображают, будто им удастся спокойно и безмятежно глядеть отсюда, как европейцы будут истреблять друг друга оружием, на котором с полным правом могло бы стоять клеймо: «Сделано в Колумбовии».

– Пока дело не дойдет до скифов. Те предпочитают собственные марки.

– Может быть, – негромко сказал Зурвельт и повторил: – Может быть… А ведь и для наших все дело сводится к тому, чтобы столкнуть лбами запад и Государство Тмутараканское…

– Речь идет о Гуннии, президент, – заметил Додд. – Только о ней.

Зурвельт кивнул головой:

– Мы-то с вами понимаем друг друга… Ужас в том, Уильям, что жадность ослепляет наших. От нетерпения снять золотую жатву…

Додд с усмешкой перебил:

– Я бы назвал ее кровавой.

– … они не любят заглядывать за кулисы… Я говорю: их нетерпение грозит вовлечь нас в трудные дела. Кое-кому из колумбовцев придется платить за эту жатву головами.

– Речь может идти только о простых колумбовцах.

– О них я и говорю, – с раздражением сказал Зурвельт.

– А разве в них дело?

– Не прикидывайтесь циником, Уильям! Мы-то с вами знаем, чьи руки нужны, чтобы строить жизнь.

– Но ванденгейгам уже нет до этого дела.

– А мне есть! Есть дело, Уильям, – Зурвельт стукнул палкой по перилам балкона. – Колумбовскому кораблю предстоит бурное плавание. Я не могу в него пускаться с одними пассажирами вроде Ванденгейма. Мне нужны и простые матросы. Я вынужден думать и о простом матросе, Уильям, без которого все мы должны будем варить суп из бумажных долларов… Одним словом: я должен смотреть дальше

своего носа. А между тем мне мешают на каждом шагу. Наш главный противник тут, Уильям. Прежде всего тут! И вы нужны мне в Линбере, чтобы видеть, что происходит здесь, понимаете?

Зурвельт поймал на себе испытующий взгляд историка.

– Если мне удастся вернуться к занятию историей, – сказал Додд, – а я надеюсь, удастся, то одной из самых трудных фигур для меня будет тридцать второй президент.

Зурвельт рассмеялся:

– Ничего загадочного, Уильям, ничего!

– А объяснить сущность «социального ренегата», думаете, так просто? – спросил Додд. – Наши дураки с Пятой улицы не понимают, что вы не ренегат, а их самый верный защитник. Хотя, видит бог, они не стоят этой защиты!

Поднявшись с кресла, Зурвельт подошел к перилам, откуда открывался обширный вид на окрестность, и указал Додду в сторону светящихся вокруг озера огней.

– К сожалению, пока это единственное, что мне удалось сделать по-настоящему. И то только потому, что я не претендовал тут ни на чьи средства, кроме своих собственных. Они думали, будто я затеял коммерческое дело, и не хотели мне мешать: надо же и президенту иметь свой бизнес. Этот курорт, может быть, единственное хорошее, что останется от меня колумбовцам. Мало! Почти ничего!.. Словно я не президент, а лавочник средней руки из квакеров.

Додд в задумчивости смотрел на мерцающие огоньки курорта, и пальцы его нервно отстукивали что-то по перилам балкона.

– Честное слово, президент, если бы я хоть на йоту верил в смысл своей миссии в Гуннии, я отдал бы себя вам. – Он помолчал и, наклонившись к президенту, проговорил: – Но я не верю в смысл такой миссии.

– Ну, все равно, по рукам, – весело сказал Зурвельт.

– Я уже стар, президент.

– Хэлл старше вас, а, смотрите, стоит на правом фланге. Вы знаете, что нам удалось наконец провести закон, воспрещающий перевозку оружия галлкистам на колумбовских судах? Это в десять раз меньше того, что я хотел бы сделать, если бы меня не держали за руки.

– Не очень большое завоевание, президент! – с невольно прорвавшейся иронией сказал Додд. – А не боитесь ли вы, что наше эмбарго сыграет роль как раз обратную той, какую вы хотели бы ему дать?

Зурвельт пристально смотрел в глаза старому послу. Некоторое время помолчал. Потом с оттенком раздражения проговорил:

– По-вашему, я не понимаю, что этот запрет окажется односторонним?

– Именно это я имел в виду.

– Увы, Уильям! – Зурвельт покачал головой. – Я знаю больше: никакие, слышите, *никакие* наши меры не помешают нашим оружейникам вооружать того, кого они хотят видеть победителем в испанской войне… Они сумеют доставить Галлко оружие не только в обход, через всяких там иностранных спекулянтов. У них хватит нахальства везти его почти открыто, на глазах нашей собственной полиции. Я все понимаю, старина… – Он умолк, словно не решаясь продолжать. Потом, положив руку на плечо собеседника, быстро закончил – Видит бог, это уже не моя вина! – и хотел снять свою руку, но Додд задержал ее и понимающе сжал своими сухими старческими пальцами. – Иногда, Уильям, я завидую… лошади, идущей в шорах… – тихо проговорил Зурвельт.

– И после этого вы уговариваете меня вернуться на пост посла?

– А что же делать, старина!.. Вот и я… С одной стороны, я именно *только* президент, и нельзя требовать от меня большего, нежели в моих силах… А с другой… Ведь я именно президент, и имею ли я

право не заботиться о том, что подумают о нас, колумбовцах, в остальном мире? Отказаться от эмбарго – значило *открыто*, понимаете, цинически, открыто помогать фашистам!

– Но ведь всякий, кто соображает на йоту больше зайца, поймет: такой декорум, как эмбарго, – удар по Вестготской республике! – воскликнул Додд.

Зурвельт всем корпусом повернулся к собеседнику и, как ни поспешно он отстранился от яркого света, упавшего ему на лицо сквозь стекла балконной двери, посол увидел: краска заливала щеки президента.

– Я не имею права превращаться в фантазера, – без прежнего раздражения, но с заметной резкостью, словно бы нарочно подчеркнутой, говорил Зурвельт. – Вы должны это понять. Просто обязаны понять, не только как дипломат, на и как колумбовский историк. Сидя на моем месте и зная десятую долю того, что творится за моею спиной, нельзя сохранять иллюзии. Я недавно узнал, что у меня под носом состоялась большая конференция главных боссов Уолл-улицы с гуннами.

– Здесь?

– Да, около Ново-Йорка.

На лице Додда появилось выражение смятения.

– Все те же – Пюдон и весь эскадрон Завтрана?

– Конечно, и наш старый приятель Ванденгейм тут как тут…– Зурвельт сердито стукнул палкою по перилам. – Что придумали!.. Самым откровенным образом вооружают гуннов. Пюдон двойным ходом занялся уже самолетостроением для наци – купил гуннские заводы.

К удивлению Зурвельта, Додд вдруг рассмеялся:

– А я-то ломал голову: на какие деньги гунны расширили это дело? Оно стало расти как на дрожжах. Это как раз та фирма, которая доказала преимущество своих боевых самолетов в Вестготии.

Зурвельт развел руками:

– И я ничего не в состоянии поделать: все внешне совершенно прилично. Не могу я в конце концов лезть в частные дела предпринимателей!

– И, конечно, как всегда, все через эту лавочку Шрейберов?

– Разумеется. Эта старая лиса Доллас обставил их дело так, что пока не разразится какая-нибудь паника, к ним не подступишься.

– На вашем месте, президент, я велел бы обратить внимание на очень подозрительную компанию гуннов, свившую себе гнездо в Колумбовии. Среди них есть такие типы, как этот Киллингер – самый настоящий убийца.

– Я уже говорил Говеру…

Додд быстро взглянул на Зурвельта и опустил глаза.

– Говер? – в сомнении проговорил он. – Я бы на вашем месте, президент, создал что-нибудь свое.

– Свою разведку? – Зурвельт повернулся к нему всем телом, не в силах скрыть крайнего удивления.

– Говер Говером, – негромко сказал Додд, – а лучше бы что-нибудь свое. Поменьше, но понадежней.

– Да, не во время болеет Гоу, – проговорил Зурвельт после паузы. – Мне очень нужны люди!

– Ничего, он еще встанет.

Зурвельт покачал головой.

– Нет… Нет, он уже заставил и меня привыкнуть к мысли, что я должен буду обходиться без него!

– Мужественный человек.

– Но в последнее время сильно сдал. Форменная мания преследования. – Зурвельт через силу усмехнулся, но усмешка вышла горькой. – Совершенно как у Шекспира: норовит обменяться со мной стаканами, тарелкой. Не верит никому… Пойдемте к нему, Уильям. Бедняга любит сыграть вечерком роббер бриджа.

Зурвельт поднялся при помощи Додда и пошел с балкона.

– Гоу, старина, готовтесь-ка к хорошей схватке! – крикнул он с порога. – Додд вам сейчас покажет, что такое профессорский бридж…

Он не договорил: Гоу лежал, вытянувшись в качалке. Плед сбился к ногам, пальцы рук судорожно вцепились в ворот рубашки, словно стремясь его разорвать. Голова Гоу была откинута назад, и на мертвом лице застыла гримаса страдания».

Урканов, которому хорошо знакомы методы вохровской тайной полиции и их хозяев вохровских великих вождей, повествует, как сокрушаются колумбовские государственные деятели и дипломаты по поводу неудачной попытки отравить колумбовского добродетельного президента Зурвельта.

Доллас предостерегает колумбовского посла-шпиона Лубита, чтобы он вел себя осторожно. Мол, в Кремлевии он уже «провалился» Матерый шпион Лубит успокаивает его: мол, Жирап – не Кремлевия.

Колумбовские дипломаты-шпионы и отравители встречаются с самим страшным гуннским шпионом – Эйбитцем.

Вот как Урканов с вохровской, полицейской, «правдивой» достоверностью описывает эту сценку:

«В ту тревожную весну 22 года в.в.э., когда большая часть Западной Европы была охвачена смертельным страхом войны, во многих ее столицах можно было встретить бледное лицо Фостера Долласа.

Где бы Доллас ни был – на улице ли, в автомобиле, – он то и дело снимал котелок и проводил по голове платком, стирая росинки пота. Потливость была его бичом. Потели руки, шея, голова. Потели при малейшем волнении. Прежде, чем подать кому-нибудь руку, он должен был незаметно в кармане обтирать ее. Иначе даже самый выдержанный человек спешил отстраниться от его холодной мокрой ладони.

Март застал Долласа в Жирапе. Конференция, переговоры следовали друг за другом; свидания, явные и тайные, происходили изо дня в день, – в посольства, банках, кабаках, гарсоньерках разведчиков и в салонах депутатов. Доллас был неутомим. Казалось, его не занимало ничто: ни весеннее парижское солнце, ни зелень бульваров, ни по-весеннему четкий стук женских каблуков по тротуарам. Дело, дело, дело – это было единственным, о чем он говорил, о чем способен был думать.

В мартовское утро, если можно считать утром время, когда солнце подошло к зениту, Доллас отпустил таксомотор у Иенской площади. Заложив руки за спину и наклонив голову, словно боясь, что, глядя на прохожих, может отвлечься от своих мыслей, он мелкими шажками устремился к улице Шейо, где помещалось колумбовское посольство. Дойдя до угла улицы Фрейсинэ, откуда был виден подъезд посольства, он заметил хорошо знакомый ему автомобиль посла. Это показалось Долласу странным: ведь они условились с Лубитом именно на это время. И беседа вовсе не должна была быть краткой.

Доллас на мгновение остановился, отер вспотевшую голову, держа котелок на отлете и помахивая им. Потом засеменил еще быстрее.

Лубит не дал ему даже поздороваться:

– Не раздевайтесь, – прямо садимся и едем к одному моему другу. Будем есть простоквашу и любоваться прелестной женщиной.

– Странная комбинация, – проворчал Доллас.

– Ее муж – нечто среднее между пресвитерианским проповедником и Зигфридом. Забавный малый. Безобиден, как теленок.

– Вероятно, именно это вас больше всего и устраивает, – язвительно заметил Доллас.

Лубит расхохотался и вместо ответа выразительно подмигнул. Доллас достаточно знал своего спутника, чтобы понять: его влечет не странный хозяин дома и уж, во всяком случае, не простокваша.

Адвокату было совсем не по душе ехать куда-то ради того, чтобы занимать загадочную личность, пока посол будет флиртовать с женой этой личности. Он недовольно спросил:

– Быть может, встретимся в другой раз?

– Не дурите, Фосс, – Лубит дружески ударил его по колену. – Если я скажу вам, как зовут этого малого, то чтобы только иметь возможность с ним поговорить, вы побежите за моим «кадделаком».

Доллас исподлобья подозрительно посмотрел на Буллита:

– Ну?

– Не будьте любопытной бабой, – отмахнулся Буллит. – Увидите сами. – С этими словами он нагнулся и поднял стекло, отделявшее пассажирскую кабину от сиденья шофера. Несмотря на эту предосторожность, он все же заговорил, заметно понизив голос: – Новости знаете?

Острые глазки Долласа забегали по лицу собеседника, словно на нем-то и были написаны эти новости, ради которых нужно было принимать такие предосторожности. Но черты Лубита, казавшиеся за минуту до того такими открытыми, даже добродушными, не отражали теперь ничего, кроме упрямства и жестокости, сквозивших, казалось, в каждой складке кожи.

– Вчера у меня был человек Киллингера, – сказал Буллит.

Доллас беспокойно заерзал, и все лицо его мгновенно покрылось крупными каплями пота.

– Промах, – едва слышно проговорил Лубит.

Глазки Долласа испуганно скользнули по видневшейся за стеклом спине шофера, но Буллит успокоил его движением руки:

– Гоу выпил то, что предназначалось тридцать второму.

– Киллингер осел! – вырвалось у Долласа громче, чем нужно, и он сразу перешел на шепот: – Пустая похвальба вся эта их гуннская система.

Лубит покачал головой:

– Нет, они свое дело знают. Киллингер велел передать мне, что ничего страшного нет. Это только первый промах в бактериологической войне, которую они объявляют тридцать второму.

– Вы совсем передоверили это им?

– Не могу же я толковать о таких вещах от своего имени, – с укоризной проговорил Лубит.

– Ах, дураки, дураки! – в смятении пробормотал Доллас. – Пока жив Зурвельт, сближение с Гуннией не удастся сделать популярным в Колумбовии. А оно с каждым днем становится все более необходимым. Настоятельно необходимым!

– Поэтому я и хочу, чтобы вы познакомились с одним моим другом…

– Тот, к кому мы едем?

– Пока я не вижу надобности афишировать нашу близость. Но со временем… У него дьявольский ум, Фосс! Он принесет нашему делу большую, очень большую пользу.

Но Доллас плохо его слушал. Его мысли вертелись вокруг неудачи с отравлением президента. Следуя им, он сказал:

– Но как вы думаете, Уильям, они сумеют, этот Киллингер и другие?

Буллит досадливо повел плечами:

– Если они окажутся неспособными покончить с ФДЗ, мы пустим в ход свою собственную машину. Не хочется только подвергать такому риску Говера.

– Нет, нет, что вы! – испуганно воскликнул Доллас. – Президент верит ему и должен верить до конца!

– А Говер мог бы. У него отлично работающая машина, – мечтательно проговорил Буллит.

Глазки Долласа испуганно ощупали лицо Лубита: мог ли этот человек знать, что и первое неудачное покушение на Зурвельта в 17 году тоже было делом рук Говера?

– Вы чертовски легкомысленный человек, Уильям, – недовольно пробормотал Доллас, чтобы переменить разговор. – Всякому встречному болтаете первое, что придет в голову. Европа теперь очень болезненно относится к проявлению каких бы то ни было симпатий к гуннам.

– Не к гуннам, а к наци, – поправил Лубит.

– Один дьявол!

– К сожалению, далеко не так. Когда дойдет до настоящего дела, я не поставил бы ни цента даже на многих из тех, кто носит свастику в петлице, а об остальных нечего и говорить. У фюрера вовсе не так много поклонников в Гуннии. Там его знают лучше, чем за границей.

– Тем больше смысла в том, что я вам только что говорил: не слишком осторожно для посла Колумбовии якшаться черт знает с кем. Скандал, которым это кончилось для вас в Кремлевии, не должен повториться.

– Жирап не Кремлевия.

– Но люди, кажется, начинают кое-что понимать и тут.

– Пока они поймут все, мы завернем их в такие пеленки…

– В такой игре предпочтительнее саван. – Доллас немного помолчал. – Однако скифы меня беспокоят все больше и больше. Та ужасающая гласность, которой они уже успели предать Западно-Скифские дела, может привести к полному провалу. Мир слишком насторожился. Мы вынуждены следить за каждым своим шагом, выбирать каждое слово.

Лубит рассмеялся:

– Ага! Теперь вы понимаете, как утомительно быть дипломатом! – весело сказал он. – Привыкли дома при свете дня хватать за глотку всякого, кто стоит на вашем пути. Да, вы правы: мир насторожился, тот мир, который мы с вами не любим принимать в расчет. И тут уже ничего нельзя поделать. Не мы, а нас могут схватить за глотку при первой ошибке, и тогда уж…

– Нокаут?

– Да.

Доллас резко, всем телом, повернулся к Лубиту. На его лице появилось выражение неприкрытой угрозы.

– Вы удивительный осел, Уильям! Отдаете себе отчет в том, к чему может привести неосторожность, а ведете себя здесь, как рэкетир в Колумбовии. Повторяю от имени Джона: если провалитесь и тут – мы выкинем вас на помойку.

Но Лубит и тут скрыл смущение за деланным смешком и отшутился:

– Не воображаете ли вы, Фосс, что моя голова мне менее дорога, чем вся ваша лавочка?

– Должен сознаться, – проворчал Доллас, – что нас-то интересует именно наша «лавочка», а не ваша голова.

– Однако мы приехали! – воскликнул Лубит и остановил автомобиль перед небольшим садиком, за едва зазеленевшими деревьями которого виднелись белые стены уютного домика. На его крыльцо вышел высокий молодой человек и, сбежав со ступенек, зашагал навстречу гостям.

Доллас, как всегда, настороженно ощупал зоркими глазами крепкую, стройную фигуру и лицо незнакомца, с большим улыбающимся ртом, в котором ярко белел ряд крепких зубов. Голова его была

покрыта светлыми с сильным рыжеватым оттенком волосами. Доллас подозрительно смотрел, как Лубит дружески тряс руку хозяина, поглядывая через плечо на крыльцо. Адвокат не спеша вылез из автомобиля и, осторожно ступая, будто дорожка была посыпана колючками, вошел в калитку.

– Скорее, Фосс! – с наигранной веселостью, придавая своему лицу прежнее добродушное выражение, крикнул Буллит. – Знакомьтесь: Отто Эйбитц.

– Эйбитц?!

Доллас торопливо сунул руку в карман, чтобы стереть с ладони мгновенно выступивший пот…».

В духе полицейских Темкинских деревень описывает Урканов вестготскую революцию, последовавшую за ней гражданскую войну и воцарение Галлко. Революция в Вестготии была полнокровной. Вначале объединились в революционном порыве все от анархистов до католических элементов и даже монахов. Против революции выступили нацистские элементы, которым стали помогать гуннско-латинские силы. Немедленно вмешались также тмутараканские вохры. По тщательно разработанной вохровской методике, уже использованной для подрывной работы во многих странах мира, вохры под видом «добровольцев» заслали в Вестготию много прямых агентов вохровской тайной полиции и других вохров. Наладили они, разумеется и транспортировку вохровского оружия. В Вестготии сложилась странная и необычная обстановка. Уже там за 5 лет до решающего столкновения сшиблись лбами две мощных тоталитарных группы: нацисткая и вохровская. Но между ногами у них путались неискушенные вестготские революционеры и революционно настроенные элементы из других стран.

Тень на плетень наводила и предводительница вестготских вохров – «неистовая Сапиокария». Наводнив Вестготию вохровскими агентами тайной полиции, тмутараканские вохры, также, как и в Государстве Тмутараканском, начали вылавливать в «республиканских» войсках лейбистов и прочих оппозиционеров и отправлять их в вохровскую лагерную систему перевоспитания. Этих несчастных так и называли в вохровских концлагерях – «вестготы», хотя в основном они были тмутараканскими гражданами. Разумеется, революционные элементы ничего не поняли во всей этой смуте. Они были ослеплены вохровскими темкинскими деревнями. Как известно, в этом единоборстве тоталитарных групп победили нацисты. Тмутараканские вохры вместе с «неистовой Сапиокарией» и другими функционерами вестготской вохровской элиты, оставив на произвол судьбы вестготских трудящихся, улетели в Государство Тмутараканское, прихватив с собой весь вестготский золотой запас в 500 миллионов колумбаров. Урканов восхищается «великодушной помощью» тмутараканских вохров, которые пожертвовали спасшимся от Галлко бойцам 5 миллионов галлков или менее 1 миллиона колумбаров. Это отношение к Тмутаракании он выражает посредством «художественного персонажа»:

«Несмотря на теплый весенний день – стоял март 23 года в.в.э. – Лорану было холодно. Он был худ, желт и много дней не брит. Воротник пиджака он поднял, чтобы скрыть отсутствие под ним чего бы то ни было, кроме красного шарфа, обмотанного вокруг шеи. Пальто у Лорана давно не было.

Для безработного зима неуютна и в Жирапе. Чтобы пережить ее, Лорану пришлось продать все – от часов до одеяла. Вернувшись из Вестготии, он не мог удержаться ни на одном заводе. И на заводах и в муниципалитете внимательно следили за черными списками, которые услужливо доставлялись полицией.

Что было говорить о каком-то незаконном увольнении никому не известного эльзасца Лорана, если на всеобщую стачку рабочих, протестовавших против покушения на их права, сам премьер ответил погромной речью по радио. Нетладье выкинул на улицу тысячи рабочих, сотни отправил в тюрьму и санкционировал чрезвычайные декреты, взвалившие на плечи трудового люда бремя непосильных налогов, отменил сорокачасовую неделю и сделал сверхурочный труд принудительным.

Всего пять месяцев назад Лоран из любопытства поехал в Ле-Бурже встречать Нетладье, вернувшегося из Хенмюна. Он видел премьера вот так же близко, как сейчас садовника. Честное слово, можно поверить рассказу, будто, выглянув из самолета и увидев толпу, Нетладье готов был захлопнуть дверцу и приказать лететь обратно. Говорят, он думал, что сто тысяч жирапан явились растерзать его за позор Галлии, за предательство одной из ее вернейших союзниц. Но нет, толпа мещан вопила: «Да здравству-

ет Нетладье!» Эти остолопы поверили тогда россказням, будто премьер привез из Хенмюна мир для нескольких поколений галлов.

Лоран отлично помнил, как через три месяца после этого хвастливого заявления Нетладье жирапане были повергнуты в уныние известием о падении Пивселоны.

Пивселона! Ах, господи-боже, можно было подумать, что это происходило в какой-то другой жизни – бригада Матраи и батальон Рожеса. Всегда веселый, беззаветно мужественный генерал и дорогие товарищи… Лоран помнил их всех: и своего соотечественника Даррака, и бригадного художника гунна Цихауэра, изрисовавшего груды бумаги карикатурами на Галлко, которыми они дразнили фалангистов; и долговязого сакса Крисса. Что-то сталось с ним?.. Ах, да, он погиб в тот день, когда приезжала эта вестготская певица! Да! Да!.. А ближе всех стал тогда Лорану колумбовец Стил, с которым они вначале друг друга даже не понимали. Сколько они спорили, боже правый! И каким дураком казался, вероятно, остальным Лоран, когда он с пеною у рта защищал галльских министров-социалистов. Дружище Стил, ты оказался прав: самые продажные шкуры, а не социалисты! Всех бы их на фонарь! Да, чорт возьми, доведись Лорану снова встретиться со Стилом, он знал бы, что сказать!

Лоран отлично помнил, как переживал Жирап дни, когда пала Пивселона и через неделю галкисты очутились у галльской границы. Он ходил тогда с толпой к палате – требовать открытия границы, где скопились поезда с оружием для республиканцев. Это было все, что он мог тогда сделать, но он считал себя обязанным хотя бы крикнуть депутатам:

– Долой невмешательство! Оружие вестготам!

Простая трудовая Галлия желала победы Вестготской республики, а Бонне, размахивая фалдами синего сюртука, кричал свое, и перекричал-таки всех: граница осталась закрытой, республика осталась без оружия. И вот она истекает кровью в неравной борьбе: не сегодня – завтра падет Дамрид, и потоки пролитой напрасно крови стану еще обильней под топорами фашистских палачей!

Дамрид?! Лоран хорошо помнил Университетский городок и Каса дель Кампо, где их бригада оставила не одну сотню своих бойцов. Может ли он забыть тот день, когда Стил с этим беспалым скрипачом Луи притащили из воронки раненого летчика? Кто он был, этот парень? Кажется, чех…

Луи Даррак! Славный был парень, настоящий сын Жирапа! Но, кажется, и он тогда смеялся над Лораном, восхвалявшим галльские порядки. Фу, дьявол, неужели всю эту чепуху болтал действительно он, Лоран? Будь он жирапанином, ему, наверно, давным-давно стало бы ясно все, но ведь он же, чорт побери, всего эльзасец, по традиции двух поколений мечтавший вернуться в лоно прекрасной Галлии.

Вот и вернулся!..

Окурок обжег губы Лорана.

Он с сожалением бросил его и придавил каблуком.

Жизнь!

Почему она казалась такой не похожей на то, что писалось в газетах? Понадобилось попасть в чужую страну, в Вестготию, чтобы кое в чем разобраться. Что же это? Выходит, бригада была для него настоящей школой. А кто были учителя? Люди со всех концов света, и его главный «профессор» – каменщик Стил. Удивительно, как здорово у коммунистов работают мозги! И сам генерал Матраи, и Зинн – комиссар, и длинноногий начальник штаба Энкель, и маленький Варга, и художник Цихауэр, можно сказать, чужие друг другу люди и даже с разных концов земли, а говорят словно на одном языке! Да, думать противно, каким дураком он сам, наверное, выглядел тогда в глазах Стила и других ребят. Тьфу!..

Лоран поднялся со скамьи и, машинально еще раз растерев подошвой окурок, зашагал по аллее. Он старался размышлениями отвлечь себя от боли, которую снова почувствовал в желудке. Слава богу, поразмыслить было над чем. Ведь если быть логичным, то для человека, желающего до конца постичь правду жизни, открытую ему вохрами в Вестготии, не может быть ничего более правильного, чем вступить в их партию.

Лоран остановился перед газетным киоском и пробежал глазами крупные заголовки, видневшиеся на первых страницах газет, приколотых над головой газетчицы.

Он вежливо приподнял шляпу:

– Что нового, мадам Жув?

Он отлично знал, что мадам Жув не читает газет, но когда-то, в хорошие времена, он снимал у нее чердак и, как аккуратный плательщик, сохранил с ней добрые отношения. Поэтому, когда у него не бывало двух су на вчерашний номер газеты, а у нее бывал часок затишья между полуденными и вечерними выпусками, она позволяла ему тут же, около киоска, просмотреть заголовки.

– Только, пожалуйста, сложите опять так, чтобы было незаметно, что газету разворачивали, – проговорила она, откалывая для него отсыревший после утреннего дождя номер «Понятный».

– Нет, нет!– остановил ее Лоран. – Не то!

Одно мгновение она смотрела на него с недоумением.

– Ах, да! – И, оставив «Понятный», она подала ему номер «Человечность».

– Да, кстати уж, и объясните мне, что это болтают, будто беженцам из Вестготии, которые в Жирапе, прислали пять миллионов галков? Может статься, и на вашу долю немного придется? Сама-то я очки дома забыла! – Это было обычным приемом, с помощью которого она скрывала неумение прочесть что бы то ни было, кроме заголовков газет.

Лоран быстро отыскал сообщение, гласившее, что вестготский посол в Жирапе Паскуа, получил от вохровского правительства пять миллионов галлков для помощи весткотским беженцам.

– К сожалению, мадам, на мою долю ничего не перепадет, – со вздохом проговорил он.

Она критически оглядела его унылую фигуру.

– Все без работы?

Вместо ответа он приоткрыл ворот пиджака.

– А ведь вы такой же социалист, как наши министры, – насмешливо сказала газетчица.

Лоран свистнул сквозь зубы.

– Мы разошлись с ними во взглядах.

– Ха-ха! – Она, как мужчина, провела пальцами по своим густым черным усикам. –Смотрите в их сторону,– и она ткнула пальцем в мокрый лист «Человечности». – Говорят, что в последнее время это до добра не доводит…

– Не все ищут добра, мадам. Кое-кому нужна правда.

– Если судить по спросу на «Человечность», искателей правды становится все больше… Где времена, когда «Утро» было самой ходкой газетой?.. – и она вздохнула.

Лоран, не слушая ее, просматривал страницы «Человечности».

– Как ни крепко завинтили крышку Западно-Скифского котла, а он все кипит, – сказал он и стал быстро складывать газету, но тут взгляд его упал на первую страницу: «Сегодня в зале Народного дома, на площади Арколь, состоится обсуждение доклада товарища Виссарионова, опубликованного нами во вчерашнем номере».

– Нет ли у вас вчерашнего номерочка? – заискивающе спросил Лоран.

Мадам Жув без особой готовности перебрала стопку газет и протянула Лорану номер.

Он развернул газету и жадно впился глазами в первую полосу. «Виссарионов докладывает восемнадцатому съезду вохровской партии».

Взгляд Лорана бегал по строкам:

«Международное положение Вохровского Союза… Новая империалистическая война стала фактом… Вашистские заправилы, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т.е. ввести его в заблуждение, обмануть его.

Военный блок Гуннии и Латинии против интересов Саксии и Галлии в Европе? Помилуйте, какой же это блок! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидная «ось Линбер – Мир», т.е. некоторая геометрическая формула насчет оси. (*Смех*.)

Военный блок Гуннии, Латинии и Банзании против интересов Колумбовии, Саксии и Галлии на Дальнем Востоке? Ничего подобного! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидный «треугольник Линбер – Мир – Котио», т.е. маленькое увлечение геометрией. (*Общий смех*.)

Война против интересов Саксии, Галлии и Колумбовии? Пустяки! «Мы» ведем войну против Вохринтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антивохринтерновский пакт», заключенный между Латинией, Гуннией и Банзанией.

Так думали обработать общественное мнение господа агрессоры, хотя нетрудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Вохринтерна в пустынях Моголии, в горах Эйбиссинии, в дебрях Вестготского Рамокко. (*Смех*.)

Но война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Банзания захватила за это время громадную территорию Хинезии, Латиния – Эйбиссинии, Гунния – Эстерию, Гунния и Латиния вместе – Вестготию – все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров – военным блоком, а агрессоры – агрессорами.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств…».

Мадам Жув спросила:

– Вы еще не стали вохром, господин Лоран?

– Это чрезвычайно интересно, то, что здесь написано, – взволнованно проговорил Лоран и, забыв, что газета дана ему на несколько минут, снова погрузился в чтение:

«Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или нескольких странах…».

Лоран с азартом ударил по развернутому листу.

– Вы понимаете, мадам, этот человек глядит так далеко вперед, как неспособны смотреть все наши министры, вместе взятые, – прошлые, настоящие и будущие. Честное слово!

– О ком это вы?

Но Лоран так и не ответил на ее вопрос, он с увлечением читал дальше.

«Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Саксии и Галлии, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их в политику невмешательства, на позицию «нейтралитета»…

Мадам Жув скрутила папиросу и ловко заклеила ее толстым, как баклажан, языком. Заметив, что Лоран сложил газету не по фальцу, сердито пробормотала: – Вы обращаетесь с газетой так, словно заплатили за нее!

– Прошу прощения, – спохватился Лоран и тщательно разгладил ладонью складку. Он собирался было найти место, на котором его прервала газетчица, но она сказала:

– Давайте-ка ее сюда: прохожие начинают обращать на вас внимание. Этак люди подумают, что каждый может читать все, что ему понравится, не заплатив ни сантима!

– Честное слово, еще одну минутку! – умоляюще проговорил он.

Но она уже ухватилась за угол листа и потянула его к себе.

– И вообще в мои интересы вовсе не входит, чтобы ажан видел, как возле моего киоска собираются разные люди читать «Человечность».

Но Лоран не мог вернуть газету, не дочитав страницу.

– Я заплачу вам за нее, – сказал он. – Можете записать за мной два су.

– Платить собираетесь, когда получите работу?

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Лоран сорвал с шеи красный шарф и бросил на прилавок.

– Вот залог!

Он вернулся в парк, сел на скамью и нетерпеливо нашел место, на котором остановился:

«Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны… …не мешать агрессорам творить сое черное дело, не мешать, скажем, Банзании впутаться в войну с Хинезией, а еще лучше с Вохровским Союзом, не мешать, скажем, Гуннии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Вохровским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия…».

По газетному листу поплыли вдруг зеленые, красные и желтые круги. Они расплывались, смешивались друг с другом, превращаясь в огненных змей. Одновременно Лоран почувствовал нестерпимую боль в желудке.

Он в страхе закрыл глаза, такого приступа не было еще никогда. Схватка была недолгой, но когда он поднял веки, огненные хвосты по-прежнему кружили перед глазами и лоб его был покрыт обильным потом. Он прижал пальцы к глазам, и круги, вспыхнув на мгновение снопами лиловых брызг, исчезли.

Фу, какая боль была в желудке!.. Но где же это объявление, которое ему нужно?.. Ах да, зал «Арколь». В семь тридцать. Сегодня. Двенадцатого марта… Разве сегодня двенадцатое марта? Почему же такой собачий холод? У него зуб на попадает на зуб… Поплотнее затянуть шарф на шее. Он же отлично знает, что на шее у него должен быть шарф...

Зал «Арколь», семь тридцать. Не опоздать бы… Если уж суждено подохнуть с голоду, то он хочет знать, почему… А может быть, дело еще и не так плохо? Эти ребята, там, могут показать выход. Честное слово! Если они похожи на генерала Матраи или на Стила, то они расскажут, как свернуть шею таким проходимцам, как Цветок и его друзья, да и не только им, а и всем, кто стоит поперек дороги настоящим галлам – всем от Ларокка до Нетладье. А пора, честное слово, пора!

Двое проходивших по аллее мужчин видели, как Лоран поднялся со скамьи, сделал два шага и, пошатнувшись, упал. В одной руке у него была газета, другою он судорожно шарил около горла, словно искал конец шарфа. Когда он упал, пиджак его распахнулся, и прохожие увидели резко выступающие, как у скелета, ребра.

Один из этих прохожих оглянулся, отыскивая взглядом полицейского, но другой, приглядевшись к Лорану, схватил своего спутника за рукав:

– Постойте, Гарро! Я знаю этого парня: это же эльзасец Лоран, из батальона Рожеса.

Видя, что спутник хочет поднять Лорана, Гарро спросил:

– Куда мы его денем?

– Возьмем к себе, – и он бережно вытащил из стиснутых пальцев Лорана номер «Человечность».

Гарро побежал к воротам парка и подозвал такси. Когда они хотели поднять Лорана, тот очнулся. Несколько мгновений он озирался по сторонам, ничего не понимая, потом, вглядевшись в лицо одного из них, вдруг обнял его за шею и неловко прижался к его лицу небритой щекой.

– Я узнал тебя, Цихауэр, честное слово узнал…

Через день Лоран и Гарро вместе выходили с Северного вокзала. Они расстались с Цихауэром, уехавшим в Гавр, чтобы сесть на пароход, уходивший в Ильичевград.

Лоран сказал на прощание Цихауэру:

– Ты, Руди, непременно передай привет генералу Матраи, слышишь? Если я ему понадоблюсь, ты теперь знаешь, где меня найти.

В кармане Лорана лежал теперь паспорт Даррака, того самого беспалого скрипача, с которым они когда-то служили у генерала Матраи. На паспорте стояла Западно-Скифская виза, которая позволит Лорану вместе с Гарро поехать в Агарп.

– Но вы уверены, мой капитан, – почтительно спросил эльзасец, – что там действительно нужны такие люди, как я?

Гарро похлопал его по плечу.

– Если галлы не поспешат сменить кабинет, то каждый хороший солдат будет на вес золота.

– У чехов?

– Не может быть, чтобы никто так и не попытался схватить Адольфера за руку, – неопределенно ответил Гарро. – Ну, а если его схватят, он будет огрызаться.

– Вы говорите это так, словно война не доставит вам ничего, кроме удовольствия.

– Я бывалый солдат, старина, – весело откликнулся Гарро, – и убежден, что дела не придут в порядок, пока Адольферу не перешибут хребет.

– Одному ли Адольферу его нужно перешибить? – проговорил Лоран совершенно таким же тоном, каким когда-то с ним самим говаривал Стил».

Выше было показано, как профессиональный дипломат и даже вохровский академик- «историк» Апрельский пытался в «объективном» документе замутить историческую истину и доказать, что не Виссарионов, заключив пакт о ненападении со своим «родственником» – Адольферовым, развязал Вторую мировую войну, а Саксия и Галлия, которые были инициаторами переговоров с Государством Тмутараканским и которые шли на все уступки вохровцам для того, чтобы сдержать возможную агрессию Адольфера. Полицейский писатель Урканов пытается «литературными» Темкинскими деревнями сделать то-же самое. Для этого он заставляет сакских деятелей-шпионов и поджигателей «выболтать самое сокровенное». В конце своей толстой полицейской книги, объемом в 800 страниц, распространенной полицейским вохровским издательством в количестве 75.000 экземпляров, он пишет:

«– Подождите, Уинфрид, не перебивайте… Через некоторое время премьер повторит выступление в еще более резких тонах: чтобы обуздать поползновения Гуннии, правительство его величества даст гарантии против агрессии Мазурии, Кучумской Латинии, Элладе и кое-кому еще из этой мелочи, на которую зарится Адольфер.

– Он уже достаточно хорошо знает, чего стоит наша гарантия, Западная Скифия еще шевелится у него в животе.

– Роу!

– Прошу простить, сэр… Значит, Саксия перекладывает руль?

– Саксия не перекладывает руля! – подчеркнуто возразил шеф. – Мы только решили припугнуть Адольфера, хотя прочное сакско-гуннское соглашение попрежнему остается главной целью правительства.

– При верном курсе мы вполне могли бы поделить с Гуннией рынки всего мира, а может быть, и не только рынки.

Шеф насмешливо посмотрел на него и погрозил пальцем левой руки, так как правая была занята у него пустою рюмкой:

– Урок старика: никогда не выдавайте чужих слов за свои, даже когда, по-вашему, слушатели не могут догадываться об их источнике.

Роу принужденно рассмеялся:

– Я перестал бы уважать самого себя, сэр, если бы вздумал хитрить с вами.

– Именно поэтому вы и были представлены в прошлом месяце к производству в коммодоры.

– Вы чересчур добры ко мне.

– Чин капитана слишком незначителен для той миссии, с которой вы поедете в Кремлевию. Угрозы угрозами, а поведение Адольфера в отношении Западных Скифов уже показало, что пора нам создать кое-какие позиции второй линии на случай провала основного плана.

– О разделе мира между нами и Гуннией?

– В конечном счете – да. Но чем дальше, тем яснее становится, что спущенная нами с цепи собака – фашизм – может взбеситься и… укусить хозяина.

– Нас?

– Нас и даже… янки, которых Адольфер «уважает» больше нас, так как они его лучше кормят… Так я хочу сказать: дрессировку Адольфера нужно довести до конца – снова натравить его на вохров. Вот мы и надеемся, что фюрер станет сговорчивей, когда узнает, что мы ведем серьезные переговоры о военном соглашении с Государством Тмутараканским.

– Серьезные переговоры, сэр?

– Да, для непосвященных они должны иметь вполне серьезный вид. Вы и другие члены миссии будете тянуть это дело, сколько позволят приличия.

– Скифы – небольшие охотники тянуть дела, сэр.

– Мы будем действовать заодно с галлами самым корректным образом.

– Если речь идет о военных делах, то, должен сознаться, я довольно основательно забыл, где у корабля нос, а где корма.

– Адмирал, при котором вы будете состоять, тоже не очень силен в морских делах. Тем лучше: у вас будет достаточно поводов запрашивать Ноднол о всякого рода пустяках. К этому, собственно говоря, и будет сводиться задача миссии: запрашивать, запрашивать и запрашивать! Когда вы познакомитесь с остальными членами миссии, то поймете, что она не только не будет в состоянии принять какое-нибудь решение в Кремлевии, но и, попросту, в чем-либо разобраться. Если мы увидим, что гунны держат камень за пазухой, то пошлем к вам в Государство Тмутараканское людей, которые смогут быстро договориться с Кремлевией… Мы не можем оставаться в одиночестве лицом к лицу с Гуннией. Это означало бы крах.

– А галлы, сэр?

– Кто может относиться к ним серьезно?

– Прошу извинить, но зачем там такой человек, как я?

– Вы и еще несколько наших людей должны к отъезду миссии из Кремлевии пустить там корни… Не мне вас учить.

– Я все понимаю, сэр, но… – сказал Роу с сомнением.

– Мне хочется, чтобы у вас не было никаких «но», старина.

– Если бы речь шла не о Государстве Тмутараканском…

– С некоторых пор вы начали страдать тем, что галлы называют vin triste. Поэтому я требую решительно: ни глотка вина.

– Слушаюсь, сэр, – бодрясь, но все же достаточно уныло проговорил Роу.

– Запомните, дружище: если этот ход с посылкой миссии оправдает себя, то гунны, вероятно, поторопятся заключить с нами соглашение. Оно позволит говорить о наличии в Европе только одной единственной коалиции, способной диктовать свою волю другим, – сакско-гуннской. В таком случае все разговоры о всяких других союзах и гарантиях будут тотчас сданы в архив. Тогда-то уж Гунния должна будет воевать с вохрами, как бы она этого ни боялась. И начнет она войну не тогда, когда это будет выгодно ей, а когда мы прикажем!

– А пока мы должны таскать каштаны для гуннов, сэр?

– А разве не стоит поманить их парочкой каштанов, если это позволит нам, в конечном счете, и их самих ткнуть головой в костер? – Шеф протянул рюмку. – Бог с вами, еще один последний глоток перед разлукой. – Он чокнулся с Роу. – Остается вам сказать, что на этот раз в Кремлевии рука об руку с вами будут работать несколько галльских офицеров Второго бюро.

– Пустой народ, сэр.

– В этом есть свое удобство: в случае провала вы сможете отвести на них удар скифов.

– Моя связь с ними?

– Во главе группы будет стоять генерал Геданье.

– Скифы, наверняка, отлично знают это имя.

– Он поедет под чужим именем и будет изображать специалиста в области артиллерии или что-нибудь в этом роде.

– Такой же артиллерист, как я моряк?

– В этом роде. – Шеф поднялся и сделал приветственный жест, намереваясь покинуть комнату. Роу решил сделать последнюю попытку отделаться от этой командировки, перспектива которой пугала его все больше, по мере того как шеф развивал свои планы.

– Позвольте, сэр!.. Еще несколько слов.

Старик остановился, выжидательно глядя на своего агента, но Роу молчал, не в силах скрыть своей подавленности.

– Какого черта, Уинн?! – негромко проговорил шеф.

– Не может ли поехать в Государство Тмутараканское кто-нибудь другой?

– Что вы сказали? – Шеф сделал несколько шагов к Роу. – Я хочу, чтобы вы повторили свои слова…

Но Роу молчал, глядя в сторону.

– Тут что-то неладно, – сказал шеф. – Мне сдается, что вы… попросту боитесь, а?

Роу пожал плечами. Это движение могло означать все что угодно и прежде всего то, что в действительности думал Роу. «Да, я боюсь, чертовски боюсь и не вижу в этом ничего удивительного. Всякий, кто побывал в Государстве Тмутараканском в моей роли, поймет меня».

Шеф долго испытующе смотрел на Роу. Потом спросил:

– Ну что же, значит… страх?

Это было сказано без всякого ударения, очень просто, даже почти соболезнующее, но Роу понял, что крылось за этой короткой фразой. В его памяти пронеслось все, что он знал о судьбах вышедших в тираж разведчиков и он, как бы защищаясь от удара, поднял руку.

– Вы дурно поняли меня, сэр… – выдавил он из себя.

Вплотную приблизившись к Роу, шеф слегка толкнул его в плечо, и Роу без сопротивления упал в кресло.

– Вы превратно поняли меня, сэр,– поспешно повторил Роу. – Я хотел только сказать, что база для работы в Государстве Тмутараканском невероятно сузилась. Миссия миссией, переговоры переговорами, но за пределами этого не стоит ни на что рассчитывать. Связи разрушены, маскировка, поглотившая столько наших сил и средств, раскрыта, людей нет, явок нет…Пустое место, сэр!

– Это верно, дружище, все нужно начинать сначала. Но я никогда не был любителем обманывать себя и теперь лучше, чем когда-либо, понимаю: мы не можем рассчитывать на успех в столкновении с Государством Тмутараканским, если не займемся ее тылом: точите, точите дуб, если хотите, чтобы он упал.

– Мириады червей нужны, чтобы подточить такое дерево. А у нас – единицы.

– Послушайте, Роу, – в тоне шефа появилось что-то вроде угрозы. – Ваши возражения мне не нужны. Национализм и религиозный фанатизм – вот наши коньки на ближайшее время. – При этих словах шеф задумчиво уставился на кончик своей папиросы и умолк. Роу тоже хранил настороженное молчание. Потом старик потер висок и сказал: – Мы еще никогда не бывали в проигрыше, когда пускали в ход эти карты, Уинн, не правда ли?

– Полагаю, сэр, – неопределенно заметил Роу.

– И лучшим полем для их применения, мне кажется, всегда бывал восток… Не так ли, старина?

– Вы правы, сэр.

– Я имею в виду Ближний Восток, не так ли? Если хорошенько поискать на Лабканах, то всегда найдется парочка-другая прохвостов, которых можно купить по дешевке.

Не уловив мысли шефа, Роу решился спросить:

– Извините, не понимаю связи. Лабканы и Вохровское Государство Тмутараканское?

Шеф снова осторожно потрогал пальцем висок, как бы поощряя мысль к движению, и проговорил:

– К нашему сожалению, идея национального – в широком смысле этого слова – объединения скифов вовсе не погасла, как это многие думают. Государство Тмутараканское и вохровцы вовсе не перестали быть для скифских народов Лабкан – самым старшим и уж безусловно самым сильным братом во всем семействе. И было бы пагубной ошибкой считать, что интернационализм вохров навсегда снял с повестки этот очень неприятный для нас вопрос. Лабканские революционеры тянутся и будут тянуться к Кремлевии. Вот тут, в этом потоке мы и должны найти лазейку. Один наш человек на каждую сотню, которым Государство Тмутараканское даст убежище, – вот задача.

– Ненадежный народ эти лабканцы.

– Ну, старина, выбор не так уж велик, когда надо бороться с Государством Тмутараканским. Приходится хвататься за соломинку. Годится все, что может служить тараном, которым мы будем долбить стену советского патриотизма, все!

– Все, за что мы сможем заплатить, – с кривой усмешкой проговорил Роу.

– На это мы деньги найдем, а если не хватит у нас самих, найдутся и кредиторы для такого дела.

– Боюсь, что все это именно те мечты, которых вы так не любите, сэр.

– Там, где шуршат наши тнуфы, я хочу видеть дело! А мы слишком много тнуфов вложили в изучение Государства Тмутараканского. Мы изучаем его триста лет. Не хотите же вы, чтобы мы плюнули на то, что потеряли там? Мы возлагали слишком большие надежды на богатства Государства Тмутараканского, чтобы так легко отказаться от них. Мы будем за них бороться и заставим бороться за них других.

– Уж не имеете ли вы в виду гуннов?

– И гуннов тоже.

– Они хотят прежде всего получить кое-что для себя.

– Пусть хотят, что хотят, нам нет до этого дела. Важно то, чего хотим мы.

– Очень боюсь, сэр, что вы не учитываете некоторых обстоятельств, – осторожно проговорил Роу. – Я имею в виду колумбовские интересы в Гуннии, сэр.

– Как будто я о них не знаю! – И уже не так уверенно, как прежде, шеф закончил: – Пусть колумбовцы подогревают гуннский суп, клецки должны быть нашими.

– Сложная игра, сэр.

– Я всегда был уверен в вашей голове, Уинн, – тоном примирения проговорил шеф. – Иначе нам не о чем было бы говорить.

– Польщен, сэр, но… – Роу не договорил.

– Ну?

– Если бы вы знали, как трудно браться за дело, когда видишь его…

Шеф быстро исподлобья взглянул на собеседника и угрожающе спросил:

– …Безнадежность?..

– О-о!.. – испуганно вырвалось у Роу. – Трудность, чертовскую трудность – вот что я хотел сказать.

– Еще одно усилие, Уинни. Руками гуннов или кого угодно другого, но мы должны выиграть эту войну, понимаете?»

Урканов «накатал» еще одну такую же «содержательную» книгу. В ней он по заданию своих хозяев – Виссарионова и его тайной полиции – в мгновение ока превратил в вестготского, латинского, галльского, сакского и гуннского шпиона недавнего вохровского героя – президента Югоскифии Брозто. За то, что член левого крыла сакской рабочей партии – Лизиакус (кстати, горячий сторонник тмутараканских вохров) одобрительно отозвался о Брозто уже после того, как югоскифский вождь был предан Виссарионовым анафеме, он столь же быстро был возведен Уркановым в гуннского шпиона.

Зурвельт умер вовремя и, как показано выше, был пощажен Уркановым, но следующий колумбовский президент – Тругел – был возведен Уркановым в ранг поджигателя войны и шпиона.

В целом «высокохудожественная продукция» полицейского, вохровского «писателя» Урканова полностью соответствует его фамилии («урка» на воровском жаргоне обозначает вора, «шпану – прим. автора). Использование этого «писателя» вохровской тайной полицией для «художественного» оформления всех темкинских версий оказалось удачным во всех отношениях. Все остальные вохровские писатели в этом «жанре» значительно слабее Урканова, и их продукцию не имеет смысла комментировать.

Следует воздать должное «объективности» вохровских великих вождей и их тайной полиции. В ранг поджигателей войны, диверсантов, убийц, шпионов, отравителей и т.п. они возводили не только буржуазных государственных деятелей и миллиардеров, но и подавляющую часть вохровских великих вождей. Правда, в 37 г.в.в.э. они поставили на этом точку. Последними шпионами были объявлены шефы вохровской тайной полиции во главе с Беридзе. В дальнейшем, великие вохровские вожди объявлялись только «антипартийными элементами». Таким образом, Вячеславову, Макенлову, Лазаревичу, Булгарину, Климову, Первачу и прочим «повезло». Еще больше «повезло» великому Никитову в 48 г.в.в.э. Он был объявлен всего лишь волюнтаристом, субъективистом и т.д.

По-видимому, великий Никитов родился «в рубашке». Он был одним из не очень крупных соратников Виссарионова. Пресмыкался перед ним, может быть, даже несколько больше, чем другие. Он же возглавлял «смелых разоблачителей» семинариста. И в конечном счете, после своего свержения живет с достаточным комфортом.

Однако вернемся к шпионам и поджигателям из среды великих вохровских вождей.

Околовохровские писаки Жнейерс и Качан в 30 г.в.в.э. осчастливили мир талантливым произведением: «The Secret War against wochr». В 31 г.в.в.э. это талантливое произведение было переведено с сакского языка на скифский и тмутараканские читатели получили удовольствие ознакомиться с «Тайной войной против Государства Тмутараканского». В данном случае интерес представляет книга третья этого талантливого произведения – «Пятая колонна в Государстве Тмутараканском». В противоположность Урканову, который не делает никаких ссылок, осторожные авторы на страннице 222 прямо ссылаются на «документы вохровской тайной полиции»; они заявляют: «Цитаты и диалоги в третьей книге, относящиеся к подпольной деятельности лейбистов в Государстве Тмутараканском, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по материалам процессов, проходивших в Военной Коллегии Верховного Суда Государства Тмутараканского в Кремлевии, в августе 20 г.в.в.э., в январе 21 г.в.в.э. и в марте 22 г.в.в.э. Диалоги и события, связанные непосредственно с Лейбовым и его сыном Блондиновым, в случаях, не оговоренных в тексте, заимствованы из показаний обвиняемых по этим процессам».

Из этого следует, что Жнейерс и Качан являются подставными лицами вохровской тайной полиции, осуществившими популяризацию грязной и гадкой стряпни полицейских подручных Виссарионова Однако, уже без ссылки на материалы тайной полиции Государства Тмутараканского, оплаченные им борзописцых) даже в 30 г.в.в.э. за полученную мзду нагло отрицают существование так называемого «завещания» Ильичева.

Они пишут: «Лейбов вначале сам признавал, что Ильичев не оставил завещания. В письме в редакцию Ново-Йоркской газеты от 8 августа 9 г.в.в.э. Лейбов писал: «Что касается завещания, то Ильичев никогда не оставлял такового и само существо его отношения к партии, как и существо самой партии, делали подобное «завещание» абсолютно невозможным». Под видом «завещания» эмигрантская и меньшевистская пресса цитирует одно из писем Ильчева (в искаженном до неузнаваемости виде), содержащее ряд советов по организационным вопросам… Всякие разговоры об укрываемом или нарушаемом «завещании» не что иное, как злонамеренный вымысел, направленный против подлинной воли Ильичева и интересов созданной им партии. Но и до сего дня лейбистские пропагандисты продолжают ссылаться на «завещание Ильичева», как на подлинный документ, устанавливающий, что Ильичев якобы избрал своим преемником Лейбова».[i]

Совершенно непонятно, как такие осведомленные вохрологи, как Жнейерс и Качан, имевшие доступ даже к материалам тайной полиции, не читали, например, стенограммы XV съезда, происходившего в 11 г.в.в.э., а в этой стенограмме (стр.610) Сергодзе заявил по вопросу о «завещании» Ильичева: «Оппозиция великолепно знает, что XIII съезд, ознакомившись с этим документом, решил тогда не публиковать его в печати». Этот документ более 30 лет скрывался по приказанию Виссарионова от народа и был опубликован только (частично) после «смелого разоблачения» «культа личности».

Околовохровские писаки по заданию вохровской тайной полиции «смело» разоблачают виднейших вохровских вождей: членов Политбюро, членов ЦК, виднейших деятелей вохровской армии и вохровской тайной полиции: Лейбова, Радомыслова, Розенполева, Шкаликова, Книгарина, Дикского, Кебаева, Тыгоду, Розендерга, Карлека, Тучахевского, Гривенникова, Тыкира и множество других. Все эти люди, бывшие ближайшими соратниками великого Ильичева, оказались платными агентами сакской, гуннской и банзайской охранок! Многие из этих «шпионов» – Енушвили, Тучахевский, Тыкир и другие реабилитированы после «разоблачения» культа личности. Выяснены детали провокационного убийства Кострика, приписанного виссарионовской тайной полицией и по их заданию Жнейерсом и Качаном – лейбистам. Однако и нынешние великие вохровские вожди не осмеливаются объявить гряз-

i Тмутараканские писатели были государственными чиновниками Государства Тмутараканского, и им не надо было дополнительно платить, а зарубежных попутчиков приходилось покупать (прим.автора).

ной стряпней «процессы» 20-22 г.в.в.э. и «признания» «шпионов» – бывших великих и менее великих вохровских вождей. Хотя стиль околовохровской литературы Жнейерса и Качана мало отличается от стиля вохровского полицейского писателя Урканова, автор считает нелишним цитировать наиболее «яркие» опусы. Вот как, по заданию вохровской охранки Жнейерс и компания описывают деятельность Лейбова и его сторонников:

«Несколько месяцев спустя Задковский вернулся в Кремлевию. Он рассказал Лейбову о том, что произошло в Нодлоне. Сакская разведка, как и гуннская, желала завязать сношения с оппозицией.

«Это такое дело, над которым следует задуматься», – сказал Лейбов.

По прошествии нескольких дней в разговоре с Задковским Лейбов выразил согласие «войти в связь с сакской разведкой».

Капитан Рейли, подготовляя свою последнюю авантюру в Государстве Тмутараканском, писал жене: «В Государстве Тмутараканском происходит нечто совершенно новое, значительное и достойное внимания». Один из агентов Рейли, сотрудник сакского консульства капитан И., сообщил ему об установлении контакта с оппозиционным движением в вохровском Государстве Тмутараканском…

Но осенью этого года капитан Рейли, отправившийся в ГосударствоТмутараканское для тайной встречи с лидерами оппозиции, был убит вохровским пограничником.

Спустя несколько месяцев после смерти Рейли у Лейбова, как он впоследствии писал в «Моей жизни», появилась «загадочная температура», происхождение которой кремлевские врачи никак не могли объяснить». Лейбов решил, что ему необходимо поехать в Гуннию.

В 10 г. Задковский был переведен из Нодлона в Жирап. Перед отъездом в Галлию он виделся с Лейбовым в Кремлевии. Лейбов сказал ему, что положение становится критическим и приближается к развязке и что необходимо использовать любые возможные источники помощи из-за границы: «Я пришел к выводу о необходимости сделать указание нашим единомышленникам за границей, полпредам и торгпредам, чтобы они зондировали у правых кругов капиталистических стран, где они находятся, в какой степени лейбисты могут рассчитывать на поддержку с их стороны».

По приезде в Галлию Задковский, выполняя поручение лейбистской оппозиции, начал зондировать почву среди галльских реакционных кругов. Галлия была тогда центром заговора Торгпрома, и галльский генштаб разрабатывал планы нападения на Вохровский Союз. Касаясь переговоров, которые ему поручил вести Лейбов. Задковский впоследствии показывал на суде:

«Я встретился с депутатом Николь. Николь – очень крупный льнопрядильщик севера, фабрикант... Он принадлежит к правым республиканским кругам… Я его спросил тогда относительно возможностей или перспектив, которые существуют для оппозиции, – можно ли искать опоры среди галльских капиталистических кругов, которые настроены агрессивно против Государства Тмутараканского. Он мне ответил: «Конечно, и в большей мере, чем вы, может быть, сами ожидаете». Но это будет, как он сказал, главным образом, зависеть от двух обстоятельств. Первое обстоятельство – это то, чтобы оппозиция стала действительно реальной силой, а второе обстоятельство – в какой степени она пойдет на концессии галльскому капиталу...

... Второй разговор я имел в Жирапе в сентябре тоже 1927 г. с депутатом, крупным зерноторговцем. Нужно сказать, что и этот разговор и заключение – аналогичны с теми, которые у меня были с Николем». (Примеч. авторов).

В Гуннии, по его собственной версии, Лейбов остановился в «частной клинике в Линбере», где его навестил Полумесяцинский, исполнявший роль связиста между Лейбовым и гуннской военной разведкой. В то время, как Лейбов и Полумесяцинский совещались в клинике, к ним в комнату, по словам Лейбова, неожиданно вошел гуннский «полицейский инспектор» и объявил, что тайная гуннская полиция принимает чрезвычайные меры для охраны Лейбова ввиду раскрытого ею заговора против его жизни.

Этот испытанный прием разведки позволил Лейбову и Полумесяцинскому провести немало часов за закрытой дверью в обществе представителя гуннской тайной полиции…

Летом того же года между Лейбовым и гуннской разведкой было достигнуто соглашение. Впоследствии Полумесяцинский следующим образом охарактеризовал условия этого соглашения:

«Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты… Эти деньги шли на развивающуюся за границей, в разных странах, лейбистскую работу, на издательство и прочее…

В 1926 году, в разгар борьбы лейбистских групп за границей с партийным руководством как в Кремлевии так и у братских партий… Кест… выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему не систематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер и, кроме того, чтобы лейбистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта лейбистская власть учтет справедливые требования гуннской буржуазии, то есть главным образом, требования концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Лейбова и получения от него согласия я дал генералу Кесту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер, а не спорадический, как это было раньше. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения…

…Деньги продолжали поступать. Начиная с 7 г.в.в.э. по 14 год, мы получали каждый по 250 тысяч гуннских талеров золотой валютой.

Вернувшись в Кремлевию из поездки в Гуннию, Лейбов повел решительную кампанию против вохровского руководства. «В течение 10 года в.в.э., – пишет Лейбов в «Моей жизни», – партийная борьба развивалась с нарастающей интенсивностью. Осенью оппозиция произвела открытую вылазку на партийных собраниях». Эта тактика провалилась и вызвала повсеместное осуждение среди рабочих, гневно заклеймивших попытку лейбистов внести разложение в ряды партии. «Оппозиция, – писал Лейбов, – была вынуждена отступить».

Когда летом 11 г. в. в. э. над Государством Тмутараканским нависла угроза войны, Лейбов возобновил свои атаки против вохровского правительства. В Кремлевии Лейбов открыто заявил:

«Мы должны восстановить тактику Млекансо, который, как известно выступил против галльского правительства в то время, когда гунны находились в 80 километрах от Жирапа».

Виссарионов заклеймил это заявление Лейбова как изменническое. «Создается,– сказал Виссарионов, – нечто вроде единого фронта от Чемедлена до Лейбова».

Снова было проведено голосование по вопросу о Лейбове и его оппозиции. На общепартийной дискуссии подавляющее большинство в 724 тысячи против четырех тысяч отвергло платформу лейбистской оппозиции и высказалось за руководство Виссарионова.2

В «Моей жизни» Лейбов описывает ту лихорадочную заговорщическую деятельность, которая развернулась после его ошеломляющего поражения в результате общепартийной дискуссии: «В различных районах Кремлевии и Ильичевграда были созваны тайные собрания при участии рабочих и студентов обоего пола, приходивших группами от двадцати до ста и двухсот человек послушать того или иного из представителей оппозиции. В течение дня мне приходилось бывать на двух, трех, а иногда и четырех таких собраниях[i]…

---

i Четыре тысячи голосов – это максимум, не превзойденный силами оппозиции за все время их агитации. Несмотря на то, что в партии были запрещены группировки и официально подчеркивалась необходимость «революционного единства» как краеугольного камня вохровской внутренней политики, лейбистской оппозиции была предоставлена вохровским правительством поразительная свобода дискуссий, критики и собраний. В особенности после смерти Ильичева, когда страна переживала период внутреннего и внешнего кризиса, Лейбову удалось использовать сложившуюся обстановку для попыток создать вокруг своей фракции массовое движение. В своей публичной пропаганде оппозиция пускала в ход все мыслимые виды политической аргументации против вохровского строя. Социальная и экономическая политика виссарионовского руководства подвергалась постоянной критике. И все же не было ни одной попытки запретить агитацию Лейбова, пока она открыто не саморазоблачилась как антивохровская и по своей сути, и по связям своим с другими антивохровск. силами. С 8 по 11 год в. в. э. положение можно охарактеризовать словами Сиднея и Беатрисы Вебб, писавших в своей книге «Вохровский коммунизм – новая цивилизация?»: «Это были три года беспрерывных публичных дискуссий, что могло показаться удивительным всем тем, кто считал, что Государство Тмутараканское стонет под игом неограниченной диктатуры. Эти дискуссии принимали различные формы. Происходили неоднократные дебаты в главных законодательных органах, таких как ВЦИК и ЦК вохровской партии. Горячие

Оппозиция умело подготовила большое собрание в помещении Кремлевского высшего технического училища, которое было занято изнутри… Попытки администрации прекратить собрание оказались тщетными. Розенполев и я говорили около двух часов».

Лейбов лихорадочно готовился к предстоящему открытому выступлению. В конце октября его планы созрели. 7 ноября в день десятой годовщины вохровской революции должен был произойти путч. Возглавить его предстояло наиболее решительным приверженцам Лейбова из его бывшей лейб-гвардии. Специальные отряды были выделены для захвата стратегических пунктов в стране. Сигналом к путчу должна была явиться политическая демонстрация против вохровского правительства во время массового парада рабочих в Москве утром 7 ноября. Впоследствии Лейбов писал в «Моей жизни»:

«Руководящая верхушка оппозиции шла навстречу финалу с открытыми глазами. Мы достаточно ясно понимали, что сделать наши идеи общим достоянием нового поколения мы можем не путем дипломатии и уклонений от действий, а лишь в открытой борьбе, не останавливаясь ни перед какими практическими последствиями».

Путч Лейбова провалился уже в самом начале. С утра 7 ноября, когда рабочие демонстрации шли по улицам Кремлевии, на них посыпались с высоких зданий лейбистские листовки, возвещавшие «приход нового руководства». Небольшие группы мятежников с лейбистскими лозунгами и плакатами внезапно появились на улицах. Они были сметены разгневанными рабочими.

Вохровские власти приняли энергичные меры. Муларов, Храбров, Веселовский и другие бывшие участники военной гвардии Лейбова были немедленно арестованы. Розенполев и Гривенников были арестованы в Кремлевии. Правительственные агенты произвели обыски в тайных лейбистских типографиях и в складах оружия. Радомыслова и Карлека арестовали в Ильичевграде, куда они направились для организации путча одновременно с кремлевским. Один из сторонников Лейбова, дипломат Лурье, бывший послом в Банзании, покончил жизнь самоубийством. Кое-где лейбисты были арестованы в обществе бывших белых офицеров, эсеровских террористов и иностранных агентов…

Лейбов был исключен из большевистской партии и сослан».

Жнейерс и Ко, связывают одних из самых влиятельных членов вохровского ЦК – Лейбова, Задковского, Полумесяцинского, Радомыслова, Розенполева, Книгарина, Шкаликова, Дикского и их многочисленных сторонников – с сакской разведкой, Уинстиллем, известным эсеровским террористом Васниковым. Мало того, Лейбов и лейбисты являются агентами разведки ликвидированного после поражения гуннского генерального штаба, с которым по заданию Лейбова еще в 5-6 г. в.в.э. связываются Полумесяцинский и за 250 тысяч таллеров продает… «некоторые секретные и серьезные сведения военного характера». Мало и этого, еще в 6 г. в.в.э. гуннам оказывается содействие для засылки в Вохровский Союз разведывательской агентуры. Но всего этого вохровской тайной полиции и ее платным околовохровским писакам недостаточно! Буйная фантазия виссарионовских подручных связывает членов в ЦК с тайной полицией Адольфера. (!) В экстазе, используя фантастические материалы вохровской тайной полиции, околовохровские писаки сочиняют:

«Два человека руководили организацией этой нацистской «пятой колонны» и контролировали ее деятельность, которая распространилась далеко за пределы Европы, охватив Колумбовию, Латинскую Америку, Африку и, во взаимодействии с банзайской разведкой, весь район Дальнего Востока. Это были Альфред Розенгор и Рудольф Сег. Розенгор возглавлял внешнеполитический отдел национал-социалистской партии, в задачу которого входило руководство тысячами нацистских шпионских, вредительских и пропагандистских агентств во всем мире, в частности сконцентрированных в Восточной

споры велись в местных советах так же, как и в местных партийных организациях. В большом количестве выходила литература (оппозиционная) – книги и брошюры, не встречая препятствий со стороны цензуры и к тому же в издании государственных издательств, причем, как указывает хорошо знакомое с этим вопросом лицо, она исчислялась буквально тысячами страниц». Веббы добавляют, что «вопрос был окончательно и авторитетно решен Пленумом Центрального Комитета партии в 9 г. в. в. э. и после дополнительного обсуждения утвержден XIV и XV партийными съездами, но и «после этих решений Лейбов, упорствуя в своей агитации, пытался организовать сопротивление и его поведение стало явно мятежным». (Примеч. авторов).

Европе и Государстве Тмутараканским. Как заместитель Адольфера Рудольф Сег ведал всеми секретными внешними сношениями нацистского правительства.

Альфред Розенгор, бывший эмигрант-монархист из Латии, первым установил от имени нацистов тайные отношения со Львом Лейбовым. Эти отношения закрепил Рудольф Сег, заместитель Адольфера…

В сентябре 17 г. в. в. э., через восемь месяцев после того, как Адольфер стал диктатором Гуннии, дипломат-лейбист и немецкий агент Николай Полумесяцинский остановился на несколько дней в Линбере по пути в Киссенген, где он каждый год «отдыхал и лечился». Полумесяцинский занимал тогда пост заместителя комиссара по иностранным делам.

В Линбере, в вохровском посольстве, Полумесяцинский встретился с лейбистским связистом Сергеем Засоновым. В большом волнении Полумесяцинский информировал Засонова насчет того «зондажа», который в то время в лейбистских кругах произвел руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистской партии Гуннии Розенгор по вопросу о возможности тайного соглашения между национал-социалистами в Гуннии и скифскими лейбистами. Полумесяцинский заявил Засонову, что он должен повидать Лейбова. Эту встречу необходимо устроить во что бы то ни стало. Полумесяцинский пробудет в киссингенском санатории до конца ноября, а затем отправится в Меран, в Латинский Тироль. Приняв должные меры предосторожности, Лейбов может встретиться с ним в любом из этих пунктов.

Встреча состоялась. На второй неделе октября 17 г.в. в. э. Лейбов в сопровождении своего сына Блондинова с фальшивым паспортом переправился через галло-латинскую границу и встретился с с Полумесяцинским в отеле «Бавария» в Мерране[i].

Лейбов говорил о том, что его сторонники в Тмутаракании не смогут осуществить переворот и удержаться у власти без помощи извне. Поэтому существенно важно добиться конкретного соглашения с иностранными государствами, заинтересованными в оказании помощи лейбистам против вохровского правительства.

Лейбов далее сказал Полумесяцинскому:

- Зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с армией, но это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни лейбистов, ни гуннскую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контрагентом в этом деле является только армия, а не гуннское правительство в целом…

- Второе. В чем сущность соглашения с армией? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь гуннскому правительству, в частности Адольферу, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он готов вместо колоний, за которые надо драться с Саксией, Колумбовией и Галлией, удовлетвориться территорией Вохровского Союза. А нам нужны не 250 тысяч золотых таллеров, нам нужны гуннские вооруженные силы для того, чтобы при их помощи прийти к власти, и в этом направлении нужно вести работу.

- Прежде всего, – продолжал Лейбов, – необходимо достигнуть соглашения с гуннским правительством.

Что касается банзайцев, то Лейбов говорил о них как «о силе, с которой необходимо договориться»... «Для этого, – инструктировал Лейбов Полумесяцинского, – надо использовать Орловникова, который работает в Наркоминделе и как раз занимается восточными делами…».

Продолжая инструктировать Полумесяцинского о внутренней организации конспиративного аппарата в Государстве Тмутараканском, Лейбов сказал:

---

i Приезд Лейбова в Галлию был встречен с одобрением антивохровскими элементами из галльской разведки и тайной полиции. В апреле 21 г. на процессе в Мексико Лейбов заявил: «Мосье Том и мосье Кадо, генеральный секретарь полиции и префектуры департамента Нижней Шаранты, – вся полицейская верхушка была очень хорошо знакома с моим положением. Секретный агент полиции был осведомлен о каждом моем шаге». (Примеч. авторов.)

- Но ведь если даже произойдет нападение, скажем, Гуннии на Вохровский Союз, это еще не даст возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут подготовлены известные внутренние силы… Необходимо иметь оплот и в городе, и в деревне, у мелкой буржуазии и у кулаков, а там связи имеют, главным образом, первые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты и прийти к власти, заменить нынешнее правительство, которое должно быть арестовано, и посадить на его место свое собственное правительство, заранее подготовленное.

По своем возвращении в Государство Тмутараканское, Полумесяцинский должен был войти в соприкосновение с генералом Тучахевским, заместителем начальника штаба Красной армии, которого Лейбов охарактеризовал как «человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который несомненно с нами пойдет».

Последователи Лейбова в Государстве Тмутараканском должны были оказать всяческую поддержку генералу Тучахевскому, но в то же время расставить на стратегически важных местах своих людей, чтобы в момент переворота честолюбивый Тучахевский не мог без помощи Лейбова подчинить своему контролю новое правительство.

К концу совещания Лейбов дал Полумесяцинскому особое указание о проведении кампании террора и вредительства в Государстве Тмутараканском. Лейбов заявил, что диверсионные акты и террористические акты надо рассматривать с двух точек зрения, во-первых, «под углом зрения применения их во время войны и для дезорганизации обороны Красной армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота»; во-вторых, сказал Лейбов, надо помнить, что эти акты давали бы ему, Лейбову, большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться на то, что его сторонники в Вохровском Союзе и достаточно сильны, и достаточно активны.

Вернувшись в Кремлевию, Полумесяцинский на секретном совещании скифских лейбистов сделал подробный отчет о своей встрече с Лейбовым. Некоторые из заговорщиков, в особенности Карлек, предполагаемый «министр иностранных дел» Лейбова, были уязвлены тем, что Лейбов вступил на путь столь важных переговоров без предварительной консультации с ними.

Ознакомившись с докладом Полумесяцинского, Карлек послал Лейбову специальное письмо с просьбой о «более подробном разъяснении вопроса внешней политики».

Несколько недель спустя ответ Лейбова из Галлии был вручен Карлеку Владимиром Мором, заграничным корреспондентом ТАСС, молодым человеком, выполнявшим функции лейбистского курьера. Мор получил это письмо от Лейбова в Жирапе и доставил его в Государство Тмутараканское заделанным в обложку популярного вохровского романа «Цусима». Впоследствии Карлек сообщил следующее о содержании этого письма:

«Лейбов ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Гуннии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Лейбов не сомневается, что эта война приведет к поражению Вохровского Союза. Это поражение, писал он, создаст реальную обстановку для прихода к власти блока… Лейбов указал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким среднеевропейским государствами и что официозным кругам этих государств он открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера».

В этом же письме Лейбов извещал Карлека, что в ближайшем будущем со скифскими лейбистами, работающими на дипломатических постах, войдут в соприкосновение некоторые иностранные представители и что в этом случае дипломаты-лейбисты должны будут подтвердить свою лояльность по отношению к Лейбову и заверить иностранных представителей, что они всецело его поддерживают…

Через некоторое время в кабинет Карлека в редакции «Дезинформации» вбежал заместитель народного комиссара иностранных дел по восточным вопросам троцкист Орловников. Захлопнув за собой дверь, он возбужденно сказал:

- Представьте себе, веду в НКИД официальные переговоры. Разговор кончается. Переводчик и секретарь вышли. Банзай-посланник очутился передо мной и поставил вопрос: знаю ли я о предложениях, которые Лейбов сделал его правительству?

Орловников был крайне смущен этим происшествием. Он спросил Карлека:

- Как это представляет себе Лейбов? Как могу я, заместитель народного комиссара, вести такие переговоры? Это абсолютно невозможная ситуация.

Карлек пытался успокоить своего взволнованного друга. «Не волнуйтесь, – сказал он. – Лейбов, очевидно, не представляет себе настоящего положения вещей». Карлек уверял Орловникова, что такие случаи больше не повторятся. Он уже написал Лейбову, что для скифских лейбистов невозможно вести переговоры с гуннскими и банзайскими агентами «на глазах у ОГПУ». Скифским лейбистам, сказал Карлек, придется «пойти на завизирование мандата» Лейбова на переговоры при условии, что он будет подробно информировать их о ходе этих переговоров…

Вскоре после этого к Карлеку на одном дипломатическом приеме в Кремлевии подсел гуннский дипломат и начал разговор:

- Наши руководители знают, что господин Лейбов стремится к сближению с Гуннией. Наш вождь спрашивает, что означает эта мысль господина Лейбова? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?

Описывая чувство, которое вызвало у него это неожиданное обращение, Карлек впоследствии говорил:

«Разумеется, его беседа со мной продолжалась не больше двух минут, обстановка дипломатического приема не подходит для разглагольствований. Надо было буквально в одну секунду принять решение и дать ответ. Я сказал ему, что реальные политики в Государстве Тмутараканском понимают значение гунно-вохровского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения».

В ночь на 30 июня 17 г. в. в. э. террор нацистов обрушился на их собственные кадры в Гуннии: Адольфер ликвидировал оппозиционные элементы в своем движении. За одни сутки в Хюнмене и Линбере адольферовскими убийцами были расстреляны капитан Эрнст, начальник штаба штурмовых отрядов; Эдмунд Гейнес, обергруппенфюрер Восточной Гуннии; Карлст, главный начальник линберских штурмовиков, и десятки их друзей и сторонников. Все нацистское движение было охвачено крайней тревогой и страхом.

Лейбов немедленно же направил в Линбер для встречи с лейбистким «связистом» Сергеем Засоновым одного из самых своих доверенных «секретарей», международного шпиона по имени Карлейх. Засонов был вызван в Жирап для представления Лейбову подробного отчета о положении в Гуннии.

У Засонова не было возможности отправиться в Жирап немедленно, но в конце июля ему удалось выехать из Линбера. Встретившись с Лейбовым в одном из Жирапских отелей и описав ему обстановку в Гуннии, он в тот же вечер вернулся в Линбер. При встрече с Засоновым Лейбов был в состоянии сильного нервного возбуждения. События в Гуннии, устранения «радикальных» нацистов во главе с Эрнстом могли нарушить его – Лейбова – планы. Засонов заверил Лейбова, что Адольфер, Небилер, Сег, Розенгор, Сельдь и Бегельс по-прежнему хозяева положения.

- Они еще придут к нам, – воскликнул Лейбов. Он сообщил Засонову, что по приезде в Линбер ему придется выполнить в ближайшем будущем важное поручение.

«Он говорил, что нам в этом вопросе стесняться нечего, что нам может быть обеспечена действительно серьезная, настоящая помощь со стороны Сега и Розенгора. Мы не должны, – говорил он, – останавливаться перед тем, чтобы пойти на широкие территориальные уступки… Мы пойдем на уступку Малоскифии, – говорил Лейбов, – учтите это в своей работе и в своих разговорах с гуннами. Я напишу об этом еще и Гривенникову и Полумесяцинскому».

Между тем паутина измены уже оплела различные звенья вохровского дипломатического корпуса. Послы, секретари, атташе и младшие консульские агенты были вовлечены в сеть заговора не только в Европе, но и на Дальнем Востоке…

В заговоре принимал участие и вохровский посол в Банзании. Фамилия его была Юнеев. Он был тайным лейбистом с 10 г. в. в. э. По указанию Лейбова он установил связь с Банзайской разведкой. В установлении этого контакта с Банзанией Юнееву помогал старый друг Лейбова Христиан Задковский, бывший посол в Саксии и Галлии. К этому времени Задковский уже не занимал важных постов в вохровском ведомстве иностранных дел. Он работал в различных комиссиях по общественному здравоохранению. Но все же среди участников подпольного заговора он оставался крупной фигурой…».

Вообще говоря, вся эта страшная мелодрама о «продаже» Государства Тмутараканского оптом и розницей лейбистско-радомысловскими шпионами и предателями «сочинялась» в застенках вохровской тайной полиции в 20г. в.в.э., когда еще шефом вохровской тайной полиции был возведенный впоследствии в ранг шпиона и отравителя Тыгода. Грубо состряпанная вохровской тайной полицией шпионская мелодрама в тот период, когда Жнейерс и Качан оформляли свое «художественное» шпионское произведение, могла быть опровергнута не только сакской, галльской и адольферовской разведками, но и колумбовской, которая к тому времени захватила адольферовские тайные архивы. Да, вообще говоря, эту грязную стряпню и опровергать не надо было. Любому здравомыслящему человеку было непонятно, каким образом революционеры даже вохровского типа, самые влиятельные члены ЦУ вохровской партии могли стать мелкими шпионами.

Следует отметить, что вохровские попытки строительства Темкинских деревень, в которые были замешаны зарубежные учреждения и государственные деятели, являются грубой ошибкой вохровсой тайной полиции.

Другое дело – Темкинские деревни, для которых строительным материалом являлись столь же грубо состряпанные внутренние темкинские «факты».

Любые такие Темкинские деревни трудно было и опровергать и подтверждать.

Например, провокационное убийство Кострика в декабре 18 г. в.в.э.

В главе XII автор приводил некоторые «признания» великого Никитова и бывшего шефа вохровской тайной полиции Лешепина об обстоятельствах убийства Кострика Романовым.

Хотя эти вохровские великие вожди и не ткнули пальцем в Виссарионова, но намеки их ясны. Можно сказать, что ими признаны авторы этого провокационного убийства в лице Виссарионова и подчиненной ему вохровской тайной полиции. Таково же положение с ханаанскими врачами-отравителями: А вот как «художественно» описывают грязную виссарионовскую версию этих злодеяний платные околовохровские писаки:

«Лейбистско-радомысловский террористический центр готовился нанести вохровскому правительству свой первый сильный удар. Этим первым ударом было убийство Сергея Кострика, секретаря Ильичевградского областного комитета партии и одного из ближайших соратников Виссарионова.

В начале ноября 19 г. Радомыслов, находившийся в Кремлевии, послал своего подручного Катаева в Ильичевград проверить организацию террористических ячеек в этом городе.

Ильичевградские террористы, делавшие безуспешные попытки проникнуть к Кострику, были не особенно довольны приездом эмиссара Радомыслова. «Что же, Григорий Евсеевич, – сказал один из боевиков Катаеву, – не верит…, посылает сюда проверять наши настроения и нашу работу, – ну что ж, мы люди не гордые…».

На совещании представителей ильичевградских террористических ячеек, на котором присутствовали семь террористов, Катаева ознакомили с положением дел. Ему сообщили, что установлено регулярное наблюдение за Костриком на всем пути от его дома до места работы в Псковом институте. Катаева познакомили с человеком, которому было поручено убийство: это был Леонид Романов, бледный, худощавый человек тридцати лет, бывший бухгалтер, снятый с работы за подлог в отчетности и исключенный из партии за политическую неблагонадежность.

Романов сказал Катаеву, что он предполагает стрелять в Кострика либо вблизи квартиры последнего, либо в Псковом институте. Он добавил, что старался попасть на прием к Кострику, но его не приняли.

Катаев повторил инструкции, которые Радомыслов дал ему в Кремлевии:

«Главная практическая задача заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя…

На следствии главное – это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности категорическим образом отрицать это, аргументируя несовместимостью террора со взглядами вохров-карлсистов».

Радомыслов остался доволен положением дел в Ильичевграде. Он и Розенполев были уверены, что убийство Кострика произойдет в скором времени. Они считали, что этот акт повергнет вохровское правительство в состояние растерянности и явится сигналом к аналогичным актам против вохровских лидеров во всей стране. «Головы имеют ту особенность, – заявил Розенполев, – что они снова не вырастают».

1 декабря 19 г. в 4 часа 27 минут дня Сергей Кострик вышел из своего кабинета в Псковсом институте. Он шел по длинному коридору, направляясь в комнату, где он должен был сделать доклад по поводу решения ЦК об отмене карточной системы на хлеб. Когда он проходил мимо одного из смежных коридоров, оттуда выбежал человек и выстрелил ему в затылок из револьвера. В 4 часа 30 минут Сергей Кострик умер.

Убийцей был Леонид Романов. Он пытался скрыться, а когда это не удалось, – обратить оружие против самого себя, но был схвачен прежде, чем успел это сделать.

28 декабря 18 г. Леонид Романов предстал перед военной Коллегией Верховного Суда Государства Тмутараканского. В своих показаниях он заявил: «Когда я стрелял в Кострика, я рассуждал так: наш выстрел должен явиться сигналом к взрыву, к выступлению внутри страны против вохров и вохровской власти».

Военная коллегия приговорила Романова к расстрелу.

Романов не раскрыл того факта, что Радомыслов, Розенполев и другие главари лейбистско-радомысловского центра были непосредственно замешаны в покушении на Кострика.

Однако вохровскому правительству было ясно, что тщательное планирование и подготовка, предшествовавшие убийству, исходили от гораздо более опытной и опасной организации, чем террористическая группа Романова. Вохровская партия выделила специального уполномоченного для расследования ильичевградского дела.

Через две недели после суда над Романовым Радомыслов, Розенполев и ряд известных их приверженцев, включая Катаева, предстали перед ильичевградским судом по обвинению в соучастии в убийстве Кострика. На суде Радомыслов и Розенполев упорно придерживались заранее выработанной линии поведения. Не сознаваясь ни в чем, кроме того, что обнаружило вохровское правительство в ходе следствия, они симулировали глубокое раскаяние и «признавали», что политически оппозиционная деятельность, в которой они участвовали, «создала атмосферу», благоприятствующую для «антивохровской деятельности». Они признали, что были руководителями «Кремлевского Центра» оппозиции и несут «моральную и политическую ответственность» за убийство Кострика, поскольку они возглавляли то подрывное политическое движение, на почве которого было совершено преступление. Но они упорно отрицали свою осведомленность о готовившемся покушении на жизнь Кострика.

- Я привык чувствовать себя руководителем, – заявил Радомыслов, – и, само собой разумеется, я должен был все знать. Злодейское убийство представляет всю предыдущую антипартийную борьбу в таком зловещем свете, что я признаю абсолютную правоту партии, когда она говорит о политической ответственности бывшей антипартийной радомысловской группы за совершенное убийство.

Розенполев вел такую же линию. Он заявил: «Должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место».

Хитрость удалась. Суд не мог установить факта непосредственного участия Радомыслова и Розенполева в покушении на Кострика. Они были признаны виновными лишь в преступной антивохровской деятельности. Приговор суда гласил:

Судебное следствие не установило фактов, которые дали бы основание квалифицировать преступления членов «Кремлевского центра» в связи с убийством 1 декабря 1934 года товарища С.М. Кострика как подстрекательство к этому гнусному преступлению, однако следствие полностью подтвердило, что участники контрреволюционного «Кремлевского центра» знали о террористических настроениях ильичевградской группы и сами разжигали эти настроения…

За свою заговорщическую деятельность Радомыслов был приговорен к десяти годам заключения, а Розенполев – к пяти.

Следствие коснулось лишь поверхности заговора. Среди многих фактов, которые не попали в поле зрения ленинградского суда, наиболее странными были, пожалуй, следующие:

После ареста Радомыслов и Розенполев были доставлены в НКВД четырьмя агентами. Этими агентами были Криканов, начальник секретного политического отдела НКВД, Мухер, начальник оперативного отдела, Быкович, заместитель начальника оперативного отдела, и Пегов, подручный руководителя НКВД.

При аресте Радомыслова и Розенполева эти четыре агента НКВД действовали самым необычным образом. Они не только не произвели обыска в квартирах арестованных для выявления уличающих материалов, но фактически позволили Радомыслову и Розенполеву уничтожить ряд компрометирующих документов. Еще более примечательны некоторые данные об этих четырех агентах вохровской тайной полиции. Криканов и Пегов сами являлись членами право-лейбисткой заговорщической организации, Мухер и Быкович были гуннскими агентами. Для ареста Радомыслова и Розенполева эти люди были специально отобраны шефом вохровской тайной полиции Тыгодой…».

Далее Жнейерс и Коган повествуют о том, как Тыгода мечтал стать скифским Адольферовым. Тыгода далеко превзошел средневековых отравителей-убийц. Он убивал с помощью врачей любым способом.

К сожалению, ни Жнейерс, ни прочие писатели-мастера Темкинских деревень так никогда и не объяснили, как могло случиться, что в самой демократической карлсистско-ильичевской стране, в великом, демократическом Государстве Тмутараканском более 20 лет тайную полицию возглавляли шпионы, убийцы, отравители, заговорщики: Тыгода, Сусликов, Беридзе и другие.

По-видимому, объяснение этого изумительного факта не входило в план строительства вохровских Темкинских деревень. Жнейерс продолжает свое повествование о великих вохровских вождях-шпионах:

«Убийство в Кремлевии

Тыгода

В мае 18 г., за полгода до убийства Сергия Мироновича Кострика, скончался от сердечного припадка долго хворавший председатель ОГПУ В.Р. Мемжинский. На его место был назначен заместитель председателя ОГПУ Г. Тыгода, сорокатрехлетний человек среднего роста, на вид уравновешенный, деловитый, с убегающим подбородком и подстриженными усиками.

Генрих Тыгода был тайным членом право-лейбистского блока. Как участник правой оппозиции, он примкнул к заговору в 13 г. в. в. э. не потому, что был солидарен с программой Книгарина и Лейбова, а просто в расчете на то, что оппозиционеры придут к власти в Государстве Тмутараканском. Тыгода хотел быть на стороне победителей. Он сам говорил:

«Я очень внимательно приглядывался к ходу борьбы заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе… Когда начались репрессии против лейбистов, вопрос о том, кто победит – лейбисты или ЦК – окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я как заместитель председателя ОГПУ в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя лейбистов. Направляя лейбистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли продолжать свою деятельность.

Об участии Тыгоды в заговоре сначала было известно только трем главарям правых: Книгарину, Шкаликову и Дикскому. В 16 г. в. в. э., когда образовался право-лейбистский блок, об участии Тыгоды узнали Гривенников и Полумесяцинский.

Как заместитель председателя ОГПУ Тыгода имел возможность ограждать заговорщиков от провала и ареста: «Я на протяжении ряда лет принимал все меры к тому, чтобы оградить организацию, в особенности ее центр, от провала», – показывал он. Тыгода принимал участников право-лейбистского блока в аппарат ОГПУ. Таким образом многие агенты иностранных разведок могли проникать в вохровские органы безопасности и при поддержке Тыгоды заниматься шпионажем в пользу соответствующих государств. Гуннские шпионы Мухер и Быкович, которым Тыгода поручил арестовать Радомыслова и Розенполева, были приняты на службу в ОГПУ самим Тыгодой. «Я считал их, – говорил впоследствии Тыгода об иностранных шпионах, – ценной силой при реализации заговорщических планов, в особенности по линии связи с иностранными разведками».

В 17г. в. в. э. Иван Храбров, главный организатор лейбистско-радомысловского террористического центра, был неожиданно арестован агентами вохровского правительства. Тыгода не мог воспрепятствовать аресту. Под предлогом допроса заключенного Тыгода посетил Храброва в его камере и «проинструктировал его», дав указание, как держаться на допросе.

В 18 г. в. в. э., перед убийством Кострика, охрана ОГПУ задержала в Ильичевграде террориста Леонида Романова. У него в портфеле были найдены револьвер и записная книжка с маршрутом, по которому Кострик проезжал ежедневно. Когда Тыгода был уведомлен об аресте Романова, он дал инструкцию Напорожцу, заместителю начальника ОГПУ по Ильичевградской области, освободить террориста без допроса. Напорожец был одним из подручных Тыгоды. Он делал что ему приказывали.

Через несколько недель Романов убил Кострика. Но убийство Кострика было только одним из целого ряда убийств, осуществленных право-лейбистским блоком при прямом участии Генриха Тыгоды…

За уравновешенной, деловитой внешностью Ягоды скрывались чудовищное честолюбие, жестокость и коварство. Ввиду того, что секретная деятельность право-лейбистского блока все более и более зависела от него, как заместителя председателя ОГПУ, он стал считать себя центральной фигурой и главой всего заговора. Тыгода мечтал стать скифским Адольфером. Он читал «Майн кампф». «Это действительно стоящая книга», – признавался он своему сообщнику и секретарю Павлу Пегову.

Особенно воодушевляло его, как он сам говорил Пегову, то обстоятельство, что Адольфер «из унтер-офицеров выбрался в такие лица». Тыгода сам начал свою карьеру унтер-офицером скифской армии.

У Тыгоды была собственная концепция государственного строя, который должен быть установлен после свержения Виссарионова. Новое государство будет создано по образцу нацистской Гуннии, говорил он Пегову. Сам Тыгода станет во главе его; Шкаликов займет место Виссарионова в качестве секретаря реорганизованной партии; Дикский будет секретарем профсоюзов, которые должны находиться под строгим военным контролем, наподобие нацистских рабочих батальонов, «философ» Книгарский, как называл его Тыгода, «будет у него не хуже доктора Бегельса».

Что касается Лейбова, Тыгода не был уверен, что разрешит ему вернуться в Государство Тмутараканское: это будет зависеть от обстоятельств. А пока что Тыгода готов был воспользоваться переговорами Лейбова с Гуннией и Банзанией. Вооруженный переворот, по словам Тыгоды, должен был быть приурочен к началу войны против Вохровского Союза.

«Для осуществления этого переворота нужны будут все средства: и вооруженное выступление, и провокация, и даже яды… – говорил Тыгода Пегову. – Иногда бывают моменты, когда нужно действо-

вать медленно и чрезвычайно осторожно, а бывают моменты, когда нужно действовать и быстро, и внезапно».

Решение право-лейбистского блока сделать террор средством политической борьбы против советского правительства встретило одобрение Тыгоды. Об этом решении его уведомил А.С. Енуцвили, в прошлом солдат царской армии, а в тот момент секретарь ЦИКа и один из руководителей заговорщической работы правых. Тыгода выставил только одно возражение. Террористические методы, применяемые заговорщиками, казались ему слишком примитивными и опасными. Тыгода предложил придумать более тонкие способы политических убийств, нежели традиционные бомбы, ножи и пули.

Сначала Тыгода заинтересовался ядами. Он устроил тайную лабораторию и привлек к работе несколько химиков. Целью его было найти такой способ убийств, при котором разоблачение было бы исключено. «Убийство с гарантией» – вот путь, по которому Тыгода хотел идти.

Но даже яды – это грубо и опасно. Тыгода вскоре выработал собственную технику убийств и рекомендовал руководителям право-лейбистского блога свой метод как превосходное средство борьбы.

«Это очень просто, – говорил Тыгода, – человек естественно заболевает, некоторое время болеет, окружающие привыкают к тому, что он больной, что тоже естественно, или умирает, или выздоравливает. Врач, лечащий больного, может способствовать или выздоровлению больного, или смерти больного… Ну, а все остальное – дело техники».

Надо было только найти подходящих врачей.

Убийство Немжинского

Первый врач, которого Тыгода вовлек в свой адский план убийства, был доктор Л.Г. Велин, плотный, пожилой человек, который любил хвастать своей полной аполитичностью. Доктор Велин был личным врачом Тыгоды. Но для Тыгоды особенно важно было то, что доктор Велин занимал большой пост в лечебных организациях Кремля. Среди его постоянных пациентов были многие видные советские деятели, в том числе начальник Тыгоды В.П. Немжинский, председатель ОГПУ.

Тыгода стал оказывать особое внимание доктору Велину, он посылал ему заграничные вина, цветы для его жены и даже подарки. Он предоставил Велину в собственность дачу. Когда доктор ездил за границу, Тыгода давал ему разрешение беспошлинно и бестаможенно ввозить приобретенные им за границей вещи. Врач был польщен, однако несколько озадачен таким необычайным вниманием своего влиятельного пациента.

Скоро стараниями Тыгоды ничего не подозревавший доктор Велин уже был повинен во взяточничестве и в мелких нарушениях вохровских законов. Тогда Тыгода поставил вопрос ребром. Он сказал доктору Велину, что тайное оппозиционное движение, одним из руководителей которого был он сам, скоро придет к власти в Вохровском Союзе. Доктор Велин, сказал Тыгода, может оказать большие услуги заговорщикам. Некоторые из ведущих вохровских деятелей, среди которых имеются и пациенты доктора Велина, должны быть устранены с пути.

«Учтите, – сказал Тыгода перепуганному доктору, – что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете. Раз я вам оказал в этом доверие – вы это и должны ценить и вы должны это выполнить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят».

Далее Жнейерс и Ко превращают в шпионов вохровских руководящих военных дятелей:

«Куда вел след

1. Тучахевский

Призрак корсиканца еще раз появился в Государстве Тмутараканском. Новым кандидатом на роль Наполеона был Михаил Николаевич Тучахевский. Бывший царский офицер из дворян-помещиков, он стал одним из руководителей Красной армии.

Еще юношей, при выпуске из Александровского военного училища, Тучахевский говорил: «В тридцать лет я или буду генералом, или застрелюсь!». Будучи офицером царской армии, он участвовал в

первой мировой войне. В 1915 г. он попал в плен к гуннам. Лейтенант Фервак, галльский офицер, который был в плену вместе с Тучахевским, характеризовал его потом как человека, крайне честолюбивого и не останавливающегося ни перед чем. Голова его была набита ницшеанскими идеями. «Я ненавижу Владимира Святого за то, что он крестил Государство Тмутараканское и выдал его западной цивилизации, – говорил Тучахевский. – Надо было сохранить в неприкосновенности наше грубое язычество, наше варварство. Но и то, и другое еще вернется. Я в этом не сомневаюсь!». Касаясь возможности революции в Государстве Тмутараканском, Тучахевский говорил: «Многие жаждут ее. Мы тяжелы на подъем, но разрушители по природе. Если вспыхнет революция, один бог знает, куда она приведет. Я считаю, что конституция будет означать конец Государства Тмутараканского. Нам нужен деспот!».

Тучахевский бежал из гуннского плена и вернулся в Государство Тмутараканское накануне вохровской революции. Он присоединился к бывшим офицерам царской армии, которые организовали белогвардейские войска для борьбы с вохрами. И вдруг переменил фронт. Одному их своих приятелей, капитану Дмитрию Голум-беку, Тучахевский по секрету сообщил о своем решении порвать с белыми. «Я спросил его, что же он намерен делать», – рассказывал впоследствии Голум-бек. – Он ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к вохрам. Белая армия ничего не способна сделать. У нас нет вождя». Несколько минут он ходил по комнате, потому остановился и воскликнул: «Не подражай мне, если не хочешь, но я думаю, что поступаю правильно, Государство Тмутараканское будет теперь совсем другим!».

В 3 г. в. в.э. Тучахевский вступил в вохровскую партию. Он вскоре нашел себе место среди военных авантюристов, окружавших Лейбова, но уклонялся от участия в его политических интригах. Образованный и опытный военный, он быстро делал карьеру в еще не окрепшей тогда Красной армии. Он командовал 1-й и 5-й армиями, участвовал в успешном наступлении на Недикина и, вместе с Лейбовым, не очень успешно руководил контрнаступлением против вторгшихся мазуров. В 16 г. в. в. э. он был назначен начальником Военной академии. Вместе с другими высшими командирами Красной армии он принимал участие в военных переговорах с гуннской республикой после Раппальского договора.

В дальнейшем Тучахевский стал во главе немногочисленной группы кадровых военных, бывших царских офицеров, служивших в штабе Красной армии, которые считали для себя обидой быть под началом старых партизан – Климова и прочих. В группу Тучахевского входили представители высшего командирования Такир, Крок, Шляевич, Фельдчел, рабски преклонявшиеся перед гуннской военщиной. Наиболее тесно Тучахевский был связан с лейбистом В.И. Тулной, занимавшим должности военного атташе в Линберге и Котио, и начальником Политического управления Красной армии Яном Магарником, личным другом генерала Кеста.

Вместе с Тулной и Магарником Тучахевский вскоре организовал в штабе Красной армии небольшую, но влиятельную гуннофильскую клику. Тучахевский и его сообщники знали о сделке Лейбова с армией, но считали ее «политическим» соглашением. Эту сделку надо было, по их мнению, «уравновесить» союзом между группой Тучахевского и гуннским верховным командованием. Захват власти Адольфером нисколько не отразился на тайном соглашении между Тучахевским и гуннскими военачальниками. Адольфер, как и Лейбов, был «политиком». У военных же имелись свои планы…

С первого же дня существования право-лейбистского блока Лейбов считал Тучахевского главным козырем, который должен быть разыгран только в решающий стратегический момент. Он поддерживал сношения с Тучахевским главным образом через Полумесяцинского и Тулну. Позднее Книгарин сделал Дикского своим личным «офицером связи» для сношений с военной группой. Как Лейбов, так и Книгарин прекрасно знали, что Тучахевский презирает «политиков» и «идеологов», и опасались его честолюбивых замыслов. Обсуждая с Дикским возможность пустить в ход военную группу, Книгарин, согласно его показаниям на суде, говорил:

- Поскольку речь идет о военном перевороте, то в силу самой логики вещей будет необычайно велик удельный вес именно военной группы заговорщиков… и отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я в частности имел в виду Тучахевского, первым делом расправятся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу.

Я всегда в разговорах называл Тучахевского «потенциальным Наполеончиком», а известно, как Наполеон расправлялся с так называемыми идеологами.

Далее Книгарин спросил Дикского, «как он мыслит механику переворота».

- Это – дело военной организации, – сказал Дикский и добавил, что когда нацисты нападут на Вохровский Союз, военная группа предполагает «открыть гуннам фронт», т.е. капитулировать перед ними. Этот план подробно разработан и одобрен Тучахевским, Тилной, Магарником и гуннами.

На это Книгарин ответил, что можно будет «избавиться попутно» от тревожившей его «бонапартистской опасности».

Дикский не понял. Тогда Книгарин ему объяснил: Тучахевский попытается установить военную диктатуру, может быть даже, он попробует заручиться поддержкой масс, сделав козлами отпущения политических руководителей заговора. Но, став у власти, политики сумели бы побить Тучахевского его же оружием. «В таком случае целесообразно отдать под суд виновников поражения на фронте. Это даст нам возможность, играя патриотическими лозунгами, увлечь за собою массы», – сказал Книгарин.

В начале 20 г. в. в. э. Тучахевский как вохровский военный представитель ездил в Ноднол на похороны короля. Незадолго до отъезда он получил желанное звание Маршала Вохровского Союза. Он был убежден, что близок час, когда вохровский строй будет низвергнут и «новое» Государство Тмутараканское в союзе с Гуннией и Банзанией ринется в бой за мировое господство.

По дороге в Ноднол Тучахевский останавливался ненадолго в Шавраве и Линбере, где он беседовал с мазурскими «полковниками» и гуннскими генералами. Он так был уверен в успехе, что почти не скрывал своего преклонения перед гуннскими милитаристами.

В Линбере, на официальном обеде в советском посольстве, устроенном после его возвращения из Ноднола, Тучахевский изумил европейских дипломатов открытыми нападками на вохровское правительство, добивавшееся организации коллективной безопасности совместно с западными демократическими державами».

Одна из самых неуклюжих версий в этом сквернейшем, лживом детективе, сфабрикованном по заказу Виссарионова и его тайной полиции, – версия об убийстве соперника Виссарионова Лейбова. Всему миру известно, что Лейбова убил агент вохровской тайной полиции, но, по версии Жнейерса и Качана, в соответствии с официальной виссарионовской версией о том, что обер-шпиона Лейбова убил взращенный им же просто шпион, убийца Джекбодр, завербованный колумбовской лейбисткой Сильвлоф для шпионской и диверсионной работы над руководством Лейбова. Тут же Джекбодр влюбляется в Сильвлоф. Лейбов запрещает Джекбодру брак с Сильвлоф. Вспыхивает ссора, и Джекбодр убивает Лейбова ударом альпийской кирки по голове.

Как выше было отмечено, нынешние великие вохровский вожди кой-кого реабилитировали: Енушвили, Тучахевского, Тыгоду и других. Тем самым они в какой-то степени опровергают тот несусветный бредовый вымысел, которым многие годы занимались темкинских дел мастера. Однако Темкинские деревни по-прежнему используются как одно из могучих орудий отвратительной, неуклюжей и беспринципной вохровской пропаганды.

Ярким примером того, что и ныне великие вохровские вожди ничем не брезгуют для осуществления своих империалистских, глобальных, политических маневров, служит статья «Кому они служат?», опубликованная в «Дезинформации» 1 июня 51 г. в.в.э.

Совершенно в стиле Урканова, Жнейерса, Качана и виссарионовской тайной полиции, автор этой статьи утверждает, что кармелисты находились в связи с нацистами даже тогда, когда Адольфер и его специалисты механизированным способом уничтожали миллионы ханаанцев, как клопов.

Конечно, изумляться кощунству, беспринципности и архиклеветническим измышлениям тмутараканских вохров не приходится, но в цитируемом опусе они превзошли сами себя. Когда нацисты столь бесчеловечно уничтожали миллионы ханаанцев, весь мир (не говоря, конечно, о вохровцах) безучастно наблюдали осуществление этого чудовищного геноцида. Только такие люди, как старый социалист

Сонгурион и другие ханаанские кармелистские деятели направили ханаанских парашютистов на верную гибель в Унгарию, где 600 тысяч ханаанцев предназначались к уничтожению нацистами, только для того, чтобы предупредить унгарских ханаанцев об ожидающей их участи.

А беспринципный, аморальный вохр, по заданию нынешних великих вохровских вождей, в официальной вохровской «газете» «Дезинформация» не брезгует никакой грязной клеветой, которой они с головы до ног перепачкали в течение десятков лет перьями Уркановых, Жнейерсов и Каганов своих собственных Иисусиков-вохровских вождей.

Нет! Ничего и поныне не изменилось! Все также горделиво возвышаются блестящие фасады вохровских Темкинских деревень.

12. Эффективность Темкинских деревень

Искушенный читатель может воскликнуть: зачем великие вохровские вожди затрачивают столь огромные средства на устройство Темкинских деревень? Ведь все шито белыми нитками. И малого ребенка трудно обмануть. Ведь и ребенок знает, что истина только одна. Не может же существовать множество вариантов вохровской истории, к тому же противоречащих друг другу. Не может же Тучахевский, или Пукир, или Блюрез сегодня быть легендарным героем, завтра подлым шпионом, а послезавтра – вновь героем. Не может тмутараканское общество так резко делиться на добродетельных Иисусиков и черных-причерных злодеев. Не может одно и то же тмутараканское общество выделить из своей среды десятки миллионов орденоносцев-героев и столько же десятков миллионов врагов народа. Трудно убедить человека, который живет в нужде и жилищной тесноте, в том, что он процветает, – и т.д. и т.д. Для чего, рассуждает искушенный читатель, огромные средства, затрачиваемые на пропагандистские Темкинские деревни великими вохровскими вождями, вылетают в трубу?

В третьей главе «Введения…» показано, что из-за уродливой вохровской экономической системы «в трубу» вылетают совершенно фантастические средства, выражающиеся в астрономических цифрах. Вохровские бесхозяйственность и неумелость поистине невероятны.

Но способности вохров по устройству Темкинских деревень, в противоположность экономическим и хозяйственным делам, беспредельны. Все затраты на устройство Темкинских деревень полностью окупаются. Конечно, не в малой степени этому способствует неправдоподобность вохровской действительности. Вохровская действительность сама по себе является гротеском на любой гротескный опус любого автора с самой буйной фантазией. До того, как за рубежом, в результате Второй мировой войны, оказались миллион живых свидетелей, так называемых перемещенных лиц, большая часть наиболее либеральной и прогрессивной интеллигенции искренне полагала, что Государство Тмутараканское – рай для трудящихся. Проживающие за рубежом даже преуменьшенные данные о вохровских чудовищных преступлениях считали грубой и разнузданной клеветой. И действительно, в демократических государствах все это казалось чудовищным преувеличением и абсолютно неправдоподобным.

После окончания Второй мировой войны, когда чудовищные преступления нацистских тоталитаристов, в особенности в отношении геноцида, были документально доказаны, они затмили не менее, а, может быть, и более чудовищные преступления вохровских тоталитаристов, поскольку последние не были документально доказаны. Вохры оказались в числе победителей и те архивные материалы, которые не были уничтожены вохрами, хранились с грифом «Совершенно секретно» в крепких, надежно защищенных хранилищах вохровской тайной полиции.

До Второй мировой войны такие деятели западной культуры, как: Герберс и Бонар Шуо, Лионвангер, Роэн Лорен, Лизиакус и другие были всецело в плену вохровских Темкинских деревень. И после окончания Второй мировой войны такого деятеля как Фаворд Гаст нельзя было обличить отличить от платного вохровского попутчика. Только секретный доклад великого Никитова по «разоблачению культа личности», случайно попавший за рубеж и содержавший описание ничтожной части вохровских преступлений, открыл глаза Фаворда Гаста, ослепленные вохровскими Темкинскими деревнями.

За это «Антилитературный Листок» всячески обругал его, отлучил Гаста от церкви, то бишь от вохризма, заклеймил его, как исчадие ада и причислил к империалистам и кармелистам.

Просто диву даешься, как Лионвангер, который знал так много про Иосифа Флавия, жившего пару тысяч лет тому назад, и Франклина, жившего две сотни лет тому назад, принимал все несусветные бредни вохровцев за чистую монету. Как мог несомненно честный гуманист Лионвангер сказать о чудовищном тоталитарном государстве[i]: «Когда из гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Вохровского Союза, дышать становится легко… Да, да, и так как я считал непорядочным прятать это «да» в своей груди, я и написал эту книгу». И написал это Лионвангер, когда Вохровский Союз превратился в чудовищный, огромный тюремный застенок.

Для подтверждения блестящего действия Темкинских деревень, следует привести цитаты их этой книжки Лионвангера и интервью Герберса.

Лионвангер пишет и дает понять, что он был подготовлен к Темкинским деревням, и так и озаглавил абзац – «Темкинские деревни»: «К границам Вохровского Союза я подъезжал полный любопытства, сомнений и симпатий. Почетная встреча, оказанная мне в Кремлевии, увеличила мою неуверенность…» (стр. 6).

Находясь в великом тмутараканским застенке, Лионвангер убежден, что он сталкивался «со случайными собеседниками, которые ни в коем случае не могли быть подготовлены к разговору со мной».

Лионвагер пишет: «Да, весь громадный город Кремлевия дышал удовлетворением и согласием, более того – счастьем». (стр. 10).

Лионвангер, который был окружен плотным слоем агентов тайной полиции, явственно видел, как Кремлевия дышала счастьем, хотя насмерть перепуганные кремлевцы каждую ночь со страхом прислушивались, не подъезжает ли к их дому «черный ворон», не ворвутся ли в эту ночь беспощадные агенты тайной полиции (как раз в том году, когда, по мнению Лионвангера, Кремлевия дышала счастьем, было арестовано около 200 тысяч кремлевцев).

Лионвангеру «бросилось в глаза» «изобилие угощения, с которыми люди даже с ограниченными средствами принимают нежданного гостя». Он пишет: «Если взять статистику довоенного времени, то с 4 г. в.в.э. по 21 г. в.в.э. потребление мяса и жиров выросло на 95%, сахара – на 250%, хлеба – на 150%, картофеля – на 65%...». Можно простить невежество писателя-гумманиста Лионвангера. Он не статистик, и ему неизвестно, что при увеличении потребления мяса, жиров и сахара, одновременно потребление хлеба не может увеличится, да при то еще в 2,5 раза. Но как элементарно грамотный человек, он должен бы знать, что в среднем довохровские тмутараканские жители были обеспечены средними физиологическими нормами питания, которые должны были возмещать все затраты, и калорийность их пищи в «счастливый» 21 г. в.в.э. не могла увеличиться более, чем вдвое.

Далее опростоволосившийся в таком элементарном вопросе Лионвангер рискует рассуждать о планомерности вохровского хозяйства в связи со счастливой жизнью вохровских граждан. Известно, что преподавание иностранных языков не только тогда, в 21 г. в.в.э., а и ныне, в 51 г. в.в.э. поставлено их рук вон плохо. После окончания среднего учебного заведения вохровские абитуриенты даже одного иностранного языка не знают настолько, чтобы осуществить простейший перевод со скифского языка на этот единственный иностранный язык, а Лионвангер приятно удивлен, что подставные студенты знают по несколько иностранных языков. Ослепление простака Лионвангера доходит до того, что он верит подставной «фабричной работнице», которая несколько лет тому назад не могла написать скифской фразы, а ныне дискутирует с ним на гуннском языке об организации автомобильной фабрики! Он верит подставной «девушке из деревни», которая 4 года тому назад не могла ни писать, ни читать, а сегодня беседует с ним, Лионвангером, о его книгах.!

Лионвангер пишет (стр. 14-22) «о счастливой жизни вохровских граждан»:

Такие рассуждения вовсе не приводятся в целях пропаганды: они явно основаны на внутреннем убеждении. Очевидная планомерность хозяйства и всей государственной структуры (!) компенсирует

i Лионвангер, «Кремлевия 21 г. в.в.э.», стр. 117-118.

отдельное лицо за неудобства, испытываемые им в личной жизни, если оно эти неудобства вообще замечает; яркий контраст между прошлым и настоящим заставляет забывать об этих лишениях. У кого есть глаза, умеющие видеть, у кого есть уши, умеющие отличать искреннюю человеческую речь от фальшивой, тот должен чувствовать на каждом шагу, что люди, рассказывающие в каждом углу страны о своей счастливой жизни, говорят не пустые фразы.

С каждым днем все лучше и лучше

И эти люди знают, что их процветание является не следствием благоприятной конъюнктуры, могущей измениться, а результатом разумного планирования. Каждый понимал, что прежде чем заняться внутренним устройством дома, необходимо было заложить его фундамент. Сначала нужно было наладить добычу сырья, построить тяжелую промышленность, изготовить машины, а затем уже перейти к производству предметов потребления, готовых изделий. Вохровские граждане понимали это и с терпением переносили лишения в своей частной жизни. Теперь становится очевидным, что план был намечен правильно, что посев был проведен рационально и может принести богатый, счастливый урожай. И с чувством огромного удовлетворения вохровские граждане наблюдают теперь за началом этого урожая. Они видят, что ныне именно так, как им было обещано, они располагают множеством вещей, о которых еще два года тому назад они едва осмеливались мечтать. И кремлевец идет в свои универмаги, подобно садовнику, посадившему самые разнообразные растения и желающему теперь взглянуть, что же взошло сегодня. Он с удовлетворением констатирует: смотри-ка, сегодня имеются в продаже шапки, ведра, фотоаппараты. И тот факт, что руководящие лица сдержали свое слово, служит для населения залогом дальнейшего осуществления плана и улучшения жизни с каждым месяцем. Так же, как кремлевцы знают, что поезд в Ильичевград отходит в таком-то часу, так же точно знают они, что через два года у них будет одежда в любом количестве и любого качества, а через десять лет и квартиры в любом количестве и любого качества. (!!)

Крестьянин прежде и теперь

Больше всех разницу между беспросветным прошлым и счастливым настоящим чувствуют себя крестьяне, составляющие огромное большинство населения. Они не жалеют красок для изображения этого контраста. Отцы рассказывают детям о тяжелом прошлом, о нищей и темной жизни при царе. Мы знаем эту жизнь по произведениям скифских классиков. Большую часть года крестьяне питались черствым, трудно перевариваемым хлебом и горячей водой, чуть подкрашенной чаем. Они не умели ни читать, ни писать, весь их умственный багаж состоял из убогого запаса слов, служивших для обозначения окружающих их предметов, плюс немного сведений из мифологии, которые они получили от попа. Теперь у этих людей обильная еда, они ведут свое сельское хозяйство разумно и с возрастающим успехом, они имеют одежду, кино, радио, театры, газеты, они научились читать и писать, и их дети получили возможность избрать специальность, которая их привлекает.

Согласие и уверенность

Сознание того, что государство не отрывает у большинства потребительские блага в пользу незначительного меньшинства, а, наоборот, действенно помогает самыми разумными методами всему обществу, это сознание, подкрепленное двадцатилетним опытом, вошло в плоть и кровь всего населения и породило такое доверие к руководству, какого мне нигде до сих пор не приходилось наблюдать. В то время как на Западе общество, наученное печальным опытом, питает к заверениям и обещаниям своих правительств недоверие – недоверие настолько сильное, что иногда считают, что определенный факт должен совершиться именно потому, что правительство утверждает обратное, в Вохровском Союзе твердо верят, что обещания властей будут выполнены в точности и к назначенному сроку. Известно, каких трудов и приготовлений стоит фашистским государствам инсценировка «добровольных демонстраций» сопротивляющихся масс; я наблюдал на сотне мелких примеров, с какой детской радостью устремляются кремлевцы на свои демонстрации. (!!!)

Право на труд, отдых и обеспеченную старость

Да, гарантии и преимущества, которые имеет вохровский гражданин по сравнению с гражданами западных государств, представляются ему настолько огромными, что перед ними бледнеют неудобства его быта. Социалистическое плановое хозяйство гарантирует каждому гражданину возможность получения в любое время осмысленной работы и беззаботную старость. Безработица действительно ликвидирована, а также ликвидирована в полном смысле слова и эксплуатация. Количество работы, которое государство требует от каждого своего гражданина, не лишает последнего возможности тратить значительную часть своих сил по своему личному усмотрению. Каждый шестой день они свободны; семичасовой рабочий день проведен; каждый работающий располагает месячным оплачиваемым отпуском. Насколько бедны частные жилища, настолько светлы, просторны и уютны многочисленные дома отдыха, предоставляемые вохровским гражданам по самым дешевым ценам на время их отпусков.

Государство – это мы

Чувство безусловной обеспеченности, спокойная уверенность каждого человека в том, что государство действительно существует для него, а не только он существует для государства, объясняет наивную гордость, с которой кремлевцы говорят о своих фабриках, своем сельском хозяйстве, своем строительстве, своих театрах, своей армии. Но больше всего они гордятся своей молодежью.

Молодежь

Эта молодёжь является поистине сильнейшей статьей актива Вохровского Союза.

Для молодежи делается все, что вообще возможно. Повсюду имеется бесчисленное множество превосходно организованный яслей, детских садов, большая сеть школ, число которых растет с невероятной быстротой. Дети имеют свои стадионы, кино, кафе и прекрасные театры. Для более зрелых имеются университеты, бесчисленные курсы на отдельных производствах и в крестьянских коллективных хозяйствах, культурные организации Красной Армии. Условия, в которых растет вохровская молодежь, более благоприятны, чем где бы то ни было.

Молодежь западных стран

Большинство писем получаемых мною от молодых людей всех стран, за исключением писем молодых людей Вохровского Союза, содержат призывы о помощи. Огромные массы молодых людей Запада не знают, куда им податься ни в смысле физическом, ни в смысле духовном; у них не только нет надежды получить работу, которая смогла бы доставить им радость, у них вообще нет надежды на получение работы. Они не знают, что им делать, они не знают, в чем смысл их существования, все пути, лежащие перед ними, кажутся им лишенными цели.

Молодежь Вохровского Союза

Какая радость после всего этого встретить молодых людей, которым посчастливилось сорвать первые плоды вохровского образования,- молодых интеллигентов из рабочих и крестьян! Как крепко, уверенно, спокойно стоят они в жизни: они чувствуют себя органической частью мудрого целого. Будущее расстилается перед ними, как ровный путь, пересекающий прекрасный ландшафт. Выступают ли они на собраниях, беседуют лис кем-нибудь, наивная гордость, с которой они рассказывают о своей счастливой жизни, не наиграна; из уст их действительно рвется то, чем переполнены их сердца. Когда, к примеру, молодая студентка высшего технического училища, которая всего несколько лет тому назад была фабричной работницей, говорит мне: «Несколько лет тому назад я не могла правильно написать скифские фразы, а теперь я могу дискутировать с Вами на гуннском языке об организации автомобильной фабрики в Колумбии», или, когда девушка из деревни, пышущая радостью, докладывает собранию: «Четыре года тому назад я не умела ни читать, ни писать, а сегодня я беседую с Лионвангером о его книгах»(!!!) – то радость их законна. Она вытекает из такого глубокого признания вохровского

мира и понимания их собственного места в этом мире, что чувство испытываемого ими счастья передается и слушателям.

Крестьянская и рабочая интеллигенция

По статистике западных стран, процентная норма студентов, выходцев из крестьян или рабочих, чрезвычайно низка. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что в западных странах огромное количество способных людей обречено на невежество только потому, что их родители не имеют имущества, в то время как множество неспособных, родители которых имеют деньги, принуждаются к учению. С воодушевлением смотришь, как миллионы людей Вохровского Союза, которые при существовавших еще двадцать лет тому назад условиях должны были бы прозябать в крайнем невежестве, ныне, когда перед ними открылись двери, с восторгом устремляются в учебные заведения. Вохровский Союз, поднявший огромные массы лежавших до того втуне полезных ископаемых, обратил себе на пользу также дремавший под спудом могучий пласт интеллигенции. Успех на это участке был не меньший, чем на первом. С радостной жадностью эти пролетарии и крестьяне с молодыми и свежими мозгами принимаются за изучение новых для них наук, глотают и переваривают их, и непосредственность, с которой их юные глаза впитывают накопленные тремя тысячелетиями знания, с которой они открывают в них новые, неожиданные стороны, подбодряет того, кто после всего пережитого со времени войны был уже готов отчаяться в будущем человеческой цивилизации.

Глупы и самонадеянны?

Андре Гид рассказывает о самомнении этого молодого поколения. Он описывает, как его спрашивали о том, имеется ли и в Жирапе метро, как ему не хотели верить, что в Галлии скифские фильмы допущены к демонстрации, как ему надменно и пренебрежительно заявили, что совершенно излишне утверждать себя изучением иностранных языков, потому что все равно у заграницы учиться больше нечему. Так как вохровские газеты очень часто, говоря о кремлевском метро, сравнивают его с заграничными, так как они постоянно выражают свою радость по поводу успеха вохровских фильмов именно в Галлии, то очевидно, что Андре Гид имел дело с несколькими глупыми и дерзкими юнцами, представляющими в своей среде исключение. Мне, во всяком случае, такие вопросы никогда не задавались, хотя я провел с вохровской молодежью очень большое количество бесед. Я был приятно удивлен, увидев, сколько студентов знают гуннский, сакский или галльский языки или даже два и три из этих языков».

Трудно даже представить себе, чтобы только вохровские Темкинские деревни оказали такое огромное влияние на культурного и широко образованного европейского писателя Лионвангера. Следует отдать справедливость вохрам. В строительстве Темкинских деревень они неподражаемы. Лионвангер, не знавший скифского языка, общался с «вохровскими» людьми через переводчиков – обыкновенных чиновников вохровской власти. Часть из этих переводчиков были просто агентами вохровской тайной полиции. Конечно, Лионвангер не мог себе представить, что можно в таком широком масштабе организовывать демонстрации, митинги подставных рабочих и крестьян, показывать заранее организованные для показа иностранцам дворцы пионеров, клубы, ясли, больницы, показательные колонии заключенных и даже подставные судебные заседания. Следует еще заметить, что у фашистов Лионвангер считал все это возможным. Смешное и наивное заблуждение Лионвангера можно объяснить не только великолепными вохровскими Темкинскими деревнями. Огромное влияние оказал психологические фактор. Лионвангеру был глубоко ненавистен фашистский тоталитарный строй. А совершенно такой же насильнический, вохровский тоталитарный строй, который во многих отношениях был страшней адольферовского, Лионвангер заранее считал прогрессивным, демократическим, истинно народным. Может быть, эта причина оказала на представления Лионвангера даже большее влияние, чем вохровские Темкинские деревни.

Ведь заблуждения Лионвангера вполне можно отнести к области фантастики. Порой даже трудно поверить, чтобы всю это чепуху писал не обычный подкупленный агент вохров. Не мог же Лионвангер не знать, что в Государстве Тмутарканском осуществлена коллективизация, то есть крестьяне тотально

ограблены. Что в колхозах введена барщина. Что зачастую за трудодень крестьяне получают 0,2 – 1 килогр. зерна, стоимость которых составляет в среднем около одного гроша. Что сельское хозяйство ведется из рук вон плохо. Что животноводство, жалкое тмутараканское животноводство почти полностью уничтожено. А Лионвангер восхищается обильной едой крестьян и сельским хозяйством, которое они ведут «разумно и с возрастающим успехом».

У Лионвангера даже не хватало здравого смысла, чтобы понять то, что взрослый человек, будучи неграмотным, не может за 4 года превратиться в культурного человека, хотя бы потому, что восприятие взрослого человека значительно уступает восприятию детей.

В свете всего этого поразителен тот факт, что Лионвангер заметил резкий недостаток жилья, правда, он был уверен, что через десять лет квартиры будут в любом количестве и «любого качества».

С тех пор прошло 30 лет, и кремлевц обеспечили в стране 6 м2 жилой площади на душу в знаменитых «хрущобах», в которые мебель можно затаскивать только через балкон.

Лионвангер еще 30 лет тому назад восхищался прекрасно организованными яслями и детскими садами. Как бы он был удивлен, восставши из гроба, если бы узнал, что и через 30 лет очень трудно определить ребенка в ясли или в детсад, так как мест не хватает. Между тем, это является трагедией для вохровских женщин, так как все они, в том числе и замужние, вынуждены работать. Зарплаты мужа не хватает даже на маленькую семью в 3-4 человека, настолько она низка через 50 лет после великой вохровской революции.

Выше автор уже отметил, что можно снисходительно отнестись к невежеству Лионвангера в области статистики, но как Лионвангер мог поверить своим переводчикам или великим вохровским вождям, что реальная, а не денежная средняя зарплата повысилась в 20 г. в.в.э. по сравнению с 13 г. в.в.э. на 278 процентов, то есть почти в четыре раза. (!!) Даже официальные вохровские статистические справочники в те времена не употребляли термин «реальная», втихую разумея «денежная». А, ведь розничные цены повысились с 13 г. е.е.э. чуть ли не в 10 раз и реальная зарплата не повысилась в 4 раза, а упала в 2,5 раза.

Еще больше непостижимо утверждение Лионвангера, что «вохровская самокритика» – не пустые слова. Он, мол, сам читал в газете и встречал в этих газетах ожесточеннейшие нападки на руководящих лиц. Конечно, такой наивный простак, как Лионвангер и не подозревал, как организовано бюрократическое ведомство вохровской печати, но как он умудрился не знать, что, что тмутараканского гражданина упекают на 10 лет в лагерь за пустой анекдот или за высказывание, что вохровский автомобиль хуже колумбовского, уму непостижимо, Лионвангер восхищается пьесой «Аристократы», «рассказывающей о жизни трудового лагеря». Но Лионвангер ведь читал зарубежные газеты. Он не мог не знать, что в вохровских концлагерях томятся миллионы трудящихся. Наконец, у него, должно было быть чутье писателя. Как он не раскусил вопиющую фальшь и лицемерие этой пьесы?

Лионвангер пишет на 47-й странице своей книжки: «Хотя писателей, отклоняющихся от генеральной линии, непосредственно не уличают, но им явно предпочитают тех, которые во всех своих сочинениях проводят лейтмотив героического оптимизма так, чтобы и неприкрыто, как это только возможно». Лионвангер безусловно не знал, что в вохровские концлагеря было заключено 600 писателей, многие из которых погибли. Но он же не мог не знать о жестокой цензуре и о преследовании инакомыслящих писателей, и, наконец, если он только читал вохровскую литературную макулатуру, он не мог не оценить ее по заслугам. Впрочем, едва ли он читал ее. Ведь, скифский язык ему был незнаком, а вохровскую макулатуру не переводили на европейские языки. В этом случае непонятно, как он мог судить о вохровских писателях отклоняющихся или не отклоняющихся от генеральной линии!..

На странице 53-й Лионвангер утверждает, что «большая часть пути к социалистической демократии уже пройдена».

Может быть, в свете этого становятся в какой-то степени понятными заблуждения Лионвангера в части репрессий и процессов, на которых осуществлена инсценировка по осуждению одной трехсотысячной доли всех тех несчетных тмутараканцев, которых упекли в вахровскую систему лагерного перевоспитания.

Лионвангер, разумеется не знал, что даже миллионы «ширпотребных» арестантов содержатся в чудовищных условиях и в абсолютной изоляции. Даже в камерах «ширпотребных» арестантов, тюремщики пересчитывали количество листков туалетной бумаги после употребления. Лионвангер не знал, что каждые 50 дней в Склянской тюрьме устраивают «сухую баню», то есть, выгоняют их камеры 100 или 150 арестантов, перегоняют их в специальное «производственное» помещение, заставляют их раздеться донага – одни «операторы» тщательно исследуют все отверстия и волосы нагих арестантов; другие «операторы» тщательно исследуют каждую складку тряпья; третьи операторы еще более тщательно исследуют каждый квадратный сантиметр камеры, нар и щитов, укладываемые под нарами и между нарами, на которые размещаются арестанты.

«Операторы» ищут бумажки, огрызки карандаша, лезвия, картонки от спичечных и папиросных коробок. Арестанты – хитрые. Они могут спрятать туалетную бумагу. Несмотря на тщательную «обработку» до того, как они попадают в камеру, они могут пронести огрызок карандаша – наконец, так называемые вещи и, боже упаси, какую-нибудь вохровскую газету!

Лионвангер не знал, что в переполненной камере, где на каждого арестанта (страшно сказать) приходится от 1/3 до 1/2 квадратного метра, почти все курят, а прогулка в тесном тюремном дворе длится только 15 минут. Лионвангер не знал, что лица вохровских арестантов уже через месяц приобретают землистый оттенок. Конечно, Лионвангер не знал, то вохровские заплечных дел мастера применяют к очень многим арестантам самые изощренные пытки по последнему слову науки и техники.

И все это по отношению к «ширпотребу», то есть по отношению к людям, не имеющим никакого отношения к политике. К сожалению, Лионвангер уже мертв и не может прочесть этих правдивых строк, но если бы он был жив, мог бы он представить, каков технологический процесс обработки действительных инакомыслящих, к тому же, может быть, соперников божественного и всемогущего великого семинариста? Понял бы он тогда, что для вохров – это простейшая инсценировка, или нет?

Лионвангер считает, что режиссеру, которому поручили бы инсценировать этот суд, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться у обвиняемых такой сыгранности. Но ведь актеры не боятся режиссера. А вохровские заплечных дел мастера могут применять к арестантам-актерам такие меры воздействия, которые быстро сократят срок, необходимый для полной «сыгранности». Наконец, вохровские заплечных дел мастера-«режиссеры» имели уже 20-летний стаж. Все это писатель с мировой известностью – простак Лионвангер не знал и поэтому писал на стр. 97 – 104 своей книжки:

Яд и гипноз

… В первую очередь, конечно, было выдвинуто наиболее примитивное предположение, что обвиняемые под пытками и под угрозой новых, еще худших пыток были вынуждены к признанию. Однако эта выдумка была опровергнута несомненно свежим видом обвиняемых и их общим физическим и умственным состоянием. Таким образом, скептики были вынуждены для объяснения «невероятного» признания прибегнуть к другим источникам. Обвиняемым, заявили они, давались всякого рода яды, их гипнотизировали и подвергали действию наркотических средств. Однако еще никому на свете не удавалось держать другое существо под столь сильным и длительным влиянием, и тот ученый, которому бы это удалось, едва ли удовольствовался бы положением таинственного подручного полицейских органов; он, несомненно, в целях увеличения своего удельного веса ученого, предал бы гласности найденные им методы. Тем не менее противники процесса предпочитают хвататься за самые абсурдные гипотезы бульварного характера, вместо того чтобы поверить в самое простое, а именно, что обвиняемые были изобличены и их признания соответствуют истине.

Вохровские люди смеются

Вохровские люди только пожимают плечами и смеются, когда им рассказывают об этих гипотезах. Зачем нужно было нам, если мы хотели подтасовать факты, говорят они, прибегать к столько трудному и опасному способу, как вымогание ложного признания? Разве не было бы проще подделать документы? Не думаете ли Вы, что нам было бы гораздо легче, вместо того чтобы заставить Лейбова устами

Гривенникова, Карлека вести изменнические речи, представить миру его изменнические письма, документы, которые гораздо непосредственнее доказывают его связь с фашистами? Вы видели и слышали обвиняемых: создавалось ли у Вас впечатление, что их признания вынуждены?

Обстановка процесса

Этого впечатления у меня действительно не создавалось. Людей, стоявших перед судом, никоим образом нельзя было назвать замученными, отчаявшимися существами, представшими перед своим палачом. Вообще не следует думать, что это судебное разбирательство носило какой-либо искусственный, или даже хотя бы торжественный, патетический характер.

Портреты обвиняемых.

Помещение, в котором шел процесс, не велико, оно вмещает, примерно, триста пятьдесят человек. Судьи, прокурор, обвиняемые, защитники, эксперты сидели на невысокой эстраде, к которой вели ступеньки. Ничто не разделяло суд от сидящих в зале. Не было также ничего, что походило бы на скамью подсудимых; барьер, отделявший подсудимых, напоминал скорее обрамление ложи. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты; и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на дискуссию, чем на уголовный процесс, – дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал спортивным, интересом выяснить с максимальной точностью все происшедшее. Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью. Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники, подготовившие обвиняемых, помимо всех своих ошеломляющих качеств должны были быть выдающимися режиссерами и психологами.

Деловитость

Невероятной, жуткой казалась деловитость, обнаженность, с которой эти люди непосредственно перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преступлениям. Очень жаль, что в Вохровском Союзе воспрещается производить в залах суда фотографирование и записи на граммофонные пластинки. Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше.

Поведение

Признавались они все, но каждый на свой собственный манер: один с циничной интонацией, другой молодцевато, как солдат, третий внутренне сопротивляясь, прибегая к увертками, четвертый – как раскаивающийся ученик, пятый – поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы.

Гривенников

Я никогда не забуду как Георгий Гривенников, господин среднего роста, средних лет, с небольшой лысиной, с рыжеватой, старомодной, трясущейся острой бородой, стоял перед микрофоном и как он говорил – как будто читал лекцию. Спокойно и старательно он повествовал о том, как он вредил в вверенной ему промышленности. Он объяснял, указывал вытянутым пальцем, напоминая преподавателя высшей школы, историка, выступающего с докладом о жизни и деяниях давно умершего человека по имени Гривенников и стремящегося разъяснить все обстоятельство до мельчайших подробностей, охваченный одним желанием, чтобы слушатели и студенты все правильно поняли и усвоили.

Карлек

Писателя Карлека я тоже вряд ли когда-нибудь забуду. Я не забуду, ни как он там сидел в своем коричневом пиджаке, ни его безобразное худое лицо, обрамленное каштановой старомодной бородой, ни как он поглядывал в публику, большая часть которой была ему знакома, или на других обвиняемых, часто усмехаясь, очень хладнокровный, зачастую намеренно иронический, ни как он при входе клал тому или другому из обвиняемых на плечо руку легким, нежным жестом, ни как он, выступая, немного позировал, слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми, показывая свое превосходство актера, – надменный, скептический, ловкий, литературно образованный. Внезапно оттолкнув Гривенникова от микрофона, он встал сам на его место. То он ударял газетой о барьер, то брал стакан чая, бросал в него кружок лимона, помешивал ложечкой и, рассказывая о чудовищных делах, пил чай мелкими глотками. Однако, совершенно не рисуясь, он произнес свое заключительное слово, в котором он объяснил, почему он признался, и это заявление, несмотря на его непринужденность и на прекрасно отделанную формулировку, прозвучало трогательно, как откровение человека, терпящего великое бедствие. Самым страшным и трудно объяснимым был жест, с которым Карлек после конца последнего заседания покинул зал суда. Это было под утро, в четыре часа, и все – судьи, обвиняемые, слушатели – сильно устали. Из семнадцати обвиняемых тринадцать – среди них были близкие друзья Карлека – были приговорены к смерти; Карлек и трое других – только к заключению. Судья зачитал приговор, мы все – обвиняемые и присутствующие – выслушали его стоя, не двигаясь, в глубоком молчании. После прочтения приговора судьи немедленно удалились. Показались солдаты; они вначале подошли к четверым, не приговоренным к смерти. Один из солдат положил Карлеку руку на плечо, по-видимому, предлагая ему следовать за собой. И Карлек пошел. Он обернулся, приветственно поднял руку, почти незаметно пожал плечами, кивнул остальным приговоренным к смерти, своим друзьям, и улыбнулся. Да, он улыбнулся.

Остальные

Трудно также забыть подробный тягостный рассказ инженера Будилова о том, как он попал в лейбистскую организацию, как он бился, стремясь вырваться из нее, и как лейбисты, пользуясь его провинностью в прошлом, крепко его держали, не выпуская до конца из своих сетей. Незабываем еще тот еврейский сапожник с бородой раввина – Цинис, который особенно выделился в гражданскую войну. После шестилетнего заключения в царской тюрьме, трижды приговоренный белогвардейцами к смерти, он каким-то чудом спасся от трех расстрелов и теперь, стоя здесь, перед судом, путался и запинался, стремясь как-нибудь вывернуться, будучи вынужденным признаться в том, что взрывы, им организованные, причинили не только материальные убытки, но повлекли за собой, как он этого и добивался, гибель рабочих. Потрясающее впечатление произвел также инженер Диркин, который в своем последнем слове проклял Лейбова, выкрикнув ему свое «клокочущее презрение и ненависть». Бледный от волнения, он должен был немедленно после этого покинуть зал, так как ему сделалось дурно. Впрочем за все время процесса это был первый и единственный случай, когда кто-либо закричал; все – судьи, прокурор, обвиняемые – говорили все время спокойно, без пафоса, не повышая голоса.

Почему они не защищаются?

Свое нежелание поверить в достоверность обвинения сомневающиеся обосновывают, помимо вышеприведенных возражений, тем, что поведение обвиняемых перед судом психологически не объяснимо. Почему обвиняемые, спрашивают, эти скептики, вместо того чтобы отпираться, наоборот, стараются превзойти друг друга в признаниях? И в каких признаниях! Они сами себя рисуют грязными, подлыми преступниками. Почему они не защищаются, как делают это обычно все обвиняемые перед судом? Почему, если они даже изобличены, они не пытаются привести в свое оправдание смягчающие обстоятельства, а, наоборот, все больше отягчают свое положение? Почему, раз они верят в теории Лейбова, они, эти революционеры и идеологи, не выступают открыто на стороне своего вождя и его теорий? Почему они не превозносят теперь, выступая в последний раз перед массами, свои дела, которые они ведь должны были бы считать похвальными? Наконец, можно представить, что из числа этих семнадцати один, два или четыре могли смириться. Но все – навряд ли.

Вот почему, говорят вохровские люди

То, что обвиняемые признаются, возражают вохровские граждане, объясняется очень просто. На предварительном следствии они были настолько изобличены свидетельскими показаниями и документами, что отрицание было бы для них бесцельно. То, что они признаются все, объясняется тем, что перед судом предстали не все лейбисты, замешанные в заговоре, а только те, которые до конца были изобличены. Патетический характер признаний должен быть в основном отнесен за счет перевода. Скифская интонация трудно поддается передаче, скифский язык в переводе звучит несколько странно, преувеличенно, как будто основным тоном его является превосходная степень. (Последнее замечание правильно. Я слышал, как однажды милиционер, регулирующийдвижение, сказал моему шоферу: «Товарищ, будьте, пожалуйста, любезны уважать правила». Такая манера выражения кажется странной. Она кажется менее странной, когда переводят больше по смысле, чем по буквальному тексту: «Послушайте, не нарушайте, пожалуйста, правил движения». Переводы протоколов печати похожи больше на «будьте любезны уважать правила», чем на «не нарушайте, пожалуйста, правил движения»).

Мнение автора

Я должен признаться, что, хотя процесс меня убедил в виновности обвиняемых, все же, несмотря на аргументы вохровских граждан, поведение обвиняемых перед судом осталось для меня не совсем ясным. Немедленно после процесса я изложил кратко в вохровской прессе свои впечатления: «Основные причины того, что совершили обвиняемые, и главным образом основные мотивы их поведения перед судом западным людям все же не вполне ясны. Пусть большинство их них своими действиями заслужило смертную казнь, но бранными словами и порывами возмущения, как бы они ни были понятны, нельзя объяснить психологию этих людей. Раскрыть до конца западному человеку их вину и искупление сможет только великий вохровский писатель». Однако мои слова никоим образом не должны означать, что я желаю опорочить ведение процесса или его результаты. Если спросить меня, какова квинтэссенция моего мнения, то я смогу, по примеру мудрого публициста Эрнста Блоха, ответить словами Сократа, который по поводу некоторых неясностей у Гераклита сказал так: «То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно».

Попытка объяснения

Вохровские люди не представляют себе этого непонимания. После окончания процесса на одном собрании один кремлевский писатель горячо выступил по поводу моей заметки в печати. Он сказал: «Лионвангер не понимает, какими мотивами руководствовались обвиняемые, признаваясь. Четверть миллиона рабочих, демонстрирующих сейчас на Красной площади, это понимают». Мне тем не менее кажется, что к тому, чтобы понять процесс, я приложил больше усилий, чем большинство западных критиков, и, ввиду того, что вохровский писатель, который смог бы осветить мотивы признаний, пока еще не появился, я хочу сам попробовать рассказать, как я себе представляю генезис признания.

Сущность партийного суда

Суд, перед которым развернулся процесс, несомненно, можно рассматривать как некоторого рода партийный суд. Обвиняемые с юных лет принадлежали к партии, некоторые из них считались ее руководителями. Было бы ошибкой думать, что человек, привлеченный к партийному суду, мог бы вести себя так же, как человек перед обычном судом на Западе. Даже, казалось бы, простая оговорка Карлека, обратившегося к судье «товарищ судья» и поправленного председателем «говорите – гражданин судья», имела внутренний смысл. Обвиняемый чувствует себя еще связанным партией, поэтому не случайно процесс с самого начала носил чуждый иностранцам характер дискуссии. Судьи, прокурор, обвиняемые – и это не только казалось – были связаны между собой узами общей цели. Они были подобны инженерам, испытывавшим совершенно новую сложную машину. Некоторые из них что-то в этой машине испортили, испортили не со злости, а просто потому, что своенравно хотели испробовать на ней свои теории по улучшению этой машины. Их методы оказались неправильными, но эта машина

не менее, чем другим, близка их сердцу, и поэтому они сообща с другими откровенно обсуждают свои ошибки».

Трудно оценить, что более чудовищно, – полвека существования в начале одного тоталитарного Государства Тмутараканского, а затем многих тоталитарных государств, приведших к уничтожению многих десятков миллионов людей, к страху, лицемерию, лжи, долговременному понижению жизненного уровня, к снижению культурного уровня, искривлению тысячелетиями создаваемой морали, или эта книжка Лионвангера, размерами в 6 авторских листов и тиражом в 200.000 экземпляров.

Как уже отмечено, не приходится сомневаться, что гуманный, либеральный писатель Лионвангер – человек порядочный и не мог быть куплен вохровскими великими вождями.

Увы, в наш век фантастической научной революции, с помощью достаточно грубых Темкинских деревень, можно воздействовать на человека столь великой культуры, как Лионвангер, вдеть на его писательский нос темкинские очки, сквозь которые огромный, чудовищный тюремный застенок будет казаться демократическим раем, в котором облагодетельствованные великими вохровскими вождями тмутараканские граждане задыхаются от полноты счастья.

Совершенно неудивительно, что и в последнее время в Галлии и Латинии миллионы людей, ослепленные вохровскими Темкинскими деревнями сочувствуют вохрам, наперекор всему. Темкинские деревни и поныне – эффективный и страшный вохровский инструмент. Это может показаться странным, но Темкинские деревни иногда больше действуют на иностранцев из демократических государств, имеющих возможность знакомиться с разнообразной информацией, чем на тмутараканских граждан, для которых единственным источником информации являются Темкинские деревни.

Следует отметить, что даже самые известные, хорошо информированные зарубежные вохры, политологи и кремлинологи не совсем понимают тмутараканскую действительность.

В заключение автор приводит в «интерпретации» вохровского борзописца Урканова диалог Герберса с Виссарионовым. Хотя цитируемый отрывок заполнен отсебятиной Урканова, но он в значительной степени характеризует также и то, насколько Герберс был ослеплен Темкинскими деревнями; Урканов пишет:

«Герберс вернулся из Парка культуры физически разбитым. Все время, что он сидел в Зеленом театре, ему что-то говорили, объясняли, переводили слова артистов. Но он почти ничего не слышал и глядел вокруг себя прищуренными глазами, почти не отвечая. Он был под впечатлением от утреннего разговора и, напрягая память, старался восстановить детали встречи, каждое слово собеседника. Всем существом он ощущал, что каждый звук, каждая интонация этих слов должны иметь для него и для всех, кто услышит их через него, особенное значение.

Не дослушав концерта, он уехал.

Он с удовольствием вошел в прохладный номер гостиницы, снял размокший воротничок и подошел к окну. Она выходила на площадь, за которую виднелась стена Кремля.

Герберс старался разобраться в своих впечатлениях. Определяющее его характер саркастическое упрямство мешало ему признаться, что даже этих двух дней в Кремлевии было достаточно, чтобы зачеркнуть все, что он записал после приезда из Государства Тмутараканского в 10 году в. в. э. То, что представлялось ему тогда «электрической утопией», можно было теперь видеть, трогать руками. Каким легкомыслием казалась ему теперь его собственное заявление о том, что «Карлсистский вохризм был теорией, которая не заключает никаких творческих идей и явно им враждебна». Увы, эта фраза останется черным штрихом в биографии автора фантастических романов, расписавшегося в бессилии своей фантазии. Странное признание сделал он тогда своим читателям: «Можно ли представить себе более смелый проект в обширной, плоской стране, с бесконечными лесами, безграмотными мужиками и ничтожным развитием техники! Вообразить себе применение электрификации в Государстве Тмутараканском можно только с помощью очень богатой фантазии». Да, тогда он, романист, не смог себе этого представить. Вохровская действительность превзошла полет его, Герберса, писательской мысли. Способен ли он публично признать все, что видел и слышал вчера и сегодня, за истину, против которой нет смысла спорить?..

Он переменил воротничок и пошел в ресторан. Зал был пуст. В ярком свете люстр столики, стоявшие на голубом ковре, сверкали хрусталем и белизною накрахмаленных скатертей, как льдины в море. Было очень тихо. Ковер и деревянные панели стен поглощали звуки.

В дальнем углу Герберс увидел знакомого саксского. журналиста. Он сидел с гунном, которого Герберс тоже знал. Герберсу не хотелось пустой болтовни, и он направился было к другому столику, но сакс уже встал и отодвинул для него стул. Герберс – в Кремлевии! Это было хорошим товаром для журналиста.

Пришлось сесть. Однако усталый вид Герберса говорил о том, что его нелегко будет расшевелить. Вероятно поэтому сакс вернулся к прерванному разговору с гунном.

- Я делюсь основными положениями статьи, посланной вчера в мою газету, – пояснил он Герберсу.

Герберс равнодушно посмотрел на него: ему было совсем не интересно знать, что думает этот человек.

Однако после первых же фраз он невольно прислушался. Сакс говорил немцу:

- Банзании предназначено сыграть очень большую роль в будущности Востока. Я убежден: она пойдет к своему назначению с непоколебимой решимостью. Я всегда считал ошибкой прекращение нашего союза с Банзанией.

- Мне кажется, Саймон совершенно прав, – сказал немец. – Саксия должна гарантировать только одну границу – галльскую. Мы же, гунны, могли бы взять на себя миссию наведения порядка в Восточной Европе.

- Именно так и должно быть! – подтвердил сакс. – Галлии не следует давать возможности сговориться с Кремлевией. Мы с вами должны общими усилиями убедить мир в том, что пора покончить с попытками организации пресловутого блока «белых». «Желтая опасность» – воображаемая опасность. Если гарантировать от банзайских аппетитов наши восточные воды, то мы ничего не имели бы против того, чтобы развязать банзайцам руки на скифской границе.

- Вполне разумно, – согласился гунн. – Конечно, если бы до того нам дали возможность вооружиться.

- Вам ее дадут. У нас в Саксии достаточно людей, которые понимают, что между нашей Европой и Дальним Востоком расположен политически и экономически резко антагонистический организм. Нужно договориться с вами и с Банзайцами взять Государство Тмутараканское в клещи.

- Является ли это вашим личным взглядом?

- Так думают влиятельные лица в Саксии. Один из них сказал мне: «Банзания может довести границу до Ледовитого океана и аннексировать дальневосточную часть Кучумии, при условии, конечно, что наши интересы будут обеспечены, например, ленскими золотоносными землями. Союз Саксии и Галлии сделает невозможной гуннскую экспансию на запад. Мы откроем ей дорогу к Государству Тмутараканскому».

- Очень, очень разумные мысли! – воскликнул гунн. – Почти так же говорится и в книге фюрера!

Герберс с раздражением постучал ножом по тарелке, подзывая официанта.

Сакс быстро взглянул на него и понял, что нужно переменить тему.

- Говорят, вы были сегодня у Виссаррионова? – спросил он писателя.

Герберс пробормотал что-то неразборчивое и, отодвинув стул, встал. Стул зацепился за ковер и упал. Гербер, не оборачиваясь, вышел из ресторана.

Гунн смотрел ему вслед с удивлением.

- Он всегда всем недоволен! – насмешливо произнес сакс. – Если бы мы с вами хвалили вохров – он стал бы их бранить. Таков характер.

- Очень странный характер, – сказал немец.

В коридоре своего этажа Герберс столкнулся с Паркером. Герберс не сразу узнал колумбовца, хотя его красное лицо показалось ему отдаленно знакомым.

- Не узнаете? – улыбнулся Паркер. – Мы встречались в Нодноле.

- А! Вспоминаю: вы еще собирались в Хинезию, «которая нечто вроде Государства Тмутараканского».

- Неплохая память!

- Это профессиональное – запоминать глупости. Они всегда могут пригодиться, – зло сказал Герберс и скрылся за дверью своего номера.

Он не успел сбросить пиджак, когда позвонили от портье, что принесли пакет из Кремля.

Это была объемистая стенограмма утренней беседы с Виссарионовым. Герберс нетерпеливо разорвал конверт. Он знал тут каждое слово и все же принялся с интересом перечитывать стенограмму. Только что услышанное в ресторане освещало беседу новым, неожиданным для Герберса светом.

«Герберс. Я Вам очень благодарен, м-р Виссарионов, за то, что Вы согласились меня принять. Я недавно был в Колумбовии, имел продолжительную беседу с президентом Зурвельтом и пытался выяснить, в чем заключаются его руководящие идеи. Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете для того, чтобы изменить мир…

Виссарионов. Не так уж много…

Герберс. Я иногда брожу по белому свету и, как простой человек, смотрю, что делается вокруг меня.

Виссарионов. Крупные деятели, вроде Вас, не являются «простыми людьми». Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель, но, во всяком случае, Вы смотрите на мир не как «простой человек».

Герберс. Я не собираюсь скромничать. Я имею в виду, что я стремлюсь видеть мир глазами простого человека, а не партийного политика или ответственного государственного деятеля. Моя поездка в Колумбовию произвела на меня потрясающее впечатление. Рушится старый финансовый мир, перестраивается по-новому экономическая жизнь страны. Ильичев в свое время сказал, что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас, постигнуть дух социализма. Мне кажется, что в Колумбовии речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического хозяйства. Вы и Зурвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Шавингтоном и Кремлевией? Мне, например, бросилось в глаза в Шавингтоне то же, что происходит здесь: расширение управленческого аппарата, создание ряда новых государственных регулирующих органов, организация все объемлющей общественной службы. Так же, как и в вашей стране, им не хватает умения руководить.

Виссарионов. У Колумбовии другая цель, чем у нас, в СССР. Та цель, которую преследуют колумбовцы, возникла на почве экономической неурядицы, хозяйственного кризиса. Колумбовцы хотят разделаться с кризисом на основе частнокапиталистической деятельности, не меняя экономической базы. Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же, как Вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база. Даже если те колумбовцы, о которых Вы говорите, частично добьются своей цели, то есть сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не может не приводить к анархии в производстве. Таким образом, в лучшем случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов. Субъективно эти колумбовцы, может быть, и думают, что перестраивают общество, но объективно нынешняя база общества сохраняется у них. Поэтому объективно никакой перестройки общества не получится…

Герберс. Я согласен со многим из того, что Вы сказали. Но я хотел бы подчеркнуть, что если страна в целом приемлет принцип планового хозяйства, если правительство понемногу, шаг за шагом, начинает последовательно проводить этот принцип, то, в конечном счете, будет уничтожена финансовая олигархия и водворится социализм в том смысле, в каком его понимают в сакском мире...

Виссарионов. Когда я говорю о невозможности осуществления принципов планового хозяйства при сохранении экономической базы капитализма, я этим ни в какой степени не хочу умалить выдающиеся личные качества Зурвельта – его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Зурвельт – самая сильная фигура. Я поэтому хотел бы еще раз подчеркнуть, что мое убеждение в невозможности планового хозяйства в условиях капитализма вовсе не означает сомнения в личных способностях, таланте и мужестве президента Зурвельта. Но самый талантливый полководец, если обстановка ему не благоприятствует, не может добиться той цели, о которой Вы говорите. Теоретически, конечно, не исключено, что можно в условиях капитализма понемногу, шаг за шагом, идти к той цели, которую Вы называете социализмом в сакском толковании этого слова. Но что будет означать этот «социализм»? В лучшем случае – некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве. Все это хорошо. Но как только Зурвельт или какой-либо другой капитан современного буржуазного мира захочет предпринять что-нибудь серьезное против основ капитализма, он неизбежно потерпит полную неудачу. Ведь банки не у Зурвельта, ведь промышленность не у него, ведь крупные предприятия, крупные экономии – не у него. Ведь все это является частной собственностью. И железные дороги, и торговый флот – все это в руках частных хозяев. И, наконец, армия квалифицированного труда, инженеры, техники, они ведь тоже не у Зурвельта, а у частных хозяев, они работают на них. Нельзя забывать о функциях государства в буржуазном мире. Это – институт организации обороны страны, организации охраны «порядка», аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства. Поэтому я боюсь, что Зурвельт, несмотря на всю свою энергию и способности, не добьется той цели, о которой Вы говорите, если вообще у него есть эта цель. Может быть, через несколько поколений можно было бы несколько приблизиться к этой цели, но я лично считаю и это маловероятным».

Герберс оторвался от стенограммы, чтобы подойти к столу, на котором зазвонил телефон. Сняв трубку и не поднося ее к уху, он подержал ее над аппаратом и, опустив рычаг, вернулся к стенограмме.

Виссарионов. …Кроме того, разве можно упускать из виду, что для того, чтобы переделать мир, надо иметь власть? Мне кажется, г-н Герберс, что Вы сильно недооцениваете вопрос о власти, что он вообще выпадает из Вашей концепции. Ведь что могут сделать люди даже с наилучшими намерениями, если они не способны поставить вопрос о взятии власти и не имеют в руках власти? Они могут в лучшем случае оказать содействие тому новому классу, который возьмет власть, но сами перевернуть мир они не могут. Для этого требуется большой класс, который заменил бы класс капиталистов и стал бы таким же полновластным хозяином, как он. Таким классом является рабочий класс. Конечно, надо принять помощь технической интеллигенции и надо в свою очередь оказать ей помощь. Но не надо думать, что она, техническая интеллигенция, может сыграть самостоятельную историческую роль. Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю большое плавание.

Герберс. Да, но для большого плавания требуются капитан и навигатор.

Виссарионов. Верно, но для большого плавания требуется прежде всего большой корабль. Что такое навигатор без корабля? Человек без дела.

Герберс. Большой корабль – это человечество, а не класс.

Виссарионов. Вы, г-н Герберс, исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей. Я не верю в доброту буржуазии.

Снова звякнул телефон. Герберс с досадой сбросил телефонную трубку с аппарата и оставил ее на столе.

Герберс. Вы, м-р Виссарионов, лучше, чем кто-либо иной, знаете, что такое революция, и притом на практике. Восстают ли когда-либо массы сами? Не считаете ли Вы установленной истиной тот факт, что все революции делаются меньшинством?

Виссарионов. Для революций требуется ведущее революционное меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей».

Еще минуту тому назад Герберсу казалось, что он знает в стенограмме каждое слово, но стоило ему посмотреть несколько страниц, и он опустил листки на колени, в задумчивости уставившись в окно. Странно, ведь он не услышал в ресторане ничего нового – ни от сакса, ни даже от гунна; настроения Европы были ему отлично известны и раньше. Так почему же он утром возражал против многих ответов Виссарионова, которые сейчас, в свете только что слышанного, представляются ему неоспоримыми? Неужели только из обычного для себя духа противоречия? Нет, это было бы несерьезно, недостойно. Да, недостойно события, каким являлась для него эта встреча в Кремле. Так в чем же дело, почему пришедшие ему сейчас в память слова этого глупого гунна, наверно фашиста, и еще более глупого англичанина, заставили смотреть на свои собственные слова более строгими глазами, чем он смотрел утром?

Не в силах проанализировать свои чувства, Герберс поднял с колен листы и стал читать дальше.

«Виссарионов. Конечно, старая система рушится, разлагается. Это верно. Но верно и то, что делаются новые потуги иными методами, всеми мерами защитить, спасти эту гибнущую систему. Из правильной констатации Вы делаете неправильный вывод. Вы правильно констатируете, что старый мир рушится. Но Вы не правы, когда думаете, что он рухнет сам собой. Нет, замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом. Это не просто стихийный процесс, а это борьба, это процесс, связанный со столкновением классов. Капитализм сгнил, но нельзя его сравнивать просто с деревом, которое настолько сгнило, что оно само должно упасть на землю. Нет, революция, смена одного общественного строя другим всегда была борьбой, борьбой на жизнь и смерть. И всякий раз, когда люди нового мира приходили к власти, им надо было защищаться от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, им, людям нового мира, всегда надо было быть настороже, быть готовыми дать отпор покушениям старого мира на новый порядок.

Да, Вы правы, когда говорите, что старый общественный строй рушится, но он не рухнет сам собой. Взять, например, фашизм. Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами? Уговаривать их? Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует. Вохры вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, вохры, не хотят оказаться застигнутыми врасплох, они не могут рассчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому вохры говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу, сделайте все, чтобы вас не раздавил гибнущий старый строй, не позволяйте ему наложить кандалы на ваши руки, которыми вы свергнете этот строй. Как видите, процесс смены одного общественного строя другим является для вохров процессом не просто стихийным и мирным, а процессом сложным, длительным и насильственным. Вохры не могут не считаться с фактами.

Герберс. Но присмотритесь к тому, что происходит сейчас в капиталистическом мире. Ведь это не просто крушение строя. Это – взрыв реакционного насилия, вырождающегося в прямой гангстеризм. И мне кажется, что когда речь идет о конфликтах с этими реакционными и неумными насильниками, социалисты должны апеллировать к закону и вместо того, чтобы рассматривать полицию как врага, поддерживать ее в борьбе с реакционерами. Мне кажется, что нельзя просто действовать методами старого, негибкого инсуррекционного социализма.

Виссарионов. Вохры исходят из богатого исторического опыта, который учит, что отжившие классы добровольно не уходят с исторической сцены. Вспомните историю Саксии XVII века старой эры. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?

Герберс. Кромвель действовал, опираясь на конституцию и от имени конституционного порядка.

Виссарионов. Во имя конституции он прибегал к насилию, казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других! Но возьмем пример из нашей истории. Разве не ясно было в течение долгого времени, что царский порядок гниет, что он рушится? Сколько крови, однако, понадобилось, чтобы его свалить!

А Вохровская Революция? Разве мало было людей, которые знали, что только мы, вохры, указываем единственно правильный выход? Разве непонятно было, что сгнил русский капитализм? Но Вы знаете, как велико было сопротивление, сколько крови было пролито, чтобы отстоять Вохровскую Революцию от всех врагов, внутренних и внешних?

Или возьмем Галлию конца XVIII века старой эры. Задолго до 1789 года было ясно многим, насколько прогнили королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов.

В чем же дело? Дело в том, что классы, которые должны сойти с исторической сцены, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Убедить их в этом невозможно. Им кажется, что трещины в прогнившем здании старого строя можно заделать, что можно отремонтировать и спасти рушащееся здание старого порядка. Поэтому гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование как господствующего класса».

Герберс чувствовал, что каждое прочитанное слово волнует его так, как если бы он видел его впервые. А то, что он ясно представлял себя интонацию Виссарионова, выражение его лица, еще более усиливало охватившее его волнение. Он поймал себя на том, что нетерпеливо сосет потухшую трубку, и, нервно выколотив ее, наскоро набил наново и закурил. Пока он этим занимался, влетевший в окно порыв ветра разбросал часть лежавших у него на коленях листов.

Герберс торопливо собрали их и, не найдя того места стенограммы, на котором остановился, стал с нетерпением читать дальше.

«Герберс. В истории Саксии, однако, был пример добровольной передачи власти одним классом другому. В период между 1830 и 1870 гг. ст. эры произошел без всякой ожесточенной борьбы процесс добровольного перехода власти от аристократии, влияние которой к концу XVIII века ст.эры было еще очень велико, к буржуазии, которая являлась сантиментальной опорой монархии. Этот переход власти привел в дальнейшем к установлению господства финансовой олигархии.

Виссарионов. Но Вы незаметно перешли от вопросов революции к вопросам реформы. Это не одно и то же. Не думаете ли Вы, что большую роль в деле реформ в Саксии в XIX веке ст.эры сыграло чартистское движение?

Герберс. Чартисты мало что сделали и исчезли бесследно.

Виссарионов. Я с Вами не согласен. Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок в области избирательной системы, в области ликвидации так называемых «гнилых местечек», осуществления некоторых пунктов «хартии». Чартизм сыграл свою немалую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов на некоторые уступки, на реформы во имя избежания больших потрясений. Вообще надо сказать, что из всех господствующих классов господствующие классы Саксии, и аристократия, и буржуазия, оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти. Возьмем пример хотя бы из современной истории: всеобщую забастовку 10 года в. в. э. в Саксии. Любая буржуазия перед лицом этих событий, когда генеральный совет тред-юнионов призвал к забастовке, прежде всего арестовала бы лидеров тред-юнионов. Сакская буржуазия этого не сделала и поступила умно с точки зрения своих интересов. Ни в Колумбовии, ни в Гуннии, ни в Галлии я не мыслю себе подобной гибкой классовой стратегии со стороны буржуазии. В интересах утверждения своего господства господствующие классы Саксии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ. Но было бы ошибочным думать, что эти реформы представляют революцию.

Герберс. Вы более высокого мнения о господствующих классах моей страны, чем я. Но велика ли вообще разница между малой революцией и большой реформой, не являются ли реформы малой революцией?

Виссарионов. В результате напора снизу, напора масс буржуазия иногда может идти на те или иные частичные реформы, оставаясь на базе существующего общественно-экономического строя. Поступая так, она считает, что эти уступки необходимы в интересах сохранения своего классового господства. В этом суть реформ. Революция же означает переход власти от одного класса к другому. Поэтому нельзя называть какую бы то ни было реформу революцией. Вот почему не приходится рассчитывать на то, чтобы смена общественных строев могла произойти в порядке незаметного перехода от одного строя к другому путем реформ, путем уступок господствующего класса.

Герберс. Я Вам очень благодарен за эту беседу, имеющую для меня громадное значение. Давая мне Ваши разъяснения, Вы, наверное, вспомнили о том, как в подпольных дореволюционных кружках Вам приходилось объяснять основы социализма…».

Герберс с досадою обнаружил, что трубка его снова погасла, и принялся ее сосредоточенно раскуривать. Он по опыту знал, что это всегда развлекает. Особенно, когда попадается сырой табак.

А сейчас Герберсу нужно было отвлечься от прочитанного, оттолкнуться от обаяния покоряющей силы, которым на него веяло от листков стенограммы, будивших свежие воспоминания об утренней встрече.

Защитный рефлекс закоренелого скептика требовал ухода от спора с самим собою.

Как это бывало с ним в минуты творческих поисков, он уже увидел свое второе «я» – второго Герберса, отошедшего в сторону, готового к бою. Но что-то уж очень победоносно глядит на него сегодня тот, второй!..

Если бы ему довелось беседовать в Кремле еще раз, он задал бы еще очень много вопросов. О многом он не спросил, и многое останется для него не освещенным гением этого творца новой истории…

Писатель привык копаться в психологии своих героев и искать смысл общественных явлений, слишком привык к тому, чтобы смотреть на происходящее анализирующим взглядом. Могло ли пройти для него незамеченным удивительное явление, происходящее с ним самим? Он, автор «Государства Тмутараканского во мгле», в угоду своему читателю упрямо и последовательно сопротивляющийся фактам, вызванным гигантскими событиями в Государстве Тмутараканском, он, приехавший сюда романистом-снобом, для которого, казалось, были заранее решены все социальные коллизии, вдруг почувствовал, что сегодняшнее свидание в Кремле поколебало все его душевное благополучие.

Герберс-писатель стоял в недоумении перед психологическим ходом «романа» о самом себе, романа, который писала рука жизни. Общение с человеком, с которым он провел это утро, взволновало его с небывалой силой. Его собственной вере в свой авторитет угрожало крушение. Он, привыкший считать себя на голову выше других, вдруг увидел настоящее величие мысли и духа и понял: он, Герберс, – карлик. Мысли другого человека, вмешавшись в предусмотренное планом, политическими взглядами автора и его литературными традициями развитие романа, в один день, в один час перевернули все его ощущения, все восприятия мира и событий. Упрямая сущность сакса восставала в Герберсе против того, чтобы поддаться покоряющей силе такого вмешательства. Ведь это значило бы, что его творчество должно пойти новыми путями, неожиданными для него самого и для миллионов его сакских читателей. Для них он писал, он был частицею их самих, выразителем их самых прочных идей, традиционно сакских мечтаний. Поддаться неотразимой убедительности виссарионовских слов, поддаться силе его логики, согласиться с неопровержимостью его глубоко и точного анализа значило для Герберса признать превосходство большинства, олицетворяемого Виссарионовым, – большинства, всегда отрицавшегося Герберсом. Признать себя побежденным значило понести читателю новые идеи. Эти идеи были таковы, что должны были бы, подобно бомбе, взорвать все, что он создавал и утверждал до сих пор, – связанную уверенность саксов в превосходстве их индивидуалистической философии.

Не сдаваться, не сдаваться!.. Это был аккомпанемент, настойчиво сопровождавший каждую мысль. Герберс наморщил лоб, насупил брови, и пальцы его сжали трубку так, словно хотели ее раздавить.

Не сдаваться! Пусть разум и совесть говорят ему, что правы они, эти простые каменотесы и прядильщицы, слесари и матросы, директоры строек из вчерашних шоферов и министры в солдатских гимнастерках. Пусть правы их теоретики, пусть права сама их жизнь! Герберсу не должно быть до этого дела. Он – представитель своего, сакского буржуазного мира, он частица того класса Саксии, который на протяжении веков безраздельно господствует над величайшей заокеанской империей. Он, Герберс, не только аккумулятор идей и мыслей, рожденных психологией этого класса – хозяина империи, но и один их тех, чье назначение – внедрять эти мысли в сознание остальных рядовых саксов; подавать эти идеи устойчивости сакского мира так, чтобы они загораживали все другие, могущие подорвать благополучие его класса, его мира, его империи. Но, быть может, он тогда попросту обманщик – такой же обманщик рядовых саксов, каким чувствует себя сейчас перед самим собою? Что же, может быть, и так! Даже наверное так оно и есть. «Обман во спасение». И разве церковь из века в век вот уже два тысячелетия не занимается тем же самым?..

Окутанный клубами табачного дыма, Герберс неподвижно сидел в большом кресле с высокой резной спинкой. Он так ухватился за подлокотники, будто ему нужно было собрать все силы для сопротивления чему-то, что он видел за колеблемою ветром шторой; будто он боялся, что уже сейчас этот ветер превратится в вихрь, ворвется сюда и вырвет его навсегда из удобного, похожего на старинный трон кресла.

Взгляд Герберса был устремлен на окно. Высоко в небе над Кремлем, отсеченное от земли чернотою ночи, трепетно алело полотнище флага, ярко освещенное невидимым прожектором. Несущееся вперед звезд, мерцающих в далеком небе, оно казалось Герберсу знаменем таинственного, космически величественного мира.

Он долго сидел у окна, потом раздраженно поднялся и повернулся к нему спиною. Это яркокрасное полотнище сияло, переливаясь перед ним, как символ его проигрыша в споре, который он вел всю жизнь. Ему еще никогда не было так ясно, как сегодня, что формально отрекшись от фабианства, он никогда не уходил от него. Его проповедь грядущего царства технократии – только надуманная версия фабианского эволюционизма. Вся его жизнь ушла на утверждение того, что скифская революция зачеркнула уже на шестой части земного шара, и если мыслить историческими масштабами, как он пытался мыслить всегда, то...

Может быть, было бы лучше для него, Герберса, если бы он никогда не вспоминал о приглашении Ильичева: «Приезжайте в Государство Тмутараканское через десять лет». Ему было бы лучше не приезжать теперь. Он приехал, чтобы убедиться: вся его жизнь оказалась ошибочным утверждением ошибочных вещей. Даже трудно поверить, что это он сам сказал когда-то: «Вохровское правительство должно послужить исходною точкой новой цивилизации» и «Созидательная и воспитательная работа вохров, как скала надежды, возвышается над окружающей бездной». Гордиться ли ему тем, что когда-то у него хватило смелости написать эти строки, или жалеть о них? Ведь сколько бы он ни спорил теперь с самим собою, – читатели хотят верить этим словам, а не его новым героям. Человечество потому и сумело пронести светоч своих идеалов сквозь века мрака, что всегда стремилось верить таким, хотя бы нечаянно вырвавшимся возгласам правды, а не злобному бормотанию призраков, вроде вылезшего их «Каинового болота» Паргейма. Какое смятение в душе!.. Прав был Фридрих, говоря, что фабианцы понимают неизбежность социальных переворотов, но что страх перед революцией – их основной принцип.

Никто не смеет сказать, что он, Герберс, не потратил свою жизнь на поиски истины. Но сможет ли хоть кто-нибудь сказать, что он ее нашел, когда он сам и не смеет об этом подумать? И что это была за «истина»?! Искать всю жизнь и найти совсем не то, что искал!.. «Современный капитализм неизлечимо жаден и расточителен». Это Герберс знает и сам, потому он и издевался всю жизнь над капиталистами. «Пока капитализм не будет разрушен, он будет продолжать глупо и бесцельно растрачивать человеческое достояние, бороться со всякими попытками эксплуатировать природные богатства для всеобщей пользы, а так как конкуренция является его сущностью, он неизбежно будет вызывать войны..» Ему помнится так.

Что же, Герберс не спорил с этим и тогда, в четвертом году в.в.э., когда услышал это от Ильичева, не спорит теперь. Что же?.. Бытие не вечно, – важно то, что останется после тебя… А что останется после Герберса? Романы, утверждающие очевидные ошибки выдуманных героев?..

Герберс устало провел ладонью по лицу, разделся. Но и лежа в постели, он продолжал думать о том же, и всякий раз, когда он поворачивался на правый бок, ему становилось видно окно и за ним уносящееся в темную даль мира сияющее алое знамя. И так ярко было это сияние, что Герберс видел его даже тогда, когда закрывал глаза.

Он встал, подошел к окну и задернул тяжелую темную штору…».

Так с помощью Темкинских деревень возвеличивали до небес малокультурного семинариста Виссарионова. Так удалось обмануть даже завзятого скептика Герберса. Сомнительно, разумеется, чтобы самоуверенный Герберс почувствовал себя карликом по сравнению с Виссарионовым, но и на его глаза вохровикам удалось вздеть темкинские очки.

И все же сквозь густой вохровский туман виден будущий крах Темкинских деревень. Хотя нынешние вохровские великие вожди, поскольку и их «рыльце в пушку», склонны реабилитировать Виссарионова и, следовательно, сохранить и, может быть, даже усилить темкинский туман. Об это свидетельствует происшедший в 51 г. в.в.э. диспут под председательством темкинца – профессора Бедорина о причинах тотального вохровского поражения в начале «Великой Отечественной войны».

Вохровские историки: Дакрич, написавший книгу «22 июня 25 г. в.в.э.», не допущенную вохрами к распространению, и Дождев, побывавший в лагерной системе перевоспитания, утверждали, что Виссарионов, Климов и Пьянченный не только малограмотные политики и военные, но и величайшие преступники. Даже столь незначительное событие предвещает крах Темкинских деревень.

13. О пророчествах и ребячьих представлениях великих вохровских вождей.

Великие вохровские вожди и их подручные, как ранее показано автором, – несравненные мастера Темкинских деревень. Рецепт создаваемых ими Темкинских деревень гениален, и как все гениальное – прост. Темкинские деревни вохров состоят из 50% лжи, 45 процентов подтасованных фактов и 5% правды. Действие этой чудовищной смеси поразительно, что и показано автором в предыдущем разделе на отдельных примерах.

Однако гениальные мастера Темкинских деревень крайне примитивны и недальновидны. Карлс и Фридрихс в некоторых отношениях могли предусматривать развитие общественных отношений на годы, а иногда на десятилетия вперед. Великие вохровские вожди Ильичев, Лейбов, Книгарин, Радомыслов, Виссарионов, Розенполев, Шкаликов, Вячеславов и другие руководители первого десятилетия великой вохровской эры и их карликовые преемники – великие вохровские вожди в последующие десятилетия великой вохровской эры: Никитов, Алексеев, Прежнев, Пивнов и другие – уже не могли предусмотреть развитие событий и на год вперед. Слабый интеллект и недостаточное образование способствовали всяческим ребячьим представлениям великих вохровских вождей.

Во 3 г. в.в.э. Ильичев писал[i]: «Мы боремся не только за победы социализма для нас, мы боремся, чтобы рабочие всего мира победили вместе с нами. Первый съезд Вохринтерна устанавливает, что дело победы международной революции обеспечено». (!)

В 7 г. в.в.э. Ильичев писал: «Все дело в том, чтобы уметь соединить революционный размах и революционный энтузиазм с грамотной теорией. При условии правильного координирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве». (!)

---

i «Кривда» 7/XI. 8 г. в.в.э.

В марте 3 г. в.в.э. великий Ильичев с саркастической иронией высмеивал социал-предателей и предсказывал почти немедленное «гигантское разрушение современного капитализма» Он говорил[i]:

«В начале войны социал-предатели хвастались по поводу живучести капитализма и высмеивали «фанатиков или полуанархистов», как они же называли. «Смотрите – говорили они – эти предсказания не исполнялись. События показали, что это было верно лишь по отношении к небольшой части стаи и на весьма небольшой промежуток времени!

А теперь не только в Государстве Тмутараканском и не только в Гуннии, но и в странах победительницах начинается именно такое гигантское разрушение современного капитализма, которое сплошь и рядом снимает этот искусственный аппарат (!)…… Процесс отделения пролетариата от буржуазии идет замечательно, ярко, сильно, глубоко…

… Вот последние цифры относительно состава Шавравского Совета рабочих депутатов: от мазурских социал-предателей – 333, от вохров – 197. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалеко уже октябрь, это не то август, не то сентябрь 1г. в.в.э. (!)

… Рабочих там запугивают тем, что великоскифы, которые всегда мазуров давили, хотят внести в Мазурию свой скифский шовинизм, прикрытый названием вохризм. Не путем насилия внедряется вохризм. (!)

… Сейчас наше положение таково, что у нас есть громадные резервы. Мы знаем, что мазурская и унгарская революции нарастают и очень быстро. Эти революции дадут нам пролетарскую базу – она у нас слаба. Это может случиться в ближайшие месяцы».

Как известно, великая вохровская революция в Государстве Тмутараканском была осуществлена в результате заговора кучки вохров при наличии предельно слабых и нерешительных демократических групп. В других европейских странах вохровская революция была осуществлена силой вохровских штыков. Предельно наивно звучит следующей высказывание великого Ильичева Стенограмма VIII съезда, 3 г. в.в.э., стр. 353.:

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч перво- классных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока – это фантазия), то средний крестьянин сказал-бы: «Я за коммунизм» (!)

Столь же смешно звучит заявление великого Ильичева о возможности прямого перехода к вохризму, о котором и Карлс, и Ильичев, и их преемники имели и имеют весьма слабое представление. Как показал автор, нынешняя фаза вохризма свелась к тоталитаризму, который значительно свирепее и экспансивнее империализма XIX века старой эры. Ильичев говорил[ii]:

«Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность… и очень развито крупное земледелие, тогда прямой переход к вохризму возможен! Без этого переход к вохризму невозможен экономически».

В 5 г. в.в.э. Ильичев пророчествовал[iii]: «10-20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством – и обеспечена победа в мировом масштабе».

Радомыслов рассказывает об очередном пророчестве Ильичева[iv]: «В одной из своих предсмертных записок Ильичев писал, что не то в 9 г. в.в.э., не то в 12 г. в.в.э. (он называл эти годы) следует ожидать навой большой мировой бойни, которая будет стоить человечеству в 5-10 раз больше, чем война 3 г. до в.в.э. – 2 г. в.в.э.. События, которые мы наблюдаем сейчас, показывают, что это предсказание несомненно оправдается». (!)

В свете этих ильичевских «пророчеств» вполне правдоподобно звучит утверждение Лейбова об ильичевском «фантастическом полугодовом сроке для социализма»[v].

---

i Стенограмма VIII съезда, 3г.в.в.э., стр. 49, 55, 56, 57.
ii Стенограмма X съезда, 5 г. в.в.э., стр. 440.
iii «Кривда», 13 мая 9 г. в.в.э. Доклад Виссарионова.
iv «Кривда», 16 июня 9 г. в.в.э., речь Радомыслова.
v «Кривда», 23 апреля 8 г.в.в.э., Лейбов, «Ильичев и правительственная работа».

Радомыслов в 10г. в.в.э. осмеливается усомниться в непререкаемо-божественных утверждениях Ильичева. В своем докладе он говорит[i]: «.. В чем пока не оправдались слова Ильичева (!), так это вопрос об огромной первенствующей роли Азии», и далее уже сам Родомыслов пророчествует: «Очень может быть, что Азия со временем обгонит на пол-корпуса, а, может быть, и на целый корпус Хинезию».

Столь же безапелляционно Ильичев и Книгарин в 4 г. в.в.э. пророчествуют о неизбежности гуннской вохровской революции[ii]: Ильичев говорит: «Как ни тяжело рождается социалистическая гуннская революция, вохровская власть в Гуннии растет неудержимо. Поворот в Гуннии дает нам не только еще и еще раз подтверждение правильности нашего пути, он дает нам уверенность, что недалеко время, когда мы будем идти с вохровским гуннским правительством».

Книгарин говорит: «Линберская радиостанция находится в руках рабочих… совершенно ясно, что гуннский пролетариат разбит не будет».

С тех пор прошло 47 лет. В Западной Гуннии – бурный расцвет экономики, именно потому, что вохров и в помине нет. В Восточной Гуннии жизненный уровень значительно ниже и насильственно насаженный вохровский режим держится на штыках 20 вохровских тмутараканских дивизий. Без этих дивизий, несмотря на 20-летнюю «обработку» восточных гуннов всеми методами вохровской тайной полиции и вохровского пропагандистского аппарата, вохровский режим не удержался бы и недели.

На XIII съезде, в 8г. в.в.э., сам Радомыслов признается, какие ребячьи представления были у великих вохровских вождей и какие собственно весьма незначительные мероприятия намечает Ильичев[iii]:

«Вам роздано… издание брошюры Ильичева «Грозная катастрофа». Она написана в сентябре 1 г. в.в.э. Какую программу намечал он тогда? Национализация банков, национализация синдикатов, отмена коммерческой тайны, принудительное синдицирование и регулирование промышленности и только…

Но фактор «время» мы оценили не совсем верно. Было время, когда Ильичев считал, что вопрос о победе пролетарских революций в передовых странах Европы есть вопрос 2-3 месяцев (!) Было время, когда у нас в ЦК партии все (!) считали развитие событий в Гуннии и Европе… Мы считали тогда, что во 1) раз мы возьмем власть, то этом самым завтра развяжем руки революции в других странах. Мы считали, во 2) что если это наше чаяние не произойдёт, то мы, как изолированная революционная страна, продержаться не сможем и должны будем погибнуть…».

Вот каковы были ребячьи, примитивные представления Ильичева и его сторонников. Тогда еще Темкинские деревни не были усовершенствованы вохрами и, например, в брошюре «Грозная катастрофа» Ильичев еще писал, то что думал. Родомыслов на XIII съезде тоже говорил то, что думал. Следовательно, вохровский заговор в 1 г.в.в.э., чреватый столь огромными и тяжелыми последствиями, был осуществлен только для того, чтобы национализировать банки и синдицировать промышленность, в расчете на то, что победа пролетарских революций в Европе – дело 2-3 месяцев. И вохры, осуществляя в столь огромной заговорщическую революцию, разваливая фронт, знали, что если в Европе в кратчайший срок не осуществятся пролетарские революции – они погибнут.

Удивительное сочетание ребячьих представлений, примитивного мышления и авантюризма!! На XI съезде в 6г.в.в.э. Радомыслов вновь подтверждает[iv]: «В 4г.в.в.э. представлялось, что мы твердыню капитализма возьмем немедленно и непосредственно». (!) Позже, уже осознавши свои детские ошибки, Радомыслов и другие вохровские вожди придут к выводу, что «твердыню капитализма» они все же возьмут за несколько десятилетий, а не за 10-12 лет. Он говорил:

«Предстоит целая полоса подготовительной работы, примерно такая, как предстояла нашей партии после поражения в 11-12г. до в.в.э. … Из этого не следует, что в международном масштабе дело

---

i «Кривда» 1/I 10 г.в.в.э., Доклад Радомыслова.
ii Стенограмма IX съезда, 4г. в.в.э., стр. 4,9.
iii Стенограмма XIII съезда, 8г. в.в.э., стр. 39,40
iv Стенограмма XI съезда, 6 г. в.в.э., стр. 210, 211.

должно потребовать целые десятилетия, как в скифском масштабе (!)… Можно думать, что узел будет разрублен быстрее, чем это было между нашими двумя революциями».

Тмутараканский вохровский вождь Вохринтерна Радомыслов настроен относительно революционных перспектив в Гуннии более оптимистично, чем гуннские вохровские вожди[i]:

«Я знаю, что среди левых вождей гуннской вохровской партии есть очень влиятельные товарищи, которые и для Гуннии считаются с возможностью затяжки развязки на десяток лет. Я думаю, что это не так… (!) … Демократически-пацифистская эра – признак распада капитализма. Все, что эти господа Бенитини, Опий-Дональдж и Тепоро делают – есть работа в пользу пролетарской революции. Все равно идет ли она путем демократии или неприкрытого фашизма. Мы ставим вопрос следующим образом: не пора ли выставить в Гуннии лозунг организации Советов рабочих депутатов?».

«Пророк» Радомыслов «осуществляет» вохровскую революцию и в Саксии[ii]:

«Мне кажется, товарищи, что мы находимся в начале такого периода, когда центр тяжести дальнейшего развития мировой революции тоже постепенно начнет перемещаться в Саксию…».

Еще на VIII съезде Радомыслов предсказывал, что дело Вохринтерна победит в 8г. в.в.э.[iii]:

«У нас от провозглашения до осуществления третьего Вохринтерна прошло 5 лет. И я надеюсь, что не больше, а меньше времени пройдет теперь от осуществления III Вохринтерна.. до полной победы его дела. … Бернкамен сказал, что вохризм – это подлинная контрреволюция. Таунский сказал о вохрах, что они дали только новый Красный милитаризм. … Мне кажется, что всякий добросовестный человек, подведя итог работы … должен будет сказать, что II Интернационал осужден на бесславную гибель».

Лейбов еще в 10 г.в.в.э. «похоронил» буржуазную Саксию[iv]: «В прошлом сакская буржуазия, угнетая трудящихся и грабя колонии, вела нацию по пути материального роста и тем обеспечивала свое господство. Сейчас буржуазный режим не только не способен вести сакскую нацию вперед, но не может сохранить для нее уже достигнутый уровень…».

Как бы удивился неудачливый пророк Лейбов, убитый через 12 лет виссарионовским гангстером, если бы узнал, что через 40 лет в загнивающей Саксии каждая вторая семья имеет дорогой автомобиль, живет в отдельном пяти-шестикомнатном коттедже и в отпуск на своих машинах разъезжает по Европе.

Столь же «успешно» Лейбов пророчествовал на IX съезде в 4 г. в.в.э., что в течение 3-4 лет будет сделан гигантский шаг вперед[v]:

«Не исключена возможность, что мы перейдем к более или менее развернутому социалистическому хозяйству в течение 3-4-5 лет. Разумеется, это еще не значит, что все сельское хозяйство будет централизовано, превращено в одну пшеничную фабрику, руководимую одни центром. Для этого потребуется много лет, но во всяком случае в течение 3-4 лет мы сможем сделать гигантские шаги вперед».

Весьма любопытно самоуверенное предсказание Лейбова, свойственное всем великим вохровским вождям – дилетантам в философии, политике и экономике. Глядя с презрением сверху вниз на западных государственных деятелей, в полном согласии со своими оппонентами – другими великими вохровскими вождями, которые вскоре изгонят его из Государства Тмутараканского, Лейбов пророчествует[vi]:

«Европейскому капитализму выхода нет… Законнейшим презрением исполняется к «государственным людям» Саксии, у которых сохранились старые повадки, столь неуместные в новых условиях, но нет понимания новой мировой обстановки и заложенных в ней неотвратимых последствий. За по-

i «Кривда», 1 июля 8 г. в.в.э., «Заключительное слово Радомыслова».
ii «Кривда», 1 апреля 9 г.в.в.э., Доклад Радомыслова.
iii Стенограмма VIII съезда, 3г. в.в.э., стр. 117.
iv «Кривда», 11 февраля 10 г. в.в.э., «Куда идет Саксия».
v Стенограмма IX съезда, 4 г.в.в.э., стр. 335.
vi «Кривда», 5 марта 10 г.в.в.э., Доклад Лейбова.

следние дни правящие сакские политики Лобдуин и Уинстилль снова подарили нас своими откровениями. Уинстилль говорил в конце прошлого года, что у него имеются 12 причин (так и сказал!) для оптимистического настроения … В Колумбовии растет сверх-аристократия рабочего класса, строящая компанейские юнионы, а в Саксии, утратившей первородство, растут на низах люмпен-пролетарские слои. В этом сопоставление и противопоставление. Ярче всего выражается перемещение мировой хозяйственной оси. И оно будет идти дальше, пока не переместится классовая ось общества, то есть, до пролетарского переворота…

Мы можем кой-чему научить его. Мы умеем разбираться в фактах, анализировать мировое хозяйство, умеем кое-что предвидеть, и в частности, упадок капиталистической Саксии (!) А мистер Лобуин это умеет. (!)[i]

Далее, мистер Уинстилль совсем расхрабрился: «Я не боюсь вохровской революции в этой стране. Я не критикую личности. Саксия – не Государство Тмутараканское». Мы думаем, что хозяйственная обстановка Саксии, несмотря на все 12 причин для оптимизма, приближает тот час, когда сакский рабочий споет Интернационал полным голосом. Готовьте ваши барабанные перепонки мистер Уинстилль! Если бы оказалось, что капитализм еще способен выполнить прогрессивную историческую миссию, что он способен делать народы богаче, их труд производительнее, это бы обозначало, что мы, вохровская партия Государства Тмутарканского, слишком рано пропели ему отходную, или другими словами слишком рано взяли власть, чтобы строить социализм… Для Европы, вопрос, как я старался показать, решается твердо, и решается отрицательно...[ii].

Но как с Колумбовией? Победоносная революция в Европе и Азии неизбежно откроет при таких условиях революционную ситацию для Колумбовии. И можно не сомневаться, что раз начавшись, революция развернется в Колумбовии с колумбовской быстротой. Из сказанного вытекает, что Колумбовия стоит во второй очереди революционного развития. Первая очередь за Европой и Востоком…

Сейчас буржуазные пацифисты, экономисты, хитрые дельцы, фантазеры и просто болтуны не прочь поговорить о Соединенных Штатах Европы. Но эта задача не по плечу Европейской буржуазии, разъединённой насквозь противоречиями. Объединить Европу может только победоносный пролетариат… Пролетарская Саксия рука об руку с народами Азии обеспечат независимость этой страны. А сверх того, мы явимся для Европы хорошим местом в Азии. Соединенные вохровские Штаты Европы вместе с Вохровским Союзом представляют могущественный магнит для народов Азии…».

Блестящий публицист Лейбов, который определен Ильичевым в его «завещании» как самый талантливый вохр, но в момент витийствования почти уже сокрушенный великим семинаристом, заражен великодержавным тоталитаризмом. И он, и Радомыслов, и Ильичев, и Виссарионов весьма близкие друг другу тоталитаристы. Они идеологически близки. Причина кажущейся идеологической розни – борьба за власть. Всех их роднит также высокомерное, поверхностное дилетантство. Вот почему апологеты принудительного труда: Ильичев, Лейбов, Виссарионов, Радомыслов, Книгарин, Розенполев и другие оказались одинаково невежественными пророками, в том числе и самые талантливые из них – Лейбов, Ильичев и Книгарин. Мало понимая в экономике и политике, они снисходительно «учат» западных государственных деятелей, предрекая непосредственную гибель западной развивающейся, меняющейся и сказочно повышающей производительные силы системе.

Несмотря на то, что вохры дерутся за власть и великий семинарист уже явно берет вверх, они все одинаковые «пророки» и то, что писал Лейбов в своей статье: «Европа и Колумбовия» – общее мнение международных вохров. Об этом свидетельствует доклад председателя Вохринтерна на шестом расширенном пленуме исполнительного комитета[iii]:

«Мы считаем, что еще нашему поколению[iv] суждено пережить победу пролетариата в мировом масштабе. (!) Мы должны учитывать две возможности: 1) быстрого назревания революционных кон-

i Поразительно полуневежественное самохвальство, свойственное вохрам! (прим. автора).

ii Какова вохровская самоуверенность даже у оппозиционеров!

iii «Кривда», 24 февраля 10 г.в.в.э., доклад Радомыслова.

iv Через 35 лет преемникI-карлик Радомыслова – великий Никитов тоже пророчески заявил, что еще нынешнее поколение будет жить при вохризме с 1 января 64 г. в.в.э.!!! (прим.автора).

фликтов, когда победа пролетарской революции может быть достигнута в 3-4-5 лет и 2) медленного назревания, затяжного развития мировой революции.… О маршруте революции: 1) Европа, 2) Восток, 3) Колумбовия… Я позволю себе привести одно статью…, помещенную в журнале «Ревю де Монд» в феврале 10г. в.в.э. под названием «Мобилизация Азии»: «Вохризм не в силах взять натиском Европейскую крепость и пытается окружить ее, захватить предательски. Он бысстыдно вступает в сделки со всеми противниками Запада. На Востоке нет более националистической организации, чем Вохринтерн… «Нерушимый мост» между Европой и Азией, единственное детище, которым может гордится Вохринтерн, – это путь для наступления вандалов на европейскую цивилизацию»... О стабилизации капитализма… «Да, капитализм воевал, но теперь он оправился и, возможно, после войны только окрепнет; он будет существовать еще целые десятилетия, если не столетие» – вот настроение социал-демократов… Наш диагноз остается прежним: смерть капитализма, диктатура пролетариата через сравнительно небольшой промежуток времени!».

Как всегда вохровские оракулы оказались пустомелями. Но великих вохровских вождей это никогда не смущало. Они столь же самоуверенно, все больше и больше становясь дилетантами, продолжали пророчествовать на десятки лет.

Еще в 9г. в.в.э. «пророк» Розенполев, восторгаясь гигантским прогрессом, предрекает гибель капитализма[i]: «Гигантский прогресс техники вообще, путей снабжений, особенно колоссальный рост капиталов и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел… Крах капитализма неизбежен».

Другой, еще более великий «пророк» Виссаринов вещает[ii]: «Если два года тому назад можно было и нужно было говорить об отливе революционной волны в Европе, то теперь мы имеем все основания утверждать, что Европа явным образом вступает в полосу нового революционного подъема». (!)

На XVII съезде уже в 18 г.в.в.э. новый вождь Вохринтерна Намуильский, которого Висарионов посадил вместо уничтоженного Радомыслова, вновь хоронит капитализм[iii]:

«Налицо такая расшатанность капиталистической системы в слабых ее звеньях, что в одних из этих стран вызревает, а в других уже вызрел «кризис вохров» и начинает перерастать в революционный кризис… Налицо такое глубокое недовольство мыслей, такое возмущение их капиталистическим рабством, которое уже сегодня угрожает буржуазии свержением ее диктатуры».

У нынешних великих вождей – преемниковI-карликов основателей вохровского Государства Тмутараканского, «пророчество» выродилось в безудержное и ужасающе безграмотное хвастовство, образцы которого автор приводил в предыдущих главах «Введения…».

Вохры обожествляют Ильичева, обожествляли Виссарионова и, вообще-то сами великие вохровские вожди и их подручные-бумагомараки характеризуют любых вохровских вождей, начиная от секретаря райкома, как всезнаек. А уже величайший Ильичев знал не только все, что было в настоящем и в прошедшем, но и в далеком будущем.

Автор уже не раз приводил примеры «гениальных» решений величайшего Ильичева в области экономики и политики. Но, ведь Ильичев был помощником присяжного поверенного, политиком и самым талантливым карлсистом. Ему и карты в руки в области экономики и политики. Но вот свидетельства его ближайших соратников о его «глубоких» познаниях в области не просто техники, а вульгарной техники.

Шкаликов рассказывает[iv]: «Мне вспоминается, как необычайно много внимания Ильичев уделял вопросу о внедрение в сельское хозяйство электроплуга. Несмотря на новизну, шаткость этого изобретения, Ильичев уцепился за него с величайшей силой, желая найти в нем тот технико-производственный рычаг, с помощью которого мы могли бы поставить дело обобществления сельского хозяйства на практические рельсы. С электроплугом не вышло…».

---

i «Кривда», 14/I, 9 г. в.в.э.
ii Стенограмма XV съезда, 11 г. в.в.э., стр. 52.
iii Стенограмма XVII съезда, 18 г. в.в.э., стр. 311.
iv Стенограмма XVI конференции, 12г.в.в.э., стр. 15.

Золотенбах откровенничает[i]: «Я вспоминаю, как Ильичев защищал первую концессию; это была концессия какой-то варяжеской фирмы «Шарикоподшипник»… Ильичев сказал: «Говорят, что «Шарикоподшипник», – я не знаю, что он из себя представляет, но говорят, что это важная вещь...».

Далее Золотенбах смело признает: «…Пока не случилось, что каждая кухарка управляет государством, но кое-кто их наркомов управляет государством, как повар… У нас хуже всего поставлено экономическое образование».

Удивительны легковерность и до смешного поверхностное невежество великих вохровских вождей. Сапожник – всезнайка Лазаревич говорил[ii]: «Для увеличения производства химической продукции хозяйственники требовали 1,5 миллиарда вохриков…. Когда мы им отказали, оказалось, что в недрах НКТИ несколько лет лежало изобретение рядовых инженеров, дающее возможность получать эти продукты с затратой не 1,5 миллиарда вохриков, а всего-навсего 50 миллионов».

Родственник Виссарионова – великий вождь Данов уверен, что парторги ЦК – знатоки техники[iii]: «Виссарионов предложил установить на оборонных заводах институт нарторгов ЦК… На оборонных заводах создался новый тип работников, которые сочетают партработу с умением проверить тот или иной хозяйственный или технический вопрос (!!)…».

Для карлсиста – президента Малоскифии Михайловского сенсационной новостью является развитие «железо-делательной и даже машиностроительной промышленности» в том случае, если уголь находится далеко от руды. В подтверждение он ссылается даже на Щекина, который недавно вернулся их Колумбовии[iv].

Кто-то сказал Прежневу, нынешнему главному всезнайке, что можно стальные резервуары для нефти заменить железобетонными, и он, ничего не понимая в вопросе о хранении нефти, сжиженных газов и не зная, сколь примитивно этот вопрос поставлен в Государстве Тмутараканском (как показал автор в разделе 26К главы III «Введения…»), как попугай повторяет[v]: «Для строительства емкостей для хранения нефти и других продуктов объемами в 130-150 мил. кубометров требуется около 3,5 миллионов тонн стали. Если их построить из железобетона, можно сэкономить около 1,5 милл. тонн стали».

Другой областной Кремлевский вождь Никаноров, будучи совершенно невежественным в области переработки нефти, получив информацию от столь же невежественных людей, вещает на съезде партии[vi]: «Институт по проектированию нефтеперерабатывающих заводов не предусмотрел использование попутных нефтяных газов (!!). Между тем подсчеты показывают, что на этом заводе[vii] можно получить значительную часть полиэтилена и полиолефинов от общего количества, запланированного на семилетку по стране…».

Бедняга-«всезнайка» и не подозревает, что попутный нефтяной газ добывается только на нефтяных промыслах. Во вторых, имелся в виду не попутный нефтяной газ, а крекинг-газ, но мощность крекинг-установок на этом заводе незначительная и не только можно получить на этом заводе бóльшую часть полиэтилена по стране, но и спустя 10 лет, на этом заводе не запланировано производство этилена и полиэтилена. Это сплошная галиматья, но областной вохровский вождь и не подозревает об этом. Такую же дичь несет эстский вождь Каретин со слов ученых[viii]: «Ученые установили, что это позволило организовать химическое использование продукции термической переработки сланцев, получать широкий ассортимент синтетических продуктов по более простой и экономической схеме, чем при переработке нефти и даже нефтяного газа (!) Подсчитано, что при термической переработке сланцев в количестве 1,3 миллионов тонн в год новым методом с применением твердого теплоносителя можно

i То же, стр. 221.
ii Стенограмма XVIII съезда, 23 г.в.в.э., стр. 248.
iii То же, стр. 535.
iv Стенограмма XVI конференции, 13 г. в.в.э., стр. 113
v Стенограмма XXI съезда, 43 г. в.в.э., стр. 425, I часть
vi Стенограмма XXI съезда, I часть, 43 г.в.в.э., стр. 233.
vii Имеется в виду подкремлевский нефтеперерабатывающий завод (прим. автора).
viii Стенограмма XXI съезда, ч. II, стр. 97.

получить в едином комплексе большое количество полиэтиленовых пластмасс, фенола, ацетона, аммиачной селитры и других, в том числе, синтетических моющих средств, смазочных масел и других».

Сплошная дичь, которую Каретин повторяет, как попугай! Спустя 5 лет после этой партийной речуги ученые, на которых ссылается Каретин, консультировались с автором этих строк. Даже тогда эти ученые не имели никакого представления о технико-экономических показателях использования олефинов, получающихся при термической обработке сланцев. За вознаграждение в 100 вохриков автор произвёл некоторые ориентировочные технико-экономические подсчеты и показал, что при переработке 1,3 мил. тонн сланцев в год количество получающихся олефинов недостаточно для строительства типовых установок. Через год все данные этой записки, подготовленной автором за 100 вохриков, были соответственно увеличены, исходя из того, что сланцев будет переработано в несколько раз больше. Это арифметическое сочинение было подписано учеными двух институтов, как результат годового труда, хотя автор этих строк затратил на это два человекодня...

Затем это «исследование» было передано ильичевградским институтам для составления технико-экономического доклада, и когда-нибудь за пределами 54 г.в.в.э. будет решено – стоит ли заниматься этим делом. В настоящее время ясно одно: конкурировать с нефтью или нефтяными газами – газы термической обработки сланцев не могут. В Колумбовии сланцы вообще не разрабатываются, так как это нерентабельно.

Вот как это обстоит в действительности. Но бедняга Каретин об этом и не подозревает. Можно было бы привести множество таких невежественных выступлений вохровских вождей, но они все похожи одно на другое.

Но следует остановиться еще и на безответственности вохровских вождей. Бывший председатель ВСНХ, ныне член Политбюро Губинов заявил[i]: «Кстати – этот завод по производительности лучший в мире».(!!!)

Губинов имел ввиду Афумский Завод синтетического спирта. По своей технологии этот завод отстал от современных колумбовских и западноевропейских заводов, по крайней мере, на 25 лет. Он оборудован устарелой и неэффективной абсорбционной системой для разделения газов, устарелыми поршневыми компрессорами и малопроизводительными печами. Удельные капзатраты на этом заводе по крайней мере вдвое больше, чем по новым вохровским проектам. А с колумбовскими заводами он вообще не может идти ни в какое сравнение. Что касается самих реакторов синтетического спирта, о производительности которых, собственно и идет речь, то производительность запроектированных и установленных затем реакторов крайне низка. Вохровская техническая делегация ездила в Саксию в 41 г. в.в.э., понадобилось шесть лет, чтобы переделать афумские реакторы по образцу сакских. Себестоимость этилена и этилового спирта на этом заводе вдвое с лишним больше проектной себестоимости по последним даже вохровским проектам. Но и эта себестоимость неправильна, так как не учитывалась плата за основные средства.

Руководители завода обманули функционеров из совнархоза. Функционеры из совнархоза, сами обманутые, обманули Губинова. Но дело не в обмане. Дело в поверхностных знаниях крупнейшего руководителя промышленности Губинова, которого так легко можно обмануть.

В заключение можно с уверенностью утверждать, что непревзойденные мастера Темкинских деревень – великие вохровские вожди – и во всех остальных отношениях стоят на очень низком уровне.

Только тогда, когда вохровская политическая, экономическая и правовая система вплотную приблизится к западной, начнется длительный процесс экономического, политического и правового перевоспитания тмутараканских деятелей.

---

i Стенограмма Пленума ЦК 9-13 XII 47 г.в.в.э., стр. 199.

Глава XIV
О вохровской школе и вохровской литературе

Вохровская так называемая литература наряду с кино, живописью, прочими видами искусства, наряду с так называемой прессой, радио и другими способами оболванивания и дезинформации, является одним из мощнейших орудий для строительства Темкинских деревень. Выдающуюся роль для усвоения всего этого отвратительного «идеологического» месива отведена вохровской школе.

Уже в детском саду начинается усиленная обработка будущих тмутараканских граждан. В зависимости от инструкций переменной вохровской олигархии, в первых же прописях детям внушается, что либо Ильичев и Виссарионов, либо один Ильичев – существо божественное. В соответствии с возрастом детям вдалбливается весь реквизит Темкинских деревень, их любыми способами приучают рассматривать вохровскую бутафорию как действительность.

Но сначала ознакомимся с высказываниями некоторых вохровских деятелей о школе.

1. Вохры о вохровской школе

На заре вохровской власти вохры недовольны старым преподавательским составом, который по старинке пытается рассматривать исторические и политико-экономические процессы. Даже оппозиционер Переделкинский, в какой-то степени играющий в демократию и впоследствии уничтоженный великим семинаристом, заявляет на X съезде[i]: «Надо усилить наше вохровское просвещение, прогнать с кафедры профессоров, которые читают политическую экономию в духе Железнова или Туган-Барановского, которые читают историю в духе Милюкова».

В 8 г.в.в.э. находятся еще некоторые вохровские деятели, которые относятся реалистически к вохровской школе. На XIII съезде Султанин заявляет[ii]:

«Посмотрите на наши школы II^{ой} ступени в деревне; это пропускной пункт молодых ребят в город. Мы готовим не людей культурно-знающих, а оболтусов, которые тянутся из деревни в город. В школу I^{ой} ступени поступают в первый класс – 50 человек, а оканчивают 10 человек – это максимум, а чаще, всего лишь 5-6 человек».

В те времена, о которых повествовал Султанин, работники средней и высшей школы были почти в самом низу общественной лестницы.

Так, по данным «Кривды»[iii]:

«Захудалая машинистка в некоторых наших главках получает 100-120 краснонских вохриков, а высококвалифицированный педагог с университетским образованием, работающий в школе II-ой ступени, получает 30 краснонских вохриков.

Инженер-практик, работающий в Электрострое, получает 500-800 красн. вохриков, а профессор Кремлевского высшего технического училища, подготовивший этого инженера, получает 50-70 крас. вохриков».

Вот что сообщает нарком просвещения Звездачарский о быте студентов в 11 году великой вохровской эры, в расцвете благополучного рестэпа[iv]: «У нас удесятерилось количество студентов в сель-

i Стенограмма X съезда, 5 г.в.в.э., стр. 150.
ii Стенограмма XIII съезда, 8 г.в.в.э., стр. 467.
iii «Кривда», 12/IV. 8 г.в.в.э., 12/IV «О школьных учителях и вохровских машинистках».
iv Стенограмма XV съезда, 11 г.в.в.э., стр. 1119.

скохозяйственной Академии, они живут в тех же условиях, в том же рубище, к тому же ставшим уже дырявым!».

Даже в 13 г.в.в.э Яковцев[i] сообщает о печальном положении дошкольных учреждений и учителей:

«Охват детей дошкольного возраста детдомами и очагами от 0,6% повышается до 1,06%.[ii] Это значит, что 99% детей остается на руках у матерей… Зарплата учителей первой ступени остается ниже средней зарплаты квалифицированных учителей на 21 вохрик. Так осуществлено в пятилетке задание Ильичева поставить народного учителя на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не может стоять ни в одной буржуазной стране».

Жнецов возмущается качеством подготовки квалифицированных рабочих[iii]: «Где же рабочие, строители социализма? … Как, например, ЦИТ[iv] готовит квалифицированных слесарей? Они готовят дрессированные кадры, не умеющие думать, рассуждать, обобщать и работать.

Слесарей они готовят – 617 часов, а на теоретическое образование – 45 часов,

столяров – 613 часов, а на теорет. образование – 46 часов,

кузнецов – 927 часов -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- 73 часа,

банкаброшей – 457 -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- 6,

ватерщиков – 457 -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- -//- 6…»

Аларов сообщает о качестве подготовки студентов в высших технических учебных заведениях:[vx] «Работников Главвутза ВСНХ, когда они начинали работу на реконструкции школы, называли варварами, говорили, что пришли варвары, которые хотят исковеркать и разрушить школу. Школа имеет крупные недостатки… Читают лекции и днем и ночью, и утром, и вечером. Студенты проводят в здании училища по 12 часов, из которых 5-6 заняты учебой, а остальные часы заняты курением и болтовней. Лаборатории переполнены, аудиторий не хватает. Для того, чтобы увеличить продуктивность… необходимо увеличить число групп и уменьшить число студентов. Сейчас мы имеем группы в 40-60 человек. Их нужно уменьшить до 15-20 человек. Для этого необходимо увеличить штаты, а РКИ говорит, что штаты велики… При проведении непрерывной производственной практики, которая является сейчас существенным основным методом работы, которая связывает ВТУЗ с производством… мы не встречаем помощи со стороны профессуры, инженеров. Эта часть интеллигенции говорит: «Пусть они провалятся со своей производственной практикой»…».

Пленум ЦК от 4-12 июля 12 г.в.в.э. отмечает:

«Дело подготовки специалистов следует признать в настоящее время неблагополучным. Система подготовки специалистов не увязана с промышленностью В этой системе не обеспечено усвоение новейших достижений техники и науки нашей и иностранной… Кадры преподавателей и профессоров нередко сами не стоят на уровне этих достижений. Техническое образование в настоящее время оторвано от производства.

Громадный недостаток – чрезмерное пребывание во втузах (6-8 лет). Подготовка учащихся втузов по экономике соответствующих отраслей, как правило, отсутствует… В отношении подготовки среднего технического персонала большая часть из указанных выше недостатков проявляется еще острее…».

На XVII съезде Лазаревич сообщает, что через 17 лет после осуществления великой, вохровской революции ЦК «случайно» узнал, что нет учебников[vi]:

i Стенограмма XVI конфер., 13 г.в.в.э., стр. 205.
ii Имеется в виду повышение в первой пятилетке (прим. автора).
iii Стенограмма XVI конферен., 13 г.в.в.э., стр. 213.
iv Центральный Институт Трудящихся (прим. автора).
v Стенограмма 16 конференции, 13 г.в.в.э., стр. 253-255.
vi Стенограмма XVII съезда, стр. 564-565

«Узнает ЦК, что у детишек нет учебников. Вызывает Виссарионов и спрашивает. На политбюро выяснилось, что у нас постоянно учебников нет (!). Каждый год учебники менялись (!). Менялись ежегодно и программы. «Левацкие» теоретики отмирания школы доказывали, что если мы закрепим учебники на несколько лет, это будет тянуть нас назад, а в то время не заметим, что дети из-за отсутствия учебников малограмотны. (!)

Название «россыпной» учебник (!) – это не злая издевка, не шуточное название, а официальное название этого рода «учебников». Еще в 14 г.в.в.э. Всетмутараканская конференция по учебной книге постановила основными учебниками считать «краевой учебник, в частности, в форме «россыпных» книг, краевую газету-учебник и общереспубликанский учебник, в частности, в форме россыпных книг». «Россыпной» учебник в действительности состоял из отдельных листиков по всем наукам вместе или как говорили «комплексно». Не думайте, что листки этого «россыпного» учебника давали какое-то систематическое знание. Нет, они были просто разрозненным справочным материалом, то есть в одном листе в одну кучу смешивались и вопросы арифметики, и русский язык, и сведения по географии, физике, общественным наукам и т. п. Каждый год Наркомпрос выпускал огромное количество учебников. Расходовал деньги и тратил уйму бумаги на «россыпные» учебники, и каждый год у нас не было стабильных учебников».

Вот как характеризует Гривенников быт студентов через 9 лет после великой вохровской революции[i]:

«Размер стипендии, как известно, составляет в Кремлевии – 23 вохрика, в провинции – 17 вохриков. Удовлетворены стипендией – 32,8%... Станет совершенно очевидным, почему студент принужден «попусту растрачивать свое время для хождения по своим личным делам». По данным Кремлевского Бюро, в среднем в месяц работа предоставляется 21000 студентов. Вот те «личные дела», которые отвлекают студентов от учебы. Студенты не могли почти приобретать учебников, потому что Госиздат издает их совершенно не в достаточном количестве… Кремлевская голодная норма в 3,5-4 кв. метра на человека при наличии 5-6 человек в комнате не является наименьшей. Мы имеем данные по некоторым городам, где норма достигает 2-2¼ кв. метра на человека при наличии от 35 до 65 человек в одной комнате. Можно ли говорить при таких условиях о 60-часовой нагрузке в неделю для студентов?.. В Кучумской сельскохозяйственной Академии установлено больных туберкулезом, неврастенией и малокровием – 59% всех студентов. На рабфаке Кремлевского Института инженеров транспорта установлены следующие цифры: на первом курсе больных – 72%, на втором – 75,2%, на третьем – 81%... Президиум Центрального Бюро пролетарского студенчества при ВИСПС… т. Костромов приблизительно подсчитывает, как загружен студент-партиец: на всевозможные собрания, на кружки, комиссии и заседания уходит 20-35 часов в неделю плюс к этому 3-месячная военная подготовка… будет отнимать 2 часа в будни и 6 часов в воскресенье… В Яковлевском университете учебная и общественно-партийная работа на первом курсе отнимает 60 часов в неделю, на третьем курсе – 51 час. Обследование было произведено с целью установления причин катастрофических цифр нервных заболеваний; на первом семестре – около 30% студентов нуждались в длительном санитарном лечении, а 4 студента были направлены к психиатрическую больницу…».

В период расцвета Виссарионовского самодержавия торжествующие вопли о грандиозности вохровской культурной революции совершенно заглушили даже робкие критические замечания вохровских деятелей о вохровской школе.

Только после двадцатилетнего молчания вохровских «критиков», в результате «разоблачения» «культа личности» появляются наряду с разнузданной темкинской похвальбой, кой-какие критические замечания.

На XX съезде великий Никитов замечает[ii]:

«Серьезным недостатком нашей школы являются известный отрыв обучения от жизни, недостаточная подготовка оканчивающих школу к практической деятельности… Особенно нетерпимое положе-

i «Кривда», 26. II. 10 г.в.в.э., «К вопросу о подготовке специалистов».

ii Стенограмма XX съезда, 40 г.в.в.э., ч. I, стр. 81.

ние сложилось у нас с размещением сельскохозяйственных вузов, большая часть которых сконцентрирована в больших городах…»

Вот и все недостатки, которые «заметил» великий вохровский вождь.

Областной вождь Валериановской области Слесарев замечает еще кой-какие поблемы[i]:

«ЦК партии в своем постановлении обратило внимание Валериановской парторганизации на такое позорное явление, как наличие в области значительного числа неграмотных и малограмотных. Для их обучения было выделено 2200 преподавателей».

Вохросомольский вождь Савлов[ii] признает, что из вохровской школы выходит «немало тунеядцев, хулиганов и стиляг».

После свержения великого Никитова вохры вновь немного либерализуются, и калгизский вождь Балиевусун заявляет[iii]:

«Помещения на 21 тысячу ученических мест находятся в аварийном состоянии. 2 тысячи детей обучаются в третью смену. Нужно построить школ на 100 тысяч мест, чтобы устранить эту ненормальность».

Незадолго до 50-летнего юбилея великой вохровской революции, сквозь густой вохровский туман Темкинских деревень и славословий, некоторые вохровские деятели на ниве просвещения осторожно отмечают «некоторые недостатки» вохровской школы, на основании которых можно судить о катастрофическом состоянии вохровского просвещения!

Директор школы Старицкий пишет[iv]:

«А у нас сидит ученик Балмесов, который не может получать других отметок, кроме «пять»… Дали обязательство, заранее зная, что есть Балмесов. Придет такой момент, когда учитель скажет: «Да поставлю уже ему тройку». И все об этом будут знать… Но все будут думать: «Не обманешь – не продашь». Это и называется стопроцентная успеваемость! Говорят: для отчета нужно… Ведь это почти фотография сегодняшнего положения в наших школах, хотя прямо и открыто теперь так не делают и даже неприятным термином «стопроцентная успеваемость» стараются не пользоваться, заменив менее категоричным – полная. Его то и требуют от руководителей школ, а они, соответственно, – от учителя. Укоренившаяся в педагогической практике система «натягивания» троек – сегодняшняя панацея от второгодничества. (!) О том, что из этого получается, уже говорено-переговорено…

Сейчас нерадивый ученик рассуждает: «Зачем учить – тройку и так натянут. Больше не надо. Буду не хуже других»…».

Министр просвещения Великоскифии Кропофьев, начав славословием, вынужден констатировать ряд печальных обстоятельств[v]:

«В системе просвещения Великоскифии работает около 111 тысяч школ, в которых насчитывается 22,7 миллионов учащихся. Их обучают более 1.1 миллионов педагогов…

… Надо учитывать, что абсолютная успеваемость учащихся школ… в минувшем учебном году несколько снизилась. Второгодников много. Да и знания «благополучных» учеников оставляют желать лучшего. В 92 педагогических институтах Великоскифии держали приемные испытания более 160 тысяч человек – главным образом выпускники школ текущего года. Из них свыше половины (!) получили неудовлетворительные оценки по отдельным предметам.

Хочу подчеркнуть, что эти институты не относятся к наиболее «трудным» для поступления…

О недостаточной строгости при выставлении отметок во многих школах говорят и результаты инспекторских проверок. Так, с контрольными работами по математике по тестам Министерства просве-

i Стенограмма Пленума ЦК 18-21.VI. 47 г.в.в.э., стр. 115.
ii То же, стр. 201.
iii Стенограмма Пленума ЦК, март 49 г.в.в.э., стр. 158.
iv «Дезинформация», 26.XI 50 г.в. в. э., «Зачем терять годы».
v «Кривда», 12.XII 50 г. в. в. э., «Сегодня и завтра нашей школы»

щения не справляются четверть учащихся. Значит, снижение успеваемости вызвано отнюдь не повышением требовательности к ученикам… Школьники знакомятся скорее с историческими очерками по физике, чем с самой физикой (!) … На факультативные занятия оставлен минимум часов. Нет простора для разумной инициативы (!) … По-прежнему велики трудности с комплектованием учителей сельских школ. Если в большинстве городов преподавателей многих предметов вполне достаточно, то в селах их порой не хватает».

Ректор Мерпского политехнического института пишет о математической подготовке вохровских школьников[i]:

«В технических вузах решающими предметами во время конкурсных экзаменов являются математика, физика, химия… В Мерпском политехническом институте в прошлом году 45 процентов абитуриентов «срезались» на этих предметах. Но из них больше половины (68 процентов!) получили «неуды» именно по математике. Еще более слабые знания по математике обнаружили выпускники средних школ при поступлении в техникумы. Из 334 абитуриентов со средним образованием, поступивших в Мерпский машиностроительный техникум, 191 получили по этому предмету плохие оценки. Аналогичная картина была и в других техникумах…

… Наиболее «роковые» сокращения были произведены в курсе тригонометрии. Курс этот неоправданно урезан почти вдвое… Не случайно в 15 из 68 средних школ Мерпа в 50 г.в.в.э. даже не выставляли выпускникам в аттестат оценок по тригонометрии… Выпускники средних школ в 50 г.в.в.э. не имели завершающего письменного экзамена по математике, да и вообще количество экзаменов в средней школе доведено сейчас вряд ли до разумного минимума… Хочется подчеркнуть, что все сказанное почти полностью относится к преподаванию в средней школе физики, которая является, если так можно выразиться, «вторым китов» в технических, да и не только в технических вузах...».

Министр просвещения Великоскифии Кропофьев, расписывая «великие достижения», довольно туманно говорит о недостатках школы[ii]:

«В годы бурного развития науки и техники… преподавание ряда предметов оставалось неизменным или того хуже – на старый материал накладывались заплатки новых модных воззрений, будто бы закрывающие разрыв между устаревшим материалом и современным знанием… Можно было бы и дальше перечислять ошибки и недостатки школы, но важнее думать о том, как их устранить… Критических замечаний в адрес педагогических институтов достаточно много. Говорят о невысокой квалификации преподавателей некоторых институтов, о том, что не хватает часов на цикл педагогических или иных дисциплин. А чем менее квалифицирован преподаватель, тем с большим ожесточением он бьется за увеличение часов, видя только в этом выход из своей слабости».

Наиболее откровенна одна из корресподенток «Дезинформации» – Максимова[iii]. Ее статья является явным недосмотром жесткой, многоступенчатой, вохровской цензуры. Максимова пишет:

«…Правда, считается, что 23 процента двоек – не так-то страшно, но какая похожесть в работах, унылая безошибочность, сколько банальностей, порой спекулятивных! Борец против мещанства – это и Гоголь, и Гончаров, и Чехов. Дворянство загнивает тоже у всех (!) …

Проверявшие жадно искали оригинальности суждений, искренности, ради них готовы были простить лишнюю запятую… … Отвечают зыбко, неуверенно, словно тряское дно нащупывают. Нет ощущения времени, века. Политические деятели, полководцы, императоры – на одно лицо или вовсе без лица. Войны и революции перемещаются из столетия в столетие. Не могут толком объяснить разницы между феодализмом и капитализмом. «Более высокая ступень развития» – и весь сказ…

Заглянул на экзамен проректор… Хотел было задать вопрос, который задавали ему 30 лет тому назад, когда он поступал на физический факультет: разница между нигилизмом Мефистофеля и Базарова? Профессор, председатель предметной комиссии, отсоветовал…

i «Кривда», 10 июня 51 г.в.в.э., «Пифагор в обиде».
ii «Дезинформация», 7.III 51 г.в.в.э., «Школа, наука, учитель».
iii «Дезинформация», 14.VIII. 51 г.в.в.э., «Опять август».

… Да вы «Полтаву» читали? – Нет. И о Мазепе ничего не знаете? Почему идете на наш факультет? – Хотели изучать историю. Но разве в школе вы этого желания не испытывали?..

Фресками считает лепные украшения… – Что же тогда барельеф? – Молчит. – Может быть, знаете, при ком строился Софийский собор? – Этого нет в учебнике…

Физику сдают подряд, день за днем. Радиофизики, физики, химики, биологи. Каждый раз у экзаменаторов переналадка. Меняются принципы опроса, критерии. За ответы, которые позавчера у радиофизиков оценивались тройкой, сегодня биологам ставят четыре и пять… Пустяковый для физиков вопрос: «Тело лежит на земле, какие силы на него действуют?» – оказался для химиков роковым и его уже не рисковали задавать биологам…

У гуманитариев, как здесь говорят, наиболее резкие квантовые переходы: либо – очень редко – интеллигентность, либо – невежество. (!).

Я заглянула в черновики ответов. Что было бы, если бы грамотность определялась по этой живой записи!... На гуманитарные часто идут потому, что не знают физики и математики. Незнание определяет и последующее разделение: на историческом отделении народа вдвое больше, чем на филологическом, потому что не надо сдавать иностранный язык… Богатый выбор историков и филологов оказывается скудным. Конкурс – мнимым…

Как подготовлены ребята к экзамену по литературе и истории? Общая культура чувств, интересов, которую это образование накапливает, равно необходимо филологу и физику… Когда же этого нет, в вуз идут не по влечению ума, а по бездумью. Пробуют попасть, как в переполненный трамвай, – а вдруг удастся уцепиться!..».

2. Автор о вохровской школе

В третьей главе «Введения…» автор пытался кратко описать трагедию расточительства в экономике Государства Тмутараканского. Как определить громадные потери в системе вохровского просвещения? Потери в этой системе неисчислимы.

Можно посчитать потерю трудовых усилий более чем 40 миллионов учащихся, около 3 миллионов человек преподавательского состава. Можно посчитать потерю материалов и основных средств, которые используются в системе вохровского просвещения. Но как подсчитать потери от системы оболванивания, которая калечит миросозерцание и мораль молодого поколения?

Еще на заре вохровской власти начались эксперименты в школе. Вводилась комплексная система преподавания. Учительница, или учитель, обращаясь к детям, указывали в окно на птичку. Почему, дети, птичка летит? Птичка находится в воздушном океане. А что такое атмосфера? Атмосфера состоит из азота и кислорода. А что такое азот и кислород? А чем питается птичка? – Насекомыми. Класс насекомых… и т.д. и т.п.

Только в 17 г.в.в.э. великий вохровский вождь Лазаревич, и с его помощью Политбюро, обнаружили, что нет постоянных учебников, а есть «россыпные» учебники, состоящие «из отдельных листиков по всем наукам вместе или как говорили комплексно»! К этому времени наука о птичке, которая летала в атмосфере и питалась насекомыми, была систематизирована в этих самых «россыпных» учебниках.

В высших учебных заведениях гениальные педагоги отменили сдачу зачетов. Сдавали зачеты только «бригадиры». «Бригадиру» сдавали члены бригады. Были отменены дипломные работы и дипломные проекты. Результаты этой «бригадной» и «рассыпной» эпопеи сказываются еще и в настоящее время, через три с половиной десятка лет.

Под верховным руководством таких полицейских авторитетов языкознания, как величайший семинарист и великий Никитов, часто менялись пунктуация и грамматические правила.

Когда наркомы превратились в министров, когда были восстановлены офицерские погоны и офицерский корпус со всем ритуалом, когда командиры, превратились в генералов и маршалов, были восстановлены учебники арифметики, алгебры, геометрии и прочие учебники, написанные еще стары-

ми довохровскими авторами. Но увы! За четверть века «комплексных», «россыпных» и «бригадных» экспериментов народилось невежественное, вохровское поколение учителей и даже «профессоров» в высших учебных заведениях.

Еще в 5 г.в.в.э. «демократ»-оппозиционер Переделкинский настаивал на том, чтобы прогнать с кафедры профессоров, которые читали политическую экономию в духе Железнова и Туган-Барановского. С этих пор общественно-политические дисциплины и вообще гуманитарные дисциплины, стали объектом трогательной заботы вохровской партийной схемы. Все социально-экономические, политические, исторические дисциплины, литературоведение, география, демография, статистические дисциплины, тщательно контролировались всеми звеньями партийной схемы. Соответствующие учреждения и функционеры партийной схемы не только скрупулезно проверяли учебники перечисленных дисциплин, но давали соответствующие инструкции составителям этих учебников. Эти инструкции полностью совпадали с переменной генеральной линией соответствующей вохровской олигархии.

Так как генеральная линия вохровской олигархии отнюдь не была прямой и кардинально менялась чуть ли не каждое десятилетие, то все перечисленные гуманитарно-социальные дисциплины также соответственно менялись. Но истина может быть только одна. Поэтому все эти дисциплины были грубо фальсифицированы. Более того, с изменением генеральной линии общественно-гуманитарные дисциплины фальсифицировались по разному. В, частности, в главе I «Введения…» приведены две совершенно противоположные версии истории Государства Тмутараканского. Таким же образом фальсифицировалась история науки и техники. Если до Второй мировой войны в Государстве Тмутараканском издавались биографии знаменитых людей, читая которые незначительное количество вохровских детей узнавали, что паровой двигатель изобрел Уатт, электрическую лампочку Эдисон, само лет – братья Райт и т.д., то после окончания

Второй мировой войны, в пароксизме усиленного тмутараканского патриотизма, были истреблены многие ханаанские «безродные космополиты» и Государство Тмутараканское оказалось родиной самолета, радио, парового двигателя, электрической лампочки, синтетического каучука, электросварки, танка, ядерной физики, ракетной техники и т.д. и т.п.!

Фальсифицировались не только общественно-гуманитарные дисциплины, но и естественные. Десятки лет при диктатуре авантюриста-академика Кудрявенко вохровским биологам запрещалось мыслить. Под страхом всяческих репрессий запрещалось упоминать о Менделе, Вейсмане, Моргане и вообще о теории наследственности. Говорить об этом можно было только ругательно-презрительно. Авантюрист Кудрявенко стал монополистом также и в агротехнике.

В течение десятков лет альфой и омегой биологии было объявлено доморощенное «учение» тмутараканского садовода Козлова. За рубежом ученые уже исследовали отдельные части наследственного вещества – хромосомы, зарубежные ученые уже подбирались к структуре дезоксирибонуклеиновых кислот, в которых располагался информационный код нуклеотидов, а в учебниках Государства Тмутараканского все еще красовались только два портрета – Кудрявенко и Козлова.

Наряду с неграмотными педагогическими экспериментами, способствовавшими появлению поколения педагогов-невежд, наряду с фальсификацией всех дисциплин, определяющих мировозрение будущего гражданина, сильным врагом народного просвещения являлся железный, вохровский план. План по успеваемости должен был быть выполнен, во что бы то ни стало! А его выполняли те же лица, которые контролировали эту успеваемость Для выполнения плана по успеваемости учителя «натягивали» тройки и «ликвидировали» второгодничество.

Тмутараканцы так же, как и хинезийцы, похваляются своей великой культурной революцией. Судя по данным областного вождя Слесарева, в 47 г.в.в.э. в стране насчитывалось около 2 миллионов неграмотных и полуграмотных. Это, конечно, немного для такой страны, как великое Государство Тмутараканское. Но… в вузы поступают 1/5 выпускников средней школы. Следует полагать, что эти 20% выпускников средней школы – «лучшие из лучших». Но даже вохровский апологет Максимова свидетельствует, что среди этих «избранных» «очень редко – интеллигентность», а в основном – «невежество».

Максимова довольно красочно описывает степень невежества этих абитуриентов, которые совершенно не знают истории и литературы. Даже словарный запас этих «избранников» из выпускников средней школы, получивших «аттестат зрелости», весьма скуден.

Эти «избранники», по свидетельству ректора Мерпского Политехнического Института, плохо знают математику и физику.

Слабое знание гуманитарно-общественных дисциплин вполне закономерно. Они фальсифицируются и в разные периоды фальсифицируются по-разному.

Физику, математику, географию абитуриенты плохо знают – как вследствие скверного

преподавания полу-невежественного поколения педагогов, так и вследствие обязательности «плана по успеваемости». Биологию школьники не знают и потому, что эту дисциплину десятки лет фальсифицировали, и из-за «плана».

Мастера Темкинских деревень «подставили» писателю Лионвангера кахку, которая 3 года тому назад была неграмотной и ныне вела с Лионвангером диспут о его произведениях на гуннском языке. Ему же «подставляли» студентов, которые свободно разговаривали на нескольких иностранных языках.

А вот Максимова свидетельствует, что на исторический факультет народа поступает вдвое больше, чем на филологический потому, что не надо сдавать один единственный иностранный язык.

Будущие гуманитарии не могут сдать слабый экзамен по одному иностранному языку.

А, ведь когда-то, в дремучие времена царизма, гимназисты великолепно знали латынь и на выпускном экзамене делали переложение со скифского на гуннский и галльский языки. В коммерческих средних школах обязательными были гуннский и галльские языки, а желающие могли изучить сакский язык.

«Жертвы» бригадной системы двадцатых годов вохровской эры до пенсии оставались и технически безграмотными. Они становились главными инженерами крупнейших заводов и не могли прочитать самого элементарного чертежа. Многие из них не могли пользоваться логарифмическими линейками, арифмометрами и даже обыкновенными конторскими счетами.

К юбилейному году (50-летию революции) вохры щеголяют поражающими цифрами – 50% рабочих получают ныне среднее и высшее образование. А ведь среди делегатов VIII съезда – в 3 г.в.в.э. – менее половины имели высшее и среднее образование[i]: высшее образование – 78; среднее – 76; низшее – 113; домашнее – 24; тюремное – 4; самоучки – 15.

Казалось бы, колоссальный прогресс за 50 лет со времени свершения великой вохровской революции! Невероятные масштабы культурной революции! Но все это – такие же Темкинские деревни. Делегаты-самоучки восьмого съезда были интеллигентнее нынешнего вохровского доктора любых наук.

Определить статистически количество интеллигентных людей, разумеется, весьма трудно. Вохровский апологет Максимова визуально определяет их долю в среде абитуриентов, получивших среднее образование: очень редко.

В Государстве Тмутараканском насчитывается ныне 700 тысяч научных работников и около полумиллиона работников проектных организаций.

Автор этих строк пробыл в среде студентов, научных, проектных работников и прочих инженеров Государства Туматраканского полвека. И он может тоже констатировать: «интеллигентность – очень редко». Среди лиц с высшим образованием можно обнаружить интеллигентность у одного или двух человек из каждых ста. Конечно, вохровских «интеллигентных» граждан нельзя убедить, как гуннско-ханаанского писателя Лионвангера, что в 21 г.в.в.э., когда в одной Кремлевии арестовали 200 тысяч человек, все кремлевцы «дышали счастьем».

---

i Стенограмма VIII съезда, 3 г.в.в.э., стр. 451.

Но вообще вся система тмутараканского просвещения способствует тому, чтобы оболваненные, «интеллигентные», тмутараканские граждане уверовали во многие Темкинские деревни, хотя этот обман и шит белыми нитками.

3. О вохровской литературе

Автор считает своим долгом сообщить, что отнюдь не является литературоведом. Больше того – он явный дилетант в области психологии и не инженер человеческих душ. Он попросту инженер-химик. Но он читатель, и с этой точки зрения может определить огромный удельный вес вохровской литературы в создании Темкинских деревень.

Автор вовсе не собирается, например, исследовать тончайшие нюансы старейшей и вечно юной темы любви у классиков вохровской литературы. Классики вохровской литературы являются непревзойденными мастерами социалистического реализма, доказательством чего является огромное количество Виссарионовских и Ильичевских премий, полученных ими.

Автор в качестве читателя вознамерился попытаться определить, насколько социалистический реализм правдивейших и принципиальных вохровских писателей реалистичен и как он отображает счастливую жизнь тмутараканцев.

Но раньше посмотрим, как сами вохры высказываются о вохровской литературе.

4. Вохры о вохровской литературе

Наиболее четко и кратко высказался о линии вохров в художественной литературе Смолейкис[i]: «Каковы наши задачи? Во-первых, всячески оказать материальное содействие развитию революционной художественной литературы, во-вторых, добиться всемерного идейного воздействия и политического руководства в художественной литературе».

Следует отметить, что великие вохровские вожди первые полтора десятка были недовольны даже писателями-вохрами. Вожди считали, что они не достигли «полного идейного воздействия и политического руководства в художественной литературе»

К 18 г.в.в.э. были осуществлены некоторые «оргмероприятия», о чем свидетельствует Лазаревич[ii]: «Я имею в виду историю с РАПП. Как известно, группа писателей-вохров, пользуясь организационным инструментом РАПП, неправильно использовала силу своего вохровского влияния на литературном фронте. Эта рапповская группа товарищей тормозила, задерживала разворот творческих, писательских сил. Т. Виссарионов поставил вопрос так: надо органически изменить положение. И тогда был решен вопрос о ликвидации РАПП, о создании единого Союза писателей. Решением организационного вопроса было обеспечено правильное проведение линии партии в литературе…».

Лучшие в мире «литературоведы» – Лазаревич и Виссарионов несколько оптимистично расценили результаты своих оргмероприятий до 18 г.в.в.э. Вскоре после этого, по подсчету опального ныне писателя Бодрженицына, великий семинарист истребил свыше 600 писателей, не считая молодых и малоизвестных, в том числе почти всех ханаанских писателей, получивших наименование «безродных космополитов». Самый великий классик вохровской литературы Бурнов, ныне лауреат Нобелевской премии, которую он благосклонно принял от явно буржуазной организации, выразил свое полное удовлетворение по поводу истребления этих 600 собратьев по перу[iii]:

«Вохровская литература, избавившись от врагов, стала здоровее и крепче. Основные кадры вохровских писателей… будут безгранично преданы делу Ильичева-Виссарионова…

i «Кривда», 18 февраля 9 г.в.в.э.
ii Стенограмма XVII съезда, 18 г.в.в.э., стр. 565.
iii Стенограмма XVIII съезда, 23 г.в.в.э., стр. 474.

Мы избавились от шпионов, разведчиков, врагов всех мастей и расцветок, но вся эта мразь, все они, по существу, не были ни людьми, ни писателями в подлинном смысле этого слова. Это были попросту паразиты, присосавшиеся к живому, полнокровному организму вохровской литературы.

Ясно, что, очистившись, наша писательская среда только выиграла от этого. Но орудовавшие около литературы враги успели нам нанести тяжелый удар. При их участии и помощи был убит величайший писатель современности – Пешкин».

Покончив с истребленными писателями-«врагами народа», полицейский, патриотический писатель, будущий лауреат Нобелевской премии, низкопоклонно пресмыкается не только перед великим семинаристом, но и перед подхалимами, воспевающими этого кровавого палача:

«Кого не восхищают эпические песни Хазтула? Кто оставался равнодушным, читая певучие, узорные строки Сулеймана Чугунского?.. Но, читая, все мы мысленно благодарим не только авторов, но и того, кто дал нам возможность приникнуть к живому роднику богатейшей многонациональной поэзии – все мы благодарим т. Виссарионова. Так повелось товарищи, так будет и впредь, что и в радости и в горе мы всегда мысленно обращаемся к нему, к творцу новой жизни. При всей глубочайшей человеческой скромности т. Виссарионова, придется ему терпеть излияния нашей любви и преданности ему, так как не только у нас, живущих и работающих под его руководством, но и у всего трудящегося человечества все надежды на светлое будущее человечества неразрывно связаны с его именем…

Мы по количеству и качеству продукции надеемся обогнать некоторые отрасли промышленности, но никак не собираемся обогнать одну отрасль промышленности – оборонную. Это такая хорошая и жизненно-необходимая промышленность, что ее просто как-то неудобно обгонять…

Мы навсегда, до последнего вздоха сохраним горячую, сыновнюю преданность партии и ее вождю – Виссарионову».

Во время произнесения этой пресмыкательской, низкопоклонной, полицейской речи, в которой корифей современной вохровской литературы – Бурнов, солидаризовался с палачами, истребившими всех писателей, делавших даже слабые попытки свободно мыслить, он был уже зрелым человеком 38 лет, и эту речугу никак нельзя объяснить недомыслием молодого человека.

Уже тогда Бурнов полностью солидаризовался с тайной полицией и ее палачами. Спустя почти 30 лет, через 10 лет после «разоблачение» «культа личности», Бурнов вновь солидаризовался с полицейскими действиями великих вохровских вождей, осудивших писателей Голубавского и Вениаминэля. А если таков корифей, то каковы все остальные правоверные вохровские писатели? Однако ни истребление более 600 писателей, ни верноподданические излияния полицейского писателя Бурнова и иже с ним не ликвидировали крамолу. Об этом свидетельствует постановление Пленума ЦК от 14/VIII 30 г.в.в.э.:

«Издающиеся в Ильичевграде журналы «Луна» и «Ильичевград» ведутся совершенно неудовлетворительно. Грубой ошибкой «Луны» является представление литературной трибуны писателю Озщенко, произведения которого чужды вохровской литературе… «Приключения обезьяны» «Луна» №5 и №6 за 30 г.в.в.э.) представляют пошлый пасквиль на вохровский быт и вохровских людей. Злостно, хулигански изобразил Озщенко нашу действительность, сопровождая антивохровскими выпадами. «Луна» популяризовала также произведения писательницы Амхатовой. Амхатова является типичным представителем, чуждой нашему народу безыдейной, пустой поэзии. Ее стихотворения пропитаны духом пессимизма и упадничества, выражают вкусы старой… поэзии, застывшей на позиции буржуазно-аристократического эстетизма и декадентства…

В журнале стали появляться произведения, культивирующие не свойственный вохровским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада.

Стали публиковаться произведения, пропитанные тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Скверофьева и Министрова, №1, 30 г.в.в.э. и т.д.). Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и расказами («Дорога времени» Ягполева, «Лебединое озеро» Камня и др.).

… Особо плохо ведется журнал «Ильичевград». Журнал напечатал ряд ошибочных произведений («Случай под Линбером» Шавравского, «На заставе» Бегемотинского). В стихах Булатели «Возвращение Онегина» – пародия, даже клевета на современный Ильичевград. Журнал «Ильичевград» постоянно предоставляет свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Озщенко и для пустых и аполитичных стихотворений Амхатовой.

Руководящие работники журналов, в первую очередь их редакторы Наясов и др., забыли, что наши журналы художественные или научные не могут быть аполитичными… Задача вохровской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь… Ильичевградский горком утвердил новую редколлегию журнала «Луна», в которую был введен и Озщенко…

… Прекратить издание журнала «Ильичевград». Утвердить главным редактом «Луна» т. Елогина – с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК».

Вохровские вожди решили, что подначальные им писатели разрешили себе незначительное своеволие. В результате последовали жесткие полицейские оргмеры. Некоторые писатели были отправлены на перевоспитание в систему лагерной индустрии. Один журнал закрыт. Главным редактором журнала «Луна» назначили чиновника Елогина из высшего полицейского аппарата (управление пропаганды ЦК вохровской партии).

Кстати, ошельмованная выдающаяся поэтесса Амхатова ныне реабилитирована.

В 40 г.в.в.э., когда великий Никитов «мужественно разоблачил» «культ Виссарионова»,

верховным вохровским полицейским разрешено слегка покритиковать литературную макулатуру, издаваемую во времена виссарионовского самодержавия. Даже полицейский писатель Бурнов «ударяется» в критику. Но и в период «либеральной» критики великий Никитов грозно предупреждает, что не позволит охаивать. Великий Никитов говорит[i]:

«Наша литература и искусство во многом еще отстает от жизни… Нельзя мириться, как это делают некоторые товарищи в органах искусства, в редакциях и издательствах, с тусклыми скороспелыми произведениями. Посредственность и фальшь часто не встречает отпора. Работники кино в погоне за количеством нередко… создают слабенькие, поверхностные произведения… Партия вела и впредь будет вести борьбу против неправдоподобного изображения вохровской действительности, против попыток лакировать ее или, наоборот, охаивать и порочить то, что завоевано вохровским народом. (!) Творческая деятельность в области литературы и искусства должна быть проникнута духом борьбы за вохризм, вселять бодрость в сердца, твердость убеждений».

Главным разоблачителем «лакировщиков» виссарионовской эпохи выступает Мышов[ii]:

«Одна из важных причин отставания сегодняшней литературы – это слабая связь значительной части литературы с жизнью… В ходе борьбы с лакировкой и бесконфликтностью у ряда литераторов наметилась тенденция видеть вокруг себя все только в темных тонах … Очень мешало развитию нашей литературы и то, что в течение целого ряда лет в подходе к оценке литературных явлений, у нас было или безудержное захваливание или шумиха критических «проработок». Совсем еще недавно мы были свидетелями того, как с нерасчетливой щедростью присуждались иногда премии за литературные произведения, слабые в художественном отношении, только лишь из уважения к актуальной тематике, когда одно произведение полезное, но не являющееся высоко образцовым, было премировано трижды – каждый том в отдельности. В системе Академии Наук… есть мощный институт философии и несколько институтов, занимающихся историей и теорией литературы и языка. Эти институты объединяют вокруг себя тысячи кандидатов и сотни докторов наук, имеют членов-корреспондентов и академиков. Десятилетиями они составляют перспективные и оперативные планы, но за долгие годы из этих институтов не появилось ни одной серьезной карлсистской работы, обобщающей большой опыт вохровской литературы, ни одного нового произведения по карлсисткой эстетике.

i Стенограмма XX съезда, ч. I, 40 г.в.в.э., стр. 116-117.
ii Стенограмма XX съезда, 40 г.в.в.э., ч. I, стр. 580-583.

Институт мировой литературы имени Пешкина после 20 лет работы выпустил «Очерк истории скифской вохровской литературы», но, когда вы знакомитесь с этим, то видите, что «гора родила мышь».

Полицейский писатель Бурнов, специалист по шельмованию «врагов народа» и «ренегатов» и еще больший специалист по пресмыкательству, который сам любитель покейфовать, обрушивается на вохровских писателей не за то, что они выпускают макулатуру, а за то, что они выпускают мало этой макулатуры[i]:

«В союзе вохровских писателей 3247 членов и 526 кандидатов, всего 3773 человек, вооруженных перьями… В значительной части писательский список состоит из «мертвых душ» … На тысячу писательских перьев за 20 лет по десятку хороших книг. Героические усилия Репейчука и еще нескольких драматургов не могут спасти наши театры от острого репертуарного голода.

… А многие из нынешних писателей, в частности многие из кремлевичей, живут в заколдованном треугольнике: Кремлевия-дача-курорт».

Примерно то же Бурнов, на этот раз расшаркиваясь перед Никитовым и ставленницей великого Никитова министром культуры Екатериновой, говорит и на XXII съезде[ii]:

«… И прежде всего, как не сказать такое спасибо главному творцу программы нашему т. Никитову… А потом вы ведь знаете, что мужская дружественная любовь всегда немного молчалива…

… В Кремлевии живет около 1200 писателей… Правда, писатели бывают на больших предприятиях в качестве гостей, вернее, в качестве гастролеров, и к общему нашему стыду, иногда не стесняются получать за свои выступления соответствующее денежное вознаграждение из рабочей кассы… Пора внушить дельцам от литературы, что между эстрадным тенором, который голосом добывает себе дневное пропитание, и писателем должна же существовать какая-то разница… Союз писателей из творческой организации… превращается в организацию административную и, хотя исправно заседали секретариат, секции прозы и поэзии, писались протоколы, с полной нагрузкой работал технический аппарат и разъезжали курьеры, книг все не было.

Мы давно мечтали о министре типа Екатериновой. Всем взяла наша дорогая… и дело свое отлично поставила, потому что знает и любит его, и внешне обаятельна…

… Вы сказали, что из 1114 вохровских пьесс, поставленных в театрах страны – 780 посвящены современным темам… Дай бог, чтобы из 780 на театральных подмостках осталось десятка два, а то и меньше. А сколько из этих двух десятков запомнятся зрителям?... В прозе то же самое. Появляется очень много книг, вскоре идущих, так сказать, в «переплав». Причина? Низкое качество продукции и высокая требовательность читателя. Выходят хорошие книги, но их до обидного мало».

«Обаятельная» Екатеринова, которая так хорошо «знает и любит» литературу и искусство, уже через три года после «разоблачения» «культа личности», в соответствии со своей полицейской должностью, сурово предупреждает «слабых духом», вместе с тем она восхваляет всезнайку и «великого знатока» литературы и искусства – Никитова[iii]:

«… Ничего общего не имеют с карлсизмом-ильичевизмом глубоко ему враждебные взгля- ды на литературу и искусство, выражаемые в программе Союза вохров Югоскифии. Эта программа провозглашает якобы «полное невмешательство» партии в вопросы литературы и искусства. Съезд югоскифских писателей прошел под знаком ревизионистких идей…

Демагогическим использованием проведенной нашей партией честной и прямой критики культа личности, ревизионисты пытаются посеять смятение в умах отдельных, незрелых, неустойчивых людей из среды творческих работников…

… Лишь слабые духом одиночки поколебались, потеряли почву под ногами. В своих сочинениях они направили внимание исключительно на отрицательные черты нашей действительности, которую к тому же они изображают неправдиво и предвзято. Вокруг таких «произведений» пробовали были

i Стенограмма XX съезда, 40 г.в.в.э., ч. I стр. 395-397.
ii Стенограмма XXII съезда, 45 г.в.в.э., ч. II, стр. 162-167.
iii Стенограмма XXI съезда, 43 г.в.в.э., ч. I, стр. 268-269.

пошуметь наши недруги за рубежом, но даже они скоро прекратили этот шум: слишком уже незначительны были эти сочинения и по содержанию и по форме. Что касается нашей страны, то подобные «произведения» были единодушно отвергнуты нашим народом (!)…

Выдающееся значение … имело выступление т. Никитова в документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

«Обаятельная» Екатеринова утверждает, что «народ единодушно отверг» некоторые «произведения», в которых внимание направлялось исключительно на отрицательные стороны. В главе XIII автор показал, что вохры несколько оригинально толкуют понятия «народ», «враги народа» и «друзья народа». Следует полагать, что в данном случае под понятием «народ» Екатеринова разумеет вохровскую полицию всех мастей. Что касается «слабых духом одиночек» и «некоторых произведений», то следует полагать, что полицейская начальница из ведомства «культуры» имеет ввиду писателей Бодрженицына, Адлан-Семова и других и произведения «Один день…», «Матренин двор», «Шестымские расказы», «Каменный барельеф» и др.

На Пленуме ЦК в 47 г.в.в.э., полицейский деятель культуры Екатеринова, все так же пресмыкаясь перед великим знатоком культуры Никитовым, продолжает в том же духе[i]:

«Великой заслугой ЦК и лично т. Никитова является то, что на этих встречах были … проанализированы с точки зрения эстетики крупные задачи и проблемы в области развития нашего искусства, а также обнажена идейная природа этих формалистических заблуждений… дан настоящий, суровый бой… Нетребовательными становятся наши театры в выборе пьес западных драматургов. Не задумываются над их содержанием, слепо идут за поисками, якобы, «общечеловеческого» добра и зла, верят в возможность страстей, не подвластных ни разуму, ни суду общества. В результате этого в репертуаре наших театров появились «Двое на качелях», «Опаленный жизнью», «Третья голова», «Физики» и много других пьес. О чем эти пьесы? Это и изломанность личных судеб и огрубленные отношения между женщиной и мужчиной, и отклонения от здоровой человеческой психики. Это, наконец, та сомнительная сенсация, в погоне за которой теряется главное – раскрытие социальной сущности противоречий буржуазного общества».

На том же Пленуме ЦК по-полицейски прямо великий Никитов угрожает[ii]:

«А иные хотят брать темы для своих произведений, так сказать, из помойной ямы и все пройденное, завоеванное и выстраданное вохровским народом, обливать грязью. И такие люди хотят, чтобы им за это аплодировали. Нет, этого не будет!

… И если в этой борьбе идейные подкулачники будут хватать нас за локти или за ноги, то пусть они не обижаются, если вместе с открытыми врагами, удары будут получать и подкулачники. Гоголь хорошо показал, как Тарас Бульба убил своего сына за то, что тот перешел на сторону своих врагов. Такова логика борьбы». (!)

Больше всего громит слабые проявления либерализма в литературе, появившейся после «разоблачение» «культа личности» матерый виссарионист Петухов – полицейский служака, подвизающийся в роли главного редактора журнала «Ноябрь»[iii]:

«В отчете ЦК сказано: «Партия исходит из того, что искусство призвано воспитывать людей, прежде всего, на положительных примерах жизни, воспитывать людей в духе вохризма».

Об этом партия говорит нам не в первый раз. И можно насчитать немало книг… в центре которых положительные герои подлинно нашего времени: передовые рабочие, передовые ученые, кахи, партработники…

Есть еще в писательской среде угрюмые сочинители мемуаров, которые больше смотрят назад… и с усердием, достойным лучшего применения, копаются в свалках своей изрядно подгулявшей памяти, (!) чтобы тащить на свет божий давно истлевшие литературные трупы и выдавать их за нечто еще спо-

i Стенограмма Пленума ЦК 18-21 июня 47 г.в.в.э., стр. 173-174
ii Стенограмма Пленума ЦК июнь 47 г.в.в.э., стр. 264.
iii Стенограмма XXII съезда, 45 г.в.в.э., стр. 183-186.

собное жить… Что же… от каждого свое. От яблони – яблоко, а от елки – шишка… В литературной среде есть едва обметавшиеся желтым пушком поэтические цыпленки, которым до смерти хочется казаться грозными боевыми петухами. И тех и других можно пересчитать по пальцам, и не их унылые, однообразные ноты делают музыку в вохровской литературе.

После XX съезда, когда ломая… догматизм и… безудержное раздувание кадила культа личности, ветер революционных, ильичевских прообразов освежил атмосферу в литературе и в искусстве – в эти годы созданы десятки и сотни книг о нашем героическом времени: Бурнов, Романова, Песцов, Мамаевский, Жаренова, Вторцев, Солдатевич, Картоников, Хлебов, Медник, Нетельмах, Вяткитин, Охатов, Алешов, Сегреев, Ройнюк, Аваеж, Черняев, Драбиченко… прошу меня извинить товарищи делегаты, но я не смогу перечислить и десятой доли своих собратьев по перу… которые в эти годы создали хорошие новые произведения. Есть замечательные поэты… и они не сидели, сложа руки после XX съезда.

Товарищи, если бы в мире капитала был Гусарин, Китов, Утканова, Тигалов и сотни, тысячи людей повседневного трудового подвига, разве не отправили бы наиболее талантливые тамошние писатели весь свой постельно-кальвадосный литературный мусор в мусоропровод? Убежден, что если они настоящие художники, – они нам завидуют».

Осторожный Мярдовский, который после «разоблачения» «культа личности» так мягко «разоблачал» времена виссарионовского самодержавия в поэме «За далью даль», столь же осторожно намекает, что вохровская литература не всегда была правдива[i]:

«Наша литература не всегда и не во всем следовала примеру той смелости, прямоты и правдивости, который показывает ей партия…

… Да, недостаток многих наших книг – прежде всего недостаток правды жизни …

… Мы в своих писаниях, повествующие о трудовых подвигах нашего чудесного народа-солдата, часто вовсе умалчиваем о тех лишениях и трудностях, которые он переносит в своем великом походе…

… К пережиточным элементам культа личности, нельзя не отнести, например, то и дело прорывающийся в нашей печати тон неумеренного хвастовства…».

Столь же грозно, как и Петухов, на «критиканов» из среды молодежи и писателей, обрушивается ведущий полицейский лидер из ведомства прессы – Ленинчев[ii]:

«Есть еще среди молодежи лежебоки, нравственные калеки, нытики… В одном из районов действовала небольшая группа молодежи, называвшая себя «карлсисты-футуристы». В своей рукописной газете «Катафалк искусств» «карфуты» выступали за беспартийную литературу, за «свободу» искусства от идеологического воздействия партии… Может быть, поймут, наконец, некоторые литераторы, претендующие на роль духовного наставника молодежи, что значит под одобрительные кивки из-за океана – пытаться развенчать принцип идейности в народном искусстве, разменять его на птичий жаргон бездельников и недоучек, проповедующих аполитичность…

Душа каждого коллектива – парторганизация, которая строит свою работу в тесном контакте с Советами, профсоюзами, вохросомолом и другими общественными организациями. В их руках мощные рычаги воспитания – собрания, производственные совещания, товарищеские суды… Во многих случаях собрания проводятся формально…

… Из высшей школы, порой люди, выучившие на народные деньги, ставят на первый план свои мелкие эгоистические интересы… Разве не приходится сталкиваться с аморальным поведением, обывательскими настроениями среди части студентов?

… На экраны вышел фильм «Любушка». Он стоил 400 тысяч вохриков, из них 70 тысяч сверхплановых ассигнований. Только от простоев убытки составили 22 тысячи вохриков. Что это за простои? «Не заснула лошадь» – 2 т. вохр., «актер явился на съемку в нетрезвом виде» – 1,4 тыс. вохриков.

i Стенограмма XXII съезда, ч. II, 45 г.в.в.э., стр. 524-532.

ii Стенограмма Пленума ЦК 18-21 VI 47 г.в.в.э., ч.II, стр. 36-62.

Материальные потери велики. Но кто может подсчитать, какой идейный ущерб нанесли плохие фильмы? Нам нужны фильмы – документы эпохи, наподобие замечательной киноэпопеи «Скифское чудо», созданной гуннскими кинорежиссерами…

… Буржуазные идеологи не только сетуют фальшиво по поводу «кризиса» вохровской культуры, но и демагогически присвоили себе роль названных защитников нашей художественной интеллигенции.

… У нас есть чем гордиться. У нас есть великое социалистическое искусство и великая вохровская литература (!). Партия не допустит, чтобы образовались хотя бы малейшие щели, куда могут устремиться наши враги…

Некоторые деятели культуры поддались влиянию чужих идей… отступили от принципов вохровского искусства, сползли на позицию мирного сосуществования с буржуазной идеологией. Некоторые писатели не смогли отделить извращения, связанные с культом личности, от огромной революционно-преобразовательной деятельности партии… Кое-кто с кислой гримасой встречает изображение светлых сторон нашей жизни. Находятся люди, которые пытаются утверждать, что искусство сильно лишь в ниспровержении, в отрицании…

… Индивидуализм и фразерство, развязная игра в идеологические поддавки с буржуазным миром, болезненное пристрастие ко всему серому и темному, духовная слепота к светлому и победоносному, есть не что иное, как отступление от революционных традиций передовой скифской и вохровской литературы.

Не так уже редко приходится сталкиваться с попытками радости созидания – заменять скептицизмом.

Вохровского человека изображают нарочито заурядно и обыденно. И в литературе, и в кино, и на подмостках театра, одно время стали мелькать жалкие, духовно нищие люди, персонажи с ограниченным кругозором, примитивными чувствами и переживаниями.

Может быть, пройти мимо?.. Но правильно ли поступать так относительно произведений, односторонне, тенденциозно изображающих нашу жизнь, произведений, в которых сочно описывается маленькая «правдочка», но игнорирующие большую Правду?

Следовало бы назвать некоторые произведения, напечатанные в толстых журналах: «Старый мир», «Шексна», «Старость» и других, встреченных вохровским обществом с неодобрением (!)[i]. Партия боролась и впредь будет бороться на два фронта, как против формального трюкачества, так и против серости и ремесленничества. Надо отказаться от какой-либо предвзятости… В то же время тем, кто рассчитывает, что борьба с идейными шатаниями и извращениями – «временная» кампания, … что все забудется», пока же можно отсидеться и отмолчаться, мы говорим: не выйдет…». (!)

Высокопоставленному полицейскому цензору Ленинчеву вторят секретарь ильичевградского наркома Священников и секретарь ЦК вохровской партии Малоскифии – Ксоба.

Священников говорит[ii]: «ЦК справедливо указывает нам на грубую политическую ошибку журнала «Шексна», опубликовавший идейно-вредный очерк Хаимова «Вокруг да около». В нем тенденциозно, в искаженном свете изображена современная колхозная деревня».

Ксоба «принципиально» критикует[iii]: «Много справедливых упреков высказано в адрес тех писателей, которые позволили себе политически небрежное отношение к литературному труду. Они бравируют своим пренебрежением к общественным темам, умышленно акцентируют внимание на ложнозначимые проблемы быта, копаются в мещанских душонках людей, далеких от созидательного труда. Именно поэтому некоторые произведения малоскифских поэтов: И, Мирга, Л, Хрященко охотно переиздаются малоскифским националистическим охвостьем за границей…

---

i По-видимому, Ленинчев, так же, как и «обаятельная» Екатеринова, под понятием «Вохровское общество», разумеет вохровскую полицию всех мастей (прим. автора).

ii Стенограмма Пленума ЦК VI 47 г.в.в.э., стр. 81.

iii Стенограмма Пленума ЦК, VI 47 г.в.в.э., стр. 89.

Речь идет, в частности, о писателе Неркасове. В письме «ЦК вохровской партии Малоскифии» он, признавая в целом критику его известных недостатков (!) правильной, пытается преуменьшить политическое значение допущенных им ошибок. Но мы надеемся, что т. Неркасов и некоторые писатели Кремлевии, которые его поддерживают, до конца определят свои идейные позиции и займут свое место в строю бойцов за новый мир».

Временный цензор «Дезинформации» – Аджухан[i] тщится доказать, что «культ личности» не наложил тяжелый отпечаток на жизнь и его тесть, великий Никитов,

«смело» выступал против «бесконечных парадов» – тот самый великий Никитов, который так низкопоклонно пресмыкался перед великим диктатором: «Как мы жили в это десятилетие? Мы жили по Ильичеву и дышать всем стало легче. У кого мы учились? У президиума ЦК и у нашего первого секретаря т. Никитова.

Когда кое-кто из писателей пытается утверждать, что культ личности Виссарионова действительно наложил тяжелый отпечаток на жизнь партии, будто бы лишил ее ильичевской боеспособности, что в самой партии не было сил, которые в те годы отстаивали исторические ильичевские принципы жизни, пусть прочтет выдержку из резолюции 17/III 21 г.в.в.э. по докладу т. Никитова о закончившемся тогда Пленуме ЦК на партактиве Кремлевии: «Собрание партактива считает совершенно недопустимым такое положение, когда в ряде парторганизаций Кремлевии и области общие партийные собрания и пленумы районных комитетов партии перестают быть местом вохровской критики и самокритики и становятся ареной бесконечных парадов, бьющих на эффект докладов об успехах и совершенно ненужных приветствий в адрес руководителей партии».

Секретарь ЦК валахской вохровской партии Бодюк яростно протестует даже против публикации фактов, которые изображаются вохровскими газетами якобы, как исключение, и имеют отношение даже к мелким функционерам. Он говорит[ii]:

«Наши кинематографисты показали целую серию отрицательных типов партработы. Первые секретари райкомов, находясь на семинаре, просмотрели фильмы «Наш честный хлеб», «Криницы», «Председатель» и были крайне огорчены надуманностью и неправдивостью образов секретарей райкомов.

… У зрителей может сложиться неправильное представление, что руководство из районов только мешает делу, что партийные кадры чуть ли не являются главной причиной наших недостатков[iii] …

… Разумеется, печать должна остро критиковать… но нередко из частного делаются неправильные обобщения, граничащие с извращением нашей действительности; бросаются обвинения в целом партийному и государственному руководству сельскохозяйственным производством. Чему учит, например, статья в «Антилитературном листке», опубликованная в конце 48 г.в.в.э., «Царек и время»… В ней утверждается, что какой-то колхоз …в послевоенные годы разоряли 11 председателей и все они были пьяницами. Двенадцатый оказался бывшим крупным партийным работником, который, окружив себя ограниченными и бесталанными бригадирами, всех зажал в кулак. В конце концов его также изгоняют с поста председателя[iv].

Автор говорит, что он долго размышлял и пришел к выводу, что единственный метод действия всех кадров по подъему отсталых хозяйств, является метод: «мораль-материаль». «Мораль» – это сильная личность, подминающая всех под себя, а «материаль» – это подкормка помощников и некоторое несущественное поощрение кахам[x].

Вызывает возмущение деление автором руководителей колхозов на бескорыстных, преданных вохризму фанатиков, убежденных, что «винтики», то есть народ, без них не может обойтись, далее –

---

i Стенограмма Пленума ЦК, VI 47 г.в.в.э., стр. 121.
Аджухан, что называется, «доказал». Известно, что бутафорская кампания критики и самокритики существует полвека. Существовала эта «самокритика» и тогда, когда миллионы людей за одно слово попадали в тюрьму. Кроме того, в 21 г.в.в.э. начиналась негласная кампания против мелкого вождизма и за одного самодержавного вождя (прим. автора).

ii Стенограмма Пленума ЦК, III. 49 г.в.в.э., стр. 211-213.

iii Устами младенца глаголет истина (прим. автора).

iv Весьма сомнительно, чтобы боязливый «Антилитературный листок» хоть в какой-либо степени искажал и утрировал действительность (прим. автора).

на вохров-фанатиков, которые обросли жиром, и, наконец, типы смешанные. Все эти типы «горят» и в этом автор видит правду эпохи, знамение времени».

Великий Никитов прямо и «демократично» предупреждает, что в ведении вохровской партийной олигархии находится не только мощная тайная полиция, но и типографии, бумаги и краски[i]:

«Съезд партии и выбранный им ЦК определяют, что полезно для народа, и что вредно для него (!) … Какая художественная ценность и какая идейная направленность таких произведений – кто должен определить? По мнению их авторов, они сами. Они требуют издания своих произведений, давай им типографию, краску, бумагу, давай все. Нет, на это партия никогда не пойдет. Надо ли драматизировать положение? … Мы в ЦК считаем, что у нас очень небольшое число из интеллигенции, которые поддались буржуазной идее беспартийной идеологии. Среди отдельных работников кинематографии имеются некоторые заскоки, неправильные взгляды на роль кино. В частности, это относится к такому известному и опытному режиссеру, как Мор. Будем надеяться, что он одумается… Если кто-либо рассчитывает опереться на творческие союзы для борьбы против линии партии в искусстве, тот глубоко ошибается (!). Это говорится в порядке предупреждения».

Однако столь прямые, полицейские «предупреждения» предназначены не для широкой публики, не для самого свободного в мире и во все времена «народа» (который не пишет книг и не состоит в творческих союзах), а для писателей -чтобы твердо знали, что писать и о ком писать.

Для широкой публики, в свете «мужественного разоблачения культа личности», в последнем варианте тмутараканской «истории» издания 48 г.в.в.э, приводится новейшая оценка вохровской науки и искусства. Признается, что были кое-какие ошибки, которые полностью приписываются уже безответному бедняге – великому семинаристу[ii]:

«В некоторых постановлениях ЦК вохровской, скифской партии содержатся отдельные неправильные и необоснованно резкие оценки ряда талантливых искусства (Д. Соштакович, В. Мурадерзе). В дальнейшем (Постановление ЦК 23/V 42 г.в.в.э.) эти ошибки были исправлены.

В первые послевоенные годы партия приняла меры к преодолению недостатков в развитии науки, ликвидации ошибок… В числе этих мер были дискуссии по вопросам философии, политической экономии и другие, проведенные в 31-35 г.в.в.э. Эта дискуссия укрепила принципы партийности в науке. Правда, в условиях культа личности Виссарионова, в ходе дискуссии, творческие споры нередко подменялись догматическими рассуждениями, превращались в «бой цитат» …

Широкий размах получили работы вохровских ученых в многочисленных отраслях технических знаний, в области химии, математики и т.д....

В это время серьезный вред развитию науки и культуры нанесло проводимое под флагом критики низкопоклонства перед иностранцами отрицание научных контактов и культурных связей с буржуазными странами…

В области истории и философии усилился субъективизм в оценке событий и фактов, еще большее распространение получили догматизм и начетничество. Серьезные последствия имели ошибки Виссарионова, допущенные им в ряде работ. Так, в брошюре «Экономические проблемы социализма в Государстве Тмутараканском» он выдвинул ошибочный тезис о том, что колхозная собственность уже исчерпала свои возможности и превратилась в тормоз развития производительных сил. В этой же работе Виссарионов проявил недооценку товарно-денежных отношений в народном хозяйстве, выступил против продажи сельскохозяйственных машин колхозам.

В работе «Карлс и вопросы языкознания» он неправильно толковал взаимоотношения базиса и надстройки. Поскольку виссарионовские положения догматически воспринимались, как непреложные истины, (!!!) то ошибки Виссарионова нанесли большой ущерб общественным наукам.

Влияние культа личности сказалось и на художественной литературе. Росло число песен, поэм, прозаических и драматических произведений, воспевавших Виссарионова, его «мудрость» и «гени-

i Стенограмма Пленума ЦК VI. 47 г.в.в.э., стр. 283, 284.

ii «История Государства Тмутараканского» Института истории Академии Наук, Кремлевия, 48 г.в.в.э., стр. 536-538.

альность». Выпускалось немало книг, в которых приукрашивались действительность, отсутствовала жизненная правда. Но и в те годы были созданы значительные произведения: «Повесть о настоящем человеке» Лесного, «Далеко от Кремлевии» Аваежа, «Жатва» Романовой и другие.

В Вохровском Союзе возрос выпуск иностранной литературы. Вышли новые издания Шекспира, Байрона, Роллана, Бальзака, Бенарда Шоу, Лу-Синя, Рабиндраната Тагора. Широкую популярность приобрели лучшие произведения современных зарубежных писателей: П. Даруда, Л. Агаряна, Луаму, Зервес, Фукича и других».

Вскоре после издания в 48 г.в.в.э. последнего варианта «Истории Вохровского Союза», великий Никитов был низвергнут. Прошло немногим более двух лет. Был проведен «избранный партией» XXIII съезд. Наступил юбилейный год и, как по мановению волшебной палочки, в стране всё вновь стало великолепным. И экономика, и литература! Вновь вохровский «народ» стал безгранично счастливым и преуспевающим. Хотя еще не совсем давно, даже такой полицейский апологет, как Бурнов (на XX и XXII съездах) утверждал, что на каждые 1000 писательских перьев за 20 лет «производится» десяток «хороших» книг, на четвертом Съезде вохровских писателей «обнаружилось», что даже невозможно счесть всех корифеев вохровской литературы, их талантливые произведения. В своем обращении к четвертому Съезду писателей, ЦК вохровской партии Государства Тмутараканского отмечает – в противоречии с утверждением XX съезда о «лакировщиках» и Бурнова о том, что «обидно мало хороших книг», – что «на всех этапах истории… она была правдивой (!!) летописью»[i]:

«… Этот подвиг[ii] нашел яркое воплощение в лучших произведениях вохровской литературы. На всех этапах истории – и в годы мирного созидания, и в годы войны – она была правдивой летописью героического времени, активным участником борьбы за победу нового общества, могучим средством формирования нового человека. С большой художественной убедительностью раскрыла она великую правду эпохи, (!) показав, что путь, которым мы шли, отвечал коренным интересам миллионов людей труда…

… К сожалению, появляются у нас и неполноценные в идейном и художественном отношении произведения, поверхностно и односторонне отображающие нашу историю и современность…

Боевая задача литературы – патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся.[iii] …

… Могучим средством партийного влияния на процесс развития литературы, серьезной силой в деле эстетического воспитания трудящихся является карлсистская художественная критика…

Писательская организация призвана и впредь выступать, как творческий союз борцов за партийность, народность, незыблемость идейных основ вохровской литературы».

Видный функционер полицейской, литературной цензуры Базаров из шести тысяч шестисот вохровских «перьев» особо расхваливает семь десятков, отмечая могучий талант Бурнова. Критике Базаров подвергает только повесть «Из жизни Федора Кузькина».[x]

Хотя культ личности Виссарионова и разоблачен, Базаров, в соответствии с генеральной линией властвующей олигархии, подчеркивает необходимость усиления даже не «культа личности», а обожествления Ильичева: «Среди многих образов историко-революционной литературы есть один образ, который вот уже ряд десятилетий владеет творческим воображением наших писателей. Многонациональная вохровская литература создала уже немало прекрасных произведений на ильичевскую тему, но возможности здесь поистине неисчерпаемые[iv]… Нам непременно стоит прислушаться к замечаниям партийной общественности по поводу трактовки образа Ильичева. Не секрет, что иногда ильичевскую простоту подменяют простоватостью, ильичевский демократизм, его чуткость и человечность пытаются изображать в вульгарно-уравнительном и всеядно-мещанском стиле… Вызывают озабоченность

i «Дезинформация», 22 мая 51 г.в.в.э.

ii Имеется ввиду подвиг «народа» (прим. автора).

iii «Дезинформация», 22 мая 51 г.в.в.э., «Доклад Базарова о проблемах прозы».

iv Так же, как великий «ученый», «специалист» по ядерной физике Ильичев «открыл» неисчерпаемость атома, так и великий «литературовед» Базаров «открыл» неисчерпаемость ильичевской темы! (Прим. автора).

и отдельные отступления от исторической правды, которые встречаются, к сожалению и в мемуарах и в беллетристике».

Далее высокопоставленный полицейский функционер еще раз многозначительно напомнил, о чем и как следует писать: «Не все конечно писатели и далеко не сразу поняли глубочайший позитивный смысл партийной критики. И партии и вместе с ней Союзу писателей пришлось немало поработать, чтобы преодолеть отдельные недопонимания, колебания и даже творческие срывы некоторых литераторов и обратить писательское внимание на самое существенное – на жизнеутверждающую, созидательную роль критики в строительстве нового общества, как учит нас ильичевизм».

Видный чиновник из ведомства литературы Ястребов, приводит потрясающие цифры, свидетельствующие о пышном расцвете вохровской литературы[i].В Союзе писателей Вохровского Союза состоят 6608 человека. 6608 лучших в мире «перьев» денно и нощно прославляют счастливую жизнь тмутараканцев. Из этих бардов самой лучшей в мире вохровской литературы – 3615 – вохры, а остальные – беспартийные вохры. 23 являются лауреатами Ильичевских премий; 180 – лауреатами Государственных премий. 14 – героями Социалистического труда; 4000 – награждены орденами и медалями; 276 писателей имеют ученую степень и звание; наконец, Союз писателей удостоен ордена Ильичева.

Это, как объясняет Ястребов, еще одно из доказательств того высокого доверия и признания «народа», которым пользуются писатели.

Как известно, всякие ордена и прочие знаки героев жалует сама – высшая олигархия, а иногда и сам самодержец. Так, например, великий Никитов самолично наградил званием Героя Вохровского Союза исмаилистких, нацистких вождей Ибнгамаля и Синбеллу. Следовательно, чиновник из ведомства литературы под понятием «народ» разумеет в данном случае высшую партийную олигархию.

Подобным доверием олигархии пользуются все «республики», все области и края, большая честь предприятий и учреждений Вохровского Союза, так как перечисленные юридические лица награждены орденами Государства Тмутараканского.

Все же Ястребов не совсем доволен цензурой Секретариата Союза писателей и «особенно редакции печатных органов»:

«В работе литературно-художественных печатных органов, особенно в журналах, много еще серьезных недостатков. На них нам неоднократно указывали вохровская общественность, (!) партийная печать, делегаты XXIII съезда. Однако следует признать, что секретариат и особенно редакции печатных органов не всегда своевременно реагировали на критику их работы со стороны общественности». (!)

Общий обзор вохровской литературы делает крупный функционер вохровской литературной критики Стариченко[ii] – причем в прямом противоречии с Мышовым, который на XX съезде, в 40 г.в.в.э., заявил, что тысячи кандидатов наук, сотни докторов наук, члены-корресподенты и академики из Институтов Академии Наук по философии, истории и теории литературы и языка за долгие годы не написали ни одной серьезной работы, обобщающей большой (!) опыт вохровской литературы, – он утверждает, что за десятилетие после XX съезда в этом направлении достигнуты огромные успехи и подробно перечислить даже главнейшее невозможно.

Вообще-то, если расшифровать «теоретическую» речь Стариченко, то первый сдвиг произошел в 15 г.в.в.э., после ликвидации РАППа. Затем с 15 до 40 г.в.в.э. первенствовали «лакировщики». Второй, по-видимому, уже настоящий сдвиг произошел после 40 г.в.в.э., а «научно-выверенное направление» осуществлено только после октябрьского Пленума ЦК в 48 г.в.в.э. и XXIII съезда, что вызвало «несомненный подъем художественной и теоретической мысли».

i «Дезинформация», 23 мая 51 г.в.в.э.

ii «Дезинформация», 23-V 51 г.в.в.э., «Проблемы критики».

Ввиду такого «творческого» обращения Стариченко и к эпохе «культа личности», и к периоду «волюнтаризма», и к самым последним партийным директивам автор вынужден привести подробные выдержки из его речи:

«На XXIII съезде было подчеркнуто, что партия неизменно руководствуется принципом партийного, классового подхода к оценке всего, что делается в области культуры. Это напоминание ко многому обязывает нашу литературно-теоретическую мысль, особенно если учесть острейшую идеологическую борьбу, идущую в современном мире и вовлекающую в «зону бурь» все коренные вопросы эстетики, вопросы литературы и искусства.

Нельзя, например, не заметить, что в арсенале нашей современной критики не всегда находит необходимое рабочее применение важнейший тезис карлсистско-ильичевской эстетики об общественно-преобразующей, идейно-воспитательной роли литературы и искусства, особенно действенной в условиях социализма. Говорят – и говорят справедливо, – что в прошлом это понятие иногда трактовалось в примитивно-дидактическом духе и что вследствие этого критики, бывало, требовали от писателей не столько исследования жизни, не столько раздумий о ней, сколько создания более или менее правдоподобных образцово-показательных схем, которые «воспитывали» бы читателя самым быстрым и самым легким способом. Что ж, подобные упрощения оставили по себе печальную память, и в литературной теории последнего десятилетия они основательно развенчаны…

… Если первый крупнейший исторический сдвиг в развитии вохровской литературы приходится на начало 20-х годов в.в.э. – время решающих побед партии и народа в борьбе за создание экономической базы социализма, то второй сдвиг такого же значения начинается где-то в начале 40-х годов, непосредственно в преддверии той поры, когда на порядок дня стал переход страны к развернутому строительству вохровского общества. Многосторонняя работа партии по восстановлению ильичевских норм общественной жизни, дальнейшее совершенствование социалистической демократии – все эти процессы, обусловленные объективными потребностями общественного развития и получившие научно выверенное направление после октябрьского (48 г.) Пленума ЦК и XXIII съезда партии, вызвали несомненный подъем художественной и теоретической мысли.

Вохровская критика и литературная наука имеют драгоценные традиции и собственное большое наследие, усвоение которого помогает уверенно ориентироваться в теоретических вопросах современности. Бессмертные труды Ильичева, освещающие весь наш путь, работы карлсистских критиков и теоретиков, чье 8-томное собрание сочинений стало недавно хорошим подарком читателю, лучшая часть работ видных критиков 10-х и 20-х годов – все это питает современную литературно-критическую мысль.

Можно с уверенностью говорить о значительных успехах, которые достигнуты за межсъездовские годы на главных направлениях теории и истории литературы, важных не только по своему прямому значению, но и потому, что здесь, как в своеобразной лаборатории, научно совершенствуется и оттачивается наша литературно-теоретическая мысль в целом. Бросается в глаза широта фронта работ, какой мы не знали в предшествующие десятилетия, и заметное во многих исследованиях стремление к хорошей научной капитальности, и, что особенно отрадно, возросшая методологическая вооруженность, характерная для лучших книг и статей.

В этой связи можно упомянуть – подробно перечислить даже главнейшее невозможно – ведущуюся сейчас в Кремлевии, Ильичевграде и всех республиках работу над многотомными курсами истории отечественной литературы, большое место в которых уделяется творчеству вохровской эпохи, а также над единой пятитомной историей многонациональной вохровской литературы и первой в нашей стране десятитомной «Историей всемирной литературы». Но это труды еще не завершенные, а ведь сколько уже появилось серьезных книг, которые заметно продвинули нашу мысль вперед, показали новое, более высокое научное качество. Среди таких работ обобщающего характера, привлекших широкое внимание, я назвал бы «Теорию литературы» в трех томах, один из которых посвящен проблематике социалистического реализма, коллективные труды «История скифского романа», «История скифского вохровского романа», «Национальное своеобразие скифской литературы», «Черты романа XX века», «Исторические судьбы реализма», «Идеи и стиль», «Вохровская литература. Метод, стиль, поэтика»,

книги «Художественная проза. Размышления и разборы», «Вохровский роман», «Белоскифский роман» и др. Коренные положения карлсистско-ильичевской эстетики, развитие принципов партийности и народности в вохровской литературе, проблемы реализма и других литературных направлений и методов в свете современной идеологической борьбы вдумчиво освещаются в книгах «Новая эпоха всемирной литературы», «Вохризм, культура, искусства». «О свободе творчества» и других.

В сегодняшних книгах, посвященных классическому наследию, явственно сказываются те общие тенденции, которые характеризуют наше литературоведение и критику после XX съезда партии: освобождение от вульгарно-социологических схем, от умозрительности и предвзятости, глубокое уважение к исторической правде, единство социального и эстетического подхода к художественным явлениям, наконец, самостоятельность и масштабность исследовательской мысли…

… В современной критике живо обсуждаются такие насущные не только для литераторов, но и для любого думающего читателя проблемы, как жизненная и художественная правда, героическое и обыденное, утверждающее и критическое в искусстве социалистического общества, образ положительного героя, идейность и художественность. Каждый исторический период вносит нечто новое в осмысление этих проблем, в способы их решений, и здесь естественны поиски, споры, как неизбежны порой и трудности. Однако важно помнить, что эстетика социалистического реализма уже давно выработала главные, основополагающие принципы, дающие надежный ключ к решению этих вопросов, и что отступление от них ничего хорошего не может принести нашей литературе. В самом деле, разве согласуются с ее истинными традициями, скажем, та склонность к разведению понятий правдивости и идейности в искусстве, то недоверие к героическому и возвышенному, те попытки теоретического оправдания унылого и предвзятого «критицизма», которые можно встретить в иных статьях журнала «Старый мир»? Отнюдь не способствует верному разрешению подобных вопросов и явное упрощенчество в отдельных теоретических выступлениях журнала «Ноябрь», отдающих не совсем ясным пониманием нового этапа в нашем общественном и литературном развитии. Все это, осложняемое к тому же групповыми пристрастиями, мешает действительному росту литературной мысли, вносит путаницу и помехи в теоретическое осмысление пути, по которому движется художественное творчество.

Между прочим, привлекая внимание к «современным», так сказать, недостаткам и ошибкам в критике, мы не можем забывать и о том, что где-то невдалеке затаились некоторые старые, печально-знакомые ее грехи и пороки, неоднократно изничтоженные, но все еще живые. Вульгарный социологизм, причем в самом агрессивном своем, «проработочном» варианте, нет-нет да и высунет голову: то с маху запишет десяток-другой современных вохровских романистов в обширное «натуралистическое течение», проникнутое «мелкобуржуазной идеологией» (случались за последнее время такие печатные выступления!), то из-за одной неудачи с какой-то странной радостью поспешит зачеркнуть все творчество талантливого и честного писателя. Иногда у нас находятся товарищи, которые так старательно начинают искать в произведениях возможное «очернительство» и «дегероизацию», понимая эти вещи, я сказал бы, слишком расширительно, и так настойчиво требуют «романтики, романтики, романтики», что вольно или невольно рождают сомнения относительно того, как быть с критикой отрицательных явлений…

… Всему фронту нашей критики и теории литературы необходим более решительный поворот к потребностям современной идеологической битвы между социализмом и империализмом, между силами свободы и прогресса и черным станом социального гнета и человекоуничтожения. Вспомним страсть, неутомимость, силу идейной аргументации, которые вкладывали в эту борьбу Пешкин, Звездочарский, Мидеев! В попытках расшатать морально-политическую монолитность литературы и искусства социалистического мира наши враги пускают в ход коварные уловки, которые они именуют тактикой идеологического «размягчения» и «наведения мостов», обстреливают нас теоретическими и историко-литературными фальсификациями заведомо лживых «вохрологов», в том числе из буржуазных националистов всяческой масти, ненавидящих Вохровскую страну. Вялость и неповоротливость перед лицом этой враждебной пропаганды недопустимы, наступательная мощь нашего критического оружия должна быть усилена. Это, конечно, относится и к критике чудовищных антикарлсистских концепций в вопросах литературы, искусства, понимания гуманизма и т.д., которые сейчас провозгла-

шаются группой Мао Цзеляна, – и не только провозглашаются, но и практически используются для удушения хинезийской литературы.

Вохровская критика и литературная наука работают ныне в благоприятных условиях, в хорошем творческом климате. От нас ждут не повторения общеизвестных истин, не комментаторства и плоской утилитарности, а самостоятельных мыслей и смелых исследований, которые помогли бы двигать вперед нашу эстетику, плодотворно воздействовали на литературный процесс и обогащали самосознание общества. От критики ждут, чтобы она стала достойным соратником литературы и авторитетным другом, советчиком большого читателя не только в нашей стране, а и далеко за ее пределами».

Ученый профессор из ведомства вохровской литературной «науки» Сашкинский в какой-то степени повторяет Стариченко в его «взвешенности», желании сохранить наследие прошлого и восторженной оценке последних партийных решений[i]:

«Динамические силы революции увлекали массы в стремлении возможно скорее покончить со всем тем, что несло на себе печать старого мира. Накипевшая в массах ненависть к прошлому строю жизни могла обернуться мелкобуржуазной стихией нигилизма и разрушения. Этот психологически понятный порыв подогревался многими деятелями Пролеткульта и другими ультралевыми прожектерами, призывавшими строить новую, «пролетарскую культуру» на руинах старой.

Подобным призывам наша партия противопоставила ясную ильичевскую концепцию отношения к культурному наследию. Ее смысл сводился к тому, что великие достижения культуры, создававшейся в прошлом преимущественно людьми, которые вышли из привилегированной среды, по своему содержанию и духу не только не враждебны народу, но, напротив, близки его жизненным интересам…

… Вохровская литературная наука за полвека своего существования прошла очень сложный путь. Она развивалась в борьбе против формализма и вульгарного социологизма, против различных форм субъективизма и теории «единого потока». История вохровского литературоведения – это история того, как все более глубоко наша наука овладевала карлсистско-ильичевской методологией и как на ее основе непрерывно обогащались принципы исследования литературно-художественного материала…

Однако, несмотря на возросшую в целом культуру литературоведческого исследования, все еще появляется немало работ, в которых преобладают унылая описательность, эмпиризм, интерес к частностям, мало проясняющим общую картину историко-литературного процесса. С подобными явлениями особенно часто встречаешься на страницах вузовских научных записок, иным из которых явно не хватает науки. Это относится также и к некоторым вузовским учебникам по литературе…

… Состоявшаяся на днях в Институте мировой литературы им. Пешкина конференция, специально посвященная проблеме типологических связей в реалистическом искусстве, показала, сколь важно восприятие художественного произведения в общности его индивидуальных и типологических особенностей.

Карлсизм доказал, что художественное творчество может быть предметом точного, научного анализа. Мы должны извлечь из этой посылки максимум результатов».

Итак, Карлс и Сашкинский доказали, что художественное творчество может быть предметом точного, научного анализа и, естественно, это, главным образом, относится

к лучшей в мире вохровской литературе. Наконец, в своем приветствии четвертому съезду писателей, ЦК четко формулирует, каким должен быть вохровский литератор[ii]:

«Быть литератором Вохровской страны – это значит всегда и во всем оставаться стойким бойцом партии, раскрывать героику вохровского созидания, вести непримиримую борьбу против любых проявлений буржуазной идеологии»

Участники съезда вохровских писателей в духе «лучших» времен, верноподдано заявили в своем обращении к ЦК:

---

i «Кривда», 15-V 51 г.в.в.э., «Классическое наследие и литературная наука».

ii «Дезинформация», 29.V.51 г.в.в.э., «К новым творческим свершениям».

«Мы открыто и с гордостью называем нашу литературу партийной потому, что у нее нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, выражаемых нашей партией … Мы называем нашу литературу партийной потому, что видим в политике партии наиболее полное воплощение заветных чаяний прогрессивного человечества».

5. Автор о вохровской литературе

Четвертый съезд писателей Государства Тмутараканского представляет огромную армию, вооруженную свыше, чем 6600 перьями. Если к ним добавить свыше 600 писателей, уничтоженных в период царствования великого семинариста, писателей, репрессированных нынешними великими вохровскими вождями и их тайной полицией, а также умерших естественной смертью и убитых во время Второй мировой войны, то общее число вохровских «перьев» составит, по-видимому, не менее 7,5 тысяч. Если допустить, что каждый вохровский писатель, вооруженный авторучкой или каким-нибудь другим пишущим или печатающим механизмом, написал, по крайней мере, по две книги общим объемом 50-60 печатных листов, или 2-2,4 миллионов печатных знаков, то общий объем всей вохровской, в том числе собственно полицейской «литературы», составит около 0,5 миллионов печатных листов или 15 тысяч книг по 25-30 печатных листов каждая.

Если на мгновение представить, что человек, пожелавший изучить всю эту гору книг, в течение всей своей сознательной жизни (сорока лет), будет заниматься только этим высокоинтересным делом, и каждый день (не пропуская ни одного дня, никогда не отдыхая и ни разу не заболев) прочтет одну книгу, то он сумеет прочесть 14400 книг. Практически он не сумеет прочесть все книги, написанные 7,5 тысячами перьев, а тем более изучить их и осмыслить.

Ergo, один человек, если бы даже занимался только изучением вохровской литературы, физически не в состоянии ее изучить.

Поскольку автор приступил к данному скромному труду в возрасте, превышающем 60 лет, и исследование вохровской литературы является только незначительной частью этого труда, – казалось бы, главу четырнадцатую ему написать не под силу.

К счастью, высокоавторитетный лауреат Нобелевской премии, хоть и полицейский, но безусловно талантливый писатель Бурнов с трибуны XX съезда в 40 г.в.в.э заявил, что за 20 лет, то есть, с 20 г.в.в.э по 40 г.в.в.э., на 1000 писательских перьев написано «по десятку хороших книг». Ко времени XX съезда было меньше 4 тысяч писательских перьев. Всего, по исчислению Бурнова, за эти 20 лет написано 40 «хороших» книг.

Через три года, на XXI съезде, тот же Бурнов пророчествовал, что из 780 пьес, едва ли, и то с помощью бога, на подмостках театра останется 20 пьес, а то и меньше и сомнительно, чтобы зрители что-нибудь вообще запомнили.

Далее, на том же XX съезде крупный функционер Мышов заявил, что тысячи кандидатов, сотни докторов наук, члены-корресподенты и академики из институтов, занимающиеся историй и теорией литературы и языка, за долгие годы не издали ни одной серьезной карлсисткой работы, «обобщающей большой опыт (!) вохровской литературы». Только Институт мировой литературы имени Пешкина выпустил за 20 лет работы «Очерк истории скифской, вохровской литературы», но если разобраться, то «гора родила мышь».

Новейшая «история» Государства Тмутараканского, изданная в 48 г.в.в.э., также отмечает, что в период «культа личности», выпускалась макулатура в виде пьес, поэм, прозаических и драматических произведений, воспевающих «мудрость» и «гениальность» великого Виссарионова. Эта же «история» отмечает, что выпускалось немало книг, в которых приукрашивалась действительность и отсутствовала жизненная правда. Но все же несколько «значительных» произведений было выпущено: «Повесть о настоящем человеке», «Далеко от Кремлевии», «Жатва» и «другие».

Новейшая «история», разумеется, прошла через самую жесткую цензуру вохровской олигархии и их высокопоставленных подручных по ведомству литературы. Выводы «истории» в 48 г.в.в.э. вполне корреспондируются с выводами Бурнова в 40 и 45 г.в.в.э.

По свидетельству одного из великих вохровских вождей, только к 18 г.в.в.э., по инициативе самого величайшего из великих Виссарионова, были осуществлены оргмероприятия по ликвидации РАППа и организации Союза писателей. Следовательно, истинная, «партийная», вохровская литература начала создаваться только к этому времени.

Следовательно, пользуясь подсчетом Бурнова, можно считать, что к 40-45 г.в.в.э. вышло только 40-50 «хороших» книг.

Правда, крупный функционер из ведомства литературной критики Стариченко, на четвертом съезде писателей, в 51 г.в.в.э., то есть, через шесть лет после того, как Бурнов подчеркнул, что хороших книг выходит обидно мало, утверждал, что за десять лет после XX съезда достигнуты «огромные успехи и перечислить даже главнейшие невозможно». Но, по существу, и Стариченко подтверждал, что настоящий сдвиг произошел только в 40 г.в.в.э., а «научно-выверенное» направление осуществлено только в 48 г.в.в.э.

Даже Базаров на четвертом съезде писателей захлебываясь от предюбилейного восторга и огромных успехов вохровской литературы за десятилетие после XX съезда, перечислил примерно только около 70 талантливых «перьев».

Таким образом, задача автора этих строк значительно облегчается. Он может получить достаточное представление о «блестящей» вохровской литературе, изучив только 100-150 «хороших» книг.

Впрочем, хороший знаток скифской литературы, в том числе, и вохровской скифской литературы, – талантливый писатель Бодрженицын, недоперевоспитанный в системе лагерного перевоспитания, в своем письме к четвертому съезду писателей утверждает, что подцензурную, «партийную», вохровскую литературу едва ли можно считать полноценной литературой.

Далее он утверждает, что великая скифская литература XIX и начала XX века старой эры, оказавшая огромное влияние на всю мировую литературу, в великий вохровский полувек, из-за жесткой, полицейской, вохровской цензуры, при наличии 7,5 тысяч писательских перьев, не имела преемников и Государство Тмутараканское выбыло из мирового «писательского клуба».

Из числа 600 писателей, которые попали в систему лагерного перевоспитания и так или иначе подвергались репрессиям, Бодрженицын отмечает: Амхатову, Блюмину, Буглакова, Штаммanделя, Гулимева, Редиснака, Атуняка, Пталонова, Озщенко, Гмира, Клайнмака, Сергеева, Артема Грустного, Мамеля.

Вполне справедливо Бодрженицын считает, что бесталанное произведение вохровская цензура не может испортить, а талантливое произведение вохровская цензура выхолащивает.

Вообще-то, Бодрженицын не только талантливый писатель, но и весьма плодовит даже после перевоспитания в лагерной системе.

Кроме известных всему миру произведений: «Один день…», «Матренин двор» и некоторых других, которые «по ошибке» были изданы в Государстве Тмутараканском в весьма короткий «либеральный» период, непосредственно после XX съезда, Бодрженицын написал «В первом кругу» – объемом в 35 печатных листов, «Раковая больница» – 25 листов, «Танки знают правду» и 2 пьесы: «Банкет победителей» и «Северный олень и хижина».

Однако вохровская партийная цензура эти произведения законсервировала, А тайная полиция реквизировала весь литературный архив Бодрженицына. Где ныне Бодрженицын – неизвестно. Известно только, что Голубавский и Вениаминян за опубликование своих произведений за рубежом «осуждены» на 5 и 7 лет концлагерей с «усиленным режимом». В сентябре 51 г.в.в.э. «осуждены» еще несколько молодых литераторов. Преемники великого Никитова осуществляют его грозное предостережение.

А терроризированные и пресмыкающиеся перед вохровской олигархией и ее могущественной тайной полицией «писатели» из четвертого съезда вохровских писателей, верноподданно заявляют: «Мы открыто и с гордостью называем нашу литературу партийной, потому что у нее у нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа». Под понятием «народ» эти пресмыкающиеся, верноподданные «писатели» разумеют, естесственно, олигархию и полицию всех мастей. Итак, вновь и вновь олигархией, ее тайной полицией и подведомственными им «писателями» декларировано, что основная задача славной вохровской литературы – строительство Темкинских деревень, которые должен прославлять любые мероприятия переменной вохровской олигархии.

С этой точки зрения автор и попытается рассмотреть наиболее рекламируемые талантливые произведения наиболее талантливых вохровских писателей.

Собственно полицейская литература, которая фиксируется вохровской тайной полицией: например, «Поджигатели» Урканова, «Тайная война…», рассмотрена в XIII главе, и в данной главе автор этим видом «писательства» заниматься не будет.

6. «Поднятая целина»

Бурнов, хоть и с сильным полицейским душком, несомненно весьма талантлив и хорошо знаком с казачьим бытом и примитивными приемами казачьего земледелия. Его перо оказало огромную услугу свирепой, палаческой вохровской олигархии, возглавляемой беспрецедентным кровавым вивисектором Виссарионовым.

В третьей, четвертой и других главах автор в некоторой степени охарактеризовал осуществление Второй великой вохровской революции, в частности, коллективизации.

Как было показано, крестьяне были нещадно ограблены во времена военного коммунизма, после Первой великой вохровской революции. Хотя им и была частично передана часть экспроприированной помещичьей земли, но ограбили во 2-4 г.в.в.э. крестьян столь нещадно и свирепо, что в результате этого от голода и болезней, или, как статистически выражается вохровский апологет академик Румилин, от «преждевременной смерти» умерли более 10 миллионов крестьян.

Во времена рестэпа крестьян грабили с помощью «ножниц», то есть низких цен на сельскохозяйственную продукцию и высоких цен на продукцию государственной вохровской промышленности. Еще во времена военного коммунизма одновременно с экспроприацией помещичьего имущества были «раскулачены» крепкие, зажиточные крестьяне. И великий Ильичев, и «президент» Михайлов, «знаток села», утверждали, что основной фигурой деревни стал середняк.

Да и патриарх вохровской статистки, академик Румилин на основании статистических данных показал, что в 10/11 г.в.в.э. число крестьянских дворов с душевым доходом в 119 довохровских вохриков было 104 тысячи, а с душевым доходом в 170 вохриков – 141 тысяча.

Таким образом, всего крестьянских дворов с годовым душевым доходом 119-170 довохровских вохрвиков было 240 тысяч с числом душ около 1,1 миллиона.

Академик Румилин причисляет к числу «зажиточных с преобладанием кулацких элементов» еще крестьян с душевым доходом в 100 довохровских вохриков в год. Таких было 220 тысяч дворов с числом душ несколько больше миллиона.

Даже по Румилинской классификации, не то зажиточных, не то «кулаков» было свыше 400 тыс. дворов с 2 миллионами душ и средний доход двора составлял 490-780 довохровских вохриков в год.

По данным того же академика Румилина, ильичевградский чернорабочий в 3 г. до в.в.э. зарабатывал 26,75, а в 1 г.в.в.э. – 41 довохровских вохриков в месяц. Если принять количество самодеятельных в 50%, то доход на душу в семье ильичевградского чернорабочего составлял в 3 г. до в.в.э. – 13,5, а в 1 г.в.в.э. – 20 довохровских вохриков в месяц, или соответственно: 162 и 240 довохровских вохриков в год, а душевой доход «кулаков» в 10-11 г.в.в.э. составлял 100-170 довохровских вохриков в год, причем

половина этих «кулаков» имели душевой доход в 100 довохр. вохриков в год. Таковы были эти «кулаки», и было их около 2 миллионов душ.

Известно, и это официально подтверждает ярый вохровский апологет – профессор Чертенко, что коллективизация была насильственно проведена сверху и преследовала 3 цели:

1. Уничтожить «кулаков» как класс.

2. Экспроприировать у крестьян землю, рабочий скот, продуктивный скот, орудия производства и даже мелкий скот и птицу.

3. Превратить крестьян в крепостных, отбывающих барщину в колхозах.

В новом варианте «истории» издания 48 г.в.в.э. прямо указывается, что принцип добровольности был грубо нарушен, что, мол, в этих «ошибках» были повинны в первую очередь Виссарионов, а также Вячеславов и Лазаревич. Что еще в декабре 13 г.в.в.э. Виссарионов призывал ускорить коллективизацию, что обкомы и райкомы стали проводить эти директивы, не считаясь с «реальными возможностями деревни», что, мол, «ясно, что колхозы здесь строились больше административными методами», что получили распространение факты принудительного обобщения жилых построек, мелкого скота, домашней птицы, огородов, что в некоторых районах процент раскулаченных доходил до 65, а лишенных избирательных прав (то есть практически объявленных вне закона) – до 15-20. (Автор показал, что даже сомнительных 100-170 вохриковых «кулаков» было меньше 2%).

Далее «история» сообщает, что 21 марта 14 г.в.в.э. была опубликована статья «Головокружение от успехов», в которой Виссарионов всю вину за «ошибку» «взваливал на местных работников, хотя коллективизация форсировалась сверху, в первую очередь им самим».

По данным этой «истории», всего за период с начала 14 г.в.в.э. по осень 16 г.в.в.э. было выселено 240757 «кулацких» семей, что составило по данным этой же «истории» не более 22% кулацких семей. Таким образом, если считать по материалам академика Румилина – 4,7 душ в семье, то общее количество «кулаков» составило 5,15 миллионов душ, а выселено 1,15 миллионов душ. Хотя автор не имеет возможности опровергнуть эти «исторические данные», но они весьма сомнительны. Ведь в 21 г.в.в.э. насчитывалось 243,5 тысячи колхозов и, если выселено 240,7 тысяч «кулацких» семей, то получается, что из каждого колхоза в среднем выселяли одну «кулацкую» семью. В действительности же в среднем выселяли несколько семей из каждого колхоза. Сами же «историки» сообщают, что процент «раскулаченных» достигал 15% всех крестьян (в некоторых местностях), а «лишенных голоса» – 15-20%. «Раскулаченных» либо направляли в лагерную систему, либо этапным порядком выселяли в отдаленные местности, либо попросту выселяли (иди, мол куда хочешь). Как было показано в главе XII, через систему лагерного перевоспитания прошли десятки миллионов людей. Большинство перевоспитуемых были крестьяне.

Пленумом ЦК от 30 января 14 г.в.в.э. предусматривалось разделение «кулаков» на три категории. Первая категория – контрреволюционное кулачество, к ним применялись «особые меры» и, по-видимому, они не вошли в счет выселенных. Вторая категория выселялась в отдаленные местности. По-видимому, к ним и отнесены те 240 тысяч семей, которые выселены «из районов сплошной коллективизации». Третья группа расселялась в пределах тех же административных районов и составляла около 75% всех «кулаков». Таким образом, даже по данным новейшего варианта «истории» расстреляны, высланы в концлагеря, в отдаленные местности и в пределы тех же административных районов свыше 5 миллионов. Но кроме этого, огромное количество крестьян было осуждено по указу о расхищении социалистической собственности. По этому указу либо расстреливали, либо осуждали на срок в 10 лет, если голодные крестьяне уносили с колхозного поля несколько килограммов зерна или картофеля. Огромное количество крестьян было осуждено по статье 58 пункт 10, нынешняя статья Уголовного Кодекса – 70. Следует полагать, что в период коллективизации с 13 г.в.в.э. по 17 г.в.в.э. было выселено, сослано в лагеря и расстреляно не менее 10 миллионов крестьян. Коллективизация – это совершенно беспрецедентная, бесчеловечная, свирепая вивисекция, безжалостно осуществленная под руководством главного вивисектора Виссарионова вохровской полицией всех мастей над почти стомиллионным крестьянством Государства Тмутараканского.

Легче всего пришлось расстрелянным «кулакам»! Высылаемые в «отдаленные» местности «кулаки» были даже в худших условиях, чем направляемые в лагеря. Там во время этапа в лагеря выдавали по 800 гр. хлеба и селедку. А выселяемым «кулакам» весьма часто ничего не давали. Если они успевали захватить с собой сухари, то этим они и питались. Если они добирались до «отдаленных местностей», то там они умирали от голода и болезней. Всех выселяемых «кулаков» гробили под чистую. У них экспроприировали даже носильные вещи. Некоторые «кулаки» – по-видимому, из третьей категории – ухитрялись сохранить лошадку. Эта категория «кулаков» всей семьей разъезжала по Государству Тмутараканскому на этой лошадке. Это – знаменитые грабари. Они нанимались на строительства за 600 гр. хлеба, «хвост» селедки и огурец для лошадки. Рыли землянки и организовывали при строительстве поселки, называемые «шанхаями». Эти грабари выполняли при помощи лопаты и лошадки почти все земляные работы строек первой пятилетки. Именно эти работяги, изгнанные со своей земли, которую оросили своим потом их бесчисленные предки, выполняли все трудоемкие работы на строительстве Магнитского, Виссарионовского металлургического заводов, Виссарионовградского тракторного завода, Непростроя и прочих строек.

У тех крестьян, которых не расстреляли, не сослали в концлагеря и в более и менее отдаленные районы, в начальный период коллективизации отобрали землю, орудия, скот и даже птицу и, насильно используя множество мероприятий, загнали в колхозы. Начальниками или, как они назывались, председателями колхозов назначали двадцатипятитысячников и других партийных и беспартийных функционеров. Среди этих функционеров были выходцы из рабочих, крестьян, служащих, но они беспрекословно подчинялись партийной схеме в лице райкома и выполняли переменные и весьма невежественные экономические и политические директивы высшей олигархии.

Десятки лет крестьяне, загнанные в колхозы, вели нищенское, бесправное существование, главным образом, за счет своего карликового подсобного хозяйства в 0,25-40 гектар. Обрабатывались карликовые хозяйства самым примитивным способом, причем до 37 г.в.в.э., то есть, до смерти великого самодержца, экспроприировалось государством-садистом значительное количество сельскохозяйственных продуктов даже с этого карликового, примитивного подсобного хозяйства.

В колхозе крестьяне, по существу, отбывали барщину и почти ничего не получали за свою работу. Поэтому они и работали спустя рукава. Даже в настоящее время, почти через 40 лет после осуществления Второй великой вохровской революции, в том числе коллективизации, сельское хозяйство еще не вышло из перманентного кризиса и производительность труда в общественном секторе, как ранее показано автором, по конечной продукции, доходящей до потребителя, – почти такая же, как в примитивном подсобном хозяйстве.

Такова истинная действительность виссарионовской коллективизации.

Бурнов свой немалый талант использовал для темкинского освещения коллективизации в своем произведении «Поднятая целина». Он великолепно использовал темкинский принцип: немного правды, много подтасовки и лжи. Талант и прекрасное знание казачьего быта помогли Бурнову придать значительную правдоподобность его лживому, кощунственному отображению свирепой и бесчеловечной виссарионовской коллективизации.

Доведенные до отчаяния крестьяне нередко восставали. Восстания эти жестко подавлялись и свирепо наказывались не только восставшие, но и множество крестьян, никакого отношения к восстанию не имевшие, ссылались в концлагеря по подозрению. По Бурнову, организатором предполагаемого восстания является... бывший белый офицер! Он говорит «кулаку» Якову Лукичу в ответ на его вопрос «куда пританцуем с колхозами?»: «К вохризму, братец. К самому настоящему. Читал я и Карлса и знаменитый Манифест вохровской партии. Знаешь, какой конец колхозному делу? Сначала колхоз, потом коммуна – полнейшее уничтожение собственности. Что не только быков, но и детей у тебя отберут на государственное воспитание. Все будет общее: дети, жены, чашки, ложки. Ты хотел бы лапши с гусиным потрохом покушать, а тебя квасом будут кормить. Крепостным возле земли будешь».

Так Бурнов устами придуманного им белого офицера преподносит первую порцию смеси правды и лжи. Ведь все остальное, кроме обобществления детей, жен, чашек и ложек, -горькая правда.

Весьма художественно Бурнов расписывает, как двадцатипятитысячник Давыдов, ничего не понимающий в сельском хозяйстве, ведет удачную пропаганду за коллективизацию, но крепкий хозяйственный крестьянин Любишкин требует раньше ликвидировать кулаков. Не олигархия во главе с Виссарионовым решили ликвидировать 100-150 вохриковых «кулаков», а середняк Любишкин, или нечто вроде помеси середняка и бедняка: «Он опять на этот год будет Фролом Игнатьичем! А весной опять прийдет меня наймать! – и кинул под ноги Давыдову черную папаху. – Чего ты говоришь мне о колхозе? Жилы кулаку перережьте, тогда пойдем! Отдайте нам его машины, его быков, силу его отдайте, тогда будет наше равенство! А то все разговоры, да разговоры «кулака уничтожить», а он растет из года в год и солнце нам затмит».

Вохровский функционер Давыдов объясняет:

- В этом и есть политика нашей партии! Что же ты стучишь, ежели открыто? Уничтожить кулака, как класс, имущество его отдать колхозам, факт! И ты, товарищ партизан, напрасно шапку под стол бросил, она еще голове нужна будет. Аренды земли и найма батраков теперь не может быть! Кулака терпели мы из нужды: он хлеба больше, чем колхозы давал. А теперь – наоборот. Товарищ Виссарионов точно подсчитал эту арифметику и сказал, уволить кулака из жизни! Отдать его имущество колхозам… О машинах все плакал… Пятьсот миллионов вохриков дают колхозам на поправку, это как?

- Так мы же с дорогой душой в колхоз! Хоть нынче ночью! – Записывай зараз! – Кулаков громить, весить…

- Вынесем мы постановление к высылкам кулаков из Североказкавского края, или как?

- Подписуемся! – Под корень их!

Руки подняли дружно…

Так талантливый писатель с полицейским душком – Бурков, художественно, по-темкински, доказал, что великолепно знающий арифметику Виссарионов и трудящиеся-крестьяне солидарны в вопросах ликвидации «кулаков», как класса и организации колхозов.

Бурнов, художественно, по-темкински, доказал, что великолепно знающий арифметику Виссарионов и трудящиеся крестьяне солидарны в вопросах ликвидации «кулаков» как класса и организации колхозов.

Да иначе и быть не может. Такова директива олигархии, так пишут чиновники прессы, так полагает тайная вохровская полиция и полиция всех мастей – и писатель Бурнов это художественно оформляет. Даже красногвардейца Титка трудящиеся–крестьяне, заразившиеся социализмом, осуждают и решают его раскулачить, как слишком увлекшегося накоплением богатства.

«Этот Бородин, по-уличному Титок. Во 2 г.в.в.э. добровольно ушел в красную гвардию… Зубами, как кобель в падаль, вцепился в хозяйство, возвернувшись домой… И начал богатеть, несмотря на все наше предупреждение. Работал день и ночь, оброс весь дикой шерстью, в одних холстинных штанах зиму и лето исхаживал. Нажил три пары быков и грыжу от тяжелого подъема разных тяжестей, и все ему было мало!.. Мы вызывали его неоднократно в ячейку и в совет, стыдили страшным стыдом, говорили: «Брось, Тит, не становись нашей дорогой вохровской власти поперек пути! Ты же за нее страдалец на фронтах против белых был».

Давыдов сжал губы: «Был партизан – честь ему за это, кулаком стал, врагом сделался – раздавить!».

О том, как нарочито небрежно относится Бурнов к такой огромной и свирепой эпопее, как продразверстка в период военного коммунизма, свидетельствуют следующие строки о председателе сельсовета Андрее Разметнове:

«Через два года Андрей вернулся в Гремячий с мазурского фронта. Год побродил по Верхнедонскому округу с продотрядом, а потом припал к хозяйству».

Мешая правду с ложью, Бурнов весьма сочно описывает процесс грабежа «кулаков», которых раскулачивали две группы, одна под предводительством двадцатипятитысячника Давыдова, другая под руководством секретаря вохровской партячейки Нагульнова:

« – Уничтожаем тебя, как кулацкий класс, – пояснил Фролу Дамаскову Демка Ушаков…

…– Кровать железная с белыми шарами, перина, три подушки, да две кровати деревянных…

– Горка с посудой. И всю посуду говорить? Да ну ее под такую голень!

– Двенадцать стульев, один длинный стул со спинкой. Гармонь-трехрядка – Гармонь не дам! –

Тимофей выхватил ее из рук Демки. – Не лезь, косоглазый, а то нос расшибу. – Я тебе так расшибу, что и мать не отмоет! – Ключи от сундуков давай, хозяйка…

Андрей не успевал записывать…

– Шуба бабья, ноская! – Тулуп! – Три пары новых сапог с калошами! – Четыре отреза сукна!..

…Ты погляди, как она на себя девятую юбку натягивает! Я не допущаю к тому…

… В горнице Андрей увидел сидевшего на корточках Мовчуна… На нем были новые, подшитые кожей фроловы валенки… Не видя вошедшего Андрея, он черпал ложкой мед из ведерного жестяного бака и ел, сладко жмурясь, причмокивая, роняя на бороду желтые, тонкие, капли».

Описывая столь сочно и, по-видимому, правдиво разнузданное ограбление простых трудолюбивых крестьян, на которых наклеили ярлык «кулака», Бурнов тут же устами Давыдова и Нагульнова подводит идеологическое «карлсистко-ильичевское» «научное» обоснование этого грабежа:

«Давыдов поднимался со стула медленно… Заговорил, задыхаясь, не сводя тяжелого взгляда с андреева лица.

– Ты их жалеешь... Жалко тебе их. А они нас жалели? Враги плакали от слез наших детей? Над сиротами убитых плакали? Моего отца уволили после забастовки с завода, сослали в Кучумию…

Давыдов с минуту ходил по комнате, потом обнял Андрея за плечи…надтреснутым голосом сказал:

– Эко дурило ты! Пришел и ну, давай орать: «Не буду работать…дети…жалость…». Ну, что ты наговорил, ты опомнись! Давай потолкуем. Жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь, без таких вот… чтобы в будущем не повторялось… Ты – вохровская власть в Гремячем, а я тебя еще должен агитировать… – Ну, выселим кулаков к черту на Воробки выселим. Ведь не подохнут же они? Работать будут – кормить будем. А когда построим, эти дети уже не будут кулацкими детьми. Рабочий класс их перевоспитает…

Неожиданно … подпрыгнул Нагульнов.

– Гад! – выдохнул звенящим шопотом, стиснув кулаки. – Как служишь революции? Жа-ле-е-ешь? Да я… тысячи станови зараз дедов, детишков, баб… Да скажи мне, что надо их в распыл… Для революции надо… Я их из пулемета… всех порешу!»

Так, весьма искусно мешая ложь с правдой, Бурнов приписывает бесчеловечное решение свирепого Виссарионова и его подручных: ограбить и уничтожить наиболее трудолюбивую часть крестьянства – мелким функционерам.

Бурнов, подхалимствующий перед кровавым диктатором, «художественно» показывает, насколько правы палач крестьянства и иже с ним. Мол, типичный крестьянин-середняк, как мелкий собственник, не очень жаждет отдать свою «худобу» в колхоз, но он все же за «новую жизнь», за колхоз. Его не силой загоняют в колхоз, не насильно отбирают нажитое им его предками жалкое имущество, а, он, мол добровольно и сознательно идет в колхоз…

«Кондрат Майданников шел с собрания. Дома Кондрат зашел на баз к быкам, подложил им в ясли скудную охапку сена; вспомнив, что завтра вести их на общий баз, набрал огромное беремя сена, вслух сказал:

– Ну, вот и расставанье подошло… Подвинься лысый! четыре года мы, казак на быка, а бык на казака работали… И путного у нас ничего не вышло. И вам впроголодь и мне скушновато. Через это и меняю вас на общую жизнь.

… Как будет в колхозе? Всякий ли почувствует, поймет так, как понял он, что путь туда – единственный, что это – неотвратимо. Что, как ни жалко вести и кинуть на общие руки худобу, выращенную вместе с детьми на земляном полу хаты, а надо вести. И подлюку – жалость эту к своему добру надо давить, не давать ей ходу к сердцу…

…Утром он позавтракал, долго писал заявление, получилось…

«Товарищу Макару Нагульнову в ячейку вохровской гремяченской партии.

Заявление

Я, Кондрат Христофоров Майданников, середняк, прошу принять меня в колхоз с моей супругой и с детьми и с имуществом, и со всей живностью. Прошу допустить меня до новой жизни, так как я с ней вполне согласный. К. Майданников».

В целом все хорошо. Но главный персонаж Бурнова – Давыдов не столь проницателен, как автор, он не проникся гениальными высказываниями Виссарионова о том, что коллективизацию хотят сорвать бывшие белые офицеры и «кулаки», которые рядятся под сочувствующие, убивают бедняков и всячески «вредят». Поэтому перед Давыдовым за неделю пребывания в Гремячем Логу, в течение которой он по щучьему велению организовал колхоз, «стеной стал ряд вопросов»:

«…Упорное нежелание ряда середняков идти в колхоз, несмотря на огромные преимущества колхозного хозяйства, (!) было ему непонятно. К познанию многих людей

и их взаимоотношений не мог он подобрать ключа. Титок – вчерашний партизан и нынешний кулак и враг. Тимофей Борецов – бедняк, открыто ставший на защиту кулака. Островнов – культурный хозяин, сознательно пошедший в колхоз, и настороженно-враждебное отношение к нему Нагульнова…

Загадочное убийство бедняка Хопрова и его жены натолкнуло его на догадку о том, что какая-то скрытая пружина действует в этой машине».

Бурнов не только на съездах пресмыкается перед великим семинаристом, но считает нужным заниматься этим в своем художественном произведении. Его персонаж Разметнов говорит:

« – А мы давайте прозываться его именем. Окромя этого, даю фактическую справку: когда мы обороняли Виссарионовград, то я самолично на передовом огне видел и слыхал товарища Виссарионова. Он тогда вместе с Климовым реввоенсоветом был, одежду носил штатскую. Тогда на смотру и на линии огня нам, бойцам, бывало, поверил насчет стойкости».

Широко известно, что крестьяне всячески противились изъятию их скота и в масштабе всего огромного Государства Тмутараканского, резали свой скот, обжирались мясом, только бы не отдать скот колхозам. Несмотря на террор и устрашение, в масштабе всего государства, крестьяне прирезали половину всего скота.

А Бурнов, художественно выполняя задание диктатора, приписывает уничтожение скота «кулакам» и бывшим белым офицерам:

«… Но вот «встать-то» Якову Лукичу и не пришлось! Потому-то он и против вохровской власти, потому он и жил скучно, как выхолощенный бугай: ни тебе созидания, ни пьяной радости от него, потому-то теперь ему Половцев ближе жены, роднее родного сына. Или с ним, чтобы вернуть ту жизнь, что прежде сияла и хрустела радужным вохриком, или и эту кинуть! Поэтому и режет четырнадцать штук овец Яков Лукич – член правления Гремяченского колхоза. «Лучше выкинуть овечьи тушки вот этому черному кобелю, который у ног есаула Половцева жадно лижет дымящуюся овечью кровь, чем пустить овец в колхозный гурт…

С легкой руки Якова Лукича, каждую ночь стали резать в Гремячем скот… «Режь, теперь оно не наше!» «Режьте, все одно заберут на мясозаготовку!» «Режь, а то в колхозе мясца не придется кусануть!» – полез черный слушок. И резали… В две ночи было ополовинено поголовье рогатого скота в Гремячем. Ели невпроворот. Животами болели от мала до велика…».

Так, по-темкински, описывает крах животноводства, который был законным следствием невежественной вохровской политики по тотальному изъятию у крестьян скота, вохровский талантливый

полицейский писатель Бурнов. По заданию диктатора, он приписывает развал вохровского животноводства «вредителям».

Выполняя заказ вохровской пропаганды и самого величайшего мудреца Виссарионова, который своим зорким глазом предвидел «классовое сопротивление», Бурнов старается во всю и «раскрывает» всяческое «вредительство»:

«Островнов, Яков Лукич, ноне перед вечером был, говорит: «стали коням объедья». Да разве это порядки? Ведь, он, чорт, лучшим хозяином почитается, а такую чушь прет!

– А что? – Да как же Давыдов? Объедья - все начисто едовые. Полыняк промеж них, он мелкий, съестной, или бурьянина, все это овцы, козы дотла съедят, переберут, а он приказывает на подстилку коням гатить! Я ему было насупротив, а он: «не твое дело мне указывать!»…

… Перед вечером к нему прибежал Любишкин, озлобленно спросил: – Вместо подстилок, быкам, значится, с нонешнего дня песок сыпем? – Да, песок. – Да он – этот Островнов – что? С цепи сорвался, что ли? Где это видано? И ты, товарищ Давыдов? Неужели же такую дурь одобрил?

– А ты не волнуйся Любишкин! Тут все дело в гигиене, и Островнов правильно сделал.

– Любишкин грохнул своей черной папахой по голенищу, выскочил от Давыдова с рожей красней калины.

А наутро двадцать три быка не смогли встать с пола. Ночью замерзший песок не пропускал бычиной мочи, бык ложился на мокрое и примерзал…».

Вот так по инструкции Половцева вредил пробравшийся в правление кулак Островнов, пользуясь неопытностью начальника – двадцатипятитысячника Давыдова.

Еще один вид «вредительства» – всякие темные слухи:

«… А она: «Вы чего это над старухами мудруете? Как вы можете над нашей старостью измываться?» Насилу дознался, в чем дело. Оказывается, прослыхали они, будто всех старух, какие к труду неспособные, правление колхоза определило к весне… Будто бы за недостачей паровых машин, какие насиживают яйца, старух определят на эту работенку… Бабка Уязяка и орет, как резаная: «Как меня на яйца сажать?»… Вот какие дела, товарищ Давыдов! Распущают враги брехню, тормоз нам делают».

Разумеется Бурнов, хорошо зная, что всякая колхозная демократия – чистейшая бутафория, а кахи – безгласное стадо, всячески раздувает наличие несуществующей колхозной общественности:

«Колхозное собрание охотно приняло решение насчет обобществления всего скота, поскольку рабочий и молочно-продуктивный скот был уже обобществлен и решение касалось лишь молодняка, да овец и свиней, – но по поводу птицы возгорелись долгие прения. Особенно возражали бабы. Под конец их упорство было сломлено…».

Так художник-литератор Бурнов распространяет гнусную полицейскую сказку о том, что унтер-офицерская вдова сама себя высекла, что крестьяне решили добровольно отдать на уничтожение не только рабочий и продуктивный крупный рогатый скот, но и мелкую скотину и даже птицу; в отношении последней только бабы немного упирались.

Еще, и еще, красочно и проникновенно, мастерски выполняя заказ диктатора и подвластных ему олигархов, Бурнов «раскрывает» психологию типичного середняка Кондрата Майданникова, который «верит в вохровскую партию», но «осталась в нем жалость-гадюка к своему добру:

«Кондрат давно уже не верит в бога, а верит в вохровскую партию, ведущую трудящихся всего мира к освобождению, к голубому будущему. Он свел на колхозный баз всю скотину, всю – до пера – отнес птицу. Он – за то, чтобы хлеб ел и травку топтал только тот, кто работает. Он накрепко, неотрывно прирос к вохровской власти. А вот не спится Кондрату по ночам… И не спится потому, что осталась в нем жалость-гадюка к своему добру, к собственному скоту, на котором он работал и которого добровольно лишился (!) … Свернулась на сердце жалость, холодит тоской и скукой…».

Диктатор и его подручные уже после того, как они убедились, что нанесли своей политикой тотального грабежа крестьян непоправимый урон животноводству, а также полеводству, маленько одумались, но Бурнов, опять-таки по заказу своих хозяев, приписывает этот грабеж мелким вохровским функционерам:

«Давыдов поморщился – Как ты не поймешь, что птица – мелочь, а нам надо решать главное…И я, Макар, серьезно предлагаю вот что: мы политически ошиблись с проклятой птицей, факт ошиблись! Я сегодня кое-что почитал по поводу организации колхозов и понял в чем ошибка: ведь у нас колхоз, то есть, артель, а мы на коммуну потянули. Верно? Это и есть левый уклон, факт!».

Бурнов по-темкински сваливает на каких-то «врагов»-белогвардейцев нежелание крестьян отдать последние семена и, поскольку Бурнов – великий мастер Темкинских деревень, все выглядит достаточно правдиво:

«В полночь приехал от Половцева… коннонарочный… Литьевский прочитал письмо с пометкой на конверте «В. срочно», разбудил спавшего в кухне Якова Лукича: На-ко вот, прочитай.

«Господин подпоручик!

Нами получены достоверные сведения о том, что ЦК вохров собирает среди хлеборобческого населения хлеб якобы для колхозных посевов. На самом деле хлеб этот пойдет на продажу за границу, а хлеборобы, в том числе и кахи, будут обречены на жестокий голод…

Приказываю Вам немедленно развернуть среди населения… агитацию против сбора мнимосеменного хлеба… Крайне необходимо во что бы то ни стало воспрепятствовать засыпке хлеба».

Наутро Яков Лукич, не заходя в правление, отправился к Банемку и остальным единомышленникам, завербованным им в «Союз освобождения Ноди…».

Вохровские околопопутчики Жнейерс и Качан, в своем «произведении» «Тайная война против Вохровского Союза», как показал автор в XIII главе «Ведения…», весьма неумело выполняя заказ тайной вохровской полиции, превратили в шпионов, убийц и диверсантов уничтоженных Виссарионовым его потенциальных, действительных и мнимых соперников – крупных функционеров управляющей вохровской элиты.

Бурнов же с непревзойденным цинизмом весьма мастерски выполнил гнуснейший заказ вохровской тайной полиции.

Ведь тмутараканская олигархия во главе с Виссарионовым действительно и вторично обрекла на жестокий голод, сопровождаемый людоедством, огромные массы тмутараканского крестьянства. В предшествующие коллективизации 12 и 13 г.в.в.э. за рубеж было вывезено соответственно 89,3 тысячи и 260 тысяч тонн зерна, а в два первых года коллективизации 14 и 15 г.в.в.э. было вывезено соответственно 4841 тысяча и 5178 тысяч тонн зерна.

В третий год коллективизации вновь за бесценок вывозится свыше 100 миллионов берков (1808 тысяч тонн) зерна, а в четвертом году коллективизации, в 17 г.в.в.э., в Малоскифии, в Половжье, да в меньшей степени во всем Государстве Тмутараканском, вторично руками бесчеловечных вохровских вивисекторов, организуется жесточайший голод, сопровождаемый людоедством, в больших размерах, чем во времена военного коммунизма, в 5-6 г.в.в.э.

Сколько миллионов людей погибло от голода, хорошо известно ЦСУ и тайной полиции.

Наряду с зачастую ненужным оборудованием действительно в те времена закупались за рубежом «линкольны», на которых разъезжали крупные вохровские функционеры. Конечно, большая часть валюты тратилась на закупку оборудования, подчас ненужного и дефектного. За «линкольн» платили до 8000 берков хлеба. А ведь пять берков могли спасти одного умершего с голода. Крупный функционер вохровской элиты, разъезжая на «линкольнах», по существу, разъезжал на 1,5 тысячах умерших от голода, осчастливленных коллективизацией крестьян!..

Даже в год, непосредственно предшествовавший голодному, вывезли 100 миллионов берков. Если бы этот хлеб не вывезли, можно было бы спасти и не дать умереть от голода 10-20 миллионам крестьян.

И хотя вохровская статистика не рискует сообщить количество умерших от голода осчастливленных крестьян, следует полагать, что от голода умерло меньше 10 миллионов крестьян. Следовательно, даже при наличии огромных потерь сельского хозяйства, понесенных при бесчеловечном осуществлении коллективизации, можно было бы не допустить голодной смерти множества крестьян, если бы за рубеж вывезли на 2 миллиона тонн хлеба меньше.

А Бурнов, выполняя заказ вохровской тайной полиции, цинично подтверждает лживую версию о том, что какие-то вымышленные белогвардейцы распространяли лживые «слушки» о том, что вохровская власть «якобы» вывозит хлеб за рубеж, «обрекая этим кахов на жестокий голод». Талантливая книга Бурнова была издана в 36 г.в.в.э. – и Бурнов обязан был все факты хорошо знать.

Очередной иезуитской статье Виссарионова «Головокружение от успехов», опубликованной в «Кривде» 2 марта 14 г.в.в.э., и сваливающей всю вину за бесчеловечное форсирование коллективизации, которому вождь в первую очередь содействовал, на местных вохровских функционеров, – Бурнов приписывает чудодейственное влияние. Сразу, как по могучему велению, колеблющиеся крестьянские, казачьи элементы, завербованные белогвардейцем Половцевым, отворачиваются от него и становятся правоверными вохровскими патриотами:

«…Со мною приехал… всем вам известный казак Яков Лукич Островнов, мой полчанин. Он вам подтвердит готовность большинства гремяченцев итти вместе с нами к великой цели освобождения Ноди от ига вохров…

Его опередил один из присутствовавших… член церковного совета, до войны бывший… бессменным попечителем церковно-приходской школы…… А вы, ваше благородие, господин есаул, наслышанные о том, что…. Тут газетка дюже интересная проявилась….

– Газетка, говорю, из Кремлевии пришла, и в ней пропечатанное письмо председателя всей партии…. то бишь, секретаря всей партии, товарища Виссарионова…

… Читали мы ее вслух промеж себя трошки загодя до вашего прибытия, и… выходит так, что разлучает эта газетка нас с вами …

Выступил малого роста казачок… и заговорил вызывающе, зло:

– Вы, товарищ бывший офицер, на наших стариков не пошумливайте, вы на них и так предостаточно нашумели в старое время. Попановали – и хватит, а зараз надо без грубианства гутарить. Мы при вохровской власти стали непривычные к таким обращениям, понятно вам? И старик наш правильно гутарил, что был промеж нас совет, и порешили мы все через эту статью в газете «Кривда» не восставать. Разошлись поврозь наши стежки-дорожки! Власть наша хуторская надурила, кое-кого дуриком в колхоз вогнала, много середняков занапрасно окулачила, а того не поняла наша власть, что дуриком со всем народом нельзя управиться. Ведь наш председатель… так нас зануздал было, что на собрании и слова против него не скажи… Ну, мы раньше, конечно думали, что это из центра такой приказ идет, масло из нас выжимать; так и кумекали, что из ЦК вохров эту пропаганда пущенная, гутарили промеж себя, что, мол, «без ветру и ветряк не будет крыльями махать». Через это решили восставать и ступили в ваш «союз». А зараз получается так, что Виссарионов этих местных вохров, какие народ силком загоняли в колхоз и церковь без спросу закрывали, кроет почем зря, с должностей смещает. И получается хлеборобу легкая дыхания, чересседельна ему отпущенная – хочешь, иди в колхоз, а не хочешь сиди в своей единоличности…

– Ну что же господа казаки, воля ваша: не хотите итти с нами – не просим, челом не бьем. Расписок я не верну, они не со мною, а в штабе. Да вы напрасно и опасаетесь, я же не пойду в тайную полицию заявлять на вас…. И не тайной полиции вам бояться… Половцев вдруг крикнул во весь голос: – Нас надо бояться! Мы вас будем расстреливать, как предателей… А ну прочь с дороги… – И, выхватив наган… направился к двери…

… О том плачу, что не удалось наше дело… на этот раз…

… Сейчас уезжаем, Лукич, но мы вернемся!...

В Тубянском и моей станице казаки тоже отказались бастовать. Переманул их Виссарионов своей статьей…».

Бурнов, весьма искусно подделываясь под народный говор, одним махом с помощью иезуитской статьи Виссарионова разделывается со всеми «восстаниями», и белогвардейцы уезжают восвояси.

Далее в таком же духе Бурнов с максимальной темкинской «художественностью» расписывает огромное влияние Постановления ЦК «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

Для правдоподобия необходима малая толика правды. И Бурнов довольно правдиво рассказывает, как крестьяне взбунтовались, чуть не убили Давыдова и Андрея, взломали склад и силой забрали свое семенное зерно… Но вохровская власть не мстит… и Бурнов устами своего идеального двадцатипятитысячника Давыдова говорит: «Те, кто были зачинщиками этих беспорядков и кто активно выступал – арестованы, но остальные поддавшиеся на кулацкую удочку, должны опомниться и понять, что они упали в заблуждение. Это я фактически говорю… Вохры не мстят, а беспощадно карают только врагов; но вас, хотя вы и вышли из колхоза, поддавшись уговорам кулаков[i], хотя вы и расхитили хлеб и били нас, – мы не считаем врагами….

7. «Энергия»

Писатель Шероховатов прославился романом «Цемент», в котором одним их первых прославил начинавшуюся «индустриализацию». Успех побудил его написать новую эпопею «Энергия» – на этот раз о строительстве крупнейшей электростанции.

Как обычно, Шероховатов уделяет огромное внимание «исследованию» психологии строителей социализма: «После революции прошло менее 10 лет, а поколение, которому 15 лет, будет «творцом вохристского общества». Конечно же, политически грамотный литератор не забывает живописать облик великого вождя, которому приписываются грандиозные планы преобразования Тмутаракании: «Викентий Михайлович вставал ровно в шесть утра. На стене, у карниза, кудрявились золотые облачка солнечных отражений. Книжный шкаф из золотого дуба улыбался важно и гордо. И за рамой, в другом, далеком мире, в фотографической дымке чеканился строгий дворец электростанции, которую Викентий Михайлович строил на северных озерах еще при жизни Ильичева...

Ильичев! Как всегда, он встречал Викентия Михайловича из-за рамы обычной дружеской улыбкой. В кепке с широким козырьком, надвинутым на глаза, он застыл, охваченный невидимым движением, и морщинки около глаз взволнованно дрожат на висках. Викентий Михайлович на мгновение видел его живым – экспансивным и юношески порывистым. Чудилось, что вот он сейчас, как бывало, быстро повернется к нему и засмеется, радостно протягивая руку.

И Викентий Михайлович каждый раз вспоминал горячий голос Ильичева!

- Мы строим вохризм, несмотря на необычайные трудности. Но мы не боимся этих трудностей и дальних сроков. Поколение, которому теперь пятьдесят лет, не увидит вохризма, но те, которым сейчас пятнадцать лет, они увидят и будут творцами вохристкого общества. Мы должны создать социалистическое хозяйство на базе высочайшей техники. Основа же этой техники электрификация. На это нужно не менее десяти лет, и за эти десять лет мы построим до тридцати крупных электроцентралей».

Балеев пришел к Ильичеву, после того как механически выбыл из партии. Ильичев сидел за столом, а около него – товарищи, с которыми Балеев когда-то работал в подполье.

- Он – путаник, этот Викентий Михайлович. Он простодушно думает, что революция кончилась и теперь настало время только строить электростанции… Чудак! Теперь он хочет только сооружать, а остальное – не его дело… Так мыслить вохр не может.

И засмеялся, играя искрами в глазах.

---

i Бурнов, видимо, забыл, что он давно уже ограбил «кулаков» и выслал в места не столь отдаленные (прим. автора).

- Ах, какой же вы чудак, товарищ Балеев! И какой же вы нетерпеливый человек!

И улыбался ему одним глазом. Это было в тяжелый момент отступления на польском фронте.

Да, это было трудное время… Но… я не раскаялся, Владимир Ильич. Одному – талант, одному – два. Я предпочитаю жить с одним талантом. Ибо несколько талантов взаимно исключают друг друга: один талант неизбежно пожирает другой, а в результате – дилетантизм, любительство, или чиновничья мелкотравчатость и политиканство.

Вспоминал, как Ильичев приезжал когда-то на стройку одной из первых электростанций, где он, Балеев, был главинжем. Ильичев смеялся, мечтал о будущем, прижимая локоть Балеева к своему горячему боку, и Балеев слышал, как билось его сердце.

Викентий Михайлович распахнул окно. Утро было прозрачное. Река оранжево горела даже в глубинах. Она плавилась разливно, без всплесков. Она так же стара и так же бессмертна, как мир. Так же, как и сейчас, в бездне времен текла она широко, спокойно и так же цвела перламутром.

Перед окном дымился густой зеленью сад. Плескалась вместе с волнами воздуха яркая пена цветов. А ниже, по крутому спуску, до железной решетки ограды, – буйные заросли сирени, фруктовые деревья, голубые ели. Ограды не видно: она запутана космами винограда и хмеля. В другой половине особняка жил его заместитель, инженер Стрижевский. Балеев занимал три комнаты, а Стрижевский – семь. Стрижевский – барин: он и его жена привыкли к простору и роскоши. У их девочки – гувернантка-саксонка. Между Балеевым и Стрижевским нет никакой близости: их общение только в стенах управления.

Молния вырвалась из скал на том берегу, и голубое облако выросло над гранитами, как гигантское дерево. Взрыв. Боль в перепонке и колючее щекотанье. Удар воздуха – тверд и упруг. Грохот взрыва долго отдавался эхом по далеким холмам, как утихающий гром.

И вдруг – тишина до звона в ушах. Тишина и пустота. Кажется, что воздух исчез и нечем дышать.

Кучи камня и щебня летят веером, вырываясь из облаков. Они летят птицами в разные стороны, падают в реку, и вода фонтанами бьет вверх и рассыпается брызгами.

Балеев любил эту канонаду взрывов, эти могучие извержения огня, камней и дыма: вместе с первым громом и сверканием молний пробуждалась в нем молодость. Когда-то он обследовал, изучал эти дикие берега и своенравие этой реки. Полстолетия бились инженеры над разрешением вопроса, как бы ее обуздать. Это были смелые люди, с большой дерзостью мысли. Но они состарились, умерли, и от их замыслов остались одни пожелтевшие клочья бумаг. И вот только ему, инженеру Балееву, подпольщику в прошлом, удалось в годы революции создать грандиозный план сооружений, который колумбовские и гуннские эксперты нашли блестящим по своей смелости и простоте. Вот он сам осуществляет в жизни эту мечту: он – в центре этих великих работ. Он несет огромную ответственность перед всей страной, пред целым миром. И как-то странно и удивительно: его былые страстные порывы постепенно перерождались в холодную расчетливость и математическое бесстрастие. Почему он, бывший пропагандист, сейчас молчалив, нелюдим и крут характером? Бородка кажется жесткой, колючей, и к ней неприятно прикасаться. И нос острый и твердый, как клюв, – недобрый, безжалостный нос.

Балеев быстро прибрал постель и вышел в столовую. Стол уже был готов: серебрился чистой скатертью и смеялся блеском посуды.

В комнате – пусто. Сестра Варя, по обыкновению, – на кухне: она готовит ему кофе.

Ага, обычный приветственный писк! Проволочный цилиндр шуршал в быстром вращении. Внутри прыгала белка, встряхивая пышным хвостом.

Он прошел в ванную, разделся и пустил душ.

Каждое утро он выходил в столовую новый и бодрый. Обычно неразговорчивый, затяжеленный, в свой утренний час он являлся к столу свежим и веселым.

Сестра Варя, седовласая, но румяная, с зоркими молниеносными вспышками пенсне, сидела обособленно около никелевого чайника. Она похожа была на хозяйку конспиративной квартиры: чутко ко

всему прислушивалась, быстро вскидывала голову, озабоченно настораживалась, и ни одно движение Викентия Михайловича, ни один звук за дверьми и окнами не пролетали мимо нее.

- Сегодня ты, Викентий, опять лег очень поздно. Это возмутительно. Не бережешь ты своего сердца.

Перед ним стоял стакан кофе с молоком, горячая котлета и яичница. Викентий Михайлович прошел мимо сестры и с суровой застенчивостью погладил ее по волосам.

- Ты, Варя, по обыкновению, трогательно деспотична. Я старше твоего Константина на двадцать лет, а ты относишься ко мне с большей нетерпимостью, чем к нему. Советую тебе пристальнее присмотреться к Косте: он любопытен. Мне кажется, что ты кое-что проглядела в нем.

Опять грохнул потрясающий взрыв. Задребезжали стекла и зазвенела посуда.

- Представь, Викентий, я так привыкла к этому грому, что жду его в положенный час. Если бы вдруг день прошел без этих взрывов, он был бы глухим и незначительным. Сердце замирает, когда подумаешь, какую ты громоздишь махину… Тебя знает вся страна…

- Вношу поправку, Варя: не я строю, а мы строим. Это – заметь.

- Ах, да… массы… Как это просто!.. Без творца эти массы - сырая, стихийная сила.

- Ты смешна, Варя.

- Не хитри, Викентий. Талант - беспокоен и неудобен для множества, и его стараются обезличить. А ты - скромен и застенчив. Ты беззаботен к самому себе.

- Ты заблуждаешься, мама: дядя творчески обособлен больше, чем ты думаешь. Но Сольнесы теперь - нелепость, а индивидуализм — это самоубийство для человека нашей эпохи.

Константин порывисто отодвинул стул и с возбужденным лицом сел за стол.

Переплетались и играли в этом лице противоречивые настроения: вызывающий задор, готовность к смеху и пристальная, молчаливая сосредоточенность. Он жадно хватал глазами всякую мелочь, прислушивался и к словам и к шумам на улице, и вспыхивал от взрывов. У него - жадные глаза, жизнерадостный голос, густая шерсть на руках. Он заботливо быстро намазывал маслом хлеб.

Викентий Михайлович улыбался в усы и смотрел в стол. Ему почему-то было неприятно слушать Константина: будто сын Вари развенчивал его - силу его превращал в самомнение, а творческую волю - в самолюбование. Но хмурился не он, а мать.

- Как можно, Костя, отрицать самое драгоценное в человеке? Ведь человек ценен только своей оригинальностью и одухотворенностью. Ты стал нечистоплотен с собой. Это - духовное босячество.

- Ох, мама-Варя!.. - Константин весело засмеялся. - Право, когда ты рассуждаешь, ты становишься сварливой. Мне кажется, что все философы похожи на ночных сторожей, которые не видят величия дневной жизни, не выносят людей и обозлены на солнце. Это, конечно, относится исключительно к философам, а не к тебе.

- Не дури, Константин. Я не шучу. Ты - музыкант. Твое призвание - творчество. Зачем ты сюда приехал?

Константин строго взглянул на ломоть хлеба.

- Видишь ли, мамаша… мне нужно жить искусством созидания новой жизни. Я хочу быть участником великих событий. Короче, я хочу строить социализм. Мир звуков и образов - это мир человеческих действий, это я, который хочет воплотиться в эпоху. Надеюсь, понятно?

- Ну, разумеется, Костя. Ты достойно выполняешь творческую роль… табельщика на земельно-скальном. Не менее высокое искусство - топтать бетон на плотине. Прекрасные возможности для пианиста!

Константин смеялся и гладил плечо матери.

- А что же, мама-Варя… Великая идея уравнивает и пианиста и каменолома.

- О, как это у тебя просто, Костя!

- Я хочу жить, мамаша, - жить, как настоящий рабочий наших дней. Для меня сейчас нет иной музыки, кроме музыки массового труда. Я хочу расти каждый день на вершок и чувствовать настоящее солнце.

- Ну, Костя, если в тебе это засело прочно, ты погиб.

Балеев взглянул на расстроенную сестру и скрыто усмехнулся.

- Ты как на этот счет, дядя?

- Я не понимаю музыки: мне она всегда казалась скучной и пустой. Судить не могу. Мне представлялось всегда, что она — и не женского и не мужского рода.

- Ах, этот Викентий!.. Разве он судья? Зачем глухих спрашивать о пеньи соловья? Он утилитарист… Он никогда не понимал искусства. Нашел кого спросить…

- А по-моему, дядя говорит дельно. Традиционная музыка для него - не только бесплодное, но и вредное занятие, как, скажем, курение опиума...».

Подпольщик - опытный инженер-гидротехник, который в годы революции «создает грандиозный план сооружений, признанный колумбовскими и гуннскими экспертами блестящими по своей смелости и простоте», скромняга, обладающий почти всеми человеческими добродетелями, включая идеалистку - сестру и энтузиаста - пианиста, племянника, таков собирательный тип вохровского начальника строительства - в Темкинских деревнях Шероховатова.

Идеализируя полуневежественных в технике вохровских начальников строек, Шероховатов кощунственно пишет о том, что у полурабов, «раскулаченных» крестьян – грабарей «много поэзии в труде и быту». Вместе с тем Шероховатов воспевает немногие «поэтические» экскаваторы, закупленные у стран загнивающего капитализма на хлеб, отнятый у голодающих тмутараканских крестьян и рабочих. Воспевая «поэтические» экскаваторы, Шероховатов забывает или не знает, что стройки первых вохровских пятилеток построены в основном за счет ручного полурабского труда, производительность которого была почти такой же, как и при строительстве египетских пирамид.

Шероховатов пишет:

«Всякая революция – дело трудное и ошеломляющее, а революция в процессах труда смущает даже людей больших знаний и высоких квалификаций. Привычка, как говорится, вторая натура… Взять хотя вас, товарищ Вихляев. Вы до сих пор имели дело с кем? С грабарями, с каменоломами…

- О, я-то их хорошо знаю… - оживился Вихляев: - Замечательный народ!.. А мастера-то какие! Эти люди умели чуять друг друга. А какие они пели песни! Наплачешься и напляшешься… Ведь они, эти мужички. Панамский канал построили… Вот вам и Америка, вот вам и революция…

Мирон стоял, облокотившись на парапет, и смотрел вниз, в безлюдную гигантскую ямину, загроможденную камнями и не взорванными гранитными скалами. Там фырчали кое-где перфораторы и бухали сандерсоны. Одинокие фигуры рабочих в блузах из мешковины возились среди камней или бродили с какими-то инструментами в руках. Только в опалубках плясали, уминая бетон, рабочие в комбинезонах, сливаясь с серой опалубкой. В разных местах под ослепительными лучами прожекторов стояли ряды вагонеток, и черные экскаваторы с хрипом и свистом глотали своими ковшами камни и щебень. Игрушечно маленький паровозик, чихая паром, тащил за собою целый состав вагонеток, досыта нагруженных камнями. Покрикивая, он повернул влево и скрылся под аркой высоких кряжей.

- Я понимаю вас, товарищ Вихляев, - задумчиво ответил Мирон, не отрываясь от гранитной пропасти, залитой огнями. - Может быть, в труде и в быту грабарей много поэзии. Но такая поэзия нам чужда. Ведь там, где работает экскаватор и кран, бушует настоящая буря. Лопатки и колымажки кажутся сейчас смешными и жалкими. Огромные глыбы гранита и целые горы камней могут выбросить только гиганты - могучие механизмы. Разве в этом нет поэзии?

Вихляев смущенно засмеялся. Он робко положил руку на плечо Мирона и вздохнул.

- Чувствую, товарищ Ватагин… Вы тоже поэт. Но эту поэзию надо пережить, чтобы заново родиться. Милый мой, ведь вновь родиться значит умереть.

Он грустно помолчал и вдруг засмеялся.

- Вот брожу я в этой яме и ищу живую душу. И что же? Эта живая душа трусливо улетучилась. Впрочем, приходят и другие простые души в чаянии всяких благ. И представьте такой камуфлет: мы уже но понимаем друг друга…».

Как и полагается в вохровских пропагандистских Темкинских деревнях, функционеры из партийной схемы возглавляют пылающий энтузиазм масс:

«В парткоме был горячий день. На экстренном заседании бюро было решено переключить всю партийную работу на плотину, на самый ответственный и опасный участок, - на котлован и бетон. К скальным работам прикреплен заворг Гудим, бывший политрук. К шлюзу - тщедушный завкульторг - Цезарь. На бетон - секретарь вохросомола Васяй. Осокину поручена мобилизация масс на ударные участки. Паше Погадаевой - мобилизация женщин – домашних хозяек. Потом ездили по объектам подготовить работу на местах. Когда возвращались в поселок, неожиданно заплескались на холме знамена, и рабочие всех возрастов - выходники, женщины и девчата - собрались у здания управления и с песнями, организовано пошли по шоссе … к парткому… От красных знамен и старых транспарантов улица стала крылатый и нарядной…».

Так красочно Шероховатов расписывает организованный вохровской, партийной схемой бутафорский энтузиазм масс.

Шероховатов художественно обосновывает вохровский лозунг об овладении партийной схемой техникой для борьбы с «вредителями»:

«- У нас - технический разговор, Мирон. Тебе это неинтересно. И Феня скрылась за нагромождениями вагонов, кранов и свалок деревянных щитов для опалубок.

-Технический разговор … усмехнулся он, провожая ее глазами. - технический разговор… А разве мы строители и руководы, не обязаны знать всех тонкостей технических процессов? Вот тут то нас и бьют всякого рода вредители и прохвосты»…».

Широко известно, что только в условиях принудительного труда, в эпоху военного коммунизма и в эпоху внедрения Второй вохровской революции в 24-39 г. в.в.э., удавалось закреплять тмутараканских рабочих на данной работе, а при свободном выборе, рабочие часто меняли место работы, что наносило немалый ущерб, как показано в 19 разделе III главы «Введения…». А Шероховатов еще в начальный период индустриализации с помощью механизации, к которой он, кстати, приучает сезонников в три дня, прикрепляет их к строительству:

«… - Трех дней мало, Василий Захарыч. Я сам сколь время входил в ее существо. Ее надо обхаживать - кратковременно она не дается.

- Глупости. Под твою ответственность - три дня. Проверю. У нас везде новые люди. Сегодня сел на кран племянник Балеева - человек нежный, музыкант. И ничего - работает. Через два дня он будет хозяином машины.

Оба парня, не отрываясь, смотрели на бухающий сандерсон, на ритмически взмахивающий шатун с играющим колесом на конце, и немного волновались, а глаза очарованно следили за вздрагивающим корпусом и за колокольно позванивающим колесом и рычагами. Мирон наблюдал и за парнями и за Шепелем. А Шепель только слушал жизнь новой машины и старался понять особенность характера этого механизма, введенного в строй.

- На моем участке, товарищ Ватагин, выемка грунта упала только на пятнадцать процентов.

Шепель сказал это официальным тоном, неподвижный, как камень.

Степанов махнул рукою парням и повел их за собою к другой стороне механизма.

- Но ведь сезонники и у вас, Василий Захарыч, оголили фронт.

- Да, это – те, кто не связан с машиной. Вот эти двое уже не уйдут. Происходит отбор. Это самый верный способ создавать надежные кадры. А таких у меня много. Если человек почувствовал машину, в нем уже совершаются передвижки молекул, как, скажем, в стали от действия магнитных сил. Партия и профсоюз родились у машины - между ними функциональная зависимость: одна сила обусловливает другую.

- А вот Вихляев тоже у машины, но машинобоязнь - его болезнь.

- Вихляев всю жизнь провел с землекопами, товарищ Ватагин. Машина или съест его, или обработает заново. Чтобы излечить машинобоязнь, нужно ввести обязательную трудовую повинность по машиноведению.

Опять внезапно пробежала мимо Феня и не обратила на них никакого внимания.

Татьяна стояла около другого сандерсона с книжечкой в руках и следила за работой машины, за движениями людей сосредоточенно и углубленно.

Эта красивая девушка, высокая, с черными, тонкими бровями, длинными ресницами, с первых же дней возбудила в Мироне странное чувство: она отталкивала и привлекала его. Он не мог освободиться от острой антипатии к ней. С ним она почему-то говорила …».

Как и положено, архивохровская «ученая» Татьяна «разоблачает» буржуазию:

«Татьяна насмешливо оглядела его фигуру.

- Буржуазия слишком много говорит о культуре, о цивилизации, об очень возвышенной правде, - и говорит именно вашими словами, однако нет таких мерзостей, подлостей, лжи, самого отвратительного чванства и зверства, которые бы не выдавались за благородную правду. Я не верю вам товарищ Кряжич…».

Бюрократический и громоздкий аппарат строительства Шероховатов изображает, как тончайший прибор: «Толпами сновали озабоченные люди – служащие, рабочие, инженеры. Здесь постоянно бился пульс строительской жизни, здесь многолюдный, административный аппарат, с многочисленными секретарями, в прохладе просторных белых комнат, залитых светом, работал по строгому плану. Это был гигантский пульт, где точные приборы(!) отражали все сложные и многообразные процессы совершающихся работ на строительстве».

Старый архитектор Митрохин «восхищается» вохровской строительной бестолочью начала индустриализации: «В мое время молодежь работала не так: с прохладцей работала – когда и как хотела. Жизнь была меньше, а люди неторопливы. Теперь же посмотришь: откуда что берется – переворачивают целый свет. Какая интересная и значительная стала жизнь и какие большие стали люди!».

Следует полагать, что в данном случае Шероховатов не выступает, как специалист по Темкинским деревням, а всерьез принимает бестолочь оперативок, бесконечных совещаний, бесконечное подстегивание вохров всех мастей: партийных, профсоюзных, хозяйственных, полицейских - за бурную работу.

Шероховатов часто останавливается на мелких масштабах прошлого и противопоставляет их «необъятному размаху» строительства в первые пятилетки на базе «невиданной производительности труда» возникшей, как следствие бутафорского социалистического соревнования:

«Там спорили о встречном плане в шестьсот тысяч кубометров бетона и многие инженеры только смеялись, не вступая в спор. Горячим защитником этого лозунга, выдвинутого общественными организациями, был инженер Баранников, бывший рабочий… На него напало сразу несколько человек, седовласых инженеров… Их знания и опыт ограничивались малыми масштабами прошлого. Старые графики, нормы и пределы уже не согласуются с практикой жизни, и жизнь нельзя поправлять этими нормами. Необъятные размахи строительства, мощная механизация, десятки и сотни тысяч рабочих(!), быстрое освоение механизмов сокрушают их пределы и графики. Социалистическое соревнование(!) вносит новую, невиданную производительность труда - труда сознательного, согласованного, творческого, о чем нельзя забывать».

Шероховатов писал «Энергию» в 12-22 г. в.в.э., а издавался этот роман значительно позже. Ильенбург длительное время жил в милой его сердцу Галлии, затем после выполнения своей «дипломной работы» «День второй» надолго уехал в Вестготию. Поэтому он «не заметил» свирепого разгула виссарионовского кровавого террора, «не заметил», что огромная тмутараканская страна превращена в чудовищный полицейский застенок. Все же за время своего краткого пребывания Ильенбург заметил на строительстве и на рудниках каких-то заключенных, которые работали рука об руку с вохросомольцами. Среди этих заключенных были продавцы наркотиков, контр-революционеры-священники и тому подобные типы.

Шероховатов никуда не выезжал из Государства Тмутараканского. Но он заметил только «сезонников» и кахов, которые вербовались на строительства. Остальные были сплошными энтузиастами, которые страдали в основном от слишком большой свободы в этом виссарионовском тюремном застенке. Даже старые довохровские инженеры изумлялись этой свободе – как один из шероховатовских героев:

«Шагаев раздраженно выкрикнул:

- Но, товарищи, надо же признать, что интеллигенция еще не научилась работать в новых условиях. А пора уже научиться. Таких широких возможностей для проявления своих сил и талантов, как в наши дни, еще никогда не было в прошлом. Мы люди малых масштабов и низких производительных сил. Это же истина. Мы росли и жили под постоянной опекой. Теперь нам просто страшно от больших размахов, от громадных темпов, от отсутствия привычной охранительной опеки. Мы слишком свободны. Да-с. И оттого, что мы слишком свободны, нам кажется, что мы в неволе. Непосильная свобода редко кому по плечу. Надо иметь мужество быть свободным.

Архитектор так и ахнул от изумления:

- Вот! Именно так… Превосходно сказано. Чудесные слова. Работать, только работать надо. Замечательное время, великие возможности. Как это странно - не видеть, господа?.. Надо почувствовать это, господа… нутром… всем существом, господа…

В разных местах засмеялись и посмотрели на него, как на шута, который сморозил уморительную глупость.

- Были господа, да сплыли… Что это вы… с крыши свалились, что ли?

Митрохин не понимал и смущенно оглядывал всех:

- Ну, что тут, боже мой!.. Вырвалось по старой привычке… Вот эти привычки-то нас и губят. Была бы душа чиста и стремления благородные, а слова - это только отрыжка.

А в кабинете помощника начальника объединенного строительства, товарища Чумалова, сидели дружеской компанией: Мирон, Дубяга, Байкалов, Осокин и Шалнин. Чумалов ночью возвратился из Москвы, где он пробыл полмесяца по делам строительства, а теперь стоял за своим столом, в военной (по старой привычке) рубахе, высокий, плотный, заряженный Кремлевией, здоровый и свежий…».

В соответствии с газетным, вохровским стилем тех времен Шероховатов вскользь упоминает суть коллективизации:

«Зачем ты виляешь? Так бы прямо и сказал: я - против революции в деревне, против политики партии, против коллективизации…

- Я протестую, Ватагин!.. - бледнея, крикнул Дубяга. - Это - грубейшая демагогия…

- Подожди, не волнуйся… - Мирон поднял руку и с враждебным спокойствием продолжал: - Когда в деревне - драка, взрываются глубокие пласты и производительные силы дробят и соху, и цеп, и старое прясло и стирают межи, - как можно говорить о каком-то равновесии и странной равнодействующей? Это же чистейшая метафизика. Фридрихс еще задолго до твоего рождения пророчески предсказал тот великий переворот в деревне, который ты так панически переживаешь. Надо быть подлинным вохром, чтобы не забывать известного тезиса о фабрике в селе, которая разрушает всякое средостение между городом и землей. Ты воюешь против бури, Дубяга.

У Дубяги сильно дрожали руки и голова.

- Согласен, сильно берешь на шарап, Мирон Васильевич. Но ведь я же - не из наивных простачков. Не с того боку бьешь, друг…

Мирон переглянулся с Глебом, который исподлобья посматривал на Дубягу, и усмехнулся.

- Жалость нас обуяла к мужичку, Дубяга… обижаем мы мужичка… Что же это такое? Болен ты, или ошалел с перепугу?

Чумалов засмеялся.

- Ты, Дубяга, что-то подозрительно играешь в осторожность. Меньшевики из этой осторожности сделали себе фетиш и превратились в лакеев буржуазии.

Байкалов задумчиво, как бы про себя отметил:

- Дубяга страдает одной слабостью, ребята. Он склонен к эмпиризму. Он слишком чуток к фактам.

- Все эмпирики - сердечные люди… - насмешливо заключил Мирон. - Они всегда вешают собак на систему, то есть фактами принижают идею.

- Карлсизм - не догма… - хрипло крикнул Дубяга. - Не забывай Ильичева. Мы обязаны проверять нашу работу и выпрямлять линию. Все события, которые произошли на стройке, бьют прежде всего тебя. А почему? Потому, что ты смотришь на факты с высоты своего величия.

- Перестань, Дубяга, смешно. Зачем ты это говоришь?».

Этих самых «мужичков», к которым «нас обуяла жалость», которых свирепая виссарионовская клика либо уничтожила, либо согнал с земли, политой потом бесчисленных поколений «мужичков» пришибленных, обездоленных, влачащих жалкое существование, Шероховатов пытается изобразить, как «хозяев» строительства. Мирон Ватагин говорит:

«- Кто создает методы работы? Пойми: это я, ты, все… Вот тебе факт. Несколько сезонников под воздействием рабочих остались на месте да еще показали себя, как настоящие ударники. Они уже ставят вопрос об ответственности. Они не хотят быть пешками - вот что главное(!). - Буквально так!

Осокин протянул палец навстречу Мирону.

- Вот! Именно так Мироша! Люди не хотят быть пешками. Правильно! Не хотят!».

Как и все вохровские писаки, Шероховатов безбожно врет: в его романе зеки, пригнанные кахи (вербованные) и согнанные с земли «раскулаченные»-грабари не хотят быть пешками!

Шероховатов не мог не знать, что все эти начальники строек, секретари губкомов, обкомов и прочие уничтожены виссарионовской полицией как «враги народа», после того как они в свою очередь уничтожили множество «врагов народа». Тем не менее они изображаются, как высоконравственные люди, за исключением нескольких пьяниц, которые стреляются:

«… И странно, он не чувствовал боли и не ощущал реального мира, а радость жизни пережил только в тишине - в тылу, в лазарете, когда каждый день видел в голубых окнах деревья, обрызганные солнцем, и белых голубей, которые кувыркались в лазури. Он просил, чтобы его выносили в садик при лазарете. Он лежал на койке, следил за крылатой игрой голубей и смеялся от счастья.

Воевал он и в последующие годы, но уже на хозяйственном фронте. Был долгое время секретарем губкома в промышленном районе и вел напряженную борьбу за восстановление фабрик, заводов, шахт. И уже тогда добился постройки районной электростанции на местном угле и в большинстве крупных предприятий паросиловое хозяйство перевел на энергетическое. Парторганизация была одна из сильных и крепких, и рабочие массы любили его. Он горел работой, жил ею и не думал о своей болезни, как-то не чувствовал ее. Иногда он неожиданно вспоминал голубей в небе и беспричинно смеялся к удивлению товарищей. А товарищи видели, что он тает на их глазах. Они настаивали, чтобы он отдохнул и полечился, а он отмахивался с негодованием.

Потом он все-таки слег. Провалялся долго и, когда возвратился из больницы, был уже болен непоправимо, но духом был так же бодр и жизнерадостен.

Он не только контролировал, не только выправлял политическую линию организаций и отдельных лиц, не только занимался педагогикой, не только исправлял извращения в работе и поведении партийцев, - нет, он жил борьбой - вносил новое в методы труда и партруководства. Он не разбирал дел у себя в кабинете, а выезжал на места, изучал их в той обстановке, где они возникали и развивались. Обвинял и карал людей, совершивших сознательно преступление против партии и рабочего класса, с таким же удовлетворением, как и оправдывал невиновных. И после этого он уже не забывал никого: пристально следил за их ростом. Если партиец вел себя противно партэтике или выполнял работу по шаблону, формально, значит, организация была слаба, значит, в системе были изъяны. Хорошая система отрицает дурные, антипартийные поступки: такие поступки немыслимы при живом и здоровом творчестве. Значит, организацию надо проверить и насытить здоровыми людьми. Он говорил:

- У вас нет главного, без чего не может жить ни одна организация, ни одно дело, - борьбы, - борьбы за достижение больших и малых целей. В этом - всё. А некоторые существуют, как им вздумается: делают гадости, пьют, развратничают, срывают цветы обывательских удовольствий. В наших великих боях за социализм нет личных, независимых от вохровского дела, интересов. Вы знаете, что личность в наших условиях тем выше, тем значительнее и ценнее, чем крепче, чем органичнее она связана с коллективом. Ценность и величина личности в нашей стране измеряется напряжением ее творческих сил, то есть качествами борца.

Байкалов часто приезжал на стройку и всегда оставался у Мирона до утра. Ходил ли он по участкам, наблюдал ли за работами, сидя на скале, или на перемычке, или на электростанции, или на шлюзе; ездил ли с Мироном на комбинаты или же по ночам разговаривал со старым другом в его комнате. - Байкалов жил не тем, что он пережил за день, за декаду, не теперешними делами, которые воплощались вот в этих пережитых днях и часах, а всей неохватной лавиной созиданий страны, всем мощным движением жизни. И поэтому слова его казались отвлеченными, дышали поэтическим жаром и были больше и напряженнее обычных слов, рождаемых делами будней. Мирон особенно любил Байкалова за эти мечты. Он сам с охотой говорил с ним о будущем, о великих размахах работ, но у него все это воплощалось в конкретных выкладках - в оптимальных планах, в контрольных цифрах, в заданиях, не выходящих из рамок реальных дней, которыми он жил и которые непосредственно строил.

Вот и сейчас, когда Байкалов сидел одиноко и смотрел на бетонировку опорной стены аванкамеры, - стены, похожей на морской мол, - он, по обыкновению, думал о том урагане борьбы, которая охватила шестую часть мира и которая потрясает все страны земного шара.

Он не думал о своем близком конце, - о том пределе, к которому он несся с головокружительной быстротой. Он следил за сложной работой машин, за неустанной хлопотней серых людей в прозодежде, за грохочущими поездами бетона и щебня, за далекими ослепительными взрывами, и ему самому хотелось броситься в работу, с наслаждением отдать последние остатки мускульных сил.

Да. Скоро его не будет, и мир для него исчезнет. Но все-таки он - бессмертен. Он живет в этих массах, в этих человеческих усилиях: они развиваются беспредельно, видоизменяясь и воплощаясь в новые формы. И он так же, как сейчас, будет смотреть глазами новых жизней, новых человеческих воль. Угаснут его глаза, но они мгновенно же вспыхнут глазами нового рождения. Смерть ужасна в пустоте, в бессмысленном существовании. Навязчивая идея смерти доводит до сумасшествия, до самоубийства тех, кто, по существу, уже раздавлен. Для них реальная жизнь - уже бессмыслица, для них нет уже ни надежд, ни зовущих целей, они уже не связаны с жизнью, и никаких связей им уже не найти. Они только способны терять сознание от кромешных видений и кошмаров. Такова судьба невольников уходящих эпох. Боится он только одного, что не хватит сил выдержать эту бурю человеческой весны.

Как и все люди, у которых дни и ночи загружены многочисленными сложными делами и которые в этих делах теряют ощущение времени, Мирон жил только своей работой, в постоянном общении с людьми - с утра до ночи был в хлопотах и волнениях. Через него проходила вся многообразная хозяйственная и политическая жизнь строительства: ни один, даже маленький, вопрос не ускользал от его внимания. Заминка в производстве работ, потому что до сих пор не получены чертежи, - надо немедленно посылать в центр верного человека. Авария в котловане, - надо выяснить виновника этого

события. Состав бетона на бычках недоброкачественный, - надо установить, взрывать ли испорченные пласты, или можно исправить.

Но не только это занимало Мирона. Горел он одним: как бы создать твердую систему труда, как бы бригадную ударность и соревнование превратить в инстинкт, в естественный массовый порыв, чтобы он был потребностью, творческим хотением, чтобы без этого немыслимо было иное существование. Он собирал актив, выступал перед молодежью, подхлестывал газеты и стеннухи и, когда приходил домой, долго не спал от переутомления и недорешенных вопросов. Каждую ночь шел на плотину и работал в своем штабе вместе с Гудимом и Васяем; если работы проходили бесперебойно, просматривал сводки, диаграммы, графики, устраивал летучки для обсуждения текущих вопросов; если же были затруднения в темпах, оставался до утра: звонил в телефон, вызывал секретарей ячеек, бригадиров, десятников, давал строжайшие директивы, спрашивал и требовал объяснений спокойно, почти добродушно, но все чувствовали, что в этом его добродушии и спокойствии - угроза и непреклонность, как в минуты боя.

В среднем котловане работало несколько насосов, и вода убывала каждые сутки метра на полтора. Пройдет еще три-четыре дня, и котлован опять будет готов для работ. Бригада Кольчи в полном составе проверяла работу насосов ежедневно, исправляла порчи, чистила механизмы. Ребят встречала обычно Феня: она, как врач, внимательно вслушивалась, всматривалась, щупала машины, наблюдала за мутными водопадами, которые густо выбрасывались из членистых толстенных труб, и отмеряла каждый час убыль воды. И она думала: время уходит, и каждый день - неисчислимые потери в календаре работ. Котлован нужно приготовить к кладке бетона максимально через двадцать дней - нужно вынуть до сорока тысяч кубометров скалы. Если подсчитать, что на каждого рабочего ляжет пятнадцать кубометров за смену, то нужно более двух с половиной тысяч человек. И это при непрерывной трехсменной работе! И это на крепчайшем кристаллическом монолите!.. И ее уверенность колебалась: ей было страшно от мысли, что время уходит, а вода убывает так медленно, что наличными силами квалифицированных рабочих, которые могут работать в две смены только по ночам, не справиться с этой громадой. Она собирала производственные совещания и добивалась того, что и подпальщики, и бурильщики, и сезонники загорались, - подписывали между собою договоры о соревновании и выдвигали встречные планы.

На заседании парткома было решено послать в деревню двадцать человек. В числе этих двадцати были Феня и Кольча.

Мирон пришел домой часов в двенадцать ночи и встретился с Байкаловым у самой калитки.

- Ты что же это, Байкалыч, бродишь здесь? Взял бы да чайник вскипятил: попили бы чайку.

- Я только что пришел с электростанции. Еще горяч от впечатлений. Опасно вносить огонь в твой тесный угол.

Мирон усмехнулся: Байкалов шутит конфузливо, точно оправдывается. Как он наивно и неумело хитрит! Он стоял здесь или ходил перед палисадником долго, нетерпеливо ожидая Мирона.

Пока чайник нагревался на примусе, а Мирон готовил посуду, Байкалов бродил по комнате и рассказывал о делах, которые прошли через его руки.

- Мы слишком мягки и снисходительны к зарвавшимся партийцам, которым поручены целые районы. Но иногда бьем до оглушения за ничтожные поступки. Обычно у нас говорят с угрозой: «Подожди, партконтроль тебе нажарит по первое число». Неверно это. Надо так поставить всю систему контроля, чтобы каждый партиец, каждый работник в минуты бед неудержимо, с радостью бы думал о контрольной комиссии как о лучшем своем друге, которому хочется выложить всю свою душу. Вохровские чувства развиты мало - вот в чем беда. А партконтроль как раз и призван укреплять и воспитывать эти чувства.

- Ты что-то возбужден, Байкалыч. Опять какая-нибудь скандальщина?

- Не то что скандальщина, а в последнее время немножко рассупонился. Ряд дел просто встревожил меня. Придется ехать на места.

- Зачем тебе ехать на места? К чему это? Ты же совсем больной, поездки уложат тебя в лоск. Для чего же у тебя инспектора?

- Ну, вот тебе! Как же можно? Вызывать людей - это значит тормозить работу на местах, оголять фронт. Нельзя. Поездки очень меня взбодряют. Да хотя бы и в лоск. С поста я не уйду. Уходить от дела, чтобы только готовиться к смерти, это, брат, самая отвратительная и идиотская вещь. Это по-старинке называлось: схиму принимать. Тогда это соответствовало бытию – средневековая созерцательность, буддизм. Наше время великого подъема отрицает смерть. Не смерть, а смена сил. Нам надо научиться умирать с гордостью.

- Ну, я, Байкалыч, совсем не думаю об этом. Для меня этой проблемы не существует.

- Дело, Мирон, не в физической смерти, а в самой сути нашей жизни. Какова жизнь - таков и ее конец. Для нас обычное понятие смерти потеряло весь свой прежний смысл. В своей работе я очень часто встречаюсь со смертью людей, которые физически неуязвимы.

- Мутит тебя эта проблема, Байкалыч. Наплюй ты на нее…

- Нет, зачем же? Я думаю только, как иногда люди глупо заканчивают себя. Вот, например, одна история. Ответработник руководит предприятием. Дело как будто ведет неплохо. Но пьянствует, устраивает оргии. Каждые три месяца - новая баба. Вовлек в эти оргии других партийцев. Фокстроты под граммофон. Ну, и конечно, всякая грязь. Сначала разложение идет под покровом глухих ночей, а потом вырывается на улицу. И, когда утренняя смена идет на работу, из открытых окон - пьяные крики, визги, фокстрот. Начинается канитель среди молодежи. Беременеют вохросомолки. Одна из них вешается. Это и дает сигнал к возбуждению дела. На предприятии - аварии и прорывы. Вредители блаженствуют. Еду на место - вожусь полмесяца, арестуем кое-кого. Снимаю директора и руководство. Ну, исключаем из партии. Так вот. Как оценить этих людей? Это - несомненная смерть заживо. Тут одной карательной дезинфекцией не возьмешь. Тут нужна прививка и длительная профилактика.

Байкалов улыбнулся, но в глазах были и гнев, и боль.

- Понимаешь, Ватагин… Ну, спросил я этого директора: «Скажи-ка, мол, милый человек, как будешь жить дальше?» «А я, говорит, недостоин жить дальше». «Брось, мол: надо создавать жизнь заново. Всякая здоровая борьба ведет к победе в конечном счете».

- Какова же судьба этого директора?

Мирон налил два стакана и пошлепал ладонью по сиденью стула. Байкалов поглядел в ночную тьму раскрытого окна и медленно сел.

- Застрелился.

- Туда и дорога.

- Как тебе сказать… Парень он был когда-то неплохой. Боевой парень. Но попал на удочку. В этой истории я и себя считаю немного виноватым.

- Это еще что?

- Ну да. Допустил, не заметил вовремя. А можно было спасти, выправить, человека.

- Ерунда, Байкалыч. Я убежден, что этот твой директор пил и мерзил еще тогда, когда он был боевым парнем. Для них всё нипочем. А политически они - круглые невежды. И тогда еще фронтовая романтика проявлялась в них уродливо, а сейчас они - психи.

Он пошлепал Байкалова по плечу и засмеялся:

- Всегда у нас с тобою похоронные разговоры…

Байкалов быстро обернулся к нему и посмотрел с удивлением. Он протянул руку к стакану, но опять отдернул ее.

- Видишь ли, друг… ты неправ. Я совсем не склонен вести похоронные разговоры. Я только решаю проблемы жизни. Я утверждаю с величайшим убеждением, что смерти, в ее старом, отжившем значе-

нии, для нас не может быть. Вот и всё. Смерть в обычном понимании - это ослабление воли и безнадежность в оценке собственных сил. Это - не наше. Депрессия. Знал я одного парня. Хороший, честный вохр. Работал он в губернской контрольной комиссии. Приходилось ему часто возиться с делами позорными и грязными. Один раз приходит и прямо с места в карьер тычет мне пальцем в грудь: «Как это, Байкалыч? Парторганизатор, ответственность большая, а целый гарем из молоденьких вохросомолок? А? Пойми, Байкалыч… у меня - десятки дел… Куда же мы идем, Байкалыч?» Много мы с ним беседовали. Как что - так и ко мне. А потом замолк, замкнулся, рассвирепел. Исключает направо и налево, отдает под суд, и уже по каждому пустяку - общественные и показательные процессы. Только и знает, что дергает, бьет и туркает. Пошли неполадки, коллективы трещат, люди - в смятении. Расстались мы с ним года два назад. А в прошлом году узнаю…

- Тоже застрелился?

- Нет. В нервной изоляции.

- Этого жаль, Байкалыч.

- Так вот я и говорю тебе, Ватагин. Я - против похоронного понятия смерти. Ты второго парня жалеешь…».

Поистине омерзительное зрелище! Свой талант писателя Шероховатов использует не только для прикрытия чудовищных вохровских зверств, но вохровскую, партийную, полицейскую и хозяйственную элиту, за исключением некоторых «свихнувшихся» изображает, как идеальнейших, высокоморальных людей. Более того, все эти невежественные или полуневежественные в технике и экономике люди, так же, как и сам Шероховатов, уже в первые пятилетки глубоко изучили технику и экономику и поражают весь мир своими достижениями … в области производства брака и уничтожения человеческого труда.

Но Шероховатов должен выполнить еще один заказ вохровской, тайной полиции. Он должен художественно обосновать, так же, как это делали подкупленные околовохровские попутчики Жнейярс и Качан в своей мерзейшей книжке «Тайная война…», полицейскую версию о всеобщем вредительстве. И Шероховатов старается во всю. Вредителей обличает не тайная вохровская полиция, а сами трудящиеся, Татьяна, бывшая беспризорная, ныне ученая, «честный», старый инженер Кряжич и другие рабочие. Емельянов с бойцами только завершают дело и арестовывают Бубликова и Хабло:

«Бубликов опять ощупал Кряжича наркотическими глазами и усмехнулся, как человек, который видит перед собою тонкого хитреца.

- Не наивничайте, сударь.

- Слушайте, Бубликов. Я же не преступник, не заговорщик, чтобы постоянно ожидать изоляции или возмездия…

Бубликов медленно и раздумчиво закурил папиросу и долго смотрел на огонек спички. Он поискал пепельницу на столе, не нашел и бросил уголек в угол.

- Возвратите мне, пожалуйста, ту бумажку, которую я передал вам на заседании технического совета.

- Какую бумажку?

- Ну, помните же… Вы спрятали ее в карман, в правый. Это - относительно бетона…

- Ах, да!..

Кряжич торопливо заелозил обеими руками по всем карманам. Бубликов терпеливо, из-под бровей изучал Кряжича и очень уютно сидел в кресле, раскинув локти на локотниках.

- Ну, так что же, Кряжич? Вы воспользовались моим советом относительно форсирования кладки до предельного рекорда? Гнать и гнать… Завод должен работать сверх нормы. Не забудьте, что этого требует новая встречная цифра, которая предъявлена нам организациями. Мы должны идти им навстречу.

- Да вы что - смеетесь, что ли?

- Нисколько. Шлиппе и Стрижевский - решительно против встречного плана. Это их дело. Я лично иду рука об руку с организациями и с Балеевым. Вам все равно не отбояриться: вы должны подчиниться и ни в коем случае не противодействовать. Иначе вы будете биты и вас объявят вредителем.

- Какая ерунда, Бубликов! Иностранная консультация уже наложила вето на это решение.

- Наивный вы человек, Кряжич. Неужели вы думаете, что вопросы политики и хозяйственного плана решает иностранная консультация? Этой консультации дадут по шапке, если она будет вмешиваться в наши внутренние дела. Ее роль скромная - экспертиза. Если будут соблюдены все ее указания и всякие условия в процессах стройки, ей наплевать и на сроки, и на нас с вами. Ну-с, так нашли мою бумажку?

- Нет. Не могу придумать, куда она делась. Вы не беспокойтесь - я найду ее: вероятно, она где-нибудь в бумагах.

- Ну, нельзя же быть таким растяпой, Кряжич…

Бубликов встревожился и обозлился. Вглядываясь в Бубликова, Кряжич понял, что утраченная бумажка несла в себе опасность. В тот миг, когда Бубликов подсунул ему этот листок из блокнота, Кряжич испугался нелепости формулы. И потому, что он увидел в ней нелепость, он быстро забыл о ней, но образ Бубликова все время тревожил его и пугал своей назойливостью.

- Позвольте, Бубликов. Я рассматривал вашу бумажку, как шутку, как нонсенс… ну, как издевку над глупостью и невежеством людей, выбрасывающих дикие лозунги. Неужели вы придаете ей серьезное значение?

- Очень серьезное, Кряжич. В моей формуле нет ничего нелепого. Разве вы не меняли состава бетона месяца два назад?

- Я? Никогда в жизни. Откуда вы взяли?

- Не притворяйтесь, пожалуйста. Чем же объяснить порчу бычков?

- Я не могу этого понять. У меня вышло тяжелое столкновение с немцами. Тут, очевидно, все дело в недоброкачественных замесах и плохой кладке сезонников.

- Не только в этом. И состав бетона может меняться, и марка цемента…

- Нет, послушайте, Бубликов: вы определенно шутите…

- Я, кормилец, знаю только одно: мы – обезличены… мы сами под кнутом утверждаем собственное угнетение. Я присмотрелся к вам и знаю вас. Я пришел к вам на помощь.

- Ну, знаете… я вас окончательно отказываюсь понимать, Бубликов… Я просто не разберу, что вам, собственно, от меня угодно.

Бубликов степенно вынул из бокового кармана толстый конверт и положил его на письменный стол.

- Вот. Здесь - две тысячи. Расписки не беру.

Кряжич ошалело следил за руками и лицом Бубликова, а Бубликов привораживал его к месту наркотическим взглядом - взглядом удава. С обожженным лицом Кряжич подскочил к столу и в ужасе посмотрел на конверт.

- Это… это что такое, Бубликов?

- Вы же не слепы, кормилец? Деньги. То, что вам следует получить за ваши труды. То есть это - лишь часть гонорара. На днях я вручу вам остальные две тысячи плюс аванс на проведение дальнейшего плана.

Кряжич оглох, сердце у него замерло и оборвалось дыхание. Ему даже почудилось, что Бубликов размахнулся и ударил его по лицу. Бледный, дрожащий Кряжич схватил со стола пакет и швырнул его на пол. Всматриваясь в Бубликова, он глухо, с занозой в горле, сказал:

- Как же вы… как же вы смеете являться ко мне с этой грязью?..

Бубликов курил, невозмутимо усмехаясь.

- Кряжич, вы это… бросьте истерику. Вы же - не барышня. - И вдруг выпрямился, пронизывая его взглядом. - Имейте в виду: мы вас ценим и возлагаем на вас большие надежды.

Лицо Кряжича обливалось потом.

- Кто это - вы?.. И какие это исключительные надежды?

- Я требую, Кряжич, чтобы вы не орали…

Кряжич ударил кулаком по столу:

- Нет-с, я буду орать!.. Вы думали, что я подлец? Продажная тварь? Иуда?..

У Бубликова вздрагивали руки и быстро трепетали морщинки около глаз. Но держал он себя по-прежнему пренебрежительно и самоуверенно. Из-под усов поблескивали крупные зубы.

- Вы еще не отошли, Кряжич? Может быть, вам дать водицы? Эх, вы!.. А еще состоите членом… этакого своеобразного ИТРа. Вы должны чувствовать себя сильным, как сильна эта организация… всесоюзный масштаб…

- Ах, вот оно что!.. Вы всех так вербуете, как меня? Сребренниками и угрозой?..

Опираясь на стол, борясь с собою, он сказал с отвращением:

- Мне остается одно: пойти к Балееву и сообщить ему всё…

- Что это - все? Ребенок вы этакий! очухайтесь!

- Я сообщу ему о вашем мерзейшем предложении… о деньгах… Я должен защищаться…

Бубликов выпрыгнул из кресла, подошел к Кряжичу и посмотрел на него с ненавистью.

- Советую вам, дорогой коллега, держать себя достойно и соответственно своему званию.

Кряжич отстранил его ладонью и отошел в сторону.

- Уходите сейчас же, Бубликов… пожалуйста, уходите… иначе.. иначе я…

Бубликов сделал вид, что внимательно прислушивается и ждет того слова, которое Кряжич должен, наконец, произнести.

- Что - иначе?.. Ничего не может быть иначе… Бредите вы, Кряжич… Откуда у вас такая истерика, не понимаю?.. Неужели вы думаете, что мы так простоволосы? Вы погибнете первым, а нас не уловит никакая сила. Почему вы уверены, что Балеев не член нашей партии? Кормилец, не я, а вы предложили мне вступить в некую преступную организацию. Не я, а вы. У нас ведь много средств и приемов борьбы, вплоть до уничтожения отдельных, мало надежных индивидов.

Кряжич чувствовал, что он слабеет, что может сейчас упасть или в исступлении броситься на этого страшного человека.

- Вы мерзавец и гнус!..

Бубликов безразлично смотрел мимо него.

- Ну, и что же?

- Нет, вы бандит… Я должен защищаться…

Он бросился к столу и стал лихорадочно искать что-то, сбрасывая бумаги на пол.

- Я должен защищаться… во что бы то ни стало… черт возьми!..

Бубликов спокойно подошел к Кряжичу и положил ему руку на плечо.

- Ну, так вот-с, Кряжич. Я ухожу. Завтра вы мне дадите ответ. Отдохните. Идите, ложитесь, а то вас схватит родимчик. Только… бумажку, бумажку!..

И брезгливо ухмыльнулся.

- Какой же вы мягкотелый и безвольный человек! А еще инженер - дельный и знающий.

Кряжич подскочил к двери и широко распахнул ее.

- Путь свободен. Прошу-с!.. Убирайтесь ко всем чертям!

Как раз в этот момент появилась Рита, испуганная и заплаканная.

- Николай! что тут такое происходит, ради бога… как это ужасно!..».

По Шероховатову, «вредители» организуют пожары, аварии, портят бычки для опор, но … «трудящиеся» бдительны…

В противоположность архисвободным вохровским трудящимся, которые «не хотят быть пешками», в стране загнивающего капитализма, в Колумбовии, рабочие безгласны, что отмечает довохровский инженер Кряжич, который с «жадной тоской» рвется в свое свободное тмутараканское отечество:

«Два года назад он был командирован в Колумбовию и долго изучал там опыт стройки гидростанций. Понравилась там организация труда, но рабочие массы были безгласны в производственных процессах. Он это отметил, хотя и в скользь и, к досаде своей, совершенно невольно сказал в беседе с инженерами: - Мы хотели бы перенести вашу систему работ в наши вохровские условия. Но живая механическая сила ваших рабочих - не для нас… - Вы хотите сказать, мистер Кряжич?.. - Я отмечаю факт, что наши рабочие в производстве прежде всего - сами хозяева и организаторы…

Уехал он с уверенностью, что на него посмотрели эти деловые и примитивные (именно примитивные) люди, как на агента вохров. … После полугодового пребывания в Колумбовии он с жадной тоской рвался домой».

По заданию своих хозяев Шероховатов с великим упорством протаскивает затасканную вохровскую пропаганду о том, что хозяином являются не члены могущественной партийной элиты, а запуганные и терроризированные рабы и полурабы: зеки, кахи, вохросомольцы и прочие.

В черное безвременье кровавого виссарионовского террора Шероховатов наделяет всех – и беспризорников-воришек и голодных подростков, и начальника строительства, и старых спецов-инженеров - беспримерным энтузиазмом. Насаждаемые сверху бутафорские субботники и воскресники превращаются во «всеобщий трудовой праздник». Бывшая беспризорная-«ученая» Татьяна в мгновение «перековывает» беспризорных воришек. Начстроя Балеев «соревнуется» на субботнике со старым спецом Кряжичем. И Кряжич, и старый прораб Вихляев «побеждают» Балеева. Все это Шероховатов весьма художественно отображает: «Татьяна странным для уха Фени грубо-развязным голосом спросила:

- Ну, так изымали сегодня? - Постреляли мало-мало.

- Ужин будет через час. Держи на весу. Говори кличку. Сыч? - Она вынула из кармана три рубля. – Общежитие на левом берегу. Там дадут мыло и ты поведешь их под горячий душ - там же, рядом с общежитием. Я тоже там буду. Как-нибудь раздобудем одежду. Завтра опять сюда: выдадут жетоны на пропуск. Дам работу.

И сразу же перешла на дружеский тон:

- Когда в изоляторе был последний раз?

Сыч сморщил лоб.

- В Ростове стриганул из отделения, а раньше в Новороссийске отдыхал на виноградниках… в колонии…

- Сбежал?

- Режим - амба.

Посмеялись.

Феня торопливо пошла к трапу. Милая Татьяна, как она умеет перевоплощаться в разные роли, не теряя себя!..

В просторных колодцах работали бригады бетонщиков. Бадьи спускались и поднимались плавно, беззвучно. В одном из блоков Феня услышала девичьи голоса. Она увидела, как одна из девушек в прозодежде (штаны и рубаха - одно целое) прыгнула на бадью и закружилась вместе с нею, маленькая, беспомощная, по-кошачьи цепкая. Феня узнала в ней Катюшу Бычкову. Из-под красной повязки выбивались белокурые волосы, и мелькал задорный носишко.

- Феня, Феничка!.. Скажи там на кране… безбожно они тормозят. Это - безобразие: мы все время были впереди, а теперь отстали.

Феня смотрела на этих девчонок в резиновых сапогах, торопливо танцующих на бетоне, и вспоминала, как они упрямо завоевывали себе место на стройке.

…Когда Катюша пришла с своим отрядом на плотину и потребовала, чтобы их поставили на бетон, десятник захохотал (это было при Шагаеве) и хотел отшить их:

- Ну, куда вам, таким тонконогим - на бетон! Куклята вы смешные! Коротышки! Идите, идите домой. Некогда мне с вами тютюшкаться.

Шагаев, растроганный, не отрывал от них глаз.

- Ну, дай ты им какую-нибудь полегче работу - ну, там мойку блоков, что ли. Они все равно тебя не оставят в покое.

А Катюша убеждала боевым голоском:

- Хорошо, десятник: ежели ты не можешь дать нам блок, ставь нас на эту самую мойку. И это - работа не хуже других. А с нее мы можем перепрыгнуть и на бетон.

- Вы вот лучше щепки и обрезки приберите на станции. Это поближе к вашему стажу. Согласны?

- А почему не согласны? Конечно, идем. Правда, девчата? Идем? Кажи-ка нам, десятник, картину работ…

Копошились они у блоков и на станции несколько дней - работали упрямо, без жалоб. Десятник следил за ними издали, а потом подошел к ним и, побежденный, усмешливо почесал себе висок.

- Ну, девчата… как бы это сказать… Выполняете вы продуктивно. Идите готовить блок. Куклята вы смешные!.. Только там придется попариться: в сто раз потруднее, чем пол в комнатах банить. Веник, щетка, брамсбойт. Ни соринки, ни волоска. Ответственное дело.

- Да ты нас, десятник, не обхаживай, пожалуйста…- самолюбиво прикрикнула на него Катюша, а другие девчонки поддержали ее. - Ставь на работу, а мы уж докажем по-настоящему.

- Ну, так… как бы это сказать… Идите на остров. Там - опалубки… Обратитесь к Отдушиной.

- Ой, это Феня?.. Тут мы и без тебя, десятник, обойдемся… Ты нас только нервировал попусту… Мы с Феней Отдушиной быстрее споемся…

Мыли они блоки два дня. Бетонщики были нужны дозарезу. Новые силы прибывали единицами, а самомобилизация пока еще шла больше на скальные работы, на бетоне же работали только по вечерам и ночью. Феня колебалась ставить девочек на бетонировку: боялась, что они не справятся с этой тяжелой работой - ведь даже взрослые рабочие заматывались до одурения. Тут нужны были сноровка, ловкость, навыки и находчивая расстановка сил. Не шутка - распоряжаться бадьей объемом в полтора кубометра, со сложным запором створчатого дна. Но Катюша решительно потребовала от Фени поставить их на опалубку.

Феня водворила их в блок вместе с бригадой комсомольцев, которые работали на бетоне уже около месяца. Девчат встретили ребята с ужимками, с насмешками, с обидой:

- Да что мы с вами, трясогузками, делать будем? Не то за вами присматривать, не то кладкой бетона заниматься. Туда же, курносые, на бетон!

- Ну, нечего задаваться… - огрызались девчата. - Подумаешь, какие герои!.. Поглядим, кто кого перекроет…

Ребята считали для себя унизительным толкаться с девчатами: они держались особняком, орали на десятника и на Феню:

- Что это, в самом деле!.. Смеетесь вы, что ли? На кой чорт стряхнули сюда этих бабят?.. Честное слово, срамно на глаза людям показаться…

В первый день девчата отставали от ребят, никак не могли приспособиться, совсем измотались и мешали парням. Ребята толкали их и страшно таращили глаза. Одна из девочек но выдержала, зарыдала. Катюша подошла к ней и шепнула гневно:

- Ты что же это, Глашка, хочешь опозорить нашу бригаду? Ты понимаешь, что делаешь?

Девочка вздрогнула, быстро вытерла глаза и со смехом бросилась в общую кучу. А ребята уже заметили и кричали злорадно:

- Ого! ага!.. Лужи пустили…

На другой день девчата уже работали крепче.

...Раза два Феня встречала на перемычке Алешку, сынишку Осокина. Он стоял у парапета, смотрел вниз, в блоки или в котлован, и плакал горестно и злобно.

- Ты что это, Алешка? В чем дело? Плачешь-то чего?

Он сбрасывал ее руку и обжигал ненавистью в глазах.

Как-то она встретила его на скалах, около электростанции. В глазах его было такое отчаяние, что Феня остановилась с тревогой. Ей стало до боли жаль этого мальчонку, но еще больше удивилась его упрямству. Она как-то сразу решила пустить Алешку осторожненько в дело: попытка - не пытка.

- Алеша, бери-ка своих ребят и приводи их на плотину. Я встречу тебя. У меня есть работа для вас.

Мальчик ошарашенно посмотрел на нее, встряхнулся, улыбнулся, потушил улыбку, озлился, потом опять улыбнулся и вдруг пустился к поселку вприпрыжку. Потом остановился и крикнул, захлебываясь от радости:

- Я сейчас… Я разом, товарищ Отдушина… Мы сейчас же нагрянем…

… Феня думала: эти ребятишки живут какой-то особой жизнью - жизнью той детской поэзии, которая с годами выливается в талант, в героизм, в подвиги. Из них растут те люди, которые будут творить настоящую жизнь, без угнетения, без ненужных страданий…

Работали все ответработники, члены парткома, весь аппарат рабочкома. Вышел, как простой рабочий, сам Балеев, но совсем лишним казался Стрижевский - в чистом воротничке, в галстуке и блестящих ботинках. Над ним добродушно и грубовато трунил Викентий Михайлович:

- Наддайте, наддайте, Евгений Григорьевич. Ваши ботинки и галстук - прозодежда для представительства. Вспомните: если Адам пахал свое поле, а Ева пряла пряжу, где же тогда была техническая интеллигенция?

- В раю первым инженером был господь бог, строитель неба и земли. Это надо помнить.

- Вы острите слишком скучно и многословно. А ну-ка, Генрих Карлович Шлиппе! Засуньте вашу бороду за воротник: она засоряет мне глаза…

Стрижевский конфузливо улыбался: ему было неловко и унизительно чувствовать себя среди рабочих и технического персонала. А Шлиппе и здесь был простодушно ясный и жизнерадостный.

Балеев со Шлиппе и Стрижевским работали в бригаде Баранникова, Кряжич - в бригаде Шагаева. Здесь же, со стариковской жаждой молодости, упоенно хлопотал Митрохин, и с созерцательным спокойствием трудился Борзяй. Было много дружной и веселой молодежи.

Кряжич приступил к работе, насилуя себя. В этих людях была сила, с которой он не мог бороться, не мог пойти ей наперекор. Впрочем, он уже переступил трудную грань своего прошлого. Шагаев хитренько подмигивал ему, и Кряжич чувствовал, что эта ехидна видит его насквозь и издевается над ним.

- Вы, Николай Николаевич, совсем не горите трудовым энтузиазмом… - ласково хихикал Игнатьич. - А ведь ваша свобода - в ваших руках.

Да, свобода в его руках: он может уйти отсюда во всякое время, но попробуй-ка он это сделать… Его проводят молчаливыми взглядами.

Кряжич ничего не ответил Шагаеву, но в глазах его метнулся злобный огонь.

- Вы теряете достоинство, Николай Николаевич, и становитесь смешным. Вы плохо владеете своей личностью: она не подчиняется вам…

Верно, он страдает не потому, что кто-то украл у него личность, а потому, что эту свою драгоценную личность он сам не умеет утверждать. В сущности, он очень слабоволен и безличен - и к этому безличию привык с ранних лет. Он всегда был пленником, потому что некие силы играли на его гордости, а гордости, собственно, не было: была только поза, корпоративная маска.

Он увидел Борзяя и Митрохина, которые вдвоем возились над камнем. В их усилиях было так много страстного желания своротить камень с места, что Кряжич не мог оторвать от них глаз.

Борзяй зовуще улыбнулся ему из-за камня.

- Идите-ка сюда, голубчик Николай Николаевич. Молодежь жадничает - соревнуются друг с другом и с другими бригадами. А уж мы - по-стариковски, без всякого сногсшибательного героизма…

- Да, да, Николай Николаевич, именно, родной… - умиленно заулыбался Митрохин, вытирая лицо обоими рукавами. - Вы здесь хозяин, богатырь. Идите-ка сюда, идите-ка! Помогайте, батенька…

И Кряжич чувствовал, что Борзяй знает его, любовно следит за ним и скрыться от этого милого человека нельзя - нет средств спрятать от него свои мятежные мысли. Этот тоже ждет от него настоящей гордости и силы.

Он подошел к ним и молча стал переваливать вместе с ними большой обломок скалы.

- Вот, Николай Николаевич… - задыхаясь, говорил Борзяй. - Вот я и Тихон Егорович тоже вкладываем свои силы в ваши египетские сооружения. Приятно. Когда все будет закончено, мы с гордостью полюбуемся вашим созданием и скажем: здесь есть немножко и нас самих - наших сил и воодушевления.

- Превосходно, Петр Иванович… - зарадовался Митрохин. - Именно!.. Такие слова не скажешь без душевного подъема. Чудесные слова!.. Какой вы счастливый человек, Николай Николаевич!..

А Кряжич напрягался изо всех сил и старался облегчить работу старикам. Он орудовал и ломом, и грудью, и всем телом. Помогали и Вихляев и Игнатьич. Камни подгоняли к деррику. Как-то незаметно Кряжич вошел во вкус работы, разгорячился, сердце забилось напористо и упруго, и ему стало физически радостно. Был момент, когда он чувствовал, что работает с удовольствием, что в этот миг он совсем другой, нисколько непохожий на того Кряжича, который брезгливо фыркал час тому назад.

Они соревновались с группой Баранникова, и Кряжичу было смешно и весело смотреть на Стрижевского, похожего на старого щеголеватого барина, который никак не мог привыкнуть к роли каменолома: он был уже обтрепан, истерзан и совсем пал духом. А Балеев был бодр и возбужден.

- Ну, ну, Евгений Григорьевич! Орудуйте поэнергичнее… Полезно, очень полезно растрясти жирок. Имейте в виду: вы здесь - только рабочий. А Баранников - проныра: он учитывает каждое ваше усилие…

Стрижевский молчал, как побитый.

Вихляев, который работал с Кряжичем, даже и сейчас не сбросил своего макинтоша. Он обливался потом и ворочал, как бык. Кряжич первый в перерыве похлопал его по плечу и попросил покурить: он забыл дома свои папиросы.

- Плохие, Николай Николаевич… «Бокс»…

Вихляев застенчиво сунул ему измятую пачку.

- Ничего, ничего, покурим…

Кряжич сбросил и пиджак, и кепку, и стал непривычно простым.

- А ведь дело-то идет, кажется, здорово, Вихляев, а?

- А как же, знаете ли… тут важен подъем… порыв, знаете ли…

Кряжич улыбнулся ему и подумал:

«Да ведь он - добродушнейший парень…».

Глаза Вихляева посвежели.

- Я вот о чем думаю, Николай Николаевич. Можно было бы использовать деррики… параллельно… Будем подтягивать камни тросами. Деррики не все работают.

- А верно, Вихляев. Великолепная идея.

Балеев кричал им торжествующе:

- Ага! ага!.. Закурочки? Поздравляю! Прокурите свою судьбу…

Кряжич опомнился, бросил папиросу и затоптал ее сапогом. А Вихляев поглядел на окурок с сожалением и отшвырнул его в сторону.

Сначала никто не заметил возни Вихляева у деррика, но когда он вместе с сезонником подтянул канат к камням, а другая группа тоже хлопотала поодаль с таким же тросом, в бригаде Баранникова началась тревога. Первый камень медленно пополз между другими камнями, подпрыгивая по скалистому дну. Неподалеку от него поползла другая черепаха. Митрохин смеялся измученным, но радостным лицом и в восторге тряс дряблой рукой. Молодежь заорала вразброд и победоносно смотрела в сторону балеевцев. Кряжич впервые переживал настоящее веселье. Он сорвал кепку и помахал ею Балееву.

- Викентий Михайлович, вы же безбожно отстали! Стыдитесь! Придется капитулировать. Поле сражения - за нами.

Балеев выпрямился и засунул руки в карманы:

- Я же говорил, чорт подери… я же говорил, что Кряжич скрывает свою подлинную суть. Я же утверждал, что он нас подденет и спровоцирует. Так оно и вышло.

Он сам побежал к деррику, подхватил на бегу Баранникова, и они запрыгали по неровностям котлована и наперебой кричали что-то такелажнику.

Шагаев игриво подмигнул Кряжичу, пожал его локоть и с дружеской интимностью сказал:

- Будем жить, Николай Николаевич, без надрыва - просто и искренно.

И Кряжич с удовольствием заметил, что он уже не злится на Шагаева, и Шагаев показался ему веселым и проникновенным человеком.

«Что такое произошло со мной? - удивился он, озираясь. - Я уже как-то иначе воспринимаю и мир и людей. Кажется, я по-настоящему вхожу во вкус даже этой грубой работы…».

Трудно определить первого вохровского «писателя» или «журналиста», который изобрел типовое художественное описание бутафорских собраний, «производственных совещаний» и прочих сборищ, организуемых партийной, вохровской схемой. Однако можно не сомневаться, что Шероховатов был одним из первых. Он мастерски, по-темкински описывает огромное совещание, охваченное предписанным сверху пафосом строительства.

Конечно, душой этого, пылающего энтузиазмом совещания, является секретарь парткомитета, Мирон Ватагин. Все мысли и все душевные движения каждого отдельного человека на этом огромном собрании известны этому глубокому партийному психологу, инженеру человеческих душ.

Он, как талантливый дирижер, направляет в нужное русло и энтузиазм масс и сомнения «скептиков», старых спецов - «идеологов умеренности и аккуратности». Массы работяг и инженеров от сохи до плуга самоотверженно борются за осуществление шестисот тысяч кубометров бетона. Осторожничающие старые спецы «вставляют палки в колеса».

Еще в двенадцатом разделе третьей главы «Введения…» показано, что даже через три десятка лет после описываемых Шероховатовым событий, доля ручного труда непомерно велика.

А дилетант Шероховатов в 15-20 г. в.в.э. за три года с помощью незначительного количества оборудования, «механизировал труд до высоких пределов». Старые спецы этого не поняли, а Шероховатов и трудяги это поняли:

«… Вот чем определялись те нормы и те темпы, которые господствовали в продолжение трех лет. И вот откуда вышли те идеологи умеренности и аккуратности, теоретики малых масштабов и узких мирных технических возможностей, которые теперь кажутся смешными и нелепыми метафизиками. За это время стройка пережила большую революцию в технике: труд механизировался до высоких пределов, и этот труд стал новым и по содержанию и по форме: он количественно и качественно стал иным. Грабари вытеснены экскаваторами, каменоломы – сандерсонами и кранами, площадки - думпкарами… И теперь на базе этой высокой техники создаются новые кадры рабочих и инженеров, которые уже задыхаются в узких клетках старых норм.

После «бурных» прений, наконец, выступает начальник строительства, Балеев. Он против громких слов и «размашистых чувств». Ведь, кроме шестисот тысяч кубометров, необходимо еще вынуть сотни тысяч тонн скалы… Но, охваченный энтузиазмом «рабочий класс» «дарит» Балееву эти сотни тысяч кубометров скалы. «Оглушенный и встревоженный» Балеев «принимает» этот подарок и «соглашается» на шестьсот тысяч кубометров бетона. Энтузиазм масс опрокинул все препоны. Зал гремел овацией и криками… Все бросились со своих мест в проходы и хлынули вперед. Мирон непрерывно звенел колокольчиком. Даже честный, старый спец Кряжич было подумал, что «математическая формула в руках вредителя может стать разрушительной силой. Но после ареста Бубликова и его соучастников эти законы и формулы были реабилитированы и вновь заняли свои места…».

Так смыкается Шероховатов с тайной вохровской полицией и наводит тень на плетень.

Весь этот бурный энтузиазм клокочет на фоне яркой, братской любви «ученой» Татьяны, бывшей беспризорницы - Тибры и вохросомольца, бывшего уркагана - Вакира…

Начинается бурное соревнование. Молодая вохросомолка Катя не может спать. В бессонные ночи Катя изобретает «муху». Ученик пятого класса Алешка конспиративно в чертеже заменяет «ромб» «опрокинутым треугольником». После страшнейших треволнений и трагической гибели «соревнующегося» с Катей «победителя» – Максюка система тросов для бадьи в пару недель переделывается: осуществляется «муха» Кати, которая окончила семилетку, и ученика пятого класса Алешки. Колумбовцы посрамлены. Шероховатов торжествует: «Пускай сейчас явятся колумбовцы – пускай полюбуются и вытянут свои каучуковые физии. Они хвалились, что их рекорды недостижимы, что только им принадлежит мировое первенство. Что же они сейчас скажут, когда удостоверятся, что бригада Катюши и ее кран перекрыли рекорды колумбовцев в два раза?..».

И она размечталась: вот об ее успехах узнает сам товарищ Виссарионов и товарищ Сергодзе. Оба они улыбнутся и скажут: «Замечательная девушка. Надо ее поддержать». Ее «муха» полетит на все стройки, и всюду рабочие будет говорить: «Это изобрела Катюша Бычкова. Пошлем ей благодарность…».

И – о чудо! – о «гениальном изобретении» вохросомолки Кати и ученика пятого класса, Алешки, о новой системе тросов, о «мухе», с помощью которой рекорды хвастунов-колумбовцев перекрыты вдвое, и в самом деле узнает блистательный нарком Сергодзе. И, разумеется, вездесущий, легендар-

ный нарком узнает об этом раньше начальника строительства Балеева и даже ранее весьма вездесущего секретаря парткома Мирона Ватагина.

Вообще, все персонажи, в соответствии с генеральной линией вохровской партии, либо белые, либо черные, без промежуточных серых или цветных тонов. Изредка на белом фоне попадаются малозаметные пятнышки. Черные тона более однообразны. И старые спецы-вредители, и контрреволюционеры лейбисты-радомысловцы, и их подручные, и простые бандиты одинаково черны. Разве только лейбисты чуть почернее и колеблющиеся, вроде прораба Корытина, которого «заедает совесть», чуть посерее. Но бесчисленное количество белых персонажей сильно разнятся блеском своей белой поверхности в зависимости от их места на вохровской иерархической лестнице. Белый блистательный Сергодзе сверкает намного ярче белых Балеева и Ватагина и вдали сверкает нестерпимым, белым, ярким блеском сам великий семинарист. Шероховатов ослеплен этим блеском:

«В разных местах сидели несколько человек и тихо разговаривали между собою. Очевидно, все это были руководители строек и заводов. Они с любопытством последили глазами за Балеевым и Мироном и опять стали шептаться. Вдруг из двери кабинета выскочил с красным лицом полнотелый человек в сером пиджаке. Он выразительно похлопал себя по небритым щекам и показал рукою к выходу.

Один из посетителей, сухощавый, длинный человек, с неврастеническим лицом, испуганно потер пальцем щеку и вышел из приемной.

Секретарь скрылся за дверью кабинета и сейчас же вышел обратно, виновато улыбаясь. Он пригласил Мирона и Балеева кивком головы и проводил их пытливым взглядом.

Балеев был холодно замкнут. Мирон же не удержался и перемигнулся с секретарем.

Впереди, очень далеко, как показалось Мирону, за большим письменным столом стоял Серго в оливковом френче, немного бледный, с знакомым орлиным лицом. Его глаза, пристальные и проникновенные, сразу приковывали к себе, и каждый чувствовал, что от этих глаз, душевных, испытующих, нельзя утаить своих мыслей. С этим человеком, который как будто открывал свои объятия, нельзя было фальшивить и кривить душою. Чувствовалось в нем какое-то неугасимое горение и зоркая устремленность. У него, должно быть, никогда не было спокойного сна и холодных мыслей. Доступный и простой, он дышал мудрой скромностью богатого опытом, много пережившего, передумавшего человека. Казалось, что он весь светился и от него неудержимо излучалась сердечная доброта, но в то же время чувствовалось, что есть какое-то волнующее расстояние, которое и возвышало, и заставляло пристально проверять себя и следить за собою.

Он осторожно коснулся пальцами черных усов и с изумлением поднял брови. В глазах его лучились лукавые искорки. С добродушным и мягким упреком он шутливо сказал, выходя из-за стола:

- Ага, вот они, гидростроители! … Тяжелы, тяжелы на подъем… Зачванились на своих живописных берегах.

Пожав им руки, он опять погладил усы и, не угашая улыбки, обличительно посмотрел и на того, и на другого. Потом подтолкнул их к столу, показал на кресла. На свое место за столом он не возвратился, а сел тоже в кресло, напротив них.

Балеев был, как всегда, сурово сдержан и официален. Улыбнулся он только в тот момент, когда пожал руку Сергодзе, но улыбка эта была мимолетной, как вежливый ответ на шутку наркома. Мирон же никак не мог побороть в себе странной дрожи в сердце. Он не спускал глаз с Серго и чувствовал, что весь отдается его обаянию, что с ним он незримо и неразрывно связан был все годы подполья и революции, что он, этот величавый и простой человек, несет в себе целую эпоху, что жизнь его, Мирона, слита с жизнью этого большого революционера и задушевного человека. И это восторженное волнение охватывало Мирона каждый раз, когда он встречался с Серго. Не отрывая от него глаз, думал, что вот он был близок с Ильичевым, постоянно слышал его голос, что он – друг и соратник Виссарионова, что он видит его каждый день и вместе с ним решает сложнейшие вопросы современности.

- Ну, что у вас там?.. Все парки да сады рассаживаете?.. – шутил Сергодзе. – Дворцы для инженеров и рабочих строите. А плотину проваливаете?..

Балеев сдержанно улыбнулся, но ничего не ответил: он ждал значительных и резких слов.

Мирон, влюбленно смотря в глаза Сергодзе, сказал почтительно и убежденно:

- Мы пережили очень трудные дни, товарищ Сергодзе. Последствия вредительства сказываются и сейчас. Но мы удержали все основные силы: инженерно-технический персонал и кадровые рабочие остались у нас на местах. Мало того, мы успели подготовить новые кадры. И это, между прочим, потому, что мы в первую голову строили хорошие дома и сажали деревья.

Сергодзе вскинул голову, и в глазах его блеснула веселая насмешка.

- Но, насколько я знаю, вы, Ватагин, протестовали против этой роскоши, и с начстроем у вас, кажется, война.

- Да, товарищ Сергодзе, была затяжная война, но мы поняли, что ошибались. Викентий Михайлович и Чумалов были правы. зато актив одержал блестящую победу за план.

Сергодзе добродушно отмахнулся от Мирона.

- Ну, это пока слова. Ваш план трещит по всем швам. Средний поток вы обязаны были давно подготовить к бетонировке, а у вас он еще до сих пор забит скалой. Шестнадцать бычков вы должны были уже забетонировать до высоты тридцати метров, но сейчас сентябрь, а вы еще не думаете о бетоне. Чем же вы хвалитесь?

Вдруг он вспомнил что-то и ласково сказал:

- Впрочем, там у вас девчата отличаются. Бригада Кати Бычковой дерется неплохо.

«И о Кате уже знает…» – с восхищением подумал Мирон.

- Таких, как Катя Бычкова, у нас много, товарищ Сергодзе. План в шестьсот тысяч бетона и полмиллиона скалы мы с этими людьми выполним к сроку… Мы и прибыли к вам, товарищ Сергодзе, чтобы рапортовать о развернувшейся борьбе.

Откинувшись на спинку кресла, Сергодзе задумчиво трогал усы. С присущей ему задушевностью он сказал:

- Кое-что мне уже известно… Для этого у вас – все возможности. Ваша стройка – одна из самых культурных, но боролись вы больше между собою. А государственные задачи? Конечно, мы все учимся, – учимся каждый день и каждый час…

- Мы многому научились, товарищ Сергодзе: и головы трещат, и бока болят…- сконфуженно сказал Мирон.

- И долго были малоспособными учениками…- буркнул Балеев.

Сергодзе как будто забыл о Балееве и даже ни разу не взглянул на него, но чувствовалось, что, обращаясь к Мирону, он все время подчеркивал исключительное значение стройки, ее высокую организацию и размах. Видно было, что этим он давал понять огромную роль Балеева как начстроя и автора проекта».

Особенно важно Шероховатову не преувеличить место Сергодзе в иерархии вохровских вождей:

«Мирон заметил, что он поглядел на портрет Виссарионова, как бы прислушиваясь к голосу вождя. Стали смотрел на него с пристальной улыбкой. Невольно и Мирон, и Балеев тоже взглянули на портрет. И Ватагин взволновался так же, как вот сейчас, Виссарионов смотрел на него и Балеева с мягкой проникновенностью и беседовал о стройке, о людях, о великих задачах эпохи. Так же, как Сергодзе, он был дружески прост и сердечен.

- Виссарионов потому велик и любим, – говорил Сергодзе, – что сила его – сила масс, мудрость его – мудрость масс. Его уважение и кровная близость к людям труда – непередаваемы. А сколько свежих и ярких людей всюду!.. И мы, руководители, ответственны за каждого из них. Идешь по заводу, заглядываешь в цех, и бьется сердце. Как-то встретят? Что-то скажут? Говорю как-то в кучке рабочих – а все больше молодежь, – что талантов в нашей стране множество, надо только уметь видеть их».

Блистательный, нестерпимо сверкающий белым сиянием, соратник величайшего из великих семинаристов Сергодзе все знает и во всем разбирается, хотя за недосугом не учился ни в каких университетах или институтах. Разве что, в «университетах Пешкина». Вместе с вохросомолкой Катей и учеником пятого класса – Алешкой он прекрасно разбирается в работе «подающей стрелы», разумеется, гораздо лучше ее конструкторов-колумбовцев. Он знает и жену Ватагина – Олю, директора лампового завода и ее протеже – Наташу, бывшую ее работницу, а ныне студентку архитектурного факультета, которая еще не вылупившись из яйца, уже осуществляет блистательные, ошеломляющие всех проекты.

Сергодзе знает всяких седоусых рабочих. Он знает все и всех. Однако создатель сверкающего образа Сергодзе Шероховатов, кое в чем, как шулер, явно передергивает. Его Сергодзе агитирует и ведет «страстную» пропаганду о строительстве «дворцов» и вообще об улучшении жилищных, коммунально-бытовых и прочих нужд рабочих. Вот, мол, у Балеева эти вопросы прекрасно разрешаются. А в Магнитке эти вопросы решаются отвратительно.

Но ведь уж Сергодзе должен бы знать, как член всемогущей, олигархической, вохровской элиты, что ассигнования на жилищное и коммунально-бытовое строительство, разрешаемые элитой и самодержцем Виссарионовым, – ничтожно малы, что зарплата – мизерна. А, может быть, сам Шероховатов настолько недалек, что верит в бутафорские заявления вохровских вождей, распространяемых мощной вохровской системой пропаганды, что следует заботиться о кадрах «которые решают все»? Но Шероховатов – не Лионвангер. Он хорошо знает Государство Тмутараканское и уже в самом начале Первой великой, вохровской революции был зрелым писателем. Следовательно, прием этот темкинский, шулерский.

Через все отвратительное месиво, называемого романом Шероховатова «Энергия», который он писал 10 лет, «черной нитью» проходит повествование о жалких попытках вредителей всех мастей; старых спецов, контриков, лейбистов, радомысловцев и просто бандитов помешать строительству гидроузла. Из бесвязного лепета Шероховатова о поджогах, взрывах, убийствах, падающих стрелах и тому подобной дребедени неясно, кто и зачем занимается этой детской игрой. Даже какие-то два гунна из экспертов занимаются этой игрой, опять-таки непонятно, для каких целей. Разоблачают этих вредителей сам энтузиаст-народ: Татьяна, Репей, Чумалов, честный спец Кряжич и многие другие. Тайной вохровской полиции не видно. Только после того, как народ хватает за руки вредителей и убийц, из-за кулис появляется малопонятный Емельян с красноармейцами для того, чтобы в начале этого месива-романа арестовать Бубликова с его единомышленниками, а в конце арестовать Стрижевского, который все время ставит палки в колеса встречного плана в шестьсот тысяч кубометров бетона, секретаря начальства Самородова и лейбиста, пробравшегося в районое руководство. Контрики Шалнин и раскаивающийся Корытин топят друг друга.

Сказать, что в романе торжествует счастливый конец, – значит, ничего не сказать. Мирон Ватагин и Оля мирно расстаются. Паша счастлива материнством и, по-видимому, будет любимой женой Мирона. Оля, мирно расставшись с Мироном, по-видимому, найдет свое счастье с Балеевым. Она счастлива также потому, что хотя и не нашла своего сына, ставшего беспризорным, все же «нашла» похожего на него бывшего беспризорного – Вакира, который в считанные дни обучился сложному ремеслу электромонтажника и «переплюнул» колумбовцев. Вакир тоже счастлив. После долгой канители на протяжении всего месива-романа, бывшая беспризорная, ныне ученая, написавшая книгу, внесшую переворот в систему труда, – Татьяна и честный спец, блестящий знаток-гидротехник Кряжич, находят друг друга.

Счастливы Феня и Кольга. Счастливы Агаша и Репей.

Короче, все шероховатовские белые персонажи счастливы. Но апофеоз – высшее счастье, прозводственное! Только «несколько счастливчиков» из передовых бригад должны «удостоиться чести уложить эту историческую последнюю порцию бетона».

Начинается розыгрыш для определения, кто будет этим счастливчиком. «Изобретатель» Катя ошеломлена. До этого, она была уверена, что примет последнюю бадью, утопающую в цветах. Об этом узнает Сергодзе и миллионы людей, и Сергодзе улыбнется. А ведь она может вытащить пустой билет. Катя упала духом. И, действительно на долю Кати выпадает пустой билет. Но Катя, сильная социали-

стическим духом, превозмогает отчаяние и звонко крикнула: «Товарищи, мне, конечно очень горько… Мы ведь мечтали… Но мы, девчата, дело свое сделали и имеем право гордиться…».

Все начальство пожимает ей руку и целует ее. «Феня прерывающимся голосом отдавала приказания. Кран пронес стрелу над головами толпы. Грянул оркестр, все обнажили головы. Стрела величаво и плавно проплыла с бадьей в цветах, и пульсируя, застыла над блоком».

Так заканчивает свою писанину Шероховатов.

Двадцать-сорок тысяч человек, заключенных, «раскулаченных», «вербованных» кахов и мобилизованных вохросомольцев, работая за шестьсот граммов хлеба и хвост селедки, по- египетски, с ничтожной производительностью труда строили гидростанцию, экономическая целесообразность которой никому не была ясна. Значительно позже, великий Никитов, которого просветили его советники, заявил, что эффективность громадных вложений в громоздкие гидростанции была ничтожна и следовало строить тепловые электростанции. Что дефицит электроэнергии в сороковые и пятидесятые годы великой вохровской эры обусловлен именно тем, что строили много гидростанций и мало тепловых.

Огромные затраты иностранной валюты, приобретаемой в значительной части за счет продажи хлеба, для приобретения оборудования, способствовали голодной смерти миллионов тмутараканских крестьян и даже горожан.

А преданный слуга вохровской партийной элиты, чиновник из ведомства литературы – Шероховатов «замечал» только энтузиазм, громадные свершения, излишек свободы, «побеждал» колумбовцев и «вредителей», расплескивая счастье для своих белых персонажей.

Будучи менее талантливым, чем Бурнов и Ильенбург, Шероховатов вводил в повествование ничтожную дозу реальности. Его месиво-«роман» менее правдоподобен, чем «романы» такого же типа, написанных его более одаренными собратьями по перу.

Но заслуги Шероховатова перед переменной, властвующей вохровской элитой – велики.

Всю газетную стряпню за период осуществления бесчеловечной, кровавой, Второй великой вохровской революции в 12-22 г. в.в.э., Шероховатов мастерски переработал в роман «Энергия». Темкинские деревни Шероховатова являются своеобразной эпохой в деле их создания. И ныне, в канун великого пятидесятилетия, Шероховатов гордо шествует в рядах «блестящей» плеяды вохровских классиков, его не причисляют к «лакировщикам».

8. «Далеко от Кремлевии»

Выше уже было отмечено, что в новейшем варианте «истории» Государства Тмутараканского, где вохры, наконец, режут «правду-матку», признано, что росло число произведений, воспевавших Виссарионова, что выпускалось немало книг, в которых приукрашивалась действительность и отсутствовала жизненная правда. Но, мол, и в те годы (имеется в виду период самодержавия Виссарионова) были созданы такие значительные произведения, как «Далеко от Кремлевии» Аваежа и «Жатва» Романовой. Лидер вохровской литературы, лауреат Нобелевской премии, полицейский писатель Бурнов, утверждал, что за десятки лет самодержавия Виссарионова (перед которым он низкопоклонно пресмыкался) на каждую тысячу писательских перьев создано не более десяти «хороших» книг. Следует полагать, что и он, в полном согласии с новейшим вариантом вохровской истории, относил «Далеко от Кремлевии» и «Жатву» к числу «хороших» книг.

В своем послесловии к изданию романа «Далеко от Кремлевии» в 50 г.в.в.э. литературовед Ковалев пишет о триумфальном шествии по планете этого «замечательного» произведения, которое несколько десятков раз переиздавалось большими тиражами и было переведено на гуннский, галльский, вестготский, западноскифский, мазурский, хинезийский и другие языки. «Аваеж вторгся в самую гущу деловой жизни вохровского народа». В читательских кругах якобы сложились легенды о том, что это «замечательное» произведение написал прототип Батманова, крупный инженер-строитель, по ночам, в свободное от стройки время.

Аваеж написал это «замечательное» произведение в 28-32 г.в.в.э. в возрасте 29-33 лет.

Автор послесловия Ковалев, сообщает, что не пишет подробную биография Аваежа, но, мол, читатель сам «прекрасно понимает, какая это была драматичная глава», когда молодой студент литературного института был осужден и выслан на восток, «самым буквальным образом далеко от Кремлевии».

Итак, новоиспеченный инженер человеческих душ и магистральных нефтепроводов в 29 лет начал писать один из самых замечательных тмутараканских романов о самоотверженном труде вохровских патриотов.

Чем же занимался Аваеж до 29 лет? Как он подготовился к повествованию о героическом строительстве во всех его технических, экономических и психологических деталях?

Согласно скупым данным Ковалева, с юных лет Аваежа заставляли «возиться с меховыми шкурками» (по-видимому, его отец был меховщиком). Затем, окончив какие-то химические курсы, Аваеж пошел работать на один из кремлевских химических заводов. Но рабочего-химика тянет в литературу, и его принимают в Литературный институт имени Пешкина. «В трагическое для нашей истории, для наших людей время нарушений социалистической законности, необоснованных репрессий», в двадцатые годы великой вохровской эры, молодой студент Аваеж попадает в места не столь отдаленные, в систему лагерного перевоспитания. Таким образом, в возрасте 21-22 лет, после того, как Аваеж «повозился с меховыми шкурками», немного поработал рабочим на химическом заводе и только-только поступил в Литературный институт, он оказывается в вохровском концлагере. И хотя верноподданный Аваеж и делает вид, что в Государстве Тмутараканском он видел в основном только блестяще-белых энтузиастов и патриотов, но по некоторым его обмолвкам чувствуется, что в процессе лагерного вохровского перевоспитания он кое-что усвоил: зеки, туфта, настучать, фраер, перо в бок просишь, я бью прямо в орла, на чистуху, я пришью тебя – эта терминология (справедливости ради, довольно редко используемая в «замечательном» романе) свидетельствует о результатах перевоспитания.

Но очень трудно догадаться, когда и где Аваеж успел изучить деликатную науку о человеческих душах, тонкости прокладки магистральных нефтепроводов, проектное дело, организацию огромного строительства, повадки вечной мерзлоты и тысячи других вещей.

Неужели всему этому он научился в «гуманнейшей системе» вохровских концлагерей?

Если у него такие гениальные задатки, почему он, как Бодрженицын и некоторые другие писатели, побывавшие в этой живописной лагерной системе, не написал то, что он видел там? Очень просто. Аваеж великолепно знал, что, если он об этом напишет, то опять попадет в эту чудесную систему. Не в пример Бодрженицыну, Аваежа коренным образом «перевоспитали», и он написал целиком надуманный, с начала до конца, бездарный роман.

Ильенбург и Шероховатов – дилетанты, но они культурные и талантливые писатели. Аваеж – невежественный дилетант.

Это чувствуется даже в мелочах. Он не пишет: «проектный отдел» или «конструкторский отдел», а «проектировочная» и всего его редакторы, столь же невежественные в технике, пропускают этот обывательски-безграмотный термин.

Аваеж лепечет что-то о десяти томах проекта магистрального нефтепровода. Едва ли он знает, что в то время применялось трехстадийное проектирование: проектное задание, технический проект и рабочие чертежи. По-видимому, он где-то видел технический проект нефтепровода в десяти томах.

Даже в нынешние времена специализированные проектные организации для выполнения проекта магистрального нефтепровода протяжением в несколько сот километров затрачивают сотни человеко-лет. Этому предшествуют огромные изыскательские работы. 35-летний главный инженер Беридзе без всякого проектного опыта (он только строитель) с маху перескакивает с правого на левый берег. 27-летний инженер Ковшов без всякого проектного опыта и с ничтожным строительным опытом возглавляет проектирование нового магистрального нефтепровода на левом берегу. Проектировщики – Кобзев, Петюнчик – техник и не желающие принимать участие в проектировании нового магистраль-

ного нефтепровода – старый инженер Тополев и бывший главный инженер, ныне консультант – Грубский.

Описанную в романе огромную работу по проектированию нового нефтепровода на левом берегу могут выполнить десятки и сотни опытных проектировщиков различных профилей: строители, технологи, связисты, путейцы, механики, сметчики и прочие подсобные специалисты – в течение минимум года. Но в фантазии Аваежа несколько птенцов, не имеющих не только проектного опыта, но и соответствующего образования, выполняют такую работу то ли в несколько недель, то ли в 1-2 месяца. Руководят этими птенцами 35-летний главный инженер строительства, никогда не занимавшийся проектированием, и 27-летний Ковшов, незнакомый с проектированием и поработавший где-то три года на строительстве.

На левом берегу, поскольку он был отвергнут первоначальным вариантом проекта, естественно, не были осуществлены геодезические и геологические изыскания не только для стадии рабочего проектирования, но и для предварительных стадий: проектного задания и технического проекта.

Невзирая на отсутствие данных о рельефе, не определив так называемых горизонталей предполагаемого левобережного варианта, по щучьему велению, точнее по велению Аваежа, технически-безграмотного автора «замечательного» романа, несколько юнцов, по-видимому, выбирают трассу, (а, может быть, без определения трассы – Аваеж об этом, по невежеству, умолчал), по которой ниткой на снегу укладываются трубы. Более того, как в сказке, без определения трассы (а трассу можно выбрать только после осуществления геодезических и геологических изысканий и соответствующих, достаточно сложных, проектных разработок) техник Петюнчик, Кобзев и их «опытный» начальник – никогда не занимавшийся проектированием – Ковшов, то ли на пальцах, то ли на чудодейственной для безграмотного Аваежа логарифмической линейке производят гидравлический расчет и – о, чудо! – определяют, что достаточна одна перекачечная станция вместо запроектированных по старому варианту двух. Вундеркинд Беридзе знает это даже без расчета.

Молодые энтузиасты способны осуществить гидравлический расчет без... трассы (!), не зная ее протяжения, не зная местных сопротивлений и т.д., а фантастически одаренный Беридзе, который, вообще говоря, едва ли может произвести гидравлический расчет, поскольку никогда не занимался проектированием, может определить сумму сопротивлений по неведомой трассе, попросту поглядев на потолок. Впрочем, и Аваеж, и Беридзе, и Ковшов, позабыв о том, что достаточна одна перекачечная станция, все же строят две станции: одну на острове Тайсине, в начале трассы нефтепровода, другую – за проливом!

«Автором» первоначального варианта является якобы бывший главный инженер строительства – Грубский. Аваеж, молодой человек, получивший свое основное «техническое» образование в вохровской концлагере, не знает, разумеется, многих вещей. Он не знает, что подобные проекты выполняются крупной специализированной проектной организацией, а не главными инженерами строительства, которые, вообще, как правило, не умеют проектировать, не говоря уже о том, что подобные проекты выполняются большими коллективами проектировщиков-инженеров самых разнообразных профилей. Автором проекта и является коллектив ведущих проектировщиков. Даже так называемого главного инженера проекта (а не строительства, как полагает невежда Аваеж) нельзя назвать автором проекта.

Можно привести «яркий» штрих. Тополев и Ковшов с большими трудностями прибывают на последний, «ужасный», разваленный участок у пролива и тут же, не отдохнув, не сходя с места, исчерчивают по несколько листов ватмана за день каждый. Любой студент знает: чтобы чертить, необходимо иметь кроме ватмана, чертежную доску, рейсшину, готовальню, кнопки, соответствующие чертежные карандаши и т. п. Неизвестно, откуда все это появилось на пустынном, диком участке. Где герои Аваежа достали необходимые проектные справочники? Но, предположим, что каким-то чудом все это появилось. Всё равно непонятно, как могли старый инженер Тополев (кстати, также не проектировщик, что явствует из его «биографии», приведенной автором), десятки лет уже не чертивший или делавший только ученические чертежи в институтскую пору, и никогда не занимавшийся проектированием Ковшов – сделать несколько листов в день, если опытные конструкторы выполняют 6-10 листов в месяц!

Правда, защитники Аваежа могут сказать, что он не только не проектировщик, но даже не инженер и не специалист по проектированию нефтепроводов – всего лишь писатель. Верно. Но зачем же повар берется тачать сапоги? Ведь «менее замечательные» писатели, произведения которых в такой короткий срок не переиздавались десятки раз: Лев Худой, Достоевский, Чехов, Анатоль Франс, Гете, Марк Твен и другие – писали о том, что знали, а не о том, о чем представления не имели. Даже такие дилетанты в технике, как Ильенбург и Шероховатов, не были столь, мягко выражаясь, нетактичны, чтобы так глубоко «влезать в технику». Они, в меру своего умения, пересказывали то, что им сообщали дилетанты-начальники строительств и парторги.

Но оставим технику в покое и не будем более останавливаться на «многих технических частностях, которые так любил описывать автор», как выражается, по-видимому, такой же «знаток» техники, автор послесловия Ковалев. Говорить об этой безграмотной дребедени нет никакой надобности, потому что техническая безграмотность Аваежа совершенно очевидна.

Несмотря на то, что автор был на перевоспитании в вохровском концлагере, ему незнакомы даже такие простейшие процессы ручного труда, как труд лесорубов. Не касаясь подробных описаний лесоповала, можно отметить следующее «техническое» выражение Аваежа: «вырубив клин, начал пилить дерево». Настоящий лесоруб всегда скажет: «сделав подруб», или «сделав заруб». Таким образом, пока установлено, что в «лагерной академии» Аваеж усвоил только ряд «блатных» терминов. Почему же, по данным автора послесловия Ковалева, «критики с охотой и жаром писали о романе», а в библиотеках выстраивались «очереди за журналом»?

Ковалев пишет: «Хотя и события, и стройка, и герои – выдуманные, они оказались столь жизненными, что часто можно было услышать об умелом хозяйственнике такую, например, реплику: «Ну, это человек батмановского толка!» Помнится, на одном из совещаний хозяйственников в Кремлевии с трибуны прозвучал довольно неожиданный совет: «Чем писать десятки скучных директив о том, как надо работать, я теперь одно говорю: читайте «Далеко от Кремлевии» и действуйте, как там сказано!».

Вот где собака зарыта! Оказывается, молодой человек, которого несколько лет «перевоспитывали» в вохровском концлагере, переплюнул и многих высших руководителей, дававших директивы, как надо работать, и огромную вохровскую пропагандистскую литературу, издававшуюся уже 30 лет к моменту выхода в свет романа «Далеко от Кремлевии». И это подчеркивается уже не только в новейшем варианте «истории» Государства Тмутараканского, изданном в 48 г.в.в.э., но и в строго процензурированном послесловии романа, изданного в 50 г.в.в.э., накануне великого пятидесятилетнего юбилея.

Итак, главная причина успеха романа – в том, что герои, хоть и выдуманные, необычайно жизненны, что писатель рассказывает «о суровом мужестве людей, оставляющих далеко позади пределы человеческой выносливости, о силе коллектива, живущего, как большая семья». Так пишет автор послесловия, и так написано в обложке к изданию 50 г.в.в.э.

Рассмотрим «необычайную жизненность» – в первую очередь массового героя романа: землекопов, лесорубов, такелажников, шоферов, разнорабочих и других. Как уже было отмечено, Аваеж «перевоспитывался» в вохровских концлагерях Дальнего Востока. И он то, больше, чем кто-либо, должен был знать, что Дальний Восток, и Кучумия вообще, в период Второй мировой войны были буквально нашпигованы концлагерями и зеками (как он сам выражается - невинно осужденными крестьянами, рабочими, инженерами, профессорами, партработниками, вохросомольцами и прочими представителями всех слоев вохровского населения). Аваеж лучше других знает, что во время войны и речи не могло быть о том, чтобы «забронировать» землекопов, лесорубов и прочих чернорабочих, в особенности на Дальнем Востоке, где были миллионы зеков.

Все горные, дорожные и вообще строительные работы выполняли зеки, которых в зонах, где они жили, и в зонах оцепления (где они работали) охраняли конвоиры-вохры и их собаки. Шоферами работали расконвоированные зеки, преимущественно из бытовиков, то есть уголовников, а если таковых не хватало (так это и было), то осмеливались расконвоировать «надежных» «врагов народа» – контриков. На тяжелых земляных, лесных и строительных работах, да еще в условиях суровой зимы, плохо одетые и плохо питающиеся больные люди, негодные для армии, не могли бы проработать и нескольких

дней, и, как было отмечено выше, при наличии миллионов зеков – землекопов и прочих чернорабочих не могли «бронировать» и освобождать от военной службы.

Аваеж, «перевоспитанный» в вохровских концлагерях, великолепно должен был это знать. И в этом первая грандиозная ложь, ничего общего с жизненной правдой не имеющая. Уже это полностью перечеркивает весь «замечательный» роман Аваежа, так как без «технических частностей» и изображенного писателем «патриотического», пылающего «энтузиазмом» коллектива ничего не остается. В остальном Аваеж – просто бездарный мастер Темкинских деревень. Все его герои – совершенно белоснежные, почти без каких-либо пятнышек и убедительных жизненных примет. Схематичны и безжизненны начальник строительства Батманов, и главный инженер Беридзе, и парторг Залкинд, и заместитель главного инженера Ковшов, и заместитель заместителя главинжа старый инженер Тополев, и инженер Кобзев, и техник Петюнька, и начальник отдела транспорта Филимонов, и начальник планового отдела Гречкин, и способный экономист Женя, и даже бюрократ Рогов – начальник административно-хозяйственного отдела.

Так же намалеваны и другие персонажи: вохросомолка, инженер-связист Таня, вохросомолец Смирнов, мальчик Генка, сварщик Умар, шофер Сморчков, тракторист Силин, строитель из народа Карпов, землекоп Зятьков и представитель нацменьшинств, и даже члены их семейств – всё это сверкающие белые личности, без единой помарки на физиономии. Даже начальники отделов снабжения Либерман и Федосов, внушающие некоторые сомнения, на поверку оказываются белыми персонажами. Более того, старые руководители, провалившие строительство нефтепровода, тоже в конце концов предстают перед читателем белыми персонажами, которые заблуждались.

Только какой-то тусклый, подобный привидению врач Родионов нарушает эту благостную картину как трусливый шкурник – но и ему автор не придает «жизненности», убивая его в самом начале своего «замечательного» произведения...

Следует отдать справедливость автору романа «Далеко от Кремлевии». Если у Шероховатова черной линией сквозь весь роман «Энергия» проходят вредительство и вредители, то Аваеж об этом упоминает только вскользь. У него как-то непонятно суетятся враждебные элементы: геолог Хмара, Кондрин-Сомов и его дружки. Кондрин совершает какие-то непонятные акты вредительства: захлопывает дверь барака, кладет какие-то пробки в трубопровод. Зачем они это делают, кто их вдохновляет – неизвестно. Как вредительствует геолог Хмара, вообще неизвестно. Но бдительная и сознательная масса этих врагов «разоблачает», а какой-то сержант их арестовывает.

Даже в изображении замечательного писателя Аваежа эти «вредители» худосочны, ненатуральны – чувствуется, что они топорно созданы «по привычке», по старым шаблонам и весьма небрежно притянуты за «волосы». Впрочем, это не заслуга Аваежа. Когда Шероховатов писал «Энергию», вредительство было «в моде». В годы Второй мировой войны задачи пропаганды изменились: враги были по другую сторону фронта, а в вохровском стане были разве что ошибавшиеся, заблудшие.

О зеках Аваеж почти не упоминает. У него мелькают нескольких бывших зеков-уголовников, да и то механик Серегин – вполне перевоспитанный.

А между тем кто-кто, но Аваеж прекрасно знает, что именно зеки – «враги народа» и «контрики» являются подлинными героями той эпохи. Это они – миллионы «врагов» - добывали золото в Шестыме, прокладывали дороги, заготавливали лес, строили рудники, шахты и работали на них.

Они сотнями тысяч и миллионами устилали своими трупами автомобильные и железные дороги, шахты и рудники, лесоразработки и строительства. Это они – когда миллионы тмутараканцев отправлялись на фронт – оставляли далеко позади пределы человеческой выносливости на безмерно тяжелых физических работах, в суровые кучумские морозы, плохо одетые и полуголодные, не имея где высушить свое тряпье, так как спали они вповалку, в тесноте общих нар, в плохо отапливаемых бараках.

То, что описал Бодрженицын в своей повести «Один день…» и что произвело впечатление разорвавшейся бомбы на неосведомленных людей, было только прелюдией к аду, который Аваеж должен был хорошо знать, так как условия существования зеков во время войны были намного хуже, чем после окончания войны. Бодрженицын весьма снисходительно и мягко описывает только один день

жизни зеков после окончания войны. Тогда уже население лагерных пунктов не вымирало в полгода-год от неимоверно тяжелой работы, голода, холода и авитаминозных болезней – пеллагры и цинги. Истинных героев, которые в действительности осуществляли все крупные стройки военного времени, Аваеж «не заметил». Зато он заметил, что все «рвались на фронт»:

«–Воевать хочу – со злостью ответил Алексей, – на фронт хочу. Бесит меня эта чертова рука…».

О своей жене Зине Алексей рассказывает: «– Училась на последнем курсе института. Связистка… Я пошел в ополчение, а она вслед за мною, через райком вохросомола – в армию. Теперь родину защищает, а я…».

Филимонов, «инженер по транспорту», говорит: «…Я честно просил отпустить меня на фронт и прошу сейчас…».

Рогов – начальник административно-хозяйственного отдела, разумеется, тоже патриот: «… Поеду на фронт, буду воевать, почувствую себя человеком. Ведь стыдно же, черт возьми, ходить здесь с сытым брюхом и выполнять прохладные служебные обязанности. У меня отличное здоровье, я могу быть строевым командиром. Прошу не чинить мне препятствий, если это от вас зависит…».

Наконец, идеальный парторг Залкинд подытоживает: «… Это видно по отношению любого из граждан к войне. Все рвутся на фронт! И даже в том случае, когда человек неправ – он неправ по хорошему. Не понимая, что неправ, он хочет добра родине, а не себе…».

Возможно, молодой человек Аваеж, только-только выскочив из лагеря, не совсем хорошо знал, что творится в стране, что, впрочем, сомнительно. Именно перевоспитуемые из лагерной системы хорошо знали, что многие народы стали «народами-преступниками» – таврические рататы, ингунцы, бакларцы, половцы, гунны и другие. Беспрецедентная ссылка многих народов в полном составе начиная от младенцев и кончая дряхлыми стариками, в места «не столь отдаленные», была осуществлена вследствие перехода некоторой части населения этих народов на сторону нацистов-гуннов.

Целые войсковые соединения великоскифов и малоскифов переходили на сторону гуннов. Многие специальные части из приваряжских государств воевали на стороне гуннов.

Именно перевоспитуемые в лагерной системе видели огромные этапы «самострелов», нарочито обмораживающих свои конечности, дезертиров или подозреваемых в этом. Этих несчастных, как скот, везли в теплушках, зимой месяцами не выпускали из этих теплушек, где кал был по щиколотку. Им давали по 300 грамм хлеба и почти не давали воды. Больше половины из них умирали в пути, но ссыльные трупы не выбрасывали, чтобы получить их пайку. Аваеж, как перевоспитанный, должен был это знать. Он должен был видеть сотни тысяч и миллионы скифов, бывших в плену у гуннов и попавших в свои же вохровские концлагеря. А в его романе «все рвутся на фронт»...

Поскольку Аваеж как художник пользуется только белой краской, у него и начальник строительства Батманов, и парторг Залкинд – сверхидеальны.

О Батманов Беридзе рассказывает: «… Хоть бы поинтересовался его биографией, о нем столько писали: кочегар, машинист, партийный работник, окончил академию, руководил крупнейшей стройкой в Союзе… Зря не дадут два ордена Ильичева… И это до сорока трех лет…».

Залкинд – бывший комиссар партизанского отряда, идеальный партийный работник. А ведь Аваеж прекрасно знает, что если среди начальников строительств и попадались бывшие кочегары, к тому же кончившие Академии, что вообще-то совершенно нереально и нежизненно, а среди парторгов – бывшие комиссары партизанских отрядов, то Виссарионов и его клика давно их истребили, еще до начала войны.

Разумеется, и Батманов и Залкинд всё знают, они невероятно проницательны, с первого взгляда они определяют характер и знания человека. Впрочем, что там определять, если все вокруг сверхположительны!

Батманов по приезде обнаружил полный развал строительства. «В управлении все смешалось – и кони и люди». Но оказалось, что коллектив-то хороший – им только плохо «управляли» бывший на-

чальник Сидоренко, который вскоре перековался в храброго командира на фронте, и бывший главный инженер Грубский, который слишком верил по всякие иностранные талмуды, но в конце концов тоже перековался в добродетельного прораба. А тут приехал Батманов, с маху разглядел всех и в несколько дней всех перевоспитал и переобучил!

Вот как получает бывший кочегар Батманов «опытного», пожилого экономиста-плановика Гречкина: «Переделайте эти простыни, тут три пуда цифр… Надо их упростить, сделать лаконичными и умными. Продумайте ваши ежедневные информации: в них нет делового анализа, а он должен быть. Позднее мы организуем диспетчерскую службу. Полагаю, она будет в ваших руках. У меня вообще есть соображения, как расширить круг обязанностей отдела. Конечно, подойдем к этому постепенно. Сейчас – вы совершенно правы – самое неприятное в том, что нет связи… Без нее мы глухи и слепы… Я должен все время слышать трассу и иметь возможность разговаривать с ней в любую минуту».

После этой гениальной инструктивной беседы плановый отдел бурно заработал.

Через голову самолюбивого начальника отдела снабжения Либермана, который к месту и без места повторяет «маменька моя родная», зоркий Батманов разглядел Федосова и тут же организует два отдела снабжения: общего и технического, которые тут же вступают в соревнование и также начинают бурно работать. Тут же Батманов «разглядел» отличного работника «инженера по транспорту» Филимонова, который все умеет: и автомашину завести, и проектировать насосную, и монтировать эту насосную – сразу, как по мановению волшебной палочки, организуется отдел транспорта и механизации. Батманов столь же проницательно разглядел бездну энергии и силы в бюрократе-начальнике АХО Рогове и ставит его на надлежащее место – начальником отстающего участка.

В несколько дней любой отстающий участок Рогов превращает в передовой.

С такой же легкостью Таня налаживает временную связь, подвешивая с энтузиастами-вохросомольцами провод на деревьях тайги. Несколько позднее Таня в несколько дней становится опытным водолазом и прокладывает кабель в проливе.

То ли через две недели, то ли через месяц огромная стройка начинает работать бурными темпами.

В мгновение ока Батманов вникает в дела участка и столь же быстро все исправляет: «На десятом участке Батманов быстро разобрался, почему этот участок отстает от соседних. На фактах он показал, что всему виной неслаженная работа участкового аппарата… Батманов не преминул заставить Либермана убедиться, что получить на участке, к примеру, килограмм гвоздей можно только ценой томительных переговоров с несколькими руководителями и лишь пройдя через капитальную бумажную процедуру. Люди здесь как будто понимали обстановку, свои задачи, и все же дело тонуло в бюрократической волоките. Заведующие отделами штаба участка, сидевшие в соседних комнатах, вели между собой бессмысленную переписку по самым несложным вопросам. Либерман увидел здесь себя и Федосова, словно в маленьком зеркале … – Когда вы завели эту плесень? – спрашивал Батманов на производственном совещании… Они выехали не раньше, чем переставили в аппарате людей и навели порядок …».

Так в несколько дней типовой вохровский начальник и организатор Батманов наводит порядок на отстающем участке.

Аваеж, разумеется, малокультурный дилетант. Но, как бывший ушлый лагерник, он повидал многих вохровских тюремщиков, знает, как они живут и как протекает работа. На основе этих своих лагерных знаний он обрисовывает начальника последнего участка у пролива – Мерзлякова:

«Мерзляков начал докладывать о делах участка… Ну что же строительство зимника? Провалили? – Признаюсь, товарищ начальник…. – Сколько у вас труб на участке и где они размещены? Что приготовлено для переброски на остров? Каких не хватает материалов? – сыпал вопросы Батманов. – Какой запас продовольствия на складах и на продпунктах? – вмешался Либерман. – Одну секундочку, сейчас поясню, у меня все записано, – предупредительно закивал Мерзляков, расстегивая полушубок. – Не надо, простудитесь. Такие вещи следует записать прямо в мозг и помнить наизусть»!».

Оказалось, что кругом разброд. Люди в растерянности. Процветают паникерские слухи и настроения. Автомашины и тракторы стоят. Зима не используется для того, чтобы возить трубы, продовольствие, машины… Рабочие долбили ломами и кирками мерзлую землю. Попарно таскали на носилках землю.

Не заготовили сена и кормов, часть лошадей прирезана, часть подохла.

Десятки тысяч кубометров мерзлой земли пытаются рыть вручную. Клепкой металлических емкостей также занимаются вручную. Люди не торопятся уходить с работ, так как бараки не отапливаются. Нет транспорта для подвозки дров с близлежащей тайги. Из полутораста людей, живущих в бараке и располагающихся на нарах, пятнадцать болели гриппом и их не отделяли от здоровых. Люди выглядели исхудалыми, грязными и небритыми. Воздух в бараке был спертый, тяжелый. Бани не бывает, так как нет воды. Из-за отсутствия транспорта вода возится только для питья. Только дома для Мерзлякова и для прораба Котляревского построены добротные. Там тепло и светло, так как движок работает для того, чтобы освещать только эти дома. Построены солидные службы для содержания коровы, свиней.

Короче говоря, в единственном месте своего «замечательного» произведения Аваеж рисует несколько приукрашенную картину быта и работы зеков (в действительности зеки жили намного хуже) и их тюремщиков, которые зачастую нещадно эксплуатировали зеков для личного обогащения. Аваеж хорошо знает быт и работу зеков. Но все это служит ему фоном для того, чтобы показать, как толпа белейших вохровских начальников в пару дней привела в блестящее состояние даже такой отстающий участок, который по существу был не только типовым в действительной, а не выдуманной Аваежом, системе лагерного перевоспитания, но даже приукрашенным типовым участком. Многие лагерные пункты во время Второй мировой войны были в безмерно худшем состоянии, чем описанный Аваежом участок у пролива.

Действие романа развивается по законам идиллии. Мерзляков изгоняется, и Батманов со своими помощниками Беридзе, Ковшовым, Тополевым, Филимоновым, Таней и Либерманом творят чудеса.

Либерман становится поваром и, как в сказке, готовит вкуснейшие обеды и ужины. Барак раздвигается, оказывается просторным, и его спертый воздух становится ароматным. Появляется транспорт, дрова и вода. По мановению волшебного жезла Батманова становится тепло, просторно, уютно и чисто. Все люди – сыты.

Ковшов и Тополев выполняют по несколько листов чертежей в день, и все неразработанные проблемы становятся четкими и ясными. Великие знатоки вечной мерзлоты и монтажа насосных и емкостей Беридзе и Филимонов тут же налаживают рытье котлованов, строительство и монтаж насосной и резервуарного парка (и все в суровых зимних условиях!..). Дорога по льду пролива под руководством Батманова вместо семи дней сооружается в один день. Гениальный изобретатель Тополев взрывами строит траншею на дне пролива. Тут же в эту траншею укладывают 12 километров полукилометровых «плетей» – труб.

И всё это в течение часов и дней проделывает раннее отстающий коллектив под гениальным руководством всезнающего кочегара Батманова!

Ранее медлительный, инертный ретроград, старый инженер Тополев, как в сказке, меняется. Аваеж художественно описывает это преображение: «У старика горели глаза, рука с карандашом неистовствовала, от всей преобразившейся фигуры старого инженера словно излучалось электричество. В одну минуту на готовом чертеже появилась сеть поправок, строчка новых расчетов…».

Даже невежественный в технике Аваеж мог бы сообразить, что в одну минуту даже у самого гениального и опытного проектировщика не может появиться «сеть поправок и строчка новых расчетов».

Может быть, пытаясь подражать культурному и талантливому Ильенбургу, малокультурный и бездарный Аваеж в своеобразно-примитивной форме повествует об истории довохровского и вохровского Государства Тмутараканского:

«…– Садитесь! – неожиданно приказал Кузьма Кузьмич. Повинуясь повелительному голосу, Марья Ивановна опустилась на стул.

– Я должен вспомнить, при каких обстоятельствах мне пришлось делать взрывы под водой. Считайте года! – Это как? Какие года?

– Начните с тысячи девятьсот седьмого старой эры. Марья Ивановна испуганно поежилась

– Ну?! – прикрикнул старик.

– Тысяча девятьсот седьмой, – прошептала женщина.

– Кончил институт. Работал у подрядчика. Женился на Марфе Петровне. – Тополев вспоминал, сидя в кресле и закрыв глаза рукой.

– Нет, рано. Возьмите-ка позднее, с десятого года.

– Тысяча девятьсот десятый…

– Строил городскую думу. Бестолочь, воровство и пьянство … Дальше, дальше!

– Тысяча девятьсот одиннадцатый…

– Работал на Симменс и Гальске, были такие хозяева гуннские в Государстве Тмутараканском. Подрядился строить для них завод. Но быстро поругался и ушел…

Тысяча девятьсот пятнадцатый, – сказала женщина и вдруг вскликнула: Фединька мой ушел на войну… Не вернулся.

Тополев сочувственно закивал головой. – Многие не вернулись… Давайте лучше вспомните, что пришлось строить после великой вохровской революции. Поначалу восстановлением занимались… Взорванный мост ставили… Трудная река… Зима, лед. Много пришлось нервничать, не хватало материалов. Взрывчатка требовалась, не давали – и я скандалил. Ну да – там и взрывы делали под водой! Вы слышите?! Вспомнил! Именно там предложил я взрывами сравнять каменное основание… Отлично!... Спасибо, вы мне очень помогли… – Идите, идите…».

Так Марья Иванова «помогла» старому инженеру Тополеву (на самом деле к тому времени вохровская тайная полиция под руководством великого Виссарионова, с помощью всяких надуманных процессов вредителей, уже истребила старых инженеров) вспомнить его гениальное изобретение – взрывать каменные основания аммоналом...

Финал, апофеоз. Нефтепровод закончен до срока. Ковшов и Гречкин пишут доклад высокому начальству в Кремлевию и спорят… Энтузиазм вздымается выше неба. С помощью приказов и социалистического соревнования нормы превышаются в четыре раза, и коллектив выделяет (!) часть рабочих для проекта… Председатель правительственной комиссии распоряжается о пуске нефти… Нефть двигается, и ее сопровождают на автомашинах члены комиссии и представители строительного коллектива… Нефть пришла в Новинск на восьмой день…

«… В эту минуту в широком отверстии рукава показалась нефть. Она выплеснулась тонкой желтой струйкой…».

Непонятно, разумеется, из какого рукава выплеснулась нефть и почему она желтая. Непонятно, конечно, почему с рапортом в Кремлевию летит молодой Ковшов, а не прославленные Батманов, Беридзе, Залкинд. Но все в этом «замечательном» произведении малопонятно. Понятно только традиционное для великой вохровской литературы счастливое и розовое завершение судеб героев. Беридзе воссоединяется с Таней. Рогов – с докторшей Радионовой. Оживает убитая героиня – Зина, жена Ковшова. Есть определенная надежда, что Батманов соединится со своей женой – врачом Анной.

Аваежа нельзя считать мастером Темкинских деревень и ставить на одну доску с Бурновым, Ильенбургом, Шероховатовым. Аваеж не ввел в свою дребедень ни крупицы правды. Мерзляков и отстающий участок у пролива – тоже ложь, поскольку в этом не участке, а лагерном пункте должны бы работать только зеки, но не «забронированные» землекопы и прочие чернорабочие. Почему же эта бездарная дребедень вознесена на литературный Олимп?

Потому что чудовищное уничтожение зеков на Дальнем Востоке, невероятную мучительную жизнь вохровских рабов Аваеж изобразил, как «суровое мужество людей, оставляющих далеко позади пре-

делы человеческой выносливости», как «силу коллектива, живущего, как большая семья.» Потому что бывший зек Аваеж выполнил заказ тоталитарной, партийной олигархии.

9. «Жатва»

Литературная вохровская дама Романова писала этот роман в 32-34 г.в.в.э. Как выше было отмечено, в новейшем варианте «истории» Государства Тмутараканского это произведение указано в числе «значительных».

Еще до начала войны насильственная коллективизация была завершена. Как протекало начало этой коллективизации, показано в разделе шестом данной главы. В результате коллективизации сельское хозяйство было сильно подорвано. Победные виссарионовские реляции об изобильной жизни кахов базировались на элементарном статистическом жульничестве. «Биологический» урожай исчислялся на основании «метрового». На квадратном метре площади посевов выщипывали все колосья, вылущивали все зерна, взвешивали их, умножали на всю площади и таким образом определяли «биологический» урожай.

Только после смерти великого семинариста великий Никитов объявил, что Макенлов обманывал вохровский народ, заявляя о решении зерновой проблемы. Мол, в дальнейшем будет исчисляться не «биологический», а «амбарный» урожай, который оказался на 30% меньше «биологического». Вохровский народ и без отважного разоблачения великого Никитова о том, что Макенлов обманывал народ (а целая армия экономистов, статистиков, учетчиков и бухгалтеров помалкивала) – знал, что колхозное и вохрозное земледелие обеспечивает ничтожные урожаи, много продуктов из-за бесхозяйственности сгнивает. Отчаянный голод в 30 г.-31 г.в.в.э. (уже после окончания войны) свидетельствовал об этом лучше всяких разоблачений вохровских статистических жульничеств.

Животноводство зашло в совершенный тупик, и продуктов животноводства практически не было. Те жалкие корма, которые коллективизированные хозяйства могли выделить скверному, беспородному, запущенному скоту, почти полностью перерабатывались в навоз, который, кстати, весьма скверно использовался в качестве органического удобрения. Даже в мало затронутой войной далекой, плодородной и изобильной некогда Кучумии, царили мерзость и запустение.

Все кучумские крестьяне-кахи не только забыли о многочисленных коровах, дававших знаменитое кучумское, экспортное масло, но и единственную свою коровенку, дававшую максимально (вскоре после отела) 5-6 литров молока, не могли прокормить. На колхозных лугах трава сгнивала, а косить эту траву под страхом получения срока (лет десять лагерей) кахи не могли. Только наиболее смелые, по ночам, воровски косили эту траву и на плечах таскали на свой двор сушить. Многие кахи продавали свою последнюю коровенку за бесценок, за 800-1000 вохриков (в старом масштабе цен). От колхоза кахи практически ничего не получали. Полкило-килограмм зерна за трудодень (то есть, 5-10 грошей) считалось «богатой» оплатой.

Летом кахов заставляли работать без выходных по 12-14 часов в день. Только после окончания посевной кампании, до начала и после окончания уборочной кампании кахам давали день-другой (!) отдохнуть. В таком же темпе работали и рабочие вохрозов. Принудительный труд кахов, совмещенный с бутафорской демократией, и такой же принудительный труд рабочих вохрозов, доход которых был хоть и выше, чем в колхозах, но практически тоже приближался к нулю, приводил к крайне печальным результатам.

В стране не хватало хлеба. Мясо, молоко, масло, яйца были редкостью. В городах выстраивались длинные очереди за продуктами. В селах же почти не было магазинов, а там, где они были, полки пустовали. Очереди в эти магазины выстраивались редко, так как не было товаров для продажи! Кахи и рабочие вохрозов практически жили натуральным хозяйством. Кахи большую часть времени отбывали барщину в колхозах. За принудительную работу в колхозах кахи получали только зерно в ничтожном количестве - 0,1-1 килограмм за трудодень.

В основном даже та нищенская жизнь, которую влачили кахи десятилетие после окончания победоносной войны, обеспечивалась продуктами с карликового хозяйства в 0,25-0,4 гектара, которым кахи занимались после отбывания принудительной барщины в колхозах, то есть фактически по ночам. Дети и старики пасли свою единственную коровенку по косогорам или в лесу, да и то с опаской, потому что лесники могли оштрафовать. Но значительную часть продуктов даже с примитивного, карликового, подсобного хозяйства всемогущее вохровское государство отбирало. По символическим ценам – по существу, бесплатно – каждое карликовое подсобное хозяйство должно было поставлять в год: 40 килограмм мяса, 300 литров молока, яйца, картофель и шкуры.

Кроме того, каждое карликовое хозяйство должно было вносить 500 вохриков (в старом масштабе цен) налога. Для реализации такой суммы кахи должны были по низким ценам продать 1-1,5 тонны картофеля, который они с таким трудом выращивали на своем карликовом приусадебном участке.

В некоторых областях кахи многие годы (не говоря уже о голодных 30-31 г.в.в.э.) после окончания войны питались травой и лебедой. Например, в Головастии.

Кахи были закрепощены в своих колхозах. Они не могли переезжать ни в города, ни в другие колхозы. Многие функционеры из партийной и хозяйственной вохровской иерархии попросту грабили нищие колхозы. По символическим, низким ценам они забирали у колхозов птицу, скот, яйца, мед и другие продукты животноводства и растениеводства. Фактически назначаемые, бутафорски «выбранные» председатели колхозов, в большей своей части, пьянствовали, разоряли и в силу своего умения грабили колхозы. Не только фиктивное общее собрание членов так называемой «артели», но и «правление» колхоза по существу не принимали никакого участия в управлении колхозом. Назначаемый председатель колхоза единолично распоряжался всеми материальными благами колхоза и кахами.

О жалком положении кахов свидетельствует следующий факт. В первое десятилетие после окончания войны Кучумия была переполнена миллионами ссыльных, о чем подробно автор сообщил в XII главе «Введения…». Несмотря на то, что ссыльные любых категорий были лишены свободы передвижения, должны были жить в предзначенном для них тайной вохровской полицией месте и периодически являться на отметку к функционерам тайной полиции, кахки с охотой выходили замуж за ссыльных, так как считалось, что ссыльные находятся в значительно более благоприятном положении, чем кахи в колхозах.

Угренский район, который выбран Романовой в своем повествовании, по-видимому, находится где-то в Нечерноземной полосе, да притом еще на севере.

В разделе 23 третьей главы «Введения…» автор этих строк показал печальное состояние сельского хозяйства даже в расцвете великой никитовской эры, когда урожай зерновых в Нечерноземной полосе составлял 3-5 центнеров с гектара, а животноводство и льноводство находились в состоянии жесточайшего кризиса. В десятилетие же после окончания победоносной войны, сельское хозяйство находилось в значительно худшем состоянии, чем в никитовскую эру.

Воспользовавшись возможностью после смерти великого Виссарионова свалить на последнего вину за развал сельского хозяйства, великий Никитов следующим образом (весьма мягко и многое замалчивая) охарактеризовал состояние сельского хозяйства в 37 г.в.в.э, то есть 5 лет спустя после «великих побед» в сельском хозяйстве, одержанных патриотами «значительного» произведения «Жатва», вышедшего из под пера литературной дамы Романовой[i]: «Во многих районах и колхозах урожаи продолжают оставаться низкими… Особенно неблагополучно дело обстоит с развитием животноводства… Велики потери скота от падежа. Велика яловость маточного поголовья. Низка продуктивность скота. Кормовая база развита слабо. Неудовлетворительно обеспечено поголовье скота животноводческими постройками. Слабо механизированы трудоемкие процессы на фермах. Поголовье скота по сравнению с 12 г.в.в.э. уменьшилось в 37 г.в.в.э. на 8,9 миллионов голов[ii]. Только в 36 г.в.в.э допущено сокращение крупного рогатого скота на 2,2 миллиона голов. При этом нужно учесть, что произошло сокращение поголовья лошадей по сравнению с довохровским периодом на 50%...

i «Кривда», 13 сентября 37 г.в.в.э.

ii Доклад Никитова на сентябрьском Пленуме 37 г.в.в.э.

Продолжает оставаться крайне низким продуктивность животноводства… Имеет место снижение удоев, настрига шерсти и других качественных показателей… Многие колхозы продолжают производить массовые закупки скота у кахов…

Животноводство и в предвоенные годы было развито недостаточно и не могло полностью удовлетворить потребности населения в мясных и молочных продуктах, а легкую промышленность в важнейших видах сырья…

Крупным недостатком является серьёзное отставание в производстве картофеля и овощей.

…Принцип исчисления обязательных поставок… извращен. В сельском хозяйстве нарушен принцип материальной заинтересованности. Завышены нормы поставок с приусадебных хозяйств. Имевшие место недостатки в налоговой политике в отношении личного хозяйства кахов привели к сокращению поголовья коров, свиней, овец в личной собственности.

Даже в зерновом хозяйстве… остается неудовлетворительной механизация трудоемких работ по послеуборочной обработке зерна на токах, по сбору и скирдованию половы и соломы, внесению органических и минеральных удобрений. В области производства кормов почти не механизированы очень важные работы по стогованию сена…

Из 350 тысяч специалистов с высшим и средним образованием в колхозах работают 18,5 тысяч… Из 94 тысяч председателей колхозов[i] высшее образование имеют 2,4 тысячи, а среднее-специальное – 14,2 тысячи. Подавляющее большинство директоров, главных инженеров и главных агрономов машино-тракторных станций не имеют высшего образования. Основная масса агрономов, инженеров, зоотехников, ветработников и других специалистов оседают в учреждениях, а МТС, вохрозы и колхозы испытывают острый недостаток в квалифицированных кадрах. Сельскому хозяйству оказывается недостаточная помощь в снабжении лесоматериалами, кирпичем, известью и кровлей… Во многих артелях все еще низка производительность труда… На животноводческих фермах попрежнему преобладает ручной труд… В степных засушливых районах в неудовлетворительном состоянии находится водоснабжение скота… Поголовье в зимний период размещается скученно в плохо приспособленных помещениях…

… Многие колхозы значительную часть продукции животноводства сдавали государству в счет обязательных поставок, а действующие заготовительные цены на мясо, молоко, масло, яйцо не создавали необходимой заинтересованности колхозов и кахов в развитии общественного животноводства. Достижения науки и опыт передовых животноводов продолжают оставаться, как правило, достоянием только лучших вохрозов…

Неудовлетворительно обстоит дело с животноводством в личной собственности кахов…

Колхозы, чтобы отчитаться в выполнении плана, вынуждены сохранять и кормить до 1 января большое количество непродуктивного и выбракованного скота, предназначенного для сдачи государству, продажи и использования на мясо…

… Во многих колхозах и вохрозах посадка картофеля производится с большим опозданием, по не удобренным землям, при посадке допускаются заниженные нормы высева… Запоздалая и недоброкачественная уборка вызывает большие потери… Семенные фонды создаются… когда наступает ненастная погода и заморозки.

… Картофель закладывается мокрый или замороженный, без переборки, значительная часть портится при хранении…

Слабо развито парниковое хозяйство, вследствие чего крайне мало производится овощей в зимне-весенний период и в недостаточном количестве выращивается рассада капусты и других овощных культур…

Производство картофеля до сих пор базировалось на ручном труде…

---

i Уже после укрупнения. Во времена «Жатвы» их было 200 тысяч (прим. автора).

Многие колхозы и вохрозы получают низкие урожаи зерновых, масличных и бобовых культур. Основной причиной низких урожаев является неудовлетворительное качество работ, производимых МТС… Значительная часть посевов яровых производится по весновспашке. Сроки весеннего сева недопустимо затягиваются. Пары поднимаются поздно и плохо обрабатываются, озимые сеют несвоевременно. Не изжита практика посева несортовыми, недоброкачественными семенами и норм высева…

Одной из главных причин низкой урожайности зерновых, масличных и технических культур в ряде районов страны является недостаточное внесение в почву органических и минеральных удобрений, особенно навоза, торфа, торфяных компостов…

… Во многих колхозах и вохрозах из-за несвоевременного и недоброкачественного проведения работ по уходу за посевом зерновых, масличных и технических культур, а также из-за потерь урожая при уборке, недобирается большое количество сельско-хозяйственной продукции».

Как уже отмечено выше, даже воспользовавшись возможностью свалить все грехи на Виссарионова, что может вызвать улыбку даже у вохровских малых детей и рассмешить вохровских кур, великий Никитов сильно преуменьшил развал вохровского сельского хозяйства, скрыл фактическое закрепощение кахов и их невероятно низкий жизненный уровень. Через пару лет никитовского правления вохровские писаки вновь начали захлебываться от восторга, во всю расписывая возросшее «изобилие» кахов. В 47 г.в.в.э.. при наличии самой большой пахотной площади в мире, у стран загнивающего капитализма было закуплено миллиард берков хлеба, без чего неминуемо имел бы место такой же голод, как в 5-6, 16-17 и 30-31 г.г.в.в.э.

В 48 г.в.в.э., через 15 лет после великих колхозных побед, описанных Романовой в «Жатве», великий Никитов был свергнут, и новые великие вохровские вожди, обвинив Никитова в волюнтаризме, сделали его козлом отпущения за очередной провал колхозного и вохрозного сельского хозяйства.

В третьей, четвертой, шестой и восьмой главах «Введения…» автор этих строк показал, что из-за энтропийной, уродливой, экономической системы (включающей и принудительный, подъяремный труд), созданной вохровской иерархией, производительность труда в сельском хозяйстве Государства Тмутараканского в 13 раз меньше, чем в Колумбовии. Что конечная производительность труда в вохровском «общественном» сельском хозяйстве не превышает производительность труда в примитивном, карликовом, приусадебном хозяйстве кахов. Что производительность труда вохровских кахов отстала на сотни лет от производительности фермеров в странах загнивающего капитализма. Что производительность труда кахов Государства Тмутараканского, вооруженных новейшей техникой стран загнивающего капитализма, можно сравнивать только с производительностью труда в рабовладельческих хозяйствах.

Что вохровские кахи перестали беречь «общественную» землю, так как она их не кормит или кормит хуже крохотного приусадебного участка, находящегося в их личном пользовании.

Литературная дама Романова через 7 лет, по существу, повторяет Аваежа. Аваеж в 25-26 г.в.в.э. превратил пришибленных, уничтожаемых, жестоко эксплуатируемых зеков в патриотов-героев, совершающих невероятных трудовые подвиги.

То же самое Романова проделала с почти столь же угнетенными, столь же эксплуатируемыми кахами. Весьма схожи бутафорская «демократия» зеков, превращенных в «забронированных» землекопов, и придуманная «демократия» кахов.

Идеальный парторг – секретарь горкома Залкинд, как две капли воды, удивительно похож на идеального секретаря райкома Андрея.

Столь же схожи типовой идеальный хозяйственник – вохр Батманов и идеальный председатель колхоза – вохр Бортников. У идеальных типовых жен парторга Залкинда и секретаря горкома Андрея разные профессии, но во всем остальном они похожи.

Похожи и эпизодические герои из «свободных» энтузиастов-кахов и «свободных» энтузиастов-землекопов и имеющих «броню» (от воинской повинности) чернорабочих. Наконец, и здесь и там имеет

место принятые в ложноклассических произведениях единство действия и времени, с тем только различием, что принят год вместо 24 часов!

Через год разваленное Сидоренко строительство достигает вершин идеальной организации, творятся всяческие чудеса техники и героизма, и нефть течет с острова в Новинск.

Через год разваленный предыдущими председателями колхоз, самый отсталый в районе, с помощью сверхъестественного организационного искусства Бортникова и его соратников, становится многоотраслевым, процветающим сельскохозяйственным предприятием, и счастливые кахи везут домой огромные воза всяческих продуктов.

В «Жатве», так же, как в «Далеко от Кремлевии» читателя вдохновляет счастливая развязка. Василий Бортников и Авдотья счастливы. Андрей и Валентина – счастливы. Петр и Фрося – счастливы. Ксюша и Сережа – счастливы.

В порыве трудового энтузиазма все разногласия этих счастливых пар не только ликвидируются, но переходят в свою противоположность. Для разнообразия Аваеж «трагически» губит Тополева и Силина, а литературная дама Романова – идеального вохросомольца Алешку.

Все же у таких «значительных» писателей имеются кое-какие различия.

Аваеж, немного ознакомившийся в лагере с самыми примитивными приспособлениями, пытается показать свои знания в совершенно недоступных для него областях техники и организации, но обнаруживает свое глубокое невежество. Литературная дама Романова более осторожна. Она дословно переписывает соответствующие передовицы из соответствующих вохровских газет и избранные постановления всяческих пленумов и партийных инстанций о сельском хозяйстве – и невежество приходится приписывать не Романовой, а переменной генеральной линии партийной иерархии в 32-34 г.в.в.э.

Романова начинает свой роман описанием отстающего колхоза, который был разорен председателем колхоза, пьяницей и бездельником, и сверхидеального секретаря райкома Андрея, «рвущегося» на работу в «отсталый» район:

«Председатель этого колхоза, пьяница и бездельник, хозяйничавший в нем в 27-28 г.в.в.э., когда трудности военного времени требовали особой слаженности работы, нарушил севообороты, запустил землю и так подорвал колхозное хозяйство, что с тех пор колхоз хирел и чах… «Самый трудный колхоз, самого трудного сельсовета и в самом трудном районе области, – думал Андрей, машинально обводя карандашом по стеклу кружки около Первомайского, – и трудно с ним работать»…

… До войны Андрей работал секретарем райкома на Чилани и товарищи не раз шутя говорили ему: – Тебе легко ходить в «передовых»: тебя чернозем вывозит.

И тогда еще возникло у него упрямое желание доказать другим, что дело не в черноземе, а в методах руководства, и проверить себя на работе в трудных условиях. После демобилизации Андрея направили в нечерноземную и трудную в сельскохозяйственном отношении область. Он упорно отказывался от работы в аппарате обкома и рвался в район. Угренский район с его плохими почвами и суровым климатом привлекал его, как привлекает сильного борца достойный соперник».

Короче говоря, литературная дама Романова более деликатно, чем Аваеж, выполняет стандартную задачу ведомства литературы по организации Темкинских деревень. Ей следует показать: во-первых, что сельское хозяйство загнано в тупик не уродливой, энтропийной, вохровской экономической и политической системой, о которой она, кстати, не имеет никакого представления, а потому, что кое-где попадаются председатели колхозов – пьяницы и бездельники и не все секретари райкомов – идеальные люди и работники, во- вторых, что когда во главе колхозов и райкомов становятся типовые, идеальные вохры (как по большей части и бывает в... пропаганде), то жизнь кахов немедленно, по щучьему велению, становиться изобильной.

Вернувшийся с войны вохр Бортников, назначенный председателем колхоза, предельно ясно представляет себе будущее колхоза:

«… Если поможете с тяглом и с семенами, то с первого урожая выбьемся из отстающих, со второго – поднимемся до хороших, с третьего выйдем в передовые… Бортников вынул из-за пазухи свернутую вдвое тетрадь: – Смотри! Все рассчитано тут: сколько какой бригаде каких удобрений, куда возить на конях и куда на салазках, сколько с какой коровы и какой доярке добиться удоя. Полный план…

Они сидели друг против друга: маленький светловолосый, подвижный Андрей и рослый, темный, мрачноватый Василий – совсем разные и в то же время чем то похожие друг на друга, одинаково увлеченные разговором…

– Тебе будет трудно – говорил Андрей, – особенно вначале… Я несколько раз видел, как росли слабые колхозы с приходом хороших руководителей, и каждый раз поражала меня именно быстрота подъема…».

Все точно совпадает с речами великого Виссарионова и его подручных!

В полном соответствии с бутафорской «демократией», Андрей поучает Василия:

«– Не дело говоришь! Одного повернешь к себе «силом», десять других отвернутся от тебя. С кем будешь поднимать колхоз? В одиночку?.. Если ты имеешь дело с врагом, то гнать его надо и судить. Если перед тобой свой, вохровский человек, то надо его брать не силой а убеждением…».

Тут же, между делом, литературная дама Романова отмечает изобилие, царившее в этом отсталом колхозе в довоенные годы:

«… Постепенно жизнь менялась. Они вступили в колхоз, и труд Кузьмы Бортникова[i] в колхозе становился все весомее и заметнее. Пришло такое время, когда он повез домой тонны зерна и овощей, полученные на трудодни. Это богатство было обильней, надежней базарных прибылей Степаниды: уже не только хлеб в доме, но и кисели были не от нее, а от него…».

Так, в полном соответствии с вохровской печатью, литературная дама беззастенчиво врет об изобилии в терроризированной, нищей, предвоенной, колхозной деревне, и дополняет этот вымысел другим о бутафорской, газетной славе:

«Ходил он хмельной от лютого азарта работы, от районной славы, неожиданно свалившейся на его еще мальчишескую голову…[ii]»

В таком же духе литературная дама расписывает довоенный трудовой энтузиазм:

«Когда рабочий срок кончился, никому не хотелось уходить с поля. Все остались в поле дотемна. Ехали домой в сумерках на последней машине, груженной картошкой. Ехали с песнями, и когда поравнялись с правлением, то все, кто там был: кахи, председатель и районный агроном – вышли на крыльцо навстречу и шутя называли девушек «картофельными сташовками».

Любой ках и даже горожанин и четверть века (после описываемого 24 г.в.в.э.), увидя засоренное поле с редкой, низкой картофельной ботвой, понимает, что это колхозный картофель. Великий Никитов полтора десятилетия спустя вынужден был констатировать, что в колхозах дело с выращиванием овощей и картофеля обстоит предельно плохо, даже с его, ничего общего не имеющей с рациональной экономикой точки зрения, а литературная дама, в 23-24 г.в.в.э., по-сташовски отлично выращивает в колхозах картофель!

Вот как уговаривает «паразитов» и упрекает их в использовании колхозных благ председатель Василий Бортников:

«В кротоловы, значит определился? … Бей! Разживайся! Устраивай коммерцию. А в колхозе медведь будет работать… – Что имеешь от колхоза? Коротка твоя память, Павел Михайлович. Приусадебный участок, как ках, имеешь. Корова твоя, Милка, не с колхозной ли фермы тебе дадена в 25 г.в.в.э.? Дрова эти, что у печи лежат, не на колхозной ли подводе вожены? Баба твоя, Полюха, не в колхозном ли родильном доме рожала! Старика твоего не на колхозной ли подводе в больницу возили? Баню ты поставил на задах не из колхозного леса?...

---

i Отец Василия Бортникова (прим. автора).

ii Относится это к довоенному Василию Бортникому (прим. автора).

– Паразит! Волчья хребтина! – ругался Василий».

Так литературная дама ставит всё с ног на голову. «Демократический» колхозный председатель «любовно» уговаривает (!) Павку идти на работу.

Оказывается, что у крестьян не отобрали землю, обильно политую потом их бесчисленных предков, не отобрали скот и их жалкие сельскохозяйственные орудия, а колхоз от своего изобилия подарил каху карликовый приусадебный участок в 0,25-0,4 гектара, корову, дрова, подводу и лошадь, изъятые у крестьян, для того, чтобы подвезти больного крестьянина в больницу. Как должен быть безмерен цинизм литературной дамы и ее хозяев, чтобы так ставить все с ног на голову?

Известно, даже из многочисленных постановлений партийной иерархии, что работники райкома сплошь и рядом грабили колхозы, получая по символическим ценам скот, птицу, мед и другие продукты. Как правило, председатели колхозов пресмыкались перед корыстолюбивыми работниками райкомов, обкомов, райисполкомов, облисполкомов, земельных управлений и прочим начальством. А литературная дама изображает корыстолюбивого работника райкома Травницкого как исключение, да и то бесстрашный председатель, вохр Бортников вышвыривает его. Какой рыцарь без страха и упрека! Красной линией через все «замечательное» произведение проходит страстная любовь секретаря райкома Андрея и его жены – агронома Вали, тоже вохровки. Однако, эти любящие энтузиасты во имя работы все время расстаются друг с другом. Почти так же все протекает у Василия Бортникова и его жены Авдотьи.

Секретарь райкома Андрей, необычайно одарен: «Его талантливость проявлялась в его жажде к жизни. Он жадно, с увлечением делал все: работал, руководил людьми, любил, дружил, читал книги, смеялся и сердился, думал и претворял мысли в действие. Это была настоящая жадность к действию, к активному и властному вторжению в жизнь».

Столь же идеальна и талантлива его жена Валентина. В очередной раз она рассталась с Андреем и поехала в глушь: «Сложность предстоящей работы пугала Валентину… «Хозяйство» мое не малое, – думала она – и каждый гектар я должна знать, как знают хозяйки каждую полку в своей кладовой. Справлюсь ли? Не опозорюсь ли? Вохросомольцы, молодежь, колхозный актив – вот моя надежда. Оторвусь от них – затеряюсь в снегу, как это хворостинка в сугробе. И не дело вот так, как сегодня, ходить одной по полям, ковырять землю. Это я только для начала, а там надо все построить иначе…».

Поначалу идет «борьба» между ретивым председателем и колхозными активистами:

«Валентина не ошиблась. Несколько дней назад на правлении утверждали разработанный Василием план строительных работ. План сильно сократили и утвердили после долгих споров, во время которых Василий главного своего противника – Бузыкина выгнал с правления, как нетрезвого, а Матвеича назвал отсталым элементом…».

Хотя бутафорская колхозная демократия действует во всю, но в дальнейшем идеальная жена типового, идеального секретаря райкома, секретарь вохровской ячейки из трех вохров Валентина, будет выкорчевывать некоторые наполеоновские замашки идеального, типового председателя колхоза Бортникова:

«В течение целого месяца твоей работы ты не сумел наладить такой простой вещи, как своевременный выход людей на работу. Почему? Ты или сидишь в правлении, или пишешь в приказах выговоры, или – еще того хуже – начинаешь ходить по домам и «выгонять» людей на работу. А часто ли ты бывал с людьми в поле или на лесоучастке? И что ты сделал для того, чтобы заинтересовать кахов работой и показать им ее перспективы? Что ты сделал, чтобы – по-настоящему наладить соревнование? Доску с показателями повесил. А сумел ли ты заинтересовать людей этими показателями? Кому, когда и где ты рассказал о методах работы твоих лучших бригадиров?».

Литературная дама словами идеальной жены идеального секретаря райкома выбалтывает, что даже лучший типовой идеальный председатель колхоза в условиях бутафорской колхозной «демократии» пишет приказ с выговорами и «выгоняет» кахов на работу. С другой стороны он не использует весь реквизит бутафорской «демократии».

Но в пылающем энтузиазме вся вохровская, партийная, сельская ячейка, состоявшая из трех вохров, находит общий язык:

«… Давно уже был разрешен последний вопрос, давно уже был написан протокол, а они все еще не могли разойтись. Они планировали будущее, советовались друг с другом, критиковали друг друга и просто радовались тому, что партийная организация в колхозе «Первое мая» существует, что уже чувствуется ее направляющая и руководящая сила.

Их было только трое, трое вохров, и все они были обыкновенными людьми, со многими слабостями и недостатками, но от того, что все они стремились к одной высокой цели и шли к ней неуклонно путями, указанными партией, шли, жестоко критикуя, исправляя и дополняя друг друга, они сами становились силой, имя которой – партия».

И идеальная Валентина, и коллективный дух ячейки из трех вохров исправляют идеального председателя, и он ликвидирует свои мелко-наполеоновские недостатки:

«От веселого и дружеского голоса Валентины, от того, что там за десятками километров маленький, неутомимый Андрей Петрович не переставал думать и заботиться о колхозе, Василию стало легче. И еще раз он сделал усилие над собой и еще раз переломил себя. «И что я нос повесил, как последний хлюпик? Сегодня плохо, завтра будет хорошо! А ну, тряхнем стариной!»

Идеальная Валентина – молодой агроном, которая, вообще-то говоря, должна иметь ничтожный профессиональный багаж, стараниями литературной дамы, организует всё и вся:

«С первого взгляда могло показаться, что все делается легко и как-то само собой, в действительности же это было организовано непрерывными хлопотами и стараниями Валентины».

В главе третьей показано, что даже к великому пятидесятилетию, то есть почти через два десятилетия после описываемых событий, выращивание льна и его переработка осуществляются предельно скверно, в условиях вопиющей бесхозяйственности. А идеальная Валентина и ее не менее идеальный брат, типовой вохросомолец Алешка легко и непринужденно организуют льнопункт и переработку тресты:

«Наконец, Алексей придал волосам состояние, необходимое по его мнению, оратору, выступающему с ответственной речью.

– Товарищи! – заговорил он. – Нам необходимо поднять колхоз до его прежней красоты. Нам необходимо укрепить и оздоровить скот, нам необходимо хорошо унавозить поле, нам необходимо хорошо подготовиться к весне. Для этого необходимы дополнительные суммы. Обещали нам ссуду от государства, но не к лицу нам сидеть, сложа руки, дожидаясь помощи. Мы вохросомольцы, дали правлению колхоза слово, что мы достанем для колхоза минимум тридцать тысяч вохриков к первому января. По нашим расчетам мы сможем достать эти деньги, если хорошо переработаем тресту и сдадим ее не трестой, а льноволокном высокого качества…

Комната сразу наполнилась шумом.

– Фрося, иди в наше звено, с тобой веселее! – звала Валентина. – А я хочу в Алешеньке».

Романова изображает, как Февральский Пленум ЦК в 32 г.в.в.э. наполнил всех энтузиазмом; и секретарей райкомов, и председателей колхозов, и кахов:

«– Надо! Надо к апрелю!» – сказал Андрей. – Вместо наших маленьких МТС одна мощная! Сто тысяч тракторов за 31-32 г.в.в.э.! – мечтательно продолжал он. – Триста двадцать пять тысяч, треть миллиона тракторов к кончу пятилетки! нет, вы представляете, что все это значит?... – Через три-четыре года в районе будет сто пятьдесят тракторов. Это больше, чем я имел на Чибани! … – Ты чего улыбаешься? – обратился он к Лаптеву. – Посмотрим, кто из нас будет улыбаться в 34 г.в.в.э…

Андрей сел рядом с Василием и заговорил негромко и доверительно: – Я сам, когда продумывал решение Пленума, много нашел у себя ошибок. И такая разобрала меня досада. Ведь то, что я до сих пор по-вохровски, вплотную не занялся вашим колхозом, – моя ошибка… Да… В долгу я перед тобой,

Василий Кузьмич, вот о чем сказал мне Пленум ЦК нашей партии… Он говорил негромко, просто и раздумчиво, словно не доклад делал, а присев на завалинку, беседовал с друзьями.

– Все ли здесь понимают, товарищи, какому стремительному подъему сельского хозяйству после войны положил начало

Февральский Пленум? Все ли ясно представляют, что будет в стране через несколько лет? Все ли представляют, что будет в нашем колхозе через три-четыре года? Плохой ваш колхоз, один во всем районе такой. Но в том то и сила наша, что очень быстро мы сумеем вывести колхоз из прорыва, если дружно возьмемся за работу.

Как о чем-то близком и несомненном, он говорил об урожаях в 20-30 центнеров, о высокопродуктивных животных, об электрификации многих работ…

Он показывал цель и короткими зарубками намечал ступени к этой цели. С каждым его словом будущее становилось ближе и достовернее…».

Литературной дамой запущен в ход весь реквизит Темкинских деревень: и идеальный секретарь райкома, и его идеальная жена, и ставший, наконец, идеально белым типовой председатель колхоза, и энтузиазм вохросомольцев в частности, и всех кахов вообще, и слаженная работа ячейки из трех вохров и, что самое главное, чудодейственное решение Пленума ЦК.

Казалось все предельно ясно.

Через три-четыре года, к 34 г.в.в.э. самый отсталый колхоз «самого трудного сельсовета, в самом трудном районе области», в трудной Нечерноземной полосе, с суровым климатом, станет передовым.

Еще более отчетливо ясно, что к 34 г.в.в.э. все Государство Тмутараканское станет передовым: начнут во всетмураканском масштабе собирать урожаи по 30 и более центнера, скот станет высокопродуктивным, все будет эликтифицировано… Воцарится сверкающий вохризм – и не позднее, чем в 34 г.в.в.э.

Чтобы убедить гипотетических недоверчивых читателей, литературная дама ссылается на самого… великого семинариста: «Матвеич обдумывал свою речь… и заговорил взволнованно и негромко: – Когда захирел наш колхоз, уходило колхозное добро, как сквозь решето, думалось мне товарищи: продам я свою Белянку … доеду я до Кремлевии, до самого товарища Виссарионова. Не доехал я к товарищу Виссарионову, а он прислал мне письмо.

Вот оно, это письмо! – Матвеич вынул из-за пазухи газету. – Вся дорога здесь размечена, каждый малый разъездик здесь поименована, паровозы с вагонами у нас имеются – садись и поезжай! Вот слушал я доклад, смотрел на вас товарищи и думал: верно сказал Андрей Петрович, года не минует, как мы сами себя не узнаем. Председатель теперь у нас хороший, денег подзаработали…».

Ну, уж, разумеется, сам великий Виссарионов разметил дорогу и поименовал каждый маленький разъездик, точно так же, как десять лет спустя великий Никитов и его подручные составили строгий научный план, где каждая цифра была рассчитана (не так, как у этих хвастунов и неучей из стран загнивающего капитализма) и совершенно отчетливо был виден въезд в светлое царство вохризма к 1 января 64 г.в.в.э. Но увы! И великий Никитов, и литературная дама Романова «ошиблись». Не только к 34 г.в.в.э., последний отсталый колхоз не был ликвидирован, но и через пятнадцать лет урожаи в Нечерноземной полосе составляли 3-5 центнеров, скот главным образом перерабатывал корма на навоз, и работы не только не были электрифицированы, но во многих колхозах даже не было тусклого электрического освещения, а доход кахов нечерноземной полосы составлял 20-30 вохриков в месяц, в 50 раз меньше средней зарплаты колумбовских рабочих в загнивающей Колумбовии. И так было не в «сверкающем» 34 г.в.в.э. литературной дамы, когда голодали и кахи, и горожане – в своих тесных коммунальных квартирах, но и через 15 лет. Тем не менее литературная дама Романова, так же, как и полицейский литератор Бурнов, не была бы по-вохровски «литературной», если бы трусливо не пресмыкалась перед величайшим палачом в истории человечества:

«Прямо против Авдотьи висел большой портрет Виссарионова. Авдотья хорошо знала лицо Виссарионова, но здесь, в райкоме, оно показалось ей новым, как по новому открывается лицо человека, когда впервые видишь его в его родном доме.

Глаза Виссарионова были чуть прищурены и смотрели так, словно он видел что-то далекое, еще не видное другим, на губах лежала добрая полуулыбка. Лицо дышало ясной мудростью.

Авдотья вдруг подумала о том, что людям рядом с Виссарионовым должно быть очень хорошо, спокойно, радостно, уверенно. В этот день она по своему, по особенному увидела лицо вождя и оно сказало ей:

«Живи по чести, работая по совести, и все будет хорошо».

В 32 г.в.в.э., когда авантюрист Кудрявенко «заправлял» биологией и жалкая «козловская» биология противопоставлялась истинной науке, когда кибернетика провозглашалась шарлатанством и вообще вохровская наука, ведомая специалистом по языкознанию Виссарионовым, была в глубоком упадке, литературная дама, в соответствии с генеральной линией самодержца Виссарионова, писала:

«– По всем фронтам ведет наступление вохровская наука… – начал академик. – Вохровские пилоты и физики наступают на стратосферу, вохровские океанографы изучают морские глубины, вохровские ученые проникают в атомное ядро, вохровские козловцы управляют протоплазмой живых клеток. И мы, вохровские хлеборобы, тоже ведем непрекращающееся наступление на наши поля, воюем за тонны хлеба, намеченные виссарионовским пятилетним планом».

Итак, как у всех «значительных» вохровских писателей, волшебным образом не только колхоз, но и даже животноводчество колхоза стало многоотраслевым хозяйством и Авдотья немыслимо выросла:

«Хозяйство сделалось сразу таким многосторонним и сложным, что уже стало трудно за всем «доглядеть»… Теперь необходимо было и учить людей и растить из них организаторов, и увлекать их своими планами, и превращать их в своих помощников… Со свойственным ей самозабвением работала она на ферме, и окружающие не могли не видеть этого».

Совершенно непостижимо – так же, как и строительство нефтепровода у Аваежа, за полгода, в период чудовищного упадка всетмутараканского сельского хозяйства, самый отсталый колхоз в самом отсталом районе Государства Тмутараканского становится преуспевающим предприятием:

«Еще совсем недавно на семенном складе лежало мелкое и сорное зерно, на ферме тоскливо мычали отощавшие от бескормицы коровы, в амбарах валялся сваленный в кучу неисправный инвентарь, на работу люди собирались лениво и поздно. Теперь все изменилось. Семенное зерно, которое получили в обмен на свое, было чистым и крупным; коровы оправились на сене, частью купленном, частью полученном в виде помощи от государства; в амбаре хранился перечиненный инвентарь; люди приходили на работу минуту в минуту.

… Уже много появилось и того, чего не было никогда, что превосходило даже самые лучшие дни. Никогда прежде колхоз не имел ни электромоторов, ни дождевальных установок[i], ни такого запаса минеральных удобрений! Новая весна шла, как весна машин и высокой агротехники».

Сам председатель, Василий Бортников, страстно «влюбленный» в механизацию, удивляется пылу литературной дамы Романовой, которая за полгода так «преобразила» колхоз:

«Василий полюбил машины с тех давних пор, когда впервые увидел трактор. С годами эта любовь превратилась в насущную потребность, и земля, оторванная от машин, казалась ему такой же пустынной и заброшенной, как жилье без человека. Он смотрел на механизмы и представлял себе тот долгожданный час, когда электромоторы будут установлены, когда триеры и молотилки заработают на электроэнергии. Мечта о новом токе, об электромолотьбе с каждый днем становилась реальнее…

… «Создать в колхозе такой перелом – шуточное ли дело? И полгода не прошло, как я принял колхоз, а сколько дел понаделано за это время» Куда ни взглянь, всюду подъем и достижения! К севу

i Романова совсем зарапортовалась. В Нечерноземной полосе с увеличенной влажностью она вводит дождевальные установки! (Прим. автора).

подготовились честь по чести. Семена очищены и отсортированы, инвентарь отремонтирован, навоз вывезен, минеральные удобрения подготовлены, второй генератор на станции поставлен, машины приобретены… Тот председатель, что выводит колхоз из отстающих – сила! … Недаром Петрович так интересуется колхозом».

Наивная литературная дама не замечает, что она мечтает о простейших сельскохозяйственных операциях, которые, к примеру, для фермера из стран загнивающего капитализма являются само собой разумеющимися и дающими на таких же землях, как и в Нечерноземной полосе, с которой героические кахи даже через 15 лет после описываемых событий получали 3-5 центнеров, – по 30-40 центнеров и притом устойчиво.

Романова предпочитает умолчать о том, что даже через 15 лет удобрения превращались в камень, семенное зерно никуда не годилось, не хватало даже неотремонтированной техники. Короче говоря, господствовал чудовищный развал не только в «отстающих» колхозах, но и в большей части колхозов Государства Тмутараканского, о чем так красноречиво свидетельствовали областные, вохровские вожди на мартовском Пленуме ЦК в 49 г.в.в.э., после того, как все можно было свалить на волюнтаризм сверженного Никитова. И это происходило через 17 лет после «героических» колхозных событий, описанных Романовой.

Далее, не довольствуясь типичным, идеальным председателем колхоза Бортниковым, литературная дама со смаком рисует еще одного сверхидеального председателя колхоза Угарова, который ездил на собственной голубой машине, разводил в колхозе черно-серебристых лисиц, раз в два-три месяца откупал в городе половину театра и вывозил кахов в театр в специальном вагоне. Авторитет этого сверхидеального в районе был необычайно велик.

Почти столь же идеален бывший гвардии капитан Малышко:

«Угаров и Малышко соревновались и зорко следили друг за другом. Стоило Малышко закупить гранулированные удобрения, как Угаров на другой же день посылал за такими же, стоило Угарову построить у себя крахмальный завод для переработки картофеля, как Малышко строил еще лучший завод.

На всех собраниях они всегда сидели рядом и привлекали всеобщее внимание…».

Романова, чересчур увлекшись сочинительством, даже забывает о «коллективе» и все приписывает сверх-идеальным Угарову и Малышко.

Разумеется, типовой, идеальный Василий рассуждает в соответствии с последней генеральной линией:

«Обида постепенно начинала сглаживаться во время лекции. Лектор рассказывал о том, как за рубежом поднимают голову силы реакции и как, пока осторожно, исподволь, «соблюдая маскировку», но день ото дня настойчивее и откровеннее ведут свою грязную политику поджигатели новой войны… Василий взял газету и продолжал: … «Прения в сенате Колумбовии о «помощи» Элладе и Янычарии». Это, значит, о чем речь? О том, чтобы под видом помощи выйти к Дарданеллам. «Операции эллинских войск против эллинских партизан». «В штабе войск около пятидесяти сакских наблюдателей… Села горят, женщины и дети умирают от голода…». Видали, что делается? Дальше посмотрим. Статья «Почему до сих пор не ликвидированы сакские монополии?» Ясное дело почему: «Свояк свояка видит издалека».

– А ты главное, главное просмотрел, – перебил его Буянов. – Вот! – Не выполняются Потсмужские и Тылтинские решения».

Идеальному председателю все ясно. И что вохровские агенты – это эллинские партизаны и что горят эллинские села. Ему не ясно только, что миллионы крестьян, рабочих и интеллигентов умирают в вохровских лагерях, а кахи в Виссарионовском царстве едят траву.

Авдотья становится великим плановиком. Она даже переплюнула Василия, своего мужа. Уже все расчитано в ее блокноте. До 34 г.в.в.э. она уже «спланировала» рост потребности в кормах в 3,5 раза, а, вот о 35 г.в.в.э. не подумали.

В конце концов, кахи победили и засуху и дожди и собрали огромный урожай:

«– Двадцать пять центнеров! – кричала Валентина… Нет, ты только подумай! Значит можно!... Значит дожди и засуха – все преодолимо!».

Наступает всеобщее, сияющее изобилие в полуголодный 32 г.в.в.э. даже в отсталом колхозе, только потому, что им руководили идеальный председатель и другие идеальные вохры:

«Неутомимо тянулись тяжко нагруженные подводы от колхозных амбаров к домам. Дымы поднимались в небо, и в каждом доме пахло пирогами, жареным мясом, сотовым медом, полученным с колхозной пасеки. Затевались сговоры и свадьбы.

Когда вывезли из амбаров все, что по предварительным подсчетам полагалось на трудодни, в воскресенье приступили к выдаче дополнительной оплаты лучшим бригадам. Добротные трудодни получали кахи и в довоенные годы, но дополнительная оплата за перевыполнение плана выдавалась впервые…

На пяти возах увозили зерно и овощи Большаковы – дополнительную оплату получили и Любава, и Ксюша, и старший сын Любавы…».

Старая Василиса становится архивохровкой. Когда ей в счет дополнительной оплаты хотят отдать лучших ярок, она приходит в ярость, что, мол, «эку моду взяли – лучших ярок уводить!». Даже талантливый мастер животноводства – Авдотья, растерялась:

«– Бабушка Василиса, да ведь мы ее не куда-нибудь, мы ее в твой же двор вести хотим. – Вот, он мой двор! – совсем уже сердито заявила Василиса и показала на ферму…».

Но Василиса плачет, счастье пришло поздно:

«– По старости… Развспоминалась… Родиться бы мне на полсотни годов попозже! А теперь что же! … Позднее счастье, что поздний дождь, нивы не поправит…».

Апофеоз. Авдотья тает от счастья. Ее принимают в кандидаты вохровской партии. В колхозе появляется свой собственный «строительный» отдел. Литературная дама – такой же инженер человеческих душ и «знаток» техники, как Аваеж, рассказывает, как «в особой комнате за чертежным столом воссел Михаил Буянов, окруженный рейсшинами, угольниками, рейсфедерами, рулонами ватмана и чертежами ферм, водонапорных башен, сельских клубов, больниц и яслей…».

Особенно умиляют глубокие познания литературной дамы в отношении рейсфедеров. Уже совсем не к месту она распространяется о реконструкции МТС и о том, как идеальный секретарь райкома Андрей и директор МТС посрамили старого, известного профессора Высоцкого. Но справедливости ради, следует отметить, что и это находится в полном соответствии с переменной генеральной линией самодержца Виссарионова и его подручных.

Таковы «значительные» произведения, которые уже после «разоблачения культа личности» новейший вариант вохровской «истории» нахваливает в отличие от «немалого» количества книг, в которых «приукрашивалась действительность и отсутствовала жизненная правда».

Неискушенному читателю просто невозможно представить себе, каковы же эти книги, в которых приукрашивалась действительность, если «Далеко от Кремлевии» и «Жатва» относятся к «значительным произведениям», в которых, по новейшему варианту «истории», не приукрашивалась действительность, и которые якобы полны жизненной правдой. Не говоря уже о бездарности этих «произведений», никак нельзя винить их в приукрашивании действительности по той простой причине, что действительность полностью отсутствует в них! Как уже выше было отмечено, не было ни «забронированных» землекопов, ни энтузиастов-крестьян, задыхающихся от неслыханного изобилия и счастья, а были угнетенные, вымирающие от чудовищно-тяжелых условий десятки миллионов зеков и кахов. Никакой даже самый толстый слой лакировки не может помочь, потому что полицейский застенок лакировать невозможно. Есть только безбрежный цинизм Аваежа и Романовой. Есть только верноподданная апология вивисекторского самодержавного режима самодержца Виссарионова. А любая апология любого полицейского, насильнического режима может быть только бездарной.

10. «Искатели»

Виссарионовский период закончился. Через несколько лет Никитов бесстрашно разоблачил «культ личности». Множество произведений, «приукрашивавших действительность», в которых «отсутствовала жизненная правда», были преданы анафеме и забракованы. Отныне должен был начаться расцвет истинной вохровской литературы.

И в самом деле, видный функционер полицейской, литературной цензуры Базаров на четвертом съезде вохровских писателей, всячески нахваливает десятки талантливых вохровских «перьев» и их продукцию, вышедшую после ликвидации «культа личности». Эти талантливые, вохровские «перья» проникли в тему науки и техники и в причудливую психологию людей из этой области. Они по-новому подошли к новым, еще более культурным, представителям вохровской партийной элиты.

Инженер человеческих душ Плоскин – жалкий дилетант в науке, зато отрешившийся от «литературных» методов времен «культа личности», режет правду-матку. В романе «Искатели» он расписывает карьериста Виктора и авантюриста-профессора Тонкова.

Плоскин весьма слабо представляет себе технологию превращения молодого специалиста в крупного инженера. Он, как это принято у вохровских писателей, без технических подробностей и без психологической логики превращает молодого Виктора, который всего год работает начальником технического отдела какого-то энергетического учреждения, по существу, молодого незначительного бюрократа, – в крупного инженера: «Виктор в эти годы быстро выдвинулся. В журналах и газетах все чаще появлялись его статьи. Он выступал на конференции, пользовался известностью, как крупный инженер. Год назад он был назначен начальником технического отдела…

Славно быть руководителем… Многие боятся ответственности – вздор! Мне смешно смотреть на таких. Люди доверяют тебе. Без тебя дело не идет... Ты один разъединственный можешь принять решение… У тебя все ключи и секреты. Приходится быть энциклопедистом. Решай мгновенно. Тут и строительные дела, всякие фундаменты, опоры, и новые топки надо устанавливать, и плохой торф привезли… А за всеми этими котлами – люди, характеры… Кому нужно больше денег заработать… Кто завидует, кто подсиживает приятеля… Кое-кто берет взятки… Сплетничает, знаешь – каждый доволен своим умом, и никто не доволен своим положением. Или вот снабженец: достает только то, что трудно достать, а не то, что нужно… Или вот толковый инженер, а зашибает водку…».

Не говоря уже о том, что Плоскин, как поверхностный дилетант, превращает молодого бюрократа Виктора в «крупного инженера», он, как и большинство вохровских «писателей» явно берется за тему, в которой разбирается также «хорошо», как Аваеж в технике. Так же, как литературная дама Романова, щеголяя своими техническими познаниями, сваливает в одну кучу рейсфедеры, рулоны ватмана и чертежи водонапорных башен и яслей, Плоскин, щеголяя своими познаниями, сваливает в одну кучу фундаменты, опоры и топки.

Зарубежные, даже третьестепенные газетные репортеры специализируются в том разделе, которым они занимаются; в музыке, балете, радиотехнике, нефтяном деле и т.п. Вохровские же «писатели», даже такие, как Ильенбург и Шероховатов, все свои познания получают от дилетантов из партийной или хозяйственной элиты. Вот почему молодой инженер-бюрократ, подчиняясь фантазии автора, легко пишет статьи и становится «крупным инженером». По той же причине дилетант Плоскин приписывает молодому Андрею Лобанову, аспиранту начала тридцатых годов в.в.э., когда большинство аспирантов были еще невежественнее аспирантов, работавших в конце сороковых годов великой вохровской эры, – повадки ученых довохровской эры или ученых стран загнивающего капитализма. Учебные институты и к пятидесятилетию великой вохровской эры весьма редко занимаются разработкой конкретной тематики, а идеальный профессор Одинцов, не сходя с места, заключает с Энергосистемой договор на «усовершенствование прибора по определению повреждения в линии»:

«Аспирантура убедила Андрея, что дело не в том, защитит ли он диссертацию, а в том удастся ли ему стать ученым! … Иной раз результаты всех трудов повисали в воздухе… и тогда перед ним возникал пугающий вопрос: а нужно ли кому-нибудь то, что ты делаешь… Он искал утешения у Один-

цова (!) … Стеклодуву поручить?... У вас должна быть не только голова, но и руки ученого. И Андрей повторял опыт, еще и еще «разик» выдувал стеклянные баллоны для своих ламп, тянул тончайшую кварцевую нить, слесарил, клеил. (!) …

Мне из вас не кандидата сделать, а ученого… По ходу работы потребовалось провести серию сложных и дорогостоящих опытов. Лаборатория учебного института не имела для этого ни оборудования, ни средств. Тогда Одинцов решился на нелегкий для себя шаг: он пошел к главному инженеру Энергосистемы и предложить заключить договор на усовершенствование прибора по определению повреждения в линии (!). Эта работа как раз была связана с темой диссертации Лобанова. Когда-то Одинцов пытался внедрять автоматику на станциях. Человек «неполитичный» и резкий, столкнувшись с недоверием к своим предложениям, он скоро перессорился с администрацией Энергосистемы, поехал в министерство, протолкался в приемных около двух недель, написал семь писем и заявлений и убедился, что для того, чтобы разрешить вопрос, надо год-полгода посвятить себя этому занятию… За это время я лучше разработаю еще один прибор… Он стал избегать общения с производственниками (!) и, особенно, с администрацией Энергосистемы. Консультировать – пожалуйста. Внедрять – увольте. И вот впервые это правило было нарушено ради Лобанова… Чтобы выполнить договор, требовалось много времени, зато отвлеченные рассуждения в диссертации Лобанова должны были обрасти несокрушимым костяком опытных данных…

…Андрей после первых опытов пришел к выводу, что и прибор, и метод, который кафедра взялась по договору усовершенствовать, устарели. Последние достижения радиолокации позволяли создать принципиально новый способ… Разумеется, сейчас ему нельзя было и думать браться за разработку нового способа… Имел ли он право возиться со старым, негодным, только ради того, чтобы использовать установку и деньги для новой диссертации? (!!!)…».

Трудно даже представить объем технических познаний инженера человеческих душ Плоскина. Возможно, Плоскин такой же «знаток», как и Аваеж, а, может быть, он чуть покультурнее. Но краем уха Плоскин что-то слышал от дилетантов в науке и дилетантов-бюрократов. Плоскин знает, что в вохровской империи существуют аспиранты, кандидаты наук и профессора. Плоскин знает, или слыхал, что где-то разрабатываются какие то поисковые или практические, технические темы. Кто-то с кем-то заключает какие-то договора. Как-то защищаются какие-то диссертации. Плоскин знает даже о бюрократизме в учреждениях. Он даже слыхал, что кто-то кого-то консультирует. Плоскин даже знает, что диссертации даются кому-то на отзыв.

Познания инженера человеческих душ Плоскина в науке и в людях науки настолько глубоки, что ему даже известен профессиональный уровень работников электролаборатории Энергосистемы. Плоскин знает, что они «отложили» уже давно «отложили в сторону свои теоретические знания, как ненужный в походе груз». Более того, «знатоку» Плоскину известны даже такие тончайшие детали (в науке!) о о том, что работники электролаборатории «позабыли решения простых дифференциальных уравнений, путались в основных формулах». (!!!)

Плоскин закончил роман «Искатели» в 38 г.в.в.э., в межвременье между смертью великого диктатора и «разоблачением» его культа. Это в какой-то степени оправдывает писателя. Он был продолжателем «традиций» Аваежа и литературной дамы Романовой. Но его трудно оправдать, как скверного третьеразрядного репортеришку, стремящегося олитературить вохровскую «науку» и типовых идеальных представителей этой «науки».

В 18 разделе третьей главы и в других главах «Введения…» автор этих строк уже охарактеризовал вохровскую «науку» и ее деятелей. Даже ныне, через полтора десятка лет после «героических» событий, описываемых Плоскиным, вся околонаучная молодежь жадно стремится получить первую научную степень, поскольку она дает возможность в условиях полубездельной и зачастую никому ненужной работы получать 300 вохриков в месяц, тогда как опытный конструктор-инженер с двадцатилетним стажем получает примерно 150 вохриков в месяц. Для этого хороши любые пути, любое подхалимство. Большинство кандидатских так называемых «диссертаций» и даже «докторских» пишутся для того, чтобы в условиях легкой жизни получать соответственно триста и пятьсот вохриков в месяц. Ушлые кандидаты и доктора наук умудряются «зарабатывать» значительно больше.

Даже ныне учебные институты весьма редко занимаются разработкой практических, технических тем, а пятнадцать лет тому назад и подавно не занимались этим. Этим занимаются отраслевые научно-исследовательские и проектные институты, а также конструкторские бюро. Не только учебные институты, но даже отраслевые научно-исследовательские проектные институты в тридцатые годы великой, вохровской эры находились на бюджете, и для того, чтобы утвердить разработку какой-нибудь темы, нужно было проделать очень сложный бюрократический путь через ряд учреждений, получить лимит и т.д. Только в последние годы в учебных институтах организованы НИС (научно-исследовательские сектора), да и то они не пользуются никаким авторитетом. Почти неизвестны случаи, чтобы учреждения промышленности, отраслевые проектные и исследовательские институты пользовались консультациями профессоров из учебных заведений.

А поверхностный дилетант Плоскин для какого-то молодого аспиранта Лобанова заставляет «маститого» профессора Одинцова каким-то таинственным образом заключить договор с главным инженером Энергосистемы – вопреки «принципам», поскольку Одинцов, испугавшись бюрократического болота, занимался только консультациями. Но идеальный, честный аспирант – вохр Лобанов «отказывается» от договора, так как «метод кафедры» устарел. Все же каким-то непонятным способом Лобанов заканчивает свою диссертацию, а идеальный профессор Одинцов обещает после защиты засадить Лобанова за разработку «локатора». Тут и начинает развертываться захватывающая фабула «научного» романа Плоскина.

Лобанов отказывается от заманчивых 300 вохриков в месяц и идет в «гущу» народа, в электролабораторию, на меньшую зарплату. Даже авантюрист от вохровской науки (каким его считает сам Плоскин) профессор Тонков пишет статьи, которые перепечатывают за границей и методом этого вохровского авантюриста от науки пользуются крупнейшие фирмы. Вот каковы даже вохровские авантюристы от науки!!!

Дилетант Плоскин с энтузиазмом пишет:

«Назавтра Андрей встретился с Одинцовым. Одинцов пощипал брови… и заговорил: «Наш нравственный долг отказаться от договора… Честность в науке также необходима, как знания… Завтра съезжу к энергетикам. Объясню и откажусь… Пообещаю после вашей защиты усадить вас за разработку этого самого прибора, – Как вы его наречете? По моему «локатор»…

Через две недели после того, как диссертацию послали рецензировать, один из них, профессор Тонков, позвонил в Институт и попросил Лобанова зайти к нему на квартиру…

У себя в кабинете Тонков выглядел еще величественнее, чем на фотографии… Тонков ласково потряс Андрея… и дал прочитать черновик своего отзыва:

«Автор бездоказательно зачеркивает славные традиции отечественной науки… Вместо того, чтобы развивать существующую теорию, он отрицает… Идея локатора не является новой и не подкреплена никаким экспериментом… В конце концов я возражаю против одного и вовсе не решающего тезиса… Измените его и все остальное приемлемо». … Тонков порылся… и вытащил оттиск одной из своих старых статей… «Тут как раз рассмотрены способы усовершенствованного метода, созданного в свое время Тонковым»…

Андрей почтительно слушал рассказ Тонкова о том, как эта работа была перепечатана заграницей и как там ее результатами воспользовались крупнейшие фирмы, у нас же только сейчас спохватились и начинают…

… Размышляя о создании будущего прибора, Андрей убеждался, что учебные лаборатории не созданы для этой цели[i]… Такую возможность могла бы представить только лаборатория Энергосистемы. Если бы его послали туда даже рядовым инженером, он согласился бы не раздумывая…

… Андрей вызывал к себе одного за другим своих сотрудников и бесцеремонно проверял их теоретический багаж… Многие уже давно отложили в сторону свои теоретические знания, как ненужный в

i Плоскин сам себя опровергает. Даже неопытный аспирант Андрей понимает, что учебные лаборатории не годятся для разработки прибора, а Одинцову удается заключить договор на разработку прибора (прим. автора).

походе груз… Они позабыли решения простых дифференциальных уравнений, путались в основных формулах. Редко кто знал новые типы измерительной аппаратуры…».

Так фабула еще одной Темкинской деревни под названием «Искатели» сводится к борьбе идеального молодого ученого-вохра Лобанова с авантюристом-профессором Тонковым, с невежеством опустившихся инженеров, работников электролаборатории, с бюрократизмом и прочими «незначительными недостатками» вохровской системы.

Но идеальный молодой ученый-вохр невежественен в экономике, а для того, чтобы разработать локатор, нужно стать и образованным экономистом. И тут талантливый вохровский «писатель» – инженер человеческих душ Плоскин демонстрирует свое дремучее невежество в вопросах экономики. Он путает функции бухгалтеров, экономистов и плановиков. Он что-то лепечет о рентабельности, не подозревая в своем глубочайшем невежестве, что в уродливой, вохровской, экономической системе рентабельность – понятие весьма неопределенное:

«Никогда раньше Андрей не сталкивался с экономикой. Теперь на каждом шагу он упирался в какие-то неведомые статьи расходов. Ему приходилось иметь дело с фондами на зарплату, с лимитами по труду… не умея разобраться во всех этих тонкостях (!), он был беспомощен…

Главный бухгалтер… встретил его сухо и подозрительно. Два дня он наблюдал, как Лобанов, отложив лабораторные дела, с утра садился в бухгалтерии, постигая тайны статей расходов и ассигнований… Ожесточенное в непрерывных боях (!) сердце главного бухгалтера смягчалось… и главный бухгалтер управления… открыл перед Андреем сущность финансовой жизни предприятий… Он показал, как вдумчиво (!) по всем направлениям идет борьба за экономию каждого гроша (!). Раньше Андрей считал главным занятием бухгалтеров вовремя выдавать зарплату и бороться с растратами[i]. На самом же деле речь шла о более серьезных вещах, об огромных ценностях, залежавшихся на складах «запасливых» хозяйственников, о начатых и законсервированных стройках.[ii]

... В шумных комнатах бухгалтерии, на столах, заваленных бумагами, где стояли длинные ящики картотек, щелкали костяшки счетов, трещали арифмометры, люди вели самую настоящую исследовательскую работу. Они изобретали средства повышающие рентабельность. (!!)

По неуловимым признакам выявлялись слабые места отдельных электростанций, и сразу же заботливая и грозная рука главного бухгалтера останавливала, предостерегала, показывала. (!)[iii] …

Таким же образом Лобанов познакомился с отделами труда и зарплаты…».

Так совершенно невежественный в области экономики Плоскин силой своего писательского отображения в несколько дней завершил образование молодого, идеального ученого-вохра Андрея по части экономики, финансов и труда, хотя в этих вопросах Лобанов, даже по разумению невежественного Плоскина, разбирался так же «хорошо», как троглодит.

Судя по роману «Искатели», Плоскин столь же невежественен в вопросах науки и техники, как Аваеж, побывший пару лет в Литературном институте, и основные познания в науке и технике получивший в вохровском концлагере.

Между тем, Плоскин учился в Политехническом институте, где он совершенствовался в аспирантуре, а затем был направлен на знаменитый Костриковский завод в Ильичевграде.

В свете этого, великий человек, секретарь горкома Саввин глубоко разглядел все махинации карьеристов, а демократическая партийная общественность (!!) полностью разоблачила их и выдвинула для руководства белые персонажи!!:

«– Советую вам смотреть глубже, – сказал Савин. – Эта статья в ловких руках превращается в рычаг скверного рода.

---

i Каков уровень экономических знаний молодого, талантливого, идеального, вохровского ученого!!! (прим. автора).

ii Все же чувствуется, что Плоскин читал вохровские газеты! (прим. автора).

iii Дилетант Плоскин в знании вохровской учетной и финансовой системы превзошел сам себя. Трудно представить себе более чудовищное невежество! (прим. автора).

Саввин вдруг спросил: скажите, может Потапенко быть главным инженером? – Нет не может. – Почему? – Да… потому, что он слишком стремится занять это место. –

– Ну знаете, это ни о чем не говорит. Может быть, он считает себя достойным.

Андрей вскипел и начал говорить о Викторе все, что он думал. Савин выпрямился…

– Предположим, что вы где-то около правды, но думается, что не вся правда в этом. Я тоже часто размышляю, почему это нам порой так трудно разобраться в людях.

Андрей задумчиво потер щеку. – А по моему – пережитки капитализма, ну всякое воровство, взяточничество оно бросается в глаза, всем видно, а вот… он вопросительно посмотрел на Савина… Такие, как Потапенко, они не воруют… Они иначе действуют. Партия нацеливает на план – они используют борьбу за план. Требуют критики – они используют критику… Честолюбие, карьеризм. – Безыдейность, вот, что вы забыли – сказал Савин».

В своей безграничной апологии, как и другие вохровские «писатели», Плоскин сам себе противоречит. Мол, у капиталистов воровство, взяточничество и прочие преступления резко бросаются в глаза, а вот в добродетельном Государстве Тмутараканском даже карьеристы не воруют. Плоскин быстро забыл, как Потапенко по принципу «рука руку моет» получал дефицитные товары, то есть воровал.

Забыл, как Потапенко пытался украсть чужое «изобретение» и воровски получить Виссарионовскую премию. Забыл, как деляга – профессор Тонков украл у Андрея его локатор. Забыл, как Долгин и другие крадут чужие знания, чужие идеи.

Правда, Плоскин не мог забыть о широко распространенном в вохровской действительности простом, элементарном воровстве по той простой причине, что он об этом умолчал. Более того, устами своего белого героя Андрея он намекает, что, мол, воровства и взяточничества в Государстве Тмутараканского уже нет, а в исключительных случаях есть только честолюбие, карьеризм и безыдейность. И, мол, эти карьеристы используют по своему гуманные и правильные директивы «партии». И партийная «демократическая общественность» в темкинском освещении Плоскина разоблачает этих карьеристов:

«… Отчетное выборное партсобрание шло второй день…

Встретившись глазами с Борисовым, Виктор отвернулся, скрыв усмешку. Вчера Борисову так и не дали слова. Долгин, который сидел в президиуме, отодвинул Борисова в самый конец списка… Потом за поздним временем, прения решили прекратить и последнему дали слово Виктору… Он выступил самокритично. В отличие от других Виктор говорил не по бумажке. Виктору аплодировали и даже секретарь райкома Ковалевский одобрительно и звучно похлопал в ладоши…

Первые две предусмотренные кандидатуры были названы сразу же. Третьим должны были выдвинуть Виктора. Но, опережая Полякова, в разных концах зала поднялось несколько рук. Долгин скользнул по ним невидящим взглядом и дал слово Полякову.

… Борисов высоко поднял руку и попросил слова. Не обращая на него внимания, Долгин продолжил торопливо называть фамилии выступающих.

– Я дам отвод Потапенко – сказал Андрей. Борисов уперся в него злым взглядом. – Не только Потапенко, видишь, и Зорина выдвинули. Долгин хочет за его спиной хозяйничать. – Борисову слово! Борисов просит! Крикнули почти одновременно Андрей и Майя…

Слово имеет товарищ Марченко – поспешил сказать Долгин. Марченко, который еще не успел поднять руки, растерянно встал…

Борисов вскочил… побежал к сцене, обогнав Марченко. – Товарищ Марченко… проговорил Борисов… не торопитесь. Я за вас могу сказать – вам поручено было предложить кандидатуру Степина? Марченко… неохотно сказал: – Это верно. – А вы его хорошо знаете? – Видел, сказал Марченко. Т. Виноградова! – крикнул Борисов – а вы должны выдвинуть Долгина? Вы что, с ним работали вместе? Виноградова шевельнула губами, но ее слов никто не услышал. Борисов продолжил читать список. Шум

в зале нарастал. Долгин что-то быстро говорил Ковалевскому. Борисов наклонился к микрофону: – Товарищ Долгин, вроде, как все заранее предусмотрел – и весь состав парткома и кто кого выдвигает…

Товарищ Борисов, я не давал вам слова – сказал Долгин – Ковалевский встал. Разом наступила тишина – Чего хотите, товарищ Борисов, чтобы наше собрание шло без руля, без ветрил? Да здравствует толчея, анархия и пусть в партийное руководство попадают случайные, никому не известные люди? Вы что всех выдвинутых людей отвергаете? Зачем? – растерялся Борисов – Тут много достойных товарищей.

- А раз так, – подхватил Ковалевский, – извольте выступать конкретно с отводом отдельных лиц. Я полагаю вопрос ясен? – твердо закончил он. – Нет… Поднялся член парткома, Олин. Сутуловатый плотник. – Кто этих людей подбирал? Мне тоже интересно – сказал Борисов, откуда у вас, товарищ Долгин, эти кандидатуры? – Собрание готовил партийный комитет – нервно ответил Долгин. Плотник… развел руками – Товарищи, в чем дело, мы ни Зорина, ни Потапенко, ни Долгина не рекомендовали, – Я тоже член парткома.

Долгин, как ни в чем не бывало, предложил лишить Борисова слова и закончить выдвижение кандидатур… Товарищи, так мы не успеем сегодня кончить – пригрозил Долгин. Большинством голосов Борисов получил право продолжать… – То, что было задумано не случайность… Все это нарушение коллективности в подготовке сделано для того, чтобы протащить таких деятелей, как Потапенко, протащить самого Долгина. За столом президиума посовещались, микрофон притянул к себе один из старейших вохров – Кузьмин. Его любили, уважали за прямоту. Когда он занял место Долгина, его встретили одобрительно. Настроение людей резко изменилось. – Кузьмин в микрофон, так, чтобы все слышали, проговорил: Ничего, думайте товарищи, не стесняйтесь...

Перебирали в памяти достойнейших, советовали, сравнивали… Набралось 15 кандидатур. Часть из них значились в списке, который был у Долгина. Но теперь это были кандидаты, названные собранием. В их числе были и Борисов. Каждую кандидатуру обсуждали горячо, подробно. Зорина почти единогласно отвели. Долгина совсем не выдвинули.

Вспомнили историю с Рейнгольдом… После этого разгорелись споры вокруг кандидатуры Потапенко. Виктор не заметил, как на трибуне оказался его давний знакомый – Борис Зиновьевич – мастер с Вохросомольской ГЭС. – В прошлом году у нас авария случилась на станции. Виктор Григорьевич разрешил скрыть эту аварию. Чтобы, значит, не портить показателей…

… За ними выступило еще несколько человек. Они говорили уже не о Потапенко, а о недочетах в работе Управления. Досталось и управляющему, и главному инженеру, и начальникам отделов. Затем слово взял Ивин и куда осторожнее, чем собирался, стал доказывать необходимость ввести талантливого растущего организатора Потапенко.

Незначительным большинством кандидатуру Потапенко оставили для тайного голосования…

Встреча с Савиным, а затем партсобрание, провал кандидатуры Потапенко, избрание Борисова секретарем партбюро не прошли бесследно для Андрея. Со свежими силами он вернулся к тому кругу мыслей и забот, которые составляли главный интерес в его жизни».

Все правильно. Следует отметить, что Плоскин, хоть и похож на Аваежа, но как мастер Темкинских деревень, значительно искуснее! Плоскин вводит некоторую дозу правды. Аваеж не может предложить хоть гран правды. Ведь весь его опыт – быт вохровских концлагерей. Плоскин мог частично использовать свой опыт секретаря заводского комитета вохросомола. Как секретарю комитета вохросомола, да еще во времена свирепого террора Виссарионова и его подручных, Плоскину хорошо был известен детально разработанный технологический процесс любых бутафорских, вохровских выборов.

Он хорошо знал, что состав бюро парткома определяется «треугольником» по согласованию с райкомом. Далее все просто. Выступают «ораторы» и произносят по бумажке речуги, заранее подготовленные и процензурированные «треугольником». Заранее подготовленные люди выступают поочередно, согласно ритуалу, подготовленному «треугольником», с предложением «кандидатур», намеченных «треугольником». Чаще всего количество таких «кандидатур» соответствует числу членов партбюро. «Собрание» осуществляется чинно, не анархично, с «рулем» и с «ветрилами». Затем инертная масса

рядовых вохров «тайным» голосованием проводит намеченные «треугольником» и согласованные с райкомом «кандидатуры». Кое-что из этой стандартной процедуры, опытный бывший секретарь заводского комитета Плоскин разоблачает. Все остальное – художественный (от слова «худо») вымысел Плоскина. В этом и заключается искусство темкинских дел мастера. Итак, после длительной борьбы выведены на чистую воду чиновники – деляги Потапенко, Долгин и их подголоски.

На чистую воду следует еще вывести Тонкова и его подголосков и еще раз подчеркнуть высокое благородство белых, вохровских персонажей Андрея и его друзей и показать торжество вохровской науки и техники в заканчивающуюся глухую ночь свирепого, самодержавного, тюремного виссарионовского периода, что Плоскин с успехом и осуществляет:

«Доклад в Доме ученых был назначен на семь часов вечера, поэтому Андрей, не дожидаясь конца раскопок,[i] уехал вместе с Усольцевым, оставляя на месте работ Новикова и Сашу. Договорились, что они привезут ему сообщение о результатах… и протокол прямо на заседание…

… В первом ряду, возле Одинцова, сидел грузный старик с взлохмаченными черно-седыми волосами… Со школьной скамьи образ этого человека сопровождал Лобанова… Человек этот при жизни стал легендой. Это был один из последних представителей старой гвардии электротехники, знавший Священникова один из создателей плана ГОЭЛРО…

… И вот сегодня Тимофей Ефимович, пришел на его, Андрея, доклад.

Говорить Андрей начал спокойно. Спустя минут десять вошел Тонков. Ему услужливо освободили место…

Слушатели постепенно стягивались в поток его поисков… Андрей поднял глаза и увидел входящего Григорьева. Тонков обернулся удивленный… Чувствовалось, что приход Григорьева был для него неприятной неожиданностью.

… Любченко спросил с места: – Чем вы объясняете неудачу вашего локатора в опытах Тонкова и Григорьева? – Вы, очевидно имеете в виду статью, – сказал Андрей – Здесь присутствуют авторы. Надеюсь, они расскажут…

Прения начались хорошо организованной атакой тонковцев… Вся схема локатора была подвергнута разъедающему сомнению. Тонковцы не приводили никаких доказательств. Они просто расставляли всюду вопросительные знаки… Не обращая внимания на председателя, не ожидая больше Новикова, Андрей ринулся в драку, в которой уже, чувствуя себя безнаказанными, брали верх тонковцы. Ответы его стали быстрыми, находчивыми.

…Председатель предоставил слово Тонкову.

Тонков несколько секунд задумчиво молчал.

- …На протяжении многих месяцев я тщетно пытался предостеречь нашего молодого коллегу от его поспешных выводов. Сегодня мы стали свидетелями его научного фиаско… Методы, которые пытается зачеркнуть Андрей Николаевич, зачинал еще на заре отечественной электротехники Лачинов. – Нашли чем хвастаться! буркнул Тимофей Ефимович.

... Поскольку Андрей Николаевич просил высказаться авторам статьи, то я могу сообщить следующее: испробовав вариант схемы локатора, предложенный Лобановым, мы убедились в недоброкачественности этой схемы. И в дальнейшем опыты шли по моей схеме…

– По какой? – быстро спросил Андрей.

– Пока схема не опубликована, я не считаю удобным… Андрей взял свернутый в рулон чертеж. – Вот схема локатора, которую я предложил профессору Григорьеву… Будьте добры показать, в чем тут, по-вашему, порок? … – Товарищи, – по проходу почти бежала Анечка. Она остановилась перед Андреем. – Андрей Николаевич! Ведь это же не ваша схема. Как вам не стыдно! Это схема профессора Тонкова. Мы по ней работали. Лист бумаги жестянно зазвенел в руках Андрея.

---

i Речь идет об отыскании повреждения (пробитого кабеля) с помощью локатора (прим. автора).

– Удивительное совпадение – бесчувственно сказал Андрей, смотря на Григорьева.

… Я не вижу смысла продолжать – сказал Тонков и направился к выходу.

– Подождите! – Навстречу ему поднялся Григорьев… Он напомнил Тонкову, как он Григорьев, сообщил ему о схеме Лобанова.

– А потом вы сказали мне, что по схеме Лобанова ничего не получается и замеры сделаны по вашей схеме. Как же так? Выходит у вас своей схемы не было?

… Наша схема – раздался голос Майи Устиновой, то есть схема профессора Тонкова, оказалась негодной. Я лично ее опробовала…

Андрея поражала не низость поступков Тонкова, открывшаяся ему сейчас во всей скандальной неприглядности, а то, что рассказала о ней Майя…

… Вы утверждаете профессор Тонков, что ничего не знали о моей схеме, на каком же основании вы писали в статье, что она не годится?

Григорьев повернулся к аудитории, уперся в толстую спину уходящего Тонкова… Вы опозорили Ваше имя ученого, Тонков!

Встал Тимофей Ефимович.

– Михаил Фарадей перед смертью писал, – сказал он: – «Постояный опыт показывает, что наша осторожность чаще распространяется на ошибки прошлых лет, чем на наши собственные»

… Сегодня проявилась другая. О ней предупреждал Ильичев. Он как-то говорил, что когда новое только родилось, то старое остается некоторое время сильнее…».

Плоскин – «инженер» по профессии и вохровский писатель по влечению – блестяще доказал и первое, и второе. Сборище вохровских «ученых» в Доме ученых он изображает, как третьестепенный репортер -дилетант в вопросах науки. Молодой, талантливый ученый Лобанов, делая доклад о «локаторе», не только не демонстрирует детальные чертежи этого прибора, но не показывает даже его элементарной схемы. Его оппоненты – профессор Тонков и вся его «школа» – произносят общие фразы и тоже не касаются не только конструкции прибора, но даже и простейшей его схемы, поскольку все это не демонстрируется.

Совершенно случайно Лобанов развернул свернутый в рулон чертеж и уже после доклада и жарких прений продемонстрировал схему локатора, которую он предложил профессору Григорьеву. И только тут какая-то Анечка «узнала» схему, которую жульнически присвоил профессор Тонков и по которой работал Институт, возглавляемый им!

Но все же какая-то схема профессора Тонкова существовала. Вохровка Майя Устинова, обиженная Лобановым, поскольку он заменил ее в должности начальника электролаборатории, уже после полного разоблачения профессора сообщает, что была схема Тонкова – она ее лично опробовала и она оказалась негодной. Но ведь не одна Майя работала над этой «настоящей» схемой профессора Тонкова, а еще многие научные сотрудники руководимого им института.

Несмотря на то, что Плоскин – инженер-энергетик, он явно выглядит профаном в делах науки и ему более подходит роль вохровского криминалиста, подобно Урканову, создателю романа «Поджигатели…» и других подобных «произведений».

Кроме всего прочего, Плоскин явно переиграл. Ведь Тонков – не просто случайный авантюрист, изредка попадающий в вохровские фельетоны, – он уважаемый профессор, возглавляющий научно-исследовательский институт. Он возглавляет свою «тонковскую» «школу», и Плоскин именует эту «школу» – тонковцами. И вот уважаемый профессор, возглавляющий ведущий вохровский институт по энергетическим проблемам, и все его научные сотрудники – оказываются обыкновенными жуликами! Кто же двигает науку? Молодой Лобанов, только что выучившийся из аспирантов, или, может быть, неграмотные, по характеристике Лобанова, а следовательно, и Плоскина, – Саша, Новиков, Усольцев, Кривицкий и другие вохросомольцы? Или белый персонаж – профессор Одинцов, напуганный волокитой бюрократов и, якобы, занимающийся только «консультацией»? Или, может быть, инженеры

человеческих душ – парторг Борисов и сиятельный секретарь ильичевградского горкома – Савин? Или позабывший все главный инженер Управления? Или талантливый, растущий инженер – делец Потапенко? Плоскин – явный дилетант в делах науки, все у него фальшиво и нежизненно. Но он сохраняет единство действия и времени.

Подавляющее большинство персонажей – белые и явные энтузиасты. Бутафорская «демократическая общественность» легко разоблачает и вышвыривает случайных для вохровского прогрессивного общественного строя деляг.

Несмотря на все интриги деляг, локатор идеального вохровского молодого ученого Лобанова меньше чем за год получает право на жизнь. Крупные партийные функционеры сияют нестерпимым блеском где-то на недоступной для простых смертных высоте. «Скифский» свет завоевал весь мир!

Легендарный, великий, вохровский ученый Тимофей Ефимович еще крепок и он напоминает об одном из миллионов гениальных изречений божественного Ильичева о том, что когда «новое только родилось, то старое некоторое время сильнее». В личном плане все тоже счастливо кончается. Выбранная светлым персонажем Лобановым женщина отвечает ему полной взаимностью. Все их прошлые увлечения были ошибкой. Короче, обычный, вохровский, темкинский шаблон...

11. «Иду на грозу»

Этот роман Плоскина опубликован в 47 г.в.в.э. По-видимому, Плоскин работал над этим романом через 8-10 лет после создания «Искателей». Чувствуется, что в эти годы писатель много путешествовал, систематически читал журнал «Наука и Бытие» и другие популярные научные журналы. По-видимому, он даже частенько заглядывал в Большую вохровскую энциклопедию. Он уже не только потолкался во второразрядной электролаборатории Костриковского завода, но побывал – на этот раз как репортер – в ведущих исследовательских институтах Тмутараканской Академии Наук и якшался с академиками и членами-корреспондентами.

Роман «Иду на грозу» публиковался тогда, когда разрешены были к печатанию такие «крамольные произведения», как «Один день…», «Матренин двор» Бодрженицына, «Каменный барельеф» Адлан-Семова, Шестымские расказы, в том числе «Самородок», который даже экранизировался, и другие. Короче говоря, в период, когда не только был разоблачен «культ личности», но и осуществлялась энергичная девиссарионизация. Это был период наибольшей «либерализации» вохровской «литературы» за последние 35-40 лет.

Безусловно, Плоскин за 8-10 лет, минувшие после работы над «Искателями», значительно вырос. Из третьеразрядного репортера (по зарубежным масштабам) он уже вырос до второразрядного. При этом Плоскин настолько «осмелел», что не только отважно «разоблачает» «культ личности» и бюрократическую свистопляску в вохровских, академических научных учреждениях, но позволяет себе игнорировать всепроникающее «руководство» партийной схемы и бутафорское социалистическое соревнование, в полную противоположность своей низкопоклонной апологии в «Искателях».

Рассчитывая на неискушенного читателя, «эрудит» Плоскин, начитавшись всякой всячины в популярных научно-технических журналах и почерпнувши кое-какие сведения в разговорах с кандидатами, докторами наук, членкорами, и академиками, огорошивает этого читателя многочисленными научными и техническими «деталями»:

«… Никакие теории относительности и системы координат, и понятие дискретного времени, и физические гипотезы не могли помочь ему, все оказывалось бессильным перед этим простейшим временем…

… Он обдумывал сразу несколько проблем: какова природа сил тяготения, что такое бесконечность, верен ли закон сохранения энергии. Кроме того, он собирался создать общую теорию единого поля, которую не удалось создать Эйнштейну и вскрыть противоречия квантовой механики…

… Он убедился в необходимости какой-то системы и в слабости своего математического аппарата. Жаль было трех лет, потраченных в институте на такие предметы, как сопромат, химия и прочие бесполезности …

Большинство проблем, над которыми человечество билось десятки лет, он довольно легко разрешил, правда, оставалось их оформить математически. Он купил четырехтомный курс высшей математики и шеститомный курс физики…

Завод переживал неприятности с приводами новой серии специальных контакторов. При испытании, чугунные каретки разбивались.

Каретка скользила по дуговым направлениям, и поломка происходила, когда скорость достигала рабочей…

Крылов пробрался к столу и спросил, что представляет дуга, по которой движется каретка. Круг? … Тогда все логично, каретка должна была ломаться, поскольку имеется разрыв производной… В сопряжении дуги с направляющей происходит удар и следовательно… Мастера, проектировщики недоверчиво поглядывали на клочок бумаги с нацарапанными значками без цифр и рисунков. Здесь привыкли иметь дело с коэффициентами, чертежами, номограммами, – отвлеченные уравнения их не убеждали… Крылов снова соединил контакты, увидел напряженно ожидающий взгляд Гатеняна и сообщил, что следует заменить окружность параболой… Послушайте, оправдываясь говорил Крылов: «Экстремальное значение импульса не зависит от времени образования ионов, хотя форма кривой импульса от этого и зависит».

Так «эрудит» Плоскин насилует неискушенного читателя, характеризуя своего вундеркинда – белого персонажа Крылова.

Более того, как и все вохровские «авторы», дилетант Плоскин презирает, по-видимому, своего читателя и, имея весьма смутное представление об элементарных понятиях в теории о поверхностном натяжении (следует полагать, что Плоскин никогда не интересовался физической химией), заставляет своего вундеркинда Крылова заниматься вопросом о том, почему лопаются мыльные пузыри?! Еще удивительнее, что вундеркинд Крылов заканчивает работу с мыльными пузырями, и у рабочего отдела технического контроля какой то журнал технической физики принимает эту мыльно-пузырьную работу и даже через полгода печатают. Еще более удивительно то, что эта мыльная работа представляет некоторый интерес для теории пограничных явлений. (!!)

Если бы Плоскин не был вохровским дилетантом, можно было бы предположить, что он издевается над читателем. Вундеркинд Крылов за неделю, на удивление специалистам и мастерам, даже без особенного желания создает прибор для определения точности обработки:

«Прибор, которым Ада заставила заниматься, мало интересовал его.

Впрочем, он понимал, что для завода это нужно. Неделю он наблюдал, как мастера, следуя своим секретам и законам, определяют точность обработки. Они не подозревали, что все их секреты подчиняются закону Никольса. Ночью, когда цех опустел, Крылов установил интерферометр и с помощью своего Никольса вскрыл все секреты, как вскрывают ножом консервную банку. Прибор получился элементарный… На заводе поднялся шум… Крылова фотографировали».

Плоскин, еще и еще в дополнение к мыльно-пузырьным достижениям Крылова заставляет его своим прибором посрамить специалистов, мастеров и научно-исследовательские институты, которые не неделю, а десятилетиями занимались во всемирном масштабе поисками методов определения точности обработки.

Затем вундеркинд начинает заниматься теорией электрического пробоя:

«То было первая не затуманенная никакими опасениями радость открытия. Он создал свою собственную теорию поляризации и пробоя в некоторых средах. Все выстраивалось красиво, легко, и он первый узнал, понял весь этот сложный механизм. Никто в целом мире не знал истинной картины. Он один обладал сейчас этой истиной, один из всех людей на земле».

И опять чудеса в решете. Главный конструктор Гатенян, «который ничего не понимал в электростатике, зато твердо верил в своего подопечного», договаривается с «самим Данкевичем» – первой академической звездой в физике Государства Тмутараканского, о том, что кустарь-одиночка доложит о «своей работе» на семинаре в Институте физики Академии Наук.

Справедливости ради, следует отметить, что дилетант Плоскин кое-чему научился к 40-45 летнему возрасту. После всех своих «наукообразных» репортерских фантазий он все же заставляет великого ученого Данкевича и его подручных расчехвостить кустаря-изобретателя Крылова и доказать ему, что наука – не самодеятельность. Но Плоскин – «специалист» решительно во всех областях науки и техники. Он знает не только электротехнику, радиолокацию, метеорологию, решительно все области физики, он великолепный знаток аэронавтики:

«Поздышев сидел за рацией и морщился. Радиосвязь нарушилась. Вначале он пытался узнать обстановку, может быть, известна высота грозы. Теперь ему просто хотелось сообщить, что радиокомпас отказал, пилотажные приборы зашкалило, потеряна всякая ориентация… Не было ни края, ни лева, ни права, магнитный компас бешенно вращался…

Плоскости… он чувствовал, как страшно изгибаются плоскости… Уйти от центра грозы… Но где же центр? Куда уходить? Указатель не двигался. Этот чертов хваленый, знаменитый указатель – единственное, что помогло бы им как-то ориентироваться…».

Плоскин знает даже про то, что Винер – создатель кибернетики, то чего не знают 99% вохровских дипломированных специалистов. Он знает про Платона и Архимеда и даже… про Пунические войны. Плоскин знает, как огорошить неискушенного вохровского читателя «эрудицией».

После своего низкопоклонного пресмыкательства перед партийной схемой в «Искателях» Плоскин в разгар девиссарионизации «осмелел» и отважно поносит «культ личности»:

«Аккуратнее всего, захваченные общим тогда интересом, они посещали политкружки, где азартно обсуждали роль личности, последствия культа. А потом в коридоре еще долго спорили, как же это все могло произойти.

На завод один за другим возвращались реабилитированные, то, что они рассказывали, было страшно и непонятно. Все чаще, без опаски, с уважением произносились имена людей, которых Крылов с детства привык считать врагами народа. Тулин вдруг рассказал, как его отца в 21 г.в.в.э. исключили из партии и выслали, (!)[i] у Гатеняна брата осудили, как шпиона четырех государств; выяснялись затаенные обиды, трагедии, хранимые во многих семьях. Каждое такое открытие было болезненным, но вместе с тем росло чувство общего очищения. (!) Пытались угадать, а что будет дальше, убеждали друг друга, что со старым покончено навсегда, строили планы, выдвигали проекты всевозможных реформ. Каждое новое постановление они встречали с энтузиазмом.

Крылов недоумевал. «Сколького мы не замечали». Кое-кто из пожилых осторожничал. Но они смеялись – дудки, этот процесс необратим; спорили с Адой – она не видела особого смысла в разоблачении прошлого. Зачем? Зачем столько разочарований? Кому это помогает, только растравляет людям душу. Крылов в одном был твердо уверен: правда никогда не может повредить. И ничто не заменяет правду… Гатенян припомнил дискуссию о языкознании – миллионы людей на всех предприятиях вынуждены были месяцами изучать проблемы лингвистики, в то время когда в колхозах творилось черт знает что, за хлебом стояли очереди. Крылов со стыдом вспоминал, как он сам, тогда уже вроде сознательный парень, находил какую то высшую мудрость в этой статье Виссарионова…

Для них были открытием только что переизданные рассказы Мамеля… стихи Блюминой, публиковали документы, неизвестные при Виссарионове. Больше всего волновали их вопросы, связанные с последствиями культа, и они горячо и самоуверенно перестраивали этот несовершенный мир…».

Плоскин достаточно труслив: он даже не «разоблачает», а намекает на то, что дозволено вохровской, полицейской цензурой в 47 г.в.в.э. «Разоблачая» мелкую авантюру с малограмотной статьей Виссарионова в области языкознания, он умалчивает о том, что десятилетиями запрещалось развивать

i Даже и здесь Плоскин употребляет мягкое выражение «выслали» вместо направили в концлагерь! (прим. автора).

объективную биологию и надо было ругательски-ругать Менделя, Вейсмана, Моргана и других западных биологов. Что приходилось превозносить авантюриста-академика Кудрявенко и «биологическую науку» садовода Козлова, которого открыл Ильичев. Что многих биологов: Валилова, Когоницкого и многих других Виссарионов и Кудрявенко уничтожили и загнали в концлагеря, где они почти все погибли. Что и поныне занимаются фальсификацией истории, социологии, философии, статистки, истории науки и вообще всех гуманитарных дисциплин. Что два десятилетия заставляли десятки миллионов человек изучать фальсифицированную историю вохровской партии – «Краткий курс» – убогое сочинение Виссарионова. Что значительное число историков, социологов, экономистов, писателей и других представителей гуманитарных дисциплин были уничтожены в виссарионовских концлагерях, что, наконец, в лагерях были уничтожены десятки миллионов ни в чем неповинных людей. Обо всем этом «эрудит» Плоскин, знающий из «Науки и Бытия», что «галактика неслась сквозь бесконечность, имеющую кривизну, сжималась и вновь расширялась пульсирующая Вселенная», либо не знает, либо не хочет знать.

Плоскин, по примеру своего большого начальника – великого Никитова, который говорит о «тысячах невинно-осужденных», также своим «разоблачением» помогает густо замазать грандиознейшие преступления.

Более того, Плоскин, чтобы искуснее замазать чудовищный, звериный, вохровский, виссарионовский террор, когда при малейшем подозрении, неосторожно сказанном слове уничтожались самые видные вохровские деятели и даже ближайшие родственники самого Виссарионова, рассказывает басню о том, что как-то ученый Аникеев безнаказанно оскорбил Беридзе, который два десятка лет был самим могущественным подручным Виссарионова:

«Великолепно зная себе цену, Аникеев держался независимо и делал так, как считал нужным, не считаясь ни с чьими распоряжениями, даже с указаниями Беридзе. Безграмотные, порой губительные вмешательства Беридзе выводили Аникеева из себя… Выслушав очередное крикливое поучение, Аникеев не выдержал и сказал: «Я ваших трудов по физике не читал. И вы моих тоже. Однако по разным причинам». – «Я тебе покажу физику, ты у меня увидишь физику» – сказал Беридзе. Аникеев тут же написал письмо в ЦК, требуя оградить проблему от невежественного хозяйничанья Беридзе. В те времена подобный вызов был равносилен самоубийству. От немедленной расправы Аникеева спасло то, что он был слишком известен и нужен…».

Разумеется, Беридзе к этому времени уже оказался политическим авантюристом и был расстрелян. И на него разрешалось валить все, что угодно, но и тут был предел. Согласно элементарной, вохровской исторической схеме – были и некоторые политические проходимцы, «пробравшиеся к власти», был и скверный характер Виссарионова, особенно испортившийся после победоносной войны, но наряду с божественным авторитетом основателя религии Ильичева существовал еще божественный авторитет «партии». Это Плоскину известно, и он неукоснительно придерживается схемы.

Придерживаясь этой простейшей схемы, Плоскин пишет, что Крылов «все чаще, без опаски, с уважением произносил имена людей, которых с детства привык считать врагами народа», и умалчивает, что все ближайшие соратники Ильичева, кроме Виссарионова так и остались врагами народа. И Лейбов, и Книгарин, и приехавшие вместе с Ильичевым в «запломбированном» вагоне Радомыслов и прочие – Розенполев, Шкаликов и Дикский, прибывшие в Ильичевград из кучумской ссылки тотчас же после февральской революции, и многие десятки миллионов, подавляющее большинство членов ЦК VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII съездов.

Плоскин великолепно изучил переменную вохровскую историческую схему. Если в науке Плоскин дилетант, то в вопросах исторической схемы, невзирая на свою сравнительную молодость, он, пожалуй, совсем не наивен.

В «Искателях» Плоскин «разоблачает» профессора Тонкова, его «школу» и сравнительно мелких функционеров вроде Потапенко и Долгина. В «Иду на грозу» Плоскин смелеет и «разоблачает» академиков и даже бюрократизм академической науки. Он даже осмеливается говорить о «трепе» вохровской ученой братии:

«На втором этаже в большой, классного вида комнате собирались теоретики. Рядом помещалась каморка – хранилище каталогов. Крылов забирался туда и слушал, как теоретики «трепались». Свои семинары они так и называли «треп». Официальное название «семинар» совсем не подходило к этому шумному сборищу…

Со стороны эти сборища теоретиков выглядели беспечной, веселой болтовней отдыхающих. Впрочем, и весь их рабочий день любому постороннему показался бы более чем странным. Молодой, здоровый парень появляется в институте в десять, а то и одиннадцать утра, слоняется по лабораториям, зайдет в библиотеку, перелистает журналы, побалагурит в коридоре с девушками. Изредка его можно увидеть за столом – что то он пишет, либо сидит, бессмысленно закатив глаза в потолок. Остальное время – болтовня с себе подобными шалопаями. И это считалось работой! …».

Почти нет сомнения, что Плоскин все это наблюдал в действительности во время своих репортерских наскоков и это доступно его пониманию. Но Плоскин, выполняя, – и следует отметить – хорошо выполняя роль вохровского апологета и мастера Темкинских деревень, хочет показать, что под «кажущимся» бездельем шалопаев от науки, клокочет интенсивная умственная работа, и вновь начинает рассуждать о категориях, столь же доступных его пониманию, как поверхностное натяжение и упомянутые выше мыльные пузыри:

«Крылова, который знавал всякую работу, ничто так не изматывало, как часы, проведенные в хранилище. Когда он подслушивал «трёп» теоретиков. Голова лопалась и мозги трещали… – Если частицы имеют структуру, значит у них может быть квадрупольный момент… – Рассмотрим лучше случай частиц с квадрупольным моментом, равным нулю…

… Он слушал, как в этой кухне из гущи фактов вываривается Истина. Отсюда она начинала путь, облекаясь в формулы сперва громоздкие и неуверенные, которые следовало уточнять, проверять во всевозможных камерах и ловушках, и умножителях, а для этого надо было придумывать аппаратуру, и разрабатывать методику, и строить эту дорогую аппаратуру, и тут вступали в действие фонды, снабженцы, друзья-приятели, телеграммы, звонки, банк, смежники… и наконец ставились опыты, для того, чтобы получить десятки, а то и сотни метров пленки и тысячи записей и фотографий. Потом все это надо было обработать, подсчитать, свести в таблицы, построить кривые, проанализировать, передать в институт электрикам… перекидывать от изоляционщиков к вакуумщикам, от них конструкторам, постепенно воплощая все это в медь, стекло, электроды. И в результате получалась какая-нибудь крохотная лампа или усилитель… а через несколько лет уже тысячи таких ламп шли по конвейеру».

Как уже выше было отмечено, Плоскин строго следует рецепту великого Никитова. Тот, желая скрыть за густой пеленой чудовищные преступления виссарионовской эпохи, соучастником которых был сам и в результате которых были уничтожены десятки миллионов людей, «отважно» «разоблачал» «культ личности», признавая, что были осуждены «тысячи» невинных. В такой же степени и для той же цели Плоскин «разоблачает» бюрократизм ведомства «науки» и карьеризм отдельных представителей:

«В конце июля газеты напечатали сообщения о работах академика Денисова по уничтожению грозы. Приводилось описание, как с помощью радиоактивных излучений управляли грозой. Крылов с восторгом прочел заметку вслух.

– Денисов? – переспросил Полтавский. – Ну-ну.

– Что значит «ну-ну»? – Междометие…

…На третий день в центральной газете они прочли интервью Денисова. Академик заявлял, что вопросы управления грозой теоретически решены, первые же испытания прошли успешно, остается довести технические детали. Еще один блеф, – сказал Дан…

… Имя Денисова Крылов слыхал давно, в связи со многими проблемами, но на все расспросы о том, что же сделано Денисовым, никто не мог ответить ничего внятного… Несомненно Денисов умел убеждать окружающих… Существо научных работ его не занимало, зато он мастерски нарисовал картины бедствий – ревущие языки огня на нефтяных озерах, зажженых молниями, гибнущие в грозе самолеты. Он приводил древние гимны Риг Веды, где Индра своей громовой стрелой рассекает тучи…

… На все расспросы о Денисове Тулин цедил сквозь зубы: – Подонок! … – Ты уверен, что Денисов не прав? – Твой Денисов – авантюрист! … – Почему ты сам тогда не выступишь? – спросил Крылов. – Поссорилось яйцо с камнем… Кто я такой? Денисов – академик, а я кто? … – Даже Голицын, членкор, патриарх и прочая, прочая, не лезет на рожон. Он тоже говорил, что спор не научный и тратить силы на эту галиматью просто неприлично. Все равно, что опровергать мордовскую знахарку… Тулин фактами доказывал, как Денисов выдавал желаемое за действительное. На один единственный удачный опыт уничтожения грозы приходилось четыре неудачных. О них не упоминалось. Многое делалось вслепую, эффект мог получиться любой… беда была в том, что никакой научной основы у Денисова не существовало. Удачные работы по борьбе с градобитием, которые шли на Казкаве, он беззастенчиво заимствовал, перенося на грозу. Процессы в грозовых облаках, механизм развития грозы, то, над чем бился Тулин, нисколько не интересовали Денисова.

– Почему же твой Чистяков не выступит и другие? – Ты понятия не имеешь о нашей публике, – сказал Тулин. – Кому охота ссориться с Денисовым! Все равно он одолеет. – Это еще почему? – Беби! Культа нет, но служители еще остались.

Трудно было, конечно, разобраться в хитро сплетенных интересах множества людей, хорошо известных Тулину, связанных между собой давними отношениями, построенными на соревновании, заботе об учениках, заботе об собственном здоровье, интересами совместной работы, служебной зависимости и т.п. Но и Крылов понимал, что ребятам, сидящим где-то на высокогорных станциях, нет ни возможности, ни времени бороться с Денисовым. Было ясно, что денисовская затея помешает многолетним серьезным работам разрозненных лабораторий и станций…

… Дан выступил и, не снисходя к уровню слушателей, на том строго научном языке, каким он дискутировал на своих семинарах, произвел беспристрастный анализ и сообщил свой приговор… Ни до кого не доходила его ирония: «Наконец-то мы услышали доклад, где ясно сформулированы научные основы, опубликованные за последние двадцать лет в разных учебниках», его разоблачения: «Раз пси равно шестнадцати, то любой найдет, что релаксация гаммы на два порядка выше», его выводы: «Следовательно, тяжелые ионы будут вести себя, как диполи!» …

…Денисов благодушно улыбался. – Жаль, дорогой коллега, – сказал он. – Оторвались вы от жизни. Вот рядовые инженеры все оценили, а вы не смогли…

… Председатель вежливо спросил Данкевича, что он реально предлагает народному хозяйству. – Пока ничего, – вызывающе сказал Данкевич… – Вот видите, – с облегчение подытожил председатель, – конца и края не видно. А академик Денисов предлагает немедленные результаты. Как же мы можем отказаться от такой возможности? …

Механика дальнейших событий была Тулину ясна, как падение камня.

С мстительным удовлетворением он показал Крылову статью про своего шефа Чистякова, появившуюся в журнале, куда Денисова назначили главным редактором. Статья брала под сомнение правомерность направления, избранного Чистяковым. Денисов энергично очищал решающие участки от людей, мешающих ему; ученики его и приверженцы получали назначения на кафедры, в НИИ, в ученые советы. Лагунов был прислан к Данкевичу заместителем директора …

… После всех шумных обещаний Денисов, казалось бы, должен торопиться изо всех сил, срок-то обещаний надвигается… Тулин сообщил, что Денисов скоро выступит с новым предложением долгосрочных грозовых прогнозов. Опять готовится шум, статьи, совещания. А после прогнозов будет еще что-нибудь, например, промышленное использование атмосферного электричества. И всякий раз обещание скорых выгод, связь науки с практикой, избиение противников, новые должности и новая слава. Крылов не верил, настолько это казалось бессмысленным, нелепым.

… Но Тулин приводил факты, одни факты, без особых комментариев, и Крылов убеждался, что почти вся история возвышения Денисова построена на подобных посулах, почти никогда не оправдываемых. Так, Денисов, в свое время спекулируя на Козлове, выдвинул идею искусственного климата, затем электризации почвы для повышения урожайности, искусственных испарителей. В итоге – мил-

лионы, угробленные впустую, книжки, статьи, новые подхалимы и одураченные молодые энтузиасты…».

Далее Плоскин описывает, как некоторые третьеразрядные вохровские репортеры и журналисты, ничего не понимающие в науке, поддерживают авантюриста-академика Денисова и клевещут на истинного ученого – Данкевича:

«Фельетон «Вдали о науки» появился сразу после отъезда Крылова. С восторгом разоблачителя журналист – тот самый, спокойно сообразил Крылов, который сидел на ученом совете, – описывал, как лаборатория Данкевича переливает из пустого в порожнее, растрачивая государственные средства. При этом проповедуются старомодные взгляды о чистой науке, да еще выступают против Денисова, работающего на наше народное хозяйство. Не удивительно, что даже ученики Данкевича, разочарованные в его работе уходят».

Плоскин даже разоблачает заседания-говорильни:

«На заседаниях обсуждались всевозможные планы, составляли отличные решения, бились за формулировки, произносили речи резкие, смелые и речи осторожные, в перерывах поздравляли друг друга с удачными выступлениями, и Крылов обнаруживал, что важно не то, что делается в лабораториях, а то, как выглядит институт на этих заседаниях, упомянут ли институт и на каком месте…».

Плоскину хорошо известно, каким образом преодолеваются бюрократические препоны в вохровских учреждениях:

«Нужен был высоковольтный выпрямитель. Алтынову, как водится, повсюду отвечали: «Не предусмотрено, почему не оформили заявку в прошлом году?» Крылов поехал с ним в Кремлевию. В главке они долго бродили от стола к столу, пока Алтынов не выяснил, что все зависит от некоей Машеньки. Она была какой-то помзамнач, но Алтынов давно убедился, что самые сложные аппараты добываются за самыми невзрачными столами… Рассудите сами, – сказал ей Крылов, – мы только сейчас додумались до новых режимов, как же можно было дать заявку год назад?

– У нас плановое хозяйство, – сообщила она Крылову…

… Машенька была неуязвима и недосягаема. Алтынов шепнул: «Пригласите ее в ресторан».

К удивлению Крылова, она охотно согласилась, и они провели вдвоем прекрасный вечер. Назавтра Машенька организовала сверхсрочный заказ и оказалось, что ртутник прибудет через месяц».

Плоскин очень сочно описывает credo своего отрицательного, черного персонажа – «ученого» Агатова:

«… Происходило удивительное – за эти недели он прибавил в росте…

Он чувствовал себя на невидимом пьедестале, с высоты которого открывался: простор кабинетов, деловых и строгих, с отдельным столиком для телефонов, среди которых есть прямой туда[i]… и просторы длинных столов заседаний… очередь в приемной и приемы с тостами, знакомствами…

мир планов, одобренных, новаторских, планов грандиозных, эффектных и эффективных, и перевыполненных, и встречных планов, которые всем нравятся, нравятся президенту, и выше, и совсем высоко, мир академиков, далеких от жизни, нуждающихся в организаторах, которые умеют подобрать кадры…

Он будет участвовать в решении проблем, требующих коренной ломки, широты взглядов, борьбы с консерваторами, слияния институтов, перебазирования институтов, открытия новых институтов…

… Он готов: посылать на периферию, составлять беспристрастные отзывы, отрицать чистую науку, защищать чистую науку… проводить симпозиумы, конгрессы…

i Речь идет о «вертушке», с помощью которой можно соединиться с могущественными, вохровскими олигархами… (прим. автора).

… Агатову хотелось уйти от этих гальванометров, формул, экстремальных зон, от этого рискованного мира опасных маньяков, которые кичатся какими-то кривыми и оценивают человека по тому, как он разбирается в их графиках…».

Следует признать, что Плоскин значительно вырос с тех времен, когда писал «Искателей». Он многое узнал, он узнал даже, что основная продукция академических и прочих институтов – тома отчетов, которые пылятся в шкафах и которыми занимаются только крысы и прочие грызуны. Сомнительно, чтобы Плоскин изучил основательно математический аппарат, теорию Эйнштейна, кривизну пространства, энтропию, диполи, релаксации, пси и прочую научную и техническую премудрость, которой писатель так назойливо щеголяет, но кое-что в технологическом процессе работы академических и отраслевых институтов Государства Тмутараканского он понял. В какой-то степени он понял внешнее бюрократическое обрамление вохровских хозяйственных и научных учреждений. Но хотя в области науки и техники Плоскин осведомлен лучше всех других вохровских «писателей», едва ли он отчетливо представляет себе схему и результаты работы восьмисот тысяч научных работников и пятисот тысяч проектировщиков Государства Тмутараканского.

Как показал автор в главе третьей «Введения…», даже такой талантливый ученый, как Каципа, который десятки лет проработал и на Западе и в Государстве Тмутараканском, не совсем отчетливо представляет себе схему и результаты работы огромной армии тмутараканских научных работников и проектировщиков.

Зато как мастер Темкинских деревень зрелый Плоскин значительно искуснее полуневежды Никитова и в своем роде даже искуснее Бурнова и Ильенбурга. «Правдиво» разоблачая интриги академика Денисова, «ученых» Агатова и Лагунова и прочих «учеников» и приверженцев Денисова, трёп и безделье ученых, крикливые, бесцельные заседания, всяческих карьеристов, Плоскин – по уже отработанному приему вохровских апологетов – показывает, что все эти интриганы, карьеристы и вся эта бестолочь нетипичны в Государстве Тмутараканском! Что типичны истинные ученые: Данкевич, Аникеев, Голицын, Лихов, Крылов и даже циник Тулин. Типичны энтузиасты Крылов, Ричард, Алеша, Алтынов, Лисицкий, Хоботнев, Песецкий, Бочкарев и многие другие.

Более высокое начальство – генерал Южин и министр – положительные герои и белые персонажи.

Несмотря на все интриги карьеристов, даже таких высокопоставленных, как академик Денисов, которых поддерживает всяческое начальство и даже «заблуждающийся» фельетонист, и их временные победы, белые персонажи побеждают!

«Цепочка»: Крылов-Аникеев-Лихов «срабатывает».

Сохраняется единство времени и действия. Несмотря на то, что отрицательный персонаж Агатов отключает питание грозоуказателя, гибнут самолет и Ричард и закрывается тема, все же примерно через год энтузиаст Крылов побеждает и доводит дело до благополучного конца.

Личные судьбы отдельных героев тоже характеризуются счастливым концом. Закоренелый холостяк Песецкий счастлив с Зиной. После всяческих перипетий счастливы Тулин и Женя.

Все же Плоскин на голову выше литературных дам Сомлинской и Жареновой, «специализировавшихся на героях тмутараканской науки и техники.

Ниже автор рассмотрит их «талантливые произведения»: «Иначе жить не стоит» и «Дары земли».

12. «Иначе жить не стоит»

Вторая литературная дама – Сомлинская значительно отличается от первой литературной дамы – Романовой. В какой-то степени Сомлинская похожа на Аваежа и даже на Плоскина. Она знает решительно все. По-видимому, тоже почитывала популярный журнал «Наука и Бытие», а, может быть даже «Техника – молодежи». Она знает, что возраст пород можно определять по относительному содержанию К-40 и аргона. Она знает, что существуют Вольтова дуга, таблица Менделеева, закон Мозли, Бутлерова теория строения, реакция Гриньяра…

Она знает, что вскоре возникнет бытовая авиация, нечто вроде авиавелосипеда, что физика может поставить задачу создания искусственных облаков, искусственных дождей, что будущие тепловые установки будут питаться теплом земляных недр (!), извлеченным с двадцати-тридцатикилометровой глубины. Она «детально изучила» уже «решенную» (!!) проблему подземной газификации углей.

Эта литературная дама производит впечатление глубоко образованной в науке и технике. Она не только «глубоко изучила» науку и технику, похоже, она даже практически изучила процессы добычи угля. Она знает, что забойщики «наваливались на рукояти отбойных молотков, ловко подрубая уголь по кливажу», что шахтеры «гнали вагонетки по рельсам, пригнув головы, чтобы не разбить их о балки кровли», что «грозное давление земной толщи и размывающая сила грунтовых вод могут опрокинуть крепления и обрушиться на головы людей». На неискушенного читателя эта дама производит впечатление знатока науки и техники. Но так же, как Аваеж, основные свои знания почерпнувший в концлагере, выдает свое техническое невежество одним словом «проектировочная», не говоря обо всем прочем, – так и вторая литературная дама выдает свое невежество, когда заставляет «лучшего» в Государстве Тмутараканском гидротехника Юрасова назначить изыскателя Митрофанова «старшим проектировщиком» по проблеме поворота самых больших кучумских рек на юг в Пийкаспское море.

Основными орудиями проектных работников, по мнению этой литературной дамы, является ватман, тушь и готовальни.

Как и у других «значительных» писателей, то ли старый профессор, то ли старый инженер Катенин в одиночку, в считанные дни с легкостью необыкновенной осуществляет проект подземной газификации угля с помощью «изобретенных» им взрывов. В домашней обстановке, не сходя с места, Катенин реализует сложнейший проект превращения залегающих под землей угольных пластов в «подземный газогенератор». Домашние помогают Катенину заворачивать «чертежи» в ватман и в кальку. Литературная дама даже знает о существование кальки – непонятно почему она заставляет своих проектировщиков чертить тушью на ватмане...

С такое же лёгкостью литературная дама заставляет трех только что вылупившихся из яйца «цыпленков» – Мордвинова, Светова и Липатова – в считанные дни осуществить проект «изобретенного» ими «химического» метода подземной газификации угля.

Следует подчеркнуть, что эти только что вылупившиеся «цыпленки» учились во времена «бригадных» методов...

Неизвестный автор аннотации к роману «Иначе жить не стоит», пуская слюни, восторгается:

«Писательница рассказывает о людях творческого труда и большой мечты. Ее герои живут трудной, увлекательной и напряженной жизнью. Они идут непроторенными путями в науке и технике: работают над осуществлением глубоко человечной идеи подземной газификации угля, которая освободит человечество от тяжелого и опасного подземного труда, над проблемами переделки природы в интересах общества…».

Самое смешное заключается в том, что эта аннотация написана к изданию романа, вышедшего в 45 г.в.э. А задолго до этого уже было известно, что «подземная газификация угля» одна из вохровских технических панам-блеф, описанных автором этих строк в двадцать шестом разделе третьей главы «Введения…»

Проектная организация «Подземгаз» в городе Виссарионово – а не три вылупившихся из яйца «цыпленка» – уже не работала к этому времени над выдуманной проблемой, на которую были затрачены огромные государственные средства, а занималась проектированием газопровода попутного нефтяного и природного газа и сжиженными нефтяными газами и по этому случаю была переименована в «Южгипрогаз».

Если в странах загнивающего капитализма, особенно в Колумбовии, каменноугольные шахты закрывались, удельный вес каменного угля, добываемого в шахтах резко падал и уголь использовался главным образом для производства кокса и на электростанциях, причем этот уголь добывался, главным образом в открытых угольных разрезах, тем самым до минимума сокращая количество рабочих

шахтах, то в Государстве Тмутараканском к 45 г.в.в.э. количество шахт и занятых в них рабочих резко возрастало.

Более того, в разделе двенадцатом главы третьей (о механизации и автоматизации) «Введения…» показано, что невзирая на огромные капитальные вложения в механизацию угольных шахт, за последние четверть века производительность труда в Малоскифбассе практически не увеличилась и количество рабочих резко возросло – пропорционально увеличению объема добычи угля в шахтах. Так реально решалась «глубоко человечная идея» освобождения «счастливых» тмутараканских рабочих от тяжелого и опасного подземного труда.

Как же расписывает «осуществление» (!!) заманчивой идеи подземной газификации угля наша вторая литературная дама – Сомлинская?

Разумеется, первым понял все огромное значение проблемы подземной газификации – основатель новой религии, всезнайка, помощник присяжного поверенного, величайший из великих Ильичев. Этот самый важный факт ярко выпячивается на протяжении повествования. Даже персонаж Федосеич, который знал все, что касалось угля и химии, ничего не знал о подземной газификации угля даже в 20 г.в.в.э. – а Ильичев об этом писал за 4 г. до великой вохровской эры:

«И вдруг он заметил небольшой листок, приколотый в конце, после условий конкурса. «Приложение: статья Ильичева «Одна из великих побед в технике», напечатана в 4 г до в.в.э в «Кривде». Что такое? Статья Ильичева?!

«Открытие Рамсея означает гигантскую техническую революцию…Способ Рамсея превращает каменноугольные рудники как бы в громадные дистилляционные аппараты для выработки газа» … «Громадная масса человеческого труда, употребляемого теперь на добывание и развозку каменного угля, была бы сбережена» …

… Да что же это такое?! Почему никто не знал об этом? В 4 г. до в.в.э… В подпольной «Кривде» … Это был так невероятно, что Палька Светов еще раз перечитал статью с начала до конца, находя в ней все новые, еще более поразительные мысли… Было страшно оторваться от статьи…».

Так вот что такое подземная газификация угля! Не какая-то экономия на транспортировке, не частное усовершенствование, а ликвидация подземного труда (!). Экономика высшего вохровского общества!

«Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме…».

Понятно. Очень нужно капиталистам тратиться на переоборудование промышленности и транспорта. Им проще эксплуатировать дешевый труд. Они же сами не работают под землей, а только собирают барыши!

«… Рамсей ведет уже переговоры с одним владельцем каменноугольных рудников о практической постановке дела.

Это было в 4 г. до в.в.э. Ясно, что Рамсею не удалось провести опыт. Почему? Вероятно, встали на дыбы и шахтовладельцы, и пароходные кампании, и железнодорожные… Еще бы, всё надо понять! Вот он капитализм, – ради сегодняшней экономии угробили великое открытие!

… Так пишет Ильичев. Громадные дистилляционные аппараты для выработки газа… Ильичев где-то прочитал об этом! И сразу оценил открытие целиком, во всем его значении. Сам Рамсей, конечно, и половины не видел… иначе, наверно, повоевал бы?»

Помощнику присяжного поверенного, Ильичеву – простительно. Он еще в 4 г. до в.в.э., как репортер, тиснул статейку в «Кривде» о не экономичном предложении Рамсея, по подземной газификации угля. Разумеется тогда, когда Ильичев еще не был обожествленным, признанным основателем новой религии, когда нефтяная промышленность только-только начала развиваться, когда только начиналась добыча природного газа, даже Рамсей мог не догадаться о неэкономичности процесса подземной газификации угля, а дилетант в технике и в экономике – и подавно.

Но в 45 г.в.в.э. и даже в 21-23 г.в.в.э. при громадном развитии добычи нефти и природного газа, только в условиях уродливой экономической системы Государства Туматараканского и при бесталанности и невежестве великих вохровских вождей мог еще пропагандироваться этот «газификационный» блеф.

Что же касается литературной дамы Сомлинской, то не говоря о ее невежестве в технике и экономике, она преданно выполняет поставленную перед ней темкинскую задачу. Она все ставит с ног на голову. Хотя реальная зарплата колумбовского рабочего в семь раз выше реальной зарплаты тмутараканского рабочего, Сомлинская устами своего белого персонажа утверждает, что «им проще эксплуатировать дешевый труд», что, мол, «капитализм, ради сегодняшней экономии угробил великое изобретение». Далее идет бессвязный лепет о том, что капиталисты «сами же не работают под землей». Будто бы великие вохровские вожди и огромный паразитический, вохровский аппарат работают под землей.

Даже старый, опытный инженер Катенин, с фантастической скоростью выполнявший проект на ватмане тушью, не может обойтись без великого Ильичева:

«Проект Катенина был готов. Пояснительная записка внушала самому неквалифицированному читателю представление о важности проекта – цитаты из статьи Ильичева открывали и закрывали каждый ее раздел. Зерном проекта был «метод взрывов», он был изложен вдохновенно…».

Определенно, литературная дама заимствовала «метод взрывов» у Аваежа, который, пожалуй, мог бы подать в суд за плагиат.

Ответственнейший работник наркомата Стадник, тоже ссылается на авторитет Ильичева:

«… Если брать задачу подземной газификации во всем ее объеме, как брал ее Ильичев, то конечная цель – ликвидация подземного труда людей…».

И далее Стадник ссылается даже на детали:

«… Но у Ильичева написано, что уголь газифицируется в пластах…».

Когда Палька убеждает своих друзей, таких же неоперившихся «цыпленков», главный аргумент, опять-же – Ильичев:

«– Ты Ильичеву веришь? – При чем здесь Ильичев? Ты мне… – Читай!»

Даже бывший боец Ваня Сидорчук, по-видимому, прочитавший все 55 томов Ильичева, писал письмо в ЦК по поводу подземной газификации, открытой Ильичевым:

«Шла обычная трудовая милая сердцу жизнь. Где-то там работает и Ваня Сидорчук, первым спросивший: «А что у нас делается по той статье Ильичева?» – Ваня Сидорчук, для которого удача подземной газификации будет огромной, быть может самой большой в его жизни радостью».

И, наконец, один из «авторов» проекта подземной газификации угля – Липатов – присягает:

«Хочу заверить партийный актив: вместе с группой научных работников Института мы обязательно разработаем эту задачу, завещанную Ильичевым».

Итак, инициатор – великий Ильичев. Исполнители одной из многочисленных идей Ильичева – якобы три неоперившихся цыпленка. После того, как один из цыпленков Палька Светов прочел статью Ильичева, его осеняет гениальная мысль – подземные пожары! Как происходят подземные пожары? Вентиляция! Воздух! Цыпленок тут же поделился своей гениальной мыслью со своими друзьями-цыпленками Мордвиновым и Липатовым. Тут-же они сооружают в своем сарае печку, загружают ее куском угля, подают воздух и, ура! В отводной трубке появляется газ, который горит, а печка взрывается.

Молодой цыпленок Мордвинов должен по рекомендации профессора Китаева из Виссарионовского Института Угля, поехать работать аспирантом к знаменитейшему академику Лахтину. Но, увлеченный блестящей идеей Ильичева-Пальки, с помощью подложной телеграммы, направленной Световым академику, на некоторое время остается. Несмотря на противодействие черно-серых персонажей из Института Угля: директора Сонина, профессора Китаева и секретаря парткома Алферова, цыпленки продолжают осуществление своей блестящей идеи, уже под флагом Института Угля. Они – как всегда,

быстро и легко строят печку побольше и получают устойчивую струю горючего газа. На этот раз печка не взрывается.

Друзья-цыпленки, которые едва ли могли во времена «бригадного» обучения толком освоить черчение, выполняют проект и едут защищать его в Углегаз. Один из цыпленков, наиболее светлый персонаж – Саша Мордвинов самоотверженно отказывается от научной карьеры у знаменитого академика Лахтина и от комнаты в Кремлевии. Академик Лахтин с маху разгадывает Мордвинова и заверяет его, что он может вернуться к нему через год-два. Несмотря на противодействие зубров из Углегаза и из комиссии, цыпленки одерживают – опять-таки с помощью симпатизирующего им академика Лахтина и поддерживающего их профессора Русаковского – блестящую победу. Они возвращаются в Виссарионово и снова не только без выполнения рабочих чертежей, но и без выполнения технического проекта начинают молниеносно строить опытную станцию №3.

Опытные станции №1 по «проекту» Катенина и №2 по несколько измененному «проекту» другого зубра – Вадецкого – к тому времени уже дали отрицательные результаты.

Одного из цыпленков – Липатова назначают директором опытной станции №3, другого цыпленка – Пальку Светова – главным инженером, третьего цыпленка, – Мордвинова – заместителем по научной части.

В те страшные времена чудовищного виссарионовского террора, трое благородных цыпленков не побоялись взять на работу в качестве механика подозреваемого в лейбизме, исключенного из партии и уволенного из Коксохимзавода инженера Маркушу. Невзирая на аварии, произошедшие не по вине «цыпленков», а вопреки их предупреждениям, невзирая на интриги черных и серых персонажей, невзирая на попытки какой-то таинственной черной силы приписать светлым персонажам – «цыпленку» Светову и инженеру Маркуше – вредительство и пособничество лейбизму, все кончается благополучно.

Один из цыпленков – Мордвинов с безумной отвагой сообщает самому грозному самодержцу Виссарионову истинное положение дел. Мудрый самодержец разглядывает на чьей стороне правда – авторы проекта подземной газификации и сама проблема газификации побеждает. Сам Беридзе посрамлен. Только карьеристу Алымову удается подольститься к самодержцу, и его назначают начальником Углегаза, а цыпленка Мордвинова – его заместителем. Впрочем, вскоре и карьериста Алымова разоблачают и цыпленок Мордвинов становится начальником.

Литературная дама тщится доказать, что, мол, уже не те времена. Невежественные люди уже не могут быть начальниками.

Трудно осудить литературную даму по поводу такого заключения. Ведь литературная дама сама невежественна в технике и экономике. Она не могла знать, что начальники главков, управляющие трестами и прочие крупные начальники, которых обучали в Промышленной Академии, так и остались невежественными в технике и экономике, потому что невозможно людям в возрасте 35-50 лет, не имеющим среднего образования, усваивать математику, физику, химию, прикладные технические предметы и фальсифицированные экономические и прочие гуманитарные дисциплины.

Так или иначе панама-блеф, ильичевская идея подземной газификации угля одерживает сокрушительную победу. Строится огромная станция в Кучумии. Уже созданы турбины, работающие на газе подземной газификации. Как всегда у талантливых вохровских писателей, заслуженное счастье ожидает героев – белых персонажей. Светов счастлив с Ксюшей, Мордвинов счастлив с Любой, Никита счастлив с Лелей.

Идеальная старая шахтерская пара Кузьменко счастлива в окружении своих малолетних внуков.

Литературная дама Сомлинская первую свою задачу: показать, как самоотверженные вохровские люди, воодушевленные божественным, величайшим Ильичевым, переделывают природу и используют силы природы для грядущего, светлого царства вохризма, которое вот-вот – наступит, – выполнила очень топорнои грубо. Вследствие своего глубокого невежества в области техники и экономики она даже не подозревала, что проблема подземной газификации – чистейший блеф.

Но у литературной дамы была вторая задача, которую она выполнила великолепно. Как вохровский апологет, она доказала, что обладает не только великолепным пониманием генеральной линии вохровской олигархии того периода, когда она писала свой «замечательный роман», но и тончайшей интуицией и предвидением той генеральной линии, которая будет оформляться преемниками великого Никитова.

Прошли те времена, когда, пуская слюни, лучшие в мире вохровские «писатели» описывали безумное счастье тех вохров-энтузиастов, которые удостоились увидеть великого самодержца Виссарионова и даже говорить с ним. О том, как они затем всю жизнь млели от счастья.

Великий Никитов «разоблачил» «культ личности» и отважно осуществлял девиссарионизацию. А Сомлинская в это время как раз работала над «проблемами переделки природы в интересах общества», которые осуществлялись «в тревожное предвоенное время, в сложной, политически накаленной, драматической обстановке».

Только ныне, после того как кончились юбилейные торжества по поводу пятидесятилетия Первой великой вохровской революции, можно полностью оценить великолепную интуицию нашей литературной дамы. Она предвосхитила весьма сложное положение, в котором окажутся нынешние великие, вохровские вожди, бывшие второстепенные подручные великого самодержца – Виссарионова.

Они, разумеется, после недавней девиссарионизации еще не решаются полностью реабилитировать великого семинариста, хотя попытки к этому уже предпринимаются в третьем томе архиновейшего варианта истории вохровской партии, выпущенного в канун пятидесятилетия. Пока вариант таков:

Существовал божественный Ильичев, непогрешимый Ильичев. После того, как Ильичев вознесся на небо, существует непогрешимая, анонимная, таинственная «партия».

Не существовали все деятели в ЦК, избранном на шестом съезде, подготовившем первую великую вохровскую революцию. Не существовали Лейбов, Радомыслов, Розенполев, Лурье, Дикский, Шкаликов, Книгарин и другие. Не существовали даже сам Виссарионов и Никитов, хотя первый был самодержцем 30 лет, а второй – 10 лет. Не было свирепого, чудовищного террора, уничтожившего десятки миллионов людей. Не было голода и нужды, которые свирепствовали десятки лет.

Были только Ильичев, «партия», нескончаемые победы и неслыханные достижения.

Хотя Сомлинская писала свой роман в период девиссарионизации и издан ее роман в 45 г.в.в.э., она в какой-то степени предвосхитила реабилитацию Виссарионова и искусно наводила тень на плетень. Об этом свидетельствуют нижеприводимые выдержки из ее романа «Иначе жить не стоит»:

«Год назад Палька и подумать не мог, что его незадачливый приятель Федька, вынужденный уйти из школы в шахту, станет знатным забойщиком, чуть ли не наравне со Сташовым, а теперь Федька руководит на своем участке школой сташовского труда и в газете пишут: Федор Никитич Коренков сказал…».

Ближайшие сосед Остапенко ездил на совещание в Кремль и запросто беседовал с Виссарионовым и Сергодзе».

Таково начало романа. Далее следуют разные темные и таинственные намеки:

«Жена Арона приглушенным голосом сказала, что он очень занят в связи с проверкой партдокументов. Помолчав, она еще тише сказал: «У Арона неприятности, вы понимаете?». Катенин знал, конечно, что после убийства Кострика идет проверка рядов партии, что поставлена задача очистить партию от разных оппозиционеров и замаскированных врагов, что в связи с проверкой начались исключения и даже аресты (!)[i] … но какое это могло иметь отношение к Арону?..

Арон молчал, поглядывая на Катенина…

i Каков тонкий трюк литературной дамы! Она знает, что арестовали миллионы людей, но пишет: «… и даже аресты» (прим. автора).

– Ты за событиями в Вестготии следишь? Пятая колонна – слыхал, что это такое? Притаилась и гадит исподтишка. Ты спрашиваешь, серьезно ли. Само время очень серьезное… Кто может поручиться, что и у нас не действуют агенты пятой колонны? …

– Обыкновенная сволочь! – определил Арон.

– Из тех беспартийных, которые, которые по существу – партийные, да только другой партии. Несколько лет назад они ставили ставку на вредительство, на буржуазную реставрацию, на иностранное вмешательство. Провалилось! …

Маркуша безнадежно поник… – Еще одно дело пришили мне. Не знаю, кто из вас помнит… На первом курсе было. Попалась мне лейбистская листовка насчет каких-то международных дел. Ну, не понимал я тогда в этом ничего! Смотрю – напечатано на тонкой бумажке что-то политическое. Показал ребятам в общежитии, увидели – лейбисткая – и разорвали. Еще и плюнули на нее. А теперь какой-то мерзавец вспомнил и пришил распространение вражеских листовок…

… Маркуша скинул чемоданы с плеча… уличный фонарь осветил его осунувшееся лицо…

– Какие разные люди есть! – удивленно сказал он. – Я раньше, как думал? Все одного хотят. По правде, по справедливости. Обвинили кого – разберутся да рассудят, кто чего стоит. А тут… Ну, Исаев – мелкий гад, ему в партии не место, – откинул он своего главного врага. – С ним ясно. Но вот попадаю к партследователю – и вохр вроде не поддельный, а крутит, вертит, вот это еще проверим, вот такую еще бумажку принеси… Потом к другому попал – хороший парень, свойский, совестливый такой. Когда говорит, сердце чувствуешь. А начнешь ему доводы высказывать по порядку, спит. Спит! …

– Ну а в Кремлевии? В Кремлевии? – с надеждой спросил Палька.

– А в Кремлевии я добился до большого человека в Комиссии партконтроля. Посмотрел он мои бумаги, велел еще характеристику прислать, обещал: «Скоро вызовем…»

А денег ни шиша. С завода меня уволили, куда пойдешь с такой формулировочкой, исключенным? Подался на станцию – носильщиком. Сам Чубак помог оформиться…

– А уже если совсем до конца додумать, до самой глубины, – снова заговорил Маркуша, – такое у меня бывает чувство: пусть я щепка, пусть пострадал: … лишь бы действительно всю нечисть долой! Ведь вот в приемных этих, в коридорах – каких я только не встречал типов. (!) Каждый клянется, что пострадал зря, что ничего за ним нету… а иной смотришь, такой озлобленный, такой… ну, понимаете, два месяца, как исключен, а уже говорит с этакой злостью – «они», «у них» … И еще прохвоста встретил – тут же в коридоре КПК, разглагольствует прямо по всей лейбисткой платформе! … Ну, я его за грудки взял, чуть всю душу не вытряхнул! Разняли нас. И вот я думаю иногда – чтобы этих выкинуть, чтобы от них избавиться – ну пусть мне плохо, к черту меня, что я! Лишь бы их…

… А Саша старался добраться до самой сути того, что происходит, и мысленно формулировал эту суть. Мир накануне страшной, быть может, самой последней, решающей войны. Все напряжено до крайности… Нацизм, так или иначе, опирается на всю сволочь, какая есть на земле. Против нас. Против народа. Началось с Вестготии. Вестготию хотят задушить, залить кровью. И взорвать извнутри? Да, «пятая колонна» … Мы не хотим «пятой колонны, мы не допустим ее у себя! Мы обязаны быть очень бдительными. Но зачем же выдумывать обвинения против людей, которые наши от головы до пят? Ведь стольких честных вохров уже выбили из колеи! Написать Виссарионову? Но как же он может не знать об этом? Внезапная мысль ударила его. Как так, а друг это – не просто ошибка? … Мысль была так страшна, что и друзьям не скажешь…

… – Ничего, Федосеич, утрясется – сказал Палька, чувствуя какую-то неловкость и еще не осознавая, что его смущает. – Сейчас трудное время… убежденно объяснял он. – В партии идет серьезная чистка. Вохру – большие требования, больше, чем когда-либо. За каждую ошибку спрашивают, так что…

– Разъяснил, значит, беспартийному дураку! – усмехнулся Федосеич. –

… В этом и есть неловкость… Сколько раз я объяснял старому ворчуну, для чего подписка на заем, и почему перебои в снабжении, и как международное положение заставляет нас усиливать темпы… А теперь я должен, по-партийному должен объяснить ему и то, что сделали со мною. Чтобы он не роптал на мою организацию даже сейчас, даже из-за меня!..

… Упор тут на что? На политическую беспечность. На засоренность партийных рядов. На обострение борьбы. На выкорчевывание.

Палька сам понимал, что именно на это сделан упор в речи Виссарионова, но твердо знал, что его-то исключили несправедливо, бессмысленно…

Засорение рядов… Враги с партбилетами…

Почему мы этого не видели? Виссарионов говорит: увлеклись успехами хозяйственного строительства, успокоились… А враги действуют. Стадник – враг? Но нам он как раз помогал… А может быть, настоящие враги – Колокольников, Вадецкий, Граб? Граб был связан с «промпартией». Колокольников – вохр. Нет, никакой он не вохр, он карьерист, стяжатель! Но, может, мы судим слишком поверхностно? Забыли о капиталистическом окружении, о том, что к нам засылают шпионов? Шпионы всегда ведут себя безупречно, создают видимость прекрасных работников… Но тогда, как же распознать их?»

Так литературная дама наводит тень на плетень. Люди, обвиненные в содействии страшным, коварным христопродавцам – лейбистам, хоть и исключенные из партии, бродят на свободе. Более того, впоследствии их восстанавливают. Следователи разговаривают с ними душевно. Сами невинно пострадавшие понимают, что лес рубят – щепки летят. И хотят быть «щепкой», лишь бы погань была уничтожена. И, о ужас, некоторые «щепки», а может быть, и погань – даже арестовываются. Студенческая молодежь на поганые лейбистские листки плевала (хотя хорошо известно, что в 9-10 г.в.в.э., именно студенческая молодежь поддерживала лейбистскую оппозицию).

Но несмотря на то, что какая-то таинственная, черная сила преследует некоторых честных вохров и даже некоторых арестовывает, все же «партия», благородная, справедливая «партия», которая никогда не ошибается, противодействует этим темным таинственным силам. Один из представителей этой анонимной, расплывчатой «партии» – секретарь горкома Чубаков:

«Это подошел сам герой рассказа, секретарь горкома партии Чубаков – «наш Чубак», как его звали по всей округе… Чубак жил на людях в счастливом напряжении всех своих душевных сил и, вероятно, не умел и не мог жить иначе… Чубак верил сам и заряжал других свое верой в общие силы.

Емкое вохровское слово – одолеем! – он произносил, как истину само собою разумеющуюся. А как же иначе? На то мы и вохры, товарищи!.. Как же я могу руководить, если не ощущаю, не вижу такого главнейшего процесса хотя бы в частностях, в разрозненных наблюдениях?..

Его наблюдения подсказывали, что партия имеет сейчас огромную поддержку самых широчайших слоев народа, – да и как могло быть иначе, когда социализм одержал столько замечательных побед, когда дела в стране идут все лучше и лучше! Как же может быть, что внутри партии действует столько врагов? Было время, внутрипартийная борьба отражала напор мелкобуржуазной стихии, за лейбистами и правыми стояли определенные классовые группы. А сейчас, когда буржуазия и кулачество ликвидированы, где же почва для активизации враждебных сил? Это было неясно Чубакову…

Остатки разбитых вражеских групп?.. Чубакову немало пришлось бороться со всякими оппозиционерами в тот период, когда они еще сохраняли видимость партийности и цеплялись за свое место в партии, – так было, но их давно выкинули вон. Чубаков знал людей, которых затянуло в трясину лейбизма, – как быстро они озлоблялись и становились врагами всего вохровского! Вот недавно арестовали Таращука – Чубаков помнил его с юности. Таращук был красноречивейшим оратором и безграничным честолюбцем, этакий «наполеончик» городского масштаба! «Наполеончик», видимо, в жажде крупной карьеры сделал ставку на лейбистов, просчитался, начал крутить и изворачиваться, а кончил самой низкопробной подпольной антивохровщиной. Конец таких, как он, закономерен. Всю свою сознательную жизнь Чубаков боролся с ними и ненавидел их: эти людишки, когда-то считавшиеся вохрами и изменившие партии, были для Чубакова самым презренным отребьем, чем-то склизким и лично отвратительным… Но так ли их много? И тем более – много ли их удержалось в рядах партии? …

Чубаков знал и таких вохров, что по невежеству или неопытности подпали под влияние лейбистской демагогии, но сумели понять свою ошибку, раскаялись и старались ее отработать. Были среди них и двурушники? Вероятно, да. Притаились ли они, чтобы кусать исподтишка? Несомненно, есть и такие. Но может ли их быть много, когда почва выбита у них из-под ног?

… Сила нашего строя не могла не пересилить демагогию и сомнения, ведь за эти годы наша правота подтвердилась делами, пользой для народа, для страны!

Но чего совсем уже не понимал Чубаков: как, почему могли стать врагами люди передовые, активные, никогда не колебавшиеся в сторону от линии партии, такие люди, как Арсений Стадник? … В любое дело он вкладывал сердце – в этом нельзя ошибиться. Чубаков учился у Арсения Стадника партийности и умению общаться с людьми… Как же могло случиться, что Стадник стал врагом… Особенно придирчиво думал он о своем недруге, до недавнего времени работавшем в области, о Гаевом.

… У Гаевого вообще было много недостатков, а Чубаков в запале споров еще преувеличивал их… Но никогда он не сомневался при этом, что Гаевой – вохр, который душу отдает за дело партии. Да и почему рабочий, участник гражданской войны, партийный работник, боровшийся за линию партии против всех оппортунистов, какие только были, – почему, ради чего он мог продаться врагам? …

… Допустить, что ни Стадник, ни Гаевой не враги? Что их оклеветали. Но это не единичные случаи. Допустить, что я слеп и наивен, что в партии действительно много притаившихся врагов и перерожденцев? … Но откуда они взялись в таком количестве? …

И что же делать мне, как руководить этой суровой очистительной работой, не понимая истоков процесса? … А если в данном случае… он испугался обнаженно выступившей мысли и не договорил ее даже самому себе. Он не мог допустить, что он прав, а Виссарионов неправ[i]».

Шесть часов коллективно думали 500 вохров и под руководством честнейшего «нашего Чубака», который не смел обмануть доверие тянувших к нему масс, цыпленок Светов и Маркуша были восстановлены.

Когда проходимец и карьерист Исаев из зала крикнул, что Маркуша – лейбист и что «наш Чубак» защищает лейбиста, зал притих, но бесстрашный Чубаков вынул из кармана брошюрку с речью Виссарионова и прочел:

«Как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывание банзайско-гуннских агентов лейбизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных лейбистов, но и… тех, которые имели когда-то случай пройти по той улице, по которой проходил тот или иной лейбист?» И дальше. «Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными лейбистскими вредителями и шпионами.» Вот как ставит вопрос товарищ Виссарионов».

Так, использовав очередную иезуитскую речь величайшего палача Виссарионова, и добродетельный секретарь горкома Чубак и не менее «добродетельная», литературная дама находят частичный ответ на свои вопросы.

Все же даже в 45 г.в.в.э. наша литературная дама полагает, что один только год, а именно 21 г.в.в.э., был «нетипичным»:

«Мучительный 21 г.в.в.э. остался позади. Последний Пленум ЦК осудил перегибы минувшего года. Саша Мордвинов верил, что с этим покончено, что все станет на свои места. От этого легче дышится и веселее работается. Вторая пятилетка выполнена досрочно – в четыре года и три месяца.

… Снова главный тонус жизни – созидание…

Но почему не возвращается Стадник? Почему нет Чубака? … Нет, они вернутся! Там пересмотрят ошибочные дела, разберутся, вернут их. Говорят, Чубака обвиняли в поддержке Маркуши. Но Маркуша-то восстановлен! Конечно, они вернутся!».

---

i Уже второй белый персонаж Сомлинской – не только цыпленок Мордвинов, но и идеальный секретарь горкома Чубак – боится самой мысли о том, что самодержец Виссарионов может быть неправ! (прим. автора).

Хотя цыпленок Мордвинов уверен, что Чубака и прочих вернут, но «беспристрастная» литературная дама все же не возвращает невинно-осужденных. Литературная дама не сидела в виссарионовских тюрьмах и лагерях, как Бодрженицын и прочие сотни вохровских писателей, поэтому она многого не знает. Она не знает, что в ее вохровском отечестве развелось бессчетное количество тюрем и лагерей. Она не знает, что в 21-22 г.в.в.э. «перерабатывались» столько миллионов заключенных, что даже множества тюрем не хватило и поэтому были организованы огромные пересыльные лагеря. И поэтому семь вохров-заключенных не могли встретиться в пересыльной тюрьме. Не могли они встретиться и в пересыльном лагере, потому что Чубака, Гаевого, Стадника и других арестовали в разное время и в разных местах и вероятность их встречи среди миллионов заключенных в каком-нибудь бараке какого-нибудь пересыльного лагеря была ничтожно мала. Она не знала, что в многолюдном пересыльном лагере, в котором в многочисленных палатках и бараках содержались десятки тысяч зеков, никто не кричал: «Вста-вай! Становись!». Но зато она хорошо знала непоколебимую стойкость духа и преданность делу вохризма, в соответствии, в полном соответствии с генеральной линией переменной вохровской олигархии, невинно осужденных зеков-вохров:

«В пересыльной тюрьме по пути на север встретились Стадник и Чубаков… Стадник обшарил Чубака зорким взглядом. Все тот же! Только залегли по краям губ резкие морщины… губы по прежнему улыбчивы.

– С кем ты тут? Знакомцы есть?

– Как не быть, – усмехнулся Чубак… Гаевой. И Суровцев с нами… – старый чекист… И Мятлев – директор химзавода… А с тобой?

– Со мною Зыбин, из нашего наркомата… Недавно попал, прямо с вокзала, из-за границы возвращался. До сих пор не опомнился. Первое время все охал, что у него путевка в Сладководск – понимаешь, путевка с первого октября пропадает… – Тебе сколько припаяли?

– Десять. А тебе? – Десять. Лет…

Ночью, когда все уснули на тесных нарах, голова к голове, все еще шептались семь знакомцев, семь товарищей в беде, семь вохров…

– Ну что ты, дурной – сказал Чубак и с силой поднял голову товарища. – Нас во враги записали, но мы-то какие были, такие и есть.

…Зыбину все еще казалось, что происшедшее с ним – дурной сон. Опытный пропагандист, он сам делал доклады о ликвидации вражеской агентуры и притаившихся двурушников, сам не раз ахал, какие видные люди разоблачены… В первое время он шарахался от других зеков, не желая смешиваться с разной дрянью. Потом он встретился с Василь Васильевичем, потом со Стадником…».

Зыбин только недавно попал в систему вохровского лагерного перевоспитания, и идеалистов-вохров-зеков по-прежнему жадно интересует, как осуществляется пятилетка, как светят рубиновые звезды кремлевских башен:

«… Постепенно Зыбин увлекся и его горячий шепот слушали жадно, и задавали все новые и новые вопросы. Мрачная камера перестала существовать, семь вохровских людей, семь вохров жили трудами и думами Родины…

– Странно, – еле слышно проронил Стадник и подтянулся еще ближе к товарищам, но все-таки не решился назвать имени. – Он говорил, что идет борьба на уничтожение. Призывал к бдительности. Как же он сам не увидел, что под этой маркой происходит избиение, уничтожение самых опытных кадров партии!...

– Докладывают ему подтасованные дела…

И снова замолчали. Думали. Томились непониманием и страхом, самым большим и благородным страхом – не за себя, за свою партию.

Первым заговорил Стадник:

– Я иногда думаю – потерял он доверие к людям. Вспомните, какой напор начался после смерти Ильичева. И лейбисты, и радомысловцы, и книгаринцы, и Промпартия, и всякие недобитки. Одни тянули вправо, другие влево, но все – против ильичевизма. Он боролся, разоблачал их…

- А вы что смотрели? – истерически заговорил Василь Васильич. – Ну я – рядовой научный работник. А вы-то как просмотрели, вы что же, не видели?

– Да ведь и действительных гадов брали, – мрачно сказал Чубак, – лейбистов, вредителей. Вот хотя бы… Он повел глазами в дальний угол камеры. – Вон, белобрысый, Анопов фамилия. Из гадов гад. Я бы таких стрелял, не то, что… Они смотрели в тот угол… Никто не шевельнулся, но все семь мысленно отодвинулись подальше…

– Да что же это такое? – в ярости простонал Гаевой. – И почему я должен рядом с ним?! И что же нам теперь? …

– А ну, дружок, давай без истерик, – остановил его Чубак, – худо нам. Очень худо. Но не может оно не раскрыться!

– А как дела пошли! – вдруг тихо заговорил Мятлев. – Год от году лучше! Начинали – ведь не умели ничего. Посадили меня красным директором, я же бухгалтера, как огня боялся, инженер заговорит со мною о технике – холодею. А научились хозяйствовать! Разобрались во всем и так разворачиваться начали! …

Мятлев пролепетал совсем по детски: – Что ж, нас и воевать не пустят? – Мы же «враги», «опасные» элементы! – с издевкой напомнил Гаевой. Его остановил холодный голос Суровцева: – А ты не злись. Может, это и пытаются сделать – смять нас, превратить в озлобленное ничтожество, в требуху, уже ни на что годную… Гаевой… сказал с неожиданной у него силой: – В требуху?! … Почувствую, что сволочью становлюсь – сам себя! …

Откликнулся Суровцев: – С партбилетом быть вохром легче, а ты вот теперь сумей остаться им.

Прошло много времени, прежде чем раздался внятный шепот Чубака:

– Верить нужно, товарищи. Верить в партию. Остальное пока от нас не зависит. А вот кем мы выйдем отсюда – отщепенцами, моральными уродами или вохрами? Это зависит от нас. Это теперь – основная партийная работа каждого из нас».

Так талант инженера человеческих душ Сомлинской развернулся во всю. Она сразу выполнила не только текущие заказы вохровской олигархии, но явно подготовилась выполнять и будущие заказы. Ее вдохновенный лицемерный цинизм не имеет пределов, впрочем, как и у других вохровских «писателей».

Абсолютно скрыть чудовищные преступления виссарионовского вохровского режима невозможно. К тому же Никитов «отважно» разоблачил «культ личности». А вот Сомлинская смогла. Оказывается, рабочие и крестьяне Государства Тмутараканского остались в стороне. Они продолжали с энтузиазмом работать и жить в вохровском изобилии. Наряду с «гадами»-лейбистами и прочей «поганью» арестовывали и честных вохров. Однако немного. В большой битком набитой камере, где люди тесно лежали на нарах голова к голове, находятся всего семь честных вохров. Самое страшное для этих честных вохров – находиться вместе с «гадами»-лейбистами. Будучи даже зеками, они страстно хотят расстрелять этих гадов, которых «гуманная» вохровская власть пощадила. Честные вохры иногда начинают сомневаться в самом великом Виссарионове. Но он, вохровский вождь, неутомимый труженик, вынужден был после смерти Ильичева бороться и защищать ильичевизм от лейбистов, от радомысловцев, и от книгаринцев, и от Промпартии, и от прочих недобитков. Мудрено ли потерять доверие к людям?

Вдохновенная Сомлинская, обладая кроме огромного литературного таланта, еще очень сильной интуицией, предугадывая возможную реабилитацию великого семинариста в дальнейшем, почти реабилитирует его и разоблачает темную, таинственную силу, творящую кое-какие безобразия, в виде человека, сидящего за Виссарионовым, у которого ледяной взгляд, маленькая лысая голова и холеное лицо:

«Саша никогда не видел Виссарионова, но, как и все вокруг, привык считать, что все происходящее в стране, определяется Виссарионовым… Китаев неизменно заканчивал свою вводную лекцию словами о том, что развитие вохровской химии связано с основополагающими указаниями товарища Виссарионова, а Саша знал, что таких указаний не было, иначе химики знали бы их наизусть…

Эти размышления не уменьшали его восхищения Виссарионовым… У него было свое глубоко интимное представление об этом человеке, сложившееся из собственных ощущений при чтении логически отточенных виссарионовских речей, из рассказов шахтеров, побывавших на совещаниях сташовцев в Кремле, из отдельных черточек и слов, тронувших Сашу за сердце. Он создал себе образ человека, который всегда ищет новое, никогда не останавливается на достигнутом и умеет глядеть вперед, любовно растит самых рядовых людей – трактористов и звеньевых, шахтеров и кузнецов, летчиков и полярников… Доброе поощряющее слово этого человека казалось ему высшей из возможных наград …

От волнения он не видел – и потом не мог вспомнить, – как они входили в комнату заседаний и какая она, эта комната… … И вдруг Саша увидел Виссарионова

… Клинский продолжал говорить, и Саша смутно понимал, что он с непонятной старательностью искажает все факты, но сосредоточиться на слушании Саша не мог: сейчас для него существовал только Виссарионов.

… Оттого, что он был проще и обыденней, чем его изображали, он показался Саше очень близким. Но в эту минуту Виссарионов недоброжелательно взглянул на Сашу и сказал гневно, с сильным акцентом:

– Как же вы? Такое великое дело вам доверили, а вы… обгадили его…

Сидевший за ним человек с ледяным взглядом выдвинул вперед лысую голову с холеным лицом и негромко сказал:

– И кадры у них странно подобраны… Вот…

Теперь Саша узнал его – Беридзе.

Беридзе открыл папку и начал быстро перекидывать листки: – Светов исключался за подлог, Маркуша – исключался, как лейбист. Липатов дважды привлекался прокуратурой и Комиссией партийного контроля. Мордвинов – самовольно бросил аспирантуру, хлопотал за лейбиста. Что думали работники наркомата, подбирая кадры Углегаза? …

Виссарионов снова поглядел на Сашу – острым, беспощадным взглядом – и сказал презрительно:

– Проекты есть, учреждение есть, рапорты товарищу Виссарионову посылали, вот только газификации нет».

Стало ясно, что «цыпленки» будут уничтожены. Темные, таинственные силы во главе с главной темной силой – Беридзе опутали их интригами и предназначали для уничтожения. Но… Саша «с отчаянными и бесстрашными глазами» разоблачает всех интриганов и побеждает темную силу – Беридзе. Свирепый диктатор Виссарионов все-таки разглядел все интриги, его не удалось свести с пути истинного. «Цыпленок» Саша Мордвинов победил и дерзко начал утверждать (уже после победы), что утверждения Клинского о дороговизне подземного газа и о том, что газификация экономически себя не оправдывает, неверно... Но мудрейший диктатор не дослушал Сашу и сам произнес мудрейшую речь:

«Так вообще рассуждать нельзя. Подземная газификация угля имеет для нас не только экономическое, но и большое социальное значение. Это – возможность ликвидации тяжелого подземного труда.

… Какую экономику вы имеете в виду, товарищ Клинский? Есть экономика бакалейного лавочника и есть экономика государственная. Я стою за экономику государственную. Мы должны смотреть вперед и думать о проблеме кадров для шахт. В Колумбовии миллионы безработных, там вопрос о кадрах решается легко. У нас благосостояние народа растет и будет расти с каждым годом. Безработицы у нас давно нет, и нехватка рабочих рук становится острой.

… Газ обходится дорого? Пусть товарищи нам докажут, что дело реальное, возможное, а уж мы сумеем создать новую отрасль промышленности и удешевить подземный газ. Так обстоит дело с экономикой. Неправы товарищи, которые не понимают этого, не понимают социального значения задачи…

– Снимать, арестовывать хотели, – как бы про себя сказал Виссарионов. – А выходит помогать надо. По деловому помогать новому делу… Еще кто либо сказать хочет?

Бурмин несмело приподнял руку – вроде и просит, вроде и не просит.

– Теперь уже молчи, раньше надо было, – сказал Виссарионов».

Сомлинская, реалистически описывая великий страх вохровских аппаратчиков, который им внушал свирепый диктатор, придает известную правдоподобность, тем самым, выполняя основной темкинский принцип: смешивать количество лжи с незначительным количеством правды.

Еще раз повторяем: вторую задачу Сомлинская выполнила прекрасно и даже более, так как она не только густо замазала чудовищные преступления тридцатилетней виссарионовской эпохи, скармливая читателю ничтожные дозы подслащенной правды, но оказалась большим роялистом, чем сам король. Она раньше времени реабилитировала кровавого диктатора Виссарионова и безусловно достойна звания гроссмейстера Темкинских деревень.

В дополнение следует отметить, что литературная дама только вскользь отметила одно из наиболее чудовищных преступлений Виссарионова – заключение пакта о ненападении с Адольфером.

13. «Дар земли»

Третья литературная, также весьма прославленная дама – Жаренова, так же развязно, как Аваеж и Сомлинская, щеголяет «знанием» науки и техники. Разумеется вохровским «писателям» все позволено, особенно, когда они по заданию могущественной вохровской олигархии строят пропагандистские Темкинские деревни.

Но невежественная в технике и экономике дилетантка Жаренова безжалостно смешала все в одну кучу: и какую-то неведомую «комбинированную» установку на нефтеперерабатывающем заводе, и полипропилен, и «синте-каучук», и «синте-спирт», и «бутиловый» каучук[i], и Кремлевский нефтеперерабатывающий завод, и Ново-Валериановский завод синтетического спирта, и предполагавшийся, но не построенный нефтеперабатывающий завод в Рататии, и заводы синтетического каучука в Головастии и Валериановской области, и электро-обезвоживающую установку (ЭЛОУ) на каком-то промысле и цех[ii] синтеза каучука на заводе то ли синтетического спирта, то ли на нефтеперерабатывающем, и Ново-Амакский химкомбинат, и бог весть, что еще.

Разумеется, неискушенный читатель может быть поражен обширными познаниями литературной дамы в области техники и экономики:

«Шел подъем бурового инструмента для смены сносившегося долота. Из квадратного отверстия роторного «стола», поставленного над устьем скважины, ползла верх колонна труб… Рабочие… подхватывали воротником-элеватором муфту нижней трубы… Рядом с ротором стоял в шурфе бурильный квадрат с навернутым на него вертлюгом с хоботом грязевого шланга… На «полатях»… верховой быстро «отстегивал» элеватор от… двадцатиметровой «свечи» … и заводил ее за выступающий брус – «палец» …

… Изредка брали пробы–керны. Случалось на счастье, что кернорватели поднимали из скважины каменные сколки до четверти метра длиной… Потом он вооружился ловильным колоколом и начал охотиться за трубами, рухнувшими в скважину … К исходу вторых суток Джабар сумел уцепиться за муфту верхней трубы, и началось постепенное вытягивание стальных звеньев…

---

i Не синте-, а синтетический спирт и каучук. Не существует наименование «бутиловый каучук» – есть бутил-каучук (прим. автора).

ii Заводы синтетического каучука – громадные предприятия и не могут быть «цехами» какого-либо завода (прим. автора).

… Только бы не ударило камнем по железу! Только бы не высекло искру!.. И все-таки одолели. Пьедестал водружен на свое место и схвачен болтами с крестовиной. Удалось установить и фонтанную елку, а после этого… закрыть задвижку…

… Мы будем перерабатывать здесь три миллиона тонн нефти в год, при обслуживающем персонале в пятьдесят четыре человека… Одна эта комбинированная установка заменит комплекс из пяти отдельно стоящих, на которых занято до полутора тысяч рабочих. Сократятся промежуточные парки и трубопроводы. Огромная экономия топлива, воды, пара и электричества. Себестоимость светлых продуктов снизится на двадцать два процента… Мы сможем давать на этой установке бензин с октановым числом до восьмидесяти, а кроме того, получим сырье для выработки полипропилена и полиэтилена. На нашем Амакском заводе создан собственный метод по полипропилену. (!)

… Ведь одна тонна пластмассы, который мы получим буквально из воздуха, из отходов, которые сейчас сжигаем на факелах, заменит до десяти тонн лучшей стали…

… Мы с великой охотой перейдем с фенопласта на более прогрессивные полимеры. Полипропилен – это же чудо двадцатого века… Правда, Груздев не успевает обеспечивать нас с опытной установки, но если амакцы размахнутся на десятки тысяч тонн, то все иначе заиграет! …

… Груздев не мог смотреть на эти пылающие факелы; варварски уничтожалось баснословное, неисчислимое богатство, тот же полипропилен, который может заменить самые крепкие волокна, самые лучшие стали. Смешно сказать: труб не хватает для обустройства промыслов, а могли бы из этого же газа получить столько прочнейших пластмассовых труб, что всю страну ими опоясали бы…

… – Спасибо. Но для настоящего разворота общих дел нужна комбинированная установка. – Твердое горбоносое лицо Груздева выразило непреклонную решимость... – Хлопотать надо. В ЦК обратиться надо. Ведь пока мы тут волынку тянем, за границей из-под рук выхватят, и осуществят, и запатентуют любое предложение (!!) …

… Вот уксусная кислота, можно сказать, наше любимое детище, – доверительно хвалился Федченко, почти касаясь острым усом лица Баркова. – Предложили метод куда выгоднее прежнего.

Вместе с Кремлевским Институтом работали над технологической схемой. – Федченко хвастался, а сам посматривал на Груздева, сидевшего за рулем: не позволил тот пристроиться ему соавтором к новой схеме. А разве обойдется группа без главного технолога? Он, конечно, не остался в стороне. Подбросил молодым ребятам кой-какие мысли (!) … Уксусная кислота – громкое дело. Ново-Валериановцы и те ревнуют. Еще бы! Продукт для ацетатного парашютного шелка. Барков сам понимает значение уксусной кислоты, и ему не терпится осмотреть здешнюю установку… А Груздев… подзадоривает:

– Звонили вчера из Кремлевии: колумбовцы уже просят продать им лицензию на наш новый метод. (!) Федченко взорвался:

– Сейчас же подавай лицензию! Торопятся своих шпионов, да десантников сбрасывать, холера им в ребро! (!!) …

Стоило посмотреть на Груздева, когда он подводил Баркова к полипропиленовой установке, примыкавшей по диагонали к мощной, так и рвавшейся в небо газофракционной, (!) откуда поступает сырье – фракция жидкого газа пропан-пропилена, и сразу можно было определить, какое место в его жизни директора занимали необычные цехи необычного завода…

В этих колоннах пропан «выпадает» из фракции при температуре минус сорок три, которую называют «точкой росы охлаждения» (!!) …

… Иногда Анна Воинова и Надя вместе делали налет на Дронова. Дмитрий Степанович просто бредил морозостойким изопреновым каучуком. Все каучуки получаются из полимеров: (!) полимеризация – сегодня самая актуальная проблема, – заявлял он. – Сам процесс – сказка. Вопрос ставится уже о беспрерывном методе…

… Дронов собирался путем полимеризации изобутилена выпускать на комбинате также бутиловый каучук (!) …

…Завиднелся яркоосвещенный корпус первой на промыслах «ЭЛОУ» – электробезвоживающей установки по очистке нефти от примеси воды и солей. Семен Тризна страшно гордился этой установкой, но освоение ее долго тормозилось, пока груздевские работники (!) не предложили промывать трубки теплообменников струей горячей воды под большим давлением…».

Наша третья литературная дама писала свое замечательное «произведение» к концу царствования великого Никитова в 43-44 г.в.э., в эпоху «победной» семилетки, когда дважды ввозили из стран загнивающего капитализма сотни миллионов берков хлеба.

В разделах девятом, десятом и двадцать шестом главы третьей и в главе восьмой «Введения…» автор на основе анализа обширного материала показал, что нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность Государства Тмутараканского отстала, по крайней мере, лет на двадцать пять от Колумбовии. Заводы по производству полиэтилена в Головастии, Ново-Валерианове, в Рататии и в других районах построены на базе комплектного гуннского и сакского оборудования, смонтированного под руководством гуннских и сакских шеф-монтеров.

Правда, о заводах полиэтилена наша литературная дама умалчивает. Она влюблена в полипропилен. По-видимому, ее водили на опытную установку полипропилена, смонтированную на Кремлевском нефтеперерабатывающем заводе. Не останавливаясь на дремучем невежестве прогрессивной дамы, которая заставляет «выпадать» пропан при температуре минус сорок три, «которую называют точкой росы охлаждения», поскольку прославленная вохровская «писательница» не может знать таких деталей, следует отметить, что весь ее бесвязный лепет о десятках тысяч тонн полипропилена и на Кремлевском заводе и на вымышленном ею Амакском химкомбинате не имеет ничего общего с действительностью.

Хотя в Колумбовии и в Западной Европе промышленность полипропилена развивается быстрыми темпами, в Государстве Тмутараканском еще не приступили к строительству крупных предприятий полипропилена, запроектированных в Афу и Добром. По-видимому, и для осуществления производства полипропилена придется закупать оборудование в странах загнивающего капитализма так же, как было сделано для производства полиэтилена.

Что же касается налаженного производства полипропилена, мощностью в десять тысяч тонн в год на Кремлевском нефтеперерабатывающем заводе, куда водили писательницу, то это попросту очередной блеф. Этот блеф нельзя отнести за счет нашей литературной дамы, также, как и блеф с газификацией угля в пластах нельзя отнести за счет второй литературной дамы – Сомлинской.

Они в этих делах совершенно невежественны. То, что им сказали другие вохровские дилетанты, которые разбираются в этих делах чуть получше этих дам, тому они и поверили.

Блеф это хотя бы потому, что на Кремлевском заводе в настоящее время, да и в будущем недостаточно пропилена. Установки термического и каталитического крекинга Кремлевского завода – устарелые и маломощные. Поэтому даже потенциальное содержание пропилена в жирных газах крекинговых установок – недостаточно.

«Газофракционная», или, вернее, газофракционирующая установка, которая так восхитила нашу даму, назначение которой (установки, а не дамы) состоит в том, чтобы извлекать, в частности, пропан-пропиленовую фракцию из жирных газов крекинг-процессов, – запроектирована дефектно и вместо 90% извлечения пропилена от его потенциального содержания в жирных газах, извлекает только 10-20%.

Что касается Нижне-Амакского химкомбината и якобы, находящегося от него поблизости нефтеперерабатывающего завода, то следует отметить, что Нижне-Амакский комбинат еще только строится и на нем будут получать главным образом синтетический каучук. Весь комплекс производств, пользуясь своими прерогативами «писательницы», наша дама перетащила из Ново-Валерианова и Головастии. Можно предположить, что писательница нанесла репортерский визит в Ново-Валерианово, так как директор перетащенного ею в Рататию завода синтетического спирта – Анна Воинова – весьма отдаленно напоминает женщину-директора Ново-Валериановского завода синтетического спирта. На заводы синтетического каучука в Головастии и Валерианове, вернее Ставрограде, литературная дама

Жаренова, вероятно, не удостоилась нанести визит, поскольку она все бормочет о каком то «цехе» синтетического каучука.

Ее бессвязные рассуждения об уксусной кислоте попросту не стоит комментировать.

Крайне смешны потуги Жареновой заверить неискушенного читателя, что колумбовцы спешат купить лицензию у «изобретателей» вохровских директоров и главных технологов на процессы, которые в Колумбовии уже устарели.

Впрочем, ее в этом винить нельзя. Поскольку она в этих делах невежественна, то, как попугай, (а, может быть, и не совсем как попугай...) пересказывает то, о чем ей рассказали дилетанты-директора или дилетанты-секретари обкомов. Разница между попугаем и литературной дамой состоит в том, что попугай точно воспроизводит то, что он слышал, а наша литературная дама к нелепостям, услышанным от дилетантов-директоров, добавляет свои нелепости, поскольку директоры и секретари обкомов все же имеют некоторое представление о предприятиях, с которыми они соприкасаются.

Пожалуй, больше не стоит останавливаться на технической «эрудиции» Жареновой, на ее бессмысленных высказываниях о комбинированной установке и на прочих технических подробностях. Остановимся на вопросах, которые могли бы в какой-то степени быть знакомыми нашей даме.

В начале своего произведения она знакомит читателя с малограмотными головастскими крестьянами Яруллой и Зарифой, с молодым геологом Тризной и его молоденькой женой Танечкой, только-только кончившей семилетку, с молодыми инженерами-бурильщиками Алешей Груздевым и Димкой Дроновым, со здоровенным молодым, малограмотным мастером, который любит и выпить и подпустить «мат» – Джабаром Самедовым, с «рыжей, худенькой и бледной» Диной, женой Димки Дронова.

Проходит 25 лет. Как известно из вохровской литературы, за такой срок в государстве Тмутараканском малограмотные крестьяне, молоденькие Тани, кончившие семилетки, и прочие Самедовы и молодые инженеры становятся либо академиками, либо крупными партийными и хозяйственными функционерами, на худой конец – Героями Социалистического труда.

И действительно, с такой же легкостью, как ее литературные коллеги, Жаренова превращает Груздева в директора нефтеперерабатывающего завода (бывший бурильщик быстро переквалифицируется, изобретает новые, улучшенные сорта дизельного топлива и т.п.), Дениса Щелгунова – в секретари обкома, Сошкина – в председатели совнархоза, Тризну – в директора Светлогорского нефтяного управления, малограмотного Джабара Самедова заставляет заочно закончить институт и занять пост управляющего бурового треста. Диплом он успевает получить одновременно с Дроновым и Груздевым, которые, сменив специальности, тоже учились заочно.

«Худенькая, рыженькая» Дина Дронова становится талантливым главным геологом и вот-вот получит Ильичевскую премию. Даже безграмотная Зарифа становится шибко грамотной и большим начальником. Только один Ярулла остается в старом звании мастера-бурильщика, но зато он «прогремел не только в Рататской республике но и за ее пределами», стал Героем и – что немаловажно – занимает со своей семьей пятикомнатную квартиру.

Разумеется, молодое поколение, дети Яруллы, Зарифы, Дронова, Тризны и прочих, – либо инженеры, либо архитекторы, либо имеют какую-либо другую интеллигентную профессию.

По темкинских шаблонам прославленной вохровской писательницы – так же, как и других вохровских «писателей», к пятидесятилетию вохровской власти все население Государства Тмутараканского состоит из академиков, крупных функционеров-администраторов, инженеров и прочей интеллигенции. Все они живут в пятикомнатных квартирах, в худшем случае – в четырехкомнатных особняках.

«Четырехкомнатные особняки, построенные для ответственных работников, и дом для приезжих – тоже затея Семена Тризны: и городская квартира и одновременно дача. Нефтяники не в обиде: почти у всех работающих на промыслах хорошее жилье».

Правда, по данным ЦСУ, к пятидесятилетнему юбилею великой вохровской революции на душу тмутараканского населения приходится 7 квадратных метров жилой площади, но ведь толстые сбор-

ники ЦСУ никто не читает, зато тираж «талантливого» произведения Жареновой составляет 115 тысяч экземпляров, а другие подобные произведения также печатаются в сотнях тысячах экземплярах.

Разумеется, даже миллионами экземпляров подобных произведений трудно убедить семью из 4-6 человек, которая живет в одной комнатушке коммунальной квартиры площадью в 15-20 квадратным метров в том, что у нее хорошие жилищные условия, но для мастеров Темкинских деревень – это пара пустяков. Жаренова не жалеет благ своим героям: ведь не только поколение ветеранов, справедливо достигшее столь высоких постов, но и молодое поколение: Ахмадша, Равиль, Хаят, Надя и другие – энтузиасты и великие специалисты, бесстрашно управляющие крупными агрегатами. Только одна Юлька свихнулась, и вдали мелькает стиляга и бездельник Валерка. Но они нетипичны, и их быстро разоблачают.

Жаренова порядочно поболталась в среде директоров и секретарей обкомов. Поэтому, да и потому, что таково ее понимание «генеральной линии», все эти функционеры – люди дела и никакого отношения к бюрократизму не имеют. Они прекрасно представляют себе интересы народного хозяйства, они знатоки техники и экономики, они изобретатели и рационализаторы. Но все же пылают факелы, в которых сжигают попутные газы. (Дилетанты убедили Жаренову, что в попутных газах сжигают ее любимый полипропилен. В действительности, из попутных газов на газобензиновых заводах можно было извлечь сжиженные газы, бензин и этановую фракцию. Из последней можно получить этилен. Полипропилен же следует вырабатывать, в основном, из пропилена, извлекаемого из жирных газов процессов крекинга и некоторых других вторичных процессов нефтепереработки).

Имеются и кое-какие другие недостатки. Кто в них виноват? Директора и секретари обкомов убедили Жаренову, что благостную картину портят отдельные бюрократы, засевшие в плановых организациях, и некоторые псевдоученые. Например, академик Безродный (фамилия многозначительно намекает на связь с «космополитами»), который руководил, как сообщает Жаренова, написанием двухсот двадцати диссертаций!

Все местные функционеры убедили Жаренову, что «изобретением» таинственных для нее «комбинированных» установок, установок полипропилена, уксусной кислоты занимаются директора, главные технологи и главные инженеры заводов и молодые люди на заводах, которым эти главные заводские функционеры подбрасывают кое-какие мыслишки. Просто неизвестно, чем же занимается армия из 500 тысяч работников проектных институтов и 300 тысяч работников научно-исследовательских институтов?

Через все «произведение» Жареновой проходит тема борьбы с бюрократами из плановых организаций, с прохвостом академиком Безродным и даже с работниками проектных организаций:

«– Лет двадцать жизни отняли у меня все эти ученые-проектировщики, – пожаловался Джабар Самедов Груздеву… Ничего. Мне вот один Карягин насолил так, что до самой смерти не забуду! … – Ты вот на счет Карягина говоришь… А им что плановикам. Если бы они своим карманов отвечали за просчеты, тогда, конечно, аккуратнее бы вели себя…

Завод пластмасс, расположенный в лощине на окраине Светлогорска, еще строился. Два цеха, правда, работали, но даже первая очередь простаивала из-за недостатка сырья…

Мирошниченко радушно, хотя и невесело встретил Груздева… – Тоже планчик! – с горестью сказал он… – Что они там думают? Ведь Госплан – святая святых для нас директоров, – командиров промышленности. И вдруг такие просчеты, какие ни один мало мальски мыслящий не допустил бы… В нефтяном богатом районе, самом центре добычи нефти и газа… И вдруг простой за простоем: сырья-то, оказывается, и нету! …

Несуразность получается, – сказал выступивший на собрании Салих Магасумов, сын Зарифы. – Ну, пусть откачка не справилась, пусть не успели сделать новый нефтепровод, а зачем же, спрашивается, воодушевляли людей на перевыполнение плана к Первому мая? … Слышали мы, приезжал сюда большой начальник из Госплана. Что же он не показался народу? Ведь их специально обучали на экономических факультетах, как хозяйственные планы составлять… Отчего иногда по балансу концы с концами не сходятся?..

– Может быть, теперь окончательно решится судьба комбинированной установки. Химики, технологи, экономисты видные... подключатся. Неужели все вместе не сломим Карягина и его шаблонщиков – сказал неуверенно Груздев… А кто председатель комиссии? – Научный сотрудник из Кремлевского института химии[i] … Щелгунов[ii] звонил, велел срочно готовить материалы. Эксперты будут их рассматривать в Кремлевии. Потом к нам приедут проверить наличие сырья для полипропилена. А в заключение дело передадут на комиссию по текущим делам в Совет Министров Великоскифии, чтобы решить, есть ли смысл создавать у нас комбинированную установку… – «Дай-то бог», чтобы вопрос решался не у Работникова в Госплане Великоскифии, а в Госплане Союза, – так же истово сказал Груздев. – Платонический деятель этот Работников! Ничего не решает, хотя и заместитель председателя, зато великий мастер волокиты…

– В Кремлевию собрался?

– Угадал, – ответил Груздев. – Везу материалы для общественной экспертизы. Спасибо Щелгунову, что поставил вопрос в ЦК профсоюзов, иначе бюрократов из нефтяного отдела Госплана не прошибешь…

– Работники автозавода очень интересуются нашим вопросом… Уже лет тридцать проводят испытания, составляют отчеты, пишут письма и бомбят все организации. (!)Масовый выпуск высокооктанового бензина дал бы возможность реконструировать моторостроение и перейти на выпуск облегченных экономичных двигателей, при которых расход металла уменьшится на сорок процентов[iii] …

… Черт знает что! – выругался Груздев. – Сколько же мы теряем из-за своей неповоротливости…

– Итак, вы утверждаете, что у вас есть сырье на десять тысяч тонн полипропилена? – спросил Работников спокойно. – А Петр Георгиевич Карягин говорит, что он ничего не обнаружил. – Он же не был у нас на заводе, – сразу закипая от возмущения, возразил Груздев[iv] …

… Ну, Матвеич, нефтяной отдел Госплана, не опротестовывая, по существу, решение экспертизы, опять подал встречную бумагу на пересмотр нашего заявления, – приехав на завод… сказал Щелгунов…

Сильна, сильна инерция, стремление катиться по наезженной колее, – заметил с сокрушением Щелгунов, все еще недоумевая перед выпадами Карягина, то ли тупоумными, то ли подлыми…

… Ох, и нудный же ты стал, Алексей! … воскликнул Сошкин… Пусть рассудят в ЦК; не убивать же заместителя председателя Госплана, упорно не желавшего ни уходить добровольно с занимаемого поста, ни внять требовательным голосам с мест…

– Да как же не протестовать! Если представитель контроля дело знает, я его приветствую, а если он вроде Карягина! Или взять Работникова в Госплане. От жизни оторван, сидит в кресле прочно, тяжело. Ну, явишься к нему на совещание. Шаблонщики подготовят речи…

Своих мыслей нет, все содрано, все списано. Нудно! … Освободили бы директоров от излишней толкотни. Главное-то у нас – новая техника! …. В молчанку играть нам нечего. Мнение научными авторитетами создается по-разному, и если оно неправильное, надо ясность внести: дутые авторитеты развенчиваются фактами… А за что болеет Работников или Карягин? Они только за свои кресла дрожат, за право пользоваться особой столовой, персональной машиной, дачей, поэтому и боятся всего нового: при старом-то спокойнее».

---

i У Жареновой обывательские, примитивные представления о технологии планирования хозяйства. Кремлевского института химии не существует (прим. автора).

ii Секретарь обкома (прим. автора).

iii Дилетант Жаренова, разумеется, не знает, что нечего было 30 лет производить испытания, бомбить, составлять отчеты и т.п.. Ведь в Колумбовии и в Западной Европе давно производят высокооктановый бензин и используют экономичные двигатели. Все дело в уродливой вохровской энтропийной экономической системе! Но это невежественная в экономике Жаренова не поймет, и объяснить ей это невозможно. (прим. автора).

iv Жаренова полагает, что для определения наличия сырья следует ездить на завод и справляться у дилетанта-директора и его подручных. Она не подозревает, что все эти данные можно получить в проектной организации!

Будучи совершенно невежественной в технике и экономике, Жаренова прекрасно понимает, где пахнет жареным, что можно и что нельзя писать. Великий Никитов критиковал некоторых плановиков – следовательно и Жареновой можно, тем более что это соответствует основному принципу построения Темкинских деревень: к Монблану лжи и подтасовки добавить малюсенькую ложечку лжи.

Слов нет, председатель или заместитель председателя и Госплана Великоскифии и Госплана Союза – поверхностные дилетанты. Даже нынешний председатель Госплана Союза Лентяев, который толковее предыдущих председателей Госплана, – тоже дилетант (хотя недавно ему и присвоили степень доктора наук). Более того, зачастую главные специалисты Госплана, которым по должности не полагается быть дилетантами, – тоже обладают крайне поверхностными знаниями, и, как правило, вследствие вохровского хаоса в экономике и по другим причинам весьма слабо ориентируются в экономических категориях. Вследствие этого они систематически совершают просчеты.

Автор этих строк хорошо знаком с главными специалистами нефтяного отдела Госплана Великоскифии и Госплана Союза.

Главный специалист Госплана Великоскифии – по-видимому, прототип Карягина. Этот «Карягин» действительно в значительной части виноват (совместно со многими другими руководящими работниками) в том, что в Сомке был построен завод синтетического каучука, который оказался без сырья – нормального бутана и последний пришлось ввозить издалека, из Рататии.

Там же был построен завод изопропилбензола и запроектирован завод фенола-ацетона, а пропиленовое сырье пришлось привозить за несколько тысяч километров из далекого Казкава.

В случае с полипропиленом «Карягин» был прав. Полиропилена для десятитысячного завода явно не хватало и вся шумиха со строительством именно этой жареновской установки и на десять тысяч, и на пятьдесят тысяч тонн полипропилена, как отмечалось выше, – чистейший блеф.

Но несомненно одно: у работников даже Госплана Великоскифии (автор не имеет, разумеется, в виду таких больших начальников, как председатель или заместитель председателя Госплана, которые, как правило, являются дилетантами чистейшей воды), кругозор значительно шире, чем у директоров предприятий, секретарей обкомов и бывших председателей совнархозов.

А вообще-то, авторами проектов и экономических решений являются проектные институты и научно-исследовательские институты (отраслевые), и кругозор проектных и научных работников попросту несравним с зачастую поверхностным, дилетантским кругозором директоров предприятий, секретарей обкомов и председателей совнархозов. В сравнении с главными специалистами проектных отраслевых институтов главные специалисты плановых организаций также весьма поверхностны.

Разумеется, и работники научных и проектных организаций – в рамках уродливой, хаотической, энтропийной вохровской экономической системы и при общем низком уровне экономических знаний – совершают великое множество просчетов, что подробно показано в третьей главе «Введения…».

Но именно, они, а не директора предприятий и секретари обкомов «изобретают» (по выражению Жареновой), а, вернее, проектируют всякие установки полипропилена, уксусной кислоты и прочие «комбинированные» установки. Жаренова, как третьеразрядный репортер, потолкалась среди директоров, главных инженеров, главных технологов предприятий, среди секретарей обкомов, председателей совнархозов и их подручных и от них почерпнула все свои знания в технике, экономике и строительстве. От них же эта литературная дама узнала, что бюрократы на предприятиях, совнархозах и в аппаратах секретарей обкомов не водятся, а замечены только в некоторых средних звеньях: например, в аппарате Госплана Великоскифии – а выше бюрократов вновь не существует. Не существуют они в Госплане Союза и, кончено, невозможно предположить их наличие в высших бюрократических органах – Совете Министров и в ЦК.

А раз так, следовательно, «барин все рассудит». В романе Жареновой истинный государственный деятель – заместитель председателя Совета Министров с маху все разглядывает, все понимает. Груздев и его друзья торжествуют. Работников, Карягин и прочие бюрократы из Госплана Великоскифии посрамлены:

«Уже очень много сил мы потратили на волокиту, созданную начальником нефтяного отдела Госплана Великоскифии – Карягиным. Вот снова подтвердили, что у нас на заводе сырья на десять тысяч тонн полипропилена, но если вы дадите дело на заключение в Госплан Карягину, то вам опять скажут, что мы не правы…

– По вопросам планирования предстоит особый разговор – сдержанно сообщил заместитель председателя Совета Министра, моложавый, очень энергичный человек с крутым ежиком волос и глубоко посаженными умными глазами…

… Баркова и Груздева не удивила его эрудированность в области переработки нефти, а Федченко был поражен. Ему казалось: главное дело членов правительства – общее руководство… он не ожидал, что такой высокопоставленный человек сможет разбираться в конкретных вопросах производства…

– Конечно, главное в комбинированной переработке нефти, чтобы химию не отделяли от нас, – заговорил Федченко, снова придвигаясь к члену правительства и с изумлением ощущая, будто давно знаком с этим человеком и готов с утра до вечера рассказывать ему про заводские дела…

… Заместитель председателя Совета Министров сказал:

– Надо учесть и то, что затраты на производство свинца, например, огромны по сравнению с затратами на производство пластмасс, а тонна полиэтилена или капрона с успехом заменяет в промышленности до десяти тонн свинца или других металлов. Поэтому надо быстрее развивать нефтехимию.

А если стать на позиции людей, которые гонят ее с перерабатывающих заводов, можно это великое дело завести в тупик (!)[i] …

Очень внимательно, уже вместе с подоспевшими секретарями обкома и Сошкиным, осмотрел он полипропиленовую установку, упрекнул Груздева за стремление все, вплоть до катализатора, делать своими руками, (!) но новаторскую работу одобрил и обещал поставить в ЦК вопрос о совмещении нефтепереработки с нефтехимией…

… Пожалуй, прав Федот Тарасович: когда разговариваешь с большим, настоящим человеком, то и сам, как будто растешь (!), – подумал Груздев. – А чертополох вроде Работникова кого угодно заглушит. Я тоже в его присутствии тупею».

В этом отрывке наша литературная дама сразу убивает нескольких зайцев.

Во-первых, она низкопоклонно лижет пыль у ног одного из олигархов. Во-вторых, подготовляет победу своих белых персонажей над «случайными» бюрократами.

В-третьих, ее белые персонажи усиливают читательское восхищение олигархом, при разговоре с которым они растут и растут.

И действительно:

«Уже знакомый заместитель председателя Совета Министров и другие члены правительства попросили амакцев и госплановцев к громадному столу… На зеленое поле стола каждый из прибывших выложил свои папки и бумаги. И началось сражение!

Работников и его единомышленники заняли круговую оборону; судя по их выступлениям, только экономисты, и только высшего класса, занимающие более ответственные посты, могли и имели право вмешиваться в их работу.

Алексею не раз хотелось крикнуть: «Вы бы хоть этих стен постыдились или уже совсем забыли, что вы не дельцы в частном предприятии… Да частники-капиталисты вас и близко не подпустили бы к своим богатствам: все растранжирите!» Начисто отмел доводы нефтяников выступивший в свой черед Карягин, заявив, что и сырья а Амакском заводе мало, и решение экспертизы необъективно, и Груздев с Сошкиным – прожектеры. Потом с три короба наговорил понаторевший в словесных баталиях референт Работникова, а под конец вступила тяжелая артиллерия – сам Работников.

---

i Каковы глубокомысленные замечания заместителя председателя Совета Министров, какие откровения! А если бы пожаловал сам председатель! (Прим. автора).

Замелькали фразы: «экономический баланс страны», «топливный баланс». Позиции амакцев были совершенно разгромлены… Заместитель председателя вдруг спросил Груздева: – А как вы думаете, почему перед совещанием мне звонили около пятнадцати крупнейших специалистов по планированию и предостерегали: осуществление ваших предложений нанесет крупнейший ущерб народному хозяйству? Откуда такое единодушное мнение?

… Груздев ответил не сразу; вертелось на языке резкое: «Все они одного поля ягоды… Долго ли им спеться, у каждого десяток телефонов под рукой». Сказал, тяжело ворочая словами: – Они, наверное, не знают, что вы были у нас и лично убедились во всем… Вот тот же Карягин: твердит, что сырья у нас нет, а на завод к нам и не заехал…

Против амакцев выступили и представитель Госэкономсовета и главный специалист комитета по химии.

Когда Груздеву предоставили возможность защищать свой проект, он уже так переволновался, что почти бесстрастно, коротко и сухо изложил все наболевшее. Он даже не уловил перелома в настроении собравшихся после того, как Денис Щелгунов с отчаянной смелостью и прямотой атаковал Карягина и Работникова.

Зато выступление заместителя председателя Совета Министров снова всколыхнуло Груздева: стало ясно, что правительство на стороне тех, кто штурмовал госплановские позиции и дрался за нефтехимию.

Глядя на Работникова, который сразу оплыл и огрузнел, и на присмиревшего Карягина, Груздев сначала даже не испытывал удовлетворения победы. «Сколько вы наломали дров, сидя на своих высоких постах!» – с горечью думал он.

Когда принято было решение объединить нефтехимию и переработку нефти по всему Союзу а Амакскому заводу дать перспективный план по выработке полипропилена до пятидесяти тысяч тонн в год, к Груздеву подошел Молочков, начальник управления совнархоза и, тоже поздравив его с победой, заявил:

– Я всегда смотрел на Работникова и Карягина, как на тупых бюрократов!».

Итак, наша литературная дама слышала какой-то звон. Но откуда этот звон, она так и не удосужилась узнать, а, может быть, попросту не сумела разобраться в этом звоне.

Никто никогда не возражал против комбинирования нефтепереработки с нефтехимией, да и не мог возражать! Заводы синтетического спирта, на которых размещались также производства изопропилбензола, фенол-ацетона, бутилового спирта, полиэтилена и других продуктов, и заводы синтетического каучука еще с 34 г.в.э. строились по соседству или на самой территории нефтеперерабатывающих заводов в Валерианове, Афу, Добром, Гаитсуме, Сомке и прочих городах. Ни в Амакском комбинате, ни в Кремлевском нефтеперерабатывающем заводе (на котором у Жареновой была построена опытная установка полипропилена) не мог быть дан «перспективный план по выработке» ни пятидесяти тысяч тонн, ни десяти тысяч тонн полипропилена.

Разумеется, «Дар земли», хотя и не фантастический роман, но все же «литературное» произведение, в котором могут быть собирательные типы и даже «собирательные» заводы.

Но все же надо знать меру и хоть немного изучить тему, которой посвящен роман. Впрочем, для мастера Темкинских деревень это не обязательно.

Кстати, о собирательном типе. Жаренова захотела создать образ обаятельной женщины, высококультурной, знающей несколько языков, хорошо поющей, великолепного специалиста в области нефтехимии, имеющей научные труды в этой области. За прототип она взяла директора завода синтетического спирта Анну Воинову.

Действительно, на Ново-Валериановском заводе синтетического спирта несколько лет директором работала пожилая женщина. Она действительно была вдовой. Действительно имела сына, окончившего десятилетку. На этом кончается темкинская доза правды, характерная для Жареновой.

У этой женщины не только не было никаких трудов в области производства синтетического спирта, но она, пробыв, несколько лет директором завода, имела весьма смутное представление о технологической схеме. Никаких языков, кроме бюрократического диалекта скифского, не знала. Она была типичным вохровским организатором-директором, отличающегося от колумбовских и, вообще, хозяйственных администраторов загнивающего капитализма тем, что они не знали не только научных основ организации промышленного предприятия, но и практических основ. О техническом руководстве и говорить нечего. Большинство вохровских директоров промышленных предприятий не могли бы выполнять функции не только сменного инженера, но даже простого аппаратчика. Поэтому крайне смешно выглядят строки о том, как, сопровождая гостей, Воинова и Груздев тут же дают указания технологам и прочим…

Показать товар лицом «Воинова» умела. Выклянчить дополнительное финансирование, дополнительные лимиты, дополнительное оборудование и прочие блага «Воинова» могла. Делала она это очень просто, по-женски, не отставала и не уходила, пока соответствующий функционер не махнет рукой, и не даст просимое.

Умела также «Воинова» подчеркивать свои заслуги. Она показывала автору этих строк книжку, написанную каким-то местным вохровским «писателем», где она изображена необыкновенным героем. Она часто выступала по радио, и ее нередко восхваляли в газетах и на радио. В конце концов, к какому-то «Дню женщины» она была произведена в Герои Труда, после чего ее вежливенько выставили с завода на пенсию.

Она не была ни обаятельна, ни женственна. Таков прототип Воиновой.

Распространяясь о борьбе за полипропилен, за комбинированную установку, за увеличение добычи нефти, изобразив эпопею жизни энтузиастов – вохровских людей за огромный период в 25 лет, «объективная» Жаренова все же посвящает и «драме двадцать первого года в.в.э.» несколько строк:

«– Да, Зарифа, город Щекин есть. А Безродному и тому же Карягину мы городов не построим, хотя они и умудрились получить звания академиков. Мне говорили, что не очень хорошо вел себя Безродный в тяжелую драму 21 г.в.в.э. На меня он тоже что-то наклепал и я, не ведая почему, отсидел полтора года, а из них больше месяца в смертной камере. Когда мне смертный приговор объявили, я даже захохотал, до того мне это показалось невероятным.

– А как же вы? … Кто отменил приговор? – с участием спросила Надя, которая знала о том, что Груздев был в заключении…

– Сошкин обращался в ЦК, в комиссию партийного контроля…».

Посвятив всего несколько строк своего толстого романа почти сорокалетнему, кровавому периоду ильичевского и виссарионовского террора, наша литературная дама ухитряется даже в этом маленьком фрагменте многократно соврать!

Во-первых, по Жареновой существует только один драматический год – 21 г.в.в.э. Остальные десятки лет она явно считает счастливыми. Если Виссарионов уничтожил несколько десятков крупных функционеров и несколько десятков тысяч средних функционеров – это драматично. А если в периоды 1-6 г.в.в.э. и 12-37 г.в.в.э. уничтожены десятки миллионов крестьян, рабочих и интеллигенции – это по мнению Жареновой, видимо, не слишком драматично.

Во-вторых, если каких-либо «врагов народа» изымали в систему лагерного перевоспитания, то не только эти «враги народа», но и все их ближние и даже дальние родичи подвергались остракизму. С ними боялись раскланиваться. И уж, разумеется, даже такой белый персонаж, как Сошкин, не рисковал бы обращаться ни в ЦК, ни в тайную полицию.

В-третьих, всякие ходатайства, если бы кто-либо и рискнул, были бы бесполезны. Только в 23 г.в.в.э. были случаи «реабилитации», а затем только в 39 г.в.в.э. реабилитировали немногих оставшихся в живых и даже некоторых мертвецов.

В-четвертых, расправы и пытки в полицейско-лагерной системе были так жестоки, что их жертвы не смеялись, как Груздев!

Следует отметить, что даже эти несколько лживых строк Жаренова «осмелилась» написать после свершившейся девиссарионизации.

Зато, опираясь на великого знатока живописи и скульптуры – самого Никитова, верноподданная Жаренова с безумной отвагой обрушивается на... абстракционистов:

«… А потом нам показали выставку абстракционистов. Ошеломительно, дико, какая-то отрыжка века, плевок в лицо – все, что хочешь, только не искусство.

Даже оскорбительно называть это искусством».

Ну, у Жареновой есть своя сфера. Она ведь инженер человеческих душ. Тут ей и карты в руки. И действительно она рисует целые полчища влюбленных и любящих.

Ярулла любит Зарифу. Зарифа любит Яруллу. Но судьба и головастские обычаи против них. Они гордо живут с нелюбимыми людьми, они люди долга, и, в конце концов, они счастливы.

Груздев поначалу любит женщину много старше его, а затем много моложе. Но во всех случаях он благороден.

Надя любит Ахмедшу. Ахмедша любит Надю. Но всякие обстоятельства мешают им. Надя выходит замуж за Груздева. Но Ахмедша верен Наде. В конце концов, молодая любовь побеждает. Ахмедша и Надя счастливы.

Нет нужды рассматривать все банальные завязки и развязки Жареновой. Все это скучно, серо, банально и фальшиво. На двадцатом съезде, в 40 г.в.в.э., вохровский классик Бурнов отметил, что за двадцать последних лет на каждые тысячу перьев вышло по 10 «хороших» книг. Рассматриваемый роман Жареновой вышел на десять лет позже выступления классика. Неизвестно, относит ли Бурнов эту книгу к категории «хороших». Но ясно, что «литературная» макулатура Жареновой ничуть не хуже такой же макулатуры Романовой, не менее рьяно выполняет партийные установки. А ведь «Жатва» Романовой объявлена в новейшем варианте «истории» Государства Тмутаканского значительным произведением. Так же, как и Романова, Жаренова за соответствующее генеральной линии вохровской олигархии «литературное» месиво может быть причислена к лику мастеров Темкинских деревень.

14. «Секретарь обкома»

Матерый полицейский и виссарионовский солдафон, подвизающийся в роли жандармского цензора-редактора журнала «Ноябрь» – Петухов громит «едва обметавшихся желтым пушком политических ципленков», а по совместительству занимается еще производством темкинского литературного месива. Этот полицейский чин немало приумножил навозную кучу вохровской «литературной» макулатуры. Его «Секретарь обкома» поистине венчает этот вохровский литературно-навозный Монблан. Поэтому автор позволит себе подробнее остановиться на данном «произведении» Петухова, точно отражающем Темкинские деревни вохровской олигархии периода 47 г.в.в.э.

Изо всех своих силенок Петухов пытается сделать жизненным придуманный им белый персонаж – секретаря обкома и одновременно обрисовать величественную вохровскую бутафорию, как нечто всамделишное. Заодно Петухов расхваливает все уродливые никитовские реформы, которые более мелкие вохровские функционеры якобы искажают.

Он пытается оправдать, например, никитовскую ликвидацию МТС, которую впоследствии преемники свергнутого вождя всячески охаивали:

«После недавней ликвидации МТС далеко не все колхозы повели себя, как надо[i]. Одни нахватали, накупили машин столько, что на целый район пришлось бы и, конечно, машины у таких простаивают. Другие, желая побольше раздать деньги на трудодни, всячески изворачивались, чтобы вовсе не покупать машины, да вот и не справляются с посевной. Иные избегают отдавать свои машины в ремонт на государственные ремонтные станции, ремонтируют сами, своими средствами, ремонтируют плохо,

i Не Никитов и его подручные виноваты, а те колхозы, «которые повели себя не так, как надо»! (прим. автора).

кустарно, неквалифицированно. Кое-где ослабла забота об агротехнике, о научном ведении земледелия. (!) Все это надо преодолевать, преодолевать терпеливо и так, чтобы организационно-структурные неувязки не мешали плановому ходу работ в колхозах и вохрозах».

Петухов, сам элементарно безграмотный в экономике (и не только), сам того не видя, приписывает эту безграмотность всесильному, вохровскому губернатору – секретарю обкому. Так это, конечно, и есть. Далее Петухов расписывает поучения его нежно-белого персонажа:

«Василий Антонович любил разговоры с людьми[i]. Это были крутые разговоры, без дипломатических уверток, прямые и открытые. (!!) Ты открой свою душу и пред тобой душу откроют… У нас было время, бежали из деревни. И не только молодежь, взрослые бежали. (!)[ii] Но тогда бежали по экономическим причинам. Плохие заработки в колхозе были. Сейчас положение изменилось. Заработки лучше стали. Так, тем более, куда молодежи деваться. Одного кино раз-два в неделю нам мало. Пусть бы театр организовали на несколько колхозов. Пусть бы не чайная была, а хорошее кафе… Василий Антонович отвечал… Он говорил о том, что и у партии и у вохровского правительства мечты, чтобы, как можно скорей в село пришла культура, подобная городской… О том, что дома колхоза надо строить по другому, отказаться от избушки на курьих ножках, от этих неприметных трех оконцев на улицу. Само существование избушек мешает устройству водопровода, канализации.[iii] А ведь, что говорить, даже новый дом строят – и все по стародедовскому стандарту…

…Василий Антоныч говорил:

- С партийной учебой у нас видите неважно и с идейным воспитанием. А без этого, какие мы вохры, без идейного вохружения![iv] Наши противники из капиталистического лагеря обычно нажимают, что, дескать, вы вохры, то есть, мы с вами, не нашли такой движущей прогресс силы, которая была бы равна силе, действующей у них, силе частного предпринимательства, частной инициативе, когда есть конкуренция, которая заставляет-де напрягать творческую мысль и все время искать новое и новое… словом, силе частной наживы, силе набивания кубышки… Сейчас, они, между прочим, в связи с нашими успехами в ракетной технике, в которой мы блестяще(!) обогнали Колумбовию, призадумываются: а нет ли у нас такой силы, которая не только не равна их частничеству, но еще и превосходит его?…

…И они в своем прозрении правы, такая сила у нас есть.(!)[v] Она возникла вместе с нашей карлсистской вохровской партией. Эта сила идей идейности(!)… Сила идей, порождающая силу социалистического соревнования, выше силы кубышки. Недалек день, будем первым государством. Мы с вами, во всяком случае, доживем до такого дня[vi]… Они там в капиталистическом государстве ошибаются – у нас тоже есть кубышка не частная, а общественная, государственная…

…Потребности человека не только в изобилии материального, но и в изобилии духовного… Ну вот, почему вы не можете себе представить человека, духовная потребность которого – заботиться о других, помогать другим, работать для других?..».

Так поучает добродетельный(!) секретарь обкома, вохровский всемогущий губернатор, обязанный беспощадно проводить полицейскую генеральную линию всемогущей вохровской олигархии, тиранящий колхозных функционеров и зверски эксплуатируемых кахов.

---

i Весьма странно для вохровского высокопоставленного полицейского! (прим. автора).

ii Какова правдивость маститого полицейского цензора, задним числом! (прим. автора).

iii Таким образом вымышленный полицейским цензором добродетельный секретарь обкома ведет пропаганду среди крестьян. А ведь сорок пять лет тому назад, по инструкции свыше, осуществлял тотальный грабеж крестьян, комиссары продотрядов вели такую же пропаганду о перестройке избушек на курьих ножках и о перестройке деревни с помощью того хлеба, который беспощадно отбирался у голодных крестьян. (прим. автора).

iv Полицейский цензор, через своего добродетельного секретаря обкома сообщает, что Монбланы литературной и газетной макулатуры, бесконечные радиозавывания еще недостаточны, следует, мол, еще усилить идейное оболванивание! (прим. автора).

v Коронный номер вохровских полицейских! Мол, сами загнивающие капиталисты признают «в своем прозрении» «силу» уродливой, энтропийной, вохровской экономической системы. Мол, сила «идей» (полицейский цензор путает понятие «идей» с понятием «беспримерного полицейского аппарата») «выше силы кубышки» (прим. автора)

vi Обычное никитовское хвастовство. По-видимому, полицейский цензор надеется прожить больше Мафусаилова века! Или, может быть, он имеет ввиду первое государство по мощи полицейского аппарата? (прим. автора).

Как ни странно, почти такие же беседы добродетельный вохровский губернатор ведет со своими высокопоставленными подручными:

«Василий Антонович сидел во главе длинного стола в своем обкомовском кабинете. За столом были Лаврентьев[i], председатель облисполкома, заведующий отделом сельского хозяйства. Перед Василием Антоновичем и каждым из присутствующих лежал машинописный экземпляр доклада, который Василию Антоновичу предстояло сделать на бюро ЦК по Великоскифии… Мне кажется – заговорил Лаврентьев… Материал собран обширный, богатый… сельскохозяйственный отдел оказался на высоте…

…Стоит задача – догнать Колумбовию – сказал Сергеев… С какой целью? Повторил Василий Антонович… Мирное соревнование, – сказал Костин. – Сосуществование двух систем. – А для чего это соревнование?..

Василий Антонович заговорил с воодушевлением. – Высочайшим в мире уровнем жизни, какого можем достигнуть мы и на какой не способен даже такой высокооснащенный техникой капитализм, как колумбовский. Нам с капитализмом, скажем, Латинией, или Галлией, Банзаний или Эстерией, никакой нужды соревноваться уже нет. Они отстают от нас по всем линиям. Наша партия устанавливает для себя, так сказать, наивысший барьер, за которым всему капитализму быть битому – Колумбовию… Любой строй погибнет, если он не сможет обеспечить своими благами всех до единого граждан. Погиб рабовладельческий строй… погибло крепостничество, на наших глазах рушится капитализм. Только социалистический строй дает возможность каждому человеку до единого пользоваться благами цивилизации… Мы бьемся за истинно золотые времена человечества!». Оставим в стороне то обстоятельство, что тертые высокопоставленные вохровские зубры ведут пропагандистские речи не перед трудящимися массами – как им положено, а за длинным столом вохровского губернатора. Совершенно ясно, что полицейский цензор Петухов заставляет этих вохровских зубров вести подобные речи для оболванивания неискушенного читателя. Но делает это Петухов крайне грубо.

Вполне возможно, что Петухов так же, как и подавляющее большинство вохровских «литераторов», невежественен в области экономики и техники. Возможно, этот сильный в полицейской цензуре вохр не подозревает, что Государство Тмутараканское отстало от передовых капиталистических лет на двадцать пять. Возможно также, что вследствие своего дремучего невежества в экономике вохр Петухов не подозревает, что разрыв в производительности труда между Государством Тмутараканским и странами загнивающего капитализма все увеличивается не в пользу вохровского государства. Однако Петухов, как и многие другие «значительные» вохровские литераторы, должен был немало путешествовать по странам загнивающего капитализма. Неужели он не заметил, как там живут рабочие? В каких квартирах? Как они одеваются? Неужели он не наблюдал многочисленные рабочие семьи, отправляющиеся на собственных машинах на курорты? Небось, сам Петухов за бесценок покупал нейлоновые рубашки, транзисторные приемники и прочую продукцию стран загнивающего капитализма. Ведь даже его добродетельный секретарь обкома разъезжал по «заграницам». Где ж его писательская наблюдательность? Как же у него или у его добродетельного персонажа повернулся язык, чтобы констатировать отставание передовых капиталистических стран от Государства Тмутараканского «по всем линиям»?

В восьмой главе «Введения…» автор этих строк показал, что даже в разрушенной и разбомбленной во время Второй мировой войны Гуннии, жизненный уровень раза в четыре выше, чем в Государстве Тмутараканском. Этого уровня Гунния достигла за 10-15 лет работы западной экономической системы и в этом отношении обогнала Государство Тмутараканское на 50-100 лет.

Сам Петухов говорит об избушках на курьих ножках и о кино один раз в неделю в прославленных вохровских колхозах. Так неужели количество «курьих ножек» в «избушках» гуннских или галльских фермеров меньше, чем у избушек вохровских кахов? Или, может быть, у гунских и галльских фермеров, которые «по всем линиям» отстали от вохровских кахов, меньше автомашин, телевизоров и всяческих бытовых приборов? Или, может быть, гуннские и галльские фермеры щеголяют в менее великолепных телогрейках, ватных брюках или брюках из «чертовой кожи», чем вохровские кахи?

---

i Второй секретарь обкома (прим. автора).

Петухов вместе со своим добродетельным вохровским губернатором явно зарапортовались. Хотя они экономически невежественны, они хорошо знают, что жизненный уровень вохровских кахов и вээнов намного ниже жизненного уровня рабочих и крестьян Галлии, Эстерии и прочих западных стран.

Следует полагать, что даже великий Никитов, слова которого почти дословно повторяет добродетельный вохровский губернатор, знает об этом. В одном правы полицейский цензор и добродетельный вохровский губернатор: в том, что любой строй погибает, если не сможет обеспечить граждан своими благами, а также в том, что погиб рабовладельческий строй и погибло крепостничество. А вот крушения так называемого капитализма что-то не видно.

В Колумбовии за последние сорок лет высокий и прежде жизненный уровень вырос более чем вдвое. То же наблюдается в других странах загнивающего капитализма. Экономически неэффективный крепостной строй Государства Тмутараканского просуществовал триста лет благодаря наличию мощного полицейского аппарата.

Экономическая система вохровского Государства Тмутараканского по сравнению с западной еще более неэффективна, чем крепостная. Тотальный полицейский аппарат вохровского Государства Тмутараканского неизмеримо мощнее крепостного полицейского аппарата, к тому же он сегодня вооружен ядерно-ракетным оружием. Однако это не может быть гарантией того, что вохровский строй тоже продержится триста лет. Время движется ныне много быстрее.

Далее добродетельный вохровский губернатор беседует с деятелями искусства!

«…Творческие кадры собрались у Василия Антоновича…

- Творческое настроение, как поэтам, так и прозаикам создают хорошие квартиры, – сказал секретарь союза писателей, прозаик Баксанов… Композиторам тоже! И художникам!…

- Люди то изменились, выросли, требования у них прибавились – говорит Василий Антонович…

- Вы правы – сказал художник Тур-Хлебовский… Минувшим летом я выезжал на этюды в глухие, в дальние районы и …. вокруг меня целый актив сколотился… Маслом хотят писать. А ни черта.. ничего у нас и в Старгороде-то порядочных красок нет – добавил кто-то из художников…

- В самом деле… думал Василий Антонович… о скольких надо позаботиться!… Этюдники, книги, таинственные муштабели… Не только без дорог, без электричества, водопровода не пойдет культура, но вот и без них, без муштабелей. Что, это, кстати, такое? Нужно у Юлии спросить…

Разговор шел остро, откровенно, первого секретаря обкома нисколько не стеснялись. (!)

… –, вы, как ЦК нам советует, в таких случаях к Ильичеву обращайтесь. У Ильичева

учитесь, что этично и что не этично. (!)….

Дело в в том, заговорил Огнев[i], что три творческих союза, представителей которых вы видите сегодня в обкоме… хотели бы перестроить свою общественную практику…

…В частности, они обращаются к областным партийным организациям с просьбой помочь им в устройстве объединенного творческого клуба…

- Мы беднеем, – заговорил Баксанов, – не общаясь друг с другом… Нет больше такого участка жизни в нашей стране, которого бы не коснулись благотворные перемены последних лет. Только наш участок, участок творческих союзов, будто бы он из гранита, четверть века стоит неколебимо(!)…».

Вохровский губернатор беседует с представителями вохровских бутафорских «творческих» союзов. Для «творческой» работы и для «свободного» обмена мнения им нужен клуб. Бедняги – «творческие» работники жалуются, что за четверть века виссарионовского владычества их участок «стоит неколебимо». Если во времена «культа личности» губернаторы были всезнайки, то ныне они кое-чего не знают, только всемогущий, божественный Ильичев все знает и у него «творческие» работники должны учиться знанию: «что этично и что неэтично». Губернаторам можно уже не знать (одно из достижений «отважного» разоблачения «культа личности») что такое муштабели.

i Третий секретарь обкома (прим. автора).

Но у вохровских губернаторов столь же добродетельные, ученые жены, которые знают и археологию и всякие премудрости, и они свободно разговаривают по французски (это открытие сделал простак Лионвангер еще в 21 г.в.в.э.). Образованна и Соньчик, жена губернатора, и ее сестра Юлия. У них вохровскому губернатору разрешается полицейским цензором наводить кой-какие справки: «Да, время свое делает. Но Соня, эта деловая, ученая Соня, тоже принимает меры, чтобы замедлить, задержать неумолимый процесс…

…С нежностью смотрит он на свою Соню, с которой 27 лет рука об руку идут они… Он отыскал Софью Павловну в одном из залов музея. С деревянной указкой в руках Софья Павловна на французском языке рассказывает толпе обвешанных фото- и киноаппаратами иностранцев о том, что было на месте Старгорода полторы тысяч лет тому назад…».

Петухов начинает завязку отношений между типовым, добродетельным вохровским губернатором и нетиповым, случайным губернатором-карьеристом Артамоновым, который, впрочем, на поверку оказывается не таким уже плохим: «Доклад Василия Антоновича, плод коллективного творчества бюро обкома по цифрам был значительно скромнее Артамоновского, он не был таким эффектным и категоричным, но в нем содержалось немало серьезных раздумий и, внимательный слух секретаря ЦК(!)… кажется, уловил в словах Василия Антоновича даже некоторые сомнения; и если рассказанное Артамоновым приняли безоговорочно, то о докладе Василия Антоновича было немало разговоров и споров… Секретарю ЦК явно понравилась перспектива, которую наметили старгородцы, понравился их широкий взгляд, их волнующее беспокойство за будущее, их мысли о неразрывности экономики и культуры…

- Ты совершенно прав, – сказал Артамонов… – насчет культуры… В каждой области должен быть свой мощный культурный очаг. Без ученых, без писателей, без композиторов и художников – без крепкого ядра интеллигенции, мы в делах культуры будем только топтаться на месте!... Я даже, знаешь, на что пошел? Я из Кремлевии, Ильичевграда, из других областей приглашаю себе творческих работников. Даю хорошую квартиру, создаю все условия. У меня уже есть один писатель из Кремлевии. Один из Кучумии переехал. Из Ильичевграда композитор… У тебя, скажем, Баксанов есть… Его читатели знают… У меня Баксанова нет… Ищу… И найду… Ничего не пожалею. Особняк хочешь? Получи.

Дачу тебе надо. Будь здоров, вот тебе дача… Добьюсь в ЦК – журнал учредим… Толстый, ежемесячный. «Высокогорье», например».

Сам, может быть, того не желая, полицейский цензор – «писатель» Петухов относительно правдиво изображает полуграмотного, вохровского губернатора-делягу в роли «мецената», который в условиях «демократического» вохровского государства все может. И хорошую Text Box:квартиру и хорошую дачу дать вохровскому «писателю» или «композитору», которых он хочет перетащить к «себе» из Кремлевии или Ильичевграда для того, чтобы создать у «себя» бутафорский очаг культуры.

Далее Петухов приводит толкование свирепого, тридцатилетнего Виссарионовского периода – в соответствии с уже несколько устарелой к моменту опубликования романа генеральной линией вохровской олигархии времен девиссарионизации:

«Вот расскажу тебе случай про таких тихонь. 25 г.в.в.э. Я[i] секретарь райкома… возле границы с Латией. Июль. Первые дни. По нашему районному центру лупит гуннская артиллерия. Спешно ликвидируются дела. Напротив райкома… здание НКВД. Во дворе там тоже жгут бумаги. Дым столбом… Заходит начальник отделения.. и говорит… Зайдем ко мне в отделение… Спросил… не спалили еще Артамоновское дело? Передали ему папку… Целый час листал эту дребедень. Заявления на меня накатали. Мало сказать заявления. Доносы!... Артамонов – развратник с детских лет… А уже то, что я вредительские планы заставляю планировать в районе – это мелкой пташечкой по всем заявлением порхает. И кто!... Даже один очень близкий мне человек руку приложил…

Василий Антоныч раздумывал… Возможно и на него такая папка была заведена… Страшное время было. Страшные методы… Еще он думал, как складывалось обожествление Виссарионова. Его мучил вопрос: А он то сам… участвовал в этом? Поначалу, конечно, нет. Поначалу кто-то другой курил за-

i Артамонов, секретарь Высокогорского обкома (прим. автора).

стилавший глаза народу дым кадильниц. Кто-то делал кинокартины. Кто-то писал книги. Кто-то произносил речи, которыми людям внушалось: один, один, один за всех и для всех. А, потом, выросший в дурманящем дыму, и он это делал, да, да… делал. Но, ведь был же кто-то первый, кто крикнул однажды: «Великий!», с чего и пошло(!!!). Был же какой-то изощренный подхалим, который в газетном отчете написал и опубликовал: «На трибуну мавзолея поднимается товарищ Виссарионов и товарищи такие-то», отделив одного от других, как Иисуса Христа…

Был же кто-то первый, кто среди портретов других членов Политбюро выделил размером портрет одного человека. Вот кого бы встретить и кому бы сказать в глаза[i]: (!!) «Ты разве карлсист, ты разве вохр… Но кто же ты тогда?..».

Петухов использует коронный темкинский номер. Немного правды, самая малая толика правды мол, все доносим на всех… «Страшное время было. Страшные методы…». Но, как и все вохры Петухов глухо молчит о десятках миллионов истребленных, ни в чем неповинных людей, он глухо молчит, что в течение нескольких десятилетий вся страна была превращена в чудовищный тюремный застенок и для того, чтобы такую громадную страну превратить в такой чудовищный застенок, необходима была многолетняя «работа» миллионов виссарионовских полицейских и палачей. Вся тирада сверкающе-белого секретаря обкома Василия Антоновича, представляет собой бессвязный лепет оправданья.

Государственный муж, вохровский губернатор, неограниченный владыка целой области объясняет весьма просто чудовищный тридцатилетний период массовых убийств и превращения многих народов огромного государства в бесправных рабов. Мол, кто-то первый сказал «Великий», мол, кто-то первый выделил размером портрет Виссарионова. И тому подобная примитивная дребедень. Разумеется, по человечески, можно посочувствовать Петухову, хоть он и вохровский полицейский. Его задача – представить кровавый, палаческий, жестокий строй каким то социалистическим раем, где безбоязненно рядом пасутся и хищные волки и робкие агнцы – явно невыполнима. Потому-то Петухов превращает всезнайку – вохровского губернатора в какого-то первобытного троглодита, который плетет бессмысленную чепуху.

Далее Петухов описывает героические дела и героические будни возмужавшего троглодита:

«В ЦК о нашей работе отзываются неплохо… Средненько крутить маховик областной машины не так уже трудно… Сейчас от нас хотят жаркой, творческой работы… План – это как бы обязательный рубеж, ниже которого нельзя. Он, как бы минимум, ниже которого нельзя. Он, как бы минимум, не дотянуть до которого просто стыдно…

- Ты прав Василий Антонович, – сказал председатель совнархоза Иващенко. – Покопались мы в областном хозяйстве – уймища неиспользованных возможностей! Тут тебе и кооперирование, тут и ликвидация встречных перевозок, рациональное использование сырья, топлива. Любой заводишко, любая артель может без всяких излишних затрат, только за счет более разумного использования оборудования давать в 1½ – 2 раза больше продукции, чем дает.

- Значит, прав Артамонов, который взял на себя обязательство в течение года увеличить в два раза поголовье скота? – сказал Василий Антонович…

День секретаря обкома шел в работе… в телефонных звонках, в разговорах, в переговорах, в составлении документов, в подписывании бумаг… Может быть, в будущем этого не станет… Но, видимо, в очень далеком будущем, когда построится полный совершенный вохризм. А пока хочешь – не хочешь – заседай, составляй бумаги, подписывай, разговаривай, уговаривай, нажимай и даже иной раз прижимай, крепко прижимай…

- Территория нашей области более чем в два раза обширнее Валлонии – сказал Василий Антонович – страны неплохо развитой индустриально с довольно таки интенсивным сельским хозяйством. Природных же богатств у нас неизмеримо больше, чем у валлонцев… А как мы их используем? Давай, Петр Дементьевич, подымем весь актив… Начать составление далеко идущего перспективного плана

i Полицейский, вохровский писатель Петухов и его блестяще-белый секретарь обкома прикидываются простаками (прим. автора).

превращения области в край подлинного процветания, подлинного изобилия… Давай, обдумай такой план, да представим его в ЦК, в правительство… Они долго рассуждали возле карты…

Решаем?... Займемся перспективным планированием?... Решаем! – согласился Лаврентьев… – Их бы, этих партийных стариков, – сказал Лаврентьев – надо бы привлекать к живой активной работе… Может быть, совет создать при обкоме? Старые вохры, как правило, народ острый, к недостаткам непримиримый… Созовем для начала человек пятнадцать-двадцать».

Автору этих строк неизвестен истинный моральный и интеллектуальный облик полицейского, вохровского «писателя» Петухова. Может быть, он такой же интеллектуальный троглодит, как и его белейший герой – секретарь обкома Василий Антонович? Трудно представить себе мировидение и взгляды Петухова. Может быть, он в действительности считает, что такие вохровские троглодиты-губернаторы существуют. Может быть, он попросту выполняет инструкции правящей вохровской элиты. Так или иначе, разговор вохровского троглодита-губернатора со своими подручными-чиновниками, ужасает нелепостью и фальшью.

Чиновники – энтузиасты! Чиновники размышляют о возможности увеличить вдвое за год поголовье скота! Будто бы высокопоставленные вохровские чиновники, тертые волки, не знают всех методов «втирания очков» как более высокому начальству, так и народу с помощью таких же Петуховых!! Разумеется, все эти чиновники, великолепно овладевшие искусством втирать очки и строить Темкинские деревни с помощью Петуховых, мало смыслят в экономике и не подозревают, что уродливая, вохровская экономическая система, созданная за полвека – самоуправляема и стремится к предельной неупорядоченности. Их мечты заняться «перспективным планированием» либо являются результатом невежества Петухова, либо Петухов получил задание внушить вохровскому народу мысль о том, что положено начало децентрализации жестко централизованной вохровской системы. Ведь перспективным планированием пытается заниматься в жестко-централизованном порядке союзный Госплан, но увы! И это сверхцентральное ведомство жестко регулируется уродливой, самоуправляющейся, вохровской экономической системой. Петухов вместе со своими высокопоставленными троглодитами пытается привлечь к работе «партийных стариков». Он будто бы не знает, что почти всех «партийных стариков», которые хоть в какой-либо степени пытались проявлять инициативу, Виссарионов и его тайная полиция давно уничтожили. А оставшиеся в живых «партийные старики» либо запуганы до самой смерти, либо поражены старческим склерозом. Да и в молодости были безграмотными выдвиженцами! Для «идейного замысла» Петухов очень важно собеседование его белого героя-секретаря обкома с белым героем-секретарем райкома Владычиным:

«– Мы его не обвиняем – Владыгин смотрел прямо в глаза Василию Антоновичу, – он просто не тянет… Нет у него ни деловитости, ни привычки держать слово… Сейчас много волнений и переживаний в связи с движением вохровских бригад. На комбинате сорок второй цех хочет целиком, всем коллективом участвовать в движении. В любом случае у Суходолова один ответ. «Дайте срок – будет вам и белка, будет и свисток».

Гете в 80 лет писал прекрасные стихи. Тициан, утверждают, еще в девяностодевятилетнем возрасте начал новую картину. А вот у Суходола заряда и на 60 лет не хватило».

Здесь Петухов смешал все в одну кучу. Мол, все же среди вохровских директоров бывают хоть и преданные, но все же неумелые директора. (Петухов отважно режет правду-матку). Хоть Суходолов – и друг всесильного секретаря обкома, о чем Владычину прекрасно известно, но Владычин – рыцарь без страха и упрека, выступает против оставления Суходолова директором комбината. Пропагандистское «движение» вохровских бригад, цехов и предприятий, Петухов изображает, как «всамделишное» «движение» «восторженных» трудящихся.

Вот только нерешительный Суходолов мешает этому «восторженному движению» масс. Наконец, выявляется «образованность» секретаря райкома. Он знает и Гете, и Тициана. Петухов пытается заставить читателя восхититься цельностью натуры своего второго белейшего героя – секретаря райкома – Владычина:

«Сейчас я мог бы жениться при одном условии… При том, если бы встретилась такая, которой с первого раза можно было бы сказать: «Выходите за меня немедленно замуж. На обдумывание вам – 35 секунд, а то через 60 секунд я уже должен ехать на бюро, на заседание, на открытие клуба, на партсобрание, на такой-то завод, в такой-то институт и т.д. и т.п.»…».

Петухов – против своей писательской воли – в высказываниях и секретаря обкома, и секретаря райкома, не может не подчеркивать «заседательский» характер сложившегося, насквозь прогнившего бюрократического вохровского режима. Он отчаянно пытается придать героям человеческие черты:

«-Я ведь еще пишу, знаете, в свободное время, – сказал смущенно Владычин – … Много острых проблем в жизни… Социализм решительно побеждает. Но и капитализм изворачивается изо всех сил, даже хорошим людям засоряет мозги мусором индивидуализма. Пишу о таких нестойких. О дачниках всяких, которые во что бы то ни стало хотят отгородиться забором… О тех, которые клочок земли коллективного сада превращают в источник наживы, спекуляции… Которые были вохрами а стали кулаками. Смотришь на такого – глазам не веришь: «Да ты же Тит Титыч натуральный». А вместе с тем, вот движение ударников вохровского труда. Потрясающей силы есть примеры – творческие работники в городе сильные – сказал Владычин – одна беда: размаху у них маловато… Это уже я считаю, наша недоработка, Василий Антонович… Недоработки райкома… Ведь, как Пешкина умел зажигать Ильичев! – Ну хватили т. Владычин!... То Ильичев, то Пешкин! – А пример-то и нам, и писателям. Я, Василий Антонович, считаю, что партия все может. Для нас невозможного нет. Честное слово!».

Цинизм Петухова доходит до Геркулесовых столбов!! Рыцарей без страха и упрека – губернатора-троглодита и его подручного Владычина – возмущает, что, мол, на жалких шести сотых гектара коллективного сада вырастают «Тит Титычи». На тех жалких шести сотых гектара, на которых обездоленные, нищие вохровские трудящиеся выращивают картошку, ягоды и яблоки, чтобы заштопать свой жалкий нищенский бюджет, который для 50% всего населения Государства Тмутараканского даже через 50 лет после великой вохровской революции составляет 50-60 вохриков в месяц. Уж кому-кому, как не Петуховым, вохровским губернаторам и секретарям райкомов надлежит знать, что пропасть между партийной полицейской и прочей «писательской» элитой и владельцами участков в шесть сотых гектара – непроходима. Пресыщенная элита, владеющая прекрасными дачами, пользующаяся лучшими санаториями, уплетающая такие деликатесы, как икра, дорогие сорта рыбы и вин (которые совершенно недоступны для широких масс трудящихся), имеющая ежемесячный доход в тысячу вохриков и более, опасается, что владельцы карликовых участков в шесть сотых гектара перерастут в Тит Титычей! Ведь вохровская элита уже давно переросла Тит Титычей!

Петухов – согласно планам вождя о скором построении вохризма – рассуждает о бурном возрастании благосостояния кахов и о прочем:

«- Да уже так – подтвердил Сухин… У нас же еще и второе селение есть, в лесу, двадцать один двор, – да еще по кустам, по мелколесью дворов сорок разбросано. Решили в одно место свозиться и для опыта два двухэтажных дома построить, квартиры на четыре каждый. Чтобы не тесно жили люди – по три там комнаты, например, может быть, и по четыре. Чтобы сразу видели, что такое вохровская жизнь – Ванны хотим, чтобы были… Санузлы. Может, и печи…

- Идея хорошая, согласился Василий Антонович. – А материалы, рабочая сила, деньги… Не разорите колхоз?..

... Вместе с кахами смотрели в клубе кино – глупую, сентиментальную, иностранную картину.

– Кто их покупает такие? – спросил Сергеев.

– Во всяком случае, не я, – ответил Василий Антонович.

Уставшие за день кахи зевали, некоторые не досмотрели… и до половины, уходили ворча и ругаясь…

- Черт! – сказал досадливо Василий Антонович, когда сивый бред на экране кончился. Он поспешил к механику – порасспросить его, как эта продукция, рассчитанная на зарубежного обывателя,(!) попадает к людям, которые взялись строить вохризм».

Даже спустя пять лет после завершения этого сочинительства Петухова, и даже в городах, однокомнатные квартиры заселялись большими семьями, а в редкие трехкомнатные квартиры (которые составляли около 10% всех новых квартир) заселяли двумя семьями, а иногда и тремя! Случалось, что даже в новые микро-двухкомнатные квартиры вселяли по две семьи, вновь создавая «коммунальный рай» на шести квадратных метрах жилой площади, которая приходилась к великому пятидесятилетию великой вохровской революции на одного счастливого городского тмутараканского рабочего.

А гроссмейстер Темкинских деревень Петухов в 45-46 г.в.в.э. заселяет нищих кахов, которые в подавляющем большинстве попрежнему живут в допотопных хижинах, лишенных элементарных удобств, как и сотни лет тому назад, – в трех- и четырехкомнатные квартиры! Такие квартиры действительно строились в деревне – для редких представителей деревенской партийной и хозяйственной элиты.

При демонстрации разрекламированного всем мощным вохровским пропагандистским аппаратом вохровского фильма «Скифское чудо» кинотеатры пустовали, при демонстрации же любого кинофильма, с большим разбором приобретаемого вохровским подцензурными организациями за рубежом, кинотеатры бывают переполнены… А мастер Темкинских деревень Петухов пытается доказать, что «просветленные» вохровские кахи «зевают» и «не досмотрев и до половины» не хотят смотреть зарубежный фильм, который рассчитан, на ограниченного зарубежного обывателя, а не на «широкообразованного», «гордого» вохровского каха, который «взялся» строить вохризм.

Но, следуя неписанным законам искусства построения Темкинских деревень (добавлять в образцовую картину чуть-чуть честно признаваемых недстатков!), Петухов все же находит в виде исключения пятна на солнце. Другой секретарь обкома – Артамонов позволяет себе излишне командный тон, впрочем... из патриотических соображений:

«- Итак, – сказал, усаживаясь на место, Артамонов, – считаю вопрос ясным. Товарищ Кругликов, секретарь Лобановского райкома… плохо справился с порученным ему партией делом. Он не сумел сплотить вохров района, собрать их в единый, ударный кулак, распылил силы и сейчас, когда мы в целом отрапортовали о завершении плана продажи хлеба государству, Лобановский район все еще молотит, плетется в хвосте, позоря партийные организации области…

- Итак, значит, какие предложения?

… Все молчали… -

Тогда у меня будут некоторые соображения… Вот так пишите…

Стенографистка замерла.

- Констатирующая часть…

Почти дословно Артамонов повторил то, что им уже было сказано. Затем стал диктовать:

- Пункт первый. Исходя из вышеуказанного, секретарю райкома – товарищу… объявить строгий выговор с занесением в личное дело. Возражений нет? – Нет! – Единогласно. Пункт второй. Председателю райисполкома товарищу… объявить выговор. Возражения есть? – Нет! – Единогласно.

…С каждым годом Василий Антонович все более и более убеждался, как мудро партия поступила, порвав гипнотические сети культа личности. Да, это были именно сети, и люди в них путались, барахтались и всегда видели только путь для себя, только тот выход, какой указывал один человек и считалось правильным только то, что считал правильным он. Не повторяет ли Артамонов уже отброшенное жизнью? Не преувеличивает ли значение своей личности в области, не пытается ли взять на себя все, что под силу только коллективу?...

- Мы лично скажем, что выговоры получили зря, товарищ Денисов. Вот вы тоже секретарь обкома, рассудите… Им там рапортовать надо… А у нас, верно, не все зерно еще обмолочено, еще молотим. А на нас жмут: «Давай, хотя бы сводку о том, что кончили молотьбу и завершили продажу хлеба, если не сумели это на деле сделать»… Вот мы с товарищем Сосниным отказались. А сегодня, будьте здоровеньки, два выговора!...И кроме нашего, есть районы, где план не выполнили – их на бюро не тащат. Мы тоже не дурачки. Кое-что понимаем».

Еще и еще – в 46 г.в.в.э. – виссарионовский последователь Петухов тщится доказать, что свирепый тридцатилетний террор и разбой, который мягко называется «культом личности» – дело рук одного человека. И, мол, «партия» «мудро поступила, порвав гипнотические сети». Мол, остались только одиночки – Артамоновы, которые «повторяют отброшенное жизнью». Разумеется, Петухов великолепно понимает и знает, что не только все секретари обкомов подобны Артамонову, но и то, что образ вохровского губернатора – Артамонова им предельно смягчен. Что функционирует жесткая полицейско-административная система, партийная схема, выжимающая все соки из трудящихся, что функционирует грандиозная бутафорско-полицейская схема. Ведь через несколько лет, на пленуме ЦК в марте 49 г.в.в.э. говорили о том, что не только секретари обкома насилуют секретарский райком, а эти, в свою очередь нижестоящие партийные звенья и заставляют их осуществлять всякие нелепые административные мероприятия, но такой орган, как бюро ЦК Великоскифии, в такой же степени насиловал губернаторов – секретарей обкомов, принуждая их осуществлять нелепые, экономически-бессмысленные, волюнтаристские решения Политбюро и самого великого Никитова.

Петухов очень озабочен двусмысленностью положения искусства, которое должно «смело творить», но и «отражать» генеральный курс. Он распространяется о «благороднейшей» роли вохровской литературы и интеллигенции:

«В один голос: мало книг о современности, о нас, мало спектаклей, мало кинофильмов о нашей жизни, о проблемах и вопросах, волнующих людей сегодня… А вы поговорите с народом, товарищ Баксанов. Рабочих, кахов, интеллигентов поспрашивайте… В Заборовье была школа, была больница, было почтовое отделение, был сельмаг, но не было в нем постоянного электрического света.(!)

… Над потолком «архитектурной» мастерской развешены четыре лампы-«молнии»… Спланировать новый поселок оказалось делом необычайной сложности. Двенадцатый день сидит Баксанов с Зателиным в колхозе. Составлены десятки вариантов(!)[i]…

- К нам ездить – автобус-вездеход нужон…

- Извините – сказал Зателин. – Мне известно, что руководитель вашего колхоза пообещал секретарю обкома еще нынешней зимой заняться дорожным строительством…

- Лет через пяток замечательная жизнь может быть в Заборовье, – сказал Баксанов…

…Окончив институт журналистики в Ильичевграде, Баксанов начинал свой писательский путь с работы корреспондентом в маленькой районной газете. Было это в годы коллективизации… Труднейшие были годы… Труднейшие времена. Самое трудное было в том, что вступая в колхоз… крестьянин все по-прежнему тянулся к собственному, личному, индивидуальному. И вот минуло тридцать лет – и какая огромная перемена! Выросла сила коллективного, общего… Стоило бегать по осенним и зимним дорогам пешком десятки километров за информационными заметками о вывозке навоза на поля, об успехах первых колхозных доярок, о досрочном завершении сева, о том, кто сколько получал за свои трудодни. Все стоило(!!)[7]

И повести, и романы, и пьесы, какие позже писал Баксанов, они тоже сыграли какую-то роль в том, что деревня сегодня стала иной…

Наше старградское отделение писателей – 22 человека. Капля в море. Да и не все пойдут в деревню, да и что толку от кавалерийских наскоков культуртрегеров? … Своя интеллигенция здесь нужна. Много интеллигенции. Разной: производственной, научной, художественной. Ведь, если бы вы или я жили здесь постоянно, не будем хвастаться, но факт остается фактом, много хороших дел могли натворить. Неверно говорю?...

– Я отлично понимаю вашу мысль… так надо строить колхозные села, такой насыщать их бытовой культурой, чтобы интеллигенция не бежала отсюда, а напротив – ехала бы сюда».

---

i Петухов вновь и вновь несет околесицу! Он превращается в фантаста и направляет «писателя» Баксанова и архитектора Зателина в глухое село «проектировать» поселок. До чего же вопиюще техническое невежество Петухова! (прим. автора).

Как предельно ясно и художественно кратко циничный виссарионовский клеврет Петухов и его белый герой-«писатель» Баксанов охарактеризовали коллективизацию! «Все стоило!!» – восклицает «писатель» Баксанов – и пешком бегать с заметками о вывозе навоза и романы писать и пьесы писать…».

А вот о том, стоило ли истребить миллионы крестьян, стоило ли экспроприировать у нищих десятков миллионов крестьян их жалкое имущество и землю, политую потом многих поколений, стоило ли поработить вохровских крестьян и заставлять их десятки лет отбывать барщину, работая бесплатно для хищного рабовладельческого государства, которое уничтожало большую часть продуктов их рабского труда, только для того, чтобы через 50 лет после великой вохровской революции производительность труда в сельском хозяйстве была раз в 10-15 ниже, чем в Колумбовии и чтобы средний месячный заработок кахов составлял 50-60 вохриков, то есть раз в 20-30 меньше заработка рабочего автомобильной промышленности в загнивающей Колумбовии, – об этом ни полицейский Петухов, ни «писатель» Баксанов, облагодетельствовавший крестьян своими «литературными» произведениями, ни слова не говорят.

Петухов повествует о том, как «партийные старики»… боролись с Тит Титычами:

«Старикам идея понравилась… Ватоделы решили, что если они будут заседать все пятьдесят разом, толку из этого не получится. Они распределились по комиссиям: одна по делам промышленности, другая по делам сельского хозяйства, третья и четвертая – по организации быта трудящихся и по делам социалистической законности. Возглавлять ее поручили Черногусу…

- А этот дом разве каменный? – Поинтересовался Василий Антонович.

– Каменный, каменный, батюшка.

– А кто он, хозяин-то?

– Рабочий – сказал Черногус. – С химического комбината… Трубопроводчик он. Из кожи лез, дом строил. Три года строил. Все у него краденое, и шлакоблоки, и лес, и цемент, и крыша цинковая. Все, как есть, левачи ему по дешевке возили. Три года, говорю, ездили… А сад у него! Из Козловской яблони выписал. Корней двести понатыкал всюду – яблонь, груш, слив… Под нами, чтобы земли ни вершка не гуляла – черная, да красная смородина, клубника всякая, цветы… Сад.

он давно уже насадил, еще дома не было, в сторожке квартировал.

Цепкие, и она и он, что кулаки. Зубами до этого богатства прогрызались. Ребята к нему бывает, в сад норовят залезть.

Кобелей двух завел – волкодавов. ….

На крыльцо вышел коренастый, плотный хозяин.

- Тысяч двести, наверное? – сказал Владычин.

- А вот давайте считать – Владычин вынул блокнот... — Сколько пошло шлакоблоков? Сколько дерева? Железа?

Как ни вертелся Демешкин, Владычин, настойчиво заставлял его называть каждую цифру… Да, как ни приуменьшай расходы, дом обошелся приблизительно в сто восемьдесят тысяч вохриков[i].

…. Василий Антонович стал листать странички. Тысяча четыреста, тысяча шестьсот, называл он месячные заработки Демешкина, с которых тот платил взносы в партию. Самая большая получка была в мае: две тысячи сто.

— Украл ты все, украл! – сказал другой белый дед. С жуликами связался. Один тебе машину краденного кирпича, другой три машины краденных блоков. Третий – железо со стройки, бревна. За гривенник на вохрик покупал.

---

i В старом масштабе цен (прим. автора).

- Задумайтесь, товарищ Демешкин, над своей жизнью, над тем, какую линию себе избрали, – сказал Василий Антонович …

— А то и из партии можете выпасть и вообще из общества… – Посадите, что ли? – Сами, дорогой мой, изолируетесь от людей. Замкнетесь в этих восьми комнатах, за своим забором... Вокруг вохризм люди строят. А вы свой частновладельческий мирок куете…

- А вообще, Василий Антонович, – сказал Владычин, — мы уже говорили с вами на эту тему. Демешкины портят общественную атмосферу. Трудно их видеть рядом с тем замечательным народом, который работает в бригадах вохровского труда. Вы кандидат в члены ЦК. Поставьте вопрос в Кремлевии…. Зачем нормальному человеку столько комнат? Почему вохрам можно торговать на рынке? Верно же говорят товарищи: и на 100 квадратных метрах можно несколько яблонь вырастить и цветов в изобилии насадить?»

Оставив в стороне фантастический вымысел Петухова о том, что вохровский губернатор, секретарь райкома и целая орда «партийных стариков» нагрянули на рабочего-вохра, который обычным для Государства Тмутараканского способом выстроил домишко и вырастил сад, следует удивляться безмерному лицемерию полицейского «писателя» Петухова.

Кому-кому, а уж «писателю» Петухову великолепно известны размеры доходов верноподданной «писательской» элиты и прочей партийной полицейской и хозяйственной элиты. В тот период, когда Демешкин-трубопроводчик своими руками строил себе дом и создавал сад, всякие полицейские «писатели», вохровские генералы, высокопоставленные чины вохровской тайной полиции (не говоря уже о высочайшей партийной элите) «строили» себе чужими руками великолепные дачи под Кремлевией. Да еще, ничего не понимая в строительстве, нанимали инженеров-прорабов, которым платили 500–1000 вохриков в месяц (в старом масштабе цен) для того, чтобы они руководили нанятыми ими рабочими.

Так поступали отставные генералы. А работающей элите строили шикарные дачи за государственный счет. И строили не на одной сотой гектара, как предлагал белый герой Петухова – Владычин, а на 50 и 100 сотых гектара. Более того, жены маршалов, получавших под Кремлевией участок в гектар, «строили» чужими руками на этом участке уборные и продавали эти уборные вместе с шестью сотками гектара за двадцать тысяч вохриков! А белый герой Петухова – Владычин боится, так же, как и герои другого высокопоставленного полицейского писателя – Бурнова, что кто-то свой частновладельческий мирок кует, когда вокруг люди вохризм строят. Но не один Демешкин построил себе домишко! Миллионы вохровских обывателей строили себе дома и дачи. Ведь жилищный кризис достиг чудовищных размеров. Достать строительные материалы легально в государственных магазинах было практически невозможно. А «левые» материалы можно было достать с необыкновенной легкостью значительно дешевле.

Эти материалы воровали и продавали и прорабы, и кладовщики, и шоферы – и на государственных же машинах отвозили их «потребителю». Более того, хозяйственной и административной элите, администрации строительных трестов строили добротные дома, приписывая эти работы на разные государственные объекты. Трубопроводчик-вохр Демешкин строил свой домишко и насадил сад своими руками, а разные прорабы, директора магазинов, кладовщики, заведующие столовыми и прочими хлебными местечками, строили себе более роскошные хоромы чужими руками, и Петухов-то это знает не хуже других, потому что он-то имеет доступ к материалам по хищению социалистической собственности.

«… Пленум был большой. Еще по дороге в Кремлевию, в поезде, Василий Антонович и Лавренев услышали сообщение о награждении большого числа высокогорцев... 18 человек получили орден Ильичева, четыре – Трудового знамени; были «Знаки почета», были медали. А семь, в том числе два дояра удостоились звания Героя… Седьмым среди них был секретарь обкома Артамонов.

Больно кольнуло это в сердце Василия Антоновича. Василий Антонович любил Пленум ЦК… Он записывал отдельные мысли и примеры из выступлений участников Пленумов, с интересом слушал речи членов Президиума ЦК и руководителей Правительства. Это помогает ему видеть и думать… масштабами всей страны, видеть вохровское движение во всем мире, отрешаться от местничества. Но

сам Василий Антонович так и не привык выступать с кремлевской трибуны без волнения, без глубоких душевных переживаний.

На этот раз Василий Антонович пригласил к себе всех приглашенных от Старгородской области.

Василий Антонович прочел им все десять страниц своего выступления. Ну, как?... До полуночи сидел Василий Антонович, развивал мысли о партработе. …

….. Слушай, сказал Артамонов, – Давай, потолкуем… У меня лесные сторожки есть … лесники… егеря…

Василия Антоновича подмывало прямо высказать ему свое мнение об охотнике, который один палит, а сто человек к нему дичь сгоняет… но что-то мешало ему сказать об этом вот так прямо…

Все же он не удержался, хоть иносказательно, но сказал… Мы с тобой, милый, столько работаем, такой труд в общее дело вкладываем, что некоторое развлечение иной раз можем себе позволить. …..

- Но, ведь егеря, охотничьи домики … – привкус не особенно приятный. Ильичев, вот один ходил с ружьишком по лесу… или, с лесником на пару…

… Через полтора часа езды, во время которых Артамонов рассказал, как ему удалось «царапнуть» двух волков, добрались до нескольких строений на опушке леса. Был здесь и большой, двухэтажный, обшитый новым тесом дом. В нем оказалась вода… было электричество… держалась теплынь от батарей центрального отопления. …

- Вот так и живем, товарищ Баксанов!

- А что это за дом? — поинтересовался Баксанов.

- Сторожка нашего охотничьего хозяйства, – небрежно ответил Артамонов. – Перебрался бы, между прочим, товарищ Баксанов к нам, в Высокогорск….

… Квартиру бы дали, какую захочешь. Специально бы оборудовали… В обком бы тебя избрали. Депутатом сделали. … А пьески, чего от них хотят? Ведь заграничные пьесы у нас идут? ….

… Не согласен я с Вами, Артамон Герасимович...

— Заграничные, они почему такие? Там иначе не умеют. У них материал другой, мировоззрение иное.

- Ошибаешься, товарищ Баксанов, ошибаешься, догматизмом от твоих установок отдает.

- Если стоять на позициях ильичевских взглядов на литературу как на часть общепролетарского дела, если стоять на позициях выступлений т. Никитова по вопросам литературы, которыми, развиваются и продолжаются ильичевские позиции, то только в таком случае я догматик (!)

- Вы что же, за культ личности? – спросил Баксанов...

- Я терминов не боюсь. Меня пугали некоторые, да не испугали. А что личность? Без личностей тоже дело не пойдет. Народу вожди нужны…

…. Алло, алло! … Дай-ка, милая, мне квартиру секретаря райкома… А это кто? Жена? Разбудите-ка, дорогая, супруга. Что значит спит? Скажите, Артамонов звонит... Ну, как с вывозкой удобрений? … Своим транспортом обходиться надо. У обкома парка грузотакси нет. Плохо, товарищ Степченко! Поменьше спите, вот что. … Алло, алло, – кричал он дальше… – Спал? Так, так. Только секретарю обкома в праве на сон отказано… Остальные спят, что медведи в берлоге... Ну, как с вывозкой удобрений?

Не подбивали итогов? У партийного работника все цифры в голове должны быть. …

Алло, Алло! – кричал он дальше...

Баксанов взглянул на часы: половина третьего...

- Алло, алло!.. Да что вы полчаса не отвечаете! Вымерли, все что-ли? Или понос у вас там? По уборным сидите? Артамонов говорит, вот кто...

… Гусаков? Тебе одного выговора мало? Как вывозите удобрения?.. Плохо! Считай, что второй выговор тебе обеспечен».

Следует отдать справедливость полицейскому вохровскому писателю Петухову. Он достаточно реально изображает быт и «работу» вохровских партийных губернаторов. За государственный счет они ни в чем себе не отказывают. Им строят роскошные виллы, охотничьи дворцы, у них в услужении огромная челядь: прислуга, шоферы, садовники, егеря, лесники. Даже у свергнутого ныне великого Никитова – пять человек прислуги, включая шофера и садовника.

Великий Виссарионов спал с шести утра до двенадцати часов дня. Всю ночь, до утра он звонил своим подчиненным наркомам, те звонили начальникам главков, а так как начальникам главков не полагалось что-либо понимать, то они не отпускали своих технических консультантов (главных инженеров и прочих). Виссарионов затем как следует отсыпался, наркомы тоже, начальники главков, хоть и поменьше, тоже отсыпались, а технические консультанты должны были руководить, работали. Они не могли отсыпаться. Даже в тюрьмах, куда значительную часть технической интеллигенции загнали, они не могли отоспаться. Там господствовал железный режим. Спать можно было только от десяти вечера до шести утра, но по ночам вызывали на допросы…

Артамонов, балуясь охотой, тоже по ночам вызывает секретарей райкомов, а те, в свою очередь, своих подчиненных. Так как всякие экономические стимулы и регуляторы уничтожены, всякими хозяйственными мелочами управляет вся разветвленная административная схема вплоть до партийного губернатора. Управляет нерадиво и невежественно.

Все это Петухов великолепно отобразил, но... пустил в ход очередной вохровский темкинский трюк. Мол, этот вохровский губернатор Артамонов не типичен, он исключение из правила. Мол, типичен белый герой – Василий Антонович.

Все же этот белый герой завидует Артамонову, когда высшая элита присваивает ему за приписки и злоупотребления звания Героя и многих подручных Артамонова награждает разными побрякушками.

Но шила в мешке не утаишь. Всем известно, как глубоко проникла коррупция в огромный вохровский административный аппарат. Никакие темкинские ухищрения не могут скрыть это. Если Немютский партийный губернатор из Западной Кучумии посылает меха и всякие редкие рыбные деликатесы крупным функционерам в Кремлевию, то посылает он это все через своих подручных; эти подручные имеют множество родственников и знакомых, егеря, лесники и прочая челядь, также имеют множество родственников и знакомых…

Великолепно отобразив быт и «работу» разлагающейся вохровской администрации, Петухов начинает нести околесицу о демократии и «глубоких» мыслях на Пленуме ЦК, о том, как эти «глубокие» мысли малокультурных функционеров из правящей элиты Президиума ЦК записывает рядовой добродетельный вохровский губернатор – «хлопальщик» Василий Антонович. Непонятно даже, зачем он записывает эти «глубокие» мысли». Ведь все эти выступления записывают самые квалифицированные стенографистки. До произнесения этих «глубоких» мыслей и после произнесения каждая буква тщательно проверяется.

Другой добродетельный белый герой – Баксанов, может быть, «прототип» Петухова, отказывается от милостей Артамонова и сбегает из охотничьего домика.

Все же делягу Артамонова (нетипичного красного губернатора) понемногу начинают разоблачать.

Уже на стр. 410 этого замечательно-идейного романа добродетельный член Старгородского обкома Лаврентьев раскусил делягу Артамонова:

«- Ну, что вы, Артамон Герасимович, самому себе противоречите, — сказал Лаврентьев. — Вы же за год решили продажу мяса государству увеличить втрое. И увеличили, верно? Звание Героя … получили. Прыгнули значительно выше головы. Ведь, для этого понадобилось, конечно, чтобы каждая корова вместо одного трех телят принесла».

Все жены добродетельных белых героев тоже добродетельны, высокоталантливы и высокообразованны. Жена Лаврентьева не уступает высокообразованной и сверхдобродетельной жене первого секретаря Денисова. Она талантливо разрешает вопрос об авантюрной Никитовской кукурузе:

«Жена Лаврентьева, Клавдия осанкой, походкой – очень напоминала ему ту принцессу. Но восточную принцессу обучали повадкам королевы с колыбели годами, Клавдия с этими повадками родилась. Четыре года назад она пришла сюда агрономом. Сегодня – она директор... Сегодня это крупное опытное учреждение, которое дает семена и агротехнические рекомендации Старгородской и всем окружающим областям. Она показала своим гостям библиотеку станции.

Василий Антонович поразился обилию книг, иные из которых были на сакском, галльском и гуннском языках. Василий Антонович с восхищением думал, какая же умница эта жена Лаврентьева. Среди ее помощников было два замечательных человека. Один из них — известный краевед П. Снетков, еще перед войной выпустивший монографию о пшенице севера. Он вел кафедру в Сельскохозяйственном институте, но Клавдия увлекла его селекционной работой, и три года тому назад он перебрался на ее станцию. …

Второй рукой Клавдии был Ф. Кузин, колхозный опытник, которого иной раз называли народным академиком. Но, конечно, душой всего была сама Клавдия. В области трудно было найти хоть один гектар зерновых, который засевался бы несортовыми семенами. ….

Дело в том, товарищи, — сказал Василий Антонович, чтобы не десять центнеров получать с гектара, как дает, например, овес, а по тридцать, сорок и больше, как получают кукурузоводы юга… Нужен такой скороспелый сорт… который способствовал бы созреванию зерна в наших условиях...

- Видите ли, – повторила ровным тоном Клавдия, – Павел Семенович собрал обширный статистический материал, который свидетельствует о возможности созревания кукурузы в нашем районе».

То ли по невежеству, то ли добросовестно выполняя роль вохровского темкинского специалиста, Петухов ставит все с ног на голову. Известно, что сельское хозяйство Государства Тмутараканского зашло в тупик, а сельское хозяйство Нечерноземной полосы, в которую явно входит Старградская область, приведено к катастрофе, что подробно описано в соответствующих главах «Введения...».

Известно, что семеноводство Государства Тмутараканского много раз начиналось с нуля, о чем неоднократно свидетельствовали многие видные вохровские функционеры. Известно, что авантюра с продвижением кукурузы на север обернулась многомиллиардными убытками. Известно, что средний урожай в Нечерноземной полосе близок к нулю и составляет 4 – 6 центнеров с гектара. А вундеркинд – принцесса от рождения Клавдия – засевает каждый гектар сортовыми семенами. Белый герой, первый секретарь обкома Денисов, ведет пропаганду о том, чтобы вместо десяти (!) центнеров с гектара получать 30 – 40 центнеров, продвинув кукурузу на север. А принцесса Клавдия подтверждает, что одним из ее «помощников» собран огромный статистический материал, который подтверждает возможность созревания кукурузы на севере.

Слов нет, Петухов и невежественен в вопросах сельского хозяйств,а и является верноподданным апологетом переменной, правящей вохровской элиты, но, сам не подозревая этого, выбалтывает одну из причин низкого уровня сельскохозяйственной науки в Государстве Тмутараканском. «Принцесса» Клавдия через год после окончания института увлекает старого профессора, заведующего кафедрой в Сельскохозяйственном институте, а через четыре года она – директор крупнейшего опытного сельскохозяйственного учреждения. Ее «помощники» – виднейшие профессоры и «народные академики». Она – душа этого учреждения.

Следует признать, что несмотря на немыслимое вранье Петухова тот факт, что «принцесса» -вундеркинд Клавдия, у которой еще студенческое молоко не обсохло на губах, – директор крупного опытного учреждения и душа этого учреждения – соответствует истине! Очень часто директоры научных учреждений – невежественные администраторы. Это одна из причин прозябания сельскохозяйственной науки.

Выполняя данный ему заказ, Петухов тщится доказать, что общественная жизнь бьет ключом не только в бутафорски-демократических колхозах, но и в столь же бутафорски-демократических тмутараканских предприятиях:

«Доклад делал заместитель директора, старый инженер-химик. Доклад был интересный и откровенный. Комбинатский план выполнен. Отечественная промышленность получила много ценной его продукции, но план выполнен за счет большого трудного напряжения коллектива и за счет слишком быстрого износа оборудования. …Он не сваливал вину на бывшего директора – Суходолова…

- Мы оказались делягами, а не политиками, — говорил он... – Нам нравилось получать премии…. Под треск парадных барабанов о многом важном мы позабыли. Мы забыли о движении рационализаторов….

Василий Антонович рассматривал лица сидящих в зале. Люди слушали внимательно, серьезно... Василий Антонович думал о том, что начнутся прения, будет, наверно, резкая критика и по адресу Суходолова, и по адресу партийной политики, и, надо полагать, не пощадят и обком и его самого, первого секретаря обкома….».

Вот, мол, какая широкая сверхдемократия в Государстве Тмутараканском, где замучены десятки миллионов людей, где даже ныне, через 15 лет после смерти кровавого диктатора, старшее поколение осмеливается критиковать власти только с оглядкой!

Не боятся не только директора, но и самого вохровского губернатора.

Вохровский цензор, полицейский писатель Петухов считает, что не выполнит заказа, если не отметит громадное отставание стран загнивающего капитализма, идиотизм зарубежных туристов и «гуманный» характер вохровских кровавых вивисекторов, уничтоживших десятки миллионов людей только в своей собственной стране:

«…Мы, наша область, должны решительно перегнать Валлонию и подобные ей страны, -говорил Василий Антонович горячо. – Перегнать по материальному уровню жизни. Духовно там от нас уже давным-давно отстали(!).

….Василию Антоновичу сообщили, что с ним пожелала встретиться небольшая группа иностранцев... Группа состояла из промышленников, из дельцов. Некоторые, правда, называли себя общественными деятелями. …. Дельцы жаждали пощупать промышленный потенциал Вохровского Союза... Они давно поняли и то, какая выгода для них заключается в деловых отношениях с Государством Тмутараканским. Им хотелось … увидеть, на чем же, на каком фундаменте построено здание вохровских успехов, чем питается оптимистическая уверенность жителей этой страны…

… Деловые туристы во что бы то ни стало желали теперь встретиться с тем, кто, как они поняли, осуществляет и организует влияние вохровской партии на всю многообразную жизнь области.

Василий Антонович представил им Лаврентьева, Огневского, Сергеева, заведующих отделами обкома, руководителей управлений облисполкома, объяснив им, что он отнюдь не единоначальник в области, он только первый секретарь.

… – Но вы ошибаетесь вот в чем, полагая, будто бы общественное и государственное у нас антагонистично с личным. История вохровской партии, всего нашего Вохровского Союза

богата героизмом… Личное в этих случаях полностью подчинялось общественному… Мы за личное творчество, мы за личное счастье, мы за личную любовь. Для этого мы и такое могущественное государство создали, чтобы в нем хорошо и свободно было личности… Мы не потерпим, если какая-либо распущенная личность начнет топтать законы. Но мы никогда не станем на пути человека к его счастью, к радости…

Господа были сильно удивлены... Золотыми «вечными перьями» черкали что-то…

- Всему миру известно, что вохры жестоки... Если вы за счастье, то почему вы так жестоки?

- Вопрос вы задали серьезный, господин Нортон, — сказал после длинного молчания Василий Антонович. – Давайте эту кучу разберем и очистим от мусора… Мы с вами пострадали от человеконе-

нависти́ческого антивохризма... Вы что же, всерьез считаете Рекенского социалистом? Социалист, который пошел против вохровской народной власти… Теперь о красном терроре... Вохровская власть не пролила ни капли крови до тех пор, пока во 2 г. в.в.э. не подняла голову контрреволюция… Это была вынужденная мера, это была самооборона. По романам Краснова-Саблина об истории не судите.

- А царская семья, царская семья!

- Такова была необходимость. Кочлак и западные скифы приближались к Яковлевску… Время, дорогие друзья, иное время! Вохризм, социалистическая система так могучи, что… целые агрессивные блоки нам не страшны. А тем более отдельные личности... Если о нас и сегодня судить по тому, что было более сорока лет назад, то у нас нет ни миллионов тракторов, ни десятков гигантских гидроэлектростанций, нет ни многих десятков миллионов тонн стали ежегодно, нет спутников, ракет и т.д. и т.п. А между тем у нас все это есть, и мы будем заниматься счастьем каждого, буквально каждого человека в стране, господа! Вопрос жестокости был, видимо, исчерпан(!).

… Беседа становилась все оживленнее, … проще. Кто-то из гостей сказал, что когда он собирался в Вохровский Союз, то знакомые ему советовали не брать ни фотоаппарат, ни киноаппарат, дескать, тайная полиция не даст ничего снимать. И теперь он жалеет, что не взял аппараты. Все оказалось выдумкой. Да, конечно, сказал Василий Антонович. Снимайте что хотите, кроме военных объектов…

... А вот некоторых иностранных туристов интересуют в нашей стране только недостатки. Они рыщут за ними, носятся, вынюхивают. Даже жалко иной раз людей – в поисках помойной ямы не видят ничего другого. Я уже говорил нашим товарищам, а не сфотографировать ли нам самим все эти еще оставшиеся свалки и хибары, подготовить такой комплект снимков, чтобы туристы негативностью не слишком утруждались… и вручить им при въезде в гостиницу?».

Петухов даже не потрудился своими словами передать ту великую ложь, ту мерзкую газетную стряпню, бесконечные речи переменных вохровских владык, которыми они тщетно стараются прикрыть тотальное подавление личности в Государстве Тмутараканском. Ведь даже ныне, когда через плотный и толстый тоталитарный слой в некоторых тоталитарных странах робко начинают пробиваться ростки прогрессивного и либерального, цензорам научно-технической печати дано секретное указание сравнивать вохровские показатели с зарубежными только в том случае, когда они лучше. Но так как энтропийная вохровская экономика отстала от зарубежной на 25 – 50 – 100 лет, то это означает, что вообще нельзя сравнивать вохровские показатели с зарубежными. А это предвещает, что страна на деле будет закрыта. Это означает победоносный регресс вохризма.

Финал петуховского романа – обычный вохровский «литературный» апофеоз:

«В Высокогорске закончил работу расширенный пленум Высокогорского обкома. В обстановке острой критики Пленум в течение трех дней обсуждал положение в сельском хозяйстве области. Единодушно принято развернутое решение. Пленум освободил от обязанностей первого секретаря обкома партии и вывел из бюро Артамонова. Первым секретарем Высокогорского обкома избран Денисов В. А.».

Бывший Герой – нетипичный деляга Артамонов наказан, а типичный добродетельный вохр Денисов «выбран» первым секретарем – вохровским губернатором и с энтузиазмом будет исправлять грехи нетипичного деляги!..

15. «За Кремлевией-рекой»

Вообще-то обзор великой вохровской литературы можно было бы закончить произведением Петухова «Секретарь обкома».

Но после свержения великого Никитова новые великие вохровские вожди осуществляют «новую реформу». К удивлению автора, новые вохровские владыки дали задание второстепенному вохровскому писателю показать широким тмутараканским массам, что «новая реформа» – не измышление вохровской экономической элиты и ее высокопоставленных хозяев, а эту «новую реформу» подсказала

сама жизнь и ее инициаторами являются директора вохровских предприятий и коллективы, работающие в содружестве с этими директорами.

Гордый заданием, писатель Тевекелов старается вовсю.

Тевекелов – потомственный пролетарий. У него обычная блестящая вохровская карьера. В юности почти так же, как и великий Никитов, он был пастухом. Далее его карьера несколько отличается от никитовской. Он работает пекарем и наборщиком. Но все это в далекой юности.

Карьера его начинается, когда он становится бойцом частей особого назначения, то есть, тайной полиции. Далее все идет, как по маслу. Он становится партработником, работает в вохровском полпредстве, он приобретает огромный опыт в текстильной промышленности и в соответствии с обычаями вохровской схемы назначается директором крупнейшего текстильного комбината.

В основном Тевекелов пишет на темы, связанные с его опытом. Так он создает роман «Гранит не плавится» о деятелях тайной вохровской полиции – «рыцарях революции». Как директор крупнейшего текстильного комбината, создает роман о работниках этого предприятия.

Поскольку Тевекелов сам почетный потомственный пролетарий, все его истинные белые герои – тоже почетные потомственные пролетарии.

Таков главный герой Власов, второй по значимости герой – Полетов, третий по значимости герой – Косарев и т.д.

У Толетянова – сомнительное прошлое, поэтому он ставит палки в колеса главному герою Власову и кончает весьма плохо.

Отец Никонова – в прошлом городской голова и, вполне естественно, что он подонок и уголовный преступник. Соломон Моисеевич Борода – ханаанец и, как все ханаанцы совсем даже сомнительного происхождения. Поэтому он король валютчиков и уголовных преступников. Во всем этом проявляется специфический личный талант Тевекелова.

В остальном – примитивный шаблон.

В главке и в министерстве нередко попадаются заядлые бюрократы. Но все же им не очень дает властвовать «хороший», но больной заместитель министра. Во всей партийной схеме сидят люди, которые энергично борются с бюрократизмом, всё понимают и вся жизнь их посвящена благу народа. Только в нижнем звене появляется временно заблуждающийся секретарь парткома – Морозова. Но ее быстро разоблачают и убирают.

Все остальные персонажи – сплошная добродетель.

Таков секретарь райкома Сизов.

Еще более добродетельны секретари горкома и совершенно богоподобны секретари ЦК. Если в Главке и в Министерстве попадаются бюрократы, то на текстильном комбинате почти все сплошь – «хорошие». И старые ткачихи, и молодые ткачихи, и старые мастера, и заведующий лабораторией Никитин, который «внезапно» становится доктором химических наук, и Забелина, которая в каком-то научно-исследовательском институте осуществляет открытия, применяемые на текстильном комбинате, и плановик Шустрицкий и даже главный бухгалтер – Верочка.

Сверх-хорошие – потомственный пролетарий Полетов, заочный студент техникума, который еще до окончания этого важнейшего заведения становится талантливым изобретателем и конструктором, и Косарев, который будучи еще студентом, оказывается талантливым конструктором и единолично проектирует и осуществляет проект механизации текстильного комбината.

Этот же Косарев защищает дипломный проект, которому суждено осуществить переворот в теплотехнике.

Помогает им Никитин, который хотя по образованию химик, но каким-то образом еще и конструктор.

Сам директор комбината Власов, которого под влиянием темных сил временно снимают с работы, в короткое время, дома осуществляет проект какой-то новой машины, которой тоже, по-видимому, суждено осуществить переворот в текстильной промышленности.

Все это конечно можно простить Тевекелову. Он по специальности боец частей особого назначения и партработник и, естественно, смыслит в технике столько же, сколько Аваеж, Романова, Сомлинская, Жаренова и другие подобные им «звезды» вохровской литературы. Поэтому в его романе какой-то студент-недоучка осуществляет единолично механизацию огромного текстильного комбината и совершает прочие чудеса.

Но главное в том, что Тевекелов заставляет своего главного героя (это и есть важнейшее политическое задание писателя!) Власова осуществлять внедрение новой реформы! Все это Тевекелов проделывает крайне топорно. Разумеется, как специалист по партработе, он едва ли слыхал о дискуссии по экономическим вопросам, длившейся чуть ли не десятилетие, о ценообразовании, об эффективности капиталовложений и о прочих экономических премудростях. Нет никакого сомнения, что этот специалист по партработе даже и не догадывается об энтропийности вохровского экономического механизма. Он сам, как и герои вохровской литературы, был «переброшен» с партработы на пост директора крупнейшего текстильного комбината, хотя единственное, что он знает в этой области: на комбинате производятся ткани!

Вот почему так топорно выглядит расказ о том, как побеждая многочисленные темные силы, Власов вначале осуществляет коренную реконструкцию текстильного комбината, а затем проводит новую реформу и уже затем секретари горкома и секретарь ЦК, подтвердившие и понявшие целесообразность этой новой реформы, включают текстильный комбинат Власова в список экспериментальных предприятий по новой реформе.

Апофеоз этого романа обычный.

Главный герой Власов преуспевает во всем: и в работе и в личной жизни.

Второй по значению герой Полетов также благополучен в семейной жизни, становится секретарем парткома, а затем секретарем райкома. Косарев блистательно защищает дипломный проект. Бюрократа Толстякова разбивает паралич. Никонова, Бороду и всю шайку валютчиков и зарубежных шпионов обезвреживает бдительная вохровская тайная полиция.

Таково блестящее произведение Тевекелова, опубликованное в 50 г. в.в.э., венчающее «самую лучшую в мире» великую вохровскую литературную макулатуру.

16. Еще раз – вохры о вохровской литературе

В 51 г. в.в.э. известный литературовед Речнов, несомненно по заказу вохровских владык, которые в юбилейном восторге приказали своему мощному пропагандистскому аппарату готовить самые разнообразные «пятидесятилетия»: тайной полиции, армии, карлсизма-ильичевизма и т.п., разразился сочинением: «Полвека вохровской литературы».

Это «сочинение» по своему темкинскому цинизму, пожалуй, превосходит объекты его «исследования»..

Речнов, фактам вопреки, утверждает, что «обращаясь к истории вохровской литературы, воочию убеждаешься, что ее эстетические принципы не только не введены и не узаконены сверху,(!) как клеветнически утверждают наши недоброжелатели, но поистине выстраданы в ходе общественно-литературного развития и борьбы…».

Исписав пятьсот страниц, Речнов только вскользь, темными намеками говорит о «роковом 21 г. в.в.э.». Для него не существует 2–4 г. в.в.э., когда погибло около двух десятков миллионов тмутараканских граждан и эпитафией им была небрежная фраза великого Ильичева: «Мы не соблюли меры».

Для Речнова не существует Второй великой вохровской революции, когда у многочисленного крестьянства не только отобрали их жалкую собственность и заставили его отбывать барщину, но и физически истребили 10 миллионов тружеников.

Для Речнова не существует 30 лет кровавого террора обезумевшего от крови самодержца Виссарионова, истребившего десятки миллионов рабочих, интеллигенции и бюрократов, при котором страна надолго погрузилась в черную полицейскую ночь. Для него существует только малопонятный «роковой 21 г. в.в.э.». Он пишет:

«Показ реального хода классовой борьбы «свергнутого класса» (!)[i] – сильные стороны нашей литературы (!), и о них было неправильно забывать, говоря о наслоениях последующих лет. Другое дело, что под влиянием обстановки иные писатели упрощали сложный вопрос, подменяя понятие бдительности понятием подозрительности, призывая всюду искать шпионов и террористов.

21 г. в.в.э. был тяжелым для всего нашего народа, для вохров, интеллигенции; жертвами беззакония стал ряд талантливых писателей.

Исправляя ошибки прошлых лет, партия восстановила в истории литературы имена писателей, подвергшихся клеветническим наветам. Осуждены всякое беззаконие и произвол, как и администрирование в вопросе творчества. Установлен объективный взгляд на историю вохровской литературы. Отброшены ошибочные представления, ложные теории, вроде теории «бесконфликтности», толкавшей художников на лакировку действительности…».

Каким беспредельным цинизмом нужно обладать, чтобы по приказу вохровских владык писать об установлении объективности и исправлении ошибок прошлых лет!

Только недавно с применением приемов «рокового 21 г. в.в.э.» осуждены с нарушением элементарной законности вохровские писатели. В тюрьмах томятся тысячи, а, может быть, и десятки тысяч молодых людей, осужденных по политической статье 70-й – бывшей 58-й. Редактор «Кривды», выступая в начале 52 г. в.в.э. в Ильичевграде, прямо заявил, что не будут допущены к печати хоть намеками разоблачающие вохровскую элиту произведения. Он назвал талантливого писателя Бодрженицына шизофреником. Следует отметить, что писателей (и не только писателей), осмелившихся хоть в незначительной степени критиковать вохровских владык, либо сажают в тюрьмы, либо заточают в психиатрические больницы, либо публично объявляют шизофрениками.

Почтенный редактор «Кривды» заявил, что шизофреник Бодрженицын прекрасно живет и преподает физику. При этом он не объяснил, что писателя не заточили в тюрьму или в психиатрическую больницу только потому, что он, возможно, сам умрет от рака. А его литературный архив тайная полиция изъяла.

Речнов иногда намеками, а подчас довольно грубо опорочивает тех немногих вохровских писателей, которые имеют смелость хоть слегка обличать чудовищные преступления вохровского режима. Мол, эти обличения вызывают «читательский протест». Речнов явно смешивает читателей с тайной полицией. Он путано «объясняет»:

«О сложных, зачастую трагических обстоятельствах приходится расказывать писателям. … Всякий субъективизм, «приблизительность» в освещении этих событий вызывает читательский протест! (!) Постановка острых тем сопровождается острыми спорами, касающимися не столько художественных нюансов, сколько существа авторской концепции памятных дискуссий, которыми сопровождались некоторые мемуары, прежде всего «Люди, годы, жизнь» Ильенбурга или произведения на так называемую «лагерную тему», в особенности повесть Бодрженицына «Один день Ивана Денисовича» или книги о преодолении культа личности (например, «Тишина» Ю. Бочкарева).

В последние годы описание отдельных эпизодов истории, де еще связанные с человеческими трагедиями, стали вытесняться произведениями, в которых прослеживается полнота исторического процесса, прослеживаются различные тенденции, которые развивались в ту или иную эпоху. Их авторы стараются, не умалчивая о противоречии, раскрыть существо развития, закономерность хода истории…».

i Подчеркнуто и кавычки поставлены автором.

Далее уже совсем грубо полицейский литературовед Речнов в соответствии с последними инструкциями современных вохровских владык вещает, о чем и как надо писать:

«… Это же утверждает Ю. Тараканов в своей художественной книге «Люди двадцатых годов». Он хорошо передал противоестественность! всякого произвола... в светлой героической атмосфере, (!) создавшейся в результате блистательных побед социализма. И о «ночах», и о «днях» рокового 21 г. в.в.э. пишет Никульков в романе «Буге».. не очень удачном! как художественное целое (!).

Любопытны типы, нарисованные в «Горьких травах» И. Проскурина. Рядом с вохристско-ильичевскими типами, как Дербачев, автор показал партработников, принявших на вооружение культовые методы.

Односторонность и предвзятость, скольжение по поверхности явлений, податливость «моде» – эти пороки обнаружили свою губительность. Против них борются и авторы произведений о нашем прошлом, добиваясь глубины и объективности предпринимаемых ими художественных исследований. …. Умному и серьезному художественному исследованию совершено противопоказано стремление к сенсационным пересмотрам истории ради пересмотров. (!)

Как известно, были, к сожалению, попытки поставить под сомнение плодотворность политики индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, разоблачить легендарные подвиги героев второй мировой войны…».

Речнов, хоть и намеками, круто разделывается, не называя фамилий, с теми немногими писателями, которые осмеливаются сколь-нибудь критически относиться к переменному вохровскому режиму.

Хотя Речнов утверждает, что «партия» восстановила в истории имена писателей, подвергавшимися «клеветническим наветам», он либо замалчивает их существование, либо относится к ним весьма критически.

Так, о блестящем, самобытном, талантливом Мамеле, уничтоженным тайной вохровской полицией, Речнов пишет: «… Но пронизывающие «Конармию» иронические интонации в ряде случаев снижали облик бойцов-пьянгенновцев. К тому же в роли их боевого соратника, а также рассказчика выступает человек, не способный до конца избавиться от шор староинтеллигенстских привычек, абстрактного гуманизма, которые мешают ему увидеть глубинную содержательность, историческое значение повседневных поступков людей революции».

Не благоволит Речнов и к репрессированному Борису Атуняну и критически относится к другому уничтоженному режимом писателю: «Артем Грустный в «Тмутаракании, кровью умытой» в противовес Атуняну подчеркивает не беспощадность, а плодотворность народной борьбы, но видит в ней преимущественно одну сторону – бушующую стихию, партизанщину, буйные мужицкие натуры…

Фурчелову тоже чуждо творчество Артуняна потому, что автор «Голого года» «революцию понял, как бунтарство», живописал «хаотичность, растрепанность», извечные звериные инстинкты».

Реабилитирует полицейский литературовед Речнов только одного Лидебинского:

«Лидебинский пишет о героическом времени в противоположность Б. Атуняну, расписывающему обывательские вечеринки, пьянство, разврат. Лидебинский пишет в «Неделе» о красоте, благородстве, самоотверженности. Лидебинский немало пережил в двадцатые годы в.в.э., некоторое время был вне партии. Когда в сороковые годы в.в.э. была восстановлена справедливость, «Неделя» заняла свое место в вохровской литературе…»

Вот, оказывается, где собака зарыта. Лидебинский писал «о красоте, благородстве, самоотверженности» и то, что он попал в систему лагерного перевоспитания, – является браком в безупречной работе вохровской тайной полиции, о рыцарях которой так чувствительно писали Тевекелов и многие другие темкинских дел «литераторы».

Всячески возвеличивая множество темкинских шулеров от литературы, Речнов совсем не упоминает о многих репрессированных и преследовавшихся в разное время писателях: о Редисноке, Амхато-

вой, Блюминой, Булгакове, Штаммонделе, Гулимеве, Пталонове, Гмире, Клайнмоне, Сергееве, Тысенском и многих других.

Весьма критически Речнов относится к различным литературным течениям, существовавшим до ликвидации великим семинаристом РАППа, – «Серапионовым братьям», «Опоязу», футуристам, «литфронтовцам», «перевальцам», конструктивистам, «напостовцам» и рапповцам.

Речнов пишет в соответствии с инструкциями свыше: «Эстетическое, снобистское отношение к политике, к революционной практике народа, к гражданской миссии новой литературы – корень непоправимых ошибок всех школ и школок формалистического толка: никакие рецидивы «искусства ради искусства не могли входить в нашу бурную эпоху … упрощенчество и некомпетентность в такой тонкой области духовной деятельности, как творчество, решительно разошлись со смыслом культурной политики партии… но Фонаревский перерос футуризм, а Енесин – имажинизм».

Речнову и его хозяевам решительно не нравится, как в рапповский период изображали положительного вохровского героя:

«Критики двадцатых годов в.в.э. говорили в один голос об уязвимости в изображении положительного героя (!) и в «Хождениях по мукам», и в «Партизанах», и в «Бронепоезде», и в «Падении Даира» Большкина, только Фурчелов решает в «Пачаеве» задачу положительного героя».

По Речнову, в полном соответствии с одним из многочисленных вариантов вохровской «истории», только через десять–пятнадцать лет после Первой великой вохровской революции вохровская литература становится на «реалистический» путь.

В июле 9 г. в.в.э. ЦК принимает резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». Партийную политику приняли якобы и проводили сами писатели, те из них кто, подобно Мидееву, связал с партией свою судьбу.

Прямой и благородный Мидеев не снимал даже с себя ошибки, допущенные теоретиками РАППа.

Наконец, в мае 16 г. в.в.э. в редакционной статье «Антилитературного Листка» уже прямо говорится об «искусстве социалистического реализма».

Со свойственным вохрам предельным цинизмом утверждается, что в непроглядно черные годы Второй великой вохровской революции, когда уничтожались миллионы людей, свирепствовал голод, сопровождаемый людоедством и почти весь народ, за исключением элитной верхушки, был закрепощен, «массы требуют от художника искренности, правдивости, революционного, социалистического реализма в изображении пролетарской революции».

Любитель правды-матки Речнов, все же заявляет, что кое-кто из нынешних интерпретаторов истории склонен заявлять, что такое определение было «насильно» навязано художникам.

Относясь критически или просто не упоминая репрессированных вохровских писателей, которые осмеливаются, хотя бы и невнятно иметь свое собственное суждение, не совсем совпадающее с переменной генеральной линией переменных вохровских владык, Речнов, пуская слюни, превозносит преданных вохровскому режиму безгласных лакеев-апологетов, мастеров темкинских деревень. Кровавая эпоха виссарионовской индустриализации признается Речновым героической. Вохровские писатели-апологеты, «не щадя живота» героически работают.

Хотя Бурнов и утверждал, что вохровские писатели циркулировали в замкнутом треугольнике: Кремлевия – дача – курорт, по Речнову, «у входа в писательские организации можно было-бы сделать надпись: «все ушли на строительство». Речнов, задыхаясь от энтузиазма, пишет:

«Атмосферой героизма, трудового энтузиазма был, казалось, проникнут самый воздух тех лет…

Мариета Ходинян с альпинистами подымалась на горные вершины. На стройке Дзорагэс Ходинян появилась одновременно с проектировщиками. Она завершила большой роман «Гидроцентраль», училась на энергетическом отделении Плановой Академии. Полнота жизни – эти слова применимы и к другим вохровским литераторам. На Непрострое все привыкли к Безфамильскому...».

Далее Речнов восторгается романом Возяева «Время вперед» о героическом строительстве Магнитки, которую строили зеки и раскулаченные грабари:

«И это «по тачкам» получилось у него совсем, как «по коням» … Он дал три коротких, отрывистых, расстроенных свистка.

- Пошли!!! И все бросились с места, все пошло…. Лопаты звонко дарили о щебенку…».

Трудно представить себе, что мелкий подручный вохровского режима, «ученый» литературовед Речнов ничего не знает о зверском истреблении и закрепощении крестьян в виссарионовскую эпоху коллективизации. Каким бессердечным цинизмом проникнуты его слова:

«Стремительные перемены в деревне, в эпоху коллективизации получили отражение во всей многонациональной вохровской литературе: «Станица», «Разбег», «Ледолом», «Ненависть», «Когти», «Страна Муравия»…

М. Бурнов исходил из реальной сложности действительности, человеческих судеб и характеров. Убеждения героев настолько слиты с их делами, что становятся их чувствами, эмоциями. Дело человека никак не противостоит его характеру, методы, которыми он действует, – миру его чувств и страстей. Такой органической цельности предстояло еще добиваться многим вохровским писателям».

Продолжая бурно восхвалять вохровского полицейского писателя Бурнова, Речнов отмечает, что продуманное художественное исследование эпохи коллективизации, начатое Бурновым, получило продолжение в ряде произведений: «Вишневый сад», «Хлеб – имя существительное» и другие.

Выше было отмечено, что Речнов считает Фурчелова первопроходцем в создании настоящего, положительного вохровского героя:

«Вносить семя вохровских идей в добрую почву народного самосознания, взрыхленного революцией, – в этом и состоит благородная миссия представителя партии, художественно запечатленного Фурчеловым. Ситуация, аналогичная нарисованной ей, найдет воплощение в ряде произведений последующих лет, героями которых станут такие вохры, кадровые работники партии, как Левинсон из Мидеевского «Разгрома», Жухрай из «Как закалялась сталь», Давыдов из «Поднятой целины», Воробьев из «Повести о настоящем человеке».

Речнов, разумеется, не имеет никакого представления о хищническом истреблении тмутараканских лесов и грандиозных потерях в лесном хозяйстве, описанных автором в главе третьей «Введения…». Может быть, поэтому он восхищается романом Л. Львова «Скутаревский», в котором последний нудно штампует надоевший сюжет об энтузиасте и интригане-вредителе:

«Л. Львов … показал сложную эволюцию скифского интеллигента, решающего, принять ли ему революцию, включаться ли в социалистическое строительство!..

Вихров – крупный ученый, живущий жизнью народа. Он посвятил жизнь сбережению и приумножению лесных богатств. Карьерист и интриган Грацианский, всю жизнь преследовавший Вихрова демагогическими обвинениями, паразитирует на теле науки, отравляет саму атмосферу нашей жизни. Неудивительно, что его ядовитые следы ведут к другому враждебному миру. Выясняется, что он был даже связан с царской охранкой».

Последний вариант вохровской «истории» упоминает о замечательном произведении Романовой «Жатва».

Разумеется, Речнов не пропустил возможность восхвалять апологетические, лживые, бездарные произведения этой недалекой вохровской «писательницы»:

«Битва в пути» – назвала Романова свой известный роман. Писательница избрала героями активных, деятельных людей …., вырабатывающих программу общественной личной жизни. Кстати, широта этой программы пришла к ее героям не сразу. В «Жатве» она показала самоотверженный труд кахов. … Однако конфликты этого романа затрагивают в основном область внутриколхозных и семейных отношений. … Новые качества появляются у положительных героев «Битвы в пути». Они добиваются

эффективных результатов тогда, когда опираются на реальные процессы нашего экономического, общественного развития».

У весьма плодовитого вохровского писателя Ильенбурга Речнов, естественно «замечает» только его наихудшие, лживые, насквозь апологетические произведения:

«Ильенбург писал: книга «День второй» обычно считается поворотом в моей литературной судьбе... Ильенбург с публицистической заостренностью выразил мысль, к которой пришел не он один: вне реального дела личность человека не может раскрыться широко и свободно. … Наша литература осудила абстрактную гуманность прекраснодушного мечтателя…».

Мелкая сошка, вохровский апологет Речнов отмечал, что Фонаревский перерос футуризм. Но каким презрением к народу и обожествлением одного человека звучат приводимые Речновым стихи Фонаревского:

«Бился
об Ильичева темный класс
тек
от него в просветлении.

Подумать только, целый темный класс бился об руководителя чудовищного заговора Ильичева и «просветлялся» (а где были «ученики» Ильичева?).

Так надменный Фонаревский, который благосклонно «хлопал солнце по плечу», унизил народ и обожествил вивисектора.

Правда, почувствовав, что перехватил, пролетарский поэт отнесся милостиво к народу и добавил:

«и, обданный
силой
и мыслью масс,
с классом
рос
Ильичев».

Такова, по Речнову, и по последнему варианту вохровской «истории», жалкая полицейская наследница великой скифской литературы XIX века старой эры. Иной и не может быть «литературы» в тоталитарном, полицейском государстве.

17. Еще раз – автор о вохровской литературе

Великий гуманист и великий писатель Максим Пешкин-Сладкий, автор песни о гордом соколе и изречения «человек – это звучит гордо», в начале Первой великой вохровской революции немного побрыкался.

Он и устно, и в газете «Новая жизнь» возмущался террором, осуществляемым великим Ильичевым и его несколько менее великими учениками и сподвижниками.

Затем Пешкин-Сладкий обиделся на новую власть и уехал жить и творить на некий теплый и чудесный латинский остров в Средиземноморье.

Примерно через десяток лет он вернулся в родное отечество. На этот раз он не хаживал пешком (как в молодые годы) по милому отечеству и не терся среди грузчиков и прочего рабочего и бродячего люда. Может быть, поэтому он не заметил, как величайший ученик Ильичева стал могущественным самодержцем. Как могущественная,вохровская тайная полиция по мановению пальца великого палача Виссарионова, а зачастую по собственному разумению, свирепо истребляла всех действительных, потенциальных и мнимых врагов режима, возглавляемого могущественным самодержцем. Как были

истреблены миллионы крестьян, а оставшиеся в живых тотально ограблены и ввергнуты в крепостное рабство.

Как была резко снижена зарплата рабочих и служащих и последние с помощью высоких розничных цен при почти неизменной денежной зарплате были также долговременно и тотально ограблены. Как недовольство рабочих и служащих было подавлено свирепым виссарионовским террором. Как миллионы рабочих и интеллигенции, а заодно и вохровских бюрократов (для устрашения последних) были истреблены в виссарионовских лагерях.

Ничего рабочий бард и великий гуманист Пешкин-Сладкий не заметил.

Он больше не ходил пешком по стране. Он даже больше не пописывал в «Новой жизни», так как вся вохровская печать давно была унифицирована и существовала только официальная, полицейская пресса.

Зато Пешкин-Сладкий заметил героику и пафос строительства. Так же, как Ильенбург, Шероховатов, Бурнов и многие другие «значительные» вохровские писатели, он не мог не заметить самоотверженного героизма раскулаченных грабарей и зеков. Он не мог не заметить восторженного самозабвенного героизма грабарей и зеков, с которым эти осчастливленные кровожадным семинаристом и столь же кровожадной вохровской тайной полицией тмутараканцы строили железные дороги, шахты, заводы, рубили лес, добывали уголь, руду и прочие полезные ископаемые.

И тогда великого гуманиста Пешкина-Сладкого пронзила гениальная идея. Он предложил всем вохровским литераторам описать историю этого бурного строительства фундамента социализма, проникнутого энтузиазмом, пафосом и героикой осчастливленных грабарей и зеков. Как показано выше, первое поколение вохровских писателей успешно выполнило эту величайшую задачу.

Как сообщает ученый литературовед Речнов в своем блестящем произведении «Полвека вохровской литературы», прославленные зарубежные мастера поднимались на трибуну первого Съезда писателей и тоже славили великую вохровскую литературу и самозабвенный героизм грабарей, зеков и прочих крепостных «самой свободной в мире социалистической страны».

На трибуну поднимались Жан Ширар, Мартин Друксен-Нексе, Вилли Сонель, Луи Агоррон, Иоганес Рюмер, Рафаэль Аблерти и другие.

Ромен Ланро писал растроганные письма стабшовцам, которые с великим энтузиазмом устанавливали мировые рекорды производительности труда.

Великие западные писатели Герберс, Шуо, Ананс так же прочувственно относились к великому героизму вохровских грабарей и зеков. Венчает неистовый восторг скифских вохровских и зарубежных великих писателей восхищенное восклицание необыкновенно «проницательного» гуманиста Лионвангера:

«Да, да, да!», который даже в роковой для вохровского периода 21 г. в.в.э. (по выражению литературоведа Речнова) заметил, как вся Кремлевия и весь вохровский народ дышали счастьем.

Как же могло случиться, что гуманнейшие писатели, олицетворявшие совесть своих народов, унаследовавшие великие традиции гуманнизма девятнадцатого века старой эры, славословили самый жестокий в истории человечества тоталитарный режим?

Над этим вопросом задумываются, по-видимому, немало честных и объективных людей нашей планеты.

Ответить на этот вопрос могут только современники и очевидцы. Потомки едва ли смогут разобраться в этом сложном и запутанном вопросе.

Хотя полицейский литературовед, апологет Речнов и утверждает, что «умному и серьезному художественному исследованию совершенно противопоказано стремление к сенсационному пересмотру истории ради пересмотров», но именно тмутараканцам придется осуществить этот пересмотр и в историческом, и в литературном аспекте.

Иностранцам осуществить этот пересмотр не под силу.

Большинству «жертв» системы западного «загнивающего» капитализма даже трудно будет понять истинную историю вохровской литературы и Государства Тмутараканского, после того, как когда-нибудь эта истинная история будет написана и опубликована какими-нибудь тмутараканцами.

Чем же все-таки объясняется преклонение и восхищение многих несомненно честных, гуманных и старающихся быть объективными писателей вохровским тоталитарным режимом?

Едва ли можно сомневаться в искренности таких зарубежных писателей, как Ланро, Ананса, Шуо, Герберс, Другсен-Нексе, Лионвангера, Пешкин-Сладкого и других.

Попытаемся вникнуть в их психологию.

Для них совершенно очевидной истиной было то обстоятельство, что вохры являются прямыми наследниками бесстрашных поколений борцов за народное счастье, борцов за наступление светлого царства социализма и коммунизма. Много поколений этих бесстрашных борцов боролись за счастье народа и их не останавливали ни тюрьмы, ни каторга, ни виселицы. За последние перед Первой великой вохровской революцией триста лет черного безвременья при самодержавном владычестве царей было репрессировано огромное количество тмутараканских жителей. Триста тысяч репрессированных за какие-нибудь триста лет!! Эта цифра гипнотизировала зарубежных наблюдателей. Ужасы царизма внушали отвращение, и зарубежные гуманные наблюдатели восхищались мужеством репрессированных трехсот тысяч борцов за народное счастье. А тмутараканские вохры являлись прямыми наследниками т преемниками этих бесстрашных борцов за народное счастье. Брат великого Ильичева, вождя вохров, был повешен царскими сатрапами. Сам великий Ильичев побывал в ссылке. Вохровцы были карлсистами и, следовательно, наследниками традиций Жирапской Коммуны.

Все это были факты и только факты.

А вот деятельность тмутараканских вохров была покрыта туманом, сплошным розовым туманом.

Розовым туманом были все более и более совершенствовавшиеся Темкинские деревни. Под этим сплошным розовым туманом очень трудно было рассмотреть стремительное перерождение вохров.

Экономические и политические преступления переродившихся вохров были попросту неправдоподобными.

Как мог поверить простак Лионвангер, что в тот год, когда Кремлевия «дышала счастьем», в 21 г. в.в.э., только в одной вохровской столице было арестовано триста тысяч человек, то есть за один год в одном городе было арестовано столько же людей, сколько за триста лет во всей стране в черное безвременье царизма? Это же было абсолютно неправдоподобно, хотя это и было непреложным фактом!

Как могли знать наивный Лионвангер и ему подобные, что Центральное статистическое Управление Государства Тмутараканского, возглавляющее сотни тысяч статистиков, занимается исключительно строительством Темкинских деревень и что реальная зарплата вохровских рабочих и служащих не повысилась в 21 г. в.в.э. по сравнению с 12 г. в.в.э. на 275%, а снизилась в несколько раз?

Как мог знать простак Лионвангер, что «открытые» процессы, которые ему показывали, перевоспитавшиеся медвежатники, ученые рабочие и кахи, бывшие несколько лет тому назад безграмотными, а ныне свободно изъяснявшиеся на иностранных языках, – чистейшая бутафория?

Вот такая-то смесь сплошных бутафорских Темкинских деревень и неправдоподобие чудовищных политических и экономических преступлений вивисекторов-вохров, недавних социалистов и борцов за народное счастье, ввели в заблуждение зарубежных гуманных писателей.

Значительно сложнее объяснить поведение таких деятелей, как Пешкин-Сладкий. Уж он-то прошел все тмутараканские «университеты». Он видел начало перерождения великих вохровских вождей в первые годы великой вохровской революции, протестовал против «искривлений» и даже надолго уехал за рубеж. Версия о том, что ему надо было лечиться, неправдоподобна. Он был человеком богатым и мог превосходно лечиться на великолепных курортах Государства Тмутараканского.

Пешкина-Сладкина Темкинскими деревнями едва ли можно было бы обмануть.

На все недоуменные вопросы мог бы ответить только сам Пешкин-Сладкий...

«Мировоззрение» старшего и молодого поколения вохровских писателей предельно ясно показано в предыдущих разделах. Они барды Темкинских деревень. Они стали особенно преданными апологетами после того, как Виссарионов и его подручные упекли более шестьсот писателей в систему лагерного перевоспитания.

Однако никакие самые свирепые тоталитарные режимы, даже такие совершенные, как вохровские не смогут навечно заглушить стремление людей и лучших его представителей – писателей – к свободе.

Несмотря на тоталитарное подавление и всяческие бутафорские Темкинские деревни, ростки свободы то и дело прорываются сквозь толстый, жесткий слой тоталитарной почвы. В Государстве Тмутараканском даже оболваненные школьники (двадцать четыре человека) выступают против преследования тех немногих тмутараканских писателей, которые осмеливаются выступать против тоталитаризма. А ведь в Государстве Тмутараканском система оболванивания функционирует уже 50 лет.

После более чем двадцатилетнего подавления свободы в зависимых от Государства Тмутараканского тоталитарных странах ширится движение за свободу слова и отмену тоталитарной цензуры.

Если в Мазурии тысячные студенческие демонстрации подавляются и вохровские полицейские сажают этих студентов в тюрьму, наклеивая на них ярлыки «хулиганов», то в Западной Скифии в результате движения писателей и студентов тоталитарная цензура уступает воле прогрессивных элементов к свободе.

В Югоскифии процесс подрыва тоталитаризма протекает еще интенсивнее.

Следует полагать, что в ближайшие десятилетия либерализация экономической системы будет способствовать либерализации политической жизни и наоборот.

Содержание

Глава IX: О бюрократизме ... 3
I. Энциклопедия Брокгауз и Ефрон, изд. 1891 г. старой эры, о бюрократизме ... 3
2. Энциклопедия «Гранат», изд. 1 г. до в.в.э., о Б. ... 4
3. Вохровские деятели о бюрократизме ... 6
4. Вохры о бюрократизме в послевиссарионовский период ... 45
5. Автор о бюрократизме ... 67
6. Автор об идеальной вохровской схеме бюрократизма ... 76

Глава X: О вохровской демократии, профсоюзах и прочем ... 79
1. Вохры о демократии ... 79
2. Вохры о демократии в послевиссарионовский период ... 91
3. О демократии и законности ... 104
4. Вохры о профсоюзах ... 112
5. Автор о вохровской демократии ... 119

Глава XI: О вохровской опозиции ... 123
1. Ильичевская оппозиция ... 123
2. Децисты и профсоюзная оппозиция ... 140
3. Рабочая оппозиция ... 141
4. Лейбистская и радомысловская оппозиции ... 160
5. «Правая оппозиция» ... 177
6. Лидеры оппозиции становятся на колени, торжество «морально-политического единства» 185
7. Борьба за власть и «морально-политическое единство» ... 194

Глава XII: О народонаселении, народе, друзьях народа, врагах народа, а также о вохрах, зеках, эспах, вээнах и кахах ... 201
1. О народонаселении ... 201
2. О вредителях, шпионах, саботажниках, и прочих извергах ... 207
3. Вохровские историки о вредителях, шпионах и репрессиях ... 235
4. Автор о врагах и друзьях народа, о вохрах, зеках, эспах, а также о вээнах и кахах ... 238

Глава XIII: О Темкинских деревнях, о пророчествах и ребячьих представлениях некоторых вохровских вождей ... 255
1. Темкинские деревни в сельском хозяйстве ... 258
2. Темкинские деревни в промышленности ... 263
3. Темкинские деревни в вопросах производительности труда ... 269
4. Темкинские деревни в вопросах потребления и благосостояния трудящихся ... 271
5. Темкинские деревни в вопросах бюрократии, демократии, истории, науки и техники ... 277
7. О загнивающем капитализме, о голоде и трущобах ... 283
8. О репрессиях в странах загнивающего капитализма ... 290
9. О прочей дезинформации ... 296
10. О буржуазных фальсификаторах истории и глубоко принципиальных карлсистско-ильичевских историках ... 299

11. О добродетельных вохровских Иисусиках, зловещих капиталистических чертях и их агентах – вохровских чертенятах 343
12. Эффективность Темкинских деревень 393
13. О пророчествах и ребячьих представлениях великих вохровских вождей. 411

Глава XIV: О вохровской школе и вохровской литературе 419
1. Вохры о вохровской школе 419
2. Автор о вохровской школе 424
3. О вохровской литературе 427
4. Вохры о вохровской литературе 427
5. Автор о вохровской литературе 441
6. «Поднятая целина» 443
7. «Энергия» 452
8. «Далеко от Кремлевии» 475
9. «Жатва» 484
10. «Искатели» 496
11. «Иду на грозу» 504
12. «Иначе жить не стоит» 511
13. «Дар земли» 523
14. «Секретарь обкома» 533
15. «За Кремлевией-рекой» 549
16. Еще раз – вохры о вохровской литературе 551
17. Еще раз – автор о вохровской литературе 556